

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

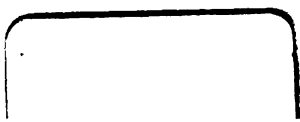
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Mir Bozhii

MICROFILMED

4052

Годъ XI-й.

INDEXEE

№ 5-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

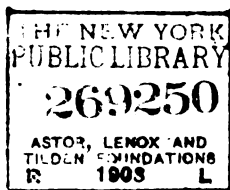
1902
М А Й

1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1902.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27-го апрѣля 1902 года.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	СТР
1. ГОГОЛЬ И БѢЛИНСКІЙ. В. Шенрона.	1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. НА ВЕСЕННЕЙ ЗАРЬ. А. М. Ѳедорова..	14
3. ДРУГЪ ДѢТСТВА. Повѣсть. (Продолженіе). Ольги Шапиръ.	16
4. КАКЪ Я СДѢЛАЛСЯ СКУЛЬПТОРОМЪ. (Изъ моихъ вос- поминаній). (Окончаніе). Ильи Гинцбурга.	46
5. МУРАВЬИ И ТЛИ, ВЪ ИХЪ ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕ- НІЯХЪ (СИМБИОЗЪ), Биологическій очеркъ. А. Мордвили.	73
6. ИЗЪ ДНЕЙ МИНУВШИХЪ. (Съ польскаго). Повѣсть Г. Даниловскаго. Пер. А. И. Я—ъ. (Продолженіе).	91
7. СТИХОТВОРЕНІЕ. ПОБЪЖДЕННЫЕ. (Изъ А. Негри). С. Свиридовой	114
8. ПО АМУРУ И ПРИАМУРЬЮ. (Изъ путевыхъ замѣтокъ 1901 года). Александра Кауфмана.	116
9. ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ. (Окончаніе). С. Ашев- скаго.	133
10. ИТА ГАЙНЕ. Повѣсть. Семена Юшкевича.	156
11. ГОРОДЪ И ДЕРЕВНЯ ВЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ. (Краткій очеркъ экономической исторіи Россіи). (Продолженіе). Приватъ- доц. Н. Рожнова.	182
12. НЕТЕРПѢВІЕ ТОЛПЫ. Графа Виллье-де-Лиль-Аданъ. Пер. съ франц. И. А.	219
13. ИДЕАЛИЗМЪ И МАРКСИЗМЪ. Г. Марелова.	225
14. СТИХОТВОРЕНІЕ. ВЪ НОЧИ БЕЗСОННЫЯ. А. Калин—скаго.	242

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

15. ВИКТОРЪ ПЕТРОВИЧЪ ОСТРОГОРСКІЙ. (Некрологъ). . .	1
16. ПАМЯТИ ВИКТОРА ПЕТРОВИЧА ОСТРОГОРСКАГО. М. Зуб- ловой	8
17. ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ В. П. ОСТРОГОРСКАГО 1856—1902 гг. Д. П. Сильчевскаго.	8
18. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Мѣщане» М. Горькаго.—Старые и молодые представители мѣщанства.—Въ чемъ сущность последняго.—Отцы и дѣти мѣщанства.—Противники мѣщан- ства.—Постановка пьесы въ Художественномъ театрѣ.— Памяти Виктора Петровича Острогорскаго.—Его значеніе.	

какъ одного изъ основателей нашего журнала и редактора его. А. Богдановича.	14
19. ГЛѢБЪ УСПЕНСКІЙ. Вл. Крапихфельда.	26
20. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Изъ провинціальныхъ мотивовъ.—Изъ старыхъ провинціальныхъ мотивовъ.—Обывательская цензура.—Женщина въ дальней тайгѣ.—Въ Финляндіи.—За мѣсяцъ.	52
21. Изъ русскихъ журналовъ. («Русская Старина»—апрѣль. «Образованіе»—мартъ).	65
22. За границей. Настроеніе въ Англіи.—Германскіе общественные вопросы.—Бельгійскій общественный дѣятель.—Величайшее въ мірѣ акціонерное общество.—Театръ для дѣтей въ Америкѣ.—Китайскія тайныя общества.	72
23. Изъ иностранныхъ журналовъ. Дѣтскій трудъ и дѣтская преступность.—Болѣзни въ литературныхъ произведеніяхъ.—Очерки ваппингтонскаго общества.—Большая Англія.	84
24. СОСЛОВНАЯ ЧЕСТЬ. (Письмо изъ Берлина). П. Ш—ва.	88
25. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. Электрохимическія производства. В. А.	93
26. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. О вѣковыхъ колебаніяхъ земного магнетизма.—Микроскопическія наблюденія надъ ростомъ кристалловъ.—Электричество въ растеніяхъ. В. А.	106
27. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика.—Исторія литературы и критика.—Исторія всеобщая и русская.—Политическая экономія и социологія.—Медицина и гигиена.—Публицистика.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.	110
28. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.	142

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

27. ДОСТОПОЧТЕННЫЙ ПИТЕРЪ СТЕРЛИНГЪ. Романъ П. Л. Форда. (Продолженіе). Переводъ съ англійскаго Л. Я. Сердечной.	113
28. ИЗЪ ГЛУБИНЪ ОКЕАНА. Описаніе путешествія первой германской глубоководной экспедиціи Карла Куна. (Продолженіе). Переводъ съ нѣмецкаго П. Ю. Шмидта. Съ многочисл. рисунками.	111

ГОГОЛЬ И БЪЛИНСКІЙ.

I.

«Пусть вы или само время докажетъ мнѣ, что я заблуждался въ моихъ объ васъ заключеніяхъ», говорилъ Гоголю Бѣлинскій въ своемъ знаменитомъ письмѣ, переполненномъ горячими и страстными филиппиками. «Я первый—продолжалъ онъ,—порадуюсь этому, но не раскаюсь въ томъ, что сказалъ вамъ». Въ этихъ немногихъ строкахъ передъ нами, какъ живой, нашъ незабвенный критикъ. Мы узнаемъ его благородную, открытую душу и беззаветную преданность истинѣ и убѣжденіямъ. Чуждый мелкихъ побужденій зависти или личной злобы, онъ тѣмъ не менѣе по страстности своей натуры и способности увлекаться не былъ застрахованъ отъ ошибокъ, въ которыхъ потомъ охотно сознавался. Зная эту свою черту, онъ можетъ поручиться лишь за то, что никогда не отступитъ отъ дорогихъ для него убѣжденій, что не едѣется никогда реакционеромъ и угодникомъ сильныхъ міра; но въ минуту самаго крайняго увлеченія гнѣвомъ и самаго иступленнаго негодованія чувство справедливости подсказываетъ ему, что, несмотря на слишкомъ распространенные невыгодные слухи о Гоголѣ, возможна и ошибка, и онъ тутъ же съ радостью выражаетъ готовность взять обратно свое мнѣніе о немъ, какъ о человѣкѣ, если увидитъ, что оно невѣрно.

Но немногія приведенныя строки Бѣлинскаго заслуживаютъ серьезнаго вниманія еще и по другимъ причинамъ. Прежде всего не надо забывать, что письмо это получило такое значеніе, котораго не ожидалъ и на которое никакъ не могъ рассчитывать Бѣлинскій, слѣдовательно, онъ вообще не бралъ на себя строгой отвѣтственности за каждое слово и выраженіе въ той степени, какую налагаетъ печать, да и тутъ еще отчасти говорить условно. Между тѣмъ, совсѣмъ не предвзвѣченное для печати, вдохновенное и правдивое слово, подверглось чрезвычайной огласкѣ и распространенію. При томъ вылившееся въ необыкновенно яркую и опредѣленную форму, оно получило значеніе манифестаціи и даже завѣта потомству, чему особенно способствовало то, что по волѣ судьбы письмо это оказалось послѣднимъ его словомъ о Гоголѣ и такъ и осталось навѣки скрѣпленнымъ печатью времени, тогда какъ оно отражало еще не успокоившееся, слѣдова-

тельно переходное настроеніе и было вызвано случайной причиною— только что полученнымъ письмомъ отъ огорченнаго его рецензиею Гоголя. «Неожиданное полученіе вашего письма,—говорить Бѣлинскій Гоголю,—дало мнѣ возможность высказать вамъ все, что лежало у меня на душѣ противъ васъ, по поводу вашей книги. Я не умѣю говорить въ половину, не умѣю хитрить — это не въ моей натурѣ», и именно вслѣдъ за этимъ онъ говоритъ приведенныя выше слова. Слѣдовательно, нельзя отрицать возможности, что Бѣлинскій, какъ натура въ высшей степени живая и впечатлительная, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ человѣкъ идеальной честности, всегда готовый жертвовать истинѣ личнымъ самолюбіемъ, могъ бы и отказаться отъ части высказанныхъ мнѣній о Гоголѣ, если бы представились вѣскія основанія для того взгляда. Поэтому, нисколько не оскорбляя глубоко чтимой нами памяти этого величайшаго рыцаря чести и правды и лучшаго изъ лучшихъ людей Россіи и безусловно отказываясь отъ малѣйшей тѣни солидарности съ новѣйшими панегиристами «Переписки съ друзьями», мы теперь, на основаніи достовѣрныхъ данныхъ, можемъ положительно утверждать, что мнѣніе Бѣлинскаго о личности Гоголя и о степени искренности его убѣжденій было въ самомъ дѣлѣ весьма ошибочно, хотя въ то же время это нимало не обязываетъ насъ считать его неправымъ по существу. Дѣло въ томъ, что какъ при жизни Гоголя, такъ и послѣ его смерти, несомнѣнно существовавшая иногда неискренность Гоголя въ личныхъ отношеніяхъ не разъ подавала поводъ къ невѣрному заключенію и о неискренности высказываемыхъ имъ взглядовъ и убѣжденій, тогда какъ это надо строжайшимъ образомъ различать. Если бы Бѣлинскій, проживъ десятью годами дольше, могъ застать исполненное Кулишомъ изданіе писемъ Гоголя, то, при ближайшемъ ознакомленіи съ его личностью, онъ, вѣроятно, убѣдился бы въ томъ, что отовсюду посыпавшіяся на Гоголя упреки за неискренность и лицемеріе «Переписки съ друзьями» были совершенно неосновательны. Какъ человѣкъ высокаго благородства и истинный идеалистъ, онъ, вѣроятно, взялъ бы назадъ часть своихъ рѣзкихъ обличеній, нѣкогда такъ беспощадно брошенныхъ Гоголю «въ бровь, а въ глазъ», но это касалось бы исключительно вопроса объ искренности его любимаго писателя, а не порицанія общаго смысла «Переписки съ друзьями». Раскаяваться пришлось бы развѣ въ неумѣренной жестокости тона, умѣстной въ томъ случаѣ, если бы, какъ онъ предполагалъ, книга эта была плодомъ притворства и рассчитаннаго лицемерія. Но изданіе писемъ Гоголя вышло въ свѣтъ послѣ смерти Бѣлинскаго, и не ему, а преемнику его на поприщѣ критики Чернышевскому выпало на долю впервые разъяснить въ «Очеркахъ гоголевскаго періода русской литературы» вопросъ о неправильно предполагаемомъ въ Гоголѣ переломѣ и показать, какъ несправедливы были толки объ его измѣнѣ прежнему направленію, о лицемеріи и т. п. Однако, глубокое впечатлѣніе, произведенное страстнымъ в поистинѣ громовымъ письмомъ Бѣлинскаго, потребовало бы для уравниженія

если не такого же пламеннаго и страстнаго тона, то, во всякомъ случаѣ, не меньшей колоритности и захватывающей увлекательности. Но для этого, конечно, не было и не могло быть данныхъ въ непритязательной статьѣ Чернышевскаго, вовсе не желавшаго и не имѣвшаго ни малѣйшаго повода противопоставлять свое заключеніе взгляду Бѣлинскаго, безъ сомнѣнія въ общемъ считаемою имъ вполне справедливымъ. Его умѣренное и спокойное слово, хотя и безусловно вѣрное, прошло безслѣдно для такъ называемой большой публики и было выслушано лишь горстью любителей и изслѣдователей литературы въ болѣе тѣсномъ смыслѣ.

II.

Итакъ, недостатокъ личнаго знакомства съ Гоголемъ помѣшалъ Бѣлинскому и многимъ современникамъ распознать, въ чемъ именно заключались неискренность Гоголя, и матеріалы для разъясненія этого вопроса естественно стали появляться позднеѣ. Поэтому, намъ надо прежде всего рассмотреть, насколько намъ позволяютъ скудные данныя, все, чтѣ извѣстно о личныхъ отношеніяхъ Бѣлинскаго къ Гоголю.

Прежде всего надо замѣтить, что всѣ ихъ отношенія почти ограничивались нѣсколькими встрѣчами у общихъ знакомыхъ, и хотя тѣмъ не менѣе они скоро переступили предѣлы номинальнаго знакомства и дѣло началось, повидимому, клониться къ взаимному сближенію, но оно не состоялось, и постепенно между ними стала обозначаться разнь и натянутость, которыя повели потомъ къ глубокому внутреннему отчужденію.

Въ первый разъ они, кажется, видѣлись въ 1835 году, въ Москвѣ, у Аксаковыхъ. С. Т. Аксаковъ по ошибкѣ приурочиваетъ этотъ фактъ къ 1834 г., но память, очевидно, на этотъ разъ измѣнила ему, такъ какъ Гоголь былъ въ Москвѣ не въ этомъ, а въ слѣдующемъ году. Такъ какъ Бѣлинскій жилъ въ тѣ годы въ Москвѣ, а Гоголь лишь однажды, и то на самый короткій срокъ, пріѣзжалъ въ Москву лѣтомъ 1832 г. и потомъ еще разъ былъ проездомъ на обратномъ пути въ октябрѣ того же года, то весьма трудно допустить, чтобы уже тогда могло произойти его знакомство съ малоизвѣстнымъ тогда Бѣлинскимъ. Въ 1835 г., какъ рассказываетъ С. Т. Аксаковъ въ своей «Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ», въ назначенный день, въ домѣ С. Т. Аксакова должно было происходить чтеніе «Женитьбы», которое, впрочемъ, не состоялось, и въ числѣ приглашенныхъ гостей были Станкевичъ и Бѣлинскій, въ то время еще часто посѣщавшій Аксаковыхъ. С. Т. Аксаковъ съ сожалѣніемъ прибавляетъ, что въ этотъ пріѣздъ Гоголя между ними сближенія еще не послѣдовало, и, слѣдовательно, тѣмъ менѣе можно допустить, что тогда уже установи-

*

лись какія-либо опредѣленные отношенія Гоголя къ Бѣлинскому. Послѣ этого, до іюня 1836, т. е. до отъѣзда Гоголя за границу, живя въ разныхъ городахъ, Гоголь и Бѣлинскій не могли встрѣтиться, и переписки между ними не было; не встрѣтились и не переписывались они также и въ слѣдующіе года до возвращенія Гоголя въ Россію, въ 1839 г., когда собственно и началось ихъ знакомство—уже въ Петербургѣ, куда, какъ извѣстно, переселился тогда Бѣлинскій. Они стали встрѣчаться у общихъ знакомыхъ—у Прокоповича, Комарова и, вѣроятно, у Аннеккова. Хотя намъ совершенно неизвѣстно никакихъ подробностей объ этомъ фазисѣ ихъ отношеній, но мы знаемъ, напримеръ, что Бѣлинскому чрезвычайно нравилось мастерское чтеніе Гоголя, которое онъ, конечно, слышалъ не разъ. Съ другой стороны, въ перепискѣ Гоголя съ Прокоповичемъ сохранились кое-какіе неясные и мимоетные слѣды ихъ отношеній,—уже не настолько поверхностныхъ, чтобы они только цомнили другъ друга въ лицо, но и не довольно близкихъ, такъ какъ мы знаемъ, что Гоголь провелъ тогда въ Петербургѣ всего какой-нибудь мѣсяцъ. Весьма возможно, что они, встрѣчаясь не разъ у общихъ знакомыхъ, провели вмѣстѣ нѣсколько вечеровъ. Уже къ этому времени, вѣроятно, можно отнести начало нѣкоторой привязанности Бѣлинскаго къ Гоголю, о которой онъ такъ говоритъ въ своемъ письмѣ: «Я васъ любилъ со всею страстью, какъ человѣкъ, кровью связанный со своею странюю, можетъ любить ея надежду, честь и славу, одного изъ великихъ вождей ея на пути сознанія, развитія и прогресса». Въ слѣдующій пріѣздъ Гоголя въ Россію, когда онъ жилъ въ Москвѣ у Погодина и собирался отослать въ Петербургъ для представленія въ цензуру рукопись перваго тома «Мертвыхъ душъ», онъ увидѣлся съ проѣзжавшимъ черезъ Москву Бѣлинскимъ и поручилъ ему передать рукопись. Сношенія Гоголя съ Бѣлинскимъ по этому дѣлу велись тайно и держались въ строжайшемъ секретѣ, что не помѣшало; однако, скорому распространенію слуховъ объ нихъ. С. Т. Аксаковъ, тогда уже весьма непріязненно относившійся къ Бѣлинскому, такъ рассказываетъ объ этомъ: «Случилось что-то такое, чего я теперь объяснить не умѣю. Гоголь хотѣлъ послать первый томъ «Мертвыхъ душъ» въ Петербургъ къ Жуковскому или къ графу Віельгорскому, для того, чтобы найти возможность представить ее прямо къ государю: ибо всѣ мы думали, что обыкновенная цензура его не пропуститъ. Вдругъ Гоголь перемѣнилъ свое намѣреніе и послалъ рукопись въ Петербургъ прямо къ цензору Никитенко и, кажется, послалъ съ Бѣлинскимъ, который пріѣзжалъ на короткое время въ Москву, секретно отъ насъ, потому что въ это время мы всѣ уже терпѣть не могли Бѣлинскаго, переѣхавшаго въ Петербургъ для сотрудничества въ изданіи «Отечественныхъ Записокъ». Аксаковъ не ошибся въ своемъ предположеніи; но впоследствии, когда рукопись «Мертвыхъ душъ» застряла въ цензурѣ, Гоголь, не зная, чѣмъ объ

яснить непонятную и досадную затяжку, началъ было уже подозрѣвать Бѣлинскаго въ неаккуратности насчетъ доставки. Онъ писалъ его общему съ Бѣлинскимъ другу Прокоповичу въ видѣ предположенія, что, можетъ быть, «Бѣлинскій невѣрный человекъ и не передалъ во-время писемъ и тетради». Зная Бѣлинскаго съ хорошей стороны преимущественно по отзывамъ Прокоповича, Гоголь ему и высказываетъ зародившееся сомнѣніе въ Бѣлинскомъ. При встрѣчахъ Бѣлинскаго съ Гоголемъ, безъ сомнѣнія, не могло не обозначиться искреннее сочувствіе и уваженіе знаменитаго критика къ гениальному писателю. Но съ одной стороны, Гоголь былъ склоненъ принимать энтузіазмъ Бѣлинскаго, какъ подобающую дань, и широко пользоваться услугами оказываемой ему пріязни, а съ другой—надо думать, что самый фактъ секретной отъ друзей передачи рукописи и тайныхъ сношеній едва ли могъ придтись по душѣ такому прямому человекъ, какъ Бѣлинскій. Получивъ письмо отъ Бѣлинскаго, Гоголь, напримѣръ, отвѣчаетъ не ему, а проситъ Прокоповича передать: «не пишу, потому что минуты не имѣю времени, а потому что, какъ онъ самъ знаетъ, обо всемъ нужно потрактовать и поговорить лично, что мы и сдѣлаемъ въ нынѣшній проѣздъ мой черезъ Петербургъ», т.-е. на обратномъ пути въ Италію, въ 1842 г. Но въ Петербургѣ Гоголю удалось пробыть недолго и онъ былъ такъ обремененъ разными спѣшными хлопотами, что едва ли могъ выполнить свое намѣреніе относительно свиданія съ Бѣлинскимъ, и если они видѣлись, то развѣ мелькомъ и не надолго. Однако, несмотря на то, что Бѣлинскій при встрѣчахъ еще дружески относился къ Гоголю и не только не отказывался отъ исполненія его просьбъ и порученій, но даже просматривалъ корректуру порученнаго Прокоповичу изданія его сочиненій, но уже въ душу Бѣлинскаго проникла и стала отчасти обозначаться какая-то неудовлетворенность, какое-то зерно недовольства Гоголемъ. Ему чувствовался въ Гоголѣ недостатокъ простоты и искренности, что, при величайшей симпатіи къ нему, какъ къ писателю, отталкивало отъ него, какъ человекъ. Все это обнаружилось въ слѣдующихъ строкахъ его къ Боткину: «Я къ Гоголю послалъ письмо, которое думалъ доставить черезъ тебя, но, полагая, что эта тетрадь не будетъ отослана, послалъ сегодня по почтѣ. Прилагаю черновое: изъ него ты увидишь, что я повернулъ круто—оно и лучше: къ чорту ложныя отношенія—знай нашихъ—и люби, уважай; а не любишь, не уважаешь—не знай совсѣмъ. Постарайся черезъ Щепкина узнать объ эффектѣ письма». Къ сожалѣнію, ни самое письмо, ни черновая не сохранились. Но еще 15-го мая 1842 г. такое письмо не было получено Гоголемъ, что видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго порученія Гоголя Прокоповичу: «Попроси Бѣлинскаго, чтобы сказалъ что-нибудь о книгѣ въ немногихъ словахъ, какъ можетъ сказать не читавшій ея». Послѣ этого Гоголь уѣхалъ за границу и до самаго столкновенія по

поводу «Переписки съ друзьями» между нимъ и Бѣлинскимъ не было никакихъ отношеній.

III.

Такимъ образомъ, если Гоголь оставался загадкой и для близкихъ людей, то понятно, что его внутренній міръ былъ совершенно закрытъ для Бѣлинскаго, знавшаго его слишкомъ мало, но уже успѣвшаго вынести изъ личныхъ сношеній впечатлѣніе далеко не въ пользу Гоголя. Онъ могъ только убѣдиться относительно его, что Гоголь представляетъ собой не то, чего онъ ожидалъ.

Но дѣло въ томъ, что, при своей неискренности въ отношеніяхъ къ людямъ, совершенно нельзя допустить, при ближайшемъ знакомствѣ съ личной перепиской Гоголя, чтобы онъ былъ неискрененъ въ высказываемыхъ имъ взглядахъ и убѣжденіяхъ уже въ виду того, что, высказывая ихъ, онъ нигдѣ не противорѣчитъ себѣ: лицемеръ не могъ бы всегда и вездѣ быть послѣдовательнымъ въ словахъ и гдѣ-нибудь его лицемеріе непременно всплыло бы наружу. Съ тѣхъ поръ, какъ Чернышевскій первый признавалъ искренность и послѣдовательность взглядовъ Гоголя, высказываемыхъ имъ въ «Перепискѣ», чѣмъ больше въ теченіе цѣлаго столѣтія появлялось въ печати писемъ гениальнаго писателя, тѣмъ блистательнѣе подтверждалось это заключеніе. Въ редактированномъ нами послѣднемъ изданіи писемъ Гоголя мы сочли своей непремѣнной обязанностью приводить множество сопоставленій одинаковыхъ и сходныхъ мыслей, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ «Переписки», и мы вполне увѣрены, что всякій, кто безпристрастно отнесется къ данному вопросу, какъ сумѣлъ уже полвѣка назадъ отнестись къ нему Чернышевскій, непремѣнно придетъ къ тому же заключенію: Гоголь бывалъ неискренъ въ практической жизни и въ личныхъ отношеніяхъ, но онъ имѣлъ полное право сказать свои безсмертные слова, что «съ словомъ слѣдуетъ обращаться честно».

Но Бѣлинскій, какъ натура страстная и порывистая, былъ охваченъ по прочтеніи «Переписки» такимъ бурнымъ пламенемъ негодованія и кипѣлъ такимъ неудержимымъ желаніемъ бойца сильнѣе поразить и испровергнуть ложь и тьму, какія чувствовались ему въ этой книгѣ, что ему было не до завышиванія выраженій, направленныхъ противъ автора: онъ хотѣлъ высказаться какъ можно рѣшительнѣе и сильнѣе. Здѣсь конечно, личное неблагоприятное впечатлѣніе, вынесенное нѣсколько лѣтъ назадъ изъ знакомства съ Гоголемъ и, казалось, находившее подтвержденіе въ носившихся тогда слухахъ, могло также сыграть извѣстную роль: вѣдь еще прежде онъ хотѣлъ черезъ Щепкина узнать объ эффектѣ какого-то, очевидно, неестнаго для Гоголя письма. Новые слухи могли только разжигать его глубоко возмущенное чувство, хотя они въ значительной степени были невѣрны и частью даже не-

лѣпы. При томъ, когда Бѣлинскій писалъ свое письмо, то, какъ онъ и самъ говоритъ, для него на первомъ планѣ были мысли о Россіи и судьбахъ русскаго просвѣщенія и литературы и онъ несравненно меньше думалъ о личности Гоголя, на котораго онъ теперь съ горечью смотрѣлъ, какъ на погибающую великую силу горячо любимой литературы. Гнѣвъ Бѣлинскаго усиливался обманутыми надеждами, рѣзкимъ противорѣчіемъ съ тѣмъ свѣтлымъ образомъ гуманнаго и передового писателя, котораго онъ заранѣе полюбилъ «со всею страстью, какъ человѣкъ, кровью связанный со своею страню, можетъ любить одного изъ великихъ вождей ея на пути сознанія, развитія и прогресса». Къ тому же Бѣлинскій страшился вреднаго дѣйствія книги, какъ онъ говоритъ, «не столько на публику, сколько на цензуру и правительство», и чѣмъ больше было основанийъ для такихъ опасеній, тѣмъ сильнѣе должно было отразиться на совершенно неповинномъ въ данномъ случаѣ авторѣ, которому пришлось тутъ же пострадать и самому отъ того же режима. Въ глазахъ Бѣлинскаго проповѣдь Гоголя по узкости защищаемыхъ принциповъ была непостыднымъ преступленіемъ передъ цѣлою страной, и онъ съ горячностью крайняго ожесточенія бросился защищать свою святыню, свои кровныя убѣжденія, которыя были для него дороже жизни.

IV.

Письмо Бѣлинскаго увлекало и продолжаетъ увлекать неотразимой силой воодушевленія и энергическимъ честнымъ протестомъ особенно противъ язвы крѣпостнаго права. Онъ громялъ здѣсь весь глубоко антипатичный ему и всѣмъ передовымъ его современникамъ строй дореформенной крѣпостнической Руси и оказался блистательнымъ публицистомъ, такъ что письмо его сдѣлалось навсегда историческимъ фактомъ, какъ выраженіе горячо прочувствованнаго протеста противъ варварства и застоя. Поэтому, несмотря на нѣкоторыя излишества и преувеличенія, оно затрогиваетъ за живое и донынѣ cadaго друга прогресса.

Надо только подумать, какое роковое значеніе имѣли въ этой страшной драмѣ въ сущности совершенно постороннія для Гоголя, но сами по себѣ въ высшей степени важныя обстоятельства, въ которыхъ, впрочемъ, Гоголь былъ нисколько не виноватъ. Прежде всего виновата была эпоха, и появивсь «Переписка» въ болѣе свѣтлое и отрадное время, напр., въ «эпоху великихъ реформъ», книга не встрѣтила бы сочувствія, но и не вызвала бы такого ожесточеннаго протеста. Самъ Бѣлинскій не ополчился бы противъ нея съ такою запальчивостью и не ударилъ бы такъ громко въ набатъ, а современное общество и потомство на этотъ боевой кличъ, на этотъ вопль гнѣва и негодованія не отозвалось бы съ такимъ задушевымъ сочувствіемъ и горячей благодар-

ностью. Каждая строка знаменитаго письма проникала въ самое сердце, читателя, потому что дышала правдой и несокрушимымъ убѣжденіемъ. Но Гоголь въ значительной степени явился здѣсь не въ пору подвернувшейся жертвой, затронувъ въ своей «Перепискѣ» жгучіе вопросы и заявляя притязаніе поучать приблизительно въ духѣ той самой системы, которая была такъ ненавистна.

Сходные съ гоголевскими взгляды высказывалъ печатно и Жуковский и многіе другіе, но въ небольшихъ статьяхъ и въ умѣренномъ тонѣ. Гоголь же, въ свою очередь глубоко проникнутый извѣстными убѣжденіями, выступилъ самоувѣренно и притязательно, чѣмъ навлекъ на себя грозу, сдѣлавшись главнымъ фокусомъ нападеній и принявъ на свои плечи бремя ответственности за цѣлое знамя. Здѣсь, несомнѣнно, произошли не малыя недоразумѣнія: то, что для Гоголя было самымъ существеннымъ и святымъ, слишкомъ мало могло заинтересовать Бѣлинскаго, и наоборотъ, противъ чего Бѣлинскій готовъ былъ ратовать до изступленія, особенно относительно положенія и судьбы крѣпостныхъ крестьянъ, и что было для него самымъ важнымъ и дорогимъ, то въ глазахъ Гоголя вовсе не выступало на первый планъ просто потому, что онъ былъ поглощенъ совсѣмъ иными вопросами и интересами. Поэтому, Бѣлинскій придалъ колоссально преувеличенное значеніе нѣкоторымъ случайнымъ обмолвкамъ въ данномъ отношеніи Гоголя. Правда, обмолвки эти выдавали общій уровень взглядовъ его, но и тутъ его вина заключалась только въ томъ, что, не возвысившись надъ понятіями вѣка, онъ взялъ на себя публичное поученіе.

V.

Бѣлинскій съ своей точки зрѣнія имѣлъ полное основаніе возмутиться отдѣльными мыслями и выраженіями статьи «Русскій помѣщикъ», но онъ несправедливо заподозрилъ Гоголя въ крѣпостничествѣ и рѣшился осыпать его такими выраженіями, какъ проповѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества и панегиристъ татарскихъ нравовъ. Люди, податливые на чужое мнѣніе, вслѣдъ за Бѣлинскимъ, безапелляціонно и безъ провѣрки записали Гоголя въ крѣпостники. Впрочемъ, и не только такіе люди. Вотъ что сказалъ Добролюбовъ: «Даже знаменитый писатель, отъ котораго ведетъ свое начало современное направленіе литературы, писалъ къ помѣщику совѣты о томъ, какъ ему побольше наживать отъ мужиковъ денегъ, и совѣтовалъ для этого называть мужика бабою, неумытымъ рыломъ и т. п. Бить не совѣтовалъ только потому, что «мужика этимъ не проймешь: онъ къ этому уже привыкъ».

Между тѣмъ, во всей частной перепискѣ Гоголя и въ извѣстныхъ фактахъ его біографіи, собираемыхъ теперь уже полстолѣтія, мы рѣшительно нигдѣ не встрѣчаемъ подтвержденія этому, а наоборотъ, скорѣе находимъ данныя, свидѣтельствующія о противномъ. Взглядъ

Гоголя на крѣпостное право сволится въ сущности къ тому, что «гѣсть власти, аще не отъ Бога» и что «помѣщикъ долженъ смотрѣть во всё глаза за мужиками и повелѣвать ими, заставляя, приказывая дѣлать хорошо дѣло» и такъ «говорить съ ними, чтобы они видѣли, что, исполняя дѣло помѣщицье, они съ тѣмъ вмѣстѣ исполняютъ и Божье». Этотъ взглядъ выраженъ въ письмѣ къ матери и сестрамъ отъ 1-го мая 1845 г., замѣчательномъ потому, что въ этомъ безусловно искреннемъ и интимномъ письмѣ Гоголь наиболѣе обстоятельно и опредѣленно высказываетъ свой взглядъ на интересующій насъ вопросъ и при томъ до столкновенія съ Бѣлинскимъ. Отношенія Гоголя къ крѣпостнымъ выразились также въ слѣдующемъ упрекѣ Аннѣ Михайловнѣ Вельгорской: «Крестьяне насъ кормятъ, называя насъ же своими кормильцами, а намъ некогда даже и взглянуть на нихъ», но эти строки относятся уже къ болѣе позднему времени. Въ дѣйствительности, ни самъ Гоголь, ни его родные и родственники вовсе не были крѣпостниками, хоть не столько по принципу, сколько по личнымъ свойствамъ характера. При томъ, если бы возмущившіе Бѣлинскаго взгляды представляли какую-нибудь опредѣленную систему и выраженія не были случайными, то они непремѣнно, какъ и всѣ другіе его задушевные взгляды, неоднократно были бы повторены имъ въ разныхъ варіаціяхъ во многихъ другихъ мѣстахъ его личной переписки, а между тѣмъ мы напрасно стали бы искать къ нимъ параллелей, обыкновенно слишкомъ частыхъ во всѣхъ другихъ случаяхъ. Бѣлинскаго крайне возмутили совѣты Гоголя помѣщику назвать мужика «неумытымъ рыломъ» и угрозы не бить его, потому что «сѣздить его въ рожу еще не большое искусство». Выраженія эти очень грубыя, но дѣло въ томъ, что здѣсь въ Гоголѣ говорить, такъ сказать, человѣкъ, *воспитанный на крѣпостномъ правѣ*, а вовсе не лично крѣпостникъ, что составляетъ огромную разницу и что доказывается уже тѣмъ, что онъ, напротивъ, хотѣлъ удержать помѣщика отъ побоевъ.

Бѣлинскому въ данномъ случаѣ было не до Гоголя лично, его справедливо возмущала убійственная и поворная язва русской жизни, въ которой въ сущности Гоголь былъ виноватъ ровно столько же, сколько все населеніе тогдашней Россіи.

VI.

Если Бѣлинскій, какъ современникъ, могъ справедливо осуждать Гоголя за то, что онъ, какъ гениальный человѣкъ, не сталъ выше своего вѣка, то съ безпристрастной точки зрѣнія потомство обязано принять во вниманіе слѣдующія соображенія. Всякая гениальная личность становится на ту высоту, на которой она представляется современникамъ и потомству, благодаря огромному множеству благоприятныхъ вліяній, безъ которыхъ многое въ ней заглухло бы и пропало

даромъ. Такъ и Бѣлинскій чрезвычайно многимъ обязанъ хотя бы московскому университету и кружку Станкевича, своему собственному разностороннему чтенію и постоянному общенію мыслей съ друзьями, передовыми людьми вѣка, наконецъ, знакомству, благодаря имъ, съ нѣмецкой философіей и т. д. Чернышевскій сказалъ, что Гоголю можно было бы возразить, что онъ читалъ не тѣ книги, какія нужно. Но смыслъ этихъ словъ надо значительно расширить, распространяя его также на бесѣды, встрѣчи и многое другое. Укажу слѣдующій примѣръ. Всякому приходится переживать минуты апатіи, разочарованія, сомнѣнія въ успѣхѣхъ своихъ стремленій и въ самомъ себѣ. Однажды въ такомъ настроеніи находился Грановскій. Другъ его Станкевичъ ободрялъ его слѣдующими словами: «Мужество, терпѣніе, Грановскій! Твой предметъ—жизнь человѣчества; ищи же въ этомъ человѣчествѣ образа Божія. Тысячу разъ бросишь ты книги, тысячу разъ отчаешься и снова исполнишься надеждъ; но вѣрь, вѣрь и иди путемъ своимъ!» Какія простые слова, а какое въ нихъ огромное значеніе, когда вспомнишь, что сказаны они не какимъ-нибудь фразеромъ, а высокимъ идеалистомъ и такимъ убѣжденнымъ человѣкомъ, какъ Станкевичъ. И если Рудинъ способенъ забросить добрыя сѣмена въ душу зауряднаго Басистова, то сколько прекраснаго производило взаимное общеніе такихъ даровитыхъ личностей, какъ Бѣлинскій, Станкевичъ, Герценъ, Грановскій и другіе! По особенностямъ своей натуры, Бѣлинскій мучительно добивался истины въ общеніи взглядовъ и спорахъ и уже потомъ говорилъ съ публикой, тогда какъ Гоголь искалъ истины въ одиночку, на свой страхъ и въ одностороннемъ чтеніи, потомъ въ кругу близкихъ людей являлся скорѣе учителемъ, чѣмъ собесѣдникомъ, и наконецъ, сразу выступилъ съ всенароднымъ поученіемъ. Но оказалось, что силы самаго гениальнаго ума недостаточно безъ дружнаго содѣйствія мысли многихъ другихъ людей. Впрочемъ, во всю жизнь судьба странно распорядилась имъ: сознавая въ себѣ огромныя природныя силы, Гоголь, подобно многимъ, часто ошибался въ выборѣ способовъ примѣненія. Юношей онъ мечталъ о необыкновенныхъ успѣхахъ на поприщѣ государственной службы, но эта надежда была разрушена на самыхъ первыхъ порахъ, онъ лишь между прочимъ начинаетъ писать повѣсти, и онѣ имѣютъ громадный успѣхъ, ему кажется, что онъ имѣетъ призваніе къ наукѣ и къ педагогической дѣятельности—и это не оправдывается; пока онъ сравнительно неглубоко смотрѣлъ на свое настоящее призваніе, онъ создавалъ величайшія произведенія; онъ начинаетъ подъ влияніемъ Пупкина серьезно вдумываться въ него и уже не развлекается постороннею дѣятельностью—и спустя непродолжительное время талантъ его начинаетъ падать, и онъ жестоко страдаетъ нравственно; наконецъ, выступаетъ въ качествѣ учителя жизни съ глубоко прочувствованнымъ словомъ и съ искреннѣйшимъ желаніемъ принести пользу... и терпитъ рѣшительное фіаско!

Гоголь высказывалъ и защищалъ въ «Перепискѣ» свои собствен-

ные взгляды, во многомъ совпавшіе съ тогдашними официальными принципами, потому что они вытекали изъ той же основы и изъ тѣхъ же традицій, но вовсе не по желанію угодить или попасть въ тонъ, да въ тонъ они и не попали, потому что все-таки оказались слишкомъ широкими и смѣлыми. Между тѣмъ, какихъ только обвиненій не посыпалось на голову Гоголя. Самая гениальность Гоголя и занятое имъ высокое мѣсто въ литературѣ чрезвычайно и справедливо увеличивали его отвѣтственность за каждое неосторожное слово, за каждую невѣрно взятую ноту и даже за то, что онъ вовсе не думалъ сказать, но что можно съ натяжкой вывести изъ его словъ, злоупотребляя его авторитетомъ, какъ и теперь подъ его авторитетнымъ флагомъ иной разъ проповѣдуются антипрогрессивныя идеи. Вотъ чего и боялся Бѣлинскій. Но Гоголь нравственно не былъ виноватъ ни передъ кѣмъ, какъ не виноватъ и передъ собственной совѣстью.

Указавъ на возмутительныя безобразія крѣпостного права, Бѣлинскій говоритъ: «И въ это-то время (т.е. во второй половинѣ сороковыхъ годовъ, при господствовавшемъ тогда режимѣ) великій писатель, который дивно-художественными и глубокомысленными твореніями такъ могущественно содѣйствовалъ самосознанію Россіи, давъ ей возможность взглянуть на себя самое, какъ въ зеркалѣ, является съ книгою, въ которой, во имя Христа и церкви, учить варвара-помѣщика наживать отъ крестьянъ побольше денегъ, ругая ихъ «неумытыми рылами». Но вѣдь Гоголь совсѣмъ не представлялъ помѣщика непременно варваромъ, такъ какъ надѣялся найти въ этой средѣ людей, подобныхъ Костанжогло, и лишь неосторожно обмолвился возмущившими Бѣлинскаго словами, вовсе не думая сосредоточить въ нихъ суть поученій. Между тѣмъ, именно за нихъ Бѣлинскій сказалъ ему: «Да если бы вы обварили покушеніе на мою жизнь, и тогда бы я не болѣе возненавидѣлъ васъ, какъ за эти позорныя строки». Въ другомъ мѣстѣ письма Бѣлинскій говоритъ о русской публикѣ, что она, «всегда готовая простить писателю книгу плохую, никогда не проститъ ему зловредной книги».

VI.

Для Бѣлинскаго вопросъ объ искренности Гоголя былъ весьма второстепеннымъ. На его нервную и впечатлительную натуру особенно подѣйствовали тѣ «вопли дикой радости», которые, какъ онъ писалъ Гоголю, «издали при появленіи «Переписки» всѣ враги Гоголя, и не литературные (Чичиковы, Поздревы, городничіе и проч.), а литературные. И конечно, не будь этого, онъ отнесся бы къ Гоголю сдержаннѣе, но въ этихъ вопляхъ Гоголь опять нисколько не былъ виноватъ. Вообще, Бѣлинскій былъ глубоко правъ и чрезвычайно проникателенъ, когда онъ останавливался на общей сторонѣ вопроса и даже когда на минуту и мимоходомъ останавливался свое вниманіе на личности Го-

голя. Но дѣло въ томъ, что не это его занимало, и мысль его съ свойственной ей живостью постоянно, какъ магнитная стрѣлка, отклоняется къ главному предмету письма, т.-е къ вопросу о вѣроятномъ вліяніи книги на цензуру и правительство. Это онъ прямо и ясно высказываетъ самъ: «Тутъ дѣло идетъ не о моей или вашей личности, но о предметѣ, который гораздо выше не только меня, но и васъ. Тутъ дѣло идетъ объ истинѣ, о русскомъ обществѣ, о Россіи».

Но въ настоящее время, по прошествіи болѣе пятидесяти лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ «Переписки», связывать вопросъ о ней не только съ судьбой Россіи и русскаго общества, но даже просто съ отвлеченной истиной было бы совершенно очевиднымъ для всѣхъ анахронизмомъ, а также и бояться теперь за вліяніе ея на общество просто смѣшно. Вся острая сторона вопроса давно и навсегда миновала, и потому намъ слѣдуетъ стать на совершенно иную точку зрѣнія, отрѣшившись отъ политическихъ тенденцій какого бы ни было характера, такъ какъ для насъ теперь всего важнѣе личность великаго писателя.

Въ своемъ письмѣ, не утратившемъ своей силы даже черезъ полвѣка и какъ бы волшебствомъ сохранившемъ весь жгучій зной страсти въ мертвыхъ печатныхъ строкахъ, при чтеніи которыхъ такъ и представляешь себѣ блѣдное, лихорадочно возбужденное лицо Бѣлинскаго, съ горящими глазами, пылающими негодованіемъ на противника,—онъ, не зная Гоголя лично, какъ будто какимъ-то даромъ прозрѣнія понялъ было и разгадалъ его душу; но жаль, что въ своемъ возбужденіи онъ былъ не въ состояніи остановиться на своей вѣрной точкѣ зрѣнія и тотчасъ же сбивается съ нея на другую и волнуется носившимися въ обществѣ ложными слухами. Вотъ вскользь это необыкновенно мѣтко и пронизательно высказанное Бѣлинскимъ мнѣніе о Гоголѣ: «Я думаю, — пытается онъ объяснить причину несимпатичнаго ему міросозерцанія Гоголя,—что это оттого, что вы глубоко знаете Россію только какъ художникъ, а не какъ мыслящій человѣкъ, роль котораго вы неудачно приняли на себя въ вашей фантастической книгѣ, и это не потому, чтобы вы не были мыслящій человѣкъ, а потому, что вы уже столько лѣтъ привыкли смотрѣть на Россію изъ вашего прекраснаго далека». «Въ этомъ прекрасномъ далека,—продолжаетъ Бѣлинскій,—вы живете совершенно чужимъ духомъ, въ самомъ себѣ, внутри себя, или въ образѣ кружка, одинаково съ вами настроеннаго и безсильнаго противиться вашему на него вліянію. Поэтому-то вы *не замѣтили*» и проч. Здѣсь для насъ важно слово *не замѣтили*, которое именно исключаетъ возможность невыгодныхъ для Гоголя предположеній въ нравственномъ смыслѣ. И дальше во многихъ мѣстахъ письма такъ и чувствуется, что Бѣлинскій мысленно представляетъ передъ собой человѣка, который имѣетъ невѣрные взгляды, которому это надо указать и разъяснить, потому что онъ упустилъ это изъ виду, но который все же говорилъ честно и по убѣжденію. Смѣшеніе двухъ, взаимно исключавшихъ другъ друга точекъ зрѣнія, проходитъ красной нитью черезъ все письмо, и

если оно при всемъ томъ ни на минуту не теряетъ своей силы, то это потому, что отъ Бѣлинскаго нельзя было требовать опредѣленнаго взгляда на личность Гоголя и ему нельзя ставить въ упрекъ, что онъ допускаетъ разныя предположенія собственно для разъясненія занимавшаго его *литературнаго факта*. Вѣрныхъ данныхъ имѣть онъ не могъ, а его горячей вѣрой въ святую убоженій и страстностью его натуры оправдывается безпощадность брошенныхъ Гоголю въ лицо упрековъ по *предположенію*. Оправдывается это и болѣзненнымъ состояніемъ Бѣлинскаго. Но страшно, что заранѣе составленное высокое представленіе о Гоголѣ, какъ мыслителѣ, все какъ-то мѣшаетъ ему: неволью возвышая Гоголя мысленно въ одномъ направленіи, онъ его унижаетъ въ другомъ. Это особенно видно въ слѣдующихъ строкахъ: «Неужели вы, авторъ «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ», неужели вы искренно, отъ души пропѣли гимнъ русскому духовенству, поставивъ его неизмѣримо выше католическаго? Положимъ, *вы не знаете*, что второе было когда-то чѣмъ-то, между тѣмъ какъ первое никогда ничѣмъ не было» и проч. Но мы теперь знаемъ навѣрно, что Гоголь отнюдь не лицебрилъ въ «Перепискѣ» и что у него просто были совсѣмъ иныя убоженія, чѣмъ у Бѣлинскаго, и, не сравнивая этихъ убоженій, считаемъ умѣстнымъ напомнить слѣдующія слова изъ письма Бѣлинскаго къ московскимъ друзьямъ (отъ 20 марта 1847 г.) по поводу «интермедіи къ роману «Кто виноватъ?»: «У художественныхъ натуръ умъ уходитъ въ талантъ, въ творческую фантазію, и потому въ своихъ твореніяхъ, какъ поэты, они страшно, огромно умны, а какъ люди—ограниченны». Далѣе въ скобкахъ значитъ: «Пушкинъ, Гоголь». Между тѣмъ, онъ измѣняетъ этой точкѣ зрѣнія, восклицая: «И вы хотите, чтобы вѣрили искренности вашей книги».

Однимъ словомъ, Бѣлинскій является въ своемъ письмѣ не столько тонкимъ и проникательнымъ психологомъ, сколько трибуномъ. Что онъ многого не сказалъ бы въ болѣе спокойномъ настроеніи, ясно изъ слѣдующихъ словъ: «Нѣтъ, если бы вы дѣйствительно преисполнились истинами Христова ученія, совсѣмъ не то говорили бы вы, совсѣмъ не то написали бы вы помѣщику,—что такъ какъ крестьяне его братья о Христѣ, и братъ не можетъ быть рабомъ брата, то онъ долженъ дать имъ свободу или, по крайней мѣрѣ, пользоваться чужими трудами какъ можно льготнѣе для трудящихся, сознавая себя въ глубинѣ своей совѣсти въ ложномъ положеніи въ отношеніи къ нимъ». Какъ будто онъ, Бѣлинскій, не зналъ, какъ удобно было въ то время высказывать подобныя мысли, если бы Гоголь захотѣлъ это сказать!

Во всякомъ случаѣ, за свои убоженія Гоголь рисковалъ своимъ великимъ писательскимъ авторитетомъ и такъ же, какъ Бѣлинскій, не усомнился смѣло и громко высказать ихъ.

В. Шенронъ.

НА ВЕСЕННЕЙ ЗАРЬ.

Весною, помнишь, на разсвѣтѣ,
Всю ночь въ дорогѣ проведя,
Мы были радостны, какъ дѣти,
Какъ послѣ теплаго дождя —
Вся эта степь. Въ ухахъ звенѣли
Веселымъ звономъ бубенцы.
Зарю тучи заалѣли,
А первыхъ жаворонковъ трели
Будили утро, какъ гонцы.

Повуда намъ перепрягали
Въ деревнѣ тройку, — мы съ двора
Къ большому озеру сбѣжали.
Собаки лаемъ провожали
Насъ у воротъ. Трава мокра
Была отъ дождика. Съ долины
Донесся свистъ перепелиный,
Въ деревнѣ жеребенокъ ржалъ,
И воздухъ весело дрожалъ.

Отъ зоревой прохлады было
Свѣжо и сыро у воды.
Недвижно озеро застыло,
Но ужъ на немъ вились слѣды:
Тамъ — рыбы легкіе кружечки,
А здѣсь — царяпины стрижа;
Какъ будто воду сторожа,
Стоялъ недвижно гусь на кочкѣ,
Весь отраженъ въ водѣ до точки.

Другіе гуси шли съ луговъ,
Мелькая въ зелени далеко,
Подобно нити жемчуговъ.
И все: вода, луга, осока
И даже гусь на кочкѣ той
Улыбкой алою зардѣлось;
И ты такою чистотой
Сіяла вся, что загорѣлась
Душа, и плакать мнѣ хотѣлось.

Я будто чувствовалъ тогда,
Что это счастье не вернется,
Что пошлость жизни насъ коснется,
И никогда я, никогда
Не встрѣчу вновь такой безгрѣшной
Зарю и юность, и тебя...
Все, что слилось съ зарею вешней,
Чѣмъ я проникнуть былъ, любя...
Все, въ чемъ я чувствовалъ себя.

А. М. Федоровъ.

ДРУГЪ ДѢТСТВА.

П о в ѣ с т ь .

(Продолженіе *).

VI.

Часа два спустя студентъ отъ нетерпѣнія отправился самъ въ сарай, гдѣ для него запрягали коляску. Лариса у себя писала письма знакомымъ докторамъ. Евгенія Петровна и Дина остались съ больной.

Она сидѣла на кровати, куда ее насильно уложили и не умолкая ни на минуту, пѣла панихиду; и голосъ не ослабѣвалъ, онъ, напротивъ, окрѣпъ... Сестра не выдержала, убѣжала въ себѣ и свалилась въ истерикѣ; Дина осталась съ матерью одна.

Первый, кого Саня встрѣтилъ на дворѣ, былъ Савелій. Онъ только что привелъ съ озера лошадей; взялся ихъ выкупать, пока кучеръ Илья наскоро приводилъ въ порядокъ экипажъ. Теперь онъ шелъ съ ведромъ отъ колодца.

Завидя молодого барина, Савелій заспѣшилъ, поставилъ ведро въ траву и повернулъ навстрѣчу. Его голубые глаза издали ласково улыбались.

— Здорово, Александръ Ивановичъ! Съ приѣздомъ васъ! — крикнулъ онъ съ фамиллярностью стараго товарища, для виду только притрогивающагося въ фуражкѣ.

Александръ Ивановичъ едва удержался отъ перваго побужденія повернуть спину и вернуться въ домъ. Тяжелое чувство стыда—(хоть онъ не хотѣлъ вѣрить и не вѣрилъ клеветамъ Ларисы) точно ядомъ обливало сердце. И въ то же время однимъ быстрымъ взглядомъ онъ уже схватилъ, какой Савелій сталъ красивый, прибранный... Возмущалъ...

А Савелій непринужденно протягивалъ руку; глаза перестали улыбаться.

*) См. «Миръ Вожій», № 4, апрѣль.

— Бѣда-то какая страслась для вашего прѣзда... Ахъ ты Господи! Коли вамъ послать куда-нибудь понадобится, такъ я во всякое время съ радостью... экій грѣхъ какой!..

Сумрачный видъ молодого барина былъ, разумѣется, вполне понятенъ. Савелій уже и ротъ раскрылъ, чтобы спросить: „Какъ теперь Надежда-то Ивановна, бѣдная?“ — но что-то безотчетно остановило его.

— Грѣхъ и есть...—повторилъ онъ только задумчиво.

— Ты это какъ на мызѣ очутился въ такое время? — процѣдилъ сквозь зубы баринъ.

Тонъ былъ такой суровый для перваго привѣтствія, что съ парня мигомъ слетѣла вся его простодушная развязность.

— Да я... я тутъ зашелъ, а тамъ и кричать, запрагать чтобы какъ можно проворнѣе... У Ильи неисправность что ли какая-то, такъ я лошадей сводилъ выкупать... По такой жарѣ развѣ возможно не выкупавши!.. Илья при экипажѣ... И то, ведро-то я бросилъ, а онъ, небось, дожидается!..

Онъ на рыскахъ подхватилъ ведро и помчался съ нимъ къ гаретнику. Александръ Ивановичъ крикнулъ сердито въ пространство: „Лошадей живѣ!“ и вернулся на крыльцо.

...Зачѣмъ Савелій въ рабочій день вертится на мызѣ? гримасо противъ воли ненавистное сомнѣніе. Саня былъ радехонекъ броситься въ экипажъ. Убѣжать отъ всего хоть на время — какъ-нибудь дѣйствовать!..

Въ комнатѣ больной время тянулось въ мучительномъ пасивномъ волненіи. Невозможно заставить несчастную умоленуть — не удастся привлечь къ себѣ ни на мигъ ея вниманія... Восторженный взоръ устремленъ въ невидимое...

Дина насильно схватывала бѣдныхъ, безпокойныя руки, нѣжно удерживала ихъ въ своихъ, покрывая поцѣлуями.

— Мамочка, ангелъ мой... не надо — отдохни! отдохни! — когда она отчаянно и напрасно.

Больная металась, сердилась, пока ее не выпускали на свободу, — въ этомъ странномъ монотоннымъ, мучительнымъ движеніемъ... Рука точно раскачивается что-то, мѣрно и плавно...

„Умереть... навѣрное умереть! съ такимъ лицомъ нельзя жить“, — мучилась Дина. И безобразная сцена, прерванная этимъ новымъ ужасомъ, сейчасъ же всколыхнется въ памяти: безъ словъ, одной душевною чернотой кошмара... Сердце рванется отъ острой боли. „За меня!“

Дѣвушка хватала себя за голову, чтобы принудить собраться съ мыслями... Подумать... подумать... Нѣтъ, здѣсь не смѣешь думать! Нельзя думать ни о чемъ своемъ подъ эти раздирающіе могильные стоны.

...„Эго она себя хоронить... мы убили!“

Можно только терзать себя, какъ можно больше и дольше— безпощаднѣе...

Къ ночи Саня привезъ изъ города доктора. Евгенія Петровна настаивала, чтобы больную завтра же перевезти въ больницу; она давала понять, что домашняя обстановка въ высшей степени вредна для нея.

Но Анна Петровна была знакомая, давнишняя пациентка, и старичокъ докторъ все настаивалъ на своемъ доводѣ: опасаться нечего—она будетъ тиха. Очевидно, онъ былъ того мнѣнія, что ни она другимъ, ни ей никто уже не можетъ причинить вреда. Однако, ему пришлось сдаться передъ настояніями независимой московской барыни, непринужденно сыпавшей именами медицинскихъ свѣтилъ всѣхъ національностей.

Евгенія Петровна и сама такъ потрясена всѣмъ случившимся, что ей необходимо предварительно отдохнуть и собраться съ силами, чтобы добраться до своего курорта. Было рѣшено, что больную отвезутъ въ городъ Лариса и Саня подъ охраной доктора, который былъ принужденъ остаться ночевать.

— А ты тутъ за мною поухаживаешь—tu me dois bien cela!— сказала тетушка ласково Динѣ, тронутая ея нѣмымъ отчаяніемъ.

Всѣ безпрекословно и даже съ облегченіемъ повиновались распоряженіямъ тети Жени, не исключая и Ларисы.

Поздно вечеромъ больная, наконецъ, заснула послѣ нѣсколькихъ приѣмовъ лекарства. Старая Домна усѣлась на мѣстѣ Дины, а ей строго приказано отдохнуть нѣсколько часовъ.

Дѣвушка почувствовала, какъ она разбита только теперь, когда смолкъ, упорствуя и замирая, этотъ жалкій и страшный, безумный голосъ...

...Спать... нѣтъ, нѣтъ! Дина была увѣрена, что во снѣ все начнется сначала, весь ужасъ этого дня... И на яву— чуть забудешься— уже чудится: „со свя-тыми у-упо-кой“... Таки явственно, что два раза она бросалась въ дверямъ: но за дверью та же гробовая тишина... Слышно, какъ кровь звенитъ въ ушахъ... А къ себѣ въ комнату вернулась и опять поютъ...

Дина закуталась въ платокъ и пошла въ садъ. Охватило живительнымъ ароматомъ свѣжей росистой ночи, зацвѣтающихъ травъ и молодой еще листвы; березками пахнетъ, точно въ Троицкѣ день...

Въ мягкомъ сумракѣ такъ беззвучно, что слышенъ скрипъ собственныхъ шаговъ по песку. Темныя пятна на дорожкѣ вдругъ оживаютъ и неулыбливыми прыжками спасаются въ траву: лягушки выбрались на охоту. Въ небѣ черезчуръ свѣтло, нѣтъ звѣздъ.. Птицы уже отпѣли влюбленные весеннія пѣсни. Тихо

совѣзмъ... Точно невидимыя свѣжія струи льются на пылающіе первы.

Нѣсколько времени Дина шла скоро и ровно, прямо передъ собой. Безъ мыслей. Въ свободномъ безцѣльномъ движеніи разрѣшалось нервное напряженіе: мучительная скованность долгаго пассивнаго вниманія и потрясеніе внезапнаго удара, сгоняющаго всю энергію къ одному центру — обезживившаго тѣла... Она могла бы такъ идти долго, долго — безъ цѣли, безъ мысли, безъ усталости...

Сознаніе вернулось — какъ приходятъ въ себя отъ обморока.

Она сѣла на первую скамейку; и точно занавѣсь взвился передъ умственнымъ взоромъ: она увидала поблѣднѣвшее лицо Ларисы близко, близко, съ сильнымъ крикомъ: „идите, Надежда Ивановна, развратничайте! позорьте дворянское имя!“

...Хоть это самое ужасное — вершина всего — но что то властное въ ней самой, въ ея просвѣтлѣвшемъ умѣ, легко (почти даже безъ боли) отбросило сейчасъ же это безуміе. Безуміе — не опасность. Другое есть, другое... неизмѣримо болѣе важное — страшное!

„... Онъ ужъ прошлое все лѣто, какъ собака, слѣдомъ за ней ходилъ...“

...Эти слова слушаетъ Савелій... Съ лицомъ залитымъ слезами, тяжело прислонившись къ старому стволу. Онъ подкошенъ вѣстью, что она уѣдетъ. Проступаютъ, точно впечатлѣнія недавняго сна, еле уловимыя, неожиданныя ощущенія утренняго разговора тамъ, на косогорѣ. Какая-то небывалая между ними, быстро выросшая неловкость... Отъ этой неловкости она спѣшитъ уйти поскорѣе... Смутно испуганная.

„...Полюбуйтесь сами по какимъ дорожкамъ благородныя барышни бѣгаютъ на свиданія съ деревенскими парнями!“

...Да, правда... похоже вѣдь на свиданіе! Никто этой тропки не знаетъ... А!.. они это такъ думали, что никто не знаетъ! Пронюхали, выслѣдили шпионы Ларисины...

...Притаился... Даже и ей словечкомъ не проговорился пока всей дорожки не проложилъ по водѣ, въ выбихъ зеленыхъ стѣнкахъ. Точно ребенокъ радовался!..

Въ скучномъ прозябаніи глухого угла Дину ждала восторженная преданность маленькаго полузабытаго товарища дѣтскихъ игръ. Съ первой минуты, въ самый день ея пріѣзда въ Зажоры, „Савка“ явился по праву требовать себѣ вниманія — и овладѣлъ имъ.

...И теперь, по мѣрѣ того какъ больше и больше наплываютъ привычныя ощущенія, на душѣ Дины яснѣетъ. Съ какой стати она такъ испугалась слѣпой злобы, слишкомъ знакомой

ей? Другіе—всякій справедливый человекъ долженъ понять, что могло быть только такъ: нельзя было Савелію позабыть ихъ дѣтскую дружбу. Для него въ этихъ воспоминаніяхъ сосредоточивались единственные проблески яркихъ и радостныхъ впечатлѣній. Нѣтъ, онъ за нихъ хватался, держался всѣми силами души—онъ ждалъ! Ему даже на умъ не приходило, чтобы его пріатели на мызѣ могли оттолкнуть его, отказались помочь.

Съ застѣнчивой улыбкой, подъ которой таилось гордое сознание мужественно выдержаннаго искуса, выложилъ Савелій передъ барышней грязную груду истрепанныхъ книжонокъ, которая она, уѣзжая, подарила ему. Сказалъ только: „Вотъ-съ, всё-тутъ. Теперь новенькихъ пожалуйте“.

Четыре года назадъ... Совсѣмъ мальчуганъ еще онъ былъ, хоть они ровесники. Ее это такъ захватило живымъ, неожиданнымъ интересомъ, что разомъ слетѣло себялюбивое легкомысленное городской барышни, замкнутой въ узкія рамки личной жизни. И потянуло дальше, дальше уже съ неудержимой силой... И съ каждымъ днемъ все стыднѣе становилось за свою и за чужую слѣпоту.. И разгоралась старая дѣтская вражда къ той, кто была живымъ воплощеніемъ недавняго прошлаго, съ его мрачными сторонами и со всѣми мелкими поведеніями,—уже не инстинктивная, а сознательная вражда.

Когда Дина припоминаетъ, какъ все это начиналось четыре года назадъ, она сама не можетъ надивиться на свою тогдашнюю отвагу и самонадѣянность: ничего то она не умѣла, не понимала...

Кажется, доведись теперь начинать такое же дѣло—шага одного не ступила бы!.. Тогда невѣдѣнье окрыляло всепобѣждающей энергіей. Школка постепенно разрослась съ четырехъ до двадцати учениковъ. Тутъ же, на дѣлѣ молоденькой учительницѣ приходилось вырабатывать всѣ свои приемы и способы, увлекаясь и разочаровываясь попеременно. Теперь она видитъ свои ошибки, она успѣла сжиться съ чуждымъ тогда темнымъ міромъ... Совѣстно вспомнить ту первую восторженность! Въ Петербургъ къ Санѣ летѣли цѣлыя поэмы о феноменальныхъ, едва ли не гениальныхъ способностяхъ ихъ зажорскаго пріателя. Стыдно вспомнить... но тогда сколько это придавало энергіи и радости и счастливой находчивости въ новомъ нелегкомъ трудѣ! Она давно узнала, что быстрый ростъ первыхъ, нерѣдко поразительныхъ успѣховъ доводитъ до такой черты, которая переходитъ уже съ трудомъ. Теперь она не такъ щедрa на аттестаты.

Дина знаетъ чего желать своему любимцу, гордости школы: народный учитель — сѣятель. Изъ тѣхъ, которые сѣютъ не только крупіцы знанія, но прививаютъ собственную пламенную

вѣру въ него, будятъ и въ другихъ жажду свѣта. Дина не думаетъ, что въ немъ она пробудила эту жажду—нѣтъ, она только поняла и освѣтила для него самого. По юности передѣлила на первыхъ порахъ... Что за бѣда! Онъ ничего не потерялъ отъ этого. Здѣсь, на дѣвственной цѣлинѣ, тщеславіе не вырастаетъ само собой, какъ сорная трава рядомъ съ зерномъ; но слишкомъ легко глхнуть безъ поддержки чажлые зачатки вѣры въ себя.

— Точно вы мою душу разбудили!—сказалъ Савелій.

Прошлой весной. Праздничный день былъ.

— А не задремлетъ опять душа твоя безъ меня?—пошутила Надежда Ивановна отъ смертной боязни взять черезчуръ высокій тонъ.

Онъ весь насторожился:

— Какъ это—безъ васъ! Что вы такое говорите? Да я развѣ отстану отъ васъ?! Стыдно бородачу съ ребятами на лавкѣ сидѣть—такъ вѣдь я не про то думалъ! „Не задремлетъ“... какъ это вы сказали то! или я вамъ и въ самомъ дѣлѣ ненадеженъ кажусь??

Но такимъ онъ ей казался надежнымъ въ ту минуту, такое чистое чувство радости вливалось въ душу отъ его словъ, что Дина невольно протянула ему руку.

— Не надо надежнѣе, Савелій! Друзья мы съ тобой—еще ребятами друзьями были, правда?

Онъ взялся за протянутую руку и, забывшись, раскачивалъ изъ стороны въ сторону... И не отвѣтилъ ничего словами.

Кажется, что именно послѣ этого разговора они стали чаще сходиться у камышей. Не стоваривались. Въ обѣдъ старшіе полагаютъ отдыхать. На восогорѣ всегда прохладно. Лежить Дина на травѣ, въ небо глядитъ или съ книгой. Ждетъ и не ждетъ. Коли не придетъ Савелій—ну, стало быть отецъ услалъ куда нибудь, а то придетъ непременно. Прибѣжитъ чѣмъ-нибудь возбужденный, съ какими-нибудь вопросами, планами.

Безсознательно она пошла той же дорогой, которой рѣдко кто остережется: тянуть въ свою сторону, подсказывать собственные взгляды и требованія, безъ терпимости къ чужому.

...Надо ли жалѣть объ этомъ?

Легко думается ночью въ тихомъ душистомъ саду... Всей матеріальной тяжеловѣсности жизни точно нѣтъ и не будетъ. Умы и сердца поверхъ ея говорятъ другъ другу свою правду.

Дина не успѣла еще подумать о своемъ, о томъ—что будетъ съ нею? Учительствовать гдѣ нибудь въ земской школѣ—не все ли равно! Ничего другого не можетъ быть и она не захочетъ. Будутъ новыя Анютки, Лизутки, Иваны и Савеліи...

Точно въ тискахъ держать мысль: какъ будетъ здѣсь безъ

жел? Здѣсь не одному Савелію придется плохо. За четыре версты не каждый день побѣжишь въ школу по морозу или въ распутицу—да и не примутъ взрослога, для ребятъ школа.

...Не сдержала „наша барышня“ всего, что насулила—только поманила задаромъ! „Наскучило. Побаловалась—и полно“, именно такъ будутъ говорить враги школы. Знаетъ Дина, какъ разростается неискоренимая, нелѣпая деревенская сплетня: нѣтъ доводовъ, нѣтъ такихъ очевидностей, которыя могли бы потушить ее до корня, помѣшать гнѣздиться въ упрямыхъ темныхъ умахъ.

Хотѣлось громко стонать отъ унижительнаго чувства невольнаго обмана... Родныя онѣ сестры съ Ларисой Ивановной!—такое же неукротимое сердце бьется въ ея груди, не зная прощенья, такая же упрямая воля идти до конца, ни передъ чѣмъ не оставиваясь.

...Еслибъ можно было собрать всю деревню (всѣхъ—молодыхъ и старыхъ), предупредить, объяснить имъ, почему придется закрыть школу. Чтобы не винили ее же, не коверкали по своему!.. Но только всѣмъ прямо въ глаза попрежнему глядѣть—знать, что нѣтъ ни крупницы правды въ томъ, о чемъ шушукуются Ларисины пріятельницы и прислужницы... Но вотъ... вотъ эта-то увѣренность и колеблется въ ея сердцѣ такъ мучительно!..

Передъ грозой, прорѣзывая зловѣщія тучи, проносятся съ крикомъ испуганныя птицы. Внезапныя сопоставленія, догадки мелькаютъ въ умѣ. Отогнанныя, онѣ оставляютъ тревожный слѣдъ.

...Крестьянскій паренъ—мужикъ полюбилъ барышню... Развѣ возможно?!.. Развѣ бывало такъ гдѣ-нибудь, когда-нибудь, съ какой-нибудь другой женщиной?.. Кто ей отвѣтитъ на это?..

Стоитъ сказать себѣ такими словами: называть его не Савеліемъ, а парнемъ и мужикомъ, называть себя не Надеждой Ивановной, а барышней—и вся угроза блѣднѣетъ. Сердце точно расколется хотеть отъ безсильнаго гнѣва...

Дина не замѣтила, какъ она очутилась у площадки передъ домомъ. Домъ выступалъ изъ полумрака сплошной темной массой; нигдѣ нѣтъ огня, всѣ давно спать.

..Неужели это было сегодня?!.. Она принесла Санѣ кружку молока, увела его на озеро. Вскочила чуть свѣтъ, радостная, что наконецъ, онъ пріѣхалъ, увѣренная въ его дружбѣ. Сегодня...

...Боже мой, что, что теперь думаетъ Сана?..

...Что онъ скажетъ ей?.. Что будетъ говорить деликатная тетя Жена?

Стыдъ передъ своими теперь охватывалъ ее, точно раскаленными тисками. До сихъ поръ она только старалась разобраться въ самой себѣ...

Въ темнотѣ пронесся сдавленный стонъ безсилія.

Дина рванулась впередъ и неожиданно толкнулась ногой о земляныя ступеньки; но вмѣсто того, чтобъ подняться по нимъ на площадку, она опустилась на лѣсенку въ изнеможеніи, склонилась низко горячимъ лбомъ въ жесткому песку.

Но сейчасъ же она испуганно вскинулась...

...Шаги?.. Не можетъ быть! Идетъ кто-то отъ дома—да! Неужели къ ней?.. Шопотъ—или кровь звенить въ ухахъ?..

„...Не надо вставать—замѣтять“, сообразила она и беззвучно сползла ниже, до послѣдней ступеньки.

— Кто тутъ есть?! Стонетъ будто кто-то?—спрашивалъ уже явственно тревожный шопотъ.

...Савелій!..

Хотя все время Дина о немъ думала—теперь ее охватилъ безсознательный, какой-то животный испугъ.

Савелій бросился по ступенькамъ, засыпая пескомъ ея платье.

— Надежда Ивановна... Господи! расшиблись вы?.. Да какъ вы такъ упали?! гдѣ-гдѣ?!

Онъ топтался надъ нею, нагибаясь къ самому лицу, тронулъ рукой и вдругъ пошатнулся отъ неожиданнаго толчка: Дина, что было силы, оттолкнула его отъ себя и вскочила на ноги.

— Уходи сію минуту! прочь, прочь!—крикнула она, не помня себя, задыхаясь...

Савелій растерянно пятился.

— Господи Твоя воля... уйду я, уйду, не сердитесь! Что такое?.. Слышу, кто-то простоналъ, а вы тутъ лежите... Должно быть расшиблись, пощупайте хорошенько. Сгоряча вѣдь и не почувствуешь!..

Дина неслась отъ него по дорожкѣ, точно летѣла, не касаясь земли. Остановилась только въ концѣ аллеи, тяжело приходя въ себя... Кровь отхлынула отъ головы.

...Что это съ нею было!? Испугалась (такъ внезапно!), закричала на него... Нелѣпо, нелѣпо, такъ нельзя оставить! что онъ подумаетъ?!..

Она знала, что Савелій идетъ за ней. Когда онъ подошелъ, боязливо замедляя шаги, она вдругъ разомъ совсѣмъ успокоилась.

„О, какой все это безбожный, безбожный вздоръ!“ подумала горячо.

— Ну, ну... иди ужъ!

Онъ кинулся со всѣхъ ногъ, слышавъ въ голосѣ улыбку.

— Голубушка... Надежда Ивановна... да что такое?! Я весь помертвѣлъ даже, когда вы...

— Ну, да, да—хорошо ужъ!—перебила Дина.—Испугалъ. И не думала я вовсе стонать, съ чего это тебѣ примерещилось!

Просто на ступенькахъ сидѣла. Вдругъ человѣкъ полѣзъ на меня — какъ же тутъ не испугаться...

Но Савелій добросовѣстно защищался.

— Да съ чего бы я полѣзъ, кабы не услышалъ?..

— Нѣтъ, ты самъ откуда взялся, ты вотъ что скажи мнѣ! — перебила Дина строго. — Что ты выдѣлываешь, Савелій?! Ночью... у насъ по саду бродишь — въ умѣ ли ты?!..

Онъ стоялъ передъ ней, понурия голову.

— Что-жъ... я вѣдь такъ и пообѣщался давеча... говорилъ, что приду. Да хорошо, что и пришелъ — кстати Ильѣ подсобить пришлось...

— А ночью?

— Что-жъ ночь... успѣю выспаться. Ишь у васъ бѣда какая! Надежда Ивановна, родная вы наша, все сердце за васъ изныло!.. Вы не убивайтесь такъ, Надежда Ивановна — доктора вылечать. Это у насъ горе — у васъ ото всего вылечать...

Онъ придвинулся ближе, робко пробуя коснуться ея руки.

— Нѣтъ, все-равно и у насъ. Отъ этого рѣдко когда вылечиваютъ.

Въ то время, какъ Дина говорила это суровымъ голосомъ — ей вдругъ со всею ясностью представилось, что Савелій непременно узнаетъ про ихъ домашній скандалъ. Опять начало давить горло, точно сжимаетъ невидимая рука... Она рѣзко повернулась къ нему. Бѣлая рубаха проступала свѣтлымъ пятномъ; лица нельзя разглядѣть.

— Что дома-то скажешь? По какому случаю прогулялъ рабочій день?

— Ничего не скажу, — не сразу, точно нехотя, отвѣтилъ Савелій.

— Какъ это — ничего?

— Да я вѣдь не батракъ, мнѣ жалованья не платятъ. На себя работаю.

— Ты такъ отцу скажешь?

— И скажу. Я, Надежда Ивановна, тутъ... сидючи у васъ на лавочкѣ... я много думалъ. Я не боюсь...

Дина тихо, точно невольно, тронулась дальше по дорожкѣ.

— Что-жъ ты хорошаго надумалъ?..

Савелій тяжело вздохнулъ.

— Откуда хорошаго... гдѣ ужъ! Такъ... про себя думалъ. Я бы и вовсе домой не пошелъ, покамѣсть не узнаю... да, вишь, бѣда-то какая стряслась! Небось, сейчасъ вы и сами не знаете, что теперь будетъ...

Она не дала ему кончить:

— Н-ну! не знаю, какія ты умныя вещи придумалъ, а я

одно только знаю: сію минуту, съ этого самаго мѣста, ты отправишься домой и не покажешь глазъ на мызу до тѣхъ поръ, пока я не пошлю за тобой.

Она остановилась. Остановилась и темная тѣнь съ свѣтлымъ пятномъ.

„По какому праву я такъ говорю съ нимъ?.. Если онъ сейчасъ тоже думаетъ это“... мелькнуло неожиданно въ умѣ.

— Савелій...

— Коли вы ведите, Надежда Ивановна, я уйду, сейчасъ уйду!.. А только завтра я опять приду... Въ городъ, сказывали, повезутъ, Лариса Ивановна поѣдетъ. Вы, стало быть, за хозяйку останетесь? Вы меня помогать возьмите..

Дина жестоко размѣялась.

— Недурно придумалъ, сидя на лавочкѣ!

Слышно, какъ онъ тяжело дышетъ—рѣдко и неровно.

— Помощниковъ мнѣ не нужно и за хозяйку я не останусь. Тетка нездорова—какъ мало-мальски поправится, мы и поѣдемъ вмѣстѣ. Ну, вотъ, больше тебѣ и узнавать нечего, такъ ужъ, пожалуйста, завтра выходи на работу, какъ добрые люди. Чтобы не говорили, что учительница сбиваетъ васъ лѣниться, да старикамъ грубить.

Отвѣта опять не было. Дина сдѣлала нѣсколько шаговъ, остановилась и договорила мягче:

— Не бойся, я не уѣду, не попрощавшись. Прощай пока, будь здоровъ.

Савелій и на это ничего не сказалъ.

Дина пошла, не останавливаясь. Она не знала, идетъ ли онъ за нею, или въ другую сторону, или стоять остался на томъ же мѣстѣ. Такъ сурово она никогда еще не говорила съ нимъ и испытывала отъ этого какое-то странное удовлетвореніе...

Въ ту минуту, когда Дина поднималась по землянымъ ступенькамъ на площадку, тамъ, гдѣ ее нашель Савелій—отъ дома явственно долетѣлъ стукъ затворившагося окна.

Дѣвушка замерла, какъ шла... Холодъ отвратительнымъ ощущеніемъ побѣжалъ по спинѣ...

Черезъ минуту она уже не знала навѣрное, было это на самомъ дѣлѣ или ей только померещилось?

VII.

Чуть свѣтъ въ домѣ поднялась суматоха поспѣшныхъ сборовъ.

Никто въ сущности не зналъ, что необходимо и чего не нужно; всѣ метались по дому, разыскивая другъ друга, чтобы

спросить, раздражаясь на другихъ и на собственное незнаніе. Лариса и Евгенія Петровна безъ конца спорили. Тетка настаивала на томъ, чтобы ничего не тащить въ городъ, потому что одежда полагается больничная. Но Ларисѣ почему-то именно эта подробность казалась особенно трагичной и она упрямо кричала, что ни за что этого „не допустить“.

Докторъ, плохо выспавшійся и злой на ненужную „бабью“ затѣю, демонстративно держался въ сторонѣ. Впереді ясно представлялись всѣ затрудненія, какія именно ему предстояло преодолѣвать.

Больная проснулась изнеможенная и притихшая послѣ тяжелаго насильственнаго сна; но суета и крики сейчасъ же опять взволновали ее. Натаскивъ до самыхъ глазъ одѣяло, скорчившись въ маленькій комочекъ, она лежала неподвижно и только слѣдила блестящими подозрительными глазами; какъ только къ ней подходили, она начинала вся дрожать. Когда пришлось приступить къ одѣванью, она судорожно уцѣпилась за шею староѣ Домны и молила душу раздирающимъ воплемъ:

— Дину!.. маленькую Дину!.. маленькую Дину!..

Дина стояла тутъ же, всѣхъ ближе къ ней, и тоже кричала, сама не сознавая, какія-то безсвязныя мольбы. Мать отталкивала ее и твердила свое:

— Маленькую Дину!.. маленькую Дину!..

Евгениі Петровнѣ казалось, что у нея нѣтъ силъ, чтобы подняться съ постели,—но на эти вопли она прибѣжала, не помня себя, полуодѣтая, старая и некрасивая, точно старшая сестра вчерашней элегантной красавицы.

— Докторъ, докторъ! помогите же намъ!.. Докторъ, скажите же, чтѣ дѣлать?!..—взывала она каждую минуту, какъ будто у доктора въ карманѣ спрятаны всѣ возможности, никому другому недоступныя.

Его это бѣсило еще больше.

— А вотъ, не угодно ли-съ! Я вѣдь вамъ докладывалъ. Что же я могу — вѣдь не чудотворецъ! Позовите сюда Александра Ивановича—мы вдвоемъ будемъ держать, а вы одѣньте какъ-нибудь. Что же тутъ еще дѣлать!

Дина въ ужасѣ бросилась изъ комнаты отъ раздирающей картины насилія. А вслѣдъ ей неслись тѣ же отчаянные крики:

— Ма-аленькую Дину!.. маленькую Дину!..

Студентъ еще не вставалъ. Онъ не пустилъ ее къ себѣ.

— Тебя зовутъ!.. Докторъ—помочь тамъ надо—скорѣе, Саня, Бога ради!—объяснила Дина черезъ дверь.

Онъ ничего не отвѣтилъ. Черезъ минуту ей показалось, что уже прошло четверть часа. Она опять начала стучаться.

— Саня! Что же ты? Вѣдь необходимо—тебя ждуть!

Пришлось повторить три раза, пока, наконецъ, дверь рванулась, и Саня стоялъ передъ нею съ краснымъ злымъ лицомъ, застегивая тужурку.

— Ты, кажется, думаешь, что я оглохъ? Что имъ отъ меня надо? вѣдь тамъ есть докторъ!

— Ахъ, Богъ мой... иди, когда зовутъ!

Она не могла выговорить, зачѣмъ его зовутъ.

Студентъ шагнулъ было по корридору, но вдругъ всей фигурой стремительно повернулся къ ней лицомъ, и она увидала, какъ у него запрыгала нижняя челюсть.

— Кто былъ съ тобой въ саду ночью?!...

...Окно! Она только теперь вспомнила...

— Впрочемъ, можете не отвѣчать! Не надо—мнѣ вѣдь стоило только шагнуть за окно!.. -

— Савелій былъ,—выговорила Дина твердо, ему вслѣдъ.

Онъ былъ уже далеко.

...О-о! Что за казнь произнести своимъ голосомъ то слово, которое не можетъ показать всей правды—можетъ только запечатлѣть вину!... Точно хлопнется навсегда единственный выходъ.

Въ первый разъ имя Савелія прозвучало въ ея ушахъ жутко и значительно. Прозвучало въ ея жизни.

До самаго отъѣзда братъ ни разу больше не взглянулъ на нее, когда ихъ руки сталкивались за общимъ дѣломъ.

Тетя Женя послала его съ порученіемъ въ столовую, гдѣ Дина укладывала въ корзинку дорожную провизію. За эту корзинку всѣ по очереди принимались и бросали для какого-нибудь спѣшнаго дѣла: Лариса и Домна и Аннушка.

Саня на порогѣ отвернулся, точно онъ увидалъ что-то позади себя, и выговорилъ въ пространство:

— Докторъ велитъ уложить бутылку вина крѣпкаго.

Ушелъ сейчасъ же. Ему противно видѣть ее! Тогда, въ маминой комнатѣ, онъ не вѣрилъ Ларисѣ... Она тогда чувствовала, что Саня никому не повѣритъ.

Евгенія Петровна, попрежнему непричесанная и полуодѣтая подъ наброшенной накидкой, принуждена была усѣсться въ коляску. Больная не выпускала ее изъ судорожныхъ рукъ, съ ужасомъ молила не отдавать врагамъ. Всѣхъ она допрашивала, куда куда заперли маленькую Дину?

Евгенія Петровна должна была влясться, что она отвезетъ ее къ себѣ въ Москву, что и Дина будетъ тамъ. Больная вдругъ вся просіяла и прильнула къ ея уху:

— Дина убѣжала?—прошептала она, и въ безумномъ взорѣ мелькнуло торжество.

Студентъ усѣлся пока на возлахъ, чтобы потомъ пересѣсть на мѣсто тетки.

Дина напрасно ждала, что хоть на прощанье поймаетъ его взглядъ. Точно магнитъ ее приковалъ къ его сумрачному лицу... Снизу, стоя у колеса, она вполголоса взволнованно просила не возвращаться домой, пока она не пріѣдетъ въ городъ. Лариса, вѣроятно, вернется—чтобы тамъ былъ кто-нибудь свой!

Онъ и на это ничего не сказалъ, не шевельнулся.

Докторъ терялъ терпѣнье. Въ послѣднюю минуту Лариса услала Палашку разыскивать еще какой-то платокъ „на всякій случай“. Но въ коляскѣ не успѣли еще поспорить на счетъ того—„въ дождю или не въ дождю такъ парить съ самого утра“, какъ Палашка уже вернулась съ платкомъ, мячикомъ прокатившись черезъ дворъ.

— Ахъ, Господи! Илья! да кто же у насъ садъ-то доко-сить безъ тебя?—вырвалась у Ларисы Ивановны одна изъ тѣхъ заботъ, безъ которыхъ истинный хозяинъ ни при какихъ обстоятельствахъ не можетъ покинуть своего дома.

— Рази Савелію не велите ли, Лариса Ивановна? Савелій и безъ того вчерась цѣльный день Ильѣ Иванычу подсоблялъ!—подвернулась сейчасъ же Палашка, уставившись наивно-наглými глазами въ озабоченное лицо своей барышни.

— Трогай, трогай живѣе!—крикнулъ кто-то сердито вучеру, и коляска тяжело качнулась своимъ старымъ кузовомъ.

Дина слышала слова, но не поняла чей голосъ ихъ сказалъ. Саня усмѣхнулся: не шевельнулся, не перевелъ глазъ—только усмѣхнулся... Для нея усмѣхнулся...

Дина должна была пойти вслѣдъ за коляской, чтобы проводить домой тетю Женю отъ поворота. Все вылетѣло у нея изъ памяти; она стояла и смотрѣла вслѣдъ...

Коляска показалась еще разъ изъ-за длиннаго зданія амбара, на нѣкоторое время заслонившаго дорогу.

...Докторъ снимаетъ шляпу, машетъ ею...

Дина испугалась, не поняла сразу, что это докторъ ее увидѣлъ и прощается въ послѣдній разъ. Она съ ужасомъ прислушивалась: нѣтъ, никакихъ криковъ не слышно. Саня, вытянувшись, сидитъ на возлахъ, не оглядываясь... Не видно больше! Изрѣдка только среди тишины доносится погромыхиваніе стараго экипажа на мягкой дорогѣ.

Вдругъ Дина замѣтила, что она не одна на дворѣ: въ нѣсколькихъ шагахъ стоитъ Палашка и, тоже забывшись, любопытно выжидаетъ чего-то.

...А-а!.. Стало быть, Палашка не спроста,—нарочно подслухилась про Савелия!..

Дина бессознательно сдѣлала два шага, и дѣвчонка бросилась бѣжать, головой впередъ.

...О! что за гадость, гадость!...

Но сейчасъ же Дина обуздала себя: нѣтъ, нѣтъ, не надо поддаваться негодованію—ничему своему не надо... И безъ того все время она мучилась Саней, почти и не почувствовала, что это были послѣднія минуты... можетъ быть, самыя послѣднія!—никогда больше, быть можетъ, она не увидитъ несчастную мамочку...

Дѣвушка пошла въ комнату матери.

Тамъ старая Домна уже приводила не слѣша все въ порядокъ; бродила тяжело взадъ и впередъ на слабыхъ ногахъ стараго существа, сраженнаго горемъ и усталостью.

Дина остановилась у двери, прислонилась головой къ притолкѣ и смотрѣла въ эту странную, любимую комнату, гдѣ все такъ гармонировало съ хрупкимъ созданиемъ, исполненнымъ какой-то больной повѣзи... Повѣзи таинственнаго страданія—свершившейся судьбы... Чего мы не знаемъ такъ, какъ оно было въ дѣйствительности, и невольно сами создаемъ изъ намековъ и догадокъ... Что-то смутное и волнующее... Здѣсь она жила цѣлые годы, безнадежно оторванная отъ жизни.

Не будетъ больше жить.

И милой комнаты не будетъ! Домна съ сосредоточеннымъ видомъ каждую вещь бережно ставитъ на извѣстное мѣсто. Домнѣ это кажется важнымъ, полнымъ смысла. Никто другой этого дѣлать не станетъ. Все здѣсь сразу превратится въ старый ненужный хламъ...

Дина вспомнила, какъ однажды мать горько проплакала цѣлый день, когда котенокъ, играя, столкнулъ съ полки большую фарфоровую чашку съ остатками стерпагося узора. Она попробовала было подтрунить надъ мамочкой, чтобы положить конецъ трагедіи, но та взглянула на нее съ такимъ гнѣвомъ, какого никогда еще ея любимица не видала въ этихъ нѣжныхъ глазахъ.

Оказалось, что эту чашку Анна Петровна привезла въ подарокъ свекру, когда молодые въ первый разъ пріѣхали въ Зажоры. Необузданному самодуру, передъ которымъ все трепетало, сразу полюбился и скромный подарокъ, и вроткая молоденькая невѣстка... Вотъ именно здѣсь таится, какая-то ужасная драма въ жизни матери... Никто изъ старшихъ не хотѣлъ рассказать ее Динѣ...

...Не здѣсь ли источникъ неизмѣнной, подчасъ самоотверженной нѣжности избалованной счастливицы, тети Жени, къ ея не-

счастной сестрѣ?.. Можетъ быть, на ея совѣсти тяготѣетъ какая-то легкомысленная вина или несчастная случайность?..

Тайны чужой жизни! Много ли мы прозрѣваемъ въ нихъ истиннаго даже и тогда, когда оголенные факты беззащитно всѣмъ мечутся въ глаза?..

Что остается отъ красы-бушета, когда поблекли яркіе благовоныя лепестки?.. Жизнь выдыхается, осыпается...

Въ потрясенномъ организмѣ какъ будто задержанъ былъ естественный процессъ. Дѣйствительность безсильна передъ грезою — безсильна именно та всеокрушающая обыденность, что, какъ непрерывное треніе о жесткую поверхность, стираетъ выпуклости. Тихую мечтательницу заставляло очнуться, пробуждало отъ грезы для жизни только какое-нибудь страданіе.

— Няня.. не вернется наша мамочка... какъ ты думаешь?.. — сказала Дина, и глаза ея наполнились слезами.

— Смиловался судья праведный! — выговорила тихо Домна.

— Какъ ты можешь такъ говорить!

— А что сказать-то? Никому знать не дано, когда нашимъ грѣхамъ положится отпущеніе.

— Такъ ты думаешь, что живутъ *за грѣхи!*?

Домна помолчала съ минуту.

— Всяко живутъ. Коли грѣхъ жизнь одолить, стало быть, за грѣхъ.

„Интересно — много ли она сама понимаетъ въ этомъ?“ думала Дина: „и какъ ужасно жестоко: страдаешь — стало быть, виновать!“

— Мы всѣ, навѣрное, во сто разъ грѣшнѣе ея! — сказала она съ негодованіемъ.

Старуха внимательно и долго поглядѣла ей въ лицо.

— Такая ангельская кротость! Мама всегда такая была, вѣдь правда?

Домна покачала головой. Въ темномъ лицѣ проступало умиленіе.

— Теперь-то иной разъ и пожалится... покапризничаетъ... Отъ болѣзни томится. Прежде такая ли была: словно тихій мѣсяцъ надъ домомъ стоялъ.

Дина глухо зарыдала, припавъ головой къ стѣнѣ.

— И по писанію праведники грѣшниковъ искупаютъ. Грѣхъ родительскій, сказано, до седьмого колѣна взмщется...

„...Боже мой... Навѣрное, она и маму такъ же утѣшала!“

...Но, противъ воли, что-то зловѣщее звучало въ суетвѣрныхъ рѣчахъ... Точно неумолимая сила и ее, своевольную, хотѣвшую свободы, не вѣрящую въ грѣхъ и искупленіе, — и ее приобщала къ чему-то смутному, для всѣхъ одинаковому, неотвратимому...

Дниѣ всегда хотѣлось поговорить о матери съ Домной: старуха одна должна знать все. Теперь она больше не хотѣла спрашивать. Нѣтъ, не надо, не надо ничего узнавать! Пусть „тихий мѣсяцъ“ закатится, ничѣмъ не затемненный для маленькой Дини, любимицы

И негодование на Домну стихло. Пускай для нея страданіе— только искупленіе грѣха; это не мѣшало ей на дѣлѣ оставаться самымъ вѣрнымъ другомъ, когда всѣхъ другихъ—дѣтей родныхъ— жизнь увлекала своимъ путемъ. Одна Домна нянчила больную, какъ малаго ребенка.

— И для чего это Евгеніи Петровнѣ понадобилось? Ъхала бы себѣ съ Богомъ, куда ей хочется, никто бы съ нея ничего не спросилъ,—проговорила неожиданно старуха, принимаясь снова за свою метелку.

Дина не поняла сразу, что у нея въ мысляхъ.

— Тета?.. Да вѣдь она только до поворота сѣла... Ахъ, Господи! Я вѣдь совсѣмъ забыла про нее! Какъ же это она одна домой доберется...

— Небось... Коли надо, также добѣжить не хуже другого. Базовство одно. Я и сама знаю, что до поворота,—а для чего въ городъ-то потащили, дома помереть не дали спокойно? И вы съ сестрицей тоже отлично себя показали:.. когда изъ-за пустяковъ какихъ-нибудь не сговоришь, а тутъ отъ родной матери сразу всѣ такъ и отступились: на, молъ, голубушка, распорядься, какъ только тебѣ надобно!

Дина слушала, вся красная, испуганно расширивъ глаза.

— Домна... Домна, милая, что ты, Господь съ тобой! Ее же лечить нужно—какъ же здѣсь...

— Ничего ей не нужно, ничего! Успокоилась бы черезъ малое время, коли нѣтъ на то воли Господней. Нѣкто другой, какъ я, за ней ходить стала бы, такъ я не боюсь, меня она стала бы слушаться...

Дина невольно бросилась къ ней; слезы опять душили ее. Но Домнѣ объятія рѣшительно не понравились; она очутилась на другомъ концѣ комнаты, и пестрая метелка заходила ходуномъ въ коричневыхъ рукахъ.

— Съ глазъ-то долой—сердцу легче.

...Про кого она это?! Боже мой, неужели мнѣ говорить? Всѣмъ, всѣмъ...

— Я останусь жить въ городѣ, пока мамѣ не станетъ лучше!— сказала она поспѣшно.

Домна повосилась недоувѣрчиво.

— А денегъ откудова возьмете? Больница-то ваша, небось,

въ копѣчку станеть. Также походите съ недѣлку и все... Нечего вамъ дѣлать въ городѣ.

— Здѣсь мнѣ тоже нечего дѣлать!

Няньва подошла ближе своей грузной походкой, отъ которой дрожали старыя половицы.

— А ты къ тетенькѣ въ Москву погостить съѣзди... право ну! Людей посмотрѣть да себя показать. Что ужъ это за житье для тебя съ мужичьемъ?.. Потрудилась около нихъ достаточно. Теперь-то ужъ и вовсе... Поѣзжай, поѣзжай, умница, послушай старую Домну. Не у чего тебѣ тутъ на сѣденье ей оставаться! Бога не боится, Лариса Ивановна... Съ ней не совладаешь, Динушка, брось лучше. Плюнь да отойди. Евгения Петровна, она суматошная, а сердцемъ не зла. Она тебѣ пріютъ должна оказать... на это ты не гляди. Должна! Ужъ я тебѣ вѣрно говорю.

Дѣвушка разсмѣялась рѣжущимъ смѣхомъ, въ которомъ звенѣли слезы обиды.

— Спасибо, Домнушка, а какъ будто мнѣ въ пріютъ рановато еще! Обо мнѣ не заботься—буду жить, какъ сама захочу, тетушку съ сестрицей не буду спрашивать.

Старуха печально затрясла головой. Хоть не понимала, но привычное ухо ловило знакомые звуки самовластия, хорошо знакомые Зажоромъ.

— Такъ, такъ... Охъ, спрашиваться-то у насъ никто не охотникъ! Затѣяла на грѣхъ, никого не послушалась... У добрыхъ-то людей кто всѣхъ младше, тотъ чужого ума слушаетъ. Вотъ и дождалась теперь!

— Чего же я дождалась, чего?!.. Говори—не бойся!

— Мнѣ нечего бояться, коли я Бога боюсь. И скажу, не егози. Срама дождалась, за свои же за труды—вотъ чего. Да, ну ихъ всѣхъ къ лѣшему! Прости меня, Господи. Поживи у тетки, Динушка, развесели себя сколько-нибудь. Чай, ты барышня, а не крестьянская дѣвка, никто тебѣ велѣлъ, платочкомъ накрывшись, бѣгать... Ну, ну, не пыли! Я-то вѣдь знаю, что ты это отъ добраго сердца. Отъ скуки.

Дина противъ воли разсмѣялась неожиданному выводу.

— Ну, что-жъ, няня! Я въ платочекъ наряжаюсь отъ скуки, а зажорскіе ребята отъ того грамотными стали. Будто ужъ это такъ плохо? Ты по своему, по-крестьянски разсуди. Школа-то, гдѣ она у насъ?..

Домна махнула рукой.

— Такъ нешто я не понимаю! Подняли твои-то, небось вой, словно по покойнику.

— Да!?

— Должны за тебя вѣкъ свой Бога молить. Вонъ, крестникъ мой сейчасъ приказчикъ хоть куда!

— Приказчикъ?! Савелій?.. Это чтобы такой человекъ въ приказчикъ пошелъ?!—вослицидала дѣвушка въ невѣроятномъ негодованіи.

— Да что ты, что ты это и въ самомъ дѣлѣ?.. Да отецъ ему ужъ и мѣсто въ городѣ сыскалъ... Помалкиваетъ только старикъ до времени... Себѣ на умѣ...

Домна незнала какъ и отвѣчать, когда Дина взволнованно накинулась ее допрашивать. Ыздилъ больше тому полмѣсяца старикъ въ городъ, тамъ у него кумъ въ сидѣльцахъ у хорошаго хозяина... Сладились на осень. Ничего больше она не знала.

— И всякій скажетъ что ладно! Умниѣ-то ея вовсе отъ рувъ дома отбился. Ничего—пусть маленько около чужихъ людей обломается, авось своя чернота милѣй покажется. Ничего, не въ рекрыты сддутъ!

Подъ эти монотонныя сентенціи барышня, точно угорѣлая, бѣгала по комнатѣ большими шагами.

— Не будетъ этого! Никогда, никогда этому не бывать! Не для того я Савелія учила, чтобы вы изъ него мошенника сдѣлали... Ха!..

Старуха пятилась отъ нея, ошеломленная такимъ пыломъ.

— Ахъ, ты Создатель-Батюшка.. да ты-то тутъ что? мать родная, что ли?.. тебя, что ли, теперь спрашиваться должны?!.

Но ее уже ломало нестерпимое внутреннее напряженіе, головокружительный вихрь мыслей вспылчивыхъ натуръ: когда исчезала всякая возможность взвѣшивать слова, остановиться во время... Когда она точно летитъ впередъ въ слѣпомъ стремленіи дать выходъ тому, что влокочетъ внутри—и чѣмъ слова безразсуднѣе, тѣмъ острѣе и сладостнѣе ощущеніе освобожденія.

— Да, да!.. я не позволю—я! Спросить меня, будьте покойны! Не сидѣльцемъ лабазнымъ будетъ твой крестникъ, безразсудная ты старуха—учителемъ будетъ! Понимаешь ты это?.. Другихъ людьми дѣлать, такихъ же темныхъ, какимъ самъ былъ. Не потянете вы его назадъ, нѣтъ, нѣтъ!.. Не надѣйтесь...

Она вся дрожала и съ облегченіемъ провела рукой по влажному лбу.

„А я уѣхать должна черезъ два, три дня! Сошлось все вмѣстѣ!.. Минуты терять нельзя.. Повидать его сейчасъ же...“

При всемъ волненіи она чувствовала облегченіе—точно вдругъ дверь распахнулась на просторъ изъ душной тѣсноты. Все сразу стало ясно, опредѣленно, нѣтъ больше мѣста колебаніямъ.

Ясно, что нельзя позволить исковеркать всю судьбу Савелія, и что кромѣ нея онъ ни въ комъ не найдетъ поддержки. И въ

то же время ярко, какъ никогда раньше, въ умѣ ея прошло сознание его невыдержанности и великой неопытности... Безъ гнѣва, безъ укоризны; съ той трезвой терпимостью, какаѧ является въ рѣшительныя минуты, когда уже ни на что побочное тратить силъ нельзя. Въ такія минуты всѣ дѣла сами собой намѣчаются безошибочно.

Изъ-за всей смуты, поднятой въ душѣ чужимъ грубымъ вмѣшательствомъ, опять она ощутила живо свою безграничную власть надъ этой пробужденной душой. И, какъ всегда, ощущение это вызывало подъемъ энергіи—энергіи, какъ будто раненой тревожнымъ чувствомъ неисходной отвѣтственности.

Необходимо сейчасъ повидать Савелія... Не такъ-то оно легко, однакожъ! Разговоръ въ саду промелькнулъ въ памяти поблекшій; теперь ея собственное строгое запрещеніе показываться на мызѣ стояло на пути досадной помѣхой...

Дина озабоченно направилась къ двери.

Тихій мѣсяцъ закатился.

Маленькая Дина уже захвачена всецѣло новыми живыми тревогами...

VIII.

Евгенія Петровна сдѣлала племянницѣ бурную сцену.

...Бросили одну на большой дорогѣ, зная, какъ ей трудно ходить! Теперь она панически боялась слечь больной въ Зажорахъ; ей казалось, что она погружается все больше и больше въ какую-то пучину грубости и самыхъ неправдоподобныхъ несчастій... Еще разъ она раскаивалась въ своемъ великодушіи, тѣмъ болѣе, что и пользы оно никому не принесло. О, конечно, еслибъ она могла подозрѣвать въ чемъ дѣло, она не подумала бы вмѣшаться въ подобную исторію.

— Ça n'a pas de nom ce qu'elle raconte là, mais... pas de fumée sans flamme!..

Подъ вліяніемъ обиды, безгливость изящной женщины уступала мѣсто злорадному любопытству: посмотреть, какъ будетъ выпутываться изъ положенія. (comment se tirerait d'affaire) эта самонадѣянная барышня...

Однако, привычное чувство самобереженія все-таки взяло верхъ; послѣ всего, что пришлось выносить здѣсь ея нервамъ, было бы сущимъ безразсудствомъ напрашиваться на новыя волненія... Se reconforter d'abord — попытаться хоть уснуть до обѣда... Всего лучше дѣйствуетъ въ такихъ случаяхъ теплая ванна—но въ этой дичи развѣ можетъ быть рѣчь о какомъ-нибудь комфортѣ! И это

люди у себя, цѣлый вѣкъ живутъ на одномъ мѣстѣ... А-а!.. точно существа какой-то другой породы! Бѣжать, бѣжать скорѣе...

Тетушка отпустила Дину, холодно предупредивъ, что будетъ имѣть съ нею серьезный разговоръ, какъ только немного соберется съ силами.

„Ну, кажется, можно не опасаться, чтобы тетушка стала звать жить къ себѣ въ Москву!“ думала иронически дѣвушка, вспомнивъ наивныя уговариванія старой Домны.

Дина почти бѣжала къ себѣ, полной грудью вдыхая непривычную свободу остаться въ домѣ одной; но все-таки она еще не видѣла способа, какъ ей сейчасъ повидаться съ Савелиемъ.

Въ другое время, не задумываясь, прошла бы камышами въ деревню и тамъ послала бы за нимъ перваго попавшагося мальчугана. Она обыкновенно знала все, что дѣлается у нихъ въ семьѣ; но въ послѣднее время было не до того, чтобы интересоваться мелочами, и сейчасъ Дина плохо соображала какія должны быть очередныя работы.

...А главное, въ деревнѣ самой показываться не охота...

Это ощущеніе вполне опредѣленное... И глухое негодованіе на себя за него... Что она—стыдится? или боится?.. Чего?!

Войдя къ себѣ въ комнату, Дина сейчасъ же увидала, что на столѣ передъ окошкомъ бѣлѣтся какая-то бумажка: четвертушка писчей бумаги съ заложеными концами; безъ всякой надписи.

Возмущеніе полетѣло вверхъ, какъ ртуть въ градусникѣ, который сунули въ горячую воду... Письмо!..

„Надежда Ивановна! неужели вы такъ и не скалитесь надо мною? Я точно какъ слѣпой мучаюсь. Не на то я ропщу, что вы сердитесь на меня: ну, стало быть, я виноватъ, прогнѣвилъ васъ, значитъ не стою лучше... Да только, откуда же я узнать могу, что дома у васъ случилось? Точно вдругъ громъ изъ неба—уѣзжаете вы, и все... Говорятъ, на васъ одну вся семья навалилась, оттого будто и съ барыней бѣда случилась... Ну, стало быть, изъ-за насъ все это—за школу! Не дуракъ же я, чтобы столько не разобрать! Такъ какъ же это стерпѣть, что за всю вашу доброту, за добро какое дѣлаете, вы же сами страдать должны... Да мы и всѣ-то, сколько насъ есть, того не стоимъ!“

„Ради Господа, не гоните меня, простите за вчерашнее, коли моей мочи не было усидѣть дома, ничего не знать... Коли вы уѣдете—все мое счастье кончается, знаете сами. Даже и о томъ, что будетъ, силы нѣтъ подумать, какъ надо—не знаю ничего! Знаю только что нѣтъ мнѣ жизни безъ васъ. Вашъ вѣрный Савелий“.

Вся кровь гудѣла и звенѣла у нея въ головѣ.

...Безподобно! Взять вотъ сейчасъ письмо, да и представить его тетущкѣ Евгеніи Петровнѣ вмѣсто всякихъ „серьезныхъ объясненій!“

Ее охватилъ такой же страстный взрывъ гнѣва, какъ ночью въ саду при внезапномъ появленіи Савелія. Она изорвала бумажку въ мелкіе клочки.

„Ничего, любезный, я тебя сразу укорочу! Будетъ о чемъ поважнѣе горевать безъ всякихъ сантиментальностей!“ думала она жестко. Такъ жестко, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ ей ни чуточки не жаль его... Не только за какія-то неумѣстныя волненія о ней не жаль, нѣтъ, и за то, чего онъ самъ пока еще не знаетъ, за опасность, что вся судьба его можетъ быть неправомерно исковеркана. Напротивъ, хотѣлось какъ можно скорѣе объявить ему объ этомъ—поставить на настоящее мѣсто...

...Скажите на милость — теперь онъ еще письма отчаяннымъ сочинять вздумалъ!

Градусникъ все поднимался. Взяло верхъ что-то наносное, чужое... Не изъ ея разума, не изъ ея сердца выливается оно—нѣтъ, какъ тина выкинуто мутнымъ потокомъ, куда ее внезапно толкнули. Тина, темная, липкая, осталась на ней... Естественная тревога, вызванная неожиданнымъ сообщеніемъ Домны, заглушена острыми подновленными уколами послѣдняго столкновенія съ тетущкой...

Теперь ужъ и сомнѣнія не могло быть, что этотъ безумецъ бродитъ гдѣ нибудь около мызы. Дина взяла зонтикъ, для того чтобы ее легче было увидѣть, и пошла садомъ. Шла, прислушиваясь и оглядываясь — не слѣдитъ ли за нею кто нибудь... Палашка негодница! Ее видало въ жаръ и она шла все скорѣе, точно спѣшила на расправу.

Въ саду никого не встрѣтила. Вышла черезъ заднюю калитку на дорогу; поглядѣла въ залитое зноемъ поле, на блестящее вдали озеро и не знала, что ей предпринять дальше... Ужъ не вообразитъ ли Савелій, что она по его письму явится къ камышамъ?.. Конечно, воображаетъ! Вѣдь онъ не знаетъ, что она навсегда не можетъ больше слышать этого слова безъ отращенія...

Дина разсердилась сильнѣе отъ собственныхъ мыслей, круто повернулась и пошла назадъ къ саду; но въ ту же минуту послышалось что за нею бѣгутъ.

Странно: всегда, какъ бы она ни была раздражена противъ Савелія, первый брошенный на него взглядъ ее обезоруживаетъ. Весь онъ въ дѣйствительности оказывается гораздо привлекательнѣе, чѣмъ въ воображеніи, когда она думаетъ объ немъ...

Думать нельзя только о томъ, что видятъ глаза, что входитъ въ слухъ, доходить до сердца, волнуетъ его... Въ мысляхъ это осязаемое, профильтрованное сквозь собственные чувства неуверенно заслоняется отвлеченнымъ образомъ *мужика*. Существа, скрывающагося въ обособленномъ мірѣ, гдѣ медленно, тяжело—страшно медленно и страшно тяжело—вращается, не двигаясь съ мѣста, намъ чуждая его жизнь... И то, что эту жизнь Дина знаетъ во всѣхъ ея вѣдѣнныхъ подробностяхъ, все-таки не дѣлаетъ ее ни на іоту менѣе чужой... И то, что Савелій близокъ ей съ дѣтства, что онъ ученикъ ея, что она такъ долго ужъ усиливается перелить въ его умъ всѣ свои знанія и понятія—почему-то даже и это не можетъ совершенно высвободить его изъ чуждаго, заслоняющаго его отъ нея міра деревни...

И каждый разъ снова Дина ждетъ, когда увидитъ его, почувствовать въ немъ это чужое, отталкивающее ее въ мысляхъ. Но въ дѣйствительности бываетъ всегда иначе, она другое видитъ: видитъ быстро растущее, полусознательное, полубезотчетное стремленіе, тяготѣніе всего его существа къ ней, къ ея міру—къ человѣческому міру—къ слиянію съ нимъ. Непосредственное впечатлѣніе сразу приближаетъ Савелія къ ней, стираетъ разъединяющую работу ея ума, когда они не вмѣстѣ.

Изъ поразительно чистыхъ голубыхъ глазъ подъ соболиными бровями на нее глядитъ трепетная человѣческая душа, вся въ броженіи, вся въ порывѣ—туда, куда она укажетъ! Съ нѣкоторыхъ поръ для Дины каждая встрѣча начинается такими сложными ощущеніями; но въ послѣдніе дни каждому ощущенію приходится выбиваться изъ-подъ ѣдкаго осадка оскорбленій, изъ-подъ липкой тины чужихъ нечистыхъ помысловъ...

Своими зоркими глазами Савелій сейчасъ же уловилъ гнѣвъ во всей ея фигурѣ; онъ смущенно замедлялъ шаги.

„Набѣдилъ и трусить.. трусишка!“ вспылила окончательно Дина.

— Н-ну-съ! какъ же это происходило? Ты самъ пожаловалъ въ мою комнату? или передалъ Аннушѣево посланіе?..

Она заговорила сейчасъ же, не дала ему подойти, чтобы поздороваться. Савелій невольно попятился передъ неожиданнымъ нападеніемъ.

— Господи... какъ это вы такъ шутите! Съ ума еще не сошелъ, Богъ милуетъ... Изъ сада—окошко у васъ открыто... Я такъ и боялся, что вы разсердитесь!..

— А-а!.. ты все-таки боялся!

Но вдругъ Савелій смѣло шагнулъ къ ней ближе; голосъ его, точно сорвавшись, зазвенѣлъ въ горячемъ воздухѣ.

— Какъ мнѣ не бояться-то, коли вы все только сердитесь!?

Ума не приложу, что такое? Чѣмъ я такъ провинился, что и самъ знать не знаю. Думалъ, думалъ... глазъ всю ночь не завелъ. Рази вы прежде такая были?!

Отъ собственнаго волненія ему не до того, чтобы выслѣдить первую дрожь смущенія въ ея лицѣ. Онъ тяжело взмахнулъ обѣими руками и уронилъ ихъ вдоль тѣла.

— Да... это что! Это я долженъ стерпѣть, понимаю — нѣтъ ли. А какъ мнѣ узнать про то, что дома у васъ приключилось... вотъ мое горе! Сказать не хотите — съ глазъ гоните, такъ, стало быть, изъ-за насъ терпите. Школа наша...

Надежда Ивановна отвернувшись смотрѣла на озеро, точно она невѣсть что тамъ завидѣла. Они стояли у дороги, на виду. Черезъ минуту Дина повернулась къ нему.

— Вотъ что, Савелій... мнѣ необходимо сказать тебѣ очень важное... Затѣмъ и шла. Сейчасъ надо. Зайдемъ, что ли, въ школу, тамъ можно въ сѣнцахъ посидѣть...

Это только сейчасъ пришло ей въ голову — и, не взглянувъ на него, обрадованная, что придумала, дѣвушка поспѣшно направилась къ флигелю. Рощей можно пройти къ заднему крыльцу, какъ пробирались ея ученики, чтобы на чистомъ дворѣ не попадаться на глаза Ларисѣ Ивановнѣ.

Сѣни во флигелѣ не заперты, потому что двѣ молодыя работницы выпросились спать тамъ въ каникулы.

Въ довольно большой низкой комнатѣ стоялъ бѣлый длинный столъ и нѣсколько скамеекъ. Старенькій шкафъ, для простора внесенный сюда изъ классной комнаты, запертъ у Дины на ключъ. Большое окно съ мелкимъ переплетомъ ветхой, почернѣвшей рамы, все запыленное, затянутое по угламъ паутиной, пропускало унылый свѣтъ. Снаружи его еще больше затѣнили какіе то большіе, разросшіеся кусты.

Со свойственнымъ русскому человѣку и въ особенности русской простой женщинѣ пренебреженіемъ къ собственной личности, случайныя обитательницы этой комнаты ровно ничѣмъ не обнаруживали своего присутствія: все оставалось въ такомъ же видѣ, какъ было въ послѣдній учебный день. Нигдѣ не видно хотя бы самыхъ примитивныхъ приспособленій необходимаго удобства, кромѣ свернутой на сундучкѣ за шкафомъ постели съ набросаннымъ на ней тряпьемъ. Застоявшійся воздухъ; пыль на столѣ и свамьяхъ.

Дина прошла прямо къ окну. Оно, очевидно, ни разу не открывалось съ того дня, когда здѣсь, словно растревоженный улій, гудѣли школьники; когда она до послѣдней минуты впускала, твердила, что-то вписывала въ тетрадки, что-то отмѣчала въ книжкахъ, нагнувшись надъ этимъ бѣлымъ столомъ.

...И не побывала здѣсь съ тѣхъ поръ! Сердце сжалось тоскливымъ ощущеніемъ навсегда отжитой полосы жизни.

— Тоже живутъ... по-свински!— ворчалъ сквозь зубы Савелій, оглядываясь, не найдется ли чѣмъ пыль смахнуть со скамейки, въ то время какъ Дина съ усиленіемъ раздвигала тяжелую раму.—Ишь—даже окошка разу не открыли! Небось, повалятся спать, какъ были, въ одежѣ... Чуть свѣтъ на работу, въ кадкѣ гдѣ нибудь на дворѣ сполоснуть глаза, и ладно... Этакъ то и у собаки конура есть! А вотъ, небось, чуть только кто почище около себя привыкнетъ, сейчасъ и бариномъ прозовутъ, на это ума хватаетъ!..

Надежда Ивановна повернулась къ нему отъ окна и спросила, не возвышая голоса:

— Ну, а тебя, Савелій, какъ прозвали? Въ рабочую пору, прибравшись словно на армарку, безъ дѣла слоняешься цѣлыми днями.

Онъ вспыхнулъ, блеснувъ глазами.

— Мнѣ наплевать, какъ они меня ни зови!

— Однако... Отецъ неужели ни слова не говоритъ тебѣ?

— Нивкакъ вы, Надежда Ивановна, строже отца съ матерью хотите быть!— усмѣхнулся онъ съ горечью.—Рабочую пору всякій дуракъ понимаетъ, не хитро... Лѣнтяемъ, слава Богу, еще не бывалъ... Вы мнѣ велѣли лѣто отработать, виду не показывать—такъ развѣ это было когда, чтобы я васъ ослушался своей волей!?

Голосъ напрягался сильнѣе съ каждымъ словомъ. Страстный упрекъ выливался въ его рѣчи—отдѣльный отъ словъ...

...Сколько ужъ времени разговариваютъ, а весь ея гнѣвъ и пробиться неможетъ—встрѣчнымъ потокомъ точно смываетъ все наносное...

Дина порывисто двинула отъ стола скамейку и сѣла, поставивъ локти на столъ. Строгія брови опустились еще суровѣе.

— Вы на меня, точно какъ на маленькаго, сердитесь. Ну, пришелъ, не послушался приказу! Ну, стало быть, не могъ не придти! Стало быть, не чужое оно мнѣ, коли я... я...

Дина шумно поднялась опять на ноги.

— Отлично! вы и всегда такъ же разсуждаете, Савелій Александровичъ?.. Сдѣлалъ—стало быть, не могъ не сдѣлать—только и всего!

Въ горящемъ взорѣ, полномъ страданія, что то мерцало... и потухало... Странно смотрѣли его глаза на Дину съ поблѣвшаго лица.

Захваченные жуткимъ любопытствомъ, глаза подъ тяжелыми бровями оторвались не сразу отъ этого преобразившагося лица...

Дина бессознательно провела рукой по лбу, снова опустилась на скамейку.

— Сядь... Вонъ тамъ, на скамейкѣ садись. Пожалуйста, такъ не волнуйся, Савелій... Я тебя за дѣломъ позвала сюда...

Онъ повиновался съ привычной покорностью. Слѣпая, не повинующаяся сила отхлынула. Сердце горитъ... Точно объ него грозная волна разбилась напрасно...

Давно ли Дина кипѣла злораднымъ нетерпѣніемъ сообщить ему новость („поставить на мѣсто“) — теперь она чувствовала только, какъ въ ней растеть... не можетъ дать себѣ отчета: жалость или страхъ?

— Отецъ ничего не говорилъ тебѣ? — спросила она, бессознательно протягивая время.

Два раза пришлось повторить вопросъ.

— Ничего... Да я, никакъ, два дня не видалъ отца. На сѣновалѣ къ себѣ проходилъ.

— Раньше когда-нибудь не было у васъ дома разговора объ мѣстѣ въ городѣ?

— Да какъ же?.. Сами же вы не приказали говорить до осени?

...Не догадывается! За эти дни сильно осунувшееся лицо потеряло послѣдніе слѣды юношеской беззаботности, но оно смотрѣло на нее съ той же довѣрчивой беззащитностью... О-о!.. это выраженіе Дина слишкомъ хорошо знаетъ! Каждый таковой взглядъ прибавляетъ свою каплю къ грузу, растущему на сердцѣ...

Дина отвела глаза и заговорила дѣловымъ тономъ.

...Домна выдумывать не станетъ. Коли крестной связано, стало быть дѣло конченное... Отецъ не охотникъ съ бабами толковать — не совѣта вѣдь у нихъ спрашивать!.. Кто кумъ то у отца въ городѣ?.. знаетъ онъ?..

Савелій немогъ не знать; — но въ эту минуту онъ ничего не въ состояніи былъ припомнить, связать... Онъ вспыхнулъ весь, какъ смоляной фитиль отъ брошенной искры.

...Не стоитъ объ этомъ толковать... охота время терять!.. Все равно, въ лавку живымъ не засадятъ... Ну, коли ужъ никакимъ манеромъ не удастся выправить паспорта — если всѣмъ отцову сторону потянуть — ну, тогда, значить, конецъ пришелъ — судьба, значить, такая...

— И, вы думаете, пожалѣю я?! — восторженно прижималъ онъ стиснутыя руки къ груди: — Жить бы себѣ тихо, смиренно — какъ на роду написано... Ни объ чемъ, что не про насъ на свѣтѣ ведется не мечтать... Женить, вонъ, пора... Сосватаютъ жену глупую, вздорную... ребятъ полдюжину народить на такую же долю безпросвѣтную...

— Савелій! — Къ чему, къ чему это?!

— А чтобы вы-то про себя никогда не подумали: это я его съ пути свела—а на новую дорогу выбраться некуда оказалось. Знаю вѣдь, что вы думать будете!

— А-а-а!.. ты, стало быть, думаешь!?.—вырвалось съ ужасомъ у Дины.

— Думаю... Какъ же мнѣ не думать? Думаю я, Надежда Ивановна, день и ночь одно думаю: пусть всей моей жизни сколько то дней остается—да не смѣняю я ее на долгій вѣкъ, отъ какого вы отвели меня... Хоть въ щелочку маленькую на свѣтъ поглядѣль!.. Человѣкомъ себя понялъ...

— Что это?!. о чемъ у тебя такія мысли?!

Онъ свѣсилъ голову, тоскливо помоталъ ею вмѣсто отвѣта.

Нѣсколько минутъ Дина въ себя придти не могла. Почему же она знаетъ, на что онъ и въ самомъ дѣлѣ способенъ въ отчаянную минуту!? Но въ то же время какое-то другое, безформенное опасеніе спадаетъ съ души отъ его словъ... Можетъ быть, и не сила звучала въ этой восторженности, но звучало красотой безавѣтнаго порыва.

И когда Дина заговорила, въ ея голосѣ тоже открылись новые свободные звуки. Строгія брови дрогнули и поднялись надъ сіявшими глазами:

— Спасибо, спасибо тебѣ, Савелій! Спасибо, что обо мнѣ такъ думаешь. Сколько-нибудь понимаешь, какой меня въ иную минуту страхъ беретъ за чужую судьбу... Только теперь малодушныя мысли вонъ гнать надо, вонъ! Незачѣмъ ими голову туманить въ нужную минуту—дѣйствовать пришла пора! Я тебя искала, чтобы обсудить все толкомъ, а мы на что столько времени потеряли?..

...Потеряли!! Нѣтъ, сколько-нибудь на сердце полегчало только — дышать стало можно! Не дѣльное чтонибудь? да для него оно, самое то дѣльное и есть!.. Только вотъ... словами никакъ не скажешь—не тѣ все слова попадаютъ...

Савелій весь расцвѣлъ, счастливый отъ ея ласковаго голоса—совсѣмъ ласковаго, лучше чего ужъ и быть не можетъ. Отчего это — Богъ знаетъ—только онъ всегда слышитъ, если Надежда Ивановна говоритъ ласковыя слова, а въ головѣ у нея свои мысли... Тѣхъ мыслей ему никогда, никогда не узнать... Тогда и отъ хорошихъ словъ все равно тоска на душѣ... А теперь...

...Отъ пронесшагося волненія горячо въ сердцѣ, да легкій будто угаръ въ головѣ... Онъ не отрывалъ отъ нея восторженныхъ глазъ.

Дина тоже чувствовала приливъ своей счастливой рѣшимости, когда намѣченная цѣль встаетъ передъ нею съ такой ясностью—точно она глазами видитъ ее. Въ такія минуты всѣ трудности и

препятствія кажутся легкими, одолимыми. Въ такіа минуты — удача! Такъ бы вотъ сію минуту и начать дѣйствовать — не ждать...

Прежде всего Надежда Ивановна хотѣла все знать, она должна своими глазами видѣть, какъ вся эта каша расклебается. Но если она долго проживетъ въ городѣ... Какъ переписку завести съ Савеліемъ?

— Извѣстно, мое письмо нипочемъ отдадутъ отцу! Мы развѣ люди...

— На чужой адресъ писать... Я что-нибудь придумаю...

Онъ только горько усмѣхался на всѣ плавы.

— Думаете, не узнаютъ? Разъ, другой сходилъ за письмомъ — и готово, ха! Развѣ у насъ бываетъ своя жизнь, которую бы уважили!

Дина нетерпѣливо остановилась передъ нимъ. Она возбужденно кружилась по комнатѣ, а Савелій стоялъ, тяжело прислонившись спиною къ столу.

— Такъ какъ же по твоему-то?! Дня черезъ два, три я сѣла въ коляску и уѣхала... а ты тутъ одинъ, какъ знаешь?

— Стало быть...

Лицо его разомъ опять поблѣло — глаза вспыхнули и мрачно слѣдили за нею.

Она прошла безповойно по комнатѣ.

— Н-ну! Стало быть, ждать больше нельзя, ты долженъ сейчасъ же поговорить съ отцомъ. Можешь сказать, пожалуй, что про мѣсто узналъ на мнѣ... это не важно...

Въ разговорѣ самъ собою намѣчался ближайшій планъ дѣйствія, котораго раньше не было, и это еще придавало ей одушевленія.

— Будешь знать, что я во всякую минуту поддержку тебя. Сама поговорю съ отцомъ и земскаго повидаю... Должна же учительница за своего ученика хлопотать!

Онъ и успокаивался отъ горячаго звука ея голоса — и страшился необходимости сейчасъ же самому обрушить все это на себя... Развѣ Надежда Ивановна знаетъ все! Небось передъ нею всякій прикидывается сколько можетъ... Что она съ ними говорить будетъ!..

— Ну, такъ какъ же? когда будешь съ отцомъ говорить? Сегодня за ужиномъ... ладно, что ли? скажешь сегодня? — настаивала Дина со своей стремительной энергіей.

— Хорошо. Сегодня... уступилъ Савелій безо всякаго увлеченія.

Дина зорко присмотрѣлась, сдвигая брови.

— А впрочемъ, дѣлай, какъ самъ знаешь. Подумай еще... расчитай въ послѣдній разъ... Это дѣло цѣлой жизни! Можетъ

быть, сидѣльцемъ лучше проживешь — легче и сравненія нѣтъ нежели учителемъ. Попробуй. .

Иногда ее захватывало странное желаніе быть съ нимъ жестокой — увидѣть въ немъ гнѣвъ. Безъ этого, такъ знакомаго самой ей чувства, чужая душа какъ будто не до конца ясна... Не потому ли эти странныя безгнѣвныя натуры имѣли такую власть надъ ея строптивымъ сердцемъ?..

— Господи... за что вы такъ на меня??. отвѣтилъ Савелій своимъ привычнымъ вроткимъ упрекомъ.

— Да вѣдь и мнѣ, Савелій, толкать тебя... какая же нужда!

— Какая вамъ нужда! — повторилъ только онъ ея слова своимъ выраженіемъ.

У нея, какъ зарево, загорѣлось лицо.

— Ну, вѣдется, ты не можешь упрекнуть, чтобы... я отступалась отъ тебя!

— Нѣтъ, ужъ если... тогда разомъ!.. тогда чтобы... одинъ конецъ!..

Онъ выдавливалъ изъ себя каждый звукъ мучительнымъ усиленіемъ.

— Охъ, смотри... самъ только не отступись! — засмѣялась тревожно Дина. — Вотъ, я и не знаю даже, на что ѣду, когда еще я до школы доберусь, да мнѣ объ этомъ вовсе и думать не хочется! Надо, чтобы и тебѣ тоже совсѣмъ не было страшно... А я знаешь, что думаю?.. Мы тебя въ земскую семинарію выхлопочемъ... На экзаменѣ то вы меня, Савелій Алексѣевичъ, надѣюсь, не осрамите?.. Подъ лежачій камень вода не бѣжитъ... Вотъ, погоди, я въ городъ какъ приѣду — прямо въ управу и отправлюсь. Какъ-ни-какъ, а я у нихъ землевладѣлицей числюсь! Да и старые знакомые найдутся.

Дина весело вскидывала голову, легкія колечки свѣтлаго холка вздрагивали и слегка щекотали ей лобъ. Острый взглядъ совсѣмъ смягчился, точно расплавился въ сіявшихъ зрачкахъ. Брови поднимались все выше, выравнивались. Она поразительно хорошеѣла въ такія минуты.

— Да что — учительница! Мы же друзья дѣтства съ тобой, Савушка! помнишь, какъ ты разъ въ плѣвъ меня отбилъ у моихъ рыцарей? ха, ха, ха!.. пресерьезно не выпускалъ до тѣхъ поръ, пока не получилъ выкупа. Полдня продержалъ на сѣновалѣ... этакій варваръ! Санька стащилъ у Ларисы черносливу и явился съ бѣлымъ флагомъ... А я проголодалась, какъ собака, злилась на тебя... у-у-у — просто бѣсновалась! Вся перецарапалась, въ каждую щелочку пробовала пролѣзть, чтобы убѣжать... Помнишь, небось?..

— Я-то?!. Вы со мной послѣ того цѣльную недѣлю говорить не хотѣли... Простили, когда зайчонка словили...

— Ахъ, да, зайчонковъ! помню зайчонка... Оволѣлъ... Ну, видишь,—какихъ еще надо друзей дѣтства!..

Онъ что-то лепеталъ, протягивая къ ней руки...

— А теперь... теперь... теперь...

Дина перестала улыбаться и выговорила съ сосредоточенной силой.

— Да, и теперь. Теперь, Савелій, можешь навсегда закрѣпить нашу дружбу. Если съ моей помощью добьешься всего, о чемъ мы мечтали, да кто же будетъ тебѣ ближе, чѣмъ я?! Только, чуръ, со всѣмъ такъ прямо ко мнѣ и иди. Чтобы ничего не затѣвать, не посовѣтовавшись, въ каждомъ пустякѣ кайся! Не бойся, не бойся — только вѣдь до тѣхъ поръ, пока я сама не признаю тебя совершеннolѣтнимъ...

Онъ всплеснулъ руками въ невыразимомъ восхищеніи:

— Да я-то... я развѣ захочу!?

— Ну, вотъ еще! еще какъ захочется-то! — смѣялась Дина: — кому это сладко вѣкъ на помочахъ ходить! Ну, а пока, что еще Богъ дастъ — пока уговоръ соблюдать свято и нерушимо... Вѣдь я, Савелій, передъ всѣми отвѣчаю за тебя...

И вдругъ послѣднія слова разомъ потушили беззаботный взрывъ молодого увлеченія. Въ сердце кольнуло. Того ли она хотѣла?..

„Что со мною?.. Развѣ нельзя иначе...“ подумала дѣвушка безпокойно...

Но тутъ же она невольно залюбовалась другомъ дѣтства... Не въ первый разъ случалось ей такъ поджигать его, и долго, долго потомъ онъ живетъ приливомъ страстной энергіи, которой она заражаетъ его... Точно внушаетъ свою безтрепетную вѣру въ могущество человѣческой воли. Но никогда еще Савелій не говорилъ такъ смѣло, какъ сегодня, не распрямлялся передъ нею во весь свой ростъ...

Только для нея поддаться порыву было въ такомъ явномъ диссонансѣ со всѣми предшествовавшими настроеніями, что Дина вдругъ вся сжалась; заспѣшила, оборвала рѣговоръ и отослала Савелія, наскоро повторивъ свои наставленія.

Онъ ушелъ, какъ въ чадѣ.

Первымъ дѣломъ поглядѣлъ на небо: гдѣ солнышко, куда идти теперь, чтобы отца повидать?..

...Нѣтъ, не заужиномъ: сейчасъ надо, сію минуту говорить съ отцомъ, сейчасъ начать борьбу за обѣщанную драгоцѣнную награду — дружбу навѣкъ!

...Стоитъ ему мысленно повторить эти два слова *друзья дѣтства* — точно прямая, гладкая дорога манитъ въ золотистую даль...

Робость, неуверенность, страхъ своего ничтожества—все это въ немъ отъ сознанія непроходимой пропасти между ними... Хоть какъ добра, какъ близка!

...Ко всѣмъ добра — не къ нему одному. Всякаго разспросить, научить, за всякаго вскипить негодованіемъ, какъ за самое себя... То — для всѣхъ. „Другъ дѣтства“ — это онъ одинъ! Такъ вѣдь было, не слова это — на самомъ дѣлѣ было. Заиграются — даже иной разъ и позабудешь, что барышня... Онъ былъ тогда и смѣлѣе, и умѣлѣе ихъ, тогда у него перенимали. Саничку-то и покалачивалъ ни по чемъ!

...Случилось разъ, — чуть-чуть и ее не ударилъ... Обидѣла, раздразнила — и кинулся не въ себѣ. Не опомнился, нѣтъ, — зажалъ!.. рука не поднялась...

Дина никогда этого не узнала.

„Пожалуй, признаюсь когда-нибудь... Вотъ, когда все уладится — въ семинарію поступлю...“ думалъ теперь Савелій, шагая широко и смѣло по узенькой межѣ, овсами, туго поднимавшимися отъ засухи.

Эта ребячья тайна, которую онъ хоронилъ въ своей душѣ, давно получила для него особенную важность: она одна приближала его къ Динѣ больше, чѣмъ все другое... то, что тогда онъ удержался — пожалѣлъ ее.

Но только сегодня въ первый разъ еще Савелій подумалъ, что когда-нибудь онъ это расскажетъ Надеждѣ Ивановнѣ. И когда это думалъ — на ту минуту — пропасти точно и вовсе ужъ не стало между ними: черезъ пропасть перекинулась та дорожка, расчищенная сегодняшними рѣчками...

Савелій шелъ длинной, кружной дорогой. Будто и не на неприятное шелъ, не на открытую, давно готовившуюся схватку съ отцомъ. Точно его и не заботило въ эту минуту, какъ все это у нихъ кончится?

Не одинъ вѣдь онъ шелъ... Плечомъ къ плечу съ другомъ, неизмѣримо его сильнѣе.

На край свѣта, кажется, пошелъ бы такъ, безъ страха, безъ думы...

Ольга Шапирь.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КАКЪ Я СДѢЛАЛСЯ СКУЛЬПТОРОМЪ.

(Изъ моихъ воспоминаній).

(Окончаніе *).

Въ Петербургѣ я скоро забылъ и неудавшееся заграничное путешествіе, и гродненскія непріятности. Мнѣ предстояло держать экзамень въ академію; но у меня не было тѣхъ стремленій и волненій, которыми обыкновенно бываютъ подвержены поступающіе въ специальное заведеніе. Академію я уже зналъ раньше, мнѣ были знакомы всѣ классы, коридоры, служителя, я зналъ даже нѣкоторыхъ профессоровъ. Рисовалъ я недурно, и на экзаментъ мой рисунокъ оказался однимъ изъ лучшихъ. Первое, что меня притягивало, это—скульптурный классъ, и какъ только занятія начались, я устремился туда рано утромъ. Всѣ ученики были въ сборѣ, ждали профессора. Пока же мы разсматривали бюсты и статуи, которые, впрочемъ, мнѣ и до того были знакомы. Служитель-солдатъ Илья, много лѣтъ проведенный въ этомъ классѣ сторожемъ, намъ объяснялъ названія бюстовъ и статуй. «Вотъ это Люциферъ», сказалъ онъ, шепелявя и подмигивая однимъ подслѣповатымъ глазомъ. «Это Аполлонъ съ ящерицей, а тамъ—съ лукомъ. Вотъ Антиной; не надо его путать съ «Бахомъ». У того на головѣ кочанъ, ананасъ». Такъ онъ перечислилъ всѣ статуи, точно упоминалъ своихъ бывшихъ товарищей по полку. Конечно, большинство названій было намъ чуждо; нѣкоторые не знали даже, имена ли это историческія, или миеологическія. Были новички, которые впервые видѣли статуи. «Посмотри», говоритъ длинный, худой сибирякъ, въ русской рубашкѣ и въ высокихъ сапогахъ, обращаясь къ земляку, горбаченькому, «вотъ Херкулесъ. Какой, должно быть былъ дуракъ набитый. Говорятъ, онъ жену свою поколачивалъ». «А кто эта мамка съ кокошникомъ?» спрашиваетъ другой, указывая на Юнону. Останавливаемся передъ Лакономъ. «Вотъ здорово!» говоритъ горбаченькій. «Это, пожалуй, самая лучшая группа».—«Вотъ ужъ не попалъ,—возражаетъ ученикъ старенькій, съ порядочною лысиной. Лѣтъ 6 онъ ужъ занимается въ скульптур-

*) См. «Міръ Божій», № 4, апрѣль. 1902 г.

вомъ классѣ.—Эта группа относится ко времени упадка. Вишь какіе кускулы! Какъ мѣшки; не то что у Аполлона».—«А что это, господа», говорятъ молоденькій новичокъ, «женщина или мужчина?» указывая на молодого Аполлона. Всѣ хохочуть.

Пришелъ профессоръ, красивый старикъ фонъ-Боккъ. Всѣ его окружили и дружно отвѣсили поклонъ. «Ну, что, пришли работать?» пробороталъ онъ тихо, угрюмо, окинувъ насъ общимъ взглядомъ. «Выбирайте себѣ голову, какую хотите, и сдѣлайте барельефъ». Ждали мы какихъ-нибудь указаній, совѣтовъ, наострили уши, чтобы услышать какое-нибудь наставленіе, не скажетъ ли онъ рѣчь, но онъ, переваливаясь съ ноги на ногу, только еще чтото сквозь зубы сказалъ, пожелалъ намъ успѣха и ушелъ. Тогда мы обратились къ тому старенькому ученику, который такъ важно говорилъ объ упадкѣ въ Лакоонѣ и просили его посовѣтовать намъ, что лѣпить. «Начните по порядку», сказалъ онъ увѣренно, основываясь на долготѣлнемъ опытѣ. «Сперва голову «Анатоміи», потомъ профиль Антиноя; Гомера труднѣе, а Лакоона еще труднѣе». — «А можно лѣпить Дискобола?» спрашиваю я. «Вишь чего захотѣлъ», возразилъ онъ сердито. «Вотъ погѣщите-ка, какъ я, три рѣза Германика съ фаса и 2 рѣза спинку, 5 рѣзъ Аполлона, да научитесь наизусть лѣпить слѣдочки и кисточки, и тогда можете приступить, пожалуй, и къ группѣ».

Пришелъ глинящикъ, натурщикъ Дмитрій. Онъ 40 лѣтъ стоялъ на натурѣ и зналъ всѣхъ профессоровъ и художниковъ. Сталъ онъ намъ рассказывать, какъ въ старину бывали строги, какъ какой-то профессоръ любилъ одного ученика, а другого не любилъ, и какъ нелюбимцу велѣлъ поступить въ дворники; какъ другой профессоръ настаивалъ на томъ, чтобы его ученику дали медаль, какъ ученикъ ничего не могъ сдѣлать и какъ профессоръ передъ экзаменомъ проработалъ всю ночь у него. Затѣмъ онъ перешелъ на себя, рассказалъ, какъ онъ стоитъ на натурѣ, не шевелясь, 2 часа, безъ отдыха, и въ это время спитъ. Но скоро онъ перешелъ къ охотѣ (онъ былъ страстный охотникъ). Его фигура даже напоминала тургеневскаго Ермолая. Мы испугались длинныхъ охотничьихъ рассказовъ и поспѣшили разойтись. Кое какъ перекусивъ въ плохой кухмистерской, находившейся по 1-й линіи въ подвалѣ, мы въ 4 часа были опять въ академіи. Занятій еще не было, но мы всѣ собирались въ темный корридоръ и дожидались открытія классовъ вечерняго рисованія. До 5 часовъ еще было далеко, а надо было соблюдать очередь: кто становился ближе къ двери, тотъ раньше всѣхъ могъ попасть въ классъ и выбрать себѣ лучшее мѣсто. И вотъ въ темнотѣ цѣлой толпой мы осаждаемъ дверь. Всѣ стоятъ съ длинными грубами Ватманской бумаги и съ пучкомъ угольковъ, кто стоитъ прильнувшій къ двери, кто у стѣны, а кто наваливается на товарища. Рассказываются анекдоты; всѣ смѣются. Иногда слышны брань и ругательства. Народъ прибываетъ, и тѣснота дѣлается ужасная; просто

лежать другъ на другѣ. Слышны шаги въ корридорѣ. «Это генералъ идетъ», говоритъ тотъ, кто ближе стоитъ къ наружной двери. Показывается высокая, сухощавая фигура вахтера Яковлева, или, какъ ученики его называли, «самого начальника». Николаевскій солдатъ изъ кантонистовъ, лысый, съ бакенами, съ рыжими усами, Яковлевъ смѣшилъ насъ своимъ строгимъ, начальственнымъ видомъ и своей важной гордой походкой. Выраженіе «мы съ Исеевымъ» приписывалось ему; его, однако, боялись; поговаривали, что онъ обо всѣмъ докладываетъ инспектору Черкасову. Однако, онъ не былъ неподкупенъ и нѣкоторымъ протезировалъ. При его появленіи всѣ еще плотнѣе прижались и налегли на дверь. «Ну, баловники, посторонитесь!» говоритъ строго вахтеръ-фельдфебель. Кто-то ударяетъ его по головѣ бумагой. «Черкасову скажу, мы вамъ зададимъ! Вотъ не отопру, и стойте тутъ». Но дверь онъ все-таки открываетъ. Тутъ, какъ солдаты крѣпость, мы приступомъ беремъ дверь, врываемся толпой въ классъ, бѣжимъ по скамьямъ, расположеннымъ амфитеатромъ. Бѣгутъ всѣ черезъ скамьи, подъ скамьи, всѣ ищутъ мѣста, откуда модель, бюстъ или статуя лучше освѣщается и кажется красивѣе. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ уже заняли мѣста, и только опоздавшіе бродятъ по классу и мѣняются оставшимися плохими мѣстами.

Весь шумъ, весь хаосъ разомъ утихаетъ, какъ только принимаются рисовать. Тутъ водворяется такая тишина, что, несмотря на страшную толпу (около 100 человекъ работаетъ въ одномъ классѣ), слышенъ только скрипъ угольковъ и шумъ отъ тряпокъ, стиравшихъ угольки. Иногда слышенъ звонкій голосъ инспектора, академика Черкасова. Если Яковлевъ насъ смѣшилъ своей строгостью, то инспекторъ иной разъ этой же напускной строгостью насъ пугалъ. «Нельзя-съ», бывало раскричится этотъ художникъ-чиновникъ стараго добраго времени. «Что вы, господа, не знаете, что ли? Вы ученики еще, а не профессора. Не позволю!» Но ученикъ ходитъ за нимъ и съ покорностью продолжаетъ просить. Тогда, не отворачиваясь, онъ сердито говоритъ: «Ну, позволяю, но это послѣдній разъ». Это былъ типъ, современный Яковлеву: изъ художниковъ, кантонистовъ, высокій, живой, съ длинными нафабранными усами, всегда дѣятельный, онъ любилъ строгости. Кричалъ онъ не только на слушающихъ и учениковъ, но иногда и на профессоровъ. Какъ человекъ, онъ былъ добрый, но ограниченный; какъ художникъ—бездарный, но добросовѣстный.

Отъ страшной жары, отъ множества лампъ и отъ дыханія воздуха въ классѣ дѣлается удушливый, жара дѣлается нестерпимой, но всѣ до того увлечены рисованіемъ, что никто не чувствуетъ ни жары, ни духоты. Время долетитъ, и 2 часа прохлять незамѣтно. Звонокъ, возвѣщающій конецъ рисованія, вызываетъ сожалѣніе. Неохотно всѣ вкладываютъ рисунки въ папку и, лѣживо отирая съ лица обильный потъ, выходятъ въ холодный, свѣжій корридоръ; вы-

ходятъ всё мокрые, красные, съ блестящими глазами и съ взерошенными волосами. Вечерніе классы рѣдко кто пропускалъ. Бывало, больные, голодные приходятъ рисовать, до того увлекались тогда рисованіемъ. Мой хозяинъ квартиры, больной, пожилой уже человекъ, отецъ семейства, служилъ въ штабѣ. Жалованье у него было маленькое, и чтобы его увеличить, онъ бралъ домой работу, но не могъ эту работу исполнить, потому что аккуратно посѣщалъ вечерніе классы въ академіи. За эту любовь къ рисованію онъ не получалъ повышенія и бѣдствовалъ. Товарищъ мой впоследствии рассказывалъ, что одно время онъ по дѣльнымъ днямъ голодалъ; но мысль о вечернемъ рисованіи поддерживала и ободряла его. Рисунокъ ему очень удавался, онъ же увѣрялъ, будто только тѣ рисунки бывали удачны, которые онъ рисовалъ, будучи голоденъ. Служитель при классѣ разъ указалъ намъ на одного тихаго, бѣднаго ученика, который, какъ влюбленный, всегда смотрѣлъ на свой рисунокъ. Онъ по окончаніи классовъ позже всѣхъ оставался, собиралъ корки грязнаго хлѣба, которымъ стираются рисунки и ихъ съѣдалъ. За хорошіе рисунки выдавались медали и получившіе допускались къ конкурсу на золотую медаль. Но главное, всѣхъ увлекало соревнованіе.

Многіе очень хорошо рисовали, и ученіе происходило не столько благодаря указаніямъ молчаливыхъ и малодаровитыхъ профессоровъ, которымъ ученики мало вѣрили и которыхъ мало уважали, сколько благодаря совѣтамъ самихъ товарищей. Словомъ, учились сами собою. Совѣтъ другое было въ скульптурномъ классѣ. Тутъ насъ скульпторовъ было всего человекъ 8—10. Всѣ мы плохо еще работали и другъ отъ друга нечего было позаимствовать, а отъ профессоровъ, приходившихъ черезъ день, мы узнавали нѣкоторыя мелочи и детали, касающіяся рисунка, собственно же гѣпки, т.-е. какъ гѣпить и чѣмъ, насъ не учили. Правда, свойство барельефа таково, что рисунокъ и перспектива играютъ въ немъ, важную роль, но и въ круглыхъ вещахъ примѣнялся такой способъ преподаванія, который скорѣе убивалъ истинное чувство скульптуры, а не развивалъ его. Такъ, для сравненія формъ, профессоръ всегда совѣтовалъ вертѣть и модель и копію и тѣмъ провѣрять постоянно наружный контуръ, исходя изъ той теоріи, что какъ линія есть сумма точекъ, такъ круглая поверхность есть сумма линій. По этому способу ученикъ пріучался, копируя, видѣть только линіи, а не чувствовать форму и оттого гѣпка выходила сухая, бессознательная, а главное—формы сами не запечатлѣвались въ памяти ученика. Благодаря этому, работая въ вечернихъ рисовальныхъ классахъ, два часа въ день и 5 разъ въ недѣлю, я дѣлалъ гораздо болѣе успѣха въ технику (скоро я перешелъ въ фигурный и натурный классъ), чѣмъ въ скульптурномъ классѣ, гдѣ работалъ ежедневно отъ 9 до 2 почти безъ отдыха. И въ то время, какъ въ рисунокѣ я увлекался съ начала до конца, въ гѣпкѣ мнѣ нравилось

только начало; тутъ въ 2—3 дня я дѣлалъ общее, а потомъ, гоняясь за линіей и за рисункомъ, я «зарабатывался». Скоро, бывало работа совсѣмъ надоѣдаетъ и ждешь случая начать новую. Работалъ я не хуже другихъ и считался успѣвающимъ и прилежнымъ. Но не я одинъ, а всѣ въ скульптурномъ классѣ относительно дѣлали мало успѣховъ въ техникѣ. Всѣ лѣпили вяло, и только у тѣхъ кто, дома лѣпилъ съ натуры безъ всякаго руководства, въ работахъ, какъ—будто, проявлялась жизненность и нѣкоторая свѣжесть. Но домашнія работы не поощрялись профессорами. Помню, я принесъ показать фигурку съ натуры. Профессоръ такъ свысока отнесся къ этой работѣ, съ такой насмѣшкой указалъ на ошибки: тутъ кисточка мала, тамъ слѣдокъ не на мѣстѣ, а о самой работѣ ни слова, что мнѣ стыдно стало передъ товарищами. «Вотъ что», добавилъ профессоръ, «лучше не показывайте мнѣ домашнихъ работъ. Что вы дома работаете, это ваше дѣло. Сперва научитесь здѣсь копировать антики, а потомъ дѣлайте, что хотите». Да, потомъ...

Но это «потомъ» продолжается у меня уже около 6 лѣтъ. Еще до реального училища хотѣлось мнѣ вылѣпить нѣкоторыя сценки изъ еврейской жизни, которая тогда была мнѣ еще такъ близка. Задумалъ я вылѣпить сценки: въ хедерѣ, въ синагогѣ, на кладбищѣ: но «потомъ» некогда было; при томъ не было той обстановки, которая необходима для жанриста. Въ Петербургѣ трудно было достать еврейскіе типы и характеры. «Потомъ» я много изъ еврейской жизни позабылъ. Я окунаясь въ новую жизнь, сблизился съ другими людьми. Будучи въ душѣ жанристомъ, я захотѣлъ брать сюжеты изъ этой новой обстановки. И вотъ, только что сталъ привыкать къ жизни русскихъ людей, какъ опять новая жизнь, опять новая обстановка меня окружаетъ. Попалъ я въ жизнь неизвѣстныхъ мнѣ древнихъ грековъ, съ утра до вечера нахожусь среди статуй боговъ, философовъ, о которыхъ прежде понятія не имѣлъ, попалъ въ чуждый мнѣ міръ, и какъ я ни старался имъ проникнуться, читалъ мифологію и исторію, часами смотрѣлъ на статуи,—все никакъ не могъ настроить себя такъ, чтобы переживать то, что греки переживали, и изображать ихъ жизнь въ сценахъ. Отъ жизни евреевъ къ жизни не-евреевъ я могъ еще перейти; какъ растение, я могъ быть пересаженъ на новую почву. Но отъ живого къ отжившему, отъ почвы къ небу я не могъ перескочить. И потому, тѣмъ больше я это сознавалъ, тѣмъ больше уходилъ отъ себя. Осталось мнѣ одно: углубляться въ автоматическое изученіе формъ и въ механическое копированіе Ахиллесовъ и Аполлоновъ. Повторялось то же, что и въ реальномъ училищѣ: тамъ вмѣсто ожидаемой умственной пищи я получалъ какія-то пилюли и облатки, значеніе которыхъ мнѣ и до сихъ поръ неизвѣстно; а тутъ, въ академіи, я изучалъ бытъ и жизнь народа, жившаго за нѣсколько тысячъ лѣтъ до меня вмѣсто того, чтобы сперва

научиться вѣрнѣ видѣть и изображать то, что вокругъ меня. Однако, нѣкоторые мои товарищи скоро свыклись съ новой обстановкой, стали дѣлать эскизы на темы изъ мифологіи и изъ исторіи и нѣкоторые довольно удачно. Правда, у нихъ, можетъ быть, природныя способности къ исторіи, между тѣмъ какъ я люблю жанръ. А можетъ быть, я просто неспособенъ, часто думалось мнѣ. Можетъ быть, всѣ ошиблись; но тогда зачѣмъ меня такъ хвалили, зачѣмъ носились со мною и находили, что мои эскизы изъ еврейской жизни что-то обѣщаютъ. Неужели это все была насмѣшка? Какъ разъ въ это время находясь въ такихъ сомнѣніяхъ, я наткнулся на слѣдующій эпизодъ.

Въ одномъ богатомъ домѣ я познакомился съ инженеромъ-евреемъ. «А, вы въ академіи учитесь! Можетъ быть, вы сумѣете мнѣ сказать, что случилось съ мальчикомъ-скульпторомъ, о которомъ гдѣ-то много говорили? Его привезъ сюда Антокольскій. Говорили, что этотъ мальчикъ будущая знаменитость. И вотъ съ тѣхъ поръ онъ точно въ воду канулъ. Что съ нимъ стало?» Этотъ вопросъ какъ разъ отвѣчалъ моему внутреннему состоянію, и я съ злорадствомъ отвѣтилъ: «Да этотъ мальчикъ былъ я; меня привезъ Антокольскій, и вотъ теперь...» — «Не можетъ-быть!» удивленно вскрикнулъ разочарованный инженеръ. Мнѣ тогда пріятно было его разочарованіе; небось, самъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые, не зная меня, разносили обо мнѣ чудеса и небылицы; вотъ теперь получай за это награду! Инженеръ ступшевался. Доставалось мнѣ отъ нѣкоторыхъ старыхъ знакомыхъ, выдавшихъ меня у Рѣпина и у Антокольскаго. «А вы все еще въ академіи? Однако, давненько занимаетесь!» Все это, да и мои внутреннія сомнѣнія такъ подѣйствовали на меня, что я потерялъ энергію и вѣру въ академію, о которой мечталъ. Вотъ почему съ особенной чуткостью я сталъ прислушиваться къ тому, что происходило въ художественномъ мірѣ внѣ академіи, и съ особеннымъ интересомъ сталъ слѣдить, какъ нѣкоторые талантливые художники, у которыхъ я раньше бывалъ и учился, сплотились вмѣстѣ и во имя свободы и самостоятельности творчества образовали товарищество.

Въ это время я получилъ предписаніе изъ гродненскаго воинскаго присутствія пріѣхать немедленно отбыть воинскую повинность. Хотя въ академіи я былъ уже въ натурномъ классѣ, но чтобы получить отсрочку, надо было имѣть малую серебряную медаль. Поговаривали, что нѣкоторые получали эту медаль раньше, когда подходилъ срокъ службы. Надо было хлопотать, просить; а иногда канцелярія приходила на помощь юношамъ, если за нихъ хлопотали. Впрочемъ, такъ только говорили; но я ничего не предпринималъ и рѣшился какъ-нибудь самостоятельно справиться съ этимъ дѣломъ. Одновременно съ предписаніемъ начальства я получилъ письмо отъ дядюшки: онъ просить и умоляетъ не пріѣзжать въ Гродно. «Если пріѣдешь, то хромого, слѣплого—тебя возьмутъ, ибо въ Гроднѣ дѣтки самихъ депутатовъ (п»

набору) разбѣжались и не хватаетъ положеннаго числа рекрутовъ». И такъ, меня требуютъ въ Гродно. Но такъ какъ тамъ евреи уклоняются отъ воинской повинности, то и мнѣ надо было стараться туда не пріѣхать.

Я находился въ другомъ положеніи, чѣмъ мои единовѣрцы, скученные въ провинціи: русскій языкъ я отчасти зналъ, русскихъ полюбилъ и съ ними сблизился и все-таки старался избавиться отъ воинской повинности. И повятно почему: бросить на нѣсколько лѣтъ любимое дѣло искусства, носить тяжеловѣсное ружье на своемъ слабомъ, по катомъ плечѣ, ѣсть пищу, которую мой желудокъ не варитъ, жить въ атмосферѣ, которую мои легкія не выносятъ—это было печальное будущее. Но послѣ того, чему я насмотрѣлся въ Гродно, послѣ того, что написалъ мнѣ дядя, что въ Гроднѣ и слѣпого, и хромого примутъ, я рѣшился, если служить, то только не въ провинціи. А этого я могу достигнуть тѣмъ, что объявлю себя вольноопредѣляющимся. Это даетъ право выбрать мѣсто службы, жить на частной квартирѣ и ѣсть свою пищу. И вотъ когда я получилъ изъ Гродны бумагу съ требованіемъ пріѣхать отбывать воинскую повинность, я немедленно сталъ хлопотать о томъ, чтобы остаться служить въ Петербургѣ. Въ гвардію, конечно, меня не принимаютъ; армейскихъ полковъ только два; въ Новочеркасскомъ евреямъ отказываютъ. Иду въ единственный пѣхотный резервный батальонъ. Полковой командиръ, полковникъ О., сердито читаетъ мою рекомендацію изъ академіи. «Что такое конференцъ-секретарь?» спрашиваетъ онъ. Я объясняю. «А гдѣ эта академія художествъ находится? Чѣмъ вы тамъ занимаетесь?» И разузнавъ все, полковникъ говоритъ: «Все-таки не могу васъ принять». Рассказываю я о своей бѣдѣ знакомому, у котораго въ это время былъ генералъ Н. «Я охотно вамъ это устрою», сказалъ любезно генералъ, «только надѣну ордена и съѣзжу къ командиру; посмотримъ, какъ онъ васъ не приметъ». На слѣдующій день, когда я явился къ командиру, онъ ужъ меняе сердито сказалъ: «Зачѣмъ вы беспокоили генерала? Я васъ принимаю. Но знайте, что у меня художествомъ не заниматься. Вы будете у меня жить въ общей казармѣ». И болѣе тихимъ голосомъ прибавилъ: «Пойдите въ канцелярію; тамъ вамъ скажутъ, какія бумаги подать». Въ канцеляріи меня окружаютъ дежурные офицеры. Молоденькій красивый брюнетъ меня спрашиваетъ: «Вы какой художникъ? Портреты дѣлаете?» «А меня можно снять?» спрашиваетъ другой, толстый, рыжій поручикъ. «Самое удобное мое лицо» говоритъ третій, «у меня усомъ нѣтъ». Однако, за дѣломъ они меня отослали къ главному письмоводителю. То былъ унтеръ-офицеръ, маленькій, сгорбленный, на видъ очень скромный, но съ хитрыми, бѣгающими глазами. «Поздравляю васъ, радуюсь за васъ», говоритъ онъ тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ, «счастье, что генералъ пріѣхалъ, а то нашъ командиръ строгій. Теперь вотъ что: принесите копи со всѣхъ вашихъ

бумагъ, а главное—не забудьте медицинское свидѣтельство, котораго у васъ не хватаетъ. Когда все это принесете, мы васъ тотчасъ зачислимъ, задержки не будетъ. Впрочемъ, можете теперь уже считать себя принятымъ».

«Итакъ я принять», думалъ я, выйдя изъ канцелярїи; «достигъ того, о чемъ мѣсяцъ хлопочу». Однако-жъ, мнѣ жутко стало. При выходѣ изъ казармъ, я увидѣлъ группу молодыхъ солдатиковъ; ихъ обучали. Неужели и я на холоду буду часами такъ стоять и тяжелое оружіе носить, гимнастику дѣлать? А вѣдь здоровье мое плохо, еле-еле въ казармы тащусь. Но вспомнивъ Гродно, пристава, слова дядюшки, я примирился со своимъ положеніемъ. Рассказываю я друзьямъ о томъ, что меня приняли, но что у меня не хватаетъ докторскаго свидѣтельства. Знакомый военный докторъ, старикъ Г., меня спрашиваетъ: «Неужели будете служить? Вѣдь вы для службы негодны. Это видно по наружности; груди не хватаетъ, да и ростъ слишкомъ малъ». Рассказываю я, въ чемъ дѣло, что не хочется мнѣ ѣхать въ Гродно, гдѣ служить придется при еще худшихъ условїяхъ; здѣсь же мнѣ легче служить и академія близка. «Нѣтъ, гдѣ вамъ служить», говоритъ заслуженный докторъ. «А насчетъ свидѣтельства приходите ко мнѣ завтра въ корпусъ; тамъ я васъ освидѣтельствую и выдамъ вамъ документъ». На слѣдующее утро, придя въ кабинетъ доктора, я нашелъ тамъ цѣлую комиссію докторовъ. Всѣ меня освидѣтельствовали, взвѣшивали, мѣрили, постукивали грудь, выслушивали и затѣмъ за подписями всѣхъ написали мнѣ свидѣтельство съ приложеніемъ казенной печати. «Ну вотъ и документъ», улыбаясь, говоритъ главный докторъ, «снесите это въ полкъ. Посмотримъ, какъ они васъ примутъ». «Вѣдь мнѣ хуже будетъ», говорю я, «если не примутъ; въ Гродно пошлютъ».—«Не ваше дѣло; отдайте бумагу. Какой вы солдатъ? Вамъ надо художествомъ заниматься, а не военнымъ быть».

Несу всѣ бумаги въ полкъ. Письмоводитель ихъ просматриваетъ и говоритъ: «Вотъ прекрасно, теперь все въ порядкѣ. Сегодня же приму васъ». По читая докторскій документъ, онъ раскрываетъ глаза отъ изумленія и тихо мнѣ говоритъ: «Послушайте, ваше дѣло скверное, съ такой бумагой вы не можете поступить. Совѣтую, подите къ нашему полковому доктору, попросите: онъ человѣкъ добрый, онъ дастъ вамъ такое свидѣтельство, которое будетъ годиться; а эту бумагу лучше не показывайте. Да и написали вамъ бумагу: точно полтора понедѣльника осталось вамъ жить», сказалъ улыбаясь письмоводитель, кончая чтеніе. Но посмотрѣвъ на меня, онъ прибавилъ: «а дѣйствительно, какой вы худенькій и маленькій!»—«Да, я дѣйствительно нездоровъ», жалуюсь я. «Да тогда какого чорта вы къ намъ поступаете, хлопочете и рветесь на службу».—«Но мнѣ нужно отбывать воинскую повинность. Не хочется мнѣ ѣхать въ Гродно. А если бы не повинность, то ни за что не служилъ бы: здоровье плохое, да и въ академіи учусь».—«Такъ,

значитъ, вамъ служить не хочется?» замигалъ быстро глазами писмоводитель. «Такъ бы и сказали! А я-то все думаю, что вамъ хочется служить. Что-жъ, можно и иначе устроить: вотъ напишу вамъ бумагу въ думу, чтобы васъ тамъ освидѣтельствовали. Снесите ее, и если дѣло уладится, приходите ко мнѣ потомъ на квартиру; вотъ я тамъ-то живу».

Снесъ я свидѣтельство въ думу. Предсѣдатель воинскаго присутствія, прочитавъ ее, такъ разволнися, что я отъ страха чуть не убіжалъ. «Какъ смѣлъ полкъ намъ предписать васъ освидѣтельствовать! Я задамъ нахлобучку тому, кто это написалъ. Не ихъ дѣло. Поѣзжайте въ Гродно, въ вашу участокъ». Опять горе; всѣ хлопоты потеряны. Жалуюсь всѣмъ, рассказываю. Но добрый генералъ Н. еще разъ за меня заступается. Онъ близко знакомъ съ гродненскимъ губернаторомъ, который тогда находился въ Петербургѣ и рассказалъ ему всю мою исторію. Губернаторъ призываетъ меня къ себѣ и совѣтуетъ мнѣ написать ему же прошеніе о томъ, чтобы освидѣтельствоваться въ Петербургѣ. «Эту бумагу», говоритъ губернаторъ, «отправьте въ Гродно къ моему вице-губернатору; онъ ее сюда мнѣ перешлетъ, а я уже поговорю съ здѣшнимъ губернаторомъ». Но случилось другое. Вице-губернаторъ въ Гроднѣ передалъ мою бумагу воинскому начальнику, который послалъ мнѣ телеграмму немедленно явиться въ Гродно. Казалось, мое дѣло совершенно погибло.

Я былъ въ отчаяніи. «Отъ кого это, наконецъ, зависить?» спрашиваетъ В. В. Стасовъ, которому я рассказалъ свое горе. «Отъ министерства внутреннихъ дѣлъ», отвѣчаю. «А кто товарищъ его?» задумался В. В. «Ба, вѣдь онъ товарищъ мой по правовѣдѣнію. Попробую, попытаюсь. Вы тутъ, Эліасъ, подождите, а я сейчасъ сбѣгаю къ нему». Черезъ коротенькій промежутокъ времени возвращается В. В. радостный. «Ну, Эліасъ, вотъ вамъ и устроилъ! Все кончено. Прихожу я къ товарищу министра. Сейчасъ меня принимаетъ, встрѣчаетъ меня съ распростертыми объятіями. «Вы, В. В., ко мнѣ! Что васъ заставило придти?» Я ему такъ и такъ, все рассказалъ, а онъ, не давъ мнѣ договорить, спрашиваетъ: «Не еврей ли онъ?» Да, говорю, еврей. «Жалко», отвѣчаетъ министр, «я далъ себѣ слово для евреевъ ничего не дѣлать». А я ему о васъ заплѣлъ. Тогда онъ говоритъ: «Вы даете мнѣ слово, что это человекъ хорошій?» Даю. Онъ надавилъ электрическую пуговку и моментально распорядился о васъ. Вотъ какъ скоро!» «Да», подумалъ я, надавилъ пуговку и я избавился отъ всего, всего. Черезъ нѣсколько дней въ думѣ меня освидѣтельствовали и нашли меня никуда не годнымъ. Этимъ закончилась моя эпопея о воинской повинности. Мѣсяцъ я ходилъ по казармамъ, по канцеляріямъ, часами стоялъ у дверей командира, и это такъ надорвало мое и безъ того слабое здоровье, что я сталъ сильно кашлять и у меня показалась кровь изъ горла.

Поднялся вопросъ уже не о томъ, годенъ ли я къ военной службѣ

ни нѣтъ, а годенъ ли я вообще, ибо здоровье мое совсѣмъ пошатнулось, и не къ полковому доктору, котораго рекомендовалъ мнѣ писарь, а къ самому С. П. Боткину меня отправили. Тогда С. П. былъ въ полномъ апогеѣ своей славы, къ нему, простому смертному трудно было попасть; но за меня, по просьбѣ В. В. Стасова, хлопоталъ М. А. Балакиревъ. Онъ устроилъ такъ, что С. П. принялъ меня въ своей клиникѣ, въ академіи.

Пріемъ происходилъ во время чтенія лекціи на IV курсѣ. Аудиторія была полна. Всѣ студенты, а также молодые доктора были въ сборѣ. Лекція была посвящена мнѣ, т.-е. моей болѣзни. Мнѣ такъ интересно было ее слушать, что вмѣсто пациента я превратился въ слушателя. Въ аудиторіи было свѣжо, и я, сидя раздѣтымъ, не чувствовалъ даже холода и такъ увлекся лекціей, что забылъ, въ какомъ я видѣ, и чуть не вышелъ раздѣтый вмѣстѣ со студентами изъ аудиторіи. Съ тѣхъ поръ прошло около 20 лѣтъ, но многое осталось мнѣ еще въ моей памяти. С. П. я до того времени не видалъ, но я тотчасъ узналъ его по бюсту Антокольскаго. Только на бюстѣ онъ задумчивъ, а въ дѣйствительности былъ полонъ жизни. Черты лица хотя заплавышія, но по выпуклому лбу и глубоко лежащимъ живымъ глазамъ видно было, что это человѣкъ высокаго ума и таланта. Общій типъ чисто русскій, купеческій. Разспросивъ меня предварительно о томъ, что я дѣлаю, какъ глѣблю, гдѣ живу, чѣмъ питаюсь, онъ приступилъ къ выслушиванію груди и затѣмъ заговорилъ приблизительно такъ: «Вотъ передъ нами субъектъ крайне истощенный, тщедушнаго сложенія. Грудь слабая, подъ такимъ-то ребромъ слышна хрипота. Онъ занимается скульптурой и весь день стоитъ передъ мокрой глиной; питается плохо, въ кухмистерскихъ. У него появилась кровь изъ горла. Ему 21 годъ. Если такой больной къ вамъ обратится, то вы сейчасъ гоните его изъ Петербурга. Его года опасны. Его болѣзнь можетъ развиться быстро. Но за этого молодого человѣка не бойтесь: онъ еврей. Его родители бѣдны, тщедушны по рожденію, набожны, ѣдятъ мясо, съ котораго спущена кровь, не ѣдятъ ничего сырого, сала не выносятъ. Многіе ведутъ сидячую жизнь. Отъ рода къ роду у нихъ передается тщедушіе; но вмѣстѣ съ тѣмъ передается и удивительная выносливость. Они обладаютъ изумительной жизненной способностью. Ихъ семейная жизнь строгая, кровь чистая, циркуляція крови правильная. Ровно 10 лѣтъ тому назадъ обратился ко мнѣ другой еврей, его учитель Антокольскій, такой же тщедушный. У него была болѣзнь горла въ такой острой формѣ, что я испугался и упустилъ изъ виду всѣ тѣ обстоятельства, которые вамъ только что говорилъ, я приговорилъ его къ смерти, думалъ, что онъ недолго проживетъ. Но вотъ онъ поправился и понынѣ здравствуетъ. Итакъ, если такой субъектъ къ вамъ обратится, то, на основаніи его прежней жизни, его происхожденія, его расовыхъ особенностей не пугайтесь и не думайте,

чтобъ онъ былъ въ опасности». Такъ вотъ, какой я, обрадовался я. Миѣ и бояться нечего. Пожалуй, въ академіи могу продолжать заниматься. Однако, на словахъ Боткинъ передалъ черезъ Балакирева, что миѣ слѣдуетъ уѣхать на югъ, и добрый баронъ Г. А. Гинцбургъ далъ миѣ на то средства. Я расстался съ академіей и уѣхалъ въ Парижъ.

«Ѣду, Ѣду въ Парижъ», полный восторга и радости, говорилъ я всѣмъ и повсюду. «Счастливый, счастливый», миѣ вездѣ отвѣчали. «Не забудьте, Эліась, побывать въ тѣхъ мѣстахъ, въ тѣхъ музеяхъ, о которыхъ я вамъ говорилъ», твердилъ миѣ В. В. Стасовъ. «Впрочемъ, я вамъ напишу все на бумажкѣ, чтобы не забыли», прибавилъ онъ. «Постарайтесь попасть въ палату депутатовъ во время преній», говорили миѣ знакомые. «Конечно, вы ходите въ *Val mobil*, въ *Alcazar*», шопотомъ и съ насмѣшкой прибавляли третьи. Я забылъ свою болѣзнь, свои неприятности съ воинской повинностью, все думалъ о томъ, что миѣ предстоитъ. Какое счастье, что буду въ Парижѣ, въ этомъ великомъ городѣ. Это было вскорѣ послѣ славной всемірной выставки 1878 года, когда почти весь міръ поздравлялъ Парижъ и Францію съ полнымъ возстановленіемъ силъ послѣ неудачнаго 71 года. Все молодое, все свободное устремлялось тогда во Францію, чтобы поучиться у знакомыхъ профессоровъ и художниковъ. Впрочемъ, я не учиться ѣхалъ: хотѣлось миѣ повидаться съ Антокольскимъ и потомъ уѣхать на югъ. Помню, пріѣхалъ я въ Парижъ рано утромъ, когда на улицахъ не было еще никакого оживленія. Сидя въ закрытой каретѣ, я все нагибался къ окошку и смотрѣлъ въ маленькое окошко на однообразную линію домовъ, которые послѣ цвѣтныхъ домовъ петербургскихъ казались миѣ скучными и некрасивыми. Зато глазъ мой былъ пораженъ песгройтой огромныхъ афишъ, наклеенныхъ на заборахъ и на стѣнахъ. Эга новинка характеризуетъ Парижъ, подумалъ я.

Зѣхалъ я къ Антокольскому, жившему тогда возлѣ *Place d'Etoiles*, *Avenue Victor Hugo*. Восемь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я жилъ у Антокольскаго, въ домѣ Воронина, противъ академіи,—и какая перемена! Квартира, куда я теперь заѣхалъ, правда, маленькая, но что за убранство, какое изящество, съ какимъ вкусомъ все разставлено и устроено! На всѣхъ столахъ разложены старинныя вещи изъ кости, дерева и кожи! «А что это за ружье, зачѣмъ оно вамъ?» спрашиваю я у Марка Матвѣича. «Это старинное; впрочемъ, тебѣ-то еще не понятно. Здѣсь въ Парижѣ все собираютъ *antiquités*, и я пристрастился къ этому. Проживешь, и самъ втянешься въ эту страсть, она очень завлекательна. А сколько пользы принесла эта коллекція моему работѣ! Ужасно развиваешь вкусъ; одно только: разоряешься очень на покупку этихъ вещей. Но деньги не потеряны; я ихъ всегда получаю обратно». Въ первый разъ увидѣлъ я красивыхъ дочерей Анто-

кольскаго, одѣтыхъ съ большимъ вкусомъ, по старинному. Онѣ напоминали средневѣковые портреты. Похорошѣвшая Елена Емелиановна одѣта была къ лицу и изящно. Самъ Маркъ Матвѣичъ ничуть не постарѣлъ: онъ былъ полонъ силъ и энергіи. «Счастливейшій», подумалъ я, «вотъ, должно быть, доволенъ судьбою: всего достигъ, чего хотѣлъ». «Ну, теперь поведу тебя въ мастерскую, тамъ увидишь другое», сказалъ мнѣ Антокольскій.

По дорогѣ пройдя по Place d'Étoiles, онъ обратилъ мое вниманіе на огромный барельефъ на Arche de Triomphe, работы Rude'a. «Вотъ посмотри, это одинъ изъ лучшихъ бразцовъ французскаго творчества. Сколько тутъ огня, какъ талантливо, но и какая «риторика»! Талантливы французы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безсодержательны», продолжаетъ мой бывший учитель. «Въ искусствѣ они спрашиваютъ, какъ сдѣлано, а не что сдѣлано. На выставкѣ увидишь массу хорошихъ вещей, но много плохихъ. А насчетъ себя скажу, что мнѣ тутъ не мѣсто», прибавилъ онъ съ нѣкоторой грустью въ голосѣ. «Меня все тянетъ обратно въ Италію: тамъ меня понимаютъ, и жизнь тамъ спокойная, тихая. А тутъ этотъ шумъ, гамъ мнѣ не по сердцу. Одно—дѣтямъ тутъ лучше учиться и женѣ здѣсь очень нравится». Незамѣтно, въ разговорѣ, подошли мы къ мастерской, находящейся въ узенькой улицѣ, rue Bayen, у шумнаго грязнаго рынка. Сердце у меня забилось, когда я увидалъ массу статуй и бюстовъ. «А вотъ старый знакомый!» вскрикнулъ я, увидавъ Іоанна Грознаго и Петра. «Нѣтъ, ты посмотри мои новыя вещи; увидишь, какой я сдѣлалъ успѣхъ. Старое то, да не то». И взявъ меня за руку, онъ подвелъ меня къ мраморному Сократу, а затѣмъ къ Христу, работы, за которыя онъ получилъ награду на всемірной выставкѣ. Дѣйствительно, какая удивительная техника, какая широкая лѣпка въ этихъ новыхъ работахъ! Что за красивыя формы тѣла и драпировки и сколько вездѣ мысли и чувства! Но невольно опять мой глазъ перескакиваетъ на Іоанна Грознаго, стоявшаго въ глубинѣ мастерской. Сравниваю его съ новыми работами, и кажется мнѣ, что онъ не хуже новыхъ. Иванъ Грозный поражаетъ энергіей и смѣлостью. «А гдѣ «Инквизиція»? спрашиваю я, желая провѣрить свои прежнія впечатлѣнія. «Охъ, объ ней не говори; она у меня повернута къ стѣнкѣ: ее какъ испортилъ при отливкѣ бронзовщикъ, такъ я на нее и смотрѣть не могу и никому ея не покажу. Можетъ быть, когда-нибудь ее передѣлаю. Впрочемъ, у меня сюжетовъ столько, что не знаю, за который раньше взяться. Есть и еврейскіе сюжеты: Моисей, Деборъ, «Вѣчный жидъ»; но теперь я думаю о другихъ».

Кромѣ работъ Антокольскаго въ Парижѣ я ничего не смотрѣлъ въ этотъ пріѣздъ. (Докторъ хотя находилъ мое здоровье удовлетворительнымъ, однако совѣтывалъ поскорѣе уѣхать на югъ). Не стоило въ нѣсколько дней осматривать Парижъ, когда я собирался всю зиму остаться здѣсь. Пока, до отъѣзда, я пользовался

прекрасной погодой и гулялъ по окрестностямъ Парижа. Весна была неподобная. Не знаю, почему добрые знакомые мои въ Петербургѣ, перечисливъ всѣ прелести Парижа, не говорили мнѣ о парижской веснѣ; я думаю потому, что въ эту пору имъ не приходилось бывать въ Парижѣ, иначе они съ восторгомъ говорили бы объ этомъ. Памятна мнѣ моя первая прогулка. Рано утромъ я отправился по широкой, чистой авеню въ Булонскій лѣсъ. Перспектива высокихъ, зеленѣющихъ деревьевъ, за которыми видѣлись капризно выстроенные особнячки-стелы, безконечныя густыя аллеи, чисто-голубое небо, все вмѣстѣ подѣйствовало на меня такъ, что, казалось, съ природою, перереждаюсь, возобновляюсь и я. Не чувствуя усталости, я прошелъ по главнымъ аллеямъ, черезъ весь лѣсъ, перешелъ черезъ Сену, берега которой поразили меня прстотой и своеобразной красотой, и попалъ въ St.-Cloud; тамъ, мимо дворца, поднялся на террасу, откуда неожиданно открылся моему взору весь Парижъ, Парижъ, въ которомъ я жилъ, но котораго не зналъ, Парижъ, о которомъ столько мечталъ, но прежде чѣмъ провинуть во внутрь его, люблюсь его общимъ видомъ. Вернулся я по чуднымъ берегамъ Сены, черезъ Neuilly. Эту прогулку я повторялъ нѣсколько разъ, но эта первая осталась мнѣ больше всего въ памяти.

Скоро я уѣхалъ на югъ Франціи и уѣхалъ не одинъ, а съ художникомъ К., пансіонеромъ академіи. Онъ былъ пейзажистъ, и ему хотѣлось писать этюды на югѣ Франціи, но не зная французскаго языка, онъ нашелъ удобнымъ присоединиться ко мнѣ, и мнѣ было веселѣе ѣхать съ товарищемъ. По совѣту одного художника, мы поѣхали въ маленький городокъ St.-Jean de Luz, тогда еще мало посѣщаемый иностранцами. Мы прибыли туда рано утромъ. Носильщикъ перенесъ наши вещи въ ближайшую гостиницу, и мы, осмотрѣвъ комнату и разложивъ тамъ вещи, выбѣжали на улицу, чтобы осмотрѣться, гдѣ мы. Было чудное, свѣжее утро. На улицѣ была полная тишина, точно всѣ спали. Зеленыя ставни были вездѣ закрыты. Мы нѣотуже время стаяли въ раздумьи, куда намъ идти; но съ конца улицы доносился какой-то равномерный глухой гулъ, и мы направились къ нему по круто поднимающейся улицѣ. Дойдя до конца улицы, мы ваткнулись на каменный заборъ и передъ нами открылось неожиданное зрѣлище: страшно широкій синій горизонтъ отдѣлялъ тихое зеркало океана отъ ярко-голубого неба, и огромная полоса бѣлаго песку отдѣляла насъ отъ безконечной глади воды. Все казалось неподвижно и тихо; только въ томъ мѣстѣ, гдѣ песокъ кончался, пѣна въ видѣ еще болѣе бѣлой ленты шевелилась, и тамъ происходилъ этотъ глухой гулъ. Я никогда океана не видалъ, и зрѣлище это произвело на меня такое впечатлѣніе, что я долго стоялъ въ изумленіи. Такъ встать откуда этотъ шумъ! Такъ близко онъ, а мнѣ онъ казался Богъ знаетъ гдѣ. «Что за тишина, что за колориты!»

говоришь товарищ мой. На возвратномъ пути, когда мы спускались съ высокого берега, намъ представился видъ совершенно другого рода: огромная зеленая долина отдѣляла нашъ небольшой городокъ отъ красивой дѣли Пиренеевъ; вдали свѣтилась на солнцѣ рѣчка, за которой виденъ былъ другой городокъ. «Какъ тутъ прекрасно, какое счастье, что мы сюда попали!» сказали мы въ одинъ голосъ. Со слѣдующаго же дня мы стали отправляться на этюды. Товарищъ мой, любившій очень Малороссію, все искалъ мѣста ровныя, съ большимъ горизонтомъ. Ему горы не нравились. «Что за природа здѣсь грубая, непоэтичная! То ли дѣло Малороссія, степи, безконечный горизонтъ и высокое небо». Я не былъ съ ними согласенъ: мнѣ нравились горы. Случалось, однако, что мы направлялись въ горы. Товарищъ мой, навьюченный пѣльмиъ багажомъ: ящичкомъ съ красками и зонтикомъ, а я альбомомъ и складнымъ стуломъ; усаживались мы въ тѣнистомъ мѣстѣ и работали часами, не замѣчая, какъ время проходитъ. Чистый горный воздухъ, тишина и чудесная природа,—все это доставляло такое удовольствіе, которое понятно больше всего истинному пейзажисту. Работа намъ удавалась, и мы чувствовали себя счастливыми. Иногда мы отправлялись на этюды вторично, послѣ обѣда. Вечеромъ мы развѣшивали свои работы по стѣнамъ, сравнивали ихъ и радовались, что число ихъ увеличивается. Бывало, на насъ нападаетъ меланхолія. Тогда отправляемся мы на рѣгу и тамъ гуляемъ. Товарищъ тогда напѣваетъ русскія пѣсни, которыя зналъ въ изобиліи, а я подтягиваю, какъ могу. Въ пѣсняхъ этихъ иногда высказывалась наша грусть по родинѣ, и обыкновенно послѣ пѣнія рассказывали мы другъ другу о своемъ житьѣ-бытьѣ въ Россіи.

Русскихъ тамъ никого не было. Но разъ былъ такой случай: мой товарищъ былъ въ ударѣ, и отъ пѣсень меланхолическихъ перешелъ къ веселымъ цыганскимъ романсамъ. «Вдругъ услышите васъ кто-нибудь», предостерегаю я его. «Какая собака насъ тутъ пойметъ», возражаетъ расхолодившійся пѣвецъ, продолжая свой жестокий романсъ. «Голубчики, стойте!» кричитъ въ это время кто-то по-русски. Оглядываюсь—видимъ, къ намъ бѣжитъ высокій мужчина, лѣтъ 35-ти; брываетъ, съ открытымъ, добрымъ лицомъ. «Ахъ вы, милые русскіе! Самъ Богъ прислалъ васъ сюда», сказалъ, приблизившись, незнакомецъ. «Позвольте представиться: моя фамилія А. Я погибаю здѣсь отъ тоски, хотя не одинъ я здѣсь: вотъ тутъ гуляетъ генералъ К. съ семействомъ своимъ. Оттого-то я и остановилъ васъ: боюсь, запоете вы такой романсъ, котораго барышни не слѣдуетъ слышать. Пойдемте, познакомлю васъ съ генераломъ». Генералъ—старикъ восточнаго типа, съ очень энергичнымъ лицомъ. Черные, красивые глаза, большой орлиный носъ говорили о его энергіи, но блѣдный цвѣтъ лица, сгорбленность и медленный разговоръ свидѣтельствовали о настоящемъ болязненномъ его состояніи. Съ нимъ была дѣвица, съ

длинной свѣтлой косой, и старушка мать, оубо очень симпатичныя. «Радъ познакомиться,—говоритъ генералъ,—какъ вы сюда попали? Еслибъ не болѣзнь, я бы въ эту дыру ни за что не поѣхалъ. Хвастуны эти французы! Какъ расписали! Въ путеводителѣ даже отиѣчены тумбы и деревья».—«А все-таки вамъ тутъ лучше», услокаиваетъ генерала старушка, типъ разсудительной, умной русской женщины. «Милости просимъ», обращается она къ намъ, «приходите къ намъ сегодня чай пить, у насъ самоваръ есть». Въ тотъ же вечеръ мы отправились съ новымъ нашимъ знакомымъ А. въ кафе. Онъ угощалъ насъ виномъ, но больше всего угощался самъ. Тутъ мы узнали его исторію. Онъ сынъ московскаго высокопоставленнаго лица и въ Москвѣ предавался вину. Родитель послалъ его за границу провѣриться и подлѣчиться. «И вотъ какой я несчастный», кончаетъ свой разсказъ самобичующій А., «здѣсь такъ тоскую, что мѣста себѣ не нахожу. Позвольте мнѣ съ вами на этюды ходить; это меня развлечетъ, и я отъ недуга своего избавлюсь». Мы охотно согласились, и съ тѣхъ поръ въ нашей кампаніи было много веселья, ибо нашъ спутникъ оказался очень остроумнымъ и веселымъ собесѣдникомъ.

Но недолго съ нами продержался нашъ интересный знакомый по вечерамъ онъ сталъ носить вино къ намъ и насъ угощать. Мы запрещали ему это дѣлать, обыскивали его передъ приходомъ, но онъ въ нашемъ отсутствіи пряталъ подъ кроватью корзину съ шампанскимъ.

Въ St.-Jean de Luz мы проводили тихую, рабочую жизнь цѣлыхъ пять мѣсяцевъ. Дни шли за днями незамѣтно и однообразно. Но нѣсколько разъ наша жизнь выбивалась изъ обыкновенной колеи. Разъ мы три дня гуляли, участвуя на праздникахъ St.-Jean. Тогда весь городъ превращается въ ярмарку; устраиваются игры, театры, цирки и проч.; съѣзжаются со всѣхъ окрестныхъ деревень крестьяне; тутъ и испанцы, и баски, и французы, многіе въ національныхъ костюмахъ. Мы присутствовали на всѣхъ играхъ и зрѣлищахъ, но больше всего насъ интересовали народные танцы. Не забуду, какъ разъ, возвратившись съ гулянья вечеромъ мы наткнулись на слѣдующее: городская площадь, вся облитая луннымъ свѣтомъ, казалось намъ, колыкалась, какъ море, точно волны, и только приблизившись, мы увидѣли, что это танцующій народъ, которымъ сплошь наполнена была вся площадь. Нѣсколько мандолинъ играли народный танецъ—фанданго, а рослые, красивые баски, какъ мотыльки кругомъ цвѣтка, вертѣлись кругомъ граціозно танцующихъ дѣвушекъ. Въ эти три дня мы больше познакомились съ жизнью мѣстныхъ жителей. Незадолго до отъѣзда мнѣ удалось увидѣть болѣе грандіозное зрѣлище.

Въ St.-Jean de Luz было вывѣшено объявленіе, что въ такой-то день будетъ въ St.-Sébastien'ѣ представленіе: бой быковъ. Программа была подробная, имена главныхъ участниковъ напечатаны жирнымъ, красивымъ шрифтомъ; назывались города, гдѣ они родились, перечи-

слагались всё ихъ успѣхи и заслуги. Я рѣшился туда поѣхать, посмотреть то, о чемъ такъ много говорятъ. До границы я пошелъ пѣшкомъ. Это была прекраснѣйшая прогулка черезъ чудесные Пиренеи. Первый городъ Ирунь уже носить испанскій характеръ: узкія улицы, заборы, обитые зеленью, дома со множествомъ балконовъ—все это было для меня ново и прекрасно. Дальше я поѣхалъ по желѣзной дорогѣ, по берегу моря, мимо чудеснаго острова, на которомъ красовался старинный городокъ съ развалинами и башнями. Погода была восхитительная; путешествіе обѣщало быть удачнымъ. St.-Sébastien я не успѣлъ осмотрѣть: торопился на представленіе. Театръ, гдѣ происходитъ бой быковъ, огромный, открытый, круглый, какъ Коллизей. Поразило меня убранство: сидѣнія разукрашены зеленью, флагами и красной матеріей. Главная ложа задрапирована коврами и чудесной матеріей національныхъ цвѣтовъ. Испанскій гербъ, прибитый сверху, указываетъ на то, что въ этой ложѣ сидитъ мэръ или другой представитель города. У меня было хорошее мѣсто, и вся арена и всё мѣста были мнѣ видны. Скоро весь театръ наполнился; все заперзѣло. Публика образовала собой сплошную полосу. Снизу полоса эта окаймлялась красной рампой арены; сверху же кончалась флагами, гирляндами, а тамъ—чистое голубое небо. Зрѣлище необыкновенное; пестрота чудныхъ цвѣтовъ пріятно раздражала глазъ, и я любовался общимъ видомъ. Появилась процессія артистовъ въ костюмахъ, расшитыхъ золотомъ и шелками. Они заблестѣли на весь театръ. Мурашки забѣгали у меня по тѣлу, когда музыка заиграла національные испанскіе мотивы. Казались они похожими на еврейскій темпъ. Разодѣтые, стройные, красивые актеры идутъ бодро въ тактъ музыки чудесно звучащихъ мандалинь. Все зашевелилось отъ восторга; у всѣхъ, видно, пробудился духъ національный. Процессія обходитъ весь театръ и останавливается у разукрашенной ложи. Тамъ на первомъ мѣстѣ сидитъ красавица. Процессія ей кланяется, публика неистово аплодируетъ. Многие выкрикиваютъ имя красавицы. «Вотъ такъ торжество», сказалъ я по-русски громко, почувствовавъ потребность услышать свой собственный голосъ. «Стоить въ-за тридцать земель сюда пріѣхать, чтобы посмотреть это великолѣпіе». Процессія удаляется; музыка замолкаетъ; все утихаетъ.

Не замѣтилъ я, какъ на аренѣ появился быкъ. То былъ не такой быкъ, костлявый, неуклюжій, какихъ я привыкъ видѣть дома. Предо мной стоялъ стройный, красивый звѣрь, чуднаго темно-сѣраго цвѣта (на довольно высокихъ ногахъ и съ удлиненной шеей). Онъ гордо поднималъ голову и удивленно посмотрѣлъ своими прекрасными, большими черными глазами на пеструю публику. Вся его фигура выражаетъ силу и красоту, и невольно любуешься этой дикой породой. Красивые костюмы, музыка, голубое небо и этотъ дикій звѣрь, все вмѣстѣ продолжаетъ восхищать мой глазъ; всё эти вещи одинаково прекрасны, и оттого испытываю я большое удовольствіе. Но на этомъ всѣ удо-

вольствіе, все торжество кончается; дальше совершается такой ужасъ, такое безобразіе, что изъ настроенія восторженнаго разомъ переходишь въ раздраженіе и, наконецъ, доходишь до невыносимаго страданія. Не вѣрится, что тѣ разодѣтые красавцы, которые въ процессіи ходили плавно подѣ аккомпаниментъ мандолинъ, которые такъ любовно кланялись красавицѣ, теперь всѣ вооружены орудіями пытки: кто длинными иглами, кто пикой, а кто кинжаломъ. Поочередно, соблюдая какой-то порядокъ, правило и программу (безъ правилъ и безъ программы не совершается ни одно насиліе, ни одно убійство—война, дуэль) они мучаютъ дикаго, растерявшагося звѣря, сперва втыкаютъ ему иглы въ кожу, потомъ пиками колютъ его и затѣмъ закалываютъ ножомъ. Всѣ эти ужасныя мученія совершаются съ такимъ расчетомъ, чтобы быкъ какъ можно больше разъярился, и когда истекающее кровью животное бросается на мучителей, то одинъ, какъ жалкіе трусы, разбѣгается, а другіе дразнятъ быка, отвлекая его въ сторону. Глядя на эту безобразную потѣху, я вспомнилъ то, что видѣлъ въ дѣтствѣ: дрянные мальчишки поймали мышонка. Они накалили желѣзный пруть и черезъ отверстие мышеловки жгли имъ глаза и тѣмъ несчастнаго звѣрька. Мышь бѣгала, пищала, а мучители хохотали. Одинъ старался прутикомъ попастьъ прямо въ глазъ, и когда ему это удалось, то всѣ захопали въ ладоши отъ радости. Вскорѣ они утомились, и мышъ бросили на сѣдленіе кошкѣ. До того я возстановленъ былъ противъ этой жестокости, что у меня совершенно исчезло чувство солидарности съ этой прекрасной породой человѣческой, и я только слѣдилъ за несчастнымъ быкомъ, ждалъ, чтобы онъ бросился на мучителей и отомстилъ бы имъ. И когда быкъ перескакиваетъ черезъ барьеръ и публика въ ужасѣ разбѣгается, то я хохочу. Хочется мнѣ, чтобы быкъ погнался за ними; но быкъ, растерянный, къ досадѣ моей, возвращается на арену. Пикадоръ на лошади, у которой перевязаны глаза, чтобы не пугаться и не видѣть ужаса мученій, втыкаетъ пику въ открытую рану быка. Быкъ въ остервенѣніи бросается на лошадь, рогами распарываетъ ея животъ; кишки лошади вываливаются на землю. Пикадоръ спасается въ ужасѣ. Скоро и убитую лошадь, и внутренности ея на глазахъ всей публики стаскиваютъ съ арены. Быкъ бросается на другого мучителя, который перескакиваетъ черезъ барьеръ и, падая, разбиваетъ себѣ носъ. Кровью онъ облилъ всю рампу. Наконецъ, выполняется самый важный и послѣдній номеръ программы: такъ называемый матадоръ шпагою закалываетъ быка. Публика кричитъ, галдитъ, я думаю, что это отъ радости, но смотрю показываютъ кулаки, ругаются неприличными словами, бросаютъ на сцену апельсинныя корки. Думаю, что это негодованіе, злятся, что убили быка, но и того нѣтъ. По программѣ быка слѣдуетъ убить. Оказывается не такъ убили, не по тѣмъ правиламъ, главный глadiatorъ измученнаго звѣря. Музыка заиграла, но шумъ и гамъ не унимается. На сцену являється новый быкъ. Я встаю и, громко ругаясь, направляюсь къ выходу. На

меня смотреть и иронически улыбаются. Нѣсколько дней я былъ подъ впечатлѣніемъ этого ужаснаго зрѣлища, не могъ ѣсть и спать. Когда черезъ нѣсколько лѣтъ я былъ въ Мадридѣ и узналъ, что скоро тамъ дается бой быковъ, то уѣхалъ изъ города, чтобы не видѣть ту публику, которая приметъ участіе въ неслыханномъ безобразіи.

Я вернулся въ Парижъ глубокой осенью и ради дешевизны поселился въ предмѣстьѣ Парижа, Neuilly. Нанялъ я комнату въ глухой улицѣ, въ маленькомъ ресторанѣ, въ которомъ жили преимущественно итальянскіе рабочіе и кучера. Комната моя находилась въ темномъ корридорѣ верхняго этажа, и обстановка ея была такая, какая обыкновенно бываетъ въ подобныхъ ресторанахъ. Огромная деревянная кровать, занимающая три четверти комнаты покрыта старыми, запыленными, съ потолка спускающимися занавѣсами. Полукруглый столъ прислоненъ къ мраморному камину, на которомъ стоитъ зеркало въ золотой рамѣ и испорченные часы. Старый умывальникъ, маленькій столъ у кровати и единственный стулъ — вотъ все, что могла вмѣстить эта крошечная комната. Все имѣло видъ старыи и ветхій; мѣнялись хозяева ресторана: одни умирали, другіе, наживаясь, передавали ресторанъ третьимъ, но обстановка въ комнатахъ оставалась одна и та же впродолженіи многихъ десятковъ лѣтъ. Какая-то грусть всегда охватывала меня, когда я оставался въ комнатѣ лишній часъ, и письма я предпочиталъ писать внѣ дома, лишь бы не видать этой грустной картины изъ окна: черныя крыши и рядъ закоптѣлыхъ трубъ. Впрочемъ, дома я только спалъ и рано утромъ отправлялся въ мастерскую, и по дорогѣ на улицѣ, подъ воротами, гдѣ старуха продавала готовый кофе, я стоя выливалъ за три су огромную чашку сѣрой жидкости. Въ мастерской я тогда копировалъ съ гипсовъ, большею частью съ работъ самого Антокольскаго. Но работа шла у меня туго, и я не былъ доволенъ ею; техника у меня была слабая: въ академіи я еще не успѣлъ ничему научиться, а указанія Антокольскаго не всегда были мнѣ понятны. Его поправки только обезкураживали меня. Антокольскій тогда реставрировалъ статую Петра. Онъ поручилъ мнѣ по гипсовой статуѣ работать воскомъ, и я исполнялъ его порученіе неумѣло, не такъ, какъ ему хотѣлось. Онъ сердился и бывалъ мною недоволенъ. Вообще, я чувствовалъ себя въ мастерской не совсѣмъ свободно: самъ стѣснялся работать и казалось мнѣ, точно стѣсняю другихъ. Обожая работу Антокольскаго, его изумительную технику и глубокую мысль, которую онъ всегда вкладываетъ во всѣ свои произведенія, я, однако, самъ чувствовалъ себя неспособнымъ къ исторической и героической скульптурѣ (grand art) и все мечталъ о январѣ. Въ музеяхъ, на выставкахъ я искалъ вещи, представляющія сцены изъ современной жизни. Еще въ петербургскомъ зрмитажѣ я любовался картинами голландской и фламандской школы. Въ Парижѣ я тогда былъ въ восторгѣ отъ новаго направленія—націоналистовъ. Тогда Jules Breton, Bastien-Lepage, Lehrmitte, Dangan-Bouveret

и др. писали изумительныя картины изъ народнаго быта, писали правдиво и такъ понятно для всякаго, что я сталъ больше сознавать въ себѣ это влеченіе къ жанру. Не менѣе правился мнѣ реализовать французскихъ скульпторовъ; и они уже сбросили старую, непонятную мнѣ манеру подражанія классикамъ, и хотя все еще работали голыя фигуры, бессмысленныя аллегоріи, однако сама трактовка вещей была реальная, правдивая. Не принималось на вѣру, какъ прежде, то, что дѣлали греки и римляне, а все провѣрялось по натурѣ, и въ этомъ отношеніи искусство скульптуры начало жить своею жизнью. Началось хотя пока только для техники новая эпоха, не возрожденія стараго, а созданія чего-то новаго.

Антокольскому тогда очень понравились мои рисунки и нѣкоторые этюды масляными красками, которые я привезъ изъ St.-Jean de Luz. Онъ посоветовалъ мнѣ показать ихъ Боголюбову, съ которымъ былъ тогда въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Боголюбовъ, видѣвшій меня въ мастерской Антокольскаго, принялъ меня въ своей мастерской довольно любезно, но работу свою мнѣ не показалъ. Я замѣтилъ только нѣсколько мольбертовъ, на которыхъ висѣли небольшія марины, писанныя по французской манерѣ. Самъ Боголюбовъ, высокій, бодрый еще старикъ, стоя, покровительственнымъ тономъ разспрашивалъ о моихъ занятіяхъ въ академіи. «Здѣсь теперь вашъ президентъ, великій князь; вамъ слѣдуетъ ему представиться», сказалъ онъ. Рисунки мои онъ одобрилъ: «хорошо рисуете. Я могу принять васъ въ ученики; вы у меня научитесь хорошо писать. Это ничего, что вы еврей. Вотъ скульпторъ Беренштамъ также еврей, а я ему протежирую. Одно только: чтобъ вы мнѣ потомъ не сдѣлали того, что сдѣлалъ бывшій ученикъ мой Б: онъ, полдецъ, сталъ копировать меня и такъ поддѣлался подъ мою манеру писать, что его картины принимали за мои.» Показалъ я также свои рисунки М. Я. Вилліе. «Надо вамъ поступить въ школу къ какому-нибудь знаменитому художнику», громко сказалъ всегда весело настроенный художникъ. «Только у французовъ и можно учиться. Если позаимствуете ихъ манеру, то въ гору пойдете». И не сказавъ мнѣ ничего, онъ стѣзилъ къ Вонпат и попросилъ его принять меня въ ученики. Однако, всѣ эти любезныя предложенія Боголюбова и Вилліе я не могъ принять: скульптурѣ я не былъ намѣренъ измѣнить, а поступать вновь къ какому-нибудь учителю мнѣ не хотѣлось. Я слышался достаточно рассказовъ о парижскихъ знаменитостяхъ, какъ они равнодушно относятся къ своимъ ученикамъ, а съ другой стороны, какъ сами ученики пользуются только именемъ знаменитыхъ профессоровъ, и мнѣ все это было противно. Я тогда уже чувствовалъ инстинктивное отвращеніе къ слѣпому поклоненію художественнаго авторитета и манерѣ работать, и такимъ образомъ я остался вѣренъ академіи, а пока мастерской Антокольскаго.

Тамъ я близко сошелся съ молодымъ евреемъ Зильберманомъ. Судьба

этого человѣка въ нѣкоторомъ отношеніи замѣчательна. Уроженецъ Орловской губ., онъ получилъ въ наслѣдство отъ отца водочный заводъ, но изъ принципа не сочувствовалъ этому дѣлу, все распродалъ и уѣхалъ въ Парижъ, чтобы тамъ научиться новому дѣлу; но въ поискахъ за работой онъ растратилъ свои деньги, заболѣлъ и попалъ въ больницу. Тамъ случайно его увидѣлъ художникъ Дмитріевъ-Оренбургскій. Впослѣдствіи онъ поступилъ къ Антокольскому въ мастерскую, гдѣ за извѣстную плату исполнялъ всякія порученія, убиралъ мастерскую и покрывалъ колпакомъ работу. Но въ свободное время онъ лѣпилъ, рѣзалъ по дереву и обнаружилъ такія большія способности, что Антокольскій считалъ его своимъ ученикомъ, съ нимъ совѣтовался во всѣхъ дѣлахъ. И другіе художники оцѣнили способности Зильбермана-его потомъ сдѣлали секретаремъ русскаго общества. Съ нимъ я по-дружился и проводилъ почти весь день; вмѣстѣ мы завтракали въ очень маленькомъ кабачкѣ, находившемся у рынка и содержавшемся высокой, толстой бретонкой, м-ше Эрнестъ, которая замѣчательно вкусно готовила намъ завтраки. Въ этомъ кабачкѣ я встрѣчался съ нѣсколькими русскими художниками. Русскіе садились вмѣстѣ за отдѣльный столикъ, вмѣстѣ мы ѣли, шутили, смѣялись. Я тогда жилъ на очень скудныхъ средствахъ и не могъ много тратить на ѣду. Бывало съ завистью смотрю, какъ мои сосѣди берутъ цѣлыя порціи; я же долженъ былъ удовлетворяться полупорціями, при томъ такихъ блюдъ, за которыя не платится supplément. Въ компаніи, изъ подражанія, я пилъ много простого вина, и послѣ завтрака, подъ впечатлѣніемъ оживленнаго разговора съ русскими и выпитаго отвратительнаго вина, я находился въ возбужденномъ состояніи, и вмѣсто того, чтобы идти въ мастерскую, гдѣ никого еще не было (Антокольскій и рабочій уходили завтракать), я уходилъ на часъ въ fortifications; тамъ, усаживаясь на насыпь, я зачерчивалъ виды и наблюдалъ за быстро пробѣгающими мимо меня поѣздами Ceinture. Въ мастерской я работалъ вплоть до вечера и вмѣстѣ съ Маркомъ Матвѣичемъ мы отправлялись къ нему обѣдать. Антокольскій тогда велъ жизнь семейную, замкнутую; никто у него не бывалъ, рѣдко собирались гости. Обыкновенно послѣ обѣда всѣ домашніе расходились по своимъ комнатамъ. Маркъ Матвѣичъ читалъ или писалъ, и я, чуточку посидѣвъ и почитавъ русскую газету, уходилъ. Но куда идти? Домой еще рано было. Мнѣ противно было возвращаться въ мою комнату чрезъ ресторанъ, наполненный пьющими кучерами и лакеями. И вотъ, очутившись на Place d'Etoiles, откуда лучами идутъ улицы по всѣмъ направленіямъ, я, не зная куда дѣтса, бывало хожу, куда глаза глядятъ. Иногда спускаюсь по тѣмъ улицамъ, которыя ведутъ къ Сенъ, но тамъ темнота, закрытыя большіе отели заводили на меня тоску. Не менѣе грустно мнѣ было гулять по аллеямъ, ведущимъ въ Bois de Boulogne; тамъ просто страшно было одному: какія-то подозрительныя лица встрѣчались по дорогѣ. Заманчивой ка-

залась мнѣ Avenue des Champs Elysées, эта главная артерія, ведущая въ центръ Парижа. Точно пульсъ, тутъ бьется жизнь бульваровъ. Бывало, спускаюсь по этой единственной въ своемъ родѣ улицѣ, останавливаясь у Concerts, освѣщенныхъ тысячами огней, но не имѣя денегъ, чтобы войти, иду мимо, черезъ Place de la Concorde къ Madeleine, а оттуда на бульвары.

Такъ я разъ гулялъ вечеромъ по Boulevard Montmartre. Скучно мнѣ было одному въ этомъ шумѣ и общемъ весельѣ. Остановился я у théâtre Vnudeville и съ завистью смотрю, какъ разряженная публика входитъ въ ярко освѣщенный театръ. Я еще ни разу не былъ въ парижскомъ театрѣ, и мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть, какъ французы играютъ. Но въ карманѣ у меня былъ лишь одинъ франкъ, а мнѣ еще хотѣлось выпить вечеромъ Groseille. Какой-то субъектъ, молодой, въ котелкѣ, похожій на тѣхъ, которые снуютъ у café съ разными товарами, предлагаетъ мнѣ билетъ въ театръ: «Seulement 50 centimes», говоритъ онъ шопотомъ. «Вѣроятно фальшивый билетъ», думаю я. Но точно онъ угадалъ мои мысли и продолжаетъ: «N'avez pas peur, le prix est 2 fr. Je vous placeraî bien».

«Можетъ быть, это барышникъ; ему даромъ достался билетъ. Отчего бы не идти, если такъ дешево», думаю я и плачу 50 сант. Направляюсь къ главному входу, но продавецъ беретъ меня за руку и говоритъ: «Я поведу васъ другимъ ходомъ», и свелъ меня въ темный дворъ, гдѣ ждали человѣкъ десять, снабженныхъ такими билетами, какъ у меня. Выбѣствъ поднялись мы по грязной черной лѣстницѣ въ верхній этажъ и очутились за кулисами. Тутъ опять ждала насъ партія человѣкъ въ десять. Пересчитавъ всѣхъ насъ, благодѣтель нашъ исчезъ; мы остались одни и въ недоумѣніи смотрѣли другъ на друга. «Все равно, попался», подумалъ я, «что будетъ, то будетъ». Однако, скоро вернулся нашъ предводитель, и мы пошли за нимъ; черезъ какія то кладовыя и темный низенькій корридорчикъ попали мы въ освѣщенный театръ на самый верхъ. «Вотъ первая скамейка въ вашемъ распоряженіи; рассаживайтесь, какъ хотите, мѣста хорошія». Самъ онъ садится на краю скамьи нашей. Мое мѣсто, дѣйствительно, хорошее: точь въ точь такое, какъ первая скамейка 2-го яруса Маріинскаго театра, а тамъ заплатилъ бы за такое мѣсто не менѣе 75 коп. Внизу, въ партерѣ, пустовато; какой-то субъектъ расхаживаетъ вѣжно между скамейками и о чемъ-то выкрикиваетъ. Прислушиваюсь, но ничего не могу разобрать; но мой сосѣдъ, весельчакъ-шутникъ, передразниваетъ: «Voilà le programme!» Занавѣсъ поднимается; начинается представленіе. Актеръ декламируетъ, сильно размахивая руками. Я ничего не слышу и ничего не понимаю, и только окончился монологъ, какъ нашъ предводитель слегка приподнимается, нагибается и, глядя въ нашу сторону, сильно хлопаетъ, за нимъ вся наша скамейка. Смотрю—внизу въ театрѣ гробовое молчаніе. Представленіе продолжается; актриса

говорить, и только она кончаетъ свой рассказъ, какъ опять раздается невостовое хлопанье на моей скамейкѣ. Я единственный не хлопаю, а то рѣшительно всѣ сидящіе возгѣ меня. Сосѣдъ толкаетъ меня въ плечо. Оглядываюсь: вижу—нашъ благодѣтель киваетъ на меня головой, жестикулируетъ, точно въ чемъ-то меня упрекаетъ. Въ недоумѣніи я на него смотрю. Тогда онъ подбѣгаетъ ко мнѣ сзади и говоритъ: «*Monsieur, il faut claquer!*» Но слово «*claquer*» было для меня еще менѣе понятно, чѣмъ кивки его головы. Тогда онъ, складывая руки ладонями и то поднимая, то опуская ихъ, говоритъ: «*Il faut faire comme ça, comme ça, comme ça!*» Тутъ-то я догадался, что мой дешевый билетъ наложилъ на меня обязанность хлопать. «Но зачѣмъ это?» спрашиваю я себя. Мнѣ не столько стыдно, сколько досадно стало, что, ничего не понимая, ни единого слова, что говорится на сценѣ, я долженъ еще аплодировать. Улучивъ удобную минуту, когда всѣ внимательно слушали, я незамѣтно вышелъ въ корридоръ, а оттуда бросился внизъ по лѣстницамъ. Счастливымъ, что спасся, очутился на бульварѣ. Когда я вернулся домой и о случившемся рассказалъ Антокольскому, то онъ долго хохоталъ. «Ты, голубчикъ, въ клакеры попалъ; знаешь, что это»? И рассказалъ онъ мнѣ подробности этого сорта рекламы. «Но совѣтую», закончилъ мой бывшій учитель, «не рассказывай никому, какъ ты попался: будутъ смѣяться надъ тобой».

Разъ въ недѣлю, кажется, по вторникамъ, я проводилъ въ обществѣ русскихъ художниковъ, въ такъ называемомъ русскомъ клубѣ. Онъ помѣщался въ домѣ барона Гинцбурга, rue Tilsite 7, очень близко отъ меня и отъ Антокольскаго. Тамъ всегда собирались почти всѣ русскіе художники, живущіе въ Парижѣ, но бывали и посторонніе: пріѣзжіе русскіе. Вечеръ проходилъ всегда очень оживленно, въ разговорахъ, рисованіи и чаепитіи, и я аккуратно посѣщалъ эти вечера. Предсѣдателемъ этого общества тогда былъ И. С. Тургѣневъ, который не всегда бывалъ. Но когда онъ приходилъ, то всѣ его окружали и съ жадностью ловили каждое его слово. Говорилъ онъ, впрочемъ, мало, и я не помню его разговоры, кромѣ одного анекдота, какой обыкновенно рассказывается въ мужской компаніи послѣ обѣда. Но душой вечера всегда бывалъ Боголюбовъ. Онъ какъ будто представлялъ собою главную силу общества. Больше всѣхъ онъ говорилъ и рассказывалъ, да и дѣйствительно больше другихъ зналъ все, что дѣлается въ Парижѣ и въ Россіи. Имѣя большія знакомства какъ въ русскихъ, такъ и во французскихъ высшихъ сферахъ, онъ много дѣлалъ для молодыхъ нуждающихся художниковъ. Доставалъ стипендіи и работы, и солидные художники часто пользовались его услугами; нѣкоторымъ онъ доставлялъ заказы, а иногда и ордена. Но покровительствуя однимъ, онъ иногда обходилъ другихъ. Горе было тому, кто ему почему-либо не нравился, такому онъ не только добра не дѣлалъ, но иногда и вредилъ. Не забуду бѣднаго, разбитаго параличемъ художника Егорова. Его не по-

любилъ всеильный Боголюбовъ и всячески отказывалъ ему въ какой-либо помощи. Въ обществѣ Боголюбовъ всегда рисовалъ, спичку или свернутую въ трубочку бумажку онъ макалъ въ чернильницу и этимъ дѣлалъ въ нѣсколько часовъ красивый морской видъ или пейзажъ. При этомъ онъ громко рассказываетъ, какъ онъ былъ у такого-то высокопоставленнаго лица, какъ его приняли, и какъ ему удалось выхлопотать для бѣднаго ученика стипендію. Изъ этихъ рассказовъ видно было сознаніе собственной силы и его вліянія въ высшихъ кругахъ общества. Нѣкоторые бѣдные художники, заискивающіе его расположенія, съ особеннымъ пидобострастіемъ слушали рассказы этого генерала-художника, какъ его всѣ называли въ Парижѣ. Другіе молодые художники, которые были ему дѣйствительно обязаны, съ благоговѣніемъ смотрѣли на своего благодѣтеля. Болѣе индифферентно относились къ рассказамъ Боголюбова художники уже извѣстные, не нуждающіеся въ немъ, какъ Харламовъ, Леманъ, Вилліе и др. Много жизни и веселья вносилъ въ Общество вѣчно бодрый и веселый М. Я. Вилліе. Этотъ художникъ, типъ бывшаго военнаго, всегда держался по джентльменски, со всѣми одинаково—вѣжливо и просто. Страстный поклонникъ всего французскаго, онъ до тонкости зналъ Парижъ и частную жизнь французскихъ художниковъ. Изящный, офранцузившійся Харламовъ, добродушный простякъ Леманъ и молчаливый болѣзненный на видъ Дмитріевъ-Оренбургскій держались нѣсколько въ сторонѣ, мало вѣшивались въ общіе разговоры и свои взгляды высказывали отрывочно, иногда въ шутиливой формѣ. Многіе изъ этихъ художниковъ состояли членами комитета общества, но о томъ, какъ они тамъ дѣйствовали, было мнѣ неизвѣстно. Антокольскій рѣдко бывалъ въ обществѣ. Но кто больше всего тогда мнѣ нравился, это молодой, еще только начинающій входить въ славу малороссъ Похитоновъ; высокій, некрасивый, съ огромной шапкой всклокоченныхъ волосъ и широко разставленными глазами, онъ былъ, однако, очень симпатиченъ. При всемъ его поклоненіи французскимъ художникамъ-пейзажистамъ онъ больше другихъ оставался въ душѣ русскимъ. Его скромность и простота располагали всѣхъ въ его пользу. Въ собраніяхъ общества больше всего рассказывалось о событіяхъ дня, сообщались художественныя новости, менѣе всего говорилось о русскихъ художникахъ въ Россіи. Зато съ особеннымъ обожаніемъ говорилось о Франціи и о салонѣ. Меня поразило это обожаніе и фетишизмъ ко всему безъ разбору: и рекламы, и приторная вѣжливость, и вѣшніе эффекты, все превозносилось наравнѣ съ дѣйствительно хорошими сторонами французскаго искусства. Меня огорчало пренебреженіе ко всему тому, что находилось внѣ Парижа, мѣриломъ всего въ искусствѣ былъ салонъ, а единственнымъ признакомъ успѣха художника—парижскіе газетные отзывы.

Помню, какой-то пріѣзжій русскій рассказалъ о передвижной выставкѣ

въ Петербургѣ. «Вотъ я вамъ, господа, скажу, какой успѣхъ имѣлъ знаменитый». — «Какой знаменитый?» спрашиваетъ одинъ изъ офранцузившихся художниковъ. «Чѣмъ онъ знаменитъ? Въ салонѣ не было его картины? Нѣтъ? Значитъ, онъ не знаменитъ. Парижскія газеты о немъ не писали? Нѣтъ? Значитъ, успѣха еще не имѣлъ. Батенька, кто въ Парижѣ не выставляетъ, того мы не знаемъ. Пускай его работы примутъ въ салонъ, пускай о немъ говорятъ здѣсь, тогда онъ будетъ признанъ!» И дѣйствительно, между собой художники различали другъ друга не по таланту, не по тому, кто что писалъ, а потому, принята ли его работа въ Салонъ, получилъ ли онъ награду. Такой художникъ почитался и уважался всѣми. «Позвольте вамъ представить молодого художника; его картины приняли въ Салонъ»; часто слышалось это изъ устъ корифеевъ художниковъ. О томъ, что за картина, что она представляетъ, — не говорилось. Вообще вопросы объ искусствѣ и о ея задачахъ рѣзко затрагивались, и молодые художники, пріѣхавшіе въ Парижъ поучиться, слушая рассказы о важности успѣха въ салонѣ, о газетныхъ отзывахъ, проникались страстью къ достиженію этой извѣстности, этого успѣха (succès); и вмѣсто того, чтобы искренно работать, слѣдуя внутреннему влеченію, они принимались изучать тѣ вещи въ салонѣ, которыя больше всего по манерѣ и внѣшней техникѣ превозносились; начинали подражать салоннымъ clous (гвоздямъ). Правда, многимъ начинающимъ молодымъ талантамъ бывала трудна такая погоня за этой изысканной виртуозностью, ради которой приходилось жертвовать своими возлюбленными сюжетами; но желаніе держаться въ Парижѣ брало иногда верхъ надъ другими чувствами. Какъ муха, попавшая въ тарелку съ медомъ, прилипаетъ крыльшками къ краямъ, такъ иногда эти молодые художники сидѣли годами у ярко освѣщеннаго костра и сами терпѣли холодъ и голодъ. Парижскіе старожилы-художники съ опаскою и недовѣріемъ смотрѣли на пріѣзжихъ русскихъ, зная, съ какимъ трудомъ удается инымъ проскочить, а въ лучшемъ случаѣ сдѣлаться похожимъ на француза.

Таковымъ казалось мнѣ тогда настроеніе Общества русскихъ художниковъ въ Парижѣ. Впослѣдствіи, когда черезъ нѣсколько лѣтъ я вернулся въ Парижъ и посѣщалъ общество, многое уже тамъ перемѣнилось. Я держался въ сторонѣ отъ всѣхъ, и старыхъ, и молодыхъ, и ни съ кѣмъ, кромѣ Зильбермана, не разговаривалъ. Чувствовалъ я себя пришельцемъ, случайнымъ гостемъ; всѣ знали, что я пріѣхалъ въ Парижъ на время, оставилъ петербургскую академію, гдѣ числился ученикомъ. Никто не спрашивалъ, что я дѣлаю, къ чему меня влечетъ. Но былъ такой случай, изъ-за котораго на меня обратили вниманіе. Баронъ У. О. Гинцбургъ предложилъ маленькій конкурсъ — сдѣлать картину или барельефъ на свободную тему по данному размѣру рамки, которая имѣлась у него. Участвовали все молодые художники, которыхъ привлекли три небольшія денежныя преміи, и я выгнпилъ ба-

рельефъ, спенку изъ дѣтской жизни: «Масло жмутъ»; палуны-мальчишки поймали ненавистнаго имъ товарища и на скамейкѣ жмутъ его со всѣхъ сторонъ. Жюри состояло изъ художниковъ, которые не принимали участія въ конкурсѣ. Всѣ удивились, когда узнали, что и Боголюбовъ работаетъ для конкурса; и дѣйствительно, скоро среди представленныхъ вещей мы узнали его картину. На ней была изображена Вандомская колонна, съ которой летитъ головой внизъ художникъ, держа въ рукахъ палитру и кисть. Внизу у картины написано: «Такова участь художника, который провалится на семъ конкурсѣ». Всѣ думали, что первую премію присудятъ Боголюбову, какъ болѣе почетному художнику; да и самъ Боголюбовъ, вѣроятно, былъ въ томъ увѣренъ. Скоро жюри вынесло революцію, для всѣхъ неожиданную: первую премію получилъ Похитоновъ, вторую—я, а третью не помню кто. Боголюбовъ такимъ образомъ остался за флагомъ. Курьезно было то, что онъ обидѣлся, сталъ вышучивать конкурсъ, хотѣлъ его разстроить и, наконецъ, въ сердцахъ сказалъ: «Ну, ужъ вы, тамъ, неизвестно, получите ли вы свои преміи! А я завтра же свою картину предложу купить барону».

Мнѣ важно было получить денежную премію; деньги мнѣ тогда очень нужны были. Кромѣ того этотъ небольшой успѣхъ меня пріободрилъ, я почувствовалъ, что я способенъ къ дѣтскому жанру и что послѣ того, какъ оставилъ сюжеты изъ еврейской жизни, ближе всего и интереснѣе всего мнѣ была дѣтская жизнь. Съ тѣхъ поръ я дѣйствительно лѣпилъ все дѣтей. Чтобы совершенствоваться въ рисункахъ, я поступилъ въ частную академію бывшаго натурщика Колороски, но только нѣсколько недѣль я тамъ рисовалъ: мнѣ не понравился, какъ всѣ относились къ работѣ. Отношеніе къ рисованію было не болѣе серьезно, чѣмъ къ свисту и пѣнію, которыми оно сопровождалось; поверхностное изученіе природы, не передача дѣйствительности всѣхъ занимала, а больше щегольство и ловкость наброска. Руководителя никакого не было, и учиться не у кого было. Я предпочелъ лучше не заниматься.

Кромѣ единственнаго развлечения въ кругѣ художниковъ, все остальное время въ недѣлю я проводилъ въ одиночествѣ. Пріятель мой Зильберманъ влюбился въ французенку (впослѣдствіи онъ на ней женился) и я рѣже сталъ его видѣть. Нѣкоторые русскія знакомые, съ которыми бы хотѣлъ повидаться, жили въ другомъ концѣ города и, какъ въ Парижѣ водятся, никогда дома не бывали. Французскій языкъ я плохо зналъ, а русскихъ книгъ у меня не было. Иногда мое одиночество приводило меня въ отчаяніе, и вечеромъ меня только раздражалъ этотъ веселящійся Парижъ; онъ только искушалъ мою жаждущую жизни натуру. Бродя по улицамъ, я иногда заходилъ въ какой-нибудь ярко освѣщенный *bal*. Огромная толпа веселящихся лакеевъ и жокеевъ биткомъ наполняла залу; духота, пыль и смрадь меня утомляли. Рѣзкая музыка неистого звучала, и дикіе танцы грубаго,

развратнаго попиба возбуждали во мнѣ одно отвращеніе. Танцовали почти на одномъ мѣстѣ, до того тѣсно было. Это были не тѣ танцы, которые я видѣлъ на площади St.-Jean de Luz. Тамъ молодые работники и порядочныя дѣвушки веселились отъ души, здѣсь же забавлялись преимущественно пожилые развратники, насмотрѣвшіеся всякой скверности у своихъ избалованныхъ господъ.

Иногда я гулялъ до изнеможенія и поздно вечеромъ возвращался пѣшкомъ домой. Послѣ шумнаго Парижа загородная жизнь казалась мнѣ мертвой и тоскливой. Усталый, разбитый я входилъ въ свою крошечную комнату, гдѣ запахъ сырости, старья и постельнаго бѣлья раздражалъ меня. Долго бывало, не засыпаю: мерещатся въ глазахъ бульвары, bal, шумъ и веселье. Бывало отъ безсонницы пытаюсь писать роднымъ и знакомымъ, но письма выражали у меня такое отчаяніе, такую безнадежность, что я ихъ не отсылалъ по назначенію. Скоро одно обстоятельство вывело меня изъ этого состоянія. Разъ въ мастерскую Антокольскаго пришла молодая француженка, бывшая модель, красивая и на видъ очень скромная. «A, m-lle Amélie!» обрадовался ей Антокольскій и протянулъ ей руку. «Bonjour, monsieur!» кокетливымъ, симпатичнымъ голосомъ сказала гостья. «Mais vous êtes décoré! Comme c'est beau d'être décoré!» говорить француженка, глядя на красную ленточку, когорая красовалась въ петличкѣ Антокольскаго. «Вотъ, рекомендую тебѣ», обратился ко мнѣ Антокольскій, «премилая, хорошая дѣвушка. Ты выльпи ея бюстъ, она денегъ не возьметъ. Бюстъ ты ей подарить, а тебѣ будетъ хорошее упражненіе».—«Кто она такая?» спросилъ Зильбермана, стоявшаго за перегородкой. «Прехорошенькая дѣвушка», подтвердилъ мнѣ другъ. «Она, бѣдная, въ прошломъ году была влюблена въ художника Шведа, который жилъ надъ нами. Онъ уѣхалъ, и она долго горевала. Вотъ цѣлый годъ не показывалась». Я сталъ лѣпить ея бюстъ и скоро увлекся самой моделью. Послѣ сеансовъ провожалъ ее домой, а иногда по вечерамъ ядалъ ее на улицѣ, чтобы проводить въ школу, гдѣ она училась рисовать. Бюстъ я удачно кончилъ. И вотъ, въ одинъ прекрасный вечеръ отлитый изъ гипса бюстъ несу въ подарокъ модели. Amélie жила въ Neuilly, у самой Сены. Родителей у нея не было, она жила у бабушки и дѣдушки, глубокихъ стариковъ, консьержей при старомъ необитаемомъ отелѣ, старики занимали флигель, а внучка жила въ мезонинѣ при отелѣ. Старики любезно меня приняли, благодарили за подарокъ, угостили меня кофе, разспрашивали, откуда я, и скоро объявили, что пора имъ ложиться спать. Это было въ 9 часовъ вечера, ни мнѣ, ни Amélie не хотѣлось разставаться. И вотъ француженка придумала слѣдующее: подъ предлогомъ показать мнѣ что-то въ своей комнатѣ, она меня провела къ себѣ, а сама, уложивъ бабушку и дѣдушку спать, объявила имъ, что провожаетъ меня; но выйдя изъ комнаты, стукнувъ наружную дверью

и пожелавъ мнѣ спокойной ночи, она вернулась ко мнѣ и мы проболтали нѣсколько часовъ наединѣ.

Съ тѣхъ поръ я часто сталъ бывать въ этомъ бѣдномъ семействѣ. Парижъ я оставилъ, и вмѣсто того, чтобы бродить по освѣщеннымъ улицамъ, я сталъ удаляться на окраину города, въ глушь и тишину. Особенную прелесть представляли мнѣ вечернія прогулки, когда я возвращался одинъ домой, по тихимъ, грустными аллеямъ, мимо заброшенныхъ садовъ, заборовъ и кладбища. Поэтичными казались мнѣ въ лунную ночь покрытыя снѣгомъ высокія деревья, аллеи и освѣщенная готическая церковь. Иногда слышно было въ этой церкви пѣніе; я тогда входилъ туда и съ удовольствіемъ слушалъ, какъ на клиросѣ поютъ молодыя англичанки, въ то время, какъ въ другихъ частяхъ города раздавались веселыя пѣсни и оргіи. Благодаря знакомству съ француженкой, я хорошо сталъ понимать по-французски. Вмѣстѣ мы читали книги и газеты. Сталъ я интересоваться парижскими новостями и политикой. Но въ то же время я сталъ манкировать иногда работою въ мастерской, а иногда даже не приходилъ обѣдать къ Антокольскому. Отъ Антокольскаго не ускользнуло мое увлеченіе.

Зима близилась къ концу, годъ моего отпуска изъ академіи кончался; мнѣ слѣдовало серьезно подумать о будущемъ. Нѣкоторые совѣтовали мнѣ оставаться въ Парижѣ и тамъ поступить въ академію. Антокольскій обѣщалъ даже хлопотать, чтобы стипендія, которую я получалъ въ Петербургѣ, переводилась въ Парижъ. Но я чувствовалъ себя неспособнымъ учиться при такихъ условіяхъ, безъ знакомыхъ и родныхъ. Кромѣ того парижская жизнь, казалось мнѣ тогда, мало могла давать матеріала для художника-иностранца. Правда, техника у французовъ такая, что есть чему поучиться, но я уже тогда не могъ отдѣлать форму отъ содержанія. Впрочемъ, главное, что меня побудило уѣхать, это желаніе повидаться съ знакомыми и съ товарищами по академіи, гдѣ, какъ казалось мнѣ, работалось съ особеннымъ увлеченіемъ. Грустно мнѣ было все-таки расстаться съ Парижемъ; Зильберману и француженкѣ я далъ слово скоро вернуться. Счастливый пріѣхалъ я въ Петербургъ и съ рвеніемъ принялся за занятія; больше, чѣмъ прежде я работалъ, и сомнѣнія, которыя раньше, до отъѣзда изъ Петербурга, меня мучили, теперь исчезли.

Илья Гинцбургъ.

МУРАВЬИ И ТЛИ

ВЪ ИХЪ ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ (СИМБИОЗЪ).

Биологическій очеркъ *).

Общезвѣстно, что муравьи пользуются тлями, какъ человѣкъ — дойнымъ скотомъ. Со временъ *Линнея*, назвавшаго тлей «коровами муравьевъ», различными послѣдующими авторами (*П. Гюберомъ*, *А. Форелемъ*, *Леббоккомъ* и др.) тли называются коровами, козами, скотомъ, домашними животными муравьевъ. Этотъ взглядъ нашелъ себѣ отраженіе и въ общихъ учебникахъ зоологіи, напр., въ учебникѣ зоологіи *Р. Гервина*.

Едва ли найдется сколько-нибудь наблюдательный человѣкъ, который бы не имѣлъ представленія о тляхъ, этихъ мелкихъ насекомыхъ—то безкрылыхъ, то крылатыхъ, живущихъ, часто густыми и значительными колоніями, на тѣхъ или другихъ частяхъ различныхъ растений и часто приносящихъ послѣднимъ значительный вредъ. На побѣгахъ и частью подъ листьями розъ сосетъ обществами довольно крупная, продолговатая, зеленого цвѣта тля, называемая *Siphonophora rosae*; на молодыхъ побѣгахъ и подъ листьями яблони, айвы, иногда груши и нѣкоторыхъ другихъ деревьевъ сосетъ мелкая травянистая

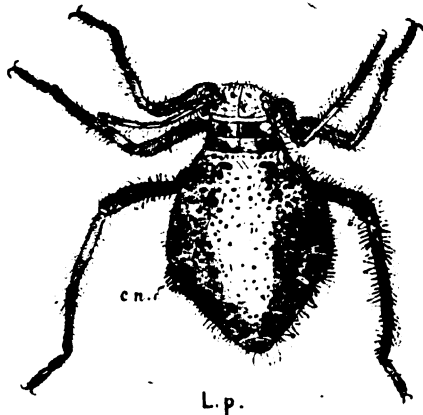

Рис. 1. Безкрылая партеногенетическая (живородящая) самка *Lachnus pinus* Mordw. Видъ живетъ на побѣгахъ сосны между хвоями. с. б.—спиной бугорокъ (соотвѣтствуетъ трубочкѣ другихъ тлей).

*) За болѣе подробными свѣдѣніями по данному вопросу, также за литературными указаніями желающіе могутъ обратиться къ сочиненію автора: «Къ биологіи и морфологіи тлей», напечатанному въ «Трудахъ русск. энтомол. общества», т. 33. 1901.

тля *Aphis mali*; на макѣ, лебедѣ, свеклѣ, русскомъ бобѣ, щавеляхъ и многихъ другихъ травянистыхъ растеніяхъ сосетъ лѣтомъ бурая тля *Aphis papaveris* (*evonymi* и *ruticis* — синонимы), на вѣтвяхъ хвойныхъ деревьевъ сосутъ крупныя тли рода *Lachnus* (рис. 1) и т. д. Изъ нашихъ деревянистыхъ растеній лишь немногія сво-

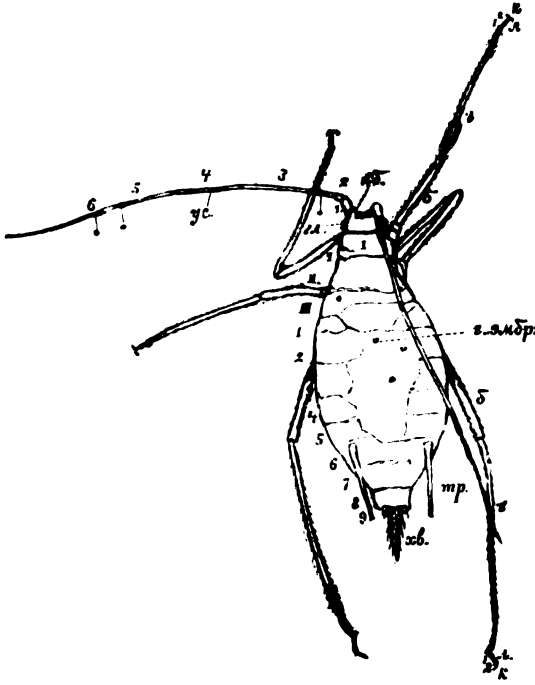

Рис. 2 а. Безкрылая живородящая (партеногенетическая) самка *Siphonophora pisi* Kalt. (*ulmariae* aut.). л. б.—добные бугорки, на которыхъ селятъ усики; ус.—усики, 1—6—членики ихъ, г.з.—обонятельныя ямки (на 3-емъ членикѣ при основаніи нѣсколько ямокъ и при концѣ 5-го и основной части 6-го члениковъ по одной); г.з.—сложныя глаза, I—III—грудныя сегменты; въ ножкахъ б—бедро, 1—голень, л—лапка, 1, 2—первый и второй членики ея, к—коготки; 1—9—сегменты брюшка; тр—спинная трубочка; хв.—хвостикъ; г. эмбр.—прорѣсывающіе черезъ кожу глаза эмбрионѣвъ.

бодны отъ нападеній тлей, напримѣръ, сирень, одиѣвъ видѣ кизиля (*Cornus mas*). Но тли совершенно не встрѣчаются на папоротникахъ, хвощахъ и вообще на тайнобрачныхъ растеніяхъ. На деревянистыхъ и различныхъ травянистыхъ растеніяхъ тли встрѣчаются не только на надземныхъ частяхъ растеній, но и на подземныхъ — корняхъ и корневищахъ; такъ, напр., нѣсколько видовъ тлей живетъ на корняхъ и корневищахъ злаковъ; на корняхъ полевой полыни (*Artemisia campestris*), чернобыльника (*Art. vulgaris*), цикорія сосетъ крупная продолговатая тля *Trama radialis* (см. рис. 4). Многие виды тлей своимъ сосаніемъ на листьяхъ, листовыхъ черешкахъ и побѣгахъ вызываютъ образованіе галловъ, въ которыхъ оны и уединяются. Нѣкоторые виды тлей получили печальную извѣстность, благодаря тому вреду, который они наносятъ культурнымъ растеніямъ; таковы напримѣръ, виноградная филлоксера (*Phylloxera vastatrix*), красная кровяная тля (*Schizoneura lanigera*), частью—зеленая гороховая тля (*Siphonophora pisi*, см. рис. 2 а и б) *).

*) Тли лѣтомъ размножаются посредствомъ безкрылыхъ партеногенетическихъ самокъ, откладывающихъ живыхъ дѣтенышей; осенью же и къ концу лѣта появляются самцы и особыя половыя самки, которыя, послѣ оплодотворенія, откладываютъ зимующія яйца.

Не всё тли посещаются муравьями, равнымъ образомъ не всё виды муравьевъ одинаково относятся къ тлямъ. Въ то время, какъ нѣкоторые виды муравьевъ живутъ исключительно насчетъ тлей, другіе утилизируютъ ихъ лишь въ большей или меньшей степени, третьи не посещаютъ тлей совершенно.

Мы сперва рассмотримъ, въ чемъ именно состоятъ отношенія между муравьями и тлями, а затѣмъ уже перейдемъ къ рѣшенію вопроса,

каковы взаимоотношенія между тлями и другими насекомыми. По вопросу объ отношеніи муравьевъ къ тлямъ много цѣнныхъ наблюдений произвелъ уже П. Гюберъ; послѣдующимъ авторамъ пришлось частью подтвердить наблюденія Гюбера, частью дополнить.

Тли привлекаютъ муравьевъ своими жидкими, сладкими экскрементами, которые выступаютъ изъ ихъ порошицевыхъ (анальных) отверстій въ видѣ свѣтлыхъ шарообразныхъ капель. Если эти капли

падаютъ на листья вѣтки растений въ большомъ количествѣ, то, при засыханіи, они образуютъ липкій блестящій слой — такъ называемую медяную росу. Анализы медяной росы показываютъ, что она содержитъ, кромѣ небольшого количества бѣлковыхъ веществъ, слизи и др., особенно много сахаристыхъ веществъ. Уже изслѣдованіе состава медяной росы показываетъ, какимъ цѣннымъ продуктомъ, какъ пищевыя вещества, являются для муравьевъ жидкіе экскременты тлей, а если при этомъ принять во вниманіе большое количество экскрементовъ, выделяемыхъ тлями, то легко будетъ представить себѣ, какую громадную роль въ жизни муравьевъ могутъ играть тли. «Достаточно, — говоритъ Форель, — двухъ или трехъ порцій экскрементовъ этихъ насекомыхъ, чтобы наполнить зобъ одного муравья, который затѣмъ отрыгаетъ эту жидкость своимъ товарищамъ и своимъ личинкамъ».

Вотъ наблюденія Гюбера надъ способомъ, которымъ муравьи получаютъ экскременты тлей.

«Вѣтка чертополоха была покрыта бурными муравьями и тлями. Нѣкоторое время я наблюдалъ этихъ послѣднихъ, чтобы, если возможно, уловить моментъ, когда онѣ выпускаютъ изъ своего тѣла это выдѣленіе; но я замѣтилъ, что послѣднее только очень рѣдко выступало само по себѣ, и что тли, устранивныя отъ муравьевъ, далеко отбрасывали его посредствомъ движенія, напоминающаго ляганіе.

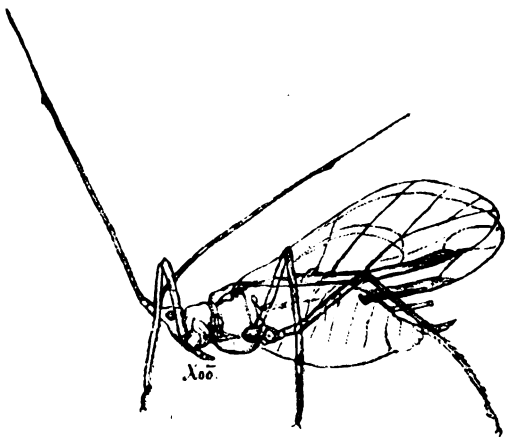

Рис. 2 в. Крылатая живородящая самка *Siphonophora pisii* (сбоку) съ сложенными кровлеобразно крыльями. *лоб.* — хоботокъ.

«Какъ же, однако, происходитъ, что муравья, блуждающіе по вѣтвямъ, почти всѣ имѣютъ брюшко, замѣчательное по своему объему и, очевидно, наполненное жидкостью? Вотъ что я узналъ, пристально слѣдя за однимъ муравьемъ. Я вижу, какъ онъ сначала проходитъ мимо нѣкоторыхъ тлей, видимо не желая ихъ беспокоить; но скоро онъ останавливается подлѣ одной изъ наиболѣе мелкихъ; повидному, онъ ласкаетъ ее своими усиками, касаясь конца ея брюшка, попеременно однимъ и другимъ, очень быстро двигая ими; я съ удивленіемъ вижу, какъ появляется жидкость на концѣ тѣла тли и какъ муравей тотчасъ хватается каплю и препровождаетъ ее въ свой ротъ. Затѣмъ его усики направляются на другую тлю, гораздо большую, чѣмъ первая; эта, обласканная такимъ же образомъ, выпускаетъ питательную жидкость въ большей дозѣ, муравей схватываетъ ее. Онъ переходитъ къ третьей тлѣ, которую ласкаетъ, какъ и предыдущихъ, посредствомъ многихъ маленькихъ ударовъ усиками по заднему концу ея тѣла, жидкость тотчасъ выстываетъ и муравей снова принимаетъ ее. Онъ идетъ дальше; но четвертая тля, вѣроятно, уже опорожненная, не поддается его дѣйствию, и муравей, можетъ быть, угадывающій, что ему нечего на нее рассчитывать, оставляетъ ее для пятыхъ, отъ которой онъ на моихъ глазахъ получаетъ свою пищу».

Отъ вниманія *Гюбера* не ускользнуло и то, что тли выпускаютъ медленно капли лишь въ присутствіи муравьевъ, въ отсутствіи же ихъ—съ нѣкоторою силою отбрасываютъ ихъ въ сторону.

«Если муравьи,—говорятъ онъ,—очень долгое время не посѣщаютъ тлей, онѣ выбрасываютъ медяную росу на листья, гдѣ муравьи находятъ ее, прежде чѣмъ они приблизятся къ доставляющимъ ее насекомымъ. Но если муравьи часто появляются около тлей, послѣднія, повидному, примѣняются къ ихъ желанію, ускоряя время своего испражненія, о чемъ можно судить по диаметру выпускаемой ими капли, и въ этомъ случаѣ онѣ не отбрасываютъ въ сторону манны муравьевъ, можно сказать даже стараются удержать ее, чтобы выпустить ее потомъ въ ихъ присутствіи. Иногда случается, что муравьи, будучи въ слишкомъ большомъ числѣ на одномъ и томъ же растеніи, истощаютъ тлей, которыми оно покрыто; въ этомъ случаѣ они лишь напрасно заставили бы свои усики играть по тѣлу кормилицъ, и имъ нужно ждать, пока тѣ не высосутъ изъ вѣтвей новой порціи сока; но тли не скуны на него и никогда не отказываютъ муравьямъ въ ихъ просьбахъ, если въ состояніи удовлетворить ихъ; я часто видѣлъ, какъ одна и та же тля жаловала капли этого сиропа послѣдовательно различнымъ муравьямъ, которые, повидному, были очень жадны до него».

Подобныя же наблюденія были сдѣланы повдѣе *А. Форелемъ* и авторомъ настоящей статьи.

Впрочемъ, въ способѣ выдѣленія тлями ихъ экскрементовъ у различныхъ формъ наблюдаются нѣкоторыя различія. Виды тлей, не посѣщаемыя муравьями, но живущіе на открытыхъ частяхъ растеній, отбрасываютъ капли экскрементовъ въ сторону; тли же, часто или даже обыкновенно посѣщаемыя муравьями, напр., *Lachnus taeniatoides*, живущій на вѣтвяхъ сосенъ, упомянутая выше (въ наблюденіи *Гюбера*) тля съ чертополоха, въ присутствіи муравьевъ выпускаютъ капли медленно, причѣмъ эти капли задерживаются на особыхъ прианальныхъ волоскахъ (на самомъ концѣ брюшка), въ отсутствіи же муравьевъ и эти тли отбрасываютъ капли въ сторону. Наконецъ, нѣкоторые виды тлей, постоянно живущіе въ обществѣ съ тѣми или другими муравьями, (напр.: *Trama* (см. рис. 4), нѣкоторые крупные виды рода *Stomachis*,

живущіе въ трещинахъ коры и подъ отставшей корой на стволахъ тополей, ивъ, дубовъ, березъ и др. деревьевъ, и различныя корневыя тли. напр. *Pemphigus caeruleus* (см. рис. 3), *Pentaphis*, *Aphis farfarae* какъ показываютъ наши собственныя наблюденія даже въ отсутствіе муравьевъ, медленно выпускаютъ капли экскрементовъ, почему послѣднія и можно часто видѣть на прианальныхъ волоскахъ этихъ тлей. У указанныхъ сейчасъ тлей выдѣленіе капель экскрементовъ легко можно вызвать и искусственнымъ образомъ. Виды *Trama*, также *Stomachis bobretzkyi* легко выдѣляютъ капли, даже нѣсколько подъ рядъ, одну за другой (2—4), если ихъ трогать слегка какимъ-либо тонкимъ предметомъ, напр., палочкой, иголкой и пр., между тѣмъ какъ по наблюденіяхъ *Дарвина*, тли со щавеля (вѣроятно, *Aphis acetosae*) не выдѣляли экскрементовъ, когда онъ трогалъ ихъ волосомъ, хотя муравьи нашли потомъ у тѣхъ же тлей хорошей сборъ.

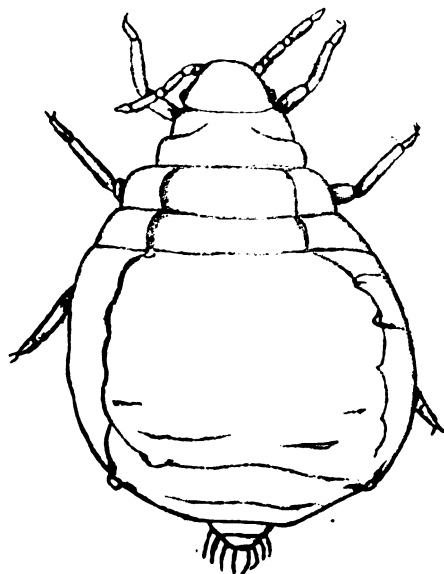

Рис. 3. Корневая безкрылая самка *P. caeruleus* Раяв. съ 6-члениковыми усиками и многофасеточными глазами. На концѣ брюшка прианальные волоски, на которыхъ задерживаются капли экскрементовъ.

Муравьи вообще ревниво оберегаютъ тѣхъ тлей, которыхъ они посѣщаютъ, и не выносятъ, чтобы посторонніе муравьи оспаривали у нихъ пищу, доставляемую тлями. «Они, — говоритъ *Гюберъ*, — прогоняютъ постороннихъ зубами; видно при этомъ, какъ они суетятся; беспокоятся

около нихъ и съ гнѣвомъ пробѣгаютъ по вѣтви. Иногда они берутъ тлей въ ротъ, чтобы избавить ихъ отъ атаки другихъ муравьевъ. Наиболѣе часто они сторожатъ около тлей, но иногда они охраняютъ послѣднихъ отъ своихъ соперниковъ болѣе искуснымъ образомъ, и я видѣлъ многіе примѣры этого». Вслѣдъ затѣмъ *Гюберъ* описываетъ такъ называемые павильоны и трубчатые ходы, сооруженія, особенно свойственныя бурому муравью *Lasius niger* и краснымъ муравьямъ рода *Myrmica*.

Lasius niger, *alienus* и др. строятъ крытыя землей дороги, соединяющія ихъ гнѣзда съ растеніемъ, на которомъ сосутъ культивируемыя или тли. Иногда такія дороги, достигши основанія травянистаго или другого мелкаго растенія, продолжаютъ по длинѣ его стебля въ земляныя галлерей, въ которыхъ оказываются заключенными тли; часто при этомъ галлерей расширяются въ хижины, служащія одновре-

менно и жилищемъ для тлей, и помѣщеніемъ для воспитанія муравьиныхъ личинокъ, которыхъ муравьи выносятъ сюда въ извѣстныя часы дня. Но эти хижины могутъ и не сообщаться съ землей. Хижины, возводимыя муравьями *Myrmica*, также то сообщаются съ почвой спускающеюся вдоль стебля галлереей, то совершенно изолированы и снабжены только маленькимъ отверстіемъ для входа и выхода муравьевъ.

Lasius brunneus, исключительно живущій насчетъ самыхъ крупныхъ тлей, принадлежащихъ къ роду *Stomachis*, постоянно и, повидимому, очень совершеннымъ образомъ уединяетъ своихъ тлей отъ внѣшняго міра. Изъ древесной гнили и трухи этотъ *Lasius* строитъ надъ тлями своды, которые тянутся, извиваясь по трещинамъ коры, иногда довольно высоко надъ землею, но прерываются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тли сосутъ подѣ отставшей корою (на стволахъ тополей, ивъ и нѣкоторыхъ другихъ деревьевъ). По указаннымъ сводамъ, закрывающимъ снаружи трещины коры, очень легко можно находить какъ тлей *Stomachis*, такъ и муравьевъ *Lasius brunneus*. Въ корѣ же этихъ деревьевъ, какъ указываетъ уже *Формель*, муравьи обыкновенно строятъ и свое гнѣздо. Муравьи тотчасъ же уносятъ тлей или, по крайней мѣрѣ, сопровождаютъ, если не въ состояніи тащить ихъ, въ свои еще не разрушенныя галереи, въ томъ случаѣ, когда неожиданно вскроютъ ихъ галереи и жилища. Тли рода *Stomachis* имѣютъ очень длинныя хоботки, раза въ $1\frac{1}{2}$ —3 превосходящіе длину ихъ тѣла; они обыкновенно очень глубоко погружаютъ въ ткань растенія выходящій изъ конца хоботка сосательный аппаратъ и часто лишь съ большимъ трудомъ вытаскиваютъ его изъ растенія. Но въ этой работѣ имъ обыкновенно помогаютъ муравьи. «Нѣтъ ничего забавнѣе, — говорятъ *Формель*, — какъ, вскрывъ ихъ ходы, наблюдать, какъ *L. brunneus* тащить этихъ бѣдныхъ животныхъ изъ всѣхъ своихъ силъ, причемъ хоботокъ послѣднихъ, медленно выходящій изъ коры, такъ натягивается, что ему грозитъ опасность разорваться». Хотя обыкновенно *L. brunneus* живетъ только въ обществѣ съ видами тлей рода *Stomachis*, но онъ можетъ обращаться за пищей и къ другимъ тлямъ, если только предложить ему послѣднихъ. Я помѣстилъ въ пробирки къ муравьямъ *L. brunneus*, уже долго голодавшимъ передъ опытомъ, тлей *Triama radialis*, и муравьи сейчасъ же обратились къ послѣднимъ и стали трогать ихъ своими усиками, въ отвѣтъ на что тли выпускали капли экскрементовъ.

Подобно *L. brunneus*, также и желтые муравьи рода *Lasius: flavus umbratus* *) и др., ведущіе подземный образъ жизни, получаютъ пищу единственно отъ культивируемыхъ ими корневыхъ тлей. И надъ этими муравьями уже *Гюберъ* произвелъ очень цѣнныя наблюденія.

*) *L. umbratus* отличается отъ *L. flavus* бѣлой величиной и болѣе высокою сѣуженной къ вершинѣ, чешуйкой брюшнаго стебелька.

Указанные желтые муравьи обнаруживают по отношению къ тлямъ необыкновенную заботливость: продѣлываютъ вокругъ корней растений ходы, часто перетаскиваютъ тлей съ одного мѣста на другое, причемъ не всегда примѣняютъ къ тлямъ нѣжныя средства; именно, когда они боятся, чтобы тли не были увесены муравьями другого вида, живущими близъ ихъ обиталища, или когда неожиданно вскроютъ дернъ, подъ которымъ онѣ скрыты, они наскоро берутъ тлей и уносятъ ихъ вглубь подзаемелій. Я видѣлъ, продолжаетъ Гюберъ, какъ муравьи двухъ сосѣднихъ гнѣздъ оспаривали другъ у друга ихъ тлей: когда муравьи одного гнѣзда могли проникнуть къ чужимъ тлямъ, они крали тлей у ихъ настоящихъ собственниковъ, а эти, въ свою очередь, часто утаскивали ихъ у первыхъ; муравьи, видимо, хорошо знаютъ всю цѣну этихъ маленькихъ животныхъ, которыя, какъ будто для нихъ предназначены, составляютъ ихъ сокровище. Муравейникъ богатъ болѣе или менѣе, смотря по тому, больше или меньше имѣетъ овъ тлей: это ихъ скотъ, это ихъ коровы и козы. Кто бы подумалъ, что бы муравьи были пастушескимъ народомъ!»

По сухимъ канавкамъ около дорогъ, по склонамъ валовъ и насыпей, въ садахъ часто встрѣчаются *Artemisia campestris* и *vulgaris*, *Cicho-*

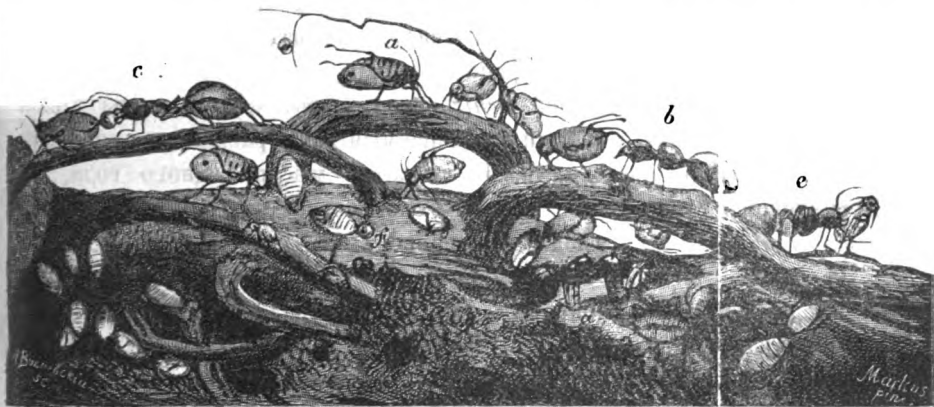

Рис. 4. Часть главнаго корня чернобыльника, *Artemisia vulgaris*, съ его боковыми вѣтвями, заключенная въ горизонтально положенную пробирку. Снизу и съ боковъ корень и его вѣтви частью закрыты землей, однако не плотно прилегающей къ нимъ, а такъ, что между ней и корнями остаются свободныя пространства—ходы муравьевъ и помѣщенія для тлей. Эти ходы и помѣщенія сдѣланы муравьями *Lasius umbratus* уже въ пробиркѣ. На корняхъ сосутъ тли *Trama radices*, изъ коихъ старыя особи болѣе темныя, а молодыя—свѣтлыя. Увеличено приблизительно вдвое. (Рисоваль съ натуры студ. Маркусъ).

a—изображена сосущая взрослая тля съ приподнятыми надъ брюшкомъ задними ножками; *b*—муравей, потрагивающій тлю своими усиками; *c*—муравей, берущій челюстями выступившую изъ анальнаго отверстия тли каплю экскремента; *d* и *e*—муравьи, переносящіе въ своихъ челюстяхъ тлей; *f*—тля съ сидящею на ея прианальныхъ волоскахъ каплею экскремента.

rium intybus, на корняхъ которыхъ сосутъ тли *Trama radices* (см. рис. 4). Стоитъ только вытнуть изъ земли болѣе или менѣе осторожно корни этихъ растений, и на нихъ мы увидимъ и тлей, и муравьевъ, болѣею частью желтыхъ, рѣже бурыхъ. При этомъ часть тлей и муравьевъ будетъ выброшена на землю, да, кромѣ того, сами тли очень легко опадаютъ съ корней. И вотъ, посмотрите теперь, какъ желтые муравьи хватаютъ тлей своими челюстями и стараются утащить ихъ

въ землю, тли же въ это время остаются спокойными, съ приложенными къ тѣлу ножками *). Возьмите часть корня растенія въ стеклянную пробирку, насыпьте въ нее земли, положите пробирку горизонтально, и вы увидите черезъ нѣсколько часовъ или черезъ ночь, какъ хорошо устроятся муравьи въ новомъ для нихъ мѣстѣ: они очистятъ корни отъ земли, продѣлаютъ вокругъ корней ходы и помѣщенія для тлей, а потомъ пересадятъ на корни тлей и будутъ пожирать здѣсь плоды своихъ трудовъ.

За корневыми тлями ухаживаютъ и другіе виды муравьевъ, напр., бурый муравей *Lasius niger*, жалащіе муравьи рода *Myrmica*, очень мелкій бурый муравей—дерновинъ *Tetramorium caespitum* («микроскопическій муравей» Гюбера).

Всѣ эти муравьи и свои гнѣзда или, по крайней мѣрѣ, ходы, прокладываютъ вокругъ корней растеній, на которыхъ сосутъ тли. Они расчищаютъ для тлей отъ земли новыя части корней или вообще подземныя части растеній. *Лихтенштейнъ* наблюдалъ, какъ бурые муравьи продѣлывали трубчатые ходы вокругъ корней злаковъ, начиная съ поверхности земли, для перелетѣвшихъ сюда съ кизилей крылатыхъ тлей *Schizononeura corni*. Многіе виды тлей и зимуютъ на корняхъ растеній, посѣщаемыя же муравьями тли зимуютъ вмѣстѣ съ этими послѣдними. Въ декабрѣ мѣсяцѣ одного года, при 12-градусномъ морозѣ, я нашелъ въ окрестностяхъ Варшавы тлей *Trama troglodytes* въ гнѣздахъ муравьевъ.

Нѣкоторые желтые муравьи не только ухаживаютъ за корневыми тлями, но они еще собираютъ въ свои гнѣзда и яйца тлей, которыя найдутъ на землѣ, и тщательно ухаживаютъ за ними въ гнѣздахъ. Уже *Гюберъ* открылъ въ хижинахъ желтыхъ муравьевъ буряя яйца тлей, за которыми муравьи тщательно ухаживали. Одинъ разъ *Гюберъ* нашелъ яйца тлей въ ноябрѣ, другой разъ—весною, причемъ въ обоихъ случаяхъ яйца были различной величины, слѣдовательно, принадлежали различнымъ видамъ тлей. Вотъ какъ описываетъ *Гюберъ* уходъ муравьевъ за яйцами тлей, уходъ, который онъ наблюдалъ у себя дома, куда онъ принесъ хижину муравьевъ.

«Яйца были соединены въ кучу подобно яйцамъ самихъ муравьевъ, и ихъ охранители, повидимому, очень цѣнили ихъ. Осмотрѣвъ ихъ, муравьи часть унесли въ землю; но я былъ свидѣтелемъ заботъ, проявленныхъ муравьями въ отношеніи другихъ. Они приближались къ яйцамъ, раздвинувъ немного свои челюсти, пропустили между ними свой языкъ, вытянули его, послѣдовательно водили имъ по каждому изъ этихъ яицъ и, мнѣ казалось, отлагали на нихъ жидкое вещество; повидимому, они поступали съ ними, какъ съ яйцами своего вида: ощупывали ихъ своими усиками, складывали ихъ вмѣстѣ и часто носили въ своемъ рту; они ни на мгновеніе не оставляли ихъ, брали ихъ, переворачивали и, забот-

*) Если этихъ тлей трогать какимъ-нибудь предметомъ, то онѣ точно также становятся спокойными и неподвижными.

ливо осмотрѣвъ, съ чрезвычайной заботливостью уносили въ маленькую земляную изгородь, которую я помѣстилъ вовдѣ ихъ».

Другой разъ *Гюбергъ* нашелъ яйца тлей въ гнѣздѣ желтыхъ муравьевъ весной. Дома у него изъ яицъ вылупились тли, которыя стали сосать на предложенной имъ вѣткѣ дуба, а муравьи начали получать отъ нихъ свою пищу. Но въ природѣ желтые муравьи, конечно, не посѣщаютъ тлей на вѣтвяхъ дуба, потому что они почти не оставляютъ земли.

Позже также *Левбокъ* наблюдалъ яйца какого-то вида тлей въ гнѣздѣ *Lasius flavus*. Весной изъ яицъ вылуплялись молодыя тли, которыя направлялись затѣмъ изъ подземелья наружу, причемъ сами муравьи иногда помогали имъ оттуда выбраться. Одинъ разъ, повидимому, сами муравьи повытаскивали тлей къ растущимъ на мѣстѣ муравейника растеніямъ, а когда тли устроились на послѣднихъ, то тѣ же муравьи построили вокругъ нихъ и надъ ними земляную стѣну. Тли жили здѣсь въ теченіе лѣта, а 9-го октября на маргариткахъ было найдено болѣе или менѣе значительное количество яицъ тлей.

«Яйца эти, говоритъ *Левбокъ*, бесполезны для муравьевъ, но муравьи не оставляютъ ихъ тамъ, гдѣ они положены и гдѣ имъ грозитъ суровая непогода и безчисленныя опасности, а тащутъ ихъ въ свои гнѣзда, и тамъ съ величайшимъ вниманіемъ заботятся объ нихъ въ теченіе всей долгой зимы вплоть до марта, когда молодыя тли выходятъ изъ яицъ; тогда они снова перемищаютъ ихъ на молодые вѣтви маргаритокъ. Мнѣ это кажется замѣчательнымъ примѣромъ предусмотрительности. Наши муравьи, можетъ быть, не откладываютъ пищи на зиму, но они дѣлаютъ нѣчто болѣе важное: они въ теченіе шести мѣсяцевъ хранятъ и оберегаютъ яйца, изъ которыхъ выйдутъ насѣкомыя, доставляющія имъ лѣтомъ пищу; случай предусмотрительности, безпримѣрный въ царствѣ животныхъ».

Форбсъ сообщаетъ, что муравьи вида *Lasius alieno-brunneus*, культивирующіе нѣкоторыхъ корневыхъ тлей, также ухаживаютъ за яйцами тлей въ своихъ гнѣздахъ, то унося ихъ на глубину до 6 дюймовъ, то, смотря по погодѣ, вынося на поверхность, какъ это они дѣлаютъ и съ своими собственными куколками.

Я рѣшилъ провѣрить наблюденія предыдущихъ авторовъ объ уходѣ муравьевъ за яйцами тлей и опредѣлить, какіе именно муравьи обладаютъ этой способностью. У меня въ прѣбиркахъ держались осенью муравьи слѣдующихъ видовъ: *Lasius flavus*, *umbratus*, *niger* и *brunneus*. Всѣмъ этимъ муравьямъ я предложилъ крупныя яйца одного вида *Stomachis*, собранныя мною въ октябрѣ подъ корою ивъ и тополей. Оказалось слѣдующее. Въ то время, какъ муравьи *L. umbratus* ограничились лишь изслѣдованіемъ предложенныхъ имъ яицъ и затѣмъ оставили ихъ въ покоѣ, больше не обращая на нихъ вниманія, а *niger* даже почти не обратили вниманія на нихъ, муравьи *flavus* тотчасъ же стали утаскивать яйца въ свое жилище, продѣланное ими въ землѣ около корней злака (въ прѣбиркѣ). Яйца тлей были настолько крупны (2,4 мм. длины и 1,06 мм. толщины), что муравьи

почти не могли обхватить ихъ своими челюстями и потому лишь съ трудомъ перетаскивали ихъ. Я наблюдалъ, какъ одинъ муравей усиливался отдѣлить одно яйцо отъ коры, къ которой оно слегка было прилежено. Иногда при изслѣдованіи пробирки яйца тлей оказывались въ ходахъ муравьевъ на стѣнкахъ пробирки; но на свѣту муравьи не оставляли ихъ здѣсь, а утаскивали вглубь своихъ помѣщеній. Въ послѣдней трети ноября, благодаря комнатной теплотѣ, развилась и вылупилась изъ яйца одна молодая тля, которая сидѣла одна, безъ муравьевъ, на стѣнкѣ пробирки, когда я ее увидѣлъ здѣсь. Осторожно развернувъ главную камеру муравьевъ, я увидѣлъ въ ней, кромѣ муравьевъ, также 4 яйца тлей; часть этихъ яицъ была тотчасъ схвачена муравьями и унесена въ болѣе темныя помѣщенія.

Но въ то время, какъ *Lasius flavus*, въ природѣ, можетъ быть, никогда не утилизирующій тлей рода *Stomachis*, ухаживаетъ за ихъ яйцами, если ему предложить ихъ, *Lasius brunneus*, исключительно живущій на счетъ нѣкоторыхъ видовъ *Stomachis* и уединяющій послѣднихъ отъ вѣшняго міра посредствомъ сводовъ изъ древесной гнили и трухи, совершенно не обращаетъ вниманія на яйца тлей, которыя откладываются въ его же помѣщеніяхъ. Я держалъ *L. brunneus* въ пробиркѣ и туда же помѣщалъ и яйца *Stomachis*, но я ни разу не видѣлъ, чтобы муравьи обнаруживали въ отношеніи яицъ какую-либо заботливость, хотя бы яйца тлей были и на свѣту, между тѣмъ какъ самихъ тлей они бы не оставили на свѣту. Но этимъ муравьямъ и нѣтъ надобности въ особой способности ухаживать за яйцами тлей, въ виду того, что яйца культивируемыхъ ими тлей откладываются въ ихъ же помѣщеніяхъ, гдѣ вылупившіяся весною молодые тли и будутъ сосать, расти и размножаться, откладываются при томъ въ безопасномъ для яицъ мѣстѣ.

Въ заключеніе нужно указать еще на способность нѣкоторыхъ видовъ муравьевъ обрывать крылья у крылатыхъ особей посѣщаемыхъ ими тлей.

Уже *Гюберъ* наблюдалъ, что муравьи обращаются за своей пищей и къ крылатымъ тлямъ, хотя и менѣе настойчиво. Но очевидно, что крылья у тлей, закрывающія кровлеобразно ихъ брюшко и часто болѣе или менѣе значительно выступающія назадъ за конецъ ихъ брюшка, должны представлять для муравьевъ значительныя препятствія при полученіи отъ тлей ихъ сладкихъ экскрементовъ. И вотъ, повидимому, въ видахъ устраненія этого препятствія, нѣкоторые виды муравьевъ и обкусываютъ тлямъ ихъ крылья. Указанной способностью обладаетъ *Lasius niger* и, можетъ быть, также и желтые муравьи: *flavus* и *umbratus*. *Лихтенштейнъ* наблюдалъ, какъ черные муравьи (вѣроятно, *E. niger*) обкусывали крылья у крылатыхъ тлей *Schizonera corni*. *Е. Богдамовъ* находилъ въ гнѣздахъ муравьевъ крылатыхъ *Trama troglodytes* съ обкусанными крыльями, я находилъ съ обкусанными

крыльями крылатых самокъ *Aphis farfarae* и *Schizoneura corni* (въ началѣ лѣта, при корняхъ растений) и *Trama radialis* (во второй половинѣ лѣта и въ началѣ осени). Однако, крылья обкусываются муравьями не всегда, напр., у *Aphis farfarae* и *Schizoneura corni* крылатыя самки съ обкусанными крыльями встрѣчаются только въ началѣ лѣта, между тѣмъ какъ позднѣе встрѣчающіяся на корняхъ крылатыя тли остаются съ цѣльными крыльями. Вѣроятно, это объясняется тѣмъ, что муравьи обкусываютъ крылья у крылатыхъ особей тлей лишь въ томъ случаѣ, когда имъ преимущественно съ этими послѣдними и приходится имѣть дѣло, т.-е. когда почему-либо не появились въ большомъ количествѣ безкрылыя самки тлей, а это имѣетъ мѣсто въ началѣ лѣта (на корняхъ) по отношенію къ *Aphis farfarae* и *Schizoneura corni*.

На этомъ мы и покончимъ съ отношеніями муравьевъ къ тлямъ. Мы видимъ, что муравьи получаютъ отъ тлей значительную пользу и что нѣкоторые виды муравьевъ приобрѣли высокія способности ухаживать за тлями и даже за ихъ яйцами. Теперь же посмотримъ, получаютъ ли и тли какую-либо пользу отъ муравьевъ, и если получаютъ, то какую именно. Рѣшивъ этотъ вопросъ, мы тѣмъ самымъ рѣшимъ и другой вопросъ: къ какому разряду явленій можно отнести взаимно-отношенія между муравьями и тлями?

Какъ уже указывалось выше, существуютъ виды тлей, которые даже въ отсутствіе муравьевъ задерживаютъ на своихъ прианальныхъ волоскахъ капли экскрементовъ, хотя, безъ сомнѣнія, въ этомъ случаѣ для нихъ было бы выгоднѣе отбросить капли въ сторону, такъ какъ эти капли болѣе или менѣ липки, особенно при высыханіи. Очевидно, что указанная особенность тлей (*Stomachis Trama* см. рис. 4, *Pentaphis*, *Pemphigus carrulescens* (см. рис. 3), *Aphis farfarae* и др.) рассчитана единственно на посѣщеніе ихъ муравьями. У посѣщаемыхъ муравьями тлей вообще болѣе или менѣ развиты прианальные волоски, располагающіяся, къ тому же, на самомъ концѣ брюшка (рис. 3), и на этихъ только волоскахъ и могутъ задерживаться капли экскрементовъ, особенно во время посѣщенія тлей муравьями. Наоборотъ, у тлей, не посѣщаемыхъ муравьями, прианальные волоски очень слабо развиты или даже почти совсѣмъ не развиты, какъ у *Pemph. bursarius*. Такимъ образомъ, всѣ эти тли и не могутъ задерживать на концѣ брюшка капель экскрементовъ. Кромѣ того, у нѣкоторыхъ изъ этихъ тлей на концѣ брюшка надъ порошицевымъ отверстіемъ имѣется болѣе или менѣ длинный хвостикъ—выступъ послѣдняго (порошицеваго) сегмента брюшка (см. рис. 2). Этотъ хвостикъ, уже самъ по себѣ, представляетъ большое препятствіе для муравьевъ при слизываніи капель экскрементовъ, даже если бы у данныхъ тлей существовали прианальные волоски. Другіе же изъ непосѣщаемыхъ муравьями видовъ тлей выдѣляютъ на поверхности брюшка восковую пыль или даже болѣе или менѣ длинный пу-

шокъ, который частью, въ видѣ пыли, обсыпаетъ капли экскрементовъ съ поверхности и, можетъ быть, именно въ виду этого дѣлаетъ ихъ непригодными для муравьевъ; но можетъ быть, и то, что выдѣленіе на поверхности тѣла воскового пушка или пыли стоитъ какимъ-либо образомъ въ связи съ нѣскольکو отличающимся составомъ экскрементовъ соответствующихъ тлей; во всякомъ случаѣ, фактъ тотъ, что всѣ такіа тли не посѣщаются муравьями. Послѣ всего сказаннаго едва ли можно допустить, чтобы разсмотрѣнныя здѣсь особенности строенія и инстинкты посѣщаемыхъ муравьями тлей развились безъ всякаго отношенія къ посѣщенію тлей муравьями; напротивъ, все указываетъ на то, что эти особенности развивались у тлей единственно въ видахъ наиболѣе сильнаго привлеченія муравьевъ, и что, поэтому, посѣщеніе муравьевъ должно быть очень полезно для тлей.

Формель первый вѣрно представилъ себѣ пользу, извлекаемую тлями изъ посѣщенія ихъ муравьями, указавъ, что «союзъ между муравьями и тлями состоитъ въ общиѣ полезныхъ услугъ, ибо муравьи защищаютъ свой скотъ противъ его многочисленныхъ враговъ, напр., противъ личинокъ *Coccinellidae*, *Diptera* и др.». Позднѣе ботаникъ *Бюссенъ* сдѣлалъ и непосредственныя наблюденія надъ тѣмъ, какъ муравьи вступаютъ въ борьбу съ нѣкоторыми врагами—хищниками тлей: личинками божьихъ коровокъ (*Coccinellidae*), мало поворотливыми личинками особыхъ мухъ (*Syrphidae*) и личинками тлеевыхъ львовъ (*Chrysopa*).

Указанные здѣсь враги тлей принадлежатъ къ наиболѣе опаснымъ для нихъ: эти враги живутъ исключительно насчетъ тлей и истребляютъ ихъ въ чрезвычайно громадныхъ количествахъ. На это въ свое время обратилъ вниманіе уже *Реомюръ*.

«Исторія тлей показала намъ,—говоритъ *Реомюръ*,—что существуетъ столько видовъ ихъ и столь необычайно плодовитыхъ, что нужно удивляться, что ими не покрыты всѣ листья и стебли травянистыхъ растений, стволы кустарниковъ и деревьевъ; но, наблюдая этихъ маленькихъ животныхъ, скоро можно замѣтить, что именно препятствуетъ имъ чрезмерно размножаться: между ними находятъ другъ друга насѣкомыхъ изъ многихъ различныхъ классовъ, родовъ и видовъ, которые, повидимому, для того только и рождаются, чтобы пожирать тлей, и между этими насѣкомыми существуютъ столь прожорливыя, что становятся, наконецъ, удивительнымъ, что тли, несмотря на ихъ боольшую плодовитость, еще продолжаютъ служить имъ достаточно обильной пищей».

Кромѣ указанныхъ выше враговъ тлей, живущихъ исключительно на ихъ счетъ, существуютъ еще и другіе хищники, при томъ какъ изъ насѣкомыхъ (ховертки, клопы *Anthocoris*, песочныя осы и др.), такъ и изъ другихъ классовъ, напр., изъ класса пауковъ, изъ птицъ, которые питаются тлями наравнѣ съ другой добычей или вообще пищей. Существуютъ, кромѣ того, и паразиты, также живущіе насчетъ тлей и даже ихъ однѣхъ, каковы, напр., нѣкоторые мелкіе наѣздки и др. Но въ данномъ случаѣ насъ особенно интересуютъ лишь указав-

ные раньше враги-хищники тлей, истребляющіе ихъ въ особенно значительныхъ количествахъ, противъ которыхъ, слѣдовательно, тли особенно нуждаются въ защитѣ, будетъ ли она дана въ особенностяхъ организаціи и въ поведеніяхъ, или, въ чемъ другомъ. Оказывается, что муравьи представляютъ значительную защиту тлямъ противъ ихъ враговъ - хищниковъ, особенно воинственные и плотоядные виды муравьевъ. Эти послѣдніе, не причиняя никакого вреда тлямъ, отъ которыхъ они получаютъ пищу, нападаютъ на другихъ насекомыхъ и, если возможно, убиваютъ ихъ. На побѣгахъ и стволахъ сосенъ въ сосновыхъ лѣсахъ часто встрѣчаются то колоніями, то почти въ одиночку различные виды рода *Lachnus*, которыхъ усердно посѣщаютъ муравьи, особенно *Formica rufa*, и оказывается, что эти тли почти свободны отъ нападенія враговъ-хищниковъ. Въ концѣ іюля я наблюдалъ въ одномъ сосновомъ лѣсу на вѣткахъ дуба значительныя колоніи крупныхъ быстро бѣгающихъ тлей *Dryobius roboris*, которыхъ усердно посѣщали муравьи вида *Formica rufa*. Среди тлей я не нашелъ никакихъ враговъ. Интересно при этомъ было поведеніе муравьевъ на вѣткахъ. Уже при малѣйшемъ обезпокоиваніи ихъ они выгибали брюшко по направленію къ предполагаемому врагу и выбрызгивали капли муравьиной кислоты, которая, попадая на лицо и на руки, производила не совсѣмъ пріятное ощущеніе. Въ одномъ мѣстѣ я наблюдалъ блестящечерныхъ муравьевъ *Lasius fuliginosus*, посѣщавшихъ нѣсколько различныхъ видовъ тлей: *Lachnus taeniatoides* на побѣгахъ одной сосны, *Myzus cerasi* подъ листьями вишни, *Aphis frangulae* и нѣкоторыхъ другихъ тлей, и всѣ эти тли были свободны отъ враговъ-хищниковъ, между тѣмъ какъ обычно *Myzus cerasi*, *Aphis frangulae* и другія тли сильно страдаютъ отъ послѣднихъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда муравьи возводятъ около посѣщаемыхъ ими тлей земляныя и другія сооруженія (крытые ходы и хижинны) и такимъ путемъ уединяютъ ихъ отъ вѣшняго міра, они тѣмъ самымъ уже предохраняютъ тлей и отъ ихъ различныхъ враговъ, не только хищниковъ, но и паразитовъ. *Lasius brunneus* приноситъ культивируемымъ имъ тлямъ рода *Stomachis* даже болѣеую пользу, чѣмъ *Formica rufa* или *Lasius fuliginosus*—своимъ тлямъ, несмотря на то, что послѣдніе виды муравьевъ плотоядны и воинственны, а *L. brunneus*—робкій и спокойный видъ и нисколько слабый, что сейчасъ же уступаетъ въ борьбѣ бурому *Lasius niger*. *Lasius brunneus* почти совершенно уединяетъ культивируемыхъ имъ тлей отъ вѣшняго міра.

Но невоинственные виды муравьевъ, посѣщающіе тлей въ открытыхъ помѣщеніяхъ, какковы, напр.: *Formica fusca*, *Lasius alienus* и даже болѣе или менѣе храбрый *Lasius niger*, сравнительно мало оказываютъ тлямъ пользы въ смыслѣ защиты послѣднихъ отъ ихъ враговъ-хищниковъ, мало или даже почти не обращая на послѣднихъ вниманія. Такъ, я часто находилъ тлей *Aphis sambuci*, *evonymi* и ра-

raveris (т.-е. *evonymi* на травянистыхъ растеніяхъ), посѣщавшихся муравьями *L. niger* и, однако, подвергавшихся истребленію личинками *Syrphidae*, божьихъ коровокъ и взрослыми божьими коровками. Однако, по наблюденіямъ Бюстена и *L. niger* вступаетъ въ сраженія съ личинками *Syrphidae* и *Chrysopa*.

На корняхъ растеній тли почти свободны отъ нападеній враговъ какъ хищниковъ, такъ и паразитовъ. Какого же рода пользу получаютъ корневые тли отъ посѣщающихъ ихъ муравьевъ? Этими тлями муравьи могутъ быть полезны уже потому, что освобождаютъ тлей отъ ихъ экскрементовъ, которые иначе могли бы загрязнять (въ виду ихъ липкости) какъ самихъ тлей, такъ и ихъ помѣщенія. Но гораздо болѣе значительную пользу тлямъ оказываютъ муравьи тѣмъ, что очищаютъ для нихъ отъ земли новыя части корней и вообще подземныхъ частей растеній, на которыхъ сосутъ тли, и даже могутъ перетаскивать тлей на новыя мѣста для сосанія. Мы уже видѣли раньше, какъ муравьи *Lasius umbratus* и *flavus* продѣлываютъ въ пробиркахъ ходы вокругъ растеній, и какъ они утаскиваютъ тлей въ землю, если выдернуть изъ земли корень растенія, обитаемый тлями. Очевидно, что то же самое муравьи способны продѣлывать и въ естественномъ состояніи въ природѣ. Вѣроятно, при перезимовываніи корневыхъ тлей муравьи заключаютъ ихъ въ болѣе защищенныя отъ неблагоприятныхъ вѣшнихъ условій мѣста въ землѣ, частью, можетъ быть, даже въ свои жилища.

Тѣ муравьи (*Lasius flavus*), которые способны собирать въ свои подземелья яйца тлей и здѣсь ухаживать за ними, оказываютъ соотвѣтствующимъ видамъ тлей очень значительную пользу, потому что на воздухѣ яйца тлей подвержены многимъ неблагоприятнымъ условіямъ, особенно передъ началомъ зимы и послѣ нея, а въ началѣ весны, кромѣ того, и вылупившіяся изъ яицъ личинки основательницъ колоній тлей.

Въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что различные виды тлей, посѣщаемыя муравьями на открытыхъ частяхъ растеній, уже благодаря этому посѣщенію, предохранены отъ нападеній различныхъ враговъ-хищниковъ, мы можемъ объяснить и ту особенность этихъ тлей, что онѣ лишены нѣкоторыхъ защитительныхъ средствъ въ своей организаціи и въ поведеніяхъ, которыя, напротивъ, присущи не посѣщаемымъ муравьями тлямъ. Какъ специальный органъ противъ нападеній враговъ-хищниковъ, у многихъ тлей служатъ такъ называемыя спинныя трубочки (см. рис. 2), раньше ошибочно считавшіяся и называвшіяся соковыми трубочками, на самомъ же дѣлѣ выдѣляющія не сладкій сокъ, которымъ пользуются муравьи, но круглые шарики особаго воско-виднаго вещества. Послѣднее, при выходѣ изъ трубочекъ, оказывается жидкимъ, но на воздухѣ быстро затвердѣваетъ. Очевидно, что если тля обмажетъ этимъ выдѣляемымъ челюсти или переднюю часть головы какому-либо своему врагу, то этимъ причинитъ послѣднему большое беспокойство, такъ

какъ это выдѣленіе скоро засохнетъ на челюстяхъ или головѣ врага-хищника, и отъ него нужно будетъ освободиться какимъ-либо образомъ, а на это потратишь время. Длинные же трубочки тлей, къ тому же болѣе или менѣе подвижны, что прямо стоитъ въ связи съ ихъ указаннымъ назначеніемъ. Трубочки особенно развиты у тлей, не посѣщаемыхъ муравьями и не защищенныхъ какимъ-либо другимъ образомъ отъ нападений враговъ-хищниковъ, напр., у рода *Siphonophora*, *Rhopalosiphum* и др. У тлей же, посѣщаемыхъ муравьями и особенно у тѣхъ, которыя сильно посѣщаются ими, трубочки развиты сравнительно мало.

Кромѣ тлей, снабженныхъ болѣе или менѣе развитыми трубочками, существуютъ рода и виды ихъ, у которыхъ трубочки развиты очень мало или замѣнены бугорками или даже просто отверстіями на мѣстѣ не развившихся бугорковъ. Наконецъ, существуютъ роды и виды, у которыхъ совершенно не имѣется соотвѣствующихъ трубочкамъ образований. Многія изъ такихъ тлей посѣщаются муравьями, а другія нѣтъ. Но если спинныя трубочки у нѣкоторыхъ родовъ и видовъ тлей достигли относительно большаго развитія, какъ органъ, служащій для защиты ихъ отъ ихъ враговъ-хищниковъ, то спрашивается, почему же не развились трубочки у другихъ родовъ и видовъ тлей, у которыхъ уже имѣются соотвѣствующія трубочкамъ бугорки и которымъ, въ случаѣ непосѣщенія ихъ муравьями, также могла бы угрожать опасность со стороны враговъ-хищниковъ. Прежде всего здѣсь нужно имѣть въ виду, что отъ враговъ-хищниковъ особенно страдаютъ виды тлей, живущіе скученно, т.-е. большими колоніями, такъ какъ только такія тли могутъ доставить достаточный кормъ для мало поворотливыхъ безногихъ личинокъ *Syrphidae* и даже для снабженныхъ ножками, но все же не обладающихъ быстрымъ передвиженіемъ (безкрылымъ), личинкамъ божьихъ коровокъ (*Coccinellidae*) и тлевыхъ львовъ (*Chrysopa*). Поэтому-то скученно живущіе виды тлей, къ которымъ относятся почти всѣ тли, снабженныя трубочками, имѣли особенную нужду въ особыхъ органахъ защиты противъ враговъ-хищниковъ. Многія же изъ тлей, снабженныя бугорками вмѣсто трубочекъ, живутъ разрозненно; такія тли уже въ силу ихъ разрозненной жизни мало доступны для нападений враговъ-хищниковъ (многіе виды *Callipterus*, нѣкоторые виды *Chaitophorus*, *Rhopalosiphum* и др.); другія же тли живутъ въ болѣе или менѣе плотно закрытыхъ помѣщеніяхъ, какъ, напр., въ различнаго рода галлахъ, гдѣ онѣ также почти недоступны для враговъ-хищниковъ; нѣкоторыя, наконецъ, болѣе или менѣе защищены отъ враговъ-хищниковъ особымъ строеніемъ, иногда въ связи съ незначительной величиной (напр., лѣтнія личинки *Chaitophorus testudinatus* и *aceris*, на и подъ листьями клевова), очень мелкими размѣрами особей извѣстныхъ поколѣній (половые особи *Pemphigide* на корѣ различныхъ деревьевъ), сходствомъ въ окраскѣ тѣла съ цвѣтомъ обитаемой поверхности и пр. Въ виду того, что многія изъ указан-

ныхъ здѣсь тлей, при своей относительно незначительной величинѣ, живутъ разрозненно, онѣ и для муравьевъ являются столь же малоцѣнными, какъ и для враговъ тлей, ибо не могутъ представить для нихъ достаточнаго количества пищи, хотя бы ихъ экскременты и были болѣе или менѣе пріятны для муравьевъ. Совершенно недоступны для муравьевъ тли, живущія въ галлахъ. Но тли, живущія открытыми колоніями, болѣею частью болѣе или менѣе сильно посѣщаются муравьями, напр., *Vasuna betulae*, различные виды *Chaitophorus*, *Cladobius*, *Callipterus* и др., и благодаря муравьямъ, эти тли въ достаточной степени предохранены противъ враговъ-хищниковъ. Нѣкоторые крупные виды тлей изъ снабженныхъ бугорками вмѣсто трубочекъ, хотя и живутъ почти разрозненно, но посѣщаются муравьями, что объясняется, конечно, тѣмъ, что у этихъ тлей уже отдѣльныя особи могутъ въ достаточной степени удовлетворить аппетиты муравьевъ.

Однако, нельзя не отмѣтить того факта, что нѣкоторые виды тлей изъ снабженныхъ воскоотдѣлительными бугорками или лишенныхъ ихъ совершенно, хотя и живутъ открытыми колоніями, но не посѣщаются муравьями, таковы, напр.: *Phyllaxis fagi*, *Lachnus pineti*, *Pemphigus midificus*, *xylostei*, *Schizoneura lanigera* и др. Хотя эти тли и выделяютъ обильный восковый пушокъ или пыль, такъ что съ этой стороны непосѣщеніе ихъ муравьями до нѣкоторой степени объяснимо, однако представляется непонятнымъ, что эти тли, какъ колоніально живущія и, слѣдовательно, открытыя для нападений враговъ-хищниковъ, не приобрѣли способности привлекать къ себѣ муравьевъ. Нужно допустить, что эти тли какимъ-либо особымъ образомъ предохранены противъ значительнаго истребленія врагами. Не играетъ ли здѣсь роли обильный восковый пушокъ? Извѣстно, что наиболѣе опушенные виды наименѣе подвержены нападѣніямъ враговъ. Можетъ быть, здѣсь играютъ роль и еще какія-либо неизвѣстныя пока причины. Считаю не лишнимъ указать на одно свое наблюденіе надъ уховертками: въ то время какъ уховертки съ жадностью пожирала опушенныхъ *Pemphigus spirothecae*, онѣ совершенно почти не трогали тлей *Frama radialis*, которыхъ я также предлагалъ имъ.

Кромѣ хищниковъ, у тлей имѣются еще и враги-паразиты; особенно страдаютъ онѣ отъ мелкихъ наѣзниковъ, откладывающихъ въ ихъ тѣло свои яйца. Но противъ этихъ враговъ муравьи не могутъ предохранять тлей; поэтому-то какъ не посѣщаемыя муравьями тли, такъ и посѣщаемыя ими имѣютъ нѣкоторыя общія особенности въ строеніи и поведеніи, направленные къ защитѣ ихъ отъ наѣзниковъ.

Мы знаемъ теперь, какую дѣйствительную защиту противъ враговъ-хищниковъ оказываютъ тлямъ посѣщающіе ихъ муравьи, особенно плотоядные и воинственные виды послѣднихъ. Но если это такъ, то возникаетъ вопросъ: почему способность привлеченія муравьевъ развилась не у всѣхъ тлей, даже не у всѣхъ колоніально и открыто живущихъ видовъ ихъ, а у родовъ: *Siphonophora*, *Rhopalosiphum*, *Hyalop-*

terus и нѣкоторыхъ другихъ даже появилась, въ видѣ длиннаго хвостика на концѣ брюшка, особенность строения, какъ будто исключительно направленная противъ слизыванія муравьями капель экскрементовъ этихъ тлей?

Вѣроятно, при первоначальномъ развитіи взаимоотношеній между муравьями и тлями въ ту или другую сторону играло нѣкоторую роль качество и характеръ экскрементовъ тѣхъ или другихъ тлей. Если экскременты тлей были болѣе или менѣе привлекательны для муравьевъ и, благодаря этому, тли могли привлечь къ себѣ сильныхъ и плотоядныхъ муравьевъ, то для нихъ было очень выгодно заручиться постояннымъ и усерднымъ посѣщеніемъ такихъ муравьевъ, и вотъ въ результатѣ дѣйствія естественнаго отбора, т. е. переживанія наиболѣе приспособленныхъ къ даннымъ условіямъ особей или формъ животныхъ, и появились у нѣкоторыхъ тлей особенности строения и повадки, рассчитанныя почти исключительно на посѣщеніе ихъ муравьями. Если же экскременты тлей были не особенно привлекательны для муравьевъ, то, конечно, онѣ не могли сильно привлекать къ себѣ послѣднихъ и поэтому-то представлялись болѣе сильными и храбрыми муравьями менѣе сильнымъ и болѣе спокойнымъ, каковы, напр., *Formica fusca*, *Lasius alienus* и даже *niger* и другіе. А мы уже видѣли, что только посѣщеніе муравьями перваго рода приноситъ тлямъ дѣйствительную защиту противъ враговъ-хищниковъ, между тѣмъ какъ слабые и спокойные муравьи, если они не умѣютъ къ тому же уединять тлей, въ этомъ отношеніи бесполезны для нихъ.

Въ виду этого, могло оказаться, что для нѣкоторыхъ формъ тлей было выгодно совершенно избавиться отъ посѣщенія ихъ муравьями, и я склоненъ думать, что, напримѣръ, длинный хвостикъ уroda *Sinophora*, большинство видовъ *Rhopalosiphum* и нѣкоторыхъ другихъ формъ тлей развился, какъ специальное приспособленіе противъ посѣщенія ихъ муравьями, которые не могли бы оказать имъ существенной выгоды въ смыслѣ защиты ихъ противъ ихъ различныхъ враговъ или, даже напротивъ, могли бы оказать имъ лишь вредъ.

Такимъ образомъ, мы можемъ представить себѣ, что отношенія между муравьями и тлями могли развиваться въ двухъ направленіяхъ, какъ въ положительномъ, такъ и въ отрицательномъ, что опредѣлялось лишь тѣмъ, было ли сожителство съ муравьями выгодно для тлей или нѣтъ. И дѣйствительно, въ настоящее время, какъ мы уже знаемъ, можно наблюдать троякаго рода отношенія между муравьями и тлями, нѣкоторыя формы тлей постоянно посѣщаются тѣми или другими муравьями (*Stomachis*, *Dryobius roboris*, различные ляхнусы и другія тли) или даже постоянно живутъ съ тѣми или другими видами муравьевъ (*Stomachis bobretskyi* съ *Lasius brunneus*, *Trama radialis* съ *L. umbratus* и рѣже съ другими муравьями и т. д.); многія формы тлей, напротивъ, никогда не посѣщаются муравьями, и, наконецъ, существуетъ еще группа тлей, умѣренно или даже слабо посѣщаемыхъ муравьями.

Является еще одинъ вопросъ. Какъ могли возникнуть представленныя выше отношенія между плотоядными муравьями и тлями? Вѣдь эти муравьи могли бы просто убивать и поѣдать тлей?! Въ виду того, что муравьи вообще не трогаютъ тлей, можно думать, что, въ качествѣ пищи, тли вообще не привлекательны для муравьевъ. А если это такъ, тогда уже сравнительно легко представить себѣ развитіе разсмотрѣнныхъ выше отношеній между муравьями и тлями.

Если у многихъ тлей, именно у посѣщающихся муравьями, существуютъ несомнѣнныя приспособленія въ цѣляхъ сожительства съ муравьями или привлеченія послѣднихъ, то и относительно муравьевъ необходимо допустить наличность соответствующихъ приспособленій къ сожительству съ тлями и утилизованію ихъ, что могло сопровождаться дальше, еще различными другими особенностями ихъ организаціи и поведенія. Стоитъ только обратить вниманіе на образъ жизни и на стоящія въ связи съ нимъ особенности организаціи и поведенія нѣкоторыхъ формъ муравьевъ, живущихъ исключительно насчетъ тлей, чтобы убѣдиться въ справедливости такого допущенія. Муравьи, наилучше приспособившіеся къ жизни на счетъ тлей, это: *Lasius brunneus* и различные желтые, постоянно живущіе въ землѣ, муравьи: *L. flavus*, *umbratus* и др. Такъ какъ тли составляютъ единственный источникъ пропитанія этихъ муравьевъ, то, въ соответствии съ этимъ, мы и видимъ, что различныя особенности поведенія и организаціи послѣднихъ вращаются около существеннаго вопроса ихъ жизни—сожительства съ тлями и утилизаціи послѣднихъ. Эти муравьи приобрѣли особую окраску, особенно желтые земляные муравьи, стали избѣгать свѣта, нѣкоторые утратили воинственныя наклонности и, наконецъ, главное—приобрѣли высокія способности ухаживать за своими тлями, а *L. flavus* и *alieno-brunneus* — также и за яйцами тлей, устраивать для тлей помѣщенія, возводить около нихъ различныя сооруженія и пр.

Итакъ муравьи и тли приобрѣли нѣкоторыя особенности строенія и повадокъ, рассчитанныя на сожительство, одинаково лишь подъ вліяніемъ естественнаго отбора, такъ какъ это сожительство было выгодно и для тѣхъ, и для другихъ. И напротивъ, когда посѣщеніе муравьевъ было почему-нибудь невыгодно тлямъ, послѣднія приобрѣли, также въ результатѣ дѣйствія естественнаго отбора, особенности строенія, почти исключительно направленные противъ посѣщенія ихъ муравьями. Въ виду всего сказаннаго, отношенія между муравьями и тлями скорѣе всего можно отнести къ группѣ явленій, названныхъ *де-Бари* и *О. Гертвигомъ*—симбіозомъ, а *П. ванъ-Бенеденомъ*—мутуализмомъ. Этими названіями обозначаются такія явленія сожительства различныхъ животныхъ и растений, когда соживающія стороны въ той или другой степени полезны другъ другу.

А. Мордвилю.

ИЗЪ ДНЕЙ МИНУВШИХЪ.

Съ польскаго.

Повѣсть Г. Даниловскаго.

Перев. А. Н. Я-ъ.

(Продолженіе *).

VI.

Недоразумѣнія.

Несмотря на всѣ мѣры, предпріятыя съ цѣлью скрыть самоубійство Марыни, молва о немъ, въ видѣ глухихъ и сбивчивыхъ разсказовъ, распространилась далеко за предѣлы Кленова, въ чемъ вскорѣ и убѣдился панъ Игнатій. Ибо, когда онъ на другой день послѣ этого прискорбнаго событія явился къ священнику уговориться о погребеніи, новый ксѣндзъ, человѣкъ молодой, началъ ему задавать испытующе различныя щекотливыя вопросы: отчего его въ соотвѣтствующее время не позвали для пріобщенія Св. Тайнъ? чѣмъ объясняется такая внезапная кончина прихожанки? и т. п.

Игнатій попробовалъ было сначала выкручиваться, но, какъ человѣкъ, не привыкшій къ дипломатическимъ разговорамъ, началъ сбиваться и, въ концѣ концовъ, разсерженный и уязвленный разспросами, объявилъ рѣзко и напрямикъ, что Марыня наложила на себя руки, но произошло это въ состояніи сильнаго нервнаго расстройства, умственнаго помраченія, подъ вліяніемъ несчастья,—однимъ словомъ, при условіяхъ, равносильныхъ невмѣняемости.

— Надо будетъ въ справедливости этого убѣдиться!—сухо отвѣтилъ ксѣндзъ, обиженный тономъ Игнатія, который показался ему вызывающимъ.

— Что!? — задыхаясь, спросилъ Игнатій, а даже мурашки забѣгали у него по спинѣ при одной мысли объ этомъ; и уже дѣйствительно вызывающе и надменно, пыхтя отъ раздраженія, выпалилъ однимъ духомъ:

— А вы, должны быть, не знаете, что домъ, въ которомъ мы находимся, обязанъ своимъ появленіемъ и существованіемъ благотвори-

*) См. «Міръ Божій», № 4, апрѣль, 1902 г.

тельности Гинтовтовъ и находится на землѣ Постапскихъ, которые основали костелъ... Предшественники ваши, деканъ, почтенный, уважаемый каноникъ.. да, наконецъ, и старыя таблицы на стѣнахъ могутъ вамъ свидѣтельствовать объ этомъ.

— Что было, то прошло и будемъ поросло!—выразительно произнесъ ксендзъ.—Я, правда, не каноникъ,—скромно прибавилъ онъ,—но обязанности свои знаю прекрасно и стараюсь исполнять ихъ до мелочей... Что же касается настоящаго, то, повидимому, самымъ близкимъ моимъ прихожаниномъ состоитъ какой-то Постапскій, котораго, увы, я никогда не имѣю чести видѣть въ костелѣ, но зато часто вижу работающимъ на полѣ въ праздничные дни...

— Такъ, значитъ, вы собираетесь съ своей стороны ставить всевозможныя препятствія?

— Ничуть! Только строго придерживаться предписаній своей религіи! — смиренно складывая ладони и наклоняя голову, произнесъ ксендзъ и сжалъ узкія губы.

— По-смо-тримъ!—процѣдилъ сквозь зубы Игнатій и, трясаясь отъ гнѣва, вышелъ, хлопнувъ дверьми, усѣлся въ шарабанъ и сейчасъ же, приказавъ ѣхать изъ Трупа на желѣзную дорогу.

Во время пути онъ безпрестанно чувствовалъ, точно все его существо замкнуто твердымъ, упорнымъ замкомъ; это тяжелое чувство покинуло его только по приѣздѣ домой, куда онъ вернулся на другой день разбитый, съ цвѣтомъ лица, напоминающимъ кофейныя пятна, съ желтыми бѣлками, но зато съ бумагою отъ епископа: похоронить *simplicissime* *).

На основаніи этой оговорки, тѣло не было выставлено въ костелѣ; процессія двинулась прямо изъ Кленова.

Невдалекѣ отъ кладбища появился послушный власти ксендзъ въ помятомъ стихирѣ и потертой рясѣ и занялъ мѣсто во главѣ процессіи, отъ которой сейчасъ же отдѣлился старикъ Постапскій.

Передъ гробомъ несли не серебряный, а обыкновенный деревянный крестъ; когда шествіе миновало кладбищенскія ворота, отозвался нѣсколько разъ только маленькій колоколь; все освѣщеніе состояло изъ одного солнца. И похоронили ее не у входа посреди каменныхъ надгробныхъ памятниковъ, а въ отдаленномъ уголкѣ кладбища, гдѣ зеленѣли густою травой ряды плоскихъ грядокъ — могилы бѣдняковъ.

Смерть Марыни не представила въ жизни Кленова того трудно замѣнимаго пробѣла, какой составляетъ утрата лица близко касающагося повседневной жизни, мыслей и чувствъ. Это было естественнымъ слѣдствіемъ заколдованнаго круга отчаянія, въ предѣлахъ котораго она очутилась совершенно одна, на разстояніи его радіуса отъ всѣхъ остальныхъ.

*) Какъ можно проще.

Поэтому, не только не чувствовалось ея отсутствіе, а, наоборотъ, среди печальныхъ вздоховъ невольно дышалось свободнѣе, точно изъ окружающей атмосферы исчезъ какой-то элементъ, вся тяжесть котораго проявилась только тогда, когда отъ него уже избавились.

Глаза не наполнялись скорбными слезами, не видя за столомъ этого чуднаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и стѣсняющаго лица, не дававшаго свободно улыбнуться.

Пересталъ сноватъ по комнатамъ этотъ образъ, гасящій всякую вскру веселья, какъ призракъ несчастья, а связанныя съ нимъ воспоминанія были настолько трагическими, что память инстинктивно отступала передъ ними, какъ отступаютъ назадъ пальцы передъ прикосновеніемъ къ ранѣ. Послѣдній же кровавый обликъ ея смерти былъ такъ ярокъ и остръ, что никакъ нельзя было отдѣлаться отъ боли при воспоминаніи о немъ и переработать эту боль въ грустное сожалѣніе, а потому старались всѣми силами его замалчивать, чтобы какъ можно скорѣе поблѣдѣли и потеряли мучительную выразительность его контуры.

И средство это, дѣйствительно, помогало. Хотя образъ этотъ и существовалъ, но никто на него не хотѣлъ смотрѣть. Самъ же онъ бросался въ глаза развѣ только случайно, какъ это и случалось нѣсколько разъ.

Какъ то разъ Игнатій, зайдя на опустѣвшій верхъ, вернулся оттуда необыкновенно разсерженнымъ и на другой день приказалъ немедленно перекрасить полы наверху, чтобы закрыть въ комнатѣ Марыни краской поблекшее пятно, видъ котораго, точно внезапный лучъ свѣта, озарилъ тотъ темный закоулокъ, въ которомъ сейчасъ же засіялъ угасавшій колоритъ ужасной картины.

Въ другой разъ Бэля, возвращаясь со скотнаго двора, встрѣтила оригинальную процессію дѣтей: Мечиславъ съ Аврелей несли на дощечкѣ задушенную кошкой сивицу, сзади шелъ Апусъ съ лопаткой, передъ ними Зыгмусъ съ вѣткой въ формѣ креста, а во главѣ Игнасъ въ ея пелеринѣ, достигающей ему до пятокъ, и, стараясь басить, издавалъ различные носовые звуки, которые, дѣйствительно, напоминали похоронное пѣніе.

Бэля, сообразивъ, что творится, почувствовала сначала боль того страшнаго впечатлѣнія, а потомъ разсердилась. Налетѣвъ на дѣтей, она вырвала у нихъ предметы ихъ тяжелой забавы, перебросила ихъ далеко черезъ заборъ, забрала съ собой пелерину, раздала всѣмъ по порціи лепковъ, причемъ самый горячій выпалъ на долю Игнася вмѣстѣ со словами: «Шелопай, безсердечный!».

Такимъ образомъ, мальчикъ имѣлъ случай убѣдиться первый разъ въ жизни, но не въ послѣдній, что сиротство слагается не изъ однихъ привилегій, а онъ уже былъ близокъ къ этому убѣжденію, потому что

почетная роль ксендза, принадлежавшая по старшинству Зыгмусю; единоголосно была уступлена ему, какъ сиротѣ.

Вообще Бэля, хорошая по существу женщнна, отличная хозяйка, старательно занимавшаяся откармливаніемъ своихъ птенцовъ, мало вмѣшивалась въ воспитаніе дѣтей. Вспыльчивая, склонная къ предубѣжденіямъ, руководящаяся впечатлѣніями минуты, она судила о людяхъ и поступкахъ чисто наружно, поверхностно, не подозревая даже, что подъ одной и той же оболочкою можетъ скрываться совершенно различный смыслъ, часто совершенно съ ней несходный.

Подвижность темперамента никогда не позволяла ей углубиться въ мысли о самой себѣ, тѣмъ болѣе о комъ-нибудь другомъ, въ особенности о дѣтяхъ, «объ этихъ молокососахъ, которыхъ только нужно во-время накормить, одѣть, слѣдить за тѣмъ, чтобы они себѣ шею не свернули, а прежде всего не вдаваться ни въ какія церемоніи съ этими сморкатыми, у которыхъ «фью-фью»—вѣтеръ въ головѣ гуляетъ».

Эта система и господствовала, такъ какъ именно Бэля чаще всего сталкивалась съ дѣтьми, самостоятельно разрѣшая ихъ дѣла; всѣ жалобы на маленькихъ виновниковъ представляли на ея усмотрѣніе, она судила, рядила, наказывала, награждала въ той мѣрѣ справедливости, какая была ей доступна, правильной съ формальной стороны, а въ сущности часто ошибочной. И поэтому она для дѣтей являлась до извѣстной степени самой близкой инстанціей, непосредственной властью, искренно привязанной, крайне заботящейся о здоровьѣ, чистотѣ и питаніи, но въ то же время близорукой. Въ болѣе сложныхъ случаяхъ она не понимала дѣтей совершенно, или въ основѣ неправильно, въ особенности Игнася, который въ этомъ отношеніи съ каждымъ годомъ представлялъ все большія трудности; по мѣрѣ того, какъ онъ росъ и развивался, все болѣе усложнялись разнородныя свойства его богатой души, проявляясь въ видѣ неопредѣленныхъ, запутанныхъ порывовъ, которые Бэля старалась исключительно обуздывать, не умѣя ихъ ни разгадывать, ни развивать.

Панъ Игнатій игралъ какъ бы роль сената, къ которому прибѣгали только въ исключительныхъ случаяхъ.

Что касается учителей, то первый замѣститель панны Флорентины, ех-студентъ, преподавалъ прекрасно, но внѣ учебныхъ часовъ избѣгалъ докучливыхъ ребятъ, какъ огня. Послѣ урока они не касались его вовсе. За то, — романтикъ по природѣ, демократъ по убѣжденіямъ, свободный отъ всевозможныхъ кастовыхъ предразсудковъ, — онъ сильно интересовался тайной народной жизни, которую изучалъ по ночамъ, а потому днемъ былъ всегда заспанный. По этой причинѣ, когда Зыгмусъ поступилъ въ гимназію, пришлось студента удалить, къ великому неудовольствію женскаго персонала прислуги, а вмѣсто него появился иссохшій старикашка, сторонникъ «ногтевой методы» «отселѣ

досагѣ», «наизусть и въ разбивку», совершенный кагѣка, котораго Постапскій иначе, и не называлъ, какъ «заклепанная пушка».

Докторъ, по смерти Марыни, началъ почти ежедневно заглядывать въ Кленово и проявлялъ живое участіе къ дѣтскимъ дѣламъ, чѣмъ до такой степени завоевалъ симпатіи Бэли, что она велѣла его называть дѣдушкой, что тотчасъ же всѣми было принято.

Новоиспеченный дѣдушка, хотя и самый старшій, лучше всѣхъ ориентировался въ міркѣ нареченныхъ внуковъ, изъ которыхъ настоящимъ признавалъ Игнася. Онъ присматривался къ нему старательнѣе, чѣмъ къ другимъ, и не разъ старался внушить Бэлѣ свои весьма мѣткія наблюденія.

Однако, та чаще всего пропускала ихъ мимо ушей, потому что, во-первыхъ, считала доктора за чудака, а во-вторыхъ—не любила, если кто-нибудь вмѣшивался въ ея дѣйствія.

Неоднократно она жалѣла о томъ, что сама уполномочила его принимать участіе въ ея дѣлахъ, давъ ему званіе «дѣдушки».

Однажды даже, когда Постапскій выступилъ въ роли открытаго заступника Игнася, она не на шутку вспылала.

— Какъ вамъ не стыдно думать,—говорила она, задѣтая за живое,—что я могу допустить какую-нибудь разницу между Игнасемъ и моими дѣтми!.. Скорѣе наоборотъ; я бываю къ нему часто болѣе снисходительна; а что онъ зачинщикъ всякихъ шалостей, и не проходить дня, чтобы онъ чего-нибудь не выкинулъ—это ужъ не моя вина!.. По головѣ его за это не поглажу. Вѣдь хвалю же я его за ученое!..

— Что онъ зачинщикъ и предводитель, это правда, и умѣетъ имъ быть! Но ты, сударыня, кажется не понимаешь, что когда они играютъ въ «похищеніе сестры», то Мечиславъ только живо себя представляетъ, что похищаетъ сестру, а Игнася вѣрить въ это, какъ въ дѣйствительность. Трудно желать, чтобы онъ думалъ о цѣлости своихъ штанишекъ, когда индѣйцы похищаютъ у него Аврелю! Это совершенно то же самое, какъ если бы я передъ атакой предупреждалъ солдатъ, чтобы они не испачкали себѣ рукъ и мундировъ!..

— Да онъ лжетъ!

— Нѣтъ! только прикрашиваетъ, выражаетъ гиперболически свои мысли и чувства.

— Хороша гипербола!.. Вчера, напримѣръ, послѣ урока выбѣгаетъ въ садъ, начинаетъ топтать ногами, издаетъ такой крикъ, отъ котораго въ ушахъ перепонки лопаются! «Опять ты пиццишь, Игнася!» говорю, а онъ мнѣ на это: «Я не нарочно, тетя!»

— Конечно! Потому что это не онъ, а жизнь въ немъ кричитъ.

— Ну, такъ пусть потише кричитъ!—оборвала разговоръ Бэля.

И подобными доказательствами всегда кончался щекотливый разговоръ.

Игнась продолжалъ получать чаще другихъ выговоры, обвинялся въ недостаткахъ, которыхъ за собою и не чувствовалъ, общалъ исправиться, а потомъ продолжалъ шалить и, въ концѣ концовъ, не зналъ, чего отъ него хотятъ? А такъ какъ онъ былъ мальчикъ впечатлительный до крайности и страшно самолюбивый, то каждое наказаніе дѣйствовало на него тѣмъ сильнѣе.

Такимъ образомъ, хотя Бэля въ сущности и не имѣла намѣренія дѣлать различія между своими дѣтьми и Игнасемъ, различіе это существовало,—Игнась это чувствовалъ и приписывалъ своему сиротству, которое начинало огорчать его и трогало его чуткую душу. На этой почвѣ стала зарождаться въ немъ тоска по умершимъ родителямъ и благоговѣйное почитаніе ихъ памяти.

Въ эти горькія минуты сознанія своего сиротства, ребенокъ изъ отрывковъ блуждающихъ воспоминаній, подслушанныхъ разсказовъ создавалъ себѣ идеальные образы двухъ героическихъ и святыхъ существъ: отца и матери; ставилъ ихъ передъ собою, какъ недостижимый образецъ, стремился сдѣлаться достойнымъ ихъ сыномъ, быть такимъ же отважнымъ, какъ они, во всемъ, что ни придется, влѣзть ли на крутую крышу, перенести ли въ рукахъ горячіе уголья изъ печки въ печку, или похлопать горячаго заводскаго жеребца—все-равно, однимъ словомъ совершить какой-нибудь такой поступокъ, на который бы никто не отважился.

Такъ возникла новая причина, побуждавшая Игнася ко всевозможнымъ смѣлымъ затѣямъ въ ихъ маленькомъ сборищѣ, причина, существованія которой никто и не подозрѣвалъ, такъ какъ Игнась скрывалъ свое благоговѣніе къ памяти родителей втайнѣ, какъ святыню, которую не выставляютъ на поруганіе. Однако, какъ-то онъ измѣнилъ себѣ.

Когда дѣтей спрашивали по очереди, кѣмъ каждый хочетъ впослѣдствіи сдѣлаться, Игнась съ разгорѣвшимися глазками отвѣтилъ:

— Я хочу быть папой, или мамочкой.

Это заявленіе произвело на обоихъ супруговъ непріятное впечатлѣніе, которое, однако, скоро разсѣялось.

Доктора при этомъ не было, и только позднѣе, совершенно случайно, онъ узналъ эту тайну и множество другихъ. Ему попалась въ руки тетрадка Игнася, гдѣ между списками бѣлья и различными замѣтками, какъ, напримѣръ: Что я сломалъ? Что нашелъ? Что кому дамъ, когда вырасту?—Постанскій замѣтилъ два неуклюжихъ, но указывающихъ на особенности рисунка-силуэта съ подписями: мой папа и моя мама, а дальше двѣ могилки съ кривыми крестами. Кромѣ того, подъ заголовкомъ: кого я люблю больше всѣхъ? въ одну строчку были громадными буквами написаны слова: «папочку» и «мамочку», ниже болѣе мелко: «дѣдушку Постаускаго», а потомъ, небрежно, имена всѣхъ дѣтей, дяди и тети, домашнихъ, собакъ, лошадей, прислуги и т. д.

Докторъ прочелъ все внимательно и изъ отрывковъ недоконченныхъ мыслей, сквозь призму этихъ кривыхъ буквъ, увидѣлъ насквозь всю душу мальчика. Онъ убѣдился, что этотъ ребенокъ—настоящій сынъ своихъ родителей, чудный отпрыскъ союза двухъ необыкновенныхъ существъ, бутонъ, который тянется высоко, къ самому солнцу. И докторъ при этой мысли сильно встревожился, точно предчувствовалъ, что это можетъ быть продолженіемъ печальной пѣни страданій.

Не разъ также, присматриваясь со стороны къ чертамъ лица ребенка, онъ подмѣчалъ въ нихъ какое-то неясное выраженіе трагизма, точно печать роковыхъ преданаменованій, передъ которой трепетало неустрашимое сердце стараго чудака. Вмеѣстѣ съ тѣмъ, благодаря этому открытію, Постапскій приобрѣлъ рѣшающее вліяніе на Игнася, и какъ только ему хотѣлось къ чему-нибудь склонить мальчика, или искоренить какую-нибудь дурную привычку, достаточно было прибѣгнуть къ магическимъ словамъ «папа» или «мамочка», чтобы достигнуть желаемого результата. Къ тому же, благодаря названію этихъ именъ, которыхъ избѣгали всѣ остальные въ присутствіи мальчика, докторъ приобрѣлъ такую привязанность Игнася, что новое лицо, которое въ это время овладѣло сердцемъ мальчика, въ рубрикѣ: «кого я люблю больше всѣхъ?» было записано не выше, а на одной линіи съ именемъ «дѣдушки». Лицо это была тетя Миля, дальняя родственница Баля, сирота, барышня, не особенно богатая, прожившая по окончаніи пансіона всю зиму и весну въ Кленовѣ. Хорошо развитая дѣвушка, лѣтъ семнадцати, съ точенымъ профилемъ, продолговатыми, томными глазами цвѣта фіалокъ, съ пурпуровыми губами, привыкшая къ городской жизни, она скучала въ деревнѣ, и для развлечения, за неимѣніемъ взрослоаго рыцаря, постояннаго предмета пламенныхъ вздоховъ, превратила въ пажа Игнася, который нравился ей своей безъискусственностью и не дѣтскою отвагой. Она ему приказывала приносить себѣ цвѣты, цѣловать ее въ губы, въ сгибы рукъ и шею; брала его на колѣни и ласкала его часами; а десятилѣтній мальчикъ находилъ въ ея поцѣлуяхъ забытую нѣжность и сладость материнскихъ ласкъ и еще какой-то смутный, невѣдомый элементъ, который заставлялъ его скрывать передъ посторонними глазами свои чувства къ тетѣ Милѣ и краснѣть до слезъ, когда его въ шутку называли ея женихомъ.

VII.

Ночь на Ивана Купала.

— Вотъ, еслибъ кто-нибудь изъ васъ нашелъ сегодня ночью этотъ свѣтящійся цвѣтокъ—былъ бы счастливымъ и всемогущимъ! А я бы къ тому приласкался, только чтобъ позволилъ понюхать...

Тутъ Конанскій улыбнулся своими блѣдными губами.

«МІРЪ ВОЖІЙ», № 5, МАЙ. ОТД. I.

— Развѣ обязательно надо въ гѣсу? А то у насъ и въ паркѣ есть напоротникъ,—прервалъ молчаніе Мечиславъ.

— Говорятъ, что въ гѣсу. А можетъ быть, и ни въ гѣсу, ни въ саду,—отвѣтилъ Конавскій и устремилъ въ пространство свои добрые потускнѣвшіе, задумчивые глаза.

Такъ разговаривалъ съ дѣтьми первый гость, который пріѣхалъ подъ утро въ Кленово, чтобы поздравить съ годовщиной свадьбы обоихъ супруговъ. Это былъ отдаленный сосѣдъ и школьный товарищъ пана Игнатія, человекъ, подававшій нѣкогда большія надежды, рано сбившійся съ пути благодаря сердечной неудачѣ, цынѣ—не лишняя очарованія развалина. Жилъ онъ одиноко, зарывшись въ разваливающуюся барской усадьбѣ, съ которой разставался только разъ въ годъ ради визитовъ, чтобы навѣстить Кленово и напомнить себѣ тотъ давнишній вечеръ, когда онъ дирижировалъ танцами на свадьбѣ съ такимъ увлеченіемъ и почти бѣшенствомъ, точно предчувствовалъ, что веселится послѣдній разъ въ жизни.

— А что, вы могли бы сдѣлать изъ большой лошади двухъ собачекъ?—вдругъ спросилъ Игнась, всматривавшійся съ полуоткрытымъ ртомъ въ изнуренное лицо Конавскаго и глотавшій слова его рассказа.

Но въ эту минуту вошелъ на веранду Игнатій и весело произнесъ:

— Ну, что жъ, Тадеушъ, сыграемъ передъ обѣдомъ партію, для аппетита.

— Хорошо, только дай пѣшку впередъ, а то я давно ужъ не игралъ.

— Я тоже, чуть ли не съ тобой въ послѣдній разъ!—отбодрялся Игнатій.

— Да, только нѣдь ты знаешь, что мнѣ вообще не везетъ ни въ какую игру,—засмѣлся Конавскій голосомъ и всѣмъ лицомъ, кромѣ глазъ.

Вышли.

Дѣти подъ впечатлѣніемъ рассказа минуту сидѣли тихо, задумчиво.

Одинъ только Апусъ вертѣлся нетерпѣливо и вдругъ объявилъ:

— Я совѣтую передъ обѣдомъ, для возбужденія аппетита, поиграть въ «гѣснаго духа».

— Хорошо!—оживляясь согласился Мечиславъ.—Зыгмусъ! что ты тамъ дѣлаешь? Иди, играть въ «гѣснаго духа».

— Одѣваюсь!—серьезно и дѣланнымъ басомъ, какъ подобаетъ четверокласснику, отвѣтилъ Зыгмусъ, выходя съ папирсой, зажатой въ рукѣ.

— Что жъ это пріятно?

— А, вовсе нѣтъ!—вмѣшался, очнувшись отъ задумчивости, Игнась.

— А ты почему знаешь?—сурово, съ нѣкоторымъ недовольствомъ спросилъ Зыгмусъ.

— Я пробовалъ трубку Яна.

— И не тошнило тебя?

— Нѣтъ, только страшно языкъ щипало.

— Потому что не ужѣешь затягиваться, попробуй, вотъ такъ!—И тутъ Зыгмусъ затянулся, закашлялся, плюнулъ и, слышавъ шаги, затопталъ округокъ.

На веранду вбѣжала Авреля и быстро заговорила, состроивъ сильно озабоченное лицо и живо жестикулируя.

— Пойдемъ, Зыгмусъ, помоги мнѣ вертѣть мороженое, потому что я одна ничего не могу сдѣлать, масса работы.

— Что? что я баба, что ли?—возмутился Зыгмусъ.

— Ну такъ кто-нибудь изъ васъ?

— Мы не можемъ, мы должны начать игру въ «лѣсного духа»,— категорически заявилъ Апусъ.

— Ну, мелюзга, не разговаривать! — началъ басомъ, а кончилъ роковымъ дискантомъ Зыгмусъ, поднеся руку къ бородавкѣ подъ носомъ.

— Противные мальчишки! Толку отъ васъ не добьешься!.. А ты, Зыгмусъ, не кури, а то скажу мамѣ; я видѣла,—проговорила Авреля, разсерженная отказомъ.

— Ну и жалуйся! и будешь фискала, зубоскала!

— Буду или не буду, тамъ видно будетъ! Тоже, важная фигура! щиплетъ бородавку подъ носомъ и думаетъ, что у него усы... Пѣтухъ индѣйскій! — отрѣзала Авреля, повернувшись кругомъ и съ достоинствомъ удалилась.

— Ябеда!—пустилъ въ догонку оскорбившійся Зыгмусъ.

— Ну, чѣмъ ссориться, лучше сыграемъ въ «лѣсного духа»! — закричалъ Игнасъ.—Ку-ка-ре-ку! — заплѣ онъ пѣтухомъ.—Я кровавадный Натанъ, или «лѣсной духъ»! Знайда, поди-ка сюда!—позвалъ онъ молодую дворняшку—ты будешь, какъ Конфетка, искать индѣйцевъ! Зыгмусъ! Ты — вождь краснокожихъ! Я крикну: пора!—тогда и начинайте!

И мальчикъ во всю прыть пустился съ собакой въ садъ. Апусъ заткнувъ за ленточку на шляпѣ утиное крыло, вооруженный копьемъ изъ орѣшника, а Мечиславъ съ изогнутымъ лукомъ вскочили и побѣжали. Зыгмусъ тоже поднялся, но еще колебался, подобаетъ ли ему принять участіе въ игрѣ, хотя ему и сильно хотѣлось.

— Пора!—раздался изъ-за кустовъ звонкій голосъ.

Оба индѣйца бросились въ ту сторону. Въ это время Игнасъ, согнувшись и прячась, перебѣжалъ съ вѣрнымъ Знайдой черезъ «чащу» смородиновыхъ кустовъ, прислѣлъ, придерживая собаку за шею, и шепталъ съ бьющимся сердцемъ: «Стереги, стереги, Конфетка!»

Вскорѣ на аллеѣ показался Апусъ, обманутый маневромъ Игнася; онъ шелъ спокойно, не подозревая, что неприятель такъ близко.

— Ку-ка-ре-ку, я «лѣсной духъ»! — съ страшнымъ крикомъ бро-

сидя на него Игнась, повалилъ его на землю и раздавленной смородиной поставилъ ему на груди кровавый крестъ.

— Ой, ой, ой! кричалъ ошеломленный Апусь.

— Держи его!—оралъ во все горло Мечиславъ, пробираясь сквозь густые кусты подстриженной акаціи.

При видѣ пораженія брата, кровь закипѣла въ Зыгмусѣ, и, сбросивъ съ себя напускную важность, онъ опрометью поспѣшилъ на помощь брату.

Игнась, проникнутый неподдѣльнымъ страхомъ, пустился бѣжать изо всѣхъ силъ, точно ему, дѣйствительно, грозила опасность. Мальчикъ бѣгалъ скоро, но Зыгмусъ, благодаря своимъ длиннымъ ногамъ, быстро его нагналъ, однако ему не удавалось поймать Игнася, который, какъ ужъ, выскользалъ у него изъ рукъ.

Въ это время подоспѣлъ Мечисъ; показался и Апусь.

Наступала критическая минута. «Лѣсной духъ» былъ окруженъ съ трехъ сторонъ, съ четвертой преграждала путь канава съ водой.

• Не долго думая, Игнась прыгнулъ, чтобы перескочить препятствіе. Это не разъ ему удавалось, но теперь, какъ разъ, силы ему измѣнились; онъ ввалился прямо по поясъ въ воду, выкарабкался на другой берегъ и удиралъ дальше со всѣхъ ногъ..

Остальныя дѣти, помня предостереженія Бэли, которая приварила ихъ по случаю сегодняшняго торжества, остановились на берегу и, разочарованныя неудачей, вернулись домой.

Игнась, не чувствуя за собою погони, бросился на траву и съ минуту тяжело дышалъ, чувствуя точно раскаленные уголья въ груди. Черезъ нѣсколько мгновѣній онъ опомнился совершенно, окинулъ тревожнымъ взглядомъ свое платье и оробѣлъ. Свѣтлыя штанишки, башмачки и чулочки—все это приняло неопредѣленный грязный цвѣтъ, со всего текла вода и илъ: весь передъ его матросской блузы былъ тоже мокрый насквозь; руки, а что еще того хуже, концы рукавовъ и бѣлыя перламутровыя пуговицы были сплошь облѣплены грязью.

Игнась долго сидѣлъ смущенный, съ лицомъ раскаивающагося преступника, съ опущенными глазами, готовый расплакаться, однако когда онъ уже совсѣмъ отдохнулъ, новый приливъ энергіи заставилъ его задуматься надъ способами, какъ привести въ порядокъ испорченное платье.

«Лучше всего выстирать!» подумалъ онъ и направилсѣякъ рѣчкѣ.

Сначала онъ снялъ башмачки, соскребъ съ нихъ палочкой грязь, вымылъ и вытеръ листьями лопуха. Потомъ раздѣлся до рубашки; блузу только выполоскалъ, а штанишки выстиралъ усердно. Какое-то погѣно сыграло ему роль колотушки, и онъ съ огромнымъ удовольствіемъ и съ такимъ увлеченіемъ колотилъ по нему, что съ погѣна даже щепки летѣли вмѣстѣ съ кусочками разбитыхъ перламутровыхъ пуговицъ.

Потъ катился у него съ лица, но онъ былъ доволенъ результа-

тами, убѣжденный въ томъ, что когда высохнетъ, все будетъ выглядеть прекрасно.

Онъ развѣсилъ свой туалетъ на вѣтвяхъ березы, а самъ улегся на мягкую траву, наслаждаясь тепломъ солнечнаго дня и легкимъ дуновениемъ ласкающаго вѣтерка, надувавшаго его рубашку.

Тихо было вокругъ, только ручеекъ монотонно журчалъ, и жужжали невидимые рои мелкихъ мошекъ; надъ рѣчкой господствовало безпрестанное движеніе. Пролетѣло нѣсколько горлицъ и исчезло гдѣ-то вблизи; потомъ выскочила на берегъ трясогузка и бѣгала такъ близко отъ Игнася, что онъ прекрасно видѣлъ ея черные, какъ бисеръ, глазки. Двѣ бабочки, одна маленькая, блѣдно-голубая, другая побольше, бѣлая, порхали надъ красненькой головкой шиповника. Прожужжалъ черно-полосатый шмель, спугнулъ ихъ съ шиповника, онѣ пересѣли на мальву, на которой качалась маленькая, сѣренькая птичка, такъ называемая мухоловка. По травѣ бѣгали тѣни отъ вѣточекъ и листьевъ березы, а по временамъ продвигались большія пятна взлетающихъ птичекъ. Одно такое, почти неподвижное пятно обратило вниманіе Игнася, онъ взглянулъ на небо и увидѣлъ парящаго надъ нимъ ястреба, который былъ такъ низко, что мальчикъ безъ труда различалъ блескъ серебристыхъ перышекъ на крыльяхъ, клювъ и движенія головы. Они смотрѣли другъ на друга нѣкоторое время, затѣмъ ястребъ едва замѣтными колебаніями крыльевъ началъ подыматься все выше и выше.

— Ахъ, еслибъ мнѣ такъ!..—подумалъ Игнася, слѣдя за нимъ глазами, и грудь его широко вздохнула отъ удовольствія воображаемаго полета.

Птица описала большой кругъ и исчезла.

Игнася, лежа на травѣ, продолжалъ смотрѣть вверхъ. Передъ нимъ мелькали въ чистомъ воздухѣ какія-то подвижныя сѣточки, вращающіеся кружочки, золотистыя пылинки, дагѣ голубой сводъ неба, а на немъ бѣгли мелкія облачка, плывущія въ безконечную даль.

— Ахъ, еслибъ съ ними пошлыты!..— снова подумалъ мальчикъ, и сердце затрепетало въ немъ отъ воображаемаго наслажденія плавать по небесному простору; онъ даже закрылъ глаза, чтобы усилить яркость этого впечатлѣнія.

Вдругъ прозвонилъ три раза колоколъ, возвѣщающій время обѣда.

Игнася сорвался съ мѣста и началъ быстро одѣваться; ему это какъ-то не удавалось; все было искомкано, неопредѣленнаго цвѣта, тѣсное и сырое. Башмаки, потерявшіе блескъ, скоробившіеся, были точно состряпаны изъ стараго сукна, зато штанишка, цвѣта половой тряпки, казались сшитыми изъ помятой кожи.

Это сильно огорчало Игнася; онъ медленно направился къ дому, расправляя по пути руками безпомоившія его складки и морщины.

На ступеняхъ крыльца онъ увидѣлъ Постаискаго.

— Ну, ну,—произнесъ докторъ,—гдѣ это ты такъ [вырядился на

сегодняшнее торжество? Повернись-ка! Хорошъ, точно корова тебя жевала!

— Я хотѣлъ выстирать,—началъ Игнасъ и, посмотрѣвъ на улыбающееся лицо старика, на его запыленные заплатаные сапоги, вытертый пиджакъ и брюки съ бахромой, набрался смѣлости и заискивая произнесъ:—не пойти ли намъ, дѣдушка, въ буфетную, тамъ Степа почистить, и я...

— Дѣдушка, пожалуйста въ залу, сейчасъ обѣды!—прервала вбѣгая Авреля въ розовенькомъ платьѣ, опоясанномъ бѣлымъ шарфомъ.—Игнасъ!—простонала она, остановившись въ изумленіи,—ну, ну, ну!—покачала она печально головой. А когда Постанскій удалился, увидѣвъ вытянувшееся лицо мальчика, таинственно прибавила:—не бойся, ничего! Мама уже знаетъ, что ты упалъ въ кашу, ничего тебѣ не сдѣлаетъ! Дѣдушка и тетя Миля попросили за тебя; бѣги, одѣнься въ старый костюмъ.

— Такъ тетя Миля здѣсь?—живо спросилъ Игнасъ, взволнованный ея пріѣздомъ и растроганный ея заступничествомъ.

— Пріѣхала съ какимъ-то господиномъ и какой-то барыней!.. Посторопись, ужъ супъ разливають...

Когда Игнасъ въ сѣрой ежедневной запятанной курточкѣ явился въ столовую, всѣ уже сидѣли за столомъ.

Очувшись отъ робости, ошеломленный многочисленными взглядами, направленными на него, онъ увидѣлъ грозившій ему нѣжный пальчикъ Изабеллы и услышалъ ея приказаніе:

— Поздоровайся! И въ другой разъ помни... видишь, какъ всѣ выглядятъ, ты одишь только замарашка.

«И дѣдушка тоже», подумалъ мальчикъ, и сразу почувствовалъ себя свободнѣе. Подбѣжалъ, улыбаясь издали, къ тетѣ Милѣ, поцѣловалъ ее въ обѣ ручки горячо и нѣжно; шаркнулъ ножками передъ молодой уже барыней и незнакомымъ господиномъ съ лысинкой, сидѣвшимъ рядомъ съ тетей Милей.

— А, такъ это мой соперникъ!—громко засмѣялся незнакомый гость.—Ну, такъ надо намъ познакомиться!

Гость всталъ съ мѣста и взявъ въ жирную, потную, огромную руку маленькую ручку Игнася, произнесъ:

— Кулаковскій, главный директоръ!—последнія слова онъ невольно произнесъ съ гордостью и удареніемъ.

Игнасъ окинулъ недовѣрчивымъ взглядомъ его толстую фигуру на короткихъ, кривыхъ ногахъ и ему припомнился самоваръ вмѣстѣ со столикомъ на искривленныхъ ножкахъ.

Ему сразу не понравился этотъ гость, и даже показался обиднымъ его голосъ и тонъ разговора.

— Бородка, какъ у козла!—подумалъ, усаживаясь, мальчикъ.

— Чѣмъ онъ мажется, что такъ сіяеть?—шепнулъ онъ Мечиславу, глядя на лоснящіяся, выколенные щеки директора.

А директоръ, женихъ тети Миля, уставившись хитрыми глазами на Игнася, громко продолжалъ:

— Такъ это тотъ самый молодой человекъ, который носилъ вамъ пѣты? Что-то онъ не похожъ на такого!

Игнась покраснѣлъ до слезъ и такъ разобидѣлся на тетю Милю, что даже забылъ на время свое нерасположеніе къ этому незнакомцу, который казался ему въ эту минуту болѣе чѣмъ несноснымъ. Мальчикъ уткнулся въ тарелку и боялся взглянуть на кого-нибудь.

Къ счастью, разговоръ принялъ другой оборотъ, и въ немъ сильнѣе всѣхъ слышался голосъ гостя, который въ концѣ концовъ заставилъ всѣхъ замолчать; этотъ голосъ раздавался одиноко и сообщалъ либо о достоинствахъ собственной персоны директора, либо фабрики; когда слышалось «мы», надо было подразумевать фабрику, когда—«я», никто уже не сомнѣвался, что рѣчь идетъ о самомъ господинѣ директорѣ.

Несмотря на то, что гость рассказывалъ плавно, даже краснорѣчиво и выказывалъ громадное знакомство съ вещами, несомнѣнно интересными, въ особенности для деревенскихъ жителей, рассказы его не заинтересовали никого и не доставляли удовольствія. Скорѣе наоборотъ; Игнатія невольно коробило при его словахъ, ибо онъ видѣлъ въ нихъ временами грубое приложеніе собственныхъ позитивныхъ взглядовъ, что было для него тѣмъ болѣе неприятно, такъ какъ и прежде еще онъ сомнѣвался въ справедливости многихъ изъ нихъ. Баля чувствовала себя смущенной и какъ бы сконфуженной.

На впечатлительномъ лицѣ Конавскаго отражалось сильное неудовольствіе. Лицо Миля выражало скуку и лишь отъ времени до времени въ ея томныхъ глазахъ мелькалъ короткій блескъ нетерпѣнія и скрытой раздраженности.

Одна только тетка Кулаковскаго казалась на седьмомъ небѣ, и, когда директорское «я» выступало въ полномъ блескѣ,—ея увидшее, изсохшее лицо сіяло, и голова утвердительно кивала въ сторону Постапскаго, который сидѣлъ vis-à-vis и, убійственно-безучастно уставившись своими огромными, налитыми кровью глазами въ пространство, выражалъ полнѣйшее невниманіе къ ея племяннику.

А Кулаковскій распространялся о «нашихъ» огромныхъ печахъ, о необыкновенной работѣ «нашихъ» паровыхъ молотовъ, о богатствѣ руды, привозимой съ юга Россіи, о бѣдности страны, о «нашихъ» мѣсторожденіяхъ каменнаго угля, камня и т. д., причѣмъ временами получалось впечатлѣніе, что все это не только дѣйствительная собственность господина директора, но и обязано своимъ существованіемъ и развитіемъ его милостивому разрѣшенію, что достаточно, чтобы онъ—главный директоръ—сдѣлалъ въ соотвѣтственное время соотвѣтственному собранію соотвѣтственный докладъ съ соотвѣтственно размаши-

стою подписью или, Боже сохрани, погрозилъ своей отставкой, чтобы все это распалось и исчезло безъ слѣда.

— А у васъ, должно быть, много работы,—замѣтила въ концѣ этой пространной тирады Бэля, желая прервать наскучившій монологъ и придать ему хотя внѣшній видъ общаго разговора.

— Совершенно вѣрно, сударыня, я встаю въ шесть часовъ, но и послѣ двѣнадцати часовъ ночи можно застать меня за дѣлами.

— Да, да, надо будетъ понемногу привыкнуть къ такому образу жизни,—добавилъ онъ, обращаясь съ снисходительной улыбкой къ Милю, и опять продолжалъ:

— Седьмой день въ недѣлю я также не отдыхаю. Просматриваю лично въ это время счета, выписки и отдѣльные рапорты и собственноручно снабжаю ихъ мелкими замѣчаніями; конечно приходится ограничиваться лаконическими выраженіями: «дорого» синимъ карандашомъ и одинъ восклицательный знакъ—первое предостереженіе! «Дорогооо» и два восклицательныхъ знака краснымъ карандашомъ—последнее! А счетный отдѣлъ знаетъ ужъ, съ кѣмъ придется разсчитываться и распрощаться...

— А что бы было, если бы я написала эти роковыя буквы?—вдругъ спросила Миля и нервно разсмѣялась.

— То-есть какъ это?—съ комичнымъ удивленіемъ взглянулъ директоръ на невѣсту.

— А такъ: забираюсь въ кабинетъ, беру резинку и вытираю одно р, одно о и одинъ восклицательный знакъ.

— Bravo! прекрасно! — отъ души смѣялся Конавскій.—Да, директоръ, у панны Мили доброе сердце и ручаюсь, что это она пожелаетъ сдѣлать, а какъ директорша, она будетъ имѣть право контролировать ваши распоряженія и пользоваться резинкой въ соответствующихъ случаяхъ.

Не успѣла пройти минута общей веселости, какъ директоръ уже вновь принялъ утраченную осанку, улыбнулся принужденно и началъ оправдываться.

— Да!.. конечно!.. Милѣ, можетъ быть, и самому хотѣлось бы сдѣлать послабленія и подчиненнымъ, и себѣ, но что-жъ дѣлать, когда акціонеры интересуются не моимъ сердцемъ, а дивидендомъ. Мы вѣдь должны заботиться о пониженіи расходовъ производства, считаться съ условіями рынка, которыя становятся все тяжелѣе, потому что иначе нѣмцы и евреи поглотятъ насъ безъ остатка. Слѣдуетъ разъ навсегда понять, — прибавилъ онъ съ удареніемъ, глядя нѣсколько сверху на Конавскаго, — что эта, такъ называемая доброта сердца, а въ сущности слабохарактерность, сентиментализмъ, романтизмъ—наши національные недостатки, стоившіе намъ много крови и слезъ (тутъ директоръ вздохнулъ, какъ будто бы онъ самъ проливалъ эту кровь и слезы), и которые намъ надо разъ навсегда похоронить въ реальной

жизни. Они потеряли кредитъ даже у поэзіи и допустимы, пожалуй, еще въ альбомахъ институтокъ, но не въ солидномъ трудѣ, трудѣ ко-ренномъ, стремящемся къ обновленію края.

— А теперь одинъ маленькій вопросъ: скажите мнѣ, сколько у васъ можетъ заработать поденщикъ? Максимумъ полтинникъ!—предупредилъ отвѣтъ Конавскій, смотрѣвшій на директора съ едва замѣтной ироніей.—А у меня послѣдній прощальга вырабатываетъ рубль!

— Ну, такъ и слава Богу! замѣтилъ Игнатій.

— Конечно — подхватилъ директоръ, — хотя, повѣрьте мнѣ, что каждый лишній грошъ въ рукахъ такого, съ позволенія сказать, животнаго,—то же, что оружіе въ рукахъ безумца — лишняя возможность напиться до самозабвенія, поступокъ въ высокой степени деморализующій!.. Да, господа, — продолжалъ онъ, — со стороны все это представляется въ радужныхъ краскахъ, а вблизи, при трезвомъ взглядѣ... Я вѣдь тоже когда-то, какъ...

— Дуракъ!—ясное, звонкое слово остановило потокъ рѣчи директора.

Все затихло. Глаза всѣхъ устремились на Постанскаго, который съ невозмутимымъ спокойствіемъ ковырялъ вилкой по тарелкѣ.

Кулаковскій и тетка его остолбенѣли, Игнатій и Бэля смутились, Конавскій оставался безучастнымъ къ происшедшему, а Миля окинула Постанскаго рѣвкимъ взглядомъ.

Въ тишинѣ этой раздался короткий, сдерживаемый смѣхъ Игнася.

— Дуракъ Игнася!—тономъ подтвержденія повторилъ докторъ.— Самъ не знаетъ, чего смѣется.

Всѣ облегченно вздохнули. Положеніе, по крайней мѣрѣ по наружному виду, казалось было спасено, но сейчасъ же снова повисло на волоскѣ.

Игнася съ быстротою молніи всталъ со стула, точно намѣреваясь прочесть лекцію, и упрямо отвѣтилъ:

— Нѣтъ, знаю!

И достаточно было видѣть его смѣлое личико и шаловливые каріе глазенки, чтобы убѣдиться, что онъ дѣйствительно знаетъ и готовъ даже это высказать.

Предупредительныя молніи посыпались изъ удивленныхъ глазъ Бэли. Игнася сѣлъ и, шаловливо нагнувъ голову, началъ коситься въ сторону директора.

Кулаковскій покраснѣлъ и ненавистнымъ, пронизывающимъ взглядомъ окинулъ мальчика, въ отвѣтъ на что получилъ насмѣшливую гримасу и вызывающій взглядъ непокорнаго ребенка.

Все это продолжалось не больше минуты, которую прервалъ Конавскій удачнымъ тостомъ за здоровье хозяевъ дома, желая имъ дожидаться брилліантовой свадьбы, внуковъ и правнуковъ.

Игнатій въ отвѣтъ поднялъ бокалъ за здоровье гостей и помолвлен-ныхъ жениха и невѣсту.

Потомъ Конанскій—за здоровье директора, промышленность края и ея представителей.

Такимъ образомъ, впечатлѣніе непріятнаго инцидента изгладилось довольно скоро, тѣмъ болѣе, что послѣ обѣда Постанскій уже не возвращался больше въ залъ, а прямо изъ столовой выбрался въ переднюю, схватилъ шляпу и направился домой.

На дворѣ его догналъ Игнась:

— Дѣдушка, за ужиномъ будетъ земляника и клубника, останьтесь, и пирожное съ вареньемъ, вѣдь вы, дѣдушка, любите...

— Нѣтъ!

— Съ вареньемъ?..—удивился мальчикъ.—Развѣ вы никогда не ѣли?... Съ начинкой, какъ разломаешь, точно двѣ лодочки!..—болталъ, прыгая вокругъ доктора, мальчикъ и вдругъ спросилъ:

— Вѣдь вы, дѣдушка, не про меня сказали дуракъ?

— Про тебя!

— Это во второй разъ, а въ первый нѣтъ! Правда? У этого господина кривыя ноги, какъ у Буренки—вы видѣли дѣдушка? и блестятъ, какъ самоваръ. Что онъ чиститъ себя помадой? — разспрашивалъ мальчикъ.

Постанскій молчалъ.

Игнась потянулъ его за рукавъ, и ласкаясь, сказалъ:

— Отчего вы, дѣдушка, не хотите сегодня со мной разговаривать?

Докторъ приостановился, посмотрѣлъ на мальчика испытующимъ взглядомъ и вдругъ спросилъ:

— Хорошо—сколько будетъ восемьъ девять?

Игнась смутился на минуту и выпалилъ:

— Шестъдесятъ три.

— Не хочу съ такимъ осломъ и разговаривать, — бросилъ отрывисто Постанскій и пошелъ дальше.

Мальчикъ, какъ ошеломленный, постоялъ минуту молча, потомъ со слезами на глазахъ началъ лихорадочно повторять девятью восемь, девятью восемь, восемью девять, и вдругъ, словно озаренный какой-то блестящей мыслью, пустился въ погоню за докторомъ:

— Дѣдушка!—жалобно кричалъ онъ.—Семьдесятъ два, дѣдушка, семьдесятъ два!

— Сколько?

— Семьдесятъ два.

— Такъ зачѣмъ же ты сказалъ шестъдесятъ три?

— Да, дѣдушка, такъ сразу, ни съ того, ни съ сего... а теперь еще и вакаціи...—объяснялъ Игнась, подбѣгая все время прыжками, что ему мѣшало говорить:

— Чего вы такъ летите, дѣдушка, какъ жидъ на шабашъ?

- Спѣшу, голубчикъ, домой, — отвѣтилъ докторъ, замедляя шаги.
- А зачѣмъ?
- Хотѣлось сегодня еще связать сжатую рожь.
- А завтра вы, дѣдушка, не можете?
- Завтра буду полоть картофель; если не сдѣлаю всего во-время, то что я буду ѣсть зимой?
- Наймите, дѣдушка, работника!
- Не могу.
- Почему?
- Каждый долженъ работать самъ на себя.
- Каждый?
- Да, каждый.
- Такъ и я, значить?
- И ты!
- А вѣдь я не работаю.
- Потому что ты еще маленькій, теперь на тебя другіе работаютъ.
- А кто?
- А вотъ видишь, эти волы, которые тамъ пахутъ, лошади, которые боронятъ для мужиковъ, бабы, что тамъ кричатъ и съ утра ходятъ — онѣ работаютъ, чтобы доставить тебѣ свѣжій хлѣбъ къ завтраку. Надъ этимъ платьемъ, которое на тебѣ, работало много народу. Идутъ, негръ, а, можетъ быть, и китаецъ собиралъ для него хлопокъ...
- Негръ такой черный, а китаецъ съ косою, какъ на жестянкахъ отъ чая! — повторилъ удивленный Игнасъ.
- Да, этотъ самый китаецъ собиралъ чай, который ты пьешь ежедневно.
- А еще кто?
- Всѣ и все, животныя, растенія, тысячи людей, которыхъ ни ты, ни я не знаемъ...
- И Знайда, и Живой?
- И Знайда, и Гнѣдка. Не думай, что только живые! Работали на тебя и умершіе...
- Умершіе! — прошепталъ Игнасъ... — Знаю, — прибавилъ онъ взволнованнымъ голосомъ, — папа и мама...
- Не только они! Табличку умноженія, которой ты пользуешься при рѣшеніи задачъ, составилъ давно, давно одинъ грекъ; если бы не онъ, пришлось бы тебѣ не разъ попотѣть. Тотъ лукъ, которымъ ты вчера игралъ, выдумалъ еще раньше дикій человѣкъ, можетъ быть, уже исчезнувшій съ лица земли, благодаря людской злобѣ... и ты состоишь его должникомъ!
- На Игнася грекъ не произвелъ особенно большого впечатлѣнія, за то дикарь прямо расчувствовалъ его; онъ произнесъ печально:

— Я бы его поблагодарилъ и отдалъ, ну что-жъ мнѣ дѣлать, если его уже нѣтъ, а лукъ сломался.

— Благодаря другихъ и люби ихъ, пока маленькій, а потомъ отдашь...

Докторъ вдругъ замолчалъ и нахмурился.

«Какого чорта я ему все это говорю», подумалъ онъ и зашевелилась въ немъ вся горечь озлобленія.

— Всѣхъ?—повторилъ Игнась.

— А дѣлай, какъ хочешь, да ступай домой, далеко ужъ зашли мы что-то, иди, иди ужъ!—ворчалъ Постапскій.

Игнась поцѣловалъ ему руку и медленно направился домой въ какомъ-то странномъ настроеніи.

Онъ не понималъ цѣликомъ смысла словъ Постапскаго, но весь разговоръ съ дѣдушкой оставилъ въ его душѣ съ невыработанными понятіями цѣлый хаосъ чувствъ, среди которыхъ яснѣе всего выдѣлились зачатки страха передъ какою-то огромной невѣдомой отвѣтственностью и вмѣстѣ съ тѣмъ растроганности.

Народъ возвращался съ полей, и навстрѣчу Игнасью на каждомъ шагу попадались опрокинутые плуги, загорѣлыя лица пахарей, курящихъ короткія трубочки, волы, степенно покачивающіе головами въ деревянныхъ ярмахъ, босыя бабы съ грудными дѣтьми, ребятишки въ парусныхъ штанишкахъ и грязныхъ распахнутыхъ рубашонкахъ, погонявшіе лошадей съ вытертыми боками и свѣжими ранами на шеѣ.

Сначала мальчикъ робко присматривался къ этимъ людямъ и животнымъ, точно видѣлъ ихъ въ первый разъ, а потомъ началъ имъ улыбаться всѣмъ своимъ личикомъ, глазками и полнымъ благодарности сердечкомъ.

— Ахъ, если бы мнѣ *то* найти сегодня...—молился онъ въ душѣ, думая о цвѣткѣ папоротника,—если бы найти... сейчасъ бы...

И, полный надеждъ, онъ уже обѣщалъ воламъ снять съ нихъ тяжелое ярмо, лошадямъ—залечить ихъ опаленныя солнцемъ раны, дѣтямъ игрушки, красивыя штанишки, чистыя рубашки, много травы и сѣна бабамъ, всѣмъ башмаки и пахарямъ длинныя чубуки съ янтареиъ.

На дворѣ онъ поласкалъ Знайду такъ нѣжно, какъ никогда еще, и только передъ крыльцомъ, при видѣ тети Миля, прогуливающейся подъ руку съ директоромъ, открытое для всѣхъ сердце его внезапно замкнулось, сжимаясь и отступая въ какую-то тѣсную темницу, точно тронутая пальцемъ улитка въ свою скорлупу.

Объятый безсознательной грустью, точно тоскуя по промелькнувшей минутѣ широкаго чувства, Игнась опечаленный усѣлся на ступеньки гѣстницы и опустилъ голову.

Приближался вечеръ, повѣяло прохладой послѣ знойнаго дня. Съ вышины голубого свода сплывали внизъ, на край горизонта легкія

облачки, точно пушистыя пташки, передъ союмъ сбивающіяся въ стая.

Со стороны деревни сквозь окружающую тишину доносилось мычаніе, бляенье и визгъ возвращавшейся домой скотины. Было еще свѣтло. На крыльцѣ Игнатій игралъ съ Конанскимъ въ шахматы; Апусъ и Мечиславъ, по приказанію Бэли, вышедшей похлопотать объ уживѣ, показывали теткѣ Кулаковскаго окружающія клумбу розы, а по собственному вдохновенію — ужасныя гримасы; женихъ и невѣста, перекидываясь отъ времени до времени втихомолку словами, прогуливались взадъ и впередъ въ блѣдной распылчатой тѣни, бросаемой кленовскимъ домомъ.

И передъ Игнасемъ мелькали попеременно двѣ картины: то напряженное движеніе искривленныхъ ногъ директора на фонѣ мѣрно колеблющейся свѣтлой юбки тети Миля, и тогда ему припоминался водяной паукъ, котораго онъ какъ-то видѣлъ лязгающимъ по лепесткамъ кувшинки, и онъ невольно вздрагивалъ, то снова стройная фигура тети Миля, точеный профиль ея лица, а на немъ та самая, пугающая его, блуждающая улыбка, скользившая по временамъ по ея губамъ, когда она его ласкала, — и тогда ему хотѣлось плакать. Такъ они нѣсколько разъ прошли мимо него и молча пошли въ паркъ.

Игнась вздрогнулъ и внезапно почувствовалъ приступъ той злой и болѣзненной веселости, которая являлась у него по временамъ, когда, несправедливо наказанный, онъ дѣлалъ видъ, что его это наказаніе совершенно не коснулось, что онъ равнодушенъ къ нему, смѣется надъ нимъ и — баста! Онъ позвалъ Знайду и, притворяясь, что играетъ съ нимъ, побѣждалъ вслѣдъ за ними, чувствуя, что онъ имъ теперь помѣшаетъ, такъ какъ догадывался о ихъ намѣреніи остаться наединѣ.

Мальчикъ игралъ свою роль превосходно, съ виду не обращалъ на нихъ никакого вниманія, по все время вертѣлся вблизи, проказничая съ собакой. По временамъ онъ скрывался въ кусты, для того только чтобы вырости какъ изъ-подъ земли на первомъ поворотѣ аллеи; то опережалъ ихъ, то отставалъ немного, маневрируя такъ, чтобы они все время чувствовали его присутствіе.

Когда парочка направилась въ сторону бесѣдки, Игнась пробрался знакомыми путями черезъ чащи кустовъ напрямикъ, такъ что когда они вошли въ бесѣдку, то застали уже тамъ Игнася сидящимъ на скамейкѣ и помѣстившаго рядомъ съ собой вѣрнаго Знайду.

— Не хотите ли сѣсть, тетя? — задорно спросилъ мальчикъ, видя что оба они стоятъ у входа съ вытянутыми лицами. — Я вамъ уступлю свое мѣсто, а Знайда этому господину.

— Нѣтъ! Благодарю, — сухо отвѣтила Миля, а ея спутникъ бросилъ на мальчика негодующій взглядъ.

Ушли.

Игнась опечалился, задѣтый тономъ голоса тети, зато взглядъ

несноснаго гостя повліялъ на него, какъ шпилька. Онъ сорвался съ мѣста и, гоняясь за собакой, пробѣжалъ около нихъ и черезъ нѣсколько шаговъ, дѣлая видъ, что споткнулся, растянулся во всю длину.

— Игнась, ушибешься! Чего ты лучше съ дѣтьми не играешь?— произнесла Миля, съ отгѣнкомъ легкаго раздраженія.

— А они не хотятъ больше играть, а Знайда хочетъ!

— Что-жъ они дѣлають?

— Осматривають розы.

— Розы, розы!—машинально повторила Миля, а потомъ произнесла съ просьбой въ голосѣ:

— Еслибы ты, Игнась, былъ хорошій мальчикъ, то принесъ бы мнѣ бѣлую розу, такую, какъ тогда... помнишь?..

— Помню!—глухо отвѣтилъ Игнась; постоялъ минутку, а потомъ, посмотрѣвъ недовѣрчиво въ глаза Мили, произнесъ:—Хорошо тетя!—и помчался во всю прыть по направленію къ двору; сорвалъ, не обращая вниманія на шипы, первую попавшуюся розу и сейчасъ же побѣжалъ обратно. Онъ не нашелъ уже парочки на прежнемъ мѣстѣ, но, точно подталкиваемый инстинктомъ, свернулъ въ грабовую аллею.

Когда онъ, предшествуемый собакой, влетѣлъ туда, тетя и ея спутникъ сидѣли на двухъ концахъ скамейки далеко одинъ отъ другого, сильно смущенные.

При видѣ мальчика, тетя Миля наклонила разгорѣвшееся личико и начала усердно разсматривать свои ногти, а Кулаковскій старательно занялся обрываніемъ мелкихъ вѣточекъ съ лежащаго рядомъ со скамейкой прута.

Игнась, остановившись, какъ вкопанный, окидывалъ ихъ нѣкоторое время подозрительными взглядами безпокойно бѣгавшихъ глазъ, а затѣмъ все его существо точно повисло на краю невѣдомой бездны, гдѣ сѣтовала невѣдомымъ шопотомъ безымянная грусть. Глаза потухли, замедлилось бѣненіе пульса въ жилахъ, ослабли всѣ мускулы; изъ обезсилѣвшихъ пальцевъ выскользнулъ бѣлый цвѣтокъ и упалъ на землю.

На розу сейчасъ же кинулся Знайда, и, послѣ двухкратныхъ бесплодныхъ попытокъ, схвативъ ее зубами, хотѣлъ отдать своему маленькому господину, но видя, что тотъ ея не беретъ, несмотря на поощряющія помахиванія хвостомъ, побѣжалъ къ скамейкѣ, выпустилъ добычу на колѣни Мили и началъ самъ на нихъ взбираться бѣлыми лапами.

— Фу, измажешь, ну, пошелъ! Игнась, возьми его!—вскрикнула разсерженнымъ голосомъ Миля, стараясь освободиться отъ назойливаго пса.

Игнась, устремивъ взглядъ въ пространство, молчалъ.

— Слышишь, возьми его и убирайтесь!—откликнулся тономъ приказанія Кулаковскій и замахнулся прутомъ на молодую собаку.

Игнась вадрогнулъ, какъ уколотый; Знайда отскочилъ, но разыгравшись началъ прижиматься къ ногамъ директора. Тотъ отблкнулъ его со злостью, а когда собака снова приблизилась, хотѣлъ ее ударить.

— Пожалуйста, не бить Знайду!—загремѣлъ разгнѣванный дѣтскій голосокъ, и директоръ почувствовалъ на своихъ глазахъ два горящихъ, какъ угольки, зрачка.

— Что?!—протяжно и тихо проговорилъ Кулаковскій, и хищный огонекъ мелькнулъ въ чертахъ его лица; директоръ схватилъ собаку за шею и началъ лупить ее изо всѣхъ силъ, такъ что въ воздухѣ засвистѣлъ упругій пруть.

Знайда завылъ, и, одновременно съ этимъ, похожій, только еще болѣе высокій звукъ вырвался изъ груди Игнатія; блѣдный, какъ мертвецъ, съ быстротою молніи бросился онъ впередъ и впился обѣими руками въ жирную руку директора.

— Прочь, сморчокъ!—не владѣя больше собой, срывающимся голосомъ крикнулъ директоръ, стараясь схватить мальчика за ухо, но въ ту же минуту отдернулъ руку и, зашипѣвъ отъ боли, началъ стряхивать капельки крови съ пальцевъ.

— Что такое!—увидѣвъ кровь, воскликнула Миля, ошеломленная внезапною происшедшей сценою, длившейся не болѣе нѣсколькихъ секундъ.

— Этотъ негодяй мальчишка меня укусилъ! Я вамъ покажу!—кричалъ Кулаковскій, грозя Знайдѣ и Игнасю, которые быстро удалялись.

Впередѣ съ поджатымъ хвостомъ удиралъ сбоку аллеи испуганный Знайда, а за нимъ по серединѣ машинально двигался, напрягая остатокъ силъ, мальчикъ, съ глазами полными слезъ, согнувшись подъ бременемъ обиды и оскорбленія, подергиваемый рыданіями, вырывающимися со дна возмущеннаго до глубины сердца.

И когда тетя Миля, освободившись совершенно отъ пламени страсти, оканчивала осмотръ пострадавшаго пальца своего жениха, бросая на него при этомъ злобные взгляды, Знайда облизывалъ языкомъ соленыя слезы съ лица Игнасы, который лежалъ на мягкой травѣ, обнявъ ручкой собаку за шею, и горько плакалъ, медленно приходя въ себя.

— А все-таки я его укусилъ!—вдругъ припомнилось ему, и мальчикъ почувствовалъ значительное облегченіе, такъ какъ съ этой мыслью съ него смыялось пятно оскорбленія.

— Да, онъ меня хотѣлъ за ухо, а я въ это время... и принужденъ былъ пустить... —вполголоса припоминалъ мальчуганъ.—Такъ, значитъ, наша взяла!—прибавилъ онъ всхлипывая, и слезы застыли отъ холодной дрожи торжествующей мести. Игнасъ вдрогнулъ, точно насквозь пронизанный ледяной сосулькой; еще разъ колыхнулось въ немъ какое-то лучшее, хотя и печальное волненіе, и онъ онѣмѣлъ отъ удовольствія.

Онъ всталъ и бормоча: «Такъ тебѣ и надо! толстая свинья! кривой самоваръ!».. пошелъ гордой походкой по направленію къ дому, откуда раздавался зовъ къ ужину.

Очутившись въ столовой, Игнасъ, отдѣлываясь холоднымъ молча-

ніемъ отъ всѣхъ разспросовъ товарищей, стремительно усѣлся на свое мѣсто и устави́лъ разгорѣвшіеся глаза въ бѣлую блестящую поверхность тарелки.

— Что съ вами? Вы пострадали?—послышался вскорѣ́ голосъ тети Бэли, и въ мальчикѣ застучало неровными ударами сухое сердце.

Онъ не чувствовалъ себя виноватымъ, ожидаемое наказаніе не устрашало его, а разжигало ожиданіе, въ которомъ вся его душонка болѣзненно сжалась, готовая къ борьбѣ съ этимъ ненавистнымъ для него человѣкомъ.

Директоръ, въ свою очередь, съ принужденной веселостью, небрежно рассказывалъ:

— Да, немножко! Со мной случился довольно оригинальный случай; хотѣлъ наказать собаку, которая собиралась вытереть свои грязныя лапы о мое платье, и...

— Карлуша!—простонала старая дама,—побойся же Бога, можетъ быть, бѣшенная...

— Ахъ, тетя... всегда эта преувеличенная заботливость!—перебилъ нетерпѣливо племянникъ и спокойно продолжалъ:

— Въ томъ-то и дѣло, что собака меня не укусила, а исполнилъ это за нее ея неотлучный другъ, и, надо отдать справедливость, что онъ это произвелъ не хуже собачки, должно быть у него острые зубки и соответствующій навыкъ! Необычайный ребенокъ,—прибавилъ онъ, бросивъ взглядъ на Игнася,—вполнѣ подтверждаетъ пословицу: съ кѣмъ поведешься, отъ того и наберешься. Я убѣдился въ этомъ на самомъ себѣ,—добродушно закончилъ директоръ и ненатурально засмѣялся.

Въ Игнасѣ, по мѣрѣ того, какъ онъ слушалъ, все заволновалось, и изъ общаго хаоса возникла мысль: какъ онъ лжетъ, какъ онъ страшно лжетъ! и одиноко билась въ головѣ, возбуждая смятеніе и панической страхъ.

И въ самомъ дѣлѣ, хотя директоръ и не переименовалъ самыхъ фактовъ, все-таки лгалъ безбожно и преднамѣренно: прежде всего онъ обратилъ въ шутку весь инцидентъ, чтобы замаскировать главную причину и тѣмъ ярче выставить заслуженность наказанія за продѣлку Игнася; съ тою же цѣлью, онъ окуталъ добротой и снисходительностью свое мстительное намѣреніе, и, желая добиться наивысшей мѣры наказанія, умышленно употребилъ слово «необычайный», указавъ на несообразность сообщества ребенка съ собакой, чтобы задѣть самолюбіе его воспитателей.

Но хорошо составленный планъ оказался черезчуръ тонкимъ для Кузаковского и такъ поглубѣлъ въ исполненіи, что всѣ почувствовали въ некоторомъ неудовольствіи, а впечатлительный Конанскій насквозь увидѣлъ всю фальшь словъ директора.

Бэля измѣнилась въ лицѣ и безпокойно пробормотала:

— Правда ли это, Игнась?

Мальчикъ сорвался съ мѣста, сился выразить словами весь запу-

танный смыслъ происходившихъ въ немъ чувствъ, выставить ихъ въ свою защиту, но не могъ.

Конанскій посмотрѣлъ съ ироніей на директора и довольно энергично проговорилъ:

— Ну, ужъ вы вѣрно помирились и извинились другъ передъ другомъ, а ранка, безъ сомнѣнія, заживетъ до свадьбы.

— Увы, у насъ не хватило на это времени, потому что устыженный, какъ видно, виновникъ далъ тягу... впрочемъ мой палецъ не сердится! дитя!—махнулъ рукой директоръ.

«Какъ онъ жжетъ, какъ онъ страшно жжетъ!» замелькало вновь въ головѣ Игнасы, и въ глазахъ отразилось изумленіе; мальчикъ стоялъ, точно загнипнотизированный видомъ этого моря лжи, которое въ первый разъ въ жизни заливало его волна за волною.

— Игнась! — повторила огорченная Бэля.— Да какъ же ты могъ? пожалуйста, извинись сейчасъ! — а когда мальчикъ даже не двинулся съ мѣста, она заговорила мягкимъ тономъ убѣжденія:

— Вѣдь ты же долженъ извиниться, самъ знаешь! Каждый съ этимъ согласится!—обратилась она ко всѣмъ, призывая ихъ на судъ.

Игнатій двусмысленно усмѣхнулся, Конанскій настойчиво всматривался въ красивое лицо Мили, а она отчетливо проговорила:

— Конечно! — и презрительнымъ, высокомернымъ взглядомъ отразила печальный взглядъ Конанскаго, а потомъ холоднымъ и жестокимъ, какъ сама ненависть, взглядомъ окинула своего соучастника, который лукаво улыбался.

— Ну, видишь, Игнась!—быстро проговорила Бэля, и вдругъ въ ней все закипѣло, она стукнула рукою по столу, такъ что посуда зазвенѣла и рѣзко заговорила:

— Извинись сейчасъ же, а не послушаешься, такъ вставай изъ-за стола и маршъ спать! такъ или иначе! это что за новости!

Настала глубокая тишина, и среди этой тяжелой, возбужденной минуты всеобщаго напряженія отодвинулся стулъ, въ глазахъ у всѣхъ промелькнуло смертельно блѣдное, застывшее личико, и маленькая фигурка въ сѣромъ костюмѣ, съ опущенной черной головкой молча отдѣлилась отъ испуганной группы готовыхъ расплакаться дѣтишекъ и исчезла въ дверяхъ.

Игнась, какъ лунатикъ, бессознательно добрегъ до спальни, раздѣлся и влѣзъ въ кроватку, гдѣ долго трясся отъ сухого внутреннего плача, въ состояніи глухого остоленія, точно придавленный тяжестью этой лжи, передъ которой содрогнулась правдивая его натура. Подъ этимъ тяжелымъ, давящимъ впечатлѣніемъ медленно, точно подземныя воды пробивающіяся сквозь скалу, просачивались пламенные слезы возмущенія, бьюція ключомъ изъ сердца сжимающагося отъ острой боли.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПОБѢЖДЕННЫЕ.

(Изъ А. Негри).

Сотни ихъ... тысячи... словно морскія
Волны шумящія, вѣтромъ гонимыя,
Двигутся полчища эти людскія
Неисчислимыя.

Двигутся медленно такъ... рядъ за рядомъ
Волны подходятъ, тяжелыя, ровныя...
Впалыя очи съ горячечнымъ взглядомъ,
Лица безкровныя.

Вотъ подошли ко мнѣ!.. Море разбитыхъ
Жизней въ борьбѣ за грядущее темное;
Грубыхъ одеждъ и головъ непокрытыхъ
Море огромное.

Вотъ окружаютъ—сомкнулись ..И ясно
Слышу я медленный хрипъ ихъ дыханія,
Голосъ провлятій, звучащихъ напрасно,
Вздохи, стenanія:

„Отъ очаговъ мы пришли разворенныхъ,
Гдѣ подъ золою ни искры не тлѣеть;
Съ бѣдныхъ постелей, гдѣ въ мукахъ бессонныхъ
Тѣло слабѣть.

„Изъ шалашей, изъ землянокъ пришли мы.
Мрачно ползутъ по землѣ наши тѣни—
Скорби исполненный, необозримый
Сонмъ привидѣній!..

„Лучъ идеала сіялъ намъ въ ненастье;
Это сіяніе насъ обмануло.
Счастья любви мы искали; и счастье
Насъ оттолкнуло.

„Трудъ насъ отвергъ,—хоть и были бы ради
Силы отдать мы и ночи бессонныя.
Гдѣ же исходъ? гдѣ надежда?.. Пощадь!
Мы—побѣжденные.

„Всюду подь солнцемъ, въ лучахъ его жгучихъ,
Всюду живеть и смѣется, либуя,
Счастье труда и усилій могучихъ,
И поцѣлуя;

„Трудъ и умы призываетъ, и руки;
Мощь ихъ желѣзо и парь покоряеть;
Смѣлымъ борцамъ яркій свѣточъ науки
Путь озаряеть.

„Тысячи жизней на подвигъ стремятся,
Къ жертвѣ святой отъ станка и отъ плуга;
Тысячи усть опьяненныхъ томятся
Жаждой другъ-друга...

„Мы только лишніе! Къ жизни порогу
Дали намъ стать, но во храмъ не впустили;
Всюду незримыя стѣны дорогу
Намъ преградили.

„Кѣмъ же воздвигнуты эти преграды?
Чимъ же проклятемъ на вѣкъ осужденные,
Жить не имѣемъ мы права?... Пощады!
Мы побѣжденные!“

С. Свиридова.

ПО АМУРУ И ПРИАМУРЬЮ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ 1901 года).

I. Стрѣтенскъ.

Медленно извиваясь по каменному карнизу, на протяженіи сотенъ верстъ огибающему утесы лѣваго берега Ингоды, а потомъ Шилки, поѣздъ подходитъ къ Стрѣтенску—этому, въ настоящее время, преддверью амурскаго края. Станція Стрѣтенскъ глѣдится на такомъ же каменномъ карнизѣ, только чуть-чуть пошире, а «городъ», или вѣрнѣе—станція Стрѣтенская—длинною лентой протянулся вдоль противоположнаго, отлогаго берега Шилки. Общій видъ Стрѣтенска приблизительно такой же, какъ и большинства болѣе крупныхъ уѣздныхъ и болѣе плохихъ губернскихъ городовъ Сибири, но окружающій пейзажъ—удивительно красивъ: куда ни посмотрѣть, со всѣхъ сторонъ надвигаются довольно высокія безлѣсныя горы, образуя что-то вродѣ котловины, изъ которой не видно выхода иначе, какъ черезъ горные перевалы.

На паромѣ-самолетѣ (ихъ въ Стрѣтенскѣ три, тогда какъ въ губернскомъ городѣ Красноярскѣ еще недавно обходились однимъ такимъ же паромомъ) переѣзжаемъ въ городъ, причемъ за перевозку багажа—расстояніе до пристаней не болѣе полуверсты—ломовые извозчики берутъ по два рубля съ телѣги. Первое, что бросается здѣсь въ глаза,—это гостинницы,—«настоящія» гостинницы, съ ресторанами, билліардами и грамофонами, вѣчно биткомъ набитыя народомъ и дерущія — когда поѣзда подвозятъ много пассажировъ — по пяти и болѣе рублей за крохотную коморку. Затѣмъ рядъ довольно нарядныхъ по наружному виду магазиновъ, нѣкоторые съ зеркальными стеклами,—«магазины не хуже петербургскихъ», какъ говорила мнѣ, описывая Стрѣтенскъ, ѣхавшая со мною въ одномъ вагонѣ мѣстная дама. По ближайшемъ разсмотрѣніи, однако, эти магазины оказываются лавками обычнаго сибирскаго типа, гдѣ можно достать все что угодно, начиная съ серебрянаго блюда и дамской шляпки и кончая кирпичнымъ чаемъ и колесною мазью, но гдѣ мнѣ не сразу удалось найти баночку плохихъ чернилъ. Но главное, что бросается въ глаза,—это лихорадочное движеніе, которое не прекращается на главной артеріи Стрѣтенска, — на берегу

Шилки, тяготясь къ полудюжниѣ стоящихъ здѣсь на якорѣ парокодовъ,—и парящая здѣсь «смѣсь племенъ, нарѣчій, состояній». Одинъ изъ стоящихъ у пристани парокодовъ зафрахтованъ для перевозки крестьянъ-переселенцевъ, двигающихся на Амуръ и въ Уссурийскій край; на другой грузятъ партію новобранцевъ, присланную изъ западной Сибири для укомплектованія воинскихъ частей Дальняго Востока; на одну буксирную баржу садится партія молодыхъ казаковъ-забайкальцевъ, которые идутъ въ свои полки, стоящіе въ Манджури; другая приготовлена для партіи казаковъ-переселенцевъ, по преимуществу кубанцевъ, которые направляются въ Уссурийское войско и которые въ данную минуту пестрятъ улицы Стрѣтенска своими разноцвѣтными бешметами, мохнатыми папахами и характерными, энергичными физиономіями; на баржу амурскаго общества парокодства, которую предстоитъ буксировать нашему почтовому пароходу, грузятъ партію ссыльно-каторжныхъ, отправляемыхъ на Сахалинъ. По улицамъ снуетъ разнообразная «чистая публика», въ томъ числѣ не мало иностранцевъ-европейцевъ,—кое-гдѣ попадаются японцы, и въ перемежку съ мѣстными казаками и съ крестьянами-переселенцами двигается сплошная масса китайцевъ, изъ которыхъ многіе отъ традиціоннаго китайскаго наряда сохранили только косы, курьезнымъ образомъ контрастирующія съ русскою крестьянскою одеждою или съ «нѣмецкимъ» платьемъ. Чувствуется уже та связь съ Тихимъ океаномъ и черезъ океанъ—съ Америкою и Европой, которая такъ характерна для всего Приамурья. Вотъ идетъ вамъ навстрѣчу мужикъ, несущій свои пожитки въ мѣшкѣ съ американскимъ красно-зеленымъ клеймомъ; вы проходите мимо домовъ и амбаровъ, крытыхъ американскихъ цинкованнымъ желѣзомъ; вы заходите купить свѣчей,—вамъ даютъ прескверныя свѣчи какого-то англійскаго завода съ этикетами на русскомъ языкѣ; вы садитесь обѣдать—къ скверному жаркому вамъ подаютъ *настоящую* англійскую, а не распространенную по всей Сибири эйнемовскую сою, а на третье блюдо вы получаете компотъ изъ калифорнскихъ фруктовыхъ консервовъ. И вездѣ разговоры о вновь введенномъ таможенномъ тарифѣ, и о томъ, какъ благодаря отиѣнѣ порто-франко трудно становится жить на Дальнемъ Востока...

Вообще съ тѣхъ поръ, какъ Стрѣтенскъ сталъ узловымъ пунктомъ сквознаго сибирскаго желѣзнодорожно-парокоднаго движенія, жизнь кипитъ здѣсь, какъ въ котлѣ: постоянное населеніе «города» достигаетъ пяти тысячъ, а съ пришлыми и проѣзжими въ Стрѣтенскѣ скопляется, временами, до двадцати тысячъ людей. И какъ вездѣ, гдѣ создаются подобныя узлы, около нихъ ютятся масса всякаго темнаго народа, и разнообразнѣйшія темныя дѣла, начиная отъ мелкихъ мошенничествъ и кражъ и кончая крупными преступленіями, входятъ здѣсь, можно сказать, въ обычный порядокъ вещей. «Другого такого труднаго участка, пожалуй, во всей Россіи не найдете», жалуются мѣст-

ный судебный слѣдователь—онъ же мировой судья. «Народъ—на девять десятыхъ жулье», характеризуетъ мѣстный приставъ подвѣдомое ему населеніе. Лучшій элементъ изъ всего сосредоточеннаго въ Стрѣтенскѣ разнообразнаго сброда,—это, повидямому, рабочіе китайцы. «Самый смиренный народъ,—говоритъ объ нихъ приставъ,—никого не трогаютъ; не пьянствуютъ, какъ нашъ братъ русскій рабочій; нетребовательны, работящи,—только цѣну русскимъ рабочимъ сбиваютъ»,—быть можетъ, главная причина той готовности, съ которою русскіе жители Приамурья приняли участіе въ «смиривіи» попадавшихся имъ подъ руку, нерѣдко и вполнѣ мирныхъ китайцевъ. А нравы, въ этомъ смыслѣ, выработались жестокиел.. Всего за нѣсколько дней до моего проѣзда черезъ Стрѣтенскъ атаманъ одного изъ ближайшихъ къ Стрѣтенску поселковъ, «чтобы попробовать берданку», началъ стрѣлять по группѣ безоружныхъ китайцевъ-рабочихъ и двоимъ изъ нихъ перебилъ ноги...

Вду на переселенческій пунктъ. Переселенческій пунктъ въ Стрѣтенскѣ, какъ гнѣздо ласточки, прилѣпился на скловѣ горы, надъ станціонными путями; доступъ къ нему для пѣшеходовъ — по крутой деревянной лѣстницѣ, для экипажей и телегъ — по зигзагообразной, достаточно отлогой дорогѣ. Первое, что вамъ бросается въ глаза, когда мы взобрались на верхъ — это чудно-прекрасный видъ на Стрѣтенскъ и на окружающія его горы, — видъ, отъ котораго, положительно, трудно оторваться... Вы, однако, отрываетесь отъ чудной горной панорамы и видите себя посреди приблизительно полуторныхъ десятковъ свѣжихъ, частью еще не достроенныхъ деревянныхъ строений, съ крышами изъ листоваго или американскаго цинкованнаго желѣза. Тутъ нѣсколько жилыхъ бараконъ для переселенцевъ, больничка, котора, баня, домъ для служащихъ на пунктѣ; но, кромѣ того, вы видите еще рядъ хозяйственныхъ построекъ — принадлежностей крупнаго пунктоваго хозяйства: вотъ амбаръ, въ которомъ въ данную минуту сложено до шести тысячъ пудовъ хлѣбныхъ припасовъ; пекарня, гдѣ выпекается въ день до 160—180 пудовъ хлѣба, а можетъ, при нуждѣ, выпекается и до трехсотъ; кухня съ нѣсколькими, разныхъ размѣровъ, котлами для варки пищи и съ сорокаведерными кубами для кипятку; конюшни для водовозныхъ лошадей. Пунктъ потребляетъ въ день до пятидесяти бочекъ воды, а водовозы брали по 50 копѣекъ за бочку; оказалось, поэтому, выгоднѣе купить лошадей для возки воды; а теперь уже устраиваютъ водопроводъ, или точнѣе — водоподъемъ съ нагнетательнымъ насосомъ. По периферіи пункта стоитъ нѣсколько грязныхъ, прокопченныхъ войлочныхъ юртъ киргизскаго типа. На юрты эти когда-то, при первоначальномъ оборудованіи первыхъ переселенческихъ пунктовъ, возлагались большія надежды; но теперь

онѣ, по крайней мѣрѣ на Стрѣтенскомъ пунктѣ, служатъ исключительно какъ изоляціонныя помѣщенія для переселенческихъ семей съ заразными больными; «самое лучшее—сжечь бы ихъ совсѣмъ», говоритъ мнѣ провожающій меня по пункту стрѣтенскій обитатель, и грязный видъ юртъ заставляетъ меня думать, что, можетъ быть, это и въ самомъ дѣлѣ было бы самое лучшее...

Стрѣтенскій пунктъ—исключительно проходной,—около него нѣтъ земель, гдѣ бы водворялись переселенцы. Какъ и всѣ пункты на Дальнемъ Востокѣ, онъ рассчитанъ преимущественно на такъ называемое «организованное переселеніе»: переселенцы, получившіе разрѣшеніе переселяться въ Уссурийскій край, на мѣстахъ выхода группируются въ партіи, вносятъ за себя сумму, соответствующую стоимости проѣзда по переселенческому тарифу и содержанія на время пути, и затѣмъ поступаютъ на полное иждивеніе и попеченіе устроенной на средства комитета Сибирской желѣзной дороги переселенческой организаціи министерства внутреннихъ дѣлъ, которая размѣщаетъ ихъ по вагонамъ и пароходамъ, кормитъ и лечитъ во время пути. Въ 1900 году, когда открылось желѣзнодорожное движеніе до Стрѣтенска, сдѣланъ былъ первый опытъ перевозки черезъ сибирскій материкъ организованныхъ уссурийскихъ партій, которыя раньше перевозились исключительно морскимъ путемъ, на пароходахъ добровольнаго флота. Для перевозки отдѣльными поѣздами было сформировано шесть большихъ партій; партіи эти двинулись изъ дому самою раннею весною, съ расчетомъ проплыть по весеннему половодью и попасть на мѣсто ко времени полевыхъ работъ; но благодаря необыкновенно раннему мелководью Шики, а затѣмъ — «китайскимъ событіямъ», эти партіи застряли въ Стрѣтенскѣ и прожили здѣсь значительную часть лѣта; причемъ переселенцы, конечно, не мало наголодали и порастратили и средствъ, и здоровья. Въ нынѣшнемъ, 1901 году было всего три организованныхъ партій; имъ удалось захватить весеннее половодье, а потому всѣ три партіи безъ задержки были посажены на пароходы и очень быстро, безъ всякихъ промедленій, достигли до мѣста назначенія. Дѣятельность Стрѣтенскаго пункта въ этомъ году затихла бы, поэтому, уже къ срединѣ мая, если бы этому пункту, какъ и всѣмъ остальнымъ пунктамъ переселенческой организаціи, не пришлось взять на себя другую заботу — попеченіе о шести тоже организованныхъ партіяхъ, общою численностью до четырехъ тысячъ человѣкъ, казаковъ-кубанцевъ, терцевъ, оренбуржцевъ и другихъ, переселяющихся въ Амурское и Уссурийское казачьи войска, на китайскую границу. Переселеніе это вызвано, очевидно, политическою необходимостью, выяснившееся подъ влияніемъ послѣднихъ «китайскихъ событій». Переселяются желающіе, по вызову начальства, причемъ какъ всѣ издержки по перевозкѣ ихъ, такъ и крупныя денежныя пособія на ихъ обзаведеніе приняты на счетъ войсковыхъ капиталовъ; перевозка со-

вершается распоряженіемъ военнаго начальства, каждая партія сопровождается офицеромъ и фельдшерцей, продовольственную же часть приняла на себя переселенческая организація, которая взимаетъ съ военнаго вѣдомства заготовительную стоимость израсходованныхъ продуктовъ.

— Они еще экономію на продовольствіи сдѣлають,—говорилъ мнѣ одинъ изъ служащихъ на пунктѣ, пока мы съ нимъ ходили по занятымъ казаками—я засталъ на пунктѣ пятую казачью партію—баракамъ:—мы ихъ кормимъ по 12 копѣекъ въ день, а имъ даютъ на день по 16 копѣекъ на взрослыхъ и по 10 копѣекъ на дѣтей.

— А терцамъ всѣмъ наравнѣ выдали,—вмѣшался въ разговоръ пожилой казакъ-кубанецъ (пятая партія—почти все кубанцы):—имъ-было дали меньше на ребятъ, а они послали телеграмму военному министру, онъ и приказалъ всѣмъ выдавать равнѣ.

— Такъ что-жъ, и вы посылайте, можете, и вамъ добавятъ; телеграммы посылать никому не запрещено,—полуиронически, полусерьезно отвѣтилъ мой спутникъ;—очень они любятъ,—добавилъ онъ, обращаясь уже ко мнѣ,—посылать телеграммы къ высшему начальству!

— И не удивительно,—возразилъ я:—они вѣдь по вызову идутъ, слѣдовательно понимаютъ, что они нужны; это не то, что крестьяне-переселенцы, которыхъ только терпятъ, которымъ только дозволяютъ переселяться; не удивительно, что казаки считаютъ себя въ правѣ быть требовательными.

— Вообразите, какъ разъ наоборотъ: казаки—все-таки народъ служилый, болѣе или менѣе дисциплинированный; съ ними притомъ есть офицеръ, у котораго громадныя полномочія: онъ можетъ каждаго вернуть на родину или списать изъ партіи и отправить по этапу. Такъ или иначе, но только они довольны тѣмъ, что получаютъ,—по крайней мѣрѣ не заявляютъ никакихъ претензій. А съ крестьянами—мука: вообразите, въ прошломъ году они разъ заявили, что не желаютъ ѣхать съ врачомъ и фельдшерцей; ноньче одна партія отказалась брать провіантъ—*такой же точно*, какой казаки принимали безъ всякихъ претензій и жалобъ—нѣтъ, съ казаками куда легче имѣть дѣло!..

Прелюбопытный народъ, эти кубанцы! Ихъ характерныя фізіономіи прямо говорятъ каждому, что это—*казаки*, а не мужики въ форменныхъ фуражкахъ, какъ казаки-забайкальцы или сибирскіе. И въ то же время, въ отличіе, напримѣръ, отъ донцовъ, кубанцы—исконныя хлѣборобы, любящія землю и въ Сибири не ищущіе ничего, кромѣ земли. Они везутъ съ собой и свои плуги, и сѣмена, которыя собираются акклиматизировать на Дальнемъ Востокѣ. Поднимаясь по пѣшеходной тропѣ, ведущей къ пункту, я нагналъ пожилого казака, который на плечѣ несъ ящикъ... съ рассадою клубники и съ черенками груши и сливы. «Выростутъ—должны вырасти», заявилъ онъ мнѣ, съ полною

вѣроу въ голосѣ, когда я, заговоривъ съ нимъ, сталъ разсказывать ему о неблагопріятномъ для плодовыхъ деревьевъ климатѣ Приамурья.

Въ литературѣ неоднократно отмѣчался фактъ, что донцы, которыхъ пытались также переселять на Дальній Востокъ, здѣсь рѣшительно не акклиматизируются. Кубанцы подсмѣиваются надъ донцами: «не того имъ нужно», говорятъ они; и ходоки-кубанцы не нахвалятся уссурійскими землями.

Кромѣ казаковъ, на Стрѣтенскомъ пунктѣ я засталъ и небольшую группу неорганизованныхъ переселенцевъ, по большей части самовольныхъ. Это, по мнѣнію мѣстныхъ дѣятелей переселенческаго дѣла, самый надежный колонизаціонный элементъ; разъ у нихъ хватило рѣшимости на свой страхъ и рискъ пуститься на Амуръ или на Уссури, то у нихъ хватить и энергіи устроиться, и они едва ли увеличатъ собою контингентъ обратныхъ переселенцевъ.

Обратныхъ черезъ Стрѣтенскъ въ нынѣшнемъ году прошло довольно много,—на увеличеніе числа ихъ повлияли и «китайскія событія», и военно-конская перепись, возбуждавшая опасенія новыхъ «событій», и разныя другія, еще менѣе относящія къ дѣлу обстоятельства. Но обратные въ Стрѣтенскѣ не засиживаются: ихъ сажаютъ въ ближайшій-же поѣздъ и отправляютъ дальше, «въ Россію». Мнѣ довелось застать на пунктѣ лишь небольшую партію обратныхъ—могилевцевъ. Народъ, на видъ, довольно бойкій и даже словоохотливый, особой удрученности не замѣтно. Были въ окрестностяхъ Благовѣщенска, но устроиться не пожелали или не съумѣли.

— Скотина очень дорога,—такъ объясняли они причину возвращенія изъ Амурской области:—которая лошадь въ Рассей тридцать рублей стоитъ, здѣсь—триста (въ дѣйствительности порядочную рабочую крестьянскую лошадь въ окрестностяхъ Благовѣщенска можно имѣть за 120—150 рублей; триста рублей за лошадь,—это одно изъ тѣхъ преувеличеній, которыя такъ характерны для обратныхъ переселенцевъ); а цѣлину пахать сколько лошадей надо!.. И потомъ—купишь лошадей, а онѣ и вывалются, сибирка губить!..

Земель могилевцы, въ сущности, даже не смотрѣли:

— Поглянулось намъ на манджурскомъ обрѣзѣ (районъ въ окрестностяхъ Благовѣщенска, гдѣ раньше жили, по договору съ Китаемъ, нѣсколько десятковъ манчжурскихъ селеній; послѣ «китайскихъ событій» 1900 года манджуръ прогнали, и земли этого района предназначены подъ заселеніе казаками); мѣста чистыя, удобныя; да туда не пускаютъ мужиковъ, гонять въ тайгу, а въ тайгѣ землю разработать какой капиталъ надо!..

Опять характерное для обратныхъ переселенцевъ преувеличеніе: отводимыя подъ заселеніе въ Амурской области земли вовсе не таѣжныя; расположены онѣ по смежности со старыми крестьянскими селеніями и сравнительно очень не трудны для разработки.

По словамъ пунктоваго начальства, обратные съ Амура—почти исключительно могилевцы, минскіе, витебцы,—«народъ слабый, хилый, почти всё больные; у нихъ и силъ нѣтъ бороться съ амурскою природой». Прочно на Амурѣ до сихъ поръ устраивались одни хохлы. Но большой вопросъ, будутъ ли они прочно устраиваться и дальше: хохламъ было хорошо, пока заселялись степные, вообще малолѣсные районы; но земельные запасы въ такихъ районахъ болѣе или менѣе исчерпаны,—свободными скоро останутся почти исключительно лѣсные и гористыя пространства, которыя слишкомъ ужъ не похожи на благодатныя степи Малороссіи и едва ли могутъ привлечь непривычнаго къ лѣсу хохла.

II.

Шилка и верхній Амуръ. Благовѣщенскъ.

Почтовый пароходъ быстро разсѣкаетъ слегка красноватая, мутная отъ весенняго ила воды Шилки. Я почти цѣлые дни сижу на верхней палубѣ или смотрю въ окна рубки и не могу свести глазъ съ величественной картины береговъ этой рѣки,—картины, вызывающей во мнѣ представленіе о берегахъ Рейна или верхней Роны, какими они были, приблизительно, полторы тысячи лѣтъ тому назадъ.

Русло Шилки, а затѣмъ—и верхняго Амура прорыто къ непрерывной горной странѣ. Лѣвый берегъ круто падаетъ въ воду обнаженными, мѣстами почти отвѣсными утесами, по которымъ лишь кое-гдѣ лѣплятся отдѣльныя чахлая березы или лиственницы; правый берегъ немного отложе, и лѣсъ на немъ какъ будто немного гуще. Мѣстами къ рѣкѣ выходятъ «пади»,—горныя лоцины, позволяющія заглянуть нѣсколько вглубь страны, — и тогда вы видите поодаль другія гряды невысокихъ горъ, поросшихъ то березою, то лиственницей. Кое-гдѣ, нарѣдка, утесы и каменистыя горы немного отступаютъ отъ русла рѣки, оставляя неширокую [полосу прирѣчной долины; въ такихъ мѣстахъ располагаются немногочисленныя крестьянскія селенія и казачьи поселки верхняго Приамурья, и пашни ихъ то тянутся узкою полосою по прирѣчной равнинѣ, то всплозаютъ высоко въ гору, выбирая для себя отлогіе, покрытые болѣе мощнымъ почвеннымъ слоемъ горные склоны.

Березовые и лиственничные лѣса окаймляютъ берега Амура почти до самаго Благовѣщенска; только незадолго передъ Благовѣщенскомъ они уступаютъ мѣсто дубу и коряво-раскидистой черной березѣ, столь типичнымъ для всего средняго теченія Амура. Самые берега, начиная, приблизительно, отъ слиянія Шилки съ Аргунью, постепенно понижаются; и обнаженные утесы уступаютъ мѣсто болѣе пологимъ склонамъ. Но мѣстами и здѣсь встрѣчаются картины, которыя такъ и просятся на полотно: таковъ, на примѣръ Кумарскій утесъ, падающій въ воду совершенно отвѣсною-каменною стѣною, съ какими-то выступами, въ родѣ

башенъ, на углахъ, и немного выше по Амуру другой, совершенно похожій утесъ на китайскомъ берегу; таковы «дымящія горы»—обнаженія желтовато-бѣлыхъ слоистыхъ песковъ съ выступающею наружу и тлѣющею—повидимому отъ простого соприкосновенія съ атмосфернымъ воздухомъ—прослойкой каменнаго угля или лигнита.

— Хорошая у васъ рѣка,—говорю я какъ-то командиру парохода, чтобы дать исходъ вызванному какимъ-то особенно красивымъ видомъ восторгу.

— Да, хорошая,—расхолаживаетъ меня капитанъ,—только если въ хорошую воду плыть; а вотъ попробуйте-ка плыть въ мелководье,—не очень вамъ наша Шилка понравится!...

И дѣйствительно: мы плывемъ въ хорошую весеннюю воду, пароходъ сидитъ всего четыре фута, и тѣмъ не менѣе на носу все время стоитъ матросъ съ «наметкой», и почти все время раздаются его заунывные возгласы: ше-е-есть, шесть съ половинъ-а-ай, ше-е-есть, пять съ половинъ-а-ай, пя-я-ять... И когда дѣло подходитъ къ пяти футамъ, «классные» пассажиры высыпаютъ на верхнюю палубу или облѣпляютъ окна каютъ-компаніи и начинаютъ слѣдить за распоряженіями командира и за курсомъ парохода. «Пройдетъ или не пройдетъ», думаютъ одни вслухъ, другіе про себя,—и болѣе опытные рассказываютъ новичкамъ о томъ, какъ имъ доводилось «садиться» именно на этомъ самомъ мѣстѣ, какъ они маялись, сидя безъ провизіи, или какъ третій классъ сгоняли на берегъ, чтобы облегчить пароходъ и дать ему всплыть съ мели.

Однако, наше плаваніе, благодаря весенней водѣ, прошло вполне благополучно; разъ только я слышалъ, какъ днище парохода процарапало небольшую дорожку въ песчаномъ днѣ, всѣ же остальные перекаты мы миновали совершенно благополучно. Правда, въ одномъ мѣстѣ мы простояли часовъ шесть изъ-за какой-то баржи, сѣвшей на мель и перегородившей узкій фарватеръ; въ другомъ мѣстѣ мы тоже около шести часовъ простояли изъ-за густого тумана. Но на такіе пункты на Амурѣ никто не обращаетъ вниманія, — и несмотря на эти маленькія задержки, мы пришли въ Благовѣщенскъ даже нѣсколько раньше положеннаго по росписанію времени. Но черезъ нѣсколько дней послѣ насъ вода начала убывать; уже слѣдующій почтовый пароходъ опоздалъ въ Благовѣщенскъ слишкомъ на двое сутокъ, а черезъ мѣсяцъ, въ концѣ мая и въ началѣ іюня, плаваніе отъ Стрѣтенска до Благовѣщенска продолжалось, вмѣсто положенныхъ по росписанію четырехъ дней, пѣлыхъ три недѣли. А что дѣлается на Шилкѣ и Амурѣ осенью, послѣ второго половодья — объ этомъ рассказываютъ цѣлыя эпопеи: пароходы и баржи сидятъ на меляхъ по цѣлымъ недѣлямъ; пассажировъ и грузы пересаживаютъ и перегружаютъ на лодки, заставляютъ идти пѣшкомъ десятки верстъ, а то и вовсе бросаютъ на произволъ судьбы, предоставляя имъ добираться, какъ кто знаетъ, до мѣста назначенія. Всѣ, кто можетъ, дерутъ въ это время все, что

могутъ,— деруть и съ пароходчиковъ, и съ пассажировъ: при сгрузкѣ съ обмелѣвшихъ пароходовъ лишняго груза зарабатываютъ по шести и по восьми рублей въ день; за провозъ берегомъ по приамурскому вѣчному тракту берутъ по 10—15 рублей съ лошади за станцію въ 20—25 верстъ; за фунтъ хлѣба съ пассажировъ берутъ до 25 и 30 копѣекъ...

Всѣмъ извѣстно, какъ некстати пришлось мелководье Шилки въ 1900 году, во время «китайскихъ событій». Чтобы обойти обмелѣвшую Шилку, экстренно была построена дорога отъ Стрѣтенска до Игнашиной, и вотъ теперь, плывя на пароходѣ, вы все время любуетесь смѣлыми изгибами этой дороги, которая то высѣчена въ скалѣ, въ полуторыхъ или двухъ десяткахъ сажень надъ уровнемъ рѣки, то спускается почти къ самому урѣзу воды, поражая крутизною своихъ подъемовъ и замысловатостью зигзаговъ. Но увы!—компетентные люди сообщаютъ вамъ, что подъемы слишкомъ круты для перевозки грузовъ, а взглядываясь пристальнѣе, вы замѣчаете, что въ низкихъ участкахъ дорога мѣстами размыта первымъ-же осеннимъ половодьемъ.

Пассажиры смотрятъ и обмѣниваются ядовитыми замѣчаніями по адресу «инженеровъ», къ которымъ здѣсь, какъ и во всей Сибири, не питаютъ особенныхъ симпатій; вспоминаютъ, по этому поводу, и о забайкальской дорогѣ, значительную часть которой размыло первымъ же разливомъ, и полотно которой послѣ этого пришлось поднять чуть ли не на двѣ сажени; и о затѣѣ возить поѣзда по рельсамъ, проложеннымъ черезъ байкальскій ледъ,—затѣѣ, инициаторы которой забыли объ образующихся во льду громадныхъ трещинахъ! и о байкальскихъ ледоколахъ, служащихъ неисчерпаемою темой для обывательскаго злословія...

Я уже упоминалъ о крестьянскихъ селеніяхъ и казачьихъ поселкахъ верхняго Приамурья. По наружному виду они крайне разнообразны. Вотъ Ломы, Баты, Шилкино,—деревни, по характеру застройки очень мало отклоняющіяся отъ обычнаго средне-сибирскаго типа—аккуратно построенные дома, изъ крѣпкаго хлѣса, съ обязательными бѣлыми ставнями; вотъ Горбица, съ массою большихъ, шикарно отдѣланныхъ, хотя и крестьянскаго типа, домовъ и съ множествомъ лавокъ; вотъ Джалинда—маленькій городокъ съ цѣлою улицей домовъ «господскаго» вида, съ садиками, огромными амбарами и съ тротуарами по берегу Амура. Но всѣ эти селенія, несмотря на свою разнохарактерность, имѣютъ одну общую, рѣзко бросающуюся въ глаза черту: почти полное отсутствіе хозяйственныхъ построекъ—амбаровъ, сараевъ, скотскихъ хлѣвовъ и т. п. И эта общая черта даетъ внѣшнее выраженіе существенному признаку, характеризующему болѣе или менѣе все населеніе верхняго Приамурья: населеніе это живетъ не отъ земли, а отъ золота и разныхъ побочныхъ заработковъ, прямо или косвенно связанныхъ съ золотопромышленностью, отъ пароходнаго дви-

женія, отъ извоза или почтовой гоньбы. Джагинда — это «резиденція» одной изъ крупныхъ золотопромышленныхъ компаній. Горбиза — мѣсто выхода рабочихъ съ цѣлой системы присковъ; население ея «живетъ около прискателей», промышляя скупкою краденаго золота, спиртоносничествомъ, а главное — тѣмъ разгуломъ рабочихъ послѣ расчета, который такъ хорошо описанъ въ «Паутиѣ» покойнаго Н. И. Наумова. Населеніе другихъ селеній заготавливаетъ сѣно для присковъ, нанимается возить присковые грузы, ставить дрова для парокордовъ, а затѣмъ — «срываетъ», что можно, — а сорвать можно много! — въ случаѣхъ посадки на мель или перегрузки парокордовъ и баржей съ пассажирами и товарами и вообще во время тѣхъ заторовъ, которые образуются во время обмелѣнія рѣкъ.

Золото играетъ видную роль и въ разговорахъ пассажировъ парокора, — разговорахъ, которые очень быстро завязываются за общепринятыми на амурскихъ парокорахъ табль-д'отомъ и за общими чаепітіями. Передаютъ другъ другу свѣдѣнія о вновь найденномъ или разыскиваемомъ въ той или другой мѣстности золотѣ; о положеніи — чаще всего о печальномъ положеніи — дѣлъ той или другой золотопромышленной компаніи; объ условіяхъ найма рабочихъ, въ особенности о вліяніи «китайскихъ событій» и связаннаго съ ними отлива китайскихъ рабочихъ. Люди, повидимому, близко стоящіе къ золотопромышленному дѣлу, жалуются на стѣсненное положеніе золотопромышленности — результатъ, отчасти, истощенія (конечно, въ высокой степени относительнаго) большей части разрабатываемыхъ присковъ, а частью вызваннаго китайскими событіями вздорожанія рабочихъ рукъ и многихъ продуктовъ; отчасти, впрочемъ, стѣсненное положеніе золотопромышленности связываютъ и съ отмѣною порто-франко, значительно увеличившею издержки добычи золота, потому что прежде изъ Америки получались не только машины и инструменты, но даже такіе продукты, какъ крупчатка, или сало. Отмѣчаютъ также любопытное измѣненіе, наблюдаемое, въ самые послѣдніе годы, въ области быта золотопромышленныхъ рабочихъ: старый типъ «прискателя», который, выйдя съ прииска, тотчасъ-же прокучивалъ весь заработокъ и нерѣдко, даже не дойдя до дому, вновь законтраговывался на слѣдующую золотопромышленную кампанію, — этотъ типъ, повидимому, начинаетъ уступать мѣсто новому типу рабочаго, который тщательно бережетъ заработанные деньги и цѣликомъ уноситъ ихъ домой, въ свое хозяйство.

Безконечные разговоры о китайцахъ; говорятъ о нихъ всѣ безъ исключенія почти восторженно. Одинъ расхваливаетъ честность китайскаго рабочаго, его вѣрность данному слову, его методичность и аккуратность. Другой рассказываетъ чудеса о земледѣльческомъ и огородномъ хозяйствѣ китайцевъ; «не имъ у насъ культуру перенимать, а намъ у нихъ», говоритъ пассажиръ, ѣдущій изъ Кяхты, и рассказываетъ, какъ китайцы около Кяхты развели на голомъ пескѣ превос-

ходные огороды. Третій распространяется насчетъ коммерческихъ способностей китайцевъ: «появится китаецъ въ деревнѣ,—разсказываетъ пассажиръ изъ Забайкалья—товару у него на пять рублей, а черезъ два-три года, глядишь, еврей изъ этой деревни бѣжитъ, ему не устоять противъ китайца». Среди восторговъ явственно проглядываетъ страхъ передъ китайскою конкуренціею—передъ «мирнымъ нашествіемъ желтой расы», отъ котораго мѣстные люди не рассчитываютъ такъ легко отбиться, какъ въ девятисотомъ году отбились отъ вооруженнаго нападена.

О переселенцахъ и переселеніи разговоровъ сравнительно мало—золото и китайцы поглощаютъ все вниманіе мѣстныхъ людей. Слышатся больше отрицательные отзывы о переселенцахъ и о будущности края, какъ русской земледѣльческой колоніи,—слышатся и противоположныя нотки. «Мѣста хваленныя, да негодныя,—говоритъ богатый хабаровскій коммерсантъ:—въ Уссурійскомъ краѣ у насъ равнины плодородныя, да топить ихъ; остальное—каменные горы, совсѣмъ безъ почвы, удобныхъ земель совсѣмъ нѣтъ».

— Не въ этомъ дѣло,—возражаетъ другой мѣстный обыватель,—а въ томъ, что мѣста не извѣданы: ходокъ ѣдетъ на пароходѣ, видитъ скалы, и назадъ,—негодныя, говоритъ мѣста; чиновнику поручаютъ осмотрѣть долину рѣки, онъ проѣдетъ по рѣкѣ на лодкѣ и доноситъ, что ничего, кромѣ болотъ, не оказалось. А сунься кто подалеже отъ рѣки—и земли сколько угодно найдется.

— По Зеѣ на триста верстъ все удобныя земли,—подтверждаетъ третій собесѣдникъ:—ужъ на что, на первый взглядъ неудобныя мѣста по Шилкѣ—однѣ горы да скалы; а пошли крестьяне и казаки съ Шилки работать на желѣзнодорожныхъ развѣдкахъ,—и руками стали разводить; ну, парень, говорятъ, какая въ нашихъ мѣстахъ земля находится! Нѣтъ, не въ этомъ дѣло, надо только развѣдать, и удобныя земли найдутся.

Въ одномъ только всѣ спорящіе согласны,—въ томъ, что на переселенца трудно угодить: «полтавецъ привыкъ къ аршинному чернозему; здѣсь онъ видитъ всего на два-три вершка черной земли, онъ дальше и не разбираетъ,—значитъ земля негодная; вѣдь корейцы и китайцы чуть не голые пески да отвѣсныя горы обрабатываютъ, да какіе урожаи получаютъ, а нашъ братъ переселенецъ только самыя лучшія мѣста по долинамъ пораспахетъ, а дальше и посмотрѣтъ вокругъ себя не хочетъ».

Благовѣщенскъ... Пароходъ проходитъ мимо поселка Верхне-Благовѣщенскаго—того самаго, гдѣ годъ тому назадъ происходила печальной памяти «переправа» китайцевъ *), затѣмъ приближается къ китайскому

*) Любопытный разсказъ объ этой переправѣ см. въ любопытныхъ очеркахъ А. В. Верещагина въ январской книжкѣ «Вѣсти. Европы».

берегу и проходить мимо длинной линии обгорѣлыхъ столбовъ и кучъ пережженной глины, обозначающихъ мѣсто бывшаго китайскаго города Сахалина, круто поворачиваетъ и подходитъ къ городу.

Благовѣщенскъ расположенъ на почти плоской равнинѣ, частью затопляемой большими разливами рѣки, у самаго слиянiя Амура съ Зеку. Въ отличiе отъ старыхъ городовъ, располагающихся обыкновенно въ видѣ ряда концентрическихъ колецъ или полуколецъ, Благовѣщенскъ, какъ городъ недавняго происхожденiя, отличается прежде всего чрезвычайно правильной и при томъ широкою планировкой. Пять или шесть очень широкихъ улицъ, параллельныхъ Амуру, и множество перпендикулярныхъ къ нимъ, нѣсколько болѣе узкихъ; въ длину городъ растянулся, кажется, на шесть верстъ, и множество кварталовъ по окраинамъ стоятъ еще совершенно пустыми или только начинаютъ обстраиваться.

Застройка преимущественно деревянная—бревенчатые, по большей части небольшiе дома, иногда и болѣе обширные и причудливо отдѣланные; многiе дома окрашены масляною краскою, и почему-то почти исключительно въ разные оттѣнки зеленого цвѣта. Не мало, однако, особенно въ центрѣ города, и каменныхъ построекъ. Въ противоположность большинству сибирскихъ городовъ, гдѣ прiѣзжаемъ прежде всего бросаются въ глаза тѣ или другiя казенныя зданiя, въ Благовѣщенскѣ казенныя зданiя поражаютъ скорѣе своею скромностью и даже запущенностью. Губернаторскiй и архiерейскiй дома, гимназiя, мужская и женская, присутственныя мѣста, судъ, все это деревянные дома, довольно ветхаго вида; прiятно бросается въ глаза только обширное и довольно красивое бѣлое зданiе почтамта. Но первая достопримѣчательность Благовѣщенска—это роскошныя палаццо, одно въ стилѣ московскихъ верхнихъ рядовъ, другое—что-то въ родѣ ренессанса съ несимметрично расположенными полуавританскими куполками, занятыя громадными универсальными магазинами Чурина и Кунста-Альберса—этихъ властителей думъ населенiя Благовѣщенска и другихъ городовъ Приамурья. И опять-таки, какъ и въ Стрѣтенскѣ, только еще сильнѣе, здѣсь бросается въ глаза, отчасти, связь съ океаномъ и черезъ него—съ Америкой и Западною Европой, отчасти—тѣсное соприкосновенiе съ Китаемъ и Японiей. По улицамъ, на ряду съ обычными русскими пролетками, на каждомъ шагу попадаются экипажи—американки разнообразныхъ фасоновъ, но непрѣнно съ высокими колесами; на Большой улицѣ—цѣлый рядъ складовъ сельскохозяйственныхъ орудiй и машинъ, почти исключительно американскаго или нѣмецкаго происхожденiя; въ магазинахъ почти исключительно американскiе и нѣмецкiе мануфактурные товары. Японiя представлена разнообразнѣйшими ремесленниками, изъ которыхъ наибольшую популярность пользуются японцы-прачки, и... японскими публичными домами, которые во всемъ Приамурьѣ побѣдоносно конкурируютъ съ русскими учреждениями подобнаго-же рода. Что ка-

саются до китайцевъ или точнѣе манджуръ, то они занимали въ Благовѣщенскѣ особыя китайскіе кварталы, а затѣмъ жили болѣе не жели въ шестидесяти деревняхъ въ такъ называемомъ за-Зейскомъ отводѣ, пользуясь здѣсь чѣмъ-то въ родѣ права экстерриториальности. Но теперь китайскіе кварталы опустѣли, китайскія деревни выжжены, а обитатели ихъ частью перебиты или перетоплены, частью ушли за Амуръ. Впрочемъ, Благовѣщенскъ не долго будетъ обходиться безъ китайцевъ: уже и теперь, менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ погрома, множество китайцевъ расхаживаетъ по благовѣщенскимъ улицамъ, и мало-по-малу они, конечно, опять обоснуются въ городѣ и около города, опять сдѣлаются главными поставщиками рабочей силы и разнообразныхъ, особенно огородныхъ продуктовъ. А пока что, благовѣщенцы безъ китайцевъ кряхтятъ и охаютъ: въ городѣ ни за какія деньги нельзя достать никакой зелени, кромѣ лука, проросшаго на разоренныхъ китайскихъ огородахъ; яйца, которыя китайцы продавали по 10—15 копѣекъ, теперь стоятъ отъ 30 до 50 копѣекъ, а зимой за яйца платили и до рубля десятокъ. Страшно вздорожалъ всякаго рода трудъ: изъ китайцевъ благовѣщенцы брали домашнюю прислугу, дворниковъ, чернорабочихъ, китайцы были дешевыми и аккуратными плотниками, каменщиками, малярами и печниками,—съ уходомъ ихъ за всякаго рода подѣлки приходится платить, буквально, втридорога. Вообще въ Благовѣщенскѣ «нельзя жить безъ китайцевъ»,—въ этомъ согласны, повидимому, всѣ благовѣщенскіе обыватели. Продолжаетъ волновать благовѣщенцевъ и прошлогодняя расправа съ китайцами. Одни оправдываютъ или извиняютъ ее, другіе рѣзко осуждаютъ; но всѣ, кто болѣе, кто менѣе, конфузятся, всѣ хотятъ знать, «что объ этомъ говорятъ», и всѣ признаютъ, что подъ флагомъ расправы и усмиренія было совершенно не мало ненужно-жестокаго и возмутительнаго.

Благовѣщенскъ—городъ, растущій почти съ американскою быстротой. По переписи 1897 года въ немъ числилось 32.000 жителей; теперь ихъ насчитываютъ болѣе 45.000, и слѣдовательно, за четыре года населеніе возрасло приблизительно на 50%. «Благовѣщенскъ,—говорилъ мнѣ одинъ изъ старожиловъ края, крупный коммерсантъ, американецъ,—это не то, что Хабаровскъ или Владивостокъ; тѣ живы только пока казна даетъ деньги, а Благовѣщенскъ—единственный городъ на Амурѣ, который самъ себя содержитъ, который играетъ самостоятельную экономическую роль». Въ настоящее время, правда, Благовѣщенскъ переживаетъ нѣкоторый кризисъ, обусловленный стѣсненнымъ положеніемъ золотопромышленности, и многіе опасаются, что кризисъ этотъ, особенно если Благовѣщенскъ и дальше останется въ сторонѣ отъ желѣзной дороги, затянется и превратится въ дрящійся упадокъ. Но въ современномъ Благовѣщенскѣ жизнь кипитъ ключомъ, и эта кипучая жизнь имѣетъ своимъ послѣдствіемъ совершенно своеобразный складъ хозяйственнаго быта благовѣщенскаго

населенія. Въ Благовѣщенскѣ *все* дорого, — дешевы только деньги: «здесь рубль нипочемъ», «у насъ сто рублей не деньги» — такія фразы вы на каждомъ шагѣ услышите отъ благовѣщенскихъ обывателей. Цѣны на квартиры и на предметы первой необходимости — на эти послѣдніе благодаря слабости земледѣльческой колонизаціи края — стоятъ по большей части не ниже, а нерѣдко и значительно выше петербургскихъ: фунтъ мяса 30 копѣекъ, погонная сажень дровъ въ самое дешевое время 6—7 рублей, а зимою и до двѣнадцати рублей, даже чай — и тотъ не дешевле, чѣмъ въ Петербургѣ. Страшно дороги всякіе привозные продукты и надѣлія, что обусловливается, прежде всего, плохимъ состояніемъ, а періодически — и полнымъ прекращеніемъ сообщеній Благовѣщенска съ вѣншимъ міромъ. До послѣдняго времени, правда, благодаря амурскому порто-франко, были дешевы многіе заграничные продукты, а китайскіе торговцы какъ-то ухитрялись продавать почти все гораздо дешевле большихъ магазиновъ. Но теперь порто-франко отмѣнено, китайскихъ торговцевъ почти не осталось, — и благовѣщенцы отданы въ полную власть крупныхъ фирмъ Чурина и Кунст-Альберса, которыя берутъ за продукты все, что только вздумается... И несмотря на это, масса населенія, въ частности весь рабочій людъ, живетъ припѣваючи: «деньга» здѣсь дешевая, но зато и легкая — условія оплаты труда чрезвычайно благоприятны. Пароходы и приски предъявляютъ громадный спросъ на трудъ, а предложеніе труда невелико, такъ какъ сельское населеніе, превосходно обеспеченное землею и по большей части очень зажиточное, не нуждается въ заработкахъ. Даже вновь приходящіе въ край переселенцы, и тѣ приводятъ въ негодованіе самыхъ благодушныхъ благовѣщенцевъ: стремясь какъ можно скорѣе устроить свое собственное хозяйство и по большей части располагая для этого достаточными средствами, они отказываются отъ предлагаемыхъ имъ заработковъ, хотя бы имъ давали по два рубля въ день и дороже. И вотъ, обычная плата дворнику или сторожу въ Благовѣщенскѣ не менѣе 25—30 рублей въ мѣсяцъ; женская прислуга, ничега не умѣющая, получаетъ по 12—15 рублей; поденщица, кака въ Петербургѣ получаетъ 50—60 копѣекъ, платятъ отъ рубля до рубля двадцати коп. въ день. Еще выше, конечно, заработки ремесленниковъ: весною 1901 года, во время горячей работы по снаряженію пароходовъ, обойщики зарабатывали по десяти, печники во время строительнаго сезона — по восьми рублей въ день.

Въ концѣ концовъ, повторяю, трудящемуся люду въ Благовѣщенскѣ живется хорошо: заработки, и хорошіе заработки, находятъ всякій, кто только желаетъ работать. Недурно положеніе и той низшей интеллигенціи или полуинтеллигенціи, которая занимаетъ мѣста писцовъ въ казенныхъ, общественныхъ и т. п. учрежденіяхъ. Конечно, получаемое такими низшими служащими жалованье совершенно не достаточно для сноснаго существованія; но каждый изъ нихъ легко можетъ получить

хорошіи добавочный заработокъ въ коммерческомъ предпріятіи или иную частную работу — достаточно сказать, что за переписку на ремингтонъ въ Благовѣщенскѣ платятъ отъ рубля до двухъ рублей съ листа, и что грамотнаго писца здѣсь нельзя имѣть дешевле, нежели за 75 — 80 рублей въ мѣсяць. Нечего и говорить о томъ, какъ хорошо въ этой странѣ золота и монопольныхъ цѣнъ живетъ торгово-промышленному классу, хотя какъ разъ въ данное время золотопромышленники и жалуются на «плохія времена», такъ какъ вмѣсто прежнихъ обычныхъ 20—30%, а то и 200—300% на капиталъ должны довольствоваться семью, восемью, а то и тремя процентами. Процвѣтають около золота адвокаты и нотаріусы, процвѣтають немногочисленные врачи, заработокъ которыхъ исчисляется, говорятъ, десятками тысячъ. Тяжело только мѣстному чиновничеству. Всѣ оклады, правда, значительно повышенные, но далеко не въ той пропорціи, въ какой повышены цѣны на квартиру, прислугу, продукты и т. п. Большинство чиновниковъ, поэтому, не сводитъ концы съ концами, многіе должаютъ, а другіе находятъ исходъ изъ затруднительнаго положенія въ заработкахъ своихъ женъ и дочерей, которыя даютъ частные уроки, служатъ по разнымъ конторамъ и канцеляріямъ, сидятъ въ кассахъ большихъ магазиновъ, и трудъ которыхъ также оплачивается сравнительно недурно.

Подъ вечеръ мой пріятель—мѣстный «переселенный», везетъ меня на переселенческій пунктъ. Въ противоположность съ иголки новенькому, превосходно, хотя и безъ излишней роскоши, обставленному Стрѣтенскому пункту, Благовѣщенскій пунктъ, еще не вошедшій въ составъ «переселенческой организаціи» сибирскаго комитета, устраивался и содержится на мѣдные гроши, и это отражается даже и на его внѣшнемъ видѣ. На пунктѣ всего три барака; изъ нихъ только одинъ построенъ специально для пункта; остальные два—низкія, длинныя, каменные зданія, разгороженныя на маленькія отдѣленьица съ низкими кирпичными «каналами» (отопляемыя нары)—были выстроены городомъ для пристанища пришедшихъ китайскихъ рабочихъ и затѣмъ, за ненадобностью, переданы подъ устройство переселенческаго пункта. Вмѣсто кухни—небольшой навѣсъ и подъ нимъ первобытнѣйшаго устройства очаги, гдѣ переселенцы варятъ пищу въ собственныхъ котелкахъ. Гордость пункта—только-что отстроенная небольшая деревянная больничка; но она занята больными сыпнымъ тифомъ, оставшимися отъ одной изъ прошедшихъ весной организованныхъ партій,—а неподалеку отъ нея строится небольшой изоляціонный баракъ. Эта постройка—наглядный образецъ того, какъ на Благовѣщенскомъ пунктѣ молотятъ на обухѣ рожь. Потребовалось выстроить изоляціонный баракъ, стоимоть его была исчислена архитекторомъ въ 1.800 рублей, а на лицо имѣлось всего семьсотъ; вотъ и пришлось прибѣгнуть къ своеобразному способу укладки

стѣны изъ двухъ рядовъ досокъ, съ забивкой промежутка между ними смѣсью глянны съ соломою.

Вообще, строй жизни благовѣщенскаго пункта совсѣмъ не тотъ, что на пунктахъ, состоящихъ на попеченіи сибирскаго комитета: эти послѣдніе хорошо оборудованы, обставлены достаточнымъ персоналомъ и средствами, и каждый пунктъ и каждый служащій на пунктѣ дѣлаетъ свое опредѣленное, хотя и не легкое дѣло. Въ Благовѣщенскѣ не то. Средства здѣсь такъ ничтожны, что не позволяютъ имѣть ни постснанаго врача, ни даже сколько-нибудь порядочнаго фельдшера, не говоря уже о такихъ должностяхъ, какъ завѣдующіе хозяйственною частью, бухгалтеры и т. п. персоналъ, имѣющійся на другихъ пунктахъ. Все дѣлаетъ переселенческій чиновникъ—онъ и администраторъ, и хозяинъ, и банкиръ переселенцевъ, и строитель, и благотворитель. Да, благотворитель, потому что за ничтожностью отпущаемыхъ изъ казны средствъ, многія существенныя потребности Благовѣщенскаго пункта удастся кое-какъ удовлетворить лишь при помощи частной благотворительности. Но и послѣдняя для Благовѣщенскаго пункта—плохой источникъ доходовъ: въ Благовѣщенскѣ не любятъ переселенцевъ, и многіе состоятельные, даже богатые люди прямо говорятъ, что не дадутъ на переселенцевъ ни копѣйки; всѣхъ возмущаетъ бьющее всѣхъ по карману систематическое нежеланіе переселенцевъ браться за какіе-бы то ни было заработки, — и мало кто хочетъ понять, что это нежеланіе вполнѣ естественно, такъ какъ переселенецъ, которому важнѣе всего какъ можно скорѣе обзавестись своимъ хозяйствомъ, не можетъ не избѣгать заработковъ въ городѣ, отдаляющихъ для него время самостоятельнаго обзаведенія.

Переселенцевъ на пунктѣ я засталъ очень мало. Кромѣ нѣсколькихъ одиночекъ, на пунктѣ проживало, въ ожиданіи зейскаго парохода, семей двадцать пять черниговцевъ, направившихся на уже облюбованный въ прошломъ году ходоками участокъ на берегу Зеи.

— Много мы земель смотрѣли, рассказываетъ мнѣ одинъ изъ ходоковъ: на одно мѣсто пришли,—пашня такая, что лучше не надо, да покоса нѣтъ; на другое, — покосы хороши, да пашни какъ будто маловато; пошли на третье, на четвертое; наконецъ видимъ—мѣсто какъ будто ладное, да и ноги уже пристали мѣста смотрѣть, ну, думаемъ себѣ, видно здѣсь намъ жить доведется. А что, ваше высокоблагородіе—обращается ходокъ къ «переселенному»—ежели это мѣсто не поглянется, можно намъ еще другія мѣста посмотреть будетъ?

— Можно то можно,—отвѣчаетъ «переселенный»,—а только отчего же оно вамъ не понравится, вѣдь вы же смотрѣли мѣсто?

— Мы — какъ старики наши; вотъ они придутъ, поглядятъ, скажутъ ладно, мы и жить будемъ; а не поглянется мѣсто, будемъ другого искать.

Обзаводиться скотомъ переселенцы сразу не думаютъ: «побѣднѣли

шибко за дорогу,—говорять они, — а скотина здѣсь дорога: за пару коней отдай двѣсти рублей, а пахать залогъ шесть лошадей надо. Вотъ придемъ, да поглядимъ, да мотыкаемъ, сколько сила позволить, разробимъ землю».

«Переселенный» даетъ черниговцамъ болѣе практическій совѣтъ: для перваго посѣва снять мягкой землицы гдѣ-нибудь въ ближайшихъ селеніяхъ. Переселенцы съ радостью ухватываются за эту простую мысль.

Очень беспокоить ихъ также вопросъ—гдѣ покупать хлѣбъ на продовольствіе: жители ближайшей къ облюбованному мѣсту деревни—старовѣры, и сами-то хлѣба не имѣютъ, а не то чтобы продать, — живутъ исключительно рыболовствомъ и звѣринымъ промысломъ.

У «переселеннаго» опять оказывается хорошій совѣтъ—въ какихъ деревняхъ достать хлѣба, какъ въ эти деревни проѣхать и т. д.

Затѣмъ, переговоривъ съ какимъ-то старикомъ по поводу невысланнаго солдатскаго билета, съ другими — относительно не полученныхъ по переводу денегъ, съ какимъ-то самовольнымъ переселенцемъ о затрудненіяхъ при припискѣ по приемному приговору, вымѣривъ окно въ строящемся изоляціонномъ баракѣ, распорядившись покупкою пары недостающихъ бревенъ, произведя разслѣдованіе относительно недавно случившейся на пунктѣ кражи, взявъ у фельдшера прописанные врачомъ рецепты, «переселенный» уѣзжаетъ домой. Я уѣзжаю вмѣстѣ съ нимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Александръ Кауфманъ.

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ.

(Окончаніе *).

VII.

Педагогическая дѣятельность Жуковскаго при цесаревичѣ начинается еще въ царствованіе императора Александра I. Еще весной 1825 года А. Тургеневъ называетъ его «великимъ педагогомъ» и «дѣтскимъ Аристотелемъ», погруженнымъ въ дѣтскія и учебныя книги и занятымъ изысканіемъ легчайшихъ методовъ преподаванія. Но все-таки назначеніе Жуковскаго въ 1826 году воспитателемъ наслѣдника престола оказалось для него неожиданнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ чувствовалъ себя неподготовленнымъ къ столь высокой и отвѣтственной должности. Поручая воспитаніе своего сына Жуковскому, императоръ и императрица имѣли въ виду его любвеобильное сердце и благородный характеръ. Но самъ поэтъ отлично понимаетъ, что если Мёрдеру, которому было поручено нравственное воспитаніе цесаревича, при всѣхъ его высокихъ нравственныхъ достоинствахъ, «недостаетъ образованія», то еще необходимѣе это образованіе ему, Жуковскому, которому поручаютъ наблюденіе за учебною частью.

Откровенное признаніе Жуковскаго въ своей неподготовленности не измѣняетъ царскаго рѣшенія, и въ жизни поэта происходитъ такой рѣзкій переворотъ, какого съ нимъ еще не происходило и какого трудно было даже ожидать отъ его гнѣвной натуры. «Я брошенъ на особаго рода путь,—признается онъ одной знакомой французкѣ—котораго никогда не думалъ выбирать и по которому влечетъ меня сила судьбы, приведшей меня безъ моего вѣдома къ той точкѣ, гдѣ я теперь. Я отдаю дѣятельности, вовсе не похожей на ту, которая нѣкогда наполняла мою душу. Не я выбралъ ее. Она явилась ко мнѣ, какъ воля Провидѣнія, и этой волѣ я хочу повиноваться съ полнѣйшимъ усердіемъ. Эта дѣятельность, конечно, пугаетъ меня, она выше моихъ способностей; но она наполняетъ собою мое существованіе; она подымаетъ мою душу; вся моя жизнь принадлежитъ ей».

Изъ представленнаго государю «Плана ученія» мы узнаемъ, что

* См. «Міръ Божій», апрѣль, 1902 г.

цѣлью воспитанія Жуковскій считаетъ «образованіе для добродѣтели» путемъ пробужденія, развитія и сохраненія природныхъ добрыхъ качествъ и ознакомленіе питомца съ тѣмъ, что его окружаетъ, съ тѣмъ, что онъ есть, и съ тѣмъ, что онъ долженъ быть, какъ существо нравственное и бессмертное. Сравнивая воспитаніе съ путешествіемъ, Жуковскій въ первомъ періодѣ (отъ 8 до 13 лѣтъ) считаетъ нужнымъ «дать въ руки компасъ, познакомить съ картой, снабдить орудіями». Компасъ—это предварительное образованіе ума, путемъ практической логики, и сердца, посредствомъ первыхъ поватій религіи. Карта—это знанія, которыя должны дать отвѣты на четыре вопроса жизни: гдѣ я? что я? чѣмъ я долженъ быть? и къ чему предназначенъ? Орудія—языки *), какъ средство приобрѣтенія знаній. Во второмъ періодѣ (отъ 13 до 18 лѣтъ) должно быть подробное преподаваніе наукъ *антропологическихъ*, имѣющихъ предметомъ *человѣка*, и *онтологическихъ*, имѣющихъ предметомъ *вещь*. Науки эти слѣдующія: во-первыхъ, исторія, географія (этнографія и статистика), политика, философія; во-вторыхъ, математика, естественная исторія и *технологія* (физическая географія), физика. Третій періодъ (отъ 18 до 20 лѣтъ)—періодъ самообразованія. «Этотъ періодъ,—говорится въ планѣ,—долженъ быть посвященъ занятіямъ собственнымъ и чтенію немногихъ истинно-классическихъ книгъ, предпочтительно такихъ, кои могутъ познакомить питомца съ высокимъ его назначеніемъ и страной, которой онъ долженъ посвятить жизнь свою».

Особенно подробно разрабатываетъ Жуковскій планъ ученія въ первомъ періодѣ, руководствуясь, главнымъ образомъ, идеями Песталлоцци, съ примѣненіемъ которыхъ на практикѣ онъ познакомился сначала въ Дерптѣ, а потомъ въ Швейцаріи. Въ основу преподаванія онъ кладетъ наглядность и развитіе самодѣятельности.

Изъ отдѣльныхъ учебныхъ предметовъ Жуковскій обращаетъ особенное вниманіе на исторію. «Сокровищница просвѣщенія царскаго,—говоритъ онъ,—есть исторія, наставляющая опытами прошедшаго, ими объясняющая настоящее и предсказывающая будущее. Она знакомитъ государя съ вуждами его страны и его вѣка. Она должна быть главною наукою наслѣдника престола. Исторія, освѣщенная религіею, воспламенитъ въ немъ любовь къ великому, стремленіе къ благотворной славѣ, уваженіе къ челоуѣчеству, и дастъ ему высокое понятіе о его санѣ. Изъ нея извлечетъ онъ правила дѣятельности царской». Дальше Жуковскій указываетъ, какія правила наслѣдникъ престола извлечетъ изъ уроковъ исторіи подъ его руководствомъ. Правила эти, на изложеніе которыхъ Жуковскій смотритъ въ то же время, какъ на свою исповѣдь, слѣдующія: «Вѣрь, что власть царя происходитъ отъ Бога...

*) Французскій, нѣмецкій, англійскій и польскій. Преподаваніе латынскаго языка императоръ Николай I призналъ излишнимъ.

Уважай законъ и научи уважать его своимъ примѣромъ: законъ, пренебрегаемый царемъ, не будетъ хранимъ и народомъ. Люби и распространяй просвѣщеніе: оно—сильнѣйшая подпора благонамѣренной власти; народъ безъ просвѣщенія есть народъ безъ достоинства... Уважай общее мнѣніе: оно часто бываетъ просвѣтителемъ монарха; оно—вѣрнѣйшій помощникъ его, ибо строжайшій и безпристрастный судья исполнителей его воли... Люби свободу, то есть правосудіе, ибо въ немъ и милосердіе царей, и свобода народовъ... Владычествуй не силою, а порядкомъ: истинное могущество государя не въ числѣ его воиновъ, а въ благоденствіи народа. Будь *вѣренъ слову*: безъ довѣренности нѣтъ уваженія, неуважаемый безсиленъ. Окружай себя достойными тебя помощниками; слѣпое самолюбіе царя, удаляющее отъ него людей превосходныхъ, предаетъ его на жертву корыстолюбивымъ рабамъ, губителямъ его чести и народнаго блага. Уважай народъ свой: тогда онъ сдѣлается достойнымъ уваженія. Люби народъ свой: безъ любви царя къ народу нѣтъ любви народа къ царю. Не обманывайся на счетъ людей и всего земного, но имѣй въ душѣ идеалъ прекраснаго—вѣрь добродѣтели! Сія вѣра есть вѣра въ Бога! Она защититъ душу твою отъ презрѣнія къ человѣчеству, столь пагубнаго въ правителѣхъ людей» *).

Прежде чѣмъ приступить къ учебнымъ занятіямъ по утвержденному государемъ плану, Жуковский отправляется за границу для поправленія здоровья и пріобрѣтенія необходимыхъ учебныхъ пособій. Онъ лѣтитъ въ Эмсъ, зиму проводитъ въ Дрезденѣ, лѣтомъ 1827 года ѣдетъ въ Парижъ, гдѣ, между прочимъ, посѣщаетъ палату депутатовъ и знакомится съ Гизо. Но главное вниманіе Жуковского и за границей обращено на предстоящій ему трудъ, къ которому онъ готовится усердно и съ увлеченіемъ. Даже составленіе сухихъ историческихъ таблицъ для него «имѣетъ прелесть поэтическихъ работъ». Теперь онъ считаетъ себя вполне счастливымъ, и только мысль о собственной неопытности и неподготовленности временами смущаетъ его.

Сознавая, что «никакія правила, преподаваемые, проповѣдуемые учителями въ классахъ, не могутъ уравниваться въ силѣ съ впечатлѣніями ежедневной жизни», Жуковский и изъ-за границы зорко слѣдитъ за своимъ воспитанникомъ. Прочитавъ въ газетахъ, что юный наслѣдникъ явился верхомъ на одномъ парадѣ, онъ пишетъ императрицѣ, что этотъ «эпизодъ совершенно излишній въ прекрасной поэмѣ, надъ которой мы трудимся», и проситъ государыню, чтобы «въ будущемъ не было подобныхъ сценъ». Жуковский не противъ изученія военнаго искусства: онъ отводитъ ему въ своемъ планѣ лѣтнія вакаціи; но преждевременныя «воинственныя игрушки» онъ считаетъ

*) «Планъ ученія» перепечатанъ въ 8-омъ изд. соч. Жуковского, т. VI. Спб 1885 года.

крайне вредными. «Долженъ ли онъ быть только воинномъ,—восклицаетъ Жуковскій въ письмѣ къ императрицѣ,—дѣйствовать только въ сжатомъ горизонтѣ генерала? Когда же будутъ у насъ законодатели? Когда будемъ смотрѣть съ уваженіемъ на истинныя нужды народа, на законы, просвѣщеніе, нравственности! Государыня, простите мои восклицанія; но страсть къ военному ремеслу стѣснить его душу: онъ привыкнетъ видѣть въ народѣ только полкъ, въ отечествѣ—казарму. Мы видѣли плоды этого: арміи не составляютъ могущества государства или государя. Если царь занять однимъ устройствомъ войска, то оно годится только на то, чтобы произвести 14-е декабря».

По возвращеніи Жуковского въ Петербургъ, для него начинается пріятный, но въ то же время тяжелый, вредно отзывающійся на его здоровьѣ трудъ. Онъ руководитъ всѣми классными занятіями цесаревича, остальные учителя на первыхъ порахъ, по крайней мѣрѣ, только «дополнители и репетиторы». «Занятій множество,—пишетъ Жуковскій Зонтагъ,—надобно учить и учиться, и время захвачено. Прощай навсегда, поэзія съ рифмами! Поэзія другого рода со мною, мнѣ одному знакомая, понятная для одного меня, но для свѣта безмолвная. Ей должна быть посвящена вся остальная жизнь». Мѣсто поэзіи теперь занимаютъ разнаго рода таблицы: грамматическія, хронологическія, генеалогическія, географическія и даже по естествовѣдѣнію, по исторіи скульптуры, живописи и архитектуры *). Въ это время Жуковскій ведетъ самую уединенную и однообразную жизнь и едва находитъ время для посѣщенія лучшихъ друзей.

Тяжелый педагогическій трудъ скоро распаталъ здоровье Жуковского. Онъ страдаетъ сильной одышкой, такъ что не въ состояніи подняться на третій этажъ въ свою квартиру, а болѣзнь печени и застарѣлый геморрой дѣлаютъ его лицо «желто-сафьяннаго цвѣта». Для поправленія здоровья въ іюнѣ 1832 года Жуковскій уѣзжаетъ за границу, гдѣ живетъ болѣе года. Лѣто онъ проводитъ въ Эмсѣ и Вейльбахѣ, весну 1833 года въ Италиі, большую же часть времени живетъ въ полномъ уединеніи на берегу Женевского озера, въ Верне, близъ города Вевере, вмѣстѣ съ однорукимъ живописцемъ Рейтерномъ, въ семьѣ котораго нашъ поэтъ встрѣтилъ свою будущую жену. Возстановляя свои силы, любуясь красотами природы и художественными перлами Италиі, Жуковскій не забываетъ своего «святого дѣла», воспитанія наслѣдника. Онъ пишетъ своему воспитаннику длинныя письма, въ которыхъ разсказъ о путешествіи пересыпается нравственными совѣтами. «Примѣръ добрыхъ дѣлъ,—пишетъ Жуковскій въ первомъ своемъ письмѣ,—есть лучшее, что мы можемъ даровать тѣмъ, кто жи-

*) См. «Бумаги В. А. Жуковского» въ приложеніи къ Отчету Императорской Публичной библіотеки за 1884 г.

вѣтъ имѣть съ нами, память добрыхъ дѣлъ есть лучшее, что можемъ оставить тѣмъ, кто будетъ жить послѣ насъ». Онъ совѣтуетъ цесаревичу сохранить «на всякій часть своей жизни свое прекрасное сердце», дорожить своимъ временемъ, бороться съ «ненавистнымъ врагомъ» — гнѣвно — посредствомъ чувства долга и развивать въ себѣ нравственное достоинство. «Мы живемъ въ такое время, — пишетъ Жуковский изъ Вены, — въ которое нужна бодрость, нужно твердое, ясное знаніе своихъ обязанностей и правилъ, помогающихъ исполнять оныя, правилъ, извлеченныхъ изъ вѣрнаго знанія того, что справедливо, и соединенныхъ съ живымъ стремленіемъ къ общему благу, внушаемымъ тою любовью, которую проповѣдуетъ намъ религія... Знайте только одно, что въ наше бурное время необходимо, нежели когда-нибудь, чтобы государи своею жизнью, своимъ нравственнымъ достоинствомъ, своею справедливостью, своею чистою любовью общаго блага (т. е. къ общему благу) были образцами на землѣ и стояли выше остального міра. Нравственная сила непобѣдима; она въ душѣ государей хранитъ народы въ мирное время, спасаетъ ихъ во времена опасныя и во всякое время влечетъ ихъ къ тому, что назначилъ имъ Богъ, то-есть къ вѣрному благу, неразлучному съ человѣческимъ достоинствомъ. Толпа можетъ имѣть силу матеріальную; но сила нравственная въ душѣ государей: ибо они могутъ бытъ дѣятельными представителями справедливости и блага» *).

Изъ-за границы Жуковский привозитъ крайнее несочувствіе къ новымъ вѣяніямъ въ западно-европейской жизни. Онъ крайне недоволенъ «убійственно позитивнымъ вѣкомъ, когда все возвышающее душу засыпано земнымъ соромъ, когда нѣтъ святого, когда математическій гордый умъ гонитъ Бога съ Его мѣста, и когда образованность сдѣлалась плодомъ безъ зерна». Особенно «ужасаетъ» его Франція, гдѣ «достоинство человѣческое унижено, (все) свѣтлое раздавлено», гдѣ «не чувствуютъ нужды въ святынѣ».

Въ настроеніи западно-европейскаго общества Жуковский усмотрѣлъ призракъ «революціонной богини ума», и страхъ передъ этимъ призракомъ отразился въ той «горной философіи», которую онъ излагаетъ въ одномъ изъ писемъ къ цесаревичу. «Разрушать существующее, — внушаетъ Жуковский своему пятнадцатилѣтнему воспитаннику, — жертвуя справедливостью, жертвуя настоящимъ для возможнаго будущаго блага, есть опрокидывать гору на человѣческія жилища съ безумною мыслью, что можно *вдругъ* безплодную землю, на которой стоятъ они, замѣнить другою, болѣе плодоносною... Средство не оправдывается цѣлью; что вредно въ настоящемъ, т. е. истинное зло, хотя бы и было благодѣтельно въ своихъ послѣдствіяхъ, никто не имѣетъ права жерт-

* Письма Жуковскаго къ цесаревичу перепечатаны изъ «Русскаго Архива» въ VI томѣ сочиненій Жуковскаго. Изд. 8-е. Спб. 1885.

воватъ будущему настоящимъ и нарушатъ вѣрную справедливость для невѣрнаго возможнаго блага». Отсюда дѣлаются такіе практическіе выводы: «Иди шагъ за шагомъ за временемъ, вслушивайся въ его голосъ, и исполняй то, чего онъ требуетъ. Отставать отъ него столь же бѣдственно, какъ и перегонять его». Еще рѣзче и опредѣленнѣе выводы изъ «горной философіи» Жуковскаго формулированы въ его «Чертахъ исторіи государства Россійскаго», составленныхъ для наследника престола на основаніи исторіи Карамзина.

По возвращеніи изъ-за границы, Жуковскій опять замыкается на четыре года въ свой кабинетъ и въ свою «учебную горницу», гдѣ почти не видитъ свѣта «отъ лѣни и недосуга». Но теперь у него нѣсколько больше свободнаго времени, чѣмъ прежде, хотя ему приходится руководить занятіями не только цесаревича, но и великихъ князей и великаго князя Константина Николаевича. По возвращеніи изъ-за границы Жуковскій позволяетъ себѣ даже такую роскошь, какъ еженедѣльные вечера, на которые собираются литературныя, ученныя и артистическія знаменитости Петербурга, въ томъ числѣ Пушкинъ, Гоголь, Крыловъ и др.

Въ 1837 году обученіе наследника заканчивается, и Жуковскій сопровождаетъ его въ путешествіи по Россіи и по Европѣ, а по окончаніи путешествія считаетъ свою миссію законченной и покидаетъ придворную службу съ чиномъ тайнаго совѣтника и содержащемъ въ 32 тысячи рублей ассигнаціями. Женитьба отрываетъ поэта отъ горячо любимаго имъ отечества, отъ «благословенной Россіи», но связь его со своими царственными учениками и ученицами не прерывается. Великіе князья поддерживаютъ письменныя сношенія со своимъ бывшимъ наставникомъ до самой его смерти, дѣлятся съ нимъ своими семейными радостями и выслушиваютъ его совѣты. Жуковскій на коротенькія письма своихъ бывшихъ учениковъ отвѣчаетъ длиннѣйшими посланіями, въ которыхъ подробно рассказываетъ о своей заграничной жизни, дѣлятся съ великими князьями своими взглядами на политическія событія западной Европы и при этомъ никогда не упускаетъ удобнаго случая подать руководящій совѣтъ политическаго или нравственнаго характера. Давать цесаревичу совѣты и вообще говорить съ нимъ вполне откровенно Жуковскій считаетъ своимъ «святымъ правомъ», и великій князь съ своей стороны не думаетъ отрицать этого права. «Вѣрность моя къ вамъ,—пишетъ Жуковскій уже въ 1839 г.,—должна теперь состоять въ томъ, чтобы я безъ оглядки передавалъ вамъ тѣ чувства и мысли, кои будутъ мнѣ казаться правдою. Другой даніи приносить вамъ не могу; но эта дань святая».

Въ заграничныхъ письмахъ Жуковскаго къ цесаревичу мы найдемъ программы «великихъ реформъ», ознаменовавшихъ царствованіе императора Александра II, но встрѣтимъ новыя варіаціи тѣхъ совѣтовъ общаго характера, которые были преподаны раньше подѣ

видомъ уроковъ исторіи и выводовъ изъ «горной философіи», и которые были направлены противъ рѣзкихъ переѣнъ въ жизни народовъ. «Бойтесь опаснаго правила,—писалъ, между прочимъ, Жуковский въ 1843 году,—которое столько зла надѣлало на свѣтѣ, правила, что для общаго блага, такъ называемаго государственнаго блага, надобно жертвовать частнымъ (другими словами, для общаго блага позволять себѣ частныя несправедливости)».

Но не въ урокахъ «горной философіи» заключается заслуга Жуковского передъ Россіей въ качествѣ воспитателя цесаревича. Его заслуга въ томъ, что онъ содѣйствовалъ развитію у своего воспитанника уваженія къ человѣку и «добраго сердца, готоваго на все хорошее и благородное», что было признано самимъ императоромъ Николаемъ I. Богѣ чѣмъ кто-либо другой, Жуковский содѣйствовалъ исполненію того пожеланія, которое онъ высказалъ еще въ 1818 году, чтобы будущій государь «на чредѣ высокой не забылъ святѣйшаго изъ званій: *человѣкъ!*» «Сѣмена правды и добра,—говоритъ біографъ императора Александра II,—вложенныя въ его отзывчивую душу... въ особенности Жуковскимъ, разрослись въ ней пышнымъ цвѣтомъ. Возвышенному идеалу человѣчности Александръ II остался вѣренъ до конца. Имъ воодушевлены были его помыслы и дѣйствія». Этотъ идеаль, съ одной стороны, и ходъ исторической жизни, съ другой—оказались сильнѣе «горной философіи» человѣка, всю свою жизнь смотрѣвшаго на дѣйствительный міръ сквозь затуманенныя очки мечтателя, и гуманный императоръ, вопреки совѣтамъ своего наставника, ради общаго, государственнаго блага не остановился передъ коренными реформами, при которыхъ неизбѣжны «частныя несправедливости».

VIII.

Педагогическая дѣятельность Жуковского неблагоприятно отражается на его творчествѣ. Тѣ пятнадцать лѣтъ, которыя онъ отдаетъ воспитанію царскихъ дѣтей, въ поэтическомъ отношеніи оказываются наименѣе производительными годами его жизни. Въ нѣкоторые годы этого періода онъ не написалъ почти ни строчки для печати или написалъ одно-два небольшихъ стихотворенія и то случайнаго происхожденія. Только начало и конецъ тридцатыхъ годовъ отмѣчены временнымъ подъемомъ его творчества. Особенно продуктивенъ 1831 годъ, когда у Жуковского оказывается сравнительно больше свободнаго времени вслѣдствіе того, что въ 1830 году закончился подготовительный періодъ обученія наслѣдника. Долго сдерживаемая потребность творчества просыпается у Жуковского съ необыкновенною силою, и въ теченіе одного 1831 года онъ даетъ болѣе поэтическихъ произведеній, чѣмъ въ теченіе цѣлыхъ девяти предыдущихъ лѣтъ. Онъ переводитъ (изъ Гердера) романсы о Сидѣ, баллады Шиллера, Соути,

Уланда, Бюргера («Ленора»), идилліи Гебеля; въ поэтическомъ состязаніи съ Пушкинымъ онъ перелагаетъ въ стихи народныя сказки; пишетъ правоучительныя повѣсти въ стихахъ; даетъ юмористическую «Войну мышей и лягушекъ»; вмѣстѣ съ Пушкинымъ откликается на взятіе Варшавы двумя патріотическими пѣснями, наконецъ, даетъ нѣсколько элегій. Въ произведеніяхъ 1831 года мы находимъ отраженіе почти всѣхъ литературныхъ вкусовъ Жуковскаго и всѣ почти основныя мотивы его поэзіи: тутъ и романтическая тоска, и романтическое стремленіе *туда*, куда недавно еще ушла вторая любимая его племянница, Воейкова, и ультраромантическая фантастика, и тяготѣніе къ идиллической жизни и желаніе проникнуться народностью, и прописная мораль, и юморъ, и патріотическое, и религіозное воодушевленіе и, наконецъ, неудачная любовь, на этотъ разъ къ фрейлинѣ Россетъ (Смирновой).

Третье и четвертое заграничныя путешествія также отражаются на творествѣ Жуковскаго, хотя и не такъ благоприятно, какъ первое путешествіе. Въ Верне онъ написалъ «Судъ въ подземельѣ» *), перевелъ нѣсколько балладъ Уланда и балладу Шиллера «Элевзинскій праздникъ». Тамъ же былъ начатъ и переводъ знаменитой «Ундины», оконченный лѣтомъ 1836 года въ окрестностяхъ Дерпта. Изъ четвертаго заграничнаго путешествія Жуковскій привозитъ написанную въ Римѣ драматическую поэму «Камозенсъ», въ которой дѣлаетъ много автобіографическихъ признаній и высказываетъ свои любимыя мысли о пользѣ страданія,

Страданіемъ душа поэта врѣзетъ,
Страданіе—святая благодать

и свой возвышенный взглядъ на поэзію и ея задачи.

Поэзія небесной религіи сестра земная...
Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли,—

говоритъ Жуковскій устами Камозенса.

Если педагогическая дѣятельность Жуковскаго неблагоприятно отражается на его поэтическомъ творествѣ, зато связанная съ этой дѣятельностью близость къ императорскому двору даетъ поэту широкую возможность служить «благотворенію», о чемъ онъ мечталъ еще въ Мишенскомъ, когда и самъ нуждался въ посторонней помощи и могъ дарить несчастныхъ только «слезою». Всѣ, кто, сколько-нибудь зналъ Жуковскаго, единогласно говорятъ о необыкновенной добротѣ его сердца, которое заставляло поэта горячо откликаться на чужое горе и оказывать роднымъ, друзьямъ, знакомымъ и даже незнакомымъ людямъ всевозможнаго рода услуги, начиная съ доброжелательнаго совѣта и кончая матеріальной помощью или ходатайствомъ передъ сильными міра сего. «Списокъ добрыхъ дѣлъ Жуковскаго, — говоритъ

*) Содержаніе взято у В. Скотта.

г. Баргеновъ, — разнообразіе и обильіе списка его сочиненій», и мнѣніе это нельзя считать крайнимъ преувеличеніемъ, хотя, конечно, полного списка добрыхъ дѣлъ Жуковскаго мы никогда не будемъ имѣть. Мы можемъ имѣть только нѣкоторое представленіе объ этомъ списокѣ, читая заявленія, что Жуковскій былъ «щедръ до расточительности», что на счетъ денегъ онъ былъ «живой прорѣхой», что ему «не разъ случалось опорожнять свои карманы въ руки бѣдныхъ», что на гѣстницѣ его квартиры постоянно толпились бѣдняки и просители разнаго рода и т. д. Конечно, болѣе всего «были осыпаны благодареніями» поэта его родственники. Достаточно напомнить, что въ 1814 году онъ отдаетъ весь свой капиталъ въ приданое Воейковой, а послѣ ея смерти обезпечиваетъ ее дочерей новымъ капиталомъ въ 115 тысячъ руб. асс., вырученнымъ отъ продажи своего дерптскаго имѣнія. Но не мало получали отъ добраго поэта и лица, ему совершенно незнакомыя. Если вѣрить Смирновой, Жуковскій въ одинъ годъ роздалъ изъ собственныхъ средствъ восемнадцать тысячъ руб. асс. А сколько денегъ онъ выпросилъ для цѣлей благотворенія у своихъ богатыхъ знакомыхъ, у своихъ учениковъ и ученицъ, а также у государя и государыни! Жуковскій до того надоѣлъ своими просьбами, что принужденъ былъ прибѣгать къ разнаго рода уловкамъ, чтобы заставить высочайшихъ особъ расщедриться. Однажды ему надо было собрать три тысячи рублей, чтобы выкупить крѣпостного живописца на свободу. И вотъ онъ является во дворецъ съ рядомъ рисунковъ, на которыхъ представлена вся невыносимая жизнь крѣпостного художника. Зрители и зрительницы любятъ рисунками, жалѣютъ художника и, въ концѣ концовъ, собираютъ требуемую за его свободу сумму.

Это не единственный случай освобожденія талантливаго человѣка отъ крѣпостной зависимости, благодаря стараніямъ Жуковскаго. Достаточно напомнить, что извѣстный профессоръ, цензоръ, академикъ и авторъ «Дневника» Никитенко и знаменитый украинскій поэтъ Шевченко получили свободу при ближайшемъ содѣйствіи Жуковскаго. Можно составить цѣлый списокъ менѣе извѣстныхъ лицъ, получившихъ свободу, благодаря Жуковскому, и въ этотъ списокъ войдутъ не только художники и стихотворцы-самоучки, но и «простые русскіе люди», какъ, напримѣръ, престарѣлая мать и братъ Никитенки, для освобожденія которыхъ Жуковскому достаточно было написать письмо къ графу Шереметеву. Еще важнѣе заслуги Жуковскаго въ качествѣ ходатая и заступника за лицъ, возбудившихъ подозрѣніе и недовольство «властей предрержащихъ» или же подвергшихся опалѣ. Особенно близко принимаетъ онъ къ сердцу несчастія своихъ собратій по перу. Еще въ царствованіе императора Александра I, благодаря Жуковскому, прибѣгнушему къ посредничеству князя А. Н. Голицына, Баратынскій, служившій простымъ солдатомъ, производится въ первый офицерскій чинъ и такимъ образомъ спасаетъ свой талантъ, такъ какъ получаетъ воз-

возможность выйти въ отставку. Въ 1826 году Жуковскій является главнымъ виновникомъ примиренія Пушкина съ правительствомъ. Въ 1829 г. онъ вступается за князя Вяземскаго, навлекшаго неудовольствіе государя своимъ либерализмомъ и частною жизнью, «вокетъ» за него и перомъ, и словомъ и, въ концѣ концовъ, содѣйствуетъ превращенію «вольнодумца» въ вице-директора департамента вѣшной торговли. Въ 1832 году горячее и эвергическое заступничество Жуковскаго спасаетъ И. Кирѣевскаго отъ высылки изъ столицы послѣ запрещенія «Европейца». Въ 1837 году ходатайство Жуковскаго содѣйствуетъ переводу Герцена изъ Вятки во Владиміръ и т. д., и т. д.

Доброе сердце Жуковскаго заставило его приложить не мало стараній и для облегченія участи декабристовъ. Самъ онъ уклонился отъ участія въ тайныхъ обществахъ, заявивъ князю Трубецкому въ 1819 г., что не чувствуетъ себя настолько добродѣтельнымъ, чтобы надѣяться на осуществленіе тѣхъ высокихъ цѣлей, которыя намѣчены «Союзомъ Благоденствія». Впослѣдствіи, послѣ 14 - го декабря, онъ осыпаетъ декабристовъ цѣлымъ градомъ ругательствъ: онъ называетъ ихъ «сволочью», «шайкой разбойниковъ», «мелкой дрянью», «малодушными подлецами» и т. д. (Письма къ Тургеневу, стр. 209 — 210). Но эти ругательства не помѣшали Жуковскому вскорѣ же явиться ходатаемъ за отдѣльныхъ декабристовъ и вступить съ нѣкоторыми изъ нихъ въ переписку. Жуковскому же, главнымъ образомъ, обязаны нѣкоторые декабристы улучшеніемъ своего положенія послѣ проѣзда на слѣдника по Западной Сибири. Особенно много сдѣлалъ Жуковскій для облегченія участи Николая Тургенева, заочно приговореннаго къ смертной казни, хотя онъ считалъ себя совершенно непричастнымъ къ заговору. Тургеневъ лишился отечества, но спасъ свою свободу, не явившись на судъ, потому что Жуковскій передалъ ему совѣтъ императора не возвращаться въ Россію. Впослѣдствіи Жуковскій передалъ государю оправдательную записку Тургенева и добивался даже пересмотра его дѣла и полнаго оправданія своего школьнаго товарища и друга. Старанія эти не увѣчались успѣхомъ, но зато Николай Тургеневъ получилъ возможность жить за границей на полной свободѣ, не опасаясь выдачи русскому правительству.

Своимъ положеніемъ Жуковскій пользовался и для исходатайствованія матеріальной помощи русскимъ и даже иностраннымъ писателямъ и художникамъ. Такъ въ 1826 году онъ обращаетъ вниманіе государя на матеріальную необезпеченность умирающаго Карамзина и его семейства, и государь за девять дней до кончины исторіографа утѣшаетъ его лестнымъ рескриптомъ и указомъ о назначеніи его семьѣ огромной пенсіи въ пятьдесятъ тысячъ рублей асс. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ Жуковскій является ходатаемъ за Гоголя, и авторъ «Ревизора» получаетъ крупныя субсидіи изъ шкатулки императора и на слѣдника.

Но и помимо придворныхъ связей, однимъ личнымъ своимъ участіемъ Жуковскій много сдѣлалъ для отдѣльныхъ русскихъ писателей въ самыя трудныя минуты ихъ жизни. Извѣстны, напримѣръ, его чисто-отеческія заботы о Батюшковѣ, сошедшемъ съ ума, о Козловѣ, лишившемся зрѣнія, о декабристѣ Кюхельбекерѣ, о Кольцовѣ, положеніе котораго и въ родной семьѣ и въ воронежскомъ обществѣ рѣзко измѣнилось къ лучшему послѣ того, какъ Жуковскій посѣтилъ поэта-прапола во время путешествія съ цесаревичемъ. Видную роль сыгралъ Жуковскій и въ жизни Пушкина, особенно тогда, когда великій поэтъ предавался отчаянію въ псковской глуши и даже собирался бѣжать за границу. Письма Жуковского были цѣлительнымъ бальзамомъ для ожесточенной души опальнаго поэта и болѣе чѣмъ что - либо другое содѣйствовали его успокоенію. Въ этихъ письмахъ Жуковскій признаетъ у Пушкина не просто дарованіе, а геній, предоставляетъ ему «первое мѣсто на русскомъ Парнассѣ», пророчитъ ему самую блестящую будущность, но при одномъ только условіи, если съ «высокостью генія» будетъ соединена и «высокость цѣли», если жизнь поэта перестанетъ быть «забавной эпиграммой» и сдѣлается «возвышенной поэмой», потому что «талантъ ничто, главное: величіе нравственное». «Прошу покорнѣйше, — пишетъ Жуковскій 23 сентября 1825 года, — уважать свою жизнь и помнить, что можешь сдѣлать съ ней много прекраснаго, несмотря ни на какія обстоятельства... Слава побѣдитъ обстоятельства, въ этомъ я увѣренъ... Перестань быть эпиграммой, будь поэмой *)».

Всѣ приведенные факты, а число ихъ при желаніи можно значительно увеличить, даютъ право считать Жуковского добрымъ геніемъ русской литературы. Какъ ни тяжело было положеніе русской литературы при императорѣ Николаѣ I, оно, по всей вѣроятности, было бы еще безотраднѣе, если бы вблизи престола не было такого человѣка, какъ Жуковскій, сумѣвшій внушить уваженіе къ собственной личности и къ той профессіи, которую онъ считалъ службой отечеству. Жуковскій, самъ страдавшій отъ строгой цензуры, несмотря на всю свою благонамѣренность, не могъ не жалѣть, что «существуетъ какое-то предубѣжденіе противъ всякой литературной дѣятельности». Онъ былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что «общество безъ литературы такъ же существовать не можетъ, какъ человѣкъ безъ языка»; что «народъ безъ литературы то же, что глухонѣмой». И это свое убѣжденіе Жуковскій, конечно, постарался передать своему воспитаннику вмѣстѣ съ совѣтами уважать общественное мнѣніе, любить и уважать противорѣчія и «покоряться власти убѣжденія и справедливости».

*) Письма Жуковского къ Пушкину напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» за 1869 годъ.

IX.

Послѣ прекращенія своей педагогической дѣятельности Жуковскій думалъ покинуть дворъ и провести остатокъ своихъ дней въ Муратовѣ, вмѣстѣ съ Екатериной Аванасьевной Протасовой и дѣтями внуками. Но этому намѣренію не суждено было осуществиться. Лѣтомъ 1840 года въ Дюссельдорфѣ на пятьдесятъ восьмомъ году своей жизни Жуковскій дѣлается женихомъ восемнадцатилѣтней дочери своего друга Рейтерна, а черезъ годъ происходитъ его свадьба. Этотъ неравный бракъ не можетъ не вызвать горькой усмѣшки и въ свое время не мало повредилъ поэту даже во мнѣніи близкихъ ему лицъ. И самъ Жуковскій не могъ не чувствовать всей неловкости своего положенія и постарался подробнѣйшимъ образомъ объяснить всѣ обстоятельства, заставившія его рѣшиться на бракъ съ дѣвушкой, которая была втрое моложе его. Поэтъ давно уже любовался своей будущей женой, какъ «райскимъ видѣніемъ» и «образомъ Рафаэлевой Мадонны», и въ то же время сознавалъ невозможность того счастья, о которомъ онъ мечталъ столько лѣтъ. Но вопреки ожиданіямъ невозможное оказалось возможнымъ. Молодая и красивая дѣвушка уже любила поэта, и при первомъ же откровенномъ разговорѣ это обнаружилось вполне ясно. «Отвѣтъ ея,—пишетъ Жуковскій своимъ роднымъ,—былъ въ двухъ словахъ: «je n'ai pas besoin de réfléchir» *)). Съ этимъ она кинулась во мнѣ на шею».—Въ этой любви поэтъ усмотрѣлъ не «минутную вспышку души, разгоряченной романтическимъ воображеніемъ», а романтическое «средство душъ», и принялъ неожиданное счастье, какъ даръ Провидѣнія. «Я не искалъ, я не выбиралъ, я не имѣлъ нужды долго думать, чтобъ рѣшиться,—говоритъ Жуковскій въ томъ же письмѣ,—нашло, выбрало и рѣшило за меня Провидѣніе, которое, очевидно, все устроило».

Въ новую жизнь Жуковскій вступаетъ съ очень скромными требованіями. Его идеалъ—спокойная, смиренная жизнь, посреди домашняго очага, безъ заботъ о завтрашнемъ днѣ, посвященная труду и заботамъ о томъ, чтобы «все дурное или испорченное жизнью поправить или привести въ порядокъ, чтобъ, наконецъ, разчестъся какъ должно со всѣмъ здѣшнимъ, подвести подъ жизнь итогъ и собрать какъ можно болѣе на дорогу въ другую жизнь». Для осуществленія этого идеала онъ поселяется за границей, живетъ сначала въ Дюссельдорфѣ, а потомъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ и на первыхъ порахъ переживаетъ со своимъ «милымъ, добрымъ и нѣжнымъ товарищемъ» минуты полного счастья. Къ сожалѣнію, это полное счастье было очень непродолжительно. Всего черезъ семь мѣсяцевъ послѣ свадьбы Жуковскій уже признается цесаревичу, что «семейная жизнь есть школа терпѣнія», что онъ успѣлъ уже прочитать «все предисловіе» своего будущаго и

*) «Мнѣ не нужно размышлять» (о сдѣланномъ предложеніи).

видать передъ собой не только радостныя, но и печальныя страницы жизненной книги. Но какъ ни готовился Жуковскій заранѣе къ жизненнымъ испытаніямъ и терніямъ семейной жизни, какъ ни запасался онъ заблаговременно терпѣніемъ и покорностью Провидѣнію, удары судьбы, упавшіе на его старческія плечи, оказались чувствительнѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. «Вся моя жизнь разбита въ дребезги»,—пишетъ онъ своему бывшему воспитаннику въ 1848 году.—Того, что называется обыкновенно счастьемъ, семейная жизнь не дала мнѣ: ибо вмѣстѣ съ тѣми радостями, которыми она такъ богата, она принесла съ собою тяжкія, мною прежде не испытанныя тревоги, которыхъ число едва ли не переищиваетъ число первыхъ почти вдвое». Дѣло въ томъ, что послѣ первыхъ неудачныхъ родовъ жены Жуковскій дважды испытываетъ счастье быть отцомъ, но за это счастье ему приходится заплатить здоровьемъ матери, страданія которой отравляютъ поэту конецъ его жизни.

Первыя страданія жены и собственныя немощи заставляютъ Жуковскаго кочевать по германскимъ курортамъ и мѣшаютъ ему возвратиться въ Россію. Послѣ того, какъ разразилась февральская революція, отразившаяся въ Германіи и заставившая Жуковскаго удалиться изъ Франкфурта, онъ уже отправилъ часть своихъ пожитковъ въ Петербургъ; но болѣзнь жены снова задерживаетъ поэта въ опротивѣвшей ему Германіи и заставляеть его вести «полутрактирную жизнь». Лѣтомъ 1851 года, за годъ до своей смерти Жуковскій снова собирается въ Россію и даже поручаетъ Зейдлицу нанять квартиру въ Дерптѣ, но почти наканунѣ отъѣзда поэта поражаетъ слѣпота. «Слѣпой или зрячій» онъ предполагаетъ вернуться въ Россію въ маѣ 1852 года, но за мѣсяць до назначеннаго срока поэтъ умираетъ въ Баденъ-Баденѣ, и въ Россію возвращается только его прахъ.

Послѣднія десять лѣтъ жизни Жуковскаго были для него временемъ тяжелыхъ испытаній, настолько тяжелыхъ, что по сравненію съ ними вся прежняя жизнь его казалась ему «поэтическимъ сномъ». Только въ трудѣ и религіи находитъ онъ забвеніе житейскихъ невзгодъ и спасенія отъ полнаго отчаянія. За границей Жуковскій, говоря его собственными словами, изъ «тайственно-заносчиваго романтика» превращается «въ смирнаго классика» и погружается въ область «первобытной свѣтлой поэзіи, которая живетъ дѣвственными преданіями древности и образуетъ особенный міръ, недоступный земному грязному эгоизму». Въ Германіи онъ оканчиваетъ переводъ «Наля и Дамаянти», переводитъ «Рустема и Зораба», наконецъ, переводитъ «Одиссею», при чемъ смотритъ на этотъ трудъ, какъ на любимое дѣтище своей музы, какъ на «твердѣйшій памятникъ» своей поэтической дѣятельности и даже какъ на противоядіе современной ему литературѣ, принявшей, по его мнѣнію, «уродливое, безнравственное, лишенное всякаго очарованія направленіе». Пристрастію Жуковскаго къ «первобытной поэзіи» мы

обязаны и поэтическими переложеніями русских и нѣмецкихъ сказокъ («Сказка о Иванѣ царевичѣ и сѣромъ волкѣ», «Котъ въ сапогахъ», «Тюльпанное дерево»), тогда какъ религіозно нравственное его настроеніе отражается въ такихъ произведеніяхъ, какъ «Капитанъ Бопль», «Сказка о мудрецѣ Керимѣ», «Выборъ креста» и др. Наконецъ, въ послѣдній годъ своей жизни, уже пораженный слѣпотой, Жуковский пишетъ при помощи особой машинки поэму «Странствующій жидъ», которую хочеть сдѣлать своей религіозно-поэтической исповѣдью. Но смерть прервала лебединую пѣснь поэта и не позволила ему исполнить и другое его намѣреніе—«оставить по себѣ въ наслѣдство отечеству полного Гомера». Точно такъ же не удалось Жуковскому довести до конца и задуманный имъ педагогическій трудъ—«первоначальный учебный курсъ» по особенной «мнемонико-логической методѣ», трудъ, который онъ считалъ еще важнѣе перевода «Илиады».

Кромѣ поэтическихъ и педагогическихъ трудовъ, послѣдніе годы жизни Жуковского отмѣчены цѣлымъ рядомъ небольшихъ трактатовъ самаго разнообразнаго содержанія. Въ этихъ трактатахъ и въ писмахъ поэта мы находимъ наиболѣе полное и рѣзкое выраженіе того міросозерпанія, которое складывалось у Жуковского въ теченіе всей его жизни и вполнѣ опредѣлилось подъ влияніемъ семейныхъ испытаній и заграничныхъ впечатлѣній. Болѣзнь жены и безпокойство о будущей судьбѣ дѣтей, съ одной стороны, влияніе пѣтистовъ и сношенія съ Тоголемъ, впавшимъ въ крайній мистицизмъ, съ другой, содѣйствовали развитію тѣхъ элементовъ мистицизма и пѣтизма, которые давно уже были заложены въ религіозномъ настроеніи Жуковского. Преданность волѣ Божіей, покорность, смиреніе, благотворное влияніе житейскихъ испытаній—всѣ эти излюбленныя мысли Жуковского встрѣчаются почти на каждой страницѣ его заграничныхъ разсужденій и посланій.

Религіозное настроеніе поэта отражается рѣшительно на всѣхъ его разсужденіяхъ, идетъ ли дѣло о морали, о философіи, о политикѣ, о воспитаніи, о наукѣ, о литературѣ или, наконецъ, объ искусствѣ.

Легко представить, какъ отнесется къ западно-европейской жизни человѣкъ, который еще въ 1833 году призывалъ религію для спасенія цивилизаціи, а черезъ десять лѣтъ послѣ того успѣлъ сдѣлаться крайнимъ пѣтистомъ. Если изъ третьяго своего заграничнаго путешествія Жуковский возвращается съ крайнимъ нерасположеніемъ къ новымъ вѣяніямъ, предшествовавшимъ политическимъ событіямъ 1848—1849 годовъ, то жизнь за границей еще болѣе усиливаетъ его нерасположеніе къ этимъ вѣяніямъ, въ которыхъ онъ усматриваетъ симптомы приближающейся революціи. Парижъ представляется ему «вулканомъ, изъ котораго выходятъ вредныя пары, разливающіе свое вулканическое дѣйствіе на весь европейскій міръ». «Одна революція кончилась,—пишетъ онъ цесаревичу въ январѣ 1848 года,—другая готова вступить въ ея колеины... Теперь дѣло идетъ уже не о преобра-

зованіи политическомъ, не о разрушеніи вѣковыхъ привилегій и созданіи историческихъ (это уже совершенно прежнею революціею), а просто объ уничтоженіи различія между *твоей* и *моей* или, лучше сказать, о превращеніи *твоею* въ *мое*. Аристократія уничтожена въ пользу средняго состоянія, говорятъ новѣйшіе историки, напимѣръ, Луи-Бланъ; среднее состояніе должно уступить народу... И уже провозглашено во услышаніе всѣмъ великое правило, правило практическихъ реформаторовъ, извлеченное изъ доктринъ новѣйшей философіи и весьма понятное ученикамъ ея въ лохмотьяхъ: *la propriété c'est le vol* *). И для утвержденія въ умахъ этого правила все сдѣлано. Главное разрушеніе антирелигіозное произведено доктрянами разврата въ классѣ низшемъ. Туда, гдѣ царствуетъ нужда, огорчающая и раздражающая душу, голосъ искушенія, проповѣдующій ненависть, хищничество, отверженіе всякой власти, презрѣніе долга и отверженіе Божія промысла, проникаетъ съ быстротою смертоносной чумы, и тѣмъ быстрѣе, что всѣ предохранительныя и цѣлительныя средства противъ заразы напередъ уничтожены и что безсмысліе невѣжества съ жадностью принимаетъ ученіе, столь благопріятное страстямъ и потворствующее раздраженію, производимому бѣдствіями жизни, противъ которыхъ ничто не даетъ душѣ ни твердости, ни смиренія. Это всеобщее отверженіе всякой святости называется *свободою*, движеніемъ, торжествомъ человечества, освобожденіемъ разума.

Для проникнутаго такой «дьявольской необузданностью» времени кроткій Жуковский считаетъ даже необходимымъ появленіе «жегѣзнаго Наполеона со своими мѣдными пушками». Когда же поэтъ захватываетъ водоворотъ политическихъ бурь и заставляеть его съ большой женой и малѣнькими дѣтьми спастись бѣгствомъ изъ Франкфурта, а потомъ изъ Бадена, тогда онъ не находитъ достаточно рѣзкихъ выраженій по адресу революціи и ея дѣятелей. «Тутъ и сатанинскіе визги нашего времени», и «ядовитыя доктрины нашего умствующаго вѣка», и «анархія во всей звѣрской своей красотѣ», и «мифическое зловоніе бунтующей толпы», и «франкфуртская болтовня», и «буйство развратнаго книгопечатанія» и т. д., и т. д. Что касается дѣятелей революціи, то для нихъ у Жуковского не нашлось другого эпитета, какъ «грязные политическіе разбойники».

Столь же безпощаднымъ и несправедливымъ оказывается Жуковский и по отношенію къ современной ему западно-европейской литературѣ. Уже въ тридцатыхъ годахъ онъ относится съ ненавистью къ французской литературѣ, гдѣ видитъ царство «дерзкаго матеріализма» и совершенное равнодушіе къ добру и злу. За границей Жуковскому еще болѣе «противѣла» «коввульсивная», «истерическая», «мучящая

*) «Собственность — кража». Выраженіе Прудона.

душу», «чудовищная поэзія нашего вѣка, разрушающая всякую святѣю» и проникнутая «буйствомъ всеразрушающаго демократизма».

Ни одного изъ современныхъ поэтовъ Жуковскій не находитъ возможнымъ рекомендовать въ «товарищи жизни» на ряду съ Гомеромъ, Данте, Шекспиромъ, Мильтономъ и греческими трагиками. Когда-то онъ съ энтузіазмомъ относился къ Гейне, но теперь и этотъ величайшій изъ современныхъ ему германскихъ поэтовъ сдѣлался въ его глазахъ «хулителемъ всякой святѣи», «собирателемъ и провозгласителемъ всего низкаго, отвратительнаго и развратнаго», «темнымъ демономъ, насмѣшливо являющимся въ образѣ свѣтломъ, чтобы прелестію красоты заманить насъ въ свою грязную бездну». Даже Байронъ, этотъ «духъ отрицанія, гордости и презрѣнія», симпатичнѣе Жуковскому, чѣмъ Гейне, потому что, несмотря «на губительную силу его поэзіи, влекущую въ бездну сатанинскаго паденія», онъ не «подвергаетъ въ безнадежность сердце, не волнуетъ чувственность». Идеаль поэта и писателя воплощается для Жуковскаго въ лицѣ Вальтера-Скотта и Карамзина. Вальтеръ-Скоттъ поэтъ въ прямомъ смыслѣ этого слова и будетъ жить во всѣ времена «благодѣтелемъ души человѣческой», потому что, имѣя «въ душѣ идеаль прекраснаго, любовь къ добру и вѣру въ Бога», онъ коснулся всѣхъ сторонъ жизни и человѣка, отъ самыхъ возвышенныхъ и божественныхъ до самыхъ низкихъ и безобразныхъ, но «нигдѣ не оскорбилъ красоты». Карамзинъ также прошелъ по землѣ «ангеломъ свѣта» и въ своей исторіи оставилъ отечеству «вѣчное завѣщаніе на вѣру въ Бога, на любовь къ благу и правдѣ, на благоговѣніе передъ всѣмъ высокимъ и прекраснымъ». Съ высоты такого идеала Жуковскій подвергаетъ рѣзкому осужденію не только иностранную, но и русскую литературу. «Теперешняя русская литература,—пишетъ онъ декабристу фанъ-деръ-Бриггену,—то же, что всѣ почти иностранныя литературы, съ тою только разницею, что состояніе нѣмецкой и французской литературы есть паденіе съ высоты, а у насъ просто паденіе. Ибо наша литература не черезъ святилище науки перешла на базаръ торгашей; а прискакала туда прямо проселочною дорогою и носить по толкучему рынку свое тряпье, которое съ смѣшною самоувѣренностью выдаетъ за цѣнный товаръ, не имѣя втайнѣ иного намѣренія, какъ только сбыть его по дорожѣ съ рукъ». Неодобреніе Жуковскаго не останавливается даже передъ величайшими созданіями Пушкина и Лермонтова. «Избавьте насъ,—пишетъ онъ графу Соллогубу,—отъ противныхъ *Героевъ нашего времени*, отъ *Оптимистовъ* и прочихъ многихъ, имъ подобныхъ... которые всѣ суть не иное что, какъ бѣсы, вылетѣвшіе изъ грязной лужи нашего времени, начавшіеся въ утробѣ Вертера и расплодившіеся отъ Донъ-Жуана и прочихъ героевъ Байрона». Для того, чтобы «совершить назначеніе поэта», по мнѣнію Жуковскаго, «нужно съ презрѣніемъ» оттолкнуть отъ себя «тенденціи, оскверняющія поэзію», и слу-

жить не матеріальной чувственности, а «высшей правдѣ». Такой со-
вѣтъ онъ даетъ за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти Аполлону
Майкову.

Идеи и взгляды, выраженные Жуковскимъ въ послѣднее десяти-
лѣтіе его жизни, дали Шелгунову поводъ заявить, что «изъ невиннаго
романтика подъ старость вышелъ скучный и назойливый ретроградъ». Но было бы большой несправедливостью по отношенію къ Жуковскому
принять это мнѣніе безъ существенныхъ оговорокъ и ограниченій. Этотъ «ретроградъ» понимаетъ истинныя причины революціи въ Гер-
маніи, онъ понимаетъ, что «государи Германіи остались въ долгу у
своихъ народовъ», и что «безпрестанное пренебреженіе вѣчныхъ пра-
вилъ правительствами произвело, наконецъ, германскую революцію». Ругая дѣятелей революціи, онъ въ то же время сознаетъ невозмож-
ность возвратиться къ прежнимъ порядкамъ и даже пользуется послѣд-
нимъ урокомъ исторіи для того, чтобы внести существенное разъясненіе
въ свою «горную философію». «Революція,—пишетъ Жуковскій великому
князю Константину Николаевичу,—есть безумно-губительное усиліе
перескочить изъ понедѣльника прямо въ среду. Но и усиліе переско-
чить изъ понедѣльника назадъ въ воскресенье столь же напрасно и
столь же можетъ быть губительно. Одно есть революція *впередъ*, дру-
гое—революція *назадъ*». Золотою же серединою между этими противо-
положными крайностями Жуковскій провозглашаетъ «реформу во время...
по закону вѣчной правды».

Это не единственное заявленіе Жуковскаго, не позволяющее счи-
тать его ретроградомъ и даже узкимъ консерваторомъ. По его мнѣ-
нію, «одинъ строгій порядокъ, вслѣдствіе коего все на своемъ мѣстѣ,
еще не составляетъ благоденствія общественнаго... При порядкѣ должна
быть жизнь. Порядокъ есть и на кладбищѣ, и тамъ ничто его не на-
рушаетъ, но это порядокъ гробовъ. Чтобы было въ государствѣ благо-
денствіе, необходимо нужно, чтобы все, что составляетъ жизнь души
человѣческой, цвѣло безъ всякаго утѣсненія... Движеніе—святое дѣло:
все въ Божіемъ мірѣ развивается, идетъ впередъ и не можетъ и не
должно стоять. Неподвижность есть смерть непримѣтная, тихая, но
все же смерть, производящая только гниль. Движеніе, развитіе порядка,
постоянное, мирное, безъ потрясеній, но безпрестанное, есть жизнь». Этому закону движенія, по мнѣнію Жуковскаго, должны подчиняться
даже тѣ основныя силы, которыя «властвуютъ судьбою Россіи», то
есть—*самодержавіе и церковь*.

Такимъ образомъ, февральская революція не только не сдѣлала
Жуковскаго ретроградомъ, по крайней мѣрѣ въ вопросахъ внутренней
политики Россіи, но даже еще болѣе укрѣпила его прежнее убѣжденіе
въ необходимости развитія и движенія впередъ, а не назадъ *).

*) Отметимъ также, что до февральской революціи Жуковскій написалъ слѣ-

во взглядахъ Жуковскаго на взаимныя отношенія Россіи и Западной Европы произошла существенная перемена подъ впечатліивіями заграничной жизни и подъ вліаніемъ И. Кирѣевскаго и Хомякова, которыхъ онъ цѣнилъ очень высоко. Еще въ 1841 году Жуковскій съ благоговѣніемъ относится къ Петру Великому, какъ представителю «визудщей силы», вспахавшему «дикую почву Россіи» и засѣявшему ее сѣменами, которыя дали «богатую жатву для его потомковъ». А въ 1848 году, послѣ февральской революціи, тотъ же Жуковскій пишетъ цесаревичу о «насиліи, которое сдѣлала намъ могучая рука Петра, бросившая насъ на дорогу, намъ чуждую». Славянофильская идея о самобытности Россіи отнынѣ дѣлается любимой мыслью Жуковскаго. Россія представляетъ «отдѣльный, самобытный міръ», пишетъ онъ цесаревичу, и въ этой самобытности ея сила и значеніе. «Ходъ Россіи не есть ходъ Европы, а долженъ быть ея собственный; это говоритъ намъ вся наша исторія... Мы можемъ обойтись безъ Европы... Мы заняли образованіе у Европы и употребимъ его по своему и для себя... Мы будемъ не Азія, не Европа, мы будемъ Россія, самобытная, могучая Россія».— Въ своемъ нерасположеніи къ революціонной Европѣ Жуковскій доходитъ даже до заявленія, что «Россія... будетъ вдвое сильнѣе, когда все свое могущество устремитъ на свою внутренность, отгородивъ китайскою стѣною себя отъ заразы внѣшней». Но и славянофиломъ Жуковскій сдѣлался только отчасти, а не всецѣло. Такъ, напримѣръ, онъ не преклонился, подобно славянофиламъ, передъ народной вѣрой. Въ этомъ отношеніи крайне интересно письмо Жуковскаго своему духовнику о. Базарову. «Въ Германіи—говоритъ Жуковскій,—отъ само-толкованія произошло безвѣріе; у насъ отъ нетолкованія происходитъ мертвая вѣра, почти то же что безвѣріе. И едва ли мертвая вѣра не хуже самого безвѣрія. Безвѣріе есть бѣшенный, живой врагъ; онъ дерется, но его можно одолѣть и побѣдить убѣжденіемъ. Мертвая вѣра есть трупъ. Что можно сдѣлать изъ трупа?»

X.

Жуковскій занимаетъ почетное мѣсто въ исторіи русской литературы и считается однимъ изъ лучшихъ русскихъ поэтовъ не столько за свои оригинальныя произведенія, сколько за переводы. Да и самъ онъ не претендовалъ на имя оригинальнаго поэта и считалъ себя

дующія мысли о свободѣ: «Быть рабомъ есть несчастіе, происходящее отъ обстоятельствъ; любить рабство есть нивость; не быть способнымъ къ свободѣ есть испорченность, произведенная рабствомъ. Государь—въ высокомъ смыслѣ сего слова, отецъ подданныхъ—также не можетъ любить рабство своего народа и желать продолженія его, какъ отецъ не можетъ любоваться нивостью своихъ дѣтей». Послѣ же революціи онъ писалъ цесаревичу, что хотя въ Россіи и «есть искусственные пролетаріи, но правительство, которое само произвело ихъ, можетъ легко ихъ и уничтожить».

только переводчикомъ. Но переводчикъ онъ былъ необычный. «Переводчикъ въ прозѣ есть рабъ, переводчикъ въ стихахъ—соперникъ», писалъ Жуковский еще въ 1809 году. Переводчикъ по его мнѣнію, уступаетъ оригинальному поэту «пальму изобрѣтательности», но съ своей стороны необходимо долженъ имѣть «почти одинакое съ нимъ воображеніе, одинаковое искусство слога, одинакую силу въ умѣ и чувствахъ». Мало того. Переводчикъ долженъ воспринять идеалъ оригинальнаго поэта и «преобразить его въ созданіе собственнаго воображенія». Такимъ переводчикомъ-соперникомъ Жуковский и старался быть въ теченіе всей своей литературной дѣятельности. Еще Бѣлинскій замѣтилъ, что Жуковский «переводилъ особенно хорошо то, что гармонировало съ внутренней настроенностью его духа, и въ этомъ отношеніи бралъ свое вездѣ, гдѣ только находилъ его». Но далеко не всегда оказывалась *полная* гармонія въ настроеніи Жуковскаго и выбраннаго имъ для перевода образца. Тогда являлись на сцену отступленія отъ оригинала, отступленія, которыми или ослаблялся, или усиливался духъ подлинника, причемъ Жуковский не останавливался ни передъ какими купюрами и вставками. Такой передѣлкѣ подвергались не только лирическія пьесы, которыя Жуковский обыкновенно называлъ «подражаніями», но и эпическія и даже драматическія произведенія. Существенныя отступленія отъ подлинника встрѣчаются даже въ такихъ переводахъ, которые считаются шедеврами Жуковскаго и лучшими перлами переводной литературы, напримѣръ, въ «Орлеанской дѣвѣ», въ «Шильонскомъ узникѣ», въ балладахъ Шиллера, не говоря уже о такихъ передѣлкахъ подлинника и о такихъ подражаніяхъ, какъ «Камозисъ», «Рустемъ и Зорабъ», «Наль и Дамаянти». Даже переводъ «Одиссеи», несмотря на старанія переводчика «наблюдать не только вѣрность *поэтическую*, но и вѣрность *буквальную*», не остался чуждъ субъективной окраски, вслѣдствіе чего пострадали наивность и простодушіе гомеровскаго эпоса. А сколько у Жуковскаго заимствованныхъ сюжетовъ и такихъ произведеній, которыя въ собраніяхъ сочиненій выдаются за оригинальныя, хотя на самомъ дѣлѣ представляютъ или переводъ, или передѣлку иностранныхъ подлинниковъ! *)

Всѣ эти передѣлки, смягченія и поправки не могли не отразиться иногда довольно сильно на достоинствахъ переводовъ, изъ которыхъ одни слабѣе подлинниковъ, а другіе, наоборотъ, не только не уступаютъ имъ, но даже превосходятъ иностранныя образцы силою выраженія и художественностью языка. Но какъ ни различны достоинства переводовъ и передѣлокъ Жуковскаго, всѣ они въ такой же мѣрѣ, какъ и

*) Даже въ прозаическіе переводы, печатавшіеся въ «Вѣстникѣ Европы», вопреки заявленію: «переводчикъ въ прозѣ есть рабъ». Жуковский, по свидѣтельству Тихошарова, «вставляетъ нерѣдко по нѣскольку строкъ, выражающихъ его собственные мысли, чувства, впечатлѣнія».

оригинальныя его произведенія, отражаютъ душевное настроеніе поэта, который имѣлъ полное право въ концѣ своей жизни сказать: «у меня почти все чужое или по поводу чужого — и, однако, все мое». Въ настроеніи же нашего поэта особенно рѣзко выдѣлялись такіе элементы; какъ мечтательность, любовь къ фантастическому и таинственному, меланхолія, недовольство конечнымъ *здѣсь* и тяготѣніе къ безконечному *тамъ*. Эти романтическіе элементы, въ значительной степени унаслѣдованные отъ матери, съ теченіемъ времени еще болѣе усилились въ Жуковскомъ подъ вліяніемъ несчастной любви и потери лучшихъ друзей.

Съ такимъ душевнымъ настроеніемъ Жуковский не могъ удовлетвориться вполнѣ ни французскимъ классицизмомъ, отъ котораго онъ впрочемъ, освободился не сразу, ни сентиментализмомъ, которому онъ заплатилъ на первыхъ порахъ обильную дань. Наиболѣе родственные для него мотивы оказались въ нѣмецкой и отчасти въ англійской поэзіи романтизма, и Жуковский сдѣлался, по собственному его выраженію, «родителемъ на Руси нѣмецкаго романтизма и поэтическимъ дядькой чертей и вѣдьмъ англійскихъ». Начавши съ романтическихъ произведеній Бюргера, Шиллера и Гёте, онъ скоро дошелъ и до настоящихъ романтиковъ, но поэты нѣмецкаго романтизма въ тѣсномъ смыслѣ этого слова (Тикъ, Новалисъ, Гофманъ и др.) по духу и содержанию своихъ произведеній не оказались для него такими близкими, какъ Шиллеръ, Уландъ и Гебель. Изъ наиболѣе типичныхъ произведеній нѣмецкаго романтизма Жуковский усвоилъ русской литературѣ всего одну «Удиву» Ламотъ Фуке, но зато въ поэтической передѣлкѣ, далеко превышающей своими достоинствами подлинникъ, написанный прозой. Еще менѣе родственныхъ мотивовъ нашелъ Жуковский въ англійской литературѣ, изъ которой онъ взялъ одну поэму Байрона, отрывокъ изъ поэмы Мура и нѣсколько балладъ В. Скотта, Соути и др. Что касается французскаго романтизма, то онъ остался совершенно чуждымъ для нашего поэта.

Но хотя романтическое движеніе даже въ одной нѣмецкой литературѣ было усвоено Жуковскимъ только отчасти, все-таки внесенные имъ въ русскую литературу романтическіе элементы сыграли выдающуюся роль. Уже первыя переводныя и оригинальныя баллады Жуковского оказались для современниковъ «новымъ словомъ», которое жадно было воспринято одними и встрѣтило рѣзкое неодобреніе другихъ. «Одни,—по словамъ Бѣлинскаго,—видѣли въ его поэзіи новый міръ, и жизнь души и сердца и таинство поэзіи; другіе—талантливаго стихотворца, увлекающагося подражаніемъ уродливымъ образцамъ эстетическаго безвкусія нѣмцевъ и англичанъ». Съ одной стороны, «Людмила» и «Свѣтлана» вызвали цѣлый рядъ подражаній, такъ что, по ироническому выраженію Надеждина, «фантазія переселилась на кладбище, мертвецы и вѣдьмы потянулись страшною вереницею и литература наша огласилась дикими завываніями»; съ другой стороны, на-

водненіе русской литературы балладами вызвало рѣзкіе протесты противъ новаго направленія. Уже въ 1815 году князь Шаховской и Загоскинъ выступили въ своихъ комедіяхъ противъ «моднаго рода балладъ», причѣмъ первый не остановился даже передъ осмѣяніемъ заодно и лирики Жуковского. Въ слѣдующемъ году Гвѣдичъ, разбирая балладу Катенина «Ольга», пришелъ въ ужасъ при мысли о томъ, до какихъ крайностей могутъ дойти рыаные подражатели Жуковского. «Какой рядъ предвижу я убійць и мертвецовъ, удавленниковъ и утопленниковъ!—писалъ онъ.—Кто исчислитъ всѣ вымыслы творцовъ, для которыхъ нѣтъ ничего невозможнаго, нѣтъ ничего нестырнаго, нѣтъ ничего низкаго!» Вслѣдъ за Гвѣдичемъ выступилъ Мерзляковъ, бывший другъ Жуковского, и также подвергъ баллады рѣзкому осужденію съ точки зрѣнія ложно-классической теоріи. Онъ не находилъ также въ балладахъ «ни вѣроятія въ содержаніи, ни начала, ни конца, ни цѣли, ни худой, ни доброй». Критикъ подвергался не только новый «духъ», смѣшивавшій «всѣ правила цѣтики», не только обиліе фантастики, но даже языкъ. Такъ, Мерзляковъ на лекціяхъ приводилъ стихи Жуковского «въ примѣръ галиматіи», а одинъ изъ критиковъ имѣлъ даже храбрость поставить балладу «Рыбакъ» въ отношеніи языка *ниже* «Телемахида» Тредьяковскаго. Даже друзья поэта, тѣ самые «арзамасцы», которые носили шутивыя прозвища, заимствованныя изъ его балладъ, возстали противъ увлеченія романтизмомъ. Предложеніе Жуковского выпускать ежегодно по книжкѣ, главнымъ образомъ, нѣмецкихъ переводовъ не было принято членами «Арзамаса», и Батюшковъ по этому поводу въ 1817 году писалъ князю Вяземскому: «Я согласенъ съ тобою на счетъ Жуковского. Къ чему переводы нѣмецкіе?.. У нихъ все караченье и судороги».

Позже представители новыхъ общественныхъ и литературныхъ направленій отмѣтили въ романтизмѣ Жуковского еще болѣе крупныя недостатки. Такими критиками, какъ Бестужевъ-Марлинскій, Полевой и, наконецъ, Бѣлинскій, были указаны въ поэзіи Жуковского односторонняя мечтательность, неопредѣленность, туманность, мистицизмъ, недостатокъ мировыхъ идей, отсутствіе національныхъ элементовъ, отрѣшенность отъ времени и мѣста и т. п. Наиболѣе рѣзко подчеркнули эти недостатки декабристъ Рыгѣевъ. Возражая на мнѣніе Пушкина, что «Жуковский имѣлъ рѣшительное вліяніе на духъ нашей словесности», Рыгѣевъ въ февралѣ 1825 года написалъ слѣдующія строки: «Къ несчастью, вліяніе это было слишкомъ пагубно: мистицизмъ, которымъ проникнута большая часть его стихотвореній, мечтательность, неопредѣленность и какая-то туманность, которая въ немъ иногда даже прелестна, растлила многихъ и много зла надѣлала».

Но тѣ же самые критики указали и выдающіяся достоинства въ поэзіи Жуковского и еще при жизни поэта опредѣлили историческое значеніе его литературной дѣятельности. Несмотря на одностороннее

и неполное усвоеніе нѣмецкаго романтизма и даже идей и стремленій своего любимаго поэта Шиллера, Жуковский все же сдѣлался, по выраженію Бѣлинскаго, «литературнымъ Колумбомъ Руси, открывшимъ ей Америку романтизма въ поэзіи». Это новое направленіе оказалось настолько своевременнымъ, живучимъ и сильнымъ, что изгнало изъ русской литературы и такъ называемый псевдо-классицизмъ и сентиментализмъ, хотя оба эти направленія въ самомъ Жуковскомъ довольно долго уживались рядомъ съ романтическими тенденціями. Пусть Жуковский, по выраженію Полевого, успѣлъ схватить и разложить только одинъ изъ лучей западно-европейскаго романтизма—этого луча оказалось достаточнымъ, чтобы дать русской поэзіи «душу и сердце», «пробудить и воспитать чувство» и водворить его на мѣсто карамзинской «чувствительности». Пусть Жуковский далеко не всегда увлекался лучшими иностранными произведеніями, онъ все-таки усвоилъ намъ Шиллера и положилъ начало дальнѣйшему знакомству съ нѣмецкой литературой, которая, въ свою очередь, проложила дорогу нѣмецкой философіи, сыгравшей первостепенную роль въ исторіи русскаго просвѣщенія. Хотя въ литературномъ наслѣдствіи нашего поэта найдется не мало крайне нецѣпныхъ и даже вредныхъ въ нравственномъ отношеніи произведеній, въ родѣ нѣкоторыхъ балладъ Соути, нравственное и гуманизирующее вліяніе поэзіи Жуковскаго, въ общемъ, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Хотя въ патріотическихъ произведеніяхъ Жуковскаго и даже въ нѣкоторыхъ прославленныхъ его элегіяхъ слышатся отголоски державинскаго «паренія» и карамзинскаго риторства—это, во всякомъ случаѣ первый русскій поэтъ, поэзія котораго «вышла изъ жизни», у котораго «жизнь и поэзія—одно». Пусть, наконецъ, поэзіи Жуковскаго недостаетъ національныхъ элементовъ—во всякомъ случаѣ онъ расчистилъ дорогу и отшлифовалъ языкъ для величайшаго русскаго національнаго поэта.

Не только историческое, но и непреходящее значеніе поэзіи Жуковскаго было признано еще при жизни поэта, хотя это значеніе и было ограничено извѣстнымъ возрастомъ жизни и извѣстнымъ расположеніемъ духа. «Есть пора въ жизни человѣка,—говоритъ Бѣлинскій,—когда грудь его полна тревоги и волнуется тоскливымъ порываніемъ безъ цѣли, когда горячія желанія съ быстротой смѣняются одно другое, и сердце, желая многого, не хочетъ ничего; когда опредѣленность убиваетъ мечту, удовлетвореніе подсыкаетъ крылья желанію, когда человѣкъ любитъ весь міръ, стремится ко всему и не въ состояніи остановиться ни на чемъ; когда сердце человѣка порывисто бьется любовью къ идеалу и гордымъ презрѣніемъ къ дѣйствительности, и юная душа, расправляя мощныя крылья, радостно взвивается къ свѣтлому небу, желая забыть о существованіи земного праха... Правда, въ этой порѣ много односторонности, много ложнаго, больше фантазіи, чѣмъ сердца, и за ней непременно должна слѣдовать пора горячаго и

тяжелаго разочарованія... Но эта пора юношескаго энтузіазма есть необходимый моментъ въ нравственномъ развитіи человѣка,—и кто не мечталъ, не порывался въ юности къ неопредѣленному идеалу фантастическаго совершенства, истины, блага и красоты, тотъ никогда не будетъ въ состояніи понимать поэзію—не одну только создаваемую поэтами поэзію, но и поэзію жизни; вѣчно будетъ онъ влачиться низкой душой по грязи грубыхъ потребностей тѣла и сухого, холоднаго эгоизма». Въ такую пору жизни всегда будутъ краснорѣчиво говорить душѣ и сердцу человѣка поэты «душевнаго порыва къ неопредѣленному идеалу».

Послѣ смерти Жуковскаго сдѣланы были попытки преувеличить значеніе его литературной дѣятельности и поставить его даже выше Пушкина; съ другой стороны, въ эпоху шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, къ поэзии и даже къ личности Жуковскаго стали относиться съ преувеличенной строгостью, стали называть его «проповѣдникомъ общественнаго квіэтизма», поэтомъ томныхъ барышень и скучающихъ мужчинъ и т. д. Но всѣ эти крайнія мнѣнія, продиктованныя или обязаніемъ личности поэта или спеціальными точками зрѣнія, въ настоящее время должны быть сданы въ архивъ. Ставить Жуковскаго, какъ поэта, выше Пушкина въ настоящее время никому не придетъ въ голову. Едва ли также кто-нибудь рѣшится говорить ио «тлетворномъ вліяніи» поэтическихъ созданій того,

Кто всегда стоялъ на стражѣ
Влагодного всего;
Кто душою чистъ и кротокъ
Полный свѣжихъ, теплыхъ силъ
И другихъ любить и вѣрить
И надѣяться училъ;
Кто изъ низменнаго міра
Заблужденья и грѣха
Уносилъ въ иное царство
Силой чуднаго стиха—
Царство мысли просвѣтленной,
Царство любящей души,
Совидающей благое
Въ поэтической тиши,—
Кто кдалъ въ родную землю
Съ вдохновеннаго пера
Сѣмена высокой правды,
Примиренья и добра *).

С. Ашевскій.

*) Изъ юбилейнаго (1883 г.) стихотворенія П. И. Вейнберга.

ИТА ГАЙНЕ.

Повѣсть.

Роза Бильтротъ, или просто Роза, была факторшей, и въ ея большой и пустынной, какъ сарай, комнатѣ, исполнявшей роль справочной конторы, съ утра до ночи толкалось много женскаго народа. Но мадамъ Бильтротъ рѣдко можно было застать дома. Она имѣла огромное знакомство во всѣхъ концахъ города и за день едва успѣвала побывать во всѣхъ мѣстахъ, тѣмъ болѣе, что никогда не ѣздила, а для скорого передвиженія была уже не молода. Она была вдовой. Похоронивъ мужа лѣтъ тридцать тому назадъ, она, подобно большинству еврейскихъ женщинъ, не пожелала выйти вторично замужъ, хотя охотниковъ на нее было не мало.

Вся же ея работа и хлопоты предназначались для единственной дочери, бывшей замужемъ за чахоточнымъ столяромъ, и заработки цѣликомъ уходили на леченіе, на докторовъ и поддержаніе его здоровья. Факторшей она сдѣлалась лѣтъ десять тому назадъ, унаслѣдовавъ это занятіе отъ старшей сестры, умершей неожиданно для всѣхъ, внезапно, хотя по внѣшности должна была прожить не менѣе сотни лѣтъ.

Бильтротъ, познавшая послѣ смерти мужа рядъ тяжелыхъ, голодныхъ годовъ, быстро утѣшилась въ смерти сестры и съ жаромъ принялась за дѣло. Сначала оно не пошло, но она не упала духомъ и такъ долго была въ одну точку, пока не поставила дѣло на ноги. Понемногу она втянулась въ работу, значительно расширила кругъ знакомствъ и въ послѣдніе годы уже такъ прочно стояла, что была незамѣнима въ самыхъ лучшихъ домахъ, и съ ней охотиѣе предпочитали входить въ сношенія, чѣмъ со многими справочными конторами. Въ самое горячее время, когда требованіе на кормилицъ случалось огромное, Роза никогда не бывала въ затрудненіи, и въ то время, когда во всѣхъ родильныхъ пріютахъ и конторахъ медлили и затягивали присылку женщинъ, она поставляла ихъ такъ же свободно и легко, какъ

обмѣнено. Весною она бывала особенно незамѣнима поставкой женской прислуги, такъ какъ, чѣмъ ближе шло къ лѣту, дѣвушки и женщины раздѣвжались массажи, накопивъ денегъ за земную работу. Словомъ, Роза зарекомендовала себя большимъ талантомъ, считалась знаменитостью во многихъ кругахъ общества и пользовалась большимъ уваженіемъ въ средѣ наемницъ.

Какъ было сказано, всѣ заработки ея уходили въ бездонное мѣсто, и, будучи сама не жадной и равнодушной къ удобствамъ существованія, она жила странной, запущенной жизнью. Она занимала огромную, годную подъ танцклассъ, комнату, въ которой стояла большая русская печь, впрочемъ, никогда не топившаяся, широкая деревянная кровать, едва прикрытая короткимъ, грязнымъ одѣяломъ, столъ и нѣсколько длинныхъ скамеекъ, поставленныхъ, главнымъ образомъ, для ожидавшихъ женщинъ. Но такъ какъ женщинъ всегда было много, то часть изъ нихъ стояла у стѣнъ, другія, съ грудными дѣтьми на рукахъ, сидѣли просто на полу, и этотъ беспорядокъ и тѣснота не только не мѣшали Розѣ, но были ей пріятны. Даже адскій шумъ въ этой комнатѣ, изъ-за котораго почти невозможно было понять другъ друга, былъ ей милъ, и она особенно прекрасно себя чувствовала, когда ей приходилось надрыватьсь, чтобы быть услышанной. Уходила она съ ранняго утра, но каждые два часа регулярно возвращалась на нѣсколько минутъ, чтобы захватить съ собою новую партію женщинъ, съ которыми опять отправлялась, оживленно разговаривая и объясняя то по-русски, то по-еврейски, по-малороссійски и даже по-польски, какъ вести и держать себя съ нанимателями. По отбытіи партіи, ряды наемницъ смыкались, женщины перемѣнялись мѣстами, и гулъ отъ разговоровъ и криковъ дѣтей перемѣщался отъ одной группы къ другой. На смѣну ушедшимъ появлялись новыя, и шумъ не прекращался ни на минуту. Говорили здѣсь громко, заглушая, но понимая другъ друга, и, не взирая на плачь грудныхъ дѣтей, ссорились и мирились, утоляли на ходу голодь бубликами или хлѣбомъ, жажду—прямо изъ крана, находившагося тутъ же подъ рукой, вновь суетились, ругались, спорили, полоскали дѣтское бѣлье, заматали комнату, и каждая вела себя такъ, какъ будто она была единственной хозяйкой квартеры, а всѣ остальные—пріятные или непріятные гости. Въ такой суетѣ день проходилъ незамѣтно и быстро, дѣло дѣлалось своимъ порядкомъ, сколько его положено было для дня, и слѣдующій день уже не приносилъ ничего новаго. Городская волна мѣрно продолжала то поглощать, то выбрасывать опредѣленное количество наемницъ, и та часть, что вчера работала въ западной части города, завтра была уже въ сѣверной, и такъ колесо это безостановочно крутилось изо

дня въ день, со своими спицами то вверху, то внизу, принося относительно равную степень удовлетворенія и недовольства и тѣмъ, которые требовали, и тѣмъ, которыя предлагали.

Въ одно холодное зимнее утро, такое холодное, что воробьи и голуби замерзали на улицахъ, а въ разныхъ концахъ города горѣли костры, разложенные, чтобы народъ имѣлъ возможность обогрѣться, Ита Гайне вошла въ квартиру факторши.

Народу у Розы было еще немного. Возлѣ топившейся печурки сидѣло нѣсколько женщинъ и занимались важнымъ дѣломъ. Испекши въ горячей золѣ картофель, онѣ теперь вынимали его, дули изо всѣхъ силъ на обожженные пальцы, ломали картофель и осторожно ѣли. Въ комнатѣ былъ удушливо сухой воздухъ, испорченный угаромъ, шедшимъ отъ раскалившагося чугуна. Съ правой стороны у стѣны на полу лежали грудныя дѣти и сладко спали. Сама Билтротъ сидѣла на своей обширной, какъ вагонъ, кровати и пила чай. При входѣ Гайне, всѣ въ комнатѣ оглянулись на нее, чтобы встрѣтить восклицаніемъ, но такъ какъ она оказалась никому не знакомой, то, переставъ ѣсть и разговаривать, смотрѣли на нее съ любопытствомъ. Роза немедленно позаботилась о порядкѣ.

— Не стой же на порогѣ и закрой дверь. Теперь, слава Богу, не лѣто.

— Это вы факторша?—спросила Гайне, исполнивъ безпрекословно приказаніе.

— Я факторша,—что ты хотѣла?

Итѣ вдругъ захотѣлось заплакать, такъ ей сдѣлалось завидно теплотѣ и тому, что женщины ѣли горячей картофель. Давно уже она у себя не видѣла такого довольства.

— Что же тебѣ нужно отъ меня?—повторила Роза, подозрѣвая въ Итѣ одну изъ нищенокъ, знавшихъ къ ней отлично дорогу.

Что ей нужно? Когда приходишь съ ребенкомъ въ такую погоду къ факторшѣ, то, конечно, не для того, чтобы сказать: здравствуйте. Не Богъ вѣсть какая загадка, что ей нужно.

Ребенокъ подъ шалью и тряпками началъ кричать и прервалъ ея отвѣтъ. Онъ кричалъ по своему обыкновенію неистово, совсѣмъ не подозрѣвая, гдѣ онъ и что съ нимъ, и, ища съ закрытыми глазами грудь, нетерпѣливо и капризно дергалъ ручонками и ножками. Но такъ какъ при входѣ Ита отняла его отъ груди, то, не находя ее такъ скоро, какъ бы хотѣлъ, онъ немедленно послѣ крика поднялъ такой визгъ, что у матери отъ стыда выступили слезы на глазахъ. Роза же недвусмысленно задвигалась на своемъ мѣстѣ.

— Онъ у меня разбаловался,—съ виноватой улыбкой оправдывала мальчика Ита.—Прежде,—здѣсь она запнулась,—мужъ мой

работалъ на спичечной фабрикѣ, а я смотрѣла за хозяйствомъ. Потомъ хозяинъ фабрики обанкротился, и мужъ остался безъ работы, я же послѣ родовъ два мѣсяца болѣла и не вставала, и мы разбаловали ребенка, то-есть я разбаловала. Первыхъ дѣтей вѣдь любишь, какъ жизнь, — опять извинилась она. — Вотъ я его сейчасъ успокою.

Она ловкимъ движеніемъ разстегнулась и приложила лицо мальчика къ своей груди. Мальчикъ немедленно, какъ по волшебству, успокоился, а Ита просто прибавила:

— Вотъ, видите. Это всегда такъ у меня съ нимъ. Онъ бы, кажется, спалъ въ молоко, такъ оно ему пріятно. — Она добродушно улыбнулась, погладила ручку ребенка, лежавшую на груди, развязала шаль и искала глазами мѣсто, чтобы присѣсть. Розѣ сразу понравилось чрезвычайно симпатичное лицо и сповойная дѣловитость этой молоденькой еще женщины. Она усадила ее подлѣ себя и мелькомъ осмотрѣла ребенка.

— Онъ у тебя первый? — спросила она. — Какъ тебя зовутъ?

— Ита.

— Ита? Хорошо. Совсѣмъ не звучитъ по-еврейски. Теперь не въ модѣ еврейскія имена, и изъ-за этого могутъ и не принять. Даже себя — а на что я ужъ стара и не нуждаюсь, — я прозвала Розой, хотя зовутъ меня Рейзи. Нашимъ дамамъ не нравятся еврейскія имена. Оставимъ это. Ты хочешь въ городѣ наняться или можешь поѣхать, если случится?

— Я лучше бы хотѣла здѣсь. У меня... мужъ.

— Ты вѣнчалась?

Ита покраснѣла и ничего не отвѣтила.

— М.. м... протянула Роза, — значитъ такъ, какъ Богъ не велѣлъ?

Ита наклонила голову и упрямо уставилась глазами въ уголокъ, будто она тамъ увидѣла что-то очень интересное.

— Ты говоришь, что ребенокъ у тебя первый? Лучше, если бы былъ второй. Какъ у тебя молоко?

— У меня хорошее молоко. Посмотрите только на мальчика. Такое уже хорошее молоко у меня, я и не знаю почему. Сама вѣдь почти ничего не ѣмъ, а ребенокъ вотъ.

Она быстро освободила мальчика отъ тряпокъ, въ которыя тотъ былъ завернутъ, и Роза, взглянувъ на него, ахнула отъ восторга. Прижавшись къ груди, такъ что виднѣлся одинъ только розовенькій въ складочкахъ затылокъ, онъ извивался, какъ гутаперчевый, пока Роза съ восхищеніемъ ощупывала его животикъ и взвѣшивала на рукахъ пухлыя ручки и ножки. Онъ былъ весь розоватый, безъ малѣйшаго пятнышка на тѣлѣ, весь въ ямочкахъ, складочкахъ, тепленькій и гладенькій, какъ маленькій

котеночекъ. Роза не могла оторваться отъ него и щипала, и гладила мальчика своей морщинистой рукой, приговаривая со смѣхомъ:

— Гдѣ ты его взяла такого? Навѣрно ты его украла у богатыхъ людей. Признавайся-ка.

Ита отъ радости начала смѣяться, и лицо ея опять сдѣлалось добродушнымъ.

— Я вѣдь говорю вамъ, что молоко у меня такое. Такое ужъ молоко, и ничего съ этимъ не подѣлаешь. А сколько его у меня, что я бы, кажется, взрослога накормила, если бы хоть немного наѣлась.

Она быстро завернула ребенка, но такъ внимательно и осторожно, что мальчикъ даже не пошевелился.

— Ну, хорошо,—произнесла, наконецъ Роза, послѣ нѣкотораго раздумья,—я тебя уже пристрою. Ты сиди здѣсь, а я пойду. Много мнѣ выходить нужно сегодня.

Въ комнатѣ говорили громко, но не очень шумѣли, воздерживаясь все-таки при Розѣ, которой отчасти побаивались. Наемницы понемногу прибывали. Женщины, дѣвушки, подростки сидѣли и стояли группами. Нѣкоторыя еще завтракали. Какая то горбатенькая старушка, долго уже поджидавшая мѣста няни, прилежно и съ изумительной ловкостью подметала комнату, врѣзываясь, какъ волчокъ, въ каждое свободное отъ ногъ мѣстечко. Три старыя женщины, очень полныя, съ лоснящимися потными лицами, съ искривленными и какъ бы разбухшими отъ ревматизма пальцами, не отходили отъ печурки и хотя уже разстегнули кофты, все сидѣли и грѣлись, упиваясь теплотой. Два подростка, дѣвушки лѣтъ по 14, въ грязныхъ юбкахъ, которыя онѣ, сидя на подоконникѣ, почему-то постоянно приподнимали, давая видѣть худыя и тоже грязныя ноги, подмигивали другъ другу на старухъ, и громко смѣялись, выбрасывая визгливый, короткій хохотъ такъ, точно въ ихъ горлѣ помимо собственной воли что то взрывалось. У нихъ были наглыя, циничныя лица, и все въ нихъ говорило, что суровая школа жизни не прошла для каждой даромъ. Въ самомъ дальнемъ углу тощая старуха съ непомерно длиннымъ и толстымъ горломъ и богобоязненнымъ лицомъ громко рассказывала сосѣдѣ своей о новомъ чудесномъ лекарствѣ, которымъ она теперь только и спасала себя отъ удушья.

— Мрамеромъ, мать моя, и спасаюсь. Натолву его немножко, выпью, и какъ рукой сниметъ. Съ мрамерщикомъ, что монументы дѣлаетъ, познакомилась, и у него достаю я камень-то. Я безъ мрамера теперь и въ комнатѣ не переночую.

— Каменное леченіе!—колыхалась сосѣдка отъ изумленія. Ахъ ты, Боже мой, дѣла какія бываютъ. Мрамеромъ? Въ самѣхъ мрамеромъ?

Ита понемногу осваивалась. Съ ней заговорила еврейка и переманила ее къ себѣ. Ребенокъ тихо спалъ, и потяжелѣлъ для рукъ. Роза уже кончила приготовленія въ выходу и, отобравъ нѣсколько женщинъ, ушла съ ними. Сразу сдѣлалось значительно шумнѣе. Стекла въ дверяхъ и окнахъ оттаяли наконецъ, и казались нарочно забрызганными мутной жидкостью, а виднѣвшійся снѣгъ вырисовывался темнымъ и грязноватымъ. Мельзали неправильныя фигуры людей, ходившихъ по двору.

Ита уже сидѣла возлѣ новой сосѣдки, обязательно осмотрѣвшей ее ребенка.

— Вы тоже ищете мѣста?—спросила у нея Ита, переложивъ мальчика на другую руку.

Сосѣдка оказалась дѣвушкой, искавшей мѣста служанки.

— Да, давно уже,—отвѣтила та и прибавила чрезвычайно просто:—у меня недостатокъ, и это мѣшаетъ.

Гайне только теперь обратила вниманіе на то, что у дѣвушки время отъ времени вырвался легкій крикъ, точно отъ испуга, и что она старалась заглушить его, закрывая ротъ рукой.

— Откуда это у васъ?—съ участіемъ спросила Ита, но невольно отодвигаясь.

— Вы не бойтесь,—сказала та, замѣтивъ движеніе Иты,—у меня не черная болѣзнь.

— Я и не боюсь,—улыбнулась Гайне, придвинувшись.

— Другимъ это неприятно, но что же дѣлать? Это вѣдь не отъ рожденія, а отъ испуга. Я служила въ гостинницѣ нумеранткой, и мнѣ было недурно. Но случился одинъ приѣзжій... И когда я какъ-то утромъ убирала его комнату, онъ бросился на меня, а я такъ испугалась, что не могла крикнуть..... Потомъ это сдѣлалось у меня. Теперь уже какъ будто меньше. Доктора говорили, что это пройдетъ, и я отдала имъ понемногу всѣ деньги, что имѣла,—но еще не прошло. У нихъ вѣдь все проходитъ.

Она подавленно пискнула два, три раза, но вдругъ не выдержала и рѣзко вскрикнула.

— Вотъ видите,—произнесла она, успокоившись,—развѣ меня возможно держать въ домѣ?

Ита сочувственно посмотрѣла на нее и спросила:

— Вы такъ и оставили дѣло?

— Что же я могла сдѣлать? Я вѣдь дурой была. Приѣзжій уѣхалъ, а я забеременѣла.

— Забеременѣли?—переспросила Ита.—Ахъ вы бѣдная!

— Конечно, забеременѣла. Потомъ, когда родила, я вернула ребенка, не знаю мальчика или дѣвочку, и гдѣ-то подбросила его.

Она рассказывала спокойно, точно говорила о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ. Потомъ она задумалась и прибавила:

— Вѣроятно, ребенка подобрали еще живымъ, такъ какъ это случилось лѣтомъ. Но лучше бы онъ умеръ.

Ита съ возраставшимъ страхомъ слушала ее. Жестокость большого города какъ бы вплотную придвигалась къ ней и показывалась тѣми грозными сторонами своими, о которыхъ она, выросшая въ маленькомъ городишкѣ, и не подозрѣвала.

— Гдѣ же вы теперь живете?—тихо спросила она, чувствуя все больше и больше симпатіи къ дѣвушкѣ.

— Гдѣ придется. Вѣдь я всѣхъ безпокою. Вотъ, Богъ дастъ, выздоровѣю, и тогда все поправится. А не выздоровѣю, то уже знаю, что сдѣлаю.

Она произнесла это такимъ мрачнымъ голосомъ, что Ита вздрогнула.

— Что вы сдѣлаете?—шопотомъ спросила она.

— Проституткой стану, — попрежнему просто отвѣтила дѣвушка и внимательно посмотрѣла Итѣ въ глаза. — Хоть забудусь отъ горя, — я вѣдь даромъ пропала.

Въ разныхъ углахъ слышались крики и плачь просыпавшихся дѣтей. Кормилицы съ трудомъ отрывались отъ разговоровъ и ворчливо вставали. Какая-то худая еврейка, со скверными глазами и сиплымъ голосомъ, уже была малютку, испачкавшего пеленки. Она была съ наслажденіемъ и точно отчеканивала удары; изъ того же мѣста возвращались тончайшіе и колющіе, какъ иглы, крики.

Дѣвушка равнодушно слушала и вдругъ шепнула Итѣ:

— Въ моемъ городѣ меня женихъ ждетъ. И онъ ничего не знаетъ. Что говорите? А я изъ желѣза, теперь изъ желѣза. Еще въ прошломъ году онъ отъ солдатчины освободился и ждетъ меня. Нарочно въ городъ поѣхала, денегъ накопить, чтобы ему помочь. Понимаете, непременно проституткой сдѣлаюсь. Все равно теперь.

Ита дрожала отъ страха. Такой глубины паденія она еще не знала. Было и у нея много сквернаго и ужаснаго, но до такого отчаянія она еще не доходила. Сколько силъ хватало, она боролась, подлаживаясь и урѣзываясь до послѣдней степени; она вѣчно охраняла себя отъ послѣдней пропасти, откуда не могло быть возврата. Но безыскусственность и простота дѣвушки, отчего даже отталкивающее выходило какъ бы освобожденнымъ отъ грязи, поражало и плѣняло ее. Въ ея довѣрчивости она находила откликъ и своей душѣ, желавшей и жаждавшей дружбы. Какъ давить жизнь! Вотъ и она дождала до того, что согласилась наняться въ кормилицы. Зачѣмъ она здѣсь? Тутъ вѣдь не

скотъ продають, не людей, а матерей. И ее продадутъ и оторвутъ отъ ребенка, котораго она должна будетъ бросить въ чужія руки. Какъ жизнь ужасна! Она боялась размышлять больше, чтобы не появилось желаніе убѣжать отсюда: дома было вѣдь еще хуже. Дѣвушка теперь молчала и каждый разъ боролась съ приступомъ.

— Какъ я васъ жалѣю, — шептала Ита, — какъ жалѣю...

Кормилицы уже кормили дѣтей. Онѣ собрались рядышкомъ на самой большой скамьѣ подлѣ стѣны, и лица ихъ были серьезны, какъ будто эти женщины были ученицами и ждали прихода учителя. Всѣ дѣти, точно условившись, лежали на лѣвой сторонѣ и квакали и свистѣли отъ наслажденія. Съ закрытыми глазами, въ рядъ, съ раскраснѣвшими носами, они играли грудью, то отворачивались вдругъ отъ нея, сладко улыбаясь и потягиваясь, то опять набрасывались, производя отъ жадности звуки вѣрвкихъ поцѣлуевъ. Матери, положивъ на нихъ грубыя, некрасивыя отъ работы руки, не обращали вниманія на шалости и чинно вели свои бесѣды. Потомъ всѣ, какъ бы испытавъ одно и то же чувство усталости и отвращенія, привычнымъ движеніемъ перебросили дѣтей на правую сторону, ни на минутку не прекращая своей бесѣды. Ита съ умиленіемъ смотрѣла на эту картину. Женское чувство потянуло ее къ нимъ, и, повинувась ему, она встала и пошла къ группѣ матерей.

Три толстыя старухи, подложивъ кофты подъ головы, уже спали около остывшей печурки и громко храпѣли. Подростки щелкали о чемъ-то и, обрывая ногтями штукатурку со стѣны, бросали ея въ старухъ, а тѣ сердито ворочались и обмахивались искривленными и разбухшими пальцами, не сознавая, что ихъ тревожить. Ита осторожно обошла старухъ и усѣлась возлѣ кормилицъ. Она была страшно угнетена, и ей уже не хотѣлось ни разговаривать, ни слушать. Мальчикъ пошевелился, и она приналась кормить его.

Время между тѣмъ не стояло. Роза явилась, выбрала зучку женщинъ и ушла съ ними. Потомъ она явилась другой разъ, еще разъ выбрала и опять ушла, оживленная и расбѣянная. Оттого, что становилось меньше людей въ комнатѣ, сдѣлалось просторнѣе и холоднѣе. Теперь Ита, при каждомъ приходѣ Розы, бросала на нее вопрошающій взглядъ, но та знаками приказывала ей ожидать. Часамъ къ тремъ она почувствовала сильный голодь и рѣшилась съѣсть свою четвертушку черстваго хлѣба. Но когда Маня, — такъ звали больную дѣвушку, съ которой она познакомилась утромъ, — краснорѣчиво посмотрѣла на нее, она съ радостью предложила ей подѣлиться. Обѣ онѣ сѣли подлѣ печурки, и Ита рѣшилась, наконецъ, по настоянію Мани,

*

оложить ребенка на полъ. Хлѣбъ былъ раздѣленъ пополамъ, и каждая начала не спѣша ѣсть. Постепенно онѣ опять разговорились, но на этотъ разъ шопотомъ. Въ это время вошло еще нѣсколько запоздавшихъ кормилицъ съ дѣтьми на рукахъ, а скорѣе начали приходить тѣ, которыя по разнымъ причинамъ не успѣли пристроиться на предложенныхъ Розой мѣстахъ. Шумъ опять возобновился, и Итѣ, какъ лицу уже извѣстному, пришлось знакомиться съ новыми кормилицами.

Роза явилась въ четвертый разъ и приказала одной изъ старухъ растопить печурку. Сдѣлалось снова тепло. Дѣти проголодались и стали кричать. Возлѣ крана шла стирка пеленокъ, и кормилицы, расплескивая воду и переругиваясь откровенными словами, спѣшили скорѣе окончить работу, чтобы пеленки успѣли высохнуть, пока печурка не остыла.

Ита, увлеченная новыми знакомыми, не замѣтила, какъ вошла какая-то старуха, и обернулась только тогда, когда та громко и рѣзко прокричала:

— Вотъ, и я здѣсь, дѣти, я здѣсь, я здѣсь.

Ита шопотомъ освѣдомилась у первой сосѣдки о новопришедшей.

— Это старуха Миндель, отвѣтила та, — таковой мы бы съ вами не выдумали. Можетъ быть, она полуумная. Я ее всегда боялась. Но подождите, она сейчасъ вамъ скажетъ, кто она такая.

Дѣйствительно, старуха, объявивъ, что она здѣсь, своимъ не то мужскимъ, не то женскимъ голосомъ стала возглашать.

— Кто хочетъ отдать своихъ дѣтей на выкормъ? Спѣшите, я здѣсь.

Подождавъ для формы отвѣта, она закончила такимъ страшнымъ голосомъ припѣвъ: „есть кто нибудь?“ что всѣ невольно оглянулись на нее.

Ита вздрогнула и со страхомъ схватила своего мальчика, точно старуха хотѣла отобрать его у нея.

А Миндель все ходила по комнатѣ и зорко искала, нѣтъ ли новыхъ лицъ. Вся она была чудная какая-то съ головы до ногъ. Она носила мужскіе сапоги и держала приподнятой высоко отъ полу свою толстую красную юбку, будто въ комнатѣ лежала грязь по колѣно. Сверху она носила что-то, напоминавшее шубенку, обшитую какимъ-то грязнымъ мѣхомъ, почти вездѣ вылѣзшимъ. Голова ея, повязанная косынкой, была покрыта огромной сѣрой шалью, изъ-подъ которой выглядывало плутовское желтое лицо съ отвисшей кожей и пара красныхъ, съ оттопыренными вѣками глазъ, воспаленныхъ и слезящихся.

— Кто хочетъ отдать дѣтей своихъ?—вопросала она возлѣ каждой группы и непремѣнно уже обращалась къ ближайшей жен-

щинѣ.—вамъ не нужно? Я знаю такую женщину, что теленокъ пожелалъ бы отвѣдать у нея сосцовъ. Не нужно вамъ? Почему? Какъ это не нужно? Развѣ вы подкинете своего ребенка? Хотите я вамъ подвину его? За пять рублей сегодня же онъ будетъ подброшенъ, гдѣ вы укажете. Нѣтъ? Можетъ быть, вы хотите, чтобы не подбросить, но лишь бы вышло, будто подбросили? Я также могу. Я все могу. Въ одной деревнѣ у меня есть довольно женщина, которая за 30 рублей совсѣмъ возьмуть отъ васъ ребенка и могутъ сдѣлать, чтобы вы о немъ ничего больше не знали. Вы только скажите мнѣ. Я все могу, все, только за это нужно дать мнѣ денежки, денежки, денежки...

Она смѣясь переходила къ другимъ и опять повторяла то же, шутила, но незамѣтно ловко рекламировала себя, общая сдѣлать все, что нужно человѣку въ трудную минуту. Ита прислушивалась, и сердце ея тревожно билось, когда та случайно взглядывала на нее.

— Вы безъ нея не обойдетесь,—сказала другая сосѣдка Итѣ, замѣтивъ ея волненіе, — мы всѣ безъ нея никуда не годимся, даже меньше, чѣмъ безъ Розы.

Старуха уже стояла подлѣ Иты и, спокойно отвернувъ ея спаль, разсматривала спавшаго ребенка.

— Ого,—произнесла она,—какой хорошій мальчикъ; по тебѣ нельзя было догадаться. Хорошій мальчикъ,—повторила она,—но почему ты, дура, родила такого хорошаго? Похуже тебѣ нельзя было? Кормилицѣ грѣхъ родить хорошихъ дѣтей. Нужно родить уродовъ, калѣкъ, уродовъ.

Она грубо ущипнула ребенка, и тотъ закричалъ. Ита сердито отвела ея руку.

— Не сердись, красавица. Когда нужно отрѣзвать палець, не смотреть на ноготь. Тебѣ вѣдь нужно отрѣзать отъ себя мальчика. Это у тебя первый? Ага, оттого онъ и вѣусенькій такой. Ты корми его поменьше. Вѣдь онъ можетъ изъ груди кровь высосать, не то что молоко. Никто у тебя не возьметъ шести рублей за такого разбойника. Пусть онъ поголодаетъ нѣсколько дней.

— Вы сумасшедшая,—разсердилась наконецъ Ита.—Заставить голодать своего ребенка! Что, что, а этого не будетъ.

— Ну, такъ заплатишь денежки,—разсмѣялась старуха,—денежки, денежки. Мы еще поговоримъ объ этомъ, я вѣдь здѣсь каждый день бываю.

Она пошла дальше, и та кормилица съ сильнымъ голосомъ, что безпощадно била утромъ своего ребенка, остановила старуху, отвела ее въ сторону и стала о чемъ-то шептаться съ ней. Ита сидѣла подъ впечатлѣніемъ словъ старухи и такъ задумалась, что

не слышала криковъ мальчика, хотя онъ бился и метался на ея рукахъ.

Между тѣмъ день угасалъ, и нужно было уходить. Многія уже одѣвались, другія съ сожалѣніемъ поднимались со своихъ мѣстъ. Старухи у печурки сидѣли и охали, жалуясь на ломоты, и не слѣша перебирали тряпье, которыми закутывали ноги до колѣнъ. Темнота густыми потоками вливалась чрезъ стекла дверей и оконъ, и углы комнаты скрылись, какъ будто ихъ никогда не было. Ита заторопилась, и Маня бросилась ей помогать. Пришла Роза. Она была страшно утомлена и дрожала отъ холода. День ея кончился, и она съ наслажденіемъ мечтала объ отдыхѣ. Ита подошла къ ней узнать, не нашлось-ли для нея чего-нибудь.

— Сегодня нѣтъ еще,—сказала она, приказавъ мимоходомъ одному изъ подростковъ растопить печурку,—да я тебя и не отдамъ такъ, куда-нибудь. У тебя такое молоко, что меньше 13—14 рублей тебѣ нельзя взять. Приходи завтра.

И она отпустила ее жестомъ, какъ повелительница. Ита была въ восторгѣ. Четырнадцать рублей, когда она не рассчитывала больше, чѣмъ на десять! Михель ея уже навѣрно будетъ доволенъ.

Она распростилась съ Розой съ очень хорошимъ чувствомъ и вышла вмѣстѣ съ Маней, которая за день привязалась къ ней, какъ собачка. За ними гурьбой вышли кормилицы, и всѣ онѣ остановились у воротъ, чтобы разспросить другъ у друга, куда кто идетъ. Кухарки, служанки и подростки, шедшія позади, сейчасъ же разошлись. Кормилицы же все стояли и торговались, кому съ кѣмъ пойти, и были похожи на стадо коровъ, лѣниво собиравшихся домой. Потомъ онѣ потихоньку разбрелись, увязая въ снѣгу и болтая, чтобы не замѣтно было разстояніе, а дѣти, лежа у теплой груди, тихо засыпали отъ качки, переставъ наконецъ ѣсть.

Ита шла съ Маней, которую она изъ жалости пригласила почевать, а рядомъ съ ними плелась та самая кормилица съ сильнымъ голосомъ, которая вечеромъ о чемъ-то шепталась со старухой Миндель.

— Теперь,—говорила она (ее звали Цирель),—Цирель подниметь голову. Что такое дѣти? Кому они нужны? Богачамъ. А Цирель не богачка. Вы посмотрите только на моего мальчишу. Вы боитесь, что онъ простудится? Какъ же, простудится! Онъ не таковой дуракъ, хотя и худъ, какъ головная булавка. Ну что, вы видѣли еще у кого-нибудь такую дурацкую голову? Вѣдь это бочка, а не голова, а жреть такъ, что мозгъ мой изъ костей выходитъ.

Ита хмуро молчала, а Маня, не имѣвшая припадковъ на улицѣ, сказала:

— Я бы его въ снѣгъ бросила и ушла отъ него.

— А Цирель бы не бросила?—возразила та.—Но я боюсь. Я городского хуже смерти боюсь и вотъ ношу его, проблинаю и ношу. Я боюсь это сдѣлать. А вы подумайте еще, что мнѣ никто больше 8 рублей въ мѣсяцъ платить не будетъ. Я маленькая, немолодая, и слышите, какой у меня хриплый голосъ. Какой же хорошей домъ возьметъ меня? Примутъ меня, значить, такіе уже бѣдняки, что больше 8 рублей не дадутъ. Дай Богъ хоть восемь. Теперь посчитайте: должна я за ребенка хоть 4 рубля въ мѣсяцъ платить, а то и пять? Наши времена новыя времена, и дешево вы ничего не достанете. А Миндель ужъ все устроить. Она хотѣла 20 рублей, съ меня, чтобы я о немъ ничего не знала больше, но я выработала за 15. Цирель умѣе ее.

Ита и Маня слушали, не прерывая, и вовыляли въ снѣгу. Ночь наступала, и повсюду зажглись огни. Морозъ крѣпчалъ. По утопанной дорогѣ мчались сани, и лошади звенѣли бубенцами. Кому было весело отъ нихъ, кому грустно. Небо же было чисто и высоко, и ничего не хотѣло знать о томъ, что внизу. И отъ него все ниже спускалась ночь, чтобы на время не было видно и не слышно, и разобрать нельзя было, кому хорошо, кому скверно.

А лошади мчались, и бубенцы звенѣли.

Цѣлая недѣля прошла безъ результатовъ. Ита правильно поспѣвала Розу, сидѣла у нея до вечера и возвращалась измученная и истомленная домой, гдѣ злой, какъ звѣрь, ее поджидалъ сожитель Михель. Требованій на нее было не мало, но всѣ какъ-то разстраивались, и это отзывалось на Гайне самымъ невыгоднымъ образомъ. Каждый лишній безрезультатный день подвергалъ ее все бѣльшей опасности быть искалѣченной или даже убитой Михелемъ, у котораго были совсѣмъ другіе, чѣмъ у Иты, виды на ея будущее. Теперь она совсѣмъ подружилась съ Маней и почти не разлучалась съ ней, счастливая, что нашла хоть одного человека, искренно расположеннаго къ ней. Въ своей крошечной комнатѣ она уступила ей уголь, и обѣ въ досужее вечернее время, когда Михель не устраивалъ скандала, засиживались до полуночи въ мечтательныхъ разговорахъ о лучшемъ будущемъ. Спавшій мальчишъ мирно лежалъ подъ родительской подушкой, маленькая лампочка посыдала сквозъ мутное стекло неяркій желтый свѣтъ, по стѣнамъ шуршали всегда торопливые тараканы, а бесѣда женщинъ, не спѣша, лилась непрерывной струей.

Утромъ, запасшись четвертушкой хлѣба, онѣ отправлялись къ

Розѣ и спѣшили придти пораньше, словно ихъ ожидала служба, обѣ—со смутной надеждой, что сегодняшній день принесетъ конецъ этой невыносимой жизни. На улицѣ ничто не привлекало ихъ вниманія, и когда онѣ иногда засматривались въ окна магазиновъ или на людей, сидѣвшихъ въ саняхъ, или на важно проходившихъ мимо нихъ дамъ и господъ, то все это казалось существующимъ не на самомъ дѣлѣ, а какъ необходимая обстановка улицы; единственно же реальнымъ и важнымъ были онѣ, ихъ интересы, Роза, конкурировавшія кормилицы и слуги. У Розы онѣ сидѣли рядышкомъ и съ досаднымъ чувствомъ наблюдали, какъ на ихъ глазахъ происходила смѣна женщинъ. Каждый день алчная рука города выхватывала вучу невольницъ, нужныхъ ему, и выбрасывала назадъ маленькія арміи ихъ, почему-либо не понравившихся. Наблюдая за этими смѣнами, можно было слѣдить за настроеніемъ города, которое было такъ же капризно, какъ давленіе атмосферы на ртуть барометра. Сегодня выбрасывались неспособныя, худыя, злыя, и проглатывались здоровыя, толковыя, податливыя, а завтра здоровыя и податливыя уже не годились, и какъ будто требовались капризныя, злыя, больныя. На глазахъ смѣнялись лица кормилицъ и характеры ихъ, смѣнялись, какъ волной смытыя, старухи, няни, подростки, но комната вѣчно была переполнена, и вѣчно въ ней раздавался голосъ живой жизни со всѣми ея оттѣнками: жажданіемъ и алканіемъ, порокомъ, завистью, горемъ, сплетней. Сюда приносились всѣ sensationныя происшествія города, выраставшія въ чудовищныя легенды, и чѣмъ пикантнѣе и циничнѣе выходила исторія, тѣмъ больше она имѣла успѣха. Убійства и грабежи, разводъ и побои, развратъ въ самыхъ развѣтвленныхъ и утонченныхъ формахъ и мечтательные, сентиментальные любовные случаи были здѣсь въ полномъ почетѣ, и женщины отравлялись ими съ такой же жадностью, какъ въ другихъ кругахъ отравляются азартной игрой, опиумомъ или морфіемъ. Сюда приносились подробнѣйшія данныя о положеніи и состояніи нанятелей, о ихъ привычкахъ и причудахъ, о ихъ алчности, злости или добротѣ, обо всѣхъ тайнахъ и порокахъ семьи,—рѣшительно все, что отъ прислуги нельзя уберечь. Извѣстна была всѣмъ и причина отказа отъ мѣста каждой наемницы; про тѣхъ, что пристроились, рассказывались интимнѣйшія исторіи изъ ихъ жизни, и въ этомъ базарѣ, гдѣ громко и безцеремонно обсуждалось все, что выходило изъ ряда вонъ, каждая находила такую школу низменной житейской мудрости, что малѣйшій проблескъ хорошаго неминуемо погибалъ.

Вначалѣ милый и сердечный домъ этотъ вскорѣ сталъ казаться Итѣ вертепомъ, и она всѣми силами старалась убѣдить Розу поскорѣе пристроить ее. Съ невольной завистью она ви-

дѣла, какъ исчезли въ пасти города три толстыя старухи, подростки и всѣ кормилицы, которыхъ она нашла здѣсь въ первый день; даже Цирель была проглочена, а Ита все сидѣла съ новой подругой, словно никому ненужная. Въ долгіе дни этого мучительнаго сидѣнія, съ четвертушкой хлѣба въ карманѣ, купленной на деньги отъ послѣдней вещи, отданной подъ закладъ, измученная ребенкомъ, который какъ бы мстилъ ея груди, за то, что въ ней становилось все меньше молока, она постепенно, урывками, между надеждой до прихода Розы и разочарованіемъ послѣ ея ухода, рассказала Манѣ свою жизнь.

— Видите,—однажды сказала она ей,—есть люди, которымъ ни въ чемъ не везетъ, у которыхъ самое обыкновенное дѣло идетъ на выворотъ, и какъ они ни хитрятъ, ни стараются—ничего противъ своей судьбы не могутъ сдѣлать. Къ такимъ людямъ принадлежу я. Не везетъ мнѣ. Возьмите ребенка моего. Онъ здоровъ и силенъ. Но и здѣсь не повезло и вышло на выворотъ. Нужно было бы калѣку родить, и это было бы хорошо. Молоко у меня отличное, а Цирель раньше меня поступила. Даже то хорошее, что есть у меня, какъ-то для моей жизни не нужно и мѣшается.

— Можетъ быть это такъ,—задумчиво возразила Маня,—но я думаю северно вамъ отъ того, что у васъ характеръ мягкій. Намъ, чтобы какъ нибудь жить, нужно быть выкованнымъ изъ желѣза. Другого спасенія нѣтъ вѣдь.

— Я пробовала, Маня, но не выходитъ, потому что мнѣ не везетъ, я и должна была родиться со своимъ характеромъ. Какъ я замужь вышла, напримѣръ. Моя мать перебирала людей для меня, повѣрьте, такъ же внимательно, какъ если бы нужно было ей самой выйти замужь. Но для себя она отличнаго мужа выбрала, а какъ дошло до меня, то такъ ошиблась, что испортила навсегда мою жизнь. Я выросла въ хорошей, честной и не совсѣмъ уже бѣдной семьѣ. Отецъ и мать меня любили, жила я какъ хозяйская дочь; отецъ же до послѣдняго вздоха работалъ, чтобы мы ни въ чемъ не нуждались. Только это время и было хорошимъ въ моей жизни, но и оно не долго продолжалось, такъ какъ отецъ умеръ, когда мнѣ было 14 лѣтъ. Братъ какъ разъ ушелъ въ тотъ годъ въ солдаты, и я съ матерью однѣ остались. Плохо намъ было ужасно, но мать ни за что не хотѣла тронуть мое приданое. Такъ мы мучались, пока мнѣ не стало 18 лѣтъ. Тогда я и вышла за мужъ. Теперь я думаю, почему я вышла за него? Вѣдь я не хотѣла, и сердце меня удерживало. Но не могла я изъ жалости противъ матери пойти.

— Согласилась я и пропала, въ тотъ же день пропала, какъ только я его увидѣла. Послѣ свадьбы сейчасъ же оказалось, что мой мужъ не былъ холостымъ: жена его была жива, но убѣжала

отъ него, оставивъ ему 4-хъ дѣтей. Какъ я это выжила тогда? А триста рублей моихъ были уже въ его рукахъ. Видите, какая я счастливая, — меланхолически улыбнулась она, — не везетъ, говорю вамъ. Къ счастью, я не забеременѣла, но развязалась я съ нимъ не легес. Я два года, живя у матери, мучилась, чтобы получить отъ него разводъ, и только судомъ добилась этого.

Ребенокъ заплакалъ. Ита встала, чтобы уложить его, и, держа мальчика на рукахъ, согнувшись вдвое, раскачивалась, и лицо у нея было кроткое, какъ у младенца.

— Какая вы милая, — воскликнула Маня. — Все это очень хорошо, что вы говорите, и совсѣмъ не такъ нужно было поступить, но, когда я слушаю и смотрю на васъ, мнѣ начинаетъ казаться, что вы правы.

— Нельзя знать кто правъ, — отвѣтила Ита, усаживаясь, — дѣлаешь такъ, какъ можешь, а не какъ хочешь. Хорошо только тому, кому везетъ.

— Какъ же вы сошлись съ Михелемъ?

Ита не успѣла ей отвѣтить, такъ какъ Роза вернулась, чтобы выбрать партію. Кормилицы, какъ пчелы, набросились на нее и покрыли такъ, что ее стало не видно. Роза выбирала, скользя по нимъ взглядомъ. Вошла Миндель и прокричала своимъ страшнымъ голосомъ: „Я здѣсь, я здѣсь, здѣсь“.

— Опять Роза не возьметъ меня, вздохнула Ита, обращаясь къ Манѣ.

— И меня тоже, — отвѣтила она, подавленно пискнувъ.

Объ вернулись на свое мѣсто. Къ нимъ присѣла какая-то кормилица. Она была очень полная, низенькая и когда ходила, то не видно было, какъ она двигаетъ ногами, и потому казалось, что она катится. Кормилицы прозвали ее Любочкой за сильную любовь къ своему милому.

— Вы еще не поступили на мѣсто? — съ удивленіемъ обратилась Любочка къ Итѣ. Голосъ у нея былъ сладенькій до приторности. — Ахъ, какой у васъ красивый ребенокъ! Куколка! замедоточила она, осторожно ущипнувъ его въ щечку.

— Спасибо, — отвѣтила польщенная Ита, — но и вашъ ребенокъ тоже очень миленькій. Правда, Маня?

— Что вы! — съ искусственнымъ ужасомъ воскликнула Любочка, — вы смѣтаетесь надо мною. Мой миленькій? Вѣдь онъ похожъ на мертваго котенка. Вѣдь, я толстая, правда? а онъ, какъ обезьянка. Вы на жиръ мой не смотрите, это только для глаза красиво.

Ита видѣла, что она къ чему-то клонитъ, около чего-то вертится, но, не зная дѣлшихъ нравовъ, тщетно пыталась догадаться, въ чемъ дѣло.

— Какую грудь вы показываете?— вдруг спросила Любочка. — Хотите, я вам дамъ совѣтъ? Показывайте всегда лѣвую — она у всѣхъ людей больше правой. Этого никто не знаетъ, а я знаю. Я опытная, я уже четвертый разъ иду за кормилицу и всѣ тонкости понимаю. Но знаете, что мнѣ мѣшаетъ скоро поступить на мѣсто? Грудь. Все хорошо, пока я не показываю ее. Только дошло до этого и пропало все. Хоть бы ребенокъ у меня былъ толстый, но и этого нѣтъ. Но зато когда меня принимаютъ, я такъ присасываюсь къ мѣсту, что сотня человѣкъ не оторвали бы меня отъ него. Я умѣю нравиться хозяйкамъ, и онѣ плачутъ, когда расстаются со мной, вотъ какая я ловкая.

Роза уже выцѣлила партію и уходила. Миндель приблизилась къ нимъ, предлагая свои услуги.

— Знаете, о чемъ я хочу васъ попросить,— сказала наконецъ Любочка,— одолжите мнѣ своего ребенка. Сдѣлайте доброе дѣло. Я возьму его, чтобы только показать. Тогда даже грудь не имѣетъ значенія. Вечеромъ я вамъ возвращу вашего мальчика. Сдѣлайте доброе дѣло, у меня дома трое дѣтей и они живутъ только тѣмъ, что я служу, мужъ мой вѣдь не зарабатываетъ.

Ита хорошо поняла, что скрывалось за послѣдними словами, но чувствовала себя въ большомъ затрудненіи. Ей очень хотѣлось помочь бѣдной женщинѣ, которая начинала ей нравиться, несмотря на ея ужимки и черезчуръ сладкій голосъ. Она бросила взглядъ на Маню, чтобы посоветоваться, какъ вдругъ помощь появилась съ неожиданной стороны. Миндель, услышавъ просьбу Любочки, прворно приблизилась и крикнула:

— Эта женщина не дастъ своего ребенка. Иди сюда толстая дура, нашла у кого просить. Пойдемъ и поговоримъ.

Любочка не дала себя долго уговаривать и пошла со старухой. Тогда Маня еще разъ спросила:

— Какъ же вы все таки сошлись съ Михелемъ?

— Это довольно длинная исторія, но я вамъ вкратцѣ расскажу ее. Когда я, наконецъ, получила разводъ, то въ своемъ городкѣ уже не могла оставаться и пріѣхала сюда. Здѣсь у меня была дальняя родственница по матери, не бѣдная, и я стала у нея служить. Черезъ два года у меня уже было двоенныхъ 120 рублей, и я чувствовала себя опять на ногахъ. Какъ-то разъ я у единственной подруги моей,—она умерла недавно отъ родовъ,—познакомилась съ молодымъ человѣкомъ. Это былъ Михель. Онъ мнѣ понравился, и вскорѣ я его полюбила. Такъ онъ хорошо держался со мной, что не могла не полюбить. Возлюбленный подруги моей увѣрялъ, что Михель работаетъ на фабрикѣ и зарабатываетъ по 30 рублей въ мѣсяцъ, и я почему-то повѣрила, что это правда. Такъ что, когда Михель предложилъ

мнѣ выйти за него, мнѣ показалось, что я, наконецъ, нашла свое счастье. Свадьбу онъ отложилъ на полгода, когда ему должны были прибавить жалованье. Я, конечно, согласилась и совсѣмъ предалась ему. Мѣсяца черезъ два я получила первый ударъ. Хозяинъ фабрики обанкротился, и Михель остался безъ работы. Была ли тутъ правда какая-нибудь, я и теперь не знаю. Тогда онъ задумалъ открыть собственное дѣло и такъ убѣдилъ меня, что я сейчасъ же отдала ему сто рублей. Онъ сдѣлался еще ласковѣе, и у меня совсѣмъ закружилась голова. Черезъ мѣсяць я уже была беременна, а отъ денегъ моихъ не осталось ни копейки. Я очутилась совершенно въ его рукахъ. Узнавъ, что я беременна и безъ денегъ, онъ пересталъ стѣсняться со мной и вначалѣ ругалъ, а потомъ и бить началъ за каждое мое слово, которое ему не нравилось. О свадьбѣ я не смѣла напомнить и такъ его еще любила, что все прощала ему, и дрожала только, чтобы онъ меня не выгналъ. Службу мнѣ пришлось бросить, и такъ безъ денегъ, замученная имъ, я родила. Теперь я его уже умоляю, чтобы онъ бросилъ меня, но онъ не хочетъ и танеть съ меня все, что можетъ. Уже полгода, какъ я знаю, что онъ шулеръ, и что всю жизнь прожилъ тѣмъ, что заманивалъ дѣвушекъ и заставлялъ ихъ работать на себя. Вы его не видѣли злымъ, такъ какъ онъ все еще гдѣ-то достаетъ денегъ. Но я ужасно боюсь его. Когда онъ разсердится, то можетъ меня убить. Если бы видѣли мое тѣло, то испугались бы, такъ оно черно отъ синяковъ.

— Я бы его ночью зарѣзала!—прорвалась, наконецъ, Маня, волнуясь,—такой подлець! Не понимаю, какъ вы терпите отъ такого человѣка.

— Этого объяснить нельзя,—нужно самому испытать. Хуже этихъ людей ничего быть не можетъ. Вотъ увидите, что сегодня будетъ, если онъ узнаетъ, что я еще не пристроилась. Онъ все время собирается на меня. Я дрожу идти домой. Хорошо еще, что вы со мной, хоть ребенка обережете. Недѣли двѣ тому назадъ онъ чуть его не убилъ.

— Вотъ разбойникъ!—возмутилась Маня.

— Бывало и хуже. Да, тяжелая у меня жизнь. Вотъ поступаю на мѣсто, а дрожу, дастъ ли служить. О деньгахъ не говорю,—все-равно отниметъ, но даль бы хоть служить. По крайней мѣрѣ, моя жизнь не была бы въ опасности, и ребенка бы обезпечила.

Ихъ прервалъ шумъ. Двѣ кормилицы подрались, и поднялась страшная суматоха. Держа дѣтей на рукахъ и ежеминутно угрожая убить ихъ, онъ вѣщались другъ въ друга, образовавъ одну

массу, и страшно выли. Маня спросила у кого-то, почему онѣ подрались.

— Изъ-за любовника, — отвѣтила та, — у обѣихъ одинъ любовникъ, вотъ и подрались.

Женщинъ съ большими усиліями, наконецъ, развели. Онѣ были ужасны со своими растрепанными волосами, съ залитыми кровью лицами, которыя дышали злобой и дикой ненавистью. Онѣ все еще ругались, и самыя гнусныя и грязныя слова вырывались у нихъ такъ же свободно, какъ будто онѣ были мужчинами. Услуживыя кормилицы со скрытымъ злорадствомъ и наслажденіемъ отвели ихъ поочередно къ крану, гдѣ насильно умыли, хотя онѣ рвались и брыкались, какъ бѣшенныя. Исторія эта оживила всѣхъ и послужила прекрасной темой для пересудовъ на остатокъ дня. Когда появилась Роза, все уже было въ порядкѣ и не оставалось никакихъ слѣдовъ отъ драки. Нѣсколько любительницъ съ удовольствіемъ рассказывали ей объ этомъ приключеніи, разукрашивая его и вырывая другъ у друга нить и продолженіе разказа. Роза хотѣла что-то отвѣтить, но, случайно замѣтивъ Иту, сказала ей:

— Что-то предвидится для тебя. Можешь идти теперь домой, но завтра непременно приходи. На этотъ разъ, думаю, уже не оборвется.

Ита была внѣ себя отъ радости. Она посидѣла еще нѣсколько времени для формы, но уже не могла ни на чемъ сосредоточиться. Она слышала кругомъ себя обрывки разговоровъ, и, какъ маніакаль, повторяла чужія фразы по десятку разъ, но голова и сердце ея были далеки отъ этого мѣста. Наконецъ, она не выдержала и встала.

— Вы пойдете ко мнѣ? — обратилась она къ Манѣ. — Видно и сегодня вы ничего не дождетесь. Я куплю что-нибудь, и мы поужинаемъ вмѣстѣ. Кажется, дѣла мои поправляются.

Маня, хотя и хотѣла отказаться, но посовѣстилась и сказала, что согласна. Тогда онѣ быстро одѣлись и, оживленно разговаривая, вышли. Послѣ ихъ ухода, Роза приготовила себѣ чай и, усѣвшись на кровати и прихлебывая его, съ наслажденіемъ еще разъ прослушала исторію о томъ, какъ двѣ женщины крѣпко подрались изъ-за одного ничтожнаго мужчины.

Между тѣмъ, Ита и Маня продолжали путь. Какое-то нехорошее чувство смѣнило оживленіе Иты, и теперь она шла съ мрачными мыслями, которыхъ не могла отогнать отъ себя. Маня замѣтила, что Ита разстроилась, и молча слѣдовала за ней. Но на полпути отъ дома она не выдержала того, что и ее угнетало, и невольно произнесла:

— Вотъ и вы скоро пристроитесь, Ита. Вы не повѣрите,

какъ я къ вамъ привязалась за эти нѣсколько дней. Что-то такое хорошее напомнило мнѣ наше короткое знакомство. Теперь бы мнѣ хотѣлось, чтобы то, какъ мы живемъ, не проходило, не измѣнялось, чтобы мы всегда ходили къ Розѣ, были вмѣстѣ, разговаривали и мечтали. Главное — вмѣстѣ, потому что одиночество начинаетъ пугать меня, и все у меня болитъ, когда я остаюсь одна.

— Я къ вамъ тоже привязалась, Маня, — прошептала Ита, — но такія, какъ мы, не должны на долго привязываться. Нужно разучиться этому, Маня. Привяжешься и только лишней муки наберешься. Забыла вѣдь я о матери, о братѣ, а какъ я ихъ любила. Теперь я легко уже говорю о нихъ, а вначалѣ какъ я боролась, мучилась, плакала, пока жизнь душу мою неподмѣнила, и не научила думать о другомъ. Теперь я попалась со своимъ мальчикомъ, и сердце по старому начинаетъ болѣть. Вы вѣдь представить себѣ не можете, какъ я его люблю. Вотъ я радовалась, что поступлю на мѣсто. Но вѣдь это такая радость, какъ если бы мнѣ должны были двѣ руки отрѣзать, но отрѣзали только одну. Чужому ребенку я отдамъ свои заботы, свой уходъ, свое здоровье, моего же обокраду и какъ бы выброшу собакамъ. Сама не понимаю, какъ это я сдѣлаю.

— Но вѣдь такъ поступаютъ всѣ, — произнесла Маня. — Что же дѣлать, когда иначе нельзя?

— Это и я знаю, что иначе нельзя, но отъ этого мнѣ только хуже. Если бы я знала, что хоть какъ-нибудь можно иначе, я бы не пошла въ кормилицы.

Онѣ пошли быстрѣе, такъ какъ вечерѣло и становилось холоднѣе. Люди, эти ченужныя существа, служившія обстановкой для улицы, бѣгали мимо нихъ взадъ и впередъ и громко фыркали отъ рѣзкаго вѣтра... Доносились обрывки разговоровъ. Слышался стукъ копытъ по снѣгу, храпъ лошадей, окрики извозчиковъ. Въ иныхъ мѣстахъ уже горѣли фонари, и тусклые лучи отъ нихъ играли и переливались въ хрупкомъ снѣгѣ, лежавшемъ на тротуарѣ.

Ита и Маня молча дошли домой. Имъ было такъ холодно, что окоченѣвшія челюсти едва размыкались, а губы совсѣмъ не слушались.

— Какая ужасная зима, — невнятно и съ большимъ усиліемъ промямлила Маня, входя съ Итой во дворъ, — а мы вѣдь только въ ноябрѣ.

Ита не отвѣтила. То чувство отвращенія и смутная тревога, которыя всегда овладѣвали ею при возвращеніи домой, теперь опять ожили въ ней, и по особенному трепетанію сердца своего и перебѣгавшаго по спинѣ холодка она безошибочно знала, что

явится страхъ. Она замедлила шаги и, чтобы не пасть духомъ, взяла руку Мани.

— Скажите мнѣ что-нибудь веселое,—попросила она ее,— мнѣ теперь хоть одно слово надежды нужно.

Маня не поняла и съ недоумѣніемъ произнесла:

— Я и сама ничего веселаго не знаю. Развѣ богатство? Но я никогда не думала о немъ. Хорошій мужъ, который бы любилъ меня? Объ этомъ нужно навсегда забыть. Что же еще? Право, ничего я веселаго не знаю. Такъ ужъ, какъ-нибудь дотащусь до могилы.

Ита быстро пошла по двору, не сводя глазъ съ своей квартиры. Каморка была освѣщена. Кто-то въ ней возился и, повидному, искалъ что-то, такъ какъ свѣтъ перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто и то здѣсь, то тамъ падалъ желтыми пятнами на снѣгъ, лежавшій во дворѣ. У Иты сердце сжалось отъ страха.

— Хоть бы сегодня еще оставилъ въ покоѣ,—промелькнуло у нея.

Она раскрыла дверь и, какъ бы предупреждая несчастье, прошла первой. Свѣтъ, прыгавшій до сихъ поръ, вдругъ застылъ на одномъ мѣстѣ и точно притаился. Послышалось тяжелое, до ужаса знакомое Итѣ дыханіе, сипловатое и быстрое. Ита инстинктивно поставила руку, локтемъ впередъ, чтобы защитить ребенка.

Михель, безъ сюртука, въ жилеткѣ и красномъ тепломъ шарфѣ вокругъ шеи, стоялъ подлѣ нея. Лицо его подергивалось отъ гнѣва, и мускулы на немъ бѣгали по всѣмъ направлѣніямъ, напряживаясь и чуть не разрывая покрывавшую ихъ кожу. Густая краска лежала на его лбу, ухахъ и шеѣ, а жилы вырисовывались большими и отчетливо бились. Онъ хотѣлъ что-то сказать, даже крикнуть, но захлебнулся отъ спазмъ. Ита стояла, насторожившись, со своей изогнутой, точно рогъ, рукой, и лицо ея было до ужаса спокойно. Маня раза два пискнула. Раздался оглушительный звукъ лопнувшей хлоплушки. Сдѣлалось тихо. Ита отъ удара сейчасъ же стала маленькой, точно у нея вырвали ноги. Она сидѣла на полу, не издавая ни звука, и, положивъ ребенка, котораго Маня быстро взяла на руки, старалась проползти къ кровати. Михель предупредилъ ее и приподнял за шаль. Теперь она была полусогнута и напоминала мертвеца въ своей окоченѣвшей позѣ. Михель не выдержалъ ея тяжести и съ проклятіемъ бросилъ ее, начавъ бить куда попало. Ита ловко берегла свое лицо, помня, что завтра ей предстоитъ должность. Она подставляла только спину, изогнувъ ее, какъ кошка, и удары гулко отдавались, словно били въ пустой бочонокъ. Потомъ ему кулаки показались недостаточными, и нѣсколько ударовъ носкомъ сапога полетѣли въ бокъ. Ита сдавленно за-

стонала и опять поползла къ кровати. Маня оцѣпенѣла отъ ужаса.

— Такъ ты мнѣ деньги оставила? — крикнулъ онъ наконецъ, все еще преслѣдуя ее послѣдними ударами. — Мальчика ты себѣ глупаго нашла, что водить за носъ будешь? Я изъ тебя душу вымотаю за такія штуки. Говори, почему денегъ не оставила. Подожди, будешь ужъ ты служить!

Ита съ отчаяннымъ усиленіемъ поднялась и сѣла на кровать. Что ей сказать ему? Что денегъ она не могла достать, сколько ни бѣгала вчера? Развѣ повѣрить? — Она молча стала раздѣваться и беззвучно плакала.

— Хотъ бы смерть скорѣе, — подумалось ей.

Ребенокъ закричалъ. Маня пошла помочь ей и передать мальчика, но не выдержала и на ходу сказала Михелю:

— Я бы васъ убила, если бы была на ея мѣстѣ. Ночью бы васъ непременно зарѣзала. Вы вѣдь разбойникъ. Посмотрите, что вы съ ней сдѣлали.

— Чортъ ее не возьметъ еще! — огрызнулся онъ мрачно, — выдержать и больше. Она знала, что мнѣ нужны деньги. Почему она не достала? Заводить со мною новую игру. Посмотримъ, но она живой не вырвется отъ меня.

— Хорошая дѣвочка! — раздался чей-то голосъ у окна. — Вотъ таваа мнѣ нужна. Такъ вы бы его зарѣзали? Повторите-ка еще разъ.

Маня испуганно оглянулась. Въ сумеркахъ она не обратила вниманія на то, что въ комнатѣ было постороннее лицо. Заговорившій былъ „Красивый Яшка“, одинъ изъ пріятелей Михела, которые иногда приходили къ нему. Яшка былъ дѣйствительно красивъ, но съ какимъ-то особеннымъ отпечаткомъ вульгарности. Это была красота уличнаго Альфонса, раздражающая и плѣняющая своими вѣжными и правильными отдѣльными чертами, какой-то женской мягкостью въ позѣ, лѣнивымъ тягучимъ голосомъ и вѣшнымъ франтовствомъ. Люди эти обыкновенно маленькаго роста, носятъ на пальцахъ широкія кольца, на рукѣ браслеты и обладаютъ желѣзной волей, въ чемъ главная ихъ сила.

Маня мелькомъ взглянула на него и вспыхнула до корней волосъ, такъ онъ поразилъ и сразу плѣнилъ ее.

— Вы не въ свое дѣло не мѣшайтесь, — съ напускной развязностью возразила она; — а то, что я вамъ нужна, расскажите своей тѣни. Меня же оставьте въ покоѣ.

Когда она себя хорошо чувствовала, то никто ее меньше преслѣдовала. Она только очень слабо пискнула и стала помогать Итѣ. А та, прійдя въ себя, тихо сказала:

— Я тебѣ давно говорила, Михель, что меня лучше бросить, и теперь то же самое скажу. Не гожусь я для того, что нужно тебѣ. А бить человека не можетъ быть удовольствіемъ, это я навѣрно знаю. Пойди ты въ одну сторону, а я въ другую. Я бы, Михель, даже откупила у тебя, если бы у меня были деньги.

— Молчи, не зли меня, — злобѣще произнесъ онъ, и она услышала, какъ у него участилось дыханіе.

— На службу, какъ я уже сказалъ тебѣ, ты не пойдешь. Что же до денегъ, то я ихъ изъ тебя выволочу. Ты видишь этотъ кулакъ? Посмотри на него какъ слѣдуетъ. Въ немъ твоя смерть лежитъ. Помни это. Завтра ты пойдешь на улицу и принесешь деньги. Довольно строить церомоніи.

— Вотъ этого, Михель, — спокойно произнесла она, — я никогда не сдѣлаю. Можешь даже сейчасъ меня убить. Я это уже не разъ слышала отъ тебя, но ты только напрасно тратишь время.

Онъ понялъ, что она непоколебима, и, какъ всѣ деспоты, слабыя предъ сильной волей, смирился и ограничился тѣмъ, что бѣдо произнесъ:

— Непристройно тебѣ шлаться? Гадина!

— Это не твое дѣло, почему, но никогда этого не будетъ, слышишь, никогда. Мнѣ легче умереть отъ твоей руки, чѣмъ такъ опуститься.

— Почему вамъ въ самомъ дѣлѣ не послушаться Михеля? — вмѣшался Яша вкрадчивымъ голосомъ. — Что васъ удерживаетъ? Стыдъ?

Онъ сдѣлалъ какой-то двусмысленный жестъ и засмѣялся, показавъ рядъ прекрасныхъ, густо сидѣвшихъ зубовъ.

— Вы, вѣроятно, сговорились? — сердито произнесла Ита, — можешь хоть постыдиться, Михель, что прибѣгаешь къ такимъ средствамъ.

— Ты съ моимъ пріателемъ такъ не говори! — крикнулъ Михель, языкъ твой поганый вырву. Выучилась разговаривать!..

Яша самодовольно выслушалъ защиту и, поигравъ усами, концы которыхъ теперь шаловливо смотрѣли вверхъ къ глазамъ, сталъ бросать выразительные и стастные взгляды на Маню, очень ему понравившуюся. Потомъ онъ пересѣлъ поближе и началъ съ ней разговаривать. Та сидѣла хмурая, односложно отвѣчала и изрѣдка, помимо воли своей, быстро обдавала его горячимъ взглядомъ, не умѣя отразить охватывавшаго ее очарованія. Ита мелькомъ оглянула эту пару, — ласковый, знакомый ей огонь въ глазахъ Яши, такое жалкое растеранное лицо Мани, — и съ нехорошимъ чувствомъ принялась хлопотать, вздыхая отъ боли при каждомъ движеніи. Она уложила мальчижа, затопила печурку и поставила вариться чай.

Михель сидѣлъ, опершись локтями о столъ, и лицо его было задумчиво и сердито. Стараясь неслышно охаты, Ита подошла къ нему и положила руку на его плечо. Она отлично знала, что такъ поступать — значитъ давать ему еще больше власти надъ собой, но сердце ея всегда такъ жаждало мира, что ради него она многимъ готова была поступиться. Михель съ небрежностью и гордостью мужчины, отбросилъ ея руку. Она терпѣливо опять положила ее, наклонилась къ нему, вполголоса и произнесла:

— Кажется, Михель, я завтра поступлю на мѣсто. Перестань уже сердиться.

— Не хочу я мѣста, — процѣдилъ онъ угрюмо, опять сбрасывая ея руку, — ступай на улицу. У моихъ пріятелей всѣ этимъ вончаютъ, — ты не лучше ихъ.

— Это напрасно, Михель, — я на улицу не пойду. Не упрямься и не сердись. Я вѣдь во всемъ уступаю тебѣ, уступи и мнѣ хоть въ одномъ. Я не могу.

— Находка какая, твое мѣсто, — проворчалъ онъ. — Много мнѣ останется отъ 9 или 10 рублей?

До нихъ донесся смѣхъ Мани, которую Яша, наконецъ, разсмѣшилъ. Михель забылъ, что играетъ комедію и только для вида, форсить, имѣя лишь только воспоминаніе о гнѣвѣ и подмигнувъ Яшѣ, на что Ита серьезно сказала:

— Съ ней нельзя шутить, Михель, Маня не я.

— Всѣ бабы сердиты на словахъ, — разсмѣялся онъ.

— Но ты ошибаешься, — вернулась она къ прежнему, — Роза меня увѣряетъ, что меньше 13—14 рублей мнѣ не предложатъ, а кромѣ того еще кое-что и другое будетъ. Я тебѣ буду отдавать свой обѣдъ...

Она оборвалась вдругъ, растроганная. Какъ бы она счастлива была, если бы могла ему пожаловаться, рассказать, какъ больно ей разставаться со своимъ мальчикомъ. А онъ, не подозрѣвая, что творится въ ея душѣ, уже повеселѣлъ отъ новой перспективы и дѣловито выкладывалъ:

— Конечно, меньше 14 тебѣ не дадутъ. Можешь на мой страхъ потребовать 15 и не спускай цѣны. Эти живодеры, когда увидятъ твое молоко, то отдадутъ всѣ деньги. И мальчика нашего покажи. Не будь только дурой. У тебя такое молоко, что я подобнаго еще и не видѣлъ. Теперь хорошей кормилицы и со свѣчей не отыщешь. А кварта коровьяго молока стоитъ 15 копѣекъ. Меньше 15-ти ни одного гроша, ни одной денежки. Попросишь, конечно, за мѣсяцъ впередъ. Живодеры тебя доить будутъ, а я ихъ. Объ этомъ мы еще поговоримъ.

Онъ совсѣмъ повеселѣлъ и сбросилъ съ себя спѣсь. Ита ждала, не разспроситъ ли онъ о ребенкѣ, но Михелю это и въ голову

но приходило. Онъ былъ весь занятъ новой перспективой. Ита вздохнула, удовлетворившись тѣмъ, что добилась мира, и пошла дѣлать чай. Когда всѣ усѣлись за столомъ, Михель со смѣхомъ произнесъ:

— Знай, Яша, что сегодня я купилъ хорошую корову.

Яша въ шутку поискалъ глазами въ комнатѣ, испугалъ мимоходомъ Маню намѣреніемъ ущипнуть ее и отвѣтилъ:

— Не произноси такихъ некрасивыхъ словъ; за столомъ вѣдь сидитъ невинная дѣвушка. Вы вѣдь совсѣмъ невинная?—обратился онъ къ Манѣ полусерьезно, въ упоръ глядя ей въ глаза.

Маня совсѣмъ уже освоилась съ нимъ и его шуточками и засмѣялась. Лицо Яши подвижное и ласковое, съ хорошенькими усами и красивой синеватой тѣнью на выбритыхъ щекахъ, все болѣе и болѣе плѣняло ее. Но смѣясь и невольно отражая его настроеніе, она все же держала себя серьезно, и не позволяла ему никакой вольности. Ея голова слегка затуманилась отъ неяснаго предчувствія, что начинается какой-то праздникъ въ ея жизни.

— Я не дѣвушка,—сказала она по своему откровенно и просто,— можете спокойно спать на мой счетъ.

— Не дѣвушка,—воскликнулъ Яша со смѣхомъ и разыгранымъ удивленіемъ—а, такъ она мальчикъ. Значитъ, Михель, теперь я могу ее поцѣловать, навѣрно вѣдь могу?

Онъ бросился на нее, сдѣлавъ видъ, что цѣлуетъ ее, и, чмокая свои руки, громко кричалъ:

— Какой вкусный мальчикъ, Ита хотите попробовать кусочекъ? Ахъ, что за мальчикъ. И вдругъ совершенно неожиданно для нея, онъ обхватилъ ее за шею, притянулъ къ себѣ и звонко поцѣловалъ въ губы. Маня растерялась на мигъ. Потомъ опомнилась и сердито крикнула:

— Если еще разъ попробуете, я вамъ усы вырву. Суньтесь только. Я терпѣть не могу такихъ шутокъ.

Михель съ интересомъ слѣдилъ за Яшей, предъ которымъ преклонялся. Ита становилась печальнѣе, и, не вмѣшиваясь, прихлебывала чай.

— Только усы?—обрадовался Яша, сдѣлавъ милое лицо,—такъ вотъ они, если они вамъ нравятся. А теперь давайте губы.

Онъ со смѣхомъ опять бросился на нее, и оба начали бороться, чуть не опрокинувъ столъ, она—отбиваясь, онъ—наступая все смѣлѣе.

— Усы,—слышался между поцѣлуйми его голосъ,—только всего и ничего больше, а я думалъ, что вамъ мой глазъ нуженъ. Мнѣ же нужны ваши губы, губы. Ахъ, какой сердитый мальчикъ!

Михель съ наслаженіемъ потиралъ руки и смѣялся. Вотъ

это молодецъ! И чѣмъ . онъ ихъ беретъ только? Счастливецъ, негодяй. Ита съ грустью думала о томъ, что ожидаетъ Маню, если она увлечется Яшей. Маня же сначала крикнула, потомъ замолчала и тихо боролась. Вдругъ Яша выпустилъ ее и схватился за губу. Маня стояла передъ нимъ и держала между пальцами маленькій влокъ волосъ. Глаза ея сверкали отъ возбужденія и радости. Яша же стоялъ красный отъ стыда и старался улыбнуться. Онъ былъ такъ комиченъ со своимъ недоумѣвающимъ лицомъ, что Маня не выдержала и засмѣялась. Засмѣялись и Михель съ Итой.

— Ну, вы! съ гримасой и скрывая сильную боль въ губѣ, произнесъ онъ.— Не гогочите такъ. Это вовсе не такъ весело, увѣряю васъ. Дай Богъ, чтобы черти въ аду хоть на половину такъ пекли васъ, какъ печеть губа.

Всѣ опять усѣлись вмѣстѣ, но приключеніе это уже испортило прежнее непринужденное настроеніе. Яша, какъ ни старался, не могъ вернуть себѣ хорошаго расположенія и сидѣлъ скучный и серьезный; къ тому же и губа у него порядкомъ ныла, и это совсѣмъ портило дѣло. Съ нимъ какъ бы потухло и веселье, только что жившее здѣсь. Маня сидѣла задумчивая и мучительно чувствовала, какъ и въ ней что-то потухло. Она не отдавала себѣ отчета, что съ ней, и сидѣла, подобно ему, какъ убитая. Серьезность его пугала ее, а то, что онъ страдалъ вызывало сладкую и томительную радость, что она тому причиной. Потомъ ей крѣпко захотѣлось, чтобы онъ опять шутилъ и веселилъ ее. Она сидѣла, страшно тоскуя и замирая отъ рождавшихся желаній. Какъ обласкать его? Какъ показать ему свое раскаяніе, какъ сдѣлать, чтобы онъ не страдалъ и опять льнулъ къ ней словами, глазами? Внезапно она рѣшилась. Не допивъ чая, подмываемая вспыхнувшей и какъ бы вонзившейся ей въ мозгъ мыслью, она быстро встала и начала собираться, мечтая, что, можетъ быть, онъ догадается. Ита же была такъ поражена этой поспѣшностью, что только для формы спросила ее:

— Куда вы, Маня? Это просто глупо. Вамъ вѣдь некуда пойти.

— Ничего, ничего,—возразила та, не рѣшаясь поднять глазъ,— нужно мнѣ, такъ будетъ лучше.

— Можетъ быть, ты ее проводишь?—произнесъ Михель, подмигнувъ Яшѣ.

Какой-то токъ образовался между Яшей и Маней. Они оба почувствовали уколъ отъ одной и той же радости, и первый, поискавъ въ памяти слова, дрожащимъ голосомъ сказалъ:

— Могу, хотя ей и одной не опасно. Вѣдь она не дѣвушка.

Онъ подчеркнулъ эти слова, а Маня, скрывъ волненіе, нарочно отвѣтила колкостью.

— Вы мнѣ нужны, какъ смерть. Можете оставаться здѣсь. Посмотрите, какъ вы красивы теперь.

Она распрощалась съ Итой и расцѣловалась съ ней, все избѣгая ея взгляда. Ита крѣпко прижала ее къ себѣ, хотѣла что-то сказать, но удержалась, чувствуя, что въ этомъ дѣлѣ слова не сила.

— Мы еще увидимся, — стараясь улыбнуться, произнесла Маня, — судьбы своей не избѣжишь.

— Берегите себя, Маня, — отвѣтила Ита, — иногда можно и судьбу повернуть.

Всѣ посмотрѣли другъ на друга съ недоумѣніемъ. Маня махнула рукой и вышла.

— Сумасшедшая дѣвушка, — произнесъ Михель.

— Можетъ быть, она права, — громко подумала Ита, вспоминая слова Мани о томъ, что ничего у нея нѣтъ веселаго въ жизни, и только остается ей какъ-нибудь незамѣтно проползти до могилы.

— Ты хочешь сказать, женщина? — усмѣхнулся Яша, подмигнувъ въ свою очередь Михелю, и, быстро простившись со словами „судьба, судьба“, — побѣжалъ за Маней. У воротъ онъ нагналъ ее, заглянулъ въ лицо и, замѣтивъ, что она въ слезахъ, быстро, прежнимъ ласковымъ и мягкимъ голосомъ спросилъ:

— Что съ тобой, женщина?

Она молчала. Яша взялъ ее подъ локоть и, почувствовавъ теплоту, такъ прильнулъ къ ея рукѣ, что никакая сила не оторвала бы его отъ нея. Онъ легонько повлекъ ее, и она покорно пошла за нимъ. Только вся дрожала.

По уходѣ Яши, Ита, засыпая золой печурку, мимоходомъ бросила: — Еще одна дѣвушка пропала.

— Спаслась, дура, — жестко отвѣтилъ онъ, и пропѣлъ: — еще одна спасенная, ибо ей за муки уготованъ рай.

Ита ничего не отвѣтила и пожала плечами. Заплакалъ ребенокъ. Она бросилась къ нему, легла подлѣ и начала кормить. Потомъ долго глядѣла на него, какъ бы стараясь запечатлѣть въ себѣ его милое, кругленькое личико, и незамѣтно заснула. Михель давно лежалъ возлѣ нея и спалъ.

Семень Юшкевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГОРОДЪ И ДЕРЕВНЯ ВЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

(Краткій очеркъ экономической исторіи Россіи).

(Продолженіе) *)

III.

Городъ и деревня въ удѣльной Руси (съ XIII до половины XVI вѣка).

Экономическій бытъ Кіевской Руси, какъ мы только что убѣдились, отличался чрезвычайной простотой и цѣльностью: для его пониманія нѣтъ необходимости различать на территоріи страны отдѣльныя области съ ихъ особенностями, потому что особенностей этихъ въ сущности не было, или, точнѣе говоря, онѣ были настолько незначительны, что безъ вреда для дѣла ими можно пренебречь. Такія простота и цѣльность вообще характерны для общества, которое едва еще начинаетъ жить историческою жизнью. Но уже во второмъ періодѣ, удѣльномъ, который начинается XIII вѣкомъ и оканчивается въ половинѣ XVI столѣтія, игнорировать важныя мѣстныя особенности значило бы отказаться отъ правильнаго научнаго анализа: уже въ это время зарождается раздѣленіе труда, нѣкоторая хозяйственная спеціализація отдѣльныхъ областей, входившихъ въ составъ обширной русской земли. Въ удѣльное время необходимо различать три крупныхъ экономическихъ района — центральный, новгородско-псковской и сѣверный. Каждому изъ нихъ соответствовала одна въ большей или меньшей степени господствовавшая въ немъ отрасль народной производительности, что, въ свою очередь, рѣзко сказывалось и на социальномъ составѣ и на политическомъ строѣ отдѣльныхъ болѣе или менѣе политически-обособленныхъ частей страны. Зародыши всѣхъ этихъ особенностей существовали въ разныхъ степеняхъ развитія еще въ Руси кіевской, и на этомъ фундаментѣ, заложившемъ историческую жизнь перваго періода, сложились отношенія, опредѣлившіяся въ удѣльное время. Мы видѣли, какую первостепенную роль играла на зарѣ нашей исторіи переоначальная добывающая промышленность. Традиціи древ-

*) См. «Міръ Божій», апрѣль, 1902 г.

нѣйшаго періода были цѣликомъ усвоены жителями сѣвера, той обширной области, которая начинается отъ такъ называемыхъ сѣверныхъ уваловъ—ряда холмовъ, тянущихся съ запада на востокъ по водораздѣлу между бассейнами Волги и Сѣверной Двины, — и оканчивается побережьемъ Ледовитаго океана и Бѣлаго моря. Заселеніе этого края русскими началось еще въ XI и XII вѣкахъ и усилилось въ ближайшія затѣмъ столѣтія, причемъ новые поселенцы нашли приложеніе своей хозяйственной энергіи въ тѣхъ же звѣроловствѣ и рыболовствѣ, какія занимали населеніе кievской Руси, а также въ солевареніи, особенно удобномъ и прибыльномъ вслѣдствіе естественныхъ условій крайняго сѣвера. Нѣкоторымъ подспорьемъ для сѣверныхъ колонистовъ служило мѣстами также скотоводство, но другая отрасль сельскаго хозяйства—земледѣліе — играла совершенно второстепенную, прямо ничтожную роль въ силу суровыхъ климатическихъ и неблагоприятныхъ почвенныхъ условій и очень часто—почти всегда—не давала даже того количества продуктовъ, какое необходимо было для мѣстнаго потребленія. До насъ дошло достаточное количество древнихъ актовъ, характеризующихъ народное хозяйство сѣвернаго края въ удѣльный періодъ. Читая эти акты, мы постоянно встрѣчаемся въ нихъ съ «путиками», т.е. мѣстами звѣринаго лова, «перевѣсищами», приспособленіями для птичьей охоты, рыбными ловлями, соляными варницами. Гораздо рѣже попадаются «пожни», т.е. сѣнокосы, и «поскотины», или выгоны для скота. Пашни, называвшіяся здѣсь «орамыми землями», также не часты и, главное, не велики, да къ тому же чаще всего встрѣчаются въ видѣ «притеребъ», земель, недавно расчищенныхъ изъ-подъ лѣса. Если мы возьмемъ другой важный источникъ, житія сѣверныхъ святыхъ, то опять-таки передъ нами развернется та же картина преобладанія добывающей промышленности и скотоводства. Пробираясь черезъ непроходимыя дебри и «дразги великія», т.е. непролазныя болота, сѣверный пустынножитель, основатель будущаго монастыря, добывалъ себѣ средства пропитанія обыкновенно рыболовствомъ; когда около него собиралось нѣсколько сподвижниковъ, тогда разводили скотъ; въ рѣдкихъ случаяхъ посвящали часть времени земледѣлію, очень при томъ первобытному: копали землю мотыками, т.е. попросту лопатами или палками съ желѣзными наконечниками. При господствѣ первобытной добывающей промышленности, сѣверъ былъ въ то же время областью, въ которой натуральное хозяйство сохранилось въ наиболѣе чистомъ видѣ. Это видно изъ того, что, во-первыхъ, во все время изучаемаго періода здѣсь не встрѣчается упоминаній о торговыхъ центрахъ, ярмаркахъ и сколько-нибудь значительномъ торговомъ движеніи, а во-вторыхъ, даже въ XVI вѣкѣ сѣверные крестьяне уплачивали владѣльческимъ оброкамъ и государственныя подати натурой—«посопнымъ хлѣбомъ», т.е. хлѣбомъ въ зернѣ, и даже тогда когда подати въ другихъ частяхъ государства стали переводиться на деньги, на сѣверѣ въ боль-

шинствѣ случаевъ сохранились старые натуральные платежи, а если они смѣнялись денежными, то послѣдніе назначались обыкновенно въ очень небольшомъ окладѣ: очевидно, денегъ у жителей сѣвера не было, т.-е. они почти не торговали, сохранили почти въ полной неприкосновенности натуральную систему хозяйства.

Чрезвычайно послѣдовательно, хотя съ большими, чѣмъ на сѣверѣ, перемѣнами, кievскія традиции были воспріяты и развиты также въ сѣверозападномъ углу страны, въ области Великаго Новгорода и Пскова. Какъ въ кievской Руси землѣдѣіе играло вгостепенную роль въ народномъ производствѣ, такъ оно не было важнымъ элементомъ и въ хозяйственной жизни новгородско-псковскаго края: населенію здѣсь сплошь и рядомъ не хватало своего хлѣба, и всегда чувствовалась, поэтому, нужда въ привозномъ зернѣ. Лучшимъ доказательствомъ этого служить то обстоятельство, что московскіе великіе князья XIV и XV вѣковъ, при каждой ссорѣ съ Новгородомъ, подвергали новгородцевъ всѣмъ бѣдствіямъ голода, прекращая доставку хлѣба изъ области Волги и Оки. Болѣе, чѣмъ производство хлѣба, была развита культура техническихъ растений—льна и конопли, сбывавшихся въ сыромъ, отчасти и обработанномъ видѣ за границу и служившихъ также для собственныхъ потребностей производителей. Въ то же время въ области Новгорода и Пскова продолжали сохранять важное значеніе добывающая промышленность и скотоводство, господствовавшія, какъ намъ уже извѣстно, въ Кievской Руси. Заключая, напримѣръ, договоры со своими князьями, новгородцы чрезвычайно точно и тщательно опредѣляли районы и время княжеской звѣриной и птичьей охоты и рыбной ловли, ограждая, очевидно, интересы охотниковъ и рыболововъ изъ народа. Одинокъ изъ новгородскихъ князей XIII вѣка даже былъ изгнанъ за злоупотребленіе гагачьей охотой. Въ житіи св. Антонія Римлянина, подобно житіямъ сѣверныхъ святыхъ, говорится о рыболовствѣ, какъ обычномъ занятіи монаховъ. О пчеловодствѣ свидѣтельствуетъ не одна статья такого важнаго законодательнаго памятника, какъ Псковская ссудная грамота. Наконецъ, имѣемъ также извѣстія о солевареніи въ Старой Руссѣ и добычии желѣза въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Вотской пятины, занимавшей часть Финляндіи и нынѣшнія Петербургскую и отчасти Новгородскую губерніи. Обиліе пастбищъ и сѣнокосовъ, засвидѣтельствованное писцовыми книгами новгородскими, открывало въ свою очередь возможность разведенія скота въ значительномъ количествѣ.

Воспріявъ отъ кievской Руси основную черту экономическаго быта, опредѣлявшую хозяйственную дѣятельность народной массы, новгородскій край XIII—XV вѣковъ унаслѣдовалъ отъ того же историческаго періода и развилъ въ очень значительныхъ размѣрахъ и ту отрасль промышленности, которая питала и усиливала высшіе слои общества, — внѣшнюю торговлю. Новгородскія и псковскія лѣтописи пестрятъ извѣ-

стѣями о мѣновныхъ сношеніяхъ новгородцевъ и псковичей съ центромъ Россіи, съ одной стороны, и съ Западной Европой, преимущественно съ городами Ганзейскаго союза, съ другой. О томъ же ясно свидѣтельствуютъ торговые договоры Новгорода съ нѣмцами, договорныя грамоты великихъ князей съ новгородской вольной общиной, многочисленные, сохранившіяся до нашего времени донесенія нѣмецкаго купчества, извѣстія иностранцевъ, посѣщавшихъ Новгородъ, подобно французу Ляннуа, наконецъ, народныя сказанія, былины и пѣсни, вродѣ известной былины о Садкѣ-богатомъ гостѣ или того древняго новгородскаго сказанія, которое ведетъ рѣчь о добромъ молодцѣ, задавшемся «къ купцу—купцу богатому, ко боярину». Насколько Новгородъ превосходилъ по своему торговому значенію другіе русскіе города того времени, можно усмотрѣть изъ одного лѣтописнаго извѣстія, наглядно показывающаго это: подъ 1216 годомъ въ лѣтописи упоминается о прїѣздѣ въ Переяславль-Залѣскій (нынѣ уѣздный городъ Владимірской губерніи) новгородскихъ и смоленскихъ купцовъ: тогда какъ послѣднихъ, т.-е. смоленскихъ, было всего 15, число первыхъ, прїѣхавшихъ изъ Новгорода, простиралось до 150-ти. Новгородская торговля отличалась при этомъ весьма важными особенностями, которыя необходимо отмѣтить: прежде всего она опиралась не на мѣстное производство, изъ продуктовъ котораго только ленъ и конопля да отчасти еще продукты скотоводства—кожи, сало, масло, мясо, щетина, шерсть—отпускались за границу, а на богатства другихъ мѣстностей; другими словами, новгородская торговля была передаточной, транспортной: закупая въ центральной Россіи и забирая въ видѣ дани на сѣверѣ, подчинявшемся Новгороду, мѣха, медъ, воскъ, хлѣбъ, ленъ, коноплю, продукты скотоводства, новгородцы промѣнивали ихъ на заграничныя товары: шелковыя и шерстяныя ткани, сукна, оружіе, металлическія издѣлія, вина и проч.; вторая характеристическая черта, отличавшая торговлю Новгорода и Пскова отъ древнѣйшей кievской, заключается въ томъ, что въ этихъ вольныхъ городахъ удѣльной Руси для веденія торговыхъ операцій необходимы были уже предпринимательскіе труды, известная коммерческая техника и значительный капиталъ, такъ какъ не данъ уже, не даромъ достаеміеся продукты служили товарами, предназначенными для заграничнаго вывоза: эти товары необходимо было купить, добыть путемъ торговой эксплуатаціи ихъ производителей. Вотъ почему торговля и денежный капиталъ имѣли несравненно болѣе значеніе въ жизни вольныхъ городовъ удѣльнаго времени, чѣмъ въ кievской Руси, хотя народное хозяйство въ новгородско-псковскомъ краѣ все-таки продолжало оставаться натуральнымъ, лучшимъ доказательствомъ чего служить господство натуральныхъ владѣльческихъ поборовъ, засвидѣтельствовавшее еще въ концѣ XV вѣка писцовыми книгами, этимъ отдаленнымъ подобіемъ и историческимъ прототипомъ современныхъ хозяйственно-статистическихъ изслѣдованій.

Если сѣверъ и новгородско-псковскій край можно признать чрезвычайно послѣдовательными хранителями старины въ народномъ хозяйствѣ, развившими дагѣ основы древнѣйшаго экономического быта, то центръ удѣльной Руси, область верхней Волги и Оки, включаетъ въ себѣ въ этомъ отношеніи гораздо болѣе новыхъ элементовъ, лишь въ слабой степени представленныхъ въ народномъ хозяйствѣ кievской Руси: въ центральной области надъ другими отраслями производства преобладало уже въ удѣльное время сельское хозяйство, причемъ по мѣрѣ приближенія къ концу періода это преобладаніе постепенно усиливается, а въ предѣлахъ сельскохозяйственной промышленности все болѣе выдвигается на первый планъ земледѣліе. Древнѣйшіе сохранившіеся до нашего времени отрывки изъ писцовыхъ книгъ конца XV и первой половины XVI вѣка, относящіяся къ области Волги и Оки, сравнительно рѣдко упоминаютъ уже объ угодьяхъ, необходимыхъ для занятія добывающей промышленностью,—рыбныхъ ловляхъ, бобровыхъ гонахъ, бортныхъ ухояхъ; «путики» и «перевѣсица», столь частые на сѣверѣ, здѣсь совсѣмъ не встрѣчаются; зато описаніе cadaго нѣввіа неизмѣнно оканчивается указаніемъ, сколько въ немъ числится пашни. И въ мѣстности между Волгой и Окой основывались въ удѣльное время монастыри и происходила колонизація, но поселявшіеся здѣсь монахи, въ противоположность основателямъ сѣверныхъ монастырей, не охотились, не ловили рыбы и не варили соль, а воздѣлывали землю, занимались полевымъ, земледѣльческимъ хозяйствомъ. Типическимъ примѣромъ такихъ монаховъ-хлѣбопашцевъ служатъ сподвижники основателя самаго знаменитаго изъ центральныхъ монастырей, св. Сергія Радонежскаго. О томъ же перевѣсѣ земледѣлія надъ другими отраслями народного труда свидѣлствуютъ, наконецъ, многочисленные акты удѣльнаго періода, грамоты всякаго рода, государственныя и частныя. Такъ въ концѣ XIV вѣка митрополитъ Кипріанъ далъ уставную грамоту, опредѣляющую повинности крестьянъ, жившихъ на земляхъ митрополичьихъ монастырей; характеръ этихъ повинностей не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ преобладающемъ значеніи земледѣлія. Въ самомъ дѣлѣ: что это за повинности? Главныя изъ нихъ заключаются вотъ въ чемъ: «игумнову долю пашни пахать, сѣять и жать, сѣно косить, рожь молотъ, хлѣбы печь, солодъ молотъ, на сѣмя рожь молотить».

Господствующимъ отраслямъ производства соответствовали и своеобразныя для cadaго изъ указанныхъ трехъ районовъ *формы землевладѣнія* и *формы хозяйства*. Сѣверъ и въ этомъ отношеніи стоялъ всего ближе къ кievской Руси: и здѣсь, какъ и тамъ, преобладаіемъ добывающей промышленности обуславливалась семейная форма производства. Но въ сферѣ формъ землевладѣнія между кievской Русью и сѣверомъ удѣльнаго времени уже не существовало тожества: совершились уже нѣкоторыя важныя перемѣны,—коренныя, необходимыя

и временныя или случайныя. Къ числу коренныхъ перемѣнъ принадлежитъ прежде всего полное исчезновеніе стариннаго вольнаго или захватнаго, кочевого землепользованія: каждая семья уже не переселяется постоянно, захватывая себѣ для хозяйственной эксплуатаціи на непродолжительный срокъ любой участокъ земли,—она осѣдаетъ довольно прочно, болѣе опредѣленнымъ образомъ и надолго размежевуется съ сосѣдями. Причина этой перемѣны кроется въ ростѣ населенія и естественныхъ условіяхъ сѣвернаго края, гдѣ суровость климата и скудость почвы, малоудобной для земледѣлія, исключаютъ возможность широкаго простора и требуютъ отъ каждой хозяйственной единицы столь напряженнаго труда, что она неохотно разстается съ облюбованнымъ участкомъ. Читая документы, касающіеся заселенія сѣвернаго края, легко убѣдиться, что обычнымъ типомъ колонизаціи здѣсь было поселеніе одинокаго крестьянина съ его семьей на пустомъ мѣстѣ, среди болотъ и лѣсовъ, и при томъ поселеніе болѣе или менѣе прочное. Сплошь и рядомъ встрѣчаются указанія, что тотъ или иной крестьянинъ «посѣче лѣсъ и многа дрѣвеса, яко ту селитву себѣ сотворитъ» или «завель новое мѣсто распашное». Въ послѣдующихъ поколѣніяхъ семья такого отдѣльнаго поселенца размножается, но, сохраняя еще сильно свое кровное единство, не дѣлится, владѣетъ землею сообща и живетъ вся въ одномъ дворѣ. Работа производится общими силами, а дѣлятся лишь продуктомъ, причемъ основаніемъ для раздѣла продукта служитъ степень кровной, родственной близости къ основателю двора, родоначальнику семьи. Возьмемъ простѣйшій схематическій примѣръ: предположимъ, что у этого родоначальника—перваго поселенца было два сына. Очевидно, каждому изъ нихъ, при совмѣстномъ веденіи хозяйства по смерти отца, должна была достаться половина продукта. Допустимъ далѣе, что въ третьемъ поколѣніи произошла такая перемѣна: у одного изъ сыновей родоначальника былъ одинъ сынъ, а у другого двое; очевидно, на долю перваго придется половина продукта, а на долю двухъ послѣднихъ лишь по четверти и т. д., такъ что съ размноженіемъ семьи доли въ каждомъ послѣдующемъ поколѣніи дробились все больше, и доля одного не равнялась долѣ каждаго изъ другихъ. Это неравенство содѣйствовало росту стремленія отдѣльныхъ членовъ семейнаго союза къ хозяйственной самостоятельности, потому что ни у кого нѣтъ желанія работать столько же, сколько другіе, получая вмѣстѣ съ тѣмъ меньше другихъ. Первымъ выраженіемъ такого стремленія было пріобрѣтеніе каждымъ членомъ семьи права продавать, закладывать, дарить и завѣщать свои права на долю общаго продукта постороннимъ, чужимъ людямъ, чужеродцамъ. Путемъ такихъ сдѣлокъ въ составъ семейнаго союза или двора проникали элементы не родственные, и такой осложнившійся чужеродными примѣсями сокъ получалъ названіе сока складниковъ, сябровъ или сосѣдей. Въ документахъ XIV, XV и даже XVI вѣковъ часто пона-

даются на сѣверѣ земли, находившіяся «съ складниками не въ раздѣлѣ». Но чужеродцы, конечно, еще болѣе, чѣмъ родственники, тянули врозь, и въ результатѣ получился уже не дѣлежъ продукта, а раздѣлъ земли, сначала временный, предполагавшій возможность новаго передѣла, нерѣдко и осуществлявшагося. О «новомъ дѣлѣ» или «передѣлѣ» земли между складниками можно прочесть во многихъ сѣверныхъ актахъ удѣльнаго періода. Наконецъ, отъ временнаго раздѣла земли не труденъ и не дологъ былъ уже переходъ къ полному и окончательному раздѣлу, т.-е. къ подворно-наслѣдственному владѣнію. Въ источникахъ часто встрѣчаются извѣстія о такихъ раздѣлахъ съ стереотипной оговоркой: «а тѣхъ земель намъ впредь не передѣлывать». Однако въ удѣльное время такіе окончательные раздѣлы были на сѣверѣ Россіи не общимъ явленіемъ, а скорѣе исключеніемъ, такъ что вообще можно признать сѣверное землевладѣніе того времени складническимъ, сябриннымъ, или сосѣдскимъ, сопровождающимся или совмѣстнымъ веденіемъ хозяйства, или временными, періодическими передѣлами земли между складниками, сябрами или сосѣдями. Таковы необходимыя, коренныя перемѣны, совершавшіяся въ удѣльный періодъ въ сѣверномъ семейномъ землевладѣніи и представлявшія собою неизбежное, подъ влияніемъ новыхъ условій, развитіе древнѣйшаго землевладѣльческаго права. Поверхностной, случайной и отчасти временной перемѣной въ той же сферѣ надо считать образованіе во многихъ мѣстахъ сѣвернаго края крупныхъ вотчинъ новгородскихъ бояръ и владыки, т.-е. архіепископа новгородскаго. Извѣстно, напр., что новгородскій владыка имѣлъ до конца XV вѣка обширныя владѣнія въ Обонежской пятинѣ, т. е. нынѣшней Олонецкой губерніи, что знаменитой Марѣѣ-посадницѣ принадлежали земли по берегамъ Бѣлаго моря, при устьѣ р. Онеги, а Важскій уѣздъ въ XIV вѣкѣ представлялъ собою территорію, почти всецѣло занятую громадной промышленной вотчиной новгородскихъ бояръ Своеземцевыхъ. Этапримѣсь архіерейскихъ и боярскихъ земель была, несомнѣнно, поверхностной перемѣной, потому что она не повела къ коренной перестройкѣ крестьянскаго землевладѣльческаго права на сѣверѣ: бояре и владыка приобрѣли лишь высшее право на землю, подобное праву удѣльныхъ князей на всю территорію ихъ княжества; подъ покровомъ этого высшаго права собственности на землю въ боярскихъ и владычныхъ вотчинахъ сѣвера продолжали господствовать семейная форма крестьянскаго землепользованія и свободный оборотъ (продажа и залогъ) земли между крестьянами. Но появленіе этой боярской вотчины было еще случайнымъ: это потому, что она была создана не столько мѣстными экономическими условіями, сколько хозяйственными особенностями новгородскаго края: только приобретеніе капиталовъ посредствомъ торговой дѣятельности доставило новгородскимъ боярамъ и владыкѣ необходимыя для покупки, захвата и заселенія земель средства. Наконецъ, временнымъ надо признать

развитіе боярской и архіепископской вотчины на сѣверѣ по той причинѣ, что съ паденіемъ новгородской вольности въ концѣ XV вѣка эта вотчина была вырвана съ корнемъ Иваномъ III и замѣнена крестьянскимъ, такъ называемымъ чернымъ землевладѣніемъ, т. е. тою же семейною формою крестьянскаго землепользованія, какая существовала прежде, причѣмъ высшее право собственности на землю стало принадлежать московскому госудаю. Фактически перемѣна сводилась только къ тому, кому должны были платить оброкъ крестьяне: раньше они его платили боярамъ и владыкѣ, потомъ стали платить великому князю московскому.

Итакъ, на сѣверѣ господствовала съ извѣстными перемѣнами старая семейная форма землевладѣнія и хозяйства, съ примѣскою оброка выпивающаго собственникамъ земли. Оброкъ этотъ платился не деньгами, а натурой, болѣею частью долею продукта, половиною или третью, почему и лица, платившія его, назывались половниками, иногда третниками. Все это—формы производства весьма характерныя для натурального хозяйства съ господствомъ добывающей промышленности.

Мы видѣли сейчасъ, какъ сильно содѣйствовала новгородская внѣшняя торговля развитію землевладѣнія новгородскихъ бояръ на сѣверѣ. Еще могущественнѣе было вліяніе того же экономического фактора на поземельныя отношенія въ предѣлахъ собственно-новгородской области; здѣсь по уцѣлѣвшимъ писцовымъ книгамъ мы можемъ наблюдать подавляющее господство боярскаго землевладѣнія, чрезвычайно при томъ крупнаго. Земля владыки и монастырей были также довольно виднымъ элементомъ въ новгородскомъ землевладѣніи, но уже онѣ уступали по размѣрамъ боярскимъ имѣніямъ. О владѣніяхъ же мелкаго городского и сельскаго люда—такъ называемыхъ своеземцевъ и даже купцовъ—и говорить нечего: они совершенно тонули въ морѣ боярской и церковной земли. Наконецъ, самостоятельнаго крестьянскаго землевладѣнія уже совсѣмъ не было. Процессъ обезземеленія новгородскихъ крестьянъ или смердовъ можно прослѣдить по уцѣлѣвшимъ поземельнымъ актамъ XIII, XIV и XV вѣковъ, равно какъ и по отрывочнымъ намекамъ другихъ источниковъ. Такія грамоты, какъ вкладная Варлаама Хутынскаго или завѣщаніе Антонія Римлянина, передавшия свои вотчины въ основанные ими монастыри, указываютъ, что монастыри пріобрѣтали свои владѣнія отъ лицъ разнаго общественнаго положенія прежде всего путемъ даренія: при жизни дарителя—посредствомъ вклада или по его смерти—посредствомъ духовной грамоты. Это вполнѣ понятно въ обществѣ, которое, несмотря на скопленіе нѣкоторыми его членами значительныхъ капиталовъ, жило все-таки по преимуществу при натуральномъ хозяйствѣ: земля оставалась наиболѣе значительной и самой распространенной цѣнностью, такъ что естественно и являлась наиболѣе удобнымъ средствомъ стяжать себѣ мшлаты монашествующей братіи для достиженія царства небеснаго. На

ряду съ этимъ монастыри, разумѣется, прибрѣтали земли и посредствомъ покупки и пріема въ залогъ, тѣмъ болѣе, что кредитныя операціи, по всѣмъ признакамъ, достигли въ Новгородѣ значительнаго развитія. Все сказанное о происхожденіи и развитіи монастырскаго землевладѣнія одинаково примѣнимо и къ землевладѣнію владыки или архіепископа новгородскаго. Что касается громаднхъ вотчинъ новгородскихъ бояръ, то покупка и пріемъ въ залогъ, несомнѣнно, также были важнымъ средствомъ сосредоточенія въ боярскихъ рукахъ большихъ земельныхъ богатствъ: это видно изъ новгородскихъ купчихъ и закладныхъ XIV и XV вѣковъ, а также изъ договорныхъ грамотъ Новгорода съ князьями, свидѣтельствующихъ, что покупка сель была обычнымъ въ то время явленіемъ. Наконецъ, существовалъ еще способъ прибрѣтенія земли, несомнѣнно примѣнявшійся въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ, случаяхъ новгородскими боярами: это — пріемъ свободныхъ людей, владѣвшихъ землею, въ закладни. Недаромъ въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ князьями, съ цѣлью преградить князьямъ возможность обогатиться землею въ новгородскомъ краѣ, постоянно запрещается князьямъ держать гдѣ бы то ни было закладней Закладни — это то же, что коммендаты въ средневѣковыхъ государствахъ Западной Европы; это лица, отдавшіяся подъ покровительство какого-либо сильнаго человѣка, подчинившіяся ему со своими землями въ податномъ и судебномъ отношеніяхъ.

Бояре, архіепископъ и монастыри, получая главную часть своихъ средствъ отъ виѣшней транспортной торговли, пользовались доходами со своихъ вотчинъ по преимуществу для удовлетворенія собственныхъ потребностей. Вотъ почему, какъ видно изъ писцовыхъ книгъ XV и даже первой половины XVI вѣка, главной формой эксплуатаціи крестьянскаго труда въ боярскихъ и церковныхъ вотчинахъ былъ оброкъ натурой, большею частью долей продукта, рѣже, — именно тамъ, гдѣ коренные устои натурального хозяйства стали уже сильно колебаться, — деньгами. Несвободный, холопскій трудъ пригнѣялся весьма мало. И въ самомъ дѣлѣ: для чего было заставлять крестьянъ работать на барщинѣ и употреблять для земледѣльческаго труда холоповъ, когда барская запашка была ненужна, потому что рынка для плохого новгородскаго хлѣба не было, а собственные потребности владѣльцевъ легко удовлетворялись насчетъ оброка?

Наконецъ, перевѣсъ сельскаго хозяйства и въ частности земледѣлія въ предѣлахъ нынѣшней центральной Россіи также оказалъ сильное вліяніе на землевладѣльческія отношенія. Земледѣліе требуетъ уже нѣкоторой, довольно значительной сравнительно съ добывающей промышленностью, затраты капитала: первобытный звѣроловъ, рыболовъ или пчеловодъ почти совершенно не нуждаются въ капиталѣ для своихъ производительныхъ цѣлей: не трудно и ничего не стоитъ устроить тенета для звѣря, обзавестись рогатиной, сплести сѣти для рыбы; чтобы

собрать воску и меду, стоить только найти въ лѣсу дуплистое дерево и сдѣлать въ немъ нехитрыя приспособленія для пчелъ или даже просто отыскать дерево, гдѣ пчелы уже живутъ. Не то въ земледѣліи: при занятіи имъ въ лѣсной странѣ необходимо выжечь лѣсъ, выкорчевать пни, распахать новъ, засѣять ее, переборонить поле, сжать и вымолотить хлѣбъ, смолоть зерно. Всѣ эти операціи требуютъ значительной затраты времени, слѣдовательно предполагаютъ у земледѣльца наличность извѣстнаго потребительнаго запаса, извѣстныхъ средствъ для пропитанія; кромѣ того, операціи эти настолько сложны, что вызываютъ употребленіе земледѣльческихъ орудій—плуга, сохи, бороны, косы или серпа и т. д.; если къ этому прибавить необходимость сѣмянъ для носѣва, рабочаго скота и хозяйственныхъ построекъ, то станетъ понятна настоящая нужда земледѣльца въ капиталѣ. Между тѣмъ, въ центральной Руси въ удѣльное время капиталъ былъ несравненно менѣе распространенъ въ массѣ населенія, чѣмъ это было даже въ области Новгорода и Пскова. Отдѣльная крестьянская семья сплошь и рядомъ не обладала, поэтому, достаточными для успѣшнаго веденія земледѣльческаго хозяйства средствами, а это заставляло ее нерѣдко отказываться отъ земли за ссуду инвентаремъ, получаемую отъ лицъ болѣе состоятельныхъ, или садиться на землю, принадлежащую этимъ состоятельнымъ лицамъ. Экономически сильными, капиталистами, по крайней мѣрѣ, болѣе, чѣмъ крестьяне, обезпеченными матеріально были въ то время, прежде всего князья, великіе и удѣльные, затѣмъ архіерейскія кафедръ, по преимуществу митрополичья, монастыри и, наконецъ, бояре. Въ ихъ рукахъ и сосредоточилась постепенно вся масса земельного богатства области между Окой и Волгой, произошло такъ называемое «окняженіе» и «обояреніе» земли, такъ что даже черная или тяглая земля т.-е. собственно крестьянская, стала считаться княжеской. Это была очень важная пережѣна въ землевладѣльческомъ правѣ: сущность ея сводится къ тому, что не только боярскія, княжескія-дворцовыя, монастырскія и архіерейскія, но и черныя земли не могли быть отчуждаемы крестьянами, что крестьяне потеряли право свободнаго распоряженія землей, ея продажи, залога, даренія и завѣщанія,—то право, которое составляло такой отличительный признакъ сѣвернаго складническаго землевладѣнія.

Но пережѣны въ землевладѣльческомъ правѣ центральной области не ограничились обезземеленіемъ крестьянъ и образованіемъ крупнаго землевладѣнія князей, церковныхъ учреждений и боярѣ. Дѣло въ томъ, что сбытъ земледѣльческихъ продуктовъ былъ чрезвычайно слабо развитъ, находился въ зачаточномъ состояніи; натуральное хозяйство оставалось еще непоколебленнымъ. Вотъ почему, несмотря на господство крупнаго *землевладѣнія*, польза было вести крупное земледѣльческое хозяйство, такъ какъ для такого хозяйства необходимъ обширный и

свободный рынокъ, а такого рынка нѣтъ и быть не можетъ при системѣ натурального хозяйства. При томъ вотчины были слишкомъ обширны, чтобы можно было за всеѣмъ услѣдить самому хозяину. Отсюда возникаетъ потребность въ раздачѣ крупныхъ имѣній по частямъ посредникамъ, третьимъ лицомъ, которыя занимали бы промежуточное положеніе между крестьянами, съ одной стороны, и крупными землевладѣльцами, съ другой. И вотъ, прежде всего, князь удѣльнаго періода начинаетъ раздавать свои земли *во временное и условное владѣніе* сначала своимъ несвободнымъ слугамъ, необходимымъ ему въ его хозяйствѣ въ качествѣ приказчиковъ или «тѣнуовъ», какъ тогда выражались. Это удобно и для этихъ слугъ, создавая имъ въ извѣстной степени обезпеченное существованіе, и для князя, такъ какъ даетъ ему возможность вознаграждать своихъ слугъ землей, не теряя послѣдней, потому что ее всегда можно взять обратно, и не затрачивая дорогого въ то время денежнаго капитала. Такъ въ сферѣ княжескаго дворцоваго землевладѣнія и хозяйства зародилась и воплотилась въ дѣйствительность идея *помѣстья*, т.-е. временнаго владѣнія землей подъ условіемъ службы и съ правомъ того, кто пожаловалъ землю, отобрать ее у временнаго владѣльца или помѣщика. Слѣды помѣстья на княжеской землѣ наблюдаются впервые, по нашимъ источникамъ, въ завѣщаніи великаго князя Ивана Калиты, составленномъ въ 1328 году. Но помѣстная система настолько органически связана съ системой натурального хозяйства, что стала естественно и неудержимо расти и распространяться не на однихъ несвободныхъ хозяйственныхъ слугъ князя, но также и на его свободныхъ военныхъ слугъ, т.-е. бояръ и дворянъ. Мало того: и архіереи, и монастыри, и даже отдѣльныя лица служилаго класса, обладавшія обширными землями, стали раздавать значительную часть своихъ владѣній въ помѣстное владѣніе. Это можно наблюдать въ XIV, XV и XVI вѣкахъ на земляхъ митрополита московскаго, у архіереевъ, вродѣ архіепископовъ новгородскаго и рязанскаго, во владѣніяхъ монастырей, наконецъ, у бояръ и другихъ служилыхъ людей—по уцѣлѣвшей писцовой книгѣ Тверскаго уѣзда за первую половину XVI вѣка. На ряду съ помѣстьемъ господство земледѣлія при сохраненіи натурального хозяйства повело къ распространенію еще одного типическаго для этого историческаго періода вида земельного владѣнія.—монастырской вотчины. Мы уже видѣли, что одной изъ главныхъ причинъ роста монастырскихъ земель было то обстоятельство, что монастыри принадлежали къ числу крупныхъ капиталистовъ. Другая причина также была отлична выше, при изученіи землевладѣнія въ новгородскомъ краѣ: она заключалась въ томъ, что при натуральномъ хозяйствѣ земля была почти единственной значительной цѣнностью, почему ею по преимуществу и можно было дѣлать вклады въ монастыри. Постепенно такимъ образомъ болъшая часть территоріи центральной

области перешла въ помѣстное и монастырское владѣніе. Въ XVI вѣкѣ даже во всей Россіи было не мало уѣздовъ, въ которыхъ почти вся земля сплошь была монастырская или помѣстная, и безъ преувеличенія можно сказать, что не было ни одного уѣзда (кромѣ сѣверныхъ), въ которомъ помѣстья и монастырскія земли не занимали бы большей части территоріи. Писцовыя книги не оставляютъ въ этомъ ни малѣйшихъ сомнѣній. По нимъ видно, напримѣръ, что въ новгородскихъ пятинахъ отъ 75 до 94% всей территоріи находилось въ помѣстномъ владѣніи, въ Казанскомъ уѣздѣ помѣстья занимали 65% всей площади, въ Коломенскомъ 59%, въ Вяземскомъ 97, а въ Московскомъ хотя подъ помѣстьями значилось 34% всей территоріи уѣзда, но 35% приходилось на монастырскія вотчины, такъ что на долю всѣхъ другихъ видовъ земельного владѣнія оставалось гораздо менѣе трети всей площади.

Такимъ образомъ мы видимъ, что для Сѣвера характерной земледѣльческой формой является въ удѣльный періодъ крестьянская сибриная или складническая земельная собственность, для новгородско-новгородского края—крупная боярская, отчасти архіерейская и монастырская вотчина, для центральной области княжеская вотчина, въ меньшей степени также архіерейская и боярская, причемъ здѣсь зарождаются и затѣмъ развиваются еще помѣстье и монастырское земледѣніе. Такъ какъ на всей почти территоріи страны продолжало въ то же время господствовать натуральное хозяйство, то формой эксплуатаціи чужого труда со стороны капиталистовъ-землевладѣльцевъ оставался по преимуществу натуральный оброкъ, чаще всего долей продукта; несвободный трудъ не игралъ сколько-нибудь видной хозяйственной роли.

Взаимное отношеніе разныхъ отраслей производства, а также формы земледѣнія и хозяйства опредѣлили своимъ влияніемъ и *систему хозяйства*, его технику. Говоря вообще, можно подмѣтить довольно яркіе слѣды прогресса въ этомъ отношеніи, смѣну первобытныхъ хозяйственныхъ системъ болѣе совершенными. Это замѣтно уже въ добывающей промышленности, напримѣръ, въ пчеловодствѣ, которое въ кievской Руси существовало лишь въ видѣ бортничества, т. е. разведенія пчелъ въ дуплахъ гнѣсныхъ деревьевъ, безъ особаго ухода за ними; въ удѣльное время отъ бортничества, какъ видно по нѣкоторымъ актамъ, переходятъ кое-гдѣ уже къ пасѣчному пчеловодству, къ устройству ульевъ. Тотъ же прогрессъ можно прослѣдить и въ земледѣліи: вмѣсто огневой, подсѣчной, кочевой системы, когда послѣ выжиганія гнѣса палъ или огнище распаивается всего годъ или два и потомъ бросается для новаго участка,—на большей части территоріи удѣльной Руси получаетъ преобладаніе переложная система земледѣлія, когда сроки распашки отдѣльными участковъ удлинняются, хотя папшия составляютъ все еще незначительную часть пахотной земли сравнительно съ

залежью, такъ что залежь или перелогъ возстановляетъ свои производительныя силы попрежнему естественнымъ путемъ отдыха, безъ всякаго удобренія. Мало того: въ XV-мъ и XVI-мъ вѣкахъ, какъ показываютъ писцовыя книги, въ области Волги и Оки и въ новгородскомъ краѣ распространяется еще болѣе совершенная паровая-зерновая или трехпольная система земледѣлія, при которой подъ паромъ остается не болѣе половины, а въ болѣе развитомъ состояніи—не болѣе трети всей земли, причеиъ паровое поле удобряется навозомъ, а два другихъ поля засѣваются,—одно озимымъ хлѣбомъ, по преимуществу рожью, а другое яровымъ, овсомъ, пшеницей, или ячменемъ. Эти наблюденія надъ прогрессивнымъ развитіемъ системы земледѣлія служатъ нагляднымъ выраженіемъ того постепенно увеличивавшагося преобладанія земледѣлія въ народномъ хозяйствѣ удѣльнаго періода, о которомъ у насъ уже шла рѣчь раньше. Такимъ же яркимъ отраженіемъ господства внѣшней торговли въ хозяйствѣ Новгорода служатъ сохранившіяся свидѣтельства о развитіи тамъ коммерческой техники, системы торговли. И русскіе акты, и лѣтописи, и иностранные источники указываютъ на существованіе въ Новгородѣ купеческихъ компаній или товариществъ: такъ было товарищество купцовъ-прасоловъ, т.-е. гуртовыхъ торговцевъ скотомъ, вощаниковъ, т.-е. торговцевъ воскомъ, заморскихъ купцовъ или купцовъ, ѣздившихъ для торговли за море, за границу и т. д. Можно даже различить разные виды этихъ торговыхъ компаній: полныя товарищества, когда участники отвѣчаютъ за убытки и долги всѣмъ своимъ капиталомъ, и товарищества на вѣрѣ, въ которыхъ отвѣтственность простирается лишь на вложенный въ предпріятіе участникомъ капиталъ, а не на все его достояніе.

Ознакомившись съ хозяйственными условіями русской народной жизни въ удѣльный періодъ, мы тѣмъ самымъ становимся на твердую почву при рѣшеніи вопроса объ относительномъ значеніи города и деревни въ то время. Изъ всего сказаннаго нетрудно сдѣлать выводъ, что въ области Новгорода и Пскова первенствовало городское хозяйство-торговля, а на сѣверѣ и въ нынѣшнемъ центрѣ хозяйство деревенское—сельскохозяйственная и добывающая промышленность. Уже изъ этого видно, что городъ имѣлъ опредѣляющее значеніе въ жизни новгородско-псковской области, а деревня играла такую же роль въ остальной удѣльной Руси. И достаточно бросить даже поверхностный взглядъ на социальный и политическій строй этого періода, чтобы убѣдиться въ справедливости такого заключенія. Общество Великаго Новгорода и Пскова распадалось на три большихъ слоя, если не считать несвободныхъ и полусвободныхъ состояній: то были, во-первыхъ, бояре, во-вторыхъ, житыи люди и купцы, въ-третьихъ, черные люди. Въ основу этого дѣленія легли совершенно опредѣленные и рѣзкія различія въ экономическомъ отношеніи. Не подлежитъ сомнѣнію, что новгородское боярство принимало непосредственное участіе въ торговлѣ въ

первые вѣка послѣ призванія князей: недаромъ цитованная уже выше былина поеть о добромъ молодцѣ, нанявшемся «къ купцу—купцу богато-тому, ко боярину»: купецъ и бояринъ здѣсь отождествляются. Вѣроятно, и поздѣе, боярскіе капиталы находили себѣ помѣщеніе въ торговыхъ купеческихъ товариществахъ, но, будучи отвлекаемы отъ торговли политической дѣятельностью, новгородскіе бояре довольно скоро усвоили себѣ другую, совершенно необходимую при оживленномъ торговомъ оборотѣ, экономическую функцію: они сдѣлались крупными капиталистами-банкирами, у которыхъ кредитовалось купечество; эта банкирская дѣятельность новгородскихъ бояръ засвидѣтельствована однимъ гѣтописнымъ разсказомъ начала XIII вѣка, по которому народъ разграблялъ докъ посадника Дмитра и нашель у него множество «досокъ», на которыхъ были записаны денежные обязательства лицъ, задолжавшихъ этому боярину; существовало также сказаніе о посадникѣ Шилѣ, дававшемъ деньги въ ростъ за проценты. Занятіе купцовъ ясно изъ самаго названія этого сословія. Въ немъ выдѣлялся высшій слой, самое богатое купечество, такъ называемые житьи люди. Наконецъ, черные люди распадались на смердовъ или крестьянъ, занимавшихся земледѣліемъ, скотоводствомъ и добывающей промышленностью на чужихъ, по преимуществу боярскихъ, земляхъ, и городское черное населеніе,—городчанъ, своеземцевъ и рядовичей. Своземцы жили, впрочемъ, часто и въ деревняхъ: это были землевладѣльцы, нерѣдко обрабатывающіе землю собственнымъ трудомъ. Городчане и рядовичи занимались не столько ремеслами, сколько мелкой торговлей, и жили не только въ Новгородѣ и его многочисленныхъ пригородахъ, но и въ «рядкахъ», торгово-промышленныхъ поселеніяхъ городского типа, расположенныхъ по рѣчнымъ торговымъ путямъ, каковы рѣки Мста, Шелонь, Волховъ, Свирь, Луга. Такъ какъ крестьяне жили на боярскихъ земляхъ, а купцы кредитовались у бояръ, то, господствуя надъ чернымъ сельскимъ населеніемъ посредствомъ землевладѣнія и надъ городскимъ чернымъ и надъ купечествомъ посредствомъ денежнаго капитала, служившаго для кредитныхъ операцій, новгородское боярство было и политически-правящимъ классомъ. Правда, юридически, по закону или обычаю, вѣче, т. е. собраніе всего свободнаго населенія новгородской общины безъ различія сословій, считалось единственнымъ носителемъ верховной власти: оно законодательствовало, выбирало всѣ органы управленія—князя, владыку, посадника, тысяцкаго, сотскихъ, старость концовъ и улицъ города, судило по важнѣйшимъ дѣламъ, нерѣдко тотчасъ же и распоряжалось съ подсудимыми, распоряжалось финансами, наконецъ, было рѣшающимъ учрежденіемъ въ дѣлахъ внѣшней политики; но всѣ эти функціи вѣча нерѣдко обращались въ юридическія фикціи, оставались лишь въ области теоріи, не воплощаясь въ дѣйствительность. На практикѣ вѣче почти всецѣло подчинялось боярскому совѣту: послѣднему принадлежало право предварительнаго разсмотрѣнія законо-

дательныхъ проектовъ, мѣръ административныхъ и актовъ по внѣшней политикѣ, а это давало ему важныя преимущества: совѣтъ состоялъ исключительно изъ бояръ, т.-е. лицъ опытныхъ въ дѣлѣ администраціи, связанныхъ къ тому же общими сословными и хозяйственными интересами, согласныхъ поэтому между собой; умѣлость и единство взглядовъ давали совѣту возможность подсказывать вѣчу его рѣшенія. Какъ мало значило рѣшеніе вѣча послѣ совѣтскаго постановленія, видно изъ того, что совѣтъ, повидимому, иногда рѣшалъ дѣло, не доводя его до вѣча: въ началѣ XV-го вѣка, напр., купцы жалуются, что совѣтъ не все доводитъ до свѣдѣнія народа, а Иванъ III заставилъ совѣтъ безъ согласія вѣча утвердить запись или грамоту, по которой Новгородъ долженъ былъ присягнуть ему на полное подданство. Давая общее направленіе политикѣ Новгорода черезъ посредство правительственнаго совѣта, боярство держало въ своихъ рукахъ и всю текущую администрацію, такъ какъ право быть выбираемыми въ посадники, тысяцкіе, сотскіе, кончанскіе и уличанскіе старосты принадлежало исключительно боярамъ. Изъ другихъ сословій только купцы пользовались нѣкоторыми преимуществами, несравненно, впрочемъ, меньшими, чѣмъ бояре: въ рукахъ выборныхъ отъ купечества старость былъ судъ по торговымъ дѣламъ и участіе въ разборѣ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ между новгородцами и пріѣзжими нѣмцами. Если къ этому прибавить, что власть князя въ эпоху расцвѣта новгородской самостоятельности свелась почти къ нулю—за нимъ осталось почти только одно военное предводительство, да и то съ участіемъ посадника, и что въ вѣчѣ на дѣлѣ принимали участіе главнымъ образомъ городскіе черные люди, то будетъ вполне ясно, что городъ, которому принадлежало господство въ экономической жизни Великаго Новгорода, направлялъ и всю социальную и политическую жизнь этой вольной общины.

Развитіе деревенской промышленности—сельскаго хозяйства—въ области Волги и Оки имѣло важное вліяніе, прежде всего, на соотношеніе социальныхъ силъ. Земледѣльческое населеніе, крестьянство, сохранившее еще за собой нѣкоторую долю земель, хотя и подчиненныхъ князю какъ высшему собственнику, не утратило здѣсь своего значенія въ такой степени, какъ въ аристократическомъ Новгородѣ: оно только сильнѣе примкнуло къ князю, естественному своему защитнику, и тѣмъ усилило его вотчинную власть. При полномъ почти отсутствіи торговли и городской промышленности, населеніе городовъ по существу не отличалось отъ сельскаго, занималось въ главной своей массѣ также земледѣліемъ, и было вообще малочисленно. Земли бояръ—аристократическаго элемента въ обществѣ—далеко уступали по своимъ размѣрамъ владѣніямъ князя; при томъ же экономическое благосостояніе боярства сильно зависѣло отъ воли князя, которому оно служило. Все это дѣлало самымъ сильнымъ рычагомъ въ общественной и политической машинѣ княжескую власть. Понятно поэтому, что князьямъ удѣльнаго времени

удалось выработать прочную связь со своими княжествами и установить порядокъ передачи княжескаго стола по нисходящей линіи,—отъ отца къ сыну. Естественно, что и политическое положеніе боярскаго класса не было обеспеченнымъ, не опиралось на такія опредѣленные юридическія гарантіи, какія выработаны были исторіей новгородской вольной общины: князь удѣльнаго періода совѣтовался съ боярами, но не въ силу политическихъ обязательствъ, а подъ давленіемъ простой практической необходимости. Вотъ почему удѣльная боярская дума не имѣла еще характера настоящаго учрежденія съ постояннымъ составомъ и опредѣленнымъ вѣдомствомъ или кругомъ дѣлъ, подлежащихъ его рѣшенію. Усиленіе князя, ослабленіе аристократіи и крайне ничтожное значеніе городскихъ промысловъ и торговли, выразившееся въ томъ, что города въ области Волги и Оки были не торговыми и промышленными центрами, а временными убѣжищами на случай военныхъ нападений; оказало роковое вліяніе на судьбу вѣча: лишенные хозяйственнаго значенія, горожане не были въ силахъ оградить свою политическую самостоятельность отъ притязаній князей и утратили довольно рано вѣчевое устройство, которое не было поддержано и крестьянствомъ, практически не заинтересованнымъ въ его сохраненіи, потому что деревенскому жителю трудно его посѣщать, и экономически подчинившимся князю. Мы знаемъ, что пригороды въ отношеніи къ вѣчу старшаго города занимали такое же подчиненное положеніе, какъ и села съ деревнями: «на чемъ старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ»—таковъ былъ древній обычай. Понятно, что эта зависимость не могла нравиться пригородамъ, въ которыхъ къ тому же были слабы и вѣчевыя привычки. И потому сѣверо-восточные князья—«самовластцы», начиная съ Андрея Боголюбскаго, бросаютъ старые вѣчевые города, Ростовъ и Суздаль, и переселяются въ пригородъ, Владимірѣ на-Клязми. Послѣдній членъ вѣечеваго строя въ области Волги и Оки пробилъ тогда, когда братья Андрея Боголюбскаго, Михаилъ и Всеволодъ Большое Гнѣздо, опираясь на тѣхъ же владимірцевъ, одержали верхъ надъ своими племянниками, которыхъ поддерживали суздальцы и ростовцы. Такъ преобладаніе деревенскаго склада жизни въ центральной Руси сказалося и въ сферѣ экономической, и въ социальнo-политическихъ отношеніяхъ.

Сравнивая заключенія, получившіяся при опредѣленіи исторической роли города и деревни въ первые два періода русской исторіи, мы можемъ констатировать важныя измѣненія въ удѣльный періодъ сравнительно съ кievскимъ. Тогда какъ въ Киевской Руси преобладали деревни, и городъ являлся лишь постороннимъ прилаткомъ къ сельскому быту, новообразованіемъ, лишь слегка связаннымъ съ основами народной жизни,—въ удѣльный періодъ каждая форма поселеній—городъ и деревня—завоевываетъ себѣ особую область, гдѣ и господствуетъ: городъ является опредѣляющимъ моментомъ въ жизни Новгорода и

Пскова, а деревня играетъ такую же роль въ жизни центральной области и сѣвера Россіи. Достоинно при этомъ вниманія, что деревенская экономическая жизнь приблизилась въ удѣльное время къ *земледѣльческому* типу, имѣвшему такое важное значеніе въ послѣдующихъ историческихъ судьбахъ русскаго народа, а хозяйство городское сохраняло прежній, торговый характеръ, обрабатывающая же промышленность оставалась попрежнему въ зачаточномъ состояніи. Такимъ образомъ, въ удѣльное время не только обозначилось новое соотношеніе двухъ изучаемыхъ формъ поселеній, но опредѣлился надолго и экономическій типъ этихъ поселеній.

IV.

Городъ и деревня въ Московской Руси (во второй половинѣ XVI и въ XVII вѣтѣ).

Одной изъ основныхъ причинъ успѣшнаго собиранія Руси московскими великими князьями служило, несомнѣнно, экономическое единство той территоріи, которая вошла въ составъ объединеннаго Московскаго государства. Великій Новгородъ, эта богатая, вольная, торговая республика удѣльнаго періода, служитъ блестящимъ тому доказательствомъ: онъ былъ связанъ тѣснѣйшими, неразрывными хозяйственными узами съ сѣверо-восточной Русью; новгородское купечество, какъ мы видѣли, вело транспортную, передаточную торговлю, сбывало за границу продукты не своей области, а центра вышѣйшей Россіи, и въ свою очередь продавало здѣсь не предметы, производимые въ новгородскихъ пятинахъ, а иностранные товары. Мало того: Новгородъ съ его областью не могъ пропитаться своимъ хлѣбомъ и нуждался въ привозѣ его изъ сѣверо-восточной Руси, изъ великокняжескихъ владѣній. Стоило порвать экономическую связь Новгорода съ бассейномъ Волги и Оки, и все его торговое могущество должно было бы разрушиться и исчезнуть. Вотъ почему вольная новгородская община, подобно другимъ удѣльнымъ княжествамъ, должна была рано или поздно подчиниться власти московскаго государя, что и случилось при Иванѣ III. Это экономическое единство территоріи Московскаго государства, не только продолжало сохраняться во второй половинѣ XVI и въ XVII вѣтѣ, но и постепенно усиливалось и развивалось. Но, само собою разумѣется, этимъ не исключаются особенности въ хозяйственномъ строѣ отдѣльныхъ областей; даже напротивъ: этими областными особенностями именно и обуславливалось экономическое единство страны, такъ какъ съ усиленіемъ раздѣленія труда отдѣльныя хозяйственныя единицы стали острѣе ощущать необходимость въ обмѣнѣ между собою, т. е. начали болѣе нуждаться другъ въ другѣ, потеряли прежнюю изолированность. Вся территорія Московской Руси XVI и XVII вѣковъ можетъ быть раздѣлена на шесть естественныхъ областей: 1) центръ, включавшій

въ себя нынѣшнія губерніи Московскую, Тверскую, Ярославскую, Костромскую, Владимирскую и Нижегородскую; 2) новгородско-псковской край— губерніи Новгородскую, Псковскую и Петербургскую; 3) сѣверъ, состоявшій изъ нынѣшнихъ Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерній; 4) прикамскую область — губерніи Казанскую, Вятскую, Пермскую и Уфимскую; 5) степь—земли къ югу отъ центра и прикамскаго края, и 6) Поднѣпровье, бассейнъ Днѣпра, поскольку онъ не входилъ въ предѣлы литовско-русскаго государства, въ концѣ XVI вѣка соединившагося съ Польшей въ одинъ политическій организмъ подъ названіемъ Рѣчи Посполитой. Въ этотъ перечень не включена Сибирь, не игравшая долго значительной роли въ хозяйственной исторіи нашего отечества. Говоря вообще, надо признать, что къ половинѣ XVI вѣка на большей части очерченнаго громаднаго пространства— за исключеніемъ развѣ крайняго сѣвера и крайняго юга—земледѣліе одержало окончательную побѣду надъ другими отраслями народнаго производства. Это засвидѣтельствовано чрезвычайно цѣннымъ матеріаломъ, сохранившимся для насъ въ значительномъ обиліи въ писцовыхъ книгахъ, по тексту которыхъ пашенныя угодья далеко перевѣшивали собою землю, назначенную для другихъ хозяйственныхъ цѣлей; бобровые же гоны, бортовые ухожан, соляныя варницы и даже рыбныя ловли встрѣчались очень рѣдко и отступали все далѣе на сѣверъ и на югъ, такъ что о добывающей промышленности въ центральной Руси этого времени говорить уже почти не приходится. Еще менѣе значенія имѣла промышленность обрабатывающая: въ этой сферѣ сколько-нибудь замѣтную экономическую роль играло только крестьянское кустарное производство. Такъ, Владимирскій, Калужскій, Гороховецкій, Семеновскій и Корельскій уѣзды уже тогда славились деревянными издѣліями, въ Лысковѣ, Ярославлѣ, Костромѣ и Архангельскѣ существовало производство валяной обуви, шляпъ и полотенецъ, въ отдѣльных частяхъ новгородской области выдѣлывались металлическія издѣлія. Не надо при томъ же забывать, что большая часть этихъ кустарныхъ промысловъ развилась лишь къ концу XVII вѣка. Но хотя большая часть страны была, такимъ образомъ, несомнѣнно, земледѣльческой, однако двѣ старыя ея области, отличавшіяся естественными условіями, мало благоприятными для земледѣльческаго производства,—именно сѣверъ и область Новгорода и Пскова—не вполне соответствовали такой характеристикѣ: и здѣсь, правда, земледѣліе выдвинулось на первый планъ уже въ XVI вѣкѣ, но оно не подавляло скотоводства и добывающей промышленности. Такъ называемыя «пожни», т.-е. сѣнные покосы, занимали громадныя пространства на сѣверѣ и особенно въ новгородскихъ пятинахъ. Сѣверъ отличался, кромѣ того, чрезвычайномъ обиліемъ «путиковъ», «перевѣсищъ», рыбныхъ ловель, соляныхъ варницъ, что указываетъ на сильное развитіе добывающей промышленности. Въ этомъ отношеніи здѣсь сохранились все еще ста-

ринныя преданія, съ трудомъ подававшіяся подъ напоромъ новыхъ условій. Это преобладаніе добывающей промышленности рѣзко отличало сѣверъ даже отъ новгородскаго края, не говоря уже о другихъ областяхъ страны.

Итакъ, исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ нашихъ разсужденій является то положеніе, что на сѣверѣ продолжала, хотя и въ нѣсколько меньшей степени, господствовать добывающая промышленность, въ области Новгорода и Пскова обѣ главныя отрасли сельскаго хозяйства—скотоводство и земледѣліе—сохраняли приблизительное равновѣсіе, причемъ сельскохозяйственная промышленность господствовала надъ другими отраслями производства, а въ центрѣ, степи, прикамскомъ краѣ и Поднѣпровьѣ, особенно въ центрѣ, преобладало въ XVI и XVII вѣкахъ земледѣліе.

Но эта характеристика относительнаго значенія отдѣльныхъ отраслей производства далеко не полна: не данъ еще отвѣтъ на одинъ вопросъ первостепенной важности,—о значеніи торговли, внѣшняго и внутренняго обмѣна. Въ этомъ отношеніи съ половины XVI вѣка наблюдаются серьезныя и въ высшей степени любопытныя перемѣны, указывающія на зачатки коренной перестройки хозяйственныхъ отношеній. Перемѣны коснулись какъ внѣшней, такъ и внутренней торговли.

Мы видѣли уже, какую исключительную роль во внѣшней торговлѣ удѣльной Руси игралъ Великій Новгородъ, какъ монополизировало эту торговлю новгородское купечество. Съ паденіемъ новгородской вольности въ концѣ XV вѣка торговое значеніе Новгорода сильно пошатнулось, хотя и далеко не исчезло. Гораздо чувствительнѣе былъ другой ударъ, нанесенный этому торговому центру нѣсколько десятилѣтій спустя, въ половинѣ XVI вѣка: въ это время на отдаленномъ бѣломорскомъ сѣверѣ завязались торговыя и политическія сношенія съ народомъ, экономическая мощь котораго стала развертываться, какъ разъ тогда, когда поколебалась сила Ганзейскаго союза, этого виднѣйшаго торговаго контрагента новгородцевъ: въ 1553 году, капитанъ англійскаго корабля, случайно занесеннаго бурей въ Бѣлое море, Ричардъ Ченслѣръ, высадившись на русскомъ берегу, пріѣхалъ въ Москву, былъ ласково принятъ Іоанномъ Грознымъ и заключилъ торговый договоръ между Англіей и Московскимъ государствомъ. Такъ на сѣверѣ, въ Холмогорахъ, а потомъ въ Архангельскѣ и другихъ городахъ, лежавшихъ на пути къ Москвѣ, образовались новые рынки для внѣшней торговли, не уступавшіе Новгороду, скоро даже превзошедшіе его по своему значенію. Можно наблюдать довольно сильное торговое оживленіе цѣлаго ряда городовъ, лежавшихъ на дорогѣ съ сѣвера въ центръ,—особенно Вологды, Ярославля и самой столицы государства, Москвы. Англичане, посѣщавшіе Россію во второй половинѣ XVI вѣка,—Ченслѣръ, Климентъ Адамсъ, Дженкинсонъ, Флетчеръ,—всѣ оставили

описанія своихъ путешествій, указывающія на ростъ русскаго торговаго движенія. Въ томъ же убѣждаютъ и туземные источники: Котликинъ, составившій любопытное описаніе Московскаго государства второй половины XVII вѣка, много говоритъ о русскихъ купцахъ, занимавшихся заграничною торговлею,—такъ называемыхъ гостяхъ и людяхъ гостиной и суконной сотенъ; въ 1667 году изданъ былъ новоторговый уставъ, придавшій этимъ заграничнымъ русскимъ торговцамъ корпоративную организацію для торговаго суда и сбора пошлинъ съ заграничныхъ и вывозимыхъ за границу товаровъ; съ конца XVI вѣка составляются такъ называемыя торговыя книги, служившія руководствами для правильнаго веденія торговли съ англичанами и замѣнявшія до извѣстной степени современные биржевыя бюллетени о цѣнахъ на разные товары, обращающіеся на международномъ рынкѣ. Торговыя книги заключали въ себѣ свѣдѣнія о цѣнахъ на предметы русскаго экспорта на московскомъ рынкѣ, о стоимости ихъ провоза до Архангельска и о продажной цѣнѣ на тѣ же продукты въ Нидерландахъ, Англии и даже Испаніи: всѣ эти данныя были совершенно необходимы для богатыхъ русскихъ капиталистовъ-скупщиковъ, закупавшихъ товары въ Москвѣ въ очень значительномъ количествѣ и доставлявшихъ ихъ къ Бѣлому морю для сбыта за границу.

Такое широкое развитіе внѣшнихъ мѣновыхъ сношеній должно было сильно поколебать почти безраздѣльно господствовавшее ранѣе натуральное хозяйство. Но еще большее значеніе принадлежало въ этомъ отношеніи торговлѣ внутренней, на развитіе которой съ половины XVI вѣка мы имѣемъ цѣлый рядъ указаній въ нашихъ источникахъ. Въ писцовыхъ книгахъ и актахъ съ этого времени постоянно мелькаютъ описанія отдѣльныхъ торжковъ, мѣстныхъ рынковъ и ярмарокъ, иногда охватывающихъ своими торговыми оборотами значительную территорію. Цѣлая сѣть торговыхъ дорогъ по всѣмъ направленіямъ пересѣкала страну: особенно часта была эта сѣть въ центрѣ: достаточно сказать, что такихъ большихъ дорогъ, проложенныхъ къ столицѣ государства, было не менѣе семи, такъ что Москва представляла собою въ то отдаленное время такой же туго завязанный узелъ торговыхъ гужевыхъ путей сообщенія, какимъ она является въ наше время въ отношеніи желѣзныхъ дорогъ. По словамъ англичанъ, изъ одного ярославскаго края ежедневно по дорогѣ въ Москву проѣзжало по 700—800 возовъ съ зерномъ, предназначеннымъ на продажу. Но мы имѣемъ не одни прямыя указанія на ростъ внѣшней и внутренней торговли: мы обладаемъ фактами, ясно показывающими, что товарное обращеніе успѣло уже проникнуть въ народныя массы, захватить болѣе или менѣе значительную ихъ часть: съ половины XVI вѣка натуральные владѣльческіе оброки съ крестьянъ и натуральныя государственныя повинности переводятся на деньги, что было бы невысказимо, если бы деньги не проникли въ народныя массы

наконецъ, цѣнность денегъ въ теченіе XVI вѣка понизилась въ 3 $\frac{1}{2}$ раза, а это показываетъ, что въ странѣ увеличилось количество денегъ,—естественный результатъ оживленнаго торговаго оборота. Такимъ образомъ въ хозяйственной жизни Московской Руси второй половины XVI и XVII столѣтій совершилась чрезвычайно важная перемена: система натурального хозяйства, столь характерная для первыхъ двухъ періодовъ русской исторіи, стала подтачиваться и разрушаться: на смѣну ей зарождалось и все болѣе выдвигалось впередъ денежное хозяйство, когда значительная часть населенія работаетъ уже не для собственного потребленія, а для продажи. Это обстоятельство на ряду съ указаннымъ выше значеніемъ земледѣлія или—въ видѣ лишь мѣстнаго исключенія—добывающей промышленности, имѣло послѣдствія первостепенной важности, выразившіяся, прежде всего, въ области формъ земледѣлія и способовъ хозяйства.

Всего слабѣе обнаружались эти послѣдствія на сѣверѣ,—разумѣется, по той причинѣ, что здѣсь господствовала попрежнему первобытная добывающая промышленность, и наименѣе затронутъ былъ старый натурально-хозяйственный строй. Но и сѣверъ не остался все-таки внѣ вліянія измѣнившихся мѣстныхъ условій. Здѣсь все больше и больше значенія стало приобрѣтать въ XVI и XVII вѣкахъ церковное землевладѣніе,—монастырское и архіерейское, а въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ развилась промышленная (солеваренная) вотчина Строгановыхъ. Наконецъ, въ сѣверныхъ уѣздахъ, болѣе близкихъ къ центру, распространялось также до нѣкоторой степени служилое дворянское землевладѣніе—вотчинное и помѣстное. Несмотря однако на все это, крестьянская поземельная собственность, подъ покровомъ высшей собственности царя на черную землю, продолжала господствовать на сѣверѣ и въ XVI и XVII столѣтіяхъ; только въ ея формахъ совершились перемены, являвшіяся естественнымъ продолженіемъ измѣненій, подмѣченныхъ нами въ удѣльный періодъ: многочисленные сѣверные акты о крестьянскомъ землевладѣніи даютъ полную возможность наблюдать, какъ складническіе союзы, прежде ведшіе хозяйство нераздѣльно или приобъгавшіе лишь къ временнымъ передѣламъ, окончательно разлагаются на подворные участки съ обязательствомъ бывшихъ совладѣльцевъ «новаго раздѣла не замышлять». Ясно такимъ образомъ, что экономическія условія сѣвера создали изъ него типическую крестьянскую область, гдѣ деревня царила почти исключительно, и хотя и были городскіе центры, въ родѣ Холмогоръ, Архангельска или Вологды, но они являлись въ сущности посторонними придатками, почерпали свою торговую мощь не столько въ мѣстномъ населеніи, сколько отъ пріѣзжавшихъ изъ-за моря иностранныхъ купцовъ и отъ московскихъ скупщиковъ-гостей.

Тотъ процессъ зарожденія денежнаго хозяйства, который наблюдался нами во второй половинѣ XVI вѣка и продолжался въ большей сте-

пени въ XVII столѣтія, сильно повліялъ на исторію землевладѣльческихъ формъ въ остальныхъ областяхъ страны, кромѣ сѣвера. Переходъ отъ натурального хозяйства къ денежному сопровождается всегда сильнымъ потрясеніемъ общественнаго организма, отличается крайней болѣзненностью. Въ это время экономически слабыя хозяйства погибаютъ, и особенно обостряется потребность въ денежномъ капиталѣ, чѣмъ вызывается усиленное рыночное предложеніе недвижимой собственности, предложеніе, очень скоро насыщающее спросъ, сильно превосходящее его затѣмъ и потому содѣйствующее тому, что масса земель скопляется путемъ покупки и пріема въ залогъ въ рукахъ тѣхъ, кто обладаетъ денежнымъ капиталомъ и можетъ пустить его въ оборотъ. Такими капиталистами въ древней Руси были въ особенности монастыри; вотъ почему ихъ земельныя богатства продолжали увеличиваться и во второй половинѣ XVI вѣка. Такъ, богатѣйшій изъ монастырей центральной Россіи—Троицкій—Сергіевъ—пріобрѣлъ именно въ это время, по крайней мѣрѣ, половину своихъ владѣній, если не болѣе. То же приходится сказать о рядѣ другихъ монастырей—Чудовѣ, Іосифовѣ—Волоколамскомъ, Саввинѣ—Сторожевскомъ и др. Но со второй половины XVI вѣка правительство рядомъ указовъ старается прекратить дальнѣйшій ростъ монастырскаго землевладѣнія, запрещаетъ земельные вклады, продажу и залогъ вотчинъ въ монастыри. Подъ вліяніемъ этихъ мѣръ развитіе монастырскихъ владѣній въ XVII вѣкѣ, дѣйствительно, почти совершенно прекратилось, что очень любопытно и характерно для развитія денежнаго хозяйства. Денежное хозяйство требуетъ свободнаго оборота цѣнностей, неограниченнаго права отчуждать недвижимость, какъ и движимость, постороннимъ лицамъ, постоянной возможности превратить землю въ денежный капиталъ и наоборотъ. Между тѣмъ, по церковному праву имущество церкви признается неотчуждаемымъ, и получается, такимъ образомъ, изъятіе изъ системы свободнаго оборота. Противорѣчіе между правами церкви и новыми экономическими условіями разрѣшается на первыхъ порахъ, пока денежное хозяйство находится еще въ стадіи зарожденія,—лишь прекращеніемъ роста монастырскихъ владѣній, а не совершеннымъ ихъ уничтоженіемъ. Параллельныя явленія можно наблюдать и въ исторіи служилого помѣстья: оно такъ же несовѣстимо съ денежнымъ хозяйствомъ, какъ и монастырская вотчина, потому что помѣщикъ лишень права продавать, дарить, завѣщать и закладывать свое помѣстье, т.-е. свободнаго оборота съ помѣстной землей не существуетъ. Вотъ почему въ XVII вѣкѣ помѣстье приближается постепенно къ обязанной службѣ вотчинѣ, усваиваетъ нѣкоторыя особенности послѣдней, дѣлающія его прочнымъ и подлежащимъ отчужденію владѣніемъ. Прежде всего правительство XVII вѣка внимательно слѣдитъ за тѣмъ, чтобы помѣстья переходили къ законнымъ наследникамъ помѣщиковъ, а не къ постороннимъ, старается упрочить помѣстье въ опредѣленной

семьѣ. Затѣмъ разрѣшается свободно мѣнять помѣстья не только на помѣстья же, но и на вотчины, и сдавать ихъ постороннимъ иногда даже за деньги: это было уже въ сущности не чѣмъ инымъ, какъ замаскированной продажей, и открывало возможность свободного въ известной мѣрѣ оборота помѣстной земли. Наконецъ, въ XVII вѣкѣ и количество помѣстныхъ земель уменьшается, такъ какъ значительная часть ихъ жалуются государемъ въ вотчину, совершенно совмѣстную съ системой денежнаго хозяйства, потому что ее можно продавать, закладывать, дарить и завѣщать. Въ документахъ того времени сплошь и рядомъ мелькаютъ передъ глазами читателя многочисленныя указанія на то, что царь за службу, плѣнь или «осадное сидѣнье» пожаловалъ бояръ, дворянъ и дѣтей боярскихъ обращеніемъ части ихъ помѣстій въ вотчину. Были даже установлены законодательнымъ путемъ нормы такого пожалованія.

Описанная эволюція общихъ экономическихъ условій и формъ землевладѣнія оказала—далѣе—могущественное вліяніе на *формы* самого *хозяйства*. Отношенія крестьянина-арендатора къ лицу, на землѣ котораго онъ сидитъ, отливаются, какъ известно, въ двѣ основныхъ формы,—оброкъ и барщину: за пользованіе землей можно платить деньгами или продуктомъ,—это будетъ оброкъ; но можно также работать на землевладѣльца вмѣсто арендной платы, т.-е. нести барщину. Мы видѣли, что въ удѣльное время крестьяне почти всегда сидѣли на оброкѣ, мало работая на барщинѣ. Это и понятно при господствѣ натурального хозяйства: землевладѣльцу не для чего заводить сколько-нибудь значительную свою пашню, чаще всего онъ ее и почти совсѣмъ не заводитъ, потому что нѣкуда сбывать продукты за отсутствіемъ спроса на нихъ, за невозможностью ихъ продать, за отсутствіемъ рынка; все-же необходимое для собственнаго потребленія землевладѣлецъ получаетъ отъ крестьянъ въ видѣ натуральныхъ сборовъ. Но какъ только безобмѣнное, натуральное хозяйство начинаетъ подаваться и замѣняется постепенно растущимъ мѣновымъ или денежнымъ хозяйствомъ,—землевладѣлецъ живо чувствуетъ потребность въ обзаведеніи собственной запашкой, «боярской пашней», какъ тогда говорили, и мало-по-малу переводитъ значительную часть своихъ крестьянъ съ оброка на барщину. Это замѣчается и въ служилыхъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, и въ монастырскихъ имѣніяхъ, и въ земляхъ, принадлежавшихъ архіерейскимъ кафедралъ, и, наконецъ, въ государевыхъ дворцовыхъ земляхъ. Уже въ XVI вѣкѣ попадаютъ иногда дворянскія имѣнія, въ которыхъ барская запашка занимаетъ 16, 35, 38 и даже 56% всей распаханной площади. Въ концѣ того же столѣтія во владѣніяхъ Троицкаго-Сергіева монастыря нѣредко треть, четверть, даже половина крестьянъ сидѣла на барщинѣ. Но помимо этого распространенія барщинной повинности существенно измѣнился и характеръ маго оброка: изъ натурального онъ все болѣе и болѣе превращается въ де-

нежный. Въ одной изъ новгородскихъ пятинъ уже въ шестидесятыхъ годахъ XVI вѣка болѣе 75% всѣхъ крестьянъ платили оброкъ деньгами; тотъ же денежный оброкъ безъ всякихъ уже признаковъ натурального наблюдается и въ вотчинахъ Троицкаго Сергіева монастыря въ 1690-хъ годахъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: съ зарожденіемъ денежнаго хозяйства потребность въ денежныхъ капиталахъ неудержимо растетъ и заставляетъ землевладѣльцевъ вносить существенныя измѣненія въ характеръ оброка; въ то же время и крестьяне, будучи въ значительной мѣрѣ втянуты въ торговый оборотъ, менѣе, чѣмъ прежде, затрудняются денежными платежами.

Но землевладѣльцы не ограничивались тѣмъ, что переводили крестьянъ на барщину съ цѣлью достигнуть обработки крестьянскимъ трудомъ своей, боярской пашни. Они прибѣгли еще къ другимъ средствамъ, также чрезвычайно характернымъ для зарождающагося денежнаго хозяйства. Прежде всего увеличилось сравнительно съ удѣльнымъ періодомъ приложеніе несвободнаго, холопскаго труда къ земледѣлю. Это замѣтно уже въ дворянскомъ хозяйствѣ, гдѣ верѣдко очень значительная часть пашни обрабатывалась холопами: такъ въ Тверскомъ уѣздѣ, по писцовой книгѣ 1540 года, до 15% всей распаханной площади приходилось на долю несвободнаго труда. Но соответствующія явленія замѣчаются и въ монастырскихъ вотчинахъ. Церковное право запрещаетъ церкви рабовладѣніе; поэтому, монастырскій холопъ былъ юридической невозможностью; но сила экономическихъ обстоятельствъ была настолько велика, что фактически на монастырскихъ земляхъ конца XVI и XVII вѣка появился многочисленный контингентъ несвободныхъ лицъ, прилагавшихъ свои руки къ земледѣлю и только называвшихся не холопами, а слугами, служками и дѣтенышами. Эти дѣтеныши, точное подобіе холоповъ, принадлежавшихъ свѣтскимъ лицамъ, всегда работали на монастырской паши, не имѣя своей запашки и получая отъ монастырей содержаніе въ большинствѣ случаевъ натурой съ незначительной денежной доплатой. Въ XVII вѣкѣ, въ средѣ дѣтенышей становится замѣтнымъ другой важный элементъ, не имѣющій уже несвободнаго характера: появляются дѣтеныши-наемные люди, получающіе отъ монастырей настоящую заработную плату. Это вполне понятно: зарождающееся денежное хозяйство естественно ведетъ къ появленію наемнаго труда, продающагося на рынкѣ, какъ всякій другой товаръ, и по мѣрѣ развитія торговаго оборота въ странѣ долженъ былъ расти и контингентъ наемныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Параллельное наемнымъ дѣтенышамъ явленіе наблюдается въ XVII вѣкѣ и въ земляхъ свѣтскихъ лицъ: и сюда проникаетъ наемный элементъ въ видѣ такъ называемыхъ бобылей. Бобылями назывались въ древней Руси не сироты или одинокіе люди, какъ теперь; подъ этимъ названіемъ въ XVI и XVII вѣкахъ извѣстны были сельскіе жители, занимавшіеся не земледѣліемъ, а разнаго рода промыслами, торговлей

или, наконецъ, работой по найму. Въ XVII вѣкѣ, по свидѣтельству писцовыхъ книгъ, число такихъ наемныхъ бобылей, обрабатывавшихъ пашню на землевладѣльца, сильно растетъ, иногда мало чѣмъ уступаетъ числу крестьянъ.

Наконецъ, первая стадія въ развитіи мѣнового сельскаго хозяйства сопровождается распространеніемъ начала зависимости и на свободное прежде крестьянство. Въ переходѣ отъ натурального хозяйства къ денежному и слѣдуетъ видѣть главную причину происхожденія крѣпостнаго права на крестьянъ. Намъ уже извѣстно, что крестьянство къ половинѣ XVI вѣка было почти совершенно обезземелено, и что русскіе крестьяне того времени садились на чужія земли, — государевы, боярскія, архіерейскія, монастырскія. Садясь на чужую землю, крестьянинъ заключалъ съ землевладѣльцемъ особый договоръ, такъ называемую «порядную грамоту». Стоитъ раскрыть любую изъ этихъ порядныхъ, чтобы убѣдиться; что крестьяне почти всегда получали отъ владѣльца имѣнія ссуду или подмогу для хозяйственнаго обзаведенія на новомъ мѣстѣ. Напримѣръ, вотъ что читаемъ въ одной порядной конца XVI вѣка: «я, Ѳеодоръ Игнатьевъ сынъ, порядился въ вотчину Николаевского Вязицкаго монастыря и взялъ у игумена съ братіемъ на подмогу денегъ 5 рублей» (125 руб. на наши деньги). По нѣкоторымъ признакамъ можно заключить, что $\frac{3}{4}$, мѣстами даже $\frac{1}{10}$ всѣхъ крестьянъ были обременены такими займами. Уходя отъ одного землевладѣльца къ другому, свободный крестьянинъ - арендаторъ чужой земли былъ обязанъ расплатиться, возратить ссуду и, сверхъ того, заплатить еще «пожилое» — опредѣленную въ законѣ сумму денегъ за пользованіе дворомъ и хозяйственными строеніями, въ немъ находящимися. Но русскій крестьянинъ второй половины XVI и XVII столѣтія въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ былъ маломощнымъ, оказывался несостоятельнымъ должникомъ. *Неоплатная задолженность крестьянъ и была первымъ элементомъ крѣпостнаго права.* Дѣло въ томъ, что крестьянскій выходъ вслѣдствіе неоплатной задолженности крестьянскаго населенія дѣлался невозможнымъ и вырождался въ вывозъ крестьянъ одними землевладѣльцами отъ другихъ. Въ то время многіе землевладѣльцы чувствовали потребность въ рабочихъ рукахъ для воздѣлыванія своихъ полей и потому занимались подыскиваніемъ крестьянъ, готовыхъ къ нимъ перейти съ чужой земли, расплачивались съ кредиторами этихъ крестьянъ и вывозили ихъ за себя. Отъ этого, конечно, положеніе крестьянина по существу не измѣнялось: онъ мѣнялъ только одного кредитора - землевладѣльца на другого, но вовсе не дѣлался свободнѣе. *Такимъ образомъ, вторымъ элементомъ крѣпостныхъ отношеній явилась нужда землевладѣльцевъ въ рабочихъ.* Крестьяне на дѣлѣ уже лишились возможности свободно переходить отъ одного землевладѣльца къ другому. Для образованія настоящаго крѣпостнаго права не доставало лишь одного: идеи о томъ, что невозможность уплатить долгъ

дѣлаеть человѣка крѣпостнымъ. Эта идея была дана новымъ развившимся въ XVI вѣкѣ видомъ холопства, такъ называемымъ кабальнымъ. Кабальнымъ назывался человѣкъ, занявшій у кого-либо известную денежную сумму и обязавшійся служить на дворѣ кредитора и работать на него за проценты до уплаты долга. Въ концѣ XVI вѣка былъ изданъ указъ, по которому кабальные люди получали свободу по смерти господина, но зато при его жизни они потеряли право уплачивать долгъ и, слѣдовательно, не могли уже прекратить зависимость по своей волѣ. Это и дѣлало кабальныхъ людей холопами, крѣпостными людьми. Итакъ, кабальные холопы по закону не могли уплачивать долгъ, а крестьяне не могли расплатиться на дѣлѣ, вслѣдствіе несостоятельности. Сходство было слишкомъ сильно, и землевладѣльцы распространили на задолжавшихъ крестьянъ идею, что долгъ дѣлаеть человѣка крѣпостнымъ: они стали вносить въ крестьянскія порядныя условіе, которымъ крестьянинъ обязывался не уходить отъ владѣльца: «крестьянство и впредь крестьянствомъ», «я государю своему крѣпокъ безвыходно»—вотъ часто встрѣчающіяся въ порядныхъ XVII вѣка выраженія. Такъ, крѣпостное право на крестьянъ выразилось сначала не въ законѣ, а въ частныхъ договорахъ, живѣе, чѣмъ законъ, отражающихъ экономическія потребности эпохи. *Вліяніе кабальнаго холопства и было третьимъ элементомъ крѣпостной неволи.* Мы видимъ, такимъ образомъ, что крѣпостное право образовалось подъ вліяніемъ хозяйственныхъ условій: нужды крестьянъ въ ссудѣ для хозяйственнаго обзаведенія, потребности землевладѣльцевъ въ постоянномъ, осѣдломъ рабочемъ контингентѣ и воздѣйствія кабальнаго холопства, которое въ свою очередь было однимъ изъ видовъ эксплуатаціи несвободнаго труда. Нужда въ ссудѣ продиктована природой господствующей отрасли народнаго производства—земледѣлія, неммыслимаго безъ нѣкотораго капитала, котораго былъ лишенъ крестьянинъ. Потребность землевладѣльцевъ въ постоянномъ рабочемъ контингентѣ и эксплуатація несвободнаго труда кабальныхъ людей—неизбѣжныя слѣдствія нарождающагося денежнаго хозяйства, которое требуетъ развитія барской запашки и барщины, неммыслимаго безъ закрѣпощенія рабочей массы.

Резюмируя сказанное о формахъ землевладѣнія и хозяйства въ Московскомъ государствѣ, можно придти къ такимъ общимъ выводамъ. Преобладанію добывающей промышленности на сѣверѣ въ XVI и XVII вѣкахъ соотвѣтствовало сохраненіе крестьянской земельной собственности, которая, вслѣдствіе роста населенія и примѣси мѣновыхъ вліяній, обратилась постепенно въ подворно-участковое наследственное владѣніе безъ передѣловъ. Возникновеніе денежнаго хозяйства при господствѣ земледѣлія на остальной территоріи государства прекратило ростъ помѣстныхъ и монастырскихъ владѣній, увеличило количество служилой вотчинной земли и содѣйствовало расширенію барской запашки, росту барщины насчетъ оброка, болышему примѣненію холопскаго и

наемнаго труда къ земледѣлію и возникновенію и развитію крѣпостнаго права на крестьянъ, получившаго окончательную законодательную санкцію въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича 1649 года, когда денежное хозяйство сдѣлало уже нѣсколько рѣшительныхъ шаговъ впередъ.

Чтобы закончить изученіе *экономической* эволюціи Московскаго государства во второй половинѣ XVI и въ XVII вѣкѣ, намъ остается познакомиться съ техникой или системой хозяйства въ то время. Въ этомъ отношеніи приходится наблюдать любопытныя и чрезвычайно важныя явленія. Изучая систему земледѣлія по писцовымъ книгамъ послѣдняго тридцатилѣтія XVI вѣка и сравнивая результаты этого изученія съ тѣмъ, что намъ извѣстно о земледѣльческой системѣ первой половины того же столѣтія, мы неожиданно встрѣчаемся съ ярко выраженнымъ фактомъ хозяйственнаго упадка двухъ старинныхъ областей государства, — центра и области Новгорода и Пскова: тогда какъ въ первыя семьдесятъ лѣтъ на пространствѣ центральной области и новгородско-псковскаго края господствовала уже трехпольная или паровая-зерновая система полевого хозяйства, начиная съ 1570-хъ годовъ или нѣсколько раньше установившееся — было равновѣсіе между паровымъ полемъ и обрабатываемой пашней нарушается, паръ снова вырастаетъ въ залежь, среди громаднаго пространства которой, подобно оазисамъ въ пустынѣ, рѣдко попадаются обработанные клочки земли; земледѣлецъ все чаще и чаще возвращается къ кочевому хозяйству, пашетъ землю наѣздомъ, временно, хищнически, скоро истощая и потомъ забрасывая ее; однимъ словомъ, и въ центрѣ, и въ области Новгорода и Пскова совершается къ концу вѣка переходъ не къ высшей, а къ низшей системѣ земледѣлія, — именно къ переложной. Тогда какъ въ первой половинѣ XVI вѣка пашня вчетверо, впятеро, иногда даже въ десять, двадцать разъ и болѣе превосходила своими размѣрами перелогъ, въ концѣ столѣтія наблюдается обратное явленіе: напр.; въ Московскомъ уѣздѣ перелогъ занималъ впятеро большую площадь, чѣмъ пашня, — его считалось около 120 тысячъ десятинъ при 24 тысячахъ десятинъ пашни; въ одной изъ новгородскихъ пятинъ перелогу было уже въ 12 разъ больше, чѣмъ пашни. вмѣстѣ съ тѣмъ и размѣры запашки на каждый рабочій дворъ сокращаются: вмѣсто прежнихъ 12—15 десятинъ во всѣхъ трехъ поляхъ, стали пахать только по 4, 5 или 6 десятинъ. Чрезвычайно любопытно, что всѣ эти регрессивныя явленія замѣтны только въ центрѣ и на новгородскомъ западѣ, тогда какъ въ степи, прикамскомъ краѣ и даже на суровомъ сѣверѣ наблюдается непрерывный земледѣльческій прогрессъ: переложная система въ этихъ областяхъ все болѣе и болѣе приближается къ паровой-зерновой, размѣры запашки на дворъ не уменьшаются и даже достигаютъ нерѣдко болѣе высокой, чѣмъ въ регрессировавшихъ въ земледѣльческомъ отношеніи уѣздахъ. Чѣмъ объяснить этотъ любо-

пытный фактъ упадка земледѣлія въ коренныхъ, старыхъ областяхъ государства? Ближайшее изслѣдованіе показываетъ, что ключъ къ его объясненію можно найти, изучая хозяйственное вліяніе все еще преобладавшихъ тогда, хотя и отживавшихъ свой вѣкъ, старыхъ формъ землевладѣнія, — помѣстья и монастырской вотчины. Писцовыя книги свидѣлствуютъ, что именно на помѣстныхъ и монастырскихъ земляхъ переходъ къ переложной системѣ былъ особенно рѣзко выраженъ, что именно здѣсь наиболѣе сильно развилось кочевое хозяйство, и чрезвычайно измельчала крестьянская запашка. Нерѣдки прямые и ясныя указанія на то, что помѣщики разоряли или «пустошили» свои имѣнія: сохранился длинный списокъ тверскихъ дѣтей боярскихъ, разорившихъ и забросившихъ рядъ помѣстій; не было уѣзда, гдѣ не значились бы обширныя пространства такъ называемыхъ «порозжихъ» помѣстій, т. е. именно разоренныхъ и брошенныхъ владѣльцами; въ отдѣльныхъ актахъ нерѣдки замѣчанія въ родѣ слѣдующаго: «та деревня запустѣла отъ помѣщика такого-то, который пашню запереложилъ, и гдѣсь по-высѣкъ, и крестьянъ поразогналъ». Относительно монастырскихъ земель мы имѣемъ официальное свидѣтельство соборнаго приговора 15-го января 1581 года, въ которомъ прямо сказано, что монастырскія и архіерейскія владѣнія «въ пустошяхъ изнуруются», «въ запустѣніе придоша», «прибытка отъ нихъ никою нѣтъ». Но почему же помѣстное и монастырское землевладѣніе такъ губительно вліяло на земледѣльческое хозяйство? Отвѣта на этотъ вопросъ слѣдуетъ искать, прежде всего, въ юридической природѣ помѣстья: мы уже знаемъ, что помѣстье было собственностью государя, что владѣлецъ не имѣлъ права распоряжаться имъ, а сохранялъ лишь право пользованія подъ условіемъ службы; правительство всегда могло взять помѣстье у владѣльца и передать другому, иными словами, если того требовали интересы государства, могло по своему усмотрѣнію лишать помѣщика и правъ пользованія предоставленными ему имѣніемъ. Въ теченіе всего XVI вѣка такая юридическая особенность помѣстья не была фикціей, ей и фактически соответствовала крайняя подвижность помѣстья, необезпеченность его за потомствомъ владѣльца. Въ большинствѣ случаевъ помѣстныя земли переходили не къ потомству владѣльцевъ и даже не къ ихъ родственникамъ, а къ постороннимъ. Московское правительство XVI вѣка, не стѣсняясь интересами помѣщиковъ, отдавало помѣстья въ монастыри, жаловало ихъ въ вотчины, передавало постороннимъ помѣщику лицамъ и т. д. Понятно, что такая необезпеченность помѣстья за владѣльцемъ и его потомствомъ пріучала помѣщика къ мысли, что плоды его хозяйственныхъ заботъ и трудовъ пожнетъ, вѣроятно всего, чужой чело-вѣкъ, не связанный съ нимъ кровными узами; а такая мысль поро-ждала, въ свою очередь, убѣжденіе въ необходимости извлечь изъ даннаго участка помѣстной земли возможно больше пользы для себя, не заботясь о томъ, какъ это отразится на дальнѣйшей производительности

почвы и на возможности продолжать ея хозяйственную эксплуатацію. Вотъ почему въ источникахъ сохранились любопытные факты, иллюстрирующие насилія и грабежи помѣщиковъ, ихъ стремленіе къ скорой наживѣ и наносимый этимъ трудно поправимый ущербъ хозяйственной цѣнности помѣстной земли. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ самомъ концѣ XVI вѣка въ селѣ Погорѣлицахъ, Владимірскаго уѣзда, жилъ крестьянинъ Иванъ Сокуровъ. Въ 1599 г. Погорѣлицы были пожалованы въ помѣстье сыну боярскому Федору Соболеву. Этотъ послѣдній, въ отсутствіе Сокурова, явился къ нему на дворъ и произвелъ тамъ полный разгромъ, забралъ себѣ троицъ холоповъ крестьянина, увелъ лошадь, корову, быка, четырехъ овецъ, взявъ у жены Сокурова деньгами 1 рубль 13 алтынъ (35 рублей на наши деньги), увезъ къ себѣ, сколько могъ, ржи, овса, ячменя и конопли. Мало того: когда Сокуровъ вернулся домой, помѣщикъ присвоилъ себѣ и его дворъ. Понятно, что послѣ всего этого потерпѣвшему, по его собственнымъ словамъ, стало «прожити немочно», тѣмъ болѣе, что добиться защиты своихъ правъ было трудно и нужно было вынести сначала утомительную и разорительную процедуру судебной волокиты. Нерѣдко помѣщикъ совсѣмъ не жилъ въ помѣстьѣ, не заботился даже о привлеченіи туда крестьянъ, а сдавалъ землю сосѣднимъ чужимъ крестьянамъ на оброкъ, что, конечно, избавляло его отъ хлопотъ, но вело къ разоренію имѣнія, такъ какъ такіе арендаторы знали о возможности случайнаго и скорого перерыва въ арендѣ по волѣ самого помѣщика или по предписанію правительства, преслѣдовавшаго подобный способъ веденія хозяйства на помѣстной землѣ, и стремились, разумѣется, только къ одному: извлечь для себя въ возможно болѣе короткое время наибольшій доходъ изъ арендованной земли. Но всего ярче вредное хозяйственное вліяніе помѣстной системы обнаруживается на слѣдующемъ примѣрѣ: въ 1598 году сынъ боярскій Михаилъ Оминъ отдалъ свое владимірское помѣстье на оброкъ нѣкому Федору Шишкину; помѣстье было сильно запущено, и арендаторъ приложилъ не мало труда, чтобы привести его въ лучшее состояніе: онъ посѣялъ яровой хлѣбъ, вспахалъ паръ подъ рожь, вырубилъ и выжегъ на многихъ десятинахъ лѣсъ, скошилъ сѣно на лугахъ. Въ разгаръ этихъ усиленныхъ работъ старый помѣщикъ Оминъ вдругъ лишенъ былъ своего имѣнія, которое было отдано въ помѣстье другому лицу, Василю Соболеву. Послѣдній, вступивъ во владѣніе и не получивъ ничего отъ Шишкина, такъ какъ весь оброкъ былъ уплаченъ имъ прежнему владѣльцу, счелъ себя въ правѣ предъявить притязаніе на плоды трудовъ арендатора и осуществить это право самовольно: посѣялъ озимой хлѣбъ на пару, приготовленномъ Шишкинымъ, свезъ къ себѣ скошенное имъ сѣно, «и Федоръ Шишкинъ сталъ въ великихъ убыткахъ безъ пашни и безъ сѣна на три года. А лѣсъ разсѣкая и пашню распахивая, онъ лошади и волю поморилъ». Въ результатѣ, жалоба и подлежащая власть

разрѣшили дѣло такъ: арендаторъ имѣеть право взять себѣ посѣянный имъ яровой хлѣбъ, равно какъ и скошенное имъ сѣно; новый помѣщикъ Соболевъ долженъ вознаградить его за расчистку земли изъ-подъ лѣса и за приготовленіе къ посѣву парового поля, уплативъ ему за каждую десятину по той цѣнѣ, какую обыкновенно въ этой мѣстности платили крестьяне, бравшіе земли на оброкъ. Рѣшеніе справедливое и, повидимому, уравнивающее интересы обѣихъ сторонъ, но нѣтъ сомнѣнія, что оно не могло вознаградить арендатора за тотъ хозяйственный ущербъ, который онъ понесъ: онъ оказался, правда, теперь съ хлѣбомъ и сѣномъ, но попрежнему безъ пашни, да сверхъ того потерялъ значительную часть своего живого сельскохозяйственного инвентаря, — тѣхъ лошадей и воловъ, которыхъ онъ «поморилъ», разсѣкая лѣсъ и распахивая пашню. Эти не вознаградимые убытки являются такимъ образомъ прямымъ слѣдствіемъ принципа помѣстнаго землевладѣнія, въ силу котораго земля подлежитъ отчужденію изъ рукъ прежняго владѣльца по волѣ подлежащей власти, если послѣдняя находитъ это болѣе совмѣстнымъ съ интересами службы. Такъ помѣстная система XVI вѣка по своей юридической природѣ приучала служилыхъ людей къ кочевому, экстенсивному, хищническому хозяйству, понижала техническій уровень земледѣлія. Сознаніе такого хозяйственного вреда помѣстной системы и повело къ тому сближенію помѣстья съ вотчиной, которое произошло въ XVII вѣкѣ и съ которымъ мы познакомились выше. Что касается монастырскихъ вотчинъ, то главной причиной дурного веденія хозяйства была ихъ крайняя обширность и разбросанность. Достаточно сказать, что Троицкій-Сергіевъ монастырь владѣлъ землями въ тридцати трехъ уѣздахъ и въ 27-ми изъ нихъ считалось у него до 200 тысячъ десятинъ земли, а Новодѣвичій въ четырнадцать уѣздахъ обладалъ 30 тысячами десятинъ, и прибавить, что это были далеко не единственные и не рѣдкіе примѣры крупнаго и вмѣстѣ разбросаннаго въ разныхъ мѣстахъ монастырскаго землевладѣнія. Но на ряду съ этимъ и въ связи съ этимъ дѣйствовала еще другая, не менѣе важная причина: извѣстное уже намъ сильное развитіе временнаго и условнаго владѣнія на монастырскихъ земляхъ: такъ какъ очень многіе монастыри отдавали значительную часть своихъ владѣній во временное пользованіе разныхъ лицъ за службу или за денежный вкладъ, то здѣсь возникло нѣкоторое подобіе настоящей помѣстной системы со всѣми ея неизбежными хозяйственными послѣдствіями, только что сейчасъ изображенными.

Мы съ намѣреніемъ такъ долго остановились на вопросѣ о хозяйственныхъ послѣдствіяхъ помѣстной системы и монастырскаго землевладѣнія: эти послѣдствія имѣли очень большое вліяніе на деревенскую жизнь того времени и, указывая на упадокъ хозяйства въ центрѣ и въ новгородско-псковской области, отразились вмѣстѣ съ тѣмъ въ прогрессивныхъ явленіяхъ хозяйственной жизни остальныхъ областей го-

сударства. Передъ ними совершенно блекнутъ такое, повидимому, важное явленіе, какъ смутное время, и такой разрушительный потокъ, какъ бунтъ Разина. Конечно, смута усилила разореніе ряда областей и, подобно разинскому бунту, распространила его на такія мѣста, которыхъ оно раньше не касалось, но только тамъ это разореніе было устойчивымъ и длительнымъ, гдѣ раньше въ томъ же направленіи повліяли давно уже существовавшіе и развивавшіеся приемы монастырскаго и помѣстнаго хозяйства; вотъ почему вліяніе смутнаго времени и разинскаго бунта, какъ и войнъ того времени, было переходнымъ и временнымъ, поверхностнымъ и неглубокимъ; раны, нанесенныя хозяйственному организму страны этими социальными бурями, скоро затянулись и зажили. Въ экономической исторіи XVII вѣка смута и бунтъ Разина имѣютъ, такимъ образомъ, ничтожное значеніе сравнительно съ вліяніемъ того кризиса, который мы сейчасъ наблюдали въ центрѣ и новгородско-псковскомъ краѣ въ послѣднія десятилѣтія XVI вѣка. Этотъ кризисъ вызвалъ массовое выселеніе народа на окраины, засвидѣтельствованное и писцовыми книгами, и иностранными писателями, и извѣстіями объ основаніи новыхъ городовъ въ южной степи, Поволжьѣ и Прикамьѣ, и тѣмъ не только способствовалъ, какъ мы видѣли, прогрессу земледѣльческаго производства на этихъ окраинахъ, но и ускорилъ въ XVII вѣкѣ начавшійся раньше процессъ зарожденія и первоначальнаго развитія денежнаго хозяйства: хищническое помѣстное и монастырское хозяйство выгнало крестьянъ на новыя мѣста, расширило тѣмъ территорію государства и содѣйствовало большому раздѣленію труда, неизбѣжному при увеличившемся разнообразіи естественныхъ свойствъ и особенностей отдѣльныхъ областей. Къ концу XVII вѣка исторія земледѣльческой техники принимаетъ постепенно совершенно нормальный характеръ: трехпольная система опять вступаетъ въ свои права и въ старинныхъ областяхъ государства, передъ тѣмъ подвергшихся тяжелому кризису.

Не менѣе, если не болѣе, важны были *политическія* послѣдствія земледѣльческаго кризиса конца XVI-го вѣка и начала XVII-го. Но чтобы понять эти политическія послѣдствія, надо ненадолго возвратиться назадъ, къ удѣльному времени, и посмотреть, каково было политическое наслѣдство, завѣщанное Московскому государству удѣльнымъ періодомъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что наслѣдство это состояло въ зародышахъ настоящаго феодальнаго порядка, составлявшаго въ развитомъ состояніи столь характерную черту средне-вѣковаго политическаго строя западной Европы. Хорошо извѣстно, что феодализмомъ называется такой политическій порядокъ, при которомъ государственная власть въ ея различныхъ проявленіяхъ становится достояніемъ землевладѣльцевъ: кто владѣетъ землей, тотъ имѣетъ право войны, чеканки монеты, суда, сбора податей въ свою пользу, право участія въ законодательныхъ постановленіяхъ. Такого порядка въ окон-

чательно сложившемся видѣ въ Россіи никогда не существовало. Но зародыши его были одинаково свойственны и нашему отечеству и другимъ европейскимъ и внѣевропейскимъ странамъ. Западно-европейскій феодализмъ сложился изъ трехъ основныхъ элементовъ: бенефиція, коммѣндаціи и иммунитета. Бенефиціемъ называлось временное владѣніе землей съ обязательствомъ службы и безъ права распоряжаться этою землею, т.-е. продавать, закладывать, дарить, завѣщать ее. Значить, бенефицію точно соотвѣтствовало наше помѣстье. Подъ именемъ коммѣндаціи разумѣется поступленіе свободнаго человѣка подъ покровительство сильнаго человѣка съ обязательствомъ подчиняться ему въ судебномъ и финансовомъ отношеніяхъ. Въ настоящее время доказано, что въ древней Руси было совершенно такое же состояніе, называвшееся закладничествомъ: закладень или закладникъ такъ же, какъ западно-европейскій коммѣндатъ (*commendatus*), былъ подсуденъ не органамъ государственной власти, а тому лицу, за которое онъ заложился или задался; ему же онъ платилъ и подати. Наконецъ, иммунитетъ—это право землевладѣльца судить всѣхъ безъ исключенія жителей своего имѣнія и собирать съ нихъ подати. Это право было также и у русскихъ землевладѣльцевъ удѣльнаго времени, которые, по словамъ жалованныхъ грамотъ, «вѣдали и судили» всѣхъ жившихъ на ихъ земляхъ сами. Итакъ, всѣ зародыши феодализма были въ удѣльной Руси. Почему же изъ нихъ не образовался самый феодализмъ, а, напротивъ, возникла неограниченная власть московскаго государя, подавившая аристократическія притязанія князей и бояръ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается, главнымъ образомъ, въ только что изученныхъ нами явленіяхъ въ области исторіи народнаго хозяйства. На западѣ Европы вредное хозяйственное вліяніе бенефиція и существовавшаго рядомъ съ нимъ монастырскаго землевладѣнія не могло вызвать уходъ населенія, запустѣніе и упадокъ земледѣлія, потому что уйти было некуда за недостаткомъ пустыхъ, незаселенныхъ пространствъ. Поэтому владѣльцы бенефиціевъ не были ослаблены и успѣли обратить бенефиціи въ ленъ, т.-е. въ наследственную поземельную собственность съ обширными государственными правами, такъ что власть короля была сведена къ минимуму, и онъ сталъ лишь первымъ между равными. У насъ помѣстье и монастырская вотчина, разоряя населеніе, вызвали его отливъ на окраины, возможный по той причинѣ, что незанятыхъ никѣмъ земель на этихъ окраинахъ была бездна. Этотъ отливъ населенія совершился какъ разъ въ разгаръ борьбы Іоанна Грознаго съ боярствомъ, во время ужасовъ и конфискацій опричнины, въ тотъ историческій моментъ, когда разрѣшался одинъ изъ коренныхъ вопросовъ нашей исторіи,—вопросъ о томъ, пойдетъ ли развитіе русскаго государства въ направленіи аристократической боярской олигархіи, или дворянской самодержавной монархіи. Князья и бояре, вслѣдствіе разоренія и ухода населенія на окраины, потеряли всю свою экономиче-

скую мощь, а вмѣстѣ съ нею утратили и надежду на осуществленіе своихъ политическихъ притязаній. Московское самодержавіе одержало рѣшительную побѣду надъ аристократическими тенденціями боярства: отбирая у бояръ и князей ихъ старинныя вотчины въ опричнину, Грозный лишалъ ихъ и связанныхъ съ землей судебныхъ и финансовыхъ привилегій, т.-е. уничтожалъ существовавшіе зародыши феодальнаго порядка.

Побѣда царскаго самодержавія имѣла неисчислимыя послѣдствія для соціальнаго и политическаго строя Россіи. Подъ влияніемъ этой побѣды у насъ въ XVII-мъ вѣкѣ сложились настоящія крѣпостныя сословія. Памятникомъ ихъ образованія является извѣстный, долго дѣйствовавшій кодексъ древне-русскаго права, такъ называемое Уложеніе паря Алексѣя Михайловича, изданное въ 1649 году. По Уложенію, русское общество XVII-го вѣка дѣлилось на три большихъ сословія, военно-служилое, городское и крестьянское, различавшіяся между собою специальными правами и обязанностями. Основная специальная обязанность служилаго сословія—это повинность военной службы государству, продолжавшейся для каждаго, по крайней мѣрѣ, отъ 15-ти до 60-ти-лѣтняго возраста. Каждый служилый человѣкъ,—дворянинъ или сынъ боярскій, долженъ былъ являться на службу вооруженнымъ и на конѣ и приводить съ собою извѣстное количество «коввыхъ и оружныхъ» слугъ, соотвѣтственно размѣрамъ земли, которою онъ владѣлъ. Содержаніе себя и своихъ слугъ во время службы лежало также на обязанности служилаго человѣка, который получалъ далеко не покрывавшее этихъ расходовъ жалованье, денежное и хлѣбное. Эта тяжелая военная повинность обуславливала зато свободу служилыхъ людей отъ всѣхъ остальныхъ обязанностей, налагаемыхъ государствомъ, отъ податей и натуральныхъ повинностей. Всѣ служилые люди были лицами лично свободными и обладали особенными, имъ однимъ свойственными имущественными правами: правомъ владѣть землей и правомъ владѣть крѣпостными крестьянами. Оба эти права были необходимы служилымъ людямъ для отбыванія тяжелой ихъ военной службы государству, такъ такъ безъ нихъ нечѣмъ было бы содержать себя и своихъ слугъ на войнѣ. Такой же характеръ обезпеченія служебныхъ обязанностей свойственъ былъ и корпоративнымъ правамъ служилаго сословія, т.-е. правамъ, принадлежащимъ не отдѣльнымъ лицамъ, а сословію, какъ цѣлому, какъ корпорации: служилые люди каждаго уѣзда выбирали изъ своей среды окладчиковъ, обязанныхъ вмѣстѣ съ бояриномъ, пріѣзжавшимъ изъ Москвы, верстать на службу «новиковъ», т.-е. достигшихъ 15-ти-лѣтняго возраста дворянъ и дѣтей боярскихъ, и доставлять боярину свѣдѣнія о имущественномъ положеніи и служебной годности этихъ новиковъ. Кромѣ того уѣздные дворяне, составлявшіе во время похода особую сотню, выбирали изъ числа болѣе богатыхъ и знатныхъ въ своей средѣ сотенныхъ знаменщиковъ, изъ которыхъ воеводы потомъ назначали одного сотеннымъ головой. Наконецъ, выс-

шій слой служилаго сословія, думные люди, бояре, окольничіе, думные дворяне и думные дьяки, имѣлъ очень важное специальное право—участвовать въ засѣданіяхъ высшаго государственнаго учрежденія, боярской думы.

Городское торгово-промышленное и ремесленное сословіе имѣло одно важное сходство съ крестьянствомъ: какъ и послѣднее, оно обязано было «нести тягло», т. е. уплачивать рядъ податей въ государственную казну и отбывать повинности: горожане, какъ и крестьяне, платили стрѣльцкую подать, шедшую на содержаніе постоянной пѣхоты такъ называемыхъ стрѣльцовъ, данныя деньги—остатокъ старинной прямой подати, дани, полонянничныя деньги, предназначавшіяся на выкупъ плѣнныхъ, оброчныя сборы съ лавокъ и промысловъ; наконецъ въ военное время государство налагало на городское сословіе особые экстренныя сборы на военныя нужды,—сборы, доходившіе до 5, 10, 15 и даже 20% съ дохода; повинности горожанъ заключались въ службѣ на денежныхъ, таможенныхъ и кружечныхъ дворахъ, т. е. въ завѣдываніи подъ строгой имущественной отвѣтственностью чеканкой монеты, сборомъ таможенныхъ и проѣзжихъ пошлинъ, тяжелымъ гнетомъ лежавшихъ тогда на торговцѣ не только внѣшней, но и внутренней, и казенной продажей вина. Основное личное право всѣхъ членовъ городского сословія, иначе посадскихъ людей или людей черныхъ сотенъ и слободъ какъ, ихъ тогда называли—это право владѣть дворами и лавками въ городахъ и вести торговлю. Всѣ остальные сословія были лишены этого права и исключенія допускались для нихъ только подъ условіемъ платежа посадскаго тягла,—и то не всегда и не для всѣхъ. И городскому сословію, какъ и служилому, свойственны были, наконецъ, и нѣкоторыя корпоративныя права, обязанныя, впрочемъ, своимъ существованіемъ единственно тому обстоятельству, что они были необходимы для отбыванія сословныхъ повинностей: посадскіе люди выбирали старостъ для раскладки и сбора податей. О крестьянствѣ у насъ уже шла рѣчь: крестьяне въ половинѣ XVI вѣка были людьми несвободными, крѣпостными; на нихъ, какъ и на городскомъ сословіи, лежало тягло, уплата податей и исполненіе повинностей.

Наблюдая такое общественное устройство, не трудно подмѣтить двѣ его основныя черты: во-первыхъ, сословность, рѣзкія юридическія различія однихъ общественныхъ группъ отъ другихъ; во-вторыхъ, преобладаніе обязанностей надъ правами, принудительную разверстку обязанностей между отдѣльными сословіями, разверстку, произведенную государствомъ. Такую сословную организацію принято называть крѣпостной, такъ какъ всѣ социальные слои прикрѣплены къ опредѣленному специальному тяглу, къ опредѣленной обязанности. Сословность и крѣпостной характеръ общества обязаны своимъ существованіемъ тѣмъ экономическимъ, отчасти и политическимъ условіямъ, которыя составляли отличительную черту Московскаго государства вто-

рой половины XVI и начала XVII вѣка: они прежде всего слѣдствіе экономическихъ особенностей первой стадіи развитія денежнаго хозяйства, когда начавшееся раздѣленіе труда дробить уже общество на рѣзко обособленныя группы, но при этомъ новый складъ жизни настолько еще не окрѣпъ и не установился, что нуждается въ постоянной поддержкѣ и регламентаціи; а затѣмъ и побѣда московскаго государя надъ мятежнымъ боярствомъ, руководимымъ потомками удѣльныхъ князей, наложила свою печать на устройство общества: логическимъ послѣдствіемъ торжества самодержавной власти былъ крѣпкой сословный строй, перевѣсъ сословныхъ обязанностей надъ правами, усиленіе государства въ ущербъ общественной самостоятельности и самостоятельности.

Наконецъ, черезъ посредство организациі верховной власти и социальныхъ отношеній, условія русскаго народнаго хозяйства XVI и XVII вѣковъ отразились и въ сферѣ администраціи. Пока хозяйство было натуральнымъ, а княжеская власть и общество оставались неорганизованными, какъ то было въ удѣльное время, до тѣхъ поръ не существовало ни правильныхъ учреждений съ постояннымъ вѣдомствомъ, опредѣленнымъ составомъ и самостоятельностью въ известномъ кругѣ дѣлъ, ни даже правильнаго понятія о государствѣ какъ общественномъ союзѣ, преслѣдующемъ интересы общаго блага. Князь удѣльнаго времени смотрѣлъ на свое княжество какъ на личное достояніе, какъ на собственность, дающую ему доходъ,—и только. Поэтому и органы его власти, ему подчиненные, были его личными слугами, которымъ онъ [каждый разъ поручалъ или «приказывалъ» то или другое дѣло: мы тщетно стали бы искать въ этихъ отдѣльныхъ порученіяхъ, даваемыхъ придворнымъ чиновникамъ—большою частью дворецкому и казначею,—какого-либо постоянства или хотя бы нѣкоторой опредѣленности: все было шатко, неясно, непрочно и случайно. Въ областяхъ или уѣздахъ управляли тогда намѣстники и волостели, которые также руководились въ своей дѣятельности, главнымъ образомъ, не соображеніями общаго блага, тогда совершенно еще смутными, неясными, а своимъ матеріальнымъ интересомъ, доходомъ отъ должности. По картинному выраженію одного документа, намѣстники и волостели «своего прибытка смотрѣли», были кормленщиками, интересовались по преимуществу кормомъ, получавшимся ими непосредственно съ населенія. Но какъ только денежное хозяйство сплотило общество въ одно органическое, богѣе или менѣе связанное и единое цѣлое, такъ идея общаго блага, какъ основа общественнаго союза, ясно выступила въ сознаніи и потребовала иной организациі управленія. Кормленщики стали неудобны, и правительство Ивана Грознаго попыталось сначала замѣнить ихъ широкимъ земскимъ самоуправленіемъ, позволить населенію отдѣльныхъ областей выбирать изъ своей среды «излюбленныхъ» (т. е. выборныхъ) старостъ съ цѣловаль-

никами (присяжными) для завѣдыванія всѣмъ областнымъ управленіемъ. Но крѣпостной характеръ общества, проникавшее весь социальный строй начало обязанности не вязалось съ принципомъ самоуправленія, и потому земскія учрежденія царя Ивана IV скоро исчезли: въ XVII вѣкѣ ихъ, какъ и намѣстниковъ, тамъ, гдѣ послѣдніе сохранились, замѣнилъ во всѣхъ уѣздахъ воевода, завѣдывавшій государственными доходами, администраціей и судомъ на царя, представлявшій собою носителя государственной власти. Параллельно этому совершались перемѣны и въ центральной администраціи: усложненіе государственной дѣятельности приводило къ скопленію въ боярской думѣ, у дворецкаго и казначея массы новыхъ дѣлъ, съ которыми имъ было трудно справиться. При томъ многія изъ этихъ дѣлъ требовали для своего правильного рѣшенія извѣстной привычки, сноровки, административной техники, специализаціи, невозможной тогда, когда управленіе построено на временныхъ и личныхъ порученіяхъ. Тогда на смѣну личностей явились учрежденія: государь сталъ «приказывать» извѣстныя дѣла одному и тому же лицу и въ помощь ему назначилъ дьяка (секретаря) и подьячихъ (писцовъ); такъ получились приказы. Конечно, ихъ составъ не былъ достаточно постояненъ и въ вѣдомствѣ было не мало путаницы и нескладицы, но все-таки это были учрежденія, хотя и еще только зарождавшіяся. Высшее государственное учрежденіе—боярская дума—также значительно измѣнило свой характеръ подъ вліяніемъ новыхъ условій: его составъ сталъ постояннѣе—въ немъ принимали участіе лица думныхъ чиновъ, бояре, окольничіе, думные дворяне и думные дьяки, а вѣдомство опредѣлилось точнѣе—дума стала почти исключительно законодательнымъ учрежденіемъ. Наконецъ, пока необходима была созидательная совмѣстная, общая работа по устроенію новаго общественнаго и государственнаго порядка, не примѣнившася еще къ новымъ условіямъ и поколебленнаго кризисомъ XVI вѣка и смутой XVII, до тѣхъ поръ собирались земскіе соборы, сначала изъ правительственныхъ чиновниковъ, потомъ изъ выборныхъ отъ сословій. Но когда окончательно сложились крѣпостныя сословія, матеріала для совмѣстной работы не оказалось, и земскіе соборы прекратили свое существованіе.

На предыдущихъ страницахъ выяснено въ главныхъ чертахъ значеніе города и деревни въ экономической, социальной и политической исторіи Московскаго государства XVI и XVII вѣковъ. Мы убѣдились при этомъ, что о такомъ господствѣ города надъ деревней, какое наблюдалось въ Великомъ-Новгородѣ удѣльнаго времени, теперь не можетъ быть и рѣчи. Деревня, а не городъ, давала основной тонъ всей народной и государственной жизни Московской Руси, измѣненія въ земледѣльческой деревенской промышленности вызвали то оригинальное сочетаніе социальныхъ силъ, какое наблюдается въ это время. Однако, было бы большою ошибкой придавать деревнѣ исключительное значе-

ніе въ изучаемый періодъ русской исторіи; къ доминирующему тону, создаваемому деревенской жизнью, примѣшивались уже довольно громкіе аккорды жизни городской,—результатъ зарожденія денежнаго хозяйства. И эта смѣсь не звучала диссонансомъ, не создавала непримиримыхъ противорѣчій, не была механической, какъ то было въ удѣльное время, а напротивъ, представляла собою стройное, гармоническое цѣлое: городская жизнь вошла уже въ органическую связь съ деревенской, объединилась съ ней, потому что денежное хозяйство стало проникать въ массы населенія. Не надо только забывать, что городъ и въ Московскомъ государствѣ не былъ еще центромъ обрабатывающей промышленности, а имѣлъ только торговое значеніе. Изъ этого значенія города, какъ торговаго центра, и изъ преобладанія земледѣлія въ деревнѣ выводятся и господство извѣстныхъ формъ землевладѣнія и хозяйства, и послѣдовательныя измѣненія въ хозяйственной системѣ, и побѣда самодержавія въ государственномъ строѣ, и, наконецъ, образованіе крѣпостныхъ сословій. Одно только условіе пришлось признать, какъ дополнительное,—именно отношеніе количества населенія къ пространству страны, непоимѣрную обширность территории, давшую возможность населенію уйти отъ тяжелыхъ хозяйственныхъ условій на свободныя, незанятыя земли. И позднѣе это условіе оказывало могущественное вліяніе на историческую жизнь нашего отечества; оно дѣйствуетъ даже и въ современной намъ дѣйствительности. Тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ преувеличивать его значеніе: существованіе обширныхъ пустыхъ пространствъ создавало лишь *возможность* отлива населенія; его *необходимость* вызывалась чисто хозяйственными условіями, занимающими такимъ образомъ первое мѣсто. Резюмируя въ краткихъ словахъ все сказанное о значеніи города и деревни въ исторіи московскаго государства, мы получаемъ слѣдующую формулу: унаслѣдованныя отъ удѣльнаго времени формы землевладѣнія—помѣстье и монастырская вотчина—повели къ упадку системы земледѣлія въ коренныхъ областяхъ государства, къ отливу населенія на окраины и, вслѣдствіе этого, къ торжеству самодержавія и крѣпостнаго сословнаго строя; отливъ населенія вызвалъ, въ свою очередь, усиленный обмѣнъ продуктами производства между разными областями государства, ускорилъ развитіе денежнаго хозяйства, т. е. повысилъ торговое значеніе города, и тѣмъ самымъ произвелъ очень важныя измѣненія и въ формахъ землевладѣнія и деревенскаго хозяйства: помѣстье и монастырская вотчина начали отживать свое время, стали расти барщина, барская запашка и несвободный земледѣльческій трудъ. Этимъ новымъ явленіямъ суждено было сыграть первостепенную роль въ исторіи дореформенной Россіи XVIII и XIX вѣковъ.

Н. Рожковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НЕТЕРПѢШІЕ ТОЛНЫ.

Графа Виллье-де-Лиль-Аданъ *).

(Пер. съ франц. И. А.).

«Прохожіи! Поди и объяви въ Лакедомонѣ, что мы здѣсь и что мы мертвы, потому что повиновались его священнымъ законамъ».

Симонидъ.

Тяжелое крыло главныхъ воротъ Лакедемона стояло на отмашь и, прислонившись къ камнямъ стѣны, точно мѣдный щитъ къ груди воина, открывало взорамъ Тайгетъ. Пыльный скатъ холма алѣлъ отъ холодныхъ огвей заката, и его выжженная пологость отбрасывала на стѣнѣ Геракла кровавый отблескъ той гекатомбы, которая творилась тамъ, въ тайникахъ безжалостнаго вечера.

Надъ силуэтомъ портика тяжело поднималась городская стѣна. На ея убитомъ гребнѣ была толпа, вся красная отъ заката. И отблескъ желѣзныхъ деспѣховъ, и пеплоссы, и колесницы, и острія пикъ, все играло въ кровавыхъ лучахъ свѣтила. Только глаза людей были темны и они упорно метали взоры острѣе, какъ копья, на вершину горы изъза которой ждали важнаго извѣстія.

Два дня тому назадъ триста спартанцевъ вышли отсюда со своимъ царемъ. Увѣнчавшись, они спѣшили на пиръ, уготованный для нихъ отчизной, и, зная, что раздѣлять вечернюю трапезу съ Аидомъ, въ послѣдній разъ расчесали и умастили свои волосы въ храмѣ Ликурга. Потомъ, подвявъ щиты и ударяя о нихъ мечами, съ гимномъ Тиртея на устахъ и среди плашущихъ жевщицъ они скрылись въ алыхъ лучахъ зари. И теперь, ковечю, высокія травы тѣснины уже щекочуть въ голыя ноги, точно земля, которую они готовятся защищать, хочетъ на прощанье приласкать своихъ дѣтей, прежде чѣмъ она откроетъ для нихъ свое священное лоно. На утро вѣтеръ донесъ до Спарты

*) Ранѣе было напечатано въ «Contes cruels». Изд. Кальманнъ Леви, потомъ вошло въ изд. Демана «Histoires souveraines». Брюссель, 1899.

стукъ мечей, и эхо побѣдныхъ кликовъ подтвердило слутанный лепетъ пастуховъ.

Два раза отступали персы, и среди неслыханнаго погрома они оставили поверхъ земли десять тысячъ безсмертныхъ.

Докрида видѣла побѣду. Фессалія поднималась. Пробуждались даже Фивы, а Аѳины слали войско и, по знаку Мильтіада, ихъ ряды поспѣшно одѣвались кольчугами. Семь тысячъ воиновъ стояло наготовѣ за спартанской фалангой.

Но вотъ среди побѣдныхъ хоровъ и моленій въ храмѣ Артемиды пять эфоровъ, выслушавъ послѣдняго герольда, молча переглянулись.

Безъ минуты промедленія совѣтъ старѣйшихъ объявилъ городъ на осадномъ положеніи, и спартанцы стали наскоро возводить окопы. Прежде городу бывало довольно спартанскихъ щитовъ.

Тѣнь застлала веселье. Уже болѣе не давали вѣры розсказаньямъ пастуховъ, и всѣ эти великолѣпныя извѣстія какъ-то сразу потусклили и стали пустыми баснями.

Содрогнулись суровые жрецы, и пламя треножниковъ затрепетало на воздѣтыхъ рукахъ авгуровъ, творящихъ заклинанія богамъ присподней. Шопотомъ изъ устъ въ уста переходили отрывочныя слова и получали грозный смыслъ. И дѣвушкамъ приказали уйти, такъ какъ надо было назвать измѣнника. И ихъ длинныя покровы задѣвали мотовъ, которые напившись чернаго вина, лежали поперекъ ступеней портика; дѣвушки наступали на нихъ и не замѣчали лежащихъ.

Тогда прозвучала отчаянная вѣсть. Глухая фокидская тропа открыта врагу. Мессенскій пастухъ продалъ Элладу. Эфіальтъ предоставилъ Ксерксу собственную мать. И уже персидскіе всадники въ чегѣ которыхъ сверкали золотые панцыри сатраповъ, покрывали землю боготъ и попирали грудь, вспоившую героевъ. Прощайте храмы и вы жилища предковъ, и вы священныя поля! Эти люди сейчасъ будутъ здѣсь и, изнѣженные и блѣдные, будутъ отбирать себѣ рабынь изъ твоихъ дочерей Лакедемонъ!

Казалось, ужасъ возрасталъ отъ самаго вида горы, пока граждане толпились на стѣнѣ. Вѣтеръ жалобно вылъ въ ущельяхъ и среди ямъ, а ели гнулись и трещали, мѣшая свои нагія вѣтви, точно спутанные волосы на головѣ, заброшенной отъ ужаса.

Горгона перебѣгала за тучами и, казалось, что ихъ вуали по временамъ облегаютъ ея страшное лицо. А толпа раскрашенная пожаромъ, стѣснившись въ амбразурахъ стѣны, точно дивилась суровому отчаянію земли передъ небесною угрозою.

Но всѣ эти суровоустные мужи осудили себя на строгое молчаніе въ виду присутствія дѣвушекъ. Не надо было волновать дѣвичью грудь и мутить дѣвичью кровь, обвиняя элина передъ будущими матерями. Спартанцы берегли своихъ будущихъ дѣтей.

Между тѣмъ, нетерпѣніе, обманутыя ожиданія, недостовѣрность са-

мага несчастья дѣлали томленіе все богѣе и богѣе невыносимымъ. Каждый точно старался сгустить краски грядущаго, и близость разрушенія стѣны казалась спартапцамъ неизбѣжной.

О, конечно, первые вражескіе отряды появятся еще сумерками.

Иные видѣли даже, какъ отблескъ персидской конницы пересѣкаетъ горизонтъ, видѣли колесницу Ксеркса.

А жрецы, насторожившись, различали клики, которые несутся съ сѣвера, не замѣчая того, что вѣтеръ южныхъ морей съ шумомъ клубилъ ихъ плащи. Подкатывали и наставляли машины, нацѣпляли скорпионы, около колесъ грудями сбрасывали копья.

Дѣвушки раскладывали костры, чтобы варить смолу, а ветераны одѣлись въ ржавые доспѣхи и, скрестивъ руки, прикидывали въ умѣ, сколько ихъ еще уложить, пока не придется улечься самимъ; ворота должны были замуравать, потому что Спарта не хотѣла сдаваться, даже въ случаѣ штурма. Подсчитывали припасы, женщинамъ предписывалось самоубійство; тамъ и сямъ, еще дымясь, валялись внутренности жертвъ, и надъ ними наклонялись внимательныя лица.

Такъ какъ спартапцы рассчитывали не уходить со стѣны и ночью, на случай внезапнаго нападенія, то человекъ, по имени Ногаклъ, который былъ приставленъ отъ государства варить пищу для караула, тутъ же, на брустверѣ, дѣлалъ свое дѣло. Онъ стоялъ, низко наклонившись надъ огромнымъ чаномъ, и тяжелымъ каменнымъ пестомъ разминалъ зерна въ густо посоленномъ молокѣ; но и онъ былъ разсѣянъ, то и дѣло поглядывая на гору.

Повсюду чувствовалось напряженное ожиданіе. Шопотомъ начинали даже порочить воиновъ Леонида. Отчаяніе толпы всегда чревато клеветой, и братья тѣхъ самыхъ людей, которые не побоялись изгнать Аристиду,Themistocle и Мильтиада, не могли теперь, не впадая въ ярость, выдерживать тревоги ожиданія.

Только старухи недоувѣрчиво покачивали головами, заплетая свои длинныя бѣлыя косы. Онѣ были спокойны за своихъ дѣтей и сохраняли злобную самоуувѣренность волчицъ, которыя уже откормили.

Вдругъ потемнѣло небо... только не отъ ночныхъ тѣней. Откуда-то, съ далекаго, невѣдомаго юга, появилась неисчислимая стая вороновъ.

Когда птицы пролетали надъ Спартой, ихъ голоса звучали дикой радостью, и казалось, что онѣ заполнили все небо и отняли у людей весь его свѣтъ.

Но вотъ ряды ихъ унижали деревья священныхъ рощъ, опоясавшихъ Тайгетъ. Вороны засѣли тамъ, зоркіе и неподвижныя, повернувъ на сѣверъ свои клювы и горящіе зрачки.

Тогда подвнялись людскіе вопли, и громъ проклятій посыпался на злобѣщихъ.

Захрипѣли катапульты и изрыгнули цѣлыя тучи камней, и камни

свистѣли и пѣли на всѣ лады, передъ тѣмъ, какъ со звономъ и трескомъ ворваться въ гѣсную чашу.

Но даромъ только судорожно сжатые кулаки и цѣлый лѣсъ вздѣтыхъ къ небесамъ рукъ, стремился спугнуть вороновъ. Казалось, они застыли, околдованные священнымъ ароматомъ павшихъ воиновъ и не ворохнутся съ черныхъ вѣтокъ, которыя гнулись отъ ихъ тяжкаго груза.

Молча содрогнулись матери передъ этимъ знаменіемъ. Очередь тревоги дошла и до дѣвушекъ. Имъ роздали священные клинки, которые въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ оставались невидимо висѣть въ храмахъ. И онѣ спрашивали: «Для кого эти мечи?» И ихъ взоры, еще нѣжные, переносились съ мерцающихъ обнаженныхъ мечей къ холодному блеску отцовскихъ глазъ. Но онѣ встрѣчали только почтительныя улыбки; ихъ еще оставляли въ невѣдѣніи—лишь въ самую послѣднюю минуту скажутъ имъ, что эти мечи предназначены для нихъ.

Вдругъ раздались дѣтскіе крики. Дѣтскіе глаза раньше всѣхъ различили вдали какую-то точку, и, дѣйствительно, тамъ, съ опустѣлой и уже синѣющей вершины быстро спускался къ городу бѣглець, точно погоняемый вѣтромъ. Всѣ взоры приковались къ его очертанію. Онъ приближался, низко опустивъ голову, и опирался рукой на палку, которую, должно быть, срѣзалъ самъ гдѣ-нибудь по дорогѣ, и которая теперь помогала его бѣгу, направленному прямо на городскія ворота. Вотъ онъ вступилъ въ полосу, освѣщенную послѣдними лучами солнца, и теперь можно было даже различить длинный плащъ, обмотанный вокругъ его тѣла.

Повидимому, онъ падалъ по дорогѣ, потому что его одежда была вся въ грязи, какъ и его палка. Но это не могъ быть солдатъ, такъ какъ съ нимъ не было щита.

Мрачное молчаніе шло навстрѣчу призраку.

— Изъ какой объятый ужасомъ земли направлялся его бѣгъ? О тяжелое знаменіе!

— Такое бѣгство недостойно мужа... Что ему надо?

— Убѣжища?.. Или за нимъ погоня... персы?.. Какъ?.. Уже...

Умирая, косою лучъ освѣтилъ фигуру бѣглеца цѣликомъ съ головы до пятъ. На немъ были кованныя поножи.

Цѣлая буря ярости и стыда закружила мысли зрителей. Забыли даже о присутствіи дѣвушекъ. Да и сами дѣвушки, побѣгѣвъ, какъ лиліи, получили какой-то зловѣщій отпечатокъ.

И вотъ оцѣпененіе и ужасъ выжали изъ устъ страшное слово. Это былъ *спартиатъ*. Это былъ одинъ изъ трехсотъ. Теперь его узнавали... Да... это онъ... Спартаецъ, бросившій щитъ... Какъ?.. Значить, они бѣгутъ... И другіе?.. Тѣ?.. Избранники?.. Мучительный страхъ судорогой проходилъ по лицамъ. Этотъ человѣкъ открывалъ глазамъ картину пораженія... Зачѣмъ же далѣе отвертываться отъ

ужаснаго призрака? Они бѣжали... Всѣ... Этотъ только опередилъ другихъ... Тѣ прочіе могутъ показаться каждую минуту. А по пятамъ за ними, конечно, гонятся конные персы... И, приставивъ руку къ бровямъ, поваръ объявлялъ окружающимъ, что онъ уже различаетъ въ туманѣ фигуры воиновъ Леонида.

Но вотъ одинъ крикъ ярко выдѣлился изъ смутнаго гула... Его испустили старикъ и высокая женщина. Закрывая свои, отныгѣ навѣкъ опозоренныя лица, они произнесли только два ужасныхъ слова: «Мой сынъ». И это вызвало цѣлый ураганъ. Отовсюду на встрѣчу бѣглецу поднимались сжатые кулаки.

— Ты ошибся. Поле битвы не здѣсь.

— Не такъ быстро. Побереги силы.

— А почему шиты на персидскомъ рынкѣ? Что дали тебѣ за мечъ?

— У Эфіальта много денегъ.

— Гей... ты... Не забирай вправо. Ты осквернишь кости Пелопы, Геракла и Полидевка. Какая низость! Ты тревожишь тѣнь великаго предка. Развѣ онъ долженъ гордиться тобою?

— Ужъ не Гермесъ ли, скажи, отдашь тебѣ свои крылатые башмаки? Клянусь Стиксомъ, ты будешь первымъ въ Олимпіи.

Но воинъ, казалось, не слышалъ этихъ словъ. Онъ продолжалъ бѣжать по направленію къ городу.

Это еще болѣе обозлило толпу. Брань становилась все ужаснѣе. Дѣвушки, опѣпенѣвъ, не сводили съ бѣгущаго глазъ.

Жрецы кричали ему:

— Низкій! Посмотри на себя. Ты весь въ грязи... Или, вмѣсто того, чтобы цѣловать родную землю, ты кусалъ ее?

— Какъ? Онъ направляется къ воротамъ. Нѣтъ, никогда! Клянусь Аидомъ, ты не войдешь сюда.

И цѣлый дѣсъ рукъ вставалъ передъ нимъ высокой оградой.

— Назадъ!.. Тебя ждетъ яма... Нѣтъ, скорѣе...—Назадъ! Мы не хотимъ твоей крови даже для нашей ямы.

— Воротись назадъ... туда, гдѣ бьются...

— Опомнись... Тѣни героевъ обступаютъ тебя.

— Персы приготовили для тебя цвѣты и лиры... Ступай пировать съ ними, рабъ!

При этихъ словахъ дѣвственныя дочери Лакедемона низко опустили головы и, сжимая мечи, которые когда-то, вѣка тому назадъ, украшали свободныхъ царей, — онѣ молча плакали. И ихъ благородныя слезы, какъ драгоценныя камни, усыпали суровые клинки. Теперь онѣ все поняли и обрекали себя смерти за отчизну.

Но вотъ изъ ихъ толпы выдѣлилась одна, и ей очистили путь до самаго края стѣны: это была нареченная невѣста бѣглеца.

— Не смотри, не смотри, Симеида!—удерживали ее подруги.

Но она нацѣлилась и швырнула камнемъ въ изнемогавшаго человека.

Камень попалъ въ него. Онъ поднялъ глаза и остановился. Онъ весь дрожалъ мелкой дрожью, но черезъ минуту голова его опять упала на грудь.

Онъ будто грезилъ... Только о чемъ-же?..

Дѣти съ любопытствомъ разглядывали загрязненнаго человека, и матери тихо говорили имъ что-то, указывая на него пальцами.

Огромный и воинственный поваръ остановилъ свою стряпню и выпустилъ изъ рукъ пестъ. Священное негодование заставило его забыть объ обязанностяхъ: отступивъ отъ чана, онъ свѣсилъ за амбразуру стѣны. Потомъ, собравшись съ духомъ и надувъ щеки, старый воинъ съ силою плюнулъ по направленію къ бѣглецу. И случайный вѣтеръ, точно сговорившись съ его священнымъ гнѣвомъ, прильпнулъ къ бѣлому лбу несчастнаго комокъ позорной пѣны. Повару стали рукоплескать. Да, это была настоящая месть.

А солдатъ тяжело опирался на палку и теперь, не отрывая глазъ, смотрѣлъ прямо въ городскія ворота.

И вотъ, по знаку начальника, тяжелая дверь захлопнулась передъ нимъ, и мѣдная полоса соединила два каменныхъ выступа стѣны.

Тогда передъ этой, навсегда закрытой для него святыней, бѣглецъ упалъ навзничъ, тѣло его выпрямилось по склону горы.

Спустились сумерки и стая вороновъ хлынула на упавшаго: на этотъ разъ общее одобреніе встрѣтило черныхъ гостей.—и въ одинъ мигъ гробовая пелена вороной стая скрыла лежащаго отъ поруганій человѣческой толпы.

Потомъ пала вечерняя роса и смочила вокругъ него пыль. На зарѣ отъ человека оставались только разбросанныя кости.

Такъ умеръ во славу,—можетъ быть, единственной, которой завидуютъ боги,—умеръ, набожно смеживъ вѣки, чтобы видъ дѣйствительности никакой суетной печалью не смутилъ для него высокаго образа отчизны, который жилъ въ его сердцѣ,—такъ умеръ, не разжавъ губъ и сжимая въ рукѣ пальму, заразы и погребальную, и побѣдную, едва отдѣленный отъ породившей его грязи пурпуромъ собственной крови, царственный вѣстникъ побѣды трехсотъ. Когда онъ былъ раненъ на смерть, товарищи убѣдили его, бросивъ въ Фермопильскій потокъ его мечъ и щитъ, отдать послѣднія силы для спасенія Спарты. Такъ исчезъ въ смерти, почтенный или вѣтъ отъ тѣхъ, за кого онъ погибалъ, посолъ Леонида.

ИДЕАЛИЗМЪ И МАРКСИЗМЪ.

«Материализмъ есть только первая, ближайшая, но въ то же время и наиболѣе низкая ступень нашего мировоззрѣнія». Ламе. «Исторія материализма», т. II, стр. 322.

Въ жизни человѣчества бываютъ эпохи, когда люди нуждаются въ разрушеніи того, что создавалось долгимъ трудомъ ихъ предшественниковъ, когда имъ приходится разрушать храмы своихъ предковъ, чтобъ на ихъ развалинахъ строить новый храмъ для новыхъ боговъ. Изъ подобнаго чередованія разрушенія храмовъ, низверженія идоловъ и возведенія на пьедесталъ дѣйствительности новыхъ боговъ слагается умственная жизнь какого угодно народа. Въ большинствѣ случаевъ періодъ разрушенія въ царствѣ мысли есть періодъ материализма, періодъ же построекъ неразрывно связанъ съ царствомъ идеализма. Въ этой смѣнѣ кумировъ, въ этомъ непрерывномъ чередованіи двухъ великихъ силъ, можно сказать, заключалась до сихъ поръ духовная жизнь человѣчества.

Материализмъ несетъ въ себѣ элементъ разрушенія, элементъ отрицанія; его историческая заслуга состоитъ въ томъ, что онъ, раскрывая глаза человѣчеству на создаваемые имъ фикціи, мѣшаетъ ему успокоиться на этихъ фикціяхъ; его роль—роль революціонера. Но такъ какъ его сила есть только сила разрушителя, то онъ мало способенъ къ творческой работѣ. Разрушивъ зданіе, расчистивъ мѣсто для постройки, онъ долженъ удалиться, уступивъ мѣсто творческой силѣ. Эта сила—идеализмъ. Все, что было хорошаго, высокаго, вѣчнаго въ жизни человѣчества, все это продукты этой силы. Эта сила намъ дорога потому, что только она является носителемъ человеческой сущности. Материализмъ съ его наглядной «простотой» можетъ удовлетворять только «простые» умы. Поэтому человѣчество никогда долго не останавливалось на немъ, никогда не дѣлало его коначнымъ пунктомъ стремленій своего духа. Исторія русской мысли можетъ служить великопѣнной картиной, отражающей этотъ фактъ.

Русская общественная мысль въ теченіе всего XIX столѣтія ски-

талась въ поискахъ за міросозерцаіемъ, всѣ ея стремленія были направлены на отысканіе и созданіе незыблемыхъ, вѣчныхъ идеаловъ. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ русская интеллигенція искала этихъ идеаловъ въ царствѣ отвлеченной мысли и строила ихъ на «абсолютной идеѣ», на Гегелѣ. Всѣ преклонялись предъ его «философскимъ колпакомъ», какъ говаривалъ Вѣлинскій, имъ зачитывались какъ западники, такъ и славянофилы, желая найти отвѣты на мучившіе ихъ вопросы. Но Гегель удовлетворялъ далеко не многихъ. Русскимъ интеллигентамъ того времени была нужна живая мысль, а не та сухая, отвлеченная, прогоняемая сквозь строй абстрактныхъ понятій теорія, которую они видѣли въ идеализмѣ Гегеля. И вотъ, несмотря на то, что тогдашняя интеллигенція мыслила только Гегелемъ и отъ Гегеля, несмотря на то, что въ основѣ ея міросозерцаія была положена одна философская система, она все-таки распалась на двѣ совершенно противоположныя другъ другу группы, на лѣвую и правую—западниковъ и славянофиловъ. Но вотъ сошли со сцены отцы, умерли еще при жизни, оставивъ дѣтямъ наслѣдство. Почти ничего цѣннаго не осталось тамъ для дѣтей—философскій колпакъ Гегеля, предъ которымъ преклонялись отцы, нѣсколько армяковъ, въ которыхъ расхаживали по Москвѣ славянофилы, да многорѣчивыя статьи объ эстетикѣ. Послѣ разныхъ метафизическихъ умствованій, послѣ притворно-сладкихъ разглагольствованій наступило «наводненіе», т.-е. эпоха шестидесятыхъ годовъ. Гегелевскую философію смѣнили Дарвинъ, Бюхнеръ, Моле-шоттъ.

Но не долго продолжалось царство матеріализма. Матеріализмъ, позитивизмъ хороши только, какъ методъ изслѣдованія, какъ положительное содержаніе науки, но въ смыслѣ міросозерцаія они совершенно неудовлетворительны. Немудрено, что жизнь сейчасъ же констатировала этотъ фактъ. Не удовлетворившись позитивизмомъ, русскій интеллигентъ начинаетъ искать новыхъ идеаловъ. Литература семидесятыхъ годовъ полна такихъ исканій. Духъ недовольства реформами шестидесятыхъ годовъ, не доведенными до конца, и развитіе капитализма въ Россіи—вотъ характерные моменты для той эпохи. Капитализмъ, какъ и слѣдовало ожидать, еще не успѣлъ развить въ себѣ тѣхъ силъ, которыя должны, въ концѣ концовъ, вырыть для него могилу, и его мрачныя стороны, особенно въ первое время, давали о себѣ знать очень чувствительно. Поэтому, нашъ близорукій интеллигентъ, напуганный заподно-европейскимъ капитализмомъ, начинаетъ искать идеаловъ позади, на заднемъ дворѣ жизни, и вотъ на элементахъ прошлаго возникаютъ тѣ «устои», предъ которыми такъ долго преклонялись народники.

Появляется «субъективная социологія». Главная ошибка «русскихъ субъективистовъ» заключалась въ томъ, что тотъ идеалъ, который рисовался въ ихъ воображеніи, не обладалъ элементами объективности,

общеобязательности, въ томъ, что этотъ идеалъ былъ «слишкомъ субъективенъ». Теперь, послѣ того, какъ это направленіе уже умерло, хотя нѣкоторые представители его еще живы, послѣ того, какъ вся слабость и неосновательность философскихъ предположѣній этой концепціи разобрана въ интересной книгѣ Н. Бердяева, говорить и критиковать «русскій субъективизмъ» излишне. Неумолимые законы жизни удалили его на задній планъ, и въ настоящее время русскій субъективизмъ со всѣми его перипетіями является лишь интереснымъ матеріаломъ въ рукахъ историка, на долю котораго выпадаетъ весьма любопытная задача—исслѣдовать, какъ нашъ «критически мыслящій» интеллигентъ могъ такъ жестоко ошибиться въ своемъ «высшемъ идеалѣ».

Духъ и характеръ всякаго соціального теченія опредѣляются въ конечномъ счетѣ тѣмъ взаимоотношеніемъ реальныхъ общественныхъ силъ, которое существуетъ въ данную эпоху, для данной страны. Когда капиталистическій способъ производства сталъ развивать внутри себя реальные силы, которымъ принадлежитъ будущее, когда такимъ образомъ создались тѣ условія, которыми опредѣляется и направляется «надстройка», тогда въ Россіи явился марксизмъ. Между представителями «устоевъ» и представителями нарождавшагося направленія завязалась страстная полемика, обуславливаемая какъ важностью практическихъ задачъ, такъ и идейнымъ стремленіемъ найти тѣ критеріи, которые опредѣляли бы, на чьей сторонѣ истина. Жизнь рѣшила споръ; народники, проповѣдывавшіе, «что капитализмъ намъ не къ лицу», и рѣшившіе, во что бы то ни стало, не пускать въ Россію «побочное дитя западно-европейской буржуазіи», были побѣждены неумолимыми экономическими фактами того же капитализма. Такъ погубило славное царство русскаго субъективизма. *Fuit Troia!*.

Въ области соціологіи, получившей надежную научную почву, воцарился экономическій матеріализмъ. Мысли Маркса и Энгельса, положенныя ими въ основу своей доктрины, были доведены русскими «учениками» до своихъ крайнихъ предѣловъ; все носило настолько «экономическій» характеръ, что обвиненія со стороны противоположнаго лагеря въ «однбокости» заслуживали извѣстной доли вниманія. Такая философія, противная истинѣ и человѣческому духу, конечно, не могла рассчитывать на долгое существованіе и вотъ, когда марксизмъ въ Россіи былъ еще ребенкомъ, уже начали раздаваться голоса изъ среды самихъ учениковъ, что въ ортодоксіи нѣтъ спасенія, что главной задачей учениковъ является не преклоненіе предъ догмой, а систематическое дополненіе и развитіе теоріи учителя. Первымъ такимъ голосомъ, опередившимъ до извѣстной степени свое время, былъ голосъ П. Струве, но будучи заняты идейной борьбой съ отживающимъ свой вѣкъ направленіемъ, русскіе марксисты не оцѣнили въ свое время

этого призыва. Другимъ такимъ реформаторомъ, поставившимъ опредѣленные задачи, является Н. Бердяевъ. (Смотри его статьи «Ланге и критическая философія», «Борьба за идеализмъ», напечатанныя въ «Мірѣ Божіемъ», и книгу «Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи»).

Марксизмъ, какъ и всякая вообще философская доктрина, пережилъ въ своемъ развитіи нѣсколько фазисовъ. Первый фазисъ знаменуетъ собою появленіе и распространеніе марксизма—фазисъ догматическій; второй начинается съ того момента, когда на марксизмъ стали смотрѣть сквозь очки сомнѣнія, когда его отождествляли съ утопизмомъ прежнихъ временъ или когда предсказывали ему близкій неминуемый «крахъ» и даже пытались доказывать это на основаніи фактовъ—это періодъ скептицизма, и наконецъ, въ третій и послѣдній фазисъ—критическій—марксизмъ вступаетъ въ наши дни. Этому фазису суждено играть роль чистилища по отношенію къ марксизму. Только при помощи духа критичности послѣдній можетъ очиститься отъ односторонности, только при свѣтѣ критической философіи онъ можетъ стать цѣльнымъ философскимъ міросозерцаніемъ, удовлетворяющимъ человѣческой сущности тѣхъ лицъ, которыя хотятъ обосновать свое міровоззрѣніе на идеѣ прогрессивнаго общественнаго класса.

Современный марксизмъ, собственно говоря, во многихъ чертахъ отличается отъ того ученія, которое оставили Марксъ и Энгельсъ. Мы не будемъ останавливаться здѣсь на этихъ различіяхъ, а только постараемся рассмотреть основныя предпосылки, положенныя Марксомъ въ свою систему и уцѣлѣвшія въ ней до сего дня.

Духовнымъ отцомъ Маркса принято считать Гегеля. Намъ подобное мнѣніе кажется не вполне вѣрнымъ. Ужъ если въ числѣ учителей считать Гегеля, то необходимо сюда причислить Фейербаха и Фихте, Штейна, Грюна, Канта и др. Мы не хотимъ оспаривать духовнаго вліянія Гегеля на Маркса вообще, но мы протестуемъ противъ того распространеннаго мнѣнія, что доктрина Маркса создалась исключительно подъ вліяніемъ этого идеалиста-метафизика. Въ одномъ мѣстѣ Энгельсъ, желая выставить научныя элементы марксизма, говоритъ, что нѣмецкіе его адепты могутъ гордиться своимъ происхожденіемъ не только отъ Сенъ-Симона, Фурье и Оуэна, но также отъ Канта, Фихте и Гегеля. Гегель и въ особенности Кантъ выставлены здѣсь, конечно, для большаго парада, въ видѣ тѣхъ восковыхъ *imagines* предковъ, которыми такъ гордились римляне. Въ самомъ дѣлѣ, что вы найдете въ сочиненіяхъ Маркса-Энгельса общаго съ критичизмомъ Канта, съ его идеализмомъ? Ровно ничего. Марксъ почти совсѣмъ даже не упоминаетъ его, а Энгельсъ, если и останавливается на немъ, то непремѣнно съ усмѣшкой, и если судить о Кантѣ на основаніи сочиненій Энгельса, то получится впечатлѣніе, что Кантъ былъ величай-

шимъ нѣмецкимъ филистеромъ и буржуемъ, не больше *). Съ Гегелемъ у Маркса, въ сущности говоря, также очень мало общаго. Сравните этого абстрактнаго мыслителя-идеалиста, вѣрующаго въ абсолютный духъ и конструирующаго дѣйствительность изъ понятій, съ позитивнымъ реалистомъ Марксомъ,—кажется трудно представить себѣ двухъ богѣ противоположныхъ мыслителей. Единственнымъ, пожалуй, мостикомъ, перекинутымъ черезъ эти двѣ пропасти идеализма и матеріализма, является діалектическій методъ, да и тотъ для большаго удобства перевернутый вверхъ ногами. Гегель стремится исчерпать въ мышлении всѣ явленія жизни во всей ихъ полнотѣ. Для этого дѣйствительность была введена въ кругъ идей, въ которомъ каждая изъ нихъ находилась въ такой же неразрывной связи другъ съ другомъ, въ какой одинъ моментъ бытія стоитъ по отношенію къ другому. Высшее сознаніе, воплощающее въ себѣ всю дѣйствительность, а вмѣстѣ съ нею и этотъ кругъ идей и объединяющее ихъ въ себѣ, есть, по понятію Гегеля, абсолютный духъ, абсолютная идея. Міровое содержаніе приводится въ порядокъ и направляется къ самому высшему понятію, къ этой абсолютной идеѣ, созерцающей себя во всѣ моменты развитія содержанія дѣйствительности: мышленіе и бытіе это одно и то же,—потому и діалектическій методъ развитія мысли будетъ тождественъ съ содержаніемъ, съ формами дѣйствительности. У Маркса, въ противоположность Гегелю, иная исходная точка зрѣнія. Въ предисловіи къ «Zur Kritik», являющемся для насъ теоріей познанія марксизма, мы читаемъ: «Не сознаніе людей опредѣляетъ формы ихъ бытія, а напротивъ, общественное бытіе опредѣляетъ формы ихъ сознанія». Чѣмъ былъ въ рукахъ Гегеля духъ, тѣмъ стала у Маркса матерія. «Мой діалектическій методъ,—говоритъ онъ,—въ его основѣ не только отличается отъ метода Гегеля, но и составляетъ его прямую противоположность. Для Гегеля процессъ мышленія, который онъ даже превращаетъ въ самостоятельный объектъ подъ именемъ идеи, есть Демиургъ дѣйствительности, составляющій только вышнее его проявленіе. Для меня, наоборотъ, идеальное есть не что иное, какъ переведенное въ человѣческую голову матеріальное» **). Такимъ образомъ гегелевская идеологія была устранена Марксомъ и замѣнена матеріалистической подкладкой; мѣсто гегелевской абсолютной идеи заняла экономика. Въ общемъ вкладъ гегелизма въ социальную доктрину Маркса былъ очень незначителенъ, да и тотъ носилъ, главнымъ образомъ, формальный характеръ. Того идеализма, которымъ изобилуеалъ Гегель, у Маркса и въ поминѣ нѣтъ.

Гораздо больше вліянія оказалъ на Маркса, по нашему мнѣнію,

*) Въ книгѣ Вольтманна «Историческій Матеріализмъ» приведено не мало образчиковъ такой оцѣнки Канта Энгельсомъ.

***) Предисловіе ко второму изданію I т. «Капитала».

другой мыслитель—Людвигъ Фейербахъ, не тотъ первоначальный Фейербахъ, который былъ поклонникомъ Гегеля и его идеализма, а тотъ, который заявлялъ во второй періодъ своей жизни, что духъ есть высшій продуктъ матеріи, что наше сознание есть продуктъ мозга и т. п. Фейербахъ какъ-то затерялся среди другихъ философовъ, его знаютъ очень немногіе, а между тѣмъ, его философія такъ близка большинству людей, такъ вѣрно намѣчаетъ основныя черты этого большинства; впрочемъ, можетъ быть, въ этомъ и заключается причина непопулярности его имени. «Въ то время,—говоритъ Юдль,—какъ вокругъ играющихъ въ остроуміе парадоксовъ Шопенгауэра цѣлыми массами нарастаютъ всякаго рода литературные продукты, отъ такого мыслителя, какъ Фейербахъ, отдѣляются какъ попало, видя въ немъ не болѣе, какъ нѣсколько выродившійся отпрыскъ Гегеля. Такое отношеніе къ Фейербаху обнаруживаетъ совершенное непониманіе не только того огромнаго значенія, какое его философія имѣетъ для нашего времени, но и хода историческаго развитія» *). Вся послѣквантовская нѣмецкая философія усильно старалась очистить этический идеалъ отъ всякихъ неморальныхъ элементовъ, пока, наконецъ, этотъ идеалъ не предсталъ предъ ней въ видѣ «безкровнаго призрака посреди полной движенія человѣческой жизни, которой онъ же долженъ былъ служить толчкомъ». Фейербахъ возвратилъ права гражданства забытому на время эдемонизму и далъ ему дальнѣйшее обоснованіе. вмѣстѣ съ нимъ воскресъ и практический позитивизмъ, вызванный къ жизни потребностями дня. Мышленіе у Фейербаха всегда служило жизни. Изъ соотношеній между мышленіемъ и бытіемъ возможно только одно, именно—лишь бытіе порождаетъ мышленіе, а не наоборотъ. Общія понятія, въ которыхъ вращалась гегелевская философія, непригодны для обозначенія реальной, конкретной дѣйствительности, поэтому дѣйствительны только единичныя, чувственныя понятія. Марксъ, слѣдуя въ общихъ чертахъ за Фейербахомъ, замѣнилъ его чувственное начало хозяйственной природой человѣка, а его антропологизмъ социальнo-экономическимъ содержаніемъ жизни. Никто другой, какъ Фейербахъ, оказалъ наибольшее вліяніе на Маркса въ дѣлѣ созданія материалистическаго пониманія исторіи—это признавали и сами его основатели. Подобное, напримѣръ, признаніе мы встрѣчаемъ у Энгельса въ его отзывѣ о книгѣ Фейербаха «Wesen des Christentums»: «Нужно самому было пережить пробуждающее мысль вліяніе этой книги, чтобы составить себѣ объ этомъ представленіе. Воодушевленіе было всеобщее: мы всѣ мгновенно сдѣлались послѣдователями Фейербаха».

Вмѣстѣ съ идеализмомъ Гегеля Марксомъ была отвергнута и его неизбежная метафизика. Основная концепція его теоріи познанія—приматъ бытія надъ сознаніемъ—но есть построеніе метафизическаго

*) Юдль. «Исторія этики», т. II, стр. 219.

характера, а представляет лишь выводъ изъ социально-историческихъ фактовъ. Равнымъ образомъ нельзя ставить марксовскую «силу экономическихъ факторовъ» въ зависимость отъ гегелевской абсолютной идеи, какъ это иногда дѣлають, основываясь на нижеслѣдующихъ словахъ — Марксъ совсѣмъ не придавалъ этой силѣ метафизическаго значенія. «Въ общественномъ производствѣ,—говоритъ онъ,—служащемъ поддержанію жизни, люди вступаютъ въ опредѣленные, необходимыя, не зависящія отъ ихъ воли отношенія, которыя соотвѣтствуютъ опредѣленной ступени развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ. Совокупность этихъ производительныхъ отношеній образуетъ экономическую структуру общества, реальный базисъ, надъ которымъ возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соотвѣтствуютъ опредѣленные общественныя формы сознанія. Способомъ производства матеріальной жизни обуславливается социальный, политическій и духовный процессъ жизни» (Предисловіе къ «Zur Kritik»).

Мы бы такъ формулировали заслугу марксизма, выраженную въ этихъ немногихъ словахъ ея снователя: марксизмъ, познавая социальные явленія подъ категоріей причинности, впервые ввелъ исторію человѣчества въ область научнаго опыта. Ставя феномены социальной жизни въ извѣстную зависимость отъ измѣненія «экономической структуры общества», марксизмъ вноситъ единство въ познаніе этихъ явленій, а это очень важно. Онъ не только констатируетъ закономерность въ общественной жизни, но и пытается опредѣлить эту закономерность. «Мы можемъ объяснить только то,—говоритъ Кантъ,—что мы въ состояніи свести къ законамъ, предметъ которыхъ можетъ быть данъ въ какомъ-либо возможномъ опытѣ». Марксизмъ такъ и дѣлаетъ—онъ, основываясь на опытѣ, ставитъ идеологию, «надстройку» въ извѣстное соотношеніе къ «реальному базису», хозяйству. Въ этомъ научная заслуга марксизма и, виѣсть съ тѣмъ, здѣсь же, въ этомъ познаніи подъ принципомъ единства въ закономерности, заключается на ряду съ положительной и его отрицательная сторона. Пониманіе социальной жизни по принципамъ міровой механики невольно приводитъ человеческое сознаніе къ пессимизму (въ родѣ того, которымъ вѣетъ отъ сочиненій Шопенгауэра); этимъ духомъ пессимизма запечатлѣна большая часть изслѣдованій о свободѣ воли, о роли личности въ исторіи и т. п. тѣхъ марксистовъ, которые, презирая трусость въ мышленіи, шли по прямому позитивно-матеріалистическому пути. Марксизмъ объявляетъ свободу человѣка обусловленной, «детерминированной». Стоя на позитивно-матеріалистической точкѣ зрѣнія, ортодоксальные марксисты и не могли придти къ другому рѣшенію—человѣческая личность въ ихъ глазахъ есть нѣчто оборванное (*lumpige Individuum*), безвольное, рабски подчиняющееся неумолимымъ, желѣзнымъ экономическимъ законамъ. Они видятъ человѣка черезъ свои позитивные очки только съ одной стороны, со стороны чувственнаго міра—въ этой эмпирической области

своего бытія человекѣтъ дѣйствительно несвободенъ, всѣ «явленія» этого бытія тѣсно связаны другъ съ другомъ закономъ причинности, какъ предыдущее съ своимъ послѣдующимъ, какъ причина съ слѣдствіемъ. Но за предѣлами этого эмпирическаго міра у человекѣтъ открывается цѣлое царство свободы, которое реализуется въ нравственномъ содержаніи духовной жизни.

Человекѣтъ есть не только существо, отражающее въ своемъ сознаніи дѣйствительность, не только существо мыслящее, но прежде всего и больше всего, обладающее волей, ставящее себѣ извѣстныя цѣли и стремящееся къ ихъ осуществленію. «Разсудокъ и воля не суть однородныя способности, стоящія на ряду одна съ другой, напротивъ, между ними существуетъ отношеніе зависимости; но не разсудокъ производитъ волю, какъ думали догматическіе метафизики, а наоборотъ, отъ воли зависитъ разсудокъ» *). Разсудокъ есть вассалъ, а воля всегда сюзеренъ. Цѣль ставится не разсудкомъ, а волей; на долю разсудка выпадаетъ лишь подчиненная роль; его задача—найти средства и пути къ ея осуществленію. «Человекѣтъ хочетъ жить такою-то опредѣленною жизнью абсолютно, а не на основаніи познанія ея достоинства. Конечно, у человекѣтъ бываетъ предвосхищеніе жизни, идеалъ, но идеалъ есть продуктъ не разсудка, а воли, созерцающей въ немъ самое себя. Разсудокъ не строитъ идеаловъ, у него нѣтъ и чувства для идеаловъ» **).

Человѣческое сознаніе имѣетъ два направленія—мышленіе и волю—оба эти элемента настолько тѣсно связаны другъ съ другомъ, что нѣтъ никакой возможности раздѣлить ихъ, и каждый изъ нихъ, взятый отдѣльно, не имѣлъ бы того значенія, какое они имѣютъ вмѣстѣ. Разница между объектами мышленія и воли та, что объекты воли, въ противоположность объектамъ мышленія, не даны въ дѣйствительности, а поставлены въ видѣ опредѣленной цѣли, въ видѣ извѣстнаго рода задачи. Эти объекты воли, или пракческаго разума, реальны не въ опытѣ, который можетъ воспринять ихъ послѣ ихъ осуществленія, а въ самой волѣ, которой надлежитъ ихъ осуществить; и осуществленіе это будетъ не случайное, а необходимое, опредѣляемое разсудкомъ.

Соотвѣтственно этимъ двумъ функціямъ человѣческой психики существуютъ и двѣ формы сознанія: причинное и телеологическое. Къ прошедшимъ событіямъ, къ исторіи я могу относиться, какъ къ явленіямъ, стоящимъ по отношенію другъ къ другу въ причинной зависимости—это понятно. Но какъ мнѣ относиться къ событіямъ не совершившимся, какъ мнѣ относиться къ своимъ собственнымъ поступкамъ, къ тому, чего я еще не сдѣлалъ, но намереваюсь сдѣлать. Я знаю, что эти поступки будутъ находиться въ извѣстной зависимости отъ тѣхъ или другихъ факторовъ, но я не могу мыслить этихъ поступковъ

*) Куно Фишеръ. «Исторія Новой философіи». 1865 г., т. IV, стр. 160.

***) Паульсенъ. «Введеніе въ философію».

подъ категоріей причинности. Прежде всего эти поступки могутъ быть, могутъ и не быть, а какъ таковыя, они не могутъ подпадать подъ причинную зависимость. Кроме того, я поступаю такъ или иначе, совершая эти поступки, только потому, что такъ я хочу. Я поступаю такъ, а не иначе потому, что я нахожусь въ известной причинной зависимости отъ чего-нибудь; изъ цѣлой серіи поступковъ, которые я могу совершить въ данномъ случаѣ (а это уже ясно доказываетъ, что причинной зависимости здѣсь нѣтъ), я выбираю такой, который болѣе всего соотвѣтствуетъ и достигаетъ поставленной мною цѣли. Въ этомъ смыслѣ и можно сказать, что цѣль есть реализація известной идеи. Телеологическая законѣрность, т.-е. законѣрность, направленная на какую-нибудь цѣль, приписывается трансцендентному бытію не произвольно, но такъ же, какъ причинная эмпирическому міру; она есть существенное содержаніе этого бытія. Находясь къ свободной волѣ въ такомъ же отношеніи, въ какомъ причинность находится къ познанію, телеологическая законѣрность, по своему существу, есть свободное самоопредѣленіе, переносимое изъ внутренняго міра во внѣшній, свободная оцѣнка цѣлей по ихъ достоинству. Есть цѣлый рядъ явленій, при разсматриваніи которыхъ законѣрность въ формѣ каузальности оказывается совершенно неудовлетворительной, недостаточной и гдѣ требуется, кроме того, законѣрность телеологическая. Сюда прежде всего относится область социальныхъ явленій. Стремленіе къ разсмотрѣнію феноменовъ общественной жизни съ точки зрѣнія этой телеологической законѣрности существуетъ — оно *называется социальнымъ вопросомъ**). Соціальныя процессы, содержащій въ себѣ постановку этого вопроса и его формулировку, состоятъ изъ цѣлаго ряда моментовъ, изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себѣ известную цѣль, известный идеалъ, создаваемый волей; соціальныя процессы есть переходъ отъ болѣе низкихъ формъ жизни къ болѣе высокимъ, болѣе сложнымъ, совершающійся во имя этихъ идеаловъ.

Одна изъ главныхъ социологическихъ ошибокъ Маркса и въ особенности его послѣдователей заключалась въ томъ, что они приравнивали социально-экономическую жизнь человѣчества къ области физическихъ явленій. На самомъ дѣлѣ между той и другой областью лежитъ большая пропасть. Человѣкъ при изученіи естественныхъ наукъ вполне удовлетворяется познаніемъ подъ категоріей причинности, между тѣмъ какъ въ познаніи явленій хозяйственной жизни дѣло усложняется — социальное познаніе только тогда удовлетворяетъ настоятельной потребности человѣческой сущности, когда оно разсматриваетъ эти явленія одновременно и съ точки зрѣнія причинности, и съ точки зрѣнія *идеи справедливости*. Человѣкъ никогда не примирится съ сознаніемъ

*) См. интересную книгу Stammer. «Wirtschaft und Recht» etc. Первый томъ переведенъ на русскій языкъ.

своей зависимости отъ слѣпой необходимости, онъ никогда не согласится съ тѣми изъ ортодоксальныхъ марксистовъ, которые говорятъ ему, что онъ есть лишь слѣпое орудіе въ рукахъ жегъзныхъ экономическихъ законовъ. Онъ всегда будетъ жить во имя тѣхъ *идеаловъ*, которые создаются его волей, которые, имѣя вѣчную реальность въ истинѣ и отражаясь въ сущности человѣка, невольно влекутъ его къ себѣ. Жизненный процессъ всегда для него будетъ представляться частичнымъ воплощеніемъ этой вѣчной истины, живущей въ его идеалѣ, въ дѣйствительность, засыпаніемъ той пропасти, которая лежитъ между абсолютнымъ идеаломъ и дѣйствительностью.

Современный кризисъ въ марксизмѣ, признавая за нимъ права цѣльнаго міросозерцанія, мы и рассматриваемъ, какъ *голосъ этой второй, забытой половины человеческой души*. Главный вопросъ, который мучитъ марксистовъ, не застывшихъ въ преклоненіи предъ догмой, заключается въ томъ, чтобы найти почву, на которой марксизмъ, *оставаясь въ пониманіи хозяйственныхъ явленій строго научнымъ, сохранилъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ за идеаломъ самостоятельныя, присущія ему права*.

Въ настоящее время въ марксизмѣ совершается переворотъ, сопряженный съ ломкой большей части его философскихъ основоположеній, съ пересмотромъ всей системы; марксизмъ подаетъ теперь руку идеализму, но уже не тому, отъ котораго онъ отказался при своемъ рожденіи на свѣтъ, а критическому, трансцендентальному.

Историческія условія мѣняются, жизнь предъявляетъ новыя требованія, и задача мыслящихъ людей состоитъ въ отысканіи тѣхъ способовъ, которые бы дали возможность примирить эти два умственные теченія и тѣмъ самымъ вдохнуть въ крѣпкое тѣло марксизма живую душу. Мы не принадлежимъ къ тѣмъ филистерамъ, которые, услышавъ о «кризисѣ» въ марксизмѣ, кричатъ: марксизмъ въ опасности, поэтому *saveant consules* и т. д., мы твердо убѣждены, что марксизмъ будетъ жать. Но въ то же время мы хотимъ, чтобы марксизмъ былъ не только социальное-экономической доктриной, но и социальное-философской, цѣльнымъ, законченнымъ міросозерцаніемъ, въ которомъ каждый человѣкъ могъ бы черпать свои идеалы.

Но вернемся къ затронутому нами вопросу. Марксизмъ переросъ тѣсныя рамки матеріализма, и жизнь заставляетъ его признать за идеаломъ самостоятельныя права. Единственнымъ пунктомъ, на которомъ возможно подобное примиреніе марксизма съ духомъ идеалистической философіи, является область практическаго разума, область этики *). Тутъ мы прежде всего наталкиваемся на новый вопросъ, а именно, какимъ образомъ возможно связать на этой почвѣ такіа два противоположныя ученія, какъ аморализмъ или гуманизмъ Маркса съ одной сто-

*) См. объ этомъ *Vorländer's*.

роны и категорическій императивъ Канта съ другой. Марксъ, какъ мы видѣли, очень скептически смотритъ на всякаго рода идеологію. Такой же участи, если еще не худшей, подверглась и этика. Трудно установить одну опредѣленную точку зрѣнія, которой придерживались Марксъ и Энгельсъ въ вопросахъ этики. Когда вопросъ непосредственно касался этики, Марксъ и особенно Энгельсъ признавали ее, не какъ самостоятельный факторъ, но просто за науку историческаго характера, и ихъ воззрѣнія въ этомъ случаѣ въ области этики выше навязаннаго имъ фейербаховскаго гуманизма никогда не поднимались. Когда же рѣчь заходила объ экономической структурѣ общества, то они, въ особенности Марксъ, уже совершенно не считались съ этикой и всякаго рода подобной идеологіей—здѣсь проявлялся уже аморализмъ. Строго говоря, Марксъ былъ гораздо логичнѣе и послѣдовательнѣе Энгельса. Его аморализмъ можно объяснить только однимъ образомъ. Марксъ изучалъ явленія въ ихъ причинной связи, онъ изслѣдовалъ законы, которые съ «железной необходимостью» приводятъ отъ одного явленія къ другому, онъ давалъ отвѣты на вопросъ почему, а не для чего, человѣческая личность съ ея идеалами у него совершенно стиралась, поэтому и вопросъ о нравственной оцѣнкѣ, само собою рааумѣется, уничтожался тою же железной необходимостью. Его сужденія о социальныхъ явленіяхъ были, такимъ образомъ, сужденія *jenseits von Gut und Böse*, какъ выразился бы Ницше. Съ другой стороны, всѣ сочиненія Маркса въ ихъ идейномъ содержаніи пропитаны духомъ гуманизма, духомъ любви къ человѣчеству. Подобное раздвоеніе и безсознательное принесеніе въ жертву чувству, обусловленному въ данномъ случаѣ моральными требованіями такого ума, какъ умъ Маркса, очень характерно. Но къ этому мы еще вернемся.

Нравственные воззрѣнія Канта очень отличаются, какъ отъ Фейербаха, Маркса, такъ и отъ всѣхъ вообще философовъ, занимавшихся рѣшеніемъ этическихъ проблемъ. Исходнымъ пунктомъ его философіи служитъ не наибольшая сумма удовольствій возможно большаго количества людей, не лозунгъ въ видѣ «счастья всѣхъ», не эмпирически реальная цѣль, а тотъ нравственный законъ, который управляетъ поступками человѣка и который заключается въ его сокровеннѣйшей сущности. Къ морали эвдемонистической Кантъ относится не только какъ къ далекой отъ истины, но и какъ къ теоріи безнравственной, основанной на эгоизмѣ. Уже простому человѣческому сознанію должно быть ясно, что поступки цѣнятся не по тѣмъ результатамъ, къ которымъ они приводятъ, но лишь постольку, поскольку волевое сознаніе было независимо при совершеніи этихъ поступковъ отъ разныхъ чувственныхъ побужденій. Или, говоря другими словами, нравственнымъ можно назвать только такой поступокъ, который совершается во имя долга, изъ одного уваженія къ нравственному закону. Данная намъ въ опытѣ природа человѣка управляется нравственнымъ закономъ, слѣдовательно, сама она не можетъ служить основой для этого закона. Опытъ всегда

условленъ, закономъ же мы называемъ то, что общеобязательно и безусловно. Поэтому, источникомъ моральнаго закона является не чело-вѣкъ-феноменъ, какъ чувственное существо, а чело-вѣкъ, какъ ну-мень, какъ вещь въ себѣ. Соотвѣтственно этому раздѣленію чело-вѣка на два различныхъ существа и его воля имѣетъ двѣ разновидности. Воля, направленная на эмпирическіе объекты и условія, опредѣляется ими въ этомъ смыслѣ и можно говорить объ ея детерминизмѣ,—дру-гая разновидность, чистая, разумная воля опредѣляется сама собой. Эта добрая воля направлена на вѣчто совершенно отличное отъ вся-кихъ чувственныхъ склонностей, отъ эмпирическихъ явленій; ея содер-жаниі составляетъ тотъ категорическій императивъ, который былъ выдвинутъ Кантомъ въ видѣ регулятивной нравственной идеи. Этотъ основной законъ чистаго практическаго разума онъ выразилъ въ та-кой общей безусловной формѣ: «Поступай такъ, чтобы максима твоей воли всегда могла быть вмѣстѣ съ тѣмъ и принципомъ всеобщаго за-конодательства» *).

Изъ приведенныхъ краткихъ очерковъ пониманія этики Марксомъ и Кантомъ уже достаточно выяснилась та пропасть, которая раздѣ-ляетъ этихъ двухъ мыслителей. Говоря о соединеніи этихъ двухъ док-тринъ подъ одной эгидой, мы не стоимъ за ихъ механическую связь, мы не сторонники того вульгарнаго синкретизма, который считаетъ своимъ идеаломъ высшій синтезъ двухъ противоположныхъ началъ; поэтому единственный выходъ изъ даннаго положенія представляется намъ въ уничтоженіи одной теоріи другой, болѣе сильной, болѣе близ-кой къ истинѣ.

Духовная жизнь чело-вѣчества быстро идетъ впередъ; ея формы принимаютъ все новый и новый характеръ. Ея требованія измѣняются съ каждымъ днемъ; тѣхъ требованій, которыя жизнь ставила чело-вѣчеству вчера, сегодня уже недостаточно, и она настойчиво выдвигаетъ новыя, требуя немедленнаго ихъ удовлетворенія. То же самое было и съ марксизмомъ. Было время, когда преклонялись предъ его самой грубой матеріалистической формой, но изъ того, что раньше удовле-творялись ортодоксальнымъ марксизмомъ, еще не слѣдуетъ, что его надо брать въ видѣ застывшей догмы. «Спящій въ гробѣ, мирно спи, жизнью пользуйся живущій!»

Возникнувъ первоначально на чисто экономической почвѣ, онъ хо-четъ удержать за собой эту почву и тогда, когда онъ изъ экономиче-ской доктрины превращается въ социальную-философскую. Теперь какъ разъ мы и переживаемъ такой моментъ, когда марксизмъ переходитъ изъ спеціальной, «однобокой» доктрины въ общее законченное міросо-зерпаніе. Его насущной потребностью теперь и является совмѣстить въ себѣ въ этомъ новомъ міросозерпаніи двѣ стороны своего сущест-

*) «Критика практическаго разума». Перев. Н. М. Соколова, 1897 года, стр. 28, § 7

ства—тѣло и душу. Эта душа, витая въ сумеркахъ философіи, давно уже пыталась найти себѣ пристанище въ брэнномъ тѣлѣ марксизма, но всюду встрѣчала отпоръ со стороны ортодоксовъ. Но теперь, когда эти сумерки разсѣваются, когда въ воздухѣ вѣетъ тѣмъ-то новымъ, живымъ, можно надѣяться, что вмѣстѣ съ этимъ туманомъ исчезнетъ и этотъ холодный духъ ортодоксія. Теперь уже пора бросить предразсудокъ, что философская мысль есть продуктъ тѣхъ или иныхъ экономическихъ отношеній. Марксизмъ съ его экономикой, какъ разъ наоборотъ, есть лишь незначительное звено въ той вѣчной работѣ духа, которая «выбираетъ и судитъ», которая занята вопросами міропознанія. Пора отвести этой работѣ духа соответствующее, принадлежащее ей по праву мѣсто. И въ настоящее время уже совершаются подготовительныя работы къ водворенію царства идеализма.

Современный поворотъ въ марксизмъ въ сторону идеалистической философіи не есть простая реакція противъ матеріализма; его жизненнымъ нервомъ были тѣ запросы духа, о которыхъ мы уже говорили выше, и это придаетъ ему высокое и самостоятельное значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и на его жизнеспособность.

Человѣкъ—обитатель двухъ міровъ: феноменальнаго и умопостигаемаго. Онъ живетъ не только въ мірѣ явленій, управляющемся строгой закономерностью въ формѣ необходимости, но и въ мірѣ свободы, въ царствѣ цѣлей. Эта послѣдняя жизнь складывается изъ поставленія свободной человѣческой волей извѣстныхъ идеаловъ и стремленія къ нимъ; эта умопостигаемая жизнь настолько тѣсно связана съ природой человѣка, что онъ, въ силу своей сущности, никогда не откажется отъ этихъ идеаловъ. Идеалъ въ частности можетъ быть политическимъ, экономическимъ, правовымъ и т. д., но всѣ эти идеалы могутъ быть сведены къ одному общему, включающему въ себя всѣ эти частныя элементы, какъ части одного великаго цѣлаго. Этотъ высшій идеалъ—*этический*. Регулятивной идеей, указывающей человѣку путь къ нему, служитъ моральный законъ, категорическій императивъ. Этотъ законъ абсолютенъ, онъ стоитъ внѣ пространства и времени; поэтому онъ носитъ чисто формальный характеръ. Существуетъ лишь форма, облекающаяся въ которую, воля дѣлается благою. Жизнь человѣка складывается не изъ однихъ причинъ и дѣйствій, но, главнымъ образомъ, изъ поставленія извѣстныхъ цѣлей, стремленія къ нимъ и ихъ осуществленія; жизнь—длинный рядъ, въ которомъ средство превращается въ цѣль, эта цѣль вновь дѣлается средствомъ для того, чтобы стать основаніемъ для новой цѣли и т. д. Но этотъ длинный рядъ не безконеченъ—его послѣднее звено, его конечная цѣль есть только что упомянутый идеалъ, который, однако, въ силу своей абсолютности, не воплощается цѣликомъ въ жизнь. Всѣ остальные цѣли, всѣ остальные идеалы должны имѣть извѣстное отношеніе къ этому высшему идеалу, который служитъ критеріемъ въ опредѣленіи ихъ справедливости. Справедливъ или, какъ говорятъ, законенъ тотъ идеалъ, который близокъ

къ истинѣ, который стоитъ въ телеологической связи съ абсолютнымъ, который поднимаетъ человѣка на одну ступеньку выше къ этому вѣчному, неизмѣнному идеалу. Но для жизнеспособности идеала одной телеологической законѣрности недостаточно, нужно, вмѣстѣ съ тѣмъ, доказать его необходимость. Только такой идеалъ можетъ удовлетворить насъ, который имѣетъ подъ ногами твердую научную почву и который получилъ, кромѣ того, санкцію справедливости.

Марксизмъ по самому своему существу, по своей основной идеѣ тѣсно примыкаетъ къ этикѣ—цѣлью всякаго частнаго соціальнаго процесса является, въ концѣ концовъ, какое-нибудь нравственное требованіе, установленіе какой-нибудь правовой нормы. Поэтому соціально-экономическія явленія, изучаемыя марксизмомъ, должны быть разсматриваемы не какъ сухія абстракціи, но какъ сферы проявленія духовной дѣятельности человѣка, какъ мѣсто воплощенія его идеаловъ. Ортодоксальный марксизмъ отвергаетъ идеалы—нихъ для него не существуетъ, есть только неумолимая «железная необходимость». Но развѣ можно любить необходимость, развѣ можно вѣрить въ то, необходимость чего я могу доказать математическимъ путемъ? «Ясно, что объективная необходимость, о которой говоритъ наука, не можетъ быть обоснованіемъ идеала, не можетъ придать ему этическое цѣнность. Я ставлю себѣ идеалъ общежитія, я признаю этотъ идеалъ справедливымъ и считаю добромъ дѣятельность, направленную къ его осуществленію, совсѣмъ не потому, что онъ необходимъ» *). Сознаніе необходимости это уже не вѣра, а знаніе; воля же не можетъ! жить знаніемъ—оно принадлежность разсудка. Идеалъ для человѣка это все то, что истинно, прекрасно, вѣчно, что ему близко, дорого; это образъ, въ который отливается его вѣра, его воля. Разсудокъ признаетъ необходимость какого-нибудь явленія, воля же съ своей стороны заботится о наиболѣе справедливой формѣ этого явленія.

Вводя соціальную жизнь въ область опыта, мы должны считаться, какъ съ объективной, общеобязательной природой этого опыта, такъ и съ природой другой половины человѣка,—человѣка, какъ нумена. Мы твердо должны помнить, что вмѣстѣ съ пространствомъ и временемъ, вмѣстѣ съ категоріей причинности человѣку дана и категорія свободы, что она присуща всѣмъ людямъ, что она общеобязательна. Въ области практическаго разума она играетъ такую же роль, какую категорія причинности играетъ въ области познанія. «Поэтому, какъ бы отдѣльные сторонники экономического матеріализма ни старались доказать, что слѣдующая стадія развитія необходимо должна наступить въ силу естественнаго хода вещей или причиннаго сплещенія между явленіями, всякій изъ нихъ, въ концѣ концовъ, все-таки долженъ признать, если онъ хочетъ остаться честнымъ и добросовѣстнымъ мыслителемъ, что

*) Н. Вердяевъ. «Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи», стр. 71.

кромя того онъ *требуетъ* наступленія этой стадіи или *поступируетъ* ее, основываясь на *идеи справедливости* *)).

Удовлетворяющимъ идеаломъ такимъ образомъ является тотъ, который совмѣщаетъ въ себѣ объективно-необходимое его основаніе съ лучшими субъективными стремленіями человѣка. Только такой идеаль способенъ вселить гармонію и миръ въ духовную жизнь человѣка, только онъ въ состояніи будетъ удовлетворить запросамъ его духа. Но возможенъ ли такой идеаль, возможно ли въ немъ подобное сочетаніе двухъ различныхъ элементовъ? Жизнь говоритъ, что возможно. Марксъ былъ глубоко правъ, говоря, что жизнь ставитъ себѣ только такія задачи, которыя она въ состояніи разрѣшить, даже больше, — при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что сама задача выдвигается только тогда, когда назрѣютъ условія, необходимыя для ея разрѣшенія. Въ настоящее время условія для разрѣшенія вопроса о высшемъ санкціонированіи марксизма трансцендентальнымъ идеализмомъ созрѣли, жизнь признала необходимость разрѣшенія поставленной задачи и марксизму остается лишь формальнымъ образомъ констатировать этотъ фактъ, высказавшись принципиально по данному вопросу.

Марксизмъ хочетъ быть такой стройной системой, которая удовлетворяла бы всѣмъ духовнымъ запросамъ тѣхъ общественныхъ силъ, которыя строятъ свое міровоззрѣніе на его идеяхъ; поэтому онъ долженъ чутко прислушиваться къ голосамъ своихъ адептовъ. Однимъ изъ такихъ запросовъ духа, предъявляемыхъ въ настоящее время марксизму, является требованіе иной точки зрѣнія на жизнь. Это требованіе вытекаетъ изъ примѣненія идеи справедливости при изслѣдованіи социальныхъ явленій, изъ признанія за социальными явленіями телеологической законмѣрности. Нравственная оцѣнка возможна только въ томъ случаѣ, если критеріемъ этой оцѣнки не служатъ чувственные явленія въ родѣ страданія, удовольствія, счастья и т. п., ибо эти послѣднія соотвѣтствуютъ лишь отдѣльнымъ моментамъ человѣческой жизни, но не жизни, какъ цѣлому. При признаніи за этими чувственными явленіями правъ рѣшающаго критерія, конечно, не можетъ быть и рѣчи о подчиненіи низшихъ цѣлей болѣе высокимъ, частныхъ идеаловъ болѣе общимъ, потому что жизнь понимается здѣсь, какъ господство мгновений, потому что цѣль, направленная, напр., на счастье или удовольствіе, не есть ничто цѣльное въ самомъ себѣ, а представляетъ лишь одно мгновеніе жизни. Это «господство мгновений», яркимъ представителемъ котораго въ философіи былъ Аристиппъ Киренскій, подъ тѣмъ или другимъ именемъ, тянется почти непрерывно вплоть до Канта. Марксизмъ также удѣлилъ очень много мѣста, особенно въ практической своей части, этому принципу. Отклоненія въ сторону отъ «конечной цѣли» въ угоду разнымъ практическимъ соображеніямъ, замѣна этой цѣли простымъ «одержаніемъ побѣды», «движеніемъ» (Бернштейнъ) и вѣчные, тре-

*) Кистяковскій. «Категоріи необходимости и справедливости при изслѣдованіи социальныхъ явленій». «Жизнь» 1900 г., V, стр. 147.

буемые жизнью компромиссы съ «самимъ чортомъ и его бабушкой» (Бebelъ)—все это есть ничто иное, какъ отраженіе того же признаваемого господства мгновений.

Какъ и всякая другая социальна-философская доктрина, марксизмъ, если онъ не хочетъ, путемъ постоянного отклоненія въ сторону конкретныхъ цѣлей, обречь себя на духовную смерть, долженъ выставить тѣ общіе принципы, изъ которыхъ онъ могъ бы исходить въ своихъ сужденіяхъ о социальномъ строѣ. Въ этихъ принципахъ онъ долженъ совершенно «отвлечься отъ всякаго социального содержанія какого-либо исторически даннаго социального бытія и стремиться къ уразумѣннѣй законмѣрности, свойственной общественной жизни людей вообще» *). Эти основныя принципы, заключающіе въ своемъ содержаніи понятіе о человѣкѣ вообще и его духовной сущности, будутъ возвышаться надъ всѣмъ индивидуальнымъ, надъ всѣмъ тѣмъ, что связано съ извѣстными временемъ или мѣстомъ. Они будутъ заключать въ себѣ выраженную въ категорической формѣ ту цѣль, которая, освѣщая человѣчеству дорогу, будетъ въ то же время и его вѣчнымъ, неизблемымъ идеаломъ. Тогда, пародируя Бернштейна, можно будетъ сказать: «цѣль»—это все, «движеніе» же будетъ лишь зеркаломъ, въ которомъ отразится путь по направленію къ этому идеалу.

Другой стороной, вытекающей изъ признанія абсолютнаго идеала и царства цѣлей, является измѣненіе точки зрѣнія на личность, повышение объективной цѣнности человѣка. «Вопросъ о высшей законмѣрности, которой должна быть подчинена социальная жизнь,—говоритъ Штаммлеръ,—практически немедленно превращается въ принципиальное воззрѣніе на отношеніе индивидуума къ обществу». Ортодоксальный марксизмъ привыкъ считать человѣка существомъ причинно-обусловленнымъ во всѣхъ сферахъ дѣйствія,—существомъ, не имѣющимъ свободной воли. Немудрено поэтому, что человѣкъ былъ въ его глазахъ лишь общественнымъ атомомъ, не имѣющимъ никакой цѣны, разъ онъ взятъ отдѣльно отъ какого-нибудь класса или социальной группы. Но въ то же время марксизмъ намѣревался дать въ новомъ обществѣ этой оторванной личности полноправное гражданство. Достичь этого онъ хотѣлъ исключительно при помощи социальна-экономическихъ факторовъ, безъ всякаго отношенія къ этикѣ, забывъ, что его социальна-экономическій идеалъ только потому и живетъ въ сердцахъ людей, что получилъ извѣстную санкцію отъ абсолютнаго этического идеала, опредѣляющаго, какъ мы уже видѣли, всѣ другіе. Человѣкъ для него представляется, какъ въ борьбѣ съ природой, такъ и въ борьбѣ общественной, все тѣмъ же слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ желѣзной необходимости, средствомъ для достиженія высшихъ формъ жизни. Признавъ же абсолютный этический законъ съ телеологической законмѣрностью, марксизмъ тѣмъ самымъ долженъ будетъ измѣнить

*) Штаммлеръ. «Хозяйство и право». I, стр. 7.

и точку зрѣнія на человѣка, повысить его цѣнность. Человѣкъ будетъ для него уже не средствомъ, а *самоцѣлью*, во имя которой и совершается движеніе по направленію къ «обществу свободно-хотящихъ людей», какъ говорить вслѣдъ за Кантомъ Штаммлеръ. Эта точка зрѣнія на человѣческую личность придастъ социальному процессу совершенно иной видъ, видъ извѣстной сознательности, видящей въ человѣкѣ носителя чего-то высшаго,—видъ, соотвѣтствующій и удовлетворяющій человѣческой сущности.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло лишь съ «практическимъ разумомъ» и телеологизмомъ. Но выдвинутый жизнью пересмотръ марксизма нуждается не только въ этихъ двухъ силахъ,—не менѣе необходимъ ему и «чистый разумъ».

Какъ и всякая другая эволюціонная теорія, марксизмъ долженъ имѣть свою *теорію познанія*. Вотъ на эту-то теорію познанія и должна быть прежде всего направлена острая критика чистаго разума. Марксизмъ нуждается не въ простомъ признаніи философскаго критицизма, работа эта состоитъ не въ грубой механической связи этихъ двухъ доктринъ и подтасовкѣ, какъ ее понимаетъ Вольтманнъ, но въ обработкѣ социальнаго вопроса и его проблемъ въ духѣ критической философіи. Философской задачей въ данномъ случаѣ будетъ—подвергнуть критикѣ какъ тѣ понятія, съ которыми мы оперируемъ, такъ и тѣ основы, опираясь на которыя, эволюціонизмъ, оказавшійся столь плодотворнымъ въ естественныхъ наукахъ, можетъ получить права гражданства и въ области социологіи. Для этого придется прежде всего разложить всю доктрину Маркса на ея составныя части и только затѣмъ уже очищать каждый ея элементъ обеззараживающимъ огнемъ чистаго разума.

Только при свѣтѣ всѣхъ трехъ кантовскихъ «Критикъ» марксизмъ можетъ служить путеводной звѣздой для своихъ адептовъ. Только идеализмъ можетъ дать марксизму «душу живу». Вместе съ Ланге мы твердо убѣждены, что рѣшеніе социальнаго вопроса будетъ принадлежать въ конечномъ итогѣ идеализму, что побѣда останется за тѣми, кто своимъ лозунгомъ выставитъ идеальнѣйшія стремленія человечества. «Будетъ ли эта битва безкровной борьбой умовъ, или же она, подобно землетрясенію, съ громомъ превратитъ въ прахъ развалины пройденной міровой эпохи и похоронитъ подъ этими развалинами миліоны людей—во всякомъ случаѣ *новая эпоха одержитъ побѣду не иначе, какъ надписавъ на своемъ знамени великую идею*, которая отвергаетъ эгоизмъ и на мѣсто неутомимаго труда, руководимаго одною лишь личною выгодой, ставитъ какъ новую цѣль человѣческое совершенство въ человѣческомъ общежитіи» *).

Г. Маркеловъ.

*) Ланге. «Исторія матеріализма», т. II, стр. 344. Руск. пер. 1898 г.

«миръ воиѣ», № 5, май. отд. 1.

ВЪ НОЧИ БЕЗСОННЫЯ.

Въ ночи безсонныя

Двери души своей шире раскрой,
Блѣдныхъ тѣней пусть войдетъ туда рой.

Въ ночи безсонныя

Прясть онѣ ходять предчувствія нить,
Диво повѣдать и чудо явить,
Глуби потайныя, тайны бездонныя.
Новаго много у блѣдныхъ тѣней,—
Сердце раскрывъ, только слушать умѣй.
Жизнь коротка, какъ и ночи безсонныя.

Въ ночи безсонныя

Стань, сторожи у порога души:
Много чудесъ тамъ творится въ тиши

Въ ночи безсонныя.

Если же блѣдныя тѣни спугнуть,—
Молча исчезнуть, и ихъ не вернуть,
Какъ и туманы весной крыленные.
Новаго много у блѣдныхъ тѣней,—
Сердце раскрывъ, только слушать умѣй.
Жизнь коротка, какъ и ночи безсонныя.

А. Налин—скій.

Викторъ Петровичъ Острогорскій.

† 31 марта 1902 г.

ВИКТОРЪ ПЕТРОВИЧЪ ОСТРОГОРСКІЙ.

(Некрологъ).

31-го марта внезапно скончался редакторъ нашего журнала Викторъ Петровичъ Острогорскій, извѣстный педагогъ и литераторъ.

В. П. Острогорскій родился въ 1840 г., образованіе получилъ въ 3-й петербургской гимназій и на историко-филологическомъ факультетѣ петербургскаго университета. Педагогическая его дѣятельность началась очень рано; еще будучи онъ студентомъ, принималъ участіе въ первой бесплатной Василеостровской воскресной школѣ въ Петербургѣ, гдѣ обучалъ съ 1859 по 1861 г. Затѣмъ въ теченіе 40 слѣшкомъ лѣтъ подвизался на поприщѣ учителя и лектора, и послѣдній урокъ свой давалъ 14-го марта, за двѣ недѣли до смерти, въ «Классахъ новыхъ языковъ» М. М. Бобріцовой-Пушкиной. Въ своей учительской дѣятельности, какъ преподаватель русскаго языка, русскаго и иностранной словесности, Викторъ Петровичъ олицетворялъ собой идеальный типъ учителя, проводя въ жизнь идеи Пирогова, Водовозова, Стоюнина и Ушинскаго, руководя изученіемъ русскіхъ и иностранныхъ классиковъ живымъ словомъ и въ многочисленныхъ статьяхъ критическаго содержанія по исторіи литературы и искусства. Ниже читатели найдутъ въ статьѣ нашего сотрудника, бібліографа Д. П. Сильчевского, подробный перечень его литературныхъ работъ по разнообразнымъ вопросамъ, какъ педагогическимъ, такъ литературнымъ и общественнымъ. Чтобы дать понятіе о работѣ его, какъ неутомимаго педагога и лектора, приводимъ подробное указаніе, гдѣ и когда покойный учительствовалъ и читалъ лекціи и цѣлые курсы.

Съ 1859—1861 г.—учительствовалъ въ Бесплатной Василеостровской школѣ.

1863—1869—былъ учителемъ словесности въ женской гимназій В. В. Шандковской.

1867—1869—учителемъ словесности въ Василеостровской женской гимназій.

1869—1892—преподавателемъ исторіи всеобщей литературы на Женскихъ Педагогическихъ курсахъ.

1869—1877—преподавателемъ словесности въ Елизаветинскомъ институтѣ.

1864—1880—учителемъ словесности въ 1-ой Военной гимназій.

1871—1890—учителемъ словесности въ Ларинской гимназій.

1876—1882—учителемъ словесности въ женскомъ пансіонѣ Шаффе.

1880—1900—учителемъ словесности въ Коломенской женской гимназіи.

1881—1888—преподавателемъ литературы въ Театральной школѣ Боровакова.

1887—1889—читалъ курсъ исторіи новой русской литературы въ VIII кл. гимназіи Стеблинъ-Каменской.

189⁶/₇ учебн. годъ—читалъ курсъ «По искусству вообще и поэзіи въ особенности» въ Смольномъ институтѣ.

1891—1902—преподавателемъ исторіи всеобщей литературы и исторіи литературы русской на драматическихъ курсахъ при Театральномъ училищѣ.

1892—1902—преподавателемъ исторіи русской литературы въ «Классахъ новыхъ языковъ» М. М. Бобрищевой-Пушкиной.

1900 г. лѣтомъ—читалъ курсъ «выразительнаго чтенія» на земскихъ учительскихъ курсахъ въ г. Владимірѣ.

1901 г. лѣтомъ—читалъ 1) курсъ «Выразительнаго чтенія» и 2) курсъ исторіи литературы на земскихъ учительскихъ курсахъ въ гг. Курскѣ и Пензѣ.

1898—читалъ лекціи по выразительному чтенію для учителей земскихъ школъ Царевосельскаго и Шлиссельбургскаго уу. въ Гатчинѣ.

1897—въ апрѣлѣ и мартѣ читалъ курсъ (8 публичныхъ лекцій) объ искусствѣ въ Солянномъ городкѣ въ пользу Подвижнаго музея и Бесплатной школы В. П. Острогорскаго въ г. Валдаѣ.

1897—въ октябрѣ лекціи объ искусствѣ въ Твери въ обществѣ «Парусъ».

1897—въ ноябрѣ лекціи объ искусствѣ въ Солянномъ городкѣ въ пользу Отдѣла защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія.

1898—въ январѣ читалъ курсъ объ искусствѣ въ Москвѣ въ пользу Московскаго общества грамотности и Бесплатной школы В. П. Острогорскаго въ Валдаѣ.

1898—въ январѣ лекціи о музыкѣ въ пользу общества «Дѣтская помощь» въ Солянномъ городкѣ.

1898—въ мартѣ лекціи о Бѣлинскомъ въ пользу Подвижнаго музея и Бесплатной школы В. П. Острогорскаго въ Солянномъ городкѣ.

1899—лекція «Наканунѣ столѣтія» (о Пушкинѣ) въ пользу Подвижнаго музея и Бесплатной школы В. П. Острогорскаго въ Солянномъ городкѣ.

1900—лекція «Искусство, какъ воспитательно-общественная сила и его мѣсто въ низшей и средней школѣ» въ Новгородѣ въ пользу интерната общества взаимопомощи учащихся и учившихъ въ начальныхъ училищахъ Новгородской губ.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ онъ вмѣстѣ съ Резенеромъ основалъ бесплатное Василеостровское училище. Въ 1898 г. онъ основалъ на собственные средства бесплатную школу въ г. Валдаѣ, которую и поддерживалъ до послѣднихъ дней на своемъ небольшіе заработки, учредивъ затѣмъ общество, къ которому и перешли теперь заботы объ этой школѣ.

Такова дѣятельность этого неутомимаго труженика на педагогическомъ поприщѣ. Въ школѣ, на кафедрѣ и въ литературѣ онъ былъ горячимъ и не-

измѣняемымъ проповѣдникомъ высокихъ завѣтовъ своихъ учителей Воловцова и Стоянина, поборникомъ идей шестидесятихъ годовъ и проводникомъ свѣтлаго взгляда на жизнь, святого долга служенія народу и борьбы за свѣтъ истины, знанія и свободы. Какъ личность, это былъ человѣкъ цѣльный, съ кристальной душой и рѣдкой доброты.

Не ограничиваясь этой некрологической замѣткой, редація надѣется дать въ ближайшихъ книгахъ журнала подробную характеристику Виктора Петровича, какъ учителя и писателя.

Редація.

Памяти Виктора Петровича Острогорскаго.

«Духа не угашайте».

(Ал. Писель).

Ты умеръ... Эта вѣсть вчера дошла до слуха,
 Но среди насъ стоишь ты, какъ живой,
 И вновь звучать слова: «Не угашайте Духа»,
 Ты ихъ не уставалъ вѣщать передъ толпой.
 Въ тебѣ душа избранника пылала,
 Она была, какъ пламя, горяча,
 Она твой путь тернистый освѣщала
 И жгла тебя, горѣлъ ты, какъ свѣча...
 Есть много званныхъ, избранныхъ такъ мало.
 Ты изъ «немногихъ» былъ, учитель дорогой,
 Но сердце чуткое за многихъ отвѣчало
 На всякій звукъ призывный и родной.
 И это сердце биться перестало,
 И утомленная поникла голова,
 Струны отзвучивой, надорванной не стало,
 Вернулась къ Богу искра Божества.

М. Зубкова *).

2-го апрѣля 1902 г.

Литературная дѣятельность В. П. Острогорскаго. 1856—1902 гг.

(Библиографическіе матеріалы).

Свою литературную дѣятельность В. П. Острогорскій началъ еще въ юношескихъ годахъ. Будучи въ VI-мъ классѣ гимназіи, онъ написалъ историче-

*) Вывшая ученица В. П. Острогорскаго по классамъ новыхъ языковъ М. Бобринцевой-Пушкиной.

скую драму въ стихахъ «Андре Шеньє» (1856 г.). Затѣмъ, при переходѣ въ VII-й классъ, онъ прочиталъ написанную имъ рѣчь «Д. В. Веневитиновъ» (1857 г.), а также произнесъ и рѣчь на выпускномъ гимназическомъ актѣ, 19-го іюня 1858 г. (эта рѣчь хранится въ архивѣ гимназіи).

Но эти юношескіе опыты В. П. Острогорскаго служили, такъ сказать, только прологомъ къ его настоящей литературной дѣятельности, начавшейся собственно только съ 1859 года, когда онъ сталъ сотрудничать въ ежемѣсячномъ журналѣ «Ласточка», гдѣ помѣщалъ (безъ подписи) свои стихотворенія и компилятивныя статьи. Затѣмъ онъ сотрудничалъ послѣдовательно въ слѣдующихъ газетахъ и журналахъ: «Время» 1861 г., «Учитель» 1862 и 1864 гг. (здѣсь В. П. помѣщалъ свои переводныя компилятивныя и оригинальныя статьи), «Библиотека для чтенія» 1863 г. (гдѣ, кромѣ помѣщенія особыхъ статей, завѣдывалъ, вмѣстѣ съ Е. Н. Эдельсономъ, отдѣломъ критики и библиографіи), въ 1863—1864 гг. помѣщалъ біографическія статьи о русскихъ писателяхъ въ «Энциклопедическомъ словарѣ, составленномъ русскими учеными и литераторами» подъ ред. П. А. Лаврова (т. VI, буква *Е*) и «Настольномъ словарѣ» Ф. Г. Толя (на букву *Л*, во II-мъ томѣ). Далѣе, онъ сотрудничалъ: въ «Якорѣ» (1864 г.), «Искрѣ» (1864), «Антрактѣ» (1864), «Дѣтскомъ Читеніи» и въ «Библиографическомъ Листкѣ», при этомъ журналѣ (съ 1869 по 1884 включительно) въ «Педагогическомъ Листкѣ спб. женскихъ гимназій» (1872—74 гг.), «Женскомъ Образованіи» (въ 1876—1889 гг.), «Новомъ Времени» (1878—79 г.), «Молвѣ» (1880 г.), «Голосѣ» (1882 г.), «Новостяхъ» (1883—1902 гг.), «Вѣстникѣ Европы» (1881—1883 гг.), «Педагогич. Сборникѣ военно-учебныхъ заведеній» (съ 1883 г.), «Театрѣ» (1883 г.), «Дѣлѣ» (1883—1887 гг.), «Изящной Литературѣ» (1885 г.), «Родникѣ» и издававшемся при немъ «Воспитаніи и обученіи» (1885 г.) «Днѣ», (1887 и 1888 г.), «Еженедѣльномъ Обзорѣніи» (1888 г.), «Одесскомъ Листкѣ» (1889 г.), «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (1893—1894 и 1898—1899 гг.), «Мирѣ Божіемъ» (1892—1902 гг.), «Русской Жизни» (1894 г.), «Сиб. Вѣд.» (1896—1897 гг.), «Вѣстникѣ Воспитанія» (1890—1900 гг.), «Всемирной Иллюстраціи» (1898 г.), «Русской Мысли» (1884, 1891 и 1897 гг.), «Вѣстникѣ Новгородскаго Земства» (1901 г.), «Недѣлѣ», и въ разныхъ сборникахъ и отдѣльныхъ книгахъ.

Редактировалъ В. П. Острогорскій слѣдующія изданія: 1) журналъ «Дѣтское Читеніе» и при немъ «Педагогическій Листокъ» (съ іюля 1877 г. по іюль 1884 г.), помѣщая въ обоихъ изданіяхъ оригинальныя и компилятивныя статьи; 2) журналъ «Дѣло» (съ іюня 1883 г. по іюнь 1884 г.); 3) журналъ «Воспитаніе и Обученіе», издававшійся при дѣтскомъ журналѣ «Родникѣ» (въ 1885 г.) и 4) ежемѣсячный литературный и научно-популярный журналъ для самообразованія «Миръ Божій» (съ января 1892 г. по мартъ 1902 г.).

Въ нижеприводимомъ указателѣ печатныхъ трудовъ В. П. Острогорскаго мною помѣщены всѣ извѣстныя мнѣ его научно-литературныя произведенія, хотя за абсолютную полноту этого указателя поручиться нельзя, такъ какъ многія изъ давнихъ и неподписанныхъ статей были забыты и самимъ авторомъ. Такъ, наприм., въ рукописныхъ замѣткахъ о своихъ работахъ съ

1856 по 1887 г., В. П. Острогорскій указываетъ, что помѣщалъ безъ подписи разные стихотворенія и статьи въ «Ласточкѣ» 1859 г. и (тоже безъ подписи) разные переводы и компиляціи въ «Учитель» 1862 г. Въ этихъ же рукописныхъ замѣткахъ онъ, по забывчивости, пропустилъ многія свои даже подписанныя статьи въ разныхъ журналахъ и газетахъ *). Всѣ статьи мною расположены, по возможности, въ хронологическомъ порядкѣ, причѣмъ всѣ неподписанныя или же подписанныя инициалами и псевдонимами статьи мною оговорены.

I. Статьи въ журналахъ, газетахъ и сборникахъ.

1. Не надо мнѣ бурь и томленій. Стихотвореніе («Ласточка» 1859 г., № 5, май. Первое печатное произведеніе).
2. Ляпочка. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. («Время» 1861 г. Въ первый разъ была представлена въ Москвѣ 26-го августа 1863 г., а въ Петербургѣ, на Александринскомъ театрѣ, 16-го августа 1864 г.).
3. Помяловскій, его типы и очерки («Библи. для чтенія» 1863 г., № 4. Безъ подписи).
4. Божановская и ея повѣсти (Ibid., 1863 г., № 6. Подпись: В. О—ский).
- 5—6. Н. Г. Помяловскій. Некрологъ и стихотвореніе, посвященное его памяти (Ibid., 1863 г., № 9. Обѣ статьи безъ подписи).
7. Богатые и бѣдные дворяне-собственники. Критич. статья о романахъ А. А. Потѣхина «Бѣдные дворяне» (Ibid., 1863 г., № 10).
- 8—10. Тить.—Вавило.—Маша на дѣвичникѣ. Разказы изъ народнаго быта, выражающіе возрѣнія народа («Учитель» 1864 г.).
11. Воспитательное значеніе нѣкоторыхъ художественныхъ произведеній (Н. А. Брыловъ). (Ibid., 1864 г.).
12. Первый шагъ. Сцена. («Якорь» 1864 г.).
13. На одиѣхъ сѣняхъ. (Ibid., 1864 г.).
14. Рецензія книги Е. Судовщикова: «Пособіе при изученіи русской литературы» (Ibid., 1864 г.).
15. Въ бель-этажѣ на улицу. Сцена («Антрактъ» 1864 г.).
16. Въ минуту раскаянія. Сцена («Искра» 1864 г.).
17. Мгла. Драма въ 5 дѣйствіяхъ (написана въ 1868 г. Была представлена въ 1-й разъ на сценѣ Импер. русскаго театра въ Москвѣ, въ октябрѣ того же года, но напечатана была позднѣе—въ 1883 г.).
18. О литературномъ образованіи, получаемомъ въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ («Педагогич. Листокъ женскихъ гимназій» 1873 г.).
19. Писатель, какъ предметъ изученія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (Ibid., 1874 г.).
20. Писатель, какъ предметъ внѣкласснаго обученія (Ibid., 1875 г., № 2).
21. Больше свѣта. По поводу статьи А. Д. Градовскаго: «Значеніе идеала въ общественной жизни» («Женское Образование» 1877 г.).

*) Такъ, въ настоящій списокъ не вошли многочисленныя рецензіи его, напечатанныя въ теченіе десяти лѣтъ въ «Мірѣ Воженіи».

22. Благія желанія (Ibid., 1877 г.).
- 23 — 24. Къ вопросу о высшихъ женскихъ курсахъ (Ibid., 1877 года, №№ 6 и 7).
25. Жены и мужья. Нѣсколько мыслей о семейной жизни (Ibid., 1878 г.).
26. Грибоѣдовскій юбилей («Новое Время» 1878 г., № 1005).
27. Весь отдѣлъ книгъ по русскому языку (въ изданной слб. комитетомъ грамотности книгъ: «Систематическій обзоръ русской учебной народной литературы». Слб. 1878 г.).
28. Въ виду ожидаемаго открытія памятника Пушкину («Новое Время» 1879 г., № 1266).
29. В. О. Кеневичъ. Некрологъ (Ibid., № отъ 25-го октября).
- 30—35. Рядъ фельетоновъ по случаю открытія памятника Пушкину въ Москвѣ («Молва» 1880 г., №№ 131, 132, 133, 139, 140 и 141). Изданы ватѣмъ отдѣльно.
36. Театръ и музыка (Ibid., 1880 г., № 299).
- 37—38. Этюды о русскихъ женщинахъ. Старыя дѣвы («Женское Образованіе» 1880 г., №№ 6 и 7).
39. О. О. Резенеръ. Некрологъ («Вѣстникъ Европы» 1881 г., № 11).
40. Пятидесятилѣтній юбилей педагога М. Б. Чистякова. («Голосъ» 1882 г., № 273. Безъ подписи).
41. Двадцатипятилѣтіе женскихъ гимназій. («Вѣстникъ Европы» 1883 г., № 10).
- 42—44. Выразительное чтеніе (3 статьи въ «Педагогич. Сборникъ военно-учебныхъ заведеній» 1883 г.).
45. Памяти И. С. Тургенева («Ребусъ» 1883 г., № 36. Издано и отдѣльно).
- 46—49. Бѣлинскій о театрѣ (4 статьи въ газетѣ «Театръ» 1883 года, №№ 1, 2, 3 и 4).
50. О вечерѣ въ честь П. И. Вейнберга («Новости» 1883 г., № 240. Безъ подписи).
51. Переводъ комедіи Мольера «Мѣщанинъ во дворянствѣ» (въ «Собраніи сочиненій Мольера», изд. О. И. Бакста. Слб., 1883 г. Переводъ этотъ ранѣе былъ помѣщенъ въ журналѣ «Театральная Библіотека» 1879 г.).
- 52—57. Бесѣды о преподаваніи русской словесности (6 статей въ «Женскомъ Образ.» 1884 г.).
- 58—60. Годовые итоги русской живописи (3 статьи въ «Дѣлѣ» 1884 г.).
61. О народныхъ чтеніяхъ въ Солянномъ городкѣ («Русская Мысль» 1884 г.).
62. По поводу одной литературной хроникки (объ А. Н. Плещеевѣ). (Ibid., 1884 г., № 11).
- 63—64. Рецензіи книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія (Ibid., 1884 г., №№ 11 и 12).
65. Пятьдесятъ лѣтъ русской литературы («Изящная Литер.» 1885 г., № 1).
- 66—67. Русскіе педагогическіе дѣятели: Пироговъ. Ушинскій (2 статьи въ «Воспитаніи и Обученіи» 1885 г.).
68. Тяжелая утрата (М. Б. Чистяковъ). (Ibid., 1885 г.).

69. Насущные вопросы (Ibid., 1885 г.).
70. Новые пути русской живописи («Дѣло» 1885 г.).
71. М. Б. Чистяковъ. Некрологъ («Новости» 1885 г., № 264).
72. За малыхъ сихъ (Ibid., 1885 г., № 274).
73. О пенсіяхъ для учителей и учительницъ городскихъ школъ (Ibid., 1885 г., № 322).
74. 25-ти-лѣтіе слб. комитета грамотности («Дѣло» 1886 года, № 5. Подпись: В. П.).
75. В. И. Водовозовъ. Некрологъ (Ibid., 1886 г., № 6).
76. Годовые итоги русской живописи (Ibid., 1886 г.).
77. Замятка о комитетѣ грамотности («Новости» 1886 года, № 16. Безъ подписи).
78. О 25-ти-лѣтіи комитета грамотности (Ibid., 1886 года, № 97. Безъ подписи).
79. Полвѣка великой комедіи. «Ревизоръ» (Ibid., 1886 г., № 107).
80. Памяти В. И. Водовозова (Ibid., 1886 г., № 136).
81. И. С. Пермскій. Некрологъ (Ibid., 1886 г., № 158. Безъ подписи).
82. Наканунѣ пушкинскаго юбилея (Ibid., 1886 г., № 238).
83. Новый портретъ Лермонтова (Ibid., 1886 г., № 268).
84. Памяти И. С. Никитина (Ibid., 1886 г., № 285).
85. Бунецъ Петръ Даналовичъ Ларинъ. (Въ книгѣ «50-лѣтіе Ларинской гимназіи». Сиб., 1886 г.).
86. О «Стихотвореніяхъ» А. Н. Плещеева («День» 1887 г., № 6).
87. Полулѣтняя годовщина смерти А. С. Пушкина («Еженед. Обзорѣніе» 1887 г., № 159).
88. Литературная дѣятельность И. А. Гончарова («Дѣло», 1887 г., № 1).
89. И. Т. Осипинъ. Некрологъ («Новости», 1887 г., № 54. Безъ подписи).
90. Рецензія дѣтскихъ книгъ (Ibid., 1887 г., № 67).
91. Бюстъ И. Т. Осипина (Ibid., 1887 г., № 96).
92. Новое произведеніе И. А. Гончарова («День» 1888 г., № 6).
93. Читальня народной школы (Ibid., 1888 г., № 33).
94. Изъ литературы и жизни (О Бѣлинскомъ). (Ibid., 1888 года, № 64. Подпись: В. О.).
95. В. Я. Стоюнинъ («Недѣля» 1888 г., № 46).
96. Первая годовщина смерти И. Т. Осипина («Новости» 1888 г., № 54).
97. 10-лѣтіе петербургскихъ начальныхъ училищъ (Ibid., 1888 г., № 77).
98. В. П. Скопинъ. Некрологъ (Ibid., 1888 г., 41).
99. Значеніе петербургскихъ думскихъ школъ въ дѣлѣ русскаго народнаго образованія («Женское Образ.» 1888 г., № 5).
100. Вниманію русской интеллигентной женщины («День» 1888 г., № 128).
101. Объ общедоступномъ изданіи сочиненій Бѣлинскаго («Новости» 1888 г., № 165).
102. Открытіе томскаго университета (Ibid., 1888 г., № 200).
103. Памяти А. Ѳ. Ядрицевой (Ibid., 1888 г., № 256).

104. 25-лѣтняя годовщина смерти Н. Г. Помяловскаго (Ibid., 1888 г., № 275).
- 105—106. 2 статьи о Н. Г. Помяловскомъ («Русская Мысль» 1888 г., №№ 9 и 10).
107. Новости педагогической литературы («Еженед. Обзорніе» 1888 г.).
108. Педагогическая и литературная дѣятельность Д. И. Тихомирова («Женское Образ.» 1889 г., № 2).
109. Пушкинъ въ сознаніи русскаго общества при своей жизни и послѣ смерти («Одесскій Листокъ» 1889 г., № 99).
110. Поэтъ «забытыхъ словъ» (о Салтыковѣ). («Новости» 1889 г., № 117).
111. На судъ общества (о 10-лѣтіи думскихъ школъ). (Ibid., 1889 г., № 139).
112. Фальсификація хлѣба (Ibid., 1889 г., № 180).
113. Памяти Е. Н. Андреева (Ibid., 1889 г., № 193).
114. Неужели правда? (Ibid., 1889 г., № отъ 17-го іюля. Подпись: *Льсной дачникъ*).
115. Два замогильныхъ завѣта (Ibid., 1889 г., № 225).
116. Скромное патриотическое дѣло (Ibid., 1890 г., № 32).
117. 10-лѣтіе журнала «Игрушечка» (Ibid., 1890 г., № 34).
118. О. Е. Семенова. Некрологъ (Ibid., 1890 г., № 43).
119. 25-лѣтіе педагогической дѣятельности А. Н. Бетхера (Ibid., 1890 г., № 44).
120. Памяти П. Н. Бѣлохи (Ibid., 1890 г., № 206).
121. «Игрушечка» 1890 г. (Библиографич. разборъ). (Ibid., 1890 г., № 350).
122. Скромное торжество (25-лѣтіе В. Е. Игнатъева). (Ibid., 1891 г., № 35. Безъ подписи).
123. Вниманію интересующихся женскимъ образованіемъ (Ibid., 1891 г., № 142).
124. Объ уставѣ товарищества русскихъ художниковъ-иллюстраторовъ (Ibid., 1891 г., № 143. Безъ подписи).
125. Новая отрасль женскаго труда (Ibid., 1891 г., № 241).
126. Памяти И. А. Гончарова (Ibid., 1891 г., № 257).
- 127—128. Мотивы Лермонтовской повѣсти («Русская Мысль»).
129. Памяти Гончарова («Міръ Божій» 1892 г., № 1, отдѣлъ III, стр. 1).
130. Михайлъ Ивановичъ Семейскій. Некрологъ (Ibid., 1892 г., № 4. Подпись: *В. О.*).
131. Евгения Туръ. Некрологъ (Ibid., 1892 г., № 5. Подпись: *В. О.*).
132. Художникъ русской пѣсни. (По поводу 50-лѣтія смерти А. В. Больцова) (Ibid., 1892 г., № 10, отд. III, стр. 1).
133. Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ (Ibid., 1893 г., № 11, стр. 92).
134. Скромный художникъ (о книгѣ М. Л. Песковскаго: «Въ глуши»). (Ibid., 1883 г., № 11, стр. 162).
135. 10-лѣтіе смерти И. С. Тургенева («Новости» 1893 г., № 230).

136. Памяти А. Н. Плещеева (Ibid., 1893 г., № 277).
137. Страница изъ воспоминаній: А. Н. Плещеевъ («Русскія Вѣдом.» 1893 г., № 310).
138. Хорошія книжки дѣтямъ къ празднику («Новости» 1893 г., № 353).
139. Педагогъ-идеалистъ («Вѣстникъ Воспитанія» 1890 г., № 1).
140. 30 лѣтъ назадъ (Ibid., 1894 г., июльскій №).
141. Біографія К. Н. Батюшкова, (прилож. къ «Отрывному военному календарю» Н. Плахова на 1893 г.).
142. Памяти Н. М. Ядринцова («Руск. Вѣдом.» 1894 г., № 214).
143. Годовщина смерти поэта А. Н. Плещеева («Русск. Жизнь» 1893 г., № 254).
145. Письмо въ редакцію стараго педагога (о М. И. Беккерѣ). («Новости» 1894 г., № 313).
146. Письмо въ редакцію по поводу инцидента на юбилей А. М. Скабичевского («Новое Время» 1894 г., № 6502).
147. 50-лѣтіе литературной дѣятельности Д. В. Григоровича («Міръ Божій» 1893 г., № 12).
148. Морлей о литературѣ (Ibid., 1894 г., № 8).
149. Полулѣтняя годовщина смерти И. А. Крылова (Ibid., 1894 г., № 11).
- 150—151. Два письма въ редакцію по поводу смерти Сиповскаго («Новости» 1895 г., №№ 230 и 242).
152. Прадѣлъ современнаго романа («Міръ Божій», 1895 г., № 8, стр. 57).
153. В. Д. Сиповскій. Некрологъ («Міръ Божій», 1895 г., № 9 стр. 236).
154. Кого мы лишились 25 лѣтъ назадъ? (Объ Ушинскомъ). (Ibid., 1895 г., № 12, стр. 152).
155. Дѣтей воспитываетъ въ чтеніи художникъ-человѣкъ и литераторъ («Педагогическій Листокъ» 1895 г., № 3).
156. Выразительное чтеніе, какъ предметъ обученія (Ibid., 1895 г., июль-сентябрь).
157. Нѣсколько пригѣрныхъ уроковъ обученія выразительному чтенію (Ibid., 1895 г.).
158. Выставочныя заблужденія («Новости» 1894 г., № 219. Безъ подписи).
159. Біографія И. А. Крылова (при книгѣ г. Богданова: «Дѣдушка Крыловъ для чтенія въ сельской школѣ». Спб., 1896 г. Редакція этой книги также В. П. Острогорскаго).
160. 30-лѣтній юбилей В. Э. Иверсена («Новости» 1896 г., № 250).
161. Екатерина II въ ея отношеніяхъ къ русской литературѣ («Спб. Вѣд.» 1896 г., № 306).
162. А. Н. Бетхеръ. Некрологъ («Новости» 1896 г., № 316).
163. Влагія желанія стараго театралы (Ibid., 1897 г., № 224).
- 164—165. «Учитель, гдѣ ты?» (2 статьи. «Спб. Вѣд.» 1897 г., №№ 332 и 344).

166. Вступительная лекція С. А. Венгерова («Новости», 1897 г., № 164. Подпись: V).
167. 30 лѣтъ на службѣ народу (о Д. И. Тихоміровѣ). («Русская Мысль» 1897 г., № 8).
168. Вѣлинскій въ средней школѣ («Вѣстникъ Воспитанія», 1897 г.).
169. Тургеневъ о культурной русской женщинѣ (въ сборникѣ «Въ добрый часъ», изданномъ въ пользу недостаточныхъ ученицъ Коломенской гимназіи. Спб., 1895 г.).
170. Сцена изъ драмы Лессинга «Натанъ Мудрый» (Ibid.).
171. Отрывокъ изъ трагедіи Софокла «Аяксъ-биченосецъ» (въ сборникѣ въ пользу ученицъ Василеостровской гимназіи. Спб.).
172. Къ 50-лѣтію смерти Вѣлинскаго («Рус. Вѣд.» 1898 г., № 43).
173. Значеніе Вѣлинскаго («Всемирная Иллюстрація» 1898 г., май).
174. Дни Вѣлинскаго въ Пензѣ, 26 и 27 мая 1898 г. Письмо изъ Пензы («Міръ Божій» 1898 г., № 7).
175. Пушкинскій уголокъ земли (Ibid., 1898 г., № 9, стр. 201).
176. Пушкинская скорбь («Рус. Вѣд.» 1899 г., февраль).
177. Пушкинъ—наставникъ русскаго юношества («Вѣстникъ Воспит.» 1899 г.).
178. Пушкинъ въ народной школѣ («Педагогич. Листокъ» 1899 г., № 4).
179. Наканунѣ столѣтія («Міръ Божій» 1899 г., № 5, стр. 1).
180. Повесть сержантныхъ героев. (Памяти Д. В. Григоровича). (Ibid., 1900 г., № 2, отд. II, стр. 12).
181. Искусство, какъ воспитательно-общественная сила (Вѣстникъ Воспит.» 1900 г.).
182. Недѣля на учительскихъ земскихъ курсахъ во Владимірѣ («Педагогич. Листокъ», 1900 г., № 10).
- 183—184. Прошлое, настоящее и желанное будущее (2 статьи. «Новости» 1901 г., №№ 106 и 108).
185. О квартетныхъ вечерахъ (Ibid., 1901 г., № 274).
186. Разборъ книги В. П. Авенаріуса: «Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній» (въ «Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ». 1897 г. Томъ LXVI, стр. 87—99).
187. Къ вопросу о внѣшкольныхъ средствахъ народнаго образованія («Вѣстникъ Новгородскаго Земства» 1901 г., № 4).
188. Лѣтописецъ дореформенной Руси («Міръ Божій» 1901 г., № 9, отд. II).
189. 13-е августа 1901 года. Стихотвореніе (въ посвященномъ юбилею Д. И. Тихомірова сборникѣ: «На трудовомъ пути». М., 1901).
190. Отрывокъ изъ поэмы Крабба: «На владыщѣ» (Ibid.).
191. Н. В. Гоголь. Біографич. очеркъ (при изданныхъ вятскимъ губернскимъ земствомъ «Избранныхъ сочиненіяхъ Н. В. Гоголя» въ 2-хъ томахъ. Вятка, 1902).
192. Дорогой памяти Д. Д. Семенова («Новости» 1902 г., № 70, 12

марта. Это была послѣдняя литературная работа В. П. Острогорскаго, напечатанная при его жизни).

193. Посмертное письмо В. П. Острогорскаго о судьбѣ основанной имъ въ Валдаѣ бесплатной народной школы (Ibid, 1902 г., № 99, 10 апрѣля).

II. Отдѣльно изданныя книги.

194—196. Каталогъ книгъ, періодическихъ изданій и журнальныхъ статей, находящихся въ библиотекѣ для чтенія Макалинскаго и 2 добавленія къ нему. Спб., 1864 (Этотъ библиографическій трудъ былъ изданъ безъ имени его составителя—В. П. Острогорскаго).

197. Илья Муромецъ—крестьянскій сынъ. Разсказано по народнымъ быльямъ (1-е изданіе: Спб., 1869); 2-е изд. Спб., 1883; 3-е изд. М., 1892; 4-е изд. «Дѣтскаго Чтенія» М., 1896 и 5-е изд. М., 1899).

198. Маланья (подборъ русскихъ пословицъ и поговорокъ). Спб., 1869. (2-е изд. Спб. 1883).

199. Необыкновенный ребенокъ (дѣтство Гёте по Льюису). Спб., 1869.

200. Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми. Спб., 1872 (2-е изд. Спб., 1874; 3-е измѣн. изд. Спб., 1879. Вып. I-й).

200а. Юнымъ читателямъ разказы о разныхъ людяхъ Спб., 1872.

201. О литературномъ образованіи, получаемомъ въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Спб., 1873.

202. Руководство къ чтенію повѣстическихъ произведеній. Переведено и составлено по Людвигу Эккарду Н. Максимовымъ и В. Острогорскимъ. Спб., 1875. (2-е измѣн. изд. Спб., 1877; 3-е вновь переработ. и дополн. изд. Спб., 1897).

203. Памяти Пушкина. 6 июня 1880. Очерки Пушкинской Руси. Спб., 1880.

204. Вавило. Разсказъ, составл. изъ подбора русскихъ примѣтъ. Изд. Н. Д. Тяпкина. Спб. 1883.

205. Титъ. Подборъ русскихъ пословицъ и поговорокъ. Изд. Н. Д. Тяпкина. Спб., 1883.

206. Изъ народнаго быта. Маша на дѣвичникѣ. Разсказъ, составл. изъ подбора пѣсенъ и причитаній. Изд. Н. Д. Тяпкина. Спб., 1883.

207. Изъ міра великихъ преданій. Спб., 1883 (2-е изд. М., 1888; 3-е: М., 1890; 4-е: М., 1892; 5-е: М., 1895; 7-е: М., 1898; 8-е: М., 1900 и 9-е изд. М., 1902).

208. Мгла. Драма въ 5 дѣйствійхъ. Спб., 1883.

209. Памяти Ивана Сергѣевича Тургенева. Спб., 1883.

210. Хорошіе люди. Сборникъ разсказовъ. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1883 (2-е изд. Спб., 1891; 3-е: Спб., 1896; 4-е: Спб., 1901).

211. Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми (передѣланное сочиненіе, отмѣченное выше подъ № 200). Спб., 1883 (2-е измѣн. и дополн. изд. Спб., 1885; 3-е дополн. изд. М., 1891; 4-е просмотр. и дополн. изд. М., 1899 и 5-е изд. М., 1901).

212. Выразительное чтеніе. Посobie для учителей и учащихся. Спб., 1885 (2-е исправл. и дополн. изд. М., 1886; 3-е изд. Д. Н. Тихомірова. М., 1894; 4-е значит. дополн. изд. М., 1898 и 5-е изд. М., 1901).

213. Бесѣды о преподаваніи словесности. Спб., 1885 (2-е изд. М., 1886).

214. Русскіе педагогическіе дѣятели: Н. И. Пироговъ, Б. Д. Ушинскій и Н. А. Корфъ. Изд. Е. Н. Тихоміровой. М., 1887.

215. Родные повты для чтенія въ классѣ и дома. Сборникъ стихотвореній. Изд. Е. Н. Тихоміровой. М., 1888 (2-е изд. М., 1895).

216—220. Этюды о русскихъ писателяхъ. 5 книжекъ: I. И. А. Гончаровъ (М. 1888).—II. Н. Г. Помяловскій (Спб., 1889).—III. Мотивы лермонтовской поэзіи (М., 1891).—IV. Болъцовъ (М., 1893; 2-е изд. «Міра Божьяго»).—V. Очерки Пушкинской Руси (Спб., 1897. Эта послѣдняя книжка представляетъ собою 2-е изд. книжки, указанной подъ № 203).

221. Изъ народнаго быта. Титъ. Вавило. Маланья. Маша (2-е изд. М., 1889; 3-е изд. М., 1892; 4-е изд. М., 1896 и 5-е изд. М., 1898. Первымъ изданіемъ каждый изъ соединенныхъ здѣсь рассказовъ выходилъ отдѣльно).

222. Двадцать биографій образцовыхъ русскихъ писателей. Съ портретами. Изд. Ф. Павленкова (1-е и 2-е изд. Спб., 1890; 3-е: Спб., 1891; 4-е: Спб., 1894; 5-е: Спб., 1897; 6-е: Спб., 1900 и 7-е: Спб., 1901).

223. Наталья Борисовна Долгорукая. Разсказъ. Изд. М. М. Ледерле и Б°. Спб., 1891.

224. Изъ далекаго прошлаго. Драматическіе эскизы («Мгла», «Липочка», «На одѣжѣ сѣнахъ», «Первый шагъ» и «Въ бель-этажѣ на улицу»). Изд. М. М. Ледерле. Спб., 1891.

225. С. Т. Аксаковъ. Критико-біографич. очеркъ. Изд. Н. Г. Мартынова. Спб., 1891.

226. Орлеанская дѣва (по Шиллеру). Разсказъ. Изд. В. И. М., 1892.

227. Дѣдушка Крыловъ и его памятникъ. Спб., 1894.

228. Письма объ эстетическомъ воспитаніи. М., 1894 (2-е изд. «Міра Божьяго». Спб., 1896).

229. Изъ исторіи моего учительства. Какъ я сдѣлался учителемъ (1851—1864 гг.). Спб., 1895.

230. В. Г. Бѣлинскій, какъ критикъ и педагогъ. Двѣ публичныя лекціи. Спб., 1898 г.

231. А. С. Пушкинъ. Спб., 1899 г.

232. Альбомъ. «Пушкинскій уголокъ». Съ иллюстраціями В. М. Максимова. Изд. В. А. Фишера. М., 1899 г.

233. «Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній». Десять автобіографическихъ рассказовъ В. П. Авенаріуса». Рецензія. Спб., 1897 г. (это отдѣльное изданіе сочиненія, указаннаго выше подъ № 186).

234. Первое знакомство съ А. С. Пушкинымъ. Избранныя стихотворенія и отрывки изъ сказокъ, повѣстей и драмъ. Съ біографіей, портретами, поясненіями и иллюстраціями. Спб., 1901 г.

235. Редакція книги г. Богданова: «Дѣдушка Брыловъ для чтенія въ сельской школѣ». Спб., 1896 г.

236—237. Избранныя сочиненія Н. В. Гоголя. Въ 2-хъ томахъ. Изд. вятскаго губернскаго земства, подъ редакціей В. П. Острогорскаго. Вятка, 1902 г.

238—239. Избранныя сочиненія Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго. Изд. Спб. городской думы, подъ редакціей В. П. Острогорскаго. 2 т. Спб., 1902 г. (Это были послѣднія изданія, надъ которыми трудился В. П. Острогорскій).

Кромѣ вышеуказанныхъ работъ, В. П. Острогорскому принадлежали еще слѣдующіе труды:

240—241. Русская женщина въ поэзіи Пушкина (изъ статей, напечатанныхъ въ газ. «Молва»). («Женское Образ.» 1880 г., №№ 4 и 5).

242. Проблески свѣта («Одес. Листокъ», 1890 г., № отъ 14-го мая).

243. Счастье—цѣль жизни (по поводу книги Лѣббока: «Утѣхи и радости жизни»). («Вѣстн. Воспит.» 1890 г., № 6).

244. Д. В. Григоровичъ (Театр. Газета», 1893 г., № 22).

245. О «Вильгельмѣ Теллѣ» Шиллера (въ сборникѣ «Путь-Дорога». Спб., 1893 г.).

246. Редактированіе сборника стихотвореній «На досугѣ», составленнаго сельскимъ учителемъ И. Богдановымъ. Спб., 1896 г.

247. Пушкинская копейка («Рус. Вѣд.» 1899 г., № 140).

Въ заключеніе я считаю пріятною обязанностью выразить здѣсь искреннюю благодарность вдовѣ Виктора Петровича, Елизаветѣ Яковл. Острогорской, любезно сообщившей мнѣ нѣкоторыя рукописныя замѣтки В. П. объ его трудахъ и сообщившей, кромѣ того, и другія цѣнныя указанія. Точно также я долженъ поблагодарить и бібліотекаря русскаго отдѣленія Импер. публичной бібліотеки за его просвѣщенное содѣйствіе и указанія, которыми и въ данную случаѣ (какъ и всегда прежде) я пользовался.

Д. П. Сильчевскій.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Мѣщане» М. Горькаго.—Старые и молодые представители мѣщанства.—Въ чемъ сущность послѣдняго.—Отцы и дѣти мѣщанства.—Противники мѣщанства.—Постановка пьесы въ Художественномъ театрѣ.—Памяти Виктора Петровича Острогорскаго.—Его значеніе, какъ одного изъ основателей нашего журнала и редактора его.

Пьесу М. Горькаго намъ пришлось сначала видѣть на сценѣ и потомъ уже прочесть ее, и мы должны, прежде всего, отмѣтить, что, несмотря на прекрасную, любовную постановку, въ чтеніи «Мѣщане» производятъ куда болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ на сценѣ. Отъ чего это можетъ зависѣть, объ этомъ потомъ. Для насъ важенъ самый фактъ, который служитъ лишнимъ доказательствомъ, что «драматическія сцены» М. Горькаго—настоящее литературное произведеніе, не только отмѣченное огромнымъ талантомъ, какъ и все, что пишетъ Горькій, но и важное по замыслу и содержанію. Въ нему примѣнно то, что говорятъ Толстой въ предисловіи къ роману «Брестянинъ»; «Авторъ говоритъ про то, что ему нужно сказать потому, что онъ любитъ то, про что говорить, и говорить не разсужденіями, не туманными аллегоріями, а тѣмъ единственнымъ средствомъ, которымъ можно передать художественное содержаніе: поэтическими образами—и не фантастическими, необыкновенными и непонятными образами, безъ внутренней необходимости соединенными между собой, а изображеніями самыхъ обыкновенныхъ, простыхъ лицъ и событій, связанныхъ между собой внутренней художественною необходимостью».

Именно самые обыкновенные и простые люди изображены Горькимъ, и потому драма ихъ жизни и есть настоящая правдивая драма, какую каждый въ томъ или иномъ видѣ можетъ наблюдать, если только онъ умѣетъ видѣть и наблюдать. И старики Безсѣиеновы, и ихъ дѣти, Петръ и Татьяна, и Нилъ съ Полей, и сумрачный философъ Тетеревъ, и «божье дитя» Черчихинъ—это тѣ же люди, какими кишитъ жизнь, какими и прежде она была полна, и только теперь, пожалуй, всѣ они опредѣленнѣе и ярче, потому что для нихъ наступилъ переломъ въ жизни, и каждому приходится такъ или иначе рѣзче и яснѣе показать себя. Такъ бываетъ въ тѣ моменты, когда скрытая до поры до времени сущность каждого должна выясниться подъ вліяніемъ сильнаго внутренняго толчка, разбивающаго обычную житейскую скорлупу, къ которой они давно привыкли и не замѣчаютъ, что она уже не отвѣчаетъ внутреннему со-

держанію. Тогда наступаетъ кризисъ и происходитъ рѣзкое столкновеніе, выясняющее, что каждый есть самъ по себѣ и чего онъ стоитъ.

Мѣщане и ихъ мѣщанская жалкая драма, съ одной стороны, съ другой— живые, бодрые люди, жаждущіе жить ради самой жизни для себя и другихъ,— таково положеніе, изображенное авторомъ. Старики Безсѣменовы,—собственно отецъ, такъ какъ мать слишкомъ незначительная величина, чтобы о ней стоило говорить,— и ихъ дѣти—таковы представители мѣщанства, хотя и въ двухъ разныхъ видахъ, но по существу мало отличные. Старикъ Безсѣменовъ—это представитель мѣщанства въ наивномъ грубомъ видѣ, это—мѣщанинъ въ первичной фазѣ развитія, когда всѣ отличительныя свойства мѣщанства выступаютъ въ голомъ, неприкрашенномъ видѣ, когда мѣщанинъ еще слишкомъ мало развитъ и некультуренъ и не научился подъ вѣнскимъ лоскомъ скрывать пустоту и ничтожество своей личности. Онъ еще не тронутъ ядомъ сомнѣнія, это цѣльная, новорожденная пошлость, торжествующая и самодовольная. И потому онъ много привлекательнѣе, чѣмъ его отпрыски. «Ибо ты,—какъ говорить ему Тетеревъ,—въ мѣру уменъ и въ мѣру глупъ; въ мѣру добръ и въ мѣру зло; въ мѣру честенъ и подлъ, и трусливъ, и храбръ... ты образцовый мѣщанинъ! Ты законченно воплотилъ въ себѣ пошлость... ту силу, которая побѣждаетъ даже героевъ и живетъ, живетъ и торжествуетъ...»

Въ этихъ словахъ превосходная характеристика наивнаго, цѣльнаго, безсознательнаго мѣщанства, которое тѣмъ и побѣждаетъ героевъ, что въ своей законченности оно неуязвимо. Какъ бы ни былъ силенъ герой, у него всегда есть ахиллесова пята, а у Безсѣменова нѣтъ такого мѣста, въ которое его можно было бы уязвить и пронять до глубины души. Дѣти—да, но и они не настолько его трогаютъ, чтобы онъ пошатнулся въ своихъ устояхъ, измѣнилъ своему порядку, разъ счастье дѣтей не совмѣстимо съ нимъ. Его любовь къ дѣтямъ тоже въ мѣру. Это мѣщанская любовь, не выходящая за предѣлы порядка, и дѣти больше всего огорчаютъ его тѣмъ, что нарушаютъ неземлемо, какъ ему казалось, установленный порядокъ его жизни. Согласно сему послѣднему, дочь, войдя въ лѣта, должна выдти замужъ по его указу и выбору, сынъ долженъ добросовѣстно кончить университетъ, получить хорошо оплачиваемую службу и взять жену съ приданымъ. А между тѣмъ, и дочь, и сынъ вышли ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ, и старикъ «обиженъ» на судьбу, на нихъ, и походя грызетъ вся и всѣхъ. «Учись!—поучаетъ онъ сына.—Но ты не учишься... фордыбачишь. Ты вотъ научился презрѣнню ко всему живущему, а размѣра въ дѣйствіяхъ не приобрѣлъ... Изъ университета тебя выгнали. Ты думаешь неправильно? Ошибаешься. Студентъ есть ученикъ, а не распорядитель въ жизни. Если всякій паренъ въ двадцать лѣтъ уставщикомъ порядковъ захочетъ быть... тогда все въ замѣшательство должно придти... И дѣловому человѣку на землѣ мѣста не будетъ. Ты научись, будь мастеромъ въ своемъ дѣлѣ и тогда—разсуждай... А до той поры всякій на твои разсужденія имѣетъ полное право сказать—цыцъ. Я говорю тебѣ это не со зла, а по душѣ, какъ ты есть мой сынъ, кровь моя, и все такое... Я не хочу никого обижать... Я самъ обиженъ вами, горько обиженъ... Въ домѣ моемъ я хожу осторожно, ровно на полу вездѣ битое

стекло насыпано... Ко мнѣ и старыя пріатели перестали ходить; у тебя, говорятъ, дѣти образованные, а мы народъ простой, еще насмѣются они надъ нами. И вы не однажды смѣялись надъ ними, а я со стыда горѣлъ за васъ... А вѣдь я—люблю васъ... Люблю. Понимаете вы, что значить—любовь? Тебя вотъ выгнали, мнѣ это больно. Татьяна зря въ дѣвкахъ сохнетъ, мнѣ это обидно... и даже конфузно передъ людьми. Чѣмъ Татьяна хуже многихъ прочихъ, которыя выходятъ замужъ и... все такое? Мнѣ хочется видѣть тебя, Петръ человѣкомъ, а не студентомъ... Вонъ Филиппа Назарова сынъ — кончилъ учиться, женился, взялъ съ приданымъ, двѣ тыщи въ годъ получаетъ... въ члены управы попадетъ...»

Весь обликъ мѣщанина въ этихъ яркихъ словахъ, мѣщанина съ прочной традиціей, вѣками сложившейся,—и въ этой святой для Безсѣменова традиціи заключается все различіе между нимъ и сыномъ. Послѣдній тоже мѣщанинъ въ полномъ смыслѣ слова, но отцовскія традиціи его уже не удовлетворяютъ, а новаго устоя для своего мѣщанства у него пока нѣтъ. И какъ это ни странно, но отецъ-мѣщанинъ производитъ болѣе симпатичное впечатлѣніе, чѣмъ сынъ. Происходитъ это отъ того, что у отца все же есть нѣчто свое, выработанное, даже выстраданное («для васъ горбомъ добывалъ, жилы изъ себя тянулъ»). Вы знаете, съ кѣмъ имѣете дѣло и соотвѣтственно этому можете располагать свои дѣйствія. Въ лицѣ Безсѣменова предъ нами цѣльная личность, со всѣми пороками, достоинствами и добродѣтелями цѣлаго сословія. Съ нимъ надо считаться, и еще какъ! Онъ норовитъ въ городскія головы, въ думѣ и у себя въ ремесленной управѣ—онъ сила, задаетъ тонъ и на все противное налагаетъ свою тяжелую лапу. Въ общественной жизни, какъ и у себя дома, онъ строго держитъ свой «порядокъ жизни», и потому онъ опасенъ и враждебенъ всему, что не желаетъ укладываться въ его порядокъ. Но, какъ и всякая сила, онъ внушаетъ извѣстное уваженіе, и даже все презирающій Тетеревъ не безъ уваженія замѣчаетъ по его адресу: «И ты являешься мнѣ».

Совсѣмъ иное сынъ Безсѣменова, унаслѣдовавшій отъ отца всѣ его мѣщанскія качества, но безъ его мѣщанской добродѣтели—опредѣленности и цѣльности. Насколько отецъ—личность, насколько Петръ—безформенное существо, неопредѣленное, жалкое, безсильное, безвольное и скучное. Именно — скучное, т.-е. безъ всякой яркой окраски, сѣрое и безцвѣтное. Несмотря на молодость, онъ кажется старше отца, потому что нѣтъ въ немъ никакой страсти. «Я думаю, — говоритъ онъ въ припадкѣ откровенности, — что когда французъ или англичанинъ говоритъ «Франція», «Англія», онъ непремѣнно представляетъ себѣ за этимъ словомъ нѣчто реальное, осязаемое... понятное ему... А я говорю «Россія»—и чувствую, что для меня это звукъ пустой. И у меня нѣтъ возможности вложить въ это слово какое-либо ясное содержаніе... Жизнь... Моя жизнь... Чѣмъ не наполняются эти два слова?.. Чортъ дернулъ меня принять участіе въ этихъ дурацкихъ волненіяхъ. Я пришелъ въ университетъ учиться и учился... Никакого режима, мѣшавшаго мнѣ изучить римское право, я не чувствовалъ... нѣтъ! По совѣсти, нѣтъ, не чувствовалъ. Я чувствовалъ режимъ товарищества... и уступилъ ему. Вотъ два года моей жизни вычеркнуто... да.

Это насиліе! Насиліе надо мной—не правда ли? Я думаю: кончу учиться, буду юристомъ, буду работать... читать, наблюдать... буду жить!» Тетеревъ иронически подсказываетъ: «Родителямъ на утѣшеніе, церкви и отечеству на пользу, въ роли покорнаго слуги общества»... Но обществомъ Петръ именно и возмущается,—не - мѣщански, конечно. «Общество? Вотъ что я ненавижу. Оно все невышаетъ требованіе къ личности, но не даетъ ей возможности развиваться правильно, безъ препятствій... «Человѣкъ долженъ быть гражданиномъ прежде всего!» кричало мнѣ общество въ лицѣ моихъ товарищей! Я былъ гражданиномъ... чертъ ихъ возьми!.. Я... не хочу, не обязанъ подчиняться требованіямъ общества. Я личность. Личность свободна...»

Въ головѣ этого «мѣщанина, бывшаго гражданиномъ полчаса», по мѣткому слову Тетерева, идетъ пока смутная борьба. Мѣщанство его отца, составляющее его плоть и кровь, борется съ чуждыми ему понятіями о долгѣ, объ обществѣ, товариществѣ, свободѣ личности и кладетъ на всѣ эти высокія понятія свой ополчяющій отпечатокъ. Эта борьба лишаетъ Петра такой цѣльности, какъ у отца его Безсѣменова. Такимъ онъ войдетъ и въ жизнь, куда внесетъ мѣщанскій духъ и будетъ все ополчать и принижать. Когда онъ въ пылу спора заявляетъ отцу, что правда отцовская—узкая, что ему тѣсно въ ней, что порядокъ отца не годится для него, то это лишь пустыя слова. Его возмущаетъ только форма этого порядка, обстановка, какъ старый отцовскій шкафъ, который «восемнадцать лѣтъ стоитъ на одномъ мѣстѣ». Онъ его уберетъ, перемѣнитъ всю мебель, не станетъ судачить съ прислугой, какъ его мать, но не существу ничего не измѣнитъ. Его идеалы и стремленія ничуть не выше отцовскихъ. Служба, женитьба, личное довольство, мелкое крохоборство и постоянный тресеть за эти блага — вотъ будущая программа его жизни. Даже такое сильное, повидимому, чувство, какъ любовь, ни мало не мѣняетъ его настроенія,—и тутъ онъ занятъ только вопросомъ о себѣ, о своихъ маленькихъ удобствахъ, взвѣшиваетъ все, кромѣ вопроса о судьбѣ довѣрившагося ему человѣка, о его внутренней жизни, которую онъ не понимаетъ и не желаетъ понимать. На минуту подъ давленіемъ сильнаго характера любимой женщины онъ заявляетъ отцу, что уходитъ отъ него и устроитъ жизнь по своему. Но это обманъ, въ который онъ меньше всего вѣритъ, и тотъ же Тетеревъ правильно рѣшаетъ за него вопросъ, объясняя огорченному отцу, что «онъ не далеко уйдетъ отъ тебя. Онъ это временно наверхъ поднялся, его туда втащили... Но онъ сойдетъ... Умрешь ты,—онъ немного перестроитъ этотъ хлѣвъ, переставитъ въ немъ мебель и будетъ жить, какъ ты, спокойно, разумно и уютно. Онъ переставитъ мебель и—будетъ имѣть въ сознаніи, что долгъ свой передъ людьми и жизнью отлично выполнилъ. Онъ, вѣдь, такой же, какъ и ты... трусливъ и глупъ... И жаждетъ будетъ въ свое время и такъ же, какъ и ты, самоувѣренъ и жестокъ... И даже несчастенъ будетъ онъ вотъ такъ же, какъ ты теперь... Жизнь идетъ, старикъ,—кто не поспѣваетъ за ней, тотъ остается одинокомъ. И также вотъ несчастнаго и жалкаго сына твоего не пощадятъ и скажутъ ему правду въ лицо, какъ я тебѣ говорю: чего ради ты жилъ? Что едѣлалъ добраго? И сынъ твой, какъ ты теперь, не отвѣтитъ...»

Отсутствіе движенія въ себѣ самомъ и страхъ передъ всякимъ движеніемъ— это сущность мѣщанства, идеалъ котораго—покой, порядокъ, ничѣмъ невозмутимый, тишина, никѣмъ ненарушаемая. Этотъ страхъ передъ жизнью, движеніемъ, шумомъ пронотекаетъ изъ недостатка вѣры и фантазіи у мѣщанъ. Безсѣменовъ и его правовѣрный отпрыскъ Петръ мало разсуждаютъ и живутъ болѣе инстинктами, почему въ нихъ и не замѣтны эти существенныя черты мѣщанства, обуславливающія все остальное и дающія всему тонъ. Но дочь Безсѣменова, Таня, болѣе утонченное существо, и въ ней съ особой яркостью проступаютъ именно эти мѣщанскія черты. Она образована, много читала, много думаетъ и разсуждаетъ, и тѣмъ не менѣе ни на вершокъ не можетъ подняться сама надъ окружающей жизнью и другихъ поднять. Потому именно, что она— сама проза, скучная и тоскливая, безъ полета мысли въ неизвѣданную даль, безъ вѣры въ себя и людей. Мысли и чувства у нея коротенькія, какъ и близорукіе взгляды. Она видитъ только то, что возлѣ нея, и не можетъ представить себѣ ничего другого. Она достаточно развита, чтобы понимать мелочность отцовской жизни, ненужность его порядка жизни для другихъ, но не понимаетъ, что существуетъ иная жизнь. Поэтому, ей все противно, ничто ея не удовлетворяетъ. Она учительница, но дѣтей не любитъ и учитъ ихъ, сама не понимая зачѣмъ. Читаетъ много, и не вѣритъ тому, что читаетъ. Когда подруга ея, тоже учительница, увлекается учениками и рисуетъ ихъ будущую жизнь, Татьяна называетъ это сказками, и для нея эти мечты дѣйствительно тѣ же сказки. «Мнѣ ничто никогда не казалось достовѣрнымъ, кромѣ того развѣ, что вотъ это—я, это—стѣна. Когда я говорю да или нѣтъ, я это говорю не по убѣжденію... а какъ-то такъ... я просто отвѣчаю—и только... А мнѣ жалко людей, которые вамъ вѣрятъ... вѣдь, вы ихъ обманываете! Вѣдь жизнь всегда была такая, какъ теперь... мутная, тѣсная... и всегда будетъ такая...» Ея несчастье въ томъ, что ее научили разсуждать, а для мѣщанства это-то и не нужно. Она была бы вполне въ своей сферѣ, какъ ея простодушная мать, вся ушедшая въ кухню, въ домостроительство и въ дѣтей, не разсуждающая и неспособная къ критикѣ. Татьяна перешла за этотъ фазисъ бездумнаго и бездушнаго житія, но ей никогда не войти въ другой фазисъ—сознательной живой дѣятельности ради жизни, ради цѣлей, лежащихъ внѣ насъ и потому поглощающихъ и насъ. Она, какъ и всѣ мѣщане, не можетъ оторваться отъ себя и взглянуть на жизнь по-шире и по-выше. «Я какое-то ползучее растеніе у васъ подъ ногами... Ни красы во мнѣ, ни радости, а идти людямъ я мѣшаю, цѣпляясь за нихъ...» Неудачная попытка ея покончить съ собой только подчеркиваетъ неспособность мѣщанства къ какому-либо энергичному, яркому проявленію себя. Какъ ни кажется ей нелѣпой, ненужной ея жизнь, она все же цѣпляется за нее, жаждетъ ея и никогда уже больше не повторитъ своей попытки. Самоубійство не мѣщанское дѣло. Для него нужна извѣстная энергія, подъемъ воли, хотя бы и минутный, а у мѣщанства—«все въ мѣру», ровно настолько, чтобы равномѣрнымъ шагомъ идти къ безвѣстной могилѣ.

Блестяще обрисовавъ мѣщанство, Горькій вскрылъ еще одну сторону современнаго мѣщанства: онъ показалъ намъ, что оно страдаетъ. Старикъ Безсѣме-

швы дѣйствительно страдаютъ, видя, что жизнь дѣтей, для которыхъ они «жили изъ себя тянули», не такъ удачно складается, какъ они того желали бы. Жертва оказывается бесплодной, и это ихъ глубоко трогаетъ, задѣваетъ ихъ родительскую гордость, самую, быть можетъ, чувствительную вообще, а въ мѣщанахъ единственно человѣчную, сближающую ихъ съ другими людьми. Петръ страдаетъ отъ противорѣчія между коренными стремленіями его мелкой натуры и навѣянными на него извнѣ идеями, отъ которыхъ онъ, тѣмъ не менѣе, не можетъ такъ легко отдѣлаться. Татьяна страдаетъ глубже всѣхъ, такъ какъ глубже всѣхъ понимаетъ причины своей неудовлетворенности. Ихъ страданія не возвышаютъ ихъ въ нашихъ глазахъ, а дѣлаютъ только болѣе жалкими. Мы не можемъ сочувствовать имъ, но и не можемъ жалѣть, — и въ этомъ отсутствіи жалости къ нимъ ихъ неписанный, но тѣмъ болѣе непреодолимый приговоръ жизни. Они — мертвые, и все мертвѣетъ, къ чему ни прикоснутся, и потому, какъ заражающее тѣло, должны быть устранены изъ жизни. Только не такъ-то легко это сдѣлать, ибо мѣщанство — страшная сила, даже страждущее и разлагающееся. Оно слишкомъ заполонило жизнь, и уйти отъ него гораздо труднѣе, чѣмъ для Нила и Поли уйти изъ дома Безсѣменовыхъ.

Для этого необходимо знать, куда идти. Нилъ и его простодушная невѣста этого не знаютъ, и ихъ сила въ данный моментъ въ томъ и заключается, что они не задумываются надъ этимъ вопросомъ. Главное — уйти поскорѣе и подалее, а тамъ что будетъ — посмотримъ. Съ своей точки зрѣнія они вполне правы. Нилъ и Поля, прежде всего, люди непосредственные, жизнерадостные, простые и потому способные всецѣло отдаться радости бытія, наслаждаться самымъ процессомъ жизни. Даже ѣзда на дрянномъ паровозѣ, въ дождь и вѣтеръ, даетъ Нилу свою радость — ощущение борьбы, преодоленія препятствій, чувство силы. Тѣмъ полнѣе испытываютъ они чувство радости жизни, когда могутъ использовать свѣтлыя стороны бытія. Взаимная любовь поднимаетъ въ нихъ такую бурю радости, предъ которой все должно уступить — и уступаетъ. Въ этой жизнерадостности простыхъ и нетронутыхъ натуръ ихъ сила, и мы не сомнѣваемся, что они сумѣютъ добыть у жизни если не все, какъ увѣряетъ Нилъ, то очень много. «Хорошо жить! Славная штука жизнь!» — то и дѣло восклицаютъ они, и мы вѣримъ, что они дѣйствительно испытываютъ эту радость. Но дальше этого ихъ радость пока нейдетъ.

Молодость, здоровье, ощущение силы — неоцѣненные блага сами по себѣ. Только этого какъ будто мало для человѣческой жизни вполне. Правда, у Поли прорываются кое-какія мечтательныя настроенія, въ которыхъ слышится отзвукъ чего-то болѣе широкаго, чѣмъ личное только чувство къ Нилу. «Не всѣ еще люди живутъ, — возражаетъ она Татьянѣ, — очень мало людей жизнью пользуются... множеству ихъ и жить-то некогда совсѣмъ... они только работаютъ куска хлѣба ради... а вотъ когда и они...» мечтаетъ она, и въ этихъ мечтахъ чувствуется такая хорошая, добрая и чистая душа, что ужъ никогда изъ Поли не будетъ «ползучее растеніе», мѣшающее жить другимъ.

Нилъ тоже не изъ тѣхъ, что выѣзжаютъ на чужой спинѣ. Для этого онъ

*

слишкомъ гордь той славной рабочей гордостью, которая скорѣе снисходительно допустить себя эксплуатировать, чѣмъ самому пользоваться чужимъ трудомъ. Онъ не только силенъ, какъ здоровый, еще не истощенный непосильной работой организмъ,—онъ нравственно силенъ, нѣтъ сила не унизить его до рабства передъ другими и до порабощенія другихъ. Про него можно сказать то же, что онъ говоритъ про товарища Петра, студента Шешкина: «Онъ славный парень! Не только не позволитъ наступить себѣ на ногу, самъ первый всякому наступитъ! Хорошо имѣть въ себѣ столько чувства человѣческаго достоинства». Эти слова для него не пустые звуки, и онъ сейчасъ же практически поясняетъ ихъ и подтверждаетъ своимъ примѣромъ: «Хорошо, когда единственный кусокъ хлѣба отшвыривается прочь только потому, что его дасть несимпатичный человѣкъ», и самъ онъ его, ни на минуту не задумываясь, отшвыриваетъ, расходясь съ своимъ пріемнымъ отцомъ и «отчитавъ» начальника депо, поступающаго, по его мнѣнію, несправедливо. И такъ поступаетъ Нилъ просто потому, что его здоровая жизнерадостная натура органически не выноситъ никакого насилія надъ собой и другими. «Жить—славное занятіе! Ѣздить на северныхъ паровозахъ осенними ночами, подъ дождемъ и вѣтромъ, или зимою въ мятель, когда вокругъ тебя нѣтъ пространства, все на землѣ закрыто тьмою, завалено снѣгомъ—утомительно Ѣздить въ такую пору, трудно... опасно, если хочешь,—и все же въ этомъ есть своя прелесть! Все-таки есть! Въ одномъ не вижу ничего пріятнаго,—въ томъ, что мною и другими честными людьми командуютъ свиньи, дураки, воры... Но жизнь не вся за ними! Они пройдутъ, исчезнутъ, какъ исчезаютъ нарывы на здоровомъ тѣлѣ. Нѣтъ такого описанія движенія, которое бы не замѣнялось! Я знаю, что жизнь тяжела, что порою она омерзительно жестока, что разнузданная, грубая сила жметъ и давитъ человѣка, я знаю это—и это мнѣ не нравится, возмущаетъ меня. Я этого порядка не хочу! Я знаю, что жизнь—дѣло серьезное, но не устроенное... что она потребуетъ для своего устройства всѣ силы и способности мои. Я знаю и то, что я—не богатырь, а просто честный, здоровый человѣкъ, и все-таки говорю: ничего! Наша возьметъ! И на всѣ средства души моей удовлетворю мое желаніе вмѣшаться въ самую гущу жизни... Мѣсить ее и такъ, и этакъ, тому помѣшать, этому—помочь... вотъ въ чемъ радость жизни!»

«Вотъ смыслъ глубочайшей науки! Вотъ смыслъ философіи всей! А всякой другой философіи—анаема!» возглашаетъ Тетеревъ, въ мрачной душѣ котораго эта свѣтлая и бодрая рѣчь на минуту побѣждаетъ скеитическое отношеніе къ людямъ и жизни, какъ и въ читателѣ возбуждаетъ смѣлую вѣру, что чѣмъ больше дасть жизнь такихъ здоровыхъ и жизнерадостныхъ натуръ, тѣмъ скорѣе «свиньи, дураки и воры» перестанутъ «командовать честными людьми».

Если Нилъ и Поля своимъ веселымъ и смѣлымъ отношеніемъ ко всему окружающему превосходно отгнѣняютъ мертвую пустоту мѣщанства, то Тетеревъ какъ бы подводитъ итоги мѣщанской философіи и выворачиваетъ на изнанку всѣ его скрытыя стороны, безпощадно и злобно поражая его въ самыя больныя мѣста. Фигура Тетерева безспорно самая оригинальная и яркая во всемъ

произведеніи. Съ перваго появленія на сценѣ онъ приковываетъ вниманіе зрителей, заслоня всѣхъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ. Въ богатой галлерей типовъ Горькаго Тетерева—одно изъ наиболѣе удачныхъ и оригинальныхъ лицъ. «Петомственный алкоголикъ и кавалеръ Зеленаго Змія, Терентій Богословскій», какъ онъ рекомендуется доктору, «человѣкъ никудышный, никчемный, но гордость въ немъ чисто барская», по опредѣленію Безсѣменова, «вредный и злобный человѣкъ», по его же мнѣнію. Самъ Тетеревъ такъ понимаетъ себя: «Меня губить не водка, а сила моя. Избытокъ силъ—вотъ моя гибель... Теперь сила не нужна. Нужна ловкость, хитрость... нужна змѣиная гибкость... Мнѣ некуда дѣвать силы. Я могу найти себѣ мѣсто по способности только въ балаганѣ, на ярмаркѣ, гдѣ могъ бы рвать желѣзныя цѣпи, поднимать гири и прочее. Но я учился, и хорошо учился, за что и былъ изгнанъ изъ семинаріи... Я учился и не хочу жить на показъ, не хочу, чтобы ты, придя въ балаганъ, любовался мною со спокойнымъ удовольствіемъ. Я желаю, чтобы всѣ смотрѣли на меня съ беспокойнымъ неудовольствіемъ...» Но въ его избыткѣ силы только часть правды, мѣшающей ему жить по настоящему. Главная суть въ томъ, что мѣщанство заполонило всю жизнь, «и оттого мнѣ негдѣ жить, мѣщанинъ», говоритъ онъ, обращаясь къ Безсѣменову. «Мнѣ благородіиѣ пьянствовать и погубать, чѣмъ жить и работать на тебя и тебѣ подобныхъ. Можешь ли ты, мѣщанинъ, представить себѣ меня трезвымъ, прилично одѣтымъ и говорящимъ съ тобою робкимъ языкомъ слуги твоего?» И онъ на каждомъ шагѣ безпоощадно вскрываетъ все ничтожество мѣщанства, ѣдкими и злыми словами доводя Безсѣменова до бѣлаго каленія. Не менѣе достается отъ него и Петру, пожалуй, еще больше, чѣмъ старику Безсѣменову, въ которомъ Тетеревъ признаетъ цѣльность, а въ Петрѣ онъ видитъ всѣ дурныя стороны мѣщанства безъ отцовской опредѣленности, что дѣлаетъ Петра еще хуже и вреднѣе. Но и вся жизнь, и остальные люди не заслуживаютъ отъ него пощады. Правда, онъ какъ-будто влюбляется въ Полю, но и въ этомъ чувствѣ скорѣе преобладаетъ насильшка надъ самимъ собой, какъ такой дикій человѣкъ могъ увлечься «любкой, и все такое». Для него ясно, что онъ «упалъ» и уже не подыметъ, и ему остается одна отрада—сознаніе, что онъ—выше этой жизни, стоитъ въ качествѣ любопытнаго и созерцаетъ въ то время, какъ другіе суетятся, рвутъ другъ у друга добычу и въ концѣ концовъ придутъ всѣ къ тому же итогу—къ могилѣ, для всѣхъ равной. «Ничего,—заявляетъ онъ Нилу, когда у того выходитъ яростная стычка съ приемнымъ отцомъ,—сцена очень интересная. Я слушалъ и смотрѣлъ съ большимъ удовольствіемъ. Очень не дурно, очень. Не волнуйся, братъ. У тебя есть способности—ты можешь играть героическія роли. Въ данный моментъ герой нуженъ... повѣрь мнѣ! Въ наше время всѣ люди должны быть дѣлимы на героевъ, т.-е. дураковъ, и на подлецовъ, т.-е. людей умныхъ... Людей очень удобно дѣлить на дураковъ и мерзавцевъ. Мерзавцевъ—тъма. Они живутъ умомъ звѣринымъ, они вѣрятъ только въ правду силы... не моей силы, не этой вотъ, заключенной въ груди моей, а въ силу хитрости... Хитрость—умъ звѣря... Жизнь украшаютъ дураки. Дураковъ не много. Они все ищутъ чего-то, чего не имъ нужно, не только имъ однимъ...

Они любятъ выдумывать проспекты всеобщаго счастья и подобной ерунды. Хотятъ найти начала и концы всего сущаго. Вообще, дѣлають глупости... Дуракъ можетъ всю жизнь думать о томъ, почему стекло прозрачно, а мерзавецъ просто дѣлаеть изъ стекла бутылку... Дуракъ спрашиваетъ себя, гдѣ огонь, пока онъ не зажженъ, куда дѣвался, когда угасаетъ. А мерзавецъ сидитъ у огня и ему тепло... Въ сущности—они оба глупы. Но одинъ глупъ красиво, героически, другой—тупо, нищенски глупо. И оба они, хотя разными дорогами, но приходятъ въ одно мѣсто—въ могилу, только въ могилу, другъ мой...»

Смертью и тѣніемъ отдаеть мрачная философія Тетерева, который и не ищетъ примѣненія ея въ жизни. Про себя онъ такъ и понимаетъ, что замерзнетъ гдѣ-нибудь въ дорогѣ, и утѣшаетъ себя мыслью, что «лучше замерзнуть на ходу, чѣмъ гнить, сидя на одномъ мѣстѣ», какъ ненавистное ему мѣщанство. Если къ кому онъ снисходитъ и даже чувствуетъ симпатію, такъ развѣ въ беззаботному старичку, отцу Поля, любителю птичьей охоты Перчихину, который, какъ и Тетеревъ, ничего не ищетъ отъ жизни, а просто живетъ, яко птицы небесныя. Перчихинъ—полная противоположность мѣщанству и ему, Тетереву. Мѣщанство всего боится, вѣчно въ заботахъ о завтрашнемъ днѣ, постоянно въ тревогѣ,—Перчихинъ знать не хочетъ никакихъ заботъ, наслаждается всѣмъ, а больше всего любезными его сердцу птицами. «Расчудесное это занятіе сигарей ловить! Только что сигъгъ выпалъ, земля словно въ пасхальную ризу одѣта... чистота, сіяніе и вроткая тишина вокругъ... Особенно ежели день солнечный—душа поетъ отъ радости! На деревьяхъ еще осенній листь золотомъ отливаеть, а ужъ вѣтки серебромъ снѣжка припухлаго присыпаны. И вотъ на этакую умильную красоту—гурлы! гурлы!—вдругъ съ небесъ частыхъ стайка красныхъ птичекъ опустится, цви! цви! цви! и словно маки расцвѣтутъ. Маленькія одакія пичужки, степенныя, въ родѣ генераловъ. Ходятъ и ворчатъ и скрываютъ—умилеііе души! Самъ бы въ сиггиря обратился, чтобы съ ними порыться въ сиггугу... эх!» Вся душа незлобиваго, чистаго старика въ этой картинѣ сквозитъ и искрится, какъ и этотъ «припухлый снѣжокъ». Онъ любитъ всѣхъ и во всемъ хочетъ видѣть свѣтлыя, хорошія стороны, хотя съ прозорливостью сватаго или ребенка видитъ темное даже тамъ, гдѣ никто этого не видитъ. Онъ ясно понимаетъ все ничтожество и гадость мѣщанства, но надѣется на силу любви, которая все перевозиметь. Онъ радуется и тѣшится, какъ дитя, когда Поля и Нилъ объявляютъ о своей любви, но тутъ же огорчается, что Татьяна, которая любитъ Нила, страдаетъ, и ставитъ это на счетъ Поля, хотя и понимаетъ, что тутъ ничего не подѣлаешь. Онъ любитъ порядокъ, но порядокъ жизни, любовный, во всѣмъ снисходительный и всѣмъ милый, безъ насилія и труда. Въ мрачной жизни мѣщанства онъ—единственный свѣтлый лучъ, вносящій своей беззаботной философіей веселье и примиреііе. Виѣстѣ съ Тетеревомъ они составляютъ крайніе пункты мѣщанства: оба—его полное отрицаніе, но одинъ во имя любви и радости жизни, которыхъ нѣтъ въ мѣщанствѣ, другой—во имя силы и правды, которыхъ боится и не признаеть мѣщанство. Но ни ему, ни Тетереву не суждено одолѣть послѣднее. Только соединеііе любви съ силой и правдой уничтожитъ

его,—и такимъ соединеніемъ въ будущемъ рисуются читателю Поля и Нилъ, у которыхъ есть зачатки этихъ сокровищъ. Предъ силой ихъ любви, жизне-радостности и инстинктивного стремленія къ правдѣ не устоятъ мѣщанству, которое можетъ выгнать Перчихина, какъ его выгоняетъ обомлѣнный Безсѣменовъ, задавить Тетерева, который и самъ не жаждетъ никакой борьбы, потопляя въ водѣ свою злобу, но пасуетъ предъ этой бодрой, жизнеспособной и увѣренной въ себя парой настоящихъ, здоровыхъ и хорошихъ людей.

«Не кричи, старикъ,—обращается въ концѣ пьесы Тетеревъ къ расхолодевшемуся Безсѣменову,—всего, что на тебя идетъ, ты не разгонишь...» Эти слова подчеркиваютъ то бодрое настроеніе, которымъ вѣетъ отъ новаго прекраснаго произведенія Горькаго. «Нестройный, громкій звукъ многихъ струнъ», раздающійся, какъ финалъ мѣщанской тоски, въ заключеніе—это какъ бы отходная мѣщанству, которое еще сильно и мощно снаружи, но прогнило, источено черемъ сомнѣній и разѣдено страхомъ въ предчувствіи, что дни его сочтены, что «свиньи, дураки и воры» не вѣчно будутъ командовать. И грозная «анагема» Тетерева звучитъ для Безсѣменова и его присныхъ, какъ звукъ погребальнаго колокола, ибо всѣмъ своимъ ничтожнымъ существомъ чувствуютъ они, что всего, что идетъ на нихъ, «не разгонишь».

Постановка «Мѣщанъ» на сценѣ Художественнаго театра въ общемъ очень хороша, но, какъ мы отмѣтили въ самомъ началѣ, пьеса въ чтеніи и сильнѣе, и ярче, и художественнѣе. Происходитъ это отъ многихъ причинъ. Для сцены въ пьесѣ мало движенія, чего не замѣчаешь при чтеніи, увлекаясь оригинальностью и яркостью каждаго типа, блескомъ языка, по силѣ и образности неподобнаго, глубокими и мѣткими афоризмами, которыми искрится каждая страница,—всею этой роскошью первокласснаго художественнаго литературнаго произведенія не передать никакой сценѣ, для которой нужно, прежде всего, дѣйствіе, движеніе, развитіе драмы. Художественный театръ сдѣлалъ все, чтобы воплотить типы Горькаго, и въ значительной степени ему это удалось. Самъ Безсѣменовъ, Тетеревъ, Перчихинъ—какъ наиболѣе яркіе персонажи—очень хороши и сливаются въ вашемъ воображеніи съ лицами пьесы въ цѣльное представленіе. Менѣе удачны—Поля и Нилъ, въ особенности послѣдній, похожій скорѣе на стереотипнаго «добраго русскаго молодца», чѣмъ на простаго, безпритязательнаго Нила пьесы. Излишній реализмъ въ нѣкоторыхъ сценахъ стираетъ неуловимый отгѣнокъ идеализаціи, который въ пьесѣ только усиливаетъ впечатлѣніе живверадостности,—на сценѣ, напримѣръ, любовные восторги Нила и Поля просто пошлы, чего и тѣни нѣтъ въ самой пьесѣ. Вообще, Художественный театръ, по обыкновенію, слишкомъ щеголяетъ внѣшними мелочами и недостаточно силенъ талантами для воссозданія глубокихъ и сильныхъ внутреннихъ сторонъ, которыми такъ богаты «драматическія сцены» Горькаго.

Тѣмъ не менѣе, въ репертуарѣ этого театра «Мѣщане» займутъ по праву одно изъ первыхъ мѣстъ не только какъ яркія картины мѣщанской жизни, но и по настроенію, полному бодрости и вѣры въ жизнь, въ людей, въ лучшее будущее.

Почти одновременно русское общество и литература понесли три тяжелых утраты: умерли два писателя, Нефедовъ и Гл. Успенскій, и педагогъ и литераторъ Викторъ Петровичъ Острогорскій, редакторъ нашего журнала. Всѣ они—люди разнаго общественнаго калибра и значенія, но было въ нихъ и одно общее, дѣлающее эту тройную утрату особенно знаменательной и тяжелой. Въ лицѣ ихъ сошли съ общественной арены трое великихъ идеалистовъ—шестидесятниковъ, сохранившихъ свято и ненарушимо тотъ священный огонь чистѣйшихъ идеаловъ—любви, добра и красоты, съ которыми они выступили на зарѣ личной своей жизни, въ великую эпоху обновленія русской жизни вообще. Глѣбъ Ивановичъ закончилъ свое общественное служеніе раньше, разбитый и потрясенный тяжелыми условіями, при которыхъ шла наша общественная жизнь за послѣднее десятилѣтіе. Нефедовъ до послѣдняго времени работалъ, и какъ писатель и какъ вѣрный другъ народа, который въ лицѣ московскихъ рабочихъ такъ трогательно провожалъ его къ мѣсту послѣдняго успокоенія. Викторъ Петровичъ умеръ внезапно, еще за четыре дня до смерти, 27-го марта, подписавъ послѣднія корректуры апрѣльской книги нашего журнала.

Крѣпкую закалку получили эти люди шестидесятыхъ годовъ, и сорокъ лѣтъ неустаннаго труда не ослабили въ Острогорскомъ ни его рабочей способности, ни его живого, почти юношескаго отношенія къ любимой дѣятельности и общественнымъ интересамъ. Сорокъ лѣтъ работалъ онъ, какъ учитель, словомъ и перомъ проводя въ жизнь дорогія ему идеи любви къ людямъ, правдѣ и свѣту, идеи, которыя онъ вынесъ изъ великой эпохи реформъ, когда впервые загорѣлась искра общественной жизни. вмѣстѣ съ знаменитыми создателями русской педагогической школы, Водовозовымъ, Стоюнинымъ и Ушинскимъ, онъ, ихъ ученикъ и товарищъ, съ юношескимъ жаромъ продолжалъ ихъ дѣло, передавая тысячамъ учениковъ и ученицъ дорогія этимъ людямъ завѣты русской литературы и правильнаго воспитанія. Въ теченіе всей жизни, и какъ учитель, и какъ писатель, Викторъ Петровичъ отличался однимъ великимъ и рѣдкимъ у насъ качествомъ—дѣльностью личности, неизблемой вѣрой въ силу правды и неуклоннымъ проведеніемъ ея въ жизнь. Никакихъ колебаній и уступокъ не сдѣлалъ онъ на всемъ протяженіи трудной и тернистой дороги педагога и писателя, и сошелъ въ могилу такимъ же чистымъ идеалистомъ, восторженнымъ проповѣдникомъ правды и любви къ людямъ, какимъ выступилъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Русская жизнь, видѣвшая столько взмѣтнъ и перемѣтнъ, мало знаетъ такихъ подвижниковъ, и только когда мы ихъ хоронимъ, пустота, наступающая послѣ нихъ, даетъ намъ понять, что мы въ нихъ потеряли...

Викторъ Петровичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ людей, которые органически неспособны отдѣлать себя отъ общественнаго дѣла, и всякій шагъ его былъ связанъ съ тѣмъ или инымъ общественнымъ начинаніемъ. Оттого, подводя итоги этой прекрасной труженнической жизни, мы не видимъ въ ней ничего личнаго, себялюбиваго или узко-эгоистическаго: вездѣ предъ нами, въ той или иной роли, скромный, живой и беззавѣтно преданный общественный дѣлатель, для котораго его маленькое «я» всецѣло сливается съ общественнымъ дѣломъ, съ интересами школы или литературы. Какъ учитель, какъ лекторъ

на каюдрѣ, какъ писатель или какъ редакторъ, Викторъ Петровичъ всегда неизмѣненъ. Онъ вѣрить прежде всего въ людей и жизнь, любить ихъ и жертвуютъ всемъ для нихъ. Добрый до полной неразсчитливости, онъ никому не можетъ отказать, разъ видитъ въ человѣкѣ искреннее стремленіе къ свѣту и правдѣ, и даже многочисленныя уроки жизни не оказываютъ на него никакого вліянія въ этомъ отношеніи. Страстно преданный литературѣ, онъ подчасъ не зналъ, какъ справиться съ массой «трудовъ» добровольцевъ-писателей, заваливавшихъ его послѣдніе годы, какъ редактора большого популярнаго журнала, но никому и никогда не рѣшался отказать въ указаніяхъ и руководствѣ. Нерѣдко онъ былъ настоящимъ мученикомъ своей доброты, и приходилось просто насильно выручать его изъ-подъ бремени этой массы рукописей. Уроки, чтеніе лекцій, писаніе статей и безконечное количество рукописей вмѣстѣ съ обязательной перепиской по поводу ихъ—такова была атмосфера жизни его послѣднихъ лѣтъ, въ которой онъ горѣлъ, какъ свѣча, сжигаемая съ двухъ концовъ, не замѣчая, что годы берутъ свое. Въ этомъ отношеніи онъ былъ истинно русскій общественный дѣятель, не умѣющий и не могущій беречь свои силы...

Въ нашемъ журналѣ, съ первыхъ самыхъ трудныхъ дней его существованія, онъ былъ настоящимъ редакторомъ-другомъ, который въ каждомъ сотрудникѣ видѣлъ близкаго себѣ человѣка и готовъ былъ поощрить каждую попытку, каждое робкое начинаніе. Болѣе бережнаго отношенія къ только что выступающимъ писателямъ я не знаю, и не могу не поставить Виктору Петровичу въ огромную заслугу предъ родной литературой, что много полезныхъ работниковъ было имъ создано и выдвинуто такимъ образомъ. Въ сложномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ редактированія онъ былъ до известной степени такимъ же педагогомъ, какъ и въ школѣ. Развивать, учить, поощрять и исправлять—вотъ тѣ начала, которыми онъ руководствовался, постепенно объединяя въ журналѣ все больше и больше опытныхъ работниковъ, отводя каждому мѣсто, больше всего отвѣчающее его достоинствамъ и силамъ. Всегда обаятельный въ личныхъ отношеніяхъ, чрезвычайно доступный и дѣтски-незлобивый, онъ очаровывалъ посетителей въ свои пріемныя дни, чѣмъ не мало содѣйствовалъ популярности журнала, въ которомъ каждый новый сотрудникъ скоро чувствовалъ себя, какъ родномъ кругу. Но онъ же становился неузнаваемымъ, когда при немъ задѣвались дорогіе ему принципы, и тогда немислима была никакая уступка, никакой компромисъ. Въ старикѣ просыпался въ такія минуты настоящей боецъ-шестидесятникъ, рѣзко и безпощадно отдѣливавшій противника, по недоразумѣнію залетѣвшаго въ редакцію «Міра Божьяго». Правда, такихъ недоразумѣній было немного, такъ какъ слишкомъ хорошо всѣ знали, каковы взгляды и направленіе Виктора Петровича. Эта неизмѣнная преданность взглядамъ своей молодости и ревность къ нимъ отнюдь не дѣлали его консерваторомъ, не желавшимъ признавать новыхъ вѣяній и теченій. Напротивъ, онъ широко открывалъ страницы своего журнала молодымъ настроеніямъ и, даже не соглашаясь съ нѣкоторыми новыми теченіями въ искусствѣ, напр., охотно допускалъ ихъ, находя, что «надо дать высказаться», чтобы читатели были освѣдомлены обо всемъ, что новаго происходитъ въ области идей и направленій. Несмотря на

свои годы, онъ очень любилъ «молодежь» въ литературѣ, «новые всходы», какъ онъ ихъ называлъ, и требовалъ только одного—«помягче», безъ лишней рѣзкости, не обижая «стариковъ», чѣмъ и сглаживалъ рѣзкости полемики. За каждымъ онъ признавалъ широкое право свободно излагать свои взгляды, если они не шли противъ основныхъ принциповъ общественности, усвоенныхъ имъ въ молодости: прогресса, гуманности, знанія и широкаго просвѣщенія народныхъ массъ, свободы и, прежде всего, вѣры въ людей. Эта вѣра была въ немъ невыблема и поддерживала его въ самыя мрачныя минуты. Ее онъ не уставалъ проповѣдывать и устно, и перомъ, поддерживая ее въ другихъ и укрѣпляя всѣми доводами ума и сердца. Она-то и давала ему силы пережить тяжкія минуты русской жизни и донести до могилы незапятнанными идеалами молодости, не поступившись ничѣмъ отъ благородныхъ завѣтовъ своихъ великихъ учителей—Бѣлинскаго, Добролюбова, Чернышевскаго, память которыхъ онъ чтитъ съ трогательной благодарностью.

Такова была эта жизнь, такъ внезапно пресѣкшаяся, жизнь, чистая, полная труда, преданная добру и людямъ. Умирая, онъ могъ бы съ полнымъ правомъ сказать, что ни одно слово его, ни одинъ поступокъ не причинили никому зла, а все добро, которое онъ могъ совершить,—онъ совершилъ. Нѣсколько поколѣній воспитано имъ, сотни тысячъ читателей развивались на его проповѣдываніяхъ или руководимыхъ имъ журналахъ, тысячи слушателей вынесли изъ его лекцій благородную вѣру въ силу любви, добра и красоты, и всюю своею жизнью онъ является прекраснымъ примѣромъ истиннаго служителя правды и свободы, вѣрнымъ и прекраснымъ представителемъ самой свѣтлой эпохи въ русской исторіи—эпохи великихъ реформъ. И мы убѣждены, что память о нашемъ незабвенномъ редакторѣ всегда будетъ связана съ незабвеннымъ временемъ шестидесятыхъ годовъ.

А. Богдановичъ.

Глѣбъ Успенскій.

24-го марта, послѣ многихъ беспросвѣтныхъ лѣтъ тяжелой душевной болѣзни, скончался выдающійся русскій писатель, художникъ и публицистъ, Глѣбъ Ивановичъ Успенскій.

Тѣсные ряды могилъ, усѣивающихъ «Литературные мостки» Волкова кладбища, пополнились одной новой; но украшающіе ее теперь вѣнки и цвѣты, свидѣтельствуя о любви и скорби живущихъ, мало или даже ничего не говорятъ о томъ, прахъ котораго скрытъ подъ этимъ свѣжимъ и наряднымъ холмомъ могилы. И намъ представляется здѣсь въ близкомъ будущемъ скромный и строгій, аскетическаго типа памятникъ, въ мраморъ котораго врѣзана простая короткая надпись:

«Счититъ можно только скоряя».

Эти четыре слова, принадлежащія извѣстному венгерскому поэту Александру Петефи, обнимаютъ и объясняютъ не только литературное и общественное зна-

ченіе Успенскаго, но и весь внутренній миръ этой обаятельной личности, также какъ и ея трагическую судьбу. Интеллигенція,—писалъ Успенскій,—«всегда — *святъ*, и только то, что свѣтитъ, или тотъ, кто свѣтитъ, и будетъ исполнять интеллигентное дѣло, интеллигентную задачу. Въ полѣ—грѣбуть сучья хвороста, въ избѣ—лучина, въ богатомъ домѣ—лампа. Но вездѣ разными способами задача исполняется одна и та же: *во тьму вносится свѣтъ*» («Соч. Гл. Успенскаго», т. II, стр. 701). Успенскій, даже съ точки зрѣнія *такого* опредѣленія понятія интеллигенціи, былъ интеллигентомъ высшаго типа. Онъ свѣтилъ и въ то же время горѣлъ и сгоралъ въ яркомъ пламени своего огромнаго дарованія, сзврявшаго самую сокровенную глубины русской народной жизни.

Намъ вспоминается чудная легенда, которую съ такимъ увлеченіемъ рассказывала М. Горькому «старуха Изергиль».

«Тамъ были болота и тьма, потому что лѣсъ былъ старый, и такъ густо переплелись его вѣтви, что сквозъ нихъ не видать было неба, и лучи солнца еле могли пробить себѣ дорогу до болотъ сквозъ густую листву. Но когда его лучи падали на воду болотъ, то подымался сирадъ, и отъ него люди гибли одинъ за другимъ. Тогда стали плакать жены и дѣти этого племени, а отцы задумались и впали въ тоску...» И вотъ явился Данко. «Кто сердце вспыхнуло яркимъ огнемъ желанія спасти ихъ и вывести на легкій путь...» И онъ повелъ ихъ, но когда они истомились тяжелой дорогой, среди пугавшей ихъ темноты, Данко «разорвалъ руками себѣ грудь и вырвалъ изъ нея свое сердце и высоко поднялъ его надъ головой. Оно же пылало такъ ярко, какъ солнце, и ярче солнца, и весь лѣсъ замолчалъ, освѣщенный этимъ факеломъ любви къ людямъ...»

Такимъ же Данко былъ для насъ Успенскій, и поднятый имъ «факель любви къ людямъ»—его собственное болѣвшее о «не своемъ горѣ» сердце и его напряженно, страстно работавшая мысль—сгорали медленно, постепенно, но совершенно авственнно—на глазахъ не только близкихъ ему людей, но и многихъ его читателей, съ трепетнымъ чувствомъ наблюдавшихъ этотъ страшный пожаръ мысли и сердца дорогого для нихъ автора *).

Успенскій выступилъ на литературное поприще, когда,—по его же словамъ,—«большого художника, съ большимъ сердцемъ ожидало полчище народа, забо-

* Намъ кажется, между прочимъ, что именно этотъ замѣтный для другихъ пожаръ сердца и мысли Успенскаго имѣетъ въ виду Н. К. Михайловскій, указывая что его любовь къ Гл. Ив. осложнилась, съ одной стороны, *чувствомъ жалости* (курсивъ нашъ), а съ другой—почтеніемъ къ его блестящему таланту и высокимъ нравственнымъ качествамъ («Литература и Жизнь», «Русск. Богатство», III, 1902). Г. Михайловскій увѣренъ, что «сочетаніе жалости и почтенія—знакомо всѣмъ, кто ищетъ счастье сколько-нибудь близко знатъ Успенскаго». Мы этого счастья не ищемъ, и тѣмъ не менѣе мы отчетливо помнимъ и свое личное настроеніе, и настроеніе другихъ постоянныхъ читателей Успенскаго, съ нервнымъ нетерпѣніемъ ожидавшихъ появленія каждой новой статьи любимаго автора: въ настроеніи, съ какимъ мы приступали къ чтенію, точно также глубокое почтеніе къ автору сплеталось съ жалостью. Не то же ли сложное чувство возбуждаетъ въ насъ личность героя, сознательно жертвующаго собою во имя принципа?

дѣвшаго новымъ, свѣтлою мыслію, народа немощнаго, изувѣченнаго и двигающагося волей-неволей по новой дорогѣ и, несомнѣнно, къ свѣту. Сколько тутъ фигуръ, прямо легшихъ пластомъ, отказавшихся идти впередъ; сколько тутъ умирающихъ и жалобно воющихъ на каждомъ шагѣ, сколько бодрыхъ, смѣлыхъ, настоящихъ, сколько злыхъ, освалившихъ отъ злости зубы! И все это — рвущееся съ пути, разбѣшенное, немощное, все это рвется съ дороги только потому, что это — новая дорога, новая мысль, и злится только потому, что не можетъ или не хочетъ помириться съ новой мыслію. Словомъ—все это скопище терзается или радуется и смѣло идетъ впередъ потому только, что надъ всѣмъ таготѣеть одна и та же болѣзнь сердца, боль вторгнувшейся въ это сердце правды, убивающая и мучающая однихъ и наполняющая душу другихъ несокрушимою силою. Минута, ожидающая сильный и могучій талантъ, который, несомнѣнно, долженъ родиться среди такой массы глубокихъ сердечныхъ страданій» («Сочиненія», I, 521). Успенскій проглядѣлъ, что этотъ «большой художникъ съ большимъ сердцемъ» уже народился, что это — онъ самъ, съ такой силой художественной правды изображающій именно эту «рвущуюся съ пути» массу, въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. И онъ не только проглядѣлъ этотъ очевидный для всѣхъ его читателей фактъ. Мало того, онъ сознательно мѣшалъ развиваться своему, несомнѣнно, огромному художественному дарованію, которое ярко обнаружилось въ его первыхъ же литературныхъ опытахъ. Рассказывая въ предисловіи къ изданію своихъ сочиненій въ 1883 г. о своихъ литературныхъ дебютахъ, Успенскій писалъ: «Общество требовало отъ литературы—и имѣло на это право—многосложной и внимательной работы». Художественное воспроизведеніе жизни онъ не могъ признать такой работой: его «внутреннее сознаніе» говорило ему о «ненужности этого дѣла». «Все это не то!» думалось тогда, и, вслѣдствіе этого, матеріалъ обрабатывался плохо, «кой-какъ», появляясь въ видѣ «отрывковъ», безъ начала и конца... Словомъ, здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣми же мотивами, которые знакомы намъ и въ поэзи Некрасова:

.... Намъ ли, бѣднягамъ,
На отвлеченныя природы наслажденія
Свободы краткія встраивать мгновенья!

Но это были только логическія построенія, увѣнчивавшія и санкціонировавшія тотъ внутренній процессъ, который совершался въ душѣ писателя. Тамъ разгорался уже тотъ пожаръ мысли и сердца, для котораго обиліе внѣшнихъ впечатлѣній перестраивавшейся на новый ладъ жизни служило богатымъ горючимъ матеріаломъ и первой жертвой котораго явилась способность художественной изобразительности. Подаривъ читателей въ первомъ періодѣ своей литературной дѣятельности нѣсколькими болѣе или менѣе цѣльными художественными произведеніями, безъ попытокъ объяснить изображаемыя явленія при помощи той или иной теоріи, Успенскій не долго выдерживаетъ эту несоответствующую ему роль спокойнаго безпристрастнаго наблюдателя. Подъ наплывомъ впечатлѣній, которыя поддерживаютъ его мысль въ постоянномъ возбужденіи, ему некогда задумываться надъ формой. Форма стѣсняетъ его, и

онъ пишетъ свои произведенія—какъ свидѣтельствуешь Н. Б. Михайловскій въ «литературной характеристикѣ»—не «вынашивая» и не «обставляя» ихъ. Впечатлѣніе, полученное имъ отъ того или иного поразившаго его факта, навѣянная этимъ фактомъ мысль, «тутъ же, чуть не въ тотъ же самый день записывались на бумагу, а исписанная бумага отправлялась въ типографію ключками, по мѣрѣ того, какъ работа подвигалась впередъ». При такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о соблюденіи какихъ бы то ни было требованій, обязательныхъ для художника, да и «какая же это словесность?»—восклицаетъ самъ Успенскій, обращаясь къ читателю во «Власти земли»:—это просто черная работа литературы, а съ словесностью, вѣроятно, надобно куда по-временить».

Отказавшись отъ своего художественнаго дарованія, какъ отъ самостоятельной, самодовлѣющей творческой силы, Успенскій отвелъ ему подчиненное мѣсто въ своей публицистической дѣятельности, которая все сильнѣе и сильнѣе захватывала его. Впрочемъ, къ публицистикѣ произведенія Успенскаго можно отнести только условно. Эта «публицистика»—явленіе весьма своеобразное въ нашей литературѣ, и подыскать ей точное названіе мудрено. Это былъ рядъ фейерверковъ, въ которыхъ горящія искры мысли сочетались съ безконечною вереницею живыхъ и яркихъ образовъ, легко и свободно запечатлѣвавшихся въ памяти читателей. Отъ публицистики произведенія Успенскаго рѣзко отличались, кромѣ того, отношеніемъ автора къ явленіямъ, которыя онъ имѣлъ въ виду освѣтить и объяснить читателямъ. Нечего, разумѣется, было и ждать отъ Успенскаго спокойнаго анализа явленій. Быть можетъ, одинъ только разъ въ жизни онъ примѣнилъ къ своимъ наблюденіямъ «строго научный методъ», какъ шуточно называетъ онъ свою пассивную роль въ присутствіи задыхающейся отъ усталости бабы («Четверть лошади»), но и тутъ онъ сознается, что «положительно не перенесъ бы дальнѣйшей строгости въ сохраненіи себя на научной точкѣ зрѣнія, если бы въ самомъ дѣлѣ къ видѣнному можно было бы добавить что-нибудь еще». Въ этой неспособности Успенскаго отойти отъ наблюдаемой имъ жизни, оторваться отъ нея хоть на короткое время, необходимое для объективнаго ея изученія, заключается его слабое мѣсто, какъ публициста. Но въ этомъ же, вмѣстѣ съ тѣмъ, надо искать разгадку того обаянія, какимъ было окружено въ 70-е и 80-е годы имя Успенскаго, безраздѣльно владѣвшаго сердцами читателей. «Публицистика» Успенскаго была сильна не разрѣшеніемъ вопросовъ, а ихъ постановкой, честной, искренней и мужественно-смѣлой. Въ его «замѣткахъ» и «отрывкахъ», рѣдко законченныхъ, но всегда оригинальныхъ и содержательныхъ въ каждой своей строчкѣ, Успенскій вынулъ и ярко ставилъ цѣлый рядъ вопросовъ, безъ которыхъ наше знаніе современной намъ Россіи вообще, а народной жизни въ особенности было бы слишкомъ недостаточнымъ, слишкомъ неполнымъ. Пусть многіе изъ этихъ вопросовъ и сейчасъ еще остаются спорными въ нашей экономической литературѣ и въ публицистикѣ; пусть отвѣты Успенскаго на эти вопросы признаются черезчуръ рѣшительными и недостаточно обоснованными, но важно то, что споряція стороны при разрѣшеніи вопроса безъ внимательнаго изуче-

ніа сочиненій Успенскаго, во всякомъ случаѣ, не обойдутся и непремѣнно, волей-неволей, придуть къ нему за постановкой вопроса. Здѣсь онъ одинъ внесъ столько свѣта, сколько не могутъ дать десятки самыхъ добросовѣстныхъ спеціальныхъ исследователей, потому что этимъ свѣтомъ былъ онъ самъ,—его огнемъ пылавшія сердце и мысль. Тридцать лѣтъ длился этотъ пожаръ, и можно было только поражаться безмѣрной выносливости человѣка. Но вотъ еще нѣсколько послѣднихъ искръ, уже менѣе яркихъ и жгучихъ, и силы человѣческія надорвались,—огонь погасъ. И тотъ, кто такъ самоотверженно освѣщалъ намъ дорогу среди царящей темноты жизни, самъ погрузился въ глубокой и безысходной мракъ, въ сравненіи съ которымъ даже непроницаемый мракъ могилы кажется желаннымъ и благодатнымъ проблескомъ.

При той субъективности, которой окрашена вся литературная дѣятельность Г. Н. Успенскаго, и при безусловной правдивости и искренности его натуры, произведенія его могутъ служить драгоценнымъ матеріаломъ для будущаго его біографа. Это же подтверждаетъ и самъ Успенскій, сказавъ, что вся его «новая біографія, послѣ забвенія старой, пересказана почти изо дня въ день» въ его книгахъ. «Больше,—утверждаетъ онъ,—у меня ничего въ личной жизни не было и нѣтъ...» Въ самомъ дѣлѣ, многія и, быть можетъ, лучшія страницы, написанныя Успенскимъ, носятъ на себѣ несомнѣнную печать автобіографическаго происхожденія, и г. Горнфельдъ, напримѣръ, дѣлаетъ на нашъ взглядъ весьма правдоподобное предположеніе, что Тяпушкинъ едва ли не самое автобіографическое созданіе Успенскаго, скорбный обликъ котораго съ большой силой и яркостью проступаетъ за фигурой этого горемычнаго героя, появляющагося къ тому же въ произведеніяхъ автора не одинъ разъ. «Онъ вложилъ въ него,—говоритъ г. Горнфельдъ,—лучшія движенія своей правдивой, чистой и любящей души; въ немъ онъ признался въ своихъ паденіяхъ; въ немъ торжествовалъ свою лучшую побѣду—побѣду совѣсти» *).

Но во всякомъ случаѣ и для того даже, чтобы только использовать тотъ автобіографическій матеріалъ, который заключается въ сочиненіяхъ Успенскаго, необходимо прежде найти опорные пункты во внѣшнихъ, твердо установленныхъ фактахъ личной жизни писателя. Къ сожалѣнію, такихъ фактовъ изъ жизни Успенскаго наша литература даетъ пока очень немного, и всѣ скудныя свѣдѣнія наши по этому предмету почти исчерпываются въ настоящее время краткой автобіографической запиской писателя **) да «Материалами для біографіи Г. Н. Успенскаго», опубликованными недавно Н. Б. Михайловскимъ ***).

Насколько недостаточны эти свѣдѣнія, можно судить уже изъ того, что даже годъ рожденія Успенскаго нельзя считать установленнымъ. Такъ, г. Васинъ («Русское Богатство» 1894 г.) даетъ 31-е октября 1843 г., какъ дату рожденія писателя, тогда какъ г. Скабичевскій, основываясь, кажется, на указа-

*) «На славномъ посту».—«Эстетика Гл. Успенскаго», стр. 298.

**) См. «Исторію новѣйшей русской литературы» А. М. Скабичевского. Сиб. 1891 г., стр. 268—280, гдѣ разсѣяны отрывки изъ автобіографіи.

***) «Русское Богатство», 1902 г. кн. III, «Литература и Жизнь».

няхъ самого Успенскаго, считаетъ датой его рожденія 14-е ноября 1840 г. Затѣмъ, тотъ же г. Скабичевскій въ двухъ разныхъ мѣстахъ цитируемой нами книги называетъ отца Глѣба Ивановича то секретаремъ палаты государственныхъ имуществъ (стр. 226), то секретаремъ казенной палаты (стр. 268). Такимъ образомъ, чтобы избѣжать ошибки, приходится еще болѣе сократить тѣ скудными фактическія свѣдѣнія, какія мы имѣемъ о его жизни сейчасъ въ своемъ распоряженіи, и ограничиться лишь самыми общими указаніями.

Г. И. Успенскій, приходившійся, встаети сказать, двоюроднымъ братомъ почти совершенно забытому теперь писателю Николаю Васильевичу Успенскому, родился въ Тулѣ, въ семьѣ чиновника средней руки. Въ Тулѣ онъ провелъ свое дѣтство и здѣсь же, до 1856 г., учился въ гимназіи, окончить курсъ которой ему пришлось въ Черниговѣ, въ 1861 г. Затѣмъ онъ побывалъ въ двухъ университетатахъ, петербургскомъ и московскомъ, но вышелъ, не окончивъ курса. Объ этомъ раннемъ періодѣ жизни Успенскаго мы имѣемъ свѣдѣнія отъ самаго писателя,—свѣдѣнія, опять-таки лишенные какихъ бы то ни было фактическихъ указаній, но въ высшей степени цѣнныя для выясненія основной черты его характера—страшной, болѣзненной чуткости.

«*Вся моя личная жизнь, — говоритъ онъ въ своей автобіографической запискѣ, — вся обстановка моей личной жизни до 20-ти лѣтъ, обрекала меня на полное затменіе ума, полную погибель, глубочайшую дикость понятій, неразвитость и вообще отдѣляла отъ жизни благаго свѣта на неизмѣримое разстояніе. Я помню, что я плакалъ безпрестанно, но не зналъ, отчего это происходитъ. Не помню, чтобы до 20-ти лѣтъ сердце у меня когда-нибудь было на мѣстѣ. Вотъ почему, когда настала 61-й годъ, взять съ собою въ «дальнюю дорогу» что-нибудь изъ моего прошлаго было рѣшительно невозможно — ровно ничего, ни капельки; напротивъ, для того, чтобы жить хоть какъ-нибудь, надобно было непремѣнно до послѣдней капли забыть все это прошлое, истребить въ себѣ все вѣдренныя имъ качества. Нужно было еще претерпѣть все то разореніе невольной неправды, среди которой пришлось жить мнѣ годы дѣтскіе и юношескіе, надо было потратить годы на эти непрестанныя похороны людей, среди которыхъ я выросъ, которые исчезали со свѣта безропотно, какъ погибающіе среди моря, зная, что никто не можетъ имъ помочь и спасти, что «не тѣ времена...» Слѣдовательно, начало моей жизни началось только послѣ *забвенія моей собственной біографіи*, а затѣмъ и личная жизнь, и жизнь литературная стали соиздаться во мнѣ одновременно *собственными средствами...*» (Куревъ вездѣ Успенскаго *)).*

Право, если-бы рѣчь шла не объ Успенскомъ и если бы она исходила не отъ него самого, можно было-бы усумниться въ возможности такой гипертрофированной чуткости къ «неправдѣ» жизни. Но Успенскому *надо* вѣрять безусловно. Ему *можно* вѣрять, потому что эта же чуткость къ неправдѣ, вольной и невольной, исторгавшая безпрестанныя слезы у мальчика, а въ періодъ его сознательной жизни выражавшаяся въ стремленіи уйти отъ неправды

*) «Исторія новой русской литературы», стр. 268.

въ прошломъ, до полного его «забвенія», эта-же чуткость, даже возрастающая съ годами, характерна для всей литературной дѣятельности Успенскаго; съ проявленіями ея же мы встрѣчаемся и въ біографическихъ данныхъ, относящихся къ болѣе позднему періоду его жизни. Въ «матеріалахъ», опубликованныхъ г. Михайловскимъ, есть одно письмо Успенскаго, гдѣ воспроизводится настроеніе, съ изумительнымъ, до мелочей, сходствомъ повторяющее знакомое намъ настроеніе, которое сопутствовало Успенскому при разставаніи съ «ученическими годами». Въ этомъ письмѣ Успенскій рассказываетъ о томъ, какъ онъ, сидя въ Перми и занимаясь книгами, вдругъ услышалъ какой то отдаленный звукъ, «будто бубенчики звенять или, какъ въ Ленкорани, караванъ идетъ съ колокольчиками, далеко-далеко». Скоро выяснилось, что это проходитъ партія арестантовъ: «все знакомыя лица, и мужики, и господа, и воры, и политическіе, и бабы, и все, все наше, изъ нутра русской земли,—человѣкъ не менѣе 1.500, все это валяло въ Сибирь изъ этой Россіи. И меня такъ потянуло вслѣдъ за ними, какъ никогда въ жизни не тянуло ни въ Парижъ, ни на Кавказъ, ни въ какія бы то ни было мѣста, гдѣ виды хороши, а нравы еще того превосходнѣй. Вѣдь эти люди—отборный продуктъ тѣхъ русскихъ условій жизни, той путаницы, тоски, жертвенны, трусости или отчаянной смѣлости, среди которыхъ живемъ мы, не сосланные, томимся, скучаемъ, мучаемся, пьемъ чай съ вареньемъ отъ скуки, время и лжемъ и опять мучаемся: всѣ эти, отъ воровъ до политическихъ, не выдержали этой жизни, и ихъ тащутъ въ новыя мѣста. И мнѣ *охотой*, а не на цѣпи захотѣлось необузданно идти на новыя мѣста, мнѣ также не подходитъ «жить» (а не бороться) съ людьми, съ которыми (и которымъ) приходится много лгать, бесплодно, бездѣльно, и изживать русскій теперешній вѣкъ—безвѣстно, неинтересно, безвкусно и неумно... Отчего переселяются только мужики, а интеллигенцію тащатъ на цѣпи? И намъ надо бросать добровольно запутанныя, тяжкія, ненужныя отношенія, хотя бы они и были старыя, привычныя, и искать и мѣсть, и людей, съ которыми можно чувствовать себя искреннѣй и сильнѣй» *).

Письмо безъ даты, но по всѣмъ признакамъ его слѣдуетъ отнести къ концу 80-хъ годовъ. И тѣмъ интереснѣе это тожество настроенія въ началѣ и на исходѣ сознательной жизни Успенскаго. Есть, правда, одна деталь, какъ будто нарушающая тожество. Тамъ онъ уже порвалъ съ неправдою прошлой жизни, уже бросилъ ее до полного забвенія; здѣсь онъ только *собирается* уйти отъ неправды окружающей его жизни, только *собирается* «искать мѣсть и людей, съ которыми можно чувствовать себя искреннѣй и сильнѣй». Но это различіе несущественное. Если въ этомъ случаѣ Успенскій, опутанный цѣпями обязательствъ (надо было «устроить семью на всю зиму, покончить съ писаніемъ, изданіемъ и т. д.»), какъ прибавлялъ онъ въ концѣ письма) и не успѣлъ осуществить своего намѣренія, то вообще вся его жизнь состояла въ поискахъ той «правды» отношеній, которая непрестанно манила его съ одного мѣста на

* «Русск. Богатство». «Литература и жизнь». Кн. III. 1902 г., стр. 37.

другое и непрестанно разочаровывала, заставляя его переживать въ итогахъ каждаго изъ такихъ поисковъ лишь «адское душевное состояніе».

Только что онъ навсегда порвалъ съ неправдою своего дѣтства и юности и выступилъ (надо замѣтить—съ большимъ успѣхомъ) въ литературѣ, какъ чуткое ко всякой неправдѣ сердце его поддѣваетъ большіе недочеты правды и въ литературной средѣ, въ которой онъ сразу же почувствовалъ себя совершенно одинокимъ. «Несомнѣнно—говорить въ автобіографіи Успенскій о своихъ литературныхъ товарищахъ того времени—народъ этотъ былъ душевный, добрый и глубоко талантливый; но питьевая драма, питьевая болѣзнь, похмелье и вообще разслабленное состояніе, извѣстное подъ именемъ «послѣ вчерашняго», занимало въ ихъ жизни слишкомъ большое мѣсто». Эта «сивушная гибель» литераторовъ явилась, по мнѣнію Успенскаго, слѣдствіемъ того, что ихъ захватила новая жизнь, «такая, что завтрашній день не могъ быть даже и предвидѣнъ». Литераторъ совершенно растерялся въ потокѣ нахлынувшей на него новой жизни, не могъ оцѣнить ее: «даже малѣйшихъ опредѣленныхъ взглядовъ на общество, на народъ, на дѣла русской интеллигенціи ни у кого рѣшительно не было». Не было у нихъ—говорить дальше Успенскій—и читателя, «они писали неизвѣстно для кого и хвалили только другъ друга». Вообще все въ журнальномъ мірѣ въ этотъ періодъ (1863—1868) падало и разрушалось. «Современникъ» сталъ тусклымъ, а потомъ былъ и закрытъ, «Русское Слово» тоже закрыто, и всѣ маломальски видные дѣятели разбрелись, исчезли. Стали появляться какія-то темныя изданія съ темными издателями... Когда же, наконецъ, въ 1868 г. основаны были «Отечественныя Записки», то первое время, пока дѣло только налаживалось и складывалось, въ нихъ тоже было мало утѣхи... «Жить въ неустановившемся и неуютномъ обществѣ большею частью до послѣдней степени наломанныхъ писателей (съ новыми я едва встрѣчался еще) не было никакой возможности, и я—заканчиваешь Успенскій отчетъ объ этомъ періодѣ своей жизни—уѣхалъ за границу»... *).

Это было въ 1871 г., и здѣсь, слѣдовательно, мы застаемъ Успенскаго въ тотъ моментъ, когда онъ во второй разъ рѣшительно отсѣкаетъ себя отъ нездоровой, питающейся неправдой обстановки и ищетъ новыхъ мѣстъ и новыхъ, и болѣе искреннихъ и болѣе сильныхъ людей. Въ Парижѣ онъ попалъ послѣ коммуны, видѣлъ израненный прусскими и коммунарскими пулями городъ, видѣлъ, какъ буржуазія праздновала свою кровавую побѣду, массами приговаривая къ смерти своихъ пораженныхъ противниковъ. Конечно, это было не то, чего искалъ Успенскій, но уже одна невозможность самому окупиться въ чужую для него жизнь, необходимость волей-неволей стоять въ сторонѣ отъ этой жизни, лишь присматриваясь и наблюдая ее, создала для него на время сравнительно спокойную обстановку, которой онъ никогда—ни раньше, ни послѣ—не имѣлъ на родинѣ. Неудивительно поэтому, что о своей двухкратной поѣздкѣ за-границу Успенскій вспоминаетъ съ чувствомъ нѣкотораго удовольствія и посвящаетъ ей въ своей автобіографической запискѣ слѣдующія короткія, но характерныя строки: «Я мало писалъ

* «Исторія нов. русск. литер.», стр. 270.

объ этомъ (о заграничномъ своемъ пребываніи), но многому поучился, много записалъ добраго въ мою душевную родословную книгу навсегда»... Но, разумеется, «бѣгство» Успенскаго за-границу могло быть лишь маленькимъ вставнымъ эпизодомъ въ его біографіи. Не ему, болѣющему недугами своей бѣдной родины, сидѣть въ покойной позѣ созерцателя жизни, въ которую онъ не можетъ вмѣшаться. И вотъ послѣ второй своей заграничной побѣдки, въ которой онъ пробылъ два года, онъ ѣдетъ въ 1876 г. въ Сербію, гдѣ въ это время онъ долженъ былъ застать русскихъ добровольцевъ, быть можетъ, представлявшихъ ему издали въ самомъ привлекательномъ видѣ безкорыстныхъ и мужественныхъ борцовъ за идею. «И объ этомъ—замѣчаетъ онъ въ автобіографіи—я мало писалъ, но много передумалъ и навѣки много опять-таки взял въ свою душевную родословную»... Почти то же замѣчаніе, какое мы уже слышали отъ него о пребываніи въ Зап. Европѣ,—*почти*, за исключеніемъ вымущеннаго здѣсь эпитета «добрый». Тамъ онъ взялъ «много добраго», здѣсь—просто «много»,—чего? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы найдемъ въ бесѣдѣ Успенскаго съ добровольцемъ Долбежниковымъ, въ разсказѣ «Не воскресъ» *). Оказывается, что и война-то началась далеко не изъ-за высокихъ побужденій, а просто «изъ-за свинины», которую сербскіе купцы захотѣли продавать не смроу, какъ прежде, подъ опекою Турціи, а уже копченою; что и доброволецъ русскій показалъ себя въ Сербіи далеко не героемъ, идущимъ на подвигъ, какъ это требовало отъ него имъ же самимъ принятое на себя положеніе. «Вдали домой наши добровольцы въ настроеніи, близко подходящемъ къ «тоскѣ гимназиста, возвращающагося въ гимназію послѣ каникулъ». А въ Сербію они попали не потому, чтобы ненавидѣли турокъ, какъ басурманъ, а «потому, что измучились совершенно другимъ и хватаются за басурмана, потому что не сообразятъ, не въ силахъ и не могутъ сообразить всей тяжести тяготящихъ умъ вопросовъ»...

До сихъ поръ, отсѣвая себя отъ одной обстановки, въ которой онъ распознавалъ «неправду», и переходя въ другую, гдѣ онъ рассчитывалъ найти условія, болѣе благопріятствующія развитію правдивыхъ и искреннихъ отношеній, Успенскій не выходилъ за предѣлы знакомой ему городской жизни. Вслѣдствіе этого цѣлый рядъ разочарованій, которыя онъ испыталъ, сближалъ съ различными наслоеніями и группами городского культурнаго населенія, оставляютъ ему надежду, что «подлинная правда жизни» сохранилась въ деревнѣ и тамъ именно ее и надобно искать. И вотъ его повлекло теперь, какъ онъ выражается въ автобіографіи, «къ источнику», т. е. къ мужику. По первымъ его произведеніямъ, посвященнымъ описанію деревенской жизни, мы знаемъ, какъ горько было и здѣсь его разочарованіе, хотя онъ и успѣивалъ себя тѣмъ соображеніемъ, что «источникъ» на этотъ разъ попался ему не настоящій! «По несчастію—говоритъ онъ—я попалъ въ такіа мѣста, гдѣ *источники* видно не было... Деньга привалила въ эти мѣста, и я видѣлъ только, до чего можетъ дойти бездушный мужикъ при деньгахъ. Я здѣсь

*) «Соч. Гл. Успенск.», т. I, стр. 628.

въ теченіе полутора года не знать ни дня, ни ночи покоя. Тогда меня ругали за то, что я не люблю народъ. Я писалъ о томъ, какая онъ свинья, потому что онъ дѣйствительно творилъ преподѣйшія вещи»... Въ «адскомъ душевномъ состояніи» бѣжить онъ изъ деревни съ жаждою не думать о ней, «освободиться хоть на время отъ этой бесплодной муки», которая доходила у него въ это время «до физической боли». Такія впечатлѣнія пережилъ онъ въ Самарской губерніи, завѣдуя нѣкоторое время одною крестьянскою ссудо-сберегательною кассою.

Мятущаяся душа Успенскаго не могла, разумѣется, успокоиться на этихъ отрицательныхъ и совершенно безнадежныхъ положеніяхъ вывороченной даже не наизнанку, а совершенно искалѣченной деревенской «таблицы умноженія», но которой «по сту разъ въ день» получается, что дважды два—«то стеариновая свѣча, то свиная морда, словомъ, нѣчто неожиданное и невозможное»... Сравнившись кое-какъ съ «адскимъ состояніемъ» своей души, онъ снова направляется въ деревню, расположенную уже въ Новгородской губерніи. На этотъ разъ ему кажется, что «источникъ», къ которому онъ подошелъ,— настоящій, и здѣсь онъ, какъ сказано въ автобиографической запискѣ—«въ первый разъ въ жизни увидѣлъ дѣйствительно одну подлинную важную черту въ основахъ жизни русскаго народа—именно власть земли». Для художника это было дѣйствительно цѣлое откровеніе, которое давало ему возможность объективировать крестьянскую жизнь въ ея трудовой обстановкѣ, не вдаваясь въ преувеличенія ни идеализма, размалевывавшаго крестьянъ на манеръ буколическихъ героевъ, ни натурализма, въ одностороннемъ освѣщеніи котораго крестьяне почти неизбежно утрачивали всякій образъ и подобіе божіе. Но бѣда Успенскаго заключалась въ томъ, что свое обобщеніе, игнорировавшее самую сущность условій земледѣльческаго труда, а главное—ихъ измѣчивость, онъ, при любезномъ содѣйствіи современной ему критики, возводитъ на степень теоріи. Мы говоримъ—«бѣда» Успенскаго, потому что съ этого момента начинается быстро затѣмъ усиливающийся разладъ между Успенскимъ-художникомъ и Успенскимъ-публицистомъ,—разладъ, до крайности обострившій то напряженное нервное состояніе, въ какомъ и безъ того постоянно горѣлъ этотъ неутомимый искатель правды. Какъ художникъ, наблюдающій народную жизнь такую, какою она въ дѣйствительности представляется непредубѣжденному взору, Успенскій ясно видѣлъ и со свойственной ему безстрашной откровенностью высказывалъ, что въ сущности и подъ «властью земли» деревенская таблица умноженія продолжаетъ подсовывать свиную морду или стеариновую свѣчу тамъ, гдѣ по правиламъ (т. е. по его собственной теоріи) полагается только «четыре». Какъ увлеченный публицистъ, онъ выбивался изъ силъ, чтобы увѣрить и себя, и другихъ, что это пустяки, что интеллигенція, стоитъ лишь ей этого пожелать, такъ ловко подчистить свиную морду, что изъ нея, изъ морды, какъ разъ вмѣнно «четыре» и получится.

Что «открытіе», сдѣланное Успенскимъ, внесло въ его мятущуюся душу разладъ, а не умиротвореніе, это видно уже по такому характерному для его

*

настроєнія признаку, какъ участившіяся поѣздки, которыя принимаютъ, наконецъ, форму болѣзненной несподѣливости, скитальчества.

Мы уже видѣли, что въ критическіе моменты своей жизни Успенскій рѣшительно сразу отсѣкалъ себя отъ старой обстановки, въ которой онъ чувствовалъ неправду, и переходилъ въ новую. Нѣсколько такихъ моментовъ мы отмѣтили выше и здѣсь прибавимъ къ нимъ еще одинъ, показывающій что въ такихъ случаяхъ Успенскій не допускалъ никакихъ уступокъ, никакихъ компромиссовъ.

«Измученный всякаго рода житейской «ахинеей и чепухой», Глѣбъ Ивановичъ—говоритъ г. Михайловскій въ «Матеріалахъ для біографіи Успенскаго» *) подумывалъ иногда уѣхать на мѣстѣ, поступить на службу и, имѣя постоянный заработокъ, работать въ литературѣ спокойно, не разрывая свои произведенія на клочки». И вотъ одинъ изъ такихъ опытовъ и его результаты. «11-го сентября (все равно какого года) онъ даже съ нѣкоторымъ торжествомъ извѣщалъ» г. Михайловскаго: «Сижу *въ должности*», а письмо отъ 1-го февраля слѣдующаго года начинается словами: «Мѣста у меня больше нѣтъ». Мотивы такого скорого ухода намъ уже извѣстны — это опять тоже бѣгство отъ неправды, но мы все-таки процитируемъ здѣсь его собственное объясненіе, изложенное типичнымъ для него сильнымъ и оригинальнымъ языкомъ. «Мѣсто,—пишетъ Успенскій,—я долженъ былъ бросить, и какъ ни скверно это въ матеріальномъ отношеніи, но рѣшительно не раскаиваюсь: подлые концессионеры глотаютъ милліоны во имя разныхъ шарлатанскихъ проектовъ,—а во сколько же разъ подѣе интеллигенція, которая не за милліоны, а за два двугривенныхъ осуществляетъ эти разбойничьи проекты на дѣлѣ, тамъ, въ глубинѣ страны? Громадныя челюсти концессионеровъ ничего бы не сдѣлали, ничего бы не проглотили, если бы имъ не помогали эти острые двухъ-двугривенные зубы, которые тамъ, въ глубинѣ-то Россіи, въ глуши, пережевываютъ неповиннаго ни въ чемъ обывателя. Я не могу быть въ числѣ этихъ зубовъ; если бы мнѣ было хоть мало-мальски покойно, я бы, можетъ быть, и не такъ былъ чувствителенъ ко всему этому и, понимая, считалъ бы себя скотиной, но жалованье получалъ бы аккуратно. Но при томъ раздраженіи, которое временами достигаетъ поистинѣ глубочайшей невыносимости, я не могу не принимать этихъ скверныхъ впечатлѣній съ особой чувствительностью. Мѣсто надо было бросать: всѣ, тамъ служащіе, знаютъ, что они дѣлаютъ разбойничье дѣло (будьте въ этомъ увѣрены), но всѣ знаютъ, чѣмъ оправдать свое положеніе... а вотъ зачѣмъ литераторъ-то (каждый думаетъ изъ нихъ) тоже жокаетъ свое рыло въ эти лужи награбленныхъ денегъ—это ужъ не хорошо. «Пишетъ одно, а дѣлаетъ другое». Вотъ почему нужно было бросить ихъ въ ту самую минуту, какъ только стала понятна вся подлецкая механика ихъ дѣла...»

И въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ, Успенскій рѣшительно и навсегда, «до полного забвенія», уходилъ отъ окружающей его неправды, когда сознаніе ея принимало вполне опредѣлившіяся формы, когда постепенно нако-

*) «Русск. Богатство», кн. III, 1902 г., стр. 47.

плавшіяся въ душѣ горечь и раздраженіе достигали «постояннѣ глубочайшей невыносимости». Но вѣдь между этой высшей степенью раздраженія съ одной стороны и полнымъ душевнымъ равновѣсіемъ, котораго, впрочемъ, онъ никогда не зналъ, съ другой—существуетъ дѣлая градация настроеній, и какъ же поступалъ Успенскій въ тѣхъ случаяхъ, когда эти промежуточные настроенія обострились, когда они больно ударили по его чувствительнымъ нервамъ? — Онъ и въ этихъ случаяхъ уходилъ, но уходилъ не навсегда, какъ въ моменты серьезныхъ душевныхъ кризисовъ, а только на время, и туда именно, гдѣ онъ могъ рассчитывать найти что-нибудь «новое», отличное отъ той среды, которая только что еще «коверкала» и «ломала» его душу. «Ахъ, сколько новаго на Русь! Не тужите, не скучайте, не думайте о себѣ печально, — интереснѣе думать о томъ, какъ живутъ люди. Я всегда исцѣляюсь этимъ», — писалъ онъ М. В. Соболевскому откуда-то изъ-подъ Одессы. «Сколько ужасно интересно: мennonиты, колонисты - нѣмцы, штундисты, казаки! Все это до чрезвычайности ново, любопытно...» Уже по этому одному случайному перечню «ужасно интересныхъ» для Успенскаго объектовъ наблюденія можно судить, куда именно, къ какимъ «новымъ» проявленіямъ жизни и отношеній направлялся его интересъ. Онъ хочетъ видѣть, какъ устриваютъ люди жизнь «по своему», самостоятельно, сколько мѣста даютъ они у себя той правдѣ, которая въ обычныхъ предѣлахъ его наблюденія такъ жестоко устраняется изъ жизни «бумагой», «купонномъ» и другими факторами, главенствующими въ современной ему обстановкѣ. Въ другихъ случаяхъ мы узнаемъ, что его «манитъ», и все по тѣмъ же приблизительно причинамъ, на Донъ, въ Соловецкій, въ Череповецъ, гдѣ онъ рассчитываетъ лично узнать обстоятельства, при которыхъ произошло закрытіе земства, въ Семеновскій уѣздъ, о которомъ онъ по дорогѣ узнаетъ «соблазнительнѣйшія вещи, къ переселенцамъ, вообще на «новыя мѣста» и т. д.

«Онъ постоянно былъ въ разгѣздахъ»,—говоритъ г. Михайловскій,—и «это центральный пунктъ его біографіи». Въ имѣющихся у г. Михайловскаго коллекціяхъ писемъ Успенскаго (адресованныхъ главнымъ образомъ къ тремъ лицамъ: къ Н. Е. Михайловскому, В. М. Соболевскому и одной дамѣ) «прежде всего, по его замѣчанію, бросается въ глаза, если можно такъ выразиться, географическая пестрота этихъ коллекцій. Письма писаны изъ Петербурга, Кисловодска, Парижа, Калуги, Чудова, Софіи, Новороссійска, Перми, Козлова, Константинополя, Рязани, Ростова, Одессы, Москвы, Ялты, Казани, Воронежа и Нижняго-Новгорода». И, разумеется, этотъ хотя и длинный, но случайный перечень далеко не соответствуетъ еще болѣе поразительной «географической пестротѣ» дѣйствительно сдѣланныхъ Успенскимъ посѣщеній и наѣздовъ.

Мы уже имѣемъ представленіе о томъ, *зачѣмъ* Успенскій устремляется въ ту или иную мѣстность. На вопросъ, *почему* онъ это дѣлаетъ, какими причинами обусловливается фактъ его «Агасферова житія», въ его письмахъ содержится такой же опредѣленный отвѣтъ. «Ужасная тоска вдругъ какъ обухомъ пришибла» его въ Петербургѣ, гдѣ онъ пробылъ всего нѣсколько часовъ, и онъ бѣжитъ назадъ въ свой уединенный уголокъ въ Чудовѣ спасаться «работою». Въ другомъ случаѣ оказывается, что «сидѣть въ этомъ смертельно

надоѣвшемъ Чудовѣ или въ литературныхъ петербургскихъ кружкахъ... положительно *не въ мототу*» ему, онъ «высыхаетъ» въ обстановкѣ, которая его «*пугаетъ*». «Не знаю,—пишетъ онъ еще въ одномъ письмѣ,—куда мнѣ ѣхать: за границу или въ Сибирь къ переселенцамъ и съ переселенцами? А такъ «отдыхать» зря—не могу, *тоска смертная*. Въ Сибирь любопытно,—полезаетъ онъ дальше—но мрачно, чортова яма, холодъ и вообще я поотсталъ отъ мужика, его бороды, лаптей и вообще всего этого голоднаго и холоднаго. Больно смотреть, и голова отказывается мучиться объ этомъ, просто утомилась...»

Послѣ всего, что мы дали сейчасъ для характеристики внутреннего міра этой скорбной фигуры печальника «о не своемъ горѣ», приходится какъ будто бы удивляться не тому, что онъ сгорѣлъ въ пожарѣ собственной мысли и сердца, а скорѣе тому, что у него хватило силъ такъ долго переносить раскаленную температуру все болѣе и болѣе разгоравшагося пламени. Казалось бы, при своей совершенно необычной чуткости ко всякой неправдѣ, Успенскій имѣлъ передъ собой только два исхода: или эта неправда жизни, непрерывно раздражая его «обнаженные нервы», должна была бы, наконецъ, притупить ихъ, сдѣлавъ ихъ совершенно нечувствительными и невосприимчивыми ко всякому раздраженію, или въ одинъ изъ наиболѣе острыхъ моментовъ мучительной боли Успенскій могъ бы однимъ рѣшительнымъ ударомъ, разъ и навсегда, удалить себя отъ источника страданій—отъ жизни. И тотъ, и другой исходъ были бы, разумѣется, наиболѣе вѣроятны въ ранніе годы,—первый въ періодъ дѣтства, когда неокрѣпшій характеръ такъ податливъ еще къ вѣшнимъ влияніямъ и толчкамъ, второй—въ періодъ юности, когда только что установившійся волевой аппаратъ чловѣка, еще не истощенный молвою рефлексовъ, способенъ къ наиболѣе сильной работѣ. Ничего подобнаго однако не случилось. Почему? Потому—отвѣтимъ мы—что кромѣ того реального міра, неправдой котораго всю свою жизнь болѣлъ и терзался Успенскій, для него открытъ былъ широкій доступъ въ міръ иной—міръ грезъ, красоты, идеала. Въ этомъ мірѣ Успенскій былъ не менѣе своимъ чловѣкомъ, и къ впечатлѣніямъ этого міра онъ былъ не менѣе чутокъ. Сюда изъ міра неправды онъ несъ свою «скомканную, искалеченную» душу», здѣсь «выпрямлялъ ее» и, наполнивъ «расширившуюся грудь, весь выросшій организмъ свѣжестью и свѣтомъ», возвращался на новые подвиги.

Восприимчивость Успенскаго къ эстетическимъ впечатлѣніямъ такъ характерна для него, проливаетъ такъ много свѣта на всю его жизнь, что обойти молчаніемъ эту страницу изъ его біографіи совершенно невозможно. Безъ этой свѣтлой страницы многострадальная жизнь писателя оставалась бы непонятной, загадочной.

Передъ нами очеркъ Успенскаго «Волей-неволей»—одинъ изъ наиболѣе глубокихъ по замыслу, художественныхъ по формѣ и богатыхъ по содержанію. Герой очерка—налюбленная авторомъ фигура Тупушкина. Не касаясь этого очерка въ его цѣломъ, мы ограничимся лишь экскурсіей въ дѣтскіе годы Тупушкина, безъ всякихъ колебаній устанавливая несомнѣнную автобіографическую цѣнность цитруемыхъ нами ниже строкъ.

Дѣтство Тяпушкина, который былъ сыномъ сельскаго священника *), прошло въ тяжелой обстановкѣ крѣпостного режима, и въ воспоминаніяхъ его объ этомъ періодѣ своей жизни не было ничего, что бы говорило о человѣческомъ достоинствѣ и тѣмъ менѣе о протестѣ. Напротивъ, надъ всѣми близкими ему людьми, какъ и надъ всѣми окружающими тяготѣло сознание какой-то собственной вины и неизбежнаго за нее наказанія. «И не ошибусь—разсказываетъ Тяпушкинъ—если скажу, что въ ряду мнѣхъ тяжелыхъ воспоминаній—воспоминаніе о тяготѣющемъ надъ всѣмъ родомъ людскимъ грѣхѣ, — грѣхѣ, для меня хотя совершенно непонятномъ, непостижимомъ, но не подлежащемъ сомнѣнію, и о жестокомъ наказаніи, которое должно постигнуть всѣхъ насъ за этотъ тяжкій неизбывный грѣхъ, воспоминанія объ этихъ подробностяхъ адскихъ мученій, кривковъ воткнутыхъ въ ребра, огня, полымя и смрада, несмотря на свою скудность, отдаленность, имѣли едва ли не самое сильное и важное значеніе для дѣлнѣйшей участи моего сердца. Можно положительно сказать, что едва я вышелъ изъ утробы матери, какъ узналъ, что въ концѣ концовъ мнѣ предстоитъ кривъ въ ребро и огонь, и что кромѣ какой-то неизбывной вины и тяжкаго грѣха нѣтъ ничего важнаго и значительнаго». Эта «безчеловѣческая» дѣйствительность, въ которой все, не исключая и самой религіи, дѣйствовало привнжающимъ образомъ, «прямо и неотразимо вела меня—продолжаетъ свой разсказъ Тяпушкинъ—къ полной атрофіи сердца, и я несомнѣнно бы, въ концѣ концовъ сталъ въ ряды тѣхъ безчисленныхъ на Руси бессердечныхъ исполнителей чужого приказанія, которые и сейчасъ, и каждую минуту, даютъ знать о своемъ огромномъ изобиліи на Руси. Но отъ атрофіи сердца меня спасло... нѣчто совершенно случайное, нѣчто, пожалуй, совершенно неожиданное... Это не было ни доброе слово, ни человѣческое участіе, ни ласка, ни любовное человѣческое вниманіе къ моей человѣческой забитости и угнетенности. Нѣтъ! Я ничего этого не видалъ... Это было... Нѣтъ, это были... Это были просто-на-просто гусли!» **).

И вотъ, въ то время, какъ все, что видѣлъ ребенокъ кругомъ, могло возбуждать въ немъ только «страхъ, тоску, отраву, испугъ, доходившій до полнаго замиранія сердца,» жалобные звуки гуслей, на которыхъ игралъ его отецъ, пробуждали въ его душѣ чувство «жалости». «Гусли сдѣлали это совершенно случайно, такъ сказать, механически, отъ этихъ звуковъ мнѣ становилось жалко. И вотъ, механически возбужденное чувство жалости стало обращаться не къ кому-нибудь и не къ чему-нибудь изъ того, что и кого я предъ собою видѣлъ, а къ чему-то отдаленному, къ какому-то огромному, надо всѣми и всѣмъ вишащему горю... Жалостливое чувство развило вниманіе вообще къ горю, и, не зная, что *лучше* для себя, я начиналъ думать, что *для остальныхъ* (никакихъ лицъ я при этомъ не представлялъ) должно быть и лучше и легче!»... ***).

Гусли расширили скомканную душу ребенка и вмѣстили въ нее способность

*) Священникомъ былъ дѣдъ Успенскаго.

Вл. Кр.

**) «Соч. Гл. Успенскаго», т. II, стр. 493.

***) Ibid., стр. 494.

сочувственнаго вниманія къ «огромному, надо-всѣми висящему горю». Быть можетъ, въ иной обстановкѣ то же самое могла бы совершить съ нимъ и окружающая его полная страданій жизнь, но гусли прибавили къ этому нѣчто еще, чего ни при какихъ условіяхъ не могли бы дать ему непосредственныя впечатлѣнія жизни. Гусли заронили въ душу ребенка смутную грѣзу о счастьѣ, мечту о томъ, «что должно быть и лучше, и легче», и только съ этой грѣзой Успенскій и могъ вынести на плечахъ своихъ бремя «огромнаго горя».

Воспитавъ лучшія стороны своей души подъ благотворнымъ вліяніемъ музыки, Успенскій потомъ не одинъ разъ внимательно и любовно останавливается на воспитательной роли искусства, и въ его произведеніяхъ найдется не мало чудныхъ страницъ, которыя могли бы послужить поучительными иллюстраціями на тему Шиллера «Ueber die aesthetische Erziehung des Menschen».

Вотъ, напримѣръ, рассказъ «Слѣпой пѣвецъ». Подъ впечатлѣніемъ спѣтаго, подъ акомпаниментъ ветхаго гармоніума, покаяннаго псалма, базарная толпа сразу же взята была «за живое», «за душу» первыми тягучими скорбными нотами. «Никогда—говоритъ Успенскій—никто изъ этой массы не ощущалъ самого себя и не задумывался надъ самимъ собой, надъ своею совѣстью, надъ своею душою въ такихъ огромныхъ, неожиданныхъ размѣрахъ, какъ это заставилъ его невольно ощутить простой, задушевный, выразительный пересказъ базарнымъ музыкантомъ понятныхъ всякому человѣку словъ о понятныхъ человѣческихъ грѣхахъ... Вся эта масса ординарныхъ, и иногда ничего не внушающихъ лицъ, или внушающихъ только тяжкія мысли и ощущенія, была поистинѣ неузнаваема. На опухшихъ кабачныхъ лицахъ легли черты дѣтской слезливости, а у иного тряслась голова и изъ тусклыхъ глазъ падали слезы куда ни попаало... Вообще вся толпа превратилась въ скорбнаго человѣка, человѣка съ сокрушеннымъ сердцемъ, совѣтъ не похожаго на ту человѣческую силу, которая безцѣльно тратитъ себя въ лошадиномъ трудѣ и въ сирадномъ кабацѣ»...

Гусли, ветхій гармоніумъ, тихій речитативъ слѣпнаго пѣвца—вотъ тѣ простыя, несложныя средства, при помощи которыхъ искусство проявляетъ свою чудодѣйственную силу въ произведеніяхъ Успенскаго. «Вразумительный, задушевный пересказъ понятными каждому живому человѣку словами» покаяннаго псалма дѣйствуетъ на Успенскаго глубже и сильнѣе, чѣмъ могучіе звуки органа въ парижскомъ соборѣ или великолѣпныя архіерейскіе хоры въ православныхъ церквахъ. Чуткій даже къ самымъ безпретенціознымъ проявленіямъ красоты, онъ не любитъ ея крикливыхъ формъ, самъ тщательно избѣгаетъ ихъ въ своихъ произведеніяхъ и не прочь, при случаѣ, высмѣять ихъ въ произведеніяхъ другихъ художниковъ, какъ, напримѣръ, у Лермонтова въ стихотвореніи: «Когда волнуется желтѣющая нива...»

И однако же принципиальнымъ противникомъ яркихъ, раздѣчивающихъ дѣйствительность красокъ Успенскаго назвать нельзя. Напротивъ, въ извѣстныхъ случаяхъ онъ допускаетъ ихъ полную законность, и вотъ что по этому поводу пишетъ онъ подъ впечатлѣніемъ только что прочитаннаго имъ въ обстановкѣ полнаго одиночества «Рокамболя»: «Пожалуйста, господа романисты, берите краски для романовъ, которые пишете вы одинокому рабочему человѣку, еще

гуще. еще грубѣе тѣхъ, какія вы до сихъ поръ брали... Одиночество человѣка становится все ужаснѣе, судьба загоняетъ его все въ болѣе и болѣе темный уголъ, откуда не видно свѣта, не слышно звуковъ жизни... Бейте же въ барабаны, колотите, что есть мочи въ мѣдныя тарелки, старайтесь представить любовь необычайно жгучею, чтобы она въ самомъ дѣлѣ прожгла нервы, также въ самомъ дѣлѣ сожженные настоящимъ, заправскимъ огнемъ... Не церемоньтесь поэтому, господа дешевые романисты, рисовать все, что есть хорошаго въ жизни, самыми аляповатыми красками, доводить черты красиваго, великаго до громадныхъ размѣровъ, чтобы намъ было видно ихъ изъ такой страшной дали...» Дальше идутъ подробности рекомендуемой имъ программы. Невинность, олицетворенная какой-нибудь бѣдной прачкой, не должна продаваться ни за какіе милліоны. Пусть она возьметъ отъ своихъ соблазнительей банковый билетъ необычайно громадной цѣнности, тутъ же сожжетъ его, а сама умретъ съ голода... Такъ же невѣроятно надо изображать красоту женщинъ. Такъ нужно писать, потому что иначе «нѣтъ возможности ощутить и пережить хоть что-нибудь подобное, нѣтъ возможности узнать ни красоты души, ни красоты формъ... Грудь работающихъ женщинъ сохнетъ рано—и ужъ какія же формы послѣ пяти, десяти лѣтъ поденной работы? И гдѣ въ этой тѣмъ крошечной найдутся такія прачки, которыя бы подорожали своей невинностью за сумму и гораздо меньшую, чѣмъ сотни тысячъ и милліоны?.. Если бы не являлся нелѣпный романистъ и не вралъ намъ, темнымъ людямъ, про этихъ прачекъ, про этихъ красавицъ, не нагородилъ бы намъ съ три короба про разныя какія-то добродѣтели необыкновенныя, то, право, жизнь, т.-е. одна только голая дѣйствительность, сьумѣла бы совсѣмъ отучить бѣдныхъ одинокихъ людей отъ самомагнѣвшей тѣни представленій добродѣтели, красоты, невинности...» *).

Въ этомъ обращеніи къ гг. «дешевымъ» и даже «нелѣпнымъ» романистамъ больше, разумеется, ядовитаго сарказма по адресу все той же бичуемой Успенскимъ неправды жизни, чѣмъ серьезнаго признанія ихъ заслугъ. И тѣмъ не менѣе это признаніе здѣсь несомнѣнно присутствуетъ, и оно очень характерно для Успенскаго-художника, такъ какъ оно вводитъ насъ въ его собственную художественную мастерскую и знакомитъ насъ съ приемами его творчества. Тонкое чутье правды никогда не позволило бы самому Успенскому «бить въ барабаны», «колотить въ мѣдныя тарелки», тѣмъ болѣе, что для его чуткаго слуха тихіе звуки гуслей достаточно сильны и понятны сами по себѣ, чтобы ихъ усиливать какимъ-нибудь особенно раздражающимъ нервы шумомъ. Но для выясненія его эстетическаго *credo* все-таки надо помнить, что, по его убѣжденію, «одна только голая дѣйствительность сьумѣла бы совсѣмъ отучить бѣдныхъ одинокихъ людей отъ самомагнѣвшей тѣни представленій добродѣтели, красоты, невинности» и—прибавимъ отъ себя—правды человѣческихъ отношеній. Это послѣднее прибавленіе сдѣлано нами потому, что въ немъ—въ отысканіи этой правды—основной мотивъ всей его литературной дѣятельности, и, разрабатывая его, Успенскій никогда не воспроизводитъ «одну голую

*) Ibid., т. I, стр. 558.

дѣйствительность», не ослабивъ однѣ ея стороны и не подчеркнуть другія. Успенскій—художникъ-экспериментаторъ, и къ нему цѣлкомъ приложимо то опредѣленіе, которое даетъ художникамъ этого типа проф. Овсяннико-Куликовскій: «Интуиція художника-экспериментатора даетъ творческому процессу опредѣленное направленіе и рѣзко выраженную «окраску», и явленія жизни, образы людей выходятъ изъ этой лабораторіи въ коренной переработкѣ, въ особомъ освѣщеніи. Тогда-то и получается столь извѣстный художественный эффектъ: образы и картины, строго говоря, *не правдивы* въ смыслѣ точнаго и разносторонняго изображенія дѣйствительности, но они по-своему говорятъ намъ о дѣйствительности, о человѣкѣ, о человѣчествѣ ту грустную или страшную правду, которую не скажетъ самое точное изображеніе ихъ» *).

Ниже мы скажемъ, въ чемъ собственно состояли эксперименты Успенскаго надъ русскою жизнью, а теперь, чтобы покончить съ вопросомъ объ отношеніи его къ искусству, скажемъ нѣсколько словъ по поводу извѣстнаго очерка «Выпрямла».

Эстетическое воспитаніе Успенскаго, въ которомъ музыкальныя впечатлѣнія сыграли такую большую роль, началось, какъ мы видѣли, въ періодъ его ранняго дѣтства. Музыка подготовила настроеніе для выработки и воспріятія опредѣленнаго идеала, который пока рисовался ребенку въ формѣ смутной грезы о томъ, «что должно быть и лучше и легче». Въ какой постепенности загѣмъ утвердѣвала и кристаллизовалась эта мечта, въ какой мѣрѣ, кто и что помогали этому сложному душевному процессу, мы, къ сожалѣнію, рѣшительно ничего не знаемъ. Но зато о заключительномъ моментѣ этого процесса мы освѣдомлены точно и обстоятельно, такъ какъ ему посвящена Успенскимъ одна едва ли не самая блестящая страница изъ всего имъ написаннаго.

Мы застаемъ Успенскаго (загримированнаго знакомымъ уже намъ Тяпушкинымъ) въ тотъ моментъ, когда онъ все съ тою же тяжелою ношею «огромнаго горя», останавливается вдругъ «пораженный чѣмъ-то необычнымъ, непостижимымъ» передъ Венерой Милосской. Онъ почувствовалъ, что съ нимъ «случилась большая радость». «Что-то—говоритъ онъ о своемъ настроеніи—дунуло въ глубину моего скомканнаго, искалѣченнаго и измученнаго существа и выпрямило меня, мурашками оживающаго тѣла пробѣжало тамъ, гдѣ уже, казалось, не было чувствительности, заставило всего «хрустнуть» именно такъ, когда человѣкъ растетъ»... Въ чемъ заключалась «животворящая тайна этого каменнаго существа», откуда влилось въ его душу «твердое, покойное и радостное состояніе», Тяпушкинъ опредѣлить не могъ. Онъ видѣлъ только, что среди той «неправды» жизни, въ которой «человѣкъ» оказывается на каждомъ шагѣ скомканнымъ, «осрамленнымъ», изуродованнымъ «необходимостью унижать себя до раба, до торговли своимъ тѣломъ, до желанія наложить на себя руки, до потребности прекратить чужую жизнь, убивъ такого же, какъ и самъ, человѣка, до потребности ограбить человѣка, до потребности

*) Проф. П. Овсяннико-Куликовскій: «Н. В. Гоголь». «Вѣсти. Воспитанія», кн. 2, 1902 г.

наконецъ щеголять чрезвычайной добротой», что среди этой неправды «каменная загадка» являлась поражающимъ, но въ то же время и ободряющимъ человѣка контрастомъ. Изъ многообразнаго матеріала человѣческой красоты, независимо отъ пола и возраста, скульпторъ создалъ «то истинное въ человѣкѣ, что составляетъ смыслъ всей его работы, то, чего сейчасъ, сію минуту *нѣтъ* ни въ комъ, ни въ чемъ и нигдѣ, но что *есть* въ то же время *въ каждомъ* человѣческомъ существѣ, въ настоящее время похожемъ на скомканную перчатку, а не на распрямленную». Стараясь проникнуть въ сокровенныя намѣренія художника, Успенскій думаетъ, что «ему (скульптору) нужно было и людямъ своего времени, и всѣмъ вѣкамъ и всѣмъ народамъ вѣковѣчно и нерушимо запечатлѣть въ сердцахъ и умахъ огромную красоту *человѣческую* существа, ознакомить человѣка—мужчину, женщину, ребенка, старика—съ ощущеніемъ счастья быть *человѣкомъ*, показать всѣмъ намъ и обрадовать насъ видимою для всѣхъ насъ возможностью быть прекрасными—вотъ какая огромная цѣль овладѣла его душой и руководила рукой».

Надо быть самому настоящимъ художникомъ, чтобы умѣть *такъ* цѣнить искусство, чтобы прекрасное потрясало его въ такой степени, какъ насъ простиыхъ смертныхъ можетъ потрясать только живая, реальная дѣйствительность.

И любопытно, что та же «каменная загадка», въ тайну которой съ такой поразительной чуткостью проникъ нашъ многострадальный писатель, съ неотразимой силой привлекала къ себѣ и поэта, который, подобно Успенскому, только «сильющими слезами» умѣрялъ свои «колоссальныя скорби и страданія». Не крайней жѣръ, Тяпушкинъ «ни на минуту не сомнѣвался въ томъ, что стережъ, истолкователь луврскихъ чудесъ, говорить сущую правду, утверждая, что на этомъ узенькомъ диванчикѣ, обитомъ краснымъ бархатомъ, приходилъ сидѣть Гейне, что здѣсь онъ сидѣлъ по цѣлымъ часамъ и плакалъ». «Это непременно должно было быть»—подчеркиваетъ Тяпушкинъ. И вѣдь есть много общаго и въ творчествѣ, и въ характерѣ, и даже въ личной судьбѣ этихъ двухъ, быть можетъ, разныхъ лишь въ степеняхъ художниковъ, которыхъ Венера сблизила въ Луврѣ однимъ и тѣмъ же потрясеннымъ чувствомъ. И тотъ, и другой такъ много и горько плакали «сильющими слезами»; оба они сожгли свои художественныя дарованія въ огнѣ страстнаго отношенія къ окружающей ихъ жизни; оба такъ трагически закончили свою жизнь—одинъ, привоанный къ «матрачной могилѣ», гдѣ ослѣпшій и недвижимый пролежалъ въ тяжелыхъ страданіяхъ около девяти лѣтъ, другой—въ теченіе почти того же времени буквально заключенный въ лечебницѣ для душевно-больныхъ. Оба до крайности неуравновѣшенные, они съ благоговѣніемъ преклонились передъ каменной богиней, воплощавшей ту высшую степень душевнаго равновѣсія и покоя, какую только можетъ представить и о какой только можетъ мечтать современный мятущійся человѣкъ.

Идеаль, олицетворенный Успенскимъ въ мраморной богинѣ, проливаетъ на всю его литературную дѣятельность яркій свѣтъ, въ лучахъ котораго отановится возможнымъ отчетливо разглядѣть всѣ достоинства и недостатки художника, всѣ его литературные побѣды и промахи.

Мятущійся, находящійся въ непрестанномъ движеніи не только въ переносномъ, но и въ прямомъ смыслѣ этого слова, Успенскій и жизнь, и людей разсматривалъ въ процессѣ ихъ движенія. Весьма характерно для него въ этомъ смыслѣ предисловіе къ третьему тому его сочиненій (въ изданіи Павленкова). Подводя итоги русской жизни за время своей литературной дѣятельности, съ 1864 по 1890 г., онъ утверждаетъ, что «несомнѣнная особенность русской жизни» заключается въ томъ, что «переходное время» стало въ послѣдніи тридцать лѣтъ какъ бы обычнымъ «образомъ жизни» русскаго чело-вѣка. «Ощущалось оно до Севастопольской войны, до освобожденія крестьянъ, до судебной, земской, городской реформы. Ощущалось и во время войны, и послѣ войны, во время и послѣ каждой реформы; ощущается и въ настоящее время». Сдѣлай подобное обобщеніе тридцатилѣтнихъ итоговъ русской жизни кто-нибудь другой, мы должны были бы отвѣтить, что оно не имѣетъ рѣшительно никакой цѣнности. Жизнь сама по себѣ есть движеніе, переходъ изъ одного состоянія въ другое, и сказать, что «особенность» русской именно жизни за послѣднее тридцатилѣтіе есть движеніе—значитъ сказать или бессмыслицу, или, въ лучшемъ случаѣ, ничего. Но въ устахъ Успенскаго это опредѣленіе приобретаетъ извѣстный и даже очень большой смыслъ и значеніе, такъ какъ оно раскрываетъ самую сущность его творческой дѣятельности.

Дѣло въ томъ, что его интересуетъ не статика явленій, а ихъ динамика, вопросъ, не что *есть*, а что *будетъ*. Задумывая новый рядъ очерковъ, онъ сообщаетъ В. М. Соболевскому, что ихъ будетъ три. Первый займется вопросомъ «что *будетъ?*» («не что дѣлать?», не «какъ жить на свѣтѣ?» — этому уже не время», прибавляетъ Успенскій въ скобкахъ). «Второй будетъ называться «что *будетъ* съ фабрикой?» Третій—«что *будетъ* съ бабой» *)? И этотъ тревожный вопросъ «что *будетъ?*» красной нитью проходитъ сквозь всѣ произведенія Успенскаго. Останавливаетъ ли онъ свое вниманіе на индивидуальныхъ характерахъ, на психической жизни отдѣльныхъ лицъ, или на социальномъ положеніи народной массы, всегда и вездѣ объектъ наблюденія интересуетъ Успенскаго не съ точки зрѣнія достигнутаго имъ въ данный моментъ равновѣсія, а съ точки зрѣнія направленія, какое онъ приметъ въ дальнѣйшемъ своемъ движеніи. Съ этой точки зрѣнія для него весь наблюдаемый имъ міръ находится въ процессѣ непрестаннаго движенія, въ «переходномъ» состояніи, и постоянная забота Успенскаго—тщательно выяснитъ въ каждомъ случаѣ взаимодействіе дѣйствующихъ силъ, и отсюда уже заключить о скорости и направленіи движенія. Въ тотъ слишкомъ тридцатилѣтній періодъ нашей жизни, который вошелъ въ сферу наблюденія Успенскаго, мы успѣли пережить моменты акціи и реакціи, прилива и отлива идейной устроительной работы; въ этотъ періодъ кореннымъ образомъ измѣнился цѣлый рядъ институтовъ, которые въ своихъ новыхъ формахъ оказали замѣтное, существенное вліяніе на старый дореформенный строй жизни. Произошло освобожденіе кре-

*) «Русск. Богатство», кн. III, 1902 г., стр. 44.

ствленъ; осуществлены были реформы судебная, земская, городская, университетская, и, несомнѣнно, каждая изъ этихъ реформъ, являясь результатомъ взаимодействия и борьбы силъ и идей *въ прошломъ*, устанавливала, хотя бы въ самый короткий моментъ, хотя бы только въ опредѣленныхъ, строго ограниченныхъ общественныхъ группахъ, равновѣсіе *въ настоящемъ*. Но Успенскій этого равновѣсія не замѣчалъ, да съ своей точки зрѣнія и не могъ замѣчать. Равновѣсіе силъ представлялось ему въ лишь отошедшемъ уже отъ него прошломъ Россіи. Тамъ, по принятой Успенскимъ предпосылкѣ, исторія постепенно создавала и, наконецъ, выработала устойчивую среду, въ которой форма и содержаніе взаимно уравнивались. И вотъ въ эту-то среду вторглась какая то новая сила, «нѣчто большое, небывалое», и вся она пришла въ броженіе, процессъ котораго и поглощалъ исключительное вниманіе Успенскаго. Сила эта — «новая правда», къ которой стали приспосабливаться одни, которую стали приспосабливать къ себѣ другіе, но самый процессъ ассимиляціи далеко еще не законченъ, и пока онъ не закончится совершенно, «образъ жизни» русскаго человѣка, по убѣжденію Успенскаго, будетъ по врежнему продолжать собою «переходное время». Для поясненія сказаннаго позволимъ себѣ слѣдующее сравненіе.

Представьте себѣ огромный аквариумъ, населенный рыбами всевозможныхъ породъ и разновидностей. Постоянная температура и качество воды, присутствіе въ ней извѣстныхъ минеральныхъ веществъ, водорослей, насѣкомыхъ и проч. создали для рыбьяго населенія аквариума опредѣленную устойчивую среду, къ которой оно въ совершенствѣ приспособилось. Не все въ аквариумѣ благополучно. Въ немъ систематически и неустанно совершается безпощадное и безжалостное истребленіе однихъ породъ другими, но внѣшнему порядку однако это обстоятельство нисколько не мѣшаетъ. Когда какая-нибудь зубастая щука бросается на приглядѣвагося ей пискаря, то этимъ ни мало не нарушается общественная тишина и спокойствіе аквариума, такъ какъ съ одной стороны, щука совершаетъ эту операцію безъ всякихъ эксцессовъ злобы и ненависти, а съ полною пристойностью существа, чувствующаго себя въ полномъ своемъ правѣ, а съ другой — и пискарь, въ трепетномъ сознаніи своего долга — служить пищевымъ довольствіемъ для сильныхъ хищниковъ, не поднимаетъ излишняго шума и не мутитъ воды. Но вотъ подошелъ кто-то и впустилъ въ аквариумъ струю какой-то острой жидкости. Среда измѣнилась. Часть вылитой кислоты, вступивъ въ химическія соединенія съ растворенными въ водѣ минеральными веществами, осаждается на днѣ и стѣнкахъ бассейна отложеніями разныхъ формъ и качествъ. Въ неясныхъ очертаніяхъ этихъ отложеній ваша фантазія можетъ различить тѣ учрежденія, земскія, городскія, судебныя и другія, которыя въ нашей общественной жизни отложила влившаяся въ нее струя «новой правды». Успенскаго собственно эти отложенія не интересуютъ. Но съ тѣмъ большимъ интересомъ онъ будетъ слѣдить за тѣмъ, какъ свободная часть кислоты дѣйствуетъ на живое населеніе аквариума, которое сразу вдругъ все вслопшилось и забродило. Щука почувствовала вдругъ приливъ новыхъ силъ, а съ ними вмѣстѣ и аппетита, и стала нервно метаться въ водѣ въ погонѣ за

крупной рыбой. Спокойный карась тоже пришелъ въ возбужденіе и началъ судорожно биться тѣломъ о стеклянныя стѣнки акваріума. Судакъ вдругъ почувствовалъ недостатокъ воздуха и всплылъ къ поверхности, высовывая голову и жадно поглощая кислородъ. Всполошилась и мелкая рыбешка, забурлила и закипѣла вода, взбаламученная наступившей въ бассейнъ суматохой. Теперь сдѣлайте рядъ моментальныхъ снимковъ... Впрочемъ нѣтъ, погодите... Бросьте раньше въ акваріумъ кусокъ квасцовъ, чтобы осадить нѣсколько муть, поднятую задвигавшейся рыбой и затемняющую зрѣлище. Влейте, пожалуй, еще нѣсколько капель кислоты, чтобы уловить на объективъ движеніе въ его наиболѣе остромъ видѣ. Теперь фотографируйте, и когда вы воспроизведете ваши снимки при помощи кинематографа на экранѣ, то эта картина возмущенной жѣмъ-то жизни акваріума даетъ нѣкоторое представленіе о той громадной панорамѣ, въ которой Успенскій воспроизвелъ русскую жизнь, послѣ того какъ въ нее вторглась «новая правда».

Нѣкоторые искусственные приемы, допущенные нами передъ фотографическимъ воспроизведеніемъ акваріума, — квасцы и нѣсколько капель кислоты, прибавленные нами въ воду для того, чтобы воспроизвести заинтересовавшее насъ явленіе въ наиболѣе чистомъ его видѣ, — могутъ напомнить намъ, что и Успенскій въ своемъ художественномъ творчествѣ являлся не спокойнымъ наблюдателемъ жизни, а экспериментаторомъ, который фиксировалъ однѣ ея стороны и отбрасывалъ другія, не переступая при этомъ, разумѣется, границъ художественной правды. Надобно прибавить только, что, производя опыты надъ жизнью, изучая силу и направленіе ея стремительнаго потока, Успенскій самъ лично былъ захваченъ этимъ потокомъ и самъ лично пережилъ наиболѣе тяжелые моменты изъ всей имъ написанной соціальной трагедіи.

Итакъ, стало быть, мы опять возвратились къ тому, съ чего начали нашу статью, сказавъ, что Успенскій это именно тотъ «большой художникъ съ большимъ сердцемъ», котораго, по его словамъ, ожидаетъ полчище *рвущаяся съ пути* народа. Онъ отдалъ этому полчищу свой талантъ, свою мысль и сердце и самъ же вмѣшался въ его нестройные ряды. Среди намѣченныхъ Успенскимъ главныхъ четырехъ-пяти фигуръ, которыя онъ считаетъ типичными для этой рвущейся толпы, не трудно установить мѣсто, и для самого писателя. Онъ намѣчаетъ: труженика мысли, погибающаго въ общемъ стремительномъ потокѣ движенія и ропщущаго на него; челоуѣка, уныло воющаго, оплакивающаго свои несовершенства и ежеминутно эти несовершенства предъявляющаго; того, кто молчитъ и думаетъ, не видя для себя никакого исхода; того, кто не умѣетъ думать, а прямо пораженъ задавленъ и разбитъ всѣмъ полчищемъ нахлынувшихъ на его бѣдную голову мыслей; того, наконецъ, который ломаетъ въ себѣ все не идущее къ задачѣ, считаемой имъ за подлинное дѣло. Люди этого послѣдняго типа опредѣляются имъ въ другомъ мѣстѣ, какъ работники, взявшіеся за работу потому, что некому, потому, что *надо* стоять на этой работѣ кому нибудь, ставшіе на работу потому что *нельзя* не работать, *нельзя* не служить дѣлу, для котораго еще нѣтъ настоящихъ работниковъ. Около этихъ главныхъ фигуръ группируется безчисленное множество разновидностей: «одинъ не востъ

вслухъ, востъ внутри себя, другой хотя и чувствуетъ, что его несетъ, сѣрвало, но не показывается виду, а притворяется, будто даже очень радъ, хотя и тотъ и другой въ сущности испытываютъ тоже, что и тѣ, которые воплями и ропотомъ не церемонясь оглашаютъ каждый шагъ, дѣлаемый ими на новомъ пути. Все это—какъ разновидности, такъ и главные представители разновидностей—все это составляетъ ту массу идущаго по новому пути народа, который загнанъ на этотъ путь неожиданно ставшими необходимою идеями простоты и правды» *).

Даже среди этихъ слегка, лишь самыми общими контурами, очерченныхъ фигуръ, изъ которыхъ состоятъ сорвавшееся съ пути подчище, замѣтно бросаются въ глаза люди того типа, для котораго появленіе «новой правды» во всякомъ случаѣ не могло быть неприятнымъ. Въ какомъ-же направленіи двинулись они и былъ ли успѣшенъ ихъ новый путь? Увы! Движущая панорама Успенскаго и для этихъ людей рисуетъ недобрыя перспективы. «Одинъ—лишеть онъ—рванулся къ свѣту и съ ужасомъ увидалъ, что онъ безъ ногъ, что какъ бы онъ ни желалъ идти—онъ не можетъ сдѣлать шагу... Другой вдругъ нежданно-негаданно увидалъ и узналъ, что вмѣсто сердца у него деревяшка или пустое мѣсто, а жизнь какъ нарочно потребовала сердца, да еще какого большого!.. Правда и совѣсть нежданно-негаданно, среди заматорѣлой безсовѣстности, среди прочно укрѣпившейся, довольной, покойной неправды, точно прикосновеніе свѣжаго воздуха къ трупамъ, произвели разложеніе этихъ труповъ, которые до сего времени почти невредимо сохранялись въ лишенномъ воздуха мѣстѣ... Толпы этихъ невинно-убіенныхъ совѣстью людей, буквальне толпы неслись въ моемъ воображеніи, не прекращая своего мрачнаго шествія ни на минуту и не обѣщая конца... Да, подумалъ я, еще долго, бесконечно долго, еще въ большомъ количествѣ поколѣній будутъ отдаваться слѣды въковой неправды».

Въ конечномъ итогѣ этого непрерывнаго броженія, гдѣ то тамъ, въ туманной и загадочной дали встревоженная мысль художника рисовала себѣ свѣтлый образъ богини, потрясающій строгимъ спокойствіемъ мрамора. Но вѣдь это только конечный итогъ, идеаль, а для восстановленія нарушеннаго равновѣсія требовалась въ дѣйствительности, въ настоящемъ, хоть на минуту найти что-нибудь неизломанное, дѣльное, остановившееся, на чемъ могъ бы отдохнуть утомленный взоръ. «Я Богъ знаетъ что бы далъ въ эту минуту—восклицаетъ Успенскій, измученный окружающей его неуравновѣшенностью—если бы пришлось увидать что-нибудь настоящее, безъ прикрасы и безъ фиглярства: какого-нибудь стариннаго становаго, вѣрнаго искреннему призыванію своему брестая и обдирать каналій, какого-нибудь подлиннаго шарлатана, полагающаго, что съ дураковъ слѣдуетъ хватать рубли за заговоръ отъ червей, словоиъ, какое-нибудь подлинное невѣжество—лишь бы оно считало себя справедливымъ». И авторъ не шутитъ. Зрѣлище уравновѣшенной личности создаетъ ему возможность нѣкотораго отдыха и покоя даже въ такихъ случаяхъ, въ

*) «Соч. Гл. Успенскаго», т. I, стр. 525.

какихъ другіе, болѣе уравновѣшенные люди ничего ни привлекательнаго, ни успокоительнаго не найдутъ. Рассказывая, напримѣръ, о своихъ заграничныхъ впечатлѣніяхъ, авторъ утверждаетъ, что «въ концѣ концовъ—какъ бы ни было дурно то, что попадаетъ вамъ на глаза,—*на душѣ будетъ хорошо* *). Дальше онъ рассказываетъ о томъ, какъ Берлинъ насквозь пропитанъ духомъ милитаризма, повсюду шевелятся усы, одни другимъ честь отдають и проч. О Парижѣ, въ которомъ всё «порядки приведены въ большую огромность», онъ рассказываетъ, какъ во имя этой «огромности» члены военного суда являются настоящими звѣрями, ими же остаются и въ перерывахъ засѣданія и по окончаніи суда, даже при видѣ обездоленной ими семьи подсудимаго. Ничего хорошаго, какъ видите, ни о Берлинѣ, ни о Парижѣ мы не узнали отъ автора, но у него самого на душѣ хорошо отъ этихъ впечатлѣній, потому что онъ имѣлъ случай увидѣть и «подлинныхъ» станowychъ и «подлинныхъ» шарлатановъ. Въ солдатскомъ Берлинѣ «существеннѣйшая» для Успенскаго вещь—«это полное *убѣжденіе* въ своемъ дѣлѣ, въ томъ, что бычачьи рога вмѣсто усовъ есть красота почище красоты Клены Прекрасной». Въ Парижѣ у него на душѣ стало хорошо потому, что въ судьяхъ, разстрѣливавшихъ коммунаровъ, онъ усмотрѣлъ присутствіе «подлинной ненависти», замѣтилъ, что они «дѣйствительно злы и дѣлають такъ, а не иначе, именно потому, что злы».

«Подлинность», какъ устойчивая форма, въ которую отливаются люди или среда въ результатѣ предварительнаго броженія, давала Успенскому короткіе моменты отдыха и покоя, совершенно независимо отъ ея содержанія. И мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что его симпатіи къ большимъ героямъ на маленькія дѣла **), симпатіи, вызвавшія въ литературѣ даже обвиненія по адресу Успенскаго въ апологіи малыхъ дѣлъ, въ сущности исходятъ изъ тѣхъ же мотивовъ, изъ которыхъ вытекаетъ его удовольствіе при видѣ «подлинныхъ» станowychъ, шарлатановъ, берлинскихъ солдатъ и парижскихъ судей. Маленькіе культуртрегеры Успенскаго уже вышли изъ «общаго стремительнаго потока жизни»; изъ «новой правды» они извлекли для себя какую-то крохотную крупницу, ассимилировали ее и этимъ удовлетворились. Они сдѣлались «подлинными», т.-е. уравновѣшенными, и этимъ своимъ свойствомъ привлекли и даже, быть можетъ, обманули Успенскаго. Но что, во всякомъ случаѣ, они остались для него, точно также какъ и подлинный становой, чужими, это видно изъ того, что даже въ художественномъ его олицетвореніи они не подчиняють себѣ настроенія читателя, и какой-нибудь уравновѣшенный «иностронецъ» («Три письма») никогда не станетъ такъ близокъ намъ, какъ тѣ равнообразныя измученныя, истерзанныя фигуры, въ которыхъ мы чувствовали хоть маленькую частицу самого дорогаго намъ автора.

Когда человѣкъ мчится на утлой ладѣ среди бушующихъ волнъ, когда кругомъ него разстилается утомительная безбрежность одной взволнованной

*) «Соч. Гл. Успенскаго», т. I, стр. 708.

**) См., напримѣръ, очерки: «Три письма», «Хочешь—не хочешь» и др.

стихи, те внезапное зрѣлище самаго скуднаго оголеннаго островка способно потрясти и увлечь его. Это рай, потому что это земля! Тамъ, у конечной кѣли монахъ странствованій «будеть у меня мой собственный рай, да еще лучше этого!.. Не какъ еще ужасно, ужасно далеко это время!»—воскликаетъ Успенскій: «Когда-то еще его (мое) мертвое животное, локомотивъ, достигнеть повертливости любой деревенской кобыленки! Когда-то еще его (мое) упорное желаніе летать птицей осуществится хоть въ приближительныхъ размѣрахъ того совершенства, которымъ уже обладаетъ галка, обладаетъ такъ, безъ всякихъ усилій съ своей стороны, а просто такъ... галка такъ галка и есть, *езла* да и полетѣла! А Надары еще лѣтъ тысячу будутъ разбивать себѣ головы и тонуть въ моряхъ, прежде нежели добьются умѣнья произвольно перелетать съ крыши на крышу» *)... И вотъ рай настоящій, существующій представился взору Успенскаго въ деревнѣ, подъ «властью земли». Еще такъ недавно онъ въ «адскомъ душевномъ настроеніи» бѣжалъ изъ деревни, онъ бѣжалъ съ такой стремительностью, что «вмѣсто трехъ часовъ ночи, какъ бы слѣдовало, уѣхалъ на станцію въ 11 ч. вечера, рѣшаясь сидѣть болѣе шести часовъ безъ дѣла въ ожиданіи поѣзда», лишь бы только «не думать о деревнѣ, освободиться хоть на время отъ этой бесплодной муки». А теперь онъ увидѣлъ здѣсь рай, и что самое главное,—не мужикомъ созданной рай (о *созданіи* рая хлопочетъ и мучится интеллигентъ), а тотъ *готовый*, въ которомъ жилъ человекъ до грѣхопаденія. Оказалось, что мужикъ—«это тотъ человекъ, исторій, по изгнаніи изъ рая непокорнаго собрата, предпочелъ остаться тамъ... сказавъ себѣ: «ладно и такъ». И онъ остался въ готовомъ раю, рассчитавъ, что лучше «повиноваться»... Сказано: «не касайся древа *знанія!*»—онъ и не касается... И до сихъ поръ не касается... И ничего! Живеть! И всѣ звѣри и птицы служатъ ему и покоряются; куры несутъ яйца, свиньи предоставляютъ перосать, кобыленки дарятъ готовыми локомотивами, бабочки приносятъ цвѣточную пыль, пчела передѣлываетъ ее въ медъ, черви вырабатываютъ черноземъ. И въ этомъ раю онъ только исполняетъ, что ему опредѣлено, довольствуясь *готовымъ* умомъ природы, и выходитъ въ его жизни также почти все стройно, хорошо, удивительно, какъ все удивительно хорошо въ природѣ: какъ *чѣтокъ*, какъ галка, какъ пчела... **)

Словомъ, среди бушующаго океана Успенскій увидѣлъ островокъ, жизнь котораго опредѣлялась своей особенной «зоологической правдой». Хозяину этого островка—мужику—живется *легко*, потому что онъ, «ни за что не отвѣчая, ничего не придумывая», только прислушивается къ голосу природы и беспрекословно ему повиноватся. Та «новая правда», которая внесла столько броженія въ наблюдавшуюся доселѣ Успенскимъ жизнь, сюда еще не проникла. Она, по вѣщью Успенскаго, и не можетъ проникнуть сюда, такъ какъ «вспреложность

*) «Соч. Гл. Успенскаго», т. II, стр. 683.

**) Ibid., стр. 685.

и послѣдовательность» взглядѣвъ безсознательнаго исповѣдника «зоологической правды» — мужика разрушаетъ всякую попытку ея пропаганды здѣсь; онъ, мужикъ, даже «совершенно устраняетъ съ поверхности земнаго шара» носителей новой правды со всеѣми ихъ книжками, газетными лохмотьями, со всеѣмъ гуманствомъ. «Подлинность» выглядывающаго изъ-за этихъ строкъ мужика не подлежитъ никакому сомнѣнію. Если-же вмѣстѣ съ «подлиннымъ» становымъ и «подлинный» мужикъ Успенскаго всецѣло являются продуктами варварскаго состоянія Руси, соответствующаго самой примитивной степени развитія ея производительныхъ силъ, то увлеченія его этими отстоявшимися «подлинностями» мы не должны ставить ему на счетъ. Не надо забывать, что Успенскій былъ художникомъ броженія по преимуществу, — къ этому влекли его не только особенности его времени, но и личныя свойства его характера. На «подлинностяхъ» же онъ останавливался только для короткаго отдыха и любовался ими исключительно издали, «со стороны», и когда подходилъ къ нимъ вплотную, то и въ нихъ онъ отыскивалъ все тѣ-же близко знакомые ему признаки начинавшагося броженія. Такъ и въ густомъ частоколѣ обрѣтеннаго Успенскимъ рай скоро оказались прорѣхи, черезъ которыя на «подлиннаго» мужика подулъ разрушительный для его «зоологической правды» вѣтеръ: «рубль... свистъ машины... и глядишь — *образчикъ будущаго развалился прахомъ!*..»

Когда вы принимаетесь читать произведенія Успенскаго, то непрежѣнно попадаете вмѣстѣ съ авторомъ въ водоворотъ самыхъ разнообразныхъ настроеній. Часто, начиная чтеніе, вы смѣтаетесь — авторъ предлагаетъ вашему вниманію сплетеніе комическихъ эпизодовъ и подробностей. Вы читаете дальше — комическія подробности слагаются въ драму, и вы испытываете даже чувство душевной неловкости за вашъ недавній смѣхъ. Узелъ драмы затягивается, и вы съ трепетнымъ чувствомъ слѣдите за дальнѣйшими, часто мучительными ея перипетіями. Но вотъ герой, съ которымъ авторъ незамѣтно связалъ васъ тонкими звеньями сочувствія, гибнетъ или просто отходитъ отъ васъ въ концѣ вдругъ оборвавшагося очерка или разсказа, и въ душѣ вашей остается тяжелый осадокъ, вы какъ будто присутствовали только что на похоронахъ близкаго вамъ человѣка. И какъ много здѣсь этихъ сдѣлавшихся вамъ близкими людей, гибнущихъ или явно обреченныхъ на гибель часто за то лишь, что они *сознали* присутствіе въ себѣ старой неправды!.. Но какъ только вы отложили книгу въ сторону, какъ только въ вашемъ сознаніи стали сглаживаться наиболѣе острые моменты только что прочитанной потрясающей драмы, вы чувствуете, что въ душу вашу проникаетъ новое — свѣтлое, бодрое настроеніе; оно растетъ, крѣпнетъ и, наконецъ, становится господствующимъ. Вы чувствуете, что силы ваши ободрились, напряглись, и, подобно Тапушкину, охваченному радостными воспоминаніями луврскаго видѣнія, вы сами готовы... «такую сдѣлать «овацію» волостному старшинѣ Полуптичкину, что онъ у васъ обѣими руками начнетъ строчить донесенія!..» Эта метаморфоза, происшедшая въ вашемъ настроеніи, вполне естественна и необходима. Заставивъ васъ лично окупнуться въ «стремительный потокъ жизни», лично пережить и перечувствовать его

странную разрушительную силу, Успенскій въ то-же время успѣлъ передать вамъ и свою глубокую вѣру въ «какое-то бесконечно свѣтлое будущее». Равновѣсіе стараго, вѣками слагавшагося дореформеннаго строя жизни, мысли; и чувствъ нарушено окончательно и безповоротно. Въ жизнь вторглись новыя идеи простоты и правды, и силою ихъ только и создается рядъ драматическихъ положеній для этой разношерстной толпы. Пока еще она мечется, страдаетъ во пменно «своими глубокими страданіями, своимъ глубокимъ негодованіемъ свидѣтельствуетъ о томъ, что эти новыя идеи, эти новыя потребности сердца прошли, вотъ тутъ гдѣ-то, и *идутъ все ближе и ближе*. Можно на нихъ лаять, можно *отъ нихъ* рваться, можно *ихъ* опровергать, можно на нихъ просто плевать, притворяться, что не видишь, можно просто не видать ихъ, но лаять, негодовать, бѣжать, опровергать, словомъ продѣлывать все вышеизображенное «безъ нихъ»—никакъ ужъ невозможно *)).

Вл. Кранихфельдъ.

*) Ibid., т. I, стр. 525.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

Н а р о д и н ѣ.

Изъ провинціальныхъ мотивовъ. Нашъ извѣстный писатель, Вл. Г. Короленко, проживающій въ Полтавѣ, гдѣ онъ работаетъ, какъ своевременно было сообщено въ печати, надъ обширнымъ и давно задуманнымъ литературнымъ трудомъ, недавно выступилъ въ «Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» съ разъясненіемъ по слѣдующему поводу: 25-го декабря городская дума устроила для учащихся въ городскихъ школахъ елку. Дѣти провели вечеръ въ большомъ оживленіи и подъ конецъ ожидалась обычная въ такихъ случаяхъ раздача подарковъ, приготовленныхъ по числу дѣтей. Однако, между приглашенными оказался гость, инспекторъ 1-го района, который нарушилъ радостное настроеніе дѣтей весьма несвоевременнымъ и немотивированнымъ вмѣшательствомъ при раздачѣ подарковъ, отложивъ въ сторону всѣ тѣ книжки, на которыхъ, кромѣ обычнаго цензурнаго разрѣшенія, не стояло особаго штемпеля о допущеніи этихъ книжекъ въ ученическія бібліотеки народныхъ училищъ и народныхъ читаленъ. Тщетно хозяева указывали своему гостю, принявшему на себя столь неблагодарную по отношенію къ дѣтямъ роль, что всѣ книги для дѣтскаго чтенія прошли общую цензуру, продаются во всѣхъ магазинахъ и слѣдовательно доступны каждому желающему ихъ приобрести, строгій гость остался trouble-fete'омъ, лишивъ значительную часть дѣтей елочныхъ подарковъ. В. Г. Короленко, присутствовавшій также въ качествѣ гостя на праздникѣ, рассказалъ этотъ эпизодъ, съ присущимъ талантливому писателю отгѣнкомъ юмора, въ корреспонденціи, помѣщенной въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», подписавъ ее литерами В. К. Теперь «Русскія Вѣдомости» сообщаютъ нижеслѣдующее:

«Помѣщенный въ № 78-мъ «Русскихъ Вѣдомостей» фельетонъ «Изъ провинціальныхъ мотивовъ» привелъ въ негодованіе инспектора народныхъ училищъ Полтавской губерніи, г. И. Панаженка. Вмѣсто того, чтобы направить, какъ это дѣлается обыкновенно, опроверженіе невѣрнаго, по его мнѣнію, сообщенія въ ту газету, гдѣ былъ напечатанъ фельетонъ, г. Панаженко привлечь его автора къ допросу съ пристрастіемъ на страницахъ «Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», помѣстивъ въ № 70-мъ этой газеты слѣдующее письмо въ редакцію:

«Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Русскихъ Вѣдомостей» за текущій мѣсяць какимъ-то полтавскимъ обывателемъ напечатана корреспонденція подъ заглавіемъ «Изъ провинціальныхъ мотивовъ», касающаяся, между прочимъ, школьной елки, устроенной въ Полтавѣ городской управой въ первый день минувшихъ рождественскихъ праздниковъ для учащихся въ городскихъ училищахъ.

«Въ ней истина настолько извращена, а я, какъ должностное лицо, такъ глубоко и незаслуженно оскорбленъ, что нахожу себя вынужденнымъ заявить печатно, что неизвѣстный мнѣ авторъ (корреспонденція подписана инициалами В. К.), незнакомый, очевидно, съ законоположеніями о народныхъ училищахъ и защищающій въ сущности хозяйничанье въ чужомъ огородѣ, на елкѣ самъ не присутствовалъ, а описалъ ее по чужимъ впечатлѣніямъ, легкомысленно довѣрившись клеветѣ и злорѣчію.

«И въ самомъ дѣлѣ: если бы авторъ присутствовалъ, то не могъ бы конечно не замѣтить отсутствія образовательно-воспитательнаго и эстетическаго элемента на елкѣ, устроенной, кстаті сказать, безъ вѣдома и участія тѣхъ лицъ, коимъ поручено завѣдываніе этой стороною школьнаго дѣла, и не могъ бы утверждать, будто «елка удалась превосходно», будто я, «вступивъ въ отправленіе своихъ обязанностей, остановилъ раздачу дѣтямъ книгъ и сталъ ихъ просматривать» и тѣмъ вызвалъ будто бы «крайнее замѣшательство и самое тяжелое недоумѣніе». Я утверждаю, что раздача дѣтямъ книгъ на елкѣ была для меня полной неожиданностью, ибо я узналъ объ этомъ только за нѣсколько минутъ до раздачи, что просматривать книги я сталъ также до раздачи, а когда она началась, то производилась безъ перерыва и безъ всякаго замѣшательства среди дѣтей и ихъ учительницъ. Я утверждаю, что живописно нарисованная авторомъ корреспонденціи картина всеобщаго смущенія съ «нотупленными глазами учительницъ» и «недоумѣлыми взглядами дѣтей» есть плодъ его фантазіи. Далѣе, если бы авторъ присутствовалъ на елкѣ и видѣлъ тогда же книги, выдѣленные мною для возвращенія городской управѣ, то не сталъ бы указывать, напримеръ, на «Смерть Шарика», какъ на книгу, признанную мною будто бы непригодною для дѣтскаго чтенія.

«Такъ или иначе, но оставляя пока въ сторонѣ обстоятельную оцѣнку названной корреспонденціи, нынѣ въ цѣляхъ полнаго выясненія истины я взываю къ чувству чести автора, позволившаго себѣ глумиться моимъ именемъ и прошу его открыть свое имя и на этихъ же страницахъ отвѣтить мнѣ, присутствовалъ ли онъ на описанной имъ елкѣ. Умолчаніе сочту за поводъ утверждать, будто авторъ способенъ кидать грязью только изъ-за угла.

«Инспекторъ народныхъ училищъ *И. Панаженко*.

«Авторъ фельетона, В. Г. Короленко, исполнилъ желаніе г. Панаженка, помѣставъ въ № 77-мъ «Полт. Губ. Вѣд.» слѣдующее:

«Въ 70-мъ номерѣ «Полт. Губ. Вѣд.» я (признаюсь, не безъ удивленія) прочелъ письмо инспектора народныхъ училищъ, г-на И. Панаженка, вызванное известнымъ «инцидентомъ на елкѣ» и моей замѣткой по этому поводу (въ № 78-мъ «Русскихъ Вѣдом.»). Въ письмѣ этомъ г. И. Панаженко требуетъ,

съ нѣкоторой даже строгостью, чтобы я сообщилъ (и при томъ непремѣнно на страницахъ «Полтавскихъ Вѣдомостей») свою полную фамилію. Я могъ бы сказать, что считаю это требованіе совершенно неосновательнымъ. Законъ даетъ г-ну Панаженку возможность найти (посредствомъ обращенія къ суду) лицо, отвѣтственное за сообщеніе факта; затѣмъ, дѣло не въ фамиліи автора, а въ самомъ фактѣ; наконецъ, мнѣ трудно повѣрить, чтобы въ небольшомъ городѣ, какъ Полтава, инициаловъ имени и фамиліи не было достаточно для точнаго установленія личности автора, да и вообще терминъ «изъ-за угла» едва ли приложимъ къ гласному сообщенію о вѣсѣмъ извѣстномъ событіи. Какъ бы то ни было, однако, я готовъ исполнить желаніе г-на Панаженка и на вызовъ, сдѣланный мнѣ на страницахъ «Полтавскихъ Вѣдомостей», имѣю отвѣтить г-ну Панаженку слѣдующее:

«Прежде всего самый фактъ. 25-го декабря прошлаго года въ зданіи для просвѣдительныхъ цѣлей была устроена городской управой елка для учащихся въ городскихъ училищахъ. Г-нъ инспекторъ былъ приглашенъ на нее въ качествѣ гостя. Когда началась раздача подарковъ и книгъ, г-нъ Панаженко счелъ нужнымъ приостановить выдачу нѣкоторыхъ изъ нихъ (около 70-ти), вслѣдствіе чего часть дѣтей книгъ не получила.

«Что же собственно опровергаетъ г. Панаженко? Прежде всего онъ упрекаетъ меня въ незнаніи «законоположеній». Это очень можетъ быть, и точное указаніе г. Панаженко на законы, которые бы воспрещали раздачу на елкѣ книгъ, дозволенныхъ къ обращенію въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ (да еще послѣ строгаго выбора компетентными людьми), могло бы содѣйствовать если не опроверженію факта, то разъясненію самаго вопроса. Боюсь, однако, что г. Панаженко самъ смѣшиваетъ «законоположенія», публикуемыя ко всеобщему свѣдѣнію и исполненію, съ «циркулярами» тѣхъ или другихъ инстанцій, всегда требующими въ примѣненіи особеннаго такта. Вся цѣль моей замѣтки состояла именно въ указаніи на это (очень распространенное) смѣшеніе понятій, и кажется мнѣ, что своимъ письмомъ г. Панаженко только еще разъ наглядно иллюстрировалъ мою мысль.

«Вообще я не могу понять, въ чемъ собственно г. Панаженко усматриваетъ нанесенное ему мною оскорбленіе. Основнаго факта онъ не отрицаетъ, и тѣ немногія возраженія, которыя онъ приводитъ, касаются лишь его послѣдствій. Такъ, г. Панаженко утверждаетъ, что картина замѣшательства и смущенія, нарисованная въ замѣткѣ, есть лишь «плодъ фантазіи автора». Я, конечно, могъ бы сказать, что г. Панаженко, весь погруженный въ сортировку книгъ, могъ и не замѣтить впечатлѣнія, которое это производило на окружающихъ, что затѣмъ невѣроятно, чтобы такое внезапное внимательство и публичное изгнѣтіе «недозволенныхъ» книгъ могло обойтись безъ замѣшательства и смущенія. Однако у меня есть и болѣе убѣдительныя доказательства. По этому спорному пункту мы имѣемъ три показанія *). Первое гласитъ, будто «нѣ-

*) Въ официальной бумагѣ 5-го февраля, № 1336, имѣющейся въ дѣлахъ городской управы.

которые лица» проявили «явное недовольство и возбужденіе и, что г. инспекторъ увидѣлъ себя вынужденнымъ во избѣжаніе «сенсаци» «оставить залу праздника и неодобренныя (sic) книги въ рукахъ товарища городского головы». Показаніе это официальное, принадлежитъ г. Панаженку и, кажется мнѣ, значительно преувеличиваетъ дѣйствительность. Второе (печатное) показаніе гласитъ, что не было уже ни замѣшательства, ни даже «потупленныхъ глазъ», ни недоумѣлыхъ взглядовъ. Оно (увы!) принадлежитъ тому же г. Панаженку и, кажется мнѣ, уже слишкомъ ослабленнымъ. Между этими крайними противоположностями мое скромное среднее мнѣніе, не констатирующее никакого возбужденія, а лишь ту самую «сенсацию», возможность которой «предвидѣлъ» и самъ г. Панаженко, — кажется мнѣ, — приобретаетъ силу полной доказательности.

«Мнѣ остается еще отвѣтить (на вопросъ г. И. Панаженка), что я, благодаря любезному приглашенію распорядителей, на елкѣ присутствовалъ лично и видѣлъ самъ «изъятія» книги. Что касается злополучнаго «Шарика», то это скромное животное, очевидно, ускользнуло теперь изъ памяти г. Панаженка, потому что находится подъ одной обложкой съ «Великодушнымъ Голиаомъ», несомнѣнно попавшимъ въ число изъятыхъ *).

«Кажется все. Считаю излишнимъ спорить съ г. Панаженкомъ по вопросу объ удачѣ или неудачѣ елки. Я и не описывалъ особеннаго «порядка» и дидактичности, а говорилъ, наоборотъ, о бившемъ черезъ край дѣтскомъ веселѣ, которое вначалѣ даже озадачило учительницъ. По моему, это юное веселье и есть «удача». По мнѣнію г. Панаженка, это—лишь предосудительный беспорядокъ. Дѣло взгляда, — какъ и другое наше разнорѣчіе: я полагаю, что все прямо не запрещенное слѣдуетъ считать дозволеннымъ. Такъ думаютъ многіе, и въ этомъ главная тема моей статьи. Г. Панаженко съ этимъ не согласенъ и, повидимому, держится мнѣнія, которое я стараюсь опровергнуть, — что, наоборотъ, все не получившее спеціальнаго «одобренія» считается запрещеннымъ, и такимъ образомъ рекомендаціи нѣкоторыхъ книгъ для библиотекъ означаетъ запрещеніе всѣхъ остальныхъ на елкахъ. Точно также мы расходимся съ г. Панаженкомъ во взглядѣ на вопросъ: кто собственно «распоряжался въ чужомъ огородѣ» 25-го декабря. Можетъ быть, я и ошибаюсь, но продолжаю думать, что для мѣстнаго общества (и, значитъ, для его представителей) учащаяся дѣти, его собственныя дѣти, ни въ какомъ отношеніи съ «чужимъ огородомъ» сравнимы быть не могутъ. Къ сожалѣнію, г. Панаженко и по этому вопросу думаетъ иначе.

«Надѣюсь, послѣ всего сказаннаго я могу со всею подобающей вѣжливостью возвратитъ въ полное распоряженіе г. Панаженка нѣкоторыя слова, въ родѣ «легкомыслія», «клеветы», «виданія грязью» и т. д., которыя онъ счелъ возможнымъ употребитъ по моему адресу. Не прибѣгая, съ своей стороны, къ

*) Полное заглавіе брошюрки: «Звѣри и люди»—I. «Великодушный Голиаъ». рассказъ Ю. Везродной. II. «Смерть Шарика», рассказъ съ французскаго. № 204, Москва, 1897 г.

подобнымъ выраженіямъ, позволю себѣ только напомнить г. Панаженку, что слова эти очень «острыя» и требуютъ осторожнаго обращенія.

«Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ уваженіи *Влад. Короленко*».

Изъ старыхъ провинціальныхъ мотивовъ. Книга, съ такимъ усердіемъ вытѣсняемая изъ современнаго обывательскаго обихода, «въ доброе старое время» пользовалась часто настолько добрымъ расположеніемъ, что находила даже на крайнихъ верхахъ провинціальной администраціи усердныхъ поклонниковъ и даже распространителей. «Саратовскій Дневникъ» извлекъ изъ нѣдръ мѣстнаго архива два характерныхъ въ этомъ смыслѣ «дѣла».

Въ саратовской городской думѣ 30-го іюня 1805 года (въ составѣ городского головы Осипа Горбунова и гласныхъ: Григорія Калентьева, Ивана Винокурова, Степана Масленикова, Ивана Устинова и Василя Кузнецова) слушали предписаніе г. губернатора Петра Ульяновича Бѣлякова «о приобрѣтеніи выписаннаго имъ для любопытства (sic!) и вольной продажи сочиненія подъ названіемъ: «Путешествіе по Саксоніи, Австріи и Италіи», въ количествѣ 20 экземпляровъ, по 6 рублей за экземпляръ, всего на сумму 120 рублей, приказали: деньги 120 руб. немедленно отправить къ его превосходительству, взявъ оныя изъ городскихъ доходовъ, а полученные книги передать гласному Устинову съ роспискою и велѣть ему сіе любопытное сочиненіе продавать съ надбавкою по 10 коп. на рубль, т.-е. по 6 руб. 60 коп. за каждую книгу, а сколько и когда продано будетъ, о семъ думу увѣдомить. А дабы о сей продажѣ вѣдомо было по городу, чрезъ градскую полицію оповѣстить жителей».

Тѣмъ не менѣе это «любопытное сочиненіе», несмотря на содѣйствіе даже полиціи, не бойко расходилось по городу: въ два мѣсяца Устиновъ успѣлъ продать всего только 5 экземпляровъ. «Болѣе же охочихъ людей изъ здѣшняго купечества купить сіе «Путешествіе» никого не объявилось,—какъ докладывалъ Устиновъ объ этомъ въ августѣ мѣсяцѣ думѣ,—послику тѣ страны, о коихъ говорится въ семъ «Путешествіи», въ дальнемъ разстояніи отъ Саратова,—добавляетъ Устиновъ,—и никакой торговли съ ними здѣшнее купечество не производитъ». Ничего не оставалось дѣлать, какъ остальные 15 экземпляровъ, по обоюдному между собою согласію, разверстать среди членовъ думы, причемъ на долю городского головы Горбунова пришлось заплатить за 4 экз., Масленикова и Устинова—за 6, Кузнецова и Калентьева—за 4 и Винокурова—за 1 экземпляръ. Деньги были внесены въ городскую кассу, о чемъ дума почтительнѣйше и донесла его превосходительству.

Но эта не совсѣмъ удачная комиссіонная операція по книжной торговлѣ не остановила, однако, губернатора Бѣлякова въ его дальнѣйшемъ стремленіи такимъ же путемъ насаждать просвѣщеніе среди саратовцевъ.

Въ городской думѣ 20-го декабря 1805 года (составъ гласныхъ тотъ же) слушали предложеніе г-на губернатора П. У. Бѣлякова такого содержанія: «Издатели «Санктпетербургскаго Журнала» приемятъ на себя продолжать оный и въ будущемъ 1806 году, а потому всемирно стараться содѣйствовать его распространенію, подобно тому, какъ и въ прошедшихъ годахъ сіе было сдѣ-

лено съ совершенною благодарностью отъ издателей. Изъ доставленнаго же объявленія видно, что издаваемый на 1806 годъ «С.-Петербургскій Журналъ», сверхъ извѣстной пользы, будетъ заключать всё интересное для любителей просвѣщенія свѣдѣнія. Препровождая при семъ въ думу два экземпляра таковыхъ объявленій, надѣюсь, что члены думы, будучи предубѣждены пользою «С.-Петербургскаго Журнала», возжелаютъ непремѣнно имѣть оный и не оставятъ употребить мѣръ къ извѣщенію о семъ и прочаго купечества и мѣщанства, дабы чрезъ сіе посредство умножить число желающихъ имѣть полевное сіе изданіе. Слѣдующіе за журналъ деньги, 15 рублей съ полупроцентами доставятъ ко мнѣ. Впрочемъ, если выписывавшіе въ прошедшемъ году «Спб. Журналъ» не получили онаго въ настоящее время, то они увидятъ причину въ объявленіи, что медленность происходила отъ исправленія типографіи (sic!), чего уже въ будущемъ 1806 году не будетъ»... приказали: «предложеніе завести дѣломъ и съ приложеніемъ объявленія дать о семъ знать чрезъ базарныхъ старостъ купечеству и мѣщанству».

Много ли нашлось охотниковъ выписывать журналъ на 1806 годъ, особенно изъ тѣхъ, кои не получили его въ 1805 г.,— неизвѣстно.

Подобныхъ фактовъ «въ доброе старое время» можно во множествѣ указать и не въ одномъ только Саратовѣ. Дѣйствія подобнаго рода носили названія «просвѣщеннаго абсолютизма» и въ большинствѣ случаевъ заканчивались довольно курьезно.

Обывательская цензура. Въ каждомъ русскомъ городѣ, имѣющемъ собственную газету, имѣется, какъ обязательное въ ней дополненіе, болѣе или менѣе сильная и сплоченная обывательская клика, у которой есть достаточно оснований враждовать съ гласностью. Клика эта обыкновенно не стѣсняется въ средствахъ, чтобы измытъ ненавистныхъ имъ литераторовъ—«газетчиковъ», а съ ними вмѣстѣ и газету. До сихъ поръ отъ этой клики приходилось защищаться только «газетчикамъ», но теперь, оказывается, она доняла и цензоровъ. Вотъ два характерныя «письма въ редакцію», напечатанныя почти одновременно въ газетахъ, издающихся въ двухъ разныхъ и ничего между собою общаго не имѣющихъ городахъ.

Письмо № 1, напечатанное въ «Уралѣ».

«М. г.! Неоднократно приходилось мнѣ слышать, что лица, даже принадлежаща къ несомнѣнно интеллигентному классу общества, винятъ цензуру въ томъ, что она разрѣшаетъ къ печати статьи, которыя бывають часто неприятны и обидны для тѣхъ или другихъ лицъ и основательность которыхъ подлежитъ сомнѣнію.

«Для предотвращенія такихъ обвиненій, ненадлежаще направляемыхъ, считаю долгомъ сослаться на законъ, который гласитъ слѣдующее: «Цензура не имѣетъ (курсивъ мой) права входить въ разборъ справедливости или несостоятельности частныхъ мнѣній и сужденій писателя, если только оныя не противны общимъ правиламъ цензуры...» (зак. о печати, ст. 111).

Сопоставляя приведенную статью съ законами о печати вообще, приходишь къ слѣдующему выводу: законъ, возлагая на цензора обязанность не разрѣшать

къ печати статей, содержащихъ мнѣнія и сужденія, закономъ предусмотрѣннымъ, требуетъ въ то же время отъ него, цензора, быть, такъ сказать, объективнымъ и безучастнымъ зрителемъ схватки между печатнымъ органомъ, какъ служителемъ общественныхъ интересовъ, и лицами, къ тому или другому обществу принадлежащими. Если же обличительныя статьи его построены на ложныхъ основаніяхъ, то въ распоряженіи лицъ, противъ которыхъ статьи направлены и причиняютъ имъ неприятность, обиду, оскорбленіе и проч., имѣются законныя способы самозащиты. Цензоръ же защитникомъ такихъ лицъ, если бы даже онъ искреннѣйше и желалъ этого, быть не можетъ, потому что по ст. 111 зак. о печати онъ «не имѣетъ права входить въ разборъ справедливости или неосновательности мнѣній и сужденій автора».

Подписано: Цензурующей газету *Бесѣдъ*. Въ Никольскѣ-Уссурійскомъ обывательская клика не только «винить» цензора, но даже не стѣсняется застрашивать его «скорымъ вылетомъ вонъ со службы» за яко бы послабленія, оказываемыя имъ «газетчикамъ». Впрочемъ, вотъ цѣликомъ письмо (№ 2) въ редакцію «Никольско-Уссурійскаго Листка», откуда читатель самъ можетъ судить о настроеніи уссурійскаго обывателя.

«М. г.! Очень многія лица обращаются ко мнѣ, какъ цензору «Листка», съ разными грозными требованіями дать имъ объясненіе: на какомъ основаніи мной пропускаются замѣтки или статьи, въ которыхъ задѣто чье-либо самолюбіе или невѣрно, по ихъ мнѣнію, освѣщены факты или событія. Нѣкоторые субъекты, не стѣсняясь, шлютъ по моему адресу угрозы воспретить мнѣ пропускать замѣтки обличительнаго характера, а другіе идутъ дальше: страшаютъ жалобами въ судъ и «скорымъ вылетомъ вонъ со службы».

«Въ виду часто повторяющихся за послѣднее время подобныхъ инцидентовъ въ видѣ угрозъ и не придавая особаго имъ значенія, прошу васъ оповѣстить черезъ посредство вашей газеты всѣхъ тѣхъ, кто не знакомъ съ этикой печатнаго слова и имѣетъ неудовольствіе на меня, какъ цензора «Листка», чтобы обращались съ жалобами къ моему начальству или непосредственно въ главное управленіе по дѣламъ печати. Этими я буду избавленъ отъ неумѣстныхъ требованій давать объясненіе о причинахъ пропуска не нравящійся статьи. 16-го февраля 1902 г.».

Подписано: «Ис. об. цензора «Листка» начальникъ округа *И. Володинъ*».

Женщина въ дальней тайгѣ. Положенію женщины на золотыхъ пріискахъ Восточной Сибири посвящаетъ статью въ «Восточномъ Обзорѣннѣ» г. Золотикъ. Многое изъ рассказываемаго авторомъ относится къ недавнему прошлому, многое происходитъ и теперь, въ наши дни, но суть въ томъ, что и прежде, и теперь установившіяся на пріискахъ отношенія къ женщинѣ поражаютъ посторонняго наблюдателя своей одичалостью, грубостью и первобытною простотой нравовъ.

Женщинъ на пріискахъ бываетъ всегда мало,—промышленнику не выгодно набирать много женатыхъ рабочихъ, такъ какъ женскій трудъ на пріискахъ ничтоженъ, а число жилыхъ помѣщеній всегда бываетъ ограничено. Въ сред-

нѣмъ надо считать, что на 30 мужчинъ приходится одна женщина и въ этой малочисленности прекраснаго пола слѣдуетъ искать главную и существеннѣйшую причину прочно установившихся къ ней отношеній. Къ этому надо прибавить, что на принскахъ встрѣчаются почти исключительно молодыя, красивыя женщины, что объясняется самымъ способомъ наемки рабочихъ.

Каждую весну съ принсковъ выѣзжаютъ въ жилия мѣста особые довѣренныя, на обязанности которыхъ лежитъ закупка припасовъ и наемъ рабочихъ на слѣдующій операционный годъ. Накупивъ товару, нанявъ нѣсколько сотенъ здоровыхъ, крѣпкихъ рабочихъ и честно выполнивъ такимъ образомъ свою миссію передъ хозяиномъ, довѣренный рѣшаетъ заодно угодить также и своимъ коллегамъ, преимущественно холостымъ (я говорю: преимущественно!) и съ этой цѣлью производить наемку женатыхъ рабочихъ, зорко наблюдая, чтобы нанятая женщины были молоды, здоровы и красивы. Наемка женщинъ напоминаетъ нѣсколько невольничій рынокъ, но зато «партія» невольницъ подбирается хоть куда: одна къ одной. Дѣлается это такъ же просто, какъ и цинично.

— Наниматься пришелъ?—спрашиваетъ довѣренный рабочаго, явившагося на наемку.—Женатый?

— Такъ точно, ваше благородіе.

— А вотъ сначала приведи-ка жену. Посмотримъ, какова она изъ себя есть: можетъ, старбень какая? Рабочій приводитъ жену, но довѣренному она не нравится; онъ машетъ рукой.

— Нѣтъ братъ, не подойдетъ,—безапелляціонно рѣшаетъ онъ.—Намъ молодыхъ надо.

Лѣтъ десять тому назадъ на принскахъ былъ довольно распространенъ обычай отдавать своихъ женъ «на-подержаніе» кому-либо изъ рабочихъ или служащихъ на извѣстное время и за извѣстную плату. Срокъ колебался отъ одной недѣли до 2—3 мѣсяцевъ. Неизвѣстно, производилась ли такая сдѣлка съ согласія отдаваемой жертвы или она вызывала бурю справедливаго негодованія со стороны насильно продаваемой женщины, но фактъ тотъ, что случалъ эти бывали, и женщины безропотно «отслуживали» положенный срокъ.

Если виновниками паденія женщинъ является отчасти холостая молодежь, то пальма первенства на этомъ поприщѣ все же принадлежитъ холостымъ служащимъ принска, которыхъ рабочіе съ циничнымъ остроуміемъ окрестили мѣткимъ прозвищемъ «принскательскихъ быковъ». Этихъ господъ надо по справедливости считать истинными развратителями принсковыхъ женщинъ и очень рѣдко можно найти въ нихъ такую, которая благополучно избѣгла бы благожеланнаго вниманія таежныхъ донъ-жуановъ. Дѣло обыкновенно начинается съ того, что «влюбленный» донъ черезъ сваху увѣдомляетъ предметъ своей страсти о посѣтившихъ его чувствахъ и выражаетъ желаніе имѣть съ «предметомъ» личное объясненіе; если «предметъ» хранитъ упорное молчаніе, пускается въ ходъ злато, которое почти заставляетъ очаровательницу слаться на волю побѣдителя (довольно, впрочемъ, великодушнаго); когда первый ледъ сломанъ, донъ имѣетъ тайное совѣщаніе съ «надворнымъ» (завѣдующій женскими работами), результатомъ какового совѣщанія является распоряженіе надворнаго,

чтобы такая-то отправилась бы къ такому-то мыть полы въ его квартирѣ. Добавимъ, что выраженіе «мыть полы» имѣетъ на прискательскомъ жаргонѣ, помимо своего буквального значенія, еще другое, особенное.

Вслѣдствіе почти полного отсутствія невѣстъ, браки среди служащихъ прискаго персонала случаются крайне рѣдко, и служащіе, желающіе связать себя узами Гименея, ѣдутъ обыкновенно въ города съ спеціальной цѣлью найти подходящую невѣсту. Автору передавали за фактъ, что лѣтъ 15—20 тому назадъ тасжные женихи въ погонѣ за невѣстами прибѣгали къ довольно оригинальному способу: такой женихъ пріѣзжалъ въ Иркутскъ, являлся къ начальницѣ сиропитательнаго заведенія и излагалъ ей свое желаніе вступить въ бракъ съ какой-либо воспитанницей заведенія; начальница просматривала бумаги жениха, наводила кое-какія справки и въ опредѣленный день приглашала жениха на смотрины, заключавшіяся въ томъ, что воспитанницы старшаго класса, какъ бы прогуливаясь, дефилировали передъ гостемъ. Женихъ намѣчалъ какую-нибудь «бѣленькую съ синимъ цвѣточкомъ въ волоскахъ», сиропитательное начальство устраивало два—три невинныхъ свиданія, и дѣло заканчивалось обыкновенно свадьбой.

До какой степени невѣсты стоятъ «въ цѣнѣ» на прискахъ и по настоящее время, показывается слѣдующій случай. Управляющій однимъ изъ присковъ три раза подъ рядъ выписывалъ себя изъ Европейской Россіи гувернантокъ для лѣтей, и всѣ три гувернантки выходили замужъ, спустя нѣкоторое время послѣ своего пріѣзда; а вторая по счету гувернантка получила предложеніе, еще не доѣзжая верстъ 100 до приска и явилась на мѣсто назначенія съ сопровожденіемъ своего жениха.

Остается коснуться еще одного явленія, исключительно созданнаго тѣмъ же отсутствіемъ невѣстъ,—неравныхъ браковъ, когда болѣе или менѣе интеллигентные служащіе женятся на сноснхъ горничныхъ, кухаркахъ, сожительницахъ рабочихъ и др.

Особенно счастливыхъ браковъ при такихъ условіяхъ автору видѣть не приходилось, хотя, съ другой стороны, надо признать, что положеніе замужнихъ женщинъ въ тайгѣ вообще очень печально и достойно сожалѣнія при всякихъ условіяхъ: во-первыхъ, вся жизнь тасжныхъ барынь проходитъ въ невозможной, прямо-таки возмутительной праздности; въ этомъ отчасти виноваты сами онѣ, отчасти виноваты и условія жизни; такъ, напримѣръ, наблюдая тасжную жизнь, можно подумать, что управленіе присками сдѣлало отъ себя все возможное, чтобы убить въ тасжной барынь всякую живую дѣятельность; заботъ у ней нѣтъ рѣшительно никакихъ; не надо закупать провизію, такъ какъ она еще съ утра отпущена на кухню любезнымъ матеріальнымъ; не надо готовить пищу, такъ какъ обѣдъ приготовляетъ нанятый управленіемъ поваръ на общей кухнѣ; не надо заботиться ни о дровахъ, ни о водѣ, ни объ освѣщеніи,—все это доставляетъ даромъ предусмотрительное управленіе; даже прислуга—и та полагается казенная. Управленіе заботится объ ея мебели, управленіе покупаетъ посуду, управленіе устраиваетъ театры, танцы и др. развлеченія. Словомъ, управленіе такъ полно входитъ во всѣ стороны ея жизни, что

человѣкъ невольнo утрачиваетъ всякое понятіе о какой-либо дѣятельности; сонная, ожирѣвшая, ступѣлая—ибо въ самомъ дѣлѣ можно отупѣть, не ударивъ надець о палацъ въ продолженіи 12 часовъ—таежная барыня производитъ некрасивое впечатлѣніе. Постоянная праздность входитъ въ привычку и отбиваетъ охоту заняться хоть какимъ-нибудь дѣломъ, чтеніе книгъ недоступно за неграмотностью, наряжаться не для кого и не для чего. Остается одинъ выходъ—сплетни, и барыни широко пользуются этимъ единственнымъ развлеченіемъ: сплетней насыщенъ воздухъ, она одна занимаетъ нездоровые праздные умы, къ ней одной тяготеютъ все стремленія, все интересы этихъ одиночальныхъ представительницъ прекраснаго пола. Изрѣдка примѣшиваются карты, изрѣдка составляются танцы, изрѣдка принимаются гости... И такъ идетъ день за днемъ, годъ за годомъ... Дѣйствительно, ужасное существованіе.

Въ Финляндіи. Въ «Финл. Газ.» напечатано слѣдующее официальное сообщеніе:

«4-го (17-го) апрѣля, въ 10 часовъ утра, въ присутствіи нюландскаго губернатора, призывное по воинской повинности присутствіе открыло въ гельсингфорскомъ гарнизонномъ манежѣ засѣданіе для провѣрки по призывнымъ спискамъ явившихся къ призыву лицъ.

Толпа въ количествѣ около 500 человѣкъ громкимъ кашлемъ и шумомъ заглушала сначала чтеніе статей закона, а затѣмъ выкликаніе фамилій. Еще большими беспорядками сопровождался выходы выкликаемыхъ лицъ.

Въ началѣ двѣнадцатаго часа былъ сдѣланъ перерывъ засѣданія.

Выходившаго изъ манежа полицейскаго комиссара Кайтокангаса толпа сопровождала криками и бросаньемъ камнями и кусками льда, коими нанесла серьезныя пораненія головы. Благодаря энергичнымъ дѣйствіямъ и. д. помощника полицеймейстера штабъ-капитана Максимова, названнаго комиссара удалось посадить на извозчика и привести на центральную полицейскую станцію. При этомъ толпа избивала нѣсколькихъ констаблей.

На возобновленномъ въ 12 часовъ того же дня засѣданіи призывнаго по воинской повинности присутствія толпа, нѣсколько болѣе многочисленная, чѣмъ утромъ, среди которой были: протокольный секретарь Императорскаго финляндскаго сената Фуругельмъ, баронъ фонъ-Борнъ, Аксель Лилле, городскіе фискалы и другіе интеллигенты, позволила себѣ еще большія безчинства.

Всего изъ 857 призываемыхъ явилось въ манежъ 57 человѣкъ и 2 явилось непосредственно губернатору, доложивъ, что въ манежѣ толпа силою не допустила ихъ подойти къ кригсъ-комиссару и шумомъ заглушила ихъ откликъ.

Около 4 часовъ пополудни того же дня толпа начала собираться на Южной Эспланадной улицѣ, противъ магазина портного Зелигсона, въ который вошелъ комиссаръ Кайтокангасъ. Подъ прикрытіемъ вызваннаго наряда конной и пѣшей полиціи упомянутому комиссару удалось уѣхать на извозникѣ, за которымъ бросалась толпа, но, потерявъ изъ виду, направилась на Сенатскую площадь, къ зданію полиціи, гдѣ и была разогнана констаблями.

5-го апрѣля, въ 10 час. утра, призывное по воинской повинности присутствіе открыло засѣданіе въ казармахъ лейбъ-гвардіи 3-го финскаго батальона для производства медицинскаго осмотра явившихся къ призыву.

Толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, несмотря на просьбы полиціи разойтись, запрудила Казарменную площадь и крикомъ, свистомъ, ругательствами встрѣчала каждаго призывного, выходившаго изъ присутствія.

Около 11 часовъ толпа набросилась на спокойно стоявшаго на углу Южной Магазиновой и Фабіанской улицы жандармскаго унтеръ-офицера, который хотѣлъ укрыться отъ нея въ аукціонный залъ, но былъ оттуда вытолкнутъ и для самообороны выхватилъ пашку.

Видѣвшій это и. д. помощника полицеймейстера штабсъ-капитанъ Максимовъ съ обнаженной пашкой бросился на толпу, которая разбѣжалась, но въ это время штабсъ-капитанъ Максимовъ былъ серьезно раненъ въ голову кускомъ льда.

Кинувшійся на выручку его констабль Гедманъ сбить толпою съ ногъ и избить.

Около 12 часовъ къ присутствовавшему все время на площади полицеймейстеру подошелъ «депутатъ» отъ толпы съ просьбою убрать усиленный нарядъ полиціи, ручаясь, что толпа разойдется, и уличный порядокъ города Гельсингфорса будетъ восстановленъ. Полицеймейстеръ подполковникъ Карлstedтъ рѣшилъ испробовать это послѣднее средство для восстановленія уличнаго порядка. Дѣйствительно, нѣкоторые стали уходить, но замѣтно толпа не уменьшилась. Вскорѣ съ окончаніемъ дѣйствій призывного присутствія толпа перешла на Сенатскую площадь.

Около двухъ часовъ дня вся площадь и прилегающія улицы были запружены народомъ и вызванная вся имѣвшаяся на лицо полиція, какъ пѣшая, такъ и конная, оказалась бессильною для удержанія порядка въ присутствіи возбужденной массы, угрожавшей полиціи и нѣкоторымъ изъ сенаторовъ, а потому была вызвана сотня оренбургскаго казачьяго дивизиона, при появленіи которой на площади толпа разсѣялась въ ближайшіе дворы, на лѣстницы Николаевскаго собора, сената, университета и въ боковыя улицы, но скорѣ началъ опять запружать площадь. Посланные отдѣленія казаковъ для разсѣянія толпы были встрѣчены камнями, кусками льда, изъ оконъ бросали полвѣны и пузырьки съ какою-то жидкостью.

Нѣсколько казаковъ были ушиблены и одинъ тяжело раненъ въ голову; несмотря на это, было рѣшено еще обождать примѣнять оружіе, но пришлось разгонять сопротивляющуюся толпу нагайками.

Въ это время были вызваны двѣ роты 1-го финляндскаго стрѣлковаго полка. Было ранено еще трое констаблей и казакъ, сильно ушиблены комиссаръ Левингъ, трое констаблей, и многіе легко.

Въ виду общанія нѣсколькихъ лицъ изъ публики и городскихъ уполномоченныхъ, что они уговорятъ толпу разойтись, дѣйствіе войскъ приостановлено и казачья сотня введена во дворъ полицейскаго управленія.

Пасторъ Муренъ обратился къ народу съ рѣчью на финскомъ и шведскомъ языкахъ, уговаривая разойтись, не доводя до кровопролитія.

Въ виду приближенія времени окончанія работъ на фабрикахъ и возможности увеличенія толпы рабочими, вызваны были еще двѣ роты 1-го финляндскаго стрѣлковаго полка и двѣ роты л.-гв. 3-го стрѣлковаго финскаго батальона.

До прихода послѣднихъ толпа начала расходиться, а затѣмъ были отправлены домой вызванныя части и поддержаніе порядка всецѣло вновь перешло въ руки полиціи. Казачья сотня на обратномъ пути была осыпана камнями, которыми сильно ушибленъ офицеръ и урядникъ, раздроблено ложе винтовки и поранено нѣсколько лошадей. Мѣстами сотня пробивалась силою.

Около десяти часовъ народъ кучками вновь началъ прибывать на Сенатскую площадь, откуда образовавшаяся толпа съ пѣніемъ бьернеборгскаго марша, съ крикомъ и свистомъ двинулась по Александровской улицѣ. У студенческаго дома она остановилась и затѣмъ мало-по-малу стала расходиться.

На слѣдующее утро во всѣхъ гельсингфорскихъ газетахъ было напечатано обращеніе городскихъ уполномоченныхъ къ гражданамъ, призывающее ихъ въ сохраненію порядка. Таковыя же воззванія были расклеены по всѣмъ улицамъ, а такъ какъ онѣ вскорѣ оказались порванными, то были расклеены вторично. Повидимому все это возымѣло дѣйствіе; день этотъ прошелъ покойно».

9-го апрѣля опубликовано объявленіе нюландскаго губернатора генералъ-майора Кайгородова слѣдующаго содержанія: «Въ послѣдніе дни въ городѣ происходили уличныя беспорядки, потребовавшіе вызова войскъ, имѣющихъ въ такихъ случаяхъ по закону право дѣйствовать огнестрѣльнымъ оружіемъ, сила котораго нынѣ ужасна. Въ предупрежденіе напрасныхъ жертвъ, призываю гражданъ не нарушать общественнаго порядка, а въ особенности не допускать женщинъ и дѣтей примыкать къ толпѣ. Участіе въ недозволенныхъ сборищахъ, составляя нарушеніе закона, само по себѣ преступно. Уличная смута не можетъ поколебать требованій правительства; поэтому, дерзкое своеволие толпы, будучи совершенно безцѣльнымъ, можетъ лишь повлечь за собой весьма тяжкія послѣдствія».

Въ этотъ же день, 9-го апрѣля, обнародованъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ:

«Въ послѣднее время, въ Финляндіи распространились ложныя слухи о намѣреніи Нашемъ отгнѣнить въ настоящемъ году призывъ новобранцевъ. Слухи эти, смутивъ многихъ призываемыхъ, поселили въ ихъ средѣ сомнѣніе, слѣдуетъ ли имъ являться къ исполненію воинской повинности. Нашъ финляндскій сенатъ, опасаясь, что при такомъ положеніи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ могутъ встрѣтиться затрудненія къ своевременному исполненію призыва, вошелъ къ Намъ съ всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ о продленіи установленнаго срока призыва, дабы дать населенію время убѣдиться въ неосновательности расшеваемыхъ по поводу воинской повинности слуховъ. Признавъ за благо связойти къ этому ходатайству, предоставляемъ вамъ по заявленію сената продлить время производства призыва долѣе назначеннаго въ законѣ срока (24-го іюня).

Ожидаемъ, что освѣдомленные относительно истинныхъ нашихъ намѣреній финляндскіе граждане не преминутъ безпрекословно исполнить требованіе закона. Уклоненіе отъ призыва приведетъ насъ къ убѣжденію, что установившійся въ теченіе истекшаго столѣтія порядокъ управленія Финляндіею не обезпечиваетъ спокойнаго теченія государственной жизни и повиновенія властямъ».

За мѣсяць. 2-го апрѣля, около 1 часа дня, при входѣ министра внутреннихъ дѣлъ въ помѣщеніе комитета министровъ, въ Маринскомъ дворцѣ, пріѣхавшій за нѣсколько минутъ до этого въ каретѣ и ожидавшій министра въ швейцарской неизвѣстный человѣкъ въ военной офицерской формѣ, подавая запечатанный конвертъ, произвелъ въ министра четыре выстрѣла, причѣмъ двумя пулями тяжело ранилъ егермейстера Спягина. Раненому, по перевезеніи его въ Максимилиановскую лечебницу, была немедленно подана помощь докторами Вельминовымъ и Трояновымъ, но, несмотря на это, егермейстеръ Спягинъ черезъ часъ скончался.

Слѣдствіе производится и установлено, что задержанный преступникъ не будучи военнымъ, надѣлъ адъютантскую форму для облегченія себѣ доступа къ министру.

— Высочайшимъ указомъ 4-го апрѣля статсъ-секретарь *В. К. фонъ-Плеве* назначенъ на постъ министра внутреннихъ дѣлъ.

— 6-го апрѣля, въ 11 час. утра, министръ внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретарь, дѣйствительный тайный совѣтникъ *В. К. Плеве* принималъ въ зданіи министерства, въ залѣ совѣта министра, представлявшихъ ему высшихъ чиновъ министерства. По окончаніи представленія, министръ обратился къ присутствовавшимъ со слѣдующими словами:

«По волѣ Его Императорскаго Величества я замѣняю, въ положеніи министра внутреннихъ дѣлъ, безвременно погибшаго Дмитрія Сергѣевича Спягина. Имя Дмитрія Сергѣевича, незабвенное отнынѣ въ лѣтописяхъ министерства внутреннихъ дѣлъ, вызываетъ представленіе о государственномъ дѣятелѣ, самоотверженно служившемъ Государю и беззаветно преданномъ кореннымъ основамъ русской жизни. Онъ обратилъ свое служеніе въ подвигъ и запечатлѣлъ этотъ подвигъ своею кровью. Миръ праху человѣка, оставившаго намъ незабвенный примѣръ дѣльнаго міросозерцанія и непоколебимой преданности долгу. Ставоясь на его постъ, молю Всевышняго даровать мнѣ нравственныя силы слѣдовать этому примѣру. Историческій смыслъ нашего времени столь глубокъ, значеніе общественныхъ событій, нами переживаемыхъ, такъ велико, что созданное ими положеніе требуетъ не словъ, а дѣла. Въ порученномъ намъ Государевомъ дѣлѣ приглашаю васъ на разумную, благожелательную и спокойную работу, требую честнаго и умѣлаго сотрудничества. Зная большинство изъ васъ, увѣренъ, что мое требованіе будетъ исполнено».

— Въ «Прав. В.» напечатано:

«Министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи п. 1-го ст. 17 Высочайше утвержденного положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и

общественнаго спокойствія, призналъ необходимымъ дѣло объ убійствѣ 2-го апрѣля бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, егермейстера Спягина, передать на разсмотрѣніе военнаго суда, съ примѣненіемъ законовъ военнаго времени».

Изъ русскихъ журналовъ.

(«Русская Старина»—апрѣль. «Образованіе»—мартъ)

Въ прошломъ обзорѣни мы обращали вниманіе читателей нашего журнала на появившееся въ мартовской книжкѣ «Русской Старины» очень интересное сообщеніе И. А. Бычкова о неизданной главѣ изъ «Жизни графа Сперанскаго» барона М. А. Корфа. Въ апрѣльской книжкѣ того же журнала появилось непосредственное продолженіе упомянутаго сообщенія И. А. Бычкова подъ заглавіемъ «Ссылка Сперанскаго въ 1812 году». Сокровенныя причины этой ссылки и обстоятельства ее сопровождавшія занимали вниманіе многихъ русскихъ историковъ, но полнаго свѣта на это дѣло не было пролито и до настоящаго времени. Когда появилось въ свѣтъ известное сочиненіе барона Корфа «Жизнь графа Сперанскаго», то печать обратила особое вниманіе на умолчаніе авторомъ подробностей происходившаго 17-го марта 1812 года свиданія Сперанскаго съ Александромъ Первымъ, послѣ котораго послѣдовала такая внезапная ссылка русскаго реформатора. Въ нынѣ цитируемой статьѣ и помѣщены именно эти любопытныя подробности. «Важѣйшая ихъ часть,—говоритъ Корфъ,—основана на сообщеніяхъ престарѣлаго Федора Петровича Лубяновскаго, которому будто бы пересказывалъ все это самъ Сперанскій въ длинныхъ и откровенныхъ пензенскихъ бесѣдахъ въ 1821 году. Но показаніе его дополнены и разными другими». На основаніи всего этого дѣло представляется такъ: 17-го марта 1812 г. Сперанскій былъ у Александра съ докладомъ. «Государь встрѣтилъ его, по обыкновенію, милостиво, извинился, что такъ давно не могъ принять его за множествомъ работы по военной части, утвердилъ всѣ его представленія и вообще не далъ замѣтить ничего, кромѣ всегдашняго своего благорасположенія». Когда, по окончаніи доклада, Сперанскій собирался уже откланяться, то государь вдругъ обратился къ нему съ такою рѣчью: «Намъ надо объясниться, Михайло Михайловичъ, я уже давно замѣчаю, что вы идете противъ меня, а теперь вополнѣ въ этомъ убѣдился». Не давая сказать Сперанскому ни слова, Александръ сталъ обвинять его: 1) «въ томъ, что, стоя у кормила правленія, онъ при всѣхъ случаяхъ худо о немъ стзывается и даже въ секретарской комнатѣ не разъ громко говорилъ о предстоящемъ будто бы паденіи имперіи; 2) что онъ стремился разстроить ее финансовыми своими мѣрами и посредствомъ усиленныхъ налоговъ возбудить ненависть противъ правительства; 3) что онъ жертвуетъ благомъ государства изъ привязанности своей къ французской системѣ; 4) что, недовольствуясь общимъ преобразованіемъ всего государственнаго строя, въ которое вовлекалъ государя своими софизмами, онъ замышлялъ уничтожить даже и послѣднее звено, соединявшее Россію alexандровскую съ петровскою—че-

резъ логику сената; 5) что, несмотря на ввѣренный ему уже обширный кругъ дѣлъ, онъ старался еще болѣе его расширить и покушался проникнуть въ дипломатическія тайны, употребляя для того во зло вліяніе свое на нѣкоторыхъ чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ; 6) что онъ готовъ былъ, чтобы только не встрѣчать никакихъ препонъ своимъ замысламъ и своему властолюбію, пожертвовать даже личными своими чувствами и соединиться съ прежними извѣстными своими врагами Армфельдомъ и Балашовымъ».

Обвиненія были до очевидности несостоятельны, и, тѣмъ не менѣе, Александръ не хотѣлъ и слушать никакихъ объясненій Сперанскаго. Видя все это, Сперанскій сказалъ: «Прошу, послѣ всего этого, за всю мою службу, одной только милости: отпустить меня не съ безчестіемъ и позволить подать отъ самого себя просьбу объ отставкѣ». Отвѣтъ на эту просьбу проливаетъ яркій свѣтъ на характеръ Александра: «Въ другое время,—сказалъ онъ,—я поступилъ бы иначе; во всякомъ иномъ положеніи дѣлъ, менѣе настоятельномъ, я употребилъ бы годъ или два, чтобы ближе изслѣдовать и провѣрить взведенныя на тебя обвиненія. Но теперешнія обстоятельства этого не позволяютъ. У тебя сильные враги; общее мнѣніе требуетъ твоего удаленія, только на этомъ условіи соглашаются дать нужныя намъ деньги, а у меня на рукахъ — Наполеонъ и неизбежная война. Но на желаніе твое самому проситься въ отставку я охотно соглашаюсь, *пріѣзжай ко мнѣ завтра утромъ въ 12 часовъ съ просьбой и мы покончимъ все между собою, а теперь прощай, до свиданія*»...

Докладъ Сперанскаго начался Александру въ этотъ день въ восемь часовъ вечера; разговоръ съ Александромъ, или правильнѣе рѣчи послѣдняго къ Сперанскому заняли также извѣстное время и такимъ образомъ уже ночью отправился Сперанскій къ себѣ домой. На основаніи словъ самого Александра, онъ думалъ, что ему предстоитъ, по крайней мѣрѣ, еще одно свиданіе съ государемъ, но вышло не такъ, ибо *въ это же время* въ другомъ мѣстѣ происходило слѣдующее: «Въ особенной или секретной канцеляріи министерства полиціи, состоявшей подъ начальствомъ де-Санглена, дежурнымъ въ этотъ день былъ Густавъ Васильевичъ Лерхе, впоследствии извѣстный петербургскій адвокатъ. Вечеромъ, по разсказу Лерхе, де-Сангленъ, заѣхавъ въ канцелярію, взялъ у Лерхе два слѣдующіе нумера по исходящему журналу, выставилъ ихъ секретно на привезенныхъ бумагахъ и велѣлъ молодому человѣку не уходить впредь до приказанія. Въ ту же ночь внезапно разбудили тогдашняго оберъ-полицеймейстера Ивана Саввича Горголи. Частный приставъ Шипулинскій явился довести о полученномъ имъ отъ министра полиціи предписаніи.

— Что такое?

— Мнѣ велѣно сейчасъ ѣхать изъ Петербурга.

— Куда, зачѣмъ?

— Не велѣно сказывать.

«По вліянію своему на подчиненнаго, Горголи, однако, тутъ же вывѣдалъ всю истину и остолбенѣлъ: Шипулинскій долженъ былъ вести Сперанскаго въ Нижній... Кромѣ самыхъ непосредственныхъ дѣателей, никому въ Петербургѣ не прихо-

дѣло въ мысль ничего подобнаго. Менѣе всѣхъ, послѣ словъ Александра, сама обреченная жертва провидѣла готовившуюся ей участь.

«Въ третьемъ часу утра де-Сангленъ воротился въ канцелярію и позволилъ Дерхе идти домой. Все было кончено...»

Но кто же были эти «непосредственные дѣятели» и кто былъ во главѣ ихъ? Де-Сангленъ называетъ ихъ поименно: то были графъ Марковъ, графъ Раstopчинъ, графъ Армфельдъ и тайный посланникъ короля Людовика XVIII *chevalier de Vergènis*, у котораго было, въ свою очередь, три «ассистента»: графъ Н. А. Толстой, графъ Гурьевъ и князь П. М. Волконскій. Во главѣ же всѣхъ этихъ лицъ находился самъ императоръ Александръ. Сперанскаго ненавидѣла за его реформаторскіе планы именно знать и шумъ отъ ея-то голосовъ и принимался за «общественное мнѣніе», а ея ненависть къ реформатору—за ненависть къ нему всей Россіи. Не было такой клеветы, которая не была бы лущена въ ходъ для погубленія Сперанскаго. «Утверждали,—разсказываетъ де-Сангленъ,—будто Сперанскій состоялъ регентомъ въ ложѣ иллюминатовъ Вейсгаупта (читатели, вѣроятно, знаютъ, что именно этотъ жуель т.-е. обвиненіе въ сношеніяхъ съ иллюминатами, былъ большимъ козыремъ въ рукахъ лицъ, ведшихъ въ царствованіе Екатерины интригу противъ просвѣтительной дѣятельности Н. И. Новикова) и былъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ Наполеономъ за гибель Россіи. Главный распространитель этихъ слуховъ былъ государевъ флигель-адъютантъ князь Андрей Борисовичъ Голицынъ, подтверждавшій это въ письмѣ». Само собою разумѣется, что обвиненіе Сперанскаго въ сношеніяхъ съ Наполеономъ представляло вымыселъ чистѣйшей пробы, но предлогъ былъ хорошъ и за него ухватились... Но для какой же дѣли? «Тильзитскій миръ,—отвѣчаетъ на этотъ вопросъ де-Сангленъ,—тяготѣлъ надъ Россіей, и въ умѣ дари родилась мысль свергнуть бремя, наложенное на коммерческія дѣла наши; но война противъ сильнаго, искуснаго и счастливаго врага требовала большихъ поддержекъ и жертвъ. Нужно было обратить эту войну въ національную. Для достиженія сей дѣли должно было еще сильнѣе пробудить во всѣхъ сословіяхъ духъ патріотическій и найти благовидную причину или предлогъ». Ненависть къ Сперанскому и послужила такимъ предлогомъ. Онъ былъ принесенъ въ жертву... «Итакъ,—говоритъ де-Сангленъ,—все началось, развилось и созрѣло въ затаенной глубокой мысли *одного* (курсивъ де-Санглена), а разыгралось передъ лицомъ *его* (тоже) актерами, желавшими утолить свою ненависть, угождать, и не смекнувшими, въ чемъ дѣло состояло...»

Въ той же книжкѣ «Русской Старины» помѣщено очень интересное изслѣдованіе академика Дубровина объ отношеніи В. А. Жуковскаго къ находившимся въ ссылкѣ декабристамъ. Собственно говоря, Жуковскій далеко не проявлялъ такой настойчивости въ облегченіи участи декабристовъ, которую при занимаемомъ имъ положеніи при дворѣ отъ него можно было бы ожидать, но если принять во вниманіе, что другіе не дѣлали въ этомъ отношеніи почти рѣшительно ничего, то личность Жуковскаго должна выдѣляться и здѣсь въ очень симпатичномъ свѣтѣ. Жуковскій просилъ кн. А. Н. Голицына ходатайствовать передъ государемъ о разрѣшеніи женѣ декабриста И. Д. Якушина отправиться

въ Сибирь, чтобы раздѣлить тамъ съ мужемъ его участь. Соизволенія государя на это не послѣдовало, и поѣздка Якушкиной, поэтому, не состоялась. Неудачи преслѣдовали и просьбы В. К. Кюхельбекера: пробывъ много лѣтъ въ одиночномъ заключеніи и находясь на поселеніи въ г. Баргузинѣ, Забайкальской области, Кюхельбекеръ писалъ гр. Бенкендорфу, что онъ не имѣетъ средствъ къ жизни, «рана же въ плечо и недостатокъ тѣлесныхъ силъ будутъ ему всегдашнимъ препятствіемъ къ снисканію пропитанія хлѣбопашествомъ или какимъ-либо рукодѣліемъ» и потому просилъ «нехотатайствовать у государя императора позволеніе питаться литературными трудами», не подписывая своего имени. Разрѣшенія не послѣдовало и на просьбѣ Кюхельбекера было написано одно только слово: «нельзя». Просьбу свою возобновилъ Кюхельбекеръ въ 1838 году черезъ Жуковского, который, препровождая ее шефу жандармовъ, писалъ: «Мое убѣжденіе насчетъ всѣхъ этихъ несчастныхъ то, что мѣра наказанія исполнилась и теперь чередъ благодати. По крайней мѣрѣ, все то надобно дѣлать, что можетъ ихъ поддержать нравственно. Писать никому не запрещено; чтобы написанное не было вредно для читающихъ, на то есть цензура. Писать для изгнанника, если только онъ для того имѣетъ талантъ, есть великое нравственное лекарство; оно поддержитъ душу отъ совершеннаго упадка. И почему ему не позволить печатать того, что онъ напишетъ, дабы имѣть деньги, столь нужны ему, особливо, если у него на рукахъ семья. Человѣкъ, имѣющій занятіе имъ любимое и для него выгодное, надежнѣе человѣка празднаго или принужденнаго по необходимости заниматься такимъ трудомъ, который не по его силамъ и склонностямъ. Мнѣ кажется, что было бы несправедливо отказать въ этомъ Кюхельбекеру». Тѣмъ не менѣе, ему отказали. 18 января императоръ Николай написалъ на докладѣ: «дослужилъ ли онъ до офицерскаго чина?» И когда ему было доложено, что не дослужилъ, то Высочайшаго соизволенія на просьбу Кюхельбекера не послѣдовало.

Прошло еще пять лѣтъ и Кюхельбекеръ снова обратился съ письмомъ къ Жуковскому, въ которомъ просилъ его содѣйствія въ удовлетвореніи той же, направленной имъ черезъ графа Орлова, просьбы. Ему было отказано на томъ же основаніи, какъ и прежде и самое письмо его къ Жуковскому, нынѣ воспроизводимое г. Дубровинымъ, по принадлежности доставлено не было.

Неоднократно хлопоталъ Жуковскій и за неявившагося къ суду Н. И. Тургенева, который проживалъ въ Лондонѣ. Тургеневъ просилъ сначала о пересмотрѣ своего дѣла, но когда это оказалось безнадежнымъ, то братъ его А. И. Тургеневъ обращался за содѣйствіемъ къ Жуковскому объ облегченіи участи Николая Ивановича, въ невинности котораго во взводимыхъ на него обвиненіяхъ Жуковскій былъ вполнѣ убѣжденъ, въ томъ смыслѣ, чтобы гарантировать изгнаннику безпрепятственное проживание во всѣхъ городахъ Европы, для чего стоило только дать «подъ рукою» соответствующее указаніе нашимъ европейскимъ посольствамъ, но и эта просьба не привела къ удовлетворительнымъ результатамъ.

Однажды Жуковскій составилъ на имя государя интересное письмо, изъ котораго мы приведемъ нѣсколько выдержекъ:

«Государь! Время строгости для нихъ (декабристовъ) миновало! Время милости наступило! Пришла пора залечить тѣ раны, которыя въ столѣтихъ сердцахъ болятъ и вѣчно болѣть не перестанутъ. Государь! *Произнесите амнистию!* Обрадуйте ваше сердце, Россію и Европу! Я перенесусь мысленно съ первой минутъ вашего царствованія, къ этой удивительной минутѣ, которой нѣтъ примѣра ни въ какой исторіи, въ которую вы, сначала отказавшись отъ короны изъ уваженія къ святости права, потомъ принявъ ее изъ покорности къ промыслу, явились намъ столь достойнымъ вашего назначенія. Въ эту минуту провидѣніе изъ безумства нѣсколькихъ несчастныхъ произвело для васъ случай вдругъ явиться передъ Россіей въ естественномъ вашемъ величіи, вдругъ овладѣть довѣренностью вашихъ подданныхъ и уваженіемъ остального свѣта. Но преступленіе сихъ несчастныхъ есть преступленіе политическое, плодъ заблужденія, произведеннаго и духомъ времени, подъ вліяніемъ котораго образовалась ихъ молодость, и войнами, въ которыя столько пылкихъ, неопытныхъ, невозможныхъ умовъ столкнулись съ идеями неуспокоенной Европы, и, смѣю сказать, самимъ государемъ Александромъ, который съ благими наміреніями возбудилъ столько свободныхъ идей и не далъ имъ надлежащаго направленія. Вы строго наказали преступленіе; виновнѣйшіе т.-е. злодѣи по умыслу и дѣйствию не существуютъ. Всѣ остальные не иное что, какъ жертвы заблужденія! Ни одинъ не зналъ ни чего хотѣлъ, ни что дѣлалъ; всѣ были заражены какою-то умственной чумою, которая теперь должна казаться неизяснимою загадкою и для нихъ самихъ, уже исцѣленныхъ несчастіемъ заслуженнымъ. Твердость, съ которою поразило ихъ ваше царское правосудіе, положила конецъ всему; увидѣли, что власть державная досталась рукѣ могучей и все пришло въ порядокъ. Строгое правосудіе удовлетворено. Милосердіе ждетъ своей очереди. И именно теперь, когда ничто, кромѣ вашего сердца, не можетъ требовать сего милосердія, насладитесь вы, государь, во всей полнотѣ вашимъ лучшимъ царскимъ правомъ. Вы поминете, какъ Богъ, только потому, что на то есть ваша воля. Произнесите амнистию! Но мнѣ должно объяснить, какой смыслъ соединяю я съ словомъ амністія. Я разумѣю подъ нимъ не возстановленіе осужденныхъ въ первобытномъ ихъ состояніи. Нѣтъ! Приговоръ, лишившій ихъ политическаго бытія, навсегда разлучилъ ихъ съ тѣмъ обществомъ, коего членами были они прежде. На мѣсто, посрамленное ихъ преступленіемъ, они уже никогда не могутъ и не должны возвращаться. Изъ своего изгнанія принесли бы они воспоминаніе прошедшаго, которое сдѣлало бы ихъ совершенно бесполезными для настоящаго. Амністія не можетъ имъ возвратить ихъ прежняго отечества; она должна создать для нихъ отечество новое, тамъ, *гдѣ они теперь*; отечество, въ которомъ не будетъ для нихъ воспоминаній оскорбительныхъ, а будутъ цѣлительныя надежды. Тамъ могутъ они сдѣлаться гражданами дѣятельными и полезными. Всѣ они болѣе или менѣе образованы, а несчастіе ослепило ихъ характеръ и, безъ сомнѣнія, исправило ихъ мысли».

Такимъ образомъ, какъ это и развиваетъ Жуковский болѣе подробно далѣе, подъ «амністіей» онъ разумѣлъ не болѣе, какъ освобожденіе декабристовъ изъ заточенія и возвращеніе ихъ въ Сибиря. Написалъ это письмо Василій Андре-

вмѣть, но подать его не рѣшился... Черновою его набросокъ находится у графа Бреверна-де-ла-Гарди, а свѣтъ увидѣлъ его только теперь, т. е. черезъ семьдесятъ лѣтъ послѣ его написанія...

Всего три-четыре года тому назадъ въ голодовку 1898—1899 года наряду съ официальными учрежденіями въ борьбѣ съ голодомъ принимало участіе общество. Картинъ такой борьбы съ бѣдствіемъ нѣкоторыхъ общественныхъ элементовъ и посвящена въ мартовской книжкѣ «Образованія» небольшая статья А. С. Пругавина «Студенты на голодѣ. Изъ очерковъ голодовки 1898—1899 года». Авторъ статьи былъ тогда членомъ извѣстнаго Самарскаго кружка для борьбы съ голодомъ. На первый день праздника Пасхи отправился онъ въ село Ташолку, въ которомъ считалось 2.166 душъ обоого пола. Несмотря на праздникъ, деревня была тиха и безлюдна. Встрѣчается мужикъ. Поздоровались.

— Какъ встрѣтили праздникъ?—спросилъ я.

— Наша встрѣча—не приведи Богъ.

— Почему такъ?

— У многихъ, чай, и хлѣба-то не было разговѣться... Не ѣвши, чай, и праздникъ-то стрѣтали.

— Неужели были и такіе?

— А то какъ же?.. Недалече ходить, вотъ, къ примѣру, мой шабѣръ, что насупротивъ живетъ... который день и печки не топятъ: нечѣмъ хлѣба замѣсить.

Въ деревнѣ была организована Самарскимъ кружкомъ столовая, но, по ограниченности находившихся въ распоряженіи кружка средствъ, исключительно для дѣтей до 13-ти-лѣтняго возраста. Столовой завѣдывалъ пріѣхавшій въ Ташолку студентъ Юрьевского университета г. К.—овъ. Это была одна изъ тѣхъ чуткихъ и отзывчивыхъ на страданія ближняго личностей, которымъ слава Богу, не перестаетъ поставлать, несмотря ни на что, русская жизнь. Пріѣхавъ г. К.—въ по собственному желанію и собственной инициативѣ и вступилъ въ сношенія съ самарскимъ частнымъ кружкомъ. Вотъ что, между прочимъ, писалъ онъ въ Ташолки г. Пругавину: «Передайте, пожалуйста, на первомъ засѣданіи кружка то, что происходитъ у насъ въ Ташолкѣ. Помощь дѣтямъ у насъ организовалась порядочно: изъ 437 нуждающихся, пользуется пропитаніемъ 333, число это можеть быть увеличено до 400, и тогда почти всѣ дѣти будутъ сыты. Это было бы очень пріятно, если бы матери и отцы ихъ были также сыты и здоровы. Но этого какъ разъ и нѣтъ. Приходить рабочее время. Нужна сила, здоровье. А куда же годенъ хворый человѣкъ? Какой онъ работникъ? Вотъ и опять въ перспективѣ мрачная картина... Теперь у насъ въ Ташолкѣ распространилась цынга. Нѣкоторые больные уже совсѣмъ лежатъ. Нужно видѣть этихъ больныхъ, чтобы понять всю горечь ихъ существованія. Разлагаться заживо при сознаніи и страшныхъ страданіяхъ! Я не знаю, можеть ли быть что нибудь мучительнѣе этого. И вотъ приходится быть очевидцемъ меденнаго угасанія многихъ польцевъ и кормильцевъ. А

тутъ еще примѣшивается сознание, что достаточно было бы дать этимъ больнымъ чаю съ лимономъ, горячей здоровой пицци и т. п., то-есть того, чѣмъ мы, здоровые, пользуемся ежедневно и, такъ сказать, безсознательно и они встали бы на ноги. Тогда дѣлается до того гадко, что радъ бы самъ захворать цынгой! У насъ вѣтъ и фельдшера... Мало того я прежде утѣшалъ больныхъ скорымъ прїѣездомъ врача, такъ какъ, *по моему настоянію, сельскими властями была послана рапортъ о цынѣ въ Ташолку* (курсивъ нашъ. Цѣль его будетъ видна ниже) въ волостное правленіе и къ земскому врачу г. Глушкову. Но теперь я не могу дѣлать и этого, потому что отъ медицинскаго персовала слышалъ, что не имѣетъ смысла народъ «бугагачить», ибо цынга существуетъ во всѣхъ селеніяхъ, а всѣдъ все равно не выгѣчишь...»

Тревога, забитая г. К.—вымъ все-таки сдѣлала свое дѣло. О цынѣ никто ничего до этого времени не зналъ или дѣлалъ видъ, что не знаетъ, но теперь «становые пристава, земскіе начальники и т. п. начальство волей-неволей должно было признать не только появленіе цынгы, но и ея быстрое распростра-неніе...»

О полученномъ отъ г. К.—ва изъ Ташолки письмѣ г. Пругавинъ довелъ въ Самарѣ до свѣдѣнія уполномоченнаго Краснаго Креста и послѣдній командировалъ въ Ташолку для борьбы съ цынгой находившагося въ его распоряженіи студента-медика послѣдняго курса. Съ этимъ субъектомъ г. Пругавинъ также познакомился въ Ташолкѣ. То былъ типичный «бѣлопопедладочникъ». «Покручивая свои маленькіе усики съ явнымъ желаніемъ придать имъ видъ «стрѣлки», Х. очень досадовалъ на то, что ему приходится проводить праздни-ки въ такой отчаянной глуши, какъ эта Ташолка. Между тѣмъ, онъ могъ бы поѣхать въ Самару, гдѣ у него много хорошихъ знакомыхъ среди представи-телей Краснаго Креста. Они звали его къ себѣ, чтобы вмѣстѣ разговѣться. Тамъ, разувѣтся, можно было бы весьма недурно и весело провести время. Въ тому же онъ знакомъ съ домою губернатора... И такъ далѣе, все въ томъ же родѣ...» До цынгы и разлагающихся отъ нея живо людей, этому господину, разувѣтся, было мало дѣла и относился онъ къ своей задачѣ болѣе чѣмъ формально. «Люди, заслуживающіе полнаго довѣрія, рассказывали,—го-воритъ г. Пругавинъ, — что, наскоро осмотрѣвъ больныхъ, Х. обыкновенно рстачалъ имъ совѣты и наставленія, примѣрно въ такомъ родѣ:

«— Вотъ вамъ порошокъ... вотъ пилюли... принимайте ихъ передъ обѣдомъ и ужиномъ.

Бѣдный молодой человекъ, очевидно, забывалъ даже, что огромное боль-шинство его пациентовъ — «голодающіе», у которыхъ, конечно, не было ни обѣда, ни ужина...»

Съ Х. пришлось встрѣтиться г. Пругавину еще разъ уже въ поѣздѣ. Онъ сообщилъ, что «состоитъ въ распоряженіи не то уполномоченнаго Краснаго Креста, не то мѣстнаго управленія этого Общества — хорошо не помню. Во всякомъ случаѣ онъ очень доволенъ своимъ переводомъ въ Самару, такъ какъ здѣсь у него много знакомыхъ, начиная съ дома губернатора... Софья Бори-севна постоянно приглашаетъ его на вечера и обѣды... Здѣсь очень порядоч-

ный театр, много интересных барышень... Словомъ, здѣсь можно очень не скучно проводить время... Но, конечно, это не то, что въ Петербургѣ, гдѣ онъ намѣренъ устроиться по возвращеніи отсюда... Онъ выбралъ себѣ специальность, которая, навѣрно, доставитъ ему хорошую, доходную практику. Ему известны врачи, которые, благодаря той же специальности, — венерическія болѣзни, — зарабатываютъ большія деньги и въ короткое время составляютъ цѣлыя состоянія...»

«Когда я слушалъ рассказы своего случайнаго спутника, — продолжаетъ г. Пругавинъ, — мнѣ невольно вспомнились тѣ молодыя интеллигентныя барышни и пожилыя дамы, которыя прїѣзжали къ намъ въ Самару во время голодовки, съ цѣлью предложить свои услуги по организаціи помощи голоднымъ и больнымъ. О, какъ онѣ были далеки тогда отъ всякаго желанія, даже отъ всякой мысли о развлеченияхъ, о театрахъ, о вечерахъ. Какъ онѣ были полны стремленія возможно скорѣе попасть въ глухія села и деревни, населеніе которыхъ изнывало отъ нужды, голода и болѣзней... Точно пламенемъ онѣ охвачены были однимъ страстнымъ желаніемъ — поскорѣе, чѣмъ только возможно, облегчить страданія людей, которые пухли отъ долгаго голода, отъ недостатка хлѣба, отъ цынги...»

«Огромное большинство студентовъ, молодыхъ врачей, фельдшерницъ, сестеръ милосердія шли въ поволжскія степи, воодушевленными искреннимъ желаніемъ облегчить страданія, нужду и горе народа, разореннаго неврожками и голодовкой, шли бороться съ болѣзнями и эпидеміями, не рѣдко рискуя собственнымъ здоровьемъ и даже жизнью».

«Но особенно кипучей энергіей и полнымъ, беззаветнымъ самоотверженіемъ отличалась дѣятельность именно учащейся молодежи — студентовъ и слушательницъ разныхъ курсовъ... Мы увѣрены, что этотъ отзывъ подтвердятъ всѣ тѣ, кому пришлось болѣе или менѣе близко стоять къ дѣлу организаціи помощи голодающимъ «въ кампанію» 1898—1899».

За границей.

Настроеніе въ Англій. Во всѣхъ статьяхъ англійскихъ газетъ, обсуждающихъ шансы мира и печатающихся телеграммы изъ южной Африки, сквозитъ тихо скрытая тревога. Война длится уже тридцать мѣсяцевъ (вѣсто трехъ — какъ думали въ Англій, когда отправились первые отряды въ Капштадтъ), а, между тѣмъ, до конца еще далеко. Признаки утомленія войной съ каждымъ днемъ усиливаются, и въ послѣднее время въ Лондонѣ стали упорно распространяться слухи о серьезныхъ разногласіяхъ, возникшихъ будто бы между Чемберленомъ и канцлеромъ казначейства, Гиксъ Бичемъ, который давно уже съ неудовольствіемъ смотритъ на безполезныя траты, вызываемыя войной. Столкновеніе вышло изъ-за вопроса о займѣ, на которомъ настаиваетъ Чемберленъ. Канцлеръ казначейства, однако, предпочитаетъ налоги, находя, быть можетъ, справедливымъ, чтобы народъ, погнавшійся за военною славой въ южной

Африкѣ, расплачивался теперь за свое увлеченіе имперіализмомъ. Лондонскій рабочій, которому приходится въ настоящее время платить дороже за всё продукты, не можетъ, конечно, не поразмыслить о томъ, что все это происходитъ изъ-за войны. У многихъ возникаютъ тревожные вопросы: что же будетъ дальше? Какіе новые налоги будутъ включены въ новый бюджетъ? Экстренное ночное засѣданіе министровъ, происходившее на-дняхъ, только усилило всеобщую тревогу.

Англія, дѣйствительно, переживаетъ теперь серьезный моментъ, такъ какъ въ Преторіи происходятъ совѣщанія о мирѣ. Когда въ мартѣ 1900 г. впервые начались переговоры, то предводители оранжевыхъ буровъ не принимали въ нихъ тогда никакого участія. Штейнъ и Деветъ, храбрѣйшіе изъ храбрыхъ, и слышать тогда ничего не хотѣли о мирѣ, какъ это указываетъ перехваченная переписка Штейна. Теперь же всѣ вожди буровъ собрались въ Клерксдорпъ; Шалькбургеръ, Бота, Деларей — со стороны Трансваала, Штейнъ и Деветъ — со стороны Оранжевой республики и нѣкоторые другіе. Всѣ вмѣстѣ они отправились въ Преторію, и ихъ совѣщаніе должно имѣть рѣшающее значеніе, такъ какъ они будутъ говорить отъ лица всѣхъ буровъ.

Нельзя, однако, сказать, чтобы въ Лондонѣ преобладали оптимистическіе взгляды на этотъ счетъ. Скорѣе наоборотъ. Камнемъ преткновенія можетъ явиться вопросъ объ амнистіи всѣхъ капскихъ колонистовъ, присоединившихся къ бурамъ, которыхъ, какъ говорятъ, поставленъ въ основу переговоровъ о мирѣ.

Опубликованіе завѣщанія Сесили Родса вызвало много толковъ. Оно явилось сюрпризомъ для всѣхъ и отчасти выказало въ новомъ свѣтѣ этого въ высшей степени оригинальнаго человѣка, для котораго одни не находятъ достаточно бранныхъ и презрительныхъ эпитетовъ, другіе же превозносятъ чуть не до небесъ. Редакторъ журнала «Review of Reviews» Стэдъ, не скрывающій своихъ симпатій къ бурамъ и открыто высказывавшійся противъ войны, говорить о Родсѣ, что въ немъ были всѣ задатки убѣжденнаго человѣка, способнаго вызвать какое-нибудь великое движеніе, создать новую религію. Слѣдуетъ замѣтить, что Стэдъ былъ нѣкогда яростнымъ противникомъ Родса, которому сильно доставалось въ его статьяхъ. Но Родсъ самъ отправился къ нему, чтобы привлечь его на свою сторону. Они очень много и долго спорили, и хотя Родсъ не убѣдилъ Стэда въ справедливости своихъ взглядовъ, но съ тѣхъ поръ Стэдъ сталъ лично иначе къ нему относиться и уважалъ его, какъ человѣка. И теперь въ своей статьѣ, написанной послѣ смерти Родса, Стэдъ съ жаромъ доказываетъ, что чувство тщеславія было совершенно незнакомо Родсу. Онъ никогда не стремился играть никакой официальной роли. «Его величайшею мечтой,—говоритъ Стэдъ,—было основаніе великой ассоціаціи изъ людей убѣжденныхъ и милліонеровъ, которая поставила бы себѣ задачей объединеніе расъ, говорящихъ на англійскомъ языкѣ. Эта ассоціація должна была бы также трудиться для этой идеи, какъ трудилось общество Иисуса для католической церкви, потому что англо-саксонская раса была для Сесили Родса тѣмъ же, чѣмъ была католическая церковь для Игнатія Лойолы». Стэдъ увѣряетъ, что Родсъ согласился бы

даже на то, чтобы объединение расъ, говорящихъ по-англійски, совершилось подъ «звѣзднымъ знаменемъ Соединенныхъ Штатовъ», если оно не можетъ быть достигнуто другимъ путемъ. Въ доказательство Стэдъ цитируетъ выдержки изъ письма Родса, полученнаго Стэдомъ въ 1890 году. «Какая грандіозная идея! — пишетъ ему Родсъ. — Если-бъ мы не потеряли Америки или если-бъ теперь было бы возможно достигнуть соглашенія между членами американской палаты представителей и нашей палаты общинъ, то всеобщій миръ былъ бы навсегда обеспеченъ, засѣданія федеральнаго парламента могли бы происходить попеременно въ Вашингтонѣ и Лондонѣ, въ теченіе пяти лѣтъ въ одномъ городѣ и пять лѣтъ въ другомъ...»

Въ этомъ письмѣ, въ которомъ Родсъ подробно развѣиваетъ свою идею, свои планы и взгляды, онъ является въ образѣ мечтателя, идеалиста и такимъ же онъ представляется намъ и въ своемъ завѣщаніи, которое возбуждало столько толковъ. Замѣчательно, что этотъ человѣкъ, котораго называли торгашемъ, ставящимъ деньги выше всего и смотрѣвшимъ на все съ финансовой точки зрѣнія, повидимому, ставилъ идеи выше власти и денегъ; поэтому-то онъ и завѣщалъ все свое состояніе на «интеллектуальное развитіе» британской имперіи и ни одного милліона не пожертвовалъ на усиленіе ея военнаго и морскаго могущества!

Это завѣщаніе Родса можетъ служить отвѣтомъ для тѣхъ, кто полагаетъ, что результатомъ южно-африканской войны будетъ окончательная милитаризація Англіи и укрѣпленіе культа золота и силы въ этой странѣ. Этого нечего опасаться, такъ какъ завѣщаніе Родса указываетъ, что снова берутъ верхъ тѣ самыя идеи, которыя во времена Гладстона стояли на первомъ планѣ; Англія начинаетъ понимать свое роковое заблужденіе, также какъ его понялъ Родсъ, составляя свое завѣщаніе.

Въ Англіи происходитъ теперь борьба изъ за народной школы. Бальфуръ внесъ законопроектъ, имѣющій цѣлью ввести большее единство въ школьномъ управленіи посредствомъ отиѣвы такъ называемыхъ «School Boards» и подчиненія школъ общинному управленію. Законопроектъ, однако, встрѣтилъ весьма ожесточенную оппозицію въ парламентѣ и вызвалъ полемику въ англійской печати. Большинство газетъ, соглашающихся съ тѣмъ, что теперешняя система школьнаго управленія носитъ хаотическій характеръ и требуетъ реформы, не думаютъ все таки, чтобы законопроектъ Бальфура представлялъ шагъ къ прогрессу въ этомъ отношеніи. Нѣтъ сомнѣнія, что общинныя власти города болѣе интересуются вопросами объ селѣщеніи колонизаціи и т. п., нежели вопросами воспитанія юности и поэтому навязанный имъ новымъ закономъ надзоръ надъ школами, явится для нихъ дѣйствительно неприятымъ бременемъ. Между прочимъ высказывается опасеніе, что муниципалитеты будутъ экономизировать на школахъ, чтобы имѣть средства для другихъ цѣлей. Кроме того, такъ какъ члены муниципальных комиссій назначаются муниципальнымъ же совѣтомъ, а не выбираются какъ члены «School Boards» самими же плательщиками налоговъ, то они и не будутъ считать себя отвѣтственными передъ избирателями. Затѣмъ бальфуровскій законопроектъ ставитъ

въ привилегированное положеніе церковныхъ школы. Если члены какой-нибудь религіозной школы недовольны формою религіознаго преподаванія въ государственной элементарной школѣ, говорится въ законопроектѣ, то они могутъ открыть собственную школу и содержать ее на общественныя средства. «Вѣдь такимъ образомъ въ Англіи, въ каждой деревнѣ будутъ пожалуй существовать по три микроскопическихъ школы, восклицаетъ одна изъ радикальныхъ газетъ.—Одна изъ этихъ школъ будетъ ортодоксальная, другая будетъ принадлежать къ свободной церкви, а третья атеистическая и всѣ три будутъ дѣйствовать другъ противъ друга, а не другъ съ другомъ. Что же выиграетъ отъ этого бѣдное англійское ханжество?»

На происходившемъ недавно годовомъ собраніи [національнаго союза учителей, существующаго уже 33 года, школьный вопросъ дебютировался очень горячо и снова были вотированы тѣ самые принципы свободной народной школы, которые въ 1872 г. были поставлены Джо Чамберленомъ въ основу своей политической программы, а теперь выброшены имъ за бортъ, какъ и многое изъ его прежняго либеральнаго багажа. Всѣ стояли за необходимость централизаціи школьной власти и за реформу школьныхъ комиссій, но высказалось все-таки противъ ихъ отмены и противъ нарушенія чамберленовской программы 1872 г.

Германскіе общественные вопросы. Въ Ганноверѣ состоялось въ прошломъ мѣсяцѣ общее собраніе союза народныхъ университетскихъ курсовъ. Нѣмецкая печать посвятила этому собранію прочувствованныя статьи и съ похвалою отзывалась о чрезвычайно полезной дѣятельности союза. Изъ докладовъ, прочитанныхъ въ собраніи, выяснилось, въ настоящее время въ двадцати германскихъ городахъ организованы комитеты народныхъ высшихъ курсовъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ эти комитеты, завѣдующіе открытіемъ курсовъ и разработкой программъ, исключительно состоятъ изъ доцентовъ, но въ другихъ мѣстахъ признано было полезнымъ привлечь къ участію въ комитетахъ муниципалитета рабочее сословіе и результаты этого нововведенія всадѣ получились очень хорошіе. Одинъ изъ докладчиковъ въ подтвержденіе этого указалъ на дѣятельность комитета въ Карлсруэ, гдѣ, во всѣхъ отдѣлахъ организаціи участвуютъ рабочіе. Признано очень полезнымъ для успѣха дѣла, чтобы представители рабочаго сословія сообщали всегда конференціи профессоровъ о томъ, какое впечатлѣніе на слушателей произвела та или другая лекція и какія дѣлаются критическія замѣчанія самими же слушателями. Только такимъ образомъ можно судить насколько слушатели усвоили себѣ предметъ лекціи. Кромѣ того представители рабочаго класса, участвуя въ организаціи, несутъ на себѣ также извѣстную долю отвѣтственности. Выслушавъ докладчика, собраніе высказалось большинствомъ голосовъ въ пользу привлеченія въ комитетъ представителей рабочихъ классовъ. На собраніи выяснился между прочимъ слѣдующій любопытный фактъ: въ Берлинѣ не существуетъ самостоятельнаго комитета по устройству курсовъ, потому что тамъ раньше существовала уже подобная организація изъ рабочихъ, которые совмѣстно съ основаннымъ въ

Берлинъ союзомъ доцентовъ, взяли въ свои руки организацію въ столицѣ высшихъ курсовъ для народа.

Въ нѣкоторыхъ городахъ, между прочимъ въ Карлсруэ, съ курсами связаны и народныя читальни, а въ Билѣ предполагаютъ соединить съ этими курсами и удовлетвореніе художественныхъ потребностей народа. Вообще члены этого союза могутъ съ чувствомъ удовлетворенія читать газеты, указывающія на развитіе этого симпатичнаго дѣла въ Германіи, гдѣ съ каждымъ годомъ увеличивается въ рабочихъ классахъ потребность болѣе широкаго образованія и стремленіе къ просвѣщенію. Слѣдующее общее собраніе союза состоится въ будущемъ году въ Карлсруэ.

Снова возгорѣлась полемика относительно избранія второго бургомистра въ Берлинѣ. Какъ извѣстно, по поводу этого избранія произошелъ конфликтъ между императоромъ Вильгельмомъ и берлинскимъ муниципалитетомъ. Императоръ отказался утвердить избраніе Кауфмана въ первый разъ и, несмотря на это, муниципалитетъ избралъ его огромнымъ большинствомъ голосовъ во второй разъ. Такъ какъ это избраніе носило уже явно демонстративный характеръ, то оберъ-президентъ бранденбургской провинціи отказался доложить о немъ министру внутреннихъ дѣлъ для передачи императору. Конечно, такой поступокъ оберъ-президента вызвалъ сильнѣйшее негодованіе въ берлинскомъ муниципалитетѣ, который отказался произвести новые выборы. Вопросъ оставался открытымъ, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Берлинъ существовалъ безъ второго бургомистра. Муниципалитетъ даже рѣшилъ жаловаться административному суду на поведеніе оберъ-президента, но пока шли пререканія вдругъ получено было письмо Кауфмана, въ которомъ онъ заявлялъ, что отказывается отъ избранія! Этотъ неожиданный отказъ произвелъ огромную сенсацію, и такъ какъ онъ былъ написанъ не самимъ Кауфманомъ, а подъ его диктовку, въ психіатрической больницѣ, куда его помѣстили, какъ заболѣвшаго нервнымъ расстройствомъ, то естественно, что возникло подозрѣніе относительно подлинности этого документа. Началась перебранка; оппозиція открыто высказываетъ обвиненіе, что на больного Кауфмана было произведено извѣстное давленіе и что его заставили подписать отказъ отъ избранія на должность второго бургомистра. Такъ или иначе, но дѣло это волнуетъ общественное мнѣніе въ Германіи, и печать требуетъ, чтобы оно было разслѣдовано наиболѣе основательнымъ образомъ.

Агитація противъ хлѣбныхъ пошлинъ продолжается и чуть не ежедневно газеты сообщаютъ о происходящихъ въ разныхъ мѣстахъ собраніяхъ и демонстраціяхъ противъ новаго законопроекта правительства. Но съ своей стороны и аграріи не сидятъ сложа руки, и иногда одновременно въ какомъ-нибудь городѣ происходятъ собранія, причемъ на однихъ собраніяхъ ораторы подвергаютъ самой рѣзкой критикѣ аграрную политику, а на другихъ доказываются необходимость аграрныхъ пошлинъ и такой политики, которая одна только можетъ спасти германское сельское хозяйство отъ гибели. Недавно проходило очень многолюдное собраніе въ одной изъ деревень Эльзаса, состоявшее почти исключительно изъ однихъ крестьянъ. Предсѣдателемъ собранія былъ бургомистръ мѣстечка. Одинъ изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, присутствовавшій

на собраніи, сказалъ чрезвычайно горячую рѣчь противъ повышенія хлѣбныхъ пошлинъ и, вооружившись цифрами, доказывалъ неправильность всѣхъ жалобъ аграріевъ на бѣдственное положеніе сельскаго хозяйства въ Германіи. Точно такъ же посредствомъ статистическаго матеріала, имѣвшагося у него въ рукахъ, ораторъ старался доказать, что повышеніе хлѣбныхъ пошлинъ не только не принесетъ пользы огромному большинству сельскихъ хозяевъ, но даже, наоборотъ, можетъ причинить въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ущербъ ихъ благосостоянію. Это собраніе возбуждало вниманіе печати именно потому, что въ немъ преимущественно участвовали крестьяне и мелкіе землевладѣльцы, отрицавшіе пользу покровительственной системы для земледѣлія, основанной на искусственномъ повышеніи цѣнъ на жизненные припасы. Разумѣется, аграріи не оставили безъ отвѣта эти разъясненія сельскихъ хозяевъ Эльзаса и обвиняли ихъ чуть ли не въ государственной измѣнѣ.

Бельгійскій общественный дѣятель. Извѣстный французскій журналистъ Адольфъ Бриссонъ рассказываетъ о своемъ посѣщеніи въ Гентѣ бельгійскаго депутата Анселе, устроившаго кооперативную хлѣбопекарню «Voorguit» и разныя другія, находящіяся съ нею въ связи учрежденія, облегчающія рабочимъ полученіе сѣстныхъ и другихъ припасовъ по удешевленной цѣнѣ. Анселе самъ происходитъ изъ семьи рабочихъ. Его отецъ былъ башмачникъ, пользовавшійся репутацией безусловной честности, и хотя самъ онъ былъ почти неграмотнымъ, но для воспитанія своего сына не жалѣлъ ничего и отказывалъ себя во многомъ, работая, какъ волъ, чтобы только дать возможность сыну учиться. Въ концѣ концовъ, однако, молодому Эдуарду Анселе пришлось бросить ученіе, чтобы зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба, и онъ поступилъ на службу, сначала къ одному архитектору, потомъ къ хлѣботорговцу, а отъ него перешелъ къ торговцу сукнами. Ни о какой общественной дѣятельности Анселе тогда не мечталъ и жилъ изо дня въ день, довольный тѣмъ, что у него есть обеспеченный кусокъ хлѣба. Но однажды онъ, возвращаясь домой, случайно попалъ на какой-то народный митингъ, на которомъ одинъ изъ весьма талантливыхъ ораторовъ говорилъ о бѣдственномъ положеніи людей, не имѣющихъ заработка, и рассказалъ трагическую исторію двухъ малютокъ, оставшихся безъ пристанища и замерзшихъ въ одну холодную ночь. Эдуардъ Анселе первый разъ слышалъ такіа рѣчи и они произвели глубокое впечатлѣніе на душу юноши. Онъ ушелъ съ митинга совсѣмъ разстроганный. Одинъ изъ товарищей поджидалъ его, чтобы идти съ нимъ въ трактиръ, играть на бильярдѣ, но Анселе наотрѣзъ отказался. Въ немъ совершился нравственный переворотъ. Онъ началъ размышлять о такихъ вещахъ, на которыхъ прежде не останавливался своего вниманія, и когда однажды онъ заговорилъ объ этомъ съ хозяиномъ, желая облегчить свою душу, тотъ грубо оборвалъ его, и пригрозилъ что выговоритъ его, если онъ будетъ развивать такіе взгляды. Анселе замолчалъ но долго не могъ выдержать, и кончилось тѣмъ, что онъ долженъ былъ покинуть своего хозяина. Онъ отправился въ Антверпенъ пѣшкомъ, такъ какъ у него не было денегъ, питаясь по дорогѣ кореньями, которые онъ находилъ на

поляхъ. Въ Антверпенѣ ему удалось зачислиться юнгой на кораблѣ, отходившій въ Лондонъ, но въ Лондонѣ онъ опять очутился безъ мѣста и въ теченіе полугода жилъ случайною работою, скитаясь по уайтъ-чепльскимъ трущобамъ и терпя всевозможныя лишения. Онъ пробовалъ зачислиться на службу въ англійскій флотъ или армію, но его не приняли, потому что онъ не удовлетворялъ требованіямъ роста. Наконецъ послѣ долгихъ мытарствъ ему удалось таки вернуться въ Гентъ и тамъ онъ сдѣлался газетнымъ разносчикомъ. Честный башмачникъ, его отецъ, который былъ еще живъ, очень горевалъ надъ злоключеніями своего сына и его униженіемъ, такъ какъ ремесло газетнаго разносчика казалось ему очень унижательнымъ для человѣка, все-таки получившаго нѣкоторое образованіе. Но и самъ Анселе не былъ удовлетворенъ. Онъ научился типографскому дѣлу и поступилъ наборщикомъ. Это было началомъ его общественной карьеры. Онъ приобрѣлъ вліяніе на своихъ товарищей и мало по малу убѣдилъ ихъ организовать кооперативное общество для устройства хлѣбопекарни и производства хлѣба по дешевой цѣнѣ.

«Сначала мы наняли подвальное помѣщеніе и тамъ соорудили печь для печенія хлѣбовъ,—разсказывалъ Анселе Бриссону.—Мы работали день и ночь и при помощи усиленной пропаганды намъ удалось къ концу года залучить 500 членовъ, а теперь у насъ семь тысячъ! Мы работали въ подвальномъ помѣщеніи, безъ свѣта и безъ воздуха, а теперь посмотрите-ка на зданія, которыя принадлежатъ нашему обществу!»

Дѣйствительно «Vooguit» представляетъ теперь могущественную организацію. Слово «Vooguit» значить по-фламандски «впередъ» и оно послужило девизомъ общества, которое развивалось необыкновенно быстро. Въ настоящее время «Vooguit» имѣетъ бакалейныя лавки, склады угля, аптеки, магазины готового платья, кофейни (безъ спиртныхъ напитковъ) и т. п. Всюду члены общества могутъ приобретать все что имъ нужно, расплачиваясь при помощи чековъ, которые замѣняютъ бумажныя деньги и выдаются обществомъ.

— Кто-нибудь завѣдуетъ у васъ этою торговлей,—спросилъ Бриссонъ.

— Да, у насъ есть главный управляющій,—отвѣчалъ Анселе.

— Сколько же онъ получаетъ?

— Тридцать франковъ въ недѣлю.

— Тридцать? И онъ доволенъ?

— Какъ такъ доволенъ?.. Я, управляющій дѣлами всего общества, получаю только сорокъ, да и то отдаю большую часть въ общую кассу.

— Да, но на вашей сторонѣ слава.

Анселе улыбнулся. «Слава—пустой звукъ», сказалъ онъ и не распространяясь дальше объ этомъ повелѣ своего посѣтителя въ типографію «Vooguit», гдѣ печатается органъ общества на фламанскомъ языкѣ. Рядомъ съ типографіей находится прекрасная бібліотека. Эдуардъ Анселе съ гордостью показалъ типографію Бриссону и заставилъ его обратить вниманіе на прекрасныя станки, скоропечатныя машины и всю обстановку типографіи. «А вѣдь пришлось же намъ пережить трудныя минуты,—сказалъ онъ при этомъ.—Однажды явился приставъ, чтобы описать все наше имущество и конфисковать нашу газету. Я

поскорѣ послалъ за адвокатомъ, который долженъ былъ избавить насъ отъ этой грозной участи и мнѣ надо было выиграть время, пока придетъ этотъ адвокатъ. И вотъ я началъ занимать пристава разговорами, поролъ ему всякую чепуху, а самъ поглядывалъ на часы... Адвокатъ наконецъ явился и мы были спасены отъ когтей полицейской власти. Но я готовъ былъ бы растерзать пристава, если бы онъ не сталъ слушать моихъ разсказовъ, а вздумалъ бы настаивать на наложеніи печатей... Мы боролись постоянно съ нуждой, неудачами и выходили побѣдителями».

Теперь Эдуарду Анселе, какъ депутату и представителю известной партіи, предстоитъ довольно трудное испытаніе. Въ Бельгіи неспокойно. Клерикалы, заходившіеся у власти въ теченіи 18 лѣтъ, неизмѣннымъ образомъ разрушали всѣ попытки либеральной партіи ввести реформы въ существующемъ режимѣ. Съ начала 90-хъ годовъ въ Бельгіи стали раздаваться голоса въ пользу пересмотра конституціи и требованія введенія всеобщей подачи голосовъ. Въ 1893 г. былъ произведенъ пересмотръ конституціи, но послѣдствія этого пересмотра оказались еще хуже. Новый законъ давалъ права нѣкоторымъ гражданамъ, удовлетворявшимъ известнымъ условіямъ ценса, не только на одинъ голосъ, но на два и даже на три и поэтому парламентскіе выборы, произведенные на основаніи этого закона, дали клерикальному министерству огромное большинство. Равновѣсіе между партіями въ парламентѣ было такимъ образомъ совершенно нарушено, и правительство, уступая настояніямъ либераловъ, рѣшило нѣсколько возстановить это равновѣсіе, предложивъ парламенту законопроектъ о пропорціональномъ представительствѣ. Однако это не удовлетворило оппозицію, не имѣвшую никакихъ шансовъ при существующихъ условіяхъ свергнуть клерикальное министерство и поэтому всѣ послѣдніе годы не прекращалась агитація въ пользу пересмотра конституціи. Волненія за послѣднія двѣ недѣли приняли очень серьезный характеръ, тѣмъ болѣе, что они осложняются повѣйшимъ застоємъ въ области фабричной промышленности, что наноситъ странѣ существенный ущербъ.

Величайшее въ мірѣ акціонерное общество. Театръ для дѣтей въ Америкѣ. Въ 1898 году, въ области американской стальной и желѣзной промышленности можно было наблюдать любопытное явленіе—стремленіе къ объединенію всѣхъ промышленныхъ предпріятій, къ организаціи громаднаго союза фабрикъ, который бы могъ охватить всю американскую промышленность. Къ этому времени шотландецъ Карнеджи, американскій Круппъ, сдѣлавшійся милліардеромъ изъ простаго рабочаго и раздающій теперь свои милліоны въ пользу библиотекъ и другихъ общественныхъ учреждений, успѣлъ совершенно уничтожить всякую мелкую конкуренцію, благодаря своей системѣ сосредоточенія въ однихъ рукахъ всѣхъ отраслей промышленности, находящихся въ тѣсной связи съ производствомъ желѣза и стали. Онъ стремился поставить свои громадныя фабрики въ полную независимость отъ закупки необходимыхъ сырыхъ матеріаловъ, угля, желѣза и т. д. и приобрѣлъ громадныя угольныя копи, чтобы имѣть свой собственный уголь, желѣзные рудники —

чтобы имѣть свою руду, и, кромѣ того, построилъ корабли и провелъ собственную желѣзную дорогу. Но этого мало: чтобы повысить спросъ на сталь и желѣзо, онъ нанялъ архитекторовъ, которые изготовили для него множество плановъ зданій, при постройкѣ которыхъ преимущественно употреблялся стальной матеріалъ. Эти планы раздавались даромъ строителямъ и дѣйствительно спросъ на сталь повысился. Достигнувъ этого, Карнеджи могъ, казалось, спокойно почитать на лаврахъ и пожинать плоды своего искусства. Но въ 1898 году у него явился чрезвычайно опасный конкурентъ въ образѣ громаднаго стального синдиката «Federal Steel Company», образовавшагося изъ соединенія шести большихъ промышленныхъ обществъ. Организаторомъ этого величайшаго въ мірѣ акціонернаго общества былъ банкиръ Морганъ, состоявшій директоромъ 21 желѣзнодорожнаго общества. Тогда-то возникла борьба между промышленною компаніей Карнеджи и стальнымъ синдикатомъ. Побѣда осталась за послѣднимъ. Морганъ не только скупилъ всѣ акціи Карнеджи, но присоединилъ еще другія промышленныя предпріятія къ своему синдикату, такъ что въ январѣ 1899 г. «American Steel and Wire Company» состояло изъ 31 промышленной компаніи и къ февралю 1901 г. уже объединилась въ обширнѣйшую на свѣтѣ стальную корпорацію, подчиняющуюся законамъ штата Нью-Джерсей. Морганъ старался привлечь въ свою гигантскую корпорацію всѣхъ крупныхъ промышленниковъ. Ему удалось также залучить и «нефтяного короля» Рокфеллера, который владелъ значительными желѣзными рудниками и пароходствомъ.

Согласно американской статистикѣ на всей землѣ выдѣлывается 26.888.755 тоннъ стали, изъ нихъ 6.290.434 поставляеть Германія и 4.933.010—Англія. На долю Соединенныхъ Штатовъ выпадаетъ 10.200.000 тоннъ всего производства стали, но изъ этого количества семь милліоновъ доставляетъ грандіозный стальной синдикатъ Моргана, остальное же двадцать или тридцать другихъ промышленныхъ компаній, еще не поглощенныхъ синдикатомъ.

Морганъ, организуя свое грандіозное акціонерное общество, имѣлъ, прежде всего, въ виду сдѣлать невозможной никакую мѣстную конкуренцію, сбивающую цѣны. Трудность управленія дѣлами такого величайшаго въ мірѣ промышленнаго общества, устраняется до нѣкоторой степени децентрализацией и тѣмъ, что включенный въ «American Steel Corporation» акціонерныя общества, не вполне поглощены корпораціей, а пользуются все-таки самостоятельностью, хотя и съ извѣстными ограниченіями. Управленіе этою величайшею промышленною корпораціей заключаетъ въ себѣ много аналогіи съ государственнымъ управленіемъ Соединенныхъ Штатовъ, причемъ промышленныя компаніи, вступившія въ корпорацію, можно уподобить отдѣльнымъ штатамъ. Съ вашингтонскимъ конгрессомъ можно сравнить «директоріумъ», состоящій изъ 24 членовъ, выбираемыхъ акціонерами. Въ числѣ членовъ находятся президенты разныхъ промышленныхъ обществъ и вообще компетентные люди. Заимѣчательно, что половина этихъ директоровъ — такъ называемые «Self made men», своєю карьерой исключительно обязанные собственнымъ силамъ. Различнымъ министерствамъ отвѣчаютъ коммисіи, финансовая, законодательная

и исполнительная. Такое же положеніе, какое занимает Рузвельтъ во главѣ сѣвероамериканскаго союза, принадлежит въ стальной корпораціи Чарльзу Шабу, обязанности котораго чрезвычайно обширны и сложны, что понятно самою собою. Во владѣніи стальной корпораціи находятся шесть «большихъ желѣзнодорожныхъ линій и множество мелкихъ». Вообще, въ организаціи этого гигантскаго промышленнаго предпріятія крайне типически выражаются всѣ стороны американскаго характера и широкій размахъ американской предпримчивости, не любящей узкихъ и торныхъ тропинокъ и стремящейся завоевать міръ.

Американцы и въ области педагогики обнаруживаютъ то же желаніе отдѣлаться отъ рутинныхъ приемовъ и стараются отыскать новые пути. Мы уже говорили объ учрежденіи специальныхъ библіотекъ и читаленъ для дѣтей, какъ главнаго пособія при воспитаніи. Теперь въ Нью-Йоркѣ возникло новое движеніе, выходящее цѣлью учрежденіе специальныхъ театровъ для дѣтей, которые также должны служить задачамъ воспитанія. Въ лицѣ Карнеджи уже организованы постоянныя театральныя представленія для дѣтей, и при театрѣ существуетъ дѣтскій оркестръ. Самому младшему музыканту въ этомъ оркестрѣ восемь лѣтъ; это родственникъ Рузвельта, очень мило играющій на скрипкѣ. Успѣшный починъ Нью-Йорка вызвалъ подражанія и въ Бостонѣ открылся специальный дѣтскій театръ, организаторъ котораго, между прочимъ, хочетъ сдѣлать его пособіемъ при изученіи исторіи. Американская печать относится очень сочувственно къ этому предпріятію и, вѣроятно, скоро во всѣхъ большихъ городахъ будутъ устроены специальные дѣтскіе театры, какъ пособіе при школьномъ обученіи.

Китайскія тайныя общества. Со времени послѣднихъ китайскихъ волненій, осады Пекина и т. д. особенное вниманіе возбуждаютъ тайныя общества въ Китаѣ, которыя, безъ сомнѣнія, являются главными виновниками китайскихъ восстаній и беспорядковъ. Быть можетъ не найдется другой такой страны, въ которой тайныя общества были бы такъ распространены и такъ бы процвѣтали, какъ въ Китаѣ, гдѣ вообще въ населеніи очень развитъ духъ солидарности. Народъ, подвергающійся эксплуатаціи и порабощенію, знаетъ, что ему нечего рассчитывать на справедливость чиновниковъ и, поэтому, онъ сознаетъ необходимость сплотиться, чтобы защищать свои интересы и мстить притѣснителямъ. Склонность китайцевъ къ символизму также была причиною образованія такого множества тайныхъ обществъ. Изъ этихъ обществъ особенную извѣстность приобрѣло то, которое европейцы называли «обществомъ боксеровъ».

О происхожденіи этого общества, его распространеніи, обрядахъ и т. п. существуетъ множество разсказовъ, достовѣрность которыхъ, однако, подлежитъ сомнѣнію, но въ послѣднее время найдены были документы, во время грабежа, произведеннаго въ китайскихъ трущобахъ, которые по словамъ Леона Шарвантье («Mergite Frame»), проливаютъ свѣтъ на ритуалъ и кодексъ общества боксеровъ. Это общество представляетъ не что иное, какъ преобразованное общество «Большихъ ножей», существовавшее въ Китаѣ уже триста лѣтъ. Боксе-

рами ихъ стали называть англичане и поэтому-то это названіе звучитъ совсѣмъ не по китайски, а напоминаетъ англійскій боксъ, такъ что можно, пожалуй, подумать, что члены тайныхъ обществъ въ Китаѣ изучаютъ это «благородное» искусство англичанъ.

Китайскіе боксёры однако совершенно не занимаются этимъ. Они образуютъ обширное тайное общество, на очень широкихъ и глубокихъ основаніяхъ, которое представляется настоящимъ государствомъ въ государствѣ, такъ какъ имѣетъ свои собственные законы и правила и даже собственное уголовное законодательство. Но такъ какъ это общество, какъ и многія другія, образованныя съ политическими цѣлями, стремится къ возрожденію китайскаго духа и испроверженію манчжурской династіи, то вполне естественно, что оно возбуждало противъ себя самыя ожесточенныя преслѣдованія властей. Эти преслѣдованія прекратились только тогда, когда въ послѣдніе годы вдовствующая императрица вздумала воспользоваться членами общества какъ союзниками противъ иностранныхъ державъ. Вотъ почему, какъ видно изъ настоящихъ документовъ, общество это, несмотря на угрозы властей, могло называться въ концѣ послѣднихъ двухъ лѣтъ «императорскимъ обществомъ» и прежній девизъ: «Испроверженіе династіи Цзингъ и восстановленіе Минговъ» былъ исключенъ изъ документовъ и повѣстокъ, рассылаемыхъ членамъ. Въмѣсто прежняго призыва, тамъ теперь находились слѣдующія слова: «Прославляйте династію! Убивайте иностранцевъ. Если же вы не послушаетесь этого приказанія, то потеряете свою голову». Союзъ между тайнымъ обществомъ и манчжурскимъ правительствомъ, которое прежде это общество считало своимъ завзятымъ врагомъ, былъ объявленъ публично; вотъ почему въ позднѣйшихъ своихъ призывахъ къ возстанію боксёры ни разу не упоминаютъ объ истребленіи манчжурской династіи. Вотъ, напримеръ текстъ одного изъ такихъ воззваній, которыя въ громадномъ количествѣ распространялись во всѣхъ китайскихъ городахъ передъ самымъ началомъ пекинскихъ событій: «Боги, помогающіе боксёрамъ, повелѣваютъ вамъ изгнать иностранныхъ дьяволовъ, явившихся лишь для того, чтобы внести смуту въ царство сына неба и заставить мужчинъ нарушить свои клятвы, а женщинъ совершать супружескія измѣны. Всѣ вы истребляйте этихъ дьяволовъ, разрушайте желѣзныя дороги, телеграфные столбы, а въ особенности старайтесь потопить пароходы, тогда сердце великой Франціи сожмется отъ холода, англичане и русскіе обратятся въ прахъ, но это навсегда обезпечитъ процвѣтаніе прекрасной имперіи великихъ Цзинговъ».

Въ этомъ воззваніи боксёры уже явно становятся союзниками императорскаго правительства и временно забываютъ свою ненависть противъ него. Но вѣроятно, рано или поздно тайное общество вернется къ своей прежней дѣятельности и будетъ снова стремиться къ политической революціи. Въ Европѣ совершенно ложно представляютъ себѣ боксёровъ въ видѣ какого-то сброда бродягъ и разбойниковъ худшаго сорта. Въ дѣйствительности это не такъ. Всѣ жестокости и насилія, совершенныя боксёрами, вызваны были ихъ фанатизмомъ. Правда, очень многія изъ тайныхъ обществъ въ Китаѣ превратились теперь въ простыя ассоціаціи грабителей, можетъ быть вслѣдствіе преслѣдованій, кото-

рмиъ они подвергались постоянно, и всевозможных притѣсненій и несправедливостей властей, но, во всякомъ случаѣ, въ основѣ ихъ заключаются другіе принципы, часто даже весьма высокаго нравственнаго характера. Въ прежнія времена собранія китайскихъ обществъ происходили въ джунгляхъ или въ уединенныхъ ущельяхъ, гдѣ зоркое око китайской власти не могло ихъ настѣгнуть, но теперь общество боксеровъ, напримѣръ, имѣетъ уже собственныя помѣщенія, гдѣ собираются члены и гдѣ происходятъ церемоніи, сопряженныя со вступленіемъ новыхъ членовъ. Въ найденныхъ документахъ заключаются между прочимъ, всѣ правила приѣма: новые члены на колѣняхъ выслушиваютъ чтеніе однимъ изъ старѣйшихъ членовъ общества его эзотерическаго кодекса, состоящаго изъ 36 параграфовъ. Первый гласитъ слѣдующее: «Вы вступаєте въ общество, основанное «пятью предками», и должны строго выполнять свои обязанности и заниматься своими дѣлами. Давно уже признано, что первая изъ всѣхъ добродѣтелей—это сыновняя любовь, поэтому уважайте своихъ родителей и повинуйтесь имъ. Тотъ кто нарушитъ эту заповѣдь, не будетъ пользоваться любовью ни неба, ни земли. Божественный громъ сразитъ его. Пусть каждый изъ васъ строго слѣдуетъ этому предписанію».

Второй параграфъ обязываетъ вступающаго строго соблюдать тайну, иначе ему грозитъ проклятіе и тѣлесное наказаніе, состоящее въ отсѣченіи уха и 108 палочныхъ ударахъ. Въ третьемъ параграфѣ членамъ предписывается оказывать другъ другу одинаковые знаки уваженія, кто бы они ни были, богачи или нищіе, мандарины или простые ремесленники и купцы. Всѣ должны считать другъ друга братьями! «Не полагайтесь на свое богатство,—гласитъ этотъ параграфъ,—не оскорбляйте бѣдняка, не пользуйтесь своимъ могуществомъ для того, чтобы притѣснять другихъ, честныхъ и мужественныхъ людей. Тотъ, кто нарушитъ эту заповѣдь, повелѣвающую любить своихъ братьевъ, пусть станетъ добычей тигровъ».

Затѣмъ въ слѣдующихъ параграфахъ запрещается оскорблять буддистскихъ или таолемскихъ священниковъ, которыхъ слѣдуетъ уважать, хотя можно и не быть ихъ послѣдователями, члены общества должны избѣгать лжи и клеветы. Вообще, въ этихъ правилахъ заключается цѣлый кодексъ самыхъ возвышенныхъ нравственныхъ правилъ, которыми должны руководствоваться члены, въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ и въ своемъ поведеніи.

Рѣшительно во всѣхъ классахъ китайскаго населенія можно найти членовъ этого тайнаго общества, которое покрываетъ своею сѣтью всю небесную имперію. И при этомъ не слѣдуетъ думать, что общество вербуетъ послѣдователей преимущественно среди простаго невѣжественнаго и суевѣрнаго населенія. Напротивъ, главныя свои силы тайное общество находитъ среди избраннаго класса, представляющаго цвѣтъ китайской образованности и ума и въ этомъ именно и заключается гарантія его продолжительнаго существованія и его вліянія. Посредствомъ брошюръ и листовъ, распространяемыхъ въ огромномъ количествѣ, тайное общество пропагандируетъ свои идеи и поддерживаетъ ненависть и отвращеніе ко всякому иностранному вліянію. Ряды его приверженцевъ пополняются, кромѣ того, всякаго рода неудачниками, которыхъ въ Китаѣ,

какъ и вездѣ, множество. Далеко не всѣ изъ выдержавшихъ успѣшно трудные государственные экзамены получаютъ мѣсто въ обширной администраціи страны. Очень много людей, обладающихъ прекрасными дипломами и, слѣдовательно, имѣющихъ право украшать себя разноцвѣтными пуговками, вынуждены, ради куска хлѣба, заниматься самыми низкими ремеслами. Это создаетъ недовольныхъ, для которыхъ тайное общество представляетъ своего рода убѣжище. Вообще трудно найти китайца, будь онъ мандаринъ или чернорабочій, богатый или бѣдный, который бы не принадлежалъ къ какому-нибудь такому обществу. Но противъ европейцевъ возстаютъ не одни только тайныя общества, а весь Китай со всѣми своими традиціями и фактическимъ преклоненіемъ передъ предками и ихъ завѣтами.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Дѣтскій трудъ и дѣтская преступность.—Болѣзни въ литературныхъ произведеніяхъ.—Очерки вашингтонскаго общества.—Вольная Англія.

Вездѣ, гдѣ промышленность достигла извѣстнаго развитія, женщины и дѣти вынуждены принимать участіе въ фабричной работѣ, чтобы вносить и свою долю на содержаніе дома, такъ какъ съ вздорожаніемъ жизни заработокъ мужчины становится недостаточнымъ. «Женскій, и дѣтскій трудъ достигъ высшей точки своего примѣненія, прежде всего въ Англіи, — говоритъ Эленъ Кей въ своей статьѣ въ «Neue deutsche Rundschau», обсуждающей связь между преступностью дѣтей и фабричнымъ трудомъ.—Англійскіе пріюты для бѣдныхъ отправляли цѣлыя массы дѣтей на фабрики. Въ промышленныхъ округахъ, благодаря этой системѣ, населеніе вырождалось, появились неизвѣстныя до-толѣ болѣзни. Беременные женщины и даже 4 хъ—5-ти-лѣтнія дѣти работали отъ 14 до 18 часовъ въ сутки. Разслѣдованія произведенныя въ этой области, побудили Елизавету Гарремъ написать свое знаменитое стихотвореніе «The cry of the children», вызвавшее страшное негодованіе фабрикантовъ, но зато заставившее парламентъ вотировать билль о десятичасовомъ рабочемъ днѣ. Подобныя же условія существовали, впрочемъ, и въ другихъ странахъ. Въ Саксоніи, Бельгіи, Эльзасѣ и рейнскихъ провинціяхъ. Послѣдствія такой системы давали себя чувствовать также сильно, какъ и въ Англіи. Но несмотря на это, теперь уже вездѣ введены покровительственные законы, регулирующие работу женщинъ и дѣтей, тѣмъ не менѣе эта работа въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, не подпадающихъ подъ статью закона, носитъ такой же тяжелый характеръ, какъ и прежде. Въ домашней промышленности дѣти начинаютъ работать уже съ 4-хъ лѣтъ, тогда какъ законнымъ возрастомъ для фабричной работы во многихъ государствахъ считается 12—14 лѣтъ. Въ Италіи большинство нищихъ дѣтей калѣкъ происходятъ изъ сѣрныхъ копей въ Сициліи. Они начинаютъ свой тяжелый трудъ съ самаго нѣжнаго возраста и обыкновенно къ 14-ти годамъ становятся уже совершенно неспособными къ работѣ калѣками. Въ Испаніи, въ кояхъ работаютъ шести—восьмилѣтнія

дѣти; во Франціи дѣло обстоитъ не лучше, несмотря на то, что партія, къ которой принадлежатъ теперешній министръ торговли Мильеранъ, требуетъ абсолютнаго воспрещенія работы дѣтей.

Наилучшимъ доказательствомъ вреднаго вліянія этого труда на здоровье населенія служатъ доклады врачей. Въ ланкаширскомъ округѣ изъ 2.000 дѣтей только 151 оказались здоровыми и крѣпкими. Такое вырожденіе населенія замѣчается всюду въ фабричныхъ округахъ и представляетъ грозную опасность для будущаго страны. Громадный вредъ приноситъ также то, что ребенокъ, посылаемый на фабрику или въ рудники, отрывается отъ школы, и такимъ образомъ уменьшается число образованныхъ рабочихъ, которые, однако, вездѣ признаются наиболѣе способными и получаютъ наибольшую плату. Промышленность ничего не выигрываетъ отъ пониженія уровня развитія рабочихъ, которые превращались въ простые машины, выполняющія механически свой ежедневный трудъ и, поэтому, неспособные усваивать себѣ какія-либо нововведенія и усовершенствованія. Но самымъ ужасающимъ признакомъ вырожденной націи, которое является результатомъ этой эксплуатаціи дѣтскаго труда, служатъ цифры преступности. Во всѣхъ фабричныхъ округахъ возрастаетъ преступность среди дѣтей, причѣмъ карательная система въ большинствѣ случаевъ не только не содѣйствуетъ уменьшенію преступности, но даже, наоборотъ, всего чаще вызываетъ рецидивы. Общество, слѣдовательно, ради собственной выгоды и собственного будущаго, должно позаботиться о томъ, чтобы поставить дѣтей бѣднѣйшихъ классовъ населенія и вообще рабочаго сословія въ болѣе нормальныя условія жизни и избавить ихъ отъ фабричной атмосферы, одинаково вредной какъ для ихъ нравственнаго, такъ и для фабричнаго здоровья.

Въ средневѣковой литературѣ мы замѣчаемъ очень мало стремленія изображать патологическіе случаи. Наоборотъ, эта литература большею частью отворачивается отъ всего некрасиваго, непріятнаго и рисуетъ преимущественно картины прикрашенной дѣйствительности. Лишь рѣдко можно встрѣтить въ ней описанія какихъ-нибудь тѣлесныхъ недостатковъ, отвратительныхъ болѣзней, и то лишь въ такихъ случаяхъ, когда бываетъ нужно изобразить вѣдму или вообще какое-нибудь исчадіе грѣха и ада. Въ особенности же въ одномъ отношеніи средніе вѣка представляютъ прямую противоположность современной эпохѣ. Современный художникъ, если ему нужно бываетъ изобразить больного, всегда стремится къ тому, чтобы представить полную клиническую картину его болѣзней. И чѣмъ лучше онъ это сдѣлаетъ, тѣмъ больше гордится своимъ произведеніемъ. Различныя болѣзни, чахотка, бѣлая горячка, морфинизмъ и т. д. изображаются современными писателями въ ихъ произведеніяхъ необыкновенно реальнымъ образомъ, и въ этомъ они видятъ задачу своего искусства. Авторъ статьи въ «Deutsche Revue», говоря о той выдающейся роли, которую играютъ патологическія состоянія въ современной беллетристикѣ и поэзіи, называетъ цѣлый рядъ литературныхъ произведеній, описывающимъ главнымъ образомъ различныя патологическіе случаи. Карлъ Блейбгрей, Ибсенъ, Стриндбергъ,

Зудерманъ, Верга и множество другихъ современныхъ авторовъ, французскихъ, английскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ ставятъ или въ основу своихъ произведеній какой-нибудь патологической случай или же этотъ патологическій случай вводится какъ побочное обстоятельство, которое нужно автору для того или иного исхода его драмы или романа. Вообще, авторы часто прибѣгаютъ къ болѣзнямъ со смертельнымъ исходомъ для удаленія нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ, а иногда и самого героя или героини и возбужденія особеннаго интереса въ своихъ читателяхъ. Такого рода «Gelegenheitskrankheiten», какъ ихъ называетъ авторъ статьи, представляютъ любимое средство, къ которому прибѣгаютъ современные писатели для повышенія драматическаго интереса и удобства развитія фабулы. Наслѣдственные болѣзни также представляютъ для нихъ богатый источникъ, изъ котораго они черпаютъ обѣими руками. Это самая любимая тема современныхъ писателей, но, по мнѣнію автора, беллетристы все-таки не могутъ быть врачами и, поэтому, лишь у очень немногихъ писателей можно найти дѣйствительно вѣрное описаніе болѣзни и въ особенности излюбленныхъ авторами болѣзненныхъ психическихъ состояній. Золя сознается, что для изображенія своего героя Жанневе онъ заимствовалъ у Ламброзо черты преступнаго типа, но, поэтому, изображеніе вышло блѣднымъ и напоминаетъ выцвѣтшій портретъ, снятый не съ живого человѣка, а съ картины. По словамъ одного психіатра изображеніе паралитика въ одномъ изъ произведеній Ибсена, также грѣшитъ большими неточностями, на которыя можетъ даже указать любая сидѣлка или фельдшеръ въ больницѣ. Но въ особенности грѣшатъ авторы противъ дѣйствительности тамъ, гдѣ они изображаютъ нервную горячку или тифъ, вызванную душевными волненіями. Разумѣется, каждый знаетъ, что тифъ не можетъ сдѣлаться отъ горя или отъ какого-нибудь душевнаго потрясенія. Однако, если зародышъ болѣзни уже существуетъ въ организмѣ, то душевное волненіе можетъ послужить благопріятнымъ моментомъ для его развитія. Но такіе случаи очень рѣдки, хотя въ литературѣ они встрѣчаются очень часто, въ виду удобства, которое представляетъ такого рода заболѣваніе, дающее возможность автору воспользоваться имъ для того, чтобы дать то или другое направленіе событіямъ въ своемъ произведеніи или ускорить конецъ. Впрочемъ, уже теперь замѣчается у нѣкоторыхъ авторовъ стремленіе дѣлать болѣе правдоподобнымъ заболѣваніе своего героя и, поэтому, они прибавляютъ простуду къ душевнымъ волненіямъ и т. д. Если въ произведеніяхъ какого-нибудь писателя болѣзнь играетъ роль лишь вводнаго момента, то мы не можемъ отъ него требовать, чтобы онъ изобразилъ ее намъ, какъ медикъ, но если онъ, какъ это въ особенности замѣчается у многихъ современныхъ авторовъ беретъ исходною точкою патологическій случай, то тутъ уже требованія будутъ другія; мы вправѣ требовать, чтобы писатель хорошо зналъ то, о чемъ онъ говоритъ и на чемъ строить все свое произведеніе.

Въ «Harper's Magazine» Морисъ Лоу печатаетъ очерки вашингтонскаго общества. По его словамъ, Вашингтонъ отличается отъ другихъ американскихъ городовъ, такъ какъ онъ не занимается ни торговлей, ни финансовыми дѣлами,

не может похвастаться ни знаменитыми картинными галереями, ни музеями и это единственный американский городъ, въ которомъ не извѣстенъ биржевой языкъ и въ которомъ существуетъ настоящее общество, строгое и проникнутое сознаниемъ собственного достоинства. Всѣ стремленія мужчинъ и женщинъ, живущихъ въ Вашингтонѣ, направлены къ тому, чтобы быть принятыми въ этомъ обществѣ. Богатство въ глазахъ вашингтонскаго общества не играетъ такой большой роли, какъ въ другихъ большихъ городахъ, и вашингтонцы даже выходятъ неприличнымъ и признакомъ дурного тона, если какой-нибудь миллионеръ старается поразить роскошью своихъ приемовъ и обстановки. Обыкновенно очень ошибались тѣ изъ министровъ или сенаторовъ, которые думали, что можно такимъ образомъ привлечь на свою сторону вашингтонское общество, совершенно неправильно обвиняемое въ разныхъ странностяхъ и приверженности къ богатству. Въ Вашингтонѣ преобладаетъ скромный образъ жизни и домашнiе приемы друзей, вмѣсто общественныхъ банкетовъ, которые обыкновенно устраиваются въ другихъ городахъ. Но вашингтонскiй общественный кодексъ полонъ контрастовъ. Въ одномъ отношенiи онъ ультрадемократиченъ, но въ другомъ требуетъ строгаго выполненiя этикета и любить титулы. Никто не осудитъ министра за то, что онъ живетъ въ мебелированной комнатѣ, или супругу сенатора за то, что она сама закупаетъ на рынкѣ провiзiю и торгуется съ продавцомъ масла и яицъ. Общество ни слова не скажетъ и не посмотритъ на это съ удивленiемъ. Точно также вашингтонское общество не обратитъ вниманiя на то, что какой-нибудь изъ посланниковъ отправляется пѣшкомъ на званый обѣдъ. Все это такiя вещи, которыя нисколько не шокируютъ демократическiе взгляды общества. Въдъ какую бы скромную жизнь ни велъ президентъ, онъ все-таки остается президентомъ и въ глазахъ вашингтонскаго общества нисколько не теряетъ своего достоинства. Въ этомъ отношенiи тепершiй президентъ Рузвельтъ особенно пришелся по вкусу вашингтонцамъ, которые уважаютъ его за его скромность. Чванство и выставленiе на показъ своего богатства въ особенности ненавистно вашингтонскимъ гражданамъ и если даже они принимаютъ приглашенiе на какой-нибудь банкетъ миллионера, то все же въ душѣ осуждаютъ такую показную роскошь. Эта любопытная черта характера ставитъ вашингтонцевъ совершенно особо отъ гражданъ прочихъ американскихъ городовъ.

«Большая Англія» — такъ называется весьма pessimистическая статья въ «Revue des Revues», авторъ которой Жакъ Финно нисколько, повидимому, не сомнѣвается, что Англія находится въ періодъ упадка и что ея исчезновенiе изъ ряда великихъ державъ можно считать вполне вѣроятнымъ. Первымъ признакомъ упадка является пониженiе цифры рождаемости. Въ 1875 г. на 1.000 англичанъ приходилось 35 рожденiй; число это упало до 29 въ 1900 году и продолжаетъ падать, такъ что, по вычисленiю одного статистика, въ 1950 г. смертность будетъ превышать число рожденiй. Но если населенiе убываетъ въ Англіи, то нищета увеличивается. Въ одной только Великобританiи насчитывается семь миллионъвъ человекъ, которые не знаютъ, какъ имъ существовать

и чѣмъ питаются. Теперь въ Англіи существуютъ двѣ расы: богатыхъ людей, дѣти которыхъ въ 13 лѣтъ уже вѣсятъ 93 фунта, и бѣдныхъ, малютки которыхъ въ томъ же возрастѣ вѣсятъ не болѣе 73-хъ. Изъ волонтеровъ, которые подвергаются медицинскому осмотру, половина, по крайней мѣрѣ, признается неспособными къ военной службѣ, вслѣдствіе слабости сложенія. Только необходимость заставила англійскія военныя власти зачислять теперь въ войска такихъ людей, которые совершенно не удовлетворяютъ требованіямъ роста и развитію физической силы.

Переходя къ промышленности, авторъ находитъ и въ ней такой же упадокъ. Желѣзная промышленность Англіи не въ состояніи была выдержать конкуренціи Америки, которая производитъ на 50% дешевле Англіи и вывозитъ вдвое больше. Но этого мало: Германія и Соединенные Штаты оспариваютъ у Англіи то первое мѣсто въ морской торговлѣ, которое она раньше занимала. Только въ отношеніи пьянства, иронически замѣчаетъ авторъ, Англія сохраняетъ свое первенство.

Положеніе англійскихъ колоній также очень незавидное. Въ Индіи свирѣпствуетъ голодъ и эпидемія, которыя грозятъ истребить все населеніе. Доходы быстро уменьшаются; такъ, напримѣръ: индусъ, имѣвшій прежде, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, ежедневный доходъ въ два пенса, т.-е. 20 сантимовъ, теперь получаетъ только семь сантимовъ. Въ годъ это составляетъ отъ 27 до 28 франковъ, за которые надо уплачивать подоходный налогъ. Но на эту сумму жить совершенно невозможно нигдѣ. Индусъ, питающійся только исключительно рисомъ да овощами, все-таки долженъ прожить 200 франковъ въ годъ. Результатомъ такого положенія вещей является ужасающая смертность. Англійскій медицинскій журналъ «The Lancet» вычисляетъ даже, что въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ погибло, по крайней мѣрѣ, до 20 милліоновъ отъ голода и болѣзней въ Индіи. Правда, другія англійскія колоніи находятся въ очень цвѣтущемъ состояніи, но именно это процвѣтаніе и развитіе служили источниками всевозможныхъ опасеній и беспокоятъ Англію. Кто же поручится за то, что Австралія и Канада, несмотря на всѣ заявленія насчетъ лояльности своихъ чувствъ, не пожелаютъ въ одинъ прекрасный день сдѣлаться независимыми, да и южная Африка, послѣ того, какъ она будетъ умиротворена, послѣдуетъ, вѣроятно, по ихъ стопамъ и также отпадетъ отъ Англіи, которая теперь проливаетъ столько крови, чтобы обезпечить себѣ владѣніе ею.

Таковы главные симптомы болѣзни Англіи, положеніе которой авторъ считаетъ очень серьезнымъ. Въ слѣдующей статьѣ онъ намѣренъ указать нѣкоторыя средства, которыя могутъ содѣйствовать излеченію этой болѣзни.

С л о в н а я ч е с т ь .

(Письмо изъ Берлина).

Одну изъ наиболѣе характерныхъ чертъ нѣмецкаго общества представляетъ обиліе кастовыхъ перегородокъ и обособленность отдѣльныхъ общественныхъ

слоевъ. Каждое сословіе и каждая профессія живетъ особнякомъ. Педагогъ лишь очень рѣдко сходится съ артистомъ, инженеръ съ политикомъ, коммерсантъ съ чиновникомъ. Да и въ предѣлахъ одной и той же сословной или профессиональной группы существуетъ опять-таки множество отдѣльныхъ градацій, въ зависимости отъ общественнаго и служебнаго положенія, средствъ и семейныхъ связей. Въ крупныхъ центрахъ, какъ, напр., въ Берлинѣ и Мюнхенѣ, перегородки эти до нѣкоторой степени сглаживаются, но стоитъ только выбраться изъ столичной сутолоки, какъ вы тотчасъ же натываетесь на яркія проявленія кастоваго духа, на множество узкихъ сословныхъ предразсудковъ и общественныхъ условностей, разладъ съ которыми равносильнъ исключенію изъ общества.

Легко представить себѣ поэтому, какую бурю подняло не только въ консервативно-аристократическихъ, но и въ буржуазныхъ кругахъ облетѣвшее недавно всю Германію извѣстіе о томъ, что великій герцогъ гессенскій Эрнстъ-Людвигъ отъ времени до времени вступаетъ въ дружескую бесѣду съ социаль-демократическимъ депутатомъ гессенскаго ландтага Ульрихомъ. Герцогъ и самъ предвидѣлъ, что его встрѣчи съ социаль-демократомъ надѣляютъ много шума, но онъ думалъ, что непріятныя послѣдствія встрѣчи эти могутъ имѣть лишь для Ульриха. Смѣясь, онъ замѣтилъ своему собесѣднику, что единомышленники этого послѣдняго, пожалуй, останутся недовольны его свиданіями съ великимъ герцогомъ. Однако это оказалось не совсѣмъ такъ. Большинство социаль-демократовъ осталось при томъ мнѣніи, что это исключительно дѣло Ульриха, но великому герцогу пришлось хуже. Недавно извѣстная консервативная газета «Hamburger Nachrichten», когда-то бывшая органомъ Бисмарка, сочла нужнымъ ополчиться противъ него. Она обвиняла его ни болѣе ни менѣе, какъ въ измѣнѣ имперской конституціи, такъ какъ, на основаніи ея, монархи всѣхъ германскихъ государствъ присягой обязуются охранять правопорядокъ и неприкосновенность государства. Ну а социаль-демократы вѣдь отрицаютъ и то, и другое. Слѣдовательно, вступая съ ними въ общеніе, великій герцогъ нарушилъ данную имъ присягу.

Несмотря на вадорность этой аргументаціи, взглядъ «Hamburger Nachrichten» раздѣляется, несомнѣнно, очень значительной частью нѣмецкаго общества, и потому не будетъ удивительно, если великій герцогъ гессенскій Эрнстъ-Людвигъ увидитъ себя вынужденнымъ прекратить свои встрѣчи съ депутатомъ Ульрихомъ, хотя бы при этихъ встрѣчахъ совсѣмъ и не было рѣчи о политикѣ.

Еще болѣе яркое проявленіе кастовыхъ воззрѣній представляетъ собою эпизодъ, недавно происшедшій въ одной изъ аудиторій мюнхенскаго университета. Дѣло происходило на лекціи извѣстнаго физиолога, проф. Ранке. Почтенный ученый разъяснял своимъ слушателямъ сходство и различія въ строеніи челоуѣка и обезьянъ. Какъ на существенную особенность перваго, онъ указалъ на стройную талію, которой нѣтъ ни у одной породы обезьянъ. При этомъ профессоръ полуслушя добавилъ, что люди любятъ особенно подчеркивать это отлччіе и что, какъ извѣстно, всего болѣе грѣшатъ въ этомъ отношеніи дамы

и офицеры. На бѣду въ числѣ слушателей находился одинъ изъ баварскихъ принцевъ — Георгъ. Въ качествѣ офицера, юный принцъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ этими словами и потребовалъ, чтобы профессоръ взялъ ихъ обратно. Маститый ученый подчинился этому требованію и пояснилъ, что никакого желанія оскорблять офицерское сословіе у него не было. Но само-собою разумѣется, что это было сдѣлано лишь ради принца, а не ради офицерской чести. Газеты, съ своей стороны, слегка высмѣяли этотъ маленькій инцидентъ и такъ все дѣло и кончилось. Однако было бы ошибкой смотрѣть на него какъ на лишенное всякаго общественнаго значенія комическое *quid pro quo*. Напротивъ того, многочисленные факты показываютъ, что взгляды, развителемъ которыхъ выступилъ юный баварскій принцъ, широко распространены въ сферѣ нѣмецкаго офицерства, и съ ними приходится серьезно считаться.

Передо мной лежитъ маленькая, но чрезвычайно поучительная брошюрка *) умершаго съ мѣсяцъ тому назадъ нѣмецкаго военнаго писателя Генига, въ которой разсказывается о злоключеніяхъ автора, явившихся послѣдствіемъ его работъ о франко-прусской войнѣ. Работы эти занимаютъ почетное мѣсто въ военной литературѣ, но Генигъ имѣлъ смѣлость разобрать въ нихъ, что называется, по косточкамъ, дѣятельность тогдашнихъ нѣмецкихъ военачальниковъ. Въ числѣ другихъ такому разбору былъ подвергнутъ въ одной изъ книгъ Генига генералъ Шварцкопфенъ. Генигъ пришелъ къ не особенно благоприятному выводу объ его военныхъ талантахъ, но все же охарактеризовалъ его въ сдержанныхъ и осторожныхъ выраженіяхъ. Онъ упомянулъ о томъ, что давно уже умершій генералъ былъ, несомнѣнно, тщеславенъ, что одни называли его за его строгость въ соблюденіи дисциплины «полицейскимъ генераломъ», другіе же считали его за повера и крикуна, тогда какъ третьи видѣли въ немъ актера. При этомъ, однако, Генигъ добросовѣстно старается снять съ Шварцкопфена нареканія, которыхъ дѣйствительность, по его мнѣнію, не подтверждала. Однимъ словомъ отзывъ Генига, не будучи лестнымъ, имѣлъ все-таки несомнѣнно объективный и безпристрастный характеръ. Тѣмъ не менѣе, когда отзывъ этотъ дошелъ до сына покойнаго генерала, флигель-адъютанта Шварцкопфена,—того самаго Шварцкопфена, который получилъ такую печальную извѣстность въ дѣлѣ Дрейфуса,—то онъ счелъ необходимымъ потребовать у Генига удовлетворенія. Шварцкопфенъ отправилъ къ Генигу своего друга генерала Мольтке, который потребовалъ отъ него, чтобы онъ призналъ свой отзывъ ложнымъ, бездоказательнымъ и совершенно ненужнымъ для дѣлей книги и взялъ его назадъ, а въ противномъ случаѣ предложилъ указать свидѣтелей.

Однако Генигъ не сдѣлалъ ни того, ни другого.

— То, что я пишу, я готовъ отстаивать своимъ перомъ, но не писто-

*) *Mein Ehrenhandel mit dem Oberst und Flügeladjutant v. Schwarzkoppen und dem Oberst und Attellungschef im Generalstabe v. Bernhardi. Von Fritz Hönig. Berlin, 1902.*

летомъ,—отвѣтилъ онъ.—Если я ошибся въ оцѣнкѣ Шварцкопфена или невѣрно изобразилъ его дѣйствія, то я всегда готовъ поправить мой отзывъ публично, если только мнѣ докажутъ, что я ошибся. Доказать это я представляю полковнику Шварцкопфену.

Для генерала Мольтке такой отвѣтъ звучалъ очень странно и ново. Не менѣе ново было для него, навѣрное, и заявленіе Генига, что если бы исторіографъ считался съ чувствами сыновей и внуковъ, то исчезла бы всякая свобода исторической критики. Для него Генигъ былъ только оскорбителемъ памяти покойнаго генерала и въ качествѣ такового долженъ былъ дать личное удовлетвореніе Шварцкопфену съ оружіемъ въ рукахъ.

Точно такъ же смотрѣлъ на Генига и Шварцкопфенъ. Получивъ вышеприведенный отвѣтъ, онъ подалъ на Генига жалобу въ офицерскій совѣтъ, который вполнѣ примкнулъ къ его мнѣнію. И такъ какъ, вдобавокъ, Шварцкопфенъ былъ флигель адъютантомъ, а Генигъ—простымъ капитаномъ въ отставкѣ, правда, заслуженнымъ и звѣстнымъ, во все же ни по блеску имени, ни по общественному положенію не могущимъ идти въ сравненіе съ Шварцкопфеномъ, то предсѣдатель совѣта не счелъ за нужное особенно церемониться съ Генигомъ. Однако, Генигъ не далъ себя запутать. Взять свой отзывъ обратно онъ наотрѣзъ отказался. Поэтому, противъ него было возбуждено формальное судебное преслѣдованіе передъ офицерскимъ судомъ чести. Вскорѣ къ обвиненію, предъявленному къ Генигу Шварцкопфеномъ, присоединилось еще одно, тоже явившееся отголоскомъ литературной дѣятельности Генига. Инициаторомъ этого второго обвиненія былъ полковникъ Бернгарди, начальникъ отдѣленія въ главномъ штабѣ, оскорбившійся тѣмъ, что въ одной изъ своихъ полемическихъ статей Генигъ упрекнулъ его въ истинности, подозрительности и въ злоупотребленіи тайными документами. Подобно Шварцкопфену, Бернгарди потребовалъ отъ Генига, чтобы тотъ или отказался отъ своихъ словъ, или далъ ему удовлетвореніе съ оружіемъ въ рукахъ, и Генигъ, въ свою очередь, отвѣтилъ, что брать свои слова обратно онъ не имѣетъ основанія, а дуэли въ подобныхъ случаяхъ принципиально не признаетъ. Это дало Бернгарди поводъ обвинять Генига еще въ третьемъ, съ точки зрѣнія прусскаго офицера, еще болѣе тяжеломъ преступленіи,—въ томъ именно, что Генигъ принципиальный противникъ дуэли. Обвиненіе это тоже получило движеніе. И когда Генигъ во время судебного разбирательства заявилъ, что оно ложно, то предсѣдатель даже не пожелалъ принять его слова къ свѣдѣнію. Тогда Генигъ оставилъ комнату совѣщанія и отказался продолжать какія либо сношенія съ офицерскимъ совѣтомъ. Даже письма онъ отказывался принимать. Такая тактика принесла свою пользу. Предсѣдатель совѣта явился къ нему съ извиненіемъ и усиленно просилъ его прекратить абстракцію. Но Генигъ былъ непреклоненъ. Даже когда состоялся приговоръ, онъ не пожелалъ явиться для его выслушанія. Чтобы хоть какъ нибудь покончить съ этимъ неприятнымъ дѣломъ, члены совѣта, съ предсѣдателемъ во главѣ, явились къ Генигу на квартиру и здѣсь прочли ему приговоръ, на основаніи котораго онъ былъ лишенъ права носить военный мундиръ.

Бернгарди этимъ не удовольствовался. Когда, въ минувшемъ январѣ, Генигъ напечаталъ въ одной изъ берлинскихъ газетъ статью, содержавшую не особенно лестный отзывъ о генералѣ Бернгарди, однофамильцѣ, но даже не родственникѣ своего оппонента, то этотъ послѣдній въ письмѣ въ редакцію «Kreuzzeitung» выразилъ сожалѣніе, что онъ не можетъ привлечь Генига за этотъ отзывъ къ личной отвѣтственности, «по причинамъ, хорошо извѣстнымъ въ офицерскихъ кругахъ».

А когда Фрицъ Генигъ умеръ, офицеры его полка опубликовали краткое надгробное слово, въ которомъ съ сожалѣніемъ упоминали о томъ, что Генигъ не всегда дѣйствовалъ согласно возрѣніямъ офицерскаго корпуса, но въ то же время признавали, что онъ былъ заслуженный и храбрый офицеръ.

Сословная честь чуть не каждый день требуетъ все новыхъ и новыхъ жертвъ. Стоитъ заглянуть хотя бы въ «Готскій Альманахъ», чтобы убѣдиться, что чуть ли не въ большинствѣ аристократическихъ родовъ нѣются члены, при имени которыхъ въ скобкахъ стоитъ названіе какого-нибудь американскаго города. Что это значитъ, ясно само собой. Достаточно, чтобы молодой лейтенантъ надѣлалъ долговъ, повздорилъ съ начальствомъ или, скажемъ, отказался отъ дуэли, чтобы его дальнѣйшее пребываніе въ отечествѣ сдѣлалось неудобнымъ для его родичей и чтобы его выпроводили за океанъ. Что онъ дѣлаетъ въ странѣ своего новаго обитанія, ихъ уже не касается. Имъ все равно, поступилъ ли онъ въ лакеи, или конюхи, или въ приказчики. Но если бы, выйдя въ отставку, онъ сдѣлался у себя дома хотя бы журналистомъ, это вызвало бы бурю возмущенія и навлекло бы на виновнаго дѣлую лавину родственныхъ проклятій.

П. Ш—въ.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Электрохимическія производства *).

Въ теченіе долгихъ вѣковъ человѣкъ довольствовался тѣмъ, что могъ взять непосредственно отъ другихъ животныхъ и растений. Онъ былъ охотникомъ, пастухомъ и земледѣльцемъ. Тысячелѣтія прошли, пока въ этой борьбѣ съ другими организмами человѣкъ мимоходомъ научился пользоваться и «мертвой» природой; тысячелѣтія нужны были ему, чтобы перейти отъ каменнаго топора къ бронзовому и желѣзному. Наконецъ, появилась промышленность, но и она многія столѣтія занималась только добычей и вѣшной обработкой того, что можно было получить отъ другихъ организмовъ и изъ нѣдръ земли.

Только съ развитіемъ химіи люди научились готовить себѣ нужныя вещества искусственно изъ другихъ веществъ. Электрохимія вводитъ насъ во вторую часть этого періода: она даетъ намъ методы прямого полученія сложныхъ соединений изъ элементовъ и столь же простые методы разложенія.

Основнымъ приборомъ, служащимъ для превращенія химической энергіи въ электрическую, является вольтовъ столбъ. Въ простѣйшемъ своемъ видѣ столбъ этотъ, какъ извѣстно, состоитъ изъ цинковой и мѣдной пластинокъ, погруженныхъ въ сѣрную кислоту, разведенную водой. Если соединять обѣ пластинки металлической проволокой, то по ней тотчасъ же начнетъ пробѣгать электрической токъ, цинкъ станетъ растворяться и образовывать сѣрнокислый цинкъ; въ то же время на мѣдной пластинкѣ пойдетъ выдѣленіе водорода, который и образуетъ на ней какъ бы родъ газоваго покрова; благодаря этому послѣднему интенсивность тока станетъ слабѣть. Всѣ усовершенствованія, сдѣланныя впоследствии въ вольтовомъ столбѣ, сводились, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы уничтожить образованіе этого водороднаго покрова.

Явились батареи, снабженныя веществомъ, поглощающимъ водородъ; изъ наиболѣе употребительныхъ назовемъ элементъ Даніэля, въ которомъ такимъ веществомъ служитъ мѣдный купоросъ; затѣмъ элементъ Грове съ азотной кислотой и пластинкой изъ платины, которую Бунзенъ вскорѣ замѣнилъ углемъ;

*) Обзоръ этотъ составленъ по: 1) André Brochet. «L'industrie électrochimique». 2) H. Moissan. «Les carbures métalliques». 3) D-r. F. Weiske. «Die Darstellung künstlicher Diamanten».

элементъ Гренэ съ двухромово-кислымъ калиемъ и др. Въ этихъ батареяхъ энергія химическая превращается въ энергію электрическую.

Разсмотримъ обратное явленіе, т.-е. превращеніе электрической энергіи въ химическую. Опустимъ въ стеклянный сосудъ, наполненный растворомъ соли какого-нибудь металла, двѣ платиновыя пластинки (электроды) и соединимъ ихъ съ какимъ-нибудь источникомъ электрической энергіи. Тогда токъ станетъ проходить черезъ растворъ и разлагать металлическую соль. Металлы будутъ отлагаться на поверхности пластинки, названной катодомъ и соединенной съ отрицательнымъ полюсомъ, металлоиды же и кислоты на другой пластинкѣ — анодѣ, соединенной съ положительнымъ полюсомъ. Если мы возьмемъ растворъ какой-нибудь сѣрнокислой соли и платиновый анодъ замѣнимъ мѣдной пластинкой, то эта послѣдняя мало-по-малу растворится; поэтому эта мѣдная пластинка и получила названіе растворимаго анода. Если же при электролизѣ какой-нибудь щелочной соли, мы замѣнимъ платиновый катодъ — ртутнымъ, то на немъ образуется амальгама натрія, которая при дѣйствіи на нее воды дастъ водородъ и ѣдкій натръ.

Черезъ годъ послѣ открытія вольтова столба Барлейль и Никольсонъ разложили воду на кислородъ и водородъ. Въ томъ же году Крюкешэнкъ показалъ, что морская соль, при дѣйствіи на нее электрическаго тока, даетъ ѣдкій натръ. Позже Дэви разложилъ сѣрнокислый натръ на кислоту и щелочь, а въ 1807 году открылъ калий, натрій и ихъ амальгамы. Въ 1822 г. де-ла-Ривъ замѣтилъ, что мѣдь въ элементѣ Даніэля принимается какъ разъ форму той пластинки, на которой отлагается, но онъ не вывелъ изъ этого никакого дальнѣйшаго заключенія. Только въ 1838 г. Якоби снова обратилъ вниманіе на это явленіе, попробовалъ замѣнить мѣдную пластинку различными предметами, поверхность которыхъ была бы хорошимъ проводникомъ электричества, и получилъ такимъ образомъ металлическія копія этихъ предметовъ. Такъ было положено начало *гальванопластикѣ*.

Въ 1840 г. Рюольцъ во Франціи и Эклингтонъ въ Англіи открыли одновременно золоченіе и серебреніе гальваническимъ путемъ; нѣсколько позже были найдены аналогичные способы омѣдненія.

Если въ приборѣ, служащемъ для электролиза остановить токъ, а анодъ и катодъ соединить какимъ-нибудь проводникомъ, то по этому послѣднему будетъ пробѣгать токъ въ направленіи обратномъ первоначальному. Плате въ 1859 г. замѣтилъ, что если подвергать электролизу растворъ сѣрной кислоты, въ которую погружены двѣ свинцовыя пластинки, то количество электричества будетъ постепенно возрастать по мѣрѣ того, какъ токи чередуются то въ одномъ, то въ другомъ направленіи. Это наблюденіе привело къ открытію электрическаго *аккумулятора*.

Аккумуляторъ является какъ бы копилкой электрической энергіи. Запасъ накопленной энергіи зависитъ какъ отъ силы источника энергіи, такъ и отъ продолжительности самого процесса накопленія, иначе — отъ продолжительности заряженія аккумулятора и, наконецъ, отъ емкости послѣдняго. Благодаря аккумуляторамъ можно утилизировать тѣ силы природы, которыя раньше часто

пропадали почти совершенно: теченіе рѣкъ, паденіе водопадовъ, морской прибой, вѣтеръ и т. д.

Какъ извѣстно, аккумуляторъ Плянте состоитъ изъ двухъ свинцовыхъ листовъ, отдѣленныхъ изолирующимъ веществомъ (резиной), свернутыхъ въ трубку и погруженныхъ въ 10% растворъ сѣрной кислоты. При пропусканіи тока отъ другой гальванической батареи одинъ изъ этихъ свинцовыхъ листовъ, всегда болѣе или менѣе окисленныхъ съ поверхности, начинаетъ покрываться красновато-коричневою перекисью свинца (PbO_2), а другой—возстанавливается въ чистый свинецъ и становится сѣрымъ и губчатымъ. Такимъ образомъ, поверхности нашихъ двухъ свинцовыхъ листовъ приобретаютъ различный характеръ и потому при соединеніи ихъ проводникомъ получается токъ, но кратковременный, такъ какъ измѣненіе электродовъ было въ данномъ случаѣ незначительно и не шло вглубь металла. Плянте применилъ многократное зарядженіе такого аккумулятора (такъ называемый процессъ формованія); при этомъ свинцовые электроды измѣнялись все болѣе и болѣе, становились рыхлыми и губчатыми, и ёмкость аккумулятора увеличивалась въ много разъ—онъ сталъ давать довольно продолжительный токъ.

Въ 1880 г. Форъ усовершенствовалъ аккумуляторъ Плянте, замѣнивъ свинцовыя пластинки рамами съ многочисленными ячейками, наполненными окислами свинца, которые при восстановленіи превращались въ губчатый свинецъ. Такимъ образомъ получались гораздо быстрѣе большія количества электричества.

Въ теченіе долгаго времени электрометаллургическая индустрія занималась главнымъ образомъ гальванопластикой, которая одна могла только окупить затраты, связанныя съ производствомъ электрической энергіи при помощи батарей. Въ первый разъ машина Грамма была применена также въ гальванопластикѣ въ 1872 г. Только въ 1870 г., съ появленіемъ динамо-электрическихъ машинъ, наступила новая эра для электрометаллургіи и электрохиміи въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Въ 1886 г., въ Америкѣ братья Коуль (Cowles) восстановили угольъ алюминій въ электрической печи и въ то же время приготовили алюминіевую бронзу, но этотъ способъ долженъ былъ уступить способу Геру (Héroult), который электрическимъ путемъ приготовилъ алюминій въ чистомъ видѣ. Этотъ способъ применяется нынѣ всюду. Новая эра въ электрической индустріи начинается въ 1889 г., когда Галь во Франціи впервые применилъ электролизъ при производствѣ химическихъ продуктовъ. Благодаря электрической печи Муассана въ 1892 г. было доказано, что даже такія «неплавкія» тѣла, какъ кремнеземъ, известь, магнезія, алюминій и т. д., могутъ быть не только расплавлены, но часто даже переведены въ газообразное состояніе. Электрическая печь позволила получить въ большихъ количествахъ многіе металлы, которые до того были только лабораторными рѣдкостями, а также и цѣлую серію новыхъ тѣлъ,—напримѣръ, фосфористый углеродъ и различнѣйшіе карбиды.

Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ электрохимическія производства получили не-

обычайно быстрое развитіе; но скоро стало ясно, что одно введеніе динамомашинъ не могло удешевить электрическихъ производствъ настолько, чтобы они въ состояніи были бороться съ старыми чисто химическими способами, такъ какъ часовая лошадиная сила въ центральныхъ электрическихъ станціяхъ, работающихъ на углѣ, обходилась довольно дорого—отъ 2,6—3,8 коп. Часто коммерческія соображенія заставили обратиться къ утилизаціи природной силы паденія воды.

Всѣмъ знакома водная мельница, устройство которой чрезвычайно просто. Въ опредѣленномъ мѣстѣ рѣки плотина останавливаетъ воду; какъ разъ подъ этой послѣдней становится мельничное колесо; вода стекаетъ въ крылья колеса и своей тяжестью приводитъ его въ движеніе. Представьте себѣ, что количество запруженной воды гораздо больше, чѣмъ въ обыкновенной мельницѣ, и что вода падаетъ съ гораздо большей высоты; замѣните античное колесо современной турбиной, а жернова динамомашинной и вы получите силовой электрической заводъ; энергія его можетъ служить или для освѣщенія, или для производства металлургическихъ и химическихъ продуктовъ, но можетъ быть также перенесена различными способами и въ другія мѣстности.

Водопріемникъ такого силового завода имѣетъ обыкновенно весьма большіе размѣры; длина его часто достигаетъ нѣсколькихъ верстъ; иногда онъ имѣетъ видъ открытаго канала, иногда же закрытаго тунеля, сложеннаго изъ цемента. Смотря по мѣстнымъ условіямъ—такой водопріемникъ слѣдуетъ теченію рѣки или пересѣкаетъ извилины, дѣлаемая ею. Конецъ такого канала заключаютъ въ стальную трубу, которая слѣдуетъ направленію наибольшаго уклона данной мѣстности; трубу укрѣпляютъ на каменныхъ столбахъ или какимъ-либо инымъ способомъ на соедѣнныхъ скалахъ. Трубы эти должны быть чрезвычайно крѣпкими, такъ какъ имъ приходится выдерживать громадное давленіе. Такъ напр., при паденіи воды съ высоты 600 метр., давленіе у основанія трубъ равняется 60 килограммамъ на каждый квадратный сантиметръ. Діаметръ этихъ трубъ колеблется въ большихъ предѣлахъ и достигаетъ 1½, 2-хъ и даже 3-хъ метр. въ тѣхъ случаяхъ, когда паденіе воды имѣетъ небольшую высоту. Вода, выходящая изъ турбины, возвращается въ рѣку и можетъ быть снова запружена для другого завода и т. д. Устройство подобнаго завода легко можетъ обойтись въ нѣсколько сотенъ тысячъ рублей, въ особенности, если дно рѣки песчаное и теченіе быстро.

Средняя цѣна годовой лошадиной силы на такихъ силовыхъ заводахъ—отъ 10 до 20 руб., такъ что 24-хъ-часовая лошадиная сила обходится отъ 3-хъ до 5-ти коп., т. е. почти то же, что часовая лошадиная сила при работѣ на углѣ. Вообще же, стоимость энергіи, получаемой при утилизаціи силы паденія воды, сильно колеблется въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Въ одномъ изъ самыхъ большихъ водяныхъ силовыхъ заводовъ во Франціи годовая лошадиная сила обходится меньше, чѣмъ 2 р. 90 коп.

Число такихъ силовыхъ заводовъ растетъ съ каждымъ днемъ, а также увеличиваются и размѣры ихъ. Такъ, на берегу Ніагары, на территоріи Соединенныхъ Штатовъ, находится громадный силовой заводъ, дающій до 60.000

лошадныхъ силъ; нынѣ онъ расширяется и въ концѣ 1902 г. будетъ давать не менѣе 100.000 лощ. силъ. Такой же заводъ сооружается и на противоположномъ канадскомъ берегу Ниагары. Вообще же этотъ водопадъ могъ бы дать энергіи на 100 такихъ заводовъ. Большіе электро-силовые заводы ищутся и въ Европѣ. Такъ, на Ронѣ давно уже работаютъ два силовыхъ завода по 20.000 силъ — одинъ близъ Женевы, другой близъ Ліона, а черезъ два года будутъ сооружены еще три — одинъ въ 25.000 силъ и два по 30.000 силъ. Вообще за послѣднія 5 лѣтъ лихорадочная дѣятельность въ этой области проявляется какъ въ Соединенныхъ Штатахъ и Канадѣ, такъ и въ Швеціи, Франціи и Италіи. Энергія, получаемая на этихъ силовыхъ заводахъ, расходуется какъ для освѣщенія и для металлургическихъ и химическихъ производствъ, такъ и для устройства электрическихъ желѣзныхъ дорогъ, главнымъ образомъ, трамвайныхъ и висачихъ. Впрочемъ, за послѣднее время въ нѣкоторыхъ государствахъ замѣчается тенденція замѣнить постепенно общую желѣзнодорожную паровую тягу электрической.

Изъ химическихъ производствъ, ведущихся электролитическимъ способомъ остановимся на слѣдующихъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ химическихъ продуктовъ являются *щелочи*. Обычный химическій способъ полученія щелочей состоитъ въ обработкѣ щелочныхъ углекислыхъ солей известью. Исходнымъ пунктомъ для полученія щелочей является, главнымъ образомъ, сода — центръ всѣхъ химическихъ производствъ. Наоборотъ, полученіе щелочей электрохимическимъ путемъ очень просто, такъ какъ хлористый натрій разлагается при этомъ прямо на хлоръ и ѣдкій натръ. Интересно то, что способъ этотъ извѣстенъ былъ давно, такъ же давно, какъ и способъ Леблана, но не примѣнялся раньше, такъ какъ былъ очень дорогъ. Но и теперь, когда уже найдена дешевая энергія, встрѣчается много затрудненій, благодаря которымъ электрическому способу полученія щелочей трудно еще бороться съ химическимъ. Это — недостаточно разработанные вопросы о вторичныхъ реакціяхъ, объ электродахъ и, главное, о выпариваніи получающагося щелока; послѣднее требуетъ большихъ количествъ угля, а доставка его въ мѣста водяныхъ силовыхъ заводовъ обходится очень дорого. Эти коммерческія соображенія привели къ тому, что нѣкоторыя фирмы отказались уже отъ водяной энергіи и снова перешли на уголь, перенесая свои заводы въ центръ потребления щелочей.

Вопросъ объ электродахъ важенъ для всѣхъ отраслей электрохимической индустріи, но въ особенности для производства щелочей. Единственный металлъ, почти не измѣняющійся при употребленіи его въ видѣ анода, это — платина. Но платиновые аноды увеличиваютъ мертвый капиталъ на многіе десятки и даже сотни тысячъ рублей. Если же брать тонкіе платиновые электроды, то распределеніе тока становится неправильнымъ, и, кромѣ того, такіе электроды очень трудно укрѣпить. При электродахъ же, только покрытыхъ или обшитыхъ платиной, электролизъ идетъ плохо. Поэтому, обратились къ электродамъ, сдѣланнымъ изъ каменугольного кокса, куски котораго сос-

дивятся минимальнымъ количествомъ смолы, превращенною, благодаря обжиганію, также въ уголь; затѣмъ такіе электроды подвергаютъ сильному давленію—въ 600—2.000 килограммовъ на каждый квадратный сантиметръ. Для этой цѣли существуютъ прессы, которые могутъ оказывать давленіе до 2.000 тоннъ. Чтобы сообщить такимъ электродамъ наибольшую неизмѣняемость, нагрѣваютъ уголь до блага каленія, при отсутствіи воздуха; совершаютъ это, или пропуская черезъ электродъ чрезвычайно сильный токъ или помѣщая такой угольный брусокъ въ электрическую печь. Электроды не должны содержать никакихъ примѣсей, такъ какъ эти послѣднія осаждаются въ веществахъ, добываемыхъ электролизомъ.

Въ электрохимическомъ производствѣ щелочей и хлора употребляютъ, главнымъ образомъ, три типа приборовъ: 1) приборы, съ трубчатой діафрагмой изъ цемента или глины; 2) приборы, въ которыхъ катодъ соприкасается съ діафрагмой изъ цемента; при этомъ катодъ не погруженъ въ жидкость, но только смачивается ею, благодаря капиллярности; пары воды или угольной кислоты непрерывно омываютъ такой катодъ и удаляютъ щелочь, образовавшуюся на немъ; благодаря этому не происходитъ вторичныхъ реакцій; 3) приборы съ катодомъ изъ ртути; здѣсь освобожденный натрій образуетъ съ ртутью амальгаму, которая затѣмъ разлагается отъ дѣйствія воды на водородъ и щелочь. На этихъ послѣднихъ приборахъ работаетъ фирма Сольвей, которая на 3-хъ заводахъ (одинъ изъ нихъ въ Россіи—въ Лисичанскѣ) вырабатываетъ до 18—20.000 тоннъ щелочей ежегодно. Въ приборахъ безъ діафрагмы употребляютъ также двуполусные электроды, т.-е. такіе, у которыхъ одна сторона служитъ анодомъ, другая катодомъ. При этомъ цѣлый рядъ такихъ электродовъ, погруженъ въ жидкость, но только крайніе изъ нихъ сообщаются съ электрической машиной. Такимъ образомъ, тутъ нѣсколько приборовъ какъ бы соединены въ одинъ.

Раньше всего электролизомъ начали добывать *бертолетову соль*; въ настоящее время ея производство достигло большого совершенства и простоты. И все-таки энергія, затрачиваемая при этомъ, громадна. Такъ, при энергіи, равной годовой лошадиной силѣ, вырабатывается всего 500 килограммовъ бертолетовой соли. Всѣми заводами вмѣстѣ электролитическимъ путемъ вырабатывается солей хлорноватой кислоты (бертолетова соль и др.) отъ 10 до 12 тысячъ тоннъ, при затратѣ энергіи въ 25.000 лошадиныхъ силъ. Электролизомъ получаютъ также и *марганцово-калиеву соль*, весьма важную въ промышленности, *соли хлорной кислоты, баритъ, хромово-и двухромово-кисляя соли, красную соль и др.*

Соли *хлорноватистой кислоты* приготавливаются также очень легко электролизомъ, но этимъ способомъ нельзя получить раствора требуемой крѣпости, такъ какъ, разъ концентрація такого раствора дошла до известной степени, онъ разлагается какъ на анодѣ, такъ и на катодѣ. Натровая соль хлорноватой кислоты служатъ для бѣлѣнія тканей и приготвленія целюлозы. Такъ какъ для этихъ цѣлей достаточны весьма слабые растворы, то они и готовятся на тѣхъ заводахъ, гдѣ ихъ прямо можно пустить въ дѣло.

Производство электролитическимъ путемъ *водорода* и *кислорода*, необходимыхъ для плавки, подвигается, но медленно. *Водородъ* для наполненія азростатовъ готовится только въ одномъ заводѣ въ Римѣ; заводъ этотъ утилизируетъ энергію водопада Тиволи.

Изъ органическихъ веществъ электролизомъ легче всего получаютъ *йодоформъ*, *ванилинъ*, *параминофенолъ*, *бензидинъ* и др.

Наиболѣе блестящіе результаты дало примѣненіе электричества въ области металлургіи.

Электрометаллургія занимается нынѣ какъ извлеченіемъ изъ рудъ, такъ и очисткой многихъ металловъ: мѣди, золота, серебра, никеля, цинка, олова, платины и многихъ другихъ.

Самымъ важнымъ изъ этихъ производствъ является очистка *мѣди*. Первое мѣсто въ этой области занимаютъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, гдѣ въ настоящее время имѣется уже одиннадцать заводовъ, занимающихся этимъ производствомъ. Какъ быстро развивается здѣсь это дѣло, видно изъ того, что въ 1880 г. было очищено электролитическимъ путемъ всего 500 тоннъ мѣди, а въ 1900—200.000 тоннъ, т. е. 550 тоннъ ежедневно. Мировое производство не многимъ отличается отъ этой цифры—оно достигаетъ 270.000 тоннъ. Общее же мировое производство мѣди (всеми способами) достигло въ 1900 г. до 500.000 тоннъ.

Такіе же заводы для электролиза мѣди имѣются въ Германіи, въ Англии, въ Японіи и у насъ въ Россіи.

Громадный спросъ на электролитическую мѣдь обусловливается, въ свою очередь, могучимъ расцвѣтомъ электротехники, для которой необходима совершенно чистая мѣдь: самыя незначительныя примѣси другихъ металловъ, особенно мышьякъ, въ громадной степени уменьшаютъ проводимость мѣди.

Очищеніе мѣди ведется слѣдующимъ образомъ.

Мѣдь, содержащая не болѣе 2%—5% примѣсей, расплющивается въ листы, которые опускаются, какъ аноды, въ сосуды съ растворомъ сѣрновислой мѣди (мѣднаго купороса). Подъ влияніемъ электрическаго тока, мѣдь этихъ анодовъ растворяется и отлагается на отрицательномъ полюсѣ—на тонкихъ листочкахъ уже заранѣе очищенной мѣди, которые, конечно, постепенно во время электролиза становятся все болѣе и болѣе толстыми.

При этомъ процессѣ не происходитъ, слѣдовательно, никакого химическаго разложенія; металлъ просто какъ бы переносится съ анода на катодъ поэтому, здѣсь затрачивается только самое незначительное количество энергіи, необходимое для того, чтобы поборотъ сопротивленіе батареи. Принимаютъ, что для производства цѣлой тонны мѣди въ теченіе 24 часовъ необходимо всего 20 киловаттовъ,—количество энергіи совершенно ничтожное.

Металлическія примѣси или растворяются въ сѣрновислой мѣди, или же (золото, серебро) отсѣдаются нерастворенными въ слобъ грязи. Эта «грязь» содержитъ, благодаря этому, до 50% серебра и въ Сѣверо-Американскихъ Сое-

динейных Штатахъ изъ нея извлекають до 500 тоннъ серебра и до 5 тоннъ золота.

Для электролитической очистки мѣди требуется, слѣдовательно, имѣть предварительный запасъ мѣди, который могъ бы быть пущенъ прямо въ работу, конечно, безъ плавки его. Это условіе въ теченіе долгаго времени дѣлало самое производство крайне медленнымъ; еще 12 лѣтъ тому назадъ на раствореніе анода требовалось около 3 мѣсяцевъ. Такимъ образомъ, для большихъ американскихъ заводовъ, вырабатывающихъ по 100—150 тоннъ мѣди ежедневно, нужно было бы совершенно непроезжимо держать въ электролитическихъ сосудахъ громадное количество мѣди—до 15.000 тоннъ. Понятно, что главные усовершенствованія здѣсь направлены къ тому, чтобы увеличить быстроту процесса, не ухудшая въ то же время качества мѣди. Въ настоящее время достигли того, что первоначальное, какъ бы непроезжимо, количество мѣди всего только въ 20 разъ превышаетъ ежедневную выработку завода. Дѣло въ томъ, что когда мѣдь отлагается очень быстро, то она получается яснокристаллической и весьма ломкой. Для устраненія этого Ельморъ предложилъ такое устройство электролитическихъ приборовъ, при которомъ мѣдь отлагается весьма быстро, но не на неподвижные электроды, а на вращающіеся цилиндры; въ то же время отлагающаяся на послѣднихъ мѣдь подвергается тренію особыми агатовыми приборами, что препятствуетъ мѣди осѣсть въ ясно кристаллическихъ образованіяхъ. Полученная такимъ образомъ мѣдь, обыкновенно въ формѣ трубъ, отличается необыкновенной ковкостью.

Было предложено также нѣсколько способовъ для прямого извлеченія мѣди изъ ея рудъ, но до сихъ поръ ни одинъ изъ нихъ не могъ быть примѣненъ для промышленнаго производства.

Золото же, наоборотъ, извлекается очень легко. Въ Трансваалѣ, напр., руда подвергается сначала обычной обработкѣ ртутью, которая извлекаетъ наибольшую часть драгоцѣннаго металла; остатокъ же выщелачивается слабымъ растворомъ цианистаго калия, который при содѣйствіи кислорода воздуха и растворяетъ золото. Этотъ растворъ подвергаютъ электролизу; золото отсѣдается на свинцовыхъ пластинкахъ, служащихъ катодомъ. Когда на такой пластинкѣ отсѣдетъ золота, приблизительно 10%, по отношенію къ ея вѣсу, ее вынимають и подвергаютъ плавленію, чтобы удалить свинецъ. Болѣе 20 заводовъ работаютъ этимъ способомъ, затрачивая энергію не менѣе 500 лошадиныхъ силъ. Въ этомъ случаѣ еще болѣе, чѣмъ для мѣди, громадное значеніе имѣетъ скорость процесса; и такъ какъ, съ одной стороны, золото и серебро получаютъ всегда чистыми, какова бы ни была скорость реакціи, а съ другой — при цѣности продукта расходы на выплавку не играютъ большой роли, то электролизъ благородныхъ металловъ ведется возможно быстрымъ темпомъ. Металлы эти, получаемые въ видѣ порошка, подвергаются затѣмъ выплавкѣ, что въ данномъ случаѣ возможно, такъ какъ благородные металлы не окисляются.

Гальванопластика, служившая прежде только для полученія предметовъ роскоши и искусства, нынѣ примѣняется, напримѣръ, для фабрикаціи типографскихъ машинокъ; теперь часто употребляютъ клише изъ никеля, которые отличаются большой

твердостью и въ то же время неизмѣняемостью. Никель очищается электролитическимъ путемъ на двухъ заводахъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ штатахъ. Производство это представляетъ гораздо больше трудностей, чѣмъ подобная же очистка мѣди. Никель идетъ, главнымъ образомъ, для никелированія, особенно желѣза, которое онъ предохраняетъ отъ ржавчины.

Золоченіе и серебреніе—спеціально парижскія производства; въ Парижѣ числится около 150 такихъ мастерскихъ. Стоимость работы зависитъ отъ величины предмета; средняя цѣна золоченія—16 франковъ съ килограмма для мелкихъ вещей и 5 франковъ для такихъ предметовъ, какъ мебель. Смотри по цѣнѣ, вещь остается въ ваннѣ отъ 10 секундъ до 10 минутъ. Также и при серебреніи, но въ этомъ послѣднемъ случаѣ имѣются особыя спеціальныя приспособленія, позволяющія опредѣлять количество отложеннаго серебра; при золоченіи такія опредѣленія ведутся чисто эмпирически. Многія изъ этихъ мастерскихъ работаютъ еще съ батареями Бунаена, но большинство замѣнило этотъ громоздкій и нездоровый приборъ маленькой динамо и двумя или тремя аккумуляторами.

Цинкъ также очищается электролитическимъ путемъ. Его употребляютъ для оцинковыванія котловъ морскихъ пароходовъ. Покрытіе предметовъ *оловомъ* электрическимъ путемъ производится крайне рѣдко.

Перейдемъ теперь отъ электролиза въ растворахъ къ *электролизу при плавленіи*. Этимъ путемъ добывается почти все количество *магнія, натрія* и *алюминія*. Раньше, когда эти металлы получали чисто химическимъ путемъ, цѣна ихъ была 200, 25 и 80 франковъ за килограммъ, несмотря на дешевизну сырыхъ продуктовъ, изъ которыхъ ихъ извлекали. Въ настоящее время цѣна ихъ—45, 3 и 3 фр. за килограммъ.

Магній вырабатывается на одномъ только заводѣ въ окрестностяхъ Бремена; сырымъ матеріаломъ служитъ минералъ карналитъ (двойная хлористая соль магнія и калия).

Натрій извлекается электролизомъ изъ расплавленной соды, что позволяетъ употреблять металлическіе приемники. На заводахъ англійскихъ и нѣмецкихъ употребляютъ способъ Вастнера. Способы, основанные на употребленіи поваренной соли, какъ исходнаго матеріала, въ виду многихъ неудобствъ, теперь оставлены и только съ нѣкоторыми измѣненіями употребляются для полученія сплавовъ свинца съ натріемъ; послѣдній легко извлекается изъ такихъ сплавовъ или переводится въ довольно чистую соду, причемъ, какъ побочный продуктъ, получается губчатый свинецъ и двуокись свинца, идущіе для фабрикаціи аккумуляторовъ.

Для полученія *алюминія* подвергаютъ электролизу минералъ криолитъ (двойная фтористая соль алюминія и натрія). Въ расплавленномъ видѣ криолитъ владѣетъ свойствомъ растворять глиноземъ (Al_2O_3); послѣдній, собственно говоря, и является тѣмъ веществомъ, изъ котораго получаютъ металлическій алюминій, благодаря отнятію кислорода углемъ анода.

Глиноземъ (окись алюминія) можетъ быть извлеченъ также изъ глины и

изъ боксита. Упомянутый уже нами выше способъ Геру (Héroult) претерпѣваетъ здѣсь только незначительныя измѣненія и употребляется всюду.

Годовое производство семи заводовъ, располагающихъ силою въ 50.000 лошадей, равняется отъ 5.000 до 6.000 тоннъ алюминія. Особенную цѣнность алюминію придаетъ его легкость; но, къ сожалѣнію, распространеніе его ограничивается тѣмъ, что на него дѣйствуютъ даже слабыя растворы щелочей или кислотъ. Но въ металлургіи значеніе алюминія возрастаетъ съ каждымъ днемъ; его обыкновенно прибавляютъ къ мѣди въ количествѣ отъ 3% до 6%.

Въ теченіе долгаго времени не знали способовъ сплаванія алюминія. Оказалось, что этотъ металлъ плавится также, какъ и желѣзо и платина, т. е. безъ всякаго посредствующаго вещества, но только процессъ сплаванія идетъ въ очень узкихъ температурныхъ предѣлахъ, ниже котораго сплаванія не происходитъ, а выше—алюминій становится ломкимъ.

Алюминій имѣетъ большое сродство къ кислороду и потому является сильнымъ возстановителемъ по отношенію къ окисламъ другихъ металловъ. На этой возстановительной способности алюминія основанъ интересный способъ сплаванія различныхъ металловъ.

Аппараты, употребляемые при электролизѣ расплавленныхъ веществъ, носятъ названіе электролитическихъ печей, въ отличіе отъ печей электротермическихъ; къ которымъ мы и перейдемъ теперь.

Когда электрическій токъ проходитъ черезъ однородный проводникъ—мѣдь, желѣзо, уголь, то этотъ проводникъ нагрѣвается, вслѣдствіе сопротивленія, которое онъ представляетъ для прохожденія тока. Чѣмъ значительнѣе будетъ количество электричества, проходящаго черезъ единицу поперечнаго сѣченія, тѣмъ быстрѣе будетъ падать напряженіе, иначе — чѣмъ больше сопротивленія будетъ оказывать тѣло, тѣмъ выше будетъ температура. Предѣлъ этой температуры будетъ достигнутъ, когда средой, оказывающей сопротивленіе, будетъ воздухъ между электродами; тогда между ними засвѣтится электрическая дуга. Затѣмъ, чтобы сохранить высокую температуру, нужно, конечно, избѣгать всякой потери тепла. На этомъ принципѣ построена *электрическая печь*.

Подчеркнемъ снова, что здѣсь не проявляется никакого электролитическаго дѣйствія, пользуются только тепловымъ дѣйствіемъ тока. Вслѣдствіе этого для электрической печи можно примѣнять одинаково какъ переменные, такъ и постоянные токи, тогда какъ при электролизѣ примѣняется, конечно, только постоянный токъ.

Электрическая печь Муассана построена слѣдующимъ образомъ. Два куска извести складываются другъ съ другомъ плоскими поверхностями; въ одномъ изъ нихъ (нижней) выдалбливается камера въ нѣсколько десятыхъ кубическаго дециметра; въ эту камеру между двумя угольными электродами помещается то вещество, которое желаютъ расплавить; здѣсь можетъ быть поглощена электрическая энергія многихъ сотенъ лошадиныхъ силъ; эта энергія превращается въ тепловую; въ нѣсколько минутъ, иногда нѣсколько секундъ,

вещества, введенныя въ эту камеру, накаляются до температуры вольтовой дуги, т.-е. до 3.500° Ц. Такая высокая температура далеко не всегда нужна въ индустрии; здѣсь преслѣдуютъ цѣль—построить приборъ удобный и способный къ продолжительной работѣ. Имѣются уже десятки различныхъ конструкцій электрической печи. Основной частью прибора почти всегда является графитный или желѣзный ящикъ; въ него насыпанъ уголь такимъ образомъ, что въ центрѣ его остается свободное пространство, въ которомъ и виситъ подвижной угольный электродъ; другой электродъ обыкновенно вдѣланъ въ стѣнку ящика. Въ ящикѣ этомъ или сдѣлано отверстіе для того, чтобы время отъ времени выпускать готовый продуктъ, или же ящикъ имѣетъ форму подвижной тележки, которую по окончаніи операціи опоражниваютъ.

Благодаря электрической печи, во-первыхъ, получено много новыхъ дотогѣ неизвѣстныхъ химическихъ соединений, во-вторыхъ, явилась возможность поставить производства такихъ веществъ, которые до сего были, вслѣдствіе своей дороговизны, только лабораторными продуктами. Укажемъ, напр., на *карборундъ*—углеродистый кремній (CSi), получаемый восстановленіемъ (при $t. = 2.500^{\circ}$ Ц.) кремнекислоты (SiO_2) углемъ въ электрической печи, въ которую засыпанъ уголь, кремнеземъ и поваренная соль. Карборундъ по твердости выше наждака и въ нѣкоторыхъ производствахъ уже замѣняетъ его. Изъ карборунда готовятъ камни, жернова, пластинки для керамическихъ издѣлій. Главный недостатокъ его тотъ, что онъ легко раскалывается, при чемъ получаются такіе острые края, которые препятствуютъ нанести его, какъ наждакъ, на бумагу или полотно. Но все же, несмотря на это, производство карборунда достигаетъ многихъ сотенъ тоннъ. Впрочемъ, за послѣднее время, тоже благодаря примѣненію электрической печи, въ торговлѣ появился искусственный корундъ, который не представляетъ неудобствъ карборунда, и въ то же время тверже натурального наждака, такъ какъ въ послѣднемъ всего 50% глинозема, а въ искусственомъ продуктѣ до 95%.

Электрической печью пользуются также для приготовленія фосфора, кремнія, графита, хрома, молибдена, титана, уранія, марганца и нѣкоторыхъ другихъ веществъ.

Не можемъ не упомянуть здѣсь также о полученіи Муассаномъ въ своей электрической печи *алмазовъ*, хотя это пока еще не имѣетъ практическаго значенія, такъ какъ наиболѣе крупныя изъ этихъ алмазовъ не превосходятъ 0,6 милиметра, обыкновенно же являются въ видѣ микроскопическихъ кусочковъ.

Въ самое послѣднее время А. Лудвигъ примѣнилъ для искусственнаго полученія алмазовъ еще болѣе сильныя давленія, чѣмъ Муассанъ. Онъ пропускалъ токъ черезъ желѣзную спираль, погруженную въ угольный порошокъ, и такимъ образомъ нагрѣвалъ ее въ атмосферѣ водорода подъ давленіемъ въ 3.100 атмосферъ. По словамъ Лудвига уже черезъ нѣсколько минутъ уголь, соприкасающійся съ желѣзною спиралью, переходитъ въ алмазъ. Дальнѣйшіе опыты показали этому ученому, что такое превращеніе происходитъ и въ отсутствіи желѣза, если только подвергнуть уголь дѣйствию температуры, при которой

онъ плавится, и въ то же время сильному давленію. Людвигъ надѣется этимъ путемъ получать алмазы значительной величины.

Но наибольшее примѣненіе нашла электрическая печь для выработки такъ называемыхъ *карбидовъ*, т.-е. соединеній углерода съ металлами въ эквивалентныхъ отношеніяхъ. Наиболѣе важнымъ карбидомъ, можно даже сказать пока единственно важнымъ въ промышленномъ отношеніи, является *карбидъ кальція* или *углеродистый кальцій* (CaC_2). Карбидъ кальція получается въ описанныхъ уже нами печахъ сплавленіемъ кокса съ известью. Реакцію, которая идетъ при этомъ можно выразить слѣдующимъ уравненіемъ: $\text{CaO} + 3\text{C} = \text{CaC}_2 + \text{CO}$. Коксъ для этого производства долженъ содержать не болѣе 10% золы, а известь не болѣе 5% примѣсей (при этомъ не болѣе 3% магнезій). Хорошій кальцій-карбидъ имѣетъ кристаллическое сложеніе и рыжеватый цвѣтъ; сѣрый или чернѣйшій цвѣтъ говорятъ о плохомъ качествѣ этого продукта. Какъ извѣстно карбидъ кальція остановилъ на себѣ вниманіе техники, такъ какъ онъ обладаетъ свойствомъ разлагать воду, при простомъ соприкосновеніи съ нею, безъ всякаго предварительнаго нагрѣванія, причемъ выдѣляется газъ *ацетиленъ* (C_2H_2), представляющій прекрасный освѣтительный матеріалъ. Реакція образованія ацетилена можетъ быть выражена слѣдующимъ уравненіемъ: CaC_2 (углеродистый кальцій) + H_2O (вода) = CaO (известь) + C_2H_2 (ацетиленъ). При расчетѣ по этому уравненію 1 килограммъ углеродистаго кальція долженъ дать 348,9 литра ацетилена. Ацетиленъ горитъ яркимъ бѣлымъ пламенемъ и развиваетъ громадную силу свѣта: онъ даетъ въ 15—18 разъ больше свѣта, чѣмъ свѣтильный газъ въ обыкновенной горѣлкѣ, и въ 3—4 раза больше, чѣмъ этотъ же газъ при горѣлкѣ Ауэра; при этомъ температура пламени ацетилена гораздо ниже, чѣмъ у свѣтильнаго газа, онъ даетъ тепла только немногимъ больше, чѣмъ обыкновенная электрическая лампочка; кромѣ того, при горѣнн ацетиленъ требуетъ почти въ 2½ раза меньше воздуха, чѣмъ свѣтильный газъ.

Понятно, что при легкости производства карбида кальція и прекрасныхъ освѣтительныхъ качествахъ ацетилена новая индустрія развилась необычайно быстро: въ нѣсколько лѣтъ было основано до 50 карбидныхъ заводовъ. Одна Европа довела годовое производство карбида кальція до 120.000 тоннъ. Но за послѣдніе 3 года въ этой области промышленности произошелъ кризисъ. Спросъ на карбидъ быстро уменьшился (въ годъ не болѣе 15.000 тоннъ) и цѣна его такъ пала (до 100 руб. за тонну, вмѣсто прежнихъ 300 р.), что не покрываетъ даже издержекъ производства. Причинъ этому, вѣроятно, много; наиболѣе существенная и ясная изъ нихъ — это многочисленные взрывы ацетилена какъ въ рукахъ потребителей и такъ на самыхъ карбидныхъ заводахъ. Дѣло въ томъ, что ацетиленъ подобно другимъ горючимъ газамъ, даетъ съ воздухомъ смѣсь, взрывающія при воспламененіи; при этомъ температура, при которой взрываютъ эти ацетиленовыя смѣси (480° Ц.) гораздо ниже температуры (600°), при которой взрываютъ смѣси свѣтильнаго газа съ воздухомъ. Понятно, что и взрывы ацетилена будутъ чаще (при равенствѣ прочихъ условій), чѣмъ свѣтильнаго газа. Кромѣ того, при нѣкоторыхъ условіяхъ (при давленіи болѣе 2-хъ атмосферъ и пропу-

свѣян электрической искры) ацетиленъ даетъ взрывъ и самъ по себѣ, будучи въ совершенно чистомъ видѣ.

Но все же нужно отмѣтить, что несчастные случаи были обязаны больше неосторожности и непредусмотрительности предпринимателей и потребителей и не являются неизбежными. Болѣе обдуманнѣе способы производства, лучшая конструкция аппаратовъ и лампъ дастъ, конечно, полную гарантію безопасности. Въ эту сторону и направлены исканія и кое что уже сдѣлано. Такъ, г-г. Клодъ и Гессъ замѣтили, что ацетиленъ растворяется во многихъ органическихъ жидкостяхъ, особенно сильно въ ацетонѣ, который въ одномъ объемѣ при обыкновенной температурѣ растворяетъ въ 25—30 разъ большій объемъ ацетилена; такъ что, напримѣръ, одинъ литръ ацетона при давленіи въ 5 атмосферъ растворитъ около 180 литровъ ацетилена; 150 изъ нихъ, значить, могутъ быть употреблены въ дѣло. Этими же вопросамъ занялся Бертелло съ Віелемъ. Такіе растворы ацетилена въ ацетонѣ сохраняются въ стальныхъ бутылкахъ, какъ ожиженные газы, и не представляютъ никакой опасности: они не взрываютъ ни отъ дѣйствія накаленной проволоки, ни отъ взрывовъ гремучей ртути, если давленіе въ нихъ ацетилена менѣе 10 килогр. на квадрат. сантим., между тѣмъ какъ чистый жидкій ацетиленъ является сильнымъ взрывчатымъ средствомъ легко взрывающимся даже при сильномъ ударѣ. Для болѣея предосторожности такія бутылки съ ацетонными растворами ацетилена наполняются еще пористыми кирпичиками или особымъ видомъ бетона, главной составной частью которою является древесный уголь. При этихъ условіяхъ такая бутылка, вмѣстимостью на 10 литровъ, даетъ кубическій метръ ацетилена, что приблизительно соответствуетъ 15 метрамъ обыкновеннаго свѣтллагаго газа.

Мы уже упоминали о кризисѣ въ карбидо-ацетиленовомъ производствѣ, нѣкоторые заводы уже закрыты, нѣкоторые стоятъ на очереди. Видимо, добыча ацетилена только въ цѣляхъ освѣщенія, даже и при усовершенствованіи приборовъ, не оправдаетъ произведенныхъ уже затратъ; но вѣроятно, углеродистый кальцій и ацетиленъ найдутъ и другія примѣненія и даже отрицательныя, при теперешнихъ цѣляхъ, свойства, напримѣръ, сильная взрывчатая способность, будутъ использованы соответственнымъ образомъ.

Кроивъ углеродистаго кальція Муассанъ приготовилъ въ своей печи цѣлый рядъ углеродистыхъ металловъ, изъ которыхъ одни разлагаются холодной водой, какъ карбидъ кальція (это—углеродистыя щелочи и щелочныя земли, углеродистые—лантаны, итрій, неодимъ, празеодимъ, самарій, торій, алюминій, марганецъ, глюциній и ураній), другіе же не разлагаются (это—углеродистые—железо, хромъ, молибденъ, вольфрамъ, ванадій, цирконій и титанъ). Ни одно изъ этихъ веществъ не имѣетъ еще техническаго примѣненія, но въ этихъ вопросахъ нельзя ручаться даже за завтрашній день. Нѣкоторые углеродистые металлы второй группы, напримѣръ, углеродистый хромъ являются весьма ковкими и твердыми и въ то же время легко поддающимися обточкѣ и шлифѣ, нѣкоторые являются энергичными восстановителями,—такъ напр., углеродистый литій, нагрѣтый до 300° Ц., воспламеняется и быстро

сгорасть въ атмосферѣ кислорода, въ парахъ сѣры или селена. Наконецъ, общее вѣшьмъ карбидамъ ствойство—образовать при дѣйствіи на нихъ хлора хлористыя соединенія соответственныхъ металловъ—тоже можетъ явиться въ будущемъ отправнымъ пунктомъ для нѣкоторыхъ химическихъ производствъ. Бертело въ своей рѣчи на международномъ конгрессѣ прикладной химіи *) предсказываетъ, «что недалекъ тотъ день, когда ацетиленъ явится въ лабораторіи источникомъ прямыхъ синтезовъ и дастъ дешевый способъ приготовления бензина, щавелевой кислоты и, можетъ быть, алкоголя».

В. А.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

● **Вѣковыхъ колебаніяхъ земного магнетизма.** — Микроскопическія наблюденія надъ ростомъ кристалловъ.— Электричество въ растеніяхъ.

О вѣковыхъ колебаніяхъ земного магнетизма. Еще въ 1866 г. *Ролэнъ* (*V. Raulin*) пришелъ къ заключенію, что наблюдаемыя въ Европѣ и Атлантическомъ океанѣ явленія земного магнетизма лучше всего объясняются медленнымъ поворотомъ сѣвернаго магнитнаго полюса около географическаго полюса на 70° . Такой поворотъ совершается въ теченіи 600 лѣтъ. Производимыя въ Парижѣ еще въ 1580 г. наблюденія надъ магнитнымъ склоненіемъ даютъ автору возможность сдѣлать слѣдующіе выводы. Съ 1580 г. до 1664 г. (85 лѣтъ) склоненіе было восточное, причемъ магнитный меридіанъ постепенно перемѣстился съ $11^\circ 30'$ до 0° . Затѣмъ, въ теченіе 150 лѣтъ (1664 г.—1814 г.) движеніе магнитнаго полюса становится западнымъ и доходитъ до максимума $22^\circ 34'$; наконецъ, съ 1814 г. по 1865 г. западное склоненіе начинаетъ падать и съ $22^\circ 34'$ уменьшается до $18^\circ 33'$.

Эти наблюденія указываютъ на циклъ въ 600 лѣтъ.

Магнитное наклоненіе стали наблюдать гораздо позже, только съ конца XVII-го столѣтія; такимъ образомъ эти наблюденія обнимаютъ 195 лѣтъ, въ теченіе которыхъ наклоненіе упало съ 75° до $65^\circ 58'$.

Согласно гипотезѣ Ролэна, склоненіе въ Парижѣ съ 1664 г. по 1814 г. должно расти, а съ 1814 г. до 1964 г. падать, такъ какъ этотъ періодъ (300 лѣтъ) будетъ соответствовать второй западной половинѣ цикла. Затѣмъ склоненіе перейдетъ въ восточную половину и съ 1964 до 2114 г. будетъ расти, а съ 2114 г. по 2264 г. упадетъ до 0° .

Наклоненіе, достигнувъ опредѣленнаго западнаго максимума, начнетъ падать до тѣхъ поръ, пока магнитный полюсъ не достигнетъ въ 2264 г. парижскаго меридіана. Такъ какъ было констатировано въ прошломъ, что въ періодъ возрастанія склоненія, величина наклоненія уменьшилась въ общемъ на $6^\circ 24'$,

*) См. «М. В.», 1900 г., январь. «Двѣ рѣчи Бертело».

то съ большою вѣроятностью можно допустить, что въ теченіе начавшагося уже періода паденія склоненія наклоненіе снова упадетъ на такую же величину. Протекшіе съ 1866 г. до 1901 г. 35 лѣтъ еще болѣе подтверждаютъ гипотезу Ролана. Паденіе склоненія въ теченіе 77 лѣтъ послѣ 1814 г. шло совершенно правильно, также какъ и возрастаніе его въ предыдущіе 78 лѣтъ; величина склоненія въ 1736 г. была $15^{\circ} 40'$, а въ 1891— $15^{\circ} 35'$.

Такимъ образомъ нужно ожидать, что чрезъ слѣдующіе 73 года—въ 1964 г. склоненіе, какъ въ 1664 г., будетъ $= 0^{\circ}$.

Магнитный полюсъ, который въ 1830 г., по изслѣдованію Росса, проходилъ черезъ островъ «Счастливая Беоѳія» (Boothia Felix), находящійся на $90^{\circ} 7'$; въ 1901 г. долженъ былъ пройти черезъ $141^{\circ} 7'$, т.-е. находится по ту сторону устья Мекензіевой рѣки. Къ сожалѣнію, въ этой области до сихъ поръ еще не сдѣлано соотвѣтственныхъ наблюденій.

Что касается наклоненія, которое уже въ теченіе 230 лѣтъ (съ 1671 г.) падаетъ, то, вѣроятно, паденіе его будетъ продолжаться еще 64 г., когда закончится 300-лѣтній періодъ паденія, затѣмъ, какъ полагаетъ Роланъ, начнется періодъ возрастанія наклоненія.

Всѣ эти явленія могли бы быть объяснены, по мнѣнію автора, если вообразить, что черезъ земной шаръ идетъ магнитное веретенообразное тѣло, концы котораго лежатъ на магнитныхъ полюсахъ земли, и что тѣло это, вѣроятно, вмѣстѣ съ жидкимъ ядромъ земли, движется нѣсколько быстрѣе (на $\frac{1}{600}$), чѣмъ твердая земная кора въ своемъ вращеніи вокругъ оси.

Микроскопическія наблюденія надъ ростомъ кристалловъ. Много дѣлалось наблюденій надъ ростомъ кристалловъ съ помощью микроскопа, и уже съ 1839 г. попадаютъ указанія на то, что подъ микроскопомъ видно, какъ кристаллы выдѣляются сначала въ видѣ маленькихъ, жидкихъ шариковъ, которые затѣмъ соединяются вмѣстѣ и образуютъ кристаллики. Позднѣе вниманіе изслѣдователей сосредоточивалось все болѣе и болѣе на изученіи быстроты кристаллизаціи въ пересыщенныхъ и переохлажденныхъ растворахъ.

Недавно этимъ вопросомъ занялись англійскіе ученые Т. В. Ричардъ и Б. Г. Арчибалдъ. Совершенно невозможно, говорятъ они, подмѣтить подъ микроскопомъ начало образованія кристалла, такъ какъ обыкновенно въ полѣ зрѣнія, совсѣмъ внезапно, въ до того однородной массѣ появляется кристалликъ. Оставалось только прибѣгнуть къ моментальной фотографіи. Авторы поставили себѣ цѣлью произвести рядъ послѣдовательныхъ моментальныхъ снимковъ съ раствора въ моментъ его кристаллизаціи. Такъ какъ въ данномъ случаѣ нужна весьма быстрая экспозиція и сильное увеличеніе объекта, то крайне необходимымъ является сильное освѣщеніе и по возможности полное устраненіе тренія при смѣнѣ пластинокъ; малѣйшее сотрясеніе камеры или объекта отражается на точности и ясности снимка. Построенный ими приборъ состоялъ изъ хорошаго сложнаго микроскопа, окуляръ котораго находился въ камерѣ и отдѣлялся отъ фотографической пластинки вращающимся, непроницаемымъ щиткомъ,

который пропускаетъ свѣтъ только черезъ каждыя 45 своего оборота. Для освѣщенія пользовались концентрированнымъ солнечнымъ свѣтомъ, причѣмъ дѣйствіе тепловыхъ лучей его ослаблялось поглощающей тепло ширмочкой. Вначалѣ пробовали получать свѣтлые рисунки на темномъ фонѣ съ помощью отраженного или поляризованнаго свѣта при небольшихъ увеличеніяхъ; затѣмъ перешли къ темнымъ рисункамъ на свѣтломъ фонѣ, примѣняя уже проходящій неполяризованный свѣтъ при увеличеніи, позволявшемъ различать предметы въ 0,001 т. въ поперечникѣ.

Авторамъ ни разу не пришлось наблюдать упомянутыхъ выше жидкихъ шариковъ; даже при самомъ сильномъ увеличеніи получались уже кристаллики; правда границы ихъ были плохо очерчены, но не отъ недостатковъ строенія, а вслѣдствіе крайне быстрого роста въ плоскости предметнаго столпика. Первоначальная быстрота такъ велика, что въ $\frac{1}{3}$ секунды замѣчается нѣсколько стадій, потому то на снимкѣ и получаются неясныя контуры. Ричардъ и Арчибалдъ произвели цѣлый рядъ измѣреній этихъ кристалловъ въ различныя фазы ихъ роста и получили довольно удовлетворительные результаты съ азотно-вислымъ натріемъ, хлористымъ баріемъ, мѣднымъ купоросомъ и двойной сѣрнокислой солью желѣза и аммоніа.

Во время возникновенія и роста кристалловъ съ нихъ были получены многочисленные фотографическіе снимки, обыкновенно при увеличеніи свыше 4.000, какъ въ обыкновенномъ, такъ и въ поляризованномъ свѣтѣ. Наблюденія дѣлались только надъ веществами съ высокой точкой плавленія, и кристаллизація происходила всегда изъ жидкаго раствора. На всѣхъ хорошо проявленныхъ снимкахъ видна кристаллическая структура. Ростъ въ плоскости поля зрѣнія въ первую секунду происходилъ значительно быстрее, чѣмъ въ послѣдующіе моменты. Этимъ одностороннимъ, поразительно быстрымъ первоначальнымъ ростомъ объясняется неясность контуровъ первыхъ снимковъ. Наблюдатели приходятъ къ выводу, что хотя теорія и стоитъ за переходную жидкую стадію, но произведенные ими опыты не подтверждаютъ того мнѣнія, что эти жидкіе шарики достигаютъ величины воспринимаемой съ помощью микроскопа; исключеніе представляютъ тѣ вещества, которыя плавятся при температурѣ, близкой къ температурѣ кристаллизаціи.

Электричество въ растеніяхъ. Англійскій фізіологъ *А. Д. Уоллеръ* (*A. D. Waller*) сдѣлалъ на послѣднемъ конгрессѣ фізіологовъ интересное сообщеніе о результатахъ своихъ опытовъ надъ электричествомъ въ растеніяхъ. Если повредить растеніе, то образуется электрическій токъ, который идетъ отъ раненой части къ частямъ неповрежденнымъ, и имѣетъ силу до 0,1 вольта. сила эта довольно скоро падаетъ. Такой же токъ, но только меньшей силой (0,02 вольта), можно вызвать простымъ механическимъ раздраженіемъ, а у нѣкоторыхъ растеній (листья бегоніи, вриса, табака и мног. др.) даже болѣе или менѣе сильнымъ освѣщеніемъ; въ этомъ случаѣ токъ идетъ также отъ освѣщен-

ной части къ неосвѣщенной. Затѣмъ автору удалось установить прямую связь между силой даннаго растенія и электрической реакціей: чѣмъ сильнѣе растеніе, тѣмъ сильнѣе и возникающій токъ. Растенія, происшедшія изъ болѣе молодыхъ сѣмянъ, даютъ и токъ болѣе сильный, чѣмъ растенія, выросшія изъ болѣе старыхъ сѣмянъ. Такъ, въ растеніи, происшедшемъ изъ сѣмени боба предшествующаго, года, токъ имѣлъ 0,0170 вольта, а въ растеніи, происшедшемъ изъ сѣмени, полученнаго 5 лѣтъ тому назадъ, всего—0,0014 вольта. Кромѣ того, наблюденія г. Уэллера указываютъ, что растительныя ткани относятся къ возбужденіямъ одной и той же напряженности, слѣдующимъ другъ за другомъ черезъ правильные промежутки времени, совершенно такъ же, какъ и животныя ткани. Во всѣхъ этихъ явленіяхъ большую роль играетъ температура: при $+4^{\circ}$, -6° Ц. и выше $+40^{\circ}$ Ц. не образуется уже никакого тока.

Эти интересные опыты англійскаго ученаго, сближающіе нервную физиологію животнаго и растенія, конечно, требуютъ еще долгой и интенсивной работы многихъ ученыхъ, чтобы стать безспорными и общепризнанными фактами, которые можно было бы положить въ основу болѣе широкихъ біологическихъ обобщеній.

В. А.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Май

1902 г.

Содержаніе:—Беллетристика.—Исторія литературы и критики.—Исторія всеобщая и русская.—Политическая экономія и социологія.—Медицина и гигиена.—Публицистика.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

(Скиталецъ. «Разказы и пѣсни».—Ив. Бунинъ. «Разказы».)

Скиталецъ. «Разказы и пѣсни». Томъ I. Ц. 1 р. Спб: 1902 г. Изд. товарищ. «Знаніе». Два года тому навадъ появился на страницахъ журнала «Жизнь» разказъ «Октава», за подписью «Скиталецъ», и тогда же обратилъ на себя общее вниманіе читателей и критики яркостью изображенія и силою, съ которыми онъ написанъ. Затѣмъ авторъ этого оригинальнаго произведенія какъ-то скрылся и выступилъ только въ концѣ прошлаго года на страницахъ нашего журнала съ не менѣе яркой и оригинальной повѣстью «Сквозь строй», въ которой сила изобразительнаго таланта напоминаетъ мѣстами Горькаго. Эти два замѣчательныя произведенія сразу опредѣлили своеобразную литературную фizioномію автору, рѣзко выдѣляющуюся въ ряду нашихъ молодыхъ талантовъ замѣчательно образнымъ красочнымъ языкомъ и оригинальностью темъ. Но въ сборникѣ Скиталецъ, помимо нѣсколькихъ также красиво и сильно написанныхъ разказовъ, выступаетъ и какъ поэтъ, и трудно сказать, въ чемъ сильнѣе его талантъ—въ повѣсти или въ стихотвореніяхъ, изъ которыхъ большинство превосходно какъ по блестящему, совершенно особому стиху, такъ и по самобытности настроенія. Намъ кажется, что въ своихъ стихотвореніяхъ онъ даже оригинальнѣе, чѣмъ въ прозѣ. Здѣсь все оригинально, начиная съ стиха, музыкальнаго и совершенно особеннаго по построенію, напоминающаго ритмъ народныхъ пѣсенъ, и по силѣ страсти, сдавленной и могучей, терзающей пѣвца, для котораго его пѣсня—это вопль муки и злобы, не находящей себѣ утolenія. Таковы «Болоколъ», «Нѣтъ, я не съ вами: своимъ напрасно и лицемѣрно меня зовете» и другія. Но иногда и у него выливаются такія нѣжныя пѣсни, которыя выдають тайну Скитальца, что не только для гнѣва открыто это сердце. Вотъ, напримѣръ, какое граціозное стихотвореніе вылилось изъ-подъ его пера:

Колокольчики-бубенчики звенять,
Простодушную разсказываютъ быль...
Тройка мчатся, комья снѣжные летятъ,
Обдаетъ лицо серебряная пыль!

Нѣтъ ни звѣздочки на темныхъ небесахъ,
Только видно, какъ мелькають огоньки.
Не смолкаетъ звонъ малиновый въ ушахъ,
Въ сердцѣ нѣту ни заботы, ни тоскы.

Эхъ! дети, душа, отдайся вся мечтѣ.
Потоните хороходы блѣдныхъ лицъ!
Очи милыя мнѣ свѣтять въ темнотѣ
Изъ-подъ черныхъ, изъ-подъ бархатныхъ рѣсницъ

Эй, вы, шире, сторонитесь, раздавлю!
Безжонечно, жадно хочется мнѣ жить!
Я дороги никому не уступаю,
Я умѣю ненавидѣть и любить...

Ручка вѣжная прижалась въ рукавъ..
Не пришлось бы мнѣ дѣлать той руки,
Да отъ свѣжной пыли мутно въ головѣ,
Да баюкають бубенчики-звонки!

Простодушные бубенчики-друзья,
Говорливые союзники любви,
Замодчите вы, лукаво затая
Тайны вѣжныя, завѣтныя мои!

Ночь окутала насъ бархатной тафтой,
Звѣзды спрятались, лучей своихъ не льютъ,
Да бубенчики подъ кованной дугой
Про любовь мою болтають и поютъ.

Пусть узнають люди хитрые про насъ,
Догадаются о ласковыхъ словахъ
По бубенчикамъ, по блеску черныхъ глазъ,
По растаявшимъ снѣжинкамъ на щекахъ.

Хорошо въ ночи бубенчики звенять,
Простодушную рассказываютъ быль..
Сквозь рѣсницы очи милыя блестять,
Обдаеть лицо серебряная пыль...

Не правда ли, какая прелестная идиллія? Основной, однако, тонъ поэзіи скитальца сумрачный и гнѣвный. Въ немъ чувствуется накопившаяся долгими годами обида и боль за себя и за тѣхъ, кто остался на «днѣ морскомъ», куда скитальцу «нѣтъ возврата», но гдѣ «слезы, перлы, а кровь рубины», какъ говорятъ онъ въ одномъ стихотвореніи. Въ повѣсти «Сквозь строй», повидимому, заключающей много автобіографическаго, это «дно» превосходно обрисовано, и можно видѣть, какія силы таятся тамъ. Понемногу онъ поднимаются наверхъ, и въ лицѣ М. Горькаго и Скитальца пролагають дорогу другимъ. Въ литературу они уже внесли свѣжесть и нетронутость непосредственнаго чувства, оригинальную форму и содержаніе и сильную индивидуальность, и въ этомъ уже ихъ не малая заслуга. А. Б.

Ив. Бунинъ. Разказы. Томъ первый. Ц. 1 р. Слб. 1902 г. Изд. товарищества «Знаніе». Въ настоящій сборникъ разказовъ г. Бунина вошли почти всѣ произведенія его за послѣдніе два—три года, разбѣянные по журналамъ, въ томъ числѣ и напечатанныя у насъ («Осенью», «Сосны», «Тишина», «Безъ роду-племени»), а также часть разказовъ изъ прежняго сборника, издавнаго въ 1898 г. подъ общимъ заглавіемъ «На край свѣта». Такое смѣшеніе, признаемся, вышло не совсѣмъ удачно. Въ первый періодъ своей писательской дѣятельности г. Бунинъ выступилъ, какъ художникъ-реалистъ, прекрасно умѣвшій отгнѣнить вѣжныя и глубокія черты того или иного явленія, но реальная сторона все же была сущностью каждаго разказа. Напомнимъ, напр., чудесные его разказы «Бастрюкъ», «Святая ночь» («М. Б.» 1895 г., напр.), «Тарантелла», «Байбаки», прелестью выполненія напоминавшіе тончайшую акварель. Въ нихъ реализмъ содержанія былъ слитъ въ рѣдкой гармоніи съ вѣжностью отдѣлки. Новыя произведенія г. Бунина рѣзко стали отличатся отъ этихъ реалистическихъ произведеній. Фабула, разказъ, все это отошло на задній планъ, все замѣнилось «настроеніемъ», и значительная часть, если

не всё, изъ этихъ разсказовъ скорѣе напоминають стихотворенія въ прозѣ. Тонкость отдѣлки, красивый музыкальный языкъ выступили на первый планъ. Каждый разсказъ, размѣромъ двѣ-три страницы, много полъ листа, даетъ одну черту, подмѣченную авторомъ и тщательно обработанную, небольшую, миниатюрную картинку, мимолетное настроеніе, охватившее автора и запечатлѣнное имъ на бумагѣ. Взятый въ отдѣльности, каждый такой очеркъ производитъ пріятное впечатлѣніе граціозной вещицы, проникнутой поэтическимъ настроеніемъ. Но собранныя вмѣстѣ, эти двадцать (или около того) маленькихъ «настроеній» не даютъ чего-либо яркаго, цѣльнаго, а такъ и остаются отдѣльными мелкими картинками, черточками, штрихами, разбѣянно выхваченными авторомъ изъ своей записной книжки. Вкрапленные среди нихъ четыре-пять большихъ и цѣльныхъ очерка прежняго типа («Байбаки», «Тарантелла», «Кастрюкъ», «На край свѣта») рѣзко выдѣляются среди этихъ маленькихъ вещицъ какъ серьезностью и содержательностью, такъ и здоровымъ реализмомъ. По красотѣ и художественности они ни мало не уступаютъ всѣмъ этимъ «Туманамъ», «Рудѣ», «Автоновскимъ яблокамъ» и другимъ мимолетнымъ «настроеніямъ», въ то же время неизмѣримо превосходя всю эту претенціозную мелочь значительностью и опредѣленностью содержанія.

Одно, что объединяетъ всю книгу разсказовъ, это любовная тщательность, съ которою авторъ относится къ языку своихъ произведеній, и что мы считаемъ его огромнымъ достоинствомъ. Въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ французскихъ авторовъ по отдѣлкѣ и красотѣ каждой фразы, каждаго періода, языкъ его произведеній безукоризненно красивъ и изященъ, за что, между прочимъ, нѣкоторые критики нападали на г. Бунина по поводу напечатаннаго у насъ разсказа его «Сосны». Такъ одинъ изъ болѣе строгихъ, чѣмъ справедливыхъ критиковъ, выписавъ слѣдующую фразу, подчеркнул въ ней презрительнымъ курсивомъ два слова: «вечеръ рѣшетъ надъ головою неслышной тѣнью, завораживаетъ соннымъ звономъ въ лампѣ, похожимъ на умирающее ныть комара, и таинственно дрожить и *убываетъ на одномъ мѣстѣ* темнымъ волнистымъ кругомъ, кинутымъ на потолокъ лампы». Почтеннаго критика смутило выраженіе «убываетъ на одномъ мѣстѣ», но ему стояло только пробѣдить въ своемъ кабинетѣ образность этого выраженія и тогда онъ почувствовалъ бы всю вѣрность и тонкость картины вечера, нарисованной г. Бунинымъ... Эта красота языка заставляетъ забывать подчасъ незначительность содержанія многихъ изъ небольшихъ очерковъ г. Бунина, сама по себѣ доставляя рѣдкое художественное удовольствіе.

А. Б.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА.

В. Сиповскій. «Пушкинская юбилейная литература».—И. Библинъ. «Сказки».

В. В. Сиповскій. Пушкинская юбилейная литература (1899—1900 гг.). (Критико-библиографическій обзоръ). Спб. 1901. Стр. 272. Ц. 2 р. Столѣтняя годовщина рожденія Пушкина вызвала громадную литературу, въ которой главное мѣсто занимають журнальныя и газетныя статьи, а также рѣчи, прочитанныя и произнесенныя академиками, профессорами, преподавателями словесности и законоучителями среднихъ учебныхъ заведеній. Кромѣ того, были опубликованы новые архивные матеріалы, имѣющіе отношеніе къ біографіи великаго поэта. Необходимость общаго обзора пушкинской юбилейной литературы чувствовалась уже давно, и первые опыты подобнаго рода появились въ печати еще въ 1899 году. Но эти первые обзоры не могли отличаться необходимою полнотою уже потому, что многія рѣчи, приуроченныя къ 26-му мая,

появились въ печати значительно поздиѣе. Книга г. Сиповскаго, составившаяся изъ статей, напечатанныхъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», представляетъ наиболѣе полный и подробный обзоръ юбилейной литературы, но и въ этотъ обзоръ, за незначительными исключеніями, не вошли статьи о Пушкинѣ, появившіяся въ газетахъ и еженедѣльныхъ журналахъ. Даже нѣкоторыя рѣчи, напечатанныя въ провинціальныхъ городахъ, не вошли въ обзоръ г. Сиповскаго.

Итоги Пушкинской юбилейной литературы, подведенные г. Сиповскимъ, оказались громадными въ количественномъ и очень незначительными въ качественномъ отношеніи. По заявленію обозрѣвателя, въ этой литературѣ «лишь рѣдко сверкаютъ искры таланта и оригинальности». Среди массы статей и рѣчей сравнительно очень немногія удостоились болѣе или менѣе лестныхъ отзывовъ. Въ числѣ «матеріаловъ» оказались «болѣею частью мелочи анекдотическаго характера, или подтверждающія уже извѣстныя намъ черты пушкинскаго облика, или устанавливающія нѣкоторые незначительные факты изъ его жизни». Особое мѣсто занимаетъ почти одно только военно-судное дѣло о дуэли Пушкина, да и оно обмануло надежды на обиліе новыхъ данныхъ о смерти великаго поэта. Среди обширныхъ очерковъ жизни и дѣятельности Пушкина, по отзыву обозрѣвателя, «кромя 2—3-хъ работъ, нѣтъ ни одной, сколько-нибудь оригинальной, интересной». Лучшей, по его мнѣнію, біографіей Пушкина оказалась перепечатанная безъ измѣненій работа г. Венкстерна, написанная въ 1880 году. «Мало оригинальности и новизны» оказалось и среди массы работъ, посвященныхъ историко-литературной оцѣнкѣ дѣятельности Пушкина. Немного дѣянаго нашлось и среди сравнительно немногочисленныхъ рѣчей о Пушкинѣ, какъ о народномъ, національномъ поэтѣ, и среди работъ, посвященныхъ западно-европейскимъ и русскимъ вліяніямъ на его творчество. Наименѣе удовлетворительнымъ оказалась тотъ отдѣлъ юбилейной литературы, который посвященъ выясненію воспитательнаго значенія поэзіи Пушкина. Юбилейныя статьи, посвященныя этому вопросу, по отзыву г. Сиповскаго, «такъ шаблонны, такъ богаты общими мѣстами, что трудно повѣрить, будто въ такомъ освѣщеніи великій поэтъ могъ покорить какое-нибудь юное сердце».

Наиболѣе дѣнными г. Сиповскій признаетъ «біографическіе очерки частнаго характера», представляющіе детальную разработку отдѣльныхъ эпизодовъ изъ жизни Пушкина, а также характеристики великаго поэта, хотя почти всё эти юбилейныя характеристики «построены исключительно на пронаведеніяхъ поэта... искусственно подтасованныхъ согласно вкусамъ и симпатіямъ изслѣдователей, вслѣдствіе чего Пушкинъ черезъ силу втискивался въ рамки, уже заранѣе приготовленныя—и, въ результатъ, у одного изслѣдователя нашъ поэтъ оказался «радикаломъ», у другого — «консерваторомъ», у третьяго — человѣкомъ «религіознымъ», у четвертаго — «безбожникомъ»... Интересно, — продолжаетъ г. Сиповскій, — что всё эти характеристики, украшенныя цитатами изъ Пушкина, иногда довольно убѣдительны, если взять ихъ отдѣльно, — вмѣстѣ же взятыя, овѣ производятъ впечатлѣніе такой пестроты, что сложный образъ поэта, требующій болѣе осторожнаго съ нимъ обращенія, отъ такихъ характеристикъ еще болѣе затемняется».

При составленіи своей книги, г. Сиповскій имѣлъ въ виду болѣе подробно остановиться на лучшихъ работахъ о Пушкинѣ, отмѣтить недостатки худшихъ работъ и «объгло отозваться» о работахъ средняго достоинства, которыхъ оказалось подавляющее большинство. И, дѣйствительно, по книгѣ г. Сиповскаго можно познакомиться съ лучшими юбилейными работами о великомъ поэтѣ, а также и съ тѣми курьезными мнѣніями, которыхъ особенно много попадаетъ въ рѣчахъ усердныхъ не по разуму провинціальныхъ ораторовъ. Чего только ни говорилось о Пушкинѣ въ порывѣ не всегда искренняго вос-

торга! Великій поэтъ оказывался и прообразомъ Каткова, и великимъ государственнымъ дѣятелемъ, объединителемъ разныхъ племенъ, входящихъ въ составъ имперіи, и «учителемъ набожности и нравственной чистоты», и проповѣдникомъ «малого, но вѣрнаго дѣла». А какіе гиперболизмы попадаются въ рѣчахъ провинціальныхъ ораторовъ! Одни провозглашали, что «для всѣхъ славянскихъ національностей, для русской литературы, для нашего литературнаго языка Пушкинъ имѣетъ такое же значеніе, какъ всѣ философы и мыслители, вятые вмѣстѣ». По мнѣнію другихъ, «Пушкинъ превосходить даже такихъ великихъ поэтовъ, какъ Шекспиръ, Байронъ и Гёте». Третьи увѣрали, что «всѣхъ его произведеній нѣтъ ни въ одной литературѣ», что «ему, какъ художнику красоты, нѣтъ соперника въ мірѣ». И на ряду съ такими преувѣличеніями курьезныя ошибки, отличающія незнакомство не только съ иностранными литературами, но даже съ биографіей и сочиненіями Пушкина. Достаточно указать, что «многіе ораторы и авторы» приписывали Пушкину сочиненный Жуковскимъ стихъ: «Прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ».

Интересно также отмѣтить, что если среди лицъ, писавшихъ о Пушкинѣ, не нашлось ни одного, кто бы смотрѣлъ на него глазами Писарева, зато очень многіе широко пользовались такими источниками сомнительнаго достоинства, какъ книжка Никольскаго «Идеалы Пушкина» и знаменитая рѣчь Достоевскаго О книжкѣ Никольскаго г. Сиповскій вполне справедливо говоритъ, что великій поэтъ является въ ней «какимъ-то напомаженнымъ, гладко причесаннымъ и затянутымъ», и что сдѣланная авторомъ этой книжки характеристика Пушкина представляетъ не болѣе, какъ «насъ возвышающій обманъ». Что касается рѣчи Достоевскаго, то Сиповскій жалѣетъ, что эта крикливая и фразистая рѣчь многіхъ сбила и продолжаетъ еще сбивать съ толку. Относительно духовныхъ ораторовъ надо отмѣтить, что большинство ихъ рѣчей богато такими выраженіями, какъ «блудный сынъ» и «кающійся разбойникъ», заимствованными изъ пресловутой проповѣди покойнаго архіепископа Никанора. Наконецъ, г. Сиповскій могъ бы отмѣтить, что не малую роль сыгралъ въ юбилейной литературѣ и учебникъ Невзеденова. Оттуда позаимствованы и приписанный Пушкину чужой стихъ, и нѣкоторые изъ приведенныхъ выше гиперболизмовъ.

Вообще, книга Сиповскаго даетъ не мало дѣянаго матеріала для знакомства съ пушкинской юбилейной литературой. Цѣнность этой книги еще болѣе увеличилась бы, если бы матеріалъ въ ней былъ расположенъ систематичѣе и если бы составитель ея не былъ чересчуръ субъективенъ въ своихъ хвалебныхъ или пренебрежительныхъ отзывахъ, иногда ничѣмъ не мотивированныхъ и даже противорѣчивыхъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ г. Сиповскій соглашается съ мнѣніемъ, что «Пушкинъ былъ гениальнымъ представителемъ искусства для искусства» (стр. 165), а въ другомъ мѣстѣ онъ приводитъ безъ всякихъ возраженій и оговорокъ мнѣніе академика Веселовскаго: «Это не поэзія для поэзіи, а поэзія, какъ проповѣдь добрыхъ чувствъ» (стр. 219). Въ началѣ отзыва объ извѣстной рѣчи г. Кони говорится о «всеобъемлющей силѣ краснорѣчія и логики» этого оратора-юриста, а въ концѣ г. Сиповскій неожиданно заявляетъ, что, вопреки оратору, Пушкинъ былъ «все-таки поэтъ, а не философъ-юристъ». Куда же дѣлась «всеобъемлющая сила краснорѣчія и логики?» Въ началѣ книги рѣчи педагоговъ называются «умными и содержательными, теплыми и искренними», а въ концѣ книги специально-педагогическія рѣчи о воспитательномъ значеніи Пушкина всѣ названы «шаблонными», кромѣ одной.

Нельзя также пройти молчаніемъ нѣкоторыя парадоксальныя мнѣнія самого составителя книги. Нельзя, напримѣръ, согласиться съ нимъ, что «Пушкинъ чудятъ идеализаціи», или что «Панъ Тадеушъ» Мицкевича «въ общемъ производитъ впечатлѣніе чего-то невыношеннаго». Нельзя также согласиться съ

разсужденіями г. Сиповскаго о слабомъ воспитательномъ значеніи литературы вообще и въ частности сочиненій Пушкина. Наконецъ, было бы несправедливымъ считать праздникъ 1899 года «академическимъ», какъ это дѣлаетъ г. Сиповскій. Была предложена другая характеристика праздника 1899 годъ: онъ былъ названъ «педагогическимъ». Г. Сиповскій не отрицаетъ, что «педагоги своими рѣчами... сыграли въ 1899 году роль огромнаго, довольно хорошо спѣвагося хора», но все же думаетъ, что «солистами, давшими роль празднику, выступили не они, а изслѣдователи, авторы монографій и всевозможныхъ этюдовъ по разнымъ пушкинскимъ вопросамъ». Безспорно, что для науки и для лучшаго пониманія жизни и творчества Пушкина «солисты» дали гораздо больше, чѣмъ «хоръ педагоговъ». Но значеніе праздника можетъ быть оцѣниваемо не только съ точки зрѣнія увеличенія фактического матеріала и новыхъ оригинальныхъ взглядовъ, обогатившихъ литературу о Пушкинѣ. Съ точки зрѣнія широкой популяризаціи великаго русскаго поэта, популяризаціи, захватившей не только низшую школу, но даже и безграмотные слои народа, результаты пушкинскаго праздника могутъ представиться еще важнѣе, чѣмъ съ точки зрѣнія науки. Конечно, пушкинскій праздникъ не былъ «все-народнымъ», но его нельзя называть и «академическимъ», и даже «педагогическимъ». Это былъ праздникъ всей русскои и даже славянскои интеллигенціи съ участіемъ наиболѣе грамотныхъ слоевъ народа.

Симъ г. Сиповскій въ концѣ своего обзора юбилейной литературы призывается, что «главная сила ея—численность, ясно показывая, насколько въ какія-нибудь 20 лѣтъ расширился кругъ цѣнителей нашего поэта, насколько прочно укоренилось въ народное сознаніе пониманіе заслугъ великаго поэта. Возьмемъ ли мы оцѣнку его литературной дѣятельности, или его характеристики—мы неизбежно должны будемъ признать за всей этой многоголосной литературой одно—искреннее и порою страстное желаніе сказать «спасибо» великому поэту! Не только профессора и педагоги, но и художники, доктора, юристы, естествоиспытатели,—все своими рѣчами доказали, что *великій «поэта»* въ сознаніи русскаго народа сдѣлался *великимъ челоѣкомъ*, который дорогъ не однимъ жрецамъ поэзіи, но всему народу русскому! Возьмемъ ли мы «изданія» его произведеній—мы невольно признаемъ въ нихъ демократическій характеръ нашего праздника,—почти все вниманіе издателей устремлено на то, чтобы дать Пушкина *народу и учащимся*,—значить, есть въ этомъ спросъ, значить, образъ поэта не умираетъ, не гаснетъ въ памяти народной,—а растетъ, просвѣтляется, захватываетъ все глубже и шире всѣ слои русскаго народа!»

Неужели кабинетные ученые своими «изслѣдованіями» придали пушкинскому празднику такой широкой рамахъ и даже «демократическій характеръ»? Вся книга г. Сиповскаго, отмѣтившая скудость цѣнныхъ и оригинальныхъ работъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что большинство писавшихъ о Пушкинѣ думало не объ интересахъ науки, а о распространеніи наличнаго запаса фактовъ и выводовъ о жизни, творчествѣ и значеніи Пушкина.

С. Ашевскій.

Сказки. Сказка объ Иванѣ-царевичѣ, Жарь-птицѣ и о стѣромъ волкѣ. Рисунки И. Я. Билибина. Изданіе Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Художественныя изданія предпринимаются у насъ рѣдко, а тѣ, которыя предпринимаются, удаются еще рѣже, поэтому нельзя не отмѣтить настоящаго выпуска, перваго изъ предполагаемой серіи русскыхъ сказокъ съ иллюстраціями И. Я. Билибина. Ни одна изъ частныхъ издательскихъ мастерскихъ, конечно, не можетъ конкурировать въ роскоши выполненія съ Экспедиціей загот. госуд. бумагъ особенно въ многоцѣтномъ печатаніи, требующемъ сложныхъ и дорогихъ машинъ и спеціальныхъ мастеровъ. На данное изданіе, оче-

видно, употребленъ былъ весь запасъ средствъ и умѣнья, какой былъ въ распоряженіи издателей, и дѣйствительно, внѣшность только что появившейся сказки оставляетъ весьма мало желать; можно указать только на одну подробность исполненія, нѣсколько нарушающую общее изящное впечатлѣніе: темные тоны для большей интенсивности приклеены, поэтому иллюстрація нѣсколько напоминаетъ олеографію. Въ аквареляхъ, которыя воспроизводятся многоцвѣтнымъ печатаніемъ, художники никогда не прибѣгаютъ къ подобному приему. Что касается художественной стороны самыхъ иллюстрацій, то многія изъ нихъ весьма интересны и о нихъ стоитъ поговорить подробнѣе. Естественно было ожидать, что рисунки къ русской сказкѣ будутъ исполнены въ русскомъ стилѣ, изъ котораго теперь наши художники стремятся извлечь освѣжающій принципъ жизни для обдѣвшаго искусства. Это направленіе имѣетъ крупныя заслуги, поскольку оно побуждаетъ изучать и собирать остатки народнаго художественнаго творчества, оно несомнѣнно произвело много прекрасныхъ художественныхъ произведеній, но при этомъ не надо упускать изъ виду одно обстоятельство: то, что современные художники создаютъ «въ русскомъ стилѣ», весьма далеко отъ искусства московской Руси XVI и XVII вѣковъ, которое они стремятся воскресить. Это вполне естественно и иначе быть не можетъ. Стилъ есть нечто иное, какъ «наилучшее средство овладѣть той спеціальною истинной, которой искалъ художникъ» (Рёскинъ). Выборъ наилучшаго средства въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣляется двумя факторами: свойствами матеріала, которымъ располагаетъ художникъ, и его творческою психологіей. Вотъ почему стремленіе возвратиться къ искусству отдаленныхъ предковъ неизбѣжно обречено на неудачу. Когда современный архитекторъ строитъ каменный театръ или желѣзныи и стеклянный вокзалъ и принимаетъ тѣ декоративныя мотивы, которые выработались на постройкахъ деревянныхъ избъ и теремовъ, то, конечно, онъ можетъ быть только болѣе или менѣе всудачнымъ подражателемъ. Какъ бы современный художникъ ни былъ проникнутъ религіознымъ вдохновеніемъ, онъ не можетъ возвратиться къ архаической иконописи Рублева или Ушакова, еще менѣе ихъ византійскихъ прототиповъ. Недаромъ извѣстная Мадонна В. М. Васнецова во Владимірскомъ соборѣ долго встрѣчала оппозицію каноническихъ правилъ, а его же «Страшный Судъ» по общей концепціи гораздо ближе къ Микель Анджело, чѣмъ къ ваявшимъ мастерамъ новгородскихъ и Владимірскихъ церквей, или къ картинѣ, которая такъ поразила воображеніе кievскаго князя Владиміра: здѣсь муки грѣшниковъ изображаются съ такимъ правоучительно-эпическимъ спокойствіемъ, а восторгъ блаженныхъ такъ чуждъ состраданія къ несчастнымъ, тогда какъ у г. Васнецова, какъ и у его великаго предшественника, мы видимъ дѣлую мировую трагедію; умъ цивилизованнаго европейца не мирится съ воздаяніемъ зломъ за зло, и святые, окружающіе престолъ Судіи, Богоматерь, Іоаннъ Креститель, апостолы уже не радуются своему положенію, а поражены ужасомъ передъ жестокостью страданій своихъ ближнихъ. Наконецъ, даже въ области чисто декоративнаго искусства продолженіе традицій національнаго творчества оказывается невыполнимымъ. Любопытно наблюдать, напр., какъ въ высокодаровитыхъ, изящныхъ произведеніяхъ покойной Е. Д. Полѣновой подробности русскаго орнамента складываются въ общую композицію, близкую скорѣе всего къ новѣйшему англійскому *modern style*: какъ бы случайная, но въ дѣйствительности тонко взвѣшенная недодѣланность, изящная чопорность, гармоническій подбор притушенныхъ, какъ бы выцвѣтшихъ тоновъ, на фонѣ которыхъ особенно эффектно вырываются двѣ-три яркихъ ноты,—все это, конечно, не удовлетворяло бы вкусъ нашихъ предковъ. Если мы теперь обратимся къ рисункамъ г. Билябина, то найдемъ въ нихъ гораздо болѣе рѣзкое противорѣчіе между элементами національнаго стила и манерой современнаго художника. Всѣ его орнаменты, заставки, коймы ясно-

раздѣляются на двѣ категоріи: всѣ дѣйствительно стильные мотивы непосредственно взяты изъ памятниковъ, всѣ оригинальныя его композиціи ничего общаго съ русскимъ стилемъ не имѣютъ; это не мѣшаетъ имъ быть иногда очень изящными, напр., койма очень натурально нарисованныхъ мухоморовъ въ различнѣйшихъ варіаціяхъ. Въ колоритѣ онъ также «выпадаетъ» изъ стиля: вмѣстѣ яркой пестроты у него господствуютъ мягкія и нѣжныя краски. Повидимому, г. Билибинъ рисуетъ настолько подѣ непосредственнымъ влияніемъ народнаго искусства, сколько подѣ впечатлѣніемъ тѣхъ художниковъ, которые его обновили. По крайней мѣрѣ нерѣдко можно указать прямую зависимость его композицій отъ того или другого извѣстнаго произведенія. Такъ, сейчасъ же на заглавномъ листѣ, встаетъ сказать, скомпонованномъ не особенно удачно, бросается въ глаза сходство трехъ витязей въ стѣни съ тремя богатырями В. М. Васнецова. То же нужно сказать и относительно птицы Сириня; а набушка на курьихъ ножкахъ напоминаетъ тотъ же сюжетъ у Е. Д. Полѣновой, такъ же какъ и Жарь-птица ночью въ паркомъ саду, съ тѣмъ, однако, различіемъ, что у Полѣновой она такъ и горитъ огнемъ, а у г. Билибина ея матово-розовые перья среди вялыхъ красокъ всей остальной картины не производятъ достаточнаго эффекта. Иванъ-царевичъ на бѣломъ конѣ, читающій надпись на камнѣ у распутыя, также похожъ на извѣстнаго Васнецовскаго витязя. Но при всемъ томъ нѣкоторыя черты иллюстрацій г. Билибина обнаруживаютъ въ немъ задатки несомнѣннаго таланта, который со временемъ, быть можетъ, перерастетъ чужеродныя влиянія, имитацію стиля и станетъ на собственные ноги. Особенно удачна пейзажная сторона нѣкоторыхъ композицій. Рисованіе сплошными планами, необходимое для печатанія, позволяетъ художнику проявить большую наблюдательность въ формахъ растительности, облаковъ и реальную свѣжесть колорита. Такъ, напр., очень изящны и выстѣ просты тона пейзажа въ упомянутой уже картинкѣ: три витязя въ стѣни; прекрасна даль въ композиціи, изображающей Ивана-царевича на распутыи; удаченъ восходъ мѣсяца на стр. 11. Заключительная заставка—сѣрый волкъ съ горящими глазами убѣгаетъ ночью въ тѣснѣ—не лишена даже настроенія. Рисунокъ хорошо выработанный и красивый. Во всякомъ случаѣ, рисунки г. Билибина не имѣютъ ничего общаго съ обычной мазней иллюстраторовъ,—это произведенія, къ которымъ вполнѣ прихвально художественная критика безъ всякой обидной снисходительности. Нельзя сомнѣваться, что предпринятое Экспедиціей изданіе будетъ имѣть успѣхъ въ публикѣ, тѣмъ болѣе, что цѣна (75 коп. за выпускъ) вполнѣ доступна, въ противоположность обыкновеніямъ частныхъ издателей, которые за мало-мальски приличное съ внѣшней стороны изданіе сейчасъ заламываютъ цѣны несуразныя.

Е. Дегень.

ИСТОРИЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

И. Кудринъ. «Очерки современной Франціи».—Д. Петрушевскій. «Возстаніе Уота Тайлера».—И. Буцинскій. «Отанымъ о Павлѣ его современниковъ».

Н. К. (Н. Е. Кудринъ). Очерки современной Франціи. Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство». Спб. 1902 года, цѣна 2 рубля. За исключеніемъ статьи «О марксизмѣ вообще», всѣ остальные очерки представляютъ рядъ корреспонденцій «печатавшихся за шесть лѣтъ въ «Русскомъ Богатствѣ». Самъ авторъ въ предисловіи предупреждаетъ читателей, что очерки «отмѣчены всѣми недостатками спѣшной, срочной работы». Къ этому слѣдуетъ прибавить и слѣшкомъ субъективное представленіе автора о самой французской жизни. Выходитъ ли это оттого, что у г. Кудрина отсутствуетъ чувство реальности,

или оттого, что онъ слѣшкомъ увлекается общими мѣстами, но его очерки не даютъ впечатлѣнія живой дѣйствительности. Это видно уже изъ перваго очерка, озаглавленнаго: «Психологія француза». Здѣсь, какъ на отрицательную черту, г. Кудринъ указываетъ на «бессердечный формализмъ француза и жестокое отношеніе къ тому, кто преступилъ уголовный и гражданскій кодексъ». «Очевидно,—продолжаетъ г. Кудринъ,—буржуазія успѣла внушить болѣе или менѣе всей націи, что страхъ судьи и жандарма есть начало премудрости въ современномъ обществѣ, и что стянуть, напримѣръ, булку, такъ же преступно, само по себѣ, какъ совершить самое тяжелае преступленіе» (стр. 11). Изъ какихъ фактовъ французской жизни авторъ выводитъ эту черту? «Я не могу до сихъ поръ забыть,—поясняетъ онъ тутъ же,—одной сцены, которую устроила моему хорошему знакомому консьержка дома, гдѣ онъ жилъ, за то, что этотъ господинъ не хотѣлъ жаловаться на стекольщика, укравшаго у него нѣсколько ложекъ, а лишь отобралъ и отпустилъ вора съ миромъ» (12). Вотъ фактъ, давшій поводъ автору обвинять французовъ въ формализмъ. Его пріемъ напоминаетъ французскій рассказъ объ англичанинѣ, увидѣвшемъ въ Калѣ французженку блондинку, откуда онъ заключилъ, что всѣ французженки блондинки. Однако, если даже согласимся, что консьержка «хорошаго знакомаго» выражаетъ мнѣніе всѣхъ французовъ, то отсюда можно сдѣлать заключеніе, что у француза сильно развито чувство собственника, чувство реальное, а отнюдь не формализмъ. Самый ярый защитникъ мелкой собственности, Прудонъ, былъ и самымъ яркимъ врагомъ кодексовъ и властей. И вообще, до сихъ поръ въ формализмъ обвиняютъ англичанъ, но мы не знаемъ, чтобы эту черту приписывали французамъ, исторія которыхъ есть постоянное нарушеніе кодексовъ. Да и въ ихъ обыденной жизни можно найти множество фактовъ, подтверждающихъ, что масса, включительно до перберовъ закона «консьержекъ», не стѣсняется нарушеніемъ кодексовъ, когда это ей выгодно.

Если французъ имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ формализму, то скорѣе отрицательное. Его житейскій реализмъ подсказываетъ ему тѣ ироническія пѣсни, въ которыхъ съ французскимъ остроуміемъ осмѣивается формализмъ *властей*. Но послѣдній связанъ не съ характеромъ француза, а съ духомъ бюрократизма.

У француза, какъ мы замѣтили, существуетъ сильно развитое чувство собственника. Нерѣдко въ судебной хроникѣ бывають описаны случаи, когда крестьянинъ избивается и даже убивается ницѣмъ за то, что онъ украдъ яблоки изъ его сада, или перехватилъ рыбу изъ оставленной имъ сѣти. Но это не есть специфическая французская черта, она встрѣчается и у нѣмцевъ, и у швейцарцевъ, и вообще у всѣхъ мелкихъ собственниковъ, въ болѣе или менѣе развитой степени. Несомнѣнно, такая черта тоже безсердечна, но это не формализмъ, а даже отрицаніе формализма, такъ какъ крестьянинъ, прибѣгающій къ саморасправѣ, этимъ самымъ нарушаетъ кодексъ.

Другая приводимая г. Кудринымъ черта француза—«любовь къ деньгамъ», тоже не специфически французская, потому что кто не любитъ денегъ? Правда, авторъ спѣшитъ прибавить, что французъ ихъ любитъ для тѣхъ «благъ жизни», которыя онѣ ему могутъ доставить, тогда какъ англичанинъ любитъ ихъ, чтобы ими «спекулировать... и грошадить средства производства на средства производства». Насколько такое утверженіе неправильно, можно судить по общезвѣстному факту, что жизнь средняго англичанина обставлена съ гораздо болѣешими удобствами, чѣмъ жизнь средняго француза, что сказывается и въ разницѣ взаимной платы по сю и по ту сторону Ламанша. Другая черта француза—эпикуреизмъ. Онъ любитъ пожить, повеселиться. «Онъ отъ времени до времени,—пишетъ г. Кудринъ,—даетъ обѣды своимъ пріятелямъ и самъ любитъ ходить на таковыя. Но попробуйте придти къ французу, безъ предупред-

женія въ обѣденное время: это вѣрнѣйшее средство произвести на него непріятное впечатлѣніе. Дѣйствительно, французъ не любитъ ѣсть какъ попало: у него за обѣдомъ полагается и супъ, и жаркое, и салатъ, и десертъ, и сыръ, и, конечно, вино, по большей части красное, которое онъ пьетъ маленькими глотками, разбавляя водой. Но всего этого у него въ обрѣзъ: вашъ приходъ выбиваетъ его изъ колеи и онъ въ душѣ посылаетъ васъ ко всѣмъ чертямъ— посылаетъ не изъ скуности, а потому, что вы нарушаете регулярно разъ навсегда установленный образъ жизни, въ которомъ бюджетная отчетность соблюдается строго. У него отчислена на угощеніе друзей и знакомыхъ извѣстная сумма въ мѣсяцъ—большая или меньшая, смотря по средствамъ. Сошлись вы съ нимъ яли нужны по дѣлу, милости просимъ къ нему по приглашенію!.. О тогда, онъ угоститъ васъ съ честью, доставитъ лучшаго вина изъ своего погреба, откупоритъ бутылку стараго коньяку, предложитъ ароматнаго кофе, тонкую сигару; самъ будетъ всѣмъ этимъ наслаждаться и искренно будетъ радъ за васъ, если угощеніе придется вамъ по душѣ» (9).

Въ такую мелко-буржуазную идиллію впалъ г. Кудринъ, вслѣдствіе ложнаго методологическаго приема. Онъ старается изобразить какого-то *отвлеченнаго* француза, соединяющаго въ себѣ недостатки и качества націи. Въ результатъ получается этотъ домохозяинъ, разбавляющій красное вино водою и пьющій его глотками, «потому что все это у него въ обрѣзъ», хотя въ его погребѣ есть нѣсколько сортовъ вина.

Изъ положительныхъ качествъ француза г. Кудринъ указываетъ на его способность легко увлекаться. Этой способности онъ посвятилъ нѣсколько страницъ, но не для того, чтобы объяснить ея психическіе стимулы, а чтобы утѣнить ее въ потокѣ фразъ. Между прочимъ, онъ сравниваетъ француза, нѣмца и англичанина, давая каждому изъ нихъ въ руку по топору, заставляя ихъ рубить одно дерево. Раньше чѣмъ приступить къ дѣлу, нѣмецъ съ глубокомысленнымъ видомъ, пускается во всякаго рода разсужденія, англичанинъ приступить къ рубкѣ, но не самого дерева, а гнилыхъ вѣтвей. «Подождемъ къ дереву и французъ, взглянулъ на него и сейчасъ же рѣшилъ пустить его на срубъ». Когда такую параболу читаешь въ сборникѣ произведеній народной мудрости, надъ ней можно остановиться, но она комична въ специальной книгѣ, тѣмъ болѣе, когда ей посвящена цѣлая страница.

Между тѣмъ, вопросъ о психологіи француза чрезвычайно важенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Элементы для его разрѣшенія можно найти во французской литературѣ: научной, исторической и беллетристической. Но прежде всего нужно рѣшить вопросъ, что слѣдуетъ понимать подъ психологіей француза? Кто врожденные душевные задатки или его идеи? Можно ли говорить о качествахъ, свойственныхъ французамъ, какъ особой расѣ? Такъ, напримѣръ, извѣстный французскій психологъ Альфредъ Фулье утверждаетъ, что французъ по своей природѣ легко раздражается, что его волевые центры слабы, а что, наоборотъ, преобладаютъ аффективныя способности. Является ли этотъ взглядъ только переведеннымъ на языкъ психологіи общимъ мнѣніемъ, что французъ легко увлекается, или онъ выведенъ на основаніи какихъ-нибудь научныхъ опытовъ, вотъ что, по нашему, должно было остановить вниманіе желающаго писать о психологіи француза. Если рѣчь идетъ объ идеяхъ француза, конечно, можно найти такія общія начала, которыми проникнуты болѣе или менѣе всѣ французы, какъ, напримѣръ, индивидуалистское начало, но и только. Далѣе начнется соединеніе противрѣчныхъ чертъ, описаніе фантастическихъ каррикатурныхъ портретовъ, въ которыхъ и самъ французъ себя не узнаетъ. Еще менѣе говоритъ такое изображеніе русскимъ читателямъ, которые не знаютъ Франціи. Намъ нужно француза конкретнаго, реальнаго—плоти и крови: рабочаго или крестьянина, ученаго, вителягента, чиновника и т. д. Представи-

теги всѣхъ этихъ категорій изображены во французской беллетристикѣ, въ которой слѣдовало бы искать и матеріалъ для психологіи француза; во всякомъ случаѣ, она вѣрнѣе благонаправныхъ консерваторовъ рисуетъ его черты.

Страсть г. Бурдина къ голословнымъ обобщеніямъ хорошо видна и въ другомъ очеркѣ: «Современное чертобѣсіе». Что же понимаетъ авторъ подъ этимъ словомъ? Все, что угодно, или лучше—все, что не согласно съ его взглядами. Чертобѣсіе—это сонambuлизмъ, буддизмъ, эссеніанство, неокатолицизмъ; чертобѣсіе—романы Бурже и Гюеманса; чертобѣсіе—критики Брюнеттера, Ронана и Тона. Если бы пришлось г. Бурдину писать теперь объ одержимыхъ чертобѣсіемъ, онъ долженъ былъ бы причислить къ нимъ Жюзеа, объявившаго себя недавно деистомъ.

Если бы онъ не увлекался желаніемъ пощеголять краснымъ словцомъ, и относился бы болѣе критически къ своему предмету, онъ долженъ былъ бы понять, что его пріемъ только поощряетъ настоящее «чертобѣсіе». Католическіе патеры и парижскія сонambuлы должны ему быть признательны за хорошую компанію, которою онъ ихъ окружаетъ.

Должно быть, такъ «въ высшемъ рѣшено совѣтъ», что именно тѣ, которые чаще всего говорятъ о критической мысли, относятся меньше всего критически къ своей собственной мысли. Такъ и г. Бурдинъ, перечисляя на стр. 383 причины идейной реакціи во Франціи, говоритъ о ложномъ дарвинизмѣ, о пессимизмѣ, о эпикуреизмѣ и упускаетъ упомянуть о такой важной причинѣ пониженія французской общественной мысли, какъ поражение 1870—1871 года и неудачная политика оппортунистской партіи. Эти причины, вызвавшія громадное сотрясеніе во всей странѣ, тѣмъ меньше позволено игнорировать, что онѣ выставляются всѣми авторами на первомъ планѣ.

Мы не будемъ останавливаться на очеркахъ, имѣющихъ предметомъ политическую борьбу во Франціи. Отвѣтимъ лишь большую словоохотливость автора и его склонность злоупотреблять газетными тирадами сомнительнаго литературнаго вкуса въ родѣ слѣдующихъ: «Большинство (республиканцевъ) нуждается въ влязунѣхъ, врычкотворѣхъ, жалкое безцвѣтное слово котораго представляетъ собою минимумъ членораздѣльной рѣчи, нужной для защиты нечленораздѣльнаго урчанія утробы» (365).

Очеркъ объ эволюціи политическихъ партій во Франціи не лишенъ и нѣкоторыхъ ошибокъ. Такъ, г. Бурдинъ увѣряетъ, что въ 1891 году, произошло «переломъ» въ возрѣвнѣхъ французской рабочей партіи, которая будто бы съ тѣхъ поръ стала усердно заниматься избирательной агитаціей. Однако, извѣстно, что рабочая партія имѣла своихъ представителей въ парламентѣ еще съ 1885 г. (Анридъ Буане) и 1889 г. (Ферруль, Тавроэ) и что самъ Гель былъ кандидатомъ въ Парижѣ въ 1885 г. и въ Марселѣ въ 1889 году. Г. Бурдинъ приводитъ при этомъ выдержки изъ программы этой партіи, смыслъ которыхъ онъ, очевидно, неясно понимаетъ, ибо называетъ «парламентарнымъ скептицизмомъ» возрѣвнѣя, относящіяся къ муниципалитетамъ (378).

Среди очерковъ г. Бурдина находится одинъ, посвященный «марксизму вообще, по поводу французскаго марксизма въ частности». Написанъ былъ этотъ очеркъ, увѣряетъ авторъ, еще въ 1897 году, но до сихъ поръ оставался непечатаннымъ. Въ такомъ видѣ онъ могъ бы остаться навсегда, безъ большой потери для науки. Г. Бурдинъ не только ничего новаго не говоритъ, но и старое повторяетъ въ самой неинтересной формѣ, путается въ цѣломъ рядѣ неясныхъ для него понятій: «географическая среда», «религіозный факторъ», «орудія производства», и спрашиваетъ себя съ глубокомысліемъ, какія видоизмѣненія происходятъ въ головѣ человѣка, если онъ будетъ смотрѣть на «толоръ» и на «прирученную лану».

Разбирать, однако, этотъ устарѣлый очеркъ г. Кудрина мы не намѣрены, считая это совершенно лишнимъ трудомъ, ограничившись однимъ замѣчаніемъ.

Г. Кудринъ правъ, называя нѣкоторыхъ французскихъ марксистовъ «доктринерами» за то, что они послѣ перваго увлеченія въ борьбѣ за реабилитацію Дрейфуса стали проявлять равнодушіе. Мы позволимъ себѣ только одно замѣчаніе. Историческій матеріализмъ — доктрина великая и всеобъемлющая и поэтому именно даетъ мѣсто доктринерскимъ увлеченіямъ.

Очерки читаются легко, но стиль ихъ напоминаетъ отчеты развязнаго газетнаго репортера. Авторъ чрезвычайно фамильяренъ, и въ всѣхъ явленіяхъ жизни Франціи самое постоянное, на которое наталкивается читатель — это появленіе самого г-на Кудрина. Онъ страдаетъ настоящей «эгоманіей», — благосклонно одобряетъ, порицаетъ, высказываетъ свое удовольствіе. «*Мнѣ* страстно хотѣлось бы проникнуть въ будущее Франціи (2); «*мнѣ* ужасно нравится эта нація» (14); «я увѣренъ, что страстно любимая мною страна» (612); «*мнѣ* пришлось бы повторить мою обычную мысль». Боролю говоритъ: «мы хотимъ», г. Кудринъ — «мнѣ бы хотѣлось» (292), «мнѣ очень пріятно бороться», «я охотно подписываюсь» (305), «я детерминирую», «я моветъ», и другіе нескончаемые «я». На стр. 360 онъ великодушно снисходитъ до высказыванія своего одобренія Бебелю: «Я съ удовольствіемъ прочелъ, что нѣкоторые крупные марксисты въ родѣ Бебеля» и пр. Въ другомъ мѣстѣ онъ заявляетъ во всеуслышаніе: «Я — точильный брусокъ», или буквально — «я беру на себя роль точильнаго бруска» (309). Вольно г. Кудрину называть себя не только точильнымъ брускомъ, но даже, если ему угодно, и *tête de turc*, но какое отношеніе все это имѣетъ къ спорнымъ вопросамъ? Тогда на стр. 276 онъ пишетъ: «Я какъ былъ врагомъ метафизики, такъ и остался имъ», этимъ лишній разъ онъ даетъ своимъ противникамъ возможность повернуть противъ него его же собственное оружіе. Ибо есть метафизика и метафизика: есть метафизика, которая, по мѣткому выраженію Сенъ Симона («Письма женевского обывателя»), «беретъ слова за вещи», — и г. Кудринъ не только не врагъ этой схоластической метафизики, но проникнуть ею до мозга костей. Есть другая метафизика, изучающая связь человѣка со вселенной, но эта метафизика для него «чертовскіе».

Обращаясь къ марксистамъ, г. Кудринъ принимаетъ героическую позу Леониды при Фермопилахъ и восклицаетъ: «Я жду противниковъ безъ фанфаронства, но и безъ малодушія» (279). Предъ такимъ скромнымъ великолѣпіемъ противникамъ г. Кудрина остается только потупить голову и почтительно умолять: «Кому же честь — честь, ему же хвала — хвала».

Несмотря на неполноту и недостаточную обработку «Очерковъ современной Франціи», мы желаемъ имъ широкаго распространенія. Какъ бы ни утопала французская дѣйствительность во фразеологии г. Кудрина и ни заслонялась его субъективнымъ освѣщеніемъ, Франція все-таки даетъ себя чувствовать въ его книгѣ. Пусть г. Кудринъ продолжаетъ прививать любовь къ великому народу и къ великой странѣ и разсѣивать неосновательныя предубѣжденія, которыя существуютъ противъ нея среди русскихъ читателей. Мы позволимъ себѣ ввести только одну «поправку»: его дѣло выиграетъ гораздо больше, если самъ авторъ будетъ болѣе скромнѣе и болѣе вдумчивъ.

Х. Г. Инсировъ.

Возстаніе Уота Тайлера. Очерки изъ исторіи разложенія феодальнаго строя въ Англіи. Дмитрія Петрушевскаго. Часть вторая. М. 1901. Первая часть изслѣдованія г. Петрушевскаго вышла въ свѣтъ въ 1897 году; она была посвящена, главнымъ образомъ, описанію самого событія, анализу лѣтописной традиціи, характеристикѣ и разъясненію инсurreкціонныхъ тенденцій и плановъ. Лежащая теперь предъ нами вторая часть работы посвящена исключительно социальнo-экономическимъ условіямъ, подготовившимъ возстаніе, его

причинамъ, отдаленнымъ и ближайшимъ. Нельзя сравнивать научной цѣнности обѣихъ частей, настолько вторая для современной историографіи феодализма важнѣе и нужнѣе первой.

Разумѣется, мы не хотимъ сказать, что описаніе внѣшнихъ деталей событія и, вообще, все содержаніе I-го тома, уклоняется отъ научныхъ методовъ, что оно грѣшитъ натажками и т. п. Этого нѣтъ, но по самому сюжету своему эта часть работы могла быть посвящена лишь выясненію второстепенныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ и критикѣ источниковъ, уже нашедшихъ и раньше довольно разностороннюю и внимательную оцѣнку. Мы склонны разсматривать весь первый томъ работы г. Петрушевскаго, какъ обширное введеніе ко второй части, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ появившейся и представляющей, дѣйствительно, выдающейся интересъ. Авторъ вполне самостоятельно изучилъ соціальное состояніе Англіи, приведшей страну къ бунту Уота Тайлера, и въ своемъ «введеніи», а также въ четвертой главѣ (объ экономической эволюціи и соціальной борьбѣ во второй половинѣ четырнадцатаго вѣка) пришелъ, дѣйствительно, къ своеобразнымъ заключеніямъ; первая, вторая и третья главы, необходимыя для связности изложенія и обработанныя (какъ и вся книга) совершенно самостоятельно, дали результаты, которые для изучавшихъ эту эпоху, не могли оказаться неожиданными. Выводы, которые извлекаются изъ книги г. Петрушевскаго сводятся къ слѣдующему.

Будтъ 1381 года, получившій по имени одного изъ вождей названіе возмущенія Уота Тайлера, былъ подготовленъ цѣлымъ рядомъ фактовъ, вторгшихся въ эволюцію англійскаго хозяйственнаго строя и, въ известной мѣрѣ, усилившихъ ея интензивность. Въ первыя времена англійскаго феодализма, какъ онъ сложился послѣ нормандскаго завоеванія, между лордомъ, имѣвшимъ власть чисто политическую, надъ сельской общиной и самою это общиною антагонизма не было, ибо хозяйственный бытъ того времени былъ такого свойства, что по удовлетвореніи нуждъ барской усадьбы,—дальнѣйшая эксплуатація общины была бесполезна лорду. Но къ концу XIV столѣтія обстоятельства измѣнились. Въ помѣстьѣ провикли денежно-хозяйственныя тенденціи, натуральныя повинности замѣнились денежными податями, начались систематическія захваты лордами общинныхъ земель и, въ связи съ этими явленіями, даже объясняя ихъ, — помѣстья коснулись сложныя отношенія рыночнаго спроса и предложенія. Внѣшній міръ вторгся въ хозяйственную доселѣ замкнутую жизнь помѣстья, — и кризисъ начался. Появились уже довольно рѣзко очерченные классы землевладѣльцевъ, арендаторовъ и рабочихъ, что авторъ совершенно вѣрно считаетъ признаками начала «народнаго хозяйства». Чрезвычайно живо описано развитіе рабочаго законодательства въ XIV столѣтіи, которое, дѣйствительно, составляетъ самый яркій и знаменательный аргументъ въ пользу существованія многочисленнаго общественнаго класса, жившаго исключительно трудами рукъ своихъ. Особенную остроту рабочему вопросу придаетъ разразившееся надъ Англіей въ концѣ первой половины XIV столѣтія бѣдствіе, известное подъ названіемъ «черная смерть». Такъ называлась эпидемія чумы, опустошавшая Европу съ 1347 года и проникшая въ Англію осенью 1348 года. Она унесла не меньше половины всего англійскаго народонаселенія и выдвинула предъ хозяйственною жизнью страны самыя серьезныя проблемы. Недостатокъ рабочихъ рукъ былъ такъ великъ и ощутителенъ, что огромная масса земель оставалась совсѣмъ невоздѣланною въ теченіе ряда лѣтъ, слѣдовавшихъ за чумою. Плата за рабочія руки немовѣрно возвысилась, и англійское правительство, желая смягчить ожесточенную борьбу между рабочими и работодателями, желая охранить соціальныи миръ и спокойствіе,—издало рядъ статутовъ, имѣвшихъ цѣлью урегулировать рабочую плату и избавить государство отъ остраго хозяйственнаго кризиса. Эти статуты всею своею юридическа-

обязательною силою подрывали основы устарѣвшаго феодальнаго строя, ибо заставляли, какъ отгвѣяетъ авторъ, лорда помѣстья поступаться своими правами въ отношеніи къ вилланамъ и предоставляли полную возможность постороннимъ помѣстью людямъ вмѣшиваться въ хозяйственную жизнь помѣстья путемъ найма рабочихъ изъ виллановъ. Но классовыя отношенія развивались и усложнялись съ каждымъ годомъ и разрушали не только этотъ старый средневѣковый хозяйственный укладъ, но и узкія, искусственныя рамки рабочаго законодательства. Правительство, видя неудачу всѣхъ своихъ мѣръ, убѣждалась, что и вавиматели, и рабочіе нарушаютъ всѣ его статуты, прибѣгло къ самымъ драконовскимъ мѣропріятіямъ, чтобы наказать своихъ ослушниковъ и превратить свои законы изъ мертвой буквы въ нѣчто реальное. Но ничего не помогало. Авторъ подчеркиваетъ (и это — одинъ изъ самостоятельныхъ его выводовъ), что правительство, прикрѣпляя рабочаго человѣка къ опредѣленному мѣсту, вовсе не думало этимъ всецѣло возстановить старыя средневѣковыя порядки: оно лишь стремилось «такъ направить дѣятельность новаго хозяйства, чтобы онъ, оставаясь самимъ собою, въ то же время давалъ такіе же результаты, какіе вполнѣ обезпечивались прежней хозяйственной организаціей». А одною изъ главныхъ цѣлей было сохраненіе въ государствѣ порядка; другою — защита угрожаемыхъ интересовъ фиска. Послѣ черной смерти было и такое теченіе среди лордовъ, недовольныхъ новыми порядками, — которое стремилось упрочить падавшій и расплывавшійся по всѣмъ швамъ натурально-хозяйственный режимъ. Раздражаемые, съ одной стороны, этими феодалистическими поплзновеніями, съ другой стороны, варварскимъ поведеніемъ правительства въ дѣлѣ осуществленія стѣснительныхъ рабочихъ статутовъ, вилланы не остановились и предъ рѣшительною борьбою со своими угнетателями. Возстаніе 1381 года, гдѣ инсургенты были побѣждены, тѣмъ не менѣе, не имѣло (и не могло имѣть) никакихъ роковыхъ послѣдствій для непрерывно развивавшагося новаго экономического режима. Еще въ первой части своей работы авторъ указываетъ на то, что крестьяне вполнѣ сознательно требовали ликвидаціи стараго строя, упраздненія всѣхъ слѣдовъ личной несвободы, — и эта основная тенденція, сказывающаяся въ программѣ инсургентовъ, вполнѣ соответствовала естественному разложенію стараго хозяйственнаго режима. Автору почему-то кажется, что этотъ процессъ до черной смерти былъ бесознательнымъ, стихійнымъ, а лишь черная смерть создала условія, внесшія въ него элементъ сознательности. По нашему мнѣнію, антагонизмъ интересовъ севъоровъ и крестьянъ и до черной смерти сказывался вполнѣ сознательно (авторъ признаетъ «малое участіе сознательности», но такія произведенія, какъ стихи Лонгленда, несомнѣнно, были подготовлены обширною устною литературою, бродившею въ народѣ до ихъ сознанія и до черной смерти). Но въ качествѣ выработанной соціальной идеи, весьма точной въ основныхъ своихъ частяхъ, — мысль о необходимости рѣшительной борьбы съ реакціонными вездѣшними лордами является на сцену, дѣйствительно, лишь во второй половинѣ XIV столѣтія. Строго обоснованное на источникахъ изслѣдованіе этого стихійнаго процесса превращенія натурального хозяйства въ денежное, въ связи съ рабочимъ законодательствомъ и соціальными послѣдствіями названнаго процесса и составляетъ, какъ сказано, содержаніе книги г. Петрушевскаго. Если она будетъ переведена на англійскій языкъ (какъ была переведена близкая по темѣ работа г. Виноградова — «The villinage in England»), она, конечно, привлечетъ въ Англии большее вниманіе, нежели у насъ, ибо кругъ специалистовъ у насъ слишкомъ узокъ. Вѣроятно, для англійскаго изданія авторъ сочтетъ нужнымъ расширить ту часть работы, гдѣ говорится о положеніи крестьянской аренды (съ конца XIII вѣка). Эти страницы (197, 198, 199 и сл.) — однѣ изъ интереснѣйшихъ, и онѣ получаютъ еще большую яркость, будутъ произво-

дять еще болѣе опредѣленные впечатлѣнія, если авторъ приложитъ къ своей книгѣ таблицы съ подсчетомъ земель, упоминаемыхъ въ арендныхъ сдѣлкахъ и въ документахъ, касающихся дробленія крестьянской собственности. Примеры, приводимые авторомъ, весьма характерны, но лишь подсчетъ покажетъ воочию всю ихъ типичность. Исчерпывающій подсчетъ слишкомъ труденъ для силъ одного исследователя, но, сдѣланный для нѣсколькихъ мѣстностей въ разныхъ графствахъ, онъ, все равно, будетъ достаточно убѣдительно.

Весьма важно съ социологической стороны «введеніе», предшествующее рецензируемой 2-й части исследования. Оно является общимъ выводомъ относительно исторіи англійскаго феодализма, насколько этотъ предметъ разработанъ современной наукою. Введеніе имѣетъ интересъ и для неспециалистовъ, ибо даетъ такого рода обобщенія, безъ которыхъ вся англійская исторія, весь ходъ ея—могутъ показаться непонятными и случайными. И Стэбсъ, и Виноградовъ, и авторъ настоящей работы, и другіе исследователи способствовали выработкѣ этихъ обобщеній, но нельзя не признать весьма удачною самую мысль скомбинировать эти выводы и предослать ихъ своей работѣ. Г. Петрушевскій въ этомъ введеніи обнаружилъ, что ясно видятъ предъ собою основныя цѣли научной исторіографіи, и болѣе нежели оправдалъ выборъ своей темы, если только этотъ выборъ нуждался въ оправданіи. Эта работа по праву даетъ ему видное мѣсто среди медиевистовъ, посвятившихъ себя англійскому средне-вѣковью.

Проф. П. Н. Буцинскій. Отзывы о Павлѣ Первомъ его современниковъ. Харьковъ. 1901. in 8-го Стр. 42. Брошюра г. Буцинскаго—дань автора событію 11—12 марта 1801 года. По содержанію она нѣсколько шире своего заглавія, а по исполненію оригинальнѣе, нежели можно было бы себѣ представить. Не всякіе отзывы современниковъ попали на ея страницы: этой чести удостоились лишь тѣ изъ нихъ, которые принадлежатъ лицамъ, имѣвшимъ возможность близко знать императора Павла или же имѣвшимъ партійныхъ расчетовъ быть пристрастными. Авторъ подчеркиваетъ самъ, что онъ дѣлаетъ «выборъ» изъ отзывовъ, а такой выборъ всегда будетъ крайне субъективнымъ и тѣмъ самымъ обрекаетъ писателя на одностороннее и некритическое изображеніе личности. Результаты указанного антйнаучнаго приема нашего автора будутъ тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ рѣче звучатъ его упреки русской литературѣ за игнорированіе «эпохи (sic!) императора Павла»; онъ говоритъ, что «Рюрикю, Синеусу и Трувору, или какому-нибудь Гришкѣ Отрепьеву оказано съ ея стороны гораздо больше чести». Какъ ни сердись г. Буцинскій, а все-таки Григорій Богдановъ Отрепьевъ—предлюбопытная личность въ московской Руси и тѣмъ болѣе любопытная, что въ ней, какъ въ фокусѣ, отражались тогдашнія общественныя теченія. Что же касается «игнорированія», то оно во-первыхъ, вынужденное, а во-вторыхъ его до нѣкоторой степени можно отрицать, если *словамъ* г. Буцинскаго противопоставить *факты* существованія книгъ гг. Кобеко, Шумигорскаго и Шильдера. Выбирая отзывы, авторъ приходитъ къ опредѣленному выводу о значеніи дѣятельности Павла и советѣмъ не къ такому, къ какому пришелъ Шильдеръ въ своей книгѣ «Императоръ Павелъ Первый: у Шильдера—картина темная, а у г. Буцинскаго—свѣтлая. То, что всякій видитъ темнаго за пятнадцатіе 1796—1801 годовъ, то, по мнѣнію г. Буцинскаго, отнюдь не принадлежитъ Павлу, а исключительно его сотрудникамъ. Исполнители воли Павла не только создали катастрофу 11—12 марта 1801 года, но они же и ихъ приспѣшники постарались исказить черты характера Павла для потомства. Это искаженіе доходило до того, что по смерти Павла сочинялись не издававшіеся имъ указы; при жизни же Павла республиковалы указы имъ не дававшіеся, и г. Буцинскій категорически утверждаетъ, что «безъ колебанія можно вѣрить только тѣмъ приказамъ Павла, подъ которыми видишь его собственноручную подпись». Итакъ, личность и дѣятельность

Павла искажены, искажены ловко, умѣло, чудовищно; все, что писалось до сихъ поръ о Павлѣ отрицательнаго и въ томъ стилѣ, въ какомъ читаемъ у Шильдера, есть подлогъ. Нѣтъ! Павелъ вовсе не таковъ, какъ изобразило его преданіе. Авторъ отвергаетъ и преданіе, и факты, и критику, а на ихъ развалинахъ пишетъ такой портретъ: «Павелъ Петровичъ—этотъ царь демократъ—былъ человѣкомъ рѣдкимъ въ нравственномъ отношеніи, глубокорелигиознымъ, прекраснымъ семейнымъ, съ недюжиннымъ умомъ, феноменальною памятью, высокообразованнымъ, энергичнымъ и трудолюбивымъ и наконецъ мудрымъ правителемъ государства, какъ въ дѣлахъ вѣдшей политики, такъ и внутренней». Немного дагѣ авторъ, впрочемъ, признается, что Павелъ совсѣмъ не умѣлъ выбирать себѣ сотрудниковъ, искалъ ихъ тамъ, гдѣ трудно или нельзя было найти.

Такъ выборъ отзывовъ приводитъ автора къ колоссальной реабилитациі дѣятельности Павла, къ апофеозу его личности. Точка зрѣнія, конечно, и любовытная, и оригинальная, но отнюдь не новая. Въ сущности г. Буцинскій поступаетъ крайне сибѣло, объявляя войну нашей литературѣ безъ достаточнаго и даже безъ какого бы то ни было запаса сильныхъ аргументовъ; онъ не стоитъ на твердой почвѣ строго научнаго метода, не обнаруживаетъ пріемовъ тонкаго критическаго анализа. Въ погонѣ за блескомъ оригинальности, за призракѣмъ необычайнаго чудовищнаго заговора современниковъ и потомства, авторъ забываетъ, что нынѣ нельзя какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ выступать съ опытомъ реабилитации, основанной на однихъ словахъ и едва ли кому-нибудь нужной. На реабилитацию своеобразной политики, столь восхищающей г. Буцинскаго, не пошелъ даже Н. М. Карамзинъ. Н. Шильдеръ признаетъ Карамзинскую характеристику правленія Павла «правдивой и неподражаемой» и возмущается попыткой доказывать, что приказы того времени преслѣдовали «воспитательныя дѣли». Но г. Буцинскій ничему не внимаетъ, ему мила его своеобразная тенденція, онъ расточаетъ по ея поводу рядъ любезностей, забывая, что современному представителю исторической науки не пригоже такъ дѣйствовать. Ужъ если что-либо доказывать, такъ доказывать съ опредѣленными фактами въ рукахъ.

Мы воздерживаемся отъ того, чтобы привѣтствовать появленіе въ свѣтъ брошюры г. Буцинскаго, но думаемъ, что, разъ апофеозъ выпущенъ въ свѣтъ, русской исторической наукѣ надлежитъ произвести разслѣдованіе историческаго матеріала и съ фактами въ рукахъ или отвергнуть основную мысль г. Буцинскаго, или же доказать ее такъ, чтобы въ ея правотѣ не оставалось никакихъ сомнѣній. Самъ г. Буцинскій ничего не доказываетъ, но лишь безъ конца и непрятно мечтаетъ.

В. Николаевъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СОЦІОЛОГІЯ.

А. Скворцовъ. «Основы экономики земледѣтія». — *Л. Брентамо.* «Этика и народное хозяйство». — *Шиппелъ.* «Современная бѣдность и перенаселеніе».

А. Скворцовъ. Основы экономики земледѣлія. Часть II. Выпускъ I-й. Ученіе о системахъ хозяйства и системахъ полеводства. Спб. 1902 166 стр. Ц. 1 р. О первой части этого труда проф. А. Скворцова былъ уже своевременно данъ отзывъ на страницахъ «Міра Божьяго». Вышедшій теперь первый выпускъ второй части составляетъ непосредственное продолженіе первой части. Продолжая свое изложеніе основъ экономики земледѣлія, авторъ въ вышедшей теперь части своего труда излагаетъ исторію развитія формъ хозяйства, системы хозяйства и полеводства въ современномъ мірѣ, вопросъ о ревтѣ въ современномъ хозяйствѣ и т. д.

Новый трудъ проф. Сворцова отличается обычными всѣмъ его трудамъ особенностями—силою абстрактнаго анализа, выдержанностью точки зрѣнія съ одной стороны и съ другой—отсутствіемъ полноты историческихъ и фактическихъ данныхъ, на ряду съ слишкомъ поспѣшнымъ примѣненіемъ абстрактныхъ положеній къ рѣшенію конкретныхъ вопросовъ.

Это сказалось, напр., на развиваемой г. А. Сворцовымъ теоріи земельной ренты. Г. Сворцовъ является, какъ извѣстно, убѣжденнымъ сторонникомъ теоріи трудовой цѣнности, нѣсколько оригинально и, по нашему мнѣнію искусственно обосновываемой авторомъ. Эта точка зрѣнія послѣдовательно проводится авторомъ при изслѣдованіи всѣхъ вопросовъ, касающихся экономики земледѣлія вообще и въ частности ренты. Теорію ренты Рикардо авторъ считаетъ не выдерживающей критики. Основными ея ошибками онъ считаетъ смѣшеніе понятій «плодородіе» и «богатство» почвы, а затѣмъ неправильное представленіе о вліяніи увеличенія интенсивности на стоимость производства продукта. Поправки сдѣланныя Марксомъ къ теоріи ренты Рикардо, тоже не удовлетворяютъ г. Сворцова, по своимъ идеямъ примыкающаго въ существенномъ къ теоріи ренты Родбертуса.

Теорія ренты Родбертуса должна быть признана вполне логическимъ выводомъ изъ теоріи трудовой цѣнности, но это нисколько не мѣшаетъ ей быть во многихъ пунктахъ невѣрной и служащей доказательствомъ той истины, что трудовой теоріей не слѣдуетъ пользоваться какъ опытной теоріей и съ ея точки зрѣнія непосредственно разрѣшать вопросы экономики земледѣлія. Такимъ образомъ споръ переносится въ область того, какъ слѣдуетъ понимать теорію трудовой цѣнности. Останавливаться на этомъ вопросѣ здѣсь совершенно неумѣстно, но посвятиться съ нимъ было необходимо для того, чтобы уяснить общій характеръ новаго труда проф. Сворцова.

Выяснивъ свое пониманіе теоріи ренты, авторъ переходитъ къ рассмотрѣнію ренты въ современныхъ хозяйствахъ, приходя къ общему заключенію, что условія экстенсивныхъ и интенсивныхъ районовъ хозяйства до извѣстной степени противоположны другъ другу, можно сказать, что насколько въ экстенсивныхъ странахъ легко повысить ренту, настолько же, обратно, трудно достигнуть повышенія ея въ интенсивныхъ странахъ умѣреннаго пояса. Въ общемъ «рента съ единицы эксплуатируемой площади, подъ вліяніемъ современныхъ способовъ транспорта и своевій, стремится уравниваться въ различныхъ районахъ» (166 стр.).

Общую оцѣнку новаго труда Сворцова придется отложить до тѣхъ поръ когда появятся слѣдующіе выпуски, и весь трудъ будетъ законченъ.

П. Б—инъ.

Л. Brentano. Этика и народное хозяйство въ исторіи. (Dr. Lujo Brentano. Ethik und Volkswirtschaft in der Geschichte. München. 1902). Небольшая брошюра мюнхенскаго профессора представляетъ собою текстъ сказанной имъ въ 1901 г. при вступленіи въ ректоратъ рѣчи. Въ короткое время (одна или двѣ недѣли) она успѣла выдержать два изданія, и вотъ почему мы считаемъ не лишнимъ сказать здѣсь о ней два слова.

Талантливый экономистъ задался цѣлью доказать, что «нельзя, quasi исправляя божественное созданіе (общественное развитіе), добиваться невозможнаго и посредствомъ механическаго воздѣйствія,—безразлично, реакціоннаго или революціоннаго характера—противорѣчающаго жизненнымъ условіямъ современности и интересамъ государственнаго цѣлаго, стремиться къ осуществленію задачъ нравственнаго существованія (die Aufgabe des sittlichen Daseins).

Тезисъ доказывается бѣглымъ очеркомъ нѣкоторыхъ моментовъ изъ области хозяйственной жизни и этическихъ представленій. Передъ нами проходятъ Аристотель, апостолы, отцы церкви, схоластики, Маккиавелли, Кальвинъ и т. д.

и т. д. Всѣ они ставили хозяйственной жизни извѣстныя требованія, но жизнь проходила мимо нихъ, протекала по своимъ собственнымъ законамъ и требованія такъ и оставались требованіями. Происходило это такъ потому, что всѣ они плохо или недостаточно анализировали и понимали окружающую дѣйствительность. Brentano заканчиваетъ поэтому свою рѣчь обращеніемъ къ коллегамъ-профессорамъ и требуетъ, чтобы они тщательно изучали дѣйствительное положеніе вещей, старались выяснять и себѣ, и другимъ жизнь во всѣхъ ея причинахъ и слѣдствіяхъ. Такое изученіе дастъ возможность «отличить необходимое отъ случайно сопровождающаго зла (Misshänle)». Но что такое необходимое? И что такое случайно сопровождающее зло? Гдѣ критерій для распознаванія одного отъ другого? Интересы большинства? Но какіе? Моральные, экономическіе, политическіе?.. «Жизненные условія современности» и «интересы государственнаго дѣлага» черезчуръ общія и неопредѣленныя понятія, чтобы ими можно было какъ-нибудь воспользоваться. Вообще же избранный Brentano родъ доказательства страдаетъ, какъ это ни странно по отношенію къ профессору, ненаучностью. Историческіе факты, какъ и данныя статистики, могутъ служить лишь иллюстраціей, а иллюстрація далеко еще не доказательство. Къ сожалѣнію, эта старая истина нашими учеными часто забывается.

Р. Олинга.

Шиппель. Современная бѣдность и современное перенаселеніе. Перев. съ нѣм. Спб. 1902 403 стр. Ц. 1 р. 25 к. Книга Шиппеля во второмъ нѣмецкомъ изданіи вышла въ 1888 году, т.-е. четырнадцать лѣтъ тому назадъ; за эти четырнадцать лѣтъ въ наше нервно и быстро живущее время кое-что въ области социальна-экономической жизни успѣло значительно измѣниться и, сообразно съ этимъ, нѣсколько измѣнились если и не самые социальные идеалы, то, по крайней мѣрѣ, приемы ихъ осуществленія. Книга Шиппеля вышла тогда, когда новѣйшія явленія современной экономической жизни еще не успѣли вполне обнаружиться и найти себѣ выраженіе въ экономическихъ теоріяхъ и онъ отразилъ, въ своей книгѣ, ярко и талантливо, то мировоззрѣніе, которое теперь принято называть «ортодоксальнымъ» марксизмомъ и отъ котораго въ настоящее время и самъ Шиппель въ значительной долѣ отказался.

За всѣмъ тѣмъ сочиненіе Шиппеля ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признано устарѣлымъ, и появленіе въ русскомъ переводѣ этой умно и талантливо написанной книги можно только приветствовать.

Въ введеніи авторъ сильными чертами набрасываетъ свое мировоззрѣніе: «Надъ вами, — говоритъ онъ, — повисла тяжелая туча, ежеминутно готовая разразиться грозой. Куда бы мы ни взглянули, облака повсюду покрываютъ небо, и бывали такіе моменты, когда всѣмъ намъ казалось, что мы уже слышимъ, какъ съ грохотомъ надвигаются разразившіяся стихійныя силы. Столѣтіе, родившееся въ судорогахъ, повидимому, и закончится конвульсіями. Увѣрены ли мы, что, по крайней мѣрѣ, тогда настанетъ свѣтлое будущее для всѣхъ народовъ Европы?» (6).

На этотъ вопросъ авторъ отвѣчаетъ утвердительно: авторъ причисляетъ себя къ числу тѣхъ, которые «вполнѣ понимаютъ всю ужасающую серьезность положенія, но при этомъ нисколько не отчаиваются. Они видятъ, какъ камень за камнемъ рушится старый общественный строй, и какъ подъ отживающей оболочкой существующихъ формъ производства, съ быстротою и силою весеннихъ побѣговъ уже пробиваются зачатки высшаго строя экономическихъ отношеній. Наконецъ, они понимаютъ, что съ постояннымъ расширеніемъ нужды и бѣдствій общность борьбы и лишеній развиваетъ самосознаніе и закаляетъ силы»...

Этимъ оптимизмомъ по отношенію къ близкому будущему и пессимизмомъ по отношенію къ настоящему проникнута отъ начала до конца вся книга

Шиппеля. Въ высшей степени мрачными красками рисуетъ онъ современную соціально-экономическую дѣйствительность. Онъ старается показать, какъ современный капиталистическій строй все больше запутывается въ своихъ собственныхъ противорѣчiяхъ, какъ онъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше ухудшаетъ положеніе трудящейся массы народа, и чѣмъ дальше, тѣмъ меньше способенъ справиться собственными силами съ порождаемыми имъ противорѣчiями. Новый общественный строй, необходимость наступленія котораго такъ убѣжденно и убѣдительно доказываетъ Шиппель, явится, по его мнѣнію, какъ продуктъ нарастанія противорѣчiй капиталистическаго строя, который самъ себѣ роетъ могилу, и новое общество вырастетъ на развалинахъ стараго.

Шиппель въ общемъ стоитъ на точкѣ зрѣнія теорiи соціальныхъ катастрофъ, которая, покидая эволюционную точку зрѣнія, рассматриваетъ наступленіе новаго общественнаго строя не какъ постепенный процессъ отмирания стараго и народженія *ex eo iudra*хъ новаго общества, а какъ катаклизмъ, рѣзко отдѣляющій скоростно и умершее старое отъ сразу народившагося новаго. Сверхъ того, та точка зрѣнія, на которой стоитъ Шиппель, игнорируетъ роль, такъ сказать, фагоцитовъ капиталистическаго организма, который отнюдь не оставался безучастнымъ зрителемъ уготовляемой ему историческимъ ходомъ развитія могилы, онъ, располагая громадными силами техники и науки, сумѣлъ выработать въ себѣ цѣлый рядъ фагоцитовъ, усердно борющихся съ разрушающими его организмъ силами.

Противорѣчiя современнаго строя хозяйства превосходно нарисованы Шиппелемъ. Онъ сначала набрасываетъ яркую картину необычайнаго прогресса техники, необычайнаго развитія производительныхъ силъ, а затѣмъ показываетъ, что, несмотря на все ихъ развитіе, силы эти въ капиталистической формѣ ихъ эксплуатаціи сдѣлались проклятиемъ для огромной массы населенія и превратили въ жестокую дѣйствительность древній мифъ о Танталѣ и его мукахъ.

«Въ греческомъ мифѣ кони Геба, вмѣсто того, чтобы развивать надъ нами животворный свѣтъ, мечутъ съ неба по всѣмъ направленіямъ огонь разрушенія.

«Точно также подъ владычествомъ капитала всякое благословеніе превращается въ проклятіе и это проклятіе ложится все возрастающей тяжестью на все болѣе широкіе слои населенія, ибо мелкіе самостоятельные предприниматели все болѣе и болѣе исчезаютъ, а число наслаждающихся жизнью капиталистовъ все болѣе сокращается» (141 стр.).

Авторъ посвящаетъ очень много страницъ выясненію ужасающихъ бѣдствій англійскаго пролетаріата и весьма скептически относится къ возможности улучшенія его матеріальнаго благосостоянія въ рамкахъ существующаго капиталистическаго строя.

Къ роли профессиональныхъ союзовъ въ дѣлѣ улучшенія матеріальнаго благосостоянія рабочихъ Шиппель относится недовѣрчиво. «Тредъ-юніоны, — говорятъ онъ, — все болѣе и болѣе теряютъ характеръ организацій, имѣющихъ цѣль борьбу за условія найма, и принимаютъ характеръ союзовъ взаимопомощи. Въ экономической борьбѣ съ капиталомъ они теперь безпомощны, чѣмъ когда либо» (161).

Эта нѣсколько односторонняя оцѣнка роли профессиональныхъ союзовъ находится, конечно, у автора въ тѣсной связи съ вышеочерченной теорiей катастрофъ.

Къ русскому переводу книги Шиппеля приложенъ переводъ весьма интересной статьи «Профессиональное движеніе и право коалицій».

На русскій языкъ книга Шиппеля переведена очень хорошо.

П. В—инъ.

МЕДИЦИНА И ГИГИЕНА.

А. (кибневскій). «Жилища фабрично-заводскихъ рабочихъ».—В. Левичкій. «Къ вопросу о физическомъ состояніи населенія».

А. И. Скибневскій, санитарный врачъ Богородск. у. Жилища фабрично-заводскихъ рабочихъ Богородск. уѣзда Московск. губ. Изданіе Московскаго губ. земства. Москва. 1901 г. Ц. 40 коп., стр. 79. Сборн. стат. свѣд. по Моск. губ. Т. VIII. Вып. I. Задача, поставленная себѣ авторомъ—дать, на основаніи фактическаго матеріала, возможно сжатый очеркъ современнаго положенія и эволюціи за послѣднія 15 лѣтъ жилищныхъ условій фабрично-заводскихъ рабочихъ въ одномъ изъ наиболѣе обширныхъ и промышленныхъ уѣздовъ Московской губерніи—выполнена имъ вполне удачно. Слѣдуетъ замѣтить, что трудъ автора заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что онъ знакомитъ насъ съ совершенно новыми пока проявленіями у насъ жилищнаго вопроса,—съ тѣми формами, которыя принимаетъ онъ внѣ городскихъ центровъ въ сельскихъ фабричныхъ мѣстностяхъ, и въ растущихъ съ такою поразительною быстротою въ промышленныхъ районахъ фабричныхъ поселкахъ; между тѣмъ, всѣ изслѣдованія о жилищахъ рабочихъ, появлявшіяся въ послѣдніе годы, относились почти исключительно къ крупнымъ городамъ—Петербургу, Москвѣ, Варшавѣ. Судя по встрѣчающимся постоянно въ отчетахъ санитарныхъ врачей какъ Петербургской, такъ и Московской губерніи указаніямъ, всѣ существенныя черты въ развитіи жилищныхъ условій фабричныхъ рабочихъ, отмѣчаемыя д-ромъ Скибневскимъ, не составляютъ особенностей Богородскаго уѣзда, а наблюдаются и въ прочихъ районахъ съ сильнымъ промышленнымъ ростомъ. Это обстоятельство придаетъ изслѣдованію д-ра Скибневскаго, помимо специально мѣстнаго, и общій интересъ. Послѣднему способствуетъ также прекрасная литературная обработка предмета у автора и его умѣнье разсматривать вызываемыя мѣстными условіями нужды въ рамкахъ общихъ вопросовъ, сообщать имъ болѣе широкой интересъ.

Изслѣдованіе д-ра Скибневскаго относится исключительно только къ жилищамъ фабрично-заводскихъ рабочихъ болѣе крупныхъ предпріятій съ числомъ рабочихъ болѣе 50 человекъ. Такихъ предпріятій въ Богородскомъ уѣздѣ, за исключеніемъ самаго г. Богородска и Павловскаго посада, въ 1899 году было 79 съ общимъ числомъ рабочихъ болѣе 34 тыс. чел., между тѣмъ какъ къ концу извѣстнаго санитарнаго изслѣдованія фабрикъ и заводовъ Московской г. подъ руководствомъ проф. Эрисмана—15 лѣтъ тому назадъ такихъ фабрично-заводскихъ заведеній въ уѣздѣ было 60 съ числомъ рабочихъ около 22 тыс.; такимъ образомъ, за короткій сравнительно періодъ времени число крупныхъ заведеній возросло на 35%, а число работающих на нихъ увеличилось болѣе чѣмъ на 53%. Промышленное развитіе въ уѣздѣ выражается, слѣдовательно, не только въ ростѣ числа крупныхъ предпріятій, но и въ возрастаніи размѣровъ cadaго отдѣльнаго предпріятія. Въ 1883—1884 г. на каждое заведеніе съ числомъ рабочихъ болѣе 50 въ среднемъ приходилось 372 чел. рабочихъ, въ 1899 году среднее число рабочихъ въ каждомъ такомъ заведеніи возросло до 432. Интересно указаніе автора, что многія заведенія бывшія 15 лѣтъ тому назадъ только раздаточными конторами, въ настоящее время обратились въ крупныя фабрики съ механическимъ производствомъ. При этомъ ростъ предпріятій произошелъ, несмотря на значительное сокращеніе числа рабочихъ въ крупныхъ заведеніяхъ ручного бумаго-ткацкаго производства. Наиболѣе характерными измѣненіями въ составѣ рабочихъ крупныхъ предпріятій является ростъ среди нихъ числа рабочихъ изъ мѣстнаго населенія. Въ 1884 году преобладали еще пришлые, иноуѣздные рабочіе, въ 1899 году—число мѣстныхъ

и пришлых рабочих уже сравнялось. Наибольше рѣзкое возрастаніе числа мѣстных рабочих наблюдается въ такихъ производствахъ, которыя издавна служили мѣстными (кустарными) промыслами.

Какія же измѣненія произошли за 15 лѣтъ въ жилищныхъ условіяхъ этой быстро возрастающей рабочей арміи крупныхъ предприятий? Насколько можно судить изъ санитарнаго описанія фабрикъ и заводовъ Богородскаго уѣзда, произведеннаго въ началѣ 80-хъ годовъ д-ромъ А. В. Погожевимъ, громадное большинство рабочихъ жило тогда при фабрикахъ, пользуясь или специально устроенными для этого очень неудовлетворительными спальными помѣщеніями, или, какъ это наблюдалось на всѣхъ фабрикахъ съ ручнымъ производствомъ, тѣми же самыми мастерскими, въ которыхъ они проводили за работой цѣлые дни. Здѣсь на станахъ, подъ станами и въ проходахъ между ними втигались не только сами рабочіе, но нерѣдко и ихъ семьи. Въ настоящее время при фабрикахъ въ жилыхъ казармахъ помѣщается уже менѣ половины всѣхъ рабочихъ (48%), затѣмъ 32% живутъ въ своихъ избахъ, какъ мѣстные жители, и около $\frac{1}{2}$ всѣхъ рабочихъ размѣщаются на вольныхъ квартирахъ; кромя того, на вольныхъ же квартирахъ живутъ и всѣ рабочіе Морозовскихъ фабрикъ въ с. Зуено, а ихъ съ семьями болѣе 4 тыс. чел. Что касается жилищъ рабочихъ на самихъ фабрикахъ, то, благодаря изданію въ концѣ 80-хъ годовъ губернскимъ земствомъ обязательныхъ санитарныхъ постановленій, благодаря введенію и систематической работѣ въ теченіе 90-хъ годовъ земскаго санитарнаго надзора, они во всѣхъ отношеніяхъ стали лучше и удовлетворяютъ теперь въ большинствѣ случаевъ общепринятымъ санитарнымъ нормамъ. Должную роль въ санитарно-фабричномъ прогрессѣ слѣдуетъ отнести, по мнѣнію д-ра Скинневскаго, «также и общему культурному подъему, большому проникновенію въ жизнь санитарныхъ вѣстий...» Но съ другой стороны строгое наблюденіе органовъ санитарнаго надзора, чтобы мастерскія не служили мѣстомъ для жилья и чтобы казармы для холостыхъ и семейныхъ рабочихъ соответствовали санитарному требованію на ряду съ упорядоченіемъ жилищъ для рабочихъ на фабрикахъ, имѣло и другой результатъ: оно усилило стремленіе фабрикантовъ ево всѣмъ не строить казармъ для рабочихъ при фабрикахъ, а предоставлять имъ селиться гдѣ кто хочетъ на вольныхъ квартирахъ. Но если для владельцевъ фабрикъ отсутствіе при нихъ заведеній спальныхъ и вообще жилыхъ помѣщеній, для рабочихъ даетъ извѣстный выигрышъ, то, по увѣренію автора, для пришлыхъ рабочихъ расселеніе по вольнымъ квартирамъ при существующихъ въ данное время условіяхъ представляется, во всякомъ случаѣ, проигрышемъ, потому что имъ, при совершенно одинаковомъ заработкѣ со своими товарищами, живущими въ фабричныхъ казармахъ или въ собственныхъ избахъ, приходится непосильно много тратить на наемъ квартиры и при этомъ очень часто помѣщаются въ «невозможно нечеловѣческихъ условіяхъ, ибо всѣ столь извѣстные дефекты городской квартирной нужды—антисанитарныя жилища, переполненіе ихъ, квартирное ростовщичество повторяются теперь и въ крупныхъ фабричныхъ поселкахъ, только, пожалуй, еще въ худшемъ своемъ проявленіи». Авторъ раздѣляетъ «вольныя квартиры» по ихъ характеру на двѣ главныхъ категоріи: на 1) спеціальныя сдаточныя дома, занимаемые исключительно и цѣликомъ рабочими, какъ одиночками, такъ и семейными, и 2) обычныя жилыя крестьянскія избы, гдѣ или въ отдѣльномъ помѣщеніи, или непосредственно вмѣстѣ съ семьей домохозяйка поселяется одинъ или нѣсколько рабочихъ-одиночекъ или даже и съ семьями. Только крайняя непритязательность большинства нанIMATEЛЕЙ, какъ вслѣдствіе недостатка средствъ, такъ и вслѣдствіе неразвитости погрѣбностей, позволяетъ имъ мириться съ невозможною антигигиенической обстановкою сдаточныхъ квартиръ, всегда переполненныхъ жильцами до того, что на человѣка приходится въ нихъ всего $\frac{1}{8}$ — $\frac{1}{2}$ куб. саж. объема воздуха (1),

(вмѣсто допустимой, какъ предѣльный минимумъ, обязательными санитарными постановленіями 1—1½ куб. саж.), всегда до послѣдней степени загрязненныхъ, часто холодныхъ, сырыхъ, съ дымящимися печами и съ отсутствіемъ какихъ бы то ни было удобствъ. Особенно поражала автора при его осмотрахъ слѣдочныхъ квартиръ ихъ «полюбіишая неуютность, жалкая бѣдность и заброшенность жилья; вся обстановка въ каморкахъ отъ мебели до утвари крайне мизерна; вмѣсто кровати, служатъ доски, положенныя на козлы, вмѣсто постели—какое-то тряпье; посуда ограничена самыми минимальными. Такъ и видно, что люди собрались здѣсь случайно, на короткій промежутокъ времени!» Авторъ отдаетъ во всѣхъ отношеніяхъ предпочтеніе жилищамъ для рабочихъ, устремляемымъ при фабрикахъ самимъ владѣльцамъ ихъ. И дѣйствительно, по удобству надзора за ними, по большей возможности добиться ихъ упорядоченія путемъ настоячиваго предъявленія извѣстныхъ санитарныхъ требованій, фабричныя казармы и вообще помѣщенія для рабочихъ при самихъ фабрикахъ съ точки зрѣнія спеціально санитарныхъ, такъ сказать, интересовъ представляютъ много преимуществъ. А такъ какъ расселеніе рабочихъ по вольнымъ квартирамъ ухудшаетъ также санитарное состояніе жилищъ мѣстнаго населенія и можетъ служить источникомъ «возможнаго заноса въ среду кореннаго населенія различныхъ заразъ», то авторъ выступаетъ горячимъ защитникомъ введенія обязательности для фабрикантовъ обезпечивать хорошими жилищами при фабрикахъ за плату всѣхъ пришлыхъ своихъ рабочихъ, не могущихъ по дальности разстоянія отъ фабрики жить у себя дома, подобно тому, какъ теперь фабриканты обязаны обезпечивать рабочихъ медицинскою помощью. Изданіе въ возможно скорѣйшемъ времени обязательнаго постановленія объ обезпеченіи фабрикантами пришлыхъ рабочихъ за умѣренную плату жилищами тѣмъ болѣе необходимо, по мнѣнію автора, что «ждать частныхъ предпринимателей или строительныхъ обществъ, которые, слѣдуя западно-европейскому образцу, взяли бы на себя постройку въ фабричныхъ селахъ и деревняхъ благоустроенныхъ домовъ для рабочихъ, или рассчитывать на привлеченіе къ этому дѣлу земскихъ учреждений, значить явно ухудшать положеніе рабочихъ, ибо въ дальнѣйшемъ жилищная нужда въ селеніяхъ будетъ неослабно разрастаться и усложняться въ виду все болѣе усиливающагося стремленія фабрикантовъ, особенно новѣйшей фермаціи, предоставлять рабочимъ, слѣдуя якобы (?) западно-европейскому образцу, селиться, гдѣ угодно, и жить, какъ угодно на полномъ просторѣ» (стр. 30, 63).

Рѣшеніе постановленнаго д-ромъ Скабичевскимъ вопроса объ улучшеніи жилищныхъ условій фабричныхъ рабочихъ въ сельскихъ фабричныхъ районахъ, конечно, какъ и въ городахъ, немислимо безъ поднятія культурности рабочихъ, ихъ жизненныхъ запросовъ и заработка. Огромнымъ тормазомъ къ улучшенію жилищныхъ условій служить также для нашихъ фабричныхъ рабочихъ ихъ пресловутая связь съ землею. Пока на жизнь свою въ фабричномъ поселкѣ или городѣ они смотрятъ, какъ на нѣчто преходящее, какъ на средство поддерживать свое хозяйство въ деревнѣ, пока, какъ это было обнаружено, напримѣръ, доутно при переписи въ нѣкоторыхъ фабричныхъ районахъ Петербурга,—они, живя непрерывно цѣлые десятки лѣтъ на фабрикѣ, все свои надежды на лучшее будущее приурочиваютъ къ деревнѣ, отсылаютъ туда значительную часть своего заработка *),—до тѣхъ поръ лелѣемая ими мечта о желанномъ возвращеніи въ деревню заслоняетъ собою все невзгоды и неудобства—временнаго въ нихъ представленія, но фактически уже давно ставшаго постояннымъ,—ихъ существованія на фабрикѣ или въ городѣ, до тѣхъ поръ они, какъ аскеты,

*) Объ этомъ см. между прочимъ № 1, «М. Б.» за текущій годъ въ отдѣлѣ «На родинѣ» стр. 18—20.

жившіе лишь мечтою о будущей жизни, равнодушны ко всемъ улучшениямъ своей реальной жизненной обстановки и готовы мириться съ самыми нечеловѣческими, антисанитарными и аскетическими условіями существованія. Но подъ грубыми и жестокими ударами дѣйствительности въ наше время разлетаются даже самыя дорогія иллюзіи, и для потерявшихъ реальную опору въ деревнѣ ея выходцевъ, населяющихъ наши промышленные центры,—для однихъ раньше, для другихъ позже—наступаетъ также моментъ, когда ихъ идеаль будущей жизни въ деревнѣ меркнетъ, а въ мѣстѣ съ тѣмъ естественное стремленіе къ улучшенію своей доли приурочивается уже не къ проблематическому будущему, а къ реальнымъ условіямъ ихъ фактической жизненной обстановки.

Въ заключеніе отбѣтимъ мимоходомъ неправильное употребленіе у автора слово «доходъ» для обозначенія заработка рабочаго (стр. 25); вѣроятно, впрочемъ авторъ имѣлъ въ виду употребить въ этомъ мѣстѣ слово «приходъ» въ параллель съ расходами рабочаго.

Врачъ *Зах. Френкель*.

В. А. Левицій, sanit. врачъ Подольскаго у. къ вопросу о физическомъ состояніи населенія Подольскаго уѣзда. По даннымъ подольскаго уѣзднаго воинскаго присутствія. Изданіе моск. губ. зем., Москва. 1901. Ц. 50 к. Стр. IV + 120. Мы прочитали работу д-ра В. А. Левицкаго отъ начала до конца съ неослабнымъ интересомъ и удовольствіемъ. Такими работами московская земская санитарная организація можетъ по праву гордиться. Въ тонкомъ статистическомъ анализѣ автора, въ его умѣньи заставить цифры давать отвѣты на предъявляемые къ нимъ вопросы, въ той осмотрительности и осторожности, съ которою его научная совѣтъ побуждаетъ его взвѣшивать относительную цѣнность отдѣльныхъ статистическихъ выводовъ, — во всемъ этомъ нельзя не видѣть слѣдовъ хорошей санитарно-статистической школы, той школы проф. Эрисмана, которая дала намъ и продолжаетъ давать не только крупнѣйшія и лучшія работы по санитарной и медицинской статистикѣ, но и цѣлый рядъ выдающихся работниковъ въ этой области.

Для рѣшенія практически важнаго съ точки зрѣнія непосредственной санитарной дѣятельности вопроса, какія части уѣзда слѣдуетъ считать наиболѣе неблагополучными по физическому состоянію населенія, наиболѣе нуждающимися во внимательномъ изученіи и наблюденіи въ санитарномъ отношеніи, авторъ обратился къ разработкѣ очень мало использованнаго у насъ матеріала воинскихъ присутствій по призыву и вслѣдованію новобранцевъ. Собственно говоря, такой детальной, строго научной и плодотворной обработкѣ данныя воинскихъ присутствій подвергаются едва ли не впервые. Въ умѣньихъ рукахъ автора эти данныя оказались неопѣнимымъ матеріаломъ, при отсутствіи у насъ другихъ точныхъ санитарно-демографическихъ данныхъ за прежнія десятилѣтія, для освѣщенія цѣлага ряда въ высшей степени важныхъ и интересныхъ въ научномъ отношеніи вопросовъ санитарной статистики.

Работа автора охватываетъ матеріалы воинскихъ присутствій по Подольскому уѣзду за 16 лѣтъ (1884—1899 годъ), что соотвѣтствуетъ годамъ рожденія призывныхъ, 1863—1878 г., но для выясненія очень многихъ вопросовъ авторъ сплошь и рядомъ пользовался также и матеріалами за всѣ предыдущіе годы существованія всеобщей воинской повинности (1874—1883 гг.). На основаніи этихъ матеріаловъ, авторъ прежде всего установилъ коэффициенты выживанія до призывнаго возраста по годамъ и по отдѣльнымъ волостямъ и районамъ уѣзда. Интересно, что въ то время, какъ въ культурныхъ государствахъ запада изъ 100 родившихся мальчиковъ доживаютъ до призывнаго возраста 55 (Германія), до 65 (Бельгія, Франція) и даже до 72, въ Московской губерніи это число по отдѣльнымъ уѣздамъ колебалось въ 1885 г. между 41 и 24; при этомъ для многихъ покажется поразительнымъ тотъ фактъ, что наиболѣе благоприятный коэффициентъ выживанія—41,3 изъ каждыхъ 100 ролив-

шихся даетъ Богородскій уѣздъ, съ наиболѣе интенсивнымъ развитіемъ фабрично-заводской промышленности, а наименьшій ⁰/₁₀₀ выживанія—24 на 100—мы имѣемъ въ уѣздѣ съ наименьшимъ развитіемъ фабрично-заводской дѣятельности—Рузскомъ (въ первомъ уѣздѣ фабрично-заводскіе рабочіе составляли въ среднѣмъ 80-хъ годовъ ¹/₄ всего населенія уѣзда, во второмъ—только 1,7⁰/₁₀₀, т.-е. ¹/₆₀ часть его). Въ Подольскомъ уѣздѣ коэффициентъ выживанія съ каждымъ годомъ становится все болѣе благопріятнымъ: въ призывные годы, 1874—1878, онъ не превышалъ въ среднемъ 35¹/₂⁰/₁₀₀, а въ послѣднее изслѣдованное авторомъ пятилѣтіе, 1894—1898 г., онъ поднялся уже до 50. Столь же благопріятно было и движеніе дѣтской смертности въ послѣднія десятилѣтія въ уѣздѣ: въ 1868—1872 г. изъ каждыхъ 100 родившихся на первомъ году жизни умирало ежегодно 38, въ слѣдующія пятилѣтія эта цифра была 34,8 (1881—1885), 31,2 (1886—1890) и, наконецъ, въ 1896—1899 году—28,1. Знаменателенъ фактъ, что опредѣленную устойчивую тенденцію къ пониженію дѣтская смертность начинаетъ обнаруживать только съ 1862 года, т.-е. съ того времени, когда, по выраженію автора, съ населенія были сняты оковы рабства и оно выступило на широкій путь культурнаго прогресса.

Не можемъ не отмѣтить еще одного момента въ изслѣдованіи д-ра Левецкаго—установленнаго имъ полнаго совпаденія районовъ усиленной дѣтской смертности какъ въ предѣлахъ одного Подольскаго уѣзда, такъ и во всей Московской губерніи съ районами малорослости и вообще физической недоразвитости и болѣзненности. Такимъ образомъ, тѣ, кто захотѣлъ бы успокаивать себя по поводу нашей огромной дѣтской смертности софизмомъ въ родѣ того, что «при нашей колоссальной рождаемости особенно, въ районахъ высокой дѣтской смертности, опустошенные послѣднею ряды населенія быстро и съ избыткомъ пополняются новыми элементами, и въ результатъ еще получается улучшение качества населенія, благодаря энергичному дѣйствію естественнаго отбора», должны будутъ горько разочароваться: чѣмъ выше дѣтская смертность, тѣмъ ниже ⁰/₁₀₀ выживанія до зрѣлаго возраста и тѣмъ хуже въ качественномъ отношеніи выжившіе; очевидно—тѣ же причины, которыя обуславливаютъ собою усиленную дѣтскую смертность (некультурность, дурное питаніе, антисанитарная обстановка и пр.), вызываютъ также и усиленную заботѣваемость, и физическую отсталость, и недоразвитость среди остающихся въ живыхъ. Не говоримъ уже о томъ, что «ранняя смерть дѣтей причиняетъ странъ непоправимый ущербъ, такъ какъ черезъ быстрое вымираніе дѣтей и черезъ быструю сгину поколѣній безвозвратно теряется весь запасъ труда, заботъ и матеріальныхъ средствъ, который общество приложило къ своимъ слишкомъ рано погибшимъ членамъ» (Эрисманъ).

Но, кромѣ матеріала для освѣщенія цѣлаго ряда въ высшей степени важныхъ и интересныхъ теоретическихъ вопросовъ, изслѣдованіе автора дало также и прямой отвѣтъ на тотъ практическій вопросъ, въ предѣлахъ выясненія котораго оно было предпринято. Благодаря совпаденію такихъ признаковъ, какъ наивысшая въ уѣздѣ дѣтская смертность, наименьшая выживаемость до призывного возраста, наибольшая заботѣваемость рахитомъ, малорослость и наиболѣе неблагопріятное отношеніе обхвата груди къ полуросту, автору съ несомнѣнностію удалось опредѣлить наиболѣе неблагополучные районы въ уѣздѣ.

Такими оказались въ особенности двѣ волости—одна съ *чисто земледѣльческимъ* населеніемъ (*наиболѣе* малорослымъ во всемъ уѣздѣ), а другая съ сильнымъ распространеніемъ кустарнаго шляпнаго промысла. Послѣдняя волость, и специально шляпный промыселъ въ ней, вслѣдъ за окончаніемъ работы д-ра Левецкаго была подвергнута обстоятельному изслѣдованію на мѣстѣ; и это изслѣдованіе обнаружило у шляпниковъ картину сплошнаго хроническаго отравленія ртутью, а ознакомленіе съ техникой производства открыло и источ-

никъ его. Упоминаемъ объ этомъ только для иллюстраціи непосредственнаго практическаго значенія санитарно-статистическихъ и демографическихъ изслѣдованій.

Было бы чрезвычайно поучительно провѣрить многіе болѣе общіе выводы, полученные д-ромъ Левницкимъ на матеріалѣ по одному уѣзду, въ примѣненіи ко всей обширной территоріи нашего отечества на основаніи «Свѣдѣній (по губерніямъ) о результатахъ врачебнаго осмотра лицъ, подлежащихъ призыву къ отбыванію воинской повинности», публикуемыхъ въ ежегодныхъ отчетахъ медицинскаго департамента*). При этомъ для сужденія о сравнительномъ санитарномъ состояніи отдѣльныхъ районовъ не слѣдовало бы забывать огромнаго значенія отхода, такъ какъ призываемые въ данной мѣстности должны провести значительную часть своей жизни не въ этой мѣстности, а въ какомъ-либо отдаленномъ промышленномъ районѣ или городѣ и на ихъ физическомъ состояніи могли отразиться вліянія санитарнаго положенія не ихъ родины, а мѣста ихъ промышленной дѣятельности.

Врачъ Зах. Френкель.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Н. Софистъ. «Проектъ мѣръ».—*Ш. Стетсонъ.* «Женщины и экономическое отношеніе».—*Г. Шрейдеръ.* «Наше городское общественное управленіе».

Н. Софистъ. Проектъ мѣръ для болѣе точнаго опредѣленія степени убѣжденности современныхъ писателей. Спб. 1902 г. Ц. 50 к. Авторъ этого любопытнаго проекта исходитъ изъ того неоспоримаго положенія, что въ наши дни, когда развилось такъ много «учителей жизни», изъ коихъ каждый выступаетъ съ готовымъ рѣшеніемъ всѣхъ вопросовъ, необходимо болѣе чѣмъ когда-либо имѣть объективный критерій въ ихъ убѣжденности. Но какъ найти такой критерій? Автору помогъ Кантъ, у котораго онъ нашелъ слѣдующее замѣчательное мѣсто: «Пробнымъ камнемъ того, есть ли нѣчто увѣренность или, по крайней мѣрѣ, субъективное убѣжденіе, т.-е. твердая вѣра въ то, что кто-либо утверждаетъ,—это пари (закладъ). Часто кто-нибудь высказываетъ свои убѣжденія съ такимъ увѣреннымъ и непоколебимымъ упорствомъ, что, повидимому, совершенно и не думаетъ о возможности ошибки. Пари дѣлаетъ его осторожнѣе. Иногда оказывается, что онъ имѣетъ довольно убѣжденія на одинъ дукатъ, но мало для десяти. Онъ охотно рискуетъ на одинъ, но для десяти онъ въ первый разъ сознаетъ то, чего не сознавалъ прежде, а именно, что онъ, можетъ быть, и ошибается». Эти слова Канта натолкнули автора на мысль—поставить вопросъ объ убѣжденіяхъ на практическую почву, и въ результатѣ явился слѣдующій проектъ, сущность котораго заключается въ его первой статьѣ: «Каждый фельетонистъ, публицистъ, писатель и учитель жизни, который въ своихъ произведеніяхъ пожелаетъ отмѣтить степень своей убѣжденности въ томъ или другомъ сужденіи, обязанъ въ скобкахъ указать, сколько рублей или копѣекъ онъ ставитъ на конъ, какъ пари или закладъ, противъ каждаго изъ своихъ возможныхъ противниковъ. Тогда форма фразы будетъ примѣрно такою. «Я безусловно убѣжденъ (5 р. 40 к.), что народы дикіе любятъ свободу, а народы образованные любятъ порядокъ». Или «ясно какъ день (11 коп.), что народы дикіе не любятъ свободы, а народы образованные не любятъ порядка». Это заявленіе, по проекту, каждый можетъ опаривать предъ особымъ

*) Последній вышедшій отчетъ медицин. деп. даетъ цифры за 1893, 1894 и 1895 годы.

третейскимъ судомъ, которому присвоено названіе «Постоянный по дѣламъ объ убѣжденности третейскій судъ», и этотъ судъ рѣшаетъ вопросъ о степени рѣшительности утвержденій автора и его убѣжденности.

Далѣе авторъ указываетъ, какая благодѣтельная переимѣна наступитъ въ литературѣ, гдѣ до сихъ поръ идутъ безконечные споры по каждому вопросу объ убѣжденіяхъ и взглядахъ того или иного писателя. Въ случаѣ принятія проекта дѣло упростится до крайности: простыми арифметическимъ подсчетомъ будетъ устанавливаться убѣжденность и правильность взглядовъ любого автора, такъ что для составителей исторія литературы и некрологовъ нужно будетъ только подводить итоги, сколько тотъ или иной ставилъ за и противъ того или иного взгляда, и отсюда уже выводитъ заключеніе о принадлежности его къ тому или иному лагерю и его искренности.

Эта очень злая, по существу, шутка надъ современными спорами и спорщиками, написанная весьма остроумно, имѣетъ, по нашему мнѣнію, одинъ существенный недостатокъ. Кантъ, говоря о степени убѣжденности, доказуемой разумомъ пари, былъ увѣренъ, конечно, въ необходимости и возможности правильной, не стѣсняемой свободой защиты своихъ взглядовъ, при которой пари только и можетъ осуществляться. Если же допустить, что на одной сторонѣ есть возможность открыто исповѣдывать свои взгляды и приводить доказательства, а на другой—рядъ ограниченій, то даже самое маленькое пари на этой другой сторонѣ будетъ имѣть большую силу доказательности, чѣмъ огромныя суммы на первой. Третейскій судъ былъ бы поставленъ въ большое затрудненіе въ такихъ случаяхъ, когда одна сторона защищала бы свои убѣжденія цѣлымъ арсеналомъ доводовъ, ничѣмъ не стѣсняемая, а другая только скромно указывала бы на затруднительность своего положенія въ виду такихъ-то и такихъ ограниченій, лежащихъ внѣ сферы компетенціи суда. Поэтому, намъ кажется лучшимъ мѣриломъ убѣжденности старый, общепризнанный методъ, когда человѣкъ отстаиваетъ свои убѣжденія не потому, что ему пришлось бы уплатить протори и убытки, и не потому, что ему уже уплачено столько-то, а по совѣсти, хотя бы и въ явный ущербъ своимъ матеріальнымъ интересамъ. И самъ г. Скептикъ знаетъ, конечно, современные примѣры такой убѣжденности, которая не внушаетъ никакихъ сомнѣній въ своей искренности. Что касается исторіи литературы, то и здѣсь, при условіи свободнаго изслѣдованія, вопросы объ убѣжденности тоже рѣшаются болѣе или менѣе удовлетворительно, какъ показываетъ приводимый имъ примѣръ—столкновеніе Гоголя съ Бѣлинскимъ по поводу «Переняски съ друзьями». Исторія вполнѣ выяснила теперь, что оба противника были вполнѣ искренни въ своихъ взглядахъ. Все сводится, такимъ образомъ, къ свободѣ мнѣній, при которой всякая неискренность очень скоро можетъ быть выведена на свѣтъ Божій и доказана безъ денежныхъ вкладовъ.

А. Б.

Шарлотта Стетсонъ. Женщины и экономическое отношеніе. Изслѣдованіе экономическихъ отношеній между мужчинами и женщинами, какъ фактора въ соціальной эволюціи. Переводъ съ англійскаго А. Каменскаго. Цѣна 1 руб. Спб. 1902 (стр. 367). «Шарлотта Стетсонъ еще сравнительно молодая, красивая женщина. Помимо своего литературнаго дарованія и громадной образованности, она обладаетъ еще другими, болѣе скромными талантами», читаемъ мы въ предисловіи «отъ переводчика»: «Она хорошо рисуетъ; она прекрасная портниха и, кромѣ того, отличная кухарка, а въ случаѣ надобности, можетъ замѣнить и домашнюю прислугу». Съ полною готовностью вѣря въ наличность этихъ, дѣйствительно, гораздо «болѣе скромныхъ» талантовъ у г-жи Стетсонъ, мы, видѣвъ съ тѣмъ, позволяемъ себѣ высказать убѣжденіе, что литературная профессія не есть самая сильная сторона ея разнообразной дѣятельности, ибо писательница она и не «прекрасная», и не «отличная», и

не можетъ «замѣнить въ случаѣ надобности» одареннаго литератора. А «надобность» въ данномъ случаѣ велика, и какъ велика! Женскій вопросъ въ рукахъ разнохарактерныхъ феминистовъ и феминистовъ слишкомъ часто выражается въ нѣчто безнадежно-плоское, тусклое, буржуазно-узенькое, несмотря на всю свою крикливость, праздно-болтливое, несмотря на видимую идейность, соціально-ненужное, несмотря на кажущуюся жизненность. Щедринъ былъ убѣжденъ, что еще не разрѣшенъ у насъ (а въ извѣстномъ смыслѣ и нигдѣ) и великій *мужской вопросъ*, а Бебель въ лучшемъ (потому что наиболѣе увлекательно и горячо написанномъ) своемъ трудѣ о женщинѣ далъ превосходную иллюстрацію къ тому, какъ нужно понимать мнѣніе нашего сатирика, и какова связь между разрѣшеніемъ «мужскаго» вопроса и разрѣшеніемъ «женскаго». Да проститъ намъ читатель, что мы потревожили эти имена по такому поводу, какъ г-жа Шарлотта Стетсонъ, но ассоціація весьма проста: мы размышляли о несповѣдливости судебъ, которыя обогащаютъ русскую книжную сокровищницу переводами книгъ одного рода и упорно обходятъ книги другого рода.

Что сказать о книгѣ г-жи Стетсонъ? Пустѣйшія, никому и ни для чего неужныя азбучности, преподнесенныя подъ соусомъ какой-то спеціальной бойкости, столь знакомой всякому, хоть разъ побывавшему на феминистскомъ конгрессѣ и слушавшему, кромѣ миссъ Фаусетъ, и еще двухъ-трехъ лицъ другихъ ораторовъ, замашки суетливаго піонерства тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о такихъ новыхъ истинахъ, какъ данныя таблицы умноженія, хаосъ фактовъ изъ популярныхъ книжекъ по зоологіи, перемѣшанныхъ съ разсужденіями (ничѣмъ не подтвержденными) о прошломъ женщины—вотъ все содержаніе книги; объ «экономическомъ отношеніи» говорится въ перемежку и вскользь. Ну, что означаетъ, наприимѣръ, нижеслѣдующая экскурсія въ область историческаго прошлаго женщины: «Ради созданія человѣческой жизни на землѣ, женщина въ состояніи была позабыть о своей собственной жизни; и—еще болѣе душевная, болѣе нѣжная, болѣе любвеобильная услуга—ради того, чтобы поднять своего самца до свободнаго и благороднаго друга-человѣка, чтобы возвысить человѣческую душу въ своемъ дорогомъ сынѣ, она могла вынести не только это, но гораздо больше, и вынести охотно, улыбаясь, весело, ради мужчины и ради міра. И теперь, когда долгое испытаніе кончено, когда ни мужчины, ни человѣчество не могутъ ничего болѣе выиграть отъ ея подчиненія, когда она неуклонно подвигается къ непосредственному выраженію своей личности, къ радостямъ, доставляемымъ расовой дѣятельностью на всемъ просторѣ (?) и власти, теперь было бы недостойно этого свѣтлаго возрожденія вѣдыхать и сожалѣть о перенесенныхъ страданіяхъ». Что означаетъ вся эта беллетристика и къ чему она наговорена,—остается секретомъ автора. Читаешь, читаешь эту книгу, страница за страницей, и не улавливаешь ни складу, ни ладу, ни общей мысли. Сначала говорится о самцахъ и самкахъ, потомъ о ш-ше Сталь и ея афоризмѣ, на той же страницѣ о различіи между дикою коровою и домашней, потомъ о значеніи кухни въ домѣ и ея отсутствіи, объ американскихъ отеляхъ, объ «обычномъ стремленіи женщинъ ходить по знакомымъ» и т. д., и т. д. Если ужъ возможно примѣнить къ чему-нибудь съ полнымъ правомъ старое, болѣе образное, нежели салонное, выраженіе о «чехардѣ мыслей», такъ это къ произведенію г-жи Стетсонъ. И главное—не уловивъ, къ чему всѣ эти словесные потоки устремляются. Въ концѣ книжки читаемъ: «Тѣ самыя добродѣтели, изъ-за достиженія которыхъ мы теперь такъ боремся и страдаемъ, сдѣлаются какъ бы прирожденными и даже перестанутъ быть предметомъ особыхъ похвалъ. Нашъ прогрессъ, до сихъ поръ задерживаемый и извращаемый вслѣдствіе вреднаго вліянія отжившихъ первоначальныхъ силъ, потечетъ

ровною, быстрою струєю, когда женщина и мужчина будутъ одинаково независимы въ экономическомъ отношеніи. Когда мать человѣческой расы станетъ свободною, тогда и самый міръ сдѣлается лучше, благодаря тому, что люди будутъ рождаться иные, и тому, что силы соціальной эволюціи будутъ дѣйствовать спокойнымъ, ровнымъ и благоприятнымъ образомъ». Эта мысль на разные лады, съ характерными для г-жи Стетсонъ прыжками въ неожиданную сторону, повторяется нѣсколько разъ и составляетъ, повидимому, въ глазахъ автора самое цѣнное изъ его открытій.

Такія книжки пишутся и такія лекціи читаются всюду,—мы говоримъ не о точномъ содержаніи «мыслей»—кое въ чемъ возможны (и бывають) варіаціи, но объ общемъ характерѣ основныхъ навыковъ мысли. Правда, въ Америкѣ пишется и читается рядомъ еще и многое, очень многое иное, и успѣхъ подобныхъ явленій умственной жизни можетъ навести на грустное раздумье лишь тамъ, гдѣ г-жамъ Стетсонъ отчасти судьба приуготовила своего рода монополию. И зачѣмъ г. Каменскому, такъ хорошо (судя по переводу) знающему оба языка, захотѣлось перевести эту американскую г-жу Лухманову? Вѣдь у насъ и своя собственная есть! *Е. Т.*

Г. И. Шрейдеръ. Наше городское общественное управление. Этюды, очерки и замѣтки. Т. I. Спб. 1902. 337 стр. Ц. 2 руб. Однимъ изъ характернѣйшихъ явленій переживаемой нами эпохи является, безспорно, быстрый ростъ городовъ. Въ передовыхъ западно-европейскихъ странахъ города, а въ особенности крупные города, растутъ съ поразительной быстротой, не только поглощая весь приростъ населенія, но даже ведя къ уменьшенію абсолютнаго числа негородского населенія. Наблюдая этотъ необычайный ростъ городовъ, проф. Зерингъ имѣлъ полное основаніе замѣтить, что по охваченному имъ району дѣйствія и по числу участвующихъ въ немъ лицъ его можно смѣло сравнить съ великимъ переселеніемъ народовъ.

Россия не осталась въ сторонѣ отъ этого процесса—и въ ней теперь городское населеніе быстро и неуклонно растетъ. По даннымъ первой всеобщей переписи, городское населеніе Россіи равнялось 16.289.181 душъ обою пола, тогда какъ, напр., въ Англіи городское населеніе равно 20.802.770 душъ, а въ Германіи—23.243.229 душъ, мы видимъ, такимъ образомъ, что если не съ относительной, то съ абсолютной стороны городское населеніе Россіи по своей величинѣ немногимъ уступаетъ крупнѣйшимъ западно-европейскимъ государствамъ, что же касается скорости роста городского населенія, то въ этомъ отношеніи Россія стоитъ впереди остальныхъ европейскихъ государствъ. По даннымъ переписи 1897 г. городское населеніе пятидесяти губерній возросло за послѣднія двѣнадцать лѣтъ на 18,7%, или въ среднемъ ежегодно возрастало на 1,56%, тогда какъ даже въ Англіи соответствующая цифра не превышаетъ 1,53%.

Но эту чисто количественную сторону почти и исчерпывается сходство между ростомъ городовъ у насъ и за границей, въ западной Европѣ неразлучно съ этимъ ростомъ идетъ быстрое и неуклонное развитіе городского самоуправления, расширеніе муниципальныхъ задачъ, идутъ все расширяющіяся работы о благѣ огромной и быстро растущей массы городского населенія.

Наша же русская дѣйствительность и по этой части угощаетъ насъ тѣми разительными противорѣчіями, на которыя она вообще столь таровата. Въ то время, какъ происходитъ безостановочный процессъ усложненія городской жизни, въ то время, какъ она начинаетъ захватывать интересы все большаго круга лицъ, въ это же самое время дѣятельности городского самоуправления ставятся все большія преграды; по мѣрѣ того, какъ жизнь идетъ впередъ, городское положеніе падаетъ назадъ.

Если мы сравнимъ городское положеніе 1870 г. со смѣнившимся его нынѣ дѣйствующимъ городовымъ положеніемъ 1892 г., то убѣдимся, что послѣднее представляеть огромный шагъ назадъ, несмотря на то, что за это время городское населеніе Россіи необычайно разрослось, и нужды усложнились и расширились.

Эта сторона дѣла превосходна разъяснена въ прекрасной книгѣ извѣстнаго знатока нашего городского управленія г. Шрейдера, подвергнувшаго безпощадной критикѣ нынѣ дѣйствующее городское положеніе. Съ первыхъ же главъ авторъ вводитъ насъ въ прошлое русскаго города и отлично показываетъ, что городское положеніе 1870 г. представляется чуть ли не идеальнымъ по сравненію съ нынѣшнимъ.

Какъ извѣстно, прежнее городское управленіе вызывало нареканія за то, что въ лицѣ третьеразрядныхъ избирателей оно подпускало къ избирательнымъ урнамъ городскую мелкоту, недостаточно-де интеллигентную и дисциплинированную. Съ какимъ-то злорадствомъ подхватывали и съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, раздували всякіе факты и сплетни, касавшіея грубости и невоспитанности избирателей третьяго разряда, указывали на то, что эти избиратели являются послушнымъ орудіемъ въ рукахъ дѣльцовъ и проходивцевъ, что ихъ обманываютъ, подпаиваютъ и т. д.

Авторъ очень вразумительно и остроумно показываетъ всю вздорность подобнаго рода обвиненій, онъ очень справедливо замѣчаетъ, что «водка и прямой подкупъ играли роль не большую, если даже не меньшую, чѣмъ учтенный вексель, открытый кредитъ или семейныя связи въ двухъ первыхъ разрядахъ. Едва ли даже кто-нибудь изъ принимавшихъ когда-либо активное участіе въ муниципальных выборахъ откажется засвидѣтельствовать и наличность многочисленныхъ фактовъ подобнаго рода: водка добросовѣстно выпята, но, очутившись у избирательной урны, опьяненный избиратель какъ-будто отрезвляется, воспоминаеть о своемъ гражданскомъ долгѣ и... предательски кладетъ своему «благодѣтелю» черныя. Спрашивается, однако, кто же были эти люди, пускавшіе въ ходъ подкупъ и водку, вносявшіе расгѣніе въ ряды третьяго разряда? Мы категорически заявляемъ, и всѣ знающіе подтвердятъ это, что по своему избирательному цензу они къ *третьему разряду не принадлежали*, за рѣдкими исключеніями» (15 стр.).

Однако, оставимъ въ сторонѣ прежнее городское положеніе и обратимся къ современному. Вмѣсто того, чтобы расширять самоуправленіе городовъ, это положеніе, наоборотъ, рѣзко сузило его, превративъ городское самоуправленіе въ административную опеку надъ городами. Оно прежде всего повысило избирательный цензъ, лишило этимъ избирательныхъ правъ самую обширную массу городского населенія, которая вмѣстѣ съ тѣмъ больше всего терпять отъ городского неустройства и потому съ наибольшою страстью относится ко всемъ городскимъ дѣламъ. Устраненіе этихъ наиболѣе энергичныхъ и дѣятельныхъ элементовъ, по справедливому замѣчанію автора, «закрыло и ту единственную отдушину, черезъ которую проникала въ наши муниципалитеты струя свѣжаго воздуха».

Городовая реформа 1892 г. внесла затѣмъ въ наше городское хозяйство убивающій все живое элементъ канцеляризма, достигшій въ наши дни чудовищныхъ размѣровъ. Этого, конечно, ожидать слѣдовало, такъ какъ по новому городскому положенію должностныя лица городского управленія являются не общественными дѣятелями, а попросту чиновниками, состоящими на государственной службѣ по вѣдомству управленія городами и жителями, оныя населяющими.

Надзоръ за дѣятельностью городскихъ управленій свелся въ сущности къ ревизіи исходящихъ и входящихъ и на исправное состояніе ихъ устремили все

свое усердіе городскіе служащіе, въ итогѣ канцеляризмъ со своей неразлучной подругой жизни—волокитой насквозь пропитали весь нашъ російскій муниципалитетъ. Просьба обывателя отлеживается обыкновенно двѣ-три недѣли, пока, наконецъ, будетъ заслушана въ очередномъ засѣданіи думы, а потомъ начинаютъ скрипѣть перья, записывая, выписывая, помѣчая и нумеруя сію просьбу, пока, наконецъ, изнывающій обыватель не будетъ, наконецъ, удовлетворенъ. Обыкновенно приходится дожидаться два мѣсяца.

Городская реформа убила возможность широкаго развитія самодѣтельности и самоуправленія. Зато она содѣйствовала, какъ мы видѣли, пышному разцвѣту бюрократизма и канцеляризма и при томъ, несмотря на всю свою строгость, какъ это всегда бываетъ, создала самоуправство.

Любопытно еще, что въ то время какъ западно-европейскіе города употребляютъ всѣ усилія, чтобы всѣ служащіе въ городскихъ предпріятіяхъ были поставлены въ возможно болѣе благоприятное культурное и экономическое отношеніе, наши города эксплуатируютъ своихъ мелкихъ служащихъ хуже чѣмъ даже частные предприниматели.

Заключительныя главы книги г. Шрейдера посвящены животрепещему вопросу о грядущей городской реформѣ. Прекрасная книга г. Шрейдера, написанная легкимъ, яснымъ языкомъ, должна стать настольною книгою для всякаго интересующагося общественными вопросами и въ особенности для общественныхъ дѣятелей и пишущей братіи. Она страдаетъ только нѣкоторымъ отсутствіемъ цѣльности и систематичности, объясняемымъ тѣмъ, что она составлена изъ статей, писанныхъ въ разное время, по разнымъ муниципальнымъ аломамъ дая.

Н. Берлинъ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го марта по 15-ое апрѣля 1902 г.)

- К. Клементъ. Всего понемножку. Мск. 1902 г. Ц. 60 к.
- Народный университетъ. Сборникъ общедоступн. статей по самообразованію. Подъ ред. В. В. Витнера. Изд. Сойкина. Спб. 1902 г.
- Гете. Фаустъ. Изд. А. И. Мамонтова. Мск. 1902 г. Ц. 80 к.
- В. Величина. Съ англ. «Что рассказывала мама». Изд. Сытина. Мск. 1901 г. Ц. 60 к.
- М. В. Кочеджи-Шипаловъ. Женское движеніе въ Россіи и за границей. 1902 г.
- Ив. Бунинъ. Рассказы. Изд. т-ва «Знаніе». Спб. 1902 г. Ц. 1 р.
- Женщ.-врачъ М. И. Покровская. Популярныя статьи по гигиенѣ. Спб. 1902 г. Ц. 60 к.
- Ея же. Женщины и дѣти. Спб. 1902 г. Ц. 30 коп.
- Сельскохоз. обзоръ Самарск. губ. Изд. губ. земства. Самара. 1902 г.
- Леонидъ Андреевъ. Рассказы. Изд. т-ва «Знаніе». Спб. 1902 г. Ц. 1 р. Изд. втор.
- Мор. Метерлинъ. Жизнь пчелъ. Изд. т-ва «Общ. польза». Спб. Ц. 1 р. 25 к.
- Фармаковскій. Врачи и общество. Спб. 1902 г. Ц. 75 коп.
- Т. Аляксъ. Основы логики. Изд. Поповой. Спб. 1902 г.
- Ф. П. Кулчискій. Стихотворенія и прозы. Спб. 1902 г.
- Гнатъ Хоткевичъ. Пoesія въ прозѣ. Харьковъ. 1902 г. Ц. 75 к.
- Миссионерскій календарь. Изданіе «Миссионерскаго обзорнїя». Подъ ред. В. М. Скворцова. Спб. 1902 г.
- Сниталецъ. Рассказы и пѣсни. Изд. т-ва «Знаніе». Спб. 1902 г. Ц. 1 р.
- В. В. Селивановъ. Собраніе сочиненій въ двухъ том. Изд. подъ ред. А. В. Селиванова. Владиміръ. 1902 г. Ц. двухъ том. 3 р. 80 к.
- М. Винаверъ. Очерки объ адвокатурѣ. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.
- М. Горній. Оправданіе зла. Спб. 1902 г. Ц. 30 коп.
- Н. Березинъ. Приключеніе въ пустынѣ. Спб. 1901 г. Ц. 40 к.
- Масяменно. Сеймы литовск.-русск. госуд. до Люблинск. унѣи. Харьковъ. 1902 г.
- Тихомировъ. Жизнь и труды В. А. Жуковскаго. Мск. 1902 г. Ц. 10 к.
- Общія черты агрономической техники. Изд. херсонскаго уѣздн. земства. Херсонъ. 1902 г.
- А. Чеховъ. Дядя Ваня. Свадьба. Юбилей. Три сестры. Изд. Маркса. Спб. 1902 г. Ц. 75 к.
- Н. Яновлеву. Учебникъ химіи. Спб. 1902 г. Ц. 40 коп.
- А. Новикова. Записки о сельской школѣ. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.
- Е. Смирновъ. Цѣна и трудовая стоимость. Спб. 1902 г. Ц. 50 к.
- Ю. Битовъ. Ручовъ къ библиограф. описанію книгъ. Изд. антикварн. книжн. отд. при маг. древн. и рѣдкостей. М. Падрадьлова. Мск. 1902 г. Ц. 2 р.
- И. В. Сажинъ. Вліяніе алкоголя на развивающійся организмъ. Спб. 1902 г.
- В. И. Спасскій. Ива. Изд. Тихомирова. Мск. 1901 г. Ц. 15 к.
- М. Чайникова. Жизнь П. И. Чайковскаго. Т. П. Вып. XV—XVI. Изд. Юргенсона. Ц. 40 коп.
- Г. Качеризъ. А. Чеховъ. Мск. 1902 г. Ц. 50 коп.
- З. Евзлинъ. Самопомощь. Спб. 1902 г. Ц. 50 коп.
- Биографія Гоголя. Издательск. комит. хар. об-ва грам. Харьковъ. 1902 г.
- Г. Шнауассъ. Руководство къ изготовленію диапозитовъ. Мск. 1902 г. Ц. 1 руб.
- С. Р. Минцловъ. Кладъ. Спб. 1902 г. Ц. 60 к.
- К. И. Баженовъ. Болѣзнь и смерть Гоголя. Мск. 1902 г.
- Отчетъ о воскр. и праздничн. чтеніяхъ. Кіевъ. 1902 г.
- Отчетъ т-ва «Союзъ» за 1901—1902 гг. Мск. 1902 г.
- С. Булгаковъ. Ив. Карамазовъ. Червяковскій. Замятки по огородничеству и садоводству. Изд. Тихомирова. Мск. 1902 г. Ц. 8 к.
- Восприсенскій. В. А. Жуковскій. Изд. то же. Мск. 1902 г. Ц. 20 к.
- Пятый всемірно-еврейск. конгрессъ сионистовъ. Изд. книгоизд. «Улей». Харьковъ. 1902 г. Ц. 25 к.

- М. Т. Тарасовъ, Очеркъ политическ. экономія. Мск. 1899 г.
- Антиманъ. Алкоголизмъ и борьба съ нимъ на западѣ. Симбирскъ. 1902 г.
- Н. Н. Писменный. Общепонятныя бесѣды. Изд. Тихомирова. Мск. 1902 г. Ц. 10 к.
- Н. А. Тимирязевъ. Столѣтн. итоги физiol. растений. Мск. 1901 г.
- Г. Ф. Шершеневичъ. Курсъ гражд. права. Казань. 1902 г.
- В. И. Немировичъ-Данченко. На пути къ вѣчности. Изд. Маркса. Спб.
- Я. А. Александровъ. К. Д. Ушинскій. Казань. 1901.
- Сторожевъ. 25-ти-лѣт. ком. по устр. въ Москвѣ публ. народн. чтеній. Мск. 1902 г.
- Н. Березинъ. Въ когтяхъ халифа. Спб. 1901 г.
- Ареельевъ. Путевод. по окрестностямъ Петербурга. Вып. I—VI. Спб. 1901 г.
- И. Тенеромо. Разводъ. Киевъ. 1902 г.
- Г. П. Георгиевскій. Исторія смутн. времени. Изд. А. А. Петровича. 1902 г.
- Иоцюбинскій. Дорогою диноку. Киевъ. 1902 г.
- В. Н. Львовъ. Начальный учебникъ зоологій. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Мск. 1902 г. Ц. 1 р.
- А. Тарасенковъ. Последніе дни жизни В. В. Гоголя. Мск. 1902 г. Ц. 30 к.
- А. Н. Будищевъ. Рассказы. Изд. т-ва «Обществен. польза». Спб. 1902 г. Ц. 50 к.
- А. Рославлевъ. Видѣнья. Мск. 1902 г. Ц. 20 коп.
- Н. Н. П—скій. Къ вопросу объ объемѣ науки уголовного права. Мск. 1902 г. Ц. 20 к.
- И. Х. Озеровъ. Фабр. комитеты и коллект. договоръ. Мск. 1902 г.
- Отчетъ Аккерманской обществен. библи-ки. Аккерманъ. 1902 г.
- Сборникъ семейно-педаг. кружка. Казань. 1902 г.
- Рѣчь Макса Нордау. Изд. книгоизд. «Улей». Харьковъ. 1902 г. Ц. 5 к.
- Рѣчь д-ра Герцля. Изд. то же. Ц. 3 к.
- Л. Б. Бертенсонъ. По вопросу о нормировкѣ рабочаго времени. Спб. 1902 г.
- В. В. Лесевичъ. Вуддійскія легенды. Одесса. 1902 г. Ц. 25 к.
- Отчетъ филиалн. отд. Ворон. публ. библи-ки имени И. С. Никитина за 1901 г. Воронежъ.
- Л. Я. Янобзонъ. Предохраненіе мѣры противъ зараженія перелетомъ.
- Извѣстія красноярск. подъяотд. восточно-сиб. отд. Импер. русск. геогр. об-ва. Красноярскъ. 1902 г.
- Б. И. Талеховскій. Опытъ характеристики Макса Нордау. Екатеринбургъ. 1902 г. Ц. 10 к.
- С. А. Жевайкинъ. Издѣлія куст. промысли. Нижегород. губ. Спб. 1902 г.
- А. Яроцій. Объективная необходим. прогресса. Спб. 1902 г.
- Кетураимсъ. Въ Америку. Изд. А. К. Мацфевскаго. Вильна. 1902 г. Ц. 25 к.
- Бейчо Липовски. Потайни жалби. Софія. 1902 г. Ц. 40 ст.
- Г. А. Мачетъ. Последніе рассказы. Изд. кн. маг. «Трудъ». Житомиръ. 1902 г. Ц. 40 к.
- И. Г. Зиминъ. Новыя направленія въ дѣлѣ очищенія больш. колич. воды. Мск. 1902 г. Ц. 30 к.
- Н. О. Золотницкій. О значеніи акваріума. Мск. 1902 г.
- И. Н. Бѣлявскій. Школьные сберегательн. кассы. Юрьевъ. 1902 г.
- Отчетъ саратовскаго общества. Саратовъ. 1902 г.
- И. П. Зиминъ. Къ вопросу объ устройствѣ городск. противопожарн. водопроводовъ. Мск. 1902 г. Ц. 20 к.
- М. И. Бѣлавецъ. Гимновѣдѣніе. Спб. 1902 г.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Outlines of Metaphysics*» by I. S. Mackenzie. Prof. of logic and philosophy. London (Macmillan and Co.). (Очерки метафизики). Несмотря на свой небольшой объем, книга эта очень богата содержанием и дает возможность читателю основательным образом познакомиться съ теоріей метафизики. Авторъ умѣетъ заинтересовать читателя своимъ предметомъ и, благодаря ясности и простотѣ изложенія, книга можетъ возбудить желаніе изучить эту область болѣе подробнымъ образомъ.

(Manchester Guardian).

«*Gesundheiten, Medizin und Okkultismus*» von Dr. Albert Molle (Herm. Walther). Berlin. (Медицина и оккультизмъ). Очень интересное изслѣдованіе образованія и развитія секты «христіанской науки» (Christian science), которая возникла въ Америкѣ и, перебравшись въ Европу, приобрѣла такъ много приверженцевъ въ Берлинѣ среди интеллигенціи.

(Berliner Tageblatt).

«*Un ministre socialiste*» l'oeuvre de M. r Müllerand par M. r Lavy. (Министръ социалистъ). Изъ политическихъ дѣятелей современной эпохи французскій министръ торговли Мильеранъ вывдалъ наиболѣе бурную полемику въ печати, и какъ его друзья, такъ и его противники, съ величайшимъ жаромъ обсуждали его вступленіе въ кабинетъ Вальдека Руссо. Въ виду тѣхъ разногласій, которыя возбудило въ самой партіи вступленіе Мильерана въ министерство, авторъ и постарался въ своей книгѣ невозможна болѣе беспристрастнымъ образомъ опредѣлить значеніе его поступка и выяснить его дѣятельность съ политической точки зрѣнія. Въ то же время книга эта представляетъ исторію эволюціи партіи съ момента ея образованія во Франціи двадцать пять лѣтъ тому назадъ вплоть до того поворотнаго пункта, которымъ является вступленіе Мильерана во французское правительство.

(Temps).

«*Travel and Adventure in Tibet*». Including the Diary of Miss Annie R. T aylor's Remarkable Journey from Tachau to Tachienlu, through the heart of Forbidden Land by William Careg. With 75 illustrations (Hodder and Stoughton) 6 s. (Иллюстраціи и приключенія въ Тибетѣ). Авторъ воспользовался дневникомъ миссъ Тейлоръ, совершившей около восьми лѣтъ тому назадъ замѣчательное путешествіе по Тибету, а также послѣдованіями другихъ новѣйшихъ путешественниковъ по этой странѣ и составилъ чрезвычайно интересное описаніе Тибета. Это самая «запретная и недоступная» страна въ мірѣ. Миссъ Тей-

лоръ была первою европейскою женщиной, проникшей въ сердце Тибета и видѣвшей собственными глазами все то, что она описываетъ. Она отправилась въ Тибетъ въ качествѣ миссіонера и добралась почти до самой Лхассы, но тутъ была захвачена въ плѣнъ и вынуждена вернуться назадъ. Когда ее, наконецъ, отпустили, то она снова отправилась въ путь, но избрала уже другую дорогу, которую и указала на картѣ, приложенной къ ея дневнику. Правдивый рассказъ миссъ Тейлоръ не только знакомитъ съ неизвѣданными доселѣ областями Тибета, но въ то же время полонъ драматическаго интереса.

(Daily News).

«*The Nearer East*» by D. G. Hoggarth. (Heinemann) 7 s. 6 d. (Ближній востокъ). Эта книга представляетъ попытку выяснить зависимость исторіи и характера вѣкторыхъ расъ отъ физическихъ условій окружающей ихъ среды. Авторъ проявляетъ очень тщательное и добросовѣстное изслѣдованіе физической природы и ея вліянія на населеніе ближняго востока.

(Times).

«*Parliament, its Romance, its Comedy, its Pathos*» by Michael Mac Donagh (King) 7 s. 6 d. (Парламентъ; романъ, комедія и пагосъ). Очень интересные очерки англійскаго парламента, его обычаявъ и особенностей. Авторъ описываетъ парламентскую процедуру и различныхъ парламентскихъ дѣятелей въ Англіи, такъ что читатель можетъ получить основательное знакомство съ англійскою парламентскою жизнью. Несмотря на обиліе анекдотовъ, характеризующихъ англійскій парламентъ и его дѣятелей, книга все-таки представляетъ серьезное и добросовѣстное изслѣдованіе парламентскихъ обычаявъ и законоповъ.

(Times).

«*Handbuch der Frauenbewegung*», herausgegeben von Helene Lange und Gertraud Bäumer. (Руководство къ женскому движенію). Это весьма основательное изслѣдованіе, основанное на изученіи источниковъ. Вышли пока два первые тома этого труда, который будетъ состоять изъ четырехъ томовъ. Въ первомъ заключаются исторія женскаго движенія въ Германіи и въ другихъ культурныхъ странахъ. Во второмъ разсматривается женская социальная дѣятельность въ Германіи по отдѣльнымъ областямъ. Третій томъ будетъ посвященъ развитію женскаго образованія въ Германіи и теперешнему положенію женскаго образованія въ другихъ странахъ. Четвертая часть должна будетъ разсматривать положеніе женскаго труда и содержать въ себѣ всѣ свѣдѣнія, касающіяся заработной платы, выборъ профес-

сн, профессиональнаго образования и т. п. Первый томъ заключаетъ въ себѣ чрезвычайно интересную главу исторіи культуры, въ которой изучается постепенное развитіе женскаго движенія во всѣхъ культурныхъ странахъ и различныхъ исходныхъ точки этого движенія въ разныхъ государствахъ. На сѣверѣ Европы это движеніе не находится въ связи съ рабочимъ движеніемъ, тогда какъ въ Бельгii и Италii оно соединяется съ нимъ. Въ Венгрии, Россii и Швейцарii на первый планъ выступаютъ вопросы образования; въ Америкѣ же и Англии—правовые и политическіе интересы. Въ Греціи онъ исключительно обращается на почвѣ благотворительности, а въ Испанii и Португалii оно только что начинается и не носитъ опредѣленнаго характера. (Frankfurt. Zeit.).

«Anticipations of the reaction of mechanical and Scientific progress upon human life and thought» by H. G. Wells. London. 1902. (Предполагаемое воздѣйствіе механическаго и научнаго прогресса на человѣческую жизнь и мышленіе). Авторъ старается предугадать, какую форму приметъ умственная и матеріальная жизнь человѣчества подъ влияніемъ дальнѣйшаго прогресса техники и точныхъ наукъ. Онъ оцениваетъ очень высоко достигнутый уже прогрессъ въ этомъ отношеніи и объясняетъ нѣкоторыя вредныя стороны этого прогресса тѣмъ, что въ настоящее время господствуетъ хаотическое состояніе, въ которомъ старыя формы разрушены или уже становятся нецѣлесообразными, а новыя еще не успѣли образоваться. Авторъ глубоко вѣритъ въ будущее человечества и ожидаетъ отъ него много хорошаго. Въ его книгѣ заключается много оригинальныхъ мыслей и взглядовъ и поэтому она невольно заинтересовываетъ читателя и вставляетъ его надъ многимъ задуматься. (Daily News).

«Was ist National» von prof. Kirchhoff. Halle (Gebauer und Schwetschke). (Что считать націонализмомъ?). Разсматривая вопросъ съ точки зрѣнія, являющейся результатомъ историческаго развитія понятія о націи и генеалогическаго взгляда на ея происхожденіе, ставящаго въ основу образования великой націи кровное родство, авторъ приходитъ однако къ другому заключенію: по его мнѣнію, общее происхожденіе вовсе не является непремѣннымъ условіемъ національнаго развитія. Гораздо важнѣе, по его мнѣнію, естественныя границы страны, въ предѣлахъ которыхъ совершается развитіе человѣческой общины, постепенно превращающейся въ націю. (Berliner Tageblatt).

«Die Religion der Zukunft» von Th. Schutte. (Neuer Frankfurt. Verlag). (Религія будущаго). Это посмертный трудъ автора, представляющій критику многихъ

отживающихъ воззрѣній и подробное наслѣдованіе буддизма, въ которомъ авторъ видитъ религію будущаго.

(Frankfurt Zeit.).

«The Kiss and Its History, by Dr. Curi-stophes Nyrop, Prof. at the University of Copenhagen. (Sands and Co). (Поцѣлуй и его исторія). Любопытная книга, авторъ которой, скандинавскій ученый, филологъ, разсматриваетъ поцѣлуй съ научной точки зрѣнія и излагаетъ свою теорію происхожденія поцѣлуя, а также его классификацію. Авторъ, между прочимъ, насчитываетъ тридцать родовъ поцѣлуя: любви, уваженія, примиренія, дружбы и т. д., и приводитъ множество цитатъ древнихъ и новыхъ авторовъ, относящихся къ предмету, который онъ изучаетъ. Вообще авторъ, обнаруживаетъ большую эрудицію и серьезное отношеніе къ своей задачѣ. (Morning Post).

«Science et Education» par M. Berthelot. Paris (Société française d'imprimerie). Prix: 3 fr. 50. (Наука и воспитаніе). Знаніе составляетъ основу нравственности и служить источникомъ самоотверженія—таково мнѣніе знаменитаго французскаго ученаго Бертело, которое онъ не разъ высказывалъ въ своихъ рѣчахъ. Въ этомъ томѣ Бертело высказываетъ также свой взглядъ на классическое и реальное образованіе.

(Revue bibliographique universelle).

«Elements d'uen Psychologie politique du peuple américain (La Nation; La Patrie; l'Etat; la religion) par Emile Boutmy, (Armand Collin). (Элементы политической психологii американскаго народа). Эта книга, исследующая характеръ американскаго народа, появляется какъ разъ въ такой моментъ, когда Соединенные Штаты выдвигаютъ на сцену политической жизни новыя проблемы и все болѣе и болѣе становятся міровою державой. Авторъ изучаетъ, изъ какихъ элементовъ, какими путями и въ какихъ условіяхъ сформировалась американская нація. Затѣмъ онъ наслѣдуетъ идею отечества въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ у американскаго народа, столь бѣднаго поэзіей и мистицизмомъ, но зато обладающаго въ высокой степени гордостью и положительнымъ умомъ. Далѣе авторъ подвергаетъ самому тщательному анализу конституціонную, политическую, административную и финансовую систему Соединенныхъ Штатовъ и въ концѣ помѣщаетъ главу объ американскомъ империализмѣ и новыхъ стремленіяхъ Соединенныхъ Штатовъ, которыя угрожаютъ Европѣ. (Revue bibliographique).

«The Basis of Social Relations. A study in Ethnie Psychology. By the late Daniel Brinton. 8 s. (Murray). Основы социальныхъ отношеній). Это интересное изданіе автора исторіи первобытныхъ ре-

литій, расъ и народовъ, представляетъ изслѣдованіе этнической психологіи, которыми авторъ занимается до самой своей смерти. (Athaenaeum).

«*Studies in Political and Social Ethics* by prof. D. G. Ritchie. 4 v. 6 d. (Swan Sonnenschein). (Изслѣдованіе политической и социальной этики). Очень интересное ученое изслѣдованіе, авторъ котораго рассматриваетъ съ научной точки зрѣнія социальную эволюцію, равенство, вопросъ о вѣдѣтельности государства, гражданскія обязанности и политикъ партій, миръ и войну, значеніе социальнаго усилія и свободу воли и отвѣтственность.

(Daily News).

«*Psychology, normal and Morbid* by Charles Merz (Swan Sonnenschein). (Психологія нормального и болѣзненнаго состоянія). Прекрасное изслѣдованіе нормальнаго душевнаго состоянія человѣка и различныхъ его уклоненій. Несмотря на свой строго научный характеръ, книга эта можетъ служить руководствомъ не для однихъ только клиницистовъ и обыкновенный читатель можетъ извлечь изъ нея много полезныхъ свѣдѣній.

(Daily News).

«*Histoire de la charité*, par Léon Lallemant (A. Picard) Tome I. (Исторія благотворительности). До сихъ поръ еще не было написано исторія всего того, что было сдѣлано человечествомъ для обездоленныхъ и несчастныхъ и авторъ поставилъ себѣ задачей изслѣдовать исторію всѣхъ благотворительныхъ учреждений съ самыхъ древнихъ временъ до нашего времени. Вышелъ только первый томъ его обширнаго труда, въ которомъ онъ говоритъ объ исчезнувшихъ цивилизаціяхъ, о древнихъ евреяхъ, грекахъ, египтянахъ, о восточныхъ народахъ, о галлахъ и германцахъ и т. д. и даетъ полную и яркую картину древнаго міра и господствовавшихъ въ немъ взглядовъ на благотворительность. Въ послѣдующихъ томахъ авторъ предполагаетъ изучать благотворительность въ первыхъ девяти вѣкахъ христіанской эры а затѣмъ исторію благотворительности въ слѣдующія затѣмъ эпохи и развитія ея въ XIX вѣкѣ, такъ что должна будетъ получиться полная картина движенія благотворительности и стремленій человѣка придти на помощь своему ближнему.

(Journal des Débats).

«*La Psychologie de la croyance* par Camille Vos (Félix Alcan) 2 fr. 50. (Психологія вѣрованій). Оставивъ въ сторонѣ всѣя споры о догматахъ вѣрованій и о законности вѣры, авторъ ограничивается

только тѣмъ, что самымъ тщательнымъ образомъ изслѣдуетъ постепенное появленіе и развитіе вѣрованій, начиная отъ бесознательнаго ощущенія вплоть до вѣрованій, сознательно и добровольно усвоенныхъ человѣкомъ. Этому интересному изслѣдованію авторъ предпослалъ прекрасно написанное историческое введеніе, знакомящее читателя съ эволюціей вопроса, которому авторъ посвящаетъ свой трудъ.

(Journal des Débats).

«*Inductive Sociology* by Franklin Henry Giddings. (Macmillan and Co) 8 v. 6 d. (Индуктивная социологія). Въ каждомъ сколько-нибудь значительномъ американскомъ университетѣ непременно есть отдѣленіе социологическихъ наукъ, въ которомъ дѣлаются серьезныя попытки создать отдѣльную политическую науку въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Авторъ названной книги—одинъ изъ наиболее способныхъ и лучшихъ работниковъ въ этомъ отношеніи, съ успѣхомъ выполняющій трудную задачу, которую онъ поставилъ себѣ—выдѣлить социологію, какъ отдѣльную науку, и отвести ей независимое мѣсто отъ психологіи и исторіи.

(Morning Post).

«*Experimental Sociology* by Frances A. Kellor. (Macmillan and Co) 8 v. 6 d. (Экспериментальная социологія). Это изслѣдованіе преступности и карательной системы, принятой въ Америкѣ, написана женщиной, изучившей тюрьмы и посадившей арестантовъ и каторжниковъ со спеціальною цѣлью собрать какъ можно больше антропометрическихъ, психологическихъ и социологическихъ данныхъ, которыя могли бы служить основой экспериментальной социологіи. Между прочимъ миссъ Келлоръ указываетъ въ своей книгѣ на увеличеніе женской преступности въ Америкѣ, что является уже серьезнымъ факторомъ въ американской жизни и представляетъ результатъ социальнаго и экономическаго положенія женщины. Разбирая уголовную систему въ сѣверныхъ и южныхъ штатахъ, миссъ Келлоръ выставляетъ на видъ огромные недостатки послѣдней, отражающей въ себѣ тираннію и несправедливое отношеніе бѣлой расы къ черной. Отношеніе къ преступникамъ въ южныхъ штатахъ исполнено варварства, а различіе въ наказаніи бѣлыхъ и негровъ за одни и тѣ же преступленія обнаруживаетъ познѣйшее отсутствіе самыхъ элементарныхъ понятій о правосудіи. Въ заключительной главѣ миссъ Келлоръ говоритъ о мѣрахъ къ предупрежденію преступности.

(Manchester Guardian).

— Ни за что! Я не люблю его, онъ слишкомъ похожъ на отца. Я вовсе не хочу, чтобы знали, что у меня есть сынъ, да еще двѣнадцатилѣтній. Но этому нѣтъ и не повѣрять.

Селестина бросила на себя взглядъ въ большое зеркало.

— Вы хотѣли бы пристроить его?

— Да.

Питеръ пробылъ у Селестины почти цѣлый часъ, и въ первый разъ въ жизни опоздалъ на званый обѣдъ.

Зато когда онъ разстался съ Селестиной, все было рѣшено до мельчайшихъ подробностей. Однако лицо Питера не выражало удовольствія, и на обѣдъ онъ не отличался веселостью.

Настроение его не улучшилось и на слѣдующій день. Онъ съ утра поѣхалъ въ страховое общество и переговорилъ съ председателемъ. Оттуда заѣхалъ въ парадную контору.

Потомъ съ полчаса бесѣдовалъ съ директоромъ одной изъ самыхъ большихъ въ городѣ школъ для мальчиковъ. Наконецъ онъ вернулся въ свою контору.

— Васъ ждуть въ кабинетъ какой-то м-ръ Д'Аллуа, сэръ, — сказалъ ему разсильный. — Онъ говоритъ, что онъ вашъ старый пріятель, и непременно хотѣлъ васъ дождаться.

Питеръ прошелъ въ кабинетъ.

— Мой дорогой другъ, — закричалъ Уаттсъ, — чѣмъ я могу...

Онъ протягивалъ Питеру руку, но Питеръ не взялъ ее и прервалъ его вліяніемъ.

— Я окончилъ дѣло съ мадамъ Лакуръ, — сказалъ онъ холодно. — Она уѣзжаетъ въ четвергъ на «Британія». Ты долженъ купить ей ежегодную ренту въ три тысячи долларовъ; другую ренту въ тысячу долларовъ, на воспитаніе мальчика, пока ему не исполнится двадцать одинъ годъ, будешь выплачивать мнѣ, какъ опекуну его. Все это обойдется тебѣ въ сорокъ или пятьдесятъ тысячъ долларовъ, точно сообщу тебѣ тогда, когда страховое общество сдѣлаетъ для меня расчетъ. Въ обмѣвъ на твой чекъ, я пришлю тебѣ твои письма къ мадамъ Лакуръ или сожгу ихъ, какъ ты пожелаешь. Послѣ

этого, дѣло будетъ кончено. Я не буду тебя больше задерживать.

— Послушай, пріятель, не смотри на это такъ трагически! Неужели ты думаешь...

— Я думаю, что хочу, — перебилъ Питеръ. — Прощай.

— Что-жъ, дѣлай какъ знаешь. — Уаттсъ пошелъ къ двери, но опять остановился. — Какъ тебѣ угодно. Только если ты переѣдешь мнѣ, дай мнѣ знать. Я не сержусь на тебя и хотѣлъ бы, чтобы мы оставались друзьями по прежнему.

— Прощай, — еще разъ повторилъ Питеръ, и Уаттсъ вышелъ, заперевъ дверь.

Питеръ бросился въ кресло и цѣлый часъ просидѣлъ неподвижно.

Неизвѣстно, сколько-бы времени онъ еще сидѣлъ, погруженный въ тяжелую думу, если бы къ нему не вошелъ Ривингтонъ.

— Апелляціонный судъ только что прислалъ свое рѣшеніе по дѣлу Генсея. Мы выиграли...

— Я такъ и зналъ, — машинально сказалъ Питеръ.

— Питеръ! Да что съ тобой? Ты выглядишь, какъ...

— Я плохо чувствую себя. Попробую бросить дѣло и прокатиться, чтобы страхнуть хандру. — И онъ отправился въ манежъ.

— Алло! — привѣтствовалъ его берейторъ. — Два раза въ одинъ день, да въ еще такой необычный часъ, сэръ? Какую лошадь прикажете?

— Все равно какую, только погорячѣе.

— Значитъ, «Забіяку»? Вѣдь это не лошадь, а чортъ, сэръ! Хотя вамъ-то нечего опасаться какой-бы то ни было лошади. Только поосторожнѣе въ паркѣ, сегодня очень скользко.

Питеръ въ десять минутъ доскакалъ до парка, и сразу наткнулся на Лиспенарда.

— Алло! Не часто васъ можно встрѣтить въ это время!

Лиспенардъ придержалъ свою лошадь и поѣхалъ рядомъ съ Питеромъ.

— Да, — отвѣтилъ Питеръ. — У меня

было очень неприятное дѣло, и мнѣ захотѣлось освѣжиться. Я не расположенъ къ разговорамъ сегодня.

— Понимаю. По крайней мѣрѣ вы откровенны, какъ всегда.

— Только пару словъ. Кеппелъ только что получилъ двѣ собственноручныя гравюры Гадена, послѣднія. Онъ заломилъ неправдоподобную цѣну, но вамъ слѣдуетъ посмотреть ихъ.

— Спасибо.—И пріатели дружески разстались.

Питеръ ѣхалъ шагомъ, погруженный въ свои мысли. Паркъ былъ пустъ, такъ какъ въ маргѣ еще рано темнѣетъ, и въ воздухѣ стоялъ туманъ. Вдругъ Питеръ встряхнулся и поднялъ Забіяку на крупную рысь. Но прежде чѣмъ онъ проскакалъ до поворота. Питеръ снова погрузился въ задумчивость, а Забіяка опять пошелъ шагомъ. Питеръ рисковалъ свалиться и сломать себѣ шею, но его спасъ отъ этого непредвидѣнный случай, имѣвшій, какъ мы увидимъ, огромное вліяніе на всю его дальнѣйшую жизнь. Питеръ былъ такъ углубленъ въ свои размышленія, что не слышалъ приближающагося стука копытъ, раздавашагося за его спиной въ ту минуту, какъ онъ выѣхалъ на длинную, сравнительно прямую аллею, ведущую къ Резервуару.

Но Забіяка замѣтилъ его, насторожилъ уши, и мимо нихъ въ ту же минуту вихремъ пронеслась амазонка. Забіяка прижалъ уши и также принялъ такой аллюръ, какой не дозволенъ въ правилалъ верховой ѣзды по парку.

Питеръ очнулся отъ толчка, натанулъ поводья, и Забіяка, чувствуя, что потѣха кончена, сердито заплескалъ по дорогѣ.

Снова послышался стукъ копытъ и мимо Питера галопомъ промчался грумъ, во все горло крича: «Берегись! Тамъ лошадь понесла, ее надо поймать!»

Питеръ посмотрѣлъ впередъ и увидѣлъ, что амазонка была саженъ на сто впереди. Онъ ничего не сказалъ ни груму, ни своей лошади, но Забіяка понялъ легкое движеніе поводьевъ, прежде чѣмъ шпоры коснулись его атласныхъ боковъ и поскакалъ широкимъ размашистымъ галопомъ.

Питеръ дѣйствовалъ хладнокровно. Онъ зналъ, что легко можетъ догнать взбѣсившуюся лошадь, но видѣлъ, что амазонка вѣриво держится въ сѣдлѣ, и по положенію ея локтей замѣтилъ, что она силится, хотя и безуспѣшно, натянуть поводья. Чтобы не испугать ее, Питеръ задержалъ немного Забіяку и продолжалъ скакать въ тридцати шагахъ сзади. Вдругъ онъ увидѣлъ, что амазонка выпустила поводья и схватила за луку.

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что случилось: у нея лопнула подпруга, или сѣдло свернулось на сторону.

Онъ далъ шпоры Забіякѣ, который въ первый разъ испыталъ подобное обращеніе, прижалъ уши и полетѣлъ, какъ стрѣла. Секунду черезъ пятнадцать онъ догналъ амазонку.

Питеръ собирался поймать взбѣсившуюся лошадь подъ уздцы и задержать ее, надысь на свою богатырскую силу. Но подскакавъ совсѣмъ близко, онъ замѣтилъ что сѣдло совсѣмъ свернулось на сторону, и всадница готова упасть. Поэтому Питеръ бросилъ поводья, подхватилъ ее съ сѣдла и посадилъ передъ собою. Поддерживая ее одной рукой, онъ старался достать подвожья, но Забіяка не давался и трясъ головой.

«Забіяка!» сказалъ Питеръ повелительнымъ голосомъ, и привыкшій къ повиновенію конь замедилъ шагъ, перешелъ съ галопа на рысь, потомъ пошелъ шагомъ и остановился.

Питеръ былъ крайне удивленъ, что ему такъ легко удалось снять амазонку съ сѣдла. Ему приходилось, во время военныхъ упражненій, поднимать здоровыхъ мужчинъ, и хотя онъ зналъ, что женщина легче мужчины, но никакъ не предполагалъ, чтобы она была такая легонькая.

«Точно перышко!» подумалъ онъ. Но изумленіе его достигло крайнихъ предѣловъ, когда спасенная имъ амазонка обхватила его шею руками и спрятала голову на его плечѣ. Она не плакала, но порывисто дышала, что очень испугало Питера.

Онъ не могъ видѣть ея лица. Она

была очень стройна, а розовое ушко и круглая щечка, выглядывавшая изъ подъ курчавыхъ каштановыхъ волосъ, говорили о ея крайней молодости.

Питеръ не зналъ, что ему дѣлать, когда Забѣнка остановилась. Несомнѣнно, ему нужно поддерживать всадницу, пока она не придетъ въ себя. Это была его обязанность и даже очень пріятная обязанность. Такъ прошло нѣсколько секундъ. Вдругъ амазонка затихла и, взглянувъ на нее, Питеръ замѣтилъ, что ея блѣдная щечка вспыхнула яркимъ румянцемъ. Въ слѣдующее мгновение она высвободилась изъ его объятій и выпрямилась на сѣдлѣ. Ему удалось увидѣть ея лицо, и онъ рѣшилъ, что прелестіе нея онъ никого не встрѣчалъ. Дѣвушка сказала ему, не поднимая глазъ и стараясь говорить спокойно:

— Пожалуйста, помогите мнѣ сойти.

Въ ту же минуту Питеръ соскочилъ на землю и снялъ ее съ сѣдла, но она такъ шаталась, что онъ предложилъ ей:

— Лучше обопритесь на меня.

— Нѣтъ, — сказала дѣвушка, — глядя въ землю, — я прислонюсь къ лошади.

Она прислонилась къ Забѣнкѣ, который оглянулся на нее, какъ бы спрашивая, кто позволилъ себѣ такую фамильярность, и Питеру захотѣлось быть на его мѣстѣ.

Прошло нѣсколько минутъ въ молчаніи. Наконецъ, дѣвушка сказала, все еще не подымая глазъ:

— Я такъ испугалась, что не помню, что дѣлала.

— Вы вели себя прекрасно, — сказалъ Питеръ успокоительнымъ тономъ, — и отлично справлялись съ лошадыю.

— Я ни капельки не боялась, пока сѣдло не свернулось.

Дѣвушка продолжала смотрѣть въ землю и снова вспыхнула. Она страдала отъ униженія, какъ только можетъ страдать женщина.

Въ первый моментъ она пришла въ ужасъ отъ мысли, что такъ вела себя съ грумомъ. Передъ ней оказалась джентльменъ, а это было еще хуже! Она не видѣла лица Питера, но успѣла замѣтить его безукоризненный костюмъ.

«Если бы это былъ полицменъ», думала она. «Что же сказать ему?»

Питеръ видѣлъ, что она сконфужена, но не зналъ — чѣмъ.

Онъ сознавалъ, что его обязанность ободрить ее, а это легче всего сдѣлать, давъ иное направленіе ея мыслямъ.

— Какъ только вы почувствуете себя достаточно сильной, чтобы идти, я со вѣтую вамъ опереться на мою руку. Мы, вѣроятно, найдемъ извозчика на углу 72-й улицы. Если вы слишкомъ слабы, чтобы идти, присядьте на этотъ камень и подождите, пока я приведу извозчика. Я вернусь черезъ десять минутъ.

— Какъ вы добры, — отвѣтила дѣвушка, поднявъ глаза и въ первый разъ взглянувъ въ лицо Питера.

Питеръ водрогнулъ отъ неожиданности: дѣвушка смотрѣла на него знакомыми, темно-сѣрыми глазами.

Глава XXXVI.

С м о в и д ѣ н і е .

Что-то въ лицѣ Питера, казалось, внушило довѣріе дѣвушкѣ, хотя она опять опустила глаза, но перестала прижиматься къ лошади и сказала:

— Я ужасно глуно вела себя. Теперь я готова сдѣлать все, что вы найдете нужнымъ.

Прежде чѣмъ Питеръ успѣлъ опомниться отъ испытаннаго имъ потрясенія и отвѣтилъ ей, къ нимъ подѣхалъ конный полицменъ, ведя въ поводу убѣжавшую лошадь.

— Раненъ кто-нибудь? — спросилъ онъ.

— Въ счастье, никто. Гдѣ бы достать извозчика? Не повозите ли вы?

— Боюсь, что извозчика ближе 59-й улицы не будетъ. Они уѣзжаютъ отъ всѣхъ другихъ выходовъ, какъ только стемнѣетъ.

— Не надо извозчика, — сказала дѣвушка. — Если вы мнѣ поможете сѣсть на лошадь, я отлично дойду до дому.

— Храбрая барышня, — замѣтилъ полицменъ.

— Вы совсѣмъ оправились? — спросилъ Питеръ.

— О, да! И я вовсе не боюсь.

Будьте только добры перетянуть подпругу.

Питеру въ жизни не случилось видѣть такой прелестной дѣвушки, особенно, когда она оправилась вполне и овладѣла собой. Онъ съ такой готовностью затянулъ ослабѣвшую подпругу, что лошадь зашаталась на ногахъ, и имѣлъ удовольствие на минуту почувствовать въ своей рукѣ маленькую ножку дѣвушки, когда подсаживалъ ее въ сѣдло.

— Я васъ провожу, — сказалъ Питеръ, вскочивъ тоже на лошадь.

— Извините, сэръ, — вмѣшался полицменъ, — я долженъ записать ваши фамиліи. Мы обязаны доносить о подобныхъ случаяхъ въ полицейское управленіе.

— Какъ Вилльямсъ, развѣ вы не знаете меня? — спросилъ Питеръ.

Полицменъ посмотрѣлъ въ лицо Питера, который, сѣвъ на лошадь, очутился на одной высотѣ съ нимъ.

— Извините, м-ръ Стерлингъ. Такъ темно, да и вы такъ рѣдко бываете здѣсь въ этотъ часъ, что я не узналъ васъ.

— Скажите отъ меня старшему, чтобы онъ не доносилъ о случившемся, а главное, чтобы репортеры не узнали.

— Слушаю, м-ръ Стерлингъ.

— Простите меня, — спросила дѣвушка, прямо, но робко глядя на Питера, — какъ ваше имя?

Питеръ былъ изумленъ, но все-таки отвѣтилъ:

— Питеръ.

— О! — воскликнула дѣвушка, глядя въ лицо Питера, — теперь я понимаю! Я не могла бы такъ вести себя съ чужимъ. Я чувствовала, что это вы!

Она довѣрчиво улыбалась и не только не опускала больше глазъ, но даже протянула обѣ руки.

Питеръ схватилъ ее ручки, не думая даже, хорошо это или дурно съ его стороны. Ручки были очень маленькія.

— Мнѣ было такъ стыдно! Но развѣ это вы, такъ значить ничего!

Питеръ подумалъ, что ему это очень пріятно, но онъ все-таки ничего не понимаетъ.

Дѣвушка, должно быть, замѣтила его недоумѣвіе, такъ какъ быстро прибавила:

— Да вѣдь вы не знаете, кто я! Какая же я глупая! Я — Леонора д'Аллуа.

Теперь у Питера перехватило дыханье. — Не можетъ... — началъ онъ и остановился.

— Право, — весело подтвердила дѣвушка, которой изумленіе Питера, казалось, доставило большое удовольствіе.

— Да вѣдь она еще ребенокъ!

— Мнѣ на будущей недѣлѣ минетъ восемнадцать, — не безъ гордости сказала Леонора.

Питеру оставалось только повѣрить ей. У Уаттса могла быть такая большая дочь.

— Я долженъ былъ узнать васъ, вы такъ похожи на мать.

Но это была ложь, хотя и ненамѣренная. У нея были только глаза матери, ея длинныя рѣсницы и стройная фигура, хотя дочь была выше ростомъ. Во всемъ остальномъ она больше походила на Уаттса: у нея были тѣ же курчавые волосы, тотъ же овалъ лица, тотъ же изгибъ губъ и ямочка на щекѣ. Леонора д'Аллуа была несравненно красивѣе матери, но Питеру казалось, что воскресла его прежняя мечта.

Въ эту минуту подвѣхалъ громъ.

— Простите, барышня, — сказалъ онъ, снимая фуражку, — моя лошадь тоже понесла.

— Вы не ушиблись, Бельденъ? — спросила миссъ д'Аллуа. Ея озабоченный тонъ показался Питеру восхитительнымъ, и онъ пожалѣлъ, что самъ не сломалъ себѣ чего нибудь.

— Нѣтъ, барышня, мы съ лошадью оба цѣлы.

— Ну и прекрасно! М-ръ Стерлингъ, я не буду мѣшать вашей прогулкѣ. Бельденъ проводить меня.

«Бельденъ проводить! Хотѣлъ бы я это посмотрѣть!» подумалъ Питеръ. а вслухъ онъ сказалъ:

— Я все-таки пройду съ вами. И они поѣхали рядомъ, а громъ слѣдовалъ за ними.

Леонора первая заговорила.

— Я слышала за собой стукъ копытъ, но думала, что это громъ, и была увѣрена, что ему не удастся догнать Ла-

сточку. Поэтому, когда съѣдо начало сворачиваться, я была увѣрена, что свалюсь, какъ разъ свалилась при мнѣ одна дама въ Англіи, а потомъ вдругъ я увидѣла передъ собой голову лошади, и почувствовала, что кто-то крѣпко, крѣпко меня держитъ, что я спасена! О, какое счастье быть такимъ большимъ и сильнымъ!

Питеръ мысленно согласился съ нею. Хотя онъ былъ счастливъ и гордъ своею силой, теперь, глядя съ высоты своего богатырскаго роста на курчавую голову, онъ не чувствовалъ своего превосходства, и отлично сознавалъ, что малѣйшее желаніе, высказанное этими розовыми губками, можетъ заставить его сдѣлать то, къ чему не могло бы принудить его цѣлое вооруженное войско.

— Какая у васъ чудная лошадь, — сказала Леонора

— Не правда ли? — подтвердилъ Питеръ. — Она съ норовомъ, долженъ я, къ сожалѣнію, признаться, но я ее люблю. Мнѣ ее подарилъ мой полкъ, а выбиралъ ее очень дорогой мнѣ другъ, который уже умеръ.

— Кто именно?

— Вы его не знаете. Его звали Костелль.

— Нѣтъ, знаю. Я много слышала про него.

— Что же вы знаете?

— То, что мнѣ рассказывала миссъ Де-Во.

— Миссъ Де-Во?

— Да, мы дважды видѣлись съ нею въ Европѣ. Разъ въ Ниццѣ, другой разъ, въ 1882 году, на итальянскихъ озерахъ. Въ первый разъ мнѣ было только шесть лѣтъ, но она мнѣ часто рассказывала про васъ и о томъ, какъ вы играли съ бѣдными дѣтьми въ «треугольникъ». Въ послѣдній разъ она должна была мнѣ рассказать про васъ все, что знала. Мы катались по озеру при лунномъ свѣтѣ и говорили о васъ.

— Почему это васъ интересовало?

— Какъ же могло быть иначе? Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, папа всегда говорилъ про «миллаго стараго Питера, — она сказала эти послѣднія три слова такимъ милымъ тономъ и посмотрѣла на

Питера съ такимъ полу-лукавымъ, полу-робкимъ видомъ, что онъ чуть изъ сѣдла не вылетѣлъ, — и, кажется, вы были его единственнымъ настоящимъ другомъ; мнѣ очень хотѣлось увидѣть васъ, а послѣ рассказовъ миссъ Де-Во вы меня такъ заинтересовали, что я начала разспрашивать всѣхъ американцевъ, такъ мнѣ хотѣлось знать все, что до васъ касается. Почти каждый могъ мнѣ что нибудь рассказать, и я многое узнала о васъ.

Питеръ началъ испытывать состояніе челоѣка, въ первый разъ въ жизни выпившаго бокаль шампанскаго.

— Скажите мнѣ, кто же рассказывалъ вамъ про меня.

— О, почти всѣ, т.-е. тѣ, кого мы встрѣчали за послѣдніе пять лѣтъ. Во-первыхъ, миссъ Де-Во и дѣдушка, когда онъ прѣѣзжалъ къ намъ въ 1879 г.

— Но, — перебилъ ее Питеръ, — я не встрѣчался съ вашимъ дѣдушкой послѣ того, какъ гостилъ въ «Бустарникахъ».

— Да онъ самъ и не видѣлъ васъ. Но онъ слышалъ о васъ отъ м-ра Лафма и отъ м-ра Авери, и еще отъ другихъ.

— Кто же еще?

— Миссъ Леруа, мамина подруга, которая провела у насъ двѣ недѣли во Флоренціи, и д-ръ Периль, вашъ священникъ, который жилъ въ одной гостинницѣ съ нами въ Обераммергау, а больше всего м-ръ и миссъ Ривингтонъ. Они были съ нами на о-вѣ Джерси, какъ разъ послѣ ихъ свадьбы, и могли мнѣ рассказать больше, чѣмъ всѣ остальные вмѣстѣ.

— Этихъ я не боюсь. Мы съ Дороти старые друзья.

— И она, и ея мужъ не могли найти словъ, чтобы хвалить васъ.

— Примите во вниманіе, что они совершали свадебное путешествіе, а въ это время все кажется въ розовомъ свѣтѣ.

— Нѣтъ, они правду говорили. Дороти мнѣ рассказала, какъ вы взяли Ривингтона въ компанію, чтобы заставить ея отца дать согласіе на ихъ бракъ.

Питеръ разсмѣялся.

— А вѣдь Рей клялся, что не выдастъ меня, да и Дороти прикидывалась, что ничего не знает! А между тѣмъ, она уже знала объ этомъ во время свадебнаго путешествія!

— Она не виновата. Она говорила, что такъ счастлива, что должна рассказать кому-нибудь. Вотъ она и рассказала намъ съ мамой, и карточку вашу показывала. Папа и мама нашли, что она очень похожа, а я теперь вижу, что вовсе нѣтъ.

Леонора снова посмотрѣла на Питера. У нея былъ тотъ же открытый и смѣлый взглядъ, что у ея матери въ молодости, но она не такъ часто и не такъ пристально смотрѣла на своего собесѣдника. Несмотря на свои семнадцать лѣтъ, она хорошо сознавала притягательную силу своихъ прекрасныхъ глазъ и не желала даромъ расточать ее. Питеру страшно хотѣлось взять ея милое личико и посмотрѣть въ самую глубину ея глазъ. Теперь же онъ могъ только любоваться на маленькое ушко подъ курчавыми волосами и на круглую щечку, отънесенную густыми рѣсницами.

— Мнѣ такъ хотѣлось встрѣтиться съ вами. Съ тѣхъ поръ, какъ мы вернулись, я каждый день приставала къ папѣ, чтобы онъ свезъ меня къ вамъ. Онъ каждый день общалъ мнѣ, но потому всегда что-нибудь мѣшало. Видите ли, я совсѣмъ не знаю своей родины и своихъ земляковъ, а между тѣмъ мнѣ казалось, что васъ я хорошо знаю и познакомиться съ вами будетъ легко. Я такъ боюсь будущей зимы, когда я начну выѣзжать! Просто не знаю, что я буду дѣлать! У меня почти нѣтъ знакомыхъ.

— Вы меня знаете.

— Но вѣдь вы не бываете въ обществѣ?

— О да, бываю. Т.-е. нрѣдка бываю, а будущей зимой собираюсь бывать чаще. Я вѣдь ужъ слишкомъ уединенную жизнь.

Это открытіе Питеръ сдѣлалъ въ полчаса десять секундъ.

— Какъ это будетъ хорошо! А вы будете ухаживать за мной?

— Вамъ мое ухаживанье доставитъ мало удовольствія. Вѣдь я не танцую.

— Можете выучиться. Пожалуйста, я такъ люблю вальсировать.

У Питера дыханье занялось при одной мысли, что онъ можетъ танцевать съ Леонорой. Неужели такое блаженство возможно?

Въ глазахъ его зазвучала горькая нотка, когда онъ ей отвѣтилъ.

— Боюсь, что я уже слишкомъ старъ для этого.

— Ни капельки не стары,—возразила Леонора.

— Вы выглядите моложе многихъ танцующихъ, т.-е. молодыхъ людей, а хотѣла сказать, потому что въ Европѣ я видѣла, какъ танцовали даже семидесятилѣтніе старыки.

Неизвестно, усидѣлъ ли бы Питеръ въ сѣдлѣ послѣ этихъ словъ, но, къ счастью для него, въ это время лошади остановились у дверей манежа.

— Какъ,—сказала Леонора,—мы уже пріѣхали? Такъ скоро?

Питеръ подумалъ то же самое и вздохнулъ. Но ему вдругъ стало холодно при мысли, что онъ не успеетъ ее спастъ съ сѣдла, и что она соскочитъ безъ его помощи. Въ ту же минуту онъ очутился на землѣ и протянулъ ей руки.

Она легко оперлась на его плечо и соскочила, но этого мгновенія было достаточно для него, чтобы прямо взглянуть ей въ глаза.

— Отведите, пожалуйста, мою лошадь въ клубный манежъ,—сказалъ онъ груму. Я провожу миссъ Д'Аллуа домой.

— Очень вамъ благодарна, только пожалуйста не беспокойтесь, моя горничная ждетъ меня въ каретѣ. До свиданія, благодарю васъ, О, какъ я вамъ благодарна!—Она стояла прямо передъ нимъ и смотрѣла на него своими удивительными глазами.—Я бы не хотѣла, чтобы меня спасъ кто-нибудь другой, а не вы.

Она сѣла въ карету, и Питеръ заперъ за ней дверцу, потомъ онъ снова сѣлъ на лошадь и, выправившись на сѣдлѣ, ускочалъ.

— Я думалъ, что онъ совсѣмъ не успеетъ ѣхать,—сообщалъ грумъ свои

наблюдения конюху, — а между тѣмъ, онъ сидитъ на лошади, какъ гвардейскій капитанъ, видно, ему надоѣло возиться съ барышней.

Правда ли это?

ГЛАВА XXXVII.

Друзья.

Питеръ отвелъ лошадь въ конюшню, и, сѣвъ на навозника, поѣхалъ въ клубъ. Тамъ онъ съ полчася спокойно читалъ газеты, потомъ также спокойно пообѣдалъ. Порядокъ его вечера ничуть не нарушился, пока онъ не добрался до своего кабинета. Но тамъ, вмѣсто того, чтобы заниматься, онъ пододвинулъ покойное кресло къ огню, подкинулъ въ каминъ нѣсколько полѣньевъ, открылъ новый ящикъ сигаръ и закурилъ. Сколько часовъ провелъ онъ въ креслѣ и сколько выкурилъ сигаръ — не стоить говорить, все равно намъ никто не повѣритъ.

Конечно, Питеръ хорошо зналъ, что жизнь полна заботъ, онъ не обольщался въ своихъ взглядахъ на будущее и не забывалъ пережитыхъ страданій. Но на этотъ вечеръ онъ отогналъ отъ себя всѣ мысли и лѣниво курилъ сигару за сигарой, задумчиво глядя на огонь. Въ послѣднее время онъ изучалъ вопросъ объ азиатской холерѣ, но теперь онъ объ ней не думалъ. Не думалъ онъ также и о томъ, что называлъ «неприятнымъ дѣломъ». Но каковы бы ни были его мысли — выраженіе, вызванное ими на его лицо, не походило на то, съ какимъ онъ нѣкогда изучалъ передъ собой стѣну.

Когда Питеръ усьялся на слѣдующее утро, и гораздо позже, чѣмъ обыкновенно, за свой письменный столъ, онъ взялъ листъ бумаги и написалъ: «миловидный государь», но сейчасъ же разорвалъ. Взялъ другой, написалъ: «любезный м-ръ Д'Аллуа» — и опять разорвалъ. Началъ третій: «милый Уаттсъ» — и этотъ очутился подъ столомъ. То же постигло и четвертый со словами: «мой дорогой другъ». Тогда Питеръ всталъ и долго ходилъ по комнатамъ. Наконецъ, онъ вышелъ въ корридоръ, и открывъ одну

изъ выходившихъ въ него дверей, просунулъ въ нее голову.

— Ахъ ты, негодный лицемѣръ! — сказалъ онъ. — А еще влясалъ мнѣ, что ни одна живая душа не узнаетъ!

— А что? — спросилъ кто-то виноватымъ голосомъ.

— Вѣдь Дороти знала все время?

Мертвое молчаніе.

— И вы оба и виду не подавали, точно невинные младенцы.

— Послушай, Питеръ, ты меня никогда не поймешь, потому что не переживалъ медоваго мѣсяца. Кѣ-Богу, старый другъ, я былъ такъ счастливъ и такъ обязанъ тебѣ моимъ счастьемъ, что я лопнулъ бы, если бы не сказалъ Дороти. Она обѣщала, что никому не скажетъ. А теперь все-таки проболталась тебѣ?

— Нѣтъ, она сказала не мнѣ, а кому-то другому!

— Не можетъ быть!

— Правда.

— Значить, она не сдержала слова, она...

— Нечего теперь валить съ большой головы на здоровую!

— Но вѣдь это совсѣмъ другое дѣло; то — собственная жена. Я думалъ, она счумѣветъ сохранить тайну.

— Какъ же ты можешь требовать, чтобы она сохранила тайну, когда самъ проговорился? — Питеръ и Рей оба расхохотались.

Рей думалъ:

«У Питера что-нибудь не клеится, и онъ хочетъ дать отдыхъ мозгамъ».

Рей замѣчалъ, что если Питеръ говорить съ нимъ въ часы занятій о постороннихъ, не относящихся къ дѣлу предметахъ — значить, у него есть какое-нибудь сложное, запутанное дѣло.

Питеръ закрылъ дверь и вернулся въ кабинетъ. Онъ взялъ пятый листъ бумаги и написалъ:

«Уаттсъ!

«Я обдумалъ все случившееся и въ мысляхъ моихъ произошла перемѣна. Никто не вмѣетъ права судить поступки своего ближняго. Я жалѣю о своемъ вчерашнемъ поведеніи.

«Вспомнимъ наши старые школьные

дни и будемъ считать, что между нами ничего не произошло. «Питеръ».

Въ ту минуту, какъ онъ кончалъ писать, дверь тихонько отворилась. Питеръ ничего не слышалъ, онъ медленно перечитывалъ написанное.

— Бу-у-у!

Питеръ не подскочилъ при этомъ возгласѣ, онъ спокойно поднялъ глаза. Но въ ту же минуту онъ сорвался съ мѣста и горячо жалъ руки вошедшимъ.

— Вотъ пріятный сюрпризъ!—говорилъ онъ.

— Ахъ ты, неповоротливый теле-нокъ,—весело кричалъ Уаттсъ. — Мы пѣлыхъ десять минутъ упрашивали его пербера впустить насъ безъ доклада, чтобы сдѣлать ему сюрпризъ, а когда мы явились, какъ сибѣгъ на голову, онъ глазомъ не моргнулъ. Правда, скверный приемъ, Крошка?

— Вы ужасно разочаровали насъ, м-ръ Стерлингъ.

Питеръ гораздо непринужденнѣе поздоровался съ Леонорой, чѣмъ съ Уаттсомъ. Ему доставило несказанное удовольствие держать ее ручку въ своихъ рукахъ, и, чтобы продлить его, онъ сказалъ, не выпуская ея руки:

— Надо быть много страшнѣе, чѣмъ вы, чтобы испугать меня.

Питеръ сейчасъ же пожалѣлъ о сказанномъ, потому что Леонора опустила глаза.

— Ну, старина, пожалуй-ка къ отвѣту.

Уаттсъ говорилъ шутливо, но видно было, что ему не по себѣ.

— Мы съ дѣвочкой вчера ждали тебя весь вечеръ, да такъ и не дождались. Она потребовала, чтобы мы сами ровыскали тебя сегодня.

— Я не понимаю, почему?—Питеръ оглянулся на Леонору, точно ждалъ отвѣта отъ нея, но Леонора спокойно разсматривала комнату.

— Какъ? Даже совсѣмъ чужой зашелъ бы, чтобы справиться, какъ Крошка чувствуетъ себя послѣ своего приключенія. А съ твоей стороны было просто преступленіемъ не сдѣлать этого. Не знаю ужъ, какого ты заслуживаешь наказанія.

— Вы ждали меня, миссъ Д'Аллауа?

Миссъ Д'Аллауа съ преувеличеннымъ интересомъ разсматривала полку юридическихъ книгъ. Она не обернулась, но отвѣтила.

— Да.

— Я жалѣю, что не зналъ этого,—сказалъ Питеръ съ искреннимъ раскаяніемъ въ голосѣ.

Интересъ миссъ Д'Аллауа къ юридической литературѣ внезапно упалъ, она повернулась и подарила Питера быстрымъ взглядомъ своихъ удивительныхъ глазъ. Очевидно, его слова или тонъ, которымъ они были произнесены, понравились ей. Уголки ея рта задрожали отъ сдержаннаго смѣха, она низко присѣла и сказала:—Можетъ быть, вамъ пріятно будетъ узнать, что приключеніе миссъ Д'Аллауа не имѣло серьезныхъ послѣдствій, и она провела ночь спокойно. Миссъ Д'Аллауа думала, что, въ отвѣтъ на любезность м-ра Стерлинга, она обязана избавить его отъ безпокойства справляться о ея здоровьи и не отнимать драгоценнаго его времени, посвященнаго на изученіе политики и свучныхъ дѣлъ.

— Хорошенько его! — закричалъ Уаттсъ.—Что, сударь, чувствуешь свою вину?

— Я не стану извиняться, что не былъ,—отвѣчалъ Питеръ,—ужъ такова моя судьба. Но сознаюсь, что жалѣю объ этомъ.

— И этого довольно,—сказала Леонора.—Я боялась, что вы не захотите, чтобы мы были друзьями. А такъ какъ я люблю все знать на чистоту, то и заставила папу свезти меня къ вамъ, чтобы самой все узнать.

Ея откровенность казалась Питеру очаровательной, хотя его бросало въ дрожь при мысли, что она могла подумать, будто онъ отказывается отъ ея дружбы.

— Конечно, вы съ Питеромъ должны быть друзьями,—сказалъ Уаттсъ.

— Но мама говорила мнѣ вчера вечеромъ, когда мы уже поднялись наверхъ, что она увѣрена, что м-ръ Стерлингъ никогда не придетъ къ намъ.

— Никогда, Крошка? — спросилъ Уаттсъ.

— Никогда. А когда я спросила ее почему, она сначала не хотѣла мнѣ говорить, но потомъ сказала, что онъ не любитъ общества. Я не хочу дружить съ человѣкомъ, который никогда не зайдетъ ко мнѣ.

Леонора, казалось, смотрѣла на полъ, во изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ зорко наблюдала за Питеромъ.

Однако, Питеръ, о чемъ бы онъ ни думалъ, по наружности оставался совершенно спокоенъ, слишкомъ спокоенъ, во мнѣнію Леоноры.

— Я не буду давать вамъ клятвъ въ дружбѣ, — сказалъ онъ, — даже не общаю, что приду къ вамъ, миссъ Д'Аллуа. Не забывайте, что дружба есть слѣдствіе свободныхъ отношеній. Если вы хотите, чтобы мы были друзьями, мы ничѣмъ не должны связывать другъ друга.

— Прекрасно, — возразила Леонора, — вѣроятно это вѣжливый способъ дать мнѣ понять, что вы не хотите прийти. Однако, я хотѣла бы знать — почему?

— Слишкомъ долго было бы выяснять теперь причины, поэтому я откладываю объясненіе до перваго раза, когда приду къ вамъ.

Питеръ улыбался, глядя на нее съ высоты своего роста.

Миссъ Д'Аллуа внимательно посмотрѣла на него, какъ бы желая прочесть въ его лицѣ истинный смыслъ его словъ; затѣмъ протянула ему обѣ руки.

— Мы будемъ друзьями, я увѣрена, — сказала она, не опуская глазъ, пока Питеръ пожималъ ея ручки.

Когда это важное дѣло было окончено, обращеніе Леоноры сразу измѣнилось.

— Такъ вотъ какова контора знаменитаго Питера Стерлинга? — шаловливо спросила она.

— Вотъ никогда не сказалъ бы этого, — замѣтилъ Уаттсъ. — Кй-Богу, тебѣ слѣдовало бы устроиться получше, принимая во вниманіе твою обширную практику. Это помѣщеніе еще хуже нашей школьной квартиры въ Гарвардъ, а ужъ она-то была прямо пуританская.

— Я нахожу особую прелесть въ простотѣ. Если ты любишь стиль — зайди къ Огдену или Ривингтону.

— Отчего у васъ такая простая обстановка, м-ръ Стерлингъ?

— Оттого, что мнѣ приходится имѣть дѣло съ простыми людьми; они чувствуютъ себя лучше въ простомъ помѣщеніи и меньше конфузуются. До сихъ поръ я еще ни разу не терялъ кліентовъ, потому что у меня нѣтъ роскошной мебели, но я, навѣрно, разогналъ бы многихъ, если бы у меня была такая же блестящая обстановка, какъ у моихъ компаньоновъ.

— Однако, пріятель, мнѣ кажется, что этихъ кліентовъ не мѣшало бы пугнуть. Вѣдь врядъ ли ихъ практика приноситъ тебѣ доходъ?

— Мы о деньгахъ не говоримъ, мы говоримъ о людяхъ. Я съ гордостью говорю, что, не смотря на мой громкій успѣхъ, я не потерялъ связи съ моими «участкомъ» и съ моими набирателями. Они всѣ навѣщаютъ меня здѣсь и чувствуютъ себя, какъ дома, являются ли они, какъ кліенты; какъ сотрудники, или просто какъ пріатели.

— Вотъ какъ! — хототалъ Уаттсъ. — Ахъ ты, старая лисица! Вы только посмотрите на эти голыя стѣны, на полочку съ книгами закона, на эти четыре стула, на основную конторку! Вотъ онъ, великій полетикъ! Вотъ онъ — народный кумиръ.

Питеръ ничего не отвѣчалъ. Но Леонора сказала ему:

— Я очень рада, м-ръ Стерлингъ, что вы продолжаете помогать народу, — и снова остановила на немъ взглядъ.

Питеръ забылъ насмѣшку.

— Послушай, Крошка, — замѣтилъ Уаттсъ, — зачѣмъ ты зовешь моего пріателя «м-ръ Стерлингъ». Это не хорошо. Зови его... г-м... зови его «дядя Питеръ».

— Не хочу, — отвѣчала Леонора, въ великой радости Питера.

— Подожди-ка... Какъ же мнѣ васъ звать?

— Зови его «душкой», — засмѣялся Уаттсъ.

— Какъ же мнѣ васъ звать?

Миссъ Д'Аллуа склонила головку на бокъ и искоса взглянула на Питера.

— Рѣшите сами, миссъ Д'Аллуа.

— Приходится рѣшать самой. Я думаю—я буду звать васъ—Питеръ.

Она говорила съ разстановкой, но безъ смущенія, и Питеръ нашель, что его имя необыкновенно красиво, когда она произносила его.

— Просто Питеръ?—удивился Уаттсъ.

— А какъ же вы будете меня звать?

— Миссъ д'Аллуа, — сказалъ Питеръ.

— Нѣтъ. Вы должны... вы должны... звать меня...

— Миссъ д'Аллуа, — подтвердилъ Питеръ.

— Тогда я буду звать васъ «м-ръ Стерлингъ», Питеръ.

— Нѣтъ, не будете.

— Это почему же?

— Потому, что сами сказали, что будете звать меня Питеръ.

— Не буду, если...

— Вы не ставили никакихъ условій при обѣщаніи. Показать вамъ статью закона?

— Не хочу. А я все-таки не стану звать васъ Питеръ; ни за что не стану, Питеръ.

— Тогда я буду преслѣдовать васъ законнымъ порядкомъ.

— Но я выиграю дѣло, потому что найму адвоката, моего хорошаго пріятеля, и онъ защититъ меня. Его зовутъ Питеръ.

Леонора усѣлась передъ конторкой Питера.

— Я сейчасъ же напишу ему.

Она вытащила бланкъ, взяла его перо и, взявъ кончикъ его въ зубы (Питеръ сохранилъ это перо), на минутку задумалась. Потомъ написала:

«Милый Питеръ.

«Мнѣ грозятъ судомъ. Не защитите ли вы меня? Пришлите отвѣтъ на имя «милый Леонора»».

«Леонора Д'Аллуа».

— А теперь, — сказала она Питеру, — вы должны написать мнѣ отвѣтъ. Тогда я вамъ дамъ эту записку. — Леонора вскочила держа свое письмо въ рукѣ.

— Я никогда не отвѣчаю на письма, прежде чѣмъ не получу ихъ.

Питеръ поймалъ маленькую ручку и от-

нялъ записку. Потомъ онъ въ свою очередь сѣлъ къ столу и написалъ на другомъ листѣ.

«Дорогая миссъ Д'Аллуа.

«Я всегда готовъ вѣрно защищать васъ.

«Питеръ Стерлингъ».

— Я не то вамъ сказала, — замѣтила миссъ Д'Аллуа, — но мнѣ придется удовлетвориться этимъ.

— Вы забываете важную вещь.

— Еще что?

— Мой гонораръ.

— Боже мой, — вздохнула Леонора. — У меня почти нѣтъ денегъ, я все истратила. Развѣ вы никогда не защищаете даромъ бѣдныхъ, самыхъ бѣдныхъ людей?

— Не защищаю, если они только прикидываются бѣдными.

— О, я не прикидываюсь, я въ самомъ дѣлѣ бѣдна. Вотъ вамъ мой кошелекъ. Смотрите сами. Это все, что у меня есть до перваго числа.

Она протянула Питеру свой кошелекъ. Питеръ взялъ его и высыпалъ его содержимое на свой бюваръ. Затѣмъ онъ старательно разобралъ все по одному. Въ кошелькѣ оказались: новенькая десяти-долларовая бумажка, очевидно послѣдняя изъ выданныхъ на бумажки денегъ; два доллара; монетка въ пятьдесятъ центовъ; два квартета и одна дима; нѣмецкій золотой въ двадцать марокъ, кусочекъ пунцової ленточки и пучокъ отъ перчатки дополнили его содержимое. Питеръ аккуратно уложилъ обратно американскія деньги и пучокъ и вручилъ кошелекъ миссъ Д'Аллуа.

— Вы забыли ленточку и золотой, — сказала Леонора.

— Вы жестоко ошибаетесь, — отвѣчалъ спокойнымъ, дѣловымъ тономъ Питеръ, аккуратно завернувъ золотой въ ленточку и пряча его въ жилетный карманъ.

— О, — воскликнула Леонора, — я не могу вамъ дать золотой, это моя счастливая монетка.

— Въ самомъ дѣлѣ?—Въ голосѣ Питера слышалось удивленіе, смѣшанное съ удовольствіемъ.

— Да. Вѣдь не захотите вы отнять у меня мое счастье?

— Я подумаю объ этомъ вопросѣ и напишу вамъ мое юридическое мнѣніе.

— Пожалуйста, — умоляла Леонора.

— Имѣйте терпѣніе.

— Но я хочу, чтобы вы мнѣ отдали мою счастливую монету! Я нашла ее въ трещинѣ скалы при переходѣ черезъ Гемп. И лента мнѣ нужна. Это образчикъ, и мнѣ нужно еще прикупить. — Въ голосѣ миссъ Д'Аллау звучало дѣйствительное безпокойство.

— Я съ удовольствіемъ помогу вамъ подобрать ленту, — сказалъ Питеръ. — Дайте мнѣ знать, и я пойду вмѣстѣ съ вами въ магазинъ. Что же до вашего «счастья», то я пока оставляю его у себя.

— Теперь я знаю, почему у адвокатовъ такая дурная репутація, — сказала Леонора сердито. — Они всѣ грабители. — Она смотрѣла на него, надувъ губки, а Питеръ серьезно вглядывался въ ея черты. Такъ они смотрѣли другъ на друга съ минуту, но вотъ губы Леоноры задрожали, она боролась со смѣхомъ, желая остаться серьезной, но не выдержала и расхохоталась.

Питеръ тоже засмѣялся.

Глава XXXVIII.

Келья отшельника.

Леонора росла одинокимъ ребенкомъ, и, благодаря вѣчнымъ передвиженіямъ ея родителей, у нея не было друзей, а семнадцатилѣтней дѣвочки они необходимы. Поэтому, когда заговорили о возвращеніи въ Америку, Леонора рѣшила, что она подружится съ Питеромъ и сдѣлаетъ его повѣреннымъ своихъ тайнъ и недоумѣній. Миссъ Де-Во и Дороти много говорили ей о Питерѣ, и изъ ихъ описаній, а также изъ воспоминаній своего отца, Леонора вывела заключеніе, что Питеръ можетъ быть именно такимъ другомъ, е какомъ она мечтала. Если она дразнила и мучила его, то только потому, что она была женщина, и ей было семнадцать лѣтъ. Но онъ ей нравился, и она чувствовала къ нему дру-

жеское расположеніе съ нѣкоторой долей любопытства, иначе она не пришла бы къ нему и не болтала бы съ нимъ такъ откровенно. Что касается Питера, то онъ не умѣлъ опредѣлить свое чувство. Онъ провелъ наканунѣ восхитительные полчаса и рѣшилъ, что долженъ снова увидѣть эти сѣрые глаза, даже если ему придется бѣжать за ними на край свѣта, хотя ихъ обладательница была ему чужая, и онъ еще не зналъ, будутъ ли они для него только ignis fatuus или его путеводной звѣздой, непославной ему Провидѣніемъ.

Во время бесѣды Питера съ Леонорой Уаттсъ пересмотрѣлъ всѣ книги на полкахъ, глядѣлъ въ окошко, свистѣлъ и зѣвалъ. Наконецъ, чисто отъ скуки, онъ толкнулъ какую-то дверь и заглянулъ въ нее.

— Ого! — закричалъ онъ. — Вотъ такъ открытіе! Полюбуйтесь! Здѣсь возсѣдаетъ защитникъ народа Питеръ Стерлингъ въ сіяніи пуританской простоты, а тамъ, за дверью — повѣренный банковъ и желѣзныхъ дорогъ среди роскоши востока.

Уаттсъ вошелъ въ сосѣднюю комнату.

— Что это значитъ, Питеръ?

— Онъ пошелъ въ мой частный кабинетъ. Не хотите ли...

Питера прервалъ голосъ Уаттса: «Иди сюда, Крошка, и посмотри, какъ живутъ угрюмые отшельники».

Леонора, а за ней Питеръ, послѣдовали приглашенію Уаттса. Комната, въ которую они вошли, была довольно любопытна. Она была очень велика, съ четырьмя окнами, изъ которыхъ два выходили на Бродвей, а два на боковую улицу, съ двумя дверями и огромнымъ каминомъ. Всѣ ея стѣны сплошь, отъ полу до потолка, были покрыты полками изъ темнаго дуба, уставленными книгами. Но книгъ совсѣмъ не было видно: онѣ были закрыты рамками то же изъ темнаго дуба, съ картинами, этюдами и гравюрами. Рамы эти повертывались на шарнирахъ, и картины въ нихъ были вставлены съ двухъ сторонъ. Потолокъ и полъ были также изъ темнаго дуба, изъ него же были сдѣланы четыре кресла, два стула и обширный письменный столъ, составлявшіе, вмѣстѣ

съ двумя-тремя шкурами бѣлыхъ медвѣдей на полу, всю обстановку комнаты.

— Ахъ,—закричала Леонора,—какъ я рада, что вижу все это! Мнѣ такъ много говорили о вашей квартирѣ,—и все разное.

— Да,—сказалъ Питеръ,—это яблоко раздора всѣхъ моихъ друзей. Одни бранятъ меня за то, что полки доходятъ до потолка, что все дерево одного цвѣта, у картинъ и гравюръ одинаковыя рамки, что у меня нѣтъ ковровъ и бездѣлушекъ, и т. д. Иногда я даже спрашиваю себя: кто же живетъ здѣсь—я или мои друзья?

— Эта комната очень необыкновенна,—сказала Леонора съ разстановкой, видимо выбирая такое выраженіе, которое не обидѣло бы Питера.

— Тебя стоить повѣсить за твое обращеніе съ картинами,—сказалъ Уаттсъ.

— Мнѣ пришлось вставить ихъ въ такія широкія рамы, потому что книги не давали хорошаго фона.

— Это, это... Леонора колебалась. Это не особенно поражаетъ, когда приглядѣшься.

— Мнѣ оставалось повѣсить ихъ только такъ, или вовсе не вѣшать, такъ какъ для картинъ и книгъ не было достаточно мѣста. А перевертывая рамы, я всегда могу имѣть передъ глазами новыя картинки.

— Посмотри, Крошка, вѣдь это подлинный Рембрандтъ, эти «Три креста». Не зналъ я, что ты такой знатокъ, старина.

— Я не знатокъ, отвѣтилъ Питеръ,—я люблю картины, но у меня не хватило бы ни времени, ни знаній, чтобы самому собрать все, что ты здѣсь видишь.

— Откуда же ты добылъ ихъ?

— Одинъ мой пріятель—человѣкъ съ огромнымъ художественнымъ вкусомъ, собралъ все это, но онъ разорился, и я купилъ ихъ у него.

— Это м-ръ Ле-Гранъ? — спросила Леонора.

— Да, онъ.

— Миссисъ Ревингтонъ мнѣ рассказывала.

— Должно быть, ему было чертовски тяжело разставаться съ такой коллекціей, замѣтилъ Уаттсъ.

— Онъ вовсе не расстался съ нею. Онъ постоянно приходитъ сюда и любитъ ее, да и развѣшаны картины здѣсь по его указанію.

— Всѣ его картины здѣсь, Питеръ?

Питеръ едва удержался, чтобы не разцѣловать ее, такъ она мило говорила его имя.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—я купилъ только часть, а миссъ Де-Во и Лисенардъ Огденъ остальные. Меня обвиняютъ, что я порчу картины этими плоскими рамами и широкими золотымъ багетомъ; но мнѣ кажется, что матовое золото нѣсколько нарушаетъ общій монотонный характеръ комнаты. Впрочемъ, это мое личное мнѣніе.

— Значитъ, въ этой комнатѣ вы сказали вкучь «простого человѣка»?—схехидничалъ Уаттсъ.

— Право же, папа, здѣсь все очень просто, проще быть не можетъ.

— Просто! Да, святая простота! Гравюры, по три тысячи долларовъ—простота, Милле—простота! О да! Питеръ любитъ простоту, медвѣдь этакій!

— Да нѣтъ, я говорю объ обстановкѣ. Ахъ, какое заманчивое кресло! Я должна попробовать его.—И Леонора почти потонула въ глубинѣ кресла. Питеръ сейчасъ же подошелъ къ камину подъ предлогомъ, что ему холодно, и сталъ глядѣть на нее. Пожалуй, Уаттсъ былъ правъ. Питеръ былъ не такъ простъ, какъ выглядѣлъ.

Питеръ смотрѣлъ и глазъ отвести не могъ, а Леонора спокойно снимала перчатки, и глядя на ея ручки, Питеръ рѣшилъ, что долженъ ихъ пожать, прежде чѣмъ она опять надѣнетъ перчатки.

— Послушай,—спросилъ его Уаттсъ, какъ тебѣ удалось устроить такое помѣщеніе?

— Я уже давнишній жилецъ страхового общества, которому принадлежитъ этотъ домъ, и когда его стали перестраивать, архитекторъ передѣлалъ весь этажъ такъ, какъ мнѣ хотѣлось. Я перенесъ контору на улицу, а свои комнаты

расположилъ по переулку. Хотите посмотреть ихъ?—спросилъ онъ Леонору.

— Очень хочу.

Она вышла черезъ вторую дверь въ небольшую переднюю съ верхнимъ свѣтомъ, изъ которой лѣстница вела на крышу.

— Я занялъ верхній этажъ, чтобы дышать лучшимъ воздухомъ и любоваться видомъ города и залива, который очень живописенъ, объяснялъ Питеръ.— У меня есть лѣстница на крышу, куда я могу выходить въ хорошую погоду.

— Я и то удивлялся, что такая известная фирма забралась на десятый этажъ,—замѣтилъ Уаттсъ.

— Огденъ и Ревингтонъ очень охотно помирились съ моими причудами. А вотъ моя столовая.

Это была комната въ девять квадратныхъ футовъ съ потолкомъ, поломъ и стѣнами изъ краснаго дерева, мебелированная такими же столомъ и шестью стульями.

— Такъ вотъ то, что газеты называютъ «политическимъ инкубаторомъ Стерлинга». Не похоже, чтобы тутъ велись черные заговоры, — сказала Уаттсъ.

— Иногда у меня кое-кто обѣдаетъ, но всегда не больше шести человекъ, потому что мѣста мало.

— А вѣдь здѣсь преумно, а, Крошка? Такъ и хочется забраться сюда, когда на улицѣ воетъ вѣтеръ, зажечь свѣчи, щелкать орѣхи и рассказывать сказки.

— Миссъ Леруа говорила мнѣ, Питеръ, какъ славятся ваши обѣды, и какъ всѣ стараются, чтобы вы ихъ пригласили хоть разочекъ, — сказала Леонора

— Именно разочекъ, старина. Ты понялъ намекъ Крошки? Но больше одного раза не надо.

— Питеръ, вы пригласите меня какънибудь?

Пригласить-ли? Питеру хотѣлось сказать, что его квартира, все, что въ ней есть, и онъ самъ... но тутъ онъ заявилъ самъ себѣ: «вѣдь ты ее не знаешь, перестань дурить», и отвѣтилъ ей:

— О моихъ обѣдахъ говорить потому, что они бываютъ очень рѣдко, а говорить о чемънибудь надо. Мои друзья—всегда желанные гости.

При этихъ словахъ Питеръ такъ посмотрѣлъ на Леонору, что она поняла, что послѣднія слова его относились только къ ней.

— Какъ ты справляешься съ меню, дружище?

— У м-ра Ле-Гранъ былъ слуга, негръ изъ Мэриленда, котораго онъ мнѣ уступилъ. Онъ у меня дѣлаетъ все, но по призванію онъ поваръ. По части приготовления устрицъ, рыбы и дичи, онъ не имѣетъ себѣ равныхъ. А такъ какъ у меня никогда не бываетъ больше пяти приглашенныхъ, то онъ успѣваетъ и стирать и подавать. Кромѣ того, собираясь послѣ работы, мы не торопимся поскорѣе проглотить обѣдъ и наслаждаемся отдыхомъ. А что, если вы позавтракаете со мной теперь, чтобы попробовать нашу стирню? Мои товарищи обыкновенно завтракаютъ со мной, и у Дженифера всегда найдется что-нибудь особенное.

— Съ удовольствіемъ, — сказала Уаттсъ.

Но Леонора отказалась.

— Нѣтъ, мы не должны надѣяться, и такъ нашъ первый визитъ затаился.

Ни Уаттсъ, ни Питеръ не могли убѣдить ее. Леонора вовсе не желала завтракать въ компаніи четырехъ мужчинъ.

— Намъ пора домой, — твердила она.

— Закончите хоть осмотръ моей квартиры, — умолялъ Питеръ, чтобы поддержать гостей.

Леонора благосклонно согласилась. Они пошли въ кладовую. Леонора открывала всѣ шкапы и ящики, все перетрогала и все раскрывковала съ серьезнымъ видомъ заправской хозяйки. Питеръ любовался ею. Изъ кладовой перешли въ спальню. Леонора нашла ее крайне обыкновенной, но заинтересовалась двумя вещами.

— Вы сами ухаживаете за цветами на окнахъ?

— Нѣтъ. Миссисъ Костелль завтракаетъ у меня разъ въ недѣлю и во-

зится съ ними. Она любитъ, чтобы всѣ мои окна были заставлены цвѣтами. Вы замѣтили ихъ въ другихъ комнатахъ?

— Да, они мнѣ очень понравились, но я не думала, что это ваши. Они слишкомъ хорошо содержатся для мужчины.

— Мнѣ кажется, что миссисъ Костелль достаточно взглянуть на цвѣты, чтобы они расцвѣли,—замѣтилъ Питеръ.

— Какая милая мысль! — сказала Леонора.

— Потому что предметъ милый,—отвѣтилъ Питеръ. Легко—говорить хорошо о прекрасныхъ вещахъ

— Мнѣ хотѣлось бы познакомиться съ миссисъ Костелль, а много о ней слышала.

Вторымъ интереснымъ предметомъ оказалось содержаніе того, что должно было служить подставкой для зонтиковъ.

— Зачѣмъ у васъ три шпаги?—спросила Леонора, вытаскивая самую шарядную.

— Чтобы я могъ убить побольше людей.

— Слушай, Крошка, ты должна была бы знать, что у каждаго офицера есть боевое и парадное оружіе.

— Но это все парадныя шпаги. Боюсь, что вы очень важничаете своимъ майорствомъ.

Питеръ только улыбнулся въ отвѣтъ.

— Да,—продолжала Леонора,—наконецъ то я нашла ваше слабое мѣсто. Вы обожаете золотое шитье и кантики.

Питеръ снова улыбнулся.

— «Эта шпага поднесена капитану Питеру Стерлингу въ благодарности за исключительное мужество, выказанное имъ въ Корневиллѣ 25-го іюля 1877 г.»—прочла Леонора на клинкѣ.—Что вы сдѣлали въ Корневиллѣ?

— То же, что и другіе.

— Но что же вы сдѣлали особеннаго, что получили шпагу?

— Только свой долгъ.

— Расскажите!

— Вы говорили, что все знаете про меня.

— Этого я не знаю.

Питеръ опять улыбнулся.

— Расскажите! Если вы не расскажете, расскажетъ кто нибудь другой. Пожалуйста.

— Развѣ не видишь, Крошка, это все почетныя шпаги.

— Да,—сказалъ Питеръ,—и такія парадныя, что я не рѣшаюсь ихъ употреблять. Шпаги, которыя я ношу, а держу въ арсеналѣ.

— Скажете вы мнѣ наконецъ, за что вы ихъ получили?

— Эту шпагу мнѣ поднесла моя команда, когда я былъ произведенъ въ капитаны, эту подарили по подпискѣ друзья. Ту, что вы держите въ рукахъ, я получилъ отъ управленія одной желѣзной дороги.

— За что?

— За исполненіе долга.

— Папа, идемъ. Пора домой.

Питеръ сдѣлся.

— Была стачка, на смѣну забастовавшихъ наняли новыхъ рабочихъ, и помѣстили ихъ въ товарномъ вагонѣ. А стачники ихъ заперли въ вагонѣ и отвезли въ вагонный сарай.

— А вы что сдѣлали?

— Мы привезли вагонъ обратно.

— Только то, не стоило за это давать шпагу. Что же вы еще можете показать намъ?

— Больше нечего показывать. Есть еще одна запасная комната и комора Дженифера, но ихъ не стоитъ смотрѣть.

Они опять пришли въ кабинетъ. Леонора достала свои перчатки

— Мнѣ было очень весело,—сказала она.—Я думаю, что буду часто приходить сюда.

— Не могу сказать вамъ, какъ я былъ счастливъ. Никогда еще не заглядывало ко мнѣ такое красное солнышко.

— А развѣ вы предпочитаете солнышко своимъ пыльнымъ книгамъ?—спросила Леонора съ лукавой улыбкой.

— Это зависитъ отъ солнышка,—серьезно отвѣтилъ Питеръ.

— Тамъ, куда заглядываетъ солнышко, должны выростать цвѣты. Мнѣ хочется... да, я подарю вамъ эти фіалки.

Леонора вынула букетъ фіалокъ, приколотый къ ея поясу, и подала его

Питеру, который задержалъ ея ручки въ своихъ рукахъ. Она еще не успѣла надѣть перчатокъ. Потомъ она надѣла перчатки и простилась съ Питеромъ, но онъ захотѣлъ проводить ихъ до элеватора и тутъ снова прощался съ нею. Потомъ онъ рѣшилъ, что доведетъ ихъ до экипажа, чтобы имѣть возможность еще разъ пожать ея ручку.

Глава XXXIX.

Новыя встрѣчи.

Не успѣлъ Питеръ вернуться въ кабинетъ, какъ завтракъ былъ поданъ.

— Отчего у тебя такой довольный видъ?—спросилъ Рей.

— Оттого, что я доволенъ.

— Какой онъ чудакъ! — замѣтилъ Рей Огдену, когда они снова принялись за работу.—Сейчасъ же послѣ завтрака онъ передалъ мнѣ свое заключеніе по дѣлу Голи-Сели. Я увѣренъ, что онъ просидѣлъ все утро надъ этими документами, суше и скучнѣе которыхъ не выдумашь, а между тѣмъ, когда онъ сошелъ къ завтраку, у него былъ такой сияющій видъ, точно онъ именинникъ.

Когда Питеръ вернулся въ кабинетъ, его очень соблазнила бросить всѣ дѣла и помечтать немножко. Ему хотѣлось держать въ рукахъ свой букетикъ фіалокъ и вдыхать ихъ нѣжный аромат, хотѣлось безъ конца перечитывать записочку и рассматривать ленточку и монету. Но онъ поборолъ искушеніе, заперъ всѣ свои сокровища въ ящикъ стола въ кабинетѣ, вышелъ въ контору и сѣлъ къ письменному столу. Прежде всего онъ разорвалъ свое письмо къ Уатсу и написалъ новое.

«Уаттсъ.

«Ты самъ можешь понять, почему я не пришелъ къ вамъ вчера, и не могъ связать себя обѣщаніемъ на будущее. Я долженъ получить приглашеніе бывать у васъ отъ твоей жены. Какъ добыть его—это твое дѣло; но ты долженъ догнать мнѣ его, это единственное вознагражденіе, которое я отъ тебя требую. Въ противномъ случаѣ между нами все кончено.

Питеръ».

Написавъ это, Питеръ спокойно принялся за работу и проработалъ до шести часовъ, когда, взявъ гири, подѣлалъ минутъ десять гимнастику, принялъ душъ, переодѣлся и пообедалъ. Послѣ обѣда онъ вернулся въ кабинетъ и открылъ завѣтный ящикъ. Что онъ досталъ оттуда—ящикъ ли сигаръ, или букетикъ фіалокъ, ленточку, золотой и листикъ бумаги—не знаемъ. Известно только одно: Питеръ провелъ второй вечеръ, ничего не дѣлая и не читая. Этого съ нимъ еще ни разу не случилось за послѣдніа двадцать лѣтъ.

На слѣдующій день Питеръ спустился съ облаковъ, его сильная натура и здравый смыслъ, казалось, побороли очарованіе.

Онъ пилъ кофе, катался верхомъ и работалъ по заведенному порядку.

Послѣ обѣда, вечеромъ, онъ выкурилъ только одну сигару, и послѣ этого замѣтилъ самъ себѣ, должно быть, по поводу сигары:

«Питеръ, дѣлай свое дѣло и не обожгись!»

Лицо его приняло крайне рѣшительное выраженіе, и онъ углубился въ чрезвычайно занимательную книгу, подъ заглавіемъ: «Девять этиологическихъ и профилактическихъ изысканій по поводу холерной эпидеміи въ Остъ-Индіи», которую читалъ почти до часу ночи.

Слѣдующій день былъ воскресный. Питеръ сходилъ въ церковь, а послѣ завтрака поѣхалъ въ Вестчестеръ и провелъ весь день съ миссисъ Востелль. Ему казалось, что онъ снова окончательно нашелъ свое душевное равновѣсіе. Но и до него многие люди говорили то же, и самый фактъ, что они такъ говорили, доказывалъ, что они не были увѣрены въ себѣ. Тоже самое оказалось, какъ мы увидимъ, и теперь.

Въ понедѣльникъ послѣ завтрака Питеръ не могъ такъ прилежно работать, какъ работалъ утромъ. Онъ былъ разсѣянъ; нѣсколько разъ, крѣпко сжавъ зубы, онъ принимался писать съ лихорадочной быстротой, но черезъ минуту отвлекался отъ дѣла. Онъ смотрѣлъ на часы, пряталъ ихъ и снова съ рѣшимостью принимался за работу, чтобы че-

резъ пять минутъ опять смотрѣть на часы.

Наконецъ, онъ позвонилъ.

— Джениферъ,—сказалъ онъ, — вычистите хорошенько мои шпоры и рейтузы.

— Да что вы, баринъ, я ихъ чистилъ сегодня утромъ.

— Ну, такъ не надо. Велите мальчику позвать извозчика.

Когда Питеръ черезъ полчаса въѣзжалъ верхомъ въ паркъ, онъ ни на минуту не колебался и быстрой рысью пустилъ лошадь по знакомой дорогѣ. Но онъ не долго скакалъ, а внезапно натянулъ поводья, поравнявшись съ двумя всадниками.

— Я искалъ васъ,—прямо сказалъ Питеръ. Онъ всегда отличался откровенностью.

— Алло! вотъ это славно!—отвѣтилъ Уаттсъ.

— Вы не находите, что уже довольно поздно?—освѣдомилась Леонора. У ней были свои взгляды на дружбу. Она не сердилась на Питера,—о нисколько!—но просто не хотѣла смотрѣть на него.

Питеръ поѣхалъ рядомъ съ ней.

— Я самъ думалъ это, а потому и испугался пріѣхать,—спокойно сказалъ онъ.

— Когда вы вспомнили объ этомъ, скажите, пожалуйста?—съ достоинствомъ спросила Леонора.

— Тогда, когда мнѣ пришло въ голову, что вы, вѣрно, каждый день кажетесь здѣсь передъ обѣдомъ.

— А вы сами?—Леонора нѣсколько смягчилась.

— Я люблю ѣздить рано утромъ, когда здѣсь мало публики.

— Ахъ ты угрюмый, старый недлюми!—воскликнулъ Уаттсъ.

— А теперь?—продолжала Леонора.

Леонора говорила все время, не глядя на Питера, а ему до боли хотѣлось увидѣть ея глаза. Онъ отвѣчалъ:

— Теперь я буду ѣздить днемъ.

Онъ былъ награжденъ очень нѣжнымъ взглядомъ.

— Какой вы милый, Питеръ,—сказала Леонора. — Если мы будемъ видѣться каждый день въ паркѣ, мы мо-

жемъ говорить другъ другу все, что мы дѣлаемъ и о чемъ думаемъ. Вѣдь мы съ вами друзья!—Леонора говорила съ увѣренностью.

Питеръ былъ въ восторгѣ.

— Послушай, Питеръ,—сказалъ Уаттсъ,—какъ ты сталъ шикаредемъ. Я собирался посмѣяться надъ тобой, когда увидѣлъ тебя въ первый разъ, но сегодня я просто ослѣпленъ! Готовъ поклясться на Библии, что мнѣ и не снилась такая переѣвна съ моимъ старикомъ Питеромъ. Ты только взгляни на него, Крошка; развѣ онъ не наполняетъ тебя изумленіемъ, ужасомъ и восторгомъ?

Леонора робко посмотрѣла на Питера, но откровенно отвѣтила:

— Я была очень удивлена, Питеръ. Мнѣ говорили, что у васъ совершенно нѣтъ стила.

Питеръ улыбнулся:

— Помните, что сказалъ Бэконъ?

— Время было, время прошло; но что прошло, не вернется никогда?—спросила Леонора.

— Это можно, я думаю, отнести къ моему «невѣстному стилю».

— Пелль, Огденъ и остальные сдѣлали съ тобой то, чего я, несмотря на всѣ старанія, не могъ сдѣлать. Такъ ты, значить, свизошелъ къ молямъ твоихъ модныхъ пріятелей.

— Конечно, я старался одѣваться прилично ради «моихъ модныхъ друзей», когда я бывалъ съ ними. Но не они пріучили меня къ этому, хотя я рекомендовали мнѣ хорошаго портного, когда я рѣшился одѣваться получше.

— Значить, виновница переѣвны—твоя обширная юридическая практика? Ты сталъ фразитить, чтобы поражать кліентовъ своей вѣтшностью?

— Я думаю, что моя вѣтшность также мало повліяла бы на мою практику, какъ и обстановка моей конторы.

— Такъ кто же «она»? Выкладывай, старая лисица!

— Питеръ, скажите мнѣ,—просила Леонора.

Питеръ улыбнулся, глядя ей въ глаза.

— Кто «она»?

— Нѣтъ. Почему вы стали хорошо одѣваться? Пожалуйста!

— Вы будете надо мной смѣяться, если я скажу, что для моихъ избирателей.

— Вотъ вздоръ! Слишкомъ ужъ не искусно! Рассказывай это тѣмъ, кто поглупѣе. Ужъ не сталъ ли ты опекуномъ какой-нибудь очаровательной барышни?

— Для вашихъ избирателей, Питерь?

— Да. Не знаю, сдѣлаю ли я объяснить вамъ. Сначала я не обращалъ на свою внѣшность ни малѣйшаго вниманія. Но, поработавъ нѣсколько лѣтъ на политической аренѣ, я увидѣлъ, что, въ глазахъ народа, я отождествляю собою свой участокъ и являюсь его представителемъ. Я никогда не обращалъ вниманіе на свой костюмъ, и оказалось, что нѣсколько разъ, на разныхъ торжествахъ, митингахъ и открытіяхъ я былъ одѣтъ хуже, чѣмъ другіе. Такъ что, если просили кого-нибудь изъ моихъ избирателей показать меня, имъ было неловко за мою непредставительную наружность. Первый намекъ былъ сдѣланъ нескѣ одного изъ такихъ торжествъ, на которомъ я появился въ мягкой шляпѣ. Изъ всѣхъ присутствующихъ у меня одного не было цилиндра, и моимъ избирателямъ было стыдно за меня. Они сдѣлали складчину и пришли просить меня заказать новый фракъ, купить цилиндръ и перчатки. Конечно, такая просьба возбудила съ моей стороны вопросы, и хотя они сначала упорно отпалчивались, чтобы не обидѣть меня, я, въ концѣ концовъ, добился, въ чемъ дѣло. И съ тѣхъ поръ я началъ тратить деньги на портного и обращать большое вниманіе на свое платье.

— Ай да «шестой»! Да здравствуетъ неумытая демократія, для которой всѣ люди равны! Самый «сѣрый» участокъ и требуетъ, чтобы его великій человекъ походилъ на модную картинку! Послушай, другъ, мы можемъ сколько угодно толковать о равенствѣ, а все-таки низшіе классы всегда будутъ восхищаться и преклоняться передъ мишурнымъ сіяніемъ аристократіи.

— Ты ошибаешься. Они любятъ блестящіе зрѣлища, парады, балы и т. п.— да и кто ихъ не любитъ! Любить пре-

красное эстетично, но не аристократично. Однако, они меньше судятъ людей по наружности и богатству, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ, даже гораздо меньше, чѣмъ люди твоего круга. Они хотѣли, чтобы я хорошо одѣвался, потому что это было необходимо. Но пусть кто-нибудь изъ нихъ самихъ попробуетъ одѣваться сверхъ своихъ средствъ и положенія—его осмылятъ градомъ насмѣшекъ, а можетъ быть, поступать съ нимъ еще хуже.

— Понятно, они всегда рады осмѣять своего брата,—возразилъ Уаттсъ.— Единственно, чего эти люди не могутъ простить своимъ подобнымъ, — это ихъ успѣха. Но они ничего не посмѣютъ сказать одному изъ насъ.

— Если бы ты или Пелль, или Огденъ попробовали войти во фракъ въ пивную Бленкера, въ моемъ участкѣ, васъ бы попросили уйти, и не только ничего бы вамъ не дали выпить, но вы рисковали бы нарваться на дерзость. На прошлой недѣлѣ мнѣ пришлось зайти къ тому же Бленкеру прямо со званого обѣда. Я былъ во фракѣ, въ лакированныхъ ботинкахъ и даже съ цвѣткомъ въ петлицѣ, но всѣ присутствующіе съ радостью жали мою руку и просили посидѣть съ ними. Бленкеръ не надѣлъ бы такого платья, такъ какъ оно ему не свойственно. По той же причинѣ и вамъ всѣмъ нечего дѣлать въ пивной Бленкера—тамъ не ваше мѣсто. Но ребята знаютъ, что я одѣваюсь съ определенной цѣлью, а къ нимъ прихожу за дѣломъ. Я не важничая, я не хвастаю передъ ними моими средствами.

— Послушай, дружище, сведи меня какъ-нибудь вечеромъ къ Бленкеру и дай мнѣ посмотрѣть, какъ ты ораторствуешь передъ «ребятами». Мнѣ бы хотѣлось видѣть, какъ ты священнодѣйствуешь.

— Хорошо,—спокойно отвѣтилъ Питерь,—если ты позволишь мнѣ привести какъ-нибудь Бленкера посмотрѣть на одинъ изъ твоихъ званыхъ обѣдовъ. Я увѣренъ, что это доставитъ ему удовольствіе.

Леонора наморщила носикъ и отъ души расхохоталась.

— О, но это совсѣмъ другое дѣло,— протестовалъ Уаттсъ.

— Такая же разница, какая была между двумя людьми, у которыхъ болѣли зубы,—сказалъ Питеръ.—Они оба встрѣтились у дантиста, и случилось, что тотъ могъ въ данное время вырвать только одинъ зубъ. Возникъ вопросъ—какому изъ пациентовъ? «У меня много мужества,—сказалъ одинъ,—и я могу подождать до завтра».—«Я такой трусъ,—возразилъ другой,—что боюсь рѣшиться сегодня».

— Вы никогда не брали своихъ знакомыхъ въ такія мѣста, Питеръ?—спросила Леонора.

— Нѣтъ, я всегда отказывался. Теперь въ обществѣ въ модѣ «наблюдать народъ», и ко мнѣ часто обращались за содѣйствіемъ. У меня кровь закипаетъ, когда я слышу, какъ они говорятъ объ этомъ новомъ «удовольствіи». Они навиваютъ полицейскихъ для защиты и ходятъ по самымъ грязнымъ кварталамъ, гдѣ живутъ бѣдняки, врываются въ ихъ дома и копаются въ ихъ ранахъ, только изъ одного любопытства. А затѣмъ, вернувшись домой, за изысканнымъ ужинкомъ, запивая его шампанскимъ, со смѣхомъ вспоминаютъ «уморительныя» сцены, которыя имъ пришлось наблюдать. Если бы бѣдняки могли нанять полицейскихъ и разглядѣть блескъ и роскошь богатыхъ, они не стали бы смѣяться, хотя во дворцахъ на 5-ой Авеню куда больше смѣшного, чѣмъ въ домахъ рабочаго квартала. Я самъ недавно слышалъ, какъ одна молодая дѣвушка рассказывала о томъ, что она случайно ночью попала въ домъ гдѣ былъ покойникъ. «Намъ ужасно повезло»,—говорила она. «Было такъ смѣшно видѣть, какъ эти оборванцы плакали и въ то же время пили водку». Однако, вѣдь покойникъ,—можетъ быть кормилецъ семьи, погибшій въ борьбѣ за существованіе, или послѣдній маленький пришелецъ, не имѣвшій силы вести жизненную борьбу—лежалъ передъ глазами этой дѣвушки. Кто же былъ безсердечнѣе? Семья ли и друзья покойнаго, собравшіяся вокругъ него въ послѣднюю ночь, по своему обычаю. или

блестящее общество, со смѣхомъ смотрѣвшее на нихъ?—Питеръ забылъ, гдѣ онъ и съ кѣмъ говорить.

Леонора слушала, затаявъ дыханіе. Но въ ту минуту, какъ Питеръ кончалъ, она опустила голову и зарыдала. Питеръ мгновенно опомнился.

— Миссъ Д'Аллуа! — воскликнулъ онъ.—Простите меня. Я забылся. Не плачьте такъ.—Питеръ умолялъ ее испуганнымъ голосомъ. Онъ чувствовалъ себя почти убійцей.

— Полно, полно, Брощка. Перестань! Совершенно нечего плакать.

Леонора продолжала горько плакать, тщетно стараясь найти свой карманъ.

— Я знаю... что... я... очень... глупая... силсилась она выговорить, продолжая не попадать въ карманъ.

— Такъ какъ я виноватъ въ вашихъ слезахъ, позвольте мнѣ утереть ихъ,—сказалъ Питеръ. Онъ вынулъ свой собственный платокъ и имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ Леонора уткнулась въ него личикомъ. Черезъ минуту она посмотрѣла на Питера; ея горе, казалось уменьшилось.

— Я не знала, что вы можете такъ говорить,—объясняла она, все еще тихоно восклицывая.

— Пусть это послужитъ тебѣ урокомъ—замѣтилъ Уаттсъ.—Впередъ усмирй свой паеосъ, когда имѣешь дѣло съ маленькими дѣвочками.

— Ахъ, папа! Питеръ, я... я очень рада, что вы мнѣ это сказали. Я никогда туда не пойду!

Уаттсъ засмѣялся.

— Теперь я знаю, чѣмъ ты очаровалъ всѣхъ женщинъ, съ которыми мнѣ приходилось говорить о тебѣ. Ей-Богу, когда ты закнешь голову, и глаза твои загорятся, а голосъ дрожитъ отъ волненія, я не удивляюсь, что ты увлекаешь. Блянусь святымъ Георгомъ, ты прямо великолѣпнень, и тобою можно заливаться!

Это послѣднее и было причиной, что Леонора не плакала, пока Питеръ не кончилъ говорить. Женщины плачутъ охотно, но увѣряю васъ, онъ ни за что не заплачетъ, если могутъ заняться чѣмъ-нибудь инымъ.

Глава XI.

Различныя заключенія.

Когда прогулка кончилась, Леонору отослали домой въ экипажѣ, такъ какъ Уаттсъ заявилъ, что проѣдетъ вмѣстѣ съ Питеромъ въ клубъ.

Какъ только они усѣлись на извозчика, Уаттсъ сказалъ:

— Мнѣ хотѣлось поговорить съ тобой по поводу твоего письма.

— Въ чемъ дѣло?

— Все идетъ хорошо. Понятно, жена возмущена твоей предполагаемой безнравственностью, но я изо всѣхъ силъ стараюсь растрогать ее. Она горько оплакивала твои грѣхи на моемъ плечѣ вчера вечеромъ, а ни одна женщина послѣ этого не станетъ долго упрямитъ. Она очень скоро положить гнѣвъ на милость.

Питеръ нахмурился. Ему очень хотѣлось сказать Уаттсу, чтобы онъ не беспокоился больше, но его остановила мысль о Леонорѣ. Ему нужно видѣть ее только, чтобы убѣдиться, что она не для него—и для этого онъ долженъ бывать въ ея домѣ.

— Питеръ,—продолжалъ Уаттсъ,—завтра мы переѣзжаемъ въ нашъ собственный домъ, а во вторникъ на будущей недѣлѣ даемъ обѣдъ, чтобы отпраздновать новоселье и день рожденія Леоноры. Оставь за нами этотъ день, я ручаюсь, ты получишь приглашеніе, хотя оно, можетъ быть, придетъ немного поздно. Ты на это не обидишься?

— Нѣтъ, только пожалуйста, не ставляй меня слишкомъ часто фигурировать на твоихъ празднествахъ. Я не люблю ихъ, я не свѣтскій человѣкъ и врядъ ли сойду съ твоими знакомыми.

— По однимъ этимъ словамъ вижу, что ты не свѣтскій человѣкъ! Свѣтскіе люди готовы любезничать даже съ кенгуру, если онъ окажется ихъ сосѣдомъ за обѣденнымъ столомъ. Да и не можемъ мы поступать иначе. Мы яичный желтокъ, который помогаетъ смѣшивать самыя разнородныя элементы: масло, уксусъ, соль и горчицу. Мы ничѣмъ въ жизни не выдѣляемся, но безъ насъ люди не могутъ смѣшиваться.

— Я знаю,—сказалъ Питеръ,—что можно цѣлые часы переливать изъ пустого въ порожнее, но у меня есть дѣло поважнѣе этого.

— Конечно. Но и у насъ есть свои цѣли. Не думай, что такъ легко быть свѣтскимъ человѣкомъ. Это очень тяжелая обязанность.

— Зато совершенно не требующая умственного напряженія.

— Неправда. Развѣ ты не знаешь, что люди, посвящающіе жизнь «свѣту», должны быть его вождями? Тебѣ кажется вздоромъ часами выдумывать новый соусъ или новую фигуру котельона; для насъ же это не менѣе важно, чѣмъ для тебя назначеніе новаго кандидата на какую нибудь должность. Кромѣ того о чемъ же намъ говорить, какъ не о пустякахъ, если умные люди, подобно тебѣ, избѣгаютъ насъ?

— Да я не мѣшаю вамъ, меня только оставьте въ покоѣ.

— Онъ презираетъ насъ, запѣлъ Уаттсъ,—онъ предпочитаетъ разговоръ съ оборванцами, кабатчиками, «ребятами» и прочими развитыми интеллигентными людьми.

— Я люблю говорить съ каждымъ, кто трудится, имѣя опредѣленную цѣль въ жизни.

— Однако, Питеръ, что въ самомъ дѣлѣ думаютъ о насъ эти люди?

— Я лучше всего могу это передать тебѣ словами миссъ Де-Во. Мы какъ-то вмѣстѣ съ нею были на обѣдѣ. Тамъ же былъ одинъ господинъ изъ Чикаго, который очень разсердился, когда кто-то изъ присутствующихъ обнаружилъ свое незнакомство съ величиною и значеніемъ его родного города. Наконецъ, онъ сказалъ: «Вы такъ мало знаете мой городъ, что даже не умѣете правильно выговорить его названіе». Онъ обратился къ миссъ Де-Во: «Мы говоримъ Чикааго. А какъ вы выговариваете это въ Нью-Йоркѣ?» Миссъ Де-Во приняла свой спокойный, уничтожающій видъ, какъ всегда дѣлаетъ, когда собеседникъ ей не нравится, и холодно отвѣтила: «Мы въ Нью-Йоркѣ никакъ не говоримъ о немъ».

— Превосходно! Въ ней заговорила

кровь нашихъ предковъ—голландскихъ гугенотовъ.

— Ну, я другого мнѣнія объ этомъ замѣчаніи; добра оно сдѣлать не могло и было сказано съ намѣреніемъ оскорбить. Однако, эти слова могутъ опредѣлить отношеніе визшихъ словъ Нью-Йорка къ такъ называемому «обществу». Я работаю среди народа уже 16 лѣтъ и не замѣчалъ, чтобы они упоминали что-нибудь объ этомъ предметѣ.

— Мнѣ казалось, что анархисты и социалисты вѣчно кричатъ о насъ.

— Они встаютъ противъ богатей, но не противъ общества. Не смѣшивай дѣлаго съ его составными частями. Лимонная кислота—смертельный ядъ, но смѣшай ее съ водой и сахаромъ—получишь безвредный лимонадъ. То, что можетъ возбуждать ненависть, должно обладать силой.

Всѣ слѣдующіе дни Питеръ катался въ паркѣ и встрѣчался тамъ съ одной особой. Эта особа сообщила ему много интересныхъ вещей о своей жизни въ Европѣ, о своихъ мысляхъ, надеждахъ и чувствахъ.

«Онъ не смѣется надо мной, какъ папа, — думала она, — и мнѣ гораздо легче все говорить ему. Его въ самомъ дѣлѣ все интересуетъ. О, я всегда говорила, что мы съ нимъ будемъ друзьями!»

Однако, когда на четвертый день Питеръ встрѣтился съ Уаттсомъ и Леонорой, въ обращеніи съ нимъ этой послѣдней произошла перемѣна. Она привѣтствовала его сухимъ: «Здравствуйте!» и въ продолженіи десяти минутъ ему пришлось удовлетвориться разговоромъ съ Уаттсомъ.

Питеръ недоумѣвалъ, чѣмъ онъ провинился? И видя, что она не смягчается, прямо обратился къ ней:

— Что случилось?

— Съ кѣмъ?—спокойно спросила Леонора.

— Съ вами.

— Ничего.

— Это не отвѣтъ. Помните, мы влялись быть друзьями.

— Друзья навѣщаютъ другъ друга.

Питеръ почувствовалъ облегченіе и улынулся.

— Когда могутъ,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, другіе вовсе не приходятъ,—сказала Леонора очень строго. Потому она нѣсколько смягчилась.

— Почему вы не были у насъ? У васъ была дѣлая недѣля.

— Да,—сказалъ Питеръ,—и очень занятая недѣля.

— Вы намѣрены сдѣлать намъ визитъ, м-ръ Стерлингъ?

— Кому вы говорите?

— Конечно, вамъ.

— Мое имя Питеръ.

— Это зависть... Сдѣлаете вы намъ визитъ?

— Надѣюсь и собираюсь.

Леонора еще немножко смягчилась.

— Если собираетесь, то собирайтесь скорѣе,—сказала она. — Мама сегодня еще говорила, что хочетъ васъ позвать обѣдать въ день моего рожденія, въ будущій вторникъ, а я ей отвѣтила, что не хочу васъ звать, пока вы сами не придете.

— А знаете ли вы, что подкупъ запрещенъ закономъ?

— Что же, вы сдѣлаете визитъ?

— Непремѣнно.

— Вотъ и отлично. Когда же?

— Когда вы будете дома вечеромъ?

— Завтра,—отвѣтила Леонора и улынулась.

— Прекрасно,—сказалъ Питеръ. — Мнѣ жаль, что вы не сказали «сегодня», но и до завтра не очень далеко.

— Конечно. Вѣдь мы опять друзья.

— Надѣюсь, что да.

— А вы хотите быть настоящимъ другомъ, не только такъ себѣ?

— Непремѣнно.

— Какъ вы думаете, истинные друзья все говорятъ другъ другу?

— О да!—Питеръ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы Леонора все говорила ему, и даже очень желалъ этого.

— Вы увѣрены въ этомъ?

— Да.

— Ну такъ расскажите мнѣ, за что вы получили шпагу?

Уаттсъ засмѣялся:

— Она разспрашивала объ этомъ

всѣхъ, кого ни встрѣчала. Да расскажи ты ей объ этомъ, хоть ради меня!

— Я уже рассказывалъ вамъ.

— Не такъ, какъ я хочу. Вы ни капельки не стараетесь, чтобы заинтересовать меня. Кто-то помнитъ, что произошло что-то особенное, но никто не могъ точно сказать мнѣ—что? Пожалуйста, расскажите мнѣ хорошенько, Питеръ.

Леонора смотрѣла на Питера умоляющимъ взоромъ.

— Дѣло было во время большой желѣзнодорожной стачки. Компания Эри выписала рабочихъ изъ Нью-Йорка на мѣсто забастовавшихъ. Новыхъ рабочихъ помѣстили въ пустыхъ товарныхъ вагонахъ, такъ какъ было не безопасно переходить линію охраны. Нѣкоторые стачники одумались и просили принять ихъ на работу. Ихъ приняли, но оказалось, что они только разыграли комедію, чтобы попасть за линію осенной охраны. Ночью, когда новые рабочіе, утомленные двойной работой, спали, стачники вышли и забили двери вагоновъ. Они втолкнули оба вагона въ сарай, гдѣ были сложены тюки съ джутомъ, облили ихъ керосиномъ, подожгли и забаррикадировали двери сарая. По-настоящему, мы ничего не подозрѣвали, пока пламя не прорвалось черезъ крышу сарая, и только тогда одинъ изъ надзирателей, при свѣтѣ пожара, замѣтилъ, что вагоны съ рабочими исчезли. Пожарные насосы оказались безсильными,—стачники еще накануне позаботились перерѣзать всѣ рукава. Тогда намъ приказали добыть вагоны изъ сарая. Нѣсколько бунтовщиковъ попрятались въ зданіи, откуда можно было видѣть сарай, и пока мы разбивали дверь, они стали стрѣлять. Мы были ярко освѣщены пожаромъ, а они скрывались въ темнотѣ, что давало имъ большое преимущество надъ нами, а мы не могли терять времени, чтобы разогнать ихъ. Мы вывернули нѣсколько рельсовъ и разбили ими двери. Люди въ запертыхъ вагонахъ кричали, и по ихъ крику мы узнали, который вагонъ надо брать; къ счастью, онъ былъ ближе къ дверямъ. Мы взяли ружья—вагоны нака-

лились и до металлическихъ частей нельзя было дотронуться,—привинтили штыки, воткнули ихъ въ стѣнки вагона и такимъ образомъ вытолкнули изъ сарая. Когда мы очутились на воздухѣ, мы разбили тѣми же рельсами двери вагоновъ, которые успѣли загорѣться. Люди, бывшіе внутри вагоновъ, къ счастью, не пострадали, хотя были страшно перепуганы.

— А вы не пострадали?

— У насъ было восемь тяжело раненыхъ и много сильно обожженныхъ.

— Но вы сами?

— Я тоже получилъ свою долю ожоговъ.

— Я бы хотѣла, чтобы вы мнѣ рассказали то, что вы сами дѣлали, а не другіе.

Питеръ готовъ былъ сказать ей все, что она ни пожелаетъ, когда она такъ смотрѣла на него.

— Мнѣ было поручено командованіе этимъ отрядомъ. Я только распоряжался, если не считать отвинчивания рельсъ. Я случайно зналъ, какъ легко можно снять рельсы, не вывинчивая болтовъ; много лѣтъ тому назадъ я прочелъ объ этомъ въ книгѣ о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Не думалъ я, что это случайное свѣдѣніе поможетъ мнѣ спасти сорокъ жизней — вѣдь каждая минута промедленія могла имѣть роковое послѣдствіе! Вся внутренность сарая представляла одно море огня. Когда дверь была сломана, я только стоялъ и наблюдалъ, какъ вытатывали вагоны. Все остальное сдѣлала моя команда.

— Но вы говорите, что внутри сарая было море огня?

— Да. Управленію желѣзныхъ дорогъ пришлось сшить намъ новые мундиры. Такъ что мы были еще въ выигрышѣ. Я слышалъ, какъ многіе говорятъ, что милиція ни на что не годна. Но я увѣренъ, что они измѣнили бы свое мнѣніе, если бы видѣли, какъ видѣлъ я, какъ моя команда возилась съ горящими вагонами, среди массы пылающаго джута, имѣя надъ головой крышу, готовую провалиться каждую минуту, и едва кто-нибудь изъ людей показывался на мгновеніе изъ сарая, стачечники осыпали его градомъ пудъ.

— О,—воскликнула Леонора, и глаза ея заблестѣли отъ восторга. — Какое счастье быть мужниной и совершать подвиги! Какъ я жалѣю, что не знала объ этомъ въ Европѣ!

— Почему?

— Потому что иностранные офицеры всегда смѣются надъ нашей арміей. Я каждый разъ просто приходила въ бѣшенство, но ничего не умѣла имъ отвѣтить. Если бы я могла рассказать имъ это!

— Нѣтъ, только послушай, что говорить эта маленькая французенка!—сказалъ Уаттсъ.

— Я не французенка!

— Нѣтъ, Крошка, ты французенка.

— Неправда, я американка. У меня нѣтъ ни одной мысли, которая бы не была американской. Развѣ этого не достаточно, чтобы быть американкой, Питеръ, и развѣ не все равно, гдѣ я родилась?

— Я думаю, по закону вы—американка.

— Правда?—Леонора посмотрѣла на него вопросительно.

— Да. Вы родились отъ родителей американцевъ и вы будете жить въ Америкѣ. Поэтому, вы американка.

— О, какъ я рада! Я знала, что я американка, всегда знала, но папа дразнить и говорить, что я иностранка. Я ненавижу иностранцевъ.

— Чортъ тебя побери, дружище! Испортилъ мнѣ лучшее мое удовольствіе. Такъ уморительно было видѣть, какъ Крошка выходитъ изъ себя, когда я ее дразню. Она самая пламенная патриотка!

— Питеръ,—серьезно спросила Леонора,—что стоитъ письменное удостовѣреніе?

— Цѣна его очень растажима. Его можно сравнить съ мнѣніемъ одной женщины, которая сказала, про какой-то предметъ, что его длина равна длинѣ веревки.

— А ваши удостовѣренія?

— Я могу давать ихъ и даромъ, а на-дняхъ я писалъ удостовѣреніе для одного синдиката и получилъ восемь тысячъ долларовъ.

— Боже, какъ дорого! — вздохнула Леонора. — Боюсь мнѣ нельзя будетъ попросить васъ написать удостовѣреніе о томъ, что я американка. Я бы хотѣла вставить его въ рамку и повѣсить въ свою комнату. Вы дорого возьмете?

— Адвокаты имѣютъ обыкновеніе разузнавать, сколько денегъ у кліента вообще и спрашивать немного меньше этого. — отвѣтилъ Питеръ совершенно серьезно. — Сколько у васъ денегъ?

— Право, у меня теперь ничего нѣтъ. Перваго числа я получу двѣсти долларовъ, но у меня есть долги.

— А ты забыла, Крошка, бабушкино наслѣдство?

— Да, въ самомъ дѣлѣ. Я буду богата, Питеръ. Во вторникъ я вступаю во владѣніе своимъ состояніемъ. Я всегда забывала, какъ велико оно, но я увѣрена, что могу заплатить за свое удостовѣреніе.

— Послушай, Крошка, вѣдь намъ, въ самомъ дѣлѣ, придется вынуть твои бумаги, и тебѣ надо найти кого-нибудь, кто бы все это оформилъ и взялся вести твои дѣла,—сказалъ Уаттсъ.

— Я думаю,—обратилась Леонора къ Питеру, — что когда одинъ адвокатъ ведетъ всѣ дѣла, это обходится дешевле?

— Да, потому что онъ не сразу беретъ все, что имѣетъ кліентъ, а по частямъ,—объяснялъ Питеръ, сохраняя прежній, серьезный видъ.

— Такъ я думаю, что все передамъ вамъ. Мы какъ-нибудь заѣдемъ къ вамъ и потолкуемъ. Только, пожалуйста, напишите удостовѣреніе теперь, чтобы я могла доказать всѣмъ, что я американка.

— Хорошо. Но есть другой, еще болѣе вѣрный, способъ доказать это.

— Какой-же? — заинтересовалась Леонора.

— Выйти замужъ за американца.

— О, да, — сказала Леонора. — Я всегда собиралась это сдѣлать, но не сейчасъ.

ГЛАВА ХІІ.

Визитъ.

На слѣдующій вечеръ Питеръ охваченъ особенно тщателью, и занимаясь

этимъ важнымъ дѣломъ, онъ былъ въ довольно угнетенномъ настроеніи.

Допросъ свидѣтелей по дѣлу, въ которомъ онъ участвовалъ въ качествѣ третейскаго судьи, занялъ весь день, и онъ былъ лишенъ своей предобѣденной прогулки. Питеръ старался разогнать свое настроеніе гимнастикой, но это много разъ испытанное средство сегодня оказалось неэффективнымъ. Обѣдъ привелъ его въ немного лучшее расположеніе духа, но все-таки онъ не выглядѣлъ особенно довольнымъ, когда, выпивъ кофе, онъ взглянулъ на часы и убѣдился, что только десять минутъ девятаго.

Послѣ минутнаго колебанія, Питеръ надѣлъ пальто и отправился на востокъ, на одну изъ окраинъ города. Онъ прошелъ три квартала и, толкнувъ дверь, вошелъ въ ярко освѣщенное помѣщеніе, гдѣ его сразу обхватило свѣтомъ и тепломъ, тѣмъ болѣе приятнымъ, что на улицѣ дулъ свѣжій, мартовскій вѣтеръ. Питеръ кивнулъ головой тремъ приказчикамъ и спросилъ: «Деннисъ здѣсь?»

— Какъ же, м-ръ Стерлингъ. Всѣ заведѣнны здѣсь.

Петръ прошелъ черезъ комнату и, не стучась, вошелъ въ слѣдующую. Тамъ было человѣкъ двадцать мужчинъ, видимо чувствовавшихъ себя, какъ дома. Двое изъ нихъ играли въ домино на маленькомъ угловомъ столикѣ; трое въ другомъ углу играли въ карты; двое читали газеты; остальные сидѣли за круглымъ столомъ посрединѣ комнаты и курили. Нѣсколько пивныхъ кружекъ и стакановъ стояло на столахъ, но едва ли треть изъ двадцати пила что-нибудь. Въ ту минуту, какъ Питеръ отворилъ дверь, одинъ изъ сидящихъ вскочилъ на ноги.

— Ребята!— крикнулъ онъ. — Это м-ръ Стерлингъ! Эй-Богу, сэръ, какъ приятно видѣть васъ! Давно вы къ намъ не заглядывали.

Онъ пожалъ руку Питеру и подвинулъ ему стулъ.

Карты, домино, газеты были оставлены, и когда Питеръ пожалъ всѣмъ протянутыя ему руки и усѣлся къ столу,

всѣ присутствующіе окружили его. Питеръ положилъ цилиндръ на столъ, сбросилъ пальто и закурилъ сигару.

— У меня очень мало времени, Деннисъ. Но мнѣ предстояло на выборъ— выкурить сигару дома, прежде чѣмъ идти въ гости, или здѣсь. Вотъ я и пришелъ сюда переговорить со всѣми вами о Дентонѣ.

— А что онъ надѣлалъ?— полюбопытствовалъ Деннисъ.

— Я говорилъ съ нимъ сегодня о концессіи Гуммеля, которая будетъ предложена совѣту въ будущій вторникъ. Онъ мнѣ заявилъ, что не подастъ голоса за нее. Я ему объяснялъ, что, по моему мнѣнію, въ интересахъ города увеличеніе транзита, и спросилъ его о причинѣ его отказа, а онъ мнѣ заявилъ, что увѣренъ, что шайка Гуммеля подкупила кого слѣдуетъ, поэтому отказывается вотировать за него.

— Неужели онъ посмѣлъ это сказать?—заоралъ одинъ изъ слушателей.

— Да.

— Вотъ скотина! — замѣтилъ Деннисъ.—А самъ спитъ и видитъ, чтобы совѣтъ пропустилъ проектъ линіи конкурентовъ!

— Не думаю, что бы было какое-нибудь сомнѣніе въ томъ, что подкупы были съ обѣихъ сторонъ,—сказалъ Питеръ.—Боюсь, что ни одинъ биллъ безъ этого не прошелъ бы. Но компанія Гуммеля заслуживаетъ полнаго довѣрія и предлагаетъ городу хорошіе проценты, а тѣ, другіе, стараются захватить концессію въ свои руки только для того, чтобы съ барышнемъ продать ее тому же Гуммелю. Не могу сказать, что бы образъ дѣйствій обѣихъ конкурентовъ былъ мнѣ по душѣ, но такъ какъ дорога необходима, а концессія можетъ быть выдана только одна, то дѣло просто въ выборѣ между обими. Если бы Дентонъ отказался вообще давать голосъ, я бы ничего не имѣлъ противъ этого, но, приводя такую причину отказа вотировать за Гуммеля и соглашаясь вотировать за его конкурента, онъ показываетъ, что его игра не безупречна. Я этого ему не сказалъ только потому, что хотѣлъ сначала пе-

реговорить съ вами и убѣдиться, согласны ли вы со мной.

— Безъ всякаго сомнѣнія, сэръ,— сказала Деннисъ; всѣ остальные молча утвердительно закивали.

Питеръ взглянулъ на часы.

— Значить, я могу прижать его?

— Конечно!— закричали всѣ.

Питеръ всталъ.

— Деннисъ, не зайдете ли вы сегодня же или завтра пораньше къ Бленкерсу и Дрисколлу, чтобы узнать, какъ они думаютъ? Если они не согласны, попросите ихъ зайти ко мнѣ, когда у нихъ будетъ время.

— Непремѣнно, сэръ; я сбѣгаю къ нимъ черезъ десять минутъ. А если они заупрямятся, я заставлю ихъ согласиться.

— Благодарю васъ. До свиданія.

— До свиданія, м-ръ Стерлингъ!— отвѣтила всѣ хоромъ, и Питеръ вышелъ.

Деннисъ обратилъ на присутствующихъ свое сіявшее энтузіазмомъ лицо:

— Видѣли вы его, ребята? Что за фигура! Право, участокъ можетъ гордиться имъ!»

Питеръ вышелъ на Бродвей и быстрыми шагами пошелъ впередъ.

Несмотря на холодъ, онъ разстегнулъ скюртку и несъ пальто на рукѣ; ему вовсе не хотѣлось принести въ изящную гостиную запахъ дешеваго табаку своихъ избирателей. Такъ онъ дошелъ до Мадисенъ-Сквера и только тутъ, взглянувъ на часы, взялъ извозчика. Было уже четверть десятаго, когда онъ позвонилъ у дверей дома на 57-й улицѣ, но отворившій ему лакей заявилъ, что «господа еще кушаютъ». Питеръ вышелъ на улицу и, пройдя нѣсколько шаговъ, вошелъ въ другой домъ.

— Миссисъ Пелль дома?— спросилъ онъ, подавая свою карточку.

Его тотчасъ попросили въ гостиную. — Добро пожаловать, рѣдкій гость,— привѣтствовала его хозяйка. Какъ мило, что вы пришли именно сегодня вечеромъ. Вънѣ только что пріѣхалъ изъ Вашингтона въ отпускъ на два дня.

— А я сейчасъ собирался къ вамъ, чтобы узнать отъ васъ, что думаетъ на-

родъ, чтобы имѣть возможность облегчить задачу нашихъ законодателей, когда вернусь къ нимъ,— сказала хозяйка.

— Я сегодня написалъ Попу подобное письмо и просилъ показать его вамъ,— отвѣтилъ Питеръ,— дѣла идутъ не важно и съ каждымъ днемъ все хуже.

— Однако, Питеръ,— замѣтила хозяйка,— вѣдь вы лидеръ, зачѣмъ же вы позволяете имъ идти дурно.

— Чтобы оставаться лидеромъ,— спокойно сказалъ Питеръ, улыбаясь.

— Вотъ что значить возиться съ вашими избирателями!— разсердилась миссисъ Пелль.— Вы начинаете заражаться ирландскимъ остроуміемъ.

— Нѣтъ,— возразилъ Питеръ, я говорю совершенно серьезно, а тѣ, которые не понимаютъ моихъ словъ, не понимаютъ всей американской политики.

— Но вы нарочно говорите, что не желаете руководить, чтобы оставаться лидеромъ! Вѣдь это нехорошо!

— Нисколько. Лучшій способъ лишиться власти— это злоупотреблять ею, какъ это ни кажется противорѣчивымъ. Христосъ положилъ основы демократическаго управленія, когда сказалъ: «Кто изъ васъ хочетъ быть господиномъ—будъ всѣмъ слугою».

— Надѣюсь, что вы не заведете вашу теорію такъ далеко, чтобы допустить Магира?— со страхомъ спросилъ м-ръ Пелль.

— Ради Бога, не говорите о политикѣ!— взмолилась его жена.— Я не видѣла Вѣна уже два мѣсяца, а Питера просто съ незапамятныхъ временъ, и только что я обрадовалась, что проведу пріятный вечеръ, какъ они оба уже погружаются въ свою несносную политику!

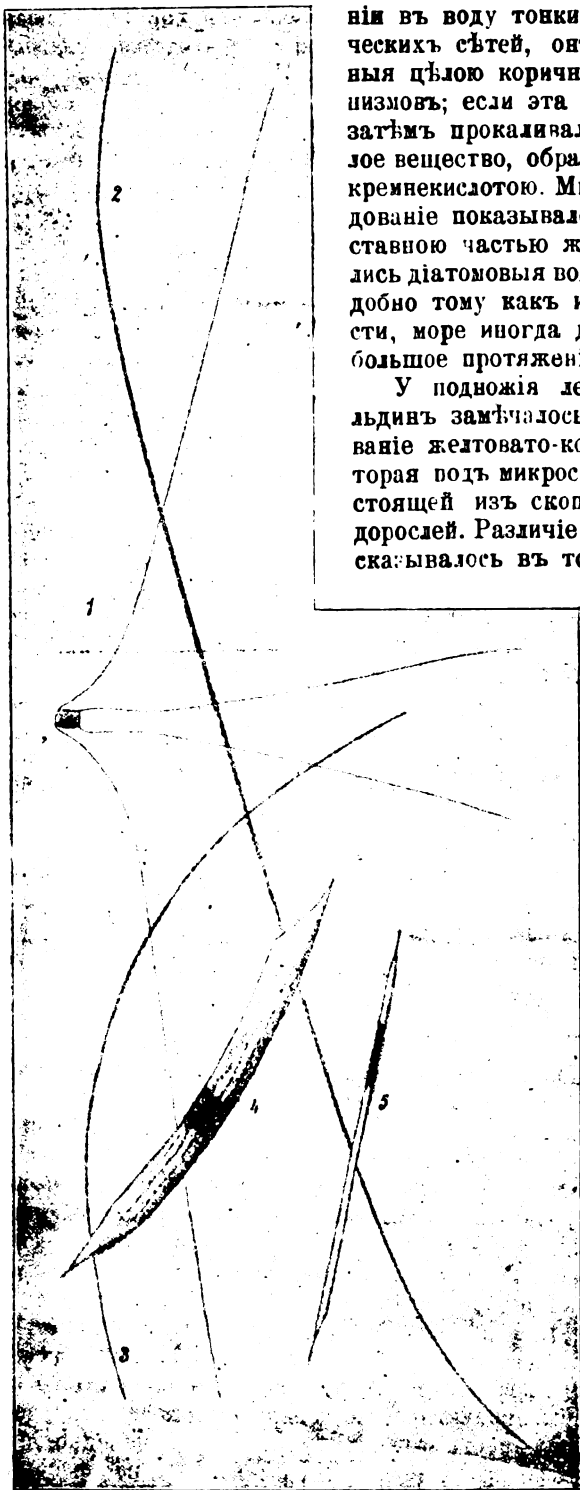
— Я зашелъ только, чтобы позвать вамъ руку,— сказалъ Питеръ.— Мнѣ еще надо сѣлать одинъ визитъ, и я могу пробыть у васъ только 20 минутъ.

Дѣйствительно, черезъ 20 минутъ Питеръ входилъ въ гостиную Д'Аллуа. Онъ позвалъ руку миссисъ Д'Аллуа и Леоноры, затѣмъ его представили мадамъ Меллери, полугубернанткѣ и полуккомпаньонкѣ Леоноры, какому то м-ру Максвеллу и какому-то маркизу. Этѣ

остроконечными башнями, то готическіе соборы съ горделиво поднимающимися куполами, то замки или гигантскіе амфитеатры—глазъ не можетъ насытиться прелестью этого зрѣлища! Нерѣдко ледяныя горы не лишены и обитателей—на нихъ находятъ себѣ пріютъ колоніи пингвиновъ, избирающихъ ихъ для своихъ странствій по антарктическимъ водамъ,—вокругъ вьются буревѣстники и альбатросы, пользуясь прибоемъ вокругъ ледяной горы, чтобы поживиться рыбою и другими морскими животными.

Еслибы кто-нибудь спросилъ меня, какое море произвело на меня наиболѣе сильное впечатлѣніе, я безъ колебанія отвѣтилъ бы—антарктическое. Правда, эта область лишена солнечнаго блеска и теплыхъ тоновъ юга,—небо покрыто сѣрой завѣсой и вода также сѣраго унылаго цвѣта. Длиныя волны, постоянно раскатывающіяся по морской поверхности, кажутся спокойнымъ дыханіемъ спящаго великана. Его покровомъ является непроницаемый туманъ, мертвая тишь царить вокругъ и лишь размѣренные удары винта нашего судна, осторожно пробирающагося въ неизвѣстныя области, нарушаютъ тишину. Тихо становится и на мостикѣ,—съ удвоеннымъ напряженіемъ вглядываются и вслушиваются всѣ и стараются угадать, гдѣ таятся опасности, ревниво оберегаемыя загадочными водами Антарктики. Рѣзкимъ диссонансомъ раздастся ночью пароходный свистокъ, разносящійся далеко по окрестностямъ. Покой этотъ, однако, обманчивъ! Поднимается легкій бризъ и въ поразительно короткое время, все разростаясь и разростаясь, переходитъ въ сильнѣйшій штормъ, который разгоняетъ туманъ, но зато несетъ съ собою снѣжную метель и рѣжетъ глаза и лицо ледяными иглами. Волны разыгрываются все сильнѣе и сильнѣе и вскорѣ достигаютъ такой длины и вышины, какая не наблюдается ни въ какомъ другомъ морѣ. Кажется, будто таившіяся въ скрытомъ состояніи силы расходились, все пришло въ дикое смятеніе, великанъ пробудился отъ сна! Стаи буревѣстниковъ и огромные альбатросы кружатся вокругъ судна, то равняясь съ верхушками его мачтъ, то опускаясь къ поверхности волнъ. Съ яростью ударяются волны въ поля плавучаго льда и съ еще большимъ бѣшенствомъ бьютъ они грудь ледяныхъ исполиновъ, неподвижно выдерживающихъ натискъ и не обращающихъ вниманія на разыгравшуюся стихію.

Въ ледяной водѣ поверхностныхъ слоевъ антарктическаго моря, охлажденныхъ ниже 0°, кишитъ поразительно обильная животная и растительная жизнь. Здѣсь повторяются тѣ же условія, которыя извѣстны намъ въ арктическихъ моряхъ,—продуктивность ихъ поверхностныхъ слоевъ значительно превосходитъ воды умѣренныхъ и теплыхъ морей. Правда, развитіе массы животныхъ и растительныхъ организмовъ продолжается не въ теченіе всего года: лишь когда весною солнце поднимается надъ горизонтомъ, поверхность моря начинаетъ населяться міриадами микроскопическихъ организмовъ, количество которыхъ въ началѣ лѣта нѣсколько сокращается, чтобы затѣмъ въ концѣ лѣта вторично развитіе роскошнѣйшимъ образомъ. Затѣмъ, съ наступленіемъ осени, количество организмовъ уменьшается и въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ продуктивность поверхности холодныхъ водъ значительно ниже продуктивности теплыхъ морей. Мы, очевидно, проникли въ высокія широты въ то время, когда количество органическихъ веществъ достигло своего максимальнаго развитія,—при опуска-

ніи въ воду тонкихъ шелковыхъ пелагическихъ сѣтей, онѣ приходили наполненныя дѣлюю коричневою кашницею организмовъ; если эта масса высушивалась и затѣмъ прокаливалась, то получалось бѣлое вещество, образованное почти чистой кремнекислотою. Микроскопическое изслѣдованіе показывало, что главнѣйшей составною частью живыхъ существъ являлись діатомовыя водоросли, которыми, подобно тому какъ и въ арктической области, море иногда даже окрашивалось на большое протяженіе.

У подножія ледяныхъ горъ, у края льдинъ замѣчалось обыкновенно образование желтовато-коричневой каемки, которая подъ микроскопомъ оказывалась состоящей изъ скопленія діатомовыхъ водорослей. Различіе отъ арктическихъ водъ сказывалось въ томъ, что здѣсь совершенно отсутствовали

встрѣчающіяся на сѣверѣ въ огромномъ количествѣ цератіи (*Ceratium*). Эти трехрогія существа, о которыхъ намъ случалось уже говорить выше при характеристикѣ Гвинейскаго течения (стр. 31) попадались намъ еще довольно часто до 17-го ноября на поверхности моря, но уже на слѣдующій день составъ планктона внезапно измѣнился, появились новыя водоросли на поверхности; это произошло какъ разъ въ тотъ же самый день, когда термометръ указалъ послѣдній разъ присутствіе теплаго Агуасскаго течения и холодныя проникающія въ него съ сѣвера струи стали получать пс-

Рис. 38. Поверхностный планктонъ Антарктическаго моря. Увел. 145 разъ. 1.—*Chaetoceras* sp.—2, 3.—*Synedon* sp.—4 5.—*Rhizocolenia* sp.

ревѣсь. Съ тѣхъ поръ получили преобладаніе исключительно діатомовыя водоросли, смѣшанныя съ другими одноклѣтными водорослями, имѣвшими видъ небольшихъ слизистыхъ комочковъ. Къ нимъ присоединились рой мелкихъ рачковъ изъ отряда веслоногихъ, многочисленныя сагитты и антарктическія крылоногіе моллюски (птероподы). Когда начиналась буря, и волны разбивались въ пѣну о ледяныя горы, бросалось въ глаза, что пѣна эта не имѣла ослѣпительно-бѣлаго цвѣта, а была нерѣдко желтоватой или сѣрой, — это объясняется присутствіемъ огромнаго количества микроскопическихъ организмовъ. Нѣсколько недѣль мы почти исключительно занимались собираніемъ и изученіемъ этого планктона и намъ удалось получить кое-какія новыя данныя, относительно состава и вертикальнаго распредѣленія его. Я позволю себѣ коснуться нѣсколько ближе этого предмета.

Діатомовыя водоросли, въ качествѣ одноклѣтныхъ растительныхъ организмовъ, обладаютъ способностью вырабатывать изъ неорганическихъ веществъ, подъ вліяніемъ солнечнаго свѣта и при участіи желтовато или коричневатого окрашенныхъ хроматофоровъ, бѣлковыя вещества, изъ которыхъ слагается ихъ тѣло. Хроматофоры діатомовыхъ обуславливаютъ ту желтовато-коричневую основную окраску, которая свойственна антарктическому планктону поверхности. Въ виду того, что діатомовыя размножаются бесполомъ путемъ, именно непосредственнымъ дѣленіемъ, онѣ могутъ въ короткое время размножиться до такой степени, что вся поверхность моря оказывается окрашенной. Стѣнки клѣтокъ ихъ состоятъ изъ кремниевой кислоты и несутъ тѣ изящнѣйшіе рельефныя узоры, благодаря которымъ діатомовыя составляютъ любимѣйшій объектъ изученія всѣхъ микроскопистовъ. Кремневый панцырь ихъ состоитъ изъ двухъ половинокъ, которыя заходятъ одна на другую, какъ крышка на коробку, — при дѣленіи обѣ половинки расходятся, и недостающія половинки панцыря возстапавливаются, такъ что изъ одного организма образуются два новыя.

Въ составъ антарктическаго планктона входятъ діатомовыя, которыя большую часть представляютъ, по сравненію съ водящимися въ другихъ моряхъ, лишь иные виды. Въ наибольшемъ количествѣ встрѣчаются прежде всего представители рода *Chaetoceras*, у которыхъ клѣточное тѣло снабжено длинными придатками, позволяющими особямъ соединяться въ цѣпи (рис. 38). Вблизи льда эти діатомовыя играютъ преобладающую роль въ планктонѣ поверхности. На ряду съ ними встрѣчаются сильно вытянутыя въ длину палочкообразныя *Rhizosolenia* и представители рода *Synedra*, сходныя съ изогнутыми иглами и представленныя многочисленными видами. Въ видѣ исключенія попадаются иногда по множествѣ изящныя виды *Corethron* и *Fragilaria*. Обыкновенно представители одного изъ родовъ являются настолько преобладающими въ данной пробѣ планктона, что можно говорить о *Chaetoceras*'овомъ, *Rhizosolenia*'евомъ, *Synedra*'евомъ и *Corethron*'евомъ планктонѣ. Гораздо рѣже встрѣчаются на поверхности дисковидныя, похожія по формѣ на монеты *Coccinodiscus* и *Asteromphalus* (рис. 39), на ряду съ другими формами, которыхъ мы не будемъ называть, чтобы не утомлять читателя. Удивительнымъ кажется полное отхожденіе на задній планъ жгутиковыхъ инфузорій (*Flagellata*), изъ которыхъ, какъ уже было сказано, цератин совершенно отсутствуютъ, а другія перидиніевыя представлены лишь немногими видами. Нельзя, однако, думать, что всѣ эти организмы сконпляются въ наибольшемъ количествѣ на поверхности, — намъ тотчасъ же бросилось въ глаза, что поверх-

ностные слои, толщиною приблизительно въ 40 метровъ, бѣднѣе плавающими организмами, чѣмъ слои болѣе глубокіе. Довольно трудно, впрочемъ, сказать, каковы тѣ неблагоприятныя условія, которыя вы-

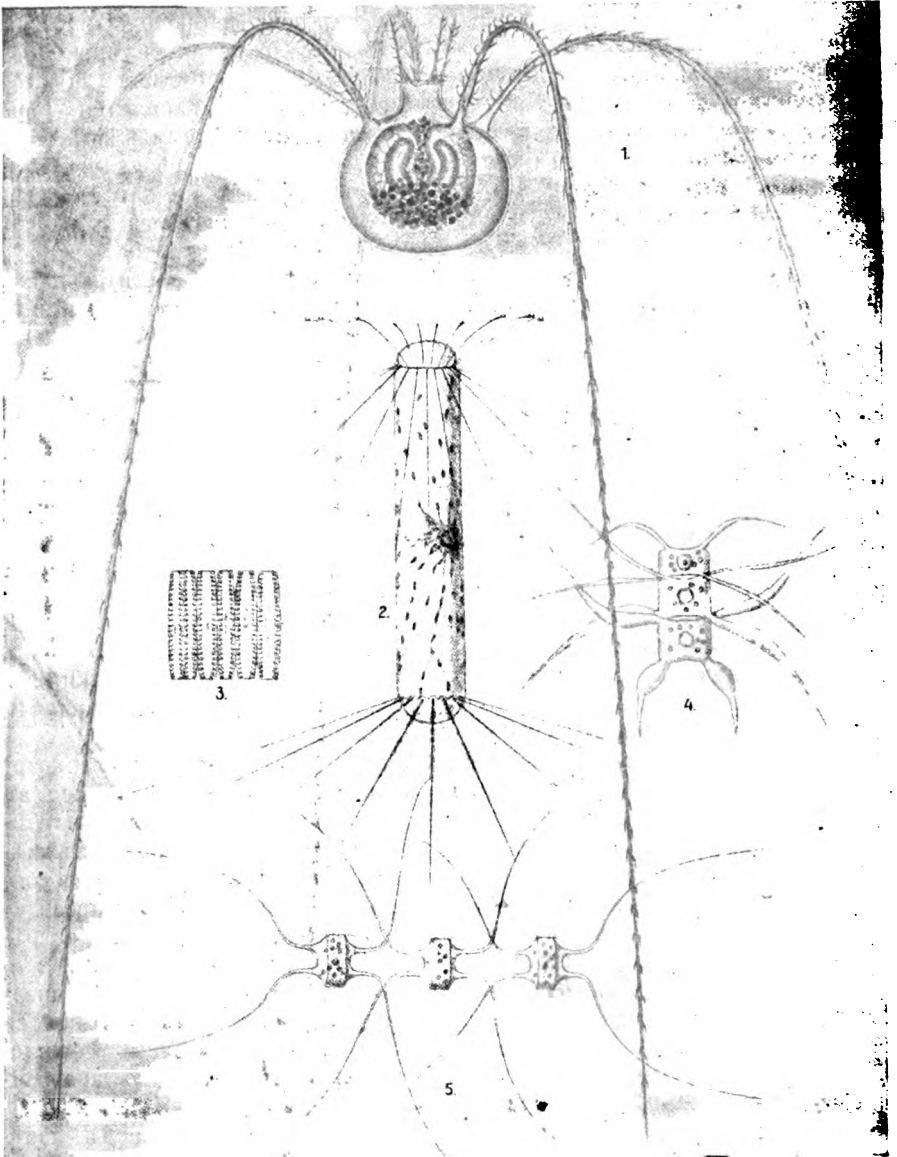

Рис. 39. Планктонъ поверхности и глубинъ Антарктическаго моря.
1.—*Tuscarora* sp. (радіоларія изъ Феодаріи). Діатомовыя водоросли: 2.—*Corethron* sp.—3.—*Fragilaria* sp.—4 и 5—*Chaetoceras* sp.

зываютъ болѣе слабое развитіе планктона въ поверхностныхъ слояхъ. Несмотря на то, что послѣдніе непосредственно освѣщаются лучами солнца. Температура не можетъ въ данномъ случаѣ имѣть никакого

вліянія, такъ какъ поверхность, какъ было нами сказано ранѣе, даже нѣсколько теплѣе, чѣмъ слои между 40 и 80 метрами. Быть можетъ, причиною является то обстоятельство, что микроскопическимъ организмамъ, столь чувствительно реагирующимъ на вѣшнія условія, не нравится нѣсколько меньшее содержаніе соли въ поверхностныхъ слояхъ которое происходитъ отъ обилія прѣсной воды, даваемой тающими ледяными горами и полями. Содержаніе соли здѣсь 33,7 на 1.000, тогда какъ въ болѣе глубокихъ слояхъ (на 150 метровъ)—34 на 1.000 и затѣмъ съ возрастаніемъ глубины медленно увеличивается. Нерѣдко мы замѣчали, что какъ разъ вблизи ледяныхъ полей поверхность бѣднѣе всего организмами.

Отъ микроскопическихъ растительныхъ организмовъ поверхности, составляющихъ, такъ сказать, первоначальную и основную пищу моря, зависитъ существованіе всѣхъ остальныхъ организмовъ, не исключая глубоководныхъ. Какъ ни простъ кажется этотъ выводъ, все же потребовалось много трудовъ для того, чтобы обосновать его. Не трудно замѣтить, каковы тѣ препятствія, какія возникаютъ при рѣшеніи вопроса о питаніи глубоководныхъ организмовъ. Діатомовыя водоросли и другіе низшіе растительные организмы требуютъ для своего существованія и для возможности ассимилировать неорганическія вещества присутствія свѣта и не могутъ жить при слабомъ освѣщеніи. Насколько намъ извѣстно въ настоящее время, ниже 500 метровъ свѣтъ не проникаетъ, и тамъ царитъ абсолютный мракъ. Если поверхностные слои моря содержатъ въ изобиліи организмы планктона, то, несомнѣнно, свѣтъ проникаетъ еще на меньшую глубину, чѣмъ въ кристально-чистой и бѣдной жизнью водѣ хотя бы, наприимѣръ, сѣверо-западной части Индійскаго океана. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ антарктическомъ морѣ съ его удивительной продуктивностью жизни на поверхности свѣтъ сильно ослабляется въ болѣе глубокихъ слояхъ. Для сужденія объ интенсивности освѣщенія глубокихъ слоевъ довольно правильный масштабъ даетъ проникновеніе туда ассимилирующихъ организмовъ. Если удастся доказать, что на извѣстной глубинѣ ихъ нѣтъ или что обнаруживается измѣненіе содержимаго кѣттокъ такое же точно, какъ вызываемое искусственнымъ затемненіемъ, то мы можемъ предположить, что свѣта не достаточно для возможности ассимиляціи.

Въ виду такихъ соображеній, экспедиція обратила особое вниманіе на то, чтобы систематически производящимися на одномъ и томъ же мѣстѣ ловами при помощи замыкающихся сѣтей рѣшить вопросъ о томъ, на какую глубину проникаютъ водоросли. Осуществленіе такихъ лововъ было сопряжено, однако, съ большими трудностями уже вслѣдствіе того обстоятельства, что дѣло касалось наимельчайшихъ организмовъ,—приходилось особенно заботиться о томъ, чтобы горловина сѣти безукоризненно закрывалась, такъ какъ иначе при поднятіи замкнутой сѣти въ нее могли бы попасть живые организмы изъ поверхностныхъ слоевъ. Если недостаточно чисто вымыты сосуды, въ которые погнѣщается содержимое сѣти, то уже одна капля морской воды съ поверхности можетъ находящимися въ ней діатомовыми водорослями затемнить результаты. Еще большаго вниманія требовала тщательная промывка мѣшка сѣти дегидрированной водой, что также должно было предохранять отъ ошибочныхъ заключеній. Кроме того, при подобныхъ работахъ мы приняты за правило сперва поднимать пробу съ наибольшей глубины и затѣмъ уже брать изъ слоевъ болѣе близкихъ къ поверхности. Если бы поступать въ обратномъ порядкѣ, то легко могло

бы случиться, что, не смотря на самое тщательное обмываніе сѣтвого мѣшка, все же нѣкоторыя поверхностныя формы оставались бы въ матеріи и попадали въ глубоководные сборы. Должно замѣтить еще, что мы были въ состояніи очень скоро опредѣлить, не заключается ли какихъ-нибудь источниковъ ошибокъ, такъ какъ проф. Шимперъ вмѣстѣ съ зоологами изслѣдовалъ содержимое замыкающихся сѣтей сейчасъ же, какъ только онѣ бывали подняты. Результаты его изслѣдованій надъ вертикальнымъ распредѣленіемъ растительныхъ организмовъ сводятся къ слѣдующему. Главная масса растительнаго планктона скопляется между 40 и 80 метрами глубины, — по направленію къ поверхности количество, какъ уже было сказано, уменьшается. Столь же замѣтно быстрое уменьшеніе количества ниже 80 метровъ. На основаніи нашихъ изслѣдованій, мы можемъ съ увѣренностью утверждать, что нижняя граница распространенія живыхъ растительныхъ организмовъ лежитъ между 300 и 400 метровъ. Ниже 200 метровъ живыя діатомовыя водоросли встрѣчаются въ столь незначительномъ количествѣ, что нерѣдко приходится очень долго разсматривать препараты, пока найдешь таковыя. Тамъ не встрѣчается болѣе цѣпей *Chaetoceras*, а лишь отдѣльныя звѣнья ихъ; виды рода *Corethron* также отсутствуютъ ниже 80 метровъ совершенно, а *Rhizosolenia*, *Fragilaria* и *Synedra* встрѣчаются лишь очень рѣдко. Замѣчательно, съ другой стороны, что количество экземпляровъ *Coscinodiscus* и *Asteromphalus* сохраняется до 200 метровъ безъ замѣтнаго уменьшенія, тогда какъ тотъ фактъ, что не ассимилирующія перидиніевыя также встрѣчаются на большой глубинѣ въ относительно значительномъ количествѣ, — разумѣется, менѣе удивителенъ.

Такъ называемой «тѣневой» флоры, съ которой мы познакомились въ болѣе теплыхъ моряхъ, въ антарктической области не было замѣтно вовсе, тѣмъ болѣе, что и характерный представитель этой флоры — родъ *Halosphaera* съ появленіемъ холодной воды исчезаетъ.

Подводя итоги полученнымъ результатамъ, мы видимъ, что растительный планктонъ ограничивается сравнительно тонкимъ поверхностнымъ слоемъ и ниже 400 метровъ совершенно отсутствуетъ. Въ противоположность этому, наши уловы замыкающимися сѣтями показываютъ, что животныя, которыя, въ концѣ концовъ, питаются растеніями же, существуютъ виже 400 метровъ и до самаго морского дна встрѣчаются въ удивительно большомъ количествѣ. Въ одномъ изъ улововъ, произведенныхъ нами 12-го декабря на глубинѣ 4.000—5.400 метровъ, мы нашли живыхъ радіолярій (*Acanthometra*), живыхъ вселюгоныхъ рачковъ, относящихся къ четыремъ родамъ и сопрождаемыхъ быстро двигающимися личинками ракообразныхъ, и, наконецъ, рачка изъ остракодъ. Не смотря на то, что организмы эти подвергались страшному давленію въ 500 атмосферъ, строеніе ихъ хорошо сохранилось. Въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ мы знаемъ, что давленіе это не одностороннее, а происходитъ по известнымъ законамъ равномерно со всѣхъ сторонъ, и организмъ представляетъ изъ себя какъ бы небольшую капельку воды, которая при самомъ сильномъ давленіи претерпѣваетъ лишь весьма незначительное сжатіе.

Начиная съ этихъ большихъ глубинъ и до поверхности наши замыкающіяся сѣти приносили безъ исключенія каждый разъ большее или меньшее количество животныхъ. Между ними преобладали въ особенности радіоляріи, относящіяся къ семействамъ акантометридъ и феода-

рий, многочисленныя веслоногія (*Copepoda*) и остракоды. По мѣрѣ приближенія къ поверхности къ нимъ присоединялись увеличивающіяся въ числѣ радіоляріи изъ семейства чалленжеридъ, глобигерины, сагитты, личинки кольчатыхъ червей (*Pelagobia*) и отдѣльные крылатые моллюски (*Limacina*), медузы и аппендикуляріи.

Замыкающая сѣть, въ качествѣ аппарата очень нѣжнаго, добывается, конечно, лишь мелкіе организмы, а потому мы производили также многочисленныя ловы большими вертикальными сѣтями и убѣдились въ томъ, что въ болѣе глубокихъ слояхъ антарктическаго моря имѣются крупныя рыбы (*Scopelidae*), головоногія со стебельчатыми глазами, десятиногіе раки и фіолетовыя медузы (*Periphylla*). Въ виду того, что сборы, сдѣланные замыкающимися сѣтями еще не обработаны подробно, пока трудно сказать, наблюдается ли какая-либо правильность въ вертикальномъ распредѣленіи различныхъ встрѣчающихся здѣсь видовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это, повидимому, такъ, — на примѣръ, самую красивую изъ всѣхъ радіолярій; такъ называемую *Tuscarora*, мы встрѣчали лишь тогда, когда опускали наши сѣти на наиболѣе значительную глубину.

Вѣроятно у читателя являлся уже невольнo вопросъ: какимъ способомъ могутъ существовать животныя въ тѣхъ областяхъ, гдѣ растительная жизнь, отъ которой зависитъ и существованіе животныихъ, отсутствуетъ. И на этотъ вопросъ даютъ отвѣтъ ловы замыкающимися сѣтями. Дѣло въ томъ, что растительные организмы, возникающіе на поверхности, отмирая, медленно опускаются въ ниже лежащіе слои. Благодаря консервирующему дѣйствию холодной морской воды, протоплазма не разлагается тотчасъ же, а остается въ болѣе или менѣе неизмѣнномъ состояніи, окруженная панциремъ, и попадаетъ на большія глубины. Иногда содержимое діатомовыхъ водорослей, характерныхъ своими толстыми скорлупками, оказывалось столь хорошо сохранившимся, что можно было счесть эти организмы, принесенныя съ глубины около 1.000 метровъ, за живые, и лишь измѣнившееся расположение хроматофоръ указывало на то, что они отмерли. Такимъ образомъ, отъ богатой трапезы на поверхности все же попадаютъ обитателямъ глубинъ нѣкоторыя крохи, позволяющія имъ существовать. Впрочемъ, чѣмъ глубже опускается сѣть, тѣмъ рѣже она привозитъ растительные остатки съ сохранившейся плазмой и тѣмъ болѣе преобладаютъ получаютъ пустые панцири поверхностныхъ формъ. Замѣчательно, что какъ разъ самыя обыкновенныя діатомовыя, именно виды рода *Chaetoceras*, ниже 600 метровъ почти совершенно исчезаютъ, причемъ не только разлагается ихъ протоплазматическое тѣло, но и разоряются при опусканіи безъ остатка ихъ скорлупки. Напротивъ, обломки скорлупокъ *Rhisosolenia*, *Fragilaria*, *Synedra* и *Coscinodiscus* доходятъ до морского дна и въ болѣе глубокихъ слояхъ получаютъ перевѣсъ наиболѣе крѣпкіе панцири діатомовыхъ *Fragilaria* и *Coscinodiscus*.

Съ этими наблюденіями стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи уменьшеніе количества животной жизни съ глубиною. Съ 400 до 1.500 метровъ глубины встрѣчается еще довольно обильное количество живыхъ животныхъ, далѣе же, чѣмъ глубже опускается сѣть, тѣмъ бѣднѣе и бѣднѣе становится фауна. Животныя, встрѣчаемыя въ среднихъ слояхъ воды, въ большинствѣ количествъ отмираютъ и опускаются на дно, — группы ихъ служатъ пищею для видовъ, водящихся въ самыхъ глубокихъ слояхъ. Благодаря этому оказывается, что всѣ слои воды содержатъ

органическое вещество), которое можетъ служить пищею для живот-ныхъ. Глубоководныя организмы морского дна обладаютъ неисчерпае-мымъ источникомъ пищи,—все, что отмираетъ въ поверхностныхъ, среднихъ и глубокихъ слояхъ и опускается на дно въ полуразложив-шемся состояніи, служитъ добычею придонной фауны. Чѣмъ обильнѣе количество органической матеріи, производимой на поверхности, тѣмъ роскошнѣе развивается пелагическая глубоководная фауна и тѣмъ бо-гаче животная жизнь на самомъ днѣ. Всѣ наблюденія указываютъ съ полной достовѣрностью, что придонная фауна стоитъ въ прямой за-висимости отъ продуктивности верхнихъ слоевъ,—въ антарктическомъ морѣ съ его поразительнымъ обиліемъ органической жизни на поверх-ности жизнь оказывается развитой, по нашимъ наблюденіямъ, удиви-тельно богато даже на глубинахъ между 4.000 и 5.000 метровъ.

Морское дно является гигантскимъ кладбищемъ, гдѣ находятъ упо-коеніе организмы, завершившіе свою жизненную дѣятельность на по-верхности. Органическое вещество при опусканіи на дно растворяется или идетъ въ пищу другимъ организмамъ, неорганическіе же остатки скорлупокъ сильнѣе противостоятъ разрушенію и опускаются на дно. Достигаютъ до дна, впрочемъ, не всѣ скорлупки: наши сборы замыкаю-щимися сѣтями доказываютъ неопровержимо, что значительная часть кремневыхъ скелетовъ растворяется во время продолжительнаго путе-шества по мрачнымъ глубокимъ слоямъ; особенно постигаетъ такая судьба столь многочисленныя на поверхности виды родовъ *Chaetoceras* и *Corethron*, которые вмѣстѣ со своими скелетами погибаютъ уже на небольшихъ глубинахъ и ниже 600 метровъ почти совершенно отсут-ствуютъ. Известковыя раковинки сравнительно рѣдко встрѣчающихся на поверхности глобигеринъ и крылоногихъ растворяются на болѣе зна-чительныхъ глубинахъ, такъ что грунтъ дна антарктическаго моря, какъ показали уже изслѣдованія экспедиціи «Челленжера», состоятъ пре-имущественно изъ кремневыхъ панцырей діатомовыхъ. До нѣкоторой степени морское дно представляетъ изъ себя зеркало, отражающее въ въ себѣ то, что творится на поверхности моря,—впрочемъ отраженіе это не всегда вполнѣ правильно. Отъ области острова Бувэ до земли Эндерби мы находили грунтъ состоящимъ почти изъ однихъ кремневыхъ панцырей діатомовыхъ и лишь на самой южной точкѣ, которой мы достигли, стали примѣшиваться неорганическія частицы, указывавшія на происхожденіе отъ близко лежащаго материка.

На прилагаемомъ рисункѣ (рис. 40) художникъ попытался изобразить возможно болѣе точно состояніе сохранности и относительное количество организмовъ въ діатомовомъ илѣ дна на глубинѣ между 5.000 и 6.000 метровъ. Просматривая эту на первый взглядъ запутанную картину, можно убѣдиться въ томъ, что господствующее значеніе имѣютъ дис-ковидные представители рода *Coscinodiscus* (1—5), которые на поверх-ности занимаютъ второстепенное мѣсто въ планктонѣ. Они не всегда хорошо сохраняются (1, 3) и часто являются болѣе или менѣе раство-ренными; у нѣкоторыхъ видовъ легко нарушается связь между кольце-образнымъ краемъ (2) и средней частью панцыря (4), -- послѣдняя въ этомъ случаѣ имѣется обыкновенно въ видѣ обломковъ. Очень хорошо сохраняющимися оказываются представители родовъ *Asteromphalus* и *Fragilaria*,—послѣдніе, вмѣстѣ съ болѣе или менѣе длинными панцы-рями *Synedra*, являются главною составною частью глубоководнаго ила. Скопляющіеся въ огромномъ количествѣ на поверхности виды *Rhizo-solenia*, напротивъ, очень легко поддаются разложенію, такъ что, са-

мое большее, отъ нихъ остается лишь одна верхушка панциря (10).
Выше было замѣчено, что обычныя поверхностныя формы, *Chaetoceras*

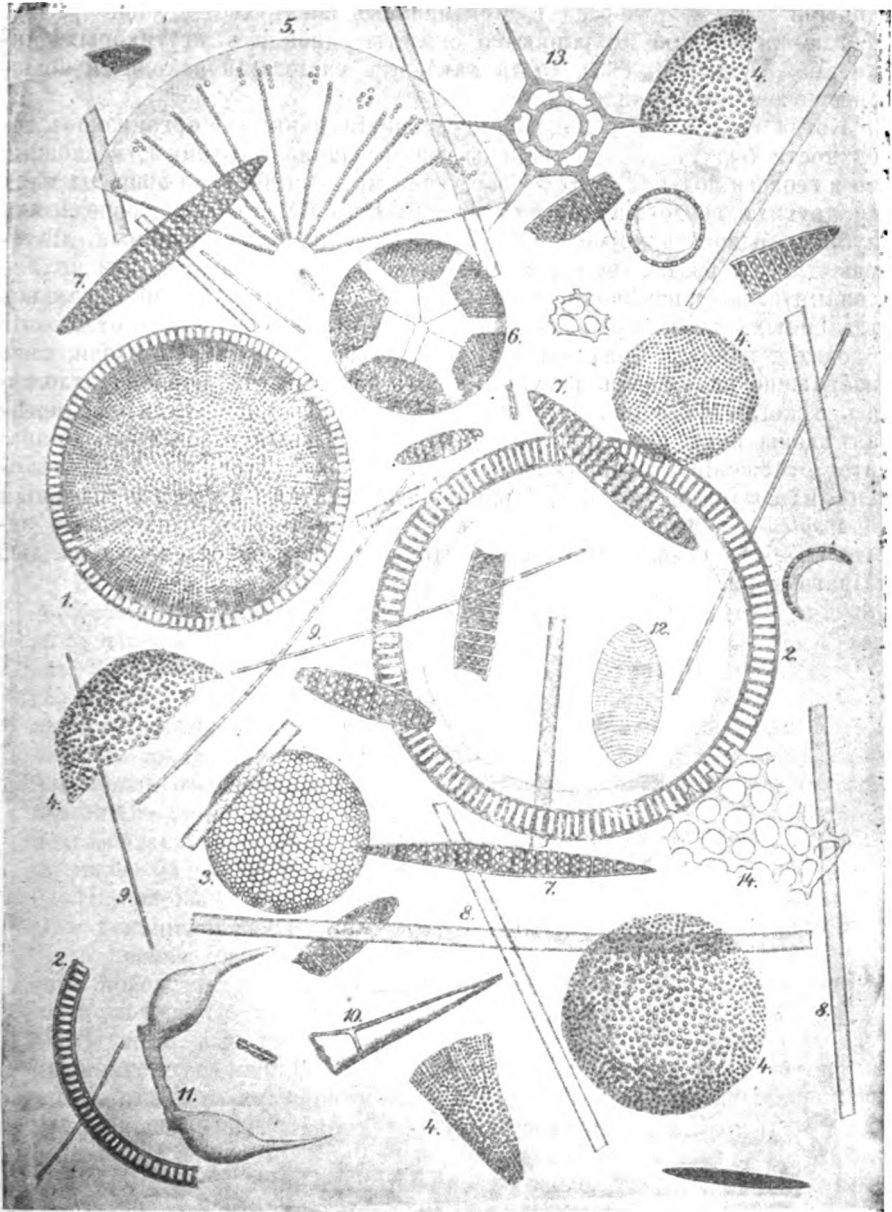
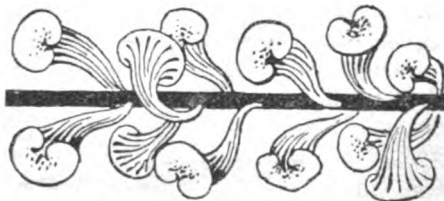

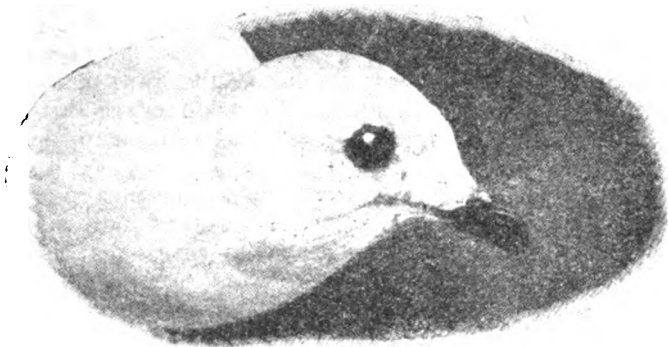
Рис. 40. Глубоководный иль съ глубины 5.000—6.000 метр. изъ Антарктическаго моря.
1—5.—*Coccinodiscus* sp.—6.—*Asteromphalus*.—7.—*Fragilaria*.—8—9.—*Synedra*.—
10.—*Rhizosolenia*.—11.—*Chaetoceras*.—13.—*Dictyocha*.—14.—Радиоларія.

и *Corethron*, растворяются уже на незначительной глубинѣ,—указаніе это нуждается въ небольшой поправкѣ: въ пробахъ грунта встрѣ-

чаются иногда своеобразныя двойныя образованія (11), которыя оказываются вздутіями одного изъ видовъ *Chaetoceras*, изображеннаго на рис. 40. По сравненію съ упомянутыми здѣсь діатомовыми, кремневые панцыри другихъ морскихъ организмовъ замѣчаются лишь рѣдко. Иногда превосходно сохраняются скелеты одной изъ жгутиковыхъ инфузорій — *Dictyocha* (13), тогда какъ отъ радиоларій находятя обыкновенно лишь обложки (14).

Когда подобныя изслѣдованія состоянія панцырей организмовъ поверхности будутъ распространены на различныя глубины, возможно, что и геологи получаютъ нѣкоторыя указанія относительно природы тѣхъ или другихъ геологическихъ отложеній. Имъ будетъ легче опредѣлять глубины бывшихъ морей, гдѣ сохранились, напр., ископаемыя діатомовыя, тѣмъ болѣе, что эти мельчайшія формы претерпѣли крайне незначительныя измѣненія подъ вліяніемъ вышнихъ условий съ самыхъ отдаленныхъ геологическихъ эпохъ. Если въ геологическомъ отложеніи находятя панцыри діатомовыхъ, разложившіяся до такой степени, какъ изображено на нашемъ рисункѣ, то это доказываетъ, что они отложились нѣкогда въ очень глубокомъ и холодномъ морѣ. Если они менѣе развѣдены и къ нимъ присоединяются отдѣльныя глобигерины, — значитъ, отложеніе это образовалось на среднихъ глубинахъ. Если, наконецъ, наблюдаются хорошо сохранившіеся остатки *Chaetoceras*, цѣльныя *Rhizosolenia* и формы, сходныя съ *Corethron*, то изъ этого можно заключить безъ всякаго колебанія, что данный слой отложился на днѣ мелкаго моря.

Свѣжій буревѣстникъ (*Pagodroma nivea*).

ГЛАВА X.

Попытка проникнуть на югъ.—Ледъ.—Глубоководный тралъ.—Пернатое царство.—
Путь до Кергуэльскихъ острововъ.

Во вторникъ 13-го декабря «Вальдивія» находилась на точкѣ пересѣченія 60° юж. шир. и 50° вост. долг. Мы проникли дальше на югъ, чѣмъ заходили наши самыя смѣлыя предположенія при отъѣздѣ изъ Капштата. За день передъ тѣмъ намъ удалось произвести, благодаря прояснившей утромъ погодѣ, при умѣренномъ восточномъ и сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, самый глубокой ловъ замыкающейся сѣтью, — именно, поднять ее съ 5.000 метровъ глубины. Къ вечеру, однако, восточный вѣтеръ засвѣжѣлъ и поднялась сильная снѣжная мятель, покрывшая наше судно толстымъ слоемъ снѣга. Команда наша воспользовалась случаемъ, чтобы поиграть въ снѣжки, и это привело въ не малое изумленіе нашего негра, навятаго въ Камерунѣ.

Штормовый вѣтеръ, переходящій къ нордъ-осту, держался все 13-е декабря и сильно затруднялъ промѣрную работу, которая все же была произведена и показала глубину въ 5.566 метровъ. Около 2 часовъ пополудни мы приблизились къ плавучему льду, и это заставило насъ повернуть на сѣверо-востокъ; впрочемъ, вскорѣ мы потеряли опять ледъ изъ вида и могли продолжать придерживаться нашего прежняго курса на 0. Изъ всѣхъ картъ прежнихъ экспедицій явственно вытекаетъ, что какъ разъ въ той части моря, куда мы теперь попали, граница плавучихъ льдовъ, описывая острый уголъ, отступаетъ далеко на югъ. Объясненіе этому можетъ быть лишь въ томъ, что здѣсь оказываетъ свое вліяніе нѣсколько болѣе теплое теченіе, направляющееся отъ Кергуэльскихъ острововъ къ югу. Потому, когда утромъ 14-го декабря мы увидѣли на югъ отъ себя свободное отъ льда море, явился вопросъ, не сдѣлать ли попытку еще разъ направиться прямо къ югу? Опасности, которыя могли въ данномъ случаѣ представиться, являлись, однако, далеко не маловажными. Хотя передъ нами и разстилалось чистое море, все же было возможно, что на обратномъ пути мы могли встрѣтить задвинувшіяся ледяныя поля, пробиться сквозь которыя совершенно не было бы въ состояніи наше судно, отнюдь не подготовлен-

ное къ борьбѣ съ антарктическими льдами: если бы сломался винтъ, мы были бы въ очень критическомъ положеніи, такъ какъ на «Валдивіи» совершенно не было такелажа. Тѣмъ не менѣе, мы рѣшили попытаться, и въ 6 часовъ утра вблизи 53° южн. шир. взяли курсъ прямо на югъ.

Въ теченіе 14-го декабря попытка наша казалась много обѣщающей. За ночь вѣтеръ совершенно улегся, воздухъ оставался сравнительно прозрачнымъ и лишь около полуночи спустился туманъ, который заставилъ насъ идти съ большою осторожностью и отъ времени до времени останавливать машину, такъ какъ въ этотъ день намъ повстрѣчалось не менѣе 14 ледяныхъ горъ. Первые встрѣтившіяся горы были поразительно малы и являлись, очевидно, сильно разложившимися: въ 9 часовъ утра, однако, мы миновали гигантскую гору вышиною въ 54 метра при длинѣ въ 575 метровъ. Барометръ началъ медленно подниматься, достигъ въ полночь 14-го декабря 748 мм. и не прекращалъ подниматься и въ теченіе послѣдующихъ дней. 15-го декабря мы уже перешли 62° южн. шир. и были въ состояніи, благодаря слабому восточному вѣтру, не только констатировать глубину въ 5.000 метровъ, но и произвести рядъ лововъ вертикальными и планктонными сѣтями. Намъ опять попадались навстрѣчу разложившіяся ледяныя горы и нѣсколько болѣе крупныхъ, но закругленныхъ льдинъ, которыя лишь немного выдавались надъ поверхностью моря и иногда ныряли вверхъ и внизъ.

Температура поверхностныхъ слоевъ опустилась до 1,5° и съ нею вмѣстѣ понизилась и температура воздуха. Въ теченіе всего послѣобѣденнаго времени падала какая-то снѣжная пыль и вмѣстѣ съ тѣмъ наши мачты и снасти покрылись ледяной корой въ 2 сант. толщиной. Кора эта иногда отваливалась большими кусками, такъ что по палубѣ надо было ходить съ осторожностью. Движеніе впередъ облегчалось намъ тѣмъ, что ночью, несмотря на совершенно затянутое небо, было свѣтло, почти какъ днемъ. При столь необыкновенно свѣтлой ночи и при понятномъ волненіи всѣ мало думали о свѣ и лишь на часъ-другой спускались къ себѣ въ каюты. Когда вечеромъ 15-го декабря я пошелъ отдохнуть, то уже бросалось въ глаза, что стали чаще падаться крупныя льдины. Около часу ночи капитанъ велѣлъ меня разбудить, такъ какъ мы находились уже посреди плавучаго льда. Передо мной развернулась картина, которой я никогда не забуду: всюду на горизонтѣ торчали ледяныя горы, тогда какъ наше судно было со всѣхъ сторонъ окружено льдинами въ 15—20 метровъ шириною, — онѣ дѣлали дальнѣйшее движеніе впередъ совершенно невозможнымъ. Мы находились подъ 64° 14,3' южн. шир. и 54° 31,4' вост. долг. Это была самая южная точка, которой намъ удалось достигнуть. Чтобы закрѣпить ее за нами, нашъ штурманскій офицеръ въ 2 часа ночи началъ глубоководный промѣръ, который, благодаря стараніямъ всѣхъ участниковъ, прошелъ вполне гладко и указалъ намъ глубину въ 4.647 метровъ. Проба грунта показала, какъ и при измѣреніи наканунѣ, присутствіе уже не чистаго діатомоваго ила, а значительную примѣсь глинистыхъ частицъ, которыя, при микроскопическомъ изслѣдованіи, оказались состоящими изъ зеренъ кварца съ разсѣянными черноватыми и зеленоватыми зернышками. Діатомовыя водоросли отступали въ этой пробѣ на задній планъ, но все же здѣсь находились обычныя формы, смѣшанныя съ нѣкоторымъ количествомъ иглъ губокъ. При промѣрѣ этомъ, мы встрѣтили, однако, нѣкоторыя

затрудненія: тяжелыя и огромныя льдины надвигались на самое судно и могли оборвать проволоку, такъ что матросы должны были отпихивать ихъ шестами. Намъ приходилось теперь выбираться изъ льда, надъ которымъ носились дымчато-сѣрые альбатросы и бѣлоснѣжныя буревѣстники. «Валдивія» повернула на сѣверъ и, извиваясь между льдинами, медленно подвигалась впередъ. Подъ утро ледъ порѣдѣлъ, и у насъ отлегло отъ сердца.

Мы находились всего лишь въ 120 морскихъ миляхъ, т.-е. не болѣе чѣмъ въ разстояніи 12 часовъ хода отъ той земли, которую открылъ 27-го февраля 1831 года командиръ брига «Тула» капитанъ Бискоэ, который и назвалъ ее въ честь той фирмы, у которой находился на службѣ, «землю Эндерби». Онъ указываетъ, что находился на $65^{\circ} 57'$ юж. шир. и $47^{\circ} 20'$ вост. долг. и затѣмъ шелъ вдоль этой земли до 49° вост. долг. Тремя годами позже, въ 1834 году, Кэмпъ замѣтилъ восточнѣе земли Эндерби подъ $66^{\circ} 25'$ южн. шир. и 59° вост. долг. землю, которую въ честь его назвали «землю Кэмпъ». Представляютъ ли изъ себя земля Эндерби и земля Кэмпъ берегъ антарктическаго континента или же онѣ являются болѣе или менѣе значительными островами, быть можетъ, рѣшить въполнѣ въспомогательная германская южно-полярная экспедиція. Здѣсь я укажу лишь на то, что мы не были въ состояніи замѣтить никакихъ явственныхъ признаковъ земли, — быть можетъ, впрочемъ, тому виною нѣсколько туманный воздухъ въ ночь съ 15-го на 16-е декабря. Капитану казалось, что слабо поднимающаяся на югъ бѣлая полоска представляетъ изъ себя землю, но я считаю болѣе вѣроятнымъ, что это была лишь очень большая ледяная гора. Восточный вѣтеръ улегся, и барометръ поднимался медленно до 754,8 мм., такъ что 16-го декабря, выбравшись изъ льда, мы были въ состояніи произвести рядъ подъемовъ замыкающихся сѣтей и приготовить къ одному изъ наиболѣе обильныхъ результатовъ рабочихъ дней нашихъ на дальнемъ югѣ—17-го декабря.

Ловы замыкающимися сѣтями, которые были произведены на самой южной точкѣ, показали, что главнѣйшее количество планктона находится между 45 и 80 метрами. Ниже 80 метровъ было констатировано бросающееся въ глаза уменьшеніе планктона, которое сказывалось и въ поверхностныхъ слояхъ до глубины 40 метровъ. Изъ диатомовыхъ преобладали на поверхности напоминающія иголки *Synedra thalassothrix* и виды *Chaetoceras* и *Rhizosolenia*. Замѣчательно, что всѣ эти формы выказывали какъ бы не вполне нормальное состояніе: хроматофоры въ ихъ плазматическомъ тѣлѣ были скучены. Примѣшанные къ нимъ въ небольшомъ количествѣ представители родовъ *Coccinodiscus* и *Asteromphalus* увеличивались въ количествѣ ниже 40 метровъ и становились здѣсь преобладающими.

Судьба какъ будто хотѣла вознаградить насъ за перенесенныя за послѣдніе дни труды и лишенія и подарила насъ днемъ, какой рѣдко выпадаетъ въ антарктическихъ водахъ на долю мореплавателей. Ночью на 17-ое декабря вѣтеръ совершенно улегся, барометръ продолжать подниматься и достигъ утромъ 756 мм. — давленія столь высокаго, что мы не наблюдали такого съ 1-го декабря, когда покинули островъ Бувэ. Ночью свѣтлой, какъ день, мы шли по морю, какъ по Эльбѣ, миновали 7 ледяныхъ горъ и констатировали въ 5 часовъ утра глубину въ 4.636 метровъ.

Нельзя было упускать случая воспользоваться необычайно благоприятными условіями для спуска троса — работа, которая, въ виду

большой глубины, была связана съ порядочнымъ рискомъ. Въ антарктическихъ водахъ никогда нельзя поручиться, что вдругъ не наступитъ бурная погода или не спустится густой туманъ вблизи ледяныхъ горъ,—потому-то мы съ того времени, какъ покинули островъ Бува, и не рѣшались пустить въ ходъ нашихъ траловъ. Насъ удерживали отъ этого встрѣченныя неожиданно большія глубины, при которыхъ работа траломъ съ наступленіемъ сильнаго вѣтра могла бы быть опасной и для нашей команды и могла бы повести за собою потерю троса. Теперь всѣ эти колебанія уступили передъ тѣмъ доводомъ, что поднятый траль могъ бы не только выяснитъ намъ составъ глубоководной фауны, но и дать понятіе о составѣ грунта дна. Въ 7 часовъ утра мы опустили нашъ лучший траль, отяготивъ его двумя тяжелыми чугунными гириями. Онъ достигъ дна около полудня, послѣ того какъ было выпущено 6.400 метровъ троса. Затѣмъ, въ теченіе часа мы тянули его по дну, причемъ увеличившееся сопротивление, достигавшее пяти тоннъ, указывало на то, что траль долженъ былъ захватить тяжелый грузъ. Когда затѣмъ мы стали поднимать его, то замѣтили, что на востокъ, по тому направленію, гдѣ должна была находиться земля Кэмпъ, показался сплошной плавучій ледъ, и яркій отблескъ на горизонтѣ свидѣтельствовалъ о томъ, что въ этомъ направленіи мы съ «Вальдивіей» никоимъ образомъ не могли бы прорваться. Солнце прорвало завѣсу облаковъ лишь около 8 часовъ утра на нѣсколько мгновеній, въ остальное же время все небо было обложено сѣрыми облаками и отъ времени до времени поднималась снѣжная метель. Когда затѣмъ нѣсколько прояснилось, мы замѣтили на горизонтѣ огромныя ледяныя горы и по свѣтлому отблеску на югъ убѣдились окончательно, что путь на югъ намъ совершенно заложенъ.

Чрезвычайно богато было здѣсь развитіе жизни птицъ. Сѣрые альбатросы (*Diomedea fuliginosa*) плавно носились надъ морскою поверхностью, усѣянною льдинами; они не покидали насъ съ острова Бува, и въ журналѣ нѣтъ почти дня, когда бы не было отмѣчено ихъ появленіе. Въ большинствѣ случаевъ они носились по два или по три, рѣдко количество ихъ доходило до 9 — 10. Съ сильно втянутой головою, съ направленнымъ въ сторону клювомъ слѣдовали они, по видимому, крайне неуклюжимъ полетомъ въ теченіе часовъ и даже дней за нашимъ судномъ, безъ малѣйшей усталости. Лишь рѣдко производятъ они ударъ крыльями, обыкновенно же несутся безъ малѣйшаго движенія, только поворачивая тѣло то нѣсколько наклонно, то почти на бокъ. Ни одна изъ антарктическихъ птицъ не приковываетъ къ себя такъ вниманіе, какъ эти неутомимые пловцы въ воздушномъ океанѣ! Иногда они приближались къ мостику такъ близко, что, казалось, ихъ можно схватить руками, и при этомъ внимательно слѣдили своими глазами, блестящими на сѣромъ фонѣ головы.—можно было подумать, что это не птицы, а какія-то безплотныя существа, рѣшшія въ воздухѣ и чувствующія себя особенно пріятно, когда буря вздымаетъ высокіе гребни волнъ и бросаетъ наше судно, какъ щепку. Однако, разъ мнѣ все же удалось наблюдать, 15-го декабря, болѣе дюжины сѣрыхъ альбатросовъ, спокойно сидѣвшихъ на небольшой ледяной горѣ и, очевидно, отдыхавшихъ отъ своего полета. Опереніе этой птицы представляетъ всѣ переходы сѣраго цвѣта: голова съ черноватымъ оттѣнкомъ переходитъ въ свѣтло-сѣрое брюхо и спину, отъ которыхъ крылья и перья хвоста отличаются болѣе темнымъ бархатистымъ оттѣнкомъ, у нѣкоторыхъ экземпляровъ шея и спина были почти серебристо-сѣрыя.

Изслѣдованіе содержимаго желудка показало, что сѣрые альбатросы питаются преимущественно головоногими и пелагическими ракообразными, но не брезгаютъ и мелкими птицами. Когда судно наше стояло безъ движенія, они нерѣдко опускались на поверхность воды и жадно хватали всѣ судовые отбросы. Въ своемъ ненасытномъ голодѣ они не брезгали и трупами сотоварищей, застрѣженныхъ нами, — выклевывали имъ глаза и растерывали, прежде чѣмъ спущенная лодка успѣвала подобрать плавающий на поверхности воды трупъ.

Другіе виды альбатроса давно уже не попадались намъ. Ни большой альбатросъ (*Diomedea exulans*), ни желтоклювый (*D. chlororhynchus*), ни черно-бѣлый (*D. melanophrys*) не проникаютъ въ настоящую антарктическую область до границы льдовъ. Мелкіе виды попадались намъ при приближеніи къ Капланду и проводжали насъ во время экскурсіи на Агуласскую банку и когда мы находились въ области западныхъ вѣтровъ. Когда температура поверхности спустилась ниже 0°, насъ покинули послѣдніе альбатросы; дальше всѣхъ слѣдовалъ за нами черно-бѣлый альбатросъ, котораго мы видѣли еще 24-го ноября, незадолго до прихода на островъ Бувэ. Онъ же появился первымъ 20-го декабря, черезъ два дня послѣ того, какъ мы видѣли послѣднія ледяныя горы.

Изъ настоящихъ буревѣстниковъ за нами послѣдовали вдоль границы льдовъ гигантскій антарктическій (*Procellaria antarctica*) и ледяной буревѣстники (*Procellaria glacialis*). Оба послѣднихъ вида избираютъ райономъ своей охоты полосу прибоя около ледяныхъ горъ и, нерѣдко, садясь длинными рядами, украшаютъ собою ледяныхъ колоссовъ. Антарктическій ледяной буревѣстникъ замѣщаетъ здѣсь своего сѣвернаго родича и походить на него и величиной, и окраской. Бѣлый цвѣтъ головы и брюха переходитъ на спинѣ и хвостѣ въ серебристо-сѣрый, отъ котораго отличаются лишь концы крыльевъ болѣе темной окраской. Оба вида являются типичными обитателями открытаго моря и охотно опускаются вблизи самаго судна, набирая, однако, при этомъ навѣтренную сторону, гдѣ имъ легче подниматься на воздухъ. Около земли Эндерби они оживляли и скрашивали поверхность моря вмѣстѣ съ безчисленными капскими голубями (*Daption capense*), сопровождавшими насъ все время. Мы бросали имъ нерѣдко сало и различныя объѣдки, которые капскіе голуби ловили исключительно на поверхности, тогда какъ буревѣстники чрезвычайно ловко ныряли и схватывали ихъ подъ водою. Они такъ увлекались этимъ занятіемъ, что одинъ изъ нашихъ матросовъ поймалъ капскаго голубя ковшомъ, прикрѣпленнымъ къ длинному шесту, прямо съ судна. Наше описаніе жизни пернатыхъ въ Антарктикѣ было бы не полно, если бы мы не упомянули о сизыхъ буревѣстникахъ, относящихся къ роду *Prion*. Они величиной съ голубя и похожи на голубя даже по окраскѣ, такъ какъ шея и брюхо у нихъ бѣлыя, голова и спина — сизая, а наружныя маховыя — черныя. У вида *Prion coeruleus* хвостовыя перья оканчиваются бѣлой полосой, у *Pr. desolatus* и *Pr. Banksi* — черной. Оба послѣдніе вида различаются между собой тѣмъ, что у *P. Banksi* надклювье сильно расширено и на внутреннемъ краю несетъ ситонидныя пластинки, которыя ясно замѣтны при разсмотрѣніи съ нижней стороны. Сизые буревѣстники встрѣчались намъ еще въ области западныхъ вѣтровъ и съ тѣхъ поръ сопровождали насъ вдоль границы льдовъ до земли Эндерби и оттуда до Кергуэльскихъ острововъ. Они дугавіе другихъ буревѣстниковъ, держались дагѣ отъ судна и охоти-

лись усердно въ водѣ нашей килевой полосы. Когда при приготовленіяхъ къ измѣренію глубины или къ работѣ сътѣян пароходъ нашъ давалъ ходъ назадъ и винтъ его забивалъ бѣлую пѣну на далекое 'разстояніе, они собирались нерѣдко стаями по нѣсколько сотъ, чтобы поживиться замученными пелагическими животными. Полетъ ихъ неровенъ и производимыми ими быстрыми поворотами напоминаетъ полетъ летучихъ мышей; восхитительное зрѣлище представляетъ стая этихъ птицъ, когда онѣ сразу, какъ по командѣ, производятъ поворотъ и въ воздухѣ блестятъ ихъ бѣлая брюшная поверхность.

Всѣ свойства, дѣлающія буревѣстника такимъ симпатичнымъ спутникомъ мореплавателя, соединяются въ замѣчательномъ бѣлоснѣжномъ буревѣстникѣ (*Pagodrom nivea*), который является въ то же время и наиболѣе достовѣрнымъ указателемъ близкаго присутствія льда. Создавая эту птицу, замѣчательной граціи и дивной окраски, природа, положительно, превзошла самое себя. Опереніе буревѣстника было, какъ снѣгъ, и соперничаетъ бѣлизною съ ослѣпительно блестящими на солнцѣ поверхностями льда. Лишь небольшія черныя перышки окружаютъ огромный и полный выраженія глазъ птицы съ темно-коричневой радужной оболочкой; ноги ея и клювъ, которымъ она граціозно ловить на лету добычу съ поверхности моря, также чернаго цвѣта. Ни одна птица не производила на насъ такого чарующаго впечатлѣнія, какъ этотъ бѣлоснѣжный обитатель крайняго юга,—цѣлыми часами слѣдили мы за элегантными поворотами его полета надъ гребнями волнъ и надъ ледяными полями.

Когда мы находились вблизи земли Эндерби, появилась какъ бы въ видѣ привѣта съ далекой родины между этими бѣлоснѣжными буревѣстниками стайка хорошенькихъ черныхъ океаническихъ буревѣстниковъ (*Oceanites oceanica*), носились между льдинами, отыскивали пищу и далеко держались отъ нашего судна. Способность ихъ приспособляться къ самымъ разнообразнымъ климатическимъ условіямъ прямо удивительна: мы наблюдали ихъ около нашего судна, начиная отъ береговъ Англіи и кончая окрестностями земли Эндерби,—на протяженіи слѣдовательно, 120 градусовъ широты. Вдоль границы плавучихъ льдовъ птицы эти очень часто появлялись передъ нами, хотя и въ единичныхъ экземплярахъ, и лишь съ неохотою рѣшились мы подстрѣлить одну изъ нихъ около земли Эндерби, какъ доказательство широкаго распространенія этого вида.

Въ Антарктическомъ морѣ для всѣхъ этихъ безчисленныхъ пернатыхъ гостей всегда готова трапеза. Плавучія льдины и ледяныя горы даютъ имъ превосходныя мѣста отдохновенія, и въ то же время постоянный прибой, разбивающійся объ отвѣсныя ледяныя стѣны, ежеминутно обнажаетъ огромное количество пелагическихъ организмовъ, служащихъ пищею птицамъ; между этими организмами особенно любимымъ блюдомъ ихъ являются красивые свѣтящіяся раки (*Euphausia*), десятиногіе раки изъ рода *Pasiphaea* и головоногіе моллюски. Въ зобу буревѣстника накапливается въ значительномъ количествѣ въ видѣ желтыхъ и красноватыхъ маслянистыхъ капелъ жиръ, содержащійся въ ракообразныхъ. Жиръ этотъ служитъ. съ одной стороны, пищевымъ запасомъ на черный день, съ другой же—является до нѣкоторой степени и орудіемъ защиты. Кто окажется такъ неостороженъ, что схватитъ буревѣстника, напримѣръ, пойманнаго на крючокъ, въ руки, тотъ моментально будетъ облитъ этой мало ароматичной жидкостью, которую птица можетъ выплевывать даже въ нѣсколько приемовъ, одинъ за другимъ.

Замѣчательно странно было то, что содержимое желудка сѣрыхъ альбатросовъ и различныхъ видовъ буревѣстниковъ часто состояло исключительно изъ клювовидныхъ челюстей головоногихъ моллюсковъ. Въ наши глубоководныя сѣти попадали, правда, иногда небольшіе представители замѣчательнаго рода головоногихъ *Taonius*, но врядъ ли эти животныя могли становиться жертвою буревѣстниковъ. У одного сѣраго альбатроса была найдена вмѣстѣ съ роговыми челюстями въ желудкѣ узкая роговая раковинка длиною въ 20 савт., какія нигдѣ у кальмаровъ,—находка эта доказываетъ, что, вѣроятно, и кальмары не отсутствуютъ здѣсь, въ антарктическихъ водахъ, не смотря на то, что они не попадали въ наши сѣти.

Говоря о жизни птицъ въ открытомъ морѣ, нельзя не упомянуть и о тѣхъ не способныхъ къ полету пернатыхъ, которыя всегда привлекали къ себѣ неволью особое вниманіе, именно—объ антарктическихъ пингвинахъ (*Pygoscelis antarctica*), которыя при своихъ странствованіяхъ избираютъ своей постоянной квартирой низкіе выступы льдинъ и выдающіеся мысы ледяныхъ горъ. На одной изъ приложенныхъ фотографій ледяныхъ горъ (рис. 35) можно замѣтить вѣсколько черныхъ точекъ,—это и есть пингвины. При нашемъ приближеніи, спугнутые ружейными выстрѣлами, они скатывались прямо къ водѣ съ крутыхъ сткосовъ льда въ воду, возбуждая этимъ веселость среди нашихъ матросовъ. Успокоившись, они затѣмъ снова приставали къ льдинѣ и съ большою ловкостью пользовались прибоемъ, чтобы взобраться на ледъ и, балансируя своими крыльями-плавниками, вскарабкаться наверхъ. Со своею червою головою, черною спиною и крыльями и бѣлымъ брюхомъ, съ черной полоскою на шеѣ, эти удивительныя птицы производятъ издали впечатлѣніе небольшихъ пограничныхъ столбиковъ на прусской границѣ. Если подойти къ нимъ ближе, они поднимаютъ страшный гамъ, вытягиваютъ шею къ небу, принимаютъ забавнѣйшія позы и, окончательно разсердившись, скатываются, наконецъ, безъ помощи салазковъ, съ ледяной горы въ воду. Здѣсь пингвинъ въ своей стихіи и неволью возбуждаетъ удивленіе своей ловкостью и проворствомъ, тогда какъ на сушѣ онъ можетъ считаться лишь забавнымъ и оригинальнымъ аксессуаромъ антарктическаго пейзажа. Какъ бы быстро ни шелъ пароходъ, пингвинъ все же перегонитъ его безо всякаго напряженія, и при этомъ найдетъ еще время и полежать съ развернутыми плавниками на поверхности воды, поглядывая своими плутовскими, блестящими глазами на приближающееся незнакомое чудовище,—какъ только разстояніе между нимъ и судномъ сократится, въ одно мгновеніе ока онъ снова исчезаетъ подъ поверхностью и нѣсколькими могучими взмахами крыльевъ-плавниковъ опускается на такую глубину, что надолго исчезаетъ изъ глазъ. Когда онъ затѣмъ снова показывается внезапно надъ поверхностью, онъ вылетаетъ изъ воды съ прижатыми къ тѣлу крыльями, описываетъ дугу и снова пропадаетъ на глубинѣ. Ничего не можетъ быть интереснѣе, какъ наблюдать за стайкой такихъ пингвиновъ, когда они покидаютъ ледяную гору и, подобно стаду миниатюрныхъ дельфиновъ, граціозными прыжками приближаются къ судну. Ни одинъ буревѣстникъ не можетъ добыть себѣ съ такою легкостью добычу, какъ эти профессиональные водолазы,—мы находили желудки антарктическихъ пингвиновъ постоянно совершенно набитыми свѣтящимся рачками, которые были гораздо крупнѣе тѣхъ, какіе попадались въ наши сѣти.

Трудно описать то волнение, которое овладѣло всѣми нами, когда, послѣ работы въ теченіе 4½ часовъ лебедкою, нашъ тралъ показался около 6 часовъ вечера на поверхности. Были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы возможно быстро и сохранно доставить его на бортъ судна, въ особенности когда оказалось, что тяжесть, указывавшаяся динамометромъ, зависѣла отъ присутствія въ немъ не ила, а камней. Прежде всего на палубѣ появился въ не разорвавшемся, къ счастью, сѣтевомъ мѣшкѣ трала огромный кусокъ краснаго песчаника до 5 центнеровъ тяжестью и съ явственными слѣдами полировки глетчерами. До той черты, до которой онъ находился въ грунтѣ дна, онъ имѣлъ черную окраску, которая рѣзко выдѣлялась на бѣломъ фонѣ діатомового ила верхней его стороны. Такой подарокъ антарктическихъ глубинъ былъ встрѣченъ нами съ восторгомъ. Этотъ обломокъ песчаника могъ бы сообщить о себѣ цѣлый романъ: первоначально онъ составлялъ часть антакратического материка, парализа глетчерами, затѣмъ отдѣлился и былъ вынесенъ однимъ изъ ледяныхъ великановъ въ открытое море. Подъ вліяніемъ теплыхъ слоевъ морской воды, льдина растаяла, и камень опустился на глубину 4.636 метровъ, лежалъ тамъ долгое время, пока не попалъ въ тралъ глубоководной экспедиціи, былъ вынесенъ на поверхность и затѣмъ долженъ былъ подвергаться дѣйствию лучей тропического солнца. Теперь же ему во время лекціи, приходится фигурировать на столѣ передъ каедрой, какъ молчаливому свидѣтелю того, что земля Эндерби, очевидно, не вулканическаго происхожденія. На это указываютъ, впрочемъ, и другіе камни, извлеченные нашей сѣтью въ большомъ количествѣ. По сообщенію проф. Циркеля, всѣ эти представители геологическаго строенія земли Эндерби относятся къ гранитамъ, гнейсамъ (нѣкоторые со многочисленными включеніями зеренъ граната до 3 миллиметровъ въ діаметрѣ) и кристаллическимъ сланцамъ. Къ нимъ присоединяются осадочные песчаники и глинистые сланцы, повидимому, очень древняго происхожденія. Представители вулканическихъ породъ чрезвычайно немногочисленны. породы же, которыя указывали бы на современную вулканическую дѣятельность совершенно отсутствовали.

Если принять во вниманіе, что экспедиція «Чалленжера» приблизительно подъ той же широкой и между 80° и 95° вост. долг. пришла къ такому же точно выводу, то можно, пожалуй, придти къ заключенію, что настоящимъ ядромъ антарктическаго континента являются первозданныя породы и онъ лишь окаймленъ цѣпью вулкановъ страны Викторіи и земли Грегэма.

Такимъ образомъ, уже добытыя пробы каменныхъ породъ вознаградили вполнѣ наши хлопоты съ этимъ траломъ,—не менѣе пріятно были мы изумлены, однако, и тѣмъ относительно большимъ количествомъ живыхъ организмовъ, которые были найдены здѣсь на огромной глубинѣ при температурѣ въ—0,5°. Въ швабрахъ трала висѣли двѣ своеобразныя асцидіи почти въ кулакъ величиною, которыя прикрѣплялись къ грунту два стебелькомъ съ иглу толщиной и болѣе метра въ длину. Онѣ родственны роду *Voltenia* и отличаются студенистымъ тѣломъ, напоминающимъ тѣло медузы. По всей вѣроятности, онѣ прикрѣпляются своимъ стебелькомъ, какъ якорнымъ канатомъ, и качаются на немъ въ водѣ, какъ буйки, такъ какъ врядъ ли тонкій стебелекъ этотъ можетъ дать какую-нибудь опору. Вмѣстѣ съ ними намъ попались двѣ стебельчатыя морскія лиліи, изъ которыхъ одна сѣрно-желтаго цвѣта относилась къ роду *Hyocrinus*, тогда какъ другая къ *Bathycrinus*. По сообщенію проф. Дедерлейна, это два новыхъ вида, кото-

рые стоятъ близко къ видамъ, встрѣченнымъ экспедиціей «Челленжера» нѣсколько сѣвернѣе и на меньшей глубинѣ у острововъ Крозъ.

Иглокожія составляли вообще значительный процентъ выловленныхъ организмовъ, въ особенности богато были представлены офиуры. По опредѣленію проф. Цурштрассена, онѣ относятся къ четыремъ видамъ, изъ которыхъ одинъ новый, тогда какъ остальные соответствуютъ видамъ, найденнымъ «Челленжеромъ» при такихъ же условіяхъ, именно въблизи окраины антарктическихъ льдовъ. Имѣлись въ сборѣ и голотурія, изъ которыхъ одна чрезвычайно красиво окрашенная, темно-фіолетовая, относилась къ семейству эльпидій.

Если замѣтить дагѣе, что былъ найденъ сломанный скелетъ морского ежа, нѣсколько хорошо сохранившихся гидроидовъ, кремневыя губки и множество замѣчательно крупныхъ форамениферъ (рис. 41) то надо сознаться, что, принимая во вниманіе огромную глубину, было добыто все же удивительно много организмовъ.

Какъ только траль былъ поднятъ, на море спустился густой туманъ и принудилъ насъ съ большою осторожностью начать нашъ путь на сѣверъ. Когда, наконецъ, около 10 часовъ вечера туманъ снова разошелся, судно наше оказалось окруженнымъ густымъ плавучимъ льдомъ. Пока мы пробивались черезъ него, мы замѣтили на востокъ самую крупную изъ всѣхъ ледяныхъ горъ, которая намъ до тѣхъ поръ попадалась. Первоначально мы думали даже, что выѣдемъ передъ собой ледяную стѣну антарктическаго

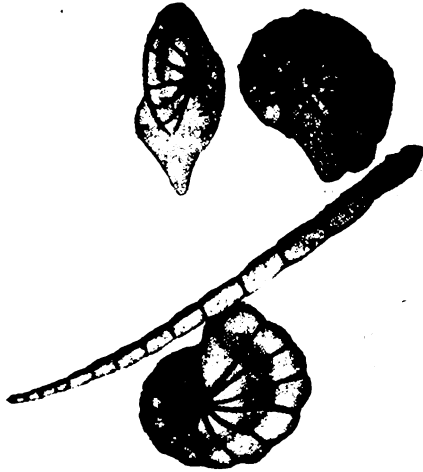

Рис. 41. Раковинки форамениферъ съ глубины 4636 метровъ.

континента, но затѣмъ выяснилось, что это настоящій ледяной островъ, который мы, къ сожалѣнію, не были въ состояніи точнѣе измѣрить, такъ какъ лавировали въ плавучемъ лѣдѣ. По опредѣленію на глазъ нашего капитана и офицеровъ, она была шириною въ 4—5 морскихъ миль. Кромя того, мы въ этотъ день, также какъ и наканунѣ, встрѣтили льдину, окрашенную въ шоколадный цвѣтъ землистыми примѣсями.

Послѣ того, какъ мы вторично выбрались изъ плавучаго льда, барометръ началъ быстро падать. Восточно-сѣверо-восточный вѣтеръ усилился до настоящей бури и достигъ въ воскресенье къ полудню 10 балловъ по шкалѣ Бофора. Какой невѣроятный контрастъ наступилъ сразу по сравненію съ днемъ наканунѣ! Среди рева снѣжной бури волны съ грохотомъ разбивались о борта судна и неоднократно къ тому же спускался туманъ, препятствуя намъ усилить ходъ. Лишь съ большимъ трудомъ удалось намъ раннимъ утромъ дополнить серію нашихъ температурныхъ изслѣдованій температурою, взятою при помощи готовой машины де-Блана съ глубины 3.000 метровъ.

При такихъ обстоятельствахъ о дальнѣйшемъ движеніи на югъ или на востокъ нечего было и думать, и мы взяли курсъ на Кергуэльскіе острова. Если до сихъ поръ, въ теченіе трехъ недѣль нашего пу-

тешестія вдоль границы плавучихъ льдовъ, погода намъ удивительно благоприятствовала, то теперь зато, въ этой послѣдней части нашего пути по холоднымъ областямъ, мы перенесли цѣлый рядъ тяжелыхъ бурь, которыя препятствовали намъ производить какія бы то ни было работы. 5 дней подрядъ, съ 18-го по 22-ое декабря, продолжались бурные и сопровождавшіеся густыми туманами восточные вѣтры, которые достигли 20-го—22-го декабря 10 балловъ по шкалѣ Бофора. Перемѣна вѣтра произошла лишь на 56° шир.: 22-го декабря вѣтеръ повернулъ на сѣверный, а въ послѣдующіе дни на сѣверо-западный и западный, не уменьшаясь, впрочемъ, по своей силѣ. Вступленіе наше въ область западныхъ вѣтровъ было отмѣчено 22-го декабря энергичными колебаніями атмосфернаго давленія: въ теченіе 12 часовъ барографъ указалъ паденіе давленія на 21 мм. и достигъ наиболѣе низкаго давленія въ 725 мм., какое только было отмѣчено нами въ теченіе всего пути. Уже подъ 61° шир. мы замѣтили появленіе сильной волны съ сѣверо-запада и запада, затѣмъ волненіе постепенно приняло, подъ вліяніемъ вѣтровъ, восточное и сѣверо восточное направленіе и разыгралось въ полной силѣ. Неоднократно приходилось намъ мѣнять курсъ и держаться противъ волны полнымъ ходомъ. При такихъ обстоятельствахъ съ мостика открывается поразительное зрѣлище: буря воетъ и реветъ между мачтами и снастями, мокрый, тающій снѣгъ несется прямо въ лицо, и волны вздымаются такой вышины, какъ намъ ни разу не приходилось видѣть за весь путь. Пароходъ нашъ съ трудомъ взбирается на гребень волны, поднявшись — стремглавъ летитъ во впадину между волнами, чтобы затѣмъ, зарываясь бугшпритомъ въ пѣнящихся волнахъ, снова начать подъемъ. Волны хватали даже до рулевой рубки и при сильнѣйшихъ размахахъ нашего судна мы едва могли поддерживать сообщеніе по палубѣ. Тѣмъ не менѣе, пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что вѣтеръ затихалъ около полуночи и начиналъ разыгрываться лишь утромъ, намъ удалось проехать до Кергуэльскихъ острововъ серію изъ 6 промѣровъ. Два раза пришлось прерывать промѣры вслѣдствіе слишкомъ сильно поднимавшейся бури, но и въ этомъ случаѣ лотовая машина Сигсби дѣйствовала превосходно, такъ какъ указывала прикосновеніе лота къ грунту два съ такою же точностью, какъ при нормальныхъ условіяхъ. Промѣры наши показываютъ, что дно между землею Эндерби и Кергуэльскими островами сильно складчато. На югъ отъ острововъ Макдональда и острова Хердъ (Heard) мы нашли глубину въ 2.388 метровъ и думали, что достигли той ступени, которая можетъ быть прослѣжена далѣе за этими островами въ юго-восточномъ направленіи. Однако, промѣры слѣдующихъ дней показали, что плоское плато, соединяющее Кергуэльскіе острова съ островомъ Хердъ, очень круто спускается къ западу—два промѣра, произведенные 24-го декабря, дали глубину въ 3.923 метра и вблизи самаго хребта—2.043 метра.

На этомъ пути бросалось въ глаза замѣчательно раннее исчезновеніе ледяныхъ горъ; послѣднія ледяныя горы были нами встрѣчены 19-го декабря, между ними находилась гигантская гора въ 455 метровъ длины подъ $61^{\circ} 22'$ юж. шир. Одновременно температура поверхности воды начала быстро подниматься; тогда какъ 16-го декабря она достигала лишь $-1,8^{\circ}$ (посреди плавучаго льда $-0,8^{\circ}$), 20-го декабря температура поверхности была $=0^{\circ}$ и подыалась затѣмъ 24-го декабря до $+3^{\circ}$.

Сочельникъ мы провели въ радостномъ ожиданіи того подарка, который

должно было намъ привести Рождество въ видѣ Кергузльскихъ острововъ. Буря въ теченіе 7 дней мѣшала намъ работать. Люки были задрены, и въ лабораторіяхъ было полное запустѣніе: баночки и бутылочки были закрѣплены тамъ треугольными деревяшками, микроскопы, лупы и всѣ мелкія принадлежности, въ которыхъ нуждается изслѣдователь, были привинчены и завернуты въ вату и тряпки. Тѣмъ не менѣе, отъ времени до времени, при хорошемъ размахѣ парохода, то то, то другое срывалось съ мѣста и отправлялось путешествовать по лабораторіи, производя полнѣйшій хаосъ въ остальныхъ вещахъ.

Мы имѣли достаточно свободнаго времени, чтобы приготовиться къ встрѣчѣ Рождества. На наше пианино пришлось натянуть новыя струны изъ лотовой проволоки; елка, сдѣланная изъ зеленой бумаги и палочекъ была крѣпко привязана въ нашей каютѣ-компани, тогда какъ команда устроила такую же точно елку у себя и убрала ее сладостями и колбасами. Пришлось, однако, отказаться отъ первоначальнаго намѣренія разложить подарки членамъ каютѣ-компани подъ елкой,—и тому еще приходилось радоваться, если удавалось благополучно выгащить ихъ изъ кармана. Неоднократно подарки эти вылетали изъ кармановъ на полъ къ великому удовольствію нашего такса,—такая же плачевная судьба постигла и блины, которые умудрился изготовить нашъ поварь, даже и при столь затруднительныхъ обстоятельствахъ. Тѣмъ съ большимъ одушевленіемъ пили мы, однако, нашъ «ледоколь» за здоровье родныхъ и знакомыхъ, отъ которыхъ были удалены болѣе чѣмъ на 100° широты!

Еще менѣе успѣха имѣлъ нашъ фотографъ, попытавшійся было увѣковѣчить этотъ знаменитый рождественскій вечеръ снимкомъ при вспышкѣ магнія: онъ отлетѣлъ вмѣстѣ со своимъ аппаратомъ въ другой уголокъ, вспышка пропала даромъ и лишь напугала до смерти нашего негра! Недурно было положеніе и начальника экспедиціи, котораго веревками привязали къ пианино, чтобы насладиться его игрою, сопровождаемой цитрой капитана и окариной одного изъ сочленовъ. Инструменты эти, правда, расходились между собой примѣрно на полтова, но, благодаря реву бури, выходило все же недурно! Врядъ ли Кошату грѣзилось когда-нибудь, что его штирейскіе мотивы долетятъ до слуха антарктическихъ альбатросовъ!

ГЛАВА XI.

Кергуэльскіе острова.—Исторія ихъ открытія.—Берега.—Бухта.—Газели.—Животный міръ.—Растительность.—Пингвины.—Морскіе слоны.

Между 48° и 50° юж. шир. и 68° и 71° вост. долг. располагается группа острововъ, занимающая поверхность около 180 кв. миль. По имени открывшаго ихъ, группа эта называется Кергуэльскими островами (Kerguelen) и состоитъ изъ одного главнаго, большаго острова и около 130 болѣе мелкихъ островковъ.

При имени Кергуэльскихъ острововъ, въ нашей памяти воскресаютъ разнобразныя и захватывающія воспоминанія: горы, отчасти покрытыя пѣщнымъ снѣгомъ, съ фирновыми полями и свѣшивающимися глетчерами, фіорды, ограниченные часто отвѣсными обрывами и окаймленные базальтовыми скалами, столообразныя террассы, слагающіяся изъ горизонтальныхъ базальтовыхъ слоевъ и придающія вулканическому ландшафту своеобразный отпечатокъ. Изъ многочисленныхъ прѣсноводныхъ водохранилищъ собирается вода, происходящая отъ таянія льда, и низвергается живописными каскадами по крутымъ стѣнамъ фіордовъ; зеленые ковры луговъ, образованные совершенно оригинальной флорой, покрываютъ долины и тянутся нерѣдко на далекомъ разстояніи по обрывамъ, наконецъ, все это оживляется удивительно богато развитымъ міромъ пернатыхъ, который прекрасно уживается съ населяющими берегъ морскими слонами...

На Кука острова эти произвели такое грустное впечатлѣніе, что овъ назвалъ ихъ островами Отчаянія. Позднѣйшіе посѣтители также представляютъ ихъ непривѣтливою страной вѣчныхъ тумановъ, гдѣ въ фіордахъ постоянно разыгрывается вѣтеръ, сопровождаемый дождемъ или снѣгомъ.

Впечатлѣніе, которое они производятъ на посѣтелей, зависятъ, однако, въ значительной степени отъ вѣжести недавнихъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ посѣщенія болѣе благодатныхъ странъ тропической полосы. Для того, кто недавно покинулъ мысъ Доброй Надежды, гдѣ вѣчно свѣтитъ солнце и роскошно развивается растительность, Кергуэльскіе острова, конечно, покажутся безотраднѣею страной тумановъ, подъ покровомъ которыхъ не разглядѣть даже тѣхъ дѣйствительно живописныхъ ландшафтовъ, какіе открываются тамъ на горы. Но для того, кто, какъ мы, покинулъ Капштатъ 52 дня тому назадъ и не видалъ за это время ничего, кромѣ антарктическаго моря, волнуемаго страшными бурями, кромѣ безконечныхъ полей плавучаго льда, ледяныхъ горъ и окованнаго льдомъ острова,—для того Кергуэльскіе острова могутъ показаться почти раемъ! Намъ казалось, что острова эти одѣ-

лись въ праздничный нарядъ ради нашего прибытія. Въ теченіе тѣхъ трехъ дней, которые мы провели въ бухтѣ Газели, тамъ господствовала превосходная весенняя погода при температурѣ въ 4°. Вся наша экспедиція разбилась на партіи, которыя разбрелись по всѣмъ направлениямъ, чтобы познаться съ окрестностями: насъ не бросала богѣе буря, туманъ не разстился непроницаемой пеленой передъ глазами и при яркомъ солнечномъ свѣтѣ мы обошли всю сѣверо-восточную сторону острова до бухты Рождества.

Насколько милостива была къ намъ погода во время пребыванія на этихъ островахъ, показываютъ описанія предыдущихъ посѣтителей. Климатъ острововъ передаютъ лучше всего слова Клейница: «Почти постоянно здѣсь дуетъ сильнѣйшій вѣтеръ, вращающійся между сѣверомъ и западомъ, сопровождаемый снѣжною метелью, градомъ или дождемъ и, обыкновенно, туманомъ; иногда, впрочемъ, такой вѣтеръ бываетъ и при чистомъ небѣ и прохладной погодѣ. Отъ времени до времени буря эта прерывается не менѣе сильнымъ вѣтромъ съ сѣверо-востока, который приноситъ съ собою уже совершенно непроницаемый туманъ и дождь». Силу порывовъ вѣтра очень наглядно описываютъ какъ участники прежнихъ экспедицій, такъ и тюленебои: порывы эти возникаютъ совершенно внезапно и настолько сильны, что суда, даже стояція въ бухтахъ, срываются съ якорей, лодки переворачиваются, а люди на сушѣ принуждены бываютъ ложиться пластомъ на землю. Съ западной стороны острова развивается постоянно такой страшный прибой, что и по сейчасъ точныя очертанія острова съ той стороны почти неизвѣстны. Западныя бури связаны здѣсь обыкновенно съ повышеніемъ барометра, тогда какъ внезапныя сильныя пониженія его указываютъ на приближеніе сѣверо-восточной бури. Какъ сильно подвержена область Кергуэльскихъ острововъ бурямъ, ясно уже изъ того обстоятельства, что экспедиція «Челленжера», посѣтившая острова эти лѣтомъ, въ теченіе 26 дней отмѣчаетъ 16 разъ бурю, тогда какъ Россъ, который стоялъ у острововъ зимою въ теченіе 68 дней, пережилъ бурю 45 разъ и отмѣчаетъ всего лишь 3 дня, когда не было снѣга и дождя.

Группу этихъ острововъ открылъ 12-го февраля 1772 г. французскій капитанъ Ивъ Жозефъ де-Кергуэленъ-Тремарежъ со своими кораблями «Фортуною» и «Дѣдомъ». На слѣдующій день онъ замѣтилъ маленькіе островки впереди западнаго берега, названные имъ островами Фортуны, и осмотрѣлъ весь западный берегъ отъ мыса Луи до мыса Бурбонъ. Онъ не могъ добраться до главнаго острова, но ему удалось все же высадиться въ одномъ изъ заливовъ, который былъ названъ бухтой Морского Волка. Въ этой бухтѣ, расположенной, вѣроятно, около мыса Бурбонъ, была оставлена бутылка съ документомъ о посѣщеніи. Открытіе его произвело въ свое время большую сенсацию: согласно господствовавшему воззрѣнію, предположили, что найдены тотъ обширный южный материкъ съ ожидаемыми на немъ чудесами, для отысканія котораго и былъ посланъ капитанъ Кергуэленъ французскимъ правительствомъ. Уже на слѣдующій годъ онъ былъ снова отправленъ туда же для ближайшаго изученія своего открытія. 14-го декабря 1773 г. онъ вторично подошелъ къ островамъ и открылъ вблизи нихъ маленькую группу располагающихся передъ ними островковъ, которые были довольно удачно названы Туманными островами. Вслѣдствіе сильныхъ бурь, однако, ему долго не удавалось высадиться на землю, и лишь 18-го января 1774 г. одинъ изъ его спутниковъ,

де-Рознева, высадился въ бухтѣ Рождества и отъ имени короля присоединилъ еще разъ новооткрытую Terra australis къ владѣніямъ Франціи. Бутылка съ заглавающимся въ ней документомъ этого присоединенія была позднѣе найдена Кукомъ во время его третьяго путешествія.

Что въ дѣйствительности мы имѣемъ здѣсь дѣло съ островами, которые нисколько не связаны съ антарктическимъ материкомъ, было доказано Джэсомъ Кукомъ, который уже во время своего второго путешествія прошелъ южнѣе Кергуэльскихъ острововъ, но не выдалъ ихъ; въ 1776 г. онъ впервые изслѣдовалъ подробнѣе эту группу острововъ, названныхъ имъ островами Отчаянія. Онъ обошелъ ихъ вплоть до южнаго берега и далъ названія отдѣльнымъ бухтамъ и группамъ горъ, которыя и по сіе время сохраняются на картахъ. Второе, болѣе тщательное изслѣдованіе Кергуэльскихъ острововъ было произведено знаменитымъ путешественникомъ по антарктической области Джэсомъ Россомъ, который сталъ на якорь въ бухтѣ Рождества 12-го мая 1840 г. и пробылъ здѣсь не менѣе 68 дней. Молодой врачъ Гукеръ, ставшій впоследствии знаменитымъ ботаникомъ, сопровождалъ его и первый далъ въ своей классической «Flora antarctica» описаніе своеобразной растительности Кергуэльскихъ острововъ. Позднѣе острова эти были посѣщены не менѣе, какъ 5 экспедиціями, не говоря уже о многочисленныхъ китобояхъ, которыя, познакомившись съ обиліемъ тюленей здѣсь, стали посѣщать ихъ регулярно. Кромѣ экспедиціи «Челленжера», которая въ январѣ 1874 г. крейсировала у Кергуэльскихъ острововъ въ теченіе 26 дней, ихъ посѣтили также два германскихъ корвета, именно «Аркона» и «Газель».—послѣднее судно провело здѣсь съ 26-го октября по 23-е декабря 1874 г. Мы можемъ замѣтить съ удовольствіемъ, что, главнымъ образомъ, тщательная топографическая съемка, произведенная «Газелью» и дава намъ болѣе точныя свѣдѣнія относительно расчлененія восточной стороны острова. Командиръ французскаго экспедиціоннаго судна «Эвра», который въ январѣ 1898 г. возобновилъ прежнія права Франціи на Кергуэльскіе острова, также указываетъ на замѣчательную добросовѣстность произведенныхъ «Газелью» промѣровъ. Мы сами были вполне увѣрены въ надежности германскихъ изслѣдованій и входили въ бухту «Газель» ночью 25-го декабря полнымъ 12-узловымъ ходомъ, руководствуясь промѣрами этого германскаго судна, и не ошиблись въ нашей увѣренности.

Утромъ въ день Рождества, 25-го декабря, Кергуэльскіе острова явились для насъ наслоящимъ рождественскимъ подаркомъ. Въ 6 часовъ утра мы замѣтили на горизонтѣ узкую полоску земли съ выдающимися снѣжными вершинами. Это была часть острова, известная по пребыванію тамъ англійской экспедиціи, отправлен-ой для наблюденія прохожденія Венеры и носящая названіе Royal Sound, съ выступающимъ мысомъ принца Уэльскаго. При приближеніи открылся видъ на плоскую низменность крайней восточной части Кергуэльскаго острова, на которой выдѣлялось нѣсколько низкихъ горныхъ пиковъ. Здѣсь замѣчалось уже поразительно богатое развитіе жизни пернатыхъ: тысячи голубыхъ бурвѣстниковъ (*Prion*) козыкались на поверхности воды, три вида альбатросовъ окружали наше судно или же видѣлись на берегу, на своихъ гнѣздахъ, тогда какъ совсѣмъ не пугливые баклавы приближались къ судну, широко распустивъ свои крылья, неуклюже хлопая ими и вытянувъ свои длинныя шеи,—они съ любопыт-

ствомъ глядѣли на насъ и подлетали такъ быстро, что можно было схватить ихъ.

Около полудня мы приблизились къ покрытому снѣгомъ хребту полуострова Обсерваціи. На уровнѣ Доступнаго залива и открывающейся въ нее бухты Бэтси, гдѣ экспедиція «Газели» устроила станцію для наблюденія прохожденія Венеры, мы наслаждались чуднымъ видомъ, развернувшимся передъ нами на вытянутую въ длину гору Мозели, пикъ Чинней-Топъ съ его фантастическимъ базальтовымъ гребнемъ и на примыкающую гору Гукера. Волны стали замѣтно слабѣе, послѣ того, какъ мы завернули за горы, въ то же время длинныя бурныя полосы указывали на мѣста, гдѣ глубина меньше и на днѣ растутъ гигантскія водоросли (*Macrocystis pyrifera*). Благодаря этимъ водорослямъ, веденіе судна и является столь надежнымъ вблизи

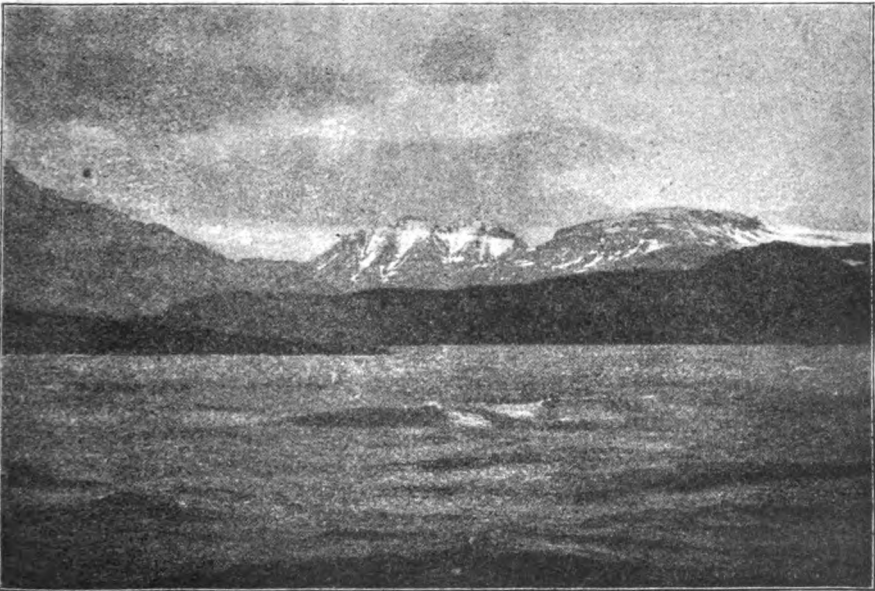

Рис. 42. Гора Кровьѣ на Кергуэльскомъ островѣ.

этихъ бухтъ: если избѣгать тѣхъ мѣстъ, гдѣ замѣтны водоросли, то можно съ полной увѣренностью рассчитывать на вполне безопасный фарватеръ.

Когда мы обошли мысъ Моубрей, передъ нами изъ бухты Елизаветы открылся превосходный видъ на гору Гюттенбергъ и Моунтъ-Лейселъ, позади которыхъ возвышался фантастически изрѣзанный гребень горы Кровьѣ (рис. 42) высотой въ 990 метровъ. Глубоко врѣзывающійся заливъ Гильдсбороу отдѣляетъ эти горы отъ массы крупныхъ и мелкихъ островковъ, располагающихся передъ восточнымъ берегомъ. Отъ этого залива отходитъ на юго западъ вѣтвь—заливъ Фоундери, ограниченный мысомъ Альфельда и полуостровомъ Яхманна.

Когда экспедиція «Газели» вошла въ этотъ заливъ, она открыла, къ собственному изумленію, 16 го ноября 1874 г., фюрдъ, далеко врѣзывающійся въ островъ и сообщаящійся съ заливомъ Фаундери при

помощи пролива не болѣе одного кабельтова шириною. Проливъ этотъ суживается двумя базальтовыми скалами, которыя, какъ два басті-

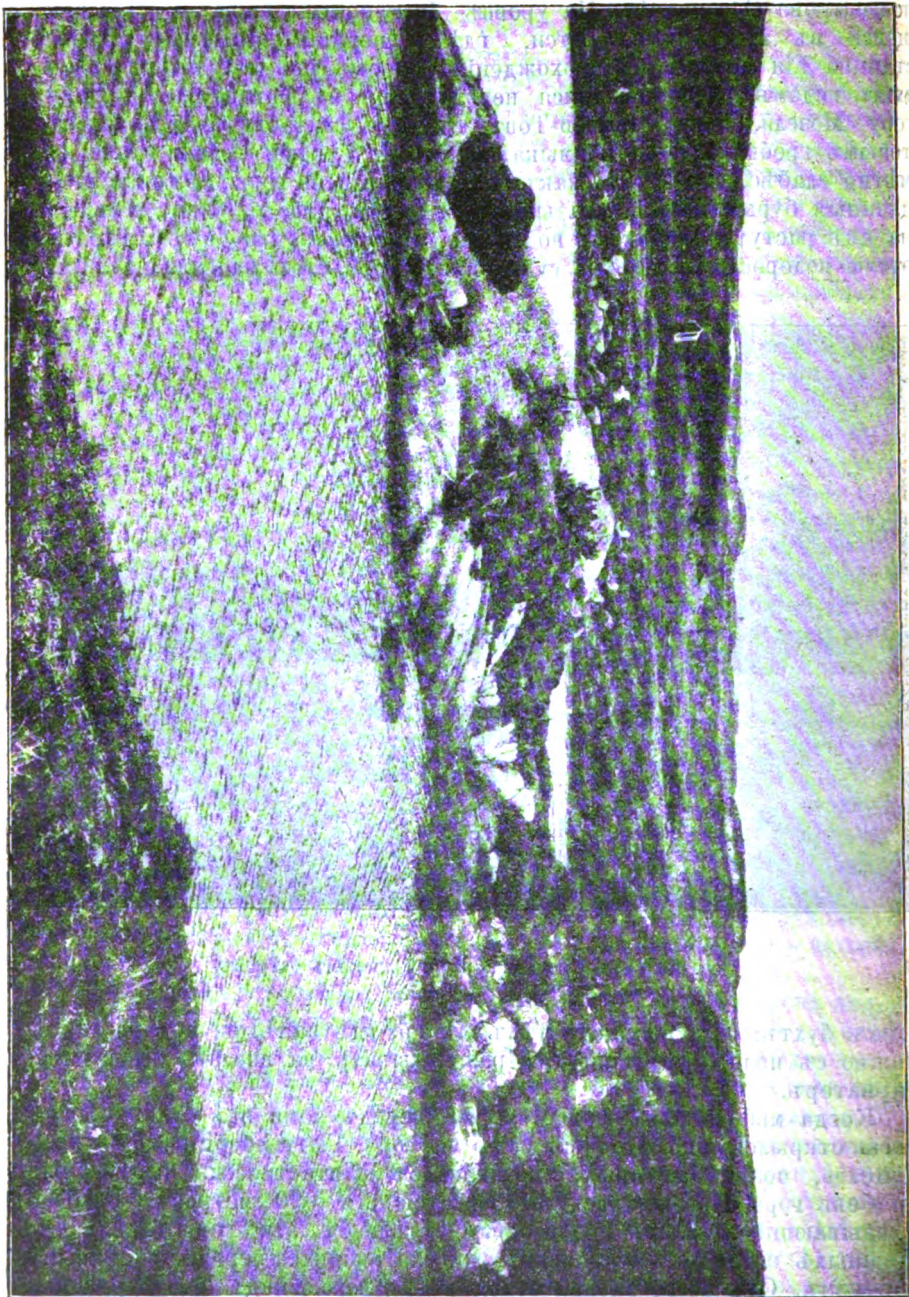

Рис. 43. Гавань Гавели.

она, защищаютъ входъ въ него. Передняя часть фіорда получила названіе гавани Гавели, задняя была названа гаванью Хорошей Погоды. Котлы наши требовали безотлагательной чистки и мы избрали

въ качествѣ временнаго прибѣжища гавань Газели, руководствуясь не только указаніями экспедиціи «Газели», но и данными, сообщенными командиромъ судна «Эвра». И въ томъ, и въ другомъ источникѣ гавань Газели изображалась, какъ лучшая и наиболѣе защищенная гавань Кергуэльскаго острова, въ которую вѣтеръ никогда не врывается съ такою страшною силою, какъ въ другіе болѣе извѣстныя фіорды. Во всякомъ случаѣ, мы можемъ также засвидѣтельствовать, что въ теченіе тѣхъ трехъ съ половиною дней, которые «Вальдивія» провела въ гавани Газели, стоя на двухъ якоряхъ, намъ казалось, что мы положительно стоимъ у стѣнки пристани въ Гамбургѣ. Намъ было даже какъ-то странно, когда исчезли съ нашихъ обѣденныхъ столовъ квадратныя штормовыя рамы и когда инструменты и реактивы въ нашихъ лабораторіяхъ оказывались стоящими спокойно на столахъ, безъ принятія спеціальныхъ мѣръ предосторожности. Гавань Хорошей Погоды, однако, заслуживаетъ, повидимому, менѣе данное ей названіе, — намъ пришлось самолично испытать, что вѣтеръ въ ней задуетъ при случаѣ очень сильно.

Что касается до природы этихъ обѣихъ гаваней, то экспедиція «Газели» даетъ ей такую характеристику: «Оба эти бассейна окружены непрерывнымъ рядомъ высокыхъ горъ и образуютъ наилучшія гавани Кергуэльскихъ острововъ. Бурный вѣтеръ умиряется высотой береговъ, и лучи солнца, повидимому, оказываютъ въ этой котловинѣ болѣе сильное дѣйствіе, чѣмъ въ другихъ частяхъ острова, судя по тому, что здѣсь роскошнѣе развивается растительность».

Что касается до гавани Газели, то окружающіе ее хребты ниже, чѣмъ въ гавани Хорошей Погоды, гдѣ они мѣстами совершенно отвѣсно спускаются къ морю. Гавань Хорошей Погоды представляетъ изъ себя пейзажъ болѣе романтическаго характера, тогда какъ гавань Газели зато выгладитъ гораздо симпатичнѣе и, благодаря сильному расчлененію береговъ, представляетъ изъ себя также довольно красивый ландшафтъ. Окружающіе гавань хребты обнаруживаютъ на южномъ берегу характерную горизонтальную слоистость базальтовыхъ породъ, слои ихъ отдѣлены красноватыми вывѣтрившимися прослойками. Со всѣхъ сторонъ легко забраться на плоское плато, съ котораго открывается поразительный кругозоръ: на западѣ видѣется покрытый глетчерами основной массивъ, завершающійся пикомъ Моунтъ Ричардса, на востокъ выдѣляются надъ мысомъ Альфельда вершины горъ Крозье, Чимпейтопа, Моунтъ-Гукера и Моунтъ-Лайелля. На югѣ замѣчается рядъ поднятій въ видѣ плато, которыя представляютъ изъ себя характерную черту рельефа Кергуэльскихъ острововъ; на сѣверѣ, начиная отъ полуострова Яхманна, открывается видъ на цѣлый лабиринтъ островковъ и фіордовъ восточнаго берега.

Всѣ прежніе наблюдатели указываютъ на то, что ранѣе глетчеры спускались гораздо ниже по берегамъ острова. Это указываетъ экспедиціей «Челленжера» по отношенію къ Рояль-Зунду, и экспедиціей «Газель» относительно центральныхъ глетчеровъ, спускающихся съ Моунтъ-Ричардса. Посѣтивъ плато полуострова Яхманна, мы убѣдились также въ томъ, что нѣкогда онъ былъ покрытъ огромнымъ глетчеромъ, слѣды дѣятельности котораго замѣтны на сѣверныхъ склонахъ, обращенныхъ къ гавани Хорошей Погоды, и простираются до области центральнаго глетчера Моунтъ-Ричардса. Обломки базальта, на которыхъ онъ располагался, совершенно округло обточены, боковые

склоны отполированы и покрыты глетчерными царапинами, всюду встрѣчаются валуны, перенесенные глетчеромъ.

Гдѣ только на плато образуется углубленіе, тамъ собирается вода отъ таянія льда, образуетъ лужи и прудики или болѣе или менѣе крупныя прѣсноводныя озера. Наиболѣе значительное озеро Кергуэльскихъ острововъ располагается позади гавани Хорошей Погоды и, пожалуй, по величинѣ еще больше этого бассейна. Не ощущается недостатка и въ текущей водѣ: мелкіе горные ручьи бѣгутъ по направлению къ фюрдамъ и нерѣдко ниваются въ нихъ, образуя каскады. Очень хорошенькій маленькій водопадъ находится въ западномъ углу гавани Газели, гдѣ на плоскомъ мысу стоитъ флагштокъ съ нарисованнымъ на металлическомъ щитѣ трехцвѣтнымъ флагомъ. Напротивъ него на полуостровѣ Яхманна «Эвра» устроила провинтскій складъ, который по просьбѣ французскаго адмиралтейства былъ освидѣтельствованъ нашимъ океанографомъ и офицерами «Вальдивіи» и оказался совершенно нетронутымъ.

Изъ этого обстоятельства можно заключить, что за послѣднее десятилѣтіе Кергуэльскіе острова не были посѣщаемы китоловами и тюленебоями. Мы нигдѣ не видали шкувъ и не замѣтили также никакихъ остатковъ лагера, которые бы свидѣтельствовали о посѣщеніи острова какимъ-либо судномъ за послѣдніе годы.

Входъ изъ гавани Газелей въ гавань Хорошей Погоды сужается небольшими островками, о которыхъ у меня осталось особенно пріятное воспоминаніе. Когда я тотчасъ же послѣ нашего прихода посѣтилъ эти островки въ сопровожденіи перваго механика, намъ представился случай наблюдать ту замѣчательную безбоязненность животнаго міра острововъ по отношенію къ человѣку, которая положительно приближаетъ ихъ къ условіямъ, существовавшимъ въ раю. Граціозныя крачки (*Sterna virgata*) летали вокругъ насъ цѣлыми стаями и довѣрчиво опускались на парусинную крышу нашего парового катера. На черныхъ крышахъ базальта, обточенныхъ волнами, прыгали бѣлыя птицы, похожія по величинѣ на бѣлыхъ куръ,—это были единственныя сухопутныя птицы Кергуэльскихъ острововъ и вообще антарктической области именно футлярносы (*Chionis minor*). Опереніе ихъ совершенно снѣжнобѣлое; черноватый клювъ снабженъ надъ ноздрями футлярнообразнымъ придаткомъ, ноги мясо-краснаго цвѣта и напоминаютъ куриныя. Въ системѣ онѣ занимаютъ совершенно изолированное положеніе и, пожалуй, ближе всего еще могутъ быть поставлены къ нѣкоторымъ голенастымъ. Онѣ съ любопытствомъ клевали наши башмаки и приклады ружей, прыгали вокругъ насъ и сопровождали насъ во время нашей прогулки. Мы сдѣлали лишь нѣсколько шаговъ и остановились какъ вкопанные, инстинктивно схватившись за оружіе. Передъ нами лежало огромное животное—самка морского слона (*Macrorhinus leominus*), смотрѣвшая на насъ своими чудными каштаново-коричневыми глазами и не трогавшаяся съ мѣста. Лишь когда ее атаковалъ сопровождавшій насъ таксъ, она широко раскрыла свою пасть, приподняла голову и въ нѣсколько пріемовъ, издала глухое и хриплое рычаніе; вскорѣ она, однако, опять успокоилась, опустила голову, закрыла глаза и продолжала спать. Кто не привыкъ къ такой безбоязненности животнаго міра, не знающаго преслѣдователей, тотъ, конечно, лишь съ большою осторожностью будетъ подходить къ животному, имѣющему въ длину около трехъ метровъ,—но затѣмъ, разумѣется, и онъ сдѣлается похрабрѣе и не откажетъ себѣ въ удовольствіи дать нѣсколько шлепковъ

ревушему морскому слову, чтобы принудить его выйти изъ спокойнаго состоянія и покинуть занятое мѣсто. Цѣлый рой замѣчательно красивыхъ доминиканскихъ чаекъ, вырисовывавшихся своимъ черно бѣлымъ нарядомъ на фонѣ неба, поднялся и сопровождалъ насъ, летя надъ самыми нашими головами и издавая вѣчто вродѣ громкаго хохота. Это было, однако, еще не все. Когда мы опустились на землю, чтобы прослѣдить за поведеніемъ футляроносовъ и успокоившагося снова морского слона, два баклана (*Phalacrocorax verrucosus*) нашли для себя очень интереснымъ побывать въ нашемъ обществѣ и усѣлись на той же дерновинкѣ, на которой и мы сидѣли,—они плутовато вытягивали свои головы на длинныхъ шеяхъ. Что за чудныя птицы эти бакланы Кергуальскихъ острововъ! Брюхо ихъ бѣло какъ снѣгъ, спина сталь-

Рис. 44. Ревущій морской слонъ.

ного сѣраго цвѣта и клювъ у своего основанія отмѣченъ простирающимся до глаза бородавчатымъ наростомъ. Вскорѣ къ намъ присоединились и молодыя птицы въ однообразномъ коричневомъ птенцовомъ опереніи. Весь островъ былъ покрытъ раковинками мидій (*Mytilus*) и блюдечекъ (*Patella*), такъ что вногда, положительно, можно бывало подумать, что видишь здѣсь кухонные остатки доисторическихъ временъ, встрѣчаемые на островахъ Даніи,—всѣ эти раковины были при- тащены сюда, однако, доминиканскими чайками, которыя набросали ихъ около своихъ гнѣздъ. Мы нашли множество ихъ гнѣздъ устроенныхъ безъ всякаго искусства и выстланныхъ травой,—въ нихъ находилось по 4—5 птенцовъ еще въ коричневомъ, пуховомъ нарядѣ. Когда я полѣзъ рукою въ одну изъ ямокъ въ землѣ, оттуда выскочила утка, величаво съ нашу крикву—она сидѣла и высиживала свое единственное яйцо и вскорѣ присоединилась къ другимъ своимъ товаркамъ, которыхъ

мы замѣтили множество. Всѣ посѣтители Кергуэльскихъ острововъ указываютъ на эту породу угокъ, какъ на отличающуюся замѣчательно вкуснымъ мясомъ.

Не менѣе своеобразной оказалась наземная фауна низшихъ организмовъ. Отгибая листья кергуэльской капусты, мы замѣтили на черешкахъ ихъ насѣкомыхъ, которыя сперва показались намъ чрезвычайно крупными тлями,—при болѣе близкомъ ознакомленіи, однако, выяснилось, что это настоящія мухи (рис. 45). Исполнѣ естественно, что мы не признали ихъ сперва за таковыхъ: у нихъ не хватало наиболѣе важныхъ атрибутовъ мухъ, именно крыльевъ. Эта безкрылость даннаго вида мухъ (*Calycopteryx Moseleyi*) представляетъ изъ себя удивительнѣйшее приспособленіе къ жизни въ области, обвѣваемой столь бурными вѣтрами. Ясно, что мухи, снабженныя крыльями и способныя летать, очень скоро совершенно погибли бы, а мухи этого вида, кромѣ того, избираютъ еще и чрезвычайно хорошо защищенное мѣстожительство, именно держатся на черешкахъ растенія, которое

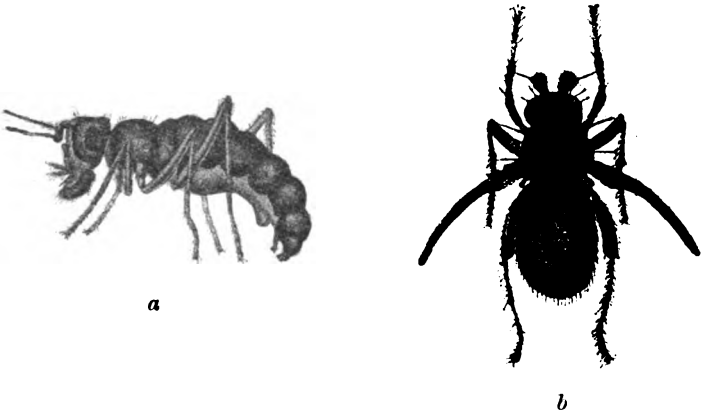

Рис. 45. а. Муха *Calycopteryx Moseleyi*.—б. Муха *Amalopteryx maritima*. Увелич.

способно оказывать сильное сопротивленіе вѣтру. Должно замѣтить, что на Кергуэльскихъ островахъ извѣстно не менѣе 7 видовъ мухъ, не имѣющихъ крыльевъ; одинъ изъ этихъ видовъ (*Amalopteryx maritima*) обладаетъ удивительно недоразвитыми крыльями,—они имѣютъ видъ косы и, разумѣется, не годятся для полета, зато это животное обладаетъ сильно развитыми бедрами заднихъ ногъ, благодаря чему можетъ дѣлать огромные скачки.

Отсутствіемъ крыльевъ отличаются также и жуки Кергуэльскихъ острововъ, которыхъ не трудно собрать большое количество подъ камнями. У нихъ мягкія кожистыя крылья совершенно недоразвиты, тогда какъ твердыя надкрылья, какъ и почти у всѣхъ другихъ жуковъ, служатъ покровомъ, защищающимъ все тѣло. Удивительнымъ образомъ они преимущественно относятся къ слоникамъ и именно къ роду *Ectemnorhinus* (рис. 46), представители котораго въ другихъ странахъ живутъ подъ корою деревьевъ. Уже это обстоятельство невольно заставляетъ думать, что Кергуэльскіе острова нѣкогда обладали древесною расгительностью, и дѣйствительно уже Россъ указалъ на то, что въ бухтѣ Рождества встрѣчаются въ нѣкоторыхъ пластахъ прѣчитанные кремне-кислотою стволы деревьевъ. Нахожденіе слоевъ каменнаго угля также указываетъ на то, что въ отдаленныя времена здѣсь

имѣлись гѣса. Потому мы вполне согласны съ мнѣніемъ Штудера, который объясняетъ нахождение этихъ слониковъ существованіемъ въ прежнія времена древесной растительности.

Изъ бабочекъ на Кергуэльскихъ островахъ встрѣчается лишь одна единственная моль *Embryonopsis* (рис. 46, с) и намъ удалось добыть нѣсколько экземпляровъ и этой неспособной къ полету бабочки съ совершенно недоразвитыми крыльями, а равно удалось отыскать и ея гусеницъ, находящихся въ кергуэльской капустѣ.

Изъ другихъ представителей наземной фауны слѣдуетъ упомянуть безкрылыхъ наѣжкомыхъ, относящихся къ наиболѣе низко организованному отряду *Collembola*, именно—*Tulbergia antarctica*, одного паука (*Myro kerguelensis*), одну маленькую наземную улитку (*Helix Hookeri*) и, наконецъ, нерѣдко встрѣчающагося въ землѣ средней величины дождевого червя изъ рода *Acanthodrilus*.

Растительность острова столь же интересна, какъ и животный міръ. Прежде всего видѣются всюду темно-зеленыя подушки типичнаго растенія Кергуэльскихъ острововъ *Asorella selago*; растеніе это разсѣяно по всѣмъ островамъ и образуетъ на возвышенныхъ плато полушарообразныя кочки, въ которыя легко погружается нога; поднимается это растеніе до 500 метровъ высоты, а на нѣкоторыхъ защи-

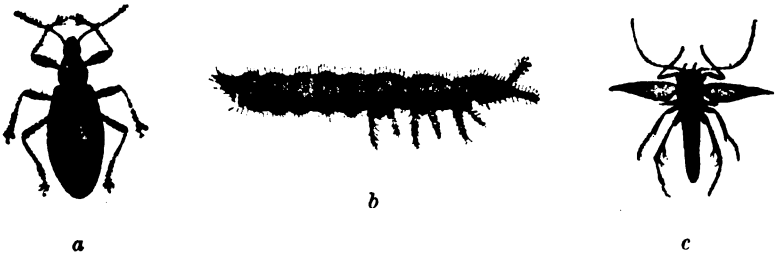

Рис. 4 а. Жукъ *Ectemnorhinus viridis*.—b. *Tulbergia antarctica*.—с. Бабочка *Embryonopsis halticella*. Увелич.

щенныхъ мѣстахъ даже и выше. Такихъ гигантскихъ подушекъ, однако, какія встрѣчаются на хорошо защищенныхъ островкахъ гавани Газели, мы не встрѣчали повиднѣе нигдѣ. Растеніе это принадлежитъ къ крестоцвѣтнымъ и распространено по всѣмъ антарктическимъ островамъ, а также встрѣчается и на южной оконечности Огненной Земли. Обыкновенно подушки его окаймляются кустиками сложноцвѣтнаго *Cotula plumosa*, листья котораго покрыты серебристымъ, блестящимъ пушкомъ—это растеніе встрѣчается еще только на островахъ, лежащихъ на югъ отъ Новой Зеландіи. Типичной формой болѣе нижнихъ зонъ является одно изъ розоцвѣтныхъ *Acaena affinis*, съ сѣро-зелеными листьями, иногда оно покрываетъ обширныя поверхности почти сплошь.

Наиболѣе интереснымъ является, однако, знаменитая уже со временъ Росса кергуэльская капуста (*Pringlea antiscorbutica*),—ея яйцевидные или ланцетовидные, покрытые войлочкомъ, листья обнимаютъ собою стебель соцвѣтія, достигающій 1 метра въ вышину. Это растеніе является единственнымъ, свойственнымъ исключительно Кергуэльскимъ островамъ и не встрѣчаемымъ нигдѣ болѣе на земномъ шарѣ, кромѣ развѣ располагающагося нѣсколько южнѣе острова Хэрда и острововъ Маріонскихъ и Крозэ. Команда Росса долгое время питалась листьями этой капусты, которая считается весьма дѣйствительнымъ средствомъ

противъ цыгги. Мы также не упустили случая попробовать это растение, — оно имѣетъ довольно пріятный, нѣсколько горьковатый вкусъ.

Если упомянуть еще, что злаки изъ родовъ *Poa*, *Agrostis* и *Festuca* встрѣчаются всюду въ видѣ отдѣльныхъ кусочковъ, то этимъ мы почти и исчерпаемъ всѣ наиболѣе типичныя растенія, придающія мѣстности ея своеобразную фазіономію. Всѣ они обуславливаютъ тотъ сѣровато-зеленый основной тонъ, который свойственъ лугамъ и склонамъ горъ Кергуэльскихъ острововъ.

Вѣстѣ съ тѣмъ, значительное участіе въ окраскѣ ландшафта принимаютъ также и многочисленныя тайнобрачныя, именно лишай и мхи, которые покрываютъ обложки скалъ солошнымъ покровомъ и обладаютъ нерѣдко довольно яркой желтой, серебристо-сѣрой или черной окраской. Прямо удивительно, въ какомъ невѣроятномъ множествѣ встрѣчаются здѣсь тайнобрачныя и какъ разъ наиболѣе низко организованныя наземныя формы. Цвѣтковыхъ растеній извѣстно здѣсь пока лишь 21, тогда какъ мховъ, лишайевъ и печеночницъ — не менѣе 160 видовъ. Къ нимъ присоединяются еще и 4 вида папоротниковъ, между которыми, къ изумленію, два широко распространенныхъ, космополитическихъ вида, встрѣчающихся даже въ средней Европѣ, — именно жесткій *Polypodium vulgare* и нѣжный *Cystopteris fragilis*; оба остальные принадлежатъ къ формамъ типичнымъ для болѣе холодныхъ областей юга (*Lomaria alpina*, *Polypodium australe*).

Если сравнить цвѣтковыя растенія Кергуэльскихъ острововъ съ таковыми въ арктическихъ областяхъ, то бросится въ глаза, прежде всего, что, съ одной стороны, количество видовъ относительно не велико, съ другой — отсутствуетъ то великолѣпіе окраски, какое встрѣчается даже на сѣверѣ Гренландіи и Шпицбергена во время короткихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Было указано еще Дарвиномъ, что пахучіе и ярко окрашенные цвѣты предназначены для приманиванія насѣкомыхъ, которыя высасываютъ изъ нихъ медвяный сокъ и въ то же время принимаютъ на себя заботы объ опыленіи цвѣтовъ. И дѣйствительно, арктическимъ странамъ свойственны многочисленныя летающія насѣкомыя и даже еще довольно большое количество пестрыхъ бабочекъ, тогда какъ въ этомъ отношеніи антарктическая область, и въ данномъ случаѣ Кергуэльскіе острова, совершенно не могутъ идти въ сравненіе. Насѣкомыя, которыя могли бы взять на себя опыленіе цвѣтковыхъ растеній, здѣсь совершенно отсутствуютъ. Предполагалось, правда, что безкрылыя мухи, ползая по соцветіямъ кергуэльской капусты, могутъ способствовать опыленію, — я долженъ, однако, замѣтить, что, несмотря на необыкновенно солнечные и ясные дни во время нашего тамъ пребыванія, мнѣ никогда не приходилось наблюдать мухъ сидящими на соцветіяхъ, — ихъ можно бывало найти, лишь отогнувъ черешокъ листа капусты. Еще Гукеръ предполагалъ, что кергуэльская капуста представляетъ изъ себя растеніе, опыляемое вѣтромъ, и, по всей вѣроятности, это предположеніе правильно. Шимперъ указывалъ мнѣ на то обстоятельство, что всѣ явнобрачныя растенія Кергуэльскихъ острововъ явственно приспособлены къ опыленію вѣтромъ. Пестрые лепестки вѣнчиковъ, служащіе для привлеченія насѣкомыхъ, отсутствуютъ не только у кергуэльской капусты, но даже и у обоихъ видовъ гвоздики, свойственныхъ специально Кергуэльскимъ островамъ (*Lyallia*, *Collobanthus*). У обоихъ видовъ лютиковъ (*Ranunculus crasipes*, *R. trullifollius*) лепестки выродились въ узкія, бѣлыя полоски, а у сложнцвѣтнаго *Cotula* отсутствуютъ краевыя цвѣточки соцветія,

НОВАЯ КНИГА:

ЛИТЕРАТУРНОЕ ДѢЛО.

СБОРНИКЪ

СОДЕРЖАНІЕ.

Евг. Чириковъ. На дворѣ во флигелѣ. Бытovyя картины.—Скиталець—Пѣсни скитальца. Стихотворенія.—Евг. Тарле. Изъ исторіи обществовѣдѣнія въ Россіи.—Тань. На красномъ камнѣ. Повѣсть.—А. М. Вербовъ. Стихотворенія.—В. Богучарскій. Декабристъ-литераторъ Александръ Осиповичъ Корниловичъ.—В. Вересаевъ. На эстрадѣ. Эскизъ.—С. Булгаковъ. Васнецовъ, Достоевскій, Вл. Соловьевъ и Толстой. Параллели.—А. Лукьяновъ. Стихотворенія.—В. І. Дмитріева. Волки. Разсказъ.—Николай Бердяевъ. Къ философіи трагедіи. Морисъ Метерлинкъ.—Вас. Бруснянинъ. Пѣвучая гитара. Разсказъ.—Галина. Стихотворенія.—Скиталець. Атаманъ. Разсказъ.—З. К. Максимъ Горькій въ иностранной критикѣ.—Тань. Стихотвореніе.—Иванъ Новиковъ. Два очерка: 1) Къ жизни, 2) Ландыши.—Иванъ Страннинъ. Изъ настроеній современной французской литературы.—Вл. Муриновъ. Скандалъ. Разсказъ.—Проф. Евг. Аничковъ. Виліамъ Моррисъ и его утопическій романъ.

С.-Петербургъ. 1902 г. Цѣна 2 р. 25 к.

Складъ изданія при типографіи А. Е. Колпинскаго. Спб. Конная ул., д. 3.—5.

Выписывающіе черезъ контору журнала „Міръ Божій“ за пересылку не платятъ.

ИЗДАНИЯ ЖУРНАЛА „МІРЪ БОЖІЙ“:

- Вальтеръ Безантъ. Тайна богатой наслѣдницы. Ц. 50 к.
Реклю. Исторія земли. Ц. 2 р.
Бородинъ. Процессъ оплодотворенія растений. Ц. 1 р. 50 к.
Павловъ. Морское дно. Ц. 60 к.
Его же. Вулканы на землѣ. Ц. 40 к.
Павлова. Ископаемые слоны. Ц. 40 к.
Морисъ Вильномъ. Чудеса микроскопа. Ц. 1 р.
Челпановъ. О памяти и мнемоникѣ. Ц. 60 к.
Его же. Мозгъ и душа. Ц. 1 р. 50 к.
Випперъ. Общественныя ученія. Ц. 1 р.
Сизеранъ. Рёскинъ и религія красоты. Ц. 80 к.
Фаминцынъ. Современное естествознаніе и психологія.
Милуновъ. Очерки по исторіи русской культуры. Ч. I. Ц. 1 р. 25 в.
" " " " " Ч. II. Ц. 1 р. 75 в.
" " " " " Ч. III. Ц. 75 в.
Ивановъ. Писемскій. Ц. 1 р.
Его же. Ив. Серг. Тургеневъ. Ц. 2 р.
Его же. Исторія русской критики. Ч. I и II. Ц. 2 р.
" " " " Ч. III и IV. Ц. 2 р.
Его же. Изъ западной культуры. Сборн. I. Ц. 2 р.
" " " " Сборн. II. Ц. 60 к.
Его же. Поэзія и правда міровой любви. Ц. 75 в.
Его же. Новая культурная сила. Ц. 2 р.
Богдановичъ. Современный Китай. Ц. 75 к.
Тарле. Общественныя воззрѣнія Томаса Мора. Ц. 1 р. 50 к.
Смирнова. Маха-Бхарата. Ц. 50 в.
Острогорскій. Письма объ эстетическомъ воспитаніи. Ц. 40 в.

Складъ изданій: контора журнала „Міръ Божій“ и книжный магазинъ Карбасникова. Спб. Литейный просп., д. 46.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

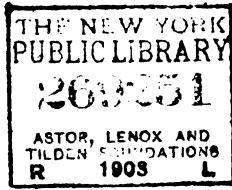
June
І Ю Н Ъ

1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1902.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 28-го мая 1902 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	СТР.
1. ГОРОДЪ И ДЕРЕВНЯ ВЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ. (Краткій очеркъ экономической исторіи Россіи). (Окончаніе). Приватъ-доц. Н. Ромкова.	1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. ВЕСНОЮ. А. Лукьянова.	34
3. ДРУГЪ ДѢТСТВА. Повѣсть. (Окончаніе). Ольги Шапиръ.	36 ✓
4. ПО АМУРУ И ПРИАМУРЬЮ. (Изъ путевыхъ замѣтокъ 1901 года). (Продолженіе). Александра Кауфмана.	78 \
5. НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ. 1829—1842 гг. (Продолженіе). Н. Котляревскаго.	105 \
6. ИЗЪ ДНЕЙ МИНУВШИХЪ. (Съ польскаго). Повѣсть Г. Даниловскаго. Пер. А. И. Я—ъ. (Окончаніе).	147 \
7. СТИХОТВОРЕНІЕ. ПОСЛѢ ГРОЗЫ. Павла Тулуба.	169
8. ИТА ГАЙНЕ. Повѣсть. (Продолженіе). Семена Юшневича.	170 \
9. СТИХОТВОРЕНІЕ. * * *. Allegro.	194
10. НАЦИОНАЛИЗМЪ И ГУМАНИТАРИЗМЪ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. (Очеркъ изъ исторіи французской культуры). Х. Г. Инсарова.	195
11. СУДЬБА. Мориса Метерлинка. (Переводъ съ французскаго Т. Богдановичъ).	224
12. СТИХОТВОРЕНІЕ. СКОРБЬ. (Сонетъ). А. М. Ѳедорова.	244
13. ВЗАИМНАЯ СВЯЗЬ МЕЖДУ ОРГАНИЗМАМИ. Прив-доц. Я. Жуна.	245
14. ДОЧЬ ЛЕДИ РОЗЫ. Ром. М-рсъ Гѣмпфри Уордъ. Перев. съ англійскаго З. Журавской.	261

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

15. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Литературное дѣло», сборникъ.— Значеніе такихъ сборниковъ.— Беллетристическія произведенія гг. Чирикова, Тана, Вересаева, Дмитріевой и др.—Параллели г. Булгакова.—Его неблагодарность по отношенію европей-

- скою науки. — «Къ философіи трагедіи» Ник. Бердяева. —
Художникъ-дѣятель «Вильямъ Моррисъ», Евг. Аничкова. А. Б. 1
16. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Къ біографіи Н. А. Добролюбова. — На окраинахъ Москвы. — Кововалы и ихъ промыселъ. — Столкновеніе г. Сухотина съ г. Карповымъ и рѣшеніе сената. — Граммофонъ въ деревнѣ. — За мѣсяцъ. . . . 13
17. Изъ русскихъ журналовъ. «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», май. — «Русская Старина», май. — «Историческій Вѣстникъ», май. — «Русская Мысль», мартъ, апрѣль. — «Вѣстникъ Европы», май. — «Русское Богатство», мартъ. . . . 31
18. За границей. Американскіе грѣсты; Пирпонтъ Морганъ. — Пропаганда трезвости. — Картины французскихъ выборовъ. — Англійская жизнь. — Ранніе браки въ Англии. — Итальянскій бандитъ XX вѣка. — Общественные вопросы въ Германіи. . 44
19. Изъ иностранныхъ журналовъ. Больная Англія. — Женщины писательницы въ Германіи. — Императоръ Вильгельмъ и Сесиль Родсъ. — Культура турецкихъ женщинъ. 57
20. БЕРЛИНСКАЯ РАБОЧАЯ ШКОЛА. (Письмо изъ Берлина). S. 60
21. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. Металлическіе сплавы. В. Яковлева . . 66
22. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Опыты г. Бахметьева надъ насѣкомыми. — Физиологическое дѣйствіе магнита. — Лучи радія для слѣпыхъ. — Пушки противъ града. — Средняя продолжительность жизни и пониженіе рождаемости во Франціи. В. А. . 75
23. БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Критика и исторія литературы. — Исторія всеобщая. — Соціологія и политическая экономія. — Философія. — Естествознаніе и географія. — Народное образованіе. — Новыя книги, поступившія въ редакцію для отзыва. . . . 83
24. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 110

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

25. ДОСТОПОЧТЕННЫЙ ПИТЕРЪ СТЕРЛИНГЪ. Романъ П. Л. Форда. (Продолженіе). Переводъ съ англійскаго Л. Я. Сердечной. 137
26. ИЗЪ ГЛУБИНЪ ОКЕАНА. Описаніе путешествія первой германской глубоководной экспедиціи Карла Куна. (Продолженіе). Переводъ съ нѣмецкаго П. Ю. Шмидта. Съ многочисл. рисунками. 148

ГОРОДЪ И ДЕРЕВНЯ ВЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

(Краткій очеркъ экономической исторіи Россіи).

(Окончаніе *).

V.

Городъ и деревня въ новой крѣпостной Россіи (въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка).

Періодъ новой крѣпостной Россіи находится въ чрезвычайно тѣсной связи съ московскимъ государствомъ. Оставляя въ сторонѣ отдѣльныя частности, нужно вообще признать, что въ Россіи XVIII и первой половины XIX столѣтія развились и опредѣленнѣе сложились тѣ явленія, которыя намѣтились въ Московской Руси. Это, прежде всего, слѣдуетъ сказать объ основномъ экономическомъ явленіи періода, — развитіи денежнаго хозяйства. Въ этомъ отношеніи трудно провести между XVII и XVIII столѣтіями разграничительную черту даже въ томъ условномъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно понимается дѣленіе исторіи на періоды или эпохи: въ сущности, начиная съ половины XVI вѣка и до половины XIX дѣлится все одна *первая* стадія въ развитіи денежнаго хозяйства въ Россіи, характеризующаяся тѣмъ, что все еще не большинство населенія захвачено торговымъ оборотомъ и при томъ захвачено не цѣликомъ, не во всѣхъ хозяйственныхъ функціяхъ, такъ что многія потребности удовлетворяются попрежнему домашнимъ производствомъ.

Довольно многочисленныя и разнообразныя наблюденія указываютъ на ростъ денежнаго хозяйства, въ новой крѣпостной, дореформенной Россіи. Прежде всего бросается въ глаза очень значительное расширение внѣшней торговли, особенно морской. Начало этому расширенію морской заграничной торговли было положено лучшимъ устройствомъ архангельскаго порта при Петрѣ Великомъ и завоеваніемъ сначала Азова, потеряннаго, впрочемъ, послѣ Прутскаго похода на довольно продолжительное время, какъ и основанный на Азовскомъ морѣ Та-

*) См. «Миръ Божій», май 1902 г.

«миръ божій», № 6, июнь, отд. I.

ганрогъ, а потомъ береговъ Балтійскаго моря у Швеціи, причеиъ въ руки Россіи перешли такія важныя порты, какъ Рига и Ревель, а въ 1703 году былъ основанъ Петербургъ, ставшій скоро главнымъ средоточіемъ ви́шней торговли. Въ послѣдующее время торговля всѣхъ этихъ портовыхъ городовъ сильно возросла и кромѣ того, прибавился новый крупный пунктъ вывозной торговли Одесса.—Въ первые годы XIX вѣка цѣнность русскаго вывоза за границу доходила уже до 75 милліоновъ рублей, а иностранныхъ товаровъ ввозилось тогда въ Россію на 52 милліона рублей. Росту ви́шней торговли соотвѣтствовало и развитіе внутреннихъ мѣновыхъ сношеній. Прежде не только въ крестьянскомъ, но и въ дворянскомъ обиходѣ довольствовались для удовлетворенія своихъ потребностей продуктами исключительно—домашняго производства, не покупавшимися, а достававшимися даромъ: употребляли, напр., грубое домашнее сукно и домотканное полотно. Но уже въ XVIII вѣкѣ эти примитивныя ткани стали замѣняться въ потребленіи *покупнымъ* болѣе тонкимъ сукномъ, ситцемъ и миткалемъ. Этимъ пробивалась значительная брешь въ твердыи натуральнаго хозяйства. Что денежное хозяйства проникло и въ крестьянскую среду, заставило и крѣпостныхъ землевладѣльцевъ считаться съ условіями рынка,—это доказыается, прежде всего, ростомъ денежнаго оброка въ ущербъ натуральному, замѣной послѣдняго первымъ: безъ товарнаго производства, безъ участія крестьянъ въ торговлѣ такое явленіе было бы невысказимо. Нельзя далѣе не обратить вниманія на развитіе крестьянскихъ отхожихъ промысловъ особенно въ XIX вѣкѣ: въ центральныхъ губерніяхъ половина, двѣ трети, даже три четверти крестьянскаго мужского населенія отправлялись ежегодно въ отходъ, что также незамѣтно втягивало народныя массы въ торговый оборотъ. Наконецъ, можно наблюдать, какъ торговая дѣятельность помогаетъ отдѣльнымъ способнымъ и предприимчивымъ личностямъ выдвинуться впередъ, выдѣлиться изъ рядового крестьянства, нажить крупные капиталы и выкупиться на волю. Достаточно указать на такіе яркіе примѣры, какъ обращеніе многихъ кустарей-набойщиковъ села Иванова, Шуйскаго уѣзда, въ крупныхъ фабрикантовъ, возникновеніе фабрики Морозовыхъ, тоже бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, въ Зуевѣ Московской губерніи, въ 1797 году, и обогащеніе Кондратовыхъ, основавшихъ свой металлическій заводъ въ селѣ Варѣ, Муромскаго уѣзда, въ 1831 году.

Переходя къ характеристикѣ относительнаго значенія другихъ отраслей народнаго производства въ Россіи XVIII и первой половины XIX вѣка, слѣдуетъ, прежде всего, констатировать тотъ фактъ, что, какъ и въ предыдущій періодъ, Россія оставалась и въ изучаемое время по преимуществу *земледѣльческой* страной, поленое хозяйство продолжало играть первенствующую роль въ экономической ея жизни. Новымъ въ этомъ отношеніи было только то, что обнаружилось до-

вольно рѣзкое и определенное различіе между средней и сѣверной неземледѣльской и южной, заокской земледѣльской областями. Въ основѣ этого различія лежали, несомнѣнно, естественныя—климатическія и почвенныя особенности названныхъ областей: тучный южный черноземъ и мягкій, благодатный степной климатъ въ высокой степени благоприятствовали земледѣлю, климатъ и почва суроваго сѣвера и сѣверо-востока никогда, какъ мы знаемъ, не давали возможности сѣверному крестьянину заняться полевымъ хозяйствомъ, а влекли его къ промысламъ горному (въ Приуральѣ), соляному, рыболовному или охотничьему; что касается центрального района, то, не обладая естественными богатствами сѣвера, открывавшими просторъ для добывающей промышленности, и не отличаясь такими хорошими климатическими и почвенными условіями, какія содѣйствовали развитію земледѣлія на югѣ, онъ сдѣлался областью, на долю которой выпали задачи устранить существенный недостатокъ, какимъ страдала экономическая жизнь Московскаго государства,—недостатокъ въ правильно-поставленной обрабатывающей промышленности. Въ центрѣ Россіи уже въ XVIII вѣкѣ земледѣліе, сохраняя свое преобладаніе, теряетъ все-таки прежнее исключительное значеніе подъ вліяніемъ развитія здѣсь именно обрабатывающей промышленности. Эта послѣдняя прививается къ жизни въ различныхъ формахъ, изъ которыхъ главныхъ четыре: 1) домашнее производство для домашняго потребленія производящей семьи, при полномъ отсутствіи обмѣна; 2) ремесло или мелкое кустарное производство: рабочій производитъ на заказъ для опредѣленнаго потребителя; иногда онъ открываетъ и спеціальную небольшую лавку для случайныхъ покупателей, кругъ которыхъ невеликъ, такъ что производство рассчитано при этомъ на небольшой мѣстный рынокъ; 3) товарно кустарное производство: кустарь производитъ продукты на обширный рынокъ, иногда даже на заграничный, но сбываетъ онъ ихъ потребителямъ не самъ, а черезъ посредство капиталиста—скупщика, такъ что, хотя производство все еще остается мелкимъ, но сбытъ товаровъ организуется уже капиталистически; 4) фабрично-заводская промышленность: крупные предприниматели-капиталисты берутъ въ свои руки не только сбытъ продуктовъ, но и ихъ производство. Первые двѣ изъ этихъ формъ—домашнее и мелкое кустарное производство или ремесло—существовали еще въ Кіевской и удѣльной Руси, не говоря уже о Московской, и у насъ уже шла о нихъ рѣчь раньше въ свое время. Онѣ продолжали существовать и въ XVIII и XIX вѣкахъ, сохранились и до настоящаго времени и долго еще не исчезнуть, но съ теченіемъ времени неудержимо клонятся къ упадку, подавляемыя развитіемъ денежнаго хозяйства и конкуренціей товарно-кустарнаго и фабрично-заводскаго производствъ. Что касается этихъ послѣднихъ, то зародыши ихъ становятся замѣтны лишь въ XVI и XVII вѣкахъ. «Въ Калугѣ,—говоритъ посолъ

германскаго императора Сигизмунда Герберштейнъ, посѣтившій Московское государство въ первой четверти XVI столѣтія,—дѣлають деревянные кубки, искусно украшенные рѣзбой, и другія деревянные вещи, необходимыя въ домашнемъ обиходѣ; *отсюда они вывозятся въ Московію, Литву и другія сосѣднія страны*». Вотъ яркій примѣръ товарно-кустарнаго производства, рассчитаннаго не только на обширный внутрешній сбытъ, но и на заграничные рынки. Первые фабрики были открыты въ томъ же XVI вѣкѣ: это были такъ называемыя «бумажныя мельницы», т.-е. фабрики для производства писчей бумаги, но онѣ плохо привились, хотя существовали, по удѣльшимъ извѣстіямъ, и въ XVII вѣкѣ. Въ царствованія Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича возникли другіе заводы и фабрики: напр., стеклянные и особенно металлическіе, изъ которыхъ особенно извѣстны заводы Виніуса въ Тулѣ, Марселиса въ Костромѣ и на Шекснѣ и Акемы въ Малоярославецкомъ уѣздѣ нынѣшней Калужской губерніи. Но все это были лишь спорадически—встрѣчавшіеся зародыши той товарно-кустарной и фабрично-заводской производительности, которая становится важнымъ элементомъ русской экономической жизни за послѣднія два столѣтія. Ростъ русской фабричной промышленности въ XVIII вѣкѣ лучше всего характеризуется слѣдующими цифрами: въ концѣ царствованія Петра Великаго во всемъ государствѣ было 233 фабрики; спустя сорокъ лѣтъ, въ 1762 году—считалось уже 984 фабрики, а еще черезъ 35 лѣтъ—въ 1796 году—общее число фабрикъ доходило уже до 3.161. Другими словами, въ 70 слишкомъ лѣтъ число фабрикъ увеличилось почти въ 14 разъ. Въ XIX вѣкѣ развитіе фабричной производительности продолжалось и даже, по всѣмъ признакамъ, шло ускореннымъ темпомъ. Одновременно съ этимъ, особенно съ царствованія императрицы Екатерины II, стало распространяться и товарно-кустарное производство. Оно возникло, главнымъ образомъ, изъ двухъ источниковъ: во-первыхъ, оно было дальнѣйшей стадіей развитія первобытныхъ формъ обрабатывающей промышленности—домашняго и мелкаго кустарнаго производства или ремесла; во-вторыхъ, оно явилось результатомъ разложенія нѣкоторыхъ фабрикъ XVIII вѣка: фабричные рабочіе разносили по деревнямъ извѣстныя прѣмы того или другаго производства, которымъ они научились на фабрикѣ, и такимъ образомъ появлялись кустарные промыслы, нерѣдко успѣшно конкурировавшіе съ фабрикой. Были и другіе, второстепенные источники товарно-кустарнаго производства XVIII вѣка: иногда помѣщики культивировали въ средѣ своихъ крестьянъ тѣ или другія отрасли обрабатывающей промышленности, выписывая изъ-за границы мастеровъ для обученія крестьянъ или отправляя послѣднихъ на выучку въ города къ городскимъ ремесленникамъ; иныя отрасли кустарной промышленности были, наконецъ, непосредственными преемницами существовавшаго еще въ XVI и XVII вѣкахъ товарно-кустарнаго произ-

водства. Подъ влияніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ во второй половинѣ XVIII столѣтія изъ кустарныхъ промысловъ достигли расцвѣта пряжа и тканье льна, деревянныя и желѣзныя издѣлія, скорняжное, сыромятное и кожевенное дѣло. Но особенно развернулось товарно-кустарное производство въ царствованіе императора Николая I. Къ этому именно времени—къ 40-мъ и 50-мъ годамъ XIX вѣка—относится процвѣтаніе большинства извѣстныхъ теперь важнѣйшихъ центровъ товарно-кустарнаго производства, какъ Павлова, Иванова-Вознесенска, Ворсмы, Кимръ и т. д. Вообще непрерывное и довольно быстрое развитіе обрабатывающей промышленности въ обѣихъ ея высшихъ формахъ—товарно-кустарной и фабрично-заводской—является однимъ изъ наиболѣе характерныхъ процессовъ въ экономической жизни новой дореформенной Россіи. Не слѣдуетъ только думать, что этотъ процессъ превратилъ значительную часть территоріи государства изъ деревни въ городъ: кое-гдѣ такія превращенія, конечно, замѣтны, и чѣмъ ближе къ концу періода, тѣмъ чаще, но въ большинствѣ случаевъ обрабатывающая промышленность была второстепеннымъ, побочнымъ занятіемъ жителей, главнымъ оставалось земледѣліе. Лучшимъ доказательствомъ этого служить тотъ фактъ, что изъ 21.000 человекъ крѣпостныхъ, приписанныхъ въ періодъ времени съ 1721 по 1762 годъ къ фабрикамъ, т.-е. предназначенныхъ спеціально для занятія обрабатывающею промышленностью, лишь 8000 человекъ были заняты фабричною работою и то не исключительно, остальные же все свое время посвящали земледѣльческимъ занятіямъ. Конечно, нельзя упускать изъ виду и нѣкоторое развитіе ремесла въ городахъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, фактъ установленія цеховой ремесленной организаціи; основу ей пытался положить еще Петръ Великій; жалованная грамота городамъ, изданная въ 1785 году Екатериной II, содержитъ уже въ себѣ важную часть—«ремесленный уставъ», въ подробностяхъ разрабатывающій существующее въ главныхъ чертахъ и до сихъ поръ цеховое устройство. Законодательныя мѣры Петра и Екатерины были созданы реальными экономическими потребностями, ростомъ ремесла, и вовсе не являлись поэтому искусственными, бесплодными проектами, не привившимися къ жизни.

Итакъ, въ относителномъ значеніи разныхъ отраслей производства въ новой крѣпостной Россіи совершились слѣдующія двѣ перемены сравнительно съ Московскою Русью: во-первыхъ, пошло дальше развитіе денежнаго хозяйства, внутренней и вѣдшей торговли; во-вторыхъ, сдѣлала крупные шаги впередъ обрабатывающая промышленность.

Говоря о *системѣ хозяйства* и затѣмъ о *формахъ хозяйственной эксплуатаціи труда*, мы будемъ сейчасъ имѣть въ виду лишь *типическія* для даннаго момента явленія, относящіяся собственно къ XVIII вѣку; о тѣхъ зачаткахъ новыхъ порядковъ, какіе въ этомъ отношеніи обнаружились уже въ XIX вѣкѣ, рѣчь пойдетъ позднѣе, при изученіи

исторіи хозяйственнаго развитія Россіи во второй половинѣ истекшаго столѣтія.

XVII вѣкъ завѣщалъ изучаемому періоду преобладаніе переложной системы на бѣльшей части территоріи страны и начавшееся въ наиболѣе населенныхъ въ то время областяхъ распространеніе трехпольной или паровой-зерновой системы, преимущественно при этомъ экстенсивной, т. е. такой, когда еще цѣлая половина и во всякомъ случаѣ болѣе трети пахотной земли находится подъ паромъ. Изъ этого видно, какъ много предстояло сдѣлать XVIII-му столѣтію для улучшенія земледѣльческой техники. Тамъ, гдѣ переложная система господствовала вполне и безраздѣльно, съ XVIII вѣка начала распространяться экстенсивная—трехпольная, а недоразвитое трехполье, въ свою очередь, стало смѣняться настоящей паровой-зерновой системой съ трехпольнымъ сѣвооборотомъ, съ правильнымъ дѣленіемъ пахотной земли на три поля, такъ что только треть ея оставалась ежегодно безъ посѣва. Вообще въ теченіе XVIII вѣка трехпольная система земледѣлія становится все болѣе типичной, характерной для нашего отечества. Техника обрабатывающей промышленности была въ то-же время несравненно ниже, чѣмъ система земледѣлія: не только русскій кустарь работалъ руками, съ помощью самыхъ примитивныхъ орудій,—то же самое было и на фабрикѣ. Въ сущности фабрика XVIII вѣка не заслуживала этого громкаго названія: она была мануфактурой, обходилась безъ машинъ, ручнымъ трудомъ, чѣмъ и обуславливалась возможность успѣшной конкуренціи съ нею со стороны кустарнаго производства, которое съ технической стороны было такимъ образомъ ниже фабричнаго. Достаточно сказать, что русской обрабатывающей промышленности XVIII столѣтія былъ неизвѣстенъ даже такой нехитрый и несложный инструментъ, какъ самопрялка. Наконецъ, и техника торговли была довольно примитивна и недалеко ушла отъ коммерческой техники Московскаго государства по той причинѣ, что мало улучшились и пути сообщенія: по прежнему господствовала ярмарочно-караванная система, которая и привела къ процвѣтанію въ то время знаменитаго «всероссійскаго торжанища» — Макарьевской ярмарки.

Съ точки зрѣнія *формъ хозяйства* XVIII вѣкъ нужно признать типической *крѣпостной* эпохой, временемъ безраздѣльнаго господства не-свободнаго труда. Въ области земледѣльческаго производства это выразилось прежде всего въ сильномъ развитіи барщины, особенно въ черноземной полосѣ. Извѣстно, напримѣръ, что въ началѣ царствованія Екатерины II въ Рязанской губерніи 81% всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ сидѣли на барщинѣ, соответствующій процентъ для Тульской и Курской губерній доходилъ до 92, для Орловской до 66. Даже въ нечерноземныхъ губерніяхъ процентъ барщинныхъ крестьянъ былъ чрезвычайно высокъ: въ Московской губерніи барщиной были обаяны 64% всѣхъ крѣпостныхъ, во Владимірской 50%, въ Новгородской 51%,

въ Тверской 54%, а въ Псковской губерніи даже 79%. Можно такимъ образомъ признать, что въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ помѣщицья пашня обрабатывалась крестьянской барщиной. При этомъ не надо забывать, что размѣры барской запашки расширялись вслѣдствіе постепенно увеличивавшейся выгоды хлѣбной торговли. Бывали и исключенія, разумѣется, въ видѣ исключенія, въ которыхъ вся удобная земля обращалась подъ владѣльческую пашню; крестьянамъ ничего не оставалось, и они превращались въ безземельныхъ крѣпостныхъ рабочихъ, получавшихъ отъ владѣльца пропитаніе натурой или «мѣсячину». Слѣдимъ оговориться: за исключеніемъ отдѣльныхъ ненормальныхъ и злоупотребленій барщина, какъ и вообще крѣпостная организація хозяйства, соотвѣтствовала въ XVIII вѣкѣ хозяйственнымъ интересамъ не однихъ только владѣльцевъ-дворянъ, но и крѣпостного крестьянскаго населенія: въ первой стадіи развитія денежнаго хозяйства, когда совершается еще только первоначальная перестройка экономическихъ отношеній на новую основу, экономически-слабые элементы общества, какими, несомнѣнно, и были крестьяне, не могутъ обойтись безъ посторонней поддержки, которую и получаютъ отъ дворянъ-землевладѣльцевъ,—отсюда прочность крѣпостныхъ порядковъ; въ то же время недостатокъ денежныхъ средствъ дѣлаетъ для народной массы болѣе удобной и выгодной барщину, чѣмъ требующійся по условіямъ времени денежный оброкъ. Крѣпостной трудъ соотвѣтствовалъ, вообще говоря, и системѣ земледѣлія: подневольная работа отличается, какъ извѣстно, слабой производительностью, но переложная и трехпольная, особенно недоразвитая-трехпольная, системы земледѣлія и не требуютъ напряженнаго, особенно производительнаго труда. Это замѣчаніе еще болѣе справедливо по отношенію къ обрабатывающей промышленности, техника которой, какъ мы видѣли, отличалась крайней примитивностью. Вотъ почему XVIII вѣкъ есть время, когда трудъ на фабрикахъ и заводахъ былъ почти сплошь несвободный. Когда Петръ Великій сталъ покровительствовать русской фабрично-заводской промышленности, то онъ вынужденъ былъ опереться въ этомъ дѣлѣ на русскій купеческій капиталъ, созданный вѣковой исторіей русской торговли въ предыдущіе періоды исторической жизни Россіи. Купеческая фабрика, развившаяся при Петрѣ, нуждалась въ рабочихъ. По вольному найму ихъ было почти невозможно найти при крайнемъ развитіи крѣпостного права, при усиленной эксплуатаціи труда крѣпостныхъ самими владѣльцами послѣднихъ. Крѣпостными въ собственномъ смыслѣ купцы владѣть не могли, потому что это была специальная дворянская привилегія. Поэтому въ 1721 году Петръ разрѣшилъ фабрикантамъ недворянамъ покупать крестьянъ къ фабрикамъ съ обязательствомъ, чтобы они оставались навсегда приписанными къ послѣднимъ, а не оставались собственностью владѣльцевъ. Такіе приписанные къ фабрикамъ несвободные рабочіе получили впоследствии названіе посесіонныхъ.

Правда, Петръ III запретилъ покупку крестьянъ къ фабрикамъ, и это запрещеніе было подтверждено Екатериной II, но императоръ Павелъ въ 1798 году вновь разрѣшилъ покупать крестьянъ для употребленія въ фабричной промышленности. Купеческая посессионная фабрика господствовала главнымъ образомъ въ первой половинѣ XVIII вѣка. Во второй его половинѣ на первый планъ выдвинулась помѣщичья, дворянская фабрика, особенно развившаяся въ царствованіе Екатерины II. Эта фабрика работала уже прямо крѣпостными. Такимъ образомъ формы хозяйства и въ обрабатывающей промышленности XVIII вѣка, какъ и въ земледѣліи, были чисто-крѣпостными.

Чтобы закончить изученіе экономической жизни новой крѣпостной Россіи, намъ остается рассмотреть *формы землевладѣнія* въ XVIII вѣкѣ, не оставшіяся безъ вліянія уже извѣстныхъ намъ теперь хозяйственныхъ явленій.

Мы имѣли уже случай убѣдиться, что помѣстье и монастырская вотчина—формы землевладѣнія, преобладавшія во вторую стадію развитія натурального хозяйства, когда господства достигаетъ земледѣліе,—оказались неудобными и стѣснительными, какъ только зародилось денежное хозяйство, потому что денежное хозяйство требуетъ свободы перехода земли изъ рукъ въ руки и возможности превращать землю въ денежный капиталъ, между тѣмъ какъ ни помѣстье, ни монастырская вотчина не удовлетворяли этимъ требованіямъ. Правда, обѣ эти формы земельного владѣнія сохранили свое существованіе въ XVII вѣкѣ, но уже тогда было замѣтно увеличеніе служилаго вотчиннаго землевладѣнія насчетъ помѣстной земли, и, кромѣ того, ростъ монастырскихъ владѣній значительно сократился, если не совсѣмъ прекратился, да и самая юридическая природа монастырскаго и особенно помѣстнаго землевладѣнія подверглась переменамъ: неотчуждаемость монастырской недвижимой собственности не всегда строго соблюдалась, а помѣстья разрѣшено было мѣнять и сдавать за деньги. Такъ уже въ XVII столѣтіи помѣстье и монастырская вотчина представляются институтами устарѣвшими, отживающими свой вѣкъ. Начало слѣдующаго столѣтія положило конецъ, прежде всего, помѣстной системѣ, какъ виду земельного владѣнія, наименѣе соответствовавшему экономическимъ условіямъ времени. Въ 1714 году указомъ Петра Великаго, помѣстья и вотчины были слиты въ одинъ видъ дворянской недвижимой собственности, подлежащей свободному отчужденію по волѣ владѣльца. Правда, этотъ указъ налагалъ на дворянъ одно важное ограниченіе: имъ была установлена недѣлимость недвижимой собственности, единонаслѣдіе, т.-е. обязательность передачи имѣнія *одному* изъ сыновей владѣльца безъ раздѣла съ другими, но вскорѣ, при императрицѣ Аннѣ, единонаслѣдіе, согласно желанію дворянства, было отмѣнено. Послѣ того ограниченія свободы отчужденія остались только для родовыхъ имѣній, а въ остальныхъ имѣніяхъ дворянъ простирались лишь на крѣпостныхъ

крестьянъ: такъ какъ крѣпостными могли владѣть одни только дворяне, то и отчуждать населенныя имѣнія можно было лишь дворянамъ же. Не трудно замѣтить, что, несмотря на эти ограниченія, дворянская недвижимая собственность XVIII и первой половины XIX вѣка болѣе, чѣмъ помѣстья XVII столѣтія, соотвѣтствовала экономическимъ условіямъ первой стадіи развитія денежнаго хозяйства: теперь уже открывалась въ извѣстной мѣрѣ свобода гражданскаго оборота земли, ея продажи и залога. Неполнота этой свободы оборота недвижимой собственности обуславливалась именно тѣмъ, что денежное хозяйство переживало до половины XIX вѣка лишь первую, зачаточную стадію своего развитія. Монастырская вотчина была нѣсколько лишь долголѣтнѣе помѣстья: она существовала лишь до 1764 года, когда императрица Екатерина II произвела секуляризацию монастырскихъ имѣній, т.-е. отобрала въ казну земли у монастырей и передала ихъ въ завѣдываніе особаго учрежденія, такъ называемой коллегіи экономіи; съ тѣхъ поръ бывшіе монастырскіе крестьяне получили названіе экономическихъ. Они занимали положеніе, во многомъ подобное положенію государственныхъ крестьянъ, жившихъ на земляхъ, которыя принадлежали государству. Такимъ образомъ, денежное хозяйство въ первой стадіи своего развитія повело къ уничтоженію помѣстнаго и монастырскаго землевладѣнія и къ господству сословной дворянской вотчины и государственныхъ земель. Государственныя земли и дворянское землевладѣніе имѣли одну общую черту, составлявшую въ то же время характернѣйшій продуктъ изучаемаго времени: и на дворянской, и на владѣльческой землѣ появилась въ XVIII и началѣ XIX вѣка новая форма крестьянскаго землепользованія. Вся земля, удобная для полевого хозяйства, которую владѣло государство, отдавалась въ пользованіе государственнымъ крестьянамъ; съ другой стороны, и помѣщики обыкновенно отдавали въ пользованіе своимъ крѣпостнымъ за оброкъ или барщину извѣстную часть имѣнія,—въ разныхъ губерніяхъ отъ 45 до 80% всей земли эксплуатировалось крѣпостными на себя. Намъ уже извѣстно, что пока крестьяне были свободны, каждый изъ нихъ садился на опредѣленный подворный участокъ и обрабатывалъ его внѣ непосредственной хозяйственной зависимости отъ своихъ односельчанъ. Такъ продолжалось и первое время послѣ установленія крѣпостнаго права: землевладѣлецъ—будь то дворянинъ или государство,—все равно—имѣлъ дѣло съ каждымъ отдѣльнымъ крестьяниномъ въ отношеніи хозяйственнаго обезпеченія послѣдняго, снабженія его землей въ достаточномъ количествѣ. Но къ половинѣ XVIII вѣка въ центрѣ Россіи и къ началу слѣдующаго столѣтія на сѣверѣ плотность населенія настолько увеличилась, что многіе крестьяне стали ощущать недостатокъ земли, а у другихъ въ пользованіи оставались очень крупныя участки. Такимъ образомъ, начали выдѣляться два слоя среди крѣпостной крестьянской массы: во-первыхъ, крестьяне богатые,

внолѣ, иногда и съ избыткомъ, обезпеченные землей; во-вторыхъ, малоземельные бѣдняки, крѣпостной пролетаріатъ. Само собою разумѣется, что это разслоеніе не обошлось безъ вліянія медленна, но неуклонно развивавшагося денежнаго хозяйства, создававшаго имущественное неравенство, принижавшаго однихъ и возвышавшаго другихъ. Малоземельное большинство, конечно, сильно страдало отъ недостатка земли, тѣмъ болѣе, что подушная подать, введенная Петромъ Великимъ и налагавшаяся на все мужское податное населеніе безъ различія возраста и достатка, падала въ такой же мѣрѣ на бѣдныхъ крестьянъ, какъ и на богатыхъ. И вотъ бѣдняки сначала на владѣльческихъ земляхъ, а потомъ и на государственныхъ начинаютъ всѣми силами добиваться «земельнаго поравненія», передѣла всей земли, находившейся въ крестьянскомъ пользованіи, по наличнымъ душамъ мужского пола. Интересы крѣпостного пролетаріата вполне совпадали съ матеріальными выгодами землевладѣльцевъ и казны: и тѣ, и другая зорко слѣдили за исправнымъ поступленіемъ оброковъ и подушнаго сбора, а для этого необходимо было, чтобы каждая крестьянская семья пользовалась такимъ количествомъ земли, которое приблизительно соотвѣтствовало бы размѣрамъ платежей, выпадавшихъ на ея долю. Такъ какъ развитіе крѣпостныхъ отношеній привело къ торжеству взгляда на всю землю, какъ полную и безусловную собственность помѣщика, то послѣдній приобрѣлъ возможность личнымъ распоряженіемъ установить уравнительно-душевной передѣлъ земли между крестьянами. Это и было сдѣлано постепенно въ XVIII вѣкѣ на дворянскихъ земляхъ всей Великороссіи и въ первой половинѣ XIX вѣка на государственныхъ земляхъ сѣвера. Установленный однажды, передѣлъ сталъ затѣмъ повторяться періодически, черезъ опредѣленные промежутки времени, по мѣрѣ измѣненія количества душъ мужского пола въ отдѣльныхъ семьяхъ и въ цѣломъ крестьянскомъ обществѣ или мѣрѣ. *Такъ положено было начало первому элементу земельной общины или мѣрскаго землепользованія—периодическимъ передѣламъ.* На этомъ дѣло не остановилось и не могло остановиться. Идея уравнительно-душевого передѣла включаетъ въ себѣ понятіе о томъ, что на каждую наличную крестьянскую душу мужского пола долженъ приходиться земельный участокъ, совершенно равный другимъ такимъ же участкамъ. Между тѣмъ, никогда не бываетъ, чтобы вся земля, находящаяся въ пользованіи крестьянъ одной деревни, была одинаковаго качества: обыкновенно часть ея хороша, плодородна, другая часть средняго достоинства, бываетъ и земля совсѣмъ худая. Стремясь соблюсти необходимое равенство между душевными участками, мѣрскаго сходъ лишентъ, поэтому, возможности отводить всю землю на отдѣльную душу сплошь: приходится сначала раздѣлить землю на «коны» или «ярусы» по степени ея плодородія и затѣмъ на каждый душевой участокъ отдѣлить по равной съ другими полосѣ въ каждомъ

кону или ярусъ. Предположимъ, на примѣръ, что мы имѣемъ деревню изъ 10 душъ мужского пола, и что земля этой деревни дѣлится по степени ея производительности (по качеству почвы) на три кона: первый конъ составляютъ 10 десятинъ хорошей, плодородной почвы, второй—20 десятинъ средней и третій 5 десятинъ худой земли, напр., песчаной, болотистой или каменистой. На каждую душу при такихъ условіяхъ придется отдѣлать въ первомъ кону 1 десятину, во второмъ 2 десятины и въ третьемъ $\frac{1}{2}$ десятины. Такимъ образомъ, душевой участокъ въ $3\frac{1}{2}$ десятины въ нашемъ примѣрѣ распадается на три расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ полосы, перемежающіяся полосами, входящими въ составъ другихъ душевныхъ участковъ. *Вотъ второй элементъ крѣпостной земельной общины—черезполосица. Третій важный ея элементъ—такъ называемый принудительный сѣвооборотъ, т.-е. обязательность для каждаго крестьянина обычныхъ въ общинѣ приемовъ хозяйства, одной общей съ другими крестьянами системы земледѣлія. Эта черта, помимо черезполосицы и періодическихъ переделовъ, является непосредственнымъ результатомъ господства трехпольной системы полевого хозяйства: трехпольная система предполагаетъ необходимость пастбы скота на поляхъ послѣ снятія жатвы; для этого, очевидно, нужно одновременно закончить уборку хлѣба во всей деревнѣ, иначе скотъ будетъ портить необранный хлѣбъ; а одновременное завершеніе полевыхъ работъ требуетъ одинаковой ихъ организаціи во всѣхъ однодеревенскихъ хозяйствахъ, т.-е. обязательнаго сѣвооборота.*

Такъ возникла въ XVIII вѣкѣ крѣпостная земельная община, то крестьянское мирское землевладѣніе, которое и теперь еще господствуетъ въ Великороссіи. Изучая происхожденіе этого учрежденія, мы коснулись вмѣстѣ съ тѣмъ и вопроса объ имущественныхъ отношеніяхъ крестьянства и дворянства, слѣдовательно, вошли уже въ сферу социального строя, сословныхъ правъ. Большинство тѣхъ экономическихъ явленій, которыя выше намѣчены, представляютъ собою, какъ мы видѣли, не что иное, какъ дальнѣйшее развитіе того, что существовало уже въ Московской Руси XVII вѣка: преобладаніе земледѣлія, развитіе обрабатывающей промышленности, ростъ денежнаго хозяйства, уничтоженіе помѣстья и монастырской вотчины, торжество полной дворянской земельной собственности, увеличеніе барской запашки и барщины, распространеніе денежнаго оброка вмѣсто натурального,—все это явленія, родившіяся не вмѣстѣ съ реформой Петра Великаго, въ значительной степени характеризовавшія собою экономическій бытъ Московскаго государства. Перерыва, пропасти между московскими традиціями и петровскими нововведеніями мы тщетно стали бы искать: вторыя послѣдовательно и постепенно развились изъ первыхъ. Самое большее, что приходится отмѣтить въ этомъ отношеніи,—это количественная разница, бѣльшая яркость и опредѣленность явленій въ

XVIII и XIX столѣтіяхъ сравнительно съ предшествующимъ временемъ. Такой связи экономическихъ явленій соотвѣтствуетъ и извѣстная взаимная зависимость процессовъ социальныхъ и политическихъ, совершившихся въ Московскомъ государствѣ и въ новой крѣпостной Россіи. Устройство общества сохранило, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже и усилило и лишь кое въ чемъ ослабило въ XVIII вѣкѣ тѣ двѣ характерныхъ черты, которыя намѣтились въ предшествующемъ періодѣ,—именно сословность и крѣпостной характеръ. Такъ, дворяне попрежнему были обязаны служить государству, сначала по преимуществу въ военной службѣ, причѣмъ за уклоненіе отъ службы ждала чрезвычайно суровая кара: конфискація имущества и даже—при Петрѣ Великомъ—политическая смерть, оставленіе «нѣтчика», т. е. дворянина, не явившагося на службу, безъ защиты закона, такъ что каждый могъ его обидѣть, ограбить, даже убить безнаказанно. Правда при императрицѣ Аннѣ срокъ обязательной военной службы дворянства былъ сокращенъ до 25 лѣтъ, а по манифесту Петра III, изданному 18-го февраля 1762 года, дворянство было совершенно освобождено отъ обязательной службы государству, но это освобожденіе было въ сущности только формальнымъ, такъ какъ «Учрежденіе о губерніяхъ», изданное Екатериной II въ 1775 году, возложило на дворянское сословіе цѣлый рядъ важныхъ обязанностей по областному управленію: дворянство выбирало изъ своей среды множество чиновниковъ въ губернскія административныя и судебныя учрежденія. По остроумному выраженію одного изслѣдователя, дворяне были только перечислены по обязательной службѣ изъ военнаго министерства въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Такимъ образомъ, въ организациі дворянскаго сословія начало обязанности попрежнему преобладало надъ принципомъ права, крѣпостной характеръ сословія не подлежалъ сомнѣнію. Но не менѣе рѣзко была выражена въ дворянствѣ и другая черта общественнаго строя—сословность. Специальныя дворянскія сословныя права формулированы были съ особенною ясностью и определенностью при Екатеринѣ II въ жалованной грамотѣ дворянству 1785 года. Главныя личныя права дворянства, по этой грамотѣ заключаются въ свободѣ отъ податей и рекрутской повинности и въ неприкосновенности дворянскаго званія безъ наличности особыхъ преступленій, доказанныхъ по суду. Въ то же время дворяне обладали двумя важными *имущественными* правами: правомъ неограниченнаго распоряженія всѣмъ имуществомъ движимымъ и недвижимымъ, и правомъ владѣть крѣпостными крестьянами. Наконецъ, *корпоративныя* права дворянства подверглись дальнѣйшему развитію: они состояли въ правѣ выбирать на дворянскихъ губернскихъ собраніяхъ губернскаго и уѣздныхъ предводителей и депутатовъ для завѣдыванія сословными дѣлами, особенно записью лицъ, приобретающихъ дворянство, въ родословныя книги; дворянскія собранія получили право хо-

дѣйствовать о своихъ сословныхъ пользахъ и нуждахъ и даже объ общегосударственныхъ дѣлахъ непосредственно передъ верховной властью. Сословность и крѣпостной характеръ общественнаго строя не менѣе ясны были и въ организаціи городского сословія въ XVIII вѣкѣ. При Петрѣ Великомъ городское сословіе оставалось всецѣло крѣпостнымъ: правда, Петръ учредилъ въ Москвѣ ратушу или бурмистерскую палату съ подчиненными ей въ городахъ земскими избами, а потомъ замѣнилъ ихъ по городамъ магистратами, подчиненными петербургскому главному магистрату, причѣмъ всѣ эти учрежденія состояли изъ лицъ, выбравшихся городскимъ сословіемъ, но и бурмистерская палата съ земскимъ и избами, и магистраты были построены на началѣ обязанности, завѣдывали, главнымъ образомъ, сборомъ податей въ городахъ. Это начало обязанности было сильно выражено даже въ жалованной грамотѣ городамъ, данной Екатериною II въ 1785 году, хотя здѣсь замѣтно уже и зарожденіе принципа права, потому что городскія дѣла и городское благоустройство занимаютъ уже не послѣднее мѣсто въ вѣдомствѣ выбравшейся городскими обывателями городской общей думы, которая, въ свою очередь, выбирала для постояннаго завѣдыванія городскими дѣлами исполнительный органъ—шестигласную думу изъ шести лицъ во главѣ съ городскимъ головой. Зато здѣсь вполне господствовала сословность: каждая изъ шести сословныхъ группъ, на которыя дѣлилось городское населеніе, имѣла особое представительство въ общей думѣ и особый голосъ въ думѣ шестигласной. Что касается, наконецъ, крестьянства, то безусловное господство крѣпостнаго права въ этомъ сословіи—фактъ общеизвѣстный и прочно установленный: прежде всего переходъ крестьянъ отъ одного землевладѣльца къ другому сдѣланъ былъ совершенно невозможнымъ вслѣдствіе чрезвычайной строгости кары, постигавшей землевладѣльцевъ, которые принимали бѣглыхъ крестьянъ: за невозвращеніе бѣлаго крестьянина грозила полная потеря имѣнія, половина котораго поступала лицамъ, чьи бѣглые крестьяне оказывались въ имѣніи, а половина конфисковалась въ казну; затѣмъ установилась мало-по-малу вотчинная юстиція и полиція, владѣльческій судъ и расправа по всѣмъ дѣламъ, кромѣ важнѣйшихъ уголовныхъ; въ шестидесятыхъ годахъ XVIII вѣка владѣльцы получили право ссылатъ крестьянъ въ Сибирь на поселеніе, съ зачетомъ ихъ въ рекруты, а также отправлять крѣпостныхъ за дерзкое поведеніе на каторгу. Не надо, наконецъ, забывать, что въ концѣ столѣтія крѣпостное право было распространено на Малороссію, и что Екатерина II и Павелъ I раздавали крестьянъ въ собственность дворянства цѣлыми сотнями тысячъ душъ.

Мы видѣли въ свое время, какое важное значеніе для политической и административной исторіи Московскаго государства имѣли торжество рядового дворянства надъ боярскою аристократіей, проникнутой олигархическими стремленіями, и зарожденіе денежнаго хозяйства,

сильно содѣйствовавшее утвержденію идеи о государствѣ какъ союзѣ, имѣющемъ цѣлью общее благо, а не личный интересъ. То же сочетаніе соціально-экономическихъ силъ можно наблюдать, какъ мы знаемъ, и въ новой крѣпостной Россіи,—только въ большей степени, чѣмъ то было въ Московскомъ государствѣ. Вотъ почему общая постановка верховной власти и административный строй XVIII и первой половины XIX вѣка представляютъ собою естественное продолженіе соотвѣтствующихъ явленій XVII столѣтія и отличаются отъ послѣднихъ не принципиально, не въ основныхъ началахъ, а въ частностихъ. Въ теченіе всего изучаемаго періода самодержавіе оставалось неизбѣжимымъ, и отдѣльныя попытки иной постановки верховной власти встрѣчали дружный отпоръ со стороны дворянской массы, задававшей основной тонъ всей общественной и государственной жизни; эти попытки были при томъ чрезвычайно рѣдки и отличались или устарѣлымъ олигархическимъ направленіемъ, какъ извѣстная попытка верховниковъ при воцареніи императрицы Анны, или подражательнымъ и въ значительной мѣрѣ утопическимъ характеромъ, составлявшимъ одну изъ наиболѣе отличительныхъ чертъ въ мечтаніяхъ декабристовъ. Но оставаясь самодержавной, верховная власть въ Россіи XVIII и XIX вѣковъ въ то же время все болѣе и болѣе проникалась государственной идеей общаго блага, утрачивала все болѣе и болѣе старый вотчинный характеръ и организовала, поэтому, рядъ высшихъ учреждений для законодательства, высшаго суда и надзора за администраціей. Уже Петръ Великій ясно сознавалъ, что государь—не владѣлецъ, не собственникъ государства, а первый его слуга, и что неограниченность верховной власти государя не стоитъ въ противорѣчьи съ существованіемъ высшихъ государственныхъ учреждений, дѣйствующихъ самостоятельно въ кругѣ дѣлъ, предоставленныхъ ихъ вѣдѣнію. Это сознаніе нашло себѣ лучшее выраженіе въ высшемъ учрежденіи Петровской эпохи—правительствующемъ сенатѣ. Но сенатъ представлялъ собою еще слишкомъ сложное учрежденіе: онъ вѣдалъ не только законодательство, но и судъ; мало того: въ немъ сосредоточивался еще надзоръ за управленіемъ и руководство всей исполнительной властью и дѣятельностью въ государствѣ. Чрезмѣрная многосложность сенатскаго вѣдомства вызвала выдѣленіе законодательной (точнѣе: законосовѣщательной) функціи и передачу ее въ руки другого учрежденія: верховнаго тайнаго совѣта при Екатеринѣ I и Петрѣ II, кабинета министровъ при Аннѣ, конференціи при Елизаветѣ, совѣта при Екатеринѣ II и Павлѣ I. Этотъ рядъ учрежденій, имѣвшихъ своей главной цѣлью дачу совѣта монарху въ его законодательной дѣятельности, завершился установленіемъ при Александрѣ I государственнаго совѣта, преобразованнаго въ правильное учрежденіе съ постояннымъ составомъ и опредѣленнымъ вѣдомствомъ по плану Сперанскаго.

Экономическія потребности времени—необходимость развитія вѣвш-

ней торговли и обрабатывающей промышленности—продиктовали русской внешней политикѣ начала XVIII вѣка ея главную задачу—приобрѣтеніе береговъ Балтійскаго моря. Возгорѣвшаяся отсюда война съ обладавшею этими берегами Швеціей была внешнимъ стимуломъ для административныхъ преобразованій Петра Великаго, ставшихъ, въ свою очередь, исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ перемѣнъ въ управленіи, которыя завершились въ изучаемый періодъ реформами Александра I. Извѣстна та связь, какая существовала между фактами административной исторіи XVIII и первой половины XIX вѣка. Она сводится приблизительно къ слѣдующему: военно-финансовыя потребности, вызванныя войной и состоявшія въ необходимости содержать отдѣльные корпуса арміи насчетъ опредѣленныхъ областей, создали петровскую губернію 1710 года; эта губернія была независима отъ уцѣлѣвшихъ еще старыхъ московскихъ центральныхъ учреждений,—приказовъ, и потому разрушила послѣднія; въ центрѣ осталось только одно учрежденіе—сенатъ; такъ какъ ему не подѣ силу было справиться со всей сложностью многочисленныхъ государственныхъ дѣлъ, стекавшихся въ столицу, то стала неизбежной новая реорганизация административной системы; Петръ произвелъ ее въ 1720 году, учредивъ для центральнаго управленія коллегіи и видоизмѣнивъ губернскія учрежденія; дѣло Петра продолжала Екатерина II, преобразовавшая областное управленіе въ «Учрежденіи о губерніяхъ» 1775 года; но во главѣ каждой изъ екатерининскихъ губерній стояло должностное лицо (намѣстникъ, потомъ губернаторъ) съ чрезвычайно-обширной властью, имѣвшее непосредственное отношеніе къ сенату и посреднику между сенатомъ и императорскою властью—генераль-прокурору, а вышнія губернскія учрежденія—губернское правленіе, казенная палата и палаты гражданскаго и уголовнаго суда—по значенію своему приравнивались закономъ коллегіямъ; все это разрушило снова центральныя учрежденія, и только при Александрѣ I эти послѣднія, благодаря трудамъ Сперанскаго, были, наконецъ, правильно организованы: появились министерства съ точнымъ кругомъ вѣдомства, отвѣтственностью министровъ и быстротою административныхъ дѣйствій. Такъ развитіе административной системы, имѣя своимъ исходнымъ пунктомъ экономическія потребности, въ послѣдовательномъ своемъ ходѣ подчеркивало идею общаго блага, какъ основу государственнаго союза, и окончательно устраняло остатки прежнихъ безсистемности, случайности порученій, неопредѣленности вѣдомства, непостоянства состава органовъ управленія. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ экономическихъ явленій *непосредственное* вліяніе на политическій строй и административную систему оказывало почти исключительно развитіе денежнаго хозяйства. Другія явленія хозяйственной жизни изучаемаго періода отражались въ сферѣ государственныхъ отношеній черезъ посредство соціального строя.

Сказанное даетъ возможность отвѣтить на вопросы: каковы были

взаимныя отношенія города и деревни въ новой крѣпостной Россіи? и въ какой мѣрѣ отразились условія городской и сельской жизни на общемъ ходѣ историческаго развитія русскаго народа въ данный періодъ? Нельзя не признать, что если въ Московской Руси городъ вступилъ уже въ органическую связь съ деревней и сталъ достаточно замѣтнымъ элементомъ общественной жизни, то въ новой крѣпостной Россіи эта связь стала крѣпче, и вліяніе города сдѣлалось сильнѣе. Причину этого надо видѣть не только въ томъ, что издревле существовавшая отрасль городской промышленности—торговля—значительно увеличилась и оживилась сравнительно съ предшествующимъ временемъ, но и въ томъ, что городъ пересталъ быть почти исключительно торговымъ центромъ, а приобрѣлъ также нѣкоторое значеніе, какъ средоточіе обрабатывающей, фабрично-заводской промышленности. Вавѣшивая теперь относительное значеніе городской и сельской промышленности въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка для общаго хода исторической жизни этого періода, мы должны будемъ признать за условіями деревенской жизни попрежнему доминирующее значеніе, хотя это ихъ превосходство является, несомнѣнно, еще менѣе исключительнымъ, чѣмъ въ Московскомъ государствѣ. Въ то же время нельзя подмѣнить никакой особенной борьбы, никакого противорѣчія между городскимъ строемъ и деревенскимъ бытомъ: общая гармонія и единство выражены достаточно ясно. Самымъ серьезнымъ измѣненіемъ, предвѣстникомъ новаго хозяйственнаго періода, именно наступающей въ половинѣ XIX вѣка второй стадіи развитія денежнаго хозяйства, является перемѣна экономического типа городского поселенія: постепенный переходъ отъ города какъ исключительно торговаго центра, къ городу какъ центру торгово-промышленному. Въ этомъ залогъ дальнѣйшаго преуспѣванія городского строя, а слѣдовательно большаго значенія городской промышленности, съ чѣмъ неразлучимо и болѣе широкое распространеніе денежно-хозяйственной системы со всѣми ея необходимыми послѣдствіями въ области социальныхъ и политическихъ отношеній. Но это вводитъ насъ уже въ новѣйшую Россію, когда самые коренные устои русской народной жизни подверглись существенному измѣненію.

VI.

Городъ и деревня во второй половинѣ XIX вѣка.

Съ понятіемъ о реформѣ многіе прежде соединяли—нѣкоторые отчасти и теперь соединяютъ—идею о рѣзкомъ перерывѣ, катастрофѣ, совершающейся внезапно, чуть ли не по мановенію какого-то волшебнаго жезла. Стоячее болото такъ и оставалось бы неподвижнымъ, если бы не являлся великанъ, гениальный человѣкъ, который ведетъ инертное общество по новой дорогѣ часто даже вопреки волѣ этого общества.

Исторію дѣлають великіе люди, которые отнюдь не являются выразителями назрѣвшихъ потребностей и сложившихся стремленій, а напротивъ, сами вызываютъ къ жизни и потребности, и стремленія. Такъ думали, иногда и теперь думаютъ крайніе индивидуалисты въ исторіи, безусловные поклонники личнаго величія, самымъ талантливымъ представителемъ которыхъ является авторъ извѣстной книги «Герои и героическое въ исторіи»—Карлейль. Лучшимъ опроверженіемъ такого взгляда, не говоря о другихъ соображеніяхъ, являются указанія на такія реформы, которыя осуществились, несмотря на отсутствіе гениальной личности. Къ числу такихъ реформъ принадлежитъ отиѣна крѣпостной зависимости крестьянъ въ Россіи, произведенная Положеніемъ 19-го февраля 1861 года. Надъ этимъ великимъ дѣломъ работала, несомнѣнно, цѣлая плеяда талантливыхъ дѣятелей, но тщетно мы стали бы искать между ними всеобъемлющаго и всенаправляющаго гения. Наблюденія надъ подобными случаями и другія побужденія заставляютъ многихъ иначе представлять себѣ происхожденіе преобразовательныхъ мѣропріятій: его приписываютъ торжеству извѣстныхъ идей, распространенію ихъ въ руководящихъ кругахъ общества. Несомнѣнно, такое воззрѣніе представляетъ собою уже значительный шагъ впередъ сравнительно съ вышеотмѣченнымъ взглядомъ на исключительное значеніе героевъ въ исторіи. Но вѣдь и идеи зарождаются не въ безвоздушномъ пространствѣ, пытаются и создаются неизбежными и неустраняемыми житейскими условіями, не могутъ быть оторваны отъ почвы, ихъ вскормившей. Вотъ почему главной задачей при изученіи исторіи всякой реформы является изученіе ея социальна-экономической основы, тѣхъ по преимуществу хозяйственныхъ условій, которыя создаютъ и извѣстный кругъ идей, обращающихся въ обществѣ и усваиваемыхъ общественными дѣятелями, и возможность гениальнаго синтеза и практическаго примѣненія ихъ великимъ человекомъ или болѣе или менѣе многочисленной группой людей талантливыхъ. Не то, чтобы все безусловно сводилось непосредственно къ хозяйственнымъ интересамъ и потребностямъ, но главное и основное въ историческихъ перемѣнахъ, несомнѣнно, объясняется экономическимъ элементомъ. Поэтому, изучая причины паденія крѣпостнаго права въ Россіи, событія, имѣющаго первенствующее значеніе во второй половинѣ XIX вѣка и служащаго видимымъ признакомъ важной общественной перемѣны, мы должны, прежде всего, отмѣтить тѣ новыя явленія, которыя болѣе или менѣе ясно обозначились въ экономической жизни страны.

Говоря вообще, основной экономической причиной крестьянской реформы надо считать дальнѣйшій ростъ денежнаго хозяйства, переходъ его во вторую стадію развитія, когда бѣльшая часть населенія втягивается въ торговый оборотъ, работаетъ для рынка, и для удовлетворенія собственныхъ потребностей закупаетъ продукты чужого труда,

выносимые также на рынокъ въ видѣ товара. Этотъ процессъ развитія денежнаго хозяйства въ первой половинѣ XIX-го столѣтія характеризуется въ значительной мѣрѣ уже тѣми фактами, которые приведены при изложеніи экономической исторіи новой крѣпостной, дореформенной Россіи. Поэтому мы ограничимся лишь указаніемъ, что отмѣченныя тамъ явленія,—въ родѣ увеличенія количества и круга предметовъ, приобрутаемыхъ дворянствомъ покупкою, замѣны натурального оброка денежнымъ, развитія крестьянскаго отхода на заработки, выдѣленія изъ крестьянской массы отдѣльныхъ богачей, крупныхъ капиталистовъ, — находятъ себѣ соотвѣтствіе въ успѣхахъ внѣшней торговли въ Россіи и въ перемѣнѣ хозяйственнаго положенія дворовыхъ людей. Наканунѣ крестьянской реформы цѣнность русскаго вывоза, простиравшаяся въ началѣ XIX вѣка до 75 милліоновъ рублей, поднялась до 230 милліоновъ; въ то же время иностранныхъ товаровъ ввозилось уже на 200 милліоновъ рублей, тогда какъ въ началѣ столѣтія ввозъ не превышалъ 52 милліоновъ. Что касается дворовыхъ, то ихъ хозяйственная роль измѣнилась въ томъ смыслѣ, что хотя общее количество дворовыхъ и увеличивалось, но это увеличеніе приходилось на счетъ тѣхъ изъ нихъ, которые были заняты въ качествѣ рабочихъ въ помѣщичьихъ промышленныхъ предпріятіяхъ, работавшихъ для сбыта, между тѣмъ какъ число дворовыхъ, занятыхъ въ качествѣ личной прислуги, быстро шло на убыль; они стали непроеводительнымъ классомъ, дармоедами, тяготившими владѣльцевъ, которые перестали нуждаться въ ихъ домашнемъ трудѣ, такъ какъ начали приобрутать предметы потребленія по преимуществу покупкой. Перемѣна въ экономическомъ положеніи дворовыхъ была замѣчена еще въ 40-хъ годахъ путешествовавшимъ тогда по Россіи нѣмцемъ Гакстгаузеномъ и подтверждается для пятидесятихъ годовъ наблюденіями надъ отдѣльными помѣщичьими хозяйствами: такъ, въ имѣніи Шипова, Ярославской губерніи, изъ общаго числа 101 двороваго, лишь 15 человекъ исполняли обязанности личной прислуги, служили въ домашнемъ хозяйствѣ владѣльца; остальные были почти сплошь отпущены на оброкъ. Наконецъ, немаловажнымъ признакомъ развитія денежнаго хозяйства является очень быстрый ростъ купеческихъ капиталовъ: уже въ 1822 году въ Московской губерніи общая сумма этихъ капиталовъ доходила до 27 милліоновъ рублей, а 11 лѣтъ спустя, въ 1833 году, она достигла уже 39 милліоновъ, что составляетъ около 45% повышенія въ такой короткій срокъ, какъ одно десятилѣтіе.

Ростъ денежнаго хозяйства служитъ несомнѣннымъ признакомъ увеличившагося раздѣленія труда, т. е. развитія обрабатывающей промышленности. Какъ быстро шло развитіе русской фабрики въ первой половинѣ XIX вѣка,—это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: въ важнѣйшей изъ отраслей фабричной производительности, хлопчатобумажномъ производствѣ, количество перерабатываемаго хлопка возрасло за 50 лѣтъ

въ 16 разъ; выплавка чугуна за то же время поднялась съ 8 до 16 миллионовъ пудовъ; быстрое поступательное развитіе суконнаго производства засвидѣтельствовано тѣмъ фактомъ, что въ 1850 году, въ Россіи считалось уже 492 суконныхъ фабрики. Параллельно количественному росту фабричной производительности шло и улучшеніе ея техники: ручная работа стала замѣняться машиной; мануфактура XVIII вѣка превратилась въ XIX вѣкѣ въ фабрику въ истинномъ смыслѣ этого слова. Такъ уже въ сороковыхъ годахъ техническій уровень хлопчатобумажнаго фабричнаго производства въ Россіи былъ очень высокъ. Развитіе обрабатывающей фабрично-заводской промышленности и техническій прогрессъ ея оказали чрезвычайно сильное вліяніе на самыя формы эксплуатаціи народнаго труда въ этой сферѣ производства. Мы видѣли въ свое время, что фабрика XVIII вѣка опиралась почти исключительно на несвободный трудъ, — крѣпостной, если она принадлежала дворянину-землевладѣльцу, и посессіонный, если ея владѣль купецъ или выкупившійся на волю крестьянинъ. Но въ XIX вѣкѣ, подѣ вліяніемъ роста денежнаго хозяйства, вызвавшаго увеличеніе спроса на продукты обрабатывающей промышленности и принудившаго фабрикантовъ позаботиться о большей производительности фабричнаго труда, о введеніи машинъ и повышевіи качества фабрикатовъ, малопродуктивный, вслѣдствіе своего принудительнаго характера, несвободный трудъ сталъ замѣняться болѣе плодотворнымъ вольнонаемнымъ. Это, прежде всего, отразилось въ постепенномъ разложеніи основанной на крѣпостномъ трудѣ дворянской фабрики, господствовавшей въ Екатерининскую эпоху: въ 30-хъ годахъ XIX вѣка дворянскія фабрики составляли уже только 15% общаго числа фабрикъ, а въ 40-хъ годахъ процентъ ихъ понижился до 5-ти. Помѣщичья фабрика распадалась на кустарные промыслы, изъ которыхъ въ звою очередь, образовалась крестьянская фабрика, преобладавшая въ 40-хъ и 50-хъ годахъ. Но на крестьянскихъ и купеческихъ фабрикахъ посессіонный трудъ оказался маловыгоднымъ. Фабриканты стали предпочитать свободныхъ рабочихъ, такъ что въ 1816 году Александръ I навсегда запретилъ покупку крестьянъ къ фабрикамъ, а въ 1825 году уже 54% всѣхъ фабричныхъ рабочихъ работали по вольному найму. Въ тридцатыхъ годахъ фабриканты громко жалуются министру финансовъ на невыгодность посессіоннаго труда. Подѣ вліяніемъ этого, въ 1840 году былъ изданъ законъ, по которому фабриканты получили право освобождать своихъ посессіонныхъ рабочихъ за деньги или безплатно. До какой степени этотъ законъ соотвѣтствовалъ вполнѣ назрѣвшей потребности, видно изъ того, что имъ очень скоро воспользовались 103 фабрики: болѣе половины посессіонныхъ фабрикъ перешли такимъ образомъ, по желанію владѣльцевъ, къ вольнонаемному труду. Итакъ, торжество крестьянской фабрики ознаменовалось къ половинѣ XIX вѣка преобладаніемъ вольнонаемнаго труда въ обрабатывающей промышленности, а это послѣднее явленіе, вызывая усиленный спросъ

на свободныхъ рабочихъ, неизбѣжно выдвигало вопросъ о необходимости освободить крестьянское населеніе отъ крѣпостной зависимости. Мы видимъ, слѣдовательно, что развитіе денежнаго хозяйства и неизбѣжный результатъ его—ростъ фабричной промышленности съ наемнымъ свободнымъ трудомъ—подрывали крѣпостное право въ его основаціяхъ и выставляли крестьянскую реформу въ качествѣ требованія, совершенно необходимаго въ интересахъ народнохозяйственнаго развитія Россіи. Такова первая экономическая причина паденія крѣпостного права въ Россіи: ее мы нашли, такимъ образомъ, въ процессѣ развитія обрабатывающей промышленности.

Не менѣе, если не болѣе, сильно, чѣмъ въ обрабатывающей промышленности, общая перемѣна экономическихъ условій сказалась въ сферѣ земледѣльческаго производства. Описанный сейчасъ ростъ фабричной производительности, неизбѣжно сопровождавшійся большимъ, чѣмъ прежде, раздѣленіемъ труда, специализаціей, вызвалъ сильное повышение спроса на хлѣбъ на внутреннемъ рынкѣ страны. Этому соответствовали усиленный спросъ на русскій хлѣбъ и на рынкѣ вѣншемъ, за границей: дѣло въ томъ, что въ XIX вѣкѣ передовыя западно-европейскія страны стали дѣлать очень крупные шаги по пути индустриальнаго развитія, такъ что земледѣіе отступило въ нихъ на второй планъ передъ фабричной промышленностью, а отсюда и явилась повышенная потребность въ привозномъ хлѣбѣ, не удовлетворявшаяся мѣстнымъ, внутреннимъ земледѣльческимъ производствомъ. Увеличеніе спроса на хлѣбъ на внутреннемъ и вѣншемъ рынкѣ требовало отъ русскаго земледѣльческаго хозяйства большей производительности: явилась нужда въ большемъ количествѣ хлѣба и при томъ хлѣба лучшаго качества. Другими словами, былъ поставленъ на очередь вопросъ объ улучшеніи земледѣльческой техники. Въ началѣ XIX вѣка недоразвитая трехпольная система земледѣлія, т.-е. такая при которой еще болѣе трети, но менѣе половины всей пахатной земли остается ежегодно подъ паромъ, требующимъ навознаго удобрения, господствовала еще на довольно—значительной территоріи. Это можно было сказать въ двадцатыхъ годахъ отчасти даже о такихъ губерніяхъ, какъ Калужская. Обширныя восточныя и южныя окраины Европейской Россіи и всѣ азіатскія владѣнія въ то же время и долго еще позднѣе оставались широкой ареной первобытнаго переложнаго земледѣлія. Исторія техники русскаго полевого хозяйства въ XIX вѣкѣ сводится къ процессу развитія зачаточныхъ стадій трехполя въ чистую его форму, перехода отъ переложной системы къ трехпольной и, наконецъ, къ процессу появленія еще болѣе интенсивной, чѣмъ трехпольная, плодосмѣнной системы земледѣлія, основанной на уничтоженіи пара, замѣнѣ его посѣвомъ утучняющихъ почву травъ (клевера, вики) и смѣнѣ зерновыхъ хлѣбовъ корнеплодами, причемъ находятъ себѣ обширное приложеніе различные виды искусственнаго удо-

бренія (туки, фосфориты и пр.). Уже въ самомъ концѣ XVIII вѣка смоленскій помѣщикъ Бланкеннагель далъ первый образецъ примѣненія плодосѣна въ своемъ имѣнии. Въ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годахъ XIX столѣтія плодосѣнная система полевого хозяйства на помѣщичьихъ земляхъ не является уже исключеніемъ, рѣдкостью. Особенной извѣстности въ этомъ отношеніи достигли хозяйства двухъ помѣщиковъ,—калужскаго Полторацкаго и тверскаго Шелехова. Полторацкій имѣлъ цѣлый рядъ подражателей и даже восторженныхъ послѣдователей, нѣкоторые изъ которыхъ дѣлились съ публикой въ агрономическихкихъ журналахъ того времени результатами своихъ агрономическихкихъ опытовъ. Хозяйственные документы первой половины XIX вѣка, навѣрное, подарятъ намъ, при ихъ обнаруженіи и изученіи, не однимъ извѣстіемъ о переходѣ къ плодосѣнну. Такъ въ послѣднее время стало извѣстно, что рязанскій помѣщикъ Семеновъ примѣнялъ въ своемъ имѣнии систему земледѣлія болѣе интенсивную, чѣмъ развитое трехполье, а Воробьевъ уже въ тридцатыхъ годахъ въ Тверской губерніи сѣялъ клеверъ. Параллельно распространенію болѣе совершенныхъ системъ земледѣлія шли и другіе процессы, указывавшіе на прогрессъ техники полевого хозяйства: увеличивалась площадь запашекъ, вводились улучшенныя земледѣльческія орудія и машины, разводились такія растенія, которыя знаменуютъ собою уже переходъ къ промышленному земледѣльческому хозяйству, рассчитанному на переработку продукта въ другой видъ съ цѣлью болѣе выгоднаго сбыта: такъ стали въ значительномъ количествѣ сѣять свекловицу, имѣя въ виду переработку ея въ сахаръ.

Переѣмы въ земледѣльческой технику подготовили торжество свободнаго труда надъ крѣпостнымъ и въ области земледѣлія. Денежное сельское хозяйство, работавшее для рынка, для сбыта, дорогія усовершенствованныя орудія, интенсивная система полеводства, затраты на искусственное удобреніе, наилучшій рабочій скотъ и т. д. повышали требованія на количество продукта, дѣлали обязательнымъ увеличеніе производительности труда въ земледѣліи; между тѣмъ, барщинный, подневольный трудъ отличается всегда, какъ извѣстно, чрезвычайно слабой производительностью: работая неохотно, поневолѣ, въ пользу другого, безъ всякой для себя выгоды, барщинный крестьянинъ исполняетъ свое дѣло такъ плохо, какъ только можно при надзорѣ за нимъ со стороны вотчинной администраціи; поэтому и земля подъ барской пашней не окупаетъ своимъ скуднымъ урожаемъ по вышеннымъ благодаря усовершенствованіямъ расходомъ. Остается одно средство для повышенія дохода,—употребленіе вольнонаемнаго труда, а для его широкаго примѣненія необходима отмена крѣпостнаго права. Конечно, масса помѣщиковъ-рутинеровъ плохо понимала это и слѣпо противилась реформѣ, въ силу своей косности и неспособности примѣниться къ новымъ условіямъ, но лучшая часть помѣстнаго дворян-

ства хорошо сознавала потребности времени и ихъ необходимую связь съ интересами раціональнаго сельскаго хозяйства. Это прежде всего доказывается коллективными ходатайствами дворянства въ Николаевское время объ освобожденіи крестьянъ и улучшеніи ихъ быта; таковы, напр., проектъ тульскихъ дворянъ, совѣщанія въ Смоленской, Тверской, Рязанской, Петербургской губерніяхъ. Другое доказательство выгоды вольнонаемнаго труда въ сельскохозяйственномъ производствѣ заключается въ высокой доходности тѣхъ сельско-хозяйственныхъ предприятий, въ которыхъ примѣнялся трудъ вольнонаемныхъ рабочихъ: въ 40-хъ годахъ XIX вѣка въ Московской губерніи такія предприятия оказывались въ $2\frac{1}{2}$ раза доходнѣе хозяйствъ, основанныхъ на крѣпостной барщинѣ; въ то же время въ Рязанской губерніи барщинныя помѣщичьи имѣнія приносили доходу всего 8—10%, а прибыль при воздѣлываніи земли свободными рабочими по найму достигала 15—20%; наконецъ, въ губерніяхъ: Воронежской, Тамбовской и Саратовской обработка земли вольнонаемными работниками приносила нерѣдко болѣе 50% чистаго дохода съ оборотнаго капитала. Есть еще третій признакъ большей выгоды свободнаго труда въ земледѣліи въ пятидесятыхъ годахъ XIX вѣка сравнительно съ крѣпостнымъ: это—тотъ фактъ, что къ половинѣ XIX столѣтія количество крѣпостныхъ, обязанныхъ земледѣльческой барщиной, въ центральныхъ губерніяхъ сильно сократилось сравнительно съ XVIII вѣкомъ: такъ, напримѣръ, во Владимірской губерніи въ XVIII вѣкѣ 50% помѣщичьихъ крестьянъ сидѣло на барщинѣ, а въ половинѣ XIX столѣтія процентъ барщинныхъ крестьянъ понижился до 30-ти; въ Ярославской губерніи наблюдается за тотъ же промежутокъ времени пониженіе процента издѣльнаго крестьянства съ 22 до $12\frac{1}{2}$, въ Московской—съ 64-хъ до 32-хъ. Правда, сокращеніе барщины и ростъ оброчной системы въ нечерномемныхъ губерніяхъ объясняется не одними условіями земледѣлія, а также развитіемъ здѣсь обрабатывающей фабричной промышленности, дѣлавшимъ выгодной для помѣщиковъ оброчную систему: можно было повысить значительно оброкъ, отпуская крѣпостнаго крестьянина работать на фабрику и пользуясь высокимъ сравнительно уровнемъ получаемой имъ тамъ заработной платы. Но приведенныя цифры, несмотря на такую оговорку, всетаки доказываютъ, что въ центральныхъ губерніяхъ барщина сильно пошла на убыль, слѣдовательно, золотая пора крѣпостнаго сельскаго хозяйства безвозвратно миновала. Что касается губерній, лежащихъ къ югу отъ Оки, то процентъ барщинныхъ крестьянъ въ нихъ или остался безъ перемены, какъ, напр., въ Тамбовской губерніи, гдѣ и въ XVIII, и въ половинѣ XIX вѣка на барщинѣ сидѣло 78% крѣпостныхъ крестьянъ, или повысился, какъ въ Пензенской—съ 48% въ XVIII вѣкѣ до 75% въ XIX, или, хотя и понижился, но все-же былъ высокъ, чему примѣромъ можетъ служить Курская губернія,

въ которой барщинные крестьяне въ половинѣ XIX столѣтія составляли 75¹/₂% крѣпостного населенія, тогда (какъ въ XVIII вѣкѣ издѣльныхъ крестьянъ было 92%. На первый взглядъ это показываетъ, что въ (черноземныхъ, чисто-земледѣльческихъ губерніяхъ попрежнему господствовалъ крѣпостной трудъ, но при ближайшемъ изслѣдованіи оказывается, что напряженность здѣсь крестьянской барщины объясняется только одной рѣдкостью населенія: по свидѣтельству современниковъ, на югѣ для обработки помѣщичьей пашни не хватало барщиннаго труда крѣпостныхъ, и потому въ большомъ количествѣ употреблялись вольнонаемные рабочіе, приходившіе изъ густонаселенной Малороссіи. Слѣдовательно, вольнонаемный земледѣльческій трудъ игралъ въ степныхъ черноземныхъ губерніяхъ едва ли не большую и, во всякомъ случаѣ, не меньшую роль, нежели барщинный подневольный: и здѣсь устои крѣпостного земледѣльческаго хозяйства подгнили, оно стало невыгоднымъ для дворянъ-землевладѣльцевъ.

Не надо забывать далѣе, что кромѣ владѣльческихъ интересовъ были еще интересы крестьянскіе. Для крестьянина увеличеніе барщины и барской запашки знаменовало собою существенный хозяйственный ущербъ, такъ какъ сокращало размѣры его собственной пашни и лишало его всякой экономической самостоятельности. Это было существеннымъ тормазомъ въ развитіи собственно-дворянскаго хозяйства, тормазомъ, ставившимъ это хозяйство въ сильное противорѣчіе съ общими экономическими условіями времени: развитіе обмѣна, денежнаго хозяйства поощряло крупныя сельскохозяйственныя предпріятія, но осуществленіе ихъ становилось невозможнымъ при сохраненіи крѣпостного права, вслѣдствіе противорѣчія ихъ при этомъ условіи экономическимъ интересамъ крестьянства. Два признака указываютъ на невыносимость крѣпостныхъ хозяйственныхъ условій для крестьянскаго населенія послѣднихъ лѣтъ передъ освобожденіемъ: во-первыхъ, въ послѣднія 20 лѣтъ передъ крестьянской реформой прекратился приростъ крѣпостного населенія, что очень знаменательно, такъ какъ свидѣтельствуетъ о тяжеломъ экономическомъ положеніи крѣпостныхъ; во-вторыхъ, въ пятидесятихъ годахъ XIX столѣтія увеличилось число крестьянскихъ волненій: тогда какъ въ 20-хъ годахъ оно равнялось всего 41-му, теперь оно выросло до 137, цифры очень внушительной.

Наконецъ, всѣ эти обстоятельства—и невыгодность барщины и крѣпостного права для помѣщичьяго хозяйства, и разореніе и возбужденіе крестьянъ, и происходившая отсюда остановка въ возрастаніи народнаго дохода—не были безразличны и съ точки зрѣнія чисто государственныя интересы. Внутреннее спокойствіе—основная потребность государства. Не менѣе важна для него и внѣшняя безопасность, которая требовала развитія производительныхъ силъ страны, промышленности, торговли, земледѣлія, путей сообщенія, такъ какъ недостатки во всемъ этомъ губительно отражались на финансахъ госу-

дарства и были основной причиной пораженія, понесеннаго Россіей въ Крымской войнѣ.

Итакъ, вторую экономическую причину крестьянской реформы 19-го февраля 1861 года можно формулировать слѣдующимъ образомъ: денежное хозяйство въ своемъ развитіи привело къ техническимъ усовершенствованіямъ въ земледѣліи, а эти усовершенствованія сдѣлали невыгоднымъ для дворянства, крестьянъ и самого государства крѣпостной трудъ и вызвали его замѣну трудомъ вольнонаемнымъ: замѣна же крѣпостного труда вольнонаемнымъ и означала какъ разъ уничтоженіе крѣпостного права.

Въ конечномъ счетѣ, такимъ образомъ, крѣпостное право пало вслѣдствіе развитія денежнаго хозяйства въ Россіи, могущественно повліявшаго на технику обрабатывающей промышленности и сельскаго хозяйства, а черезъ посредство техники и на формы производства.

Крестьянская реформа оказала громадное, опредѣляющее вліяніе на всѣ стороны русской общественной и государственной жизни. Это вліяніе сказалось, прежде всего, въ сферѣ экономическихъ отношеній. Реформа 19-го февраля сдѣлала свободнымъ трудъ, вывела на рынокъ свободного юридически рабочаго, имѣющаго право свободно договариваться объ условіяхъ труда съ предпринимателемъ. Свободный рабочий—необходимый элементъ денежно-хозяйственной системы во второй стадіи ея развитія. Другой ея необходимый элементъ—свободная земельная собственность, которую, за незначительными исключеніями и ограниченіями, можно свободно отчуждать въ руки каждаго, желающаго приобрести ее, безъ различія званій и состояній. Нельзя, конечно, сказать, чтобы въ современной Россіи земельная собственность стала уже вполнѣ свободной, такъ какъ крестьянское мірское землевладѣніе сохраняетъ значительное распространеніе, а крестьяне все имѣютъ права продавать, дарить, закладывать и завѣщать свои надѣлы. Тѣмъ не менѣе и въ освобожденіи земельной собственности Россія со времени уничтоженія крѣпостного права сдѣлала крупныя успѣхи: тогда какъ прежде право владѣть населенными имѣніями принадлежало одному только дворянству, — теперь всѣ сословія получили законную возможность приобретать и отчуждать землю въ полную личную собственность. При томъ же въ самой крестьянской общинѣ—по крайней мѣрѣ, мѣстами—замѣтны перемѣны: выдѣляются три слоя крестьянства,—высшій или болѣе богатый, средній по достатку и деревенскій пролетаріатъ; послѣдній, не имѣя права продать землю, фактически замѣняетъ эту продажу сдачей своихъ надѣловъ въ долгосрочную аренду за ничтожную плату богатымъ крестьянамъ, а самъ направляется на фабрику, въ городъ или въ помѣщичью [экономію для работы по найму; что касается средняго крестьянскаго слоя, то онъ ищетъ спасенія въ переселеніи. Такъ на дѣлѣ масса мірской земли мѣстами сосредоточивается въ рукахъ богатаго крестьянства, и, слѣдовательно, какъ и въ

другихъ случаяхъ, экономическая дѣйствительность перерастаетъ юридическую фикцію. Наконецъ, эти двѣ новыя формы производства—свободный трудъ и въ извѣстныхъ предѣлахъ, съ извѣстными, надо думать—временными, ограниченіями свободная земельная собственность создали рядъ существенныхъ перемѣнъ въ самыхъ системахъ народнаго производства. Прежде всего, когда спали крѣпостныя путы, вышло на широкую дорогу русское земледѣліе, и при томъ земледѣліе улучшенное, интенсивное: въ настоящее время плодосмѣнная система—не рѣдкость въ такихъ областяхъ, какъ московская промышленная, центральная земледѣльческая, Бѣлоруссія, Литва, юго-западный край, Малороссія, не говоря уже о Привислиннѣ и прибалтійскихъ губерніяхъ, причѣмъ замѣчательно, что она прививается не только на владѣльческихъ, но и на крестьянскихъ земляхъ. Затѣмъ открылась возможность болѣе быстро поступательнаго движенія обрабатывающей промышленности въ ея не столько кустарной, крестьянской формѣ, сколько въ формѣ фабричной, городской. Городской надо называть фабричную промышленность по той причинѣ, что фабрики даже тогда, когда онѣ возникаютъ внѣ черты городской осѣдлости, быстро образуютъ около себя зачаточныя городскія поселенія, нерѣдко разрастающіяся въ настоящіе крупныя центры. Технические средства русскаго хлопчатобумажнаго производства увеличились во второй половинѣ XIX вѣка въ 20 разъ, такъ что въ настоящее время они не ниже, чѣмъ въ любой изъ передовыхъ европейскихъ странъ. Цѣнность годового подукта въ хлопчатобумажной промышленности дошла до 430 милліоновъ рублей. Годовой оборотъ шерстяного производства простирается до 150 милліоновъ рублей. Въ пятидесятыхъ годахъ годовая производительность русской металлической промышленности оцѣнивалась всего только въ 2 милліона рублей; въ концѣ XIX вѣка уже въ 142 милліона рублей, т.-е. въ 71 разъ дороже. Съ 60-хъ и особенно съ 70-хъ годовъ начинаются крупныя и быстрыя техническія успѣхи въ шелковомъ производствѣ, сахаровареніи, шерстяномъ, стеклянномъ дѣлѣ и проч. Существеннымъ улучшеніемъ подверглась и техника наиболѣе доходныхъ отраслей добывающей промышленности, напр. горнаго дѣла и пчеловодства: примѣненіе машинъ въ горнозаводской промышленности быстро увеличилось, а пчеловодство, упавшее было благодаря распашкѣ луговъ и истребленію гѣсовъ, снова ожило въ послѣднее время вслѣдствіе распространенія пасѣчной системы. Наконецъ, и коммерческія техника постепенно преобразуется. Старинная ярмарочная система падаетъ: уже въ шестидесятыхъ годахъ наблюдается упадокъ крупныхъ оптовыхъ ярмарокъ и разложеніе ихъ на мелкіе торжки; особенной интенсивности это явленіе достигаетъ съ восьмидесятыхъ годовъ. На смѣну ярмаркамъ являются кредитныя операціи и развитіе комиссіонерства и выставокъ. Параллельно этому быстро растутъ акціонерныя предпріятія: въ теченіе 90-хъ годовъ число ихъ увеличилось вшестеро; соотвѣтственно

возросли и вложенные въ нихъ капиталы. Крупными шагами пошла впередъ и внѣшняя торговля; цѣнность русскаго вывоза передъ крестьянской реформой простиралось, какъ было уже въ свое время нами указано, до 230 милліоновъ рублей въ годъ, а въ концѣ XIX вѣка она дошла до 630 милліоновъ; передъ освобожденіемъ Россія ввозила иностранныхъ товаровъ всего на 200 милліоновъ рублей, а въ послѣдніе годы истекшаго столѣтія ввозъ поднялся до 600 милліоновъ; вывозъ хлѣба изъ Россіи за послѣднія 40 лѣтъ XIX вѣка возросъ въ $4\frac{1}{2}$ раза. Если къ этому прибавить чрезвычайное развитіе путей сообщенія, особенно желѣзныхъ дорогъ, и совершившееся на нашихъ глазахъ введеніе золотой денежной единицы и свободнаго размѣна кредитныхъ билетовъ на золото,—событія, которыя были бы немислимы при крѣпостномъ правѣ, и которыя нельзя не признать отдаленными послѣдствіями его уничтоженія,—то станетъ ясно, сколь многимъ въ экономической сферѣ обязано наше отечество великой исторической перемѣнѣ, которую открываетъ новѣйшая русская исторія.

Не менѣе знаменательны были перемѣны, внесенныя уничтоженіемъ крѣпостнаго права на крестьянъ, въ область социальныхъ отношеній. Великій освободительный актъ 19 февраля 1861 года ясно и громко провозгласилъ и провелъ въ дѣйствительность принципъ гражданской свободы личности въ Россіи, причѣмъ освобожденіе крестьянъ почти совершенно уничтожило старыя крѣпостныя обязанности, въ той или другой мѣрѣ лежавшія до того времени на всѣхъ сословіяхъ: сохранились лишь нѣкоторые обломки ожившаго крѣпостнаго строя. Говоря о социальномъ строѣ Россіи во второй половинѣ XIX столѣтія, надо имѣть въ виду сферу собственно-личныхъ правъ и сферу правъ корпоративныхъ. Крестьянская реформа въ обоихъ этихъ отношеніяхъ, несомнѣнно, внесла большія перемѣны: провозгласилъ принципъ гражданской свободы личности, она ослабила и сословность, выдвинула на первый планъ классовое, экономическое начало, имущественную состоятельность. Однако, о полной замѣнѣ сословнаго начала классовымъ говорить нельзя, можно лишь отмѣтить усиленіе послѣдняго въ ущербъ первому; а затѣмъ не можетъ быть рѣчи и о полномъ, неограниченномъ господствѣ начала гражданской свободы личности. Намъ уже извѣстно, что дворянство въ дереформенной Россіи въ принципѣ было освобождено отъ обязательной службы, въ дѣйствительности же поставило изъ своей среды чиновниковъ по судебному и полицейскому областному управленію. Только великія реформы императора Александра II, именно земское самоуправленіе 1864 года и произведенное въ то же время преобразование судебныхъ учреждений, сняли съ дворянства не въ одной лишь теоріи, но и на практикѣ обязанность служить государству. А обѣ указанныя реформы связаны крѣпкими генетическими узлами съ освобожденіемъ крестьянъ: гражданская свобода личности требуетъ, какъ обязательнаго дополненія, корпоративныхъ правъ сво-

боднаго общества, развитія начала общественнаго самоуправленія, наиболѣе послѣдовательнымъ выраженіемъ котораго и стали земскія учрежденія; та-же гражданская свобода предполагаетъ гласное, устное и равное для всѣхъ правосудіе, ставшее необходимымъ послѣ уничтоженія вотчинной юстиці помѣщиковъ. Однако остатки дворянской обязательной службы продолжаютъ существовать и въ настоящее время въ нѣкоторыхъ обязанностяхъ, лежащихъ на предводителяхъ дворянства: таковы, напр., обязанности предѣдательствовать въ земскихъ собраніяхъ, въ сѣздахъ земскихъ начальниковъ, участвовать въ губернскихъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіяхъ и т. д. Нѣтъ, однако, сомнѣнія, что такія обязанности близко соприкасаются по своему юридическому значенію со специальными сословными правами, которыя продолжаютъ составлять отличительную черту организаціи дворянскаго сословія въ Россіи и съ 1890 года усилены. Первымъ и главнымъ выраженіемъ сословныхъ корпоративныхъ правъ дворянства служить, конечно, сословное дворянское самоуправленіе, ведущее свое начало отъ екатерининской жалованной грамоты дворянству 1785 года. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1864 года нанесло существенный ударъ специально-сословной дворянской организаціи: завѣдываніе хозяйственными дѣлами уѣзда и губерніи перешло всецѣло въ руки земства, гласные котораго выбирались не на основѣ сословнаго принципа, а на началѣ безсословности, частными землевладѣльцами (въ томъ числѣ и не дворянами), городскими и сельскими обществами. Только новое земское положеніе 1890 года усилило сословный элементъ въ земскихъ учрежденіяхъ: дворяне отдѣлены отъ другихъ сословій, составляютъ особый избирательный сѣздъ, сильнѣе представлены въ земскихъ собраніяхъ, такъ какъ выбираютъ туда наибольшее число гласныхъ несоотвѣтственно относительнымъ размѣрамъ дворянскаго землевладѣнія, и при томъ въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ участвуютъ еще не по избранію въ гласные, а по должности всѣ предводители дворянства губерніи.

Тяжелыя податныя обязанности городского сословія, обложеннаго подушною податью, были послѣ крестьянской реформы сильно облегчены и приведены въ большее соотвѣтствіе съ его платежными силами: въ 1863 году подушная подать въ городахъ была замѣнена по-домовымъ налогомъ. Вскорѣ затѣмъ была произведена реформа городского самоуправления: вмѣсто представительства отдѣльныхъ сословныхъ группъ городского населенія, стоявшихъ въ городской общей и городской шестигласной думѣ обособленно и лишь внѣшнимъ образомъ соприкасавшихся между собою, было введено общее представительство, въ основу организаціи котораго положено не сословное, а классовое начало: по Городовому Положенію 1870 года, избирательными правами стали пользоваться домовладѣльцы, промышленники, торговцы и обладатели свидѣтельствъ—купеческихъ, промысловыхъ на мелочную тор-

говлю и приказчицкихъ перваго разряда. Городовое Положеніе 1892 г. не нарушило классоваго принципа въ городскомъ представительствѣ, сгузивъ лишь кругъ избирателей путемъ исключенія мелкихъ домовладѣльцевъ и мелкихъ торговцевъ и тѣмъ давъ окончательный перевѣсъ въ городскомъ самоуправленіи крупному капиталу.

Наибольшее количество остатковъ стариннаго крѣпостного строя и сословности наблюдается въ крестьянствѣ. Здѣсь важно не только существованіе спеціального сословнаго управленія и даже волостнаго суда, но и сохраненіе стараго крестьянскаго мірскаго землевладѣнія, круговой поруки въ уплатѣ податей, стѣсненія права переселенія и отлучки необходимою разрѣшенія властей для переселенія и выдачей увольнительнаго свидѣтельства для отлучки, наконецъ, строгій контроль и дискреціонная (основанная на личномъ усмотрѣніи) власть административныхъ органовъ, земскихъ начальниковъ. Важнѣйшимъ шагомъ впередъ, къ уничтоженію остатковъ крѣпостного строя въ средѣ крестьянства, послѣ реформы 19-го февраля 1861 года нужно считать отміну въ 1882 году подушной подати.

Предшественное изложеніе показываетъ, что паденіе крѣпостного права въ Россіи дало особенно могучій толчокъ промышленности городской, торговлѣ и фабричной производительности,—содѣйствуя вмѣстѣ съ тѣмъ и прогрессу деревенской промышленности, преимущественно земледѣлія. Это существенно измѣнило и характеръ русскаго города и соотношеніе между городомъ и деревней въ экономической жизни страны: изъ поселенія по преимуществу торговаго русскій городъ превратился въ послѣднія сорокъ лѣтъ въ центръ не только торговли, но и фабричной промышленности; играя мало замѣтную, во всякомъ случаѣ подчиненную роль въ экономической жизни дореформенной Россіи, городъ послѣ реформы 19-го февраля занялъ самостоятельное хозяйственное положеніе и выдвинулся въ качествѣ важнаго фактора не только въ экономическихъ отношеніяхъ, но и въ другихъ сферахъ народной и государственной жизни. Если въ историческомъ прошломъ русскаго народа деревенскія сословія—земельное дворянство и крестьянство—имѣли опредѣляющее значеніе, поглощая и подавляя городское населеніе, то въ наше время видвигаются въ качествѣ видной силы торгово-промышленный классъ и классъ рабочихъ, включая въ составъ послѣдняго и лицъ, посвящающихъ свое время интеллигентному труду за извѣстное вознагражденіе, являющееся единственнымъ или, по крайней мѣрѣ, важнѣйшимъ источникомъ ихъ существованія.

Окидывая общимъ взглядомъ пройденный нами длинный путь историческаго развитія нашего отечества, можно замѣтить, что основой всего изученнаго процесса служить сѣбѣна двухъ главныхъ періодовъ экономической жизни страны: первый изъ этихъ періодовъ—періодъ безобиднаго, натурального хозяйства, второй -- періодъ хозяйства де-

нежнаго или мѣноваго. Хронологическая грань, отдѣляющая одинъ изъ нихъ отъ другого,—это половина XVI вѣка. До этого времени господствовало натуральное хозяйство, послѣ него стало замѣтно развиваться денежное. Но между обоними періодами не было перелома, рѣзкаго и крайняго переворота, разрушительной катастрофы,—напротивъ весь процессъ совершился въ общемъ постепенно и безъ большихъ скачковъ. Въ сущности и каждый изъ двухъ названныхъ періодовъ не представлялъ собою чего-либо разъ навсегда даннаго, на всемъ протяженіи равнаго себѣ, постояннаго и неизмѣннаго, а являлся длительнымъ процессомъ, далеко не однороднымъ въ началѣ и концѣ, такъ что внутри каждаго періода можно отличить особые моменты или стадіи. Первая стадія развитія натурального хозяйства закончилась въ исторіи Россіи приблизительно концомъ XII вѣка; она характеризовалась, какъ мы видѣли, господствомъ первоначальной добывающей промышленности въ крайне-экстенсивной, первобытной системѣ, преобладаніемъ крестьянской поземельной собственности—такъ называемаго вольнаго или захватнаго землевладѣнія—и домашней, семейной формы производства, при крайне слабыхъ проявленіяхъ обмѣна, съ поверхностной и имѣвшей нѣкоторое значеніе лишь для высшихъ классовъ общества примѣсю вѣншей торговли. Сооувѣтственно такому сочетанію основныхъ экономическихъ силъ, главное вліяніе въ общественномъ союзѣ принадлежало въ это время свободному крестьянству, и роль города въ собственномъ смыслѣ этого слова была незначительна: это было мѣсто убѣжища на случай вѣншей опасности, центръ, гдѣ собиралось вѣче, и самое большее—и это далеко не всегда—мѣстный рынокъ для очень узкаго района и съ совершенно ничтожнымъ торговымъ оборотомъ. XIII вѣкомъ начинается вторая стадія періода натурального хозяйства въ Россіи, ддящаяся до половины XVI столѣтія. Она характеризуется постепенно усиливающимся перевѣсомъ сельскаго хозяйства, сначала скотоводства, а потомъ и земледѣія, въ одной половинѣ страны—въ сѣверо-восточной Руси, преобладаніемъ торговли на новгородскомъ западѣ и сохраненіемъ прежняго господства добывающей промышленности въ сѣверномъ краѣ. Княжеская вотчина, развивающіяся помѣстье и монастырская вотчина, оброчная система и свободный крестьянскій трудъ были типическими формами землевладѣнія и хозяйства на сѣверо-востокѣ; крупная боярская вотчина и купеческая компанія были характерны въ этомъ отношеніи для новгородскаго строя; на сѣверѣ удѣляли старое крестьянское семейное землевладѣніе, утратившее лишь прежній кочевой характеръ, и домашняя форма производства. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій сложились два политическихъ организма удѣльнаго времени: аристократическая новгородская республика съ преобладаніемъ владѣвшаго земель и денежнымъ капиталомъ боярства и торговаго сословія и удѣльное княжество съ востепенно усиливавшейся подъ влія-

ніемъ экономическаго господства деревни и сельскаго хозяйства властью князя. Со второй половины XVI до половины XIX столѣтія дѣлается первая стадія развитія денежнаго хозяйства. Земледѣіе остается господствующимъ на всей территоріи страны, но все болѣе выдвигаются на ряду съ нимъ на первый планъ торговля, переставшая быть новгородской монополіей и приобретающая новые рынки, и обрабатывающая промышленность, сначала въ формѣ кустарной, потомъ фабричной. Соответственно этому разрушаются помѣстье и монастырское землевладѣніе, смѣняясь сословной дворянской вотчиной и государственнымъ землевладѣніемъ, растутъ барщина и несвободный, крѣпостной трудъ, и развивается подъ вліяніемъ хозяйственныхъ условій колонизація страны. Во главѣ общественнаго союза становится самодержавная власть московскихъ царей, потомъ всероссійскихъ императоровъ. Въ этой стадіи развитія денежнаго хозяйства можно впрочемъ различать два послѣдовательныхъ момента—московскій и новый дореформенный, которые мы и излагали отдѣльно, характеризуя первый, какъ время зарожденія и первоначальнаго развитія порядковъ, сложившихся болѣе опредѣленно во второй моментъ. Наконецъ, освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости было поворотнымъ пунктомъ въ развитіи денежнаго хозяйства, вступившаго со времени этой реформы во вторую стадію, когда обрабатывающая промышленность приобретаетъ еще болѣе видное значеніе въ экономической жизни, а мѣновое обращеніе хозяйственныхъ благъ захватываетъ все болѣе и болѣе глубокіе и широкіе общественные слои, подъ вліяніемъ чего развиваются свободный трудъ и свободная безсословная земельная собственность, и выдвигаются впередъ торгово-промышленный и рабочій классы, слѣдовательно, вліяніе города увеличивается.

Въ связи съ увеличеніемъ вліянія города стоитъ развитіе той стороны общественныхъ отношеній, которая извѣстна подъ названіемъ культуры въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т.-е. интересовъ науки, искусства и просвѣщенія, и которая была оставлена въ предшествующемъ изложеніи въ тѣни отчасти съ цѣлью сосредоточить вниманіе читателя на немногихъ основныхъ явленіяхъ, отчасти вслѣдствіе того, что этотъ сложный вопросъ требуетъ особаго обстоятельнаго изученія тѣмъ болѣе, что общепринятая здѣсь точки зрѣнія должны подвергнуться замѣнѣ совершенно новыми. Сейчасъ мы позволимъ себѣ, поэтому, ограничиться лишь общимъ указаніемъ на громадную культурную роль города, несомнѣнную для всякаго непредубѣжденнаго человѣка. Наши университеты, музеи, академіи, художественныя галлерей, театры, библіотеки корнями своими прочно прикрѣплены къ городской почвѣ и развиваются въ точномъ соответствіи и неразрывной связи съ увеличеніемъ экономическаго значенія города. Это не значитъ, конечно, что воспитанныя въ городѣ наука, искусство и просвѣщеніе ничѣмъ не обязаны деревнѣ и созданы не для нея. Напротивъ, каж-

дый Божій день мы можемъ наблюдать въ европейской и русской жизни все новые успѣхи приобщенія деревни къ великимъ благамъ человѣческой культуры и просвѣщенія. Но нѣтъ сомнѣнйя, что безъ развитія городского строя невозможенъ былъ бы и пышный расцвѣтъ культуры. Не надо только забывать, съ другой стороны, что и городской строй въ его современномъ состояннн органически связанъ съ историческимъ развитіемъ деревни, и что городъ безъ деревни можетъ существовать еще въ меньшей степени, чѣмъ деревня безъ города.

Вотъ почему не въ мѣру горячіе споры о преимуществахъ городского и деревенскаго строя и слишкомъ рѣзкое противоположеніе перваго второму теряютъ реальное значеніе и практическій смыслъ. Историческое изученіе вопроса, которое, сообщая знанія, должно, несомнѣнно, хоть отчасти приподнять передъ нами завѣсу, скрывающую будущее, дать въ результатъ предвидѣніе, даетъ возможность предполагать, какова будетъ приблизительная комбинація элементовъ грядущаго хозяйственнаго развитія Россіи. Въ такихъ предсказаніяхъ нельзя обойтись безъ сравненія съ соотвѣтствующими явленіями западно-европейской жизни. Извѣстно, какой необычайной высоты достигло въ XIX вѣкѣ промышленное развитіе самой передовой изъ европейскихъ странъ, — Англїи. Поворотнымъ пунктомъ этого развитія служилъ 1846 годъ, годъ отмѣны таможенныхъ пошлинъ на ввозимый въ Англїю иностранный хлѣбъ. Этотъ законодательный актъ нанесъ окончательный, смертельный ударъ англійскому земледѣлю, которому было не подъ силу бороться съ конкуренціей дешеваго хлѣба, ввозимаго изъ земледѣльческихъ странъ, и завершилъ собою процессъ превращенія Великобританїи въ типическую городскую страну, съ полнымъ, безраздѣльнымъ почти господствомъ обрабатывающей фабрично-заводской промышленности и денежнаго капитала. Обширные вѣншіе рынки и эксплуатація некультурныхъ и малокультурныхъ странъ посредствомъ англійскихъ капиталовъ явились естественными дополненіями описанныхъ перемѣнъ во внутреннемъ хозяйственномъ развитіи Англїи. Нѣсколько иную картину представляетъ другая передовая европейская страна — Франція: и здѣсь, правда, развились и достигли преобладанія фабричная промышленность и денежный капиталъ, и потому расширеніе вѣншнихъ рынковъ и приложеніе капиталовъ къ промышленности малокультурныхъ странъ имѣли мѣсто, но вслѣдствіе большей обширности территорїи, большаго плодородія почвы, земледѣліе не было совершенно подавлено и продолжаетъ играть видную хозяйственную роль. Извѣстно, на какомъ распутии стоитъ теперь третья культурная страна современной Европы, — Германія; ей предстоитъ рѣшить важную проблему, какой изъ двухъ типовъ хозяйственнаго развитія, французскій или англійскій, должна она усвоить въ будущемъ, должна ли она превратиться въ чисто городскую страну или сохранить характеръ

страны съ равновѣсіемъ обрабатывающей городской промышленности и деревенскаго сельскаго хозяйства? Каково бы ни было рѣшеніе этого вопроса для Германіи,— можно одно сказать смѣло: его рѣшеніе для Россіи въ опредѣленномъ направленіи не подлежитъ сомнѣнію. Въ самомъ дѣлѣ: Россія представляетъ собою обширную территорію, открытую на всемъ пространствѣ для свободнаго товарнаго обмѣна, и насчитывающую болѣе 130 милліоновъ населенія. Все это населеніе, которое при томъ быстро увеличивается, или даже большую его часть немисливо превратить въ фабричныхъ рабочихъ, потому что въ такомъ случаѣ понадобились бы небывало-обширные рынки для фабрикатовъ и необъятныя пространства некультурныхъ странъ для капиталистической эксплуатаціи. Мы не думаемъ, конечно, утверждать, что развитіе обрабатывающей промышленности въ Россіи имѣетъ неширокія перспективы на будущее или что оно даже едва ли не достигло уже своего конечнаго предѣла, какъ думаютъ нѣкоторые. Напротивъ, обширность территоріи, въ значительной своей части почти еще не тронутой культурою, и многочисленность быстро растущаго населенія служатъ лучшими и неизмѣнными залогоми дальнѣйшаго промышленнаго преуспѣянія нашего отечества и связанныхъ съ этимъ успѣховъ въ социальномъ, политическомъ и культурномъ отношеніяхъ, но, несмотря на это, нельзя предполагать ничтожную хозяйственную роль земледѣлія опять-таки въ виду наличности многочисленнаго населенія, обширной территоріи и значительныхъ пространствъ плодородной почвы. И городской, и деревенской промышленности въ Россіи суждено такимъ образомъ великое будущее, и наше отечество, несомнѣнно, явится болѣе чистымъ и полнымъ представителемъ того типа экономическаго развитія, который составляетъ отличительную черту Франціи.

Литература по экономической исторіи Россіи не отличается богатствомъ. Единственнымъ общимъ очеркомъ хозяйственнаго развитія является соответствующая глава въ I томѣ «Очерковъ по исторіи русской культуры» П. Н. Милюкова (см. особенно изданіе 1901 г.). Отдѣльныя важныя замѣчанія и характеристики, можно найти у В. О. Ключевскаго въ «Пособіи къ лекціямъ по русской исторіи» и въ «Боярской думѣ древней Руси». Матеріалъ по экономической исторіи кievской и удѣльной Руси собранъ въ книгѣ Аристова «Промышленность древней Руси». Для экономической исторіи Новгорода имѣютъ значеніе труды Никитскаго «Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода» и А. С. Лаппо Даннлевскаго «Критическія замѣтки по исторіи экономическаго быта Великаго Новгорода» въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1895 годъ, № 12. О народномъ хозяйствѣ Московской Руси идетъ рѣчь въ сочиненіяхъ Костомарова «Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII вѣкахъ», Соколовскаго «Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи передъ крѣпостнымъ правомъ и колонизаціа восточныхъ степей», Перетятковича «Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ» и «Поволжье въ XVII и XVIII вѣкахъ», Вагалія «Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства», Миклашевскаго «Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства», Рожкова «Сельское хозяй-

ство Московской Руси въ XVI вѣкѣ». Сюда же относятся работы, посвященные исторіи землевладѣнія: Чичерина «Сельская община» (въ «Опытахъ по исторіи русскаго права»), Неволіна «Полное собраніе сочиненій», томъ IV, Соколовскаго «Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи», Ефименко «Исслѣдованія народной жизни», т. I (статья «Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ Сѣверѣ»), Иванова — статьи въ изданіи «Древности. Труды Археографической комиссіи Московскаго Археологическаго Общества», особенно статья «Повемельные союзы и передѣлы на сѣверѣ Россіи въ XVII в.» («Древности. Труды Археографической комиссіи», т. II, вып. 2-й), Сергѣевича «Древности русскаго землевладѣнія» — въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1900 г., №№ 9 и 10, и за 1901 г., №№ 2, 3 и 4. Имѣютъ значеніе труды по финансовой исторіи, особенно Милюкова «Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства» и Лаппо-Данилевскаго «Организанія прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ». Наконецъ, важны сочиненія о происхожденіи крѣпостного права въ Россіи: Вѣляева «Крестьяне на Руси», Ключевскаго «Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи» — въ «Русской мысли» за 1885 годъ, №№ 8 и 10, Дьяконова «Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ». По исторіи народнаго хозяйства въ Россіи XVIII и XIX вв. заслуживаютъ вниманія слѣдующіе труды: Корсака «О формахъ промышленности», Семева «Крестьяне въ царствованіе императрицы Еватеринны II» и статья «Крестьянское землевладѣніе на сѣверѣ въ XVIII в. (въ «Русскомъ Богатствѣ» за 1901 г., №№ 1 и 2), указанныя выше сочиненія Чичерина, Неволіна и г-жи Ефименко; Лучинскаго «Сябрянное землевладѣніе въ Малороссіи (въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» за 1889 г., №№ 1 и 2), Кауфмана «Сибирское землевладѣніе», Милюкова «Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго», Туганъ-Барановскаго «Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ», томъ I, Струве «Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи» (въ «Мірѣ Вожемя» за 1899 г., №№ 10, 11 и 12), кн. Волконскаго «Уловія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ» (въ «Трудѣхъ Рязанской ученой архивной комиссіи за 1897 г., т. XII, вып. 2, и отдѣльно), Заблоцкаго-Десятковскаго «Графъ П. Д. Киселевъ и его время» (особенно «Записка о крѣпостномъ состояніи въ Россіи», въ IV томѣ).

Болѣе подробную мотивировку и изложеніе проводимыхъ въ предлагаемомъ очеркѣ взглядовъ читатель можетъ найти, кромѣ упомянутой выше книги пишущаго эти строки «Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI вѣкѣ», еще въ слѣдующихъ его статьяхъ: «Натуральное хозяйство и формы землевладѣнія въ древней Россіи» («Живнѣ» за 1900 г., № 9), «Денежное хозяйство и формы землевладѣнія въ новой Россіи» («Научное Обзорѣніе» за 1902 г., №№ 2 и 3), «Развитіе экономическихъ и социальныхъ отношеній въ Россіи XIX вѣка» («Образованіе за 1902 г., № 1) и «Къ вопросу объ экономическихъ причинахъ паденія крѣпостного права въ Россіи» («Мірѣ Вожемя» за 1902 г., № 2).

Н. Рожковъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ВЕСНОЮ.

I.

Пѣсня звонкая слышится снова...
Стая птицъ въ блескѣ дня голубого
Изъ далекаго юга летать.
Сердце пыльное ноетъ подъ гнетомъ,
И за вольнымъ и смѣлымъ полетомъ
Очи жадно и долго слѣдятъ.

Лѣсъ и поле горятъ подъ лучами,
Мчатся вешнія воды ручьями,
И рѣка, разливаясь, журчить...
Словно радостный праздникъ въ природѣ,
И, какъ чудная вѣсть о свободѣ,
Пѣсня съ яркаго неба звучитъ.

Забываешь о грустной неволѣ,
Что рѣка и широкое поле
И лучами пронизанный лѣсъ
Молча стыли зимою холодной...
Снова рвешься за пѣсней свободной
И все ждешь, какъ ребенокъ, чудесь!

II.

Усталый я сѣлъ молчаливо
На камень подъ старой сосной.
Спокойныя волны залива
И тихая даль предо мной.

Пахнуло прохладой съ простора,
 Отъ вѣтокъ плыветь аромать...
 Но буря подыметъ скоро—
 Ее предвѣщаетъ закатъ.

Далекое небо пылаеть,
 И волнъ загорѣлись ряды,
 И быстрая чайка мельбаеть,
 Касаясь крыломъ до воды.

Прошелъ я тяжелой дорогой,
 Усталый опять побреду,
 И все же съ отрадной тревогой
 И бури, и грома я жду!

III.

Въ открытомъ полѣ дубъ могучій
 Даетъ живительную тѣнь,
 Куда лучъ трепетный и жгучій
 Не проникаеть въ знойный день.

Сидяшь, скрываемый вѣтвями,
 И устремляешь жадно взоръ
 На смѣлыхъ птицъ подъ небесами
 И зеленѣющей просторъ,

Какъ вьется бабочка, бѣлая
 На фонѣ вѣжно-голубомъ...
 А день все жарче, все душнѣе,
 И слышенъ первый, гулкій громъ.

Когда бы дубъ не вѣдалъ бури,
 Не видѣлъ гнѣвныхъ, мрачныхъ грозъ,
 Онъ до сіяющей лазури
 Съ такимъ величьемъ бы не росъ.

А. Лукьяновъ.

ДРУГЪ ДѢТСТВА.

П о в ѣ с т ь .

(Окончаніе *).

IX.

Рано утромъ кучеръ Илья вернулся изъ города и привезъ Евгениі Петровнѣ письмо Ларисы.

...Больная неожиданно тяжело перенесла дорогу. Слава Богу, что докторъ былъ съ ними, просто подумать страшно, какъ бы они съ Саней одни справились: подъ конецъ такой ужасный припадокъ сдѣлался—думали, что умираетъ. Ъхать было нестерпимо душно и пыльно. Просто они всё голову потеряли: какая была нужда выѣзжать въ самый жаръ? Лучше сто разъ ночью бы въ городъ пріѣхали, чѣмъ такую муку вытерпѣли!.. Теперь они съ Саней ни на минуту не смѣютъ отойти, со страхомъ ждутъ возвращенія доктора.

„...Впрочемъ, чтобы въ больницу не приняли, ужъ этого теперь не можетъ быть“ — стояло припиской вдоль листа.

Письмо длинное, беспорядочное. Лариса все возвращалась къ дорогѣ—видно, что въ себя придти еще не успѣла.

Евгению Петровну письмо страшно разстроило. Она опять плакалась до истерики; а потомъ всѣхъ прогнала и заперлась въ своей комнатѣ. Дину она нѣсколько разъ назвала „безчувственнымъ истуканомъ“

— *Ça vous abrutit joliment, votre nouveau monde!* — крикнула она съ внезапной злостью.

Тетя Жена могла быть груба только въ состояніи полного душевнаго и физическаго разстройства, и ея болѣзненная нѣжность къ сестрѣ такъ глубоко трогала Дину, что дѣвушка приняла эту выходку почти безъ обиды.

Правда... Она и себѣ самой казалось безчувственной... Письмо

*) См. «Міръ Вожія», № 5, май.

Ларисы вызвало какой-то холодный испугъ. Точно прокатившаяся волна личныхъ ощущеній уже смывала жизненность раздрающихъ образовъ... А можетъ быть, просто не хватало воображенія, чтобы воспроизвести разсказъ сестры съ такой потрясающей яркостью, какъ тета Жена, въ ужасѣ закрывавшая глаза и зажимавшая уши. Совершенно какъ будто она видѣла передъ собою несчастную Аню, бьющуюся въ припадкѣ бѣшенства посреди пыльной дороги.

Дина была бы рада, если бы могла плавать. Повторяла мнлыя слова няни: „тихий мѣсяць, тихий мѣсяць“,—хоть бы слова эти растрогали ее, какъ вчера! А потомъ стало стыдно и противно на себя за эти усилія.

Весь день она не знала куда дѣвать себя, во что сунуться, чтобы заглушить грызущую тоску. Въ душѣ растеть одно чувство полной оторванности отъ всѣхъ близкихъ, отъ всего прежняго.

...Съ Ларисой Ивановной нанесеннымъ ей оскорбленіемъ навсегда свитались за прежнія вынужденныя заботы, въ которыхъ никогда не было любви.

...Саня... Нельзя простить... Нѣтъ, никогда, никогда! Если можно такъ осудить, ничего не понявъ, не разобравъ—даже не попытавшись!

„...Пусть, пусть — Богъ съ нимъ! Незачѣмъ и пробовать объяснять—все равно ничего не пойметъ, или еще не повѣритъ, чего добраго! Выйдетъ опять что-нибудь безобразное, все равно придется разойтись навсегда“. Вѣдь только отъ брата она была въ правѣ требовать пониманія и только съ нимъ считалась теперь, какъ съ равнымъ. Лариса—давнишній врагъ. Тетка—человѣкъ изъ другого міра. Во всю жизнь только его одного любила. Хорошо!... Для него утки на озерѣ важнѣе всего, что у нея на душѣ. Ха! дворянскій гдноръ за одно съ Ларисой и тетенькой! Ну, и пусть, пусть...

„...Для виду только держались вмѣстѣ, пока жила мама... потому что она была такая несчастная!“

О матери она думала уже, какъ о мертвой. Физическія страданія, приводившія въ содроганіе Евгению Петровну,—ее, молодую и здоровую, не могли захватить съ такой силой.

Ночью, совершенно неожиданно, студентъ пріѣхалъ на почтовыхъ.

Дина только-что успѣла заснуть; она проснулась отъ неистоваго лая, поднятаго собаками; ничего не понимая, полуодѣтая, выбѣжала изъ своей комнаты. Изъ столовой разносился громкій, раздраженный голосъ.

«Умерла!» — мелькнуло въ умѣ, и она влетѣла въ столовую, похолодѣвшая отъ страха.

Евгенія Петровна еще не спала и первая встрѣтила племянника, какъ была, въ ночномъ халатѣ изъ свѣтлой фланели; она сидѣла у обѣденнаго стола. На столѣ горѣла свѣчка.

Студентъ, загорѣвшій, въ грязномъ до невозможности кителѣ, кружился возбужденно по комнатѣ, какъ-то непривычно жестикулируя и ожесточенно ругая всѣхъ: докторовъ, гостиницу, ямщика, дорогу, жару, Ларису...

Дина присѣла у стѣны и долго не разбирала — умерла-ли мать или жива? Спрашивать не хотѣла, послѣ того какъ Саня машинально оглянулся, когда она входила въ комнату, но больше ни разу не обратился къ ней.

Тетя Женья плакала, не отнимая отъ лица платка. Вскорѣ явилась въ столовую Домна и начала спрашивать сначала.

Главный докторъ распорядился не допускать къ больной никого изъ близкихъ. Саня вернулся домой, потому что ему нечего дѣлать въ городѣ; а Лариса осталась хлопотать, чтобы перевезти мать въ специальное заведеніе, въ Москву.

Евгенія Петровна сердилась и спорила съ Домной, — старуха требовала, чтобы „ея барыню“ сейчасъ же привезли назадъ домой; не оставляли бы одну, беззащитную, „на мученіе лекарямъ“.

Саня, измученный всей этой непривычной для него дозой самозабвенія и физической усталостью, грубо кричалъ на старую няньку.

...„Она, она права! Вѣдь все напрасно — ничто помочь не можетъ. Только новая ломка — испугъ... Только еще дальше отъ дома!“ Думала тоскливо Дина, не вмѣшиваясь въ споръ, съ своимъ страннымъ чувствомъ отчужденности.

Одна свѣча уныло освѣщала комнату, съ беспорядочными фигурами взволнованныхъ и раздраженныхъ людей. На старыхъ рыжихъ обояхъ металась длинная тѣнь Сани; головной платокъ Домны походилъ на монашескій влобуекъ. Мухи, потревоженные непривычнымъ свѣтомъ, сухо щелкались о потолокъ.

Евгенія Петровна объявила, что она беретъ на себя всѣ издержки. Лариса ничего устроить не сумѣетъ, — чего добраго, вздумаетъ еще хлопотать о томъ, чтобы больница отправила на свой счетъ — напрасно только время терять!

— Я поѣду въ городъ и обращусь прямо къ предводителю!

Евгенія Петровна едва-ли и сама знала, причѣмъ тутъ предводитель, — просто потому, что сложилась генеральская привычка во всѣхъ дѣлахъ сноситься прямо съ высшими инстанціями.

Дина не выдержала:

— Тетя! Мнѣ кажется, что тутъ нужны только деньги... зачѣмъ же къ предводителю?!

Она понимала негодованіе Домны, кричавшей на весь домъ:

— Старайтесь, старайтесь съ ругь спихнуть! Думаете, воли денегъ вучу зря выбросите, такъ совѣсть этимъ умете!

Саня, наконецъ, за плечи вытолкнулъ расходившуюся старуху изъ комнаты

Выходя изъ столовой, Дина вся дрожала отъ усилія сдержатъ себя. У себя въ комнатѣ она громко восклицала, чтобы облегчить душу:

— Да, да! Я съ Домной, съ Домной! Домна цѣлые годы нянчилась, какъ съ ребенкомъ, и сейчасъ готова запереться съ нею вмѣстѣ... Никто не можетъ сдѣлать для нея больше Домны, не во гнѣвъ вамъ, тетушка Евгенія Петровна!..

Хотѣлось думать только о матери, — какъ для нея легче, бережнѣе, уважительнѣе. А въ хлопотахъ тети Жени всегда какъ можно больше людей должны принимать участіе, — такая ужъ привычка барская. Подниметъ на ноги всѣхъ докторовъ въ городѣ... взбаламутятъ вновь старья, давно улегшіяся сплетни да праздные пересуды вокругъ дорогого несчастнаго имени... Какъ равно люди любятъ и проявляютъ свои привязанности!..

Заснуть Дина больше не могла.

Небо чуть-чуть свѣтлѣло. Очертанія сада проступали смутно, затухеванныя туманомъ, неудовимымъ, пока его не озаритъ солнце. Въ этомъ сѣромъ ровномъ полусвѣтѣ безъ тѣней есть что-то невѣроятно унылое или строгое, смотря по настроенію...

Отважныя рѣшенія вчерашняго дня вдругъ покажутся безумно самонадѣянными... надежды несбыточными... желанія поблекшими... Разгоряченныя думы безсонной ночи остываютъ. Самыя счастливыя сердца въ эти минуты бьются равнодушно... жизнь лишена красокъ, какъ и готовый народиться день. Короткій предразсвѣтный часъ печальнѣе даже глубокаго вечера: въ немъ нѣтъ отдыха.

Дина все-таки прилегла, не раздѣваясь, на кровати, чтобы не начинать такъ рано новаго дня. Зачѣмъ?.. Ждутъ ее только горе, обиды и тревога. Она старалась не раздражаться — не осуждать... думать только о матери, съ покорной печалью, какъ о мертвой...

Но вдругъ, безъ всякой связи (отъ какого-то внутреннего толчка), въ память ея ворвалась вся цѣликомъ сегодняшняя сцена въ сѣняхъ школы... И точно дуновеніемъ отмело все другое.

Собственные слова, горячія и увлекательныя, обдали испугомъ... Глядитъ на нее загорѣвшійся властный взоръ на блѣднѣющемъ лицѣ...

Дѣвушка приподнялась и сѣла на кровати. Сердце глухо колотилось.

„Что я могу обѣщать!? — спрашивала она себя въ ужасѣ:— дружба! Да развѣ для него могутъ имѣть значеніе слова—названія?!“

Онъ и для собственнаго чувства не искалъ имени. Теперь, въ этомъ безотрадномъ настроеніи, казалась совершенно излишней всякая „экзальтація“ (она такъ это назвала). вмѣсто казыхъ-то зарковъ дружбы слѣдовало говорить трезво только о дѣлѣ, о фактахъ.

Но длилось это не долго.

Стоило прозвучать въ памяти страстнымъ словамъ Савелія: „тогда, стало быть, конецъ пришелъ — и думаете, пожалѣю я?!“ .. „пусть всей моей жизни сколько-то дней остается“ — стоило воскреснуть впечатлѣнію голоса, произносившаго эти слова — и стыдно Динѣ стало не той „экзальтаціи“, а вотъ этихъ малодушныхъ своихъ колебаній: предразсудочнаго страха шагнуть безповоротно дальше готовыхъ рамокъ, куда жизнь уладывается сама собой, безъ усилія.

Да ей-то чѣмъ дорожить въ этихъ рамкахъ?! Что можетъ она поставить на раду съ долгомъ въ эту минуту поддержать съ человѣкъ бодрость, оживить вѣру?..

Не подвигъ какой-нибудь съ такой подготовкой, какъ у Савелія, добраться до темной труженической дороги сельскаго учителя! „И будемъ съ нимъ попутчиками!“ думала Дина, успокаиваясь отъ пронесшагося волненія, теперь уже непоколебимо увѣренная, что каяться ей ни въ чемъ не нужно.

Непосредственное чувство выводитъ на вѣрную дорогу, вопреки всему, что сбиваетъ и танетъ назадъ; такъ было неизмѣнно во всѣхъ ихъ встрѣчахъ послѣ разразившагося скандала.

Какъ только вошло солнце, Дина встала и пошла купаться. Такое же сіяющее и поющее утро, какъ и на другой день приѣзда Сани, приняло ее въ теплыя, трепетныя объятія — жизни природы, гдѣ все неуклонно и несомнѣнно, гдѣ бьется и терзается въ вѣчной схваткѣ съ самимъ собою только нашъ мятежный духъ.

Дина купалась долго и вышла изъ озера свѣжая и бодрая отъ принятыхъ рѣшеній

Зато Евгенія Петровна и Саня поднялись только къ завтраку.

Маша, одѣвая свою барыню, доложила, что молодой баринъ дожидаются на террассѣ, одни кушать не желаютъ.

— А барышня? — спросила генеральша.

— Ихъ дома нѣтъ. Гуляютъ, должно быть... Очень ужъ рано вставать привыкли...

— Да вѣдь пора завтракать!..

— Развѣ въ школу не сбѣгать ли поглядѣть?..—предложила невинно Маша.

— Что за вздоръ, какая въ каникулы школа!

— Дѣвочка Ларисы Ивановны, Палашка, видѣла... вчера долгое время въ школѣ съ этимъ, съ Савелиемъ разговаривали... Такъ не мудрено что и сегодня...

Евгенія Петровна вспыхнула подъ розовой пудрой.

...Ужъ если за барышней изъ дѣвичьей слѣдятъ—стало быть, пора и имъ знать что-нибудь!..

Несомнѣнно, что умная горничная—одна изъ самыхъ важныхъ статей женскаго комфорта; но зато съ нею сплошь и рядомъ приходится обуздывать собственные барскіе инстинкты. Евгенія Петровна въ очень рѣдкихъ случаяхъ прямо высказываетъ Машѣ, если она почему-нибудь недовольна ею. Умна—пойметъ и сама... Глупо нужнаго человѣка третировать, точно врага, ради удовлетворенія минутной досады.

Маша мгновенно почувствовала, что барыня сильно задѣта; а такъ какъ и сама Маша оскорблена такимъ „афронтомъ“ ея генеральшѣ, то она поспѣшила ступешаться, чтобы не мозолить глазъ въ непріятную минуту. Но передъ уходомъ пустила въ ходъ маленькое утѣшеніе.

— Удивительное дѣло, ваше превосходительство, что деревенскій воздухъ дѣлаетъ! Скоро ужъ и вовсе бросить надо пудриться, до того превосходный цвѣтъ лица у васъ сейчасъ!..

И хоть для генеральши совершенно ясенъ маневръ Маши (какъ было ясно для Маши, что барыня подавила въ себѣ желаніе оборвать ее), но все-таки маневръ этотъ заставилъ ее бросить взглядъ въ зеркало и воспринять пріятное впечатлѣніе...

Саня успѣлъ достаточно выспаться и „отойти“ послѣ невозможности послѣднихъ дней. Это онъ придумалъ завтракать на балконѣ. Вѣдь при Ларисѣ даже и это считается лишними хлопотами, праздной затѣей, какъ всякое уклоненіе отъ разъ навсегда установленнаго режима.

На балконѣ чудесно пахло подкормленной травой на садовыхъ лужайкахъ и горячими молочными булочками, испеченными въ кофее кухаркой по ея собственному почину.

Какъ ни трагична разразившаяся катастрофа, и хоть старую барыню окружала единодушная неподдѣльная жалость—однако теперь все отодвинуто было на второй планъ событіемъ столь необычайнымъ, какъ отъѣздъ на нѣсколько дней изъ дому Ларисы Ивановны.

Выразилось это въ общемъ какомъ-то броженіи. Никто не собирался прямо уклоняться отъ своихъ обязанностей; однако въ привычный распорядокъ жизни сейчасъ же неудержимо проскольз-

нули кое-какія мелочи личныхъ вкусовъ и настроеній: все то, что систематически преслѣдовалось и искоренялось суровой хозяйкой Зажоръ, какъ ненавистная душѣ ея „самовольщина“. Ларисѣ Ивановнѣ недостаточно того, чтобы дѣло сдѣлано было хорошо; нѣтъ, она требовала, чтобы все до мельчайшихъ подробностей исполнялось не иначе, какъ по установленнымъ ею способамъ и приѣмамъ. Ей нужно, чтобы люди ежеминутно чувствовали себя рабами дѣла, которое ихъ кормить, и которое она упорно считала не работой, а благодѣяніемъ. Теперь каждому хотѣлось перевести духъ—сдѣлать хоть что-нибудь по своему.

Въ первый же вечеръ стряпуха никого не могла собрать къ ужину въ урочный часъ; такъ всѣ и поѣли въ разбродъ, кому когда пришлось. Зато до поздней ночи на крылечкѣ людской избы не могли кончиться разговоры да гормоники. Старая Домна, оставленная за старшую на мызѣ, цѣлый день ломала голову, соображая, какъ бы ей такъ ухитриться, чтобы отпустить по очереди всѣхъ, кто у нея Христомъ Богомъ отпрашивался сбѣгать „по своему дѣлу“ куда нибудь на деревню. У всѣхъ оказались внезапныя неотложныя дѣла, и Домна никому не считала возможнымъ отказать.

Илья, вернувшись изъ города, напился и проспалъ сутки на сѣновалѣ; но, точно по уговору, кто-то въ это время справлялъ его дѣло, и въ господскомъ домѣ ничего про то не узнали. Кухарка извела въ два дня столько провизіи, сколько должно хватить на четыре, и, наконецъ, напекла къ кофе „генеральскихъ“ булочекъ.

Столъ на балконѣ имѣлъ видъ именинный. Студентъ самъ помогалъ Домнѣ и Дуняшѣ; Санѣ стыдно было передъ старой нянькой за вчерашнее и потому онъ былъ особенно ласковъ и веселъ.

Но скоро старуха хлопотала одна: Дуняша, отряженная розыскать, гдѣ знаетъ, барышню, вихремъ неслась по тропинкѣ къ озеру, приглядываясь изъ-подъ ладони къ чернѣющей на водѣ лодочкѣ. Никакъ, это своя, мызная?..

Въ этотъ сіяющій день завтракъ на балконѣ глазъ на глазъ съ милой тетей Женей могъ бы быть очаровательнымъ отдыхомъ послѣ всѣхъ бурныхъ событій, еслибъ на душѣ юноши не лежали камнемъ невѣроятныя Динины дѣла. Не одинъ ужъ разъ Саня каялся въ своемъ легкомысліи: вѣдь тогда, на утренней прогулкѣ, что-то Дина собиралась рассказать ему. Кто же зналъ! Онъ былъ увѣренъ, что это касается вѣчнаго препирательства сестеръ изъ-за школы. Поглощали собственные пріятныя впечатлѣнія—въ душѣ еще бродили отголоски неостывшихъ ощущеній—мысли...

Теперь не было возможности думать сколько-нибудь хладнокровно.

Сегодня въ первый разъ Евгенія Петровна занялась собою, какъ должно, зато она и вышла изъ своей комнаты вновь помолодѣвшая на десять лѣтъ. Кисейный капоть съ волнами желтаго кружева, схваченнаго въ нѣсколькихъ мѣстахъ сверкающими стразовыми пряжками, въ одно и то же время скрадываетъ и обрисовываетъ фигуру съ тѣмъ артистическимъ расчетомъ, который дается только женщинамъ, цѣлую жизнь изощряющимся въ комбинированіи всѣхъ мельчайшихъ данныхъ собственной внѣшности. Въ изящной сѣрой прическѣ точно невзначай запутался пучочекъ полевыхъ колокольчиковъ и ромашка: это горничныя дѣвушки, Маша съ Дунашей, принесли вчера съ прогулки огромный пестрый букетъ для генеральши. Другой такой же пучочекъ, засунутый за бѣлую ленту пояса, выглядывалъ изъ-подъ тонкаго кружева.

Ça donnait une jolie note a la toilette, — и Евгенія Петровна не воздержалась отъ маленькой игривости. Она, безъ сомнѣнія, не сдѣлала бы этого, еслибъ и сегодня ей предстоялъ завтракъ подъ предсѣдательствомъ Ларисы.

Но настроеніе было испорчено докладомъ Маши. Евгенія Петровна и на балконъ пришла со слѣдами гнѣвнаго румянца, что, впрочемъ, еще больше молодило ее.

Саня въ восхищеніи припалъ къ ея рукамъ, извиняясь, что онъ потренировалъ ее ночью. Отдохнула ли она?

— *A la bonne heure!* Наконецъ-то, догадались накрыть на воздухъ! *Se serez vous, par hazard?* Хвалю, хвалю...

Она приласкала его бархатными глазами.

Саня сіялъ. Къ тому же и аппетитъ давалъ себя знать; за эти мучительные три дня Евгенія Петровна ни разу какъ слѣдуетъ не пообѣдала. Кто-то, очевидно, имѣлъ это въ виду, приготовляя сегодняшній завтракъ... Врагъ ея, старая Домна! А племянница милая не признаетъ самыхъ элементарныхъ правилъ гостепріимства. Совсѣмъ одичала. Придется сегодня, тутъ же за завтракомъ *aborder la question...*

„Какъ молодежь беззаботна!“ думала съ завистливымъ чувствомъ тетя Жена, слушая болтовню юноши, который старался вызвать ее изъ ея задумчивости.

— А пророс... Лариса распорядилась, чтобы выслать за ней экипажъ?—спросила Евгенія Петровна.

— Ха! Неужели вы думаете, что Лариса Ивановна въ состояніи была бы пережить такую аномалію, какъ почтовая тройка!

— *Eh bien... alors?*

Саня лукаво подмигнулъ:

— Завтра. Однако, такъ какъ часть не предусмотрѣть... имѣя въ виду жару etc., etc, я полагалъ бы, что мы имѣемъ возможность истолковать это въ смыслѣ вечера. Не правда ли?

„Послѣзавтра, стало быть“, сообразила тетя Жена съ облегченіемъ.

Главное—за ѣдой надо всѣ досадныя мысли отложить въ сторону. Евгения Петровна давно уже приняла это за правило, убѣдившись на опытѣ, какъ это вредно отзывается на самочувствіи и портитъ цвѣтъ лица.

...Интересно позондировать этого мальчика, съ задорными усиками, съ темнымъ пушкомъ около ушей, придающимъ такую изящную утонченность юнымъ лицамъ. Лесковые и веселые черные глаза напоминаютъ, пожалуй, ея собственныя, только сіяютъ они яснымъ блескомъ первой молодости, еще не извѣдавшей развѣдающихъ душевныхъ бурь...

„Однако, съ какой стати, въ сущности, нашъ Саня учится въ Петербургѣ, а не въ Москвѣ!“ задала себѣ впервые этотъ вопросъ тетюшка Евгения Петровна.

Студентъ отъ ея вопроса такъ и подскочилъ на своимъ мѣстѣ. Всѣ резоны, заставившіе его два года назадъ выбрать петербургскій университетъ, въ эту минуту показались не заслуживающими даже разговора.

— Рѣшено! Перехожу нынче же въ Москву!—хлопнулъ онъ себя побѣдоносно по колѣну.

— Вотъ и отлично,—кинула она головой.

Онъ странно смотрѣлъ на нее.

— Но... можетъ быть, въ Москвѣ мнѣ предстоитъ только затеряться въ толпѣ вашихъ поклонниковъ??

Тетя Жена снисходительно смѣялась, слегка откидывая голову, отчего розовые колокольчики дрожали въ ея волосахъ.

— Вотъ, вы смѣетесь! А вѣдь у меня въ Питерѣ завелись кое-какія связи—товарищи. Въ Москвѣ—какъ перстъ.

— Но развѣ я тебя звала? De grâce!

— А-а! Такъ значитъ, вы не зовете меня—нѣтъ?

— Я же не могу обѣщать тебѣ... не знаю! какія-то связи...

Саня вспыхнулъ, какъ барышня.

— Ахъ, вовсе нѣтъ, пожалуйста! Совсе я ничего не хотѣлъ сказать... Очень понятно—курсистки, кружки...

— И всего этого, ты думаешь, нѣтъ въ Москвѣ? Vous, mon petit, parlons raison. Если ты поселишься у меня, то этимъ многое упрощается. Втягиваться въ мою жизнь, конечно, тебѣ сѣтъ надобности, да и скучно покажется... Ты ничѣмъ не будешь нтѣсненъ.

Саня смотрѣлъ въ ея ласковое лицо, не зная самъ, что онъ

испытываетъ... Что-то грѣющее и манищее послѣ непріятнаго одиночества петербургскихъ грошовыхъ мебелировокъ.

Дорогой изъ города студентъ уже порѣшилъ, что на будущее лѣто придется подыскивать кондицію—въ Зажоры онъ ни за что не прїѣдетъ. Да, безъ сомнѣнія, все превосходно „упрощается“ неожиданнымъ предложеніемъ симпатичной тетушки.

„Она и урокъ достанетъ стоящей — знакомство-то какое! Вообще Москва!“ думалось смутно, но весело, съ подмигивающимъ задоромъ новизны.

...„Это оживить домъ и ни въ чемъ не можетъ меня стѣснить“, думала, въ свою очередь, Евгенія Петровна.

...Какъ ни много у нея преданныхъ друзей,—послѣ всего наступаетъ такая минута, когда остаешься совсѣмъ одна и никому до тебя нѣтъ дѣла. А болѣзни, усталость, хандра! Вѣчно искать, привлекать, устраивать... сколько это требуетъ силъ, и, въ концѣ концовъ, какое убійственное однообразіе! Но попробуйте только перестать *стараться*—и все хлынетъ мимо. Только позвольте третировать себя за старуху — ah, on ne demande pas plus! Все держится усиленіемъ, престижемъ... Вотъ такая неподдѣльная, животрепещущая юность тутъ же дома, у себя...

„Cela me rechauffera un peu mon raucage soeur“,—думала она съ блуждающей улыбкой.

Однако, заманчивая импровизація обсуждалась на балконѣ весело, но пока все еще полусутоливо. Жутко такъ внезапно связать себя... Евгенія Петровна не то поддразнивала племянника, не то хотѣла что-то вывѣдать своими шутками.

...Что если характеръ у Сани окажется такой же воинственный, какъ у его сестрицы? Она самый мирный человѣкъ на свѣтѣ... s'il allait la brutaliser?.. Чего добраго у него такіе же демократическіе вкусы, какъ у Дины? Пожалуй, онъ начнетъ ополчаться на роскошь и барство... puisqu'elle n'aimait que ça!

Саня очень удачно парировалъ нападенія въ томъ же тонѣ: не будутъ-ли его держать на положеніи bébé и высылать изъ комнаты въ самые интересные моменты? Будетъ-ли ему позволено ревновать, хотя бы въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ?

— Mais vous divaguez, mon petit! Откуда вы можете знать такія слова?!

— Вотъ, вотъ! Я это предчувствовалъ!..

Тетя Жена строго качала розовыми колокольчиками.

На залитой солнцемъ площадѣ передъ балкономъ прыгали воробьи. Два самыхъ дерзкихъ расхрабрились настолько, что добрались уже до половины лѣсенки. Саня, среди восхитительнаго состязанія, слѣдилъ за ними глазами охотника и бросалъ хлѣбныя крошки. Воробьи спархивали внизъ, но сейчасъ же снова

кидались на добычу, и вся стая, толкаясь и чиркая, перепархивала все ближе.

Солнце добралось до кресла тети Жени и сильно припекало ей правое плечо. Но она сегодня терпѣлива къ жарѣ, ей нравится солнце..

Домна то уходила съ балкона, то возвращалась; она варила кофе по-своему, какъ любить генеральша, и прислушивалась къ веселому разговору.

„Связался чортъ съ младенцемъ... прости Господи!“ думала сердито старуха, обиженная такой веселостью „не ко времени“.

Дуняша только-что прибѣжала назадъ съ озера. Барышня въ лодкѣ далеко была отбѣхавши, пока-то она докричалась, да домахалась. Дуняша божилась, что барышня слѣдомъ за ней домой будетъ, лодку только къ мѣсту отведеть.

Генеральшина Маша, отъ скуки дружившая съ Дуняшей, съ любопытствомъ поджидала ее въ сѣняхъ и сейчасъ же на смѣхъ подняла за такое легковѣріе.

...Еще бы! Станетъ барышня одна-одинешенька на водѣ печься въ такую жарынь, была неволя! Побывала, гдѣ ей надо было—и все. Въ деревнѣ-то, небось, въ каждомъ дворѣ своя лодка есть... На островкахъ на этихъ причудесное гулянье должно быть, если чтобы отъ чужихъ глазъ подалше..

Дуняшѣ смерть стыдно, что она такая дурища, ничего-то не можетъ сама отгадать... подумала еще: что за сласть на такомъ припекѣ съ лодкой ворочаться?

Столичная франтиха на каждомъ шагу побывала туземцевъ своей провзительной догадливостью и многоопытностью. И именно отъ этого московская жизнь начинала представляться простодушной Дуняшѣ чѣмъ-то совершенно необычнымъ, страшнымъ и соблазнительнымъ.

Домна едва не выронила изъ рукъ кофейника, когда, входя на балконъ, услышала, какъ говорить Евгенія Петровна:

— Я тебѣ отдамъ кабинетъ... Можешь думать, что мнѣ нѣтъ надобности въ кабинетѣ! Разъ въ мѣсяцъ вручить деньги управляющему—эта обязанность перейдетъ къ тебѣ вмѣстѣ съ кабинетомъ. Приучайтесь, другъ мой, къ дѣловитости, это полезно...

„Ахти батюшки, да что такое? Рази его жить къ себѣ беретъ? А Динушка какъ же... Обоихъ нѣшто возьметъ?.. Расщедрится...“ волновалась старая нянька.

Внезапная фантазія все болѣе и болѣе облекается въ реальныя формы и все сильнѣе захватываетъ тетю Женю. Быть можетъ, этотъ новый, еще неизвѣданный интересъ, способенъ вдохнуть новую душу въ ея безцѣльное, пресыщенное существованіе?.. Ей казалось, что уже нельзя внести въ него ничего свѣжаго,—

все извѣдано, выдохлось... ускользаетъ! И нѣтъ даже энергіи оплакивать, приходитъ въ отчаяніе. „C'est de la mélancolie résignée“, говорила она своимъ вѣрнымъ поклонникамъ.

Она еще не знала, что то была первая ступенька старости, когда кажется, что *не хочешь* и только потому *не можешь*; когда самъ не вѣришь унылымъ словамъ, которыя почему-то начинаешь произносить все чаще и чаще... Еще черезчуръ близко то время, когда такія слова вовсе не приходили на умъ, и потому они намъ кажутся произвольными. На этой первой ступенькѣ еще есть свой специфическій интересъ новизны... On rose pour la vieillesse, съ розовыми щеками и изысканной напудренной прической!

Всю безотрадную унылость своей „mélancolie résignée“ женщина эта почувствовала только въ ту минуту, когда ее пронизало слишкомъ знакомое ощущеніе воскресающей жизненной энергіи. Ей уже грезилась умилительная душевная близость съ этимъ юношей—близость, которая не можетъ быть ни любовью, ни дружбой, ни докучнымъ родительскимъ менторствомъ. Что это будетъ—она не знала... Чувствовала только, что въ ея эгоистичной бездѣтной судьбѣ еще впервые молодость подходитъ къ ней такъ близко. И все ея существо взволновано этимъ...

X.

По ступенькамъ балкона, спугнувъ дерзкихъ воробушковъ, пспѣшно поднималась Дина. Она запыхалась отъ быстрой ходьбы; хогъ Дуняша и увѣряла, что изъ города никто не пріѣзжалъ, но вѣдь Дуняша могла и не знать...

Оживленные лица и веселые голоса разсѣяли ея страхъ.

— Nous voici enfin! Однако, ты совсѣмъ не имѣешь обыкновенія завтракать?..—спросила тетя Жена, по обыкновенію, такъ... такъ мягко, что дѣвушка выслушала это, какъ самую утонченную шпильку.

— Здравствуйте, ма зоеуг!

Другой голосъ произнесъ за ея спиной въ тотъ же тонъ. Но это было такъ неожиданно—тонъ до такой степени чужой—что Дина безсознательно перевернулась и поглядѣла большими растерянными глазами.

Она не отвѣтила и сейчасъ же присѣла у самовара, гдѣ только что стояла Домна.

...Чему-то она помѣшала своимъ приходомъ... имъ было тутъ отчего-то весело...

Съ внезапной силой въ сердцѣ ея поднялось желаніе скорѣе, какъ можно скорѣе, со всѣми здѣсь покончить—вырваться на волю.

Дина положила на тарелку простывшей яичницы и начала ѣсть, чувствуя, какъ ее разглядываютъ съ другого конца стола.

На ней надѣто было все тоже голубое платице, изъ котораго она какъ будто выросла; ситцевый платочекъ, подходи къ балкону, она перевязала съ головы на шею. Тяжелыя косы каштановыхъ волосъ золотились на солнцѣ своими оригинальными переливами двухъ тѣней, волнуясь надо лбомъ короткими серебрястыми прядками. Это придаетъ какую-то причудливую изысканность, точно опаленной солнцемъ, тяжелой головеѣ. Какъ два темныхъ крыла разлетаются длинныя упрямыя брови; густыя рѣсницы золотятся на солнцѣ.

Евгенія Петровна разглядывала съ досаднымъ чувствомъ мастера, который видитъ, какъ чудный матеріалъ пропадаетъ въ бездарныхъ рукахъ.

Сачѣ было стыдно линючаго платья. Уже, конечно, тетушкина горничная въ такомъ видѣ не покажется въ люди! Бить не можетъ, чтобы не нашлось ничего хоть посвѣжѣе по крайней мѣрѣ, чтобы не мозолить чужихъ глазъ.

Прошлымъ лѣтомъ юный студентъ не обращалъ никакого вниманія на то, въ какомъ видѣ щеголяетъ его сестренка; теперь это казалось какимъ-то маскарадомъ дурного тона—вызовомъ, радомъ съ изящными кисейно-кружевными туалетами другой женщины.

Домна принесла изъ кухни разогрѣтую котлетку, сунула ее вмѣсто холодной яичницы и опять ушла съ балкона.

Тетя Жена сказала себѣ, что пришла минута „aborder la question“—все равно, вѣдь не минуешь! По своему обыкновенію мягко, не повышая тона, она сказала, что завтра должны быть высланы лошади за Ларисой; поэтому, пока они одни, не находить ли Дина нужнымъ дать брату и ей какія-нибудь объясненія? Тогда все спуталось—было, конечно, не до чего!—но должна же Дина войти и въ ихъ положеніе.

...О, какъ хотѣлось Динѣ быть въ эту минуту глазъ на глазъ съ Саней, объясняться съ нимъ однимъ! Оскорбилъ и считаетъ себя въ правѣ! Можетъ смѣяться, любезничать съ этой старой кокеткой... Польщенъ—ославленъ роскошными тряпками! Но какъ же Саня посмѣлъ поздороваться съ нею—вотъ сейчасъ—шуткой! Точно ни въ чемъ не бывало... Какъ онъ смѣлъ?..

Дина судорожно стискивала дрожація руки, чувствуя, какъ горячія волны заливаютъ ей грудь и голову.

...Нѣтъ, нѣтъ... не передъ этой дамой въ кружевахъ и стекляшкахъ, когда сестру—*обожаемую*—только что отвезли въ сумасшедшій домъ... Ни ея горя, страха, ни обиды—ничего, ничего они не увидятъ. Пусть онъ получитъ столько же, какъ эта чужая! если не другъ—не прежній милый Санька...

Дина пробормотала что-то несвязное: она сейчасъ — сію минуту она вернется къ нимъ... И бросилась съ балкона въ комнаты.

Студентъ тоже вскочилъ со стула и машинально (ноги сами понесли) спустился по ступенькамъ въ садъ.

...Чортъ знаетъ, съ чего вдругъ сорвалось съ языка! Настроение... Угорѣлъ отъ счастливыхъ плановъ... Вдругъ надежда мелькнула шутя страхнуть и всю ту чепуху.

Теперь онъ бѣсновался на себя, пристыженный взглядомъ Дины. Въ первый разъ съ этого лица на него глядѣли суровые и непроницаемые, чужіе глаза...

Евгенія Петровна осталась одна на балконѣ. Она не слѣша налила себѣ чашку простывшаго чая; бокъ уже покалываетъ — конечно, столько волненій не пройдетъ даромъ! Совсѣмъ плохо объясненіе начинается. Съ необузданностью Дины Богъ знаетъ, до какихъ дикостей можно дойти...

Впрочемъ, въ эту минуту тетушку противъ воли отвлекло ея восхищеніе передъ оригинальной красотой дѣвушки.

...Вотъ сейчасъ, въ янтарномъ колоритѣ солнечныхъ лучей свозь бѣлый холстъ, вся вдругъ побѣлѣвшая отъ волненія — картина, смѣло написанная однимъ теплымъ тономъ! Что за удивительные волосы — пестрые! Неужели оттого, что мочить ихъ каждый день въ холодной водѣ, а потомъ выжигаетъ на солнцѣ? Выросла какъ репейникъ. А... а!.. вѣчная несправедливость судьбы! Ну, зачѣмъ ей все это? Что Дина смыслить въ красотѣ?..

...Будь глаза каріе, въ тонъ волосамъ, какъ это обыкновенно бываетъ — вышло бы банально. Именно! Совершенно неожиданный эффектъ въ томъ, что глаза сѣрые — какіе-то острые... о! до чего, до чего эффектна! Чудное, упрямое лицо... Обломать бы таковой репейникъ какъ слѣдуетъ — одѣть по-человѣчески, причесать — да это Богъ знаетъ что вышло бы!.. съ ума сводила бы...

Ощущенія многоопытной львицы двоились... Безкорыстное преклоненіе передъ божествомъ всей жизни смѣнялось безотчетными движеніями какаго-то смутнаго чувства. Ah!.. tant pis — угодно культивировать святую безыскусственность дикарей? Увидимъ, на долго ли хватитъ даже и таковой роскошной красоты! Кожа уже теперь испорчена — сожжена!

Тетя Женя отчетливо подумала, что она поселить въ своемъ московскомъ домѣ веселаго мальчика съ ласковыми черными глазами...

А Дина остановилась въ гостиной, лицомъ къ стѣнѣ, и изо всѣхъ силъ выламывала себѣ пальцы. Изъ-подъ закрытыхъ вѣкъ градомъ лились горячія слезы. Она не шевелилась — слезъ не вытирала, не старалась ихъ удерживать.

...Недолго, сейчас все кончится... хуже, когда нельзя плавать... Голова прояснѣтъ, и тогда вся застынешь... Сейчас! Будетъ совершенно спокойна, что-бы они ни говорили... Только пока—пока... такъ всю ломаетъ!..

Первая фраза допроса хлеснула, точно ударъ по лицу... Закрутила этотъ вихрь... съ чѣмъ никакъ нельзя совладать... никакъ!..

Евгенія Петровна, одна на балконѣ, пила холодный чай, втягивая съ ложечки черезъ зубы и мысленно комбинировала на разные лады предстоящее объясненіе.

Дина вошла, красная и угрюмая. Сейчас же сѣла къ столу. Однимъ взглядомъ она охватила балконъ и площадку, гдѣ все еще прыгали воробы...

...Ушелъ!

...Правда. Когда отхлынетъ первый ослѣпляющій порывъ—точно сломить—въ ту минуту уже ничего больше нельзя прибавить. Все равно.

„Ушелъ... Тѣмъ скорѣе все кончится.“ подумала Дина равнодушно.

Евгенія Петровна ласково спросила, не хочетъ ли Дина холоднаго чаю?.. Чай поднимаетъ нервы. Главное, не надо принимать такъ горячо къ сердцу. Дина сама видитъ, что она ждетъ ея объясненій и до тѣхъ поръ ни о чемъ не хочетъ судить.

— Господи! да неужели еще и теперь не все ясно?!—стремительно заговорила Дина: — надѣюсь, вы сами убѣдились, что намъ нельзя жить съ Ларисой — я не хочу! Пусть мнѣ дадутъ возможность какъ-нибудь просуществовать, пока я получу школу—больше мнѣ ничего не надо—навсегда. Поддержите меня въ этомъ, если вы хотите какъ-нибудь помочь!

— Какая школа?! Ты совсѣмъ не о томъ говоришь...

— Земская школа. Я буду народной учительницей, это дѣло я люблю и могу. Только вотъ теперь, пова добьюсь мѣста.

Евгенія Петровна, неожиданно сбитая съ позиціи, нетерпѣливо повернулась къ саду.

По ступенькамъ медленно поднимался съ площадки студентъ.

— Саня, entendez vous?—твоя сестра собирается въ сельскія учительницы—существовать на триста рублей... Онѣ получаютъ, если не ошибаюсь, всего триста рублей?

Студентъ не пошелъ дальше лѣстницы. Онъ прислонился къ деревянной колоннѣ, какъ разъ напротивъ мѣста Дины.

— И давно ты рѣшила, что твое призваніе—быть народной учительницей? не потому ли ты и своей школой такъ увлекалась?—выговаривалъ онъ медленно и пронзительно, съ паузами.

Дина смотрѣла ему прямо въ лицо своимъ тяжелымъ взглядомъ, потемнѣвшимъ отъ слезъ.

— Зачѣмъ тебѣ это знать?—почему—давно ли,—какое тебѣ дѣло?

Даже Евгенія Петровна потеряла хладнокровіе:—Богъ знаетъ, что это такое! Какъ это вдругъ никому не должно быть дѣла до ея поступковъ—до ея судьбы! Что это за понятія?

Ларису она считаетъ своимъ врагомъ оттого, что та не можетъ смотрѣть равнодушно на... на вещи... очень странныя вещи, однако-жь, нельзя же этого отрицать!

Теперь Саня... Съ какихъ поръ она и съ братомъ тоже враждуетъ?—*C'est du nouveau ça.*

Дина еще нѣсколько секундъ не отводила глазъ, точно ждала, не скажетъ ли онъ чего-нибудь на слова тетки.

— Онъ меня понимаетъ,—выговорила она, наконецъ, холодно.

— Еще бы! Понимаю прекрасно, чего тебѣ хочется! Тебѣ угодно, чтобы я былъ на твоей сторонѣ во что бы ни стало?—воскликнулъ Саня запальчиво:—ну, ужъ въ такомъ случаѣ, Надежда Ивановна, вы хоть позаботились бы немножко быть осторожнѣе... Да-съ! Пусть все одна клевета, что говорить Лариса,—я въ этомъ и разбираться-то не хотѣлъ,—знаешь ты это или нѣтъ?! Ну, ужъ, а собственнымъ своимъ глазамъ... хочешь не хочешь... повѣришь!

Сдавило горло на послѣднихъ словахъ. Онъ оттянулъ рукой воротникъ кителя и покрутилъ шей.

— *Mon Dieu.* Чего еще?! Мнѣ тоже сказали... будто вчера... во флигель...—роняла совсѣмъ тихо, брезгливо Евгенія Петровна, склоняясь головой на руку, чтобы ни на кого не глядѣть.

Дина, безъ кровинки въ лицѣ, переводила глаза съ одного на другую. Такъ долженъ чувствовать человѣкъ, котораго обыскиваютъ.

Евгенія Петровна подняла голову; одна бровь страдальчески вздрагивала. Она выговорила съ усиленіемъ человѣка, исполняющаго претящую ему обязанность.

— *A lors... Dina?* Мнѣ нуженъ отвѣтъ,—какъ тебѣ угодно! *Ah... quelle soirée, mon Dieu...*

Голосъ дѣвушки зазвучалъ глухо, безжизненно.

...Когда приходится бросить дѣло внезапно, бываетъ необходимо переговорить съ людьми—что въ этомъ такого удивительнаго?

— Ночью?!

— Въ пустомъ домѣ?!

— Не все ли равно? Ночью. Въ пустомъ. Когда случится! Гдѣ можно...

— Въ твоей школѣ было двадцать человѣкъ?

Но ее и такъ душила фальшь: вѣдь она вовсе не собиралась выворачиваться—ей ничего не надо прятать.

— Сая! Тебѣ не угодно ли только *припомнить*,—вѣдь ты все знаешь такъ же, какъ я сама!—вривнула она повелительно:— Да, въ школѣ двадцать человѣкъ—только Савелій не то, что другіе, всѣ эти двадцать вмѣстѣ. Я уже не говорю о томъ, что онъ самый способный изъ нихъ—удивительно способный! Тетя Жена, вы должны его помнить: вѣдь это нашъ всегдашній товарищъ, другъ дѣтства.

— Д-другъ дѣтства!.. Ха, ха, ха...

Дина вся дрожала.

— Напрасно вы смѣтаетесь, Евгенія Петровна! Дѣтство одно. Никто не отвѣчаетъ за свое дѣтство. Да и—какіе же могли у насъ быть другіе товарищи? Вы забыли... Ну, разумѣется, барчонки какъ уѣхали, такъ и думать о немъ позабыли,—для насъ начиналась новая жизнь. Боже мой! неужели не ясно, что этотъ мальчикъ *не могъ* ничего забыть?! Ждалъ, мечталъ, жилъ надеждой, что его друзья вернутся—прежніе друзья. Что-жъ, вы оба по совѣсти считаете, что я могла оттолкнуть его? да?.. Или теперь должна его бросить на половинѣ дороги, покинуть на произволъ судьбы?

— *C'est sérieux alors... tout a fait sérieux!*..—мелькало испуганно въ умѣ тетюшки. Она больше не смѣялась; она слѣдила, совсѣмъ ошеломленная, за игрой молодого лица, которое такъ плѣняло ее.

— Дина! Что ты хочешь этимъ сказать!? Что это значить? Студентъ тоже не спускалъ глазъ съ ея лица.

Дина вскочила на ноги.

— О, нѣтъ, довольно, довольно!! Хотѣла только, чтобы вы поняли—разъ навсегда поняли, что именно меня связываетъ съ этимъ человѣкомъ.

— Свя-зываетъ!.. *décidément c'est fou... fou!*.. Значить, все правда?! Эта ужасная исторія—свиданія...

Но Дина уже не слушала. Она бросилась прочь съ балкона, не обращая вниманія на ихъ крики, протесты, мольбы.

Сая до самой двери бѣжалъ за ней, требуя, чтобы она вернулась

Дина быстро повернула ключъ, точно она боялась, что онъ ворвется за ней въ ея комнату—что ее насильно принудятъ говорить—ворвутся также и въ ея душу... Она невѣроятно страдала и отъ того, сколько принудила себя сказать имъ.

— Совсѣмъ, совсѣмъ ничего не надо... зачѣмъ? Какая польза?! Не нужно было... подлая трусость!—возмущалась она теперь на себя, стискивая зубы.

Глухая стѣна сомкнулась, отдѣлила навсегда отъ всего прежняго.

Это ощущеніе конца сразу отрезвило ее. Она почувствовала знакомую остроту мысли, когда все лишнее, спутывающее, отпадаетъ. Когда вдругъ станеть легко рѣшаться и дѣйствовать. Въ головѣ ощущеніе жженія, во всѣхъ членахъ легкость и гибкость... Что-то похожее на чувство веселья, все равно чѣмъ бы ни вызывался этотъ подъемъ.

Въ полчаса Дина перевернула вверхъ дномъ свою комнату. Необходимое сейчасъ съ собою взять, а остальное на сохраненіе Домнѣ оставить.

И деньги пока взять у Домны, сколько найдется (у Домны есть деньги!), только бы теперь не начинать никакихъ переговоровъ съ Ларисой...

Все это у Дины обдуманно во время купанья; и то, что къ Варварѣ Прибыткиной она можетъ явиться безъ всякихъ предупрежденій. Сознаніе, что она долго ни съ кѣмъ изъ своихъ не увидится, успокоивало ее. Она отправилась въ комнату Домны, увѣренная, что найдетъ старуху за работой: какъ разъ время такое, между завтракомъ и обѣдомъ.

Старая нянька жила рядомъ съ комнатой Анны Петровны. Ея узкая велейка заставлена старинными сундуками, на которыхъ всегда разложены груды бѣлья, требующаго починки; въ комнатѣ установился даже особенный хорошій запахъ мытаго полотна. Со стола передъ окошкомъ никогда не исчезаетъ начатая работа, и старуха присаживается за нее во всякую свободную минутку.

Старые глаза Домны давно утратили прежнюю зоркость, давно слезится и краснѣютъ отъ мелкаго штопанья,—но этого никто не замѣчаетъ. Домна разъ навсегда „приставлена къ бѣлью“ и она продолжаетъ дѣлать свое дѣло, съ той разницей, что бѣлья груды все дольше залеживаются на старыхъ сундукахъ.

Вотъ и теперь, Домна успѣла уже освидѣтельствовать тощій чемоданчикъ студента и почти цѣлкомъ перетащила его содержимое въ свой уголь, ругая петербургскихъ прачекъ и квартирныхъ хозяекъ: ишь, у нихъ „руки отвалятся“ приглядѣть за мальчикомъ!..

Дина открыла дверь няниной комнаты и въ тотъ же мигъ кто-то шарахнулся на нее изъ угла.

— Барышня! Счастье какое! Слава тебѣ Господи! Сижутуть, сама не знаю, какъ и быть... Забилась, словно мышка,дохнуть не смѣю. Не идетъ крѣстенькая, да и полно!..

Это была Анютка. Она то цѣловала ей руки, то принималась креститься размахистымъ пугливымъ жестомъ, какъ кре-

стятся крестьянскія дѣти. Жалобная рожица выглядывала изъ большого платка, надвинутого на лобъ; темныя жесткія ручки были совсѣмъ холодныя.

— Анюта, что ты? Съ чего напугалась такъ? Не въ первый разъ къ крестной пришла, кто же смѣетъ... Глупая какая! — успокаивала ее Дина, чувствуя въ то же время, какъ волненіе невольно сообщается и ей.

Анютка расхрабрилась, высунула носъ за дверь поглядѣть, нѣтъ-ли кого въ корридорѣ, но Надежда Ивановна вдругъ разсердилась: взяла ее за руку и, не говоря ни слова, отвела въ свою комнату. Въ корридорѣ никто не встрѣтился.

Какъ только барышня повернула ключъ, дѣвочка сейчасъ же стащила съ головы мамкинъ платокъ, — точно вылѣзла изъ засады. Она уже сіяла лукавыми голубыми глазами и мелкими блестящими зубами. Внезапный переходъ отъ страха и растерянности въ собственную комнату Надежды Ивановны приводилъ Анютку въ восхищеніе, а такъ какъ два ощущенія не могутъ совмѣщаться рядомъ въ ея непосредственной душѣ, то на минуту Анютка совсѣмъ забыла про свою „бѣду“; она любопытно разглядывала странный беспорядокъ комнаты.

— Убиралась, видно?.. Велите мнѣ подсоблять, небось я умѣю! — предложила она.

— Спасибо тебѣ. Да только пока нечего дѣлать, надо прежде съ чердака сундувъ принести.

Анютка уставилась испуганными глазами въ ея лицо и громко задышала черезъ носъ.

Дина начинала уже думать, что встревожилась напрасно, — мало-ли зачѣмъ Анютка бѣгаетъ къ крестной! Но, вотъ, дѣвочка громко вскрикнула, разъ-другой и вдругъ, точно подшибленная, распласталась на полу у ея ногъ.

— Барышня, родименькая, заступница наша!.. — заголосола она.

— Тс... тише!.. тише!.. Этакъ весь домъ сбѣжится, коли ты завыла, — унимала Дина, стараясь поднять ее съ пола.

Но Анютка уцѣпилась за ея платье и безсвязно причитала въ перемежку съ отчаянными подвываніями.

— Это ужъ какъ Богъ святъ... Савелій совсѣмъ ушелъ! Своими глазами видала! Что съ нимъ бу-у-детъ-то, барышня родименькая!.. Вотъ, какъ изловятъ его, безпачпортнаго, да какъ въ острогъ засадить, все равно, какъ Ваньку Косого... У-у-у! Послѣ еще въ волостномъ драли, а онъ опять убѣжалъ, Ванька... Такъ и про... про-па-а-аль!.. Кто за него теперь заступится?.. Господи!.. Что они съ нимъ сдѣ-ла-а-ють!..

Наконецъ то, Анютка могла кому-нибудь излить страхъ, на-

роставшій въ ея сердечѣ со вчерашняго вечера, когда она подглядѣла сборы Савелія.

...Никому словечка одного не проронила... Мамка испугается, все равно къ отцу же кинется, а еще-то кому и сказать?

Дина старалась возстановить изъ бесвязныхъ разсказовъ картину случившагося.

Дѣвочка видѣла, какъ отецъ съ Савеліемъ вернулись съ поля, переругавши“. Дорогой кричали о чемъ-то, не понять—больно бранились! А тутъ сряду Савелій влѣзъ на сѣноваль и обѣдать не пошелъ. Отецъ похлебаль сколько-то ложекъ и не сталъ ѣсть... Слова не промолвилъ. Мамка-то все вздыхаетъ, вздыхаетъ... Отецъ грозно такъ поведетъ бровями, а она и отойдетъ къ печкѣ... Молчитъ, Александра, словно отъ блохъ на лавкѣ вертится—спросить не смѣетъ... Какъ стали убираться, мамка и сунула ей краюху, да два печеныхъ яйца—отнеси, молъ, ему... Тутъ Аня и увидала, какъ Савелій позитен въ холщевый мѣшокъ складывалъ. Въ шелку увидала... Какъ вошла, такъ онъ, небось, мѣшокъ въ сѣно засунулъ... Тоже и его рази спросишь? Какъ пуга-а-нетъ! Кубаремъ съ лѣстницы слетѣла... Зло-ой!..

— Куда же онъ пошелъ? — вымолвила задумчиво барышня, недоумѣвая, по какой причинѣ Савелій не прислалъ ей никакой вѣсточки съ сестренкой.

— Въ Прѣздное пошелъ, куда еще!—крикнула одушевленно Аня: не по большой дорогѣ, а лѣсомъ, черезъ болото... Я, небось, за околицу выбѣжала, да въ кустахъ схоронилась. Думаю себѣ, какъ онъ мимо пойдетъ, тутъ ужъ я увязалась бы за нимъ, не отстала бы, пока не ска... ска-а-заль...

— Ну, ну?

— Такъ рази угадаешь! Я думала, что онъ... онъ дорогой... пой... пой-детъ...

— Полно тебѣ ревѣть-то, говори толкомъ!

— Я, можетъ, ни... никогда... никогда, можетъ, не уви-и-жу... голу-у-убчи-га.

Только когда барышня разсердилась и пристыдила, что Аня реветъ точно пятилѣтняя, дѣвочка кое-какъ справилась со слезами.

...Долго показалось ждать; она вылѣзла изъ кустовъ, чтобы поглядѣть не видать-ли Савелія на дорогѣ, а онъ, гляди-ка, у самого лѣса. Полемя — мѣшокъ да ружье за плечами,—такъ и шагаетъ.

Барышня ласково гладила рукой упрямыя кудряшки, заплетенныя туго-на-туго въ толстую, короткую косичку.

— Ну, ну... Что же дѣлать! Все равно, Савелію теперь не до разговоровъ съ тобой.

— Да-а!.. Я хоть бы по... по... про-ша-а-лась съ нимъ...

— Какое прощанье, коли Савелій не сегодня, такъ завтра домой вернется. Съ чего ты, глупенькая, взяла, что онъ не вернется? Изъ дому уходитъ будетъ не врадучись...

Анютка изподлобья смотрѣла на нее съ надеждой и сомнѣніемъ.

— Такъ рази добромъ отпустятъ? Какъ же! Самъ знаетъ, небось... По головкѣ не поглядятъ!.. Сашка цѣлый день горло деретъ, — они, вишь, съ Нивашкой одни за всѣхъ работаютъ. Даже и отца не боится, такъ и зѣваетъ на всю улицу, дурища...

Барышня слухала, задумчиво блуждая среди расвиданныхъ вещей.

На прощанье Дина собрала для Анютки цѣлую связку книгъ и сама проводила дѣвочку черезъ садъ въ рошу.

Анютка божилась, что какъ только Савелій вернется, такъ она сряду прибѣжитъ сказать.

И у Дины не хватило духу предупредить, что дѣлать этого не надо: Анютка уже не найдетъ ее на мызѣ. Довольно напалакалась сегодня! Въ своемъ волненіи Анютка позабыла про барышнины сборы.

XI.

Фельдшерица Варвара Тихоновна Прибыткина не такъ давно поселилась въ селѣ Проѣздномъ, но на службѣ N—скаго земства она начинала свое второе десятилѣтіе. Въ новый участокъ ее перевели изъ города, гдѣ она состояла при больницѣ на сорокъ кроватей; выходить, стало быть, что къ своему юбилею фельдшерица, какъ разъ угодила изъ поповъ въ дьяконы.

Однако-жъ, совершилось это умаленіе при такихъ обстоятельствахъ, что даже для самаго простодушнаго жителя было ясно, что тутъ въ сущности не поражение, а самая настоящая побѣда. Всякая другая, не Варвара Прибыкина, давно вылетѣла бы изъ N—скаго земства въ силу одного изъ основныхъ принциповъ служебной практики; а Прибыткину водворили въ Проѣздномъ, гдѣ она, по отдаленности пункта, и вовсе отвѣчаетъ за врача.

Очень ужъ дѣятельно и находчиво умѣла она приспособляться къ тому, что въ отчетахъ значится подъ рубрикой „народная медицина“, но гдѣ далеко не главную роль игралъ ея шкафъ съ земскими медикаментами.

— Это тебя старикъ нашъ обстоялъ... Такъ, быдто прямо и рѣжетъ въ глаза дохтору: по нашимъ, моль, достаткамъ такая фершалица многихъ докторовъ стоитъ... То и дорого, что баба... по нуждѣ сама и похозяйствуетъ и обмоетъ... И молодухи глупыя съ ей ревутъ, все равно какъ передъ родной матерью...

и ругаетъ она ихъ, какъ слѣдуетъ... Слава Богу, слухомъ земля полнится. Мы во какъ рады тебѣ! Поживи съ нами, постарайся, милая... Что на бабахъ, что на ребятахъ хворости всякой нако-рузло... и-и-и!.. Боже мой!.. Не задаромъ про тебя по всей округѣ молва. Знаемъ, какъ ты и съ дохтуромъ воевала. Что-жъ, это такъ и правильно.. Начальника за тебя тоже не уволнить же... Ну, стало быть, всякій къ своему мѣсту, по доброму... Митрій Лукичъ у насъ старикъ справедливый. Другой бы не об-стоялъ тебя, потому дохтуръ всему дѣлу голова... Къ намъ-то дох-туръ когда-когда заглянетъ, твое хозяйство будетъ.

Таими привѣтными рѣчами встрѣтили Варвару деревенскіе старики, изъявляя полную готовность помогать ей „по своей силѣ возможности“.

Подожелъ конецъ беспросвѣтному фатуму фельдшерскаго за-поя...

Квартира фельшерицы хорошая нашлась въ новомъ домѣ ла-вочника Корнилы, которому его старуха нежданно-негаданно на-несла ударъ: уперлась, наотрѣвъ отказалась выбираться изъ род-ного угла. Ни гнѣвъ, ни брань, ни просьбы, ни угловры—ничто не помогало. Старуха Федосья давно ужъ хворала, а тутъ и взбреди ей на умъ,—не то во снѣ, не то въявь,—что, какъ только она вынесетъ изъ дома родительское благословеніе, тутъ же и предстанетъ страшный конецъ по ея грѣшную душу.

Корниль просилъ батюшку усовѣстить безразсудную бабу, но лавочница и въ батюшкѣ поколебала его искреннее сочувствіе всякому хозяйственному преуспѣянію. Вышелъ отъ нея отецъ Гавріиль въ большой задумчивости.

— Н-да-да-да... Потерпишь, видно, Корниль... Богъ любить смиреніе,—заговорилъ онъ особенно внушительно: можетъ, и дѣй-ствительно... тутъ нѣкое, какъ бы указаніе... перстъ!.. Старуха твоя недолгая съ нами гостя—грѣхъ не уважить.

Послѣ такой пастырской отповѣди ничего больше, какъ приш-лось задержаться въ старой избѣ, которою когда-то Корниль очень гордился, но теперь съ досады величалъ „хлѣвомъ“,—а и по сейчасъ это первая изба въ Проѣздномъ.

Варвара поселилась въ двухъ комнатахъ съ боковымъ кры-лечкомъ, обнесенымъ балюстрадой изъ рѣзныхъ досокъ. Въ пер-вой комнатѣ у нея пріемная со шкафомъ и столомъ для при-готовленія лекарствъ.

Вдоль стѣны прилажены широкія и низкія нары, покрытыя войлокомъ, для осмотра больныхъ; надъ нарами полка тѣсно за-ставлена коробками, бутылками, банками и проч. Рядомъ, въ узень-кой спальнѣ еще двѣ полки съ книгами и хорошая лампа съ

молочнымъ абажуромъ. Надъ постелью на вышитомъ шерстями коврикѣ расположена группа фотографій.

Въ обѣихъ комнатахъ полъ сплошь устланъ полосатыми крестьянскими половниками; столько ихъ бабы натащили, что и дѣвать некуда. Тепло и уютно. Вотъ только запаха лекарствъ никакъ не выведешь, къ огорченію Варвары; она даже звено изъ рамы вынула и набила вмѣсто стекла проволочную сѣтку. Лѣтомъ окна день и ночь настежь стоятъ.

— Вы, Варварушка, просто помѣшались на чистомъ воздухѣ—пунктивъ это у васъ!—поддразниваетъ ее Дина.

— Ну, и пускай пунктивъ. По крайней мѣрѣ, носъ мой такъ вышколенъ, что ужъ самъ свое дѣло знаетъ: чѣмъ бы голова занята ни была—никакой вони не пропуститъ! Воздухъ самое главное и есть. Вотъ, подите же! Кажется, только одинъ воздухъ денегъ не стоитъ—одно, что могло бы быть и у мужика!—заканчивала она огорченно.

Подходя къ Корнилинымъ хоромамъ, Дина подумала, что Варвара дома, потому что на крыльчѣ издали видѣлись какія-то бабы.

Приемъ у Прибыткиной всегда, когда она дома, времени нѣтъ назначеннаго.

Дина нарочно вышла изъ дому пораньше, а все-таки доняла жара. Это оттого, что шла слишкомъ скоро. Отъ волнующаго нетерпѣнія.

Съ Прибыткиной онѣ подружились необыкновенно скоро и хорошо; совсѣмъ и не чувствовалось что Варвара старше на двѣнадцать лѣтъ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ Прѣздномъ поселилась фельдшерица—стало легче справляться съ приступами жуткой деревенской тоски, наватывающейся на человѣка вмѣстѣ съ непроглядными ночами, съ завываніями осенней бури и растущими снѣжными сугробами... Есть теперь возможность избавиться отъ тоски! По самой непроѣздой распутицѣ за четыре версты можно дотащиться. Нерѣдко Дина и ночевать оставалась у Варвары на ея нарахъ.

На крыльчѣ ожидали двѣ незнакомыя Динѣ бабы. Одна изъ нихъ кормила грудного ребенка; она привѣтливо окликнула ее.

— Небось и тебѣ, милая, Варвару надѣтъ? Лекарствомъ пользоваться?..

— Не за лекарствомъ, нѣтъ... Здравствуй тетушка. Занята Варвара Тихоновна?—спросила Дина, съ удивленіемъ вглядываясь въ лицо женщины.

Еслибъ не глядѣла своими глазами на то, какъ эта женщина кормитъ грудью, она непременно подумала-бы, что это бабушка принесла внучонка полечить, такимъ старымъ выглядѣло морщи-

нистое темное лицо съ тусклыми глазами. Сухая ввалившаяся грудь.

Другая женщина сидѣла на верхней ступенькѣ, откинувшись головой на скамейку около периль. Это была молодая, но въ первую секунду невольно хотѣлось броситься къ ней на помощь. Вокругъ закрытыхъ глазъ и безкровныхъ губъ легли совсѣмъ мертвенныя тѣни. Восковыя руки казались окоченѣвшими на свертѣхъ изъ темнаго тряпья на ея колѣняхъ.

Первая баба тоже оглянулась на испуганный взглядъ барышни.

— Незамай... пушай-ка поспитъ маленько. Не ближній свѣтъ Ведынкино... вишь оно трехъ день нѣту какъ родила. Смаялась сердешная.

— Ахъ, Господи!.. да кто же пустилъ ее?—вырвалось у Дины.

— Боязно, вишь, кабы вовсе не померъ безъ помощи.. Младенчикъ, главное дѣло, чуть живой...

— На лошади хотъ привезли бы!

— Привезли бы и то, милая, какъ не привезти... А безлошадные они, какъ тутъ быть! Ничего, доплетется какъ-нибудь, Богъ милостивъ—лекарство, главное дѣло, добыть бы...

Женщина спала съ тѣмъ же обморочнымъ видомъ. Громкій говоръ не заставилъ дрогнуть ни одной черты. Муха покружилась и сѣла на щеку—поползла къ запевшимся губамъ. Это еще усилило сходство съ мертвой.

— Отчего же за Варварой не послали—вѣдь она сама пріѣхала бы въ Ведынкино!—не унималась барышня.

— Что ты! кого пошлешь въ рабочую пору!.. Въ семьѣ у нихъ—мужикъ да она. Старуха съ ребятами... тоже трое ребятшевъ, погодки... Охъ, какъ тутъ не согрѣшить!.. Словно мошकारа облѣпили... Прибралъ бы Господь, да вишь мальчишка первенкій... то все дѣвчонки у ей... Мужикъ-то больно обрадовавши парнишкѣ. Вотъ и погналъ за лекарствомъ. Не померъ бы младенчикъ.

Молодуха спала. Муха ползала по ея лицу.

Соскучившаяся баба стала рассказывать, чѣмъ боленъ ея собственный ребенокъ.

Только хотѣла было Варвара осмотрѣть дѣвчонку, а тутъ, какъ на грѣхъ, прискакалъ на лошади мужикъ изъ Мутилова... Мальчишка на носу напоролся. Варвара обождать приказывала, да вишь оно солнышко-то гдѣ!

Баба озабоченно поглядывала на небо и вздыхала.

Дина вошла въ горницы. На столѣ передъ окномъ все брошено такъ, какъ застали фельдшерницу за приготовленіемъ лекарства: вѣсы, каменная ступка, бутылочки, бумажные пакеты... Ис-

пугалась, прибирать было некогда. На кускѣ бумаги насыпана маленькая горка бѣлаго порошку.

Дина разглядывала все это съ хорошо знакомымъ томительнымъ чувствомъ. Всегда стыдно, что не понимаешь ничего, когда надо знать.

Точно въ отвѣтъ на ея мысли въ дверяхъ показалась баба, съ которой она разговаривала.

— Что я тебя, милая барышня, попросить хочу...—заговорила она вѣрадно:—дала бы ты чего-нибудь дѣвчонкѣ-то... а? Для нея вѣдь это Варвара припасла... нивого окромя и не было... Видишь, дожидаться-то больно неспособно... Квашня у меня сегодня—валить пора. Сдѣлай такую милость, пощи...

Напрасно Дина объясняла, что она и такъ ужъ все пересмотрѣла; такому маленькому ребенку ничего нельзя зря давать.

Баба все свое ладила: ейной же дѣвчонкѣ припасено, чего боится? Стало быть не вредное. Знаетъ она, чай, какіе порошки-то бываютъ... персточка махонькая, съ чего тутъ вреду быть.

Вонъ и билеты на всякой посудинѣ прилѣплены—какого еще порядку! Прочитать ты можешь вѣдь,—усовѣщивала баба.—Сказывала, порошки, молъ, дамъ—да еще воды какой-то въ локо вливать.

— Не могу, тетуська... Всею душой рада бы, да нельзя, и не проси!—отмаливалась Дина: сейчасъ, должно, быть, вернется Варвара. Подожди еще.

Баба ничего больше не сказала; тяжело вздохнула съ покорностью существа привычнаго къ отказамъ и стала тихонько спускаться съ крыльца.

Получаса не прошло, какъ подъ окномъ прогремѣла подтѣхавшая телѣга. Дина вышла на крыльцо. Молодуха попрежнему лежала, точно мертвая; но другой бабы ужъ не было.

Съ телѣги проворно соскочила средняго роста женщина въ синемъ ситцевомъ платьѣ и круглой соломенной шляпкѣ съ узкой ленточкой.

— Кого вижу! Наконецъ-то, мея вспомнила!—крикнула она весело.

Но на крыльцѣ запнулась передъ лежащей женщиной и стала оглядываться.

— Что такое? эту кто же привезъ?.. тутъ давеча другая осталась меня ждать.

Она сложила на полъ свой кожаный мѣшокъ и уже нащупывала пульсъ. Дина объяснила, что знала. Молодуха въ первый разъ открыла мутные глаза.

— Ну, да!.. всегда такъ—послать некого!.. Ну, ну... попро-

буй-ка състь, голубушка... Не можешь? Ишь, точно пьяная—опять заснула!

Варвара быстрыми движеніями взяла изъ рукъ женщины свертокъ и передала его Динѣ, а сама стала поворачивать бабу.

Свертокъ оказался мокрымъ и теплымъ, хоть Динѣ приходило на умъ, что ребенокъ, пожалуй, ужъ и умеръ.

— Давай-ка, Нада, отведемъ ее на нары, помоги мнѣ,—сказала фельдшерница, выпрямляясь:—тутъ я не могу. Водки ей, что ли, готовъ дать съ молокомъ. Все равно, его сунь пока куда-нибудь, благо молчить.

Черезъ нѣсколько минутъ молодуха лежала вытянувшись на нарахъ съ клеенчатой подушкой подъ головой, и никакія продолѣваемые надъ нею манипуляціи не могли заставить ее очнуться. Такъ и начали спящей вливать въ ротъ молоко съ водкой.

— И лучше! На яву она, навѣрное, выплюнула бы микстуру твою,—шутила Дина.

Въ кухнѣ стряпуха раздувала самоваръ для ванны ребенку. Если только позволяло время, фельдшерница не отпускала грудныхъ ребятъ, не выкупавъ; заставить мать купать при себѣ и учить, объясняетъ. Кусокъ мыла дастъ съ собой и бѣлья, когда есть въ запасѣ. Да бѣлье у нея рѣдко когда переводится—барыни доставляютъ со всей округи. Варвара сама всѣхъ ихъ объѣзжаетъ для этого.

Не раньше какъ часа черезъ полтора увезли домой ведынкинскую молодуху, обмытую, сытую и хоть мало-мальски оправившуюся послѣ спокойнаго сна.

Варвара сама куда-то сбѣгала выпросить лошадь и живехонько подватила къ крыльцу на ворохѣ свѣжаго сѣна. За вчера правила сухая высокая старуха. Вольная была такъ слаба, что едва ли сознавала вполнѣ, что съ нею дѣлаютъ.

— Ты, бабушка, поглядывай, какъ бы ребенка не вытрясти!—крикнула Варвара въ догонку.

Дѣвушки стояли на улицѣ, пока телѣга не скрылась изъ глазъ; фельдшерница велѣла ѣхать шагомъ, пока начнется гладкая дорога. Дина чувствовала какую-то особенную успокоительную усталость отъ этой непривычной возни.

— Гдѣ ты такъ скоро лошадь добыла?—спросила она, возвращаясь на крыльцо.

Варвара нахмурилась и повела плечами.

— Что ужъ тутъ.. спрашивать! А какъ быть-то, коли она идти совсѣмъ не можетъ?.. Вотъ поѣду въ Ведынкино... надеру бороду глупому мужику!—крикнула она вдругъ, сильно краснѣя, и побѣжала по ступенькамъ.

„Ну, такъ и есть! Ведерникова лошадь“, — разрѣшила про себя вопросъ Дина.

Изъ кожи лѣзетъ, угождаетъ писмоводитель земскаго.. Началось съ естественнаго пріятельства двухъ хорошихъ людей, одинаково всѣми своими чувствами и помыслами ушедшихъ въ жизнь деревни—а тамъ, что мудренаго, если потянуло къ теплому личному уголку, среди окружающаго мрака и холода... Пора бы ужъ имъ и рѣшиться!

Однихъ лѣтъ, немногимъ развѣ онъ помоложе Варвары. Два курса гдѣ-то въ университетѣ прослушалъ—и выплеснуло поднявшейся волной въ безбрежное народное море... Динѣ Ведерниковъ нравился. Только Варвара за послѣднее время стала такъ чувствительна къ малѣйшему привосновенію, что сейчасъ для ея пріятельницы не вполне ясно, насколько у нихъ дѣло подвинулось. Обѣ онѣ не охотницы до изліяній, понимать умѣютъ и безъ словъ.

Не совсѣмъ ладно то, что дружба эта все больше и больше превращается въ общественное достояніе; всякій, у кого есть дѣло до земскаго, лѣзетъ къ фельдшерницѣ съ просьбой «замолвить словечко Митричу»—извѣстно, что такое деревенская нужда: стоитъ разъ копнуть, и не отвертисься.

— Придется мнѣ сбѣжать изъ вашего Проѣзднаго, такъ вы и знайте! Ничего другого не останется!—грозила Варвара въ минуты досады, когда никакими доводами ей не удавалось втолковать, что все это вовсе не ея дѣло, что она не имѣетъ права осаждать вѣчными просьбами чужого человѣка.

Станетъ кто-нибудь церемониться съ душевной бабой! И Дина видѣла, какъ сама Варвара втягивается въ свою новую дополнительную роль... Что-ли ужъ обвѣнчались бы скорѣе!

Когда телѣга скрылась изъ глазъ, дѣвушки усѣлись допивать чай, которымъ поили больную. Варвара велѣла старухѣ припугнуть не жалѣючи домашнихъ: пускай думаютъ, что молодуха и сама помираетъ.

— Иначе никакого ухода не добьешься, знаю я ихъ! Того и гляди—черезъ недѣлю на покосъ погонять. Да и какая же это ложь? Тутъ развѣ поручишься за что-нибудь!..

— Ну, а какъ по-твоему, червячокъ выживетъ или нѣтъ?—спросила Дина, не въ силахъ оторваться отъ жалкаго до безразличности впечатлѣнія хилаго трехдневнаго ребенка.

— Кто-жъ его знаетъ! Коли мать оправится, будетъ у нея молоко, тогда, пожалуй, и выживетъ. А коли она разболѣется, такъ, разумѣется, на рожеѣ такого не вырастишь. Надавала я ей всего, да вѣдь она точно пьяная, навѣрное ничего и не запомнила. А завтра мнѣ никакъ не попастьъ въ Ведынкино. Что-то еще съ моимъ мальчуганомъ будетъ! Не сталъ бы лихорадить ночью...

— Завтра я могу сходить въ Ведмыкино взглянуть на нее, — предложила Дина.

Всякій разъ, когда Варвара въ ея присутствіи принимаетъ больныхъ, Дина проникается увѣренностью, что это самое настоящее дѣло въ деревнѣ — ничего другого дѣлать не стоитъ. И станетъ сейчасъ скучно, беспокойно на дунѣ... Точно въ дорогѣ, когда не знаешь навѣрное, не ошибся-ли поворотомъ. Но сегодня въ первый разъ Дина чувствовала себя на вольномъ просторѣ.

— Слушай-ка, Варвара Тихоновна! Не хочешь-ли ты принять меня въ ученицы? — заговорила она страннымъ голосомъ, не то посмѣиваясь, какъ будто пробуя, а глаза горятъ серьезнымъ вопросомъ и стали совсѣмъ темные.

Варвара ждала, что будетъ дальше.

— На лѣтніе мѣсяцы буду тебѣ и помощницей. А зимой по твоимъ книжкамъ долбитъ... Ужъ будто невозможно? Не вѣрю. Сколько-нибудь да научишься.

Фельдшерица качала въ раздумьи головой.

— Ну, ужъ это что за наука! Въ Петербургъ поѣзжай, поступи на курсы, какъ слѣдуетъ.

Вотъ и дошелъ чередъ до Дининыхъ дѣлъ. Между возней съ больной и съ ребенкомъ Варвара успѣла только спросить про болѣзнь Анны Петровны и пріѣхалъ-ли Сая.

— Нѣтъ ужъ... Петербургъ теперь навсегда прощай! — отвѣтила Дина потише, медленно набравъ во всю грудь воздуха: — ты не знаешь, съ чѣмъ я явилась... Примешь въ жилицы бѣгланку? На нѣсколько дней...

Варвара пихнула чашку и поднялась со скамейки. Щеки ея краснѣли и она начала часто мигать, какъ всегда, когда волнуется.

— Погоди... Я вѣдь что-то уже слышала, да подумала, что вранье... Скандаль съ Ларисой? Стало быть, правда?

— Тебѣ кто сказалъ?

— Раиса прибѣгала нарочно... Еще бы у насъ не провѣдали!

— Само собой...

— Да нѣтъ... Мнѣ, вѣдь, и самой говорили! Что же это я молчу... Совсѣмъ изъ ума вонъ...

Дина видѣла, какъ она волнуется, безъ надобности передвигая по столу посуду.

— Сейчасъ расскажу. Садись на мѣсто, пожалуйста, Варвара! — попросила она, бессознательно раздражаясь этими ненужными движеніями.

— Нѣтъ, дай сначала сказать, кто мнѣ-то говорилъ...

Дина произительно глядѣла ей въ глаза.

— Савелій?

...Какую штуку-то парень выкинулъ: въ садикѣ у нея подъ

яблоней спать растянулся! Пришелъ въ Прѣздное ночью, шумъ поднимать, въ домъ куда-нибудь проситься не захотѣлось, а ея садикъ хорошо знакомъ. Да, вѣдь, какъ разоспался съ усталости: кругомъ все поднялось, а онъ, знай, задуваетъ, накрывшись армякомъ! Одни сапоги торчатъ...

Варвара добродушно хохотала, рассказывая утренній переполохъ. Разумѣется, она тогда же повидалась съ Ведерниковымъ и пересказала теперь Динѣ весь разговоръ. Всячески надо постараться уломать старика, все равно земскій потребуеть этого.

— А знаешь... Что ли намъ вдвоемъ напасть на него? Авось одолѣемъ... Какъ думаешь? — предложила Варвара, неожиданно.

У Дины даже сердце забилось отъ радости. Но показать этой радости не могла. И просить Варвару, чтобы она пошла съ нею къ Алексѣевымъ, сама она ни за что не стала бы... Можетъ быть, та и теперь уже знаетъ всю Ларисину низость? Ей казалось, что Варвара чего-то не договариваетъ въ своихъ рассказахъ. Казалось, что и планы ея Варвара выслушиваетъ озобоченно, свое думаетъ въ это время... Дина, напротивъ, рассчитывала на самое горячее сочувствіе.

— Ну, вотъ тебѣ мои дѣла. Что-жь это ты нахохлившись сидишь? Неужели и въ самомъ дѣлѣ вообразила, что я уѣду въ Петербургъ? — спросила она, а губы сами собой скривились въ недовѣрчивую усмѣшку.

— Да кабы была возможность...

— Ахъ, пустяки какіе! — перебила Дина сердито: — до какихъ же это лѣтъ все только готовиться?! Учительница-то я и сейчасъ буду не хуже другихъ. И лечить сколько-нибудь сама научусь — это непременно хочу! Добьюсь. Увидите. Вѣдь, гдѣ ничего нѣтъ, тамъ всякая кроха въ чистую прибыль... Главное — изъ нашего выморочнаго дома выбраться.

— Господи... да развѣ я не согласна съ тобой!? — прошептала какъ-то жалостливо Варвара.

— Казалось бы!

— Конечно, ты права. Нужда во всемъ одинаковая. Большого вылечить въ такихъ условіяхъ, пожалуй, труднѣе еще, чѣмъ здоровыхъ жить учить... что тутъ и говорить! Денегъ тебѣ должны же дать сколько-нибудь?

Денегъ Евгенія Петровна передала отъ себя сто рублей черезъ Домну и обѣщала поговорить съ Ларисой. Видѣть Дину тетушка больше не пожелала. Съ Саней они обмѣнялись нѣсколькими категорическими враждебными фразами.

— Одну только Домну жалко, — увѣряла Дина, — совсѣмъ бѣдная старуха осиротѣла.

Разрыва съ братомъ Варвара не понимала. Дина говорила что-то неясное, скользя поверхъ сути...

„Ну, не бѣда, съ Саней скоро помирятся, мало ли какъ родные ссорятся!“—утѣшала себя Варвара и не стала растревать свѣжей раны бесполезными разпросами.

А Дина чувствовала, что пока съ Варварой не поговорить по душѣ, до тѣхъ поръ и тутъ не можетъ быть настоящаго лада... „И отчего только раньше не говорила, до этой проклятой исторіи!“ раздражалась она на себя, забывая, что до „исторіи“ какъ будто и не о чемъ было говорить... То, что теперь всплывало наружу, росло и крѣпло незамѣтно въ душевной тишинѣ.

Обѣ дѣвушки думали объ одномъ, но разговоръ вертѣлся на предстоящихъ хлопотахъ въ городѣ, на шансахъ теперь же устроить Алексѣева въ семинарію. Варвара знала, что въ управѣ недовольны двумя учителями, значить почти навѣрное Динѣ удастся устроиться въ уѣздѣ. Фельдшерца наставляла своей житейской опытностью, какъ „умненько“ взяться за дѣло; членовъ управы и попечителей она знала, а кое-кому могла и письмо написать. И съ барынями нѣкоторыми знакома по своей акушерской практикѣ.

— Барыни всегда пригодятся, ими отнюдь не брезгуйте!—поучала она зажорскую диварку:—отказу имъ не бываетъ, да и просить ничего не стоитъ, между болтовней... Охъ, всѣ-то они одинаковы! Только бы угадать того человѣчка, кому отказу быть не можетъ, тогда всякое дѣло въ шляпѣ. Съ волками жить...

Дина строптиво мотала своими тяжелыми косами.

— Богъ съ ними совѣмъ, не гожусь я ни для чего подобнаго. Только бы до школы добратся! Забьюсь въ глушь, съ мужиками... Хорошо бы къ тебѣ поближе попасть, да врядъ ли!.. Выбрать не приходится...

Варвара стала доказывать, что не одни мужики, нынче вездѣ люди есть. По мызамъ живутъ круглый годъ не хозяева, такъ управляющіе, арендаторы — было бы время по гостямъ развѣзывать! Свѣзды учительскіе налаживаются. Есть одна учительница особенная... Въ Липовѣ... горе—чахоточная, бѣдняжка, не на долго ея хватить.

— Такая, знаешь... кристалликъ! Свѣтится... Ребятишки обожаютъ ее. Бабы сами очередь завели, во всякую пору бѣгутъ спроситься, что подѣлать для нея. Стираютъ, полы вымоютъ. Натощать всего... яиць, ягодъ. Богъ знаетъ, какъ она существуетъ: половину жалованья отсылаетъ, братишка маленькій у нея гдѣ-то воспитывается. Протянетъ ли еще годъ... Хроническій процессъ.

Опять Варвара не могла смирно сидѣть на мѣстѣ.

— Мнѣ только то и больно, что отсюда въ Липовку не по-

падешъ, цѣлое путешествіе! Къ доктору она обращаться не станетъ. Знаешь, терпѣть не можетъ говорить о своей болѣзни... Бойтся... Насильно заставляла ее принимать разныя разности, подъ видомъ увѣрляющихъ средствъ, благо она въ медицинѣ ровно ничего не смыслить. Такъ и свалится—увѣренная, что это сущіе пустяки, что черезъ недѣлю снова станетъ на работу... Еслибъ ты знала, Надя, какая жалость!..

Варвара стояла у перилъ и глядѣла въ пустую улицу.

— Липовка? — повторила Дина. — Отчего ты до сихъ поръ никогда не говорила про нее?

— Что толку!.. Видишь... говорить объ ней не могу...

— Можетъ быть, я попаду близко къ Липовѣ.

— Ахъ, дай-то Богъ! Я взяла съ нея честное слово, что она мнѣ напишетъ, если серьезно расхворается, да на нее нельзя надѣяться. Умирать къ себѣ ее возьму.

Грустный разговоръ прерванъ былъ появленіемъ новыхъ больныхъ; опять бабы съ ребятишками. Послѣ обѣда Варвара собралась въ Мутиловку; не терпѣлось поглядѣть раненаго мальчика. Она не была увѣрена, что можно обойтись безъ вызова доктора, а ужасно ей этого не хотѣлось. Звала съ собой и Дину, но та отказалась; лучше она пошлетъ что-нибудь тѣмъ временемъ; какая-нибудь польза отъ нея будетъ. Варвара не стала настаивать.

Савелій каждую минуту могъ явиться съ докладомъ Варварѣ Тихоновнѣ о томъ, что ему сказали въ волости. Удивительно, отчего Савелій не идетъ такъ долго?..

Дина усѣлась на крылечѣ и принялась сметывать серую ситцевую кофту на дѣвочку лѣтъ десяти. Фельдшерца ухитрялась урывками учить шить дѣвочекъ, а кроить должна была всѣмъ франтихамъ новомодныя корсетки съ широкими рукавами,—пребезобразныя.

Славно теперь на крылечѣ! Жара спала. Ясная заря догораетъ въ безоблачномъ небѣ. Ласточки... Много ласточекъ кружатся высоко, высоко... Вдругъ стремительно выдуются внизъ, такъ низко, что чертятъ землю острыми крылышками... И снова взмываютъ вверхъ съ веселымъ чириканьемъ.

На селѣ пригнали стадо. Телячьи позвонки... ласковое протяжное мычанье... радостный ребячій визгъ... сердитые окрики женскихъ голосовъ...

Двѣ широкобокія и круторогія матроны коровьяго рода медленно пробирались къ своему двору мимо крылечка, важно поводя головой и широко разставляя ноги. За ними семенила молодая дранная коровенка и описывала зигзаги по улицѣ для того, чтобы держаться на почтительномъ разстояніи отъ спѣсивыхъ

аристократокъ. Не дали ей, бѣдной, ни дорости до полного роста, ни красоты нагулять въ теллахъ—призвали невзрачнымъ заморышемъ справлять службу главной деревенской кормилицы.

Коровенка остановилась противъ крыльца, подняла молодую мордочку съ маленькими, прямыми рожками и поглядѣла на Дину любопытными глазами.

Не шибко подвигалось шитье ситцевой кофты. Дина разглядывала коровъ, прислушивалась къ хору знакомыхъ звуковъ, слѣдила съ нѣжностью за вольнымъ воздушнымъ танцемъ. Вотъ этихъ черно-бѣлыхъ красотокъ ни за что и не отличишь одну отъ другой—всѣ, какъ одна! Нѣтъ на нихъ ровового клейма близости къ человѣку—клейма хозяина: его богатства и могущества или нищеты и ничтожества... Только то и свободно отъ проклятаго клейма, что не погодилось ему ни въ пользу, ни въ праздную забаву.

Дина долго любовалась на ласточекъ съ захватывающимъ чувствомъ предвкушенія свободы.

...Скоро, скоро и она заживетъ на полной своей волѣ! За живымъ, неисчерпаемымъ дѣломъ. Такимъ дѣломъ, которое все растетъ, ширится само изъ себя, какъ забьетъ неудержимо живой ключъ, когда найдена настоящая жила...

Но думать о томъ, какъ она устроить эту новую жизнь, она не можетъ безъ того, чтобы въ мысляхъ ея не мелькалъ образъ Барбары, съ всегда яснымъ, внимательнымъ лицомъ, съ проворствомъ безъ суеты, съ этимъ неуловимымъ женскимъ умѣниемъ создавать порядокъ и благообразіе... Все въ ней самой, и въ приемахъ ея дѣятельности, и въ домѣ ея—все Динѣ нравится, и не просто нравится, а какимъ-то напряженнымъ, дѣятельнымъ чувствомъ. Въ немъ тревога... можетъ быть, даже безотчетная зависть...

А теперь надо всѣмъ преобладаетъ жажда узнать, какія мысли у Вари... и обида на себя за то, что предстоящій разговоръ ее смущаетъ... О! до чего вся эта чепуха заразительна! И Савелій, конечно, такъ не волновался бы, еслибъ она относилась къ нему совсѣмъ попрежнему... Сколько она нервничала все это время! Точно къ нимъ же поддѣлывалась. На немъ ни за что, ни про что обида срывала... И въ ней они подняли цѣлую смуту.

„Помѣшать хотѣли, а вмѣсто того только помогли!“ подумала вдругъ Дина.

Съ изумленіемъ она прислушивалась къ себѣ: что это? какъ будто выскользнуло изъ сердца недавнее возмущеніе? Савелій для нея не прежній школьникъ, но она можетъ думать объ немъ безъ смутныхъ раздраженій послѣднихъ дней. Разсѣивается, что-то

искусственное, унижительное, державшее въ своей власти... Въ ея ощущеніяхъ какъ будто отстоялся мутный осадокъ... Опять можно открыто отдаваться искреннимъ чувствамъ.

„Это оттого, что я съ Варей—другимъ, вольнымъ воздухомъ дышу! Оттого, что ушла изъ затхлаго угла!“ думала Дина.

XII.

Варвара вернулась изъ Мутиловки озабоченная и сейчасъ же сѣла писать доктору; ямщикъ остался у крыльца ждать письма.

Стряпуха, босоногая баба въ затрапезномъ сарафанѣ, собрала ужинать, а потомъ втащила большой холщевый сѣнникъ и стала постилать на нарахъ постель для гостя.

— Лампу зажигать будете? Керосинъ послѣдки въ тотъ разъ вылила,—спросила она Варвару.

— Нѣтъ, Дуняша, не надо лампы, — отвѣтила Дина за хозяйку.—Ляжемъ пораньше... правда? Отчего-то я устала сегодня...

День казался ей необыкновенно длиннымъ. Далеко отошелъ туманный разсвѣтъ жаркаго дня, когда она проснулась въ послѣдній разъ въ своей комнатѣ съ этой особенной, жуткой напряженностью всѣхъ силъ, какая является въ рѣшительные моменты. Черезъ десятокъ часовъ она смотритъ теперь точно въ прошлое... И себя тамъ видитъ другую... Не такую, какава она сидитъ въ пріемной земской фельдшерницы и съ аппетитомъ закусываетъ творогомъ съ молокомъ.

Послѣ ужина Варвара уходила зачѣмъ-то въ Дуняшѣ въ кухню; гостя уже лежала въ своей постели, когда она вернулась, на ходу выбирая шпильки изъ косы, всегда одинаково туго-на-туго свернутой на затылкѣ.

...Особенное лицо у Варвары; вовсе па умъ не приходитъ подумать, какъ выглядитъ это лицо, да, навѣрное, никто и не думаетъ. Замѣчаешь только, какъ на тебя оно глядитъ небольшими, умными и ласковыми глазами. Еслибъ Варвару кто-нибудь назвалъ уродомъ или красивой, Дина была бы одинаково этимъ возмущена.

Съ вечера у фельдшерницы всегда много дѣла, для того, чтобы не хвататься утромъ, когда начнутъ теребить во всѣ стороны. Случается иной разъ, что по нѣсколько дней не удосужится косы расчесать.

Она двигалась взадъ и впередъ по двумъ комнатамъ своими пріятными движеніями, живыми, безъ раздражающей торопливости. Приводила въ порядокъ дневныя записи въ большихъ книгахъ; упорно что-то разыскивала въ шкафу и на полкѣ надъ Дининой головой; переливала, отцѣживала и взбалтывала какія-то слякки.

Подруги все время молчали. Только когда Варвара убралась и перенесла свѣчку въ спальню, Дина освѣдомилась возбужденнымъ голосомъ, очень ли хочется ей спать?

— Нисколько!—отвѣтила она поспѣшно.—Да я и не умѣю спать, когда есть что-нибудь на душѣ. Кстати: ты не испугайся ночью въ случаѣ чего... Я велѣла пріѣхать за мной, если бы появился бредъ.

— Поговорить хотѣлось бы, да вотъ не встаети; на умѣ у васъ свое...—выговорила нерѣшительно Дина.

— Что вы—напротивъ! Я ужасно рада... А свое—такъ вѣдь тутъ все равно впередъ не угадаешь, сдѣлается бредъ или не сдѣлается, сколько головы ни ломай... Поговорить необходимо... скрытная вы, Дина!..

Въ серьезныхъ разговорахъ онѣ всегда, точно по уговору, переходятъ на „вы“.

Варвара не вышла изъ спальни, только подвинулась ближе къ двери. Свѣтовое пятно на полосатомъ половикѣ сдѣлалось вдвое меньше.

„А сама ты не скрытная?!“ подумала Дина обидчиво. Но чтобы сейчасъ же не уклониться въ сторону, на этотъ разъ, такъ и быть, уличать не стала.

— Очень вы... осуждаете меня? — спросила она невольно удивленнымъ голосомъ.

Варвара опять переѣстилась,—должно быть, присѣла около двери. Тѣнь сплыла съ свѣтлаго пятна, и голосъ зазвучалъ явственнѣе.

— Вы про брата? Дина, я увѣрена, что это не надолго. Слишкомъ нелѣпо такъ разойтись! Вотъ вы, Богъ дастъ, устроитесь...

— Нѣтъ, я не про то спросила, — остановила ее Дина. — Такъ по вашему разойтись нельзя? Ну, а если вся жизнь должна пойти совершенно разными дорогами? Онъ, кажется, — не знаю! — но право мнѣ показалось, что великолѣпная тетуська желаетъ вскружить ему голову, если еще не успѣла!

— Ай-ай-ай!.. Вонъ обиды-то къ чему приводятъ! Мало вамъ и безъ этого?—укоряла невидимая собесѣдница.

Динѣ не хотѣлось спорить на эту тему. Да и какъ можетъ Варвара судить, если она ничего не видала?

Нѣсколько минутъ онѣ молчали, раздѣленные тонкой перегородкой. Каждая чувствовала, что и другая, также какъ она, въ эту минуту ищетъ пути къ мудреному вопросу.

Дина приподнялась на локтѣ.

— Вара! Что сдѣлали бы вы на моемъ мѣстѣ?.. Вѣдь не остались бы жить съ Ларисой...

— Я-то?! Да, само собой, поступила бы точь въ точь, какъ вы: терпѣла бы только для матери, пока было нужно. Ни минуты дольше.

— Ну, а Савелія тянули бы продолжать учиться?

— Это вы къ чему же спрашиваете?..

— Хочу знать, какъ вы поступили бы на моемъ мѣстѣ, — повторила настойчиво Дина.

На этотъ разъ Варвара отвѣтила не сразу.

Дина опять легла на спину и закинула обѣ руки за голову. Во всемъ тѣлѣ отдаются толчки сердца, рѣдкіе и сильные, точно удары беззвучнаго колокола.

— Ого! Какъ вамъ, однако... трудно на это отвѣтить! — проговорила она черезъ минуту сквозь зубы.

Свѣтлое пятно перебѣжало вверхъ, съ половника по шкафу на оклеенный бѣлой бумагой потолокъ. вмѣстѣ съ этимъ Варвара вошла въ приемную и заходила взадъ и впередъ между печкой и дверью.

— Видите-ли Дина, заговорила она очень серьезно, — вы и я — слишкомъ большая разница.

Дина рѣзко повернулась на своихъ ногахъ.

— Для третьяго лица все равно, если даже и разные!

— Такъ-ли это? На вашемъ мѣстѣ я — вотъ, какая я есть сейчасъ... можетъ быть, Дина, я чувствовала бы себя очень счастливой.

— Да, вѣдь, и я, въ сущности, счастлива! — точно невольно вырвалось у Дины.

Варвара остановилась.

— Да... право, счастлива! — не совсѣмъ свободно смѣялась Дина: — безъ этихъ скандаловъ, Богъ знаетъ, когда бы еще я вырвалась.

Варвара подошла къ нарамъ.

— Ну, это отлично! Отлично. А только боюсь, что долго еще всему будетъ мѣшать ваша гордость. Не даромъ же вы внучка знаменитаго безобразника.

...Гордость...

Дина вдругъ ощутила въ своемъ сердцѣ слѣдъ (точно отъ ожога) бурныхъ чувствъ, безотчетно вскипавшихъ въ немъ при каждой независимой выходкѣ ея ученика... Она изво всѣхъ силъ вслушивалась въ себя, точно вдругъ околѣбла вся.

Варвара снова задвигалась между дверью и печкой. Она говорила свои мысли, не выжидая возраженій.

...Жизнь какъ никакъ не казистая... Безпросвѣтная! Не можетъ въ ней быть никакихъ пріятныхъ неожиданностей, счастливыхъ поворотовъ. Плюсы свои всѣ знаешь твердо напередъ.

Годы такъ проходятъ одинъ за другимъ въ томъ, что добиваешься осуществить, отстаиваешь не на животь, а на смерть этотъ самый минимумъ, съ которымъ заранѣе помирился. И такъ навсегда! Зато препятствій самыхъ невѣроятныхъ — подлости, стихійныхъ бѣдствій—этого никакой мудрецъ впередъ не усчитаетъ! тутъ сюрпризы на каждомъ шагу возможны, урожаи самые роскошные!

— Вы меня такъ обезкураживаете, Варварушка!—вставила тихо Дина.

Та опять подошла къ нарамъ.

— Послушайте, милуша моя... молоды вы слишкомъ, жизни еще не поняжали. Совсѣмъ безъ счастья, безъ какой-нибудь душевной отрады... Охъ, тяжко! Не потому, что стойкости не хватаетъ, такъ я не могу думать про васъ. Но, вѣдь, душевное истощеніе, какъ и всякое другое—голодь! Все изъ себя, да изъ себя... Надрываетъ душу жалостью, обидой, бессильной злобой... Распатываетъ. Благодарн судьбу, коли не страстется никакихъ экстренныхъ бѣдъ, если не дрожишь ежеминутно, что тебя смететь, какъ песчинку. Такъ, вѣдь, это величины отрицательныя, убыль этимъ не пополняется!

Дина никогда не видала Варвару обезкураженной. На нее неожиданно повѣяло неприятнымъ холодомъ.

— Одиночество,—вотъ что сѣждаетъ силы! Какая бы напасть ни страшлась, все съ полгоря, когда есть съ кѣмъ отвести душу. Навричишься, выругаешься, повторишь тысячу разъ однѣ и тѣ же бесполезныя истины... Отрекаешься, клеветашь на себя—клянешь свою глупость... Охрипнешь, выбьешься изъ силъ—и уснешь, какъ мертвая. А на завтра вскочишь, какъ встрепанная, только о дѣлѣ думаешь. Перегорѣло! Но коли ты одна, все въ молчанку да въ молчанку—охъ, тогда съ иной канителью не знаешь какъ и раздѣлаться! У меня одинъ разъ разлитіе желчи сдѣлалось.

— Это съ твоимъ-то хладнокровіемъ?—воскликнула Дина.

— Хладнокровіе, милуша, *наживается*. Десять лѣтъ! Прирожденные хладнокровцы мнѣ что-то не попадались... Надо думать, что они свою жизнь иначе планируютъ. Ну, кому какая удача выпадесть! Одинъ живехонько обростеть дубленой шкурой и ничѣмъ ужъ его не проймутъ. А другой чахотку схватить, сопьется или сбѣжитъ безъ оглядки.

Дина хотѣла знать, зачѣмъ Варя ее пугаетъ? Не новичокъ она, слава Богу; что такое деревня, и сама хорошо знаетъ.

— Не пугаю. Я все это противъ вашей гордыни говорю: „Одна со всѣмъ съумѣю справиться, мнѣ никого не нужно“.

Дина порывисто сѣла на постели.

— Какая моя гордыня? Что вы заладили, Варя...

— Какже не гордость-то? Сейчасъ сказала: „Одну только

Домну жалко“... Что это, коли не гордость? Про своего Саничку, про брата, про самого близкаго человѣка...

Дина рѣзко взмахнула рукой.

— Оставьте это, Варвара! Въ угоду имъ я не могу Савелія кинуть на подорогѣ.

„Ну, наконецъ-то!“ — воскликнула мысленно Варвара. Она присѣла на краешѣ постели.

— Вы это самое сказали Александру Иванычу?

— Это самое.

— Ну и что же онъ? Нѣтъ, навѣрное, вы не такъ сказали, какъ надо... Вонъ, вы даже и со мной не можете просто говорить!

Дина зашевелилась, точно сейчасъ прочь соскочить съ постели. Варвара ласково придержала ее обѣими руками.

— Ну, ну, лежите! Чего топорщитесь? Я, именно, хочу просто говорить... Сами не даете, да на меня же и злитесь... Сейчасъ оно и видно, что ни тѣни гордости!

Дина, пристыженная, усиливалась утишить свое сердце.

Варвара объявила, что она сама побесѣдуетъ съ Саней; они какъ сбѣпятся съ перваго шага, такъ потомъ ужъ каждое слово за оскорбленіе идетъ... Знаетъ она ихъ довольно!

— Ужъ не прикажете-ли оправдываться?—крикнула Дина.

— Ну, а еслибъ Лариса сказала, что вы у нея украли что-нибудь? Стали бы вы оправдываться? — спросила Варвара неожиданно.

— Вы съ ума сошли!

— Выходить, что нельзя оправдываться, пусть думаютъ, что украли. Нѣтъ, по моему стыдъ это—надо всѣмъ проклятая гордость! Самый близкій человѣкъ честнаго разговора не стовтъ...

Обязанъ вѣрить... Мало бы что! Всякій человѣкъ въ иную минуту можетъ голову потерять... Я не потеряю, потому что во мнѣ нѣтъ гордости, я прямо приду и буду просить: милуша, дорогая, объясни ты мнѣ, ради Христа... А Саня вашъ и всѣ вы, царьки зажорскіе—храни Господи! Оскорбленіемъ кловочете, въ дребезги другъ друга разнести нипочемъ!

— Какіе есть!

— На здоровье. Да только у насъ-то, у насъ вы, *такая*, на что будете годна?! Коли учительницѣ со всякимъ оскорбленіемъ считаться, коли въ деревнѣ самолюбіе свое первѣе всего ставить... Дина, ты вѣдь умница! — какъ ты не сознаешь, что лучше сразу камень на шею навязать, да и въ озеро.

Послѣ этого Варвара долго шагала молча по комнатѣ. Дина упала назадъ въ подушки и вся вытягивалась, вытягивалась... Пока не почувствовала рѣзкую боль въ колѣняхъ.

— Простите, Дина, — заговорила фельдшерница угрюмо на

ходу:—не надо такъ несдержанно... Да еще послѣ собственнаго хвастовства.

Она остановилась надъ нарами, крѣпко притискивая къ груди скрещенныя руки.

— Я бы и нечаянно не выговорила такихъ словъ, если-бъ я не вѣрила въ тебя, Дина! Да, всѣми силами вѣрю, что ты можешь страхнуть съ себя весь этотъ хламъ, если только захочешь.

Дина смотрѣла на нее изъ темноты блестящими глазами.

— И тогда, Дина, напротивъ, ты будешь самымъ подходящимъ человѣкомъ... Смѣлая, упрямая—такихъ-то и нужно! Таковую не всякая шука проглотить — поперекъ горла станетъ, ха, ха, ха!.. Эта хваленая мягкость — расплывчатость на всѣ стороны—хоть и вовсе ея не надо! Вреда, пожалуй, больше, чѣмъ пользы.

Отвѣтъ на эту тираду былъ самый неожиданный. Дина однимъ стремительнымъ движеніемъ спрыгнула на полъ.

— Ну, ты, скажу я тебѣ, сама не знаешь, чего хочешь!—вскрикнула она задорно и начала рыться въ платьѣ, сложенномъ на стулѣ.

— О-о-о!..

— Да, ужъ, такъ, матушка! Ты думаешь, что гордость—не сила? Думаешь, что есть сила безъ гордости?..

— Есть, есть разумѣется!..

Дина торопливо завязывала тесемки отъ ситцевой юбочки и перебирала на половикѣ маленькими голыми ногами.

Варвара даже не спросила для чего она одѣвается, будто такъ и надо было.

— Ну, такъ то святые, объ нихъ и говорить незначѣмъ!—кивнула Дина съ увѣренностью.—И гордость разная бываетъ... Кто тебѣ сказалъ, что моя гордость—глупая?

— Такъ отчего же ты не можешь принять всего такъ, какъ оно есть?

Послѣ этихъ словъ Варвара успѣла скрыться въ свою спальню, прежде чѣмъ Дина освѣдомилась, что это означаетъ.

— Чего это я не могу принять?

— Да хотя бы Савелія.

Можетъ быть, единственно оттого, что ей такъ давно хотѣлось говорить съ Варварой—рѣшительное наступленіе на этотъ разъ сошло безъ врыва. Варвара какъ бы прорвалась сразу глубже повышенно-чувствительной поверхности, какъ острый ланцетъ вонзается въ живую ткань почти безъ боли.

Дина только вся насторожилась, какъ-то по новому.

Босыя ножки описывали зигзаги по жесткому половнику, и

она высоко вскидывала ихъ, чтобы чувствовать сильнѣе пріятную свѣжесть. Въ оконное звено, затянутое проволочной сѣткой, тянуло ночной прохладой. Снаружи что-то билось о сѣтку, какое-нибудь крупное насекомое.

— Ну! комары всё сюда забились на свѣчу!—вскрикнула изъ спальни Варвара.

И Динѣ стало еще легче отъ этихъ обыденныхъ словъ. Она подошла къ двери и поглядѣла, какъ Варвара охотится на комаровъ, старательно наставляя ладони.

— Какъ тебѣ показался вчера Савелій?—спросила Дина спокойно.

Ладони громко щелкнули.

— Вчера?—повторила машинально Варвара, еще не рѣшаясь мѣнять новому тону.

— Ну, утромъ сегодня, все равно!—поправилась Дина.

— Возбужденъ сильно, но очень несчастнымъ мнѣ онъ не казался. О семинаріи мечтаетъ... На тебя надѣется.

— А какъ сошло съ отцомъ? Могъ бы онъ мнѣ хоть записочку прислать. Плохо, небось?

Варвара вздохнула.

— Побилъ!?. Не можетъ быть!..

Кровь тяжело кинулась ей въ лицо.

— Н-ну... не страшная это бѣда!—усмѣхнулась неожиданно фельдшерица.

Варвара спокойно объясняла: не считаться же со старикомъ-отцомъ въ такихъ дѣлахъ!.. Савелій другого и ждать не могъ. Да, пожалуй, теперь переговоры проще вести будетъ... Во-первыхъ, патриархъ сорвалъ свое сердце, значить ему легче стало рассуждать; во-вторыхъ, передъ сыномъ все-таки чувствуетъ себя не совсѣмъ ловко

— Ничего... мы еще подыграемъ на этой стрункѣ!—философствовала добродушно Варвара.—Парнемъ всё семейные гордятся, хоть и грызутся. Теперь всё какъ бы въ долгу передъ нимъ.

— Неожиданная апологія битія!—воскликнула язвительно Дина.

— Ну, это какое же битіе!

„Такъ вотъ почему Савелій глазъ не показалъ сегодня!“ быстро соображала про себя Дина. „Узналъ, что я здѣсь и не пошелъ...“

Ей пріятно, что чувство оскорбленія пересиливается въ немъ даже желаніе увидѣться съ нею.

„Такъ, такъ и надо... Молодецъ Савушка! Побольше гордости, побольше!“

Варвара остановилась въ дверяхъ и смотрѣла на нее возбужденными глазами. Она тоже наслаждалась тѣмъ, что несносная связанность у нихъ исчезла.

.. Не странно ли? Понять нельзя, въ чемъ заключаются эти перегородки, раздѣляющія самыхъ близкихъ людей... Почему они вырастутъ, отчего вдругъ рухнуть... Непроизвольное! Каждая душа въ свою скорлупу заключена. Минутами только истончается скорлупа, но пропустить сквозь себя другую душу не можетъ... И желать этого можно только минутами; неизмѣримо больше другихъ минутъ—когда сознаешь, что безъ скорлупы и жить не могъ бы.

Захотѣлось скорѣе, сейчасъ же воспользоваться этимъ непрочнымъ—мгновеннымъ... Иллюзіей близости.

— Дина!.. Миѣ помечтать хочется... Не все же только мрачныя картины малевать... Пугать! Сейчасъ я тоже картину вижу... Сказать какую?

Дина усмѣхнулась и подвинулась ближе въ свѣтлую полосу.

— ...Что будетъ сегодня, двѣнадцатаго іюня—лѣтъ... лѣтъ черезъ пять, шесть?.. Ну, что?..

— Будутъ ваникулы... Ты будешь въ гостяхъ у меня, а не я у тебя.

— Совсе не у тебя! Мы будемъ съ тобой обѣ въ гостяхъ у нашего пріятеля и сослуживца, учителя Алексѣева... Будемъ чаевъ попивать гдѣ-нибудь на училищномъ огородѣ... Яростно споримъ! Онъ слово за слово отстаиваетъ собственные педагогическіе взгляды противъ тебя, своей учительницы и законодательницы. Вѣдь каждый мужчина во сто разъ самонадѣяннѣе нашего брата! Не даромъ же твой Савушка еще и читать путемъ не выучился, а уже критиковалъ, что учебники „худо сдѣланы“. Кудрявая башка кипитъ планами, планами... Земляки величаютъ его Алексѣичемъ... Отецъ Гаврилъ сажаетъ въ розговѣнье на почетное мѣсто.

По лицу Дины блуждала слабая улыбка.

— Ну, что? Хороши мои мечты?.. И это все—все сдѣлала ты, моя гордая боярышня, воспитанная въ самыхъ заворузныхъ предразсудкахъ...

Варвара взяла ее за обѣ руки—развела ихъ во всю длину и опять свела вмѣстѣ нѣжнымъ и торжествующимъ жестомъ.

— О, да!.. вотъ такъ стоять жить на свѣтѣ—стоять! И вѣдь это только первый номеръ. Много другихъ будетъ, пожалуй, и еще почище. Но, Дина, этотъ-то первый... это вѣдь не только твой ученикъ! Беззавѣтно, навѣки преданное тебѣ сердце. Вотъ чего не искалъ какъ-нибудь изъ гордости... Жаль было-бы! Вѣдь

туть живая душа складывается... вырастаетъ на твоихъ глазахъ... Побережь ее надо!

— А это развѣ... не страшно?..—донесся голосъ Дины изъ глубины комнаты, куда она вдругъ выскользнула изъ рукъ Вари.

Барвара пошла за ней. Дина распахнула дверь, и дѣвушки вышли на крыльцо, какъ были, полураздѣтыя, разгоряченныя разговорамъ.

Живая тишь гѣтней ночи разливалась прозрачнымъ зеленымъ сумракомъ въ безоблачномъ небѣ: притаилась въ задумчивыхъ силуэтахъ неподвижныхъ деревьевъ, сгущалась по-низу пятнами влажной тѣни.

Маленькія сѣрыя избенки вытянулись унылой деревенской улицей, сливаясь своими совершенно одинаковыми, убогими очертаніями. Мутныя — низенькія — съ тяжелой, словно насупившейся крышей... Точно скорчились смиренно надъ пыльной и сорной улицей, съ ея нелѣпымъ кремнистымъ бугромъ по самой серединѣ. Приходится объѣзжать бугоръ каждому возу, огибаетъ его и стадо, и людская толпа. Развѣ пьяница какой-нибудь покатится съ него кубаремъ въ грязь, отплевываясь и чертыхаясь, да ребята по зимамъ катаются съ горки прямо подъ ноги лошадямъ...

Много нужно воспитать умныхъ, пытливыхъ и непримиримыхъ Савелиевъ для того, чтобы старый бугоръ, наконецъ, исчезъ, пересталъ бы тѣснить и калѣчить народъ... Родятся и умираютъ съ нимъ сѣрые обитатели сѣрой улицы, безопасно отступая передъ тѣмъ, что его, вишь ты, лопата не беретъ... Савелии сравниваютъ улицу, окопаютъ канавами, обсаждаютъ деревьями—будутъ беречь и ребятъ, и коней. Они захотятъ, чтобы домъ ихъ былъ похожъ на человѣческое жилище, чтобы онъ рисовался на божьемъ небѣ просторными и красивыми очертаніями, а не такой безформенной сѣрой кучей, гдѣ смѣшаны въ одной грязи и тѣснотѣ старый и малый, человѣкъ и скотина...

— Милуша, а ты не простудишься босая?..

— Ну, вотъ еще!..

Дина смотрѣла въ зеленое небо и вспомнила красотовъ-ласточекъ. Которая-нибудь тутъ близко подъ стрѣхой спитъ въ заботливо укрытомъ гнѣздышкѣ.

...Гдѣ ночуетъ Савелий?

Пріятель какой-нибудь проведетъ въ себѣ на сѣноваль. Завтра придетъ. Или... что коли не придетъ и завтра?.. Черезъ нѣсколько минутъ Дина уже была увѣрена въ этомъ.

— Знаешь, Варя, если онъ и завтра не покажется, я больше ждать не стану. Поѣду,—сказала Дина внезапно.

— Что ты! Отчего онъ не покажется?—удивилась Барвара.

— И прекрасно. Я очень довольна что такая наука ему — не съ гуся вода! Да и зачѣмъ намъ видѣться? Утѣшеній я совершенно никакихъ не знаю для подобнаго момента. И стыда его мнѣ тоже видѣть не нужно. Деньги могу и у тебя оставить. Сообрази, пожалуйста, когда тебѣ свободно сходить къ старику?

Такия тонкости не по душѣ ея подругѣ. Барвара такъ сжилась съ деревней, что научилась подчасъ глядѣть ея глазами.

— Только не вздумай, чего добраго, внушать, что это кровная обида! — воскликнула она съ неудовольствіемъ: — охъ, не прививайте вы своихъ болячекъ здоровымъ! Кое что, небось, и привилось уже...

„Надѣюсь!“ подумала Дина.

— Я Савелія не увижу, значить, тебѣ будетъ полный просторъ утѣшать, — сказала она иронически, — а когда съ нимъ свидимся — это будетъ уже старая исторія.

Пріятелиницы горячо заспорили. Молодые звонкіе голоса разлетались по безжизненной улицѣ. Сѣрыя нзбы смотрѣли въ пустоту своими подслѣповатыми оубонцами, и казалось, что за ними все затихло мертвымъ, непробуднымъ сномъ...

Ольга Шапирь.

К О Н Е Ц Ъ .

ПО АМУРУ И ПРИАМУРЬЮ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ 1901 года).

(Продолженіе *).

III.

Черняевскій волекъ. Зейская пристань.

Послѣ продолжительныхъ хлопотъ, пустивъ въ ходъ всевозможныя протекціи, намъ удастся, наконецъ, попасть на почтовый пароходъ, отплывающій отъ Благовѣщенска вверхъ по Амуру; насъ пускаютъ на пароходъ и, за недостаткомъ какихъ бы то ни было мѣстъ, отгораживаютъ намъ уголокъ общей столовой, ставятъ здѣсь двѣ желѣзныя койки и завѣшиваютъ эту импровизированную каюту флагами Амурскаго общества пароходства и торговли.

За десять дней, прошедшихъ со времени моего перваго прѣзда въ Благовѣщенскъ, вода въ Амурѣ упала на три фута; на тѣхъ перекатахъ, которые мы проходили при пятифудовой глубинѣ, воды осталось всего два фута, и вода продолжала убывать. Пассажировъ, взявшихъ билеты до Стрѣтенска, предупреждаютъ поэтому, что въ Покровкѣ, при входѣ въ Шилку, имъ придется пересаживаться на особо-приспособленныя для пассажировъ, буксирныя мелкосидящія баржи. Въ дѣйствительности—какъ потомъ выяснилось—пересадка произошла гораздо ниже Покровки; уже на полпути, около Черняевой, мы едва переползли черезъ перекать, а въ Черняевой застали цѣлую флотилію пароходовъ, сгружающихъ товаръ, чтобъ уменьшить свою осадку, и выяснилось, что нашъ пароходъ уже на слѣдующей пристани долженъ передать и публику, и почту на буксирную баржу.

Меня лично, однако, это уже мало интересовало. Мнѣ предстояло плыть всего только до Черняевой, а отсюда ѣхать на лошадахъ, черезъ зейско-амурскій водораздѣлъ, до Зейской пристани или просто «Зей»—«резиденція» Верхне-Амурской золотопромышленной компанія. Ѣхать предстояло почтовымъ трактомъ, въ зимнее время доступнымъ для экипажей и чрезвычайно оживленнымъ: зимою по этому тракту

*) См. «Міръ Воинъ», № 5, май, 1902 г.

проходить все движеніе—и пассажирское, и грузовое, между Амуромъ и зейскими присками, и содержатели почтовыхъ станцій, пользуясь абсолютно-монопольнымъ положеніемъ (гдѣ же больше взять лошадей среди глухой тайги!), берутъ съ проѣзжающихъ невѣроятныя деньги: за станціонный перегонъ берутъ въ горячее время до 15 рублей съ лошади и, слѣдовательно, проѣздъ на парѣ отъ Черняевой до Зен обходится до 150 рублей — почти до рубля за версту... Лѣтомъ этотъ «трактъ» представляетъ собой не что иное, какъ верховую тропу, въ дожди совершенно непроѣздную. На наше счастье, въ данной мѣстности впродолженіи почти двухъ недѣль не выпадало дождей, а потому дорога стояла относительно хорошая,—проѣздъ былъ не абсолютно невозможенъ. Движеніе по этому тракту лѣтомъ совершенно приостанавливается: и почта, и пассажиры, и грузы, все это лѣтомъ двигается отъ Благовѣщенска на пароходахъ вверхъ по Зеѣ; достаточно сказать, что, забирая верховыхъ лошадей на почтовыхъ станціяхъ, мы вездѣ получали квитанціи за номеромъ *первымъ*, и станціонные ящики подтверждали намъ, что, дѣйствительно, съ самаго конца зимы (а мы ѣхали въ началѣ іюня) по тракту не было отпущено ни одной лошади.

— Чтѣ же ты здѣсь дѣлаешь все время? — спрашиваемъ мы ящика на одной изъ станцій.

— Да чего лѣтомъ дѣлать-то, — отвѣчаетъ ящикъ, — все больше козуй стрѣляю; козуй здѣсь мнѣ о-ого. А вотъ скоро время придетъ — сѣно косить будемъ на зиму.

Почтовый ящикъ, единственный мужчина на станціи, преспокойно занимающийся охотой на козуй!

Какъ мало здѣсь считаются лѣтомъ съ возможностью появленія проѣзжающаго (почта, какъ я упоминалъ, лѣтомъ слѣдуетъ на пароходахъ), ясно показываетъ слѣдующій инцидентъ, едва не поставившій насъ въ довольно-таки безвыходное положеніе. Прѣзжаемъ мы на первую отъ Черняевой станцію и застаемъ здѣсь только женщину съ ребенкомъ, и отъ нея, къ нашему ужасу, узнаемъ, что лошади со станціи убѣжали въ Черняеву и что ящикъ уѣхалъ ихъ искать.

— Ужъ четвертый день, какъ кони убѣгли—гнусъ заѣлъ, объясняла женщина,—онъ-то сряду хотѣлъ ѣхать искать, да я все отговаривала, все думала—вернутся да вернутся кони; ну а седни видить—не ворочаются, онъ и уѣхалъ; по-оздно, должно быть, воротится...

Почтовая станція, три дня стоящая безъ лошадей! Въ частности, наше положеніе было довольно-таки трагическое: лошадей, привезшихъ насъ изъ Черняевой, мы отпустили; не найдетъ ящикъ лошадей,—и мы хоть пѣшкомъ возвращайся въ Черняеву!..

Однако, дѣло обошлось сравнительно благополучно: ящикъ съ лошадьми вернулся подъ вечеръ, такъ что мы прождали его сравнительно не долго—всего около двѣнадцати часовъ.

По картѣ главнаго штаба, водораздѣлъ Амура и Зеи заполненъ длиннымъ горнымъ хребтомъ Нюкжа. Новѣйшія изслѣдованія установили, что такого хребта въ натурѣ нѣтъ, и что водораздѣлъ представляетъ собою совершенно плоское равнинное плато. И дѣйствительно: только первые 12 или 15 верстъ отъ Черняевой намъ пришлось ѣхать сильно пересѣченною мѣстностью, съ каменистыми хребтами, поросшими превосходною сосною и лиственницею, остающеюся, за недостаткомъ людей, безъ всякой эксплуатаціи. Затѣмъ, верстахъ въ пятнадцать отъ Амура исчезаютъ хребты, и дальнѣйшій путь идетъ по плоской равнинѣ, съ едва замѣтными приподнятостями и впадинами. Приподнятости—«гривы» или «мысы»—покрыты болѣе или менѣе густыми перелѣсками изъ «россійской» бѣлой березы или лиственницы — любопытно, что столь характерные для амурской флоры дубъ и черная береза, а также кустарный орѣшникъ, очень распространенные по долинѣ Амура около Черняевой и по прибрежнымъ хребтамъ, совершенно исчезаютъ на водораздѣльной равнинѣ, чтобы опять появиться верстъ на сто сѣвернѣе, уже на побережьѣ Зеи. Мѣстами, гдѣ густой травяной войлокъ задерживаетъ снѣговую и дождевую воду, «мысы» эти болѣе или менѣе замѣтно заболочены; мѣстами, напротивъ, почва достаточно суха и могла бы хоть сейчасть поступить подъ земледѣльческую культуру. Но господствующій типъ мѣстности, по пройденной нами тропѣ, — плоскія или слегка припадистыя низины; тропа идетъ по безконечнымъ, уныло однообразнымъ «марямъ», имѣющимъ характеръ то превосходнаго покоса, хотя и по слегка заболоченному грунту, то настоящаго кочковатаго болота. Наши лошади все время то хлюпаютъ между кочками, по водѣ, то вязнутъ въ липкой грязи; сплошь и рядомъ намъ приходится спѣшиваться и въ поводу проводить лошадей черезъ особенно топкія мѣста, иногда приходится развьючивать вьючныхъ и переносить на себѣ багажъ; лошади спотыкаются, падаютъ, и мы только и думаемъ о томъ, какъ бы ноги наши остались цѣлы... Тоскливое молчаніе нарушается только свистомъ куликовъ, летающихъ надъ «марями», да кукованіемъ ютящихся по перелѣскамъ кукушекъ...

Подъ вечеръ второго дня пути, утомленные и тяжелою дорогою, и уныло-однообразнымъ пейзажемъ, злые, готовые изъ-за всякаго пустяка сдѣлаться другъ съ другомъ, мы встрѣчаемъ, наконецъ, первые за весь путь живыя существа — двухъ всадниковъ, на маленькіихъ грязно-бѣлыхъ лошадакахъ, съ рѣзко монгольскими фizioноміями, въ одеждахъ изъ звѣриныхъ шкуръ; за плечами у нихъ какіе-то необыкновенные треножники, какъ оказывается по ближайшемъ разсмотрѣніи ружья самаго первобытнаго устройства.

— Вѣдь поди-жъ ты,—замѣчаетъ нашъ ящикъ или точнѣе проводникъ: — сѣрянкой онъ порохъ запаиваетъ; выстрѣли изъ экого

ружья въ доску—пуля наваздъ отскочить; а шибко хорошо стрѣляютъ—промышляютъ всякаго звѣря.

Встрѣченные нами всадники — это манегры, название, которымъ обозначаютъ себя мѣстные тунгусы, ѣздящіе на лошадяхъ, въ отличие отъ тунгусовъ, ѣздящихъ на оленяхъ.

Почевать въ этотъ день намъ довелось не на зимовьѣ (станціи), а въ открытомъ полѣ, около небольшой рѣчки Цагаяна. Довольно широкая долина, усаженная небольшими группами то сосны, то лиственницы, занявшеяся, главнымъ образомъ, по боуге выпуклымъ «мысочкамъ» или «релкамъ»; долина подернута тонкимъ вечернимъ туманомъ, а въ нѣсколькихъ мѣстахъ вьются небольшіе дымки, затѣмъ расплывающіяся по долинѣ и сливающиміяся съ туманомъ. Кое-гдѣ бродятъ маленькія грязно-бѣлыя лошадки.

— Манегры,—говорить нашъ проводникъ.

И дѣйствительно, только что мы выбрали себѣ мѣсто для ночлега, не успѣли еще развести огня, какъ къ нашей стоянкѣ подошелъ сперва пожилой манегръ съ рѣденькою сѣдою бородою, одѣтый въ звѣриныя шкуры, съ широкимъ костянымъ кольцомъ на одномъ изъ пальцевъ; затѣмъ, одинъ за другимъ, четыре мальчика, рѣзко выраженного китайскаго типа; наконецъ, подошелъ крохотный человѣчекъ, лѣтъ подъ пятьдесятъ, кривой, въ одеждѣ изъ брезента и въ картузѣ,—какъ оказалось, шаманъ. Подошли, успѣли на короточки; завязался довольно оживленный разговоръ. Прежде всего, манегры заинтересовались вопросомъ, кто мы такіе? инженеръ-механики? дорогу проводимъ? или телеграфъ поправляемъ? и кто изъ насъ «старше» (т.-е. важнѣе)—мой товарищъ или я? Какъ знали, мы удовлетворили ихъ любопытство, и сами поинтересовались, какъ наши собесѣдники попали на Цагаянъ, и куда они держать путь.

— Моя на Амуръ кочевай,—объяснилъ намъ пожилой манегръ, на китайскій манеръ ломая русскій языкъ:—звѣря въ тайгѣ нѣту, козуля нѣту, сохатый нѣту, на Амуръ, сказываютъ, есть.

Разобрали мы багажъ, приступили къ чаепитію; за недостаткомъ лучшихъ подарковъ, презентовали взрослымъ манеграмъ по горсти чая, мальчуганамъ—по нѣскольку кусковъ сахара. Изъ четырехъ мальчиковъ, трое тотчасъ-же запустили въ ротъ по куску сахара и пустились бѣжать прочь. Четвертый спряталъ сахаръ за пазуху и остался сидѣть, не спуская съ насъ и съ нашего багажа своихъ большихъ, горящихъ любознательностью глазъ.

— Шибко умна,—похвалилъ мальчика шаманъ,—все знать хочетъ.

У нашего проводника или ямщика оказывается запасъ свѣжаго хлѣба—у насъ такой роскоши не было. Я прошу проводника отрѣзать намъ пару ломтей и шутя говорю манеграмъ:

— Смотри, какой русскій чиновникъ худой, у мужика хлѣбъ беретъ.

— Нѣтъ, русска войонъ хоюшъ,—возражаетъ мнѣ на это ша-

«миръ вождь», № 6, июнь. отд. 1.

манъ;—разъ возьми (ясакъ), и больше не надо; а китайскій пойнонъ когда встрѣтитъ—все албанъ *) давай. А хлѣбъ брать не худо есть. Нашъ одинъ манегръ убѣ сохатаго,—всѣ манегры ѣдѣ; у одного есть буда,—всѣ берѣ по чашкѣ; вмѣстѣ голодай, и ѣдѣ вмѣстѣ.

— А вы сами-то кто,—спрашиваемъ,—китайскіе манегры или русскіе?

— Были китай, теперь стали все русска.

— Шибко русскую водку пьютъ,—иронизируетъ нашъ проводникъ. Манегры вступаютъ въ разговоръ съ проводникомъ.

— Хозяинъ,—спрашиваютъ,—дома?

Хозяинъ—содержатель станціи или зимовья на Улангѣ, откуда мы попали на Цагаянъ, состоятельный, очевидно, человекъ, интеллигентный видъ котораго невольно обратилъ на себя наше вниманіе, пока мы мѣняли лошадей и чайничали на этомъ зимовьѣ.

— Дома,—отвѣчаетъ ямщикъ;—а вамъ чего?

— Мѣхъ, другъ, есть,—буда **) надо, порохъ надо.

— Есть все это, ступайте къ нему,—отвѣчаетъ ямщикъ.

— А почему буда?

— Четыре рубли пудъ.

— Чтò больно дорого?—вмѣшиваюсь я въ разговоръ.

— Ничего не дорого,—недовольнымъ голосомъ отвѣчаетъ ямщикъ:— буда сейчасъ на Зейской пристани по два восемь гривенъ.

Чтобы оцѣнить этотъ отвѣтъ, надо вспомнить, что Зейская пристань—прискоковый центръ, расположенный дальше отъ Амура, нежели зимовье, гдѣ манегры рассчитываютъ купить буду.

— А хорошую, спрашиваемъ, цѣну за мѣха кладетъ?

— Ничего,—нерѣшительно отвѣчаютъ манегры.

— Хорошо платитъ хозяинъ,—вмѣшивается проводникъ,—онъ вѣдь ихъ и кормитъ; кабы не онъ, они бы и живы не были, продали бы. Вѣдь вотъ въ лѣсу живутъ, звѣря промышляютъ, а мясо у него-жъ берутъ, и буду, и табакъ, и порохъ, и все.

— Порохъ, другъ, шибко худая давай,—вставляетъ шаманъ,—во все худо горѣ...

— Ладно, какого тебѣ еще пороха,—строго отвѣчаетъ ямщикъ,—ничего порохъ. А то, не хопь къ моему хозяину, ступай на Вольгу ***) къ Іону Ивановичу; онъ тамъ сейчасъ стоитъ, тоже васъ кормить станеть; можетъ у него порохъ лучше, поглянется...

Мы допивали чай и стали поговаривать о томъ, что не грѣхъ бы собираться и на отдыхъ: восемьдесятъ верстъ верхомъ по кочкамъ сильно давали себя знать.

*) Китайскій налогъ.

**) Китайское просо.

**) Рѣчка Ольга впадаетъ въ Амуръ недалеко отъ Черняевой.

— А мѣхъ не надо,—спрашиваютъ насъ манегры:—сохатинъ теле-нокъ есть, рукавицы есть. Хочешь купи?

Чтобы доставить удовольствіе манеграмъ, мы покупаемъ у нихъ пару лосинныхъ рукавицъ. Едва получивъ отъ насъ деньги, пожилой манегръ обращается къ нашему проводнику съ вопросомъ—нѣтъ ли спирта, и дѣлаетъ самую огорченную фізіономію, узнавъ, что спирта нѣтъ.

— Ну, и здоровы же они спиртъ лакать, говоритъ по этому поводу проводникъ: съ голоду мрутъ, а пьютъ; сколько на дай,—все вылакаютъ!

Мы начинаемъ раскадывать палатку; манегры съ жаднымъ любопытствомъ слѣдятъ за этою процедурой, осматривая палатку и снаружи, и изнутри. Восторгъ ихъ полный...

— Больно хороша палатка, говоритъ шаманъ,—шибко хороша. Нутро желѣзная печка поставитъ—зимовать можно.

— А вотъ ты пойдѣ къ намъ на будущій годъ въ проводники,—говоритъ мой спутникъ,—мѣста по тайгѣ показывать. Хорошо служить будешь—подаримъ палатку сверхъ денегъ.

Шаманъ въ полномъ восторгѣ отъ этой перспективы. Изъ его безсвязныхъ восклицаній выясняется, что онъ даже не думаетъ о денежной платѣ—онъ готовъ дѣлое гѣто проводить изъ-за поглянувшей ему палатки, и даже разъясненіе моего товарища, что палатка будетъ только добавкой къ хорошей денежной платѣ, оставляетъ шамана довольно равнодушнымъ.

На другое утро, вставъ до солнца, мы уже не видали нашихъ манегровъ; только издали мы видѣли вереницу, штукъ двадцать маленькихъ грязно-бѣлыхъ лошадокъ, на которыхъ частью сидѣли верхами мужчины, женщины, дѣти, частью были навьючены кожаныя юрты и другіе предметы скуднаго манегрскаго обихода.

Прощайте, случайные знакомцы... Прощайте, бѣдные обломки обреченнаго на гибель племени, отъ цивилизаціи получившіе только водку, оспу и сифилисъ, а носителей цивилизаціи видящіе только въ образѣ своихъ «кормильцевъ»—алчныхъ кулаковъ, на вашей гибели строящихъ зданіе своего богатства и благополучія...

Еще нѣсколько часовъ, сначала по болотамъ, потомъ по сухимъ, поросшимъ рѣдкогѣсьемъ «еланямъ», и измученные, злые, мы достигаемъ, наконецъ, бегеровъ Зеи.

Мы выѣжаемъ на Зею въ деревнѣ Овсянкѣ. Эта деревня—въ сущности не деревня; официально она не признана и не имѣетъ ни административнаго сельскаго устройства, ни земельного отвода. Это—просто двадцать семь дворовъ, выстроившихся въ одну линію вдоль берега Зеи. Жители этихъ двадцати семи дворовъ занимаются поставкой дровъ и сѣна на прінски Верхне-Амурской компаніи, разведеніемъ ово-

щей для сбыта на тѣ же пріиски и т. п. дѣлами. Казалось бы, что компанія должна только радоваться существованію такого поселенія. А между тѣмъ администрація компаніи почему-то много лѣтъ усиленно хлопотала объ его уничтоженіи, и нѣкоторые изъ обитателей поселка почему-то находятъ нужнымъ «для вида» заниматься земледѣліемъ. Оказывается, что на ряду съ перечисленными, официальными, такъ сказать, профессіями, жители Овсянки поголовно либо спиртоносы, либо занимаются операціями по части краденнаго золота, либо «живутъ около рабочихъ», возвращающихся съ пріисковъ...

Пришлось намъ познакомиться и съ почетнымъ обывателемъ Овсянки—владѣльцемъ прекраснаго дома съ зеленою крышей и высокими флагштоками, на которыхъ при проѣздахъ начальства взвиваются флаги. Это—господинъ въ сюртукѣ, съ быстрыми, нервными движеніями и массою «образованныхъ» словъ въ разговорѣ; въ восьми верстахъ отъ Овсянки онъ содержитъ почтовую станцію и чрезвычайно усердно занимается разными опытами по части сельско-хозяйственной культуры: сажалъ на огородѣ тыквы, картофель, сѣялъ на грядкахъ овесъ и гречиху: теперь окончательно убѣдился въ возможности произрастанія хлѣбовъ и собирается заводить около своего «зимовья» серьезную запашку. Какъ мы узнали впоследствии, господинъ этотъ былъ раньше искателемъ золота, нашелъ пріискъ, продалъ его компаніи, и теперь получаетъ за намытое золото попудную плату, которая, на примѣръ, за послѣднюю кампанію составила болѣе десяти тысячъ рублей.

Мы проходимъ, наконецъ, послѣднія тридцать верстъ, сначала по невысокимъ уваламъ и ровнымъ «еланямъ», съ рѣдкѣйшемъ то изъ бѣлой, то изъ черной березы; потомъ переваливаемъ черезъ нѣсколько довольно высокихъ хребтовъ, круто обрывающихся на Зею, покрытыхъ густою зарослью лиственницы и бѣлой березы, а по болѣе крутымъ каменистымъ склонамъ заросшихъ корявымъ дубнякомъ. Спотыкаясь на каждомъ шагу о корни или валежники, увязая въ липкой глинистой почвѣ, мы кое-какъ преодолеваемъ эти хребты, спускаемся въ широкую заливную долину Зеи, гдѣ ѣдемъ уже рысью, по ровной укатанной, широкой торной дорогѣ и, наконецъ, достигаемъ обѣтованной земли—Зейской пристави, гдѣ насъ ждетъ покойный ночлегъ и удобное дальнѣйшее путешествіе на пароходѣ.

Какъ Овсянка не деревня, такъ Зейская пристань, иначе «Зей-пристань» или просто «Зея»—не городъ, по крайней мѣрѣ пока не городъ. Это—не болѣе, какъ «резиденція» Верхне-Амурской золотопромышленной компаніи, и еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ здѣсь ничего и не было, кромѣ этой резиденціи. Теперь это большое, чисто городского типа поселеніе съ четырьмя улицами, съ восемью слишкомъ тысячами жителей и съ самыми разнообразными признаками чисто городского уклада жизни. Зейская пристань имѣетъ самостоятельный полицейскій штатъ съ пятнадцатью полицейскими служителями (въ

Благовѣщенскѣ ихъ только 12); извозчиковъ съ нумерами и таксой—по рублю въ часъ (въ Благовѣщенскѣ такса полтинникъ); на пристани есть городской—точнѣе компанейскій садъ, обширный и тѣнистый; есть училище съ обширнымъ, очень хорошимъ зданіемъ, есть свыше двадцати кабаковъ или ренсковыхъ погребовъ; есть и типографія,—мало того, имѣется даже нѣчто въ родѣ газеты,—именно, выходятъ ежедневные бюллетени съ телеграммами Россійскаго агентства...

Центромъ города остается однако, по прежнему, «резиденція» Верхне-Амурской компаніи. Это рядъ красивыхъ домовъ: домъ главноуправляющаго—настоящій дворецъ, хотя и деревянный; главная контора, соединенная телефономъ со всѣми присками, домъ «резидента» съ «посѣтительскою»; за ними, вытянувшись въ видѣ второй линіи, рядъ болѣе простыхъ домовъ для прислуги и на второстепенныхъ служащихъ, а за ними—третій рядъ: громадные амбары и ледники, въ которыхъ хранится всякая провизія—между прочимъ мясо, которое въ замороженномъ видѣ по цѣлымъ годамъ не подвергается порчѣ. Впереди компанейскаго квартала берегъ Зеи перегороженъ барьерами, закрывающими проѣздъ для всѣхъ, кромѣ особо привилегированныхъ лицъ, и на этой закрытой набережной, по которой даже и ходить полагается только «чистой публикѣ», понастроены разные павильоны, балкончики съ видомъ на Зею и на окружающія горы, а на рѣкѣ—прекрасная купальня.

Весь остальной, не компанейскій городъ, среди котораго разбросаны, между прочимъ, «резиденціи» нѣсколькихъ другихъ, болѣе мелкихъ золотопромышленныхъ предприятий, представляетъ мало привлекательную для глазъ картину. Постройки почти сплошь совершенно новенькія, особенно на заднихъ улицахъ, но все построено кое-какъ, домики гадкіе, заборы еле держатся, по всему видно, что люди устраиваются здѣсь не для прочной осѣдлости, а лишь на время—«сдѣлать деньги» и уѣхать проживать ее куда-нибудь въ другое мѣсто.

И «дѣланіе денегъ»—единственный жизненный нервъ новаго, какъ на дрожжахъ растущаго города; это—настоящій городъ золотого (буквально золотого!) тельца, гдѣ на золотѣ и около золота въ немного глѣтъ дѣлаются огромныя состоянія. На Зеѣ—не мало людей въ родѣ одного изъ мѣстныхъ торговцевъ, въ настоящее время миллионера, который началъ свои операціи всего нѣсколько глѣтъ тому назадъ съ капиталомъ, кажется, въ пятьсотъ рублей; или бывшаго «конюховскаго старосты» Верхне-Амурской компаніи, и сейчасъ безграмотнаго, который получилъ пятьдесятъ паевъ въ основанномъ на найденномъ имъ прискѣ предприятии и двадцать изъ этихъ паевъ продалъ за кругленькую сумму въ двѣсти тысячъ рублей...

Легко наживаемыя деньги легко и проживаются, и среди высшаго зейскаго общества царить величайшая расточительность и роскошь

дамы ходятъ въ шелкахъ и бархатахъ, мужчины играютъ въ карты на огромныя ставки. Не отстаютъ отъ богачей—въ другомъ, конечно, масштабѣ—и присковые рабочіе, выходъ которыхъ изъ тайги, въ концѣ золотопромышленной кампаніи, наполняетъ пристань шумомъ и разгуломъ. «Есть деньги,—говорятъ про прискателя жѣстные обыватели,—ему чортъ не братъ, сорокъ, пятьдесятъ рублей ни почемъ. Пьянъ—къ нему никто и не подступайся—разнесетъ; а проспится или деньги пропуститъ—и опять тиге воды, ниже травы».

Труднѣе всего жить на Зеѣ среднему обывателю, который, принадлежа по своему положенію къ высшему зейскому обществу, не располагаетъ, однако, соотвѣтствующими этому положенію доходами. Не говоря уже о томъ, что сложившіяся при обшенихъ деньгахъ привычки заставляютъ и такихъ людей тянуться за богачами,—самая жизнь на пристани безумно дорога. На Зеѣ—все привозное, и стоимость провоза отъ Благовѣщенска, которая нормально не превышаетъ 20—22 копѣекъ съ пуда, во время продолжительныхъ мелководій на Зеѣ, когда грузы возятъ по Черняевскому волоку, поднимается до двухъ рублей за пудъ. Вблизи пристани нѣтъ ни земледѣлія, ни скотоводства, и даже процвѣтающее на Зеѣ и въ Овсянкѣ огородничество далеко недостаточно, чтобы покрыть спросъ на овощи со стороны пристанскаго населенія. Не удивительно, что цѣна картофеля на Зеѣ достигаетъ, нерѣдко, рубля за пудъ, а мяса, сплошь и рядомъ, нельзя купить ни за какія деньги, такъ что мясо ѣдятъ только служащіе Верхне-Амурской компаніи и тѣ немногіе счастливыя, которымъ компанейская администрація, въ особое одолженіе, дозволяетъ брать мясо изъ компанейскихъ подваловъ.

IV.

Амурская прерія.

Уже приближаясь къ Благовѣщенску, вы начинаете замѣчать постепенную смѣну растительныхъ формъ, свойственныхъ средне-сибирской тайгѣ, совершенно иными растительными формами, свидѣтельствующими о сравнительно мягкомъ климатѣ: по горнымъ склонамъ береза и лиственница вытѣсняются дубомъ и черною березой, по прирѣчнымъ низинамъ—если вы ѣдете, какъ я, равнею весною—вамъ бросаются въ глаза сплошь покрытыя цвѣтами дикія яблони. Начиная отъ Благовѣщенска, вы вступаете уже въ область типично-амурской природы. Здѣсь начинается главный—въ настоящее время—колонизаціонный районъ Амурской области и вообще всего Приамурья Зейско-Буринская равнина, или, какъ ее иначе называютъ — Амурская прерія. Это—обширное степное пространство, протянувшееся вдоль Амура отъ впаденія Зеи до казачьяго поселка Пашковскаго, гдѣ Амуръ входитъ въ горную область Буринскихъ горъ или Малаго Хингана; вглубь

страны эта «прерія» простирается у впаденія Зеи—приблизительно на двѣсти верстъ, при устьѣ Буреи — на сто, а въ восточномъ своемъ концѣ не болѣе чѣмъ на 30—40 верстъ. То почти плоская, съ едва замѣтными впадинами—«падами» или «падушками», то съ болѣе ясно выраженнымъ волнообразнымъ рельефомъ, она представляетъ собою какъ бы островъ среди необозримаго моря горъ, заполняющаго все остальное Приамурье, а отроги этой сплошной горной страны заходятъ и въ границы «преріи», то сливаясь съ волнистою степью рядомъ незамѣтныхъ переходовъ, то вдаваясь въ ровную степь грядами рѣзко выдѣляющихся среди равнины, хотя и невысокихъ хребтовъ; поднявшись на свободную отъ лѣса вершину одного изъ этихъ хребтовъ, вы видите передъ собою другія такіа-же невысокія гряды, поросшія темнымъ, кудрявымъ дубякомъ, и въ промежуткахъ между ними—ярко-зеленыя равнины, покрытыя пышною травой.

Этотъ роскошный травяной покровъ, съ точки зрѣнія специалиста, «составляется изъ причудливой, странной смѣси формъ степныхъ (Даурской степи), съ растеніями, свойственными болотистымъ лугамъ или просто болотамъ» (Коржинскій). Простой смертный видитъ передъ собою роскошные луга, которые весной, когда мнѣ довелось посѣтить Амурскій край, пестрѣютъ роскошнѣйшимъ ковромъ разнообразнѣйшихъ цвѣтовъ. Травяной покровъ роскошенъ, ростомъ и густотою, и въ Приамурской долинѣ, и по склонамъ хребтовъ, но особенно грандіозныхъ размѣровъ онъ достигаетъ въ долинахъ такихъ притоковъ Амура, какъ Бурей или Архара, гдѣ эти долины врѣзываются въ предѣлы горно-лѣсного массива страны: здѣсь трава достигаетъ положительно гигантскаго роста, съ головою закрывая всадника, сидящаго на конѣ...

Проѣзжая въ разныхъ направленіяхъ по амурскимъ лугамъ и степямъ, я постоянно вспоминалъ картины художниковъ декадентской школы или послѣдователей Бѣклина: и луга, и степи усѣяны такими декадентскими цвѣтами, какъ лиліи—то блѣдно, рѣже темно-желтыя, то оранжево-красныя, и ирисы—то блѣдно-лиловые, то темно-фіолетовые; по рѣчнымъ долинамъ они перемежаются съ огромными, какъ блюдечко, бѣлыми піонами, шиповникомъ, краснымъ клеверомъ, фіолетовою чиною, образуя коверъ, въ которомъ пестрѣютъ всѣ цвѣта радуги, мѣстами же, весной, разстилаются сплошныя поля бѣлыхъ, какъ снѣгъ, ландышей. На степи цвѣточный коверъ гораздо однообразнѣе и—по крайней мѣрѣ весной—составляется почти исключительно изъ желтыхъ цвѣтовъ—лилій, купальницы, лютика, одуванчика, молочая, такъ что амурскую степь по ея весеннему виду можно назвать, просто, «желтою степью».

Гдѣ только повыше и посуше, и луга, и степь густо поросли мелкою лешиною-орѣшникомъ, которая на каменистыхъ и сильно глинистыхъ мѣстахъ уступаетъ мѣсто дубовому кустарнику, на болѣе

влажныхъ — мелкому раkitнику или кустарной березѣ-ернику. Изъ лѣсныхъ породъ для «амурской преріи» характернѣе всего тотъ-же дубъ и безобразная, корявая черная береза. Они то разбрасываются по степи отдѣльными деревьями, то группируются въ болѣе или менѣе обширныя рощи, то всползаютъ по склонамъ горныхъ хребтовъ, одѣвая ихъ сплошнымъ, но негустымъ лѣснымъ покровомъ, кудрявая листва котораго дѣлаетъ амурскія горы совершенно непохожими на горы типичной сибирской тайги. На мокрыхъ рѣчныхъ водораздѣлахъ, дубъ и черная береза уступаютъ мѣсто нашей хорошей знакомой — бѣлой березѣ, которая въ Приамурьѣ является первымъ признакомъ мокрыхъ и мало плодородныхъ земель, а по прирѣчнымъ лугамъ тотъ же дубъ и та же черная береза смѣшиваются съ такими древесными породами, какъ ильмъ, кленъ, дикая яблоня и груша, грецкій орѣхъ и т. п.

Если вы, прїѣзжій, будете разговаривать объ амурской природѣ съ мѣстнымъ обывателемъ, будетъ ли то крестьянинъ-землепашецъ или горожанинъ-интеллигентъ, обыватель съ первыхъ же словъ начнетъ говорить вамъ о несообразностяхъ мѣстной природы и въ особенности климата. «Удивительный здѣсь край, услышите вы отъ горожанина: вездѣ рѣки разливаются весной, а здѣсь — лѣтомъ или осенью; въ августѣ надо убирать хлѣбъ, а какъ разъ въ это время здѣсь всегда дожди; единственное спасеніе — жнейки; только машинами можно поспѣть съ уборкой хлѣба. Зимы беснѣжныя, такъ что сѣять озимей совершенно невозможно. На горахъ располагаются болота; ѣдешь по горному склону, а, между тѣмъ, лошадь сплошь и рядомъ увязаетъ по брюхо». Крестьянъ больше всего занимаетъ и интригуетъ именно это послѣднее обстоятельство: «Чудныя здѣсь мѣста, — непременно скажетъ вамъ выходецъ изъ Западной или Средней Сибири: — у насъ, въ Сибири (Амуръ какъ будто не признается за Сибирь), гдѣ низкое мѣсто, тамъ мокро, гдѣ высокое — сухо; а здѣсь ничего не разберешь: на горахъ болота, а по низкимъ мѣстамъ сухо». И каждый крестьянинъ, съ которымъ вы будете проходить или проѣзжать по знакомымъ ему мѣстамъ, непременно покажетъ вамъ земли «низкія да крѣпкія», съ разработанными на нихъ пашнями, и покажетъ высокіе на видъ «мысы», съ виднымъ даже простому глазу скатомъ, куда, однако, «въ мокрый годъ съ конемъ не заѣдешь». Вообще Приамурье и въ частности «амурская прерія» поражаетъ васъ изобиліемъ болотъ и мокрыхъ мѣстъ; почти вездѣ, куда еще не зашла колонизація, вы видите кочки, среди которыхъ послѣ дождей застываетъ вода, почти вездѣ вы встрѣчаете разныя осоки, мелкій раkitникъ, голубицу и другіе безспорные признаки болѣе или менѣе сильной заболоченности. Но заболоченность эта, по большей части, чисто поверхностнаго свойства, — результатъ впитыванія изобильныхъ лѣтнихъ осадковъ покрывающимъ почву толстымъ слоемъ мергвой раститель-

ности,—и весьма быстро исчезает по мѣрѣ заселенія края: разъ гдѣ-либо появились люди, началъ ходить скотъ, пошли гулять весенніе палы, то почва обсыхаетъ въ немного лѣтъ, и на мѣстѣ недавняго болота появляются сплошныя пространства хорошихъ пахатныхъ земель.

Какъ своеобразна амурская природа, такъ своеобразны на Амурѣ и люди. Я не буду говорить здѣсь о казакахъ — мнѣ почти не удалось бывать въ казачьихъ поселкахъ Зейско-Буреинской равнины и совсѣмъ не пришлось присматриваться къ казачьему быту. Замѣчу только, что неблагоприятное впечатлѣніе, производимое внѣшнимъ видомъ казачьихъ селеній, впечатлѣніе полной нехозяйственности, вполне подтверждается всѣми указаніями, какія можно найти въ литературѣ, и отзывами мѣстныхъ людей. «Казакъ — что собака на снѣгѣ», — эту фразу вы постоянно слышите изъ устъ мѣстныхъ обывателей; и въ самомъ дѣлѣ, казаки владѣютъ необозримыми пространствами лучшихъ въ краѣ земель, а между тѣмъ сами живутъ бѣдно, не извлекая никакой пользы изъ своихъ огромныхъ земельныхъ богатствъ. Служь *) о томъ, что бывшій манчжурскій районъ за Зеей рѣшено отдать подъ заселеніе казаками, приводитъ въ ужасъ благовѣщевцевъ,—они предвидятъ, что городъ надолго останется безъ овощей, молочныхъ продуктовъ и т. п. предметовъ необходимости. И въ самомъ дѣлѣ: пересѣкая полосу казачьихъ земель, вы видите, что лишь самая ничтожная доля этихъ земель, ближайшая къ поселкамъ, занята казачьими пашнями и сѣнокосами, — амурскіе казаки, занимая почти вездѣ самыя плодородныя и легкія для разработки земли, владѣя при этомъ огромными лугами, запахиваютъ, однако въ среднемъ вдвое меньше и держатъ значительно меньше скота, нежели крестьяне; обширныя площади плодороднѣйшихъ земель служатъ исключительно для выпаса скота, а по удаленной отъ селеній сѣверной окраинѣ казачьей полосы громадныя площади даже не выпасаются скотомъ и слѣдовательно, остаются безусловно безъ всякаго использованія.

Совершенно своеобразный типъ представляютъ собою амурскіе крестьяне. «Здѣшніе крестьяне—настоящіе американцы» —такъ характеризуетъ ихъ кѣстный интеллигентъ. Обиліе земли, превосходные заработки, дешевизна денегъ, близкое соприкосновеніе съ присками и присковою жизнью,—всѣ эти условія вырабатываютъ изъ переселенца, прожившаго десятокъ лѣтъ на Амурѣ, нѣчто совершенно непохожее на нѣсколько инертнаго и твердо знающаго свое «мужичкое» мѣсто «россійскаго» крестьянина. Обжившійся на Амурѣ крестьянинъ по немногу утрачиваетъ и внѣшнее обличье «мужика»: костюмъ его скорѣе мѣщанскій, нежели крестьянскій; если не въ будни, то въ праздники онъ носитъ фетровую шляпу съ клеймомъ «Tchouquine et C-ie» или «по заказу торговаго дома Кунстъ и Альберсъ»; личныя его потребности

*) Въ настоящее время это, кажется, уже фактъ.

уже не опредѣляются мужицкой традиціей—амурскій крестьянинъ не стѣсняется покупать все, что ему по средствамъ. «Какъ они живутъ—просто изумительно, — говорилъ мнѣ одинъ изъ мѣстныхъ чиновниковъ, по роду службы постоянно соприкасающійся съ крестьянами: стоитъ зайти къ Чурину или Кунстъ-Альберсу посмотрѣть, что покупаетъ здѣшній крестьянинъ. Признаться вамъ,—продолжалъ почтенный чиновникъ—вначалѣ я даже возмущался; мужикъ сѣрый, а ни въ чемъ отъ барина отстать не хочетъ. Прихожу разъ къ Кунсту,—крестьянинъ туалетное мыло покупаетъ; ему показываютъ простой сортъ,—а онъ и смотрѣть не хочетъ: «мнѣ, говоритъ, небось руки мыть»; подай ему французское, опопонакъ или жокей-клубъ, по рублю кусокъ».

Вліяніе Америки, которое такъ бросается въ глаза на улицахъ Благовѣщенска или Стрѣтенска, отражается и на хозяйственномъ бытѣ амурскихъ крестьянъ: сплошь и рядомъ вы видите простую телѣгу съ тѣжами изъ американскаго проволочнаго каната; подъ сидѣнемъ у нашего ящика оказывается топорикъ съ американскимъ клеймомъ; проѣзжая мимо крестьянской пашни или покоса, вы вмѣсто обычнаго мужицкаго берестянаго или дерноваго балагана видите палатку изъ американскаго брезента; дома болѣе состоятельныхъ крестьянъ крыты американскимъ цинкованнымъ желѣзомъ, а кое-гдѣ этимъ желѣзомъ обложены цѣлые амбары. Но самое любопытное, по крайней мѣрѣ для меня, экономиста, не въ этихъ мелочахъ хозяйственнаго быта амурскаго крестьянина. Гораздо важнѣе его необыкновенная воспримчивость къ новизнѣ, отсутствіе всякой рутинны, проявляющееся въ его земледѣльческомъ хозяйствѣ. Въ особенности поражаютъ даже поверхностнаго наблюдателя колоссальные успѣхи амурскаго крестьянскаго хозяйства въ смыслѣ усвоенія улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій и машинъ,—успѣхи, которыми едва ли можетъ, въ той же степени, похвалиться какая бы то ни было другая мѣстность Азиатской или Европейской Россіи; успѣхи тѣмъ болѣе замѣчательные, что на Амурѣ крестьяне не пользовались, въ этомъ отношеніи, содѣйствіемъ ни земства, котораго здѣсь нѣтъ, — ни правительства; быстрый прогрессъ въ распространеніи орудій и машинъ — результатъ просвѣщенной и энергичной инициативы американца Эмери, но вмѣстѣ съ тѣмъ—и необыкновенной воспримчивости амурскаго крестьянства. Здѣсь не мѣсто входить въ исторію этого дѣла. Достаточно указать на результаты, именно отмѣтить, что въ 1901 году одна только фирма Эмери рассчитывала довести свою продажу до огромной суммы въ 300.000 р.; что приамурское крестьянство въ настоящее время пашетъ исключительно заводскими, главнымъ образомъ американскими, плугами; что съ каждымъ годомъ все болѣе распространяются жнейки и молотилки—есть цѣлыя селенія, гдѣ крестьяне почти забыли о традиціонномъ серпѣ и о ручной уборкѣ хлѣба. Мнѣ пришлось возвращаться въ Благовѣщенскъ, послѣ одной изъ моихъ экскурсій по району крестьянскихъ

селеній, по главнѣй дорогѣ, связывающей городъ съ этимъ райономъ; я видѣлъ при этомъ, какъ съ одного только парова стѣхало пять телегъ съ только что купленными въ городѣ жнеями-сноповязалками; а содержатель парового перевоза черезъ Зейю рассказывалъ мнѣ, что въ горячее время ему приходится сплошь и рядомъ перевозить заразь, съ подобнымъ грузомъ по два и по три десятка подводъ.

Слѣшу оговориться. Я лично отнюдь не склоненъ преувеличивать значенія такой распространенности усовершенствованныхъ орудій и машинъ. Напротивъ: вполне признавая, напримѣръ, значеніе хорошихъ плуговъ, въ смыслѣ улучшенія обработки земли, или необходимость жнеекъ при крайне затрудняющихъ уборку хлѣба особенностяхъ амурскаго климата, я, однако, въ общемъ присоединяюсь къ взгляду покойнаго Кержинскаго, высказавшаго, что въ сущности земледѣліе «здѣсь находится на первобытной ступени развитія» (Приамурье—единственная часть Сибири, гдѣ господствуетъ чисто-переложное хозяйство, безъ общепринятаго въ остальной Сибири пара), — что «всѣ эти жатвенныя машины не служатъ выраженіемъ прогресса и рациональнаго хозяйства, а составляютъ просто орудіе усовершенствованнаго хищничества». Если я сравнительно долго остановился на вопросѣ объ усовершенствованныхъ орудіяхъ и машинахъ, то только потому, что быстрое распространеніе такихъ орудій и машинъ, до 175-ти рублевыхъ плуговъ и тысячныхъ молотилокъ включительно, является хорошимъ показателемъ той легкости, съ которою амурскіе крестьяне усваиваютъ новое, и той свободы, съ которою они тратятъ деньги на улучшеніе своего хозяйства.

Конечно, амурское крестьянство не представляетъ собой сколько-нибудь однообразной массы,—напротивъ, въ средѣ его отчетливо выдѣляется цѣлый рядъ разнообразныхъ въ бытовомъ и хозяйственномъ отношеніи типовъ. Не касаясь здѣсь старовѣровъ, которымъ будетъ посвященъ слѣдующій очеркъ, я попытаюсь въ краткихъ чертахъ охарактеризовать хоть нѣкоторые изъ тѣхъ типовъ амурскаго крестьянства, съ которыми мнѣ удалось вступить въ извѣстное соприкосновеніе.

Вотъ молоканскія селенія подгородной Гильчинской, частью Краснорювской, Амурско-Зейской и др. волостей. По общему виду и характеру построекъ—это не деревни, а маленькіе городки, почище многихъ сибирскихъ городишекъ. Сами молокане по одеждѣ и т. п.—совершенные горожане; по существу—это народъ въ высшей степени дѣловитый, оборотистый, склонный, какъ никто, къ усвоенію всякой новизны, разъ только она кажется имъ полезною и выгодною. Первые изъ обитателей Приамурья они начали покупать улучшенныя орудія и машины, и ихъ примѣръ увлекъ за собою остальное крестьянство. «У каждаго молокана,—говорятъ мѣстные обыватели,—половъ дворъ машинъ: сами, подлецы, ничего не работаютъ,—все за нихъ дѣлаетъ машина; а самъ

взъ себя помѣщика изображаетъ: встанетъ въ восемь часовъ, въ десять выѣдетъ на бѣговыхъ дрожкахъ въ поле посмотрѣть и распорядиться: распорядится—и домой, обѣдать». Въ затратахъ на хозяйство или на торговыя операціи молоканинъ никогда не стѣсняется разгѣрами собственныхъ средствъ: «доподлинно знаешь, что у него ни гроша нѣтъ, а глядишь, онъ тысячную молотилку во дворъ везетъ». Молокане, именно, въ совершенствѣ постигли значеніе кредита и выучились пользоваться имъ; по словамъ знающихъ людей, гильчинскіе молокане въ однихъ только благовѣщенскихъ банкахъ задолжали сотни тысячъ рублей, не считая долговъ фирмамъ по закупкѣ сельскохозяйственныхъ машинъ и частныхъ займовъ. При этомъ зажиточный или располагающій кредитомъ молоканинъ рѣдко остается при одномъ земледѣліи: онъ обращается къ торговлѣ, подрядамъ, покупаетъ или строитъ въ Благовѣщенскѣ дома, заводитъ мельницу или какой-нибудь заводъ,—въ молоканскихъ рукахъ сосредоточена значительная часть благовѣщенской торговли и промышленности. И при этомъ, по всеобщему мнѣнію, пальца въ ротъ молоканину нельзя класть—откусить. Да и вообще репутація у молоканъ сложилась далеко не лестная: имъ приписываютъ и склонность къ ростовщичеству, и участіе во всякихъ темныхъ дѣлахъ, совершающихся «около золота», и руководящую роль въ прошлогоднихъ избиеніяхъ и въ особенности—въ ограбленіи китайцевъ, и съ молоканскими именами связываются рассказы о самыхъ возмутительныхъ случаяхъ вѣроломства и предательства, жертвою котораго дѣлались при этомъ болѣе зажиточные китайцы.

Вотъ деревня Екатеринославка, на Будундѣ. Небольшое селеніе—всего 29 дворовъ, но раскинувшееся чрезвычайно широко и окруженное обширнымъ сплошнымъ поясомъ распаханыхъ земель. Всѣ дворы огорожены однообразными, аккуратно сбитыми досчатыми заборами. На дворахъ и по улицамъ видѣются раскрашенные, на желѣзномъ ходу и съ дышловою запряжкой, фургоны извѣстнаго колонистскаго типа, видѣются жнейки, буккера, плуги съ сидѣнныи и т. п.

Екатеринославцы всѣ пришли съ болѣе или менѣе значительными средствами,—нѣкоторые принесли по пяти и болѣе тысячъ; къ заработкамъ, поэтому, имъ совершенно не приходилось обращаться,—только «свои деньги проводили», говорятъ они. Теперь вполнѣ обжились и окрѣпли, причеиъ однако, въ отличіе отъ молоканъ, остались исключительно пахарями, а земледѣльческое хозяйство поставили исключительно на машинную основу: въ деревнѣ нѣтъ другихъ плуговъ, кромѣ заводскихъ; на 29 дворовъ имѣется семь жнеекъ, да еще за три даны задатки, и ручной способъ уборки совершенно вышелъ изъ употребленія: у кого посѣвъ сравнительно невеликъ, тѣ покупаютъ жнейки сообща или нанимаютъ жнейку у болѣе зажиточныхъ хозяевъ. Хозяйственность, отличающая въ Екатеринославкѣ отдѣльныхъ крестьянъ, является характерною и для цѣлаго общества. Въ другихъ селе-

няхъ къ поправкѣ дорогъ приступаютъ лишь послѣ усиленныхъ настояній начальства,—а екатеринославцы устроили себѣ хорошую дорогу по собственной инициативѣ: укатали полотно бородами, сдѣлали хорошія гати черезъ заболоченныя «падушки», и теперь не нахвалятся своею дорогой. «Сердятся на насъ другія деревни-то,—говорятъ они:—мы себѣ дорогу своей охотой наладили, а теперь, глядя на насъ, начальство и другія деревни принуждаетъ». Строятъ себѣ екатеринославцы и церковь,—строятъ на собственные средства, не утруждая никого ходатайствами о какой-либо помощи: одинъ богатый общественникъ пожертвовалъ двѣ тысячи деньгами, да еще на тысячу рублей церковной утвари, а остальные собрали между собою еще тысячу рублей да посѣяли «на церковь» десять десятинъ пшеницы.

Вотъ довольно многочисленныя селенія полтавскихъ хохловъ, сосредоточенныя, наприимѣръ, въ волостяхъ Песчаноозерской и Ивановской. И здѣсь, какъ и по всей Сибири, полтавцы въ одеждѣ, въ устройствѣ жилищъ и во всемъ домашнемъ быту крѣпче, чѣмъ кто-либо, держатся принесенныхъ съ родины привычекъ и традицій. Селенія полтавцевъ вы узнаете издали по ихъ типичнымъ мазанкамъ; амбары крыты преимущественно соломой, вмѣсто гуменъ высокія малороссійскія клуны. Сохраняетъ традиціонный малорусскій типъ и внутреннее убранство хатъ, хотя слошь и рядомъ, особенно теперь, послѣ «китайскихъ событій», вы видите малорусскій вышитый рушникъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ китайскимъ шелковымъ покрываломъ. Въ хозяйственномъ отношеніи полтавцы тоже принадлежатъ къ числу крѣпкихъ элементовъ амурскаго крестьянства. Полтавецъ, правда, не проявляетъ такой инициативы въ смыслѣ усвоенія улучшенныхъ орудій и машинъ, вообще той склонности къ новизнѣ, какая характеризуетъ молокана; онъ мало приспособленъ къ борьбѣ съ трудностями таѣжной жизни и плохо умѣетъ справляться съ лѣсными землями. Но онъ очень трудолюбивъ, аккуратенъ, бережливъ, довольно легко перенимаетъ отъ болѣе прогрессивныхъ элементовъ разныя улучшения въ хозяйственныхъ приемахъ, и вообще прекрасно устроивается, разъ только естественныя условія мѣстности — какъ въ Зейско Буреинской степи—болѣе или менѣе похожи на тѣ, къ которымъ онъ привыкъ у себя на родинѣ. Впрочемъ, приспособленіе къ новымъ условіямъ не легко дается хохламъ. По отзывамъ коренныхъ амурцевъ — молоканъ и старовѣровъ — хохлы первое время вовсе не умѣли работать, и лишь мало-по-малу выучились хозяйствовать, какъ требуется мѣстными условіями.

Вотъ, наконецъ, недавно возникшіе могилевскіе поселки по Архарѣ или Харѣ, на самой восточной окраинѣ района крестьянской колонизаціи. Бревенчатые дома, часто недостроенные, крытые соломой или берестой; при каждомъ домѣ уже виднѣется амбарушка, но почти нигдѣ не видно никакихъ крытыхъ помѣщеній для скота, большинство

дворовъ еще не огорожено. Сами могилевцы, въ своихъ грязно-бѣлыхъ рубахахъ, вполне сохранили еще свой довольно жалкій «россійскій» обликъ, особенно низко кланяются, охотно падаютъ на колѣни передъ властью имущими лицами. Чтѣ выйдеть въ будущемъ изъ могилевскихъ поселковъ, — трудно сказать! Но пока могилевцы считаются самымъ слабымъ, ненадежнымъ элементомъ амурскаго крестьянства *). «Худой народъ могилы, — говорятъ старожилы края, раскольники, — гдѣ имъ противъ русскихъ сибиряковъ выстоять, — вовсе не умѣють работать: на трехъ лошадахъ за сѣномъ послать нельзя, дровъ колотъ не умѣють; наймешь его на какую работу, — только и работаетъ, чтѣ на глазахъ». «Самый ненадежный народъ — могилевцы, — говоритъ и переселенческій чиновникъ, и мѣстное полицейское начальство, за отсутствіемъ спеціально-крестьянской администраціи стоящее въ самомъ тѣсномъ соприкосновеніи съ новоселами: и на родинѣ они были бѣдны, хозяйства безъ мала чтѣ не вели, ничего не умѣють дѣлать, а здѣсь еще старожилы избаловали ихъ подачками; они теперь и не хотятъ работать, а все только воровать, какъ бы у кого-нибудь чтѣ выпросить». Съ прихода могилевцевъ — такъ, по крайней мѣрѣ, единодушно свидѣлствуютъ и старовѣры, и хохлы — въ край завелось воровство, — «раньше у насъ и замковъ не бывало, а сейчасъ вездѣ позаводили».

Довольно ли амурское крестьянство условіями своей жизни въ Приамурьѣ? На этотъ вопросъ я затрудняюсь дать категорическій отвѣтъ. Мои личныя впечатлѣнія въ данномъ отношеніи въ высшей степени утѣшительны; только отъ немногихъ стариковъ-могилевцевъ — да и то больше отъ усвоенной привычки къ брюзжанію — мнѣ довелось слышать плохіе отзывы объ условіяхъ жизни на Амурѣ. Въ общемъ же въ отзывахъ крестьянъ звучитъ основная нота полного довольства. «Земля здѣсь все родить, — говорятъ вамъ новоселы въ одномъ мѣстѣ, — и хлѣбъ, и кукурузу, и бахчи». «Лѣсъ есть, хлѣбъ родится, покосовъ вдосталь», слышите вы отъ другихъ новоселовъ. «И для пашни здѣсь хорошо, — говорятъ вамъ третьи, — а главное — деньга легкая, заработки хороши». И каждый новоселъ видитъ передъ собой заманчивую перспективу благосостоянія старожилловъ края — молоканъ и старовѣровъ, которые «позажились такъ, что ахъ ты Господи!»

Мои личныя наблюденія, въ данномъ случаѣ, совершенно расходятся съ впечатлѣніями такого прекраснаго наблюдателя, какъ покойный академикъ Коржинскій. «Несмотря на хорошіе заработки, — писалъ столь преждевременно угасшій естествоиспытатель, — на зажиточную, даже богатую обстановку, рѣдко можно услышать благопріятные отзывы о край и встрѣтить довольство своимъ положеніемъ; гораздо

*) Я отнюдь не желаю обобщать сказанное, а имѣю въ виду только тѣ немногіе могилевскіе поселки, которые возникли въ Амурской области. Въ Уссурийскомъ крайѣ у могилевцевъ гораздо лучшая репутация.

чаще Коржинскому приходилось слышать «затаенные вздохи или самыя горькія жалобы на условия мѣстной жизни». Но это разногласіе очень просто объясняется. У крестьянъ, и особенно у переселенцевъ, очень коротка память; отзывы крестьянъ объ условіяхъ ихъ жизни всегда получаютъ яркую окраску отъ тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ протекли два-три послѣднихъ года, — обстоятельствъ, оставившихъ въ памяти совершенно ясный отпечатокъ, затѣняющій воспоминанія объ обстоятельствахъ болѣе раннихъ лѣтъ. Посѣтите какую-нибудь деревню послѣ пары неурожавевъ, а затѣмъ вторично послѣ двухъ-трехъ урожайныхъ годовъ, и вы услышите отъ крестьянъ совершенно иные отзывы какъ о состоящихъ въ ихъ пользованіи земляхъ, такъ и объ общихъ условіяхъ ихъ существованія. Покойный Коржинскій посѣтилъ Приамурье въ такіе годы, которые не были благополучными для мѣстнаго населенія, — въ годы усиленныхъ дождей и большихъ лѣтнихъ разливовъ. Мнѣ пришлось быть на Амурѣ послѣ трехъ умѣренно-дождливыхъ годовъ, безъ большихъ лѣтнихъ разливовъ; въ эти три года хорошіе урожаи получались и съ такихъ земель, куда «въ другой годъ и съ конемъ не заѣдешь», и подъ влияніемъ такого благополучія всѣ впечатлѣнія и отзывы крестьянъ получали совершенно иную, гораздо болѣе розовую окраску.

V.

Амурскіе старовѣры.

Пароходъ медленно пристаетъ къ берегу у станицы Иннокентьевской. Я отправляюсь искать расположенную на противоположномъ концѣ станицы телеграфную контору, причемъ по дорогѣ люблюсь главною достопримѣчательностью станицы — церковью, сплошь обшитою цинкованнымъ волнистымъ жестью. Возвращаюсь назадъ, и застаю своего товарища по экскурсіи въ оживленной бесѣдѣ съ двумя пассажирами, вотъ уже вторые сутки сидящими на берегу, въ тщетномъ ожиданіи мѣста на попутномъ пароходѣ.

— Такъ вы, ваше благородіе, такъ и сдѣлаете, — говоритъ одинъ изъ нихъ, молодой еще парень съ рыжеватою бородкой, въ пиджакѣ и картузѣ: — возьмите лошадей наскрозь отъ Грибовки, а то изъ Аркадьевки, да ѣзжайте на Гилеву займку, — своихъ коней у гилевскихъ не должно быть; у Гилевыхъ заночуете, да оттоль и проѣдете на тятенькину займку; а ежели понадобится дальше въ хребты (мѣстный терминъ для обозначенія тайги) проѣхать, тятенька вамъ тунгуса дастъ, — тунгусъ васъ проведетъ.

— А вашего тятеньку какъ зовутъ? — вмѣшиваюсь я въ разговоръ.

— Фирстовымъ, Филиппомъ Фирстовымъ. У насъ займка была, какъ Грибовку проѣхать съ версту; можетъ быть, ваше благородіе, она у тебя въ плантѣ показана (дѣйствительно, на 40-верстной картѣ глав-

наго штаба значится «пасѣка Фирстова»); сейчасъ-то тятенька займку татарину продалъ; самъ онъ верстъ за двадцать пять въ хребты уѣхалъ, на Бирьи вершины, а я свою пасѣку завелъ, недалеко въ сторонѣ.

— Зачѣмъ же это вашъ отецъ старую займку продалъ?

— Да деревни, ваше благородіе, близко подошли, мѣста людныя стали; ну, а гдѣ люди, тамъ пчелу ужъ неловко водить; а на Бирьихъ вершинахъ мѣсто спокойное, для пчелы хорошо будетъ.

— Ну, а дастъ намъ тятенька тунгуса?

— Поштѣ не дастъ? Дастъ,—вмѣшивається въ разговоръ другой нашъ собесѣдникъ, пожилой человекъ безъ усовъ и бороды, въ чисто крестьянской одеждѣ, безъ всякихъ городскихъ новшествъ:—дастъ, ежели только самъ дома. А тунгусъ, ваше благородіе, если понадобится, васъ и до моей займки довести можетъ. Только, пожалуй, не къ чему вамъ будетъ экую даль маяться; тропа худая—горы, топи, а мѣстовъ хорошихъ—ужъ это я вамъ вѣрно сказываю—тамъ нисколько нѣтъ. Вотъ около прежней нашей займки, тамъ ничего, мѣста ладныя.

— А прежняя займка у васъ гдѣ была?

— Да вотъ Гилева займка пишется—она и есть. Сейчасъ тамъ могли жить, а допрежь того наша была—Гилевыхъ да моя; а меня-то Плюсиннымъ зовутъ, ваше благородіе, Харламомъ Плюсиннымъ.

Такимъ образомъ, съ первыхъ же шаговъ въ крестьянскій районъ судьба натолкнула насъ на представителей любопытнѣйшаго, распространеннаго по всей Сибири, а на Амурѣ въ особенности, типа старовѣровъ-займщиковъ, этихъ лучшихъ пионеровъ сибирской тайги, которые со своими займками проникаютъ далеко за предѣлы районовъ сплошной земледѣльческой колонизации и затѣмъ, когда эта колонизация надвигается на нихъ, бросаютъ свои займки, уходятъ куда-нибудь дальше, и живутъ, пока опять не придетъ время уходить отъ «міра». О Фирстовѣ я слыжалъ еще въ Благовѣщенскѣ; слыжалъ, между прочимъ, разказъ о посѣщеніи его займки однимъ важнымъ мѣстнымъ администраторомъ. Послѣ разныхъ разговоровъ о пчеловодствѣ, вообще о хозяйствѣ, администраторъ захотѣлъ перевести разговоръ на религіозныя темы.

— Ты православный?

— Самой православной настоящей вѣры.

— А дѣтей какъ крестите? водою?

— Нѣтъ, не водою, а духомъ. Да что объ этомъ разговаривать, ваше высокородіе, лучше я васъ чаемъ да медкомъ попотчиваю.

Я не знаю, сколько еще нашимъ собесѣдникамъ пришлось просидѣть въ ожиданіи парохода; возможно, что и не одинъ день, потому что попасть на пароходъ на Амурѣ, особенно съ промежуточной пристани,—это все равно, что взять выигрышъ въ лоттерей, и проѣзжая по Амуру постоянно приходится видѣть у пристаней горы багажа и пас-

сажировъ, по многу дней дожидającychся счастья попасть на пароходъ. Мы же черезъ нѣсколько часовъ тронулись въ путь. Проѣхали чистенькую малорусскую деревню Аркадіе-Семеновку, (названную такъ, по мѣстному обыкновенію, по имени-отчеству одного изъ бывшихъ губернаторовъ области), проѣхали пару вновь возникшихъ могилевскихъ поселковъ и добрались до могилевского же поселка—Грибской или Грибовки. Здѣсь кончался колесный путь, и приходилось переходить къ верховому способу передвиженія. Нужно было разобрать багажъ, разложить его по выюкамъ, собрать партію верховыхъ лошадей и проводниковъ; на все это требовалось не мало времени, которое мы и провели въ недостроенной избѣ, бесѣдуя на разныя темы съ ея хозяевами. Поразспросивъ насчетъ посѣвовъ, насчетъ цѣнъ на разные продукты, услышавъ уже успѣвшій стать привычнымъ отвѣтъ, что «здѣсь всякій хлѣбъ родится», спрашиваю хозяйку:

— Коровъ-то у тебя, милая, сколько?

— Есть коровушка, одна.

— А сколько плачена?

— Ничего не плачена. Старикъ съ Гилевой займки, Харламп, нашимъ старикамъ пожертвовалъ, для Бога.

— Чтѣ-жъ, и другимъ онъ такъ же жертвовалъ?

— Давалъ которымъ. У насъ на деревнѣ почитай четыре коровы или пять отъ него, да по другимъ деревнямъ—въ каждой по столку же.

Разговоръ переходитъ на дыни, арбузы, огурцы—и это все «здѣшняя земля родить».

— А сѣмена откуда бралъ?—спрашиваю.

— Отъ хохловъ, да съ Гилевой займки. Мы какъ пришли, у насъ ничего не было, а они приплавилъ двѣ лодки съ хлѣбомъ, да съ арбузами, да съ огурцами,—иди и бери. Хорошіе они люди!

Наконецъ, снарядивъ свой обозъ, отправляемся въ путь. Проѣхавъ съ версту, наѣзжаемъ на займку: изба, нѣсколько амбаровъ, крытый скотскій загонъ. Около займки пожилой татаринъ копаешь ямы для новой изгороди. Очевидно, бывшая займка Фирстова.

— Это чтѣ, ты займку купилъ?—спрашиваемъ татарина.

— Я и есть.

— У кого купилъ—у Фирстова?

— У него и есть.

— Чтѣ же, пашню будешь пахать?

— Пашню, пчелъ заведу—хорошее здѣсь мѣсто для пчелы.

— Да ладно ли будетъ?—спрашиваю.—Вонъ Фирстовъ оттого и ушелъ, что около людей пчелъ водить нельзя.

— Пустое это,—говорить татаринъ.—Люди пчелъ ничего не препятствуютъ. А оттого Фирстовъ ушелъ, что старовѣръ: они русскихъ къ себѣ не пускаютъ, изъ своего стакана пить не даютъ, имъ и нельзя оставаться, гдѣ русскіе стали жить.

Немного отъѣхавъ отъ займки, начинаемъ подниматься по отлогому склону невысокаго хребта, поросшаго мѣстами лиственницей, по большей части дубомъ, на самыхъ неожиданныхъ мѣстахъ натыкаясь на кочковатыя болотца или увязая на такихъ полянкахъ, которыя издали казались совершенно сухими. Добравшись до перевала, взлѣзаемъ на небольшую каменную сопку, откуда передъ нами открывается дивный видъ—настоящія «лѣсныя дали» во вкусѣ М. К. Кюдта или болѣе раннихъ пейзажей Аполлинарія Васнецова: ярко-зеленыя равнины, параллельныя цѣпи невысокихъ, темнозеленыхъ лѣсистыхъ холмовъ, а за ними на горизонтѣ синѣютъ высокія горы Малаго Хингана. Довольно крутой спускъ вдоль весело журчащаго горнаго ручья, среди густой заросли орѣшника, мелкаго дубняка съ подмѣсью клена, ильма и т. п. приводитъ насъ къ берегу Архары; здѣсь намъ приходится оставить лошадей—въ Архарѣ высокая вода, и переправить лошадей нельзя—и, переправившись на утлой лодкѣ, идти пѣшкомъ до мѣста нашего ночлега.

Ночлегъ этотъ на Гилевой займкѣ, нынѣ поселкѣ могилевскихъ переселенцевъ. Въ поселкѣ пока всего семь дворовъ; нѣтъ ни начальства, ни отводной квартиры. Мы на глазомѣръ выбираемъ самый большой домъ и просимъ разрѣшенія переночевать. Намъ разрѣшаютъ.

Оказывается, что мы попали удачно: этотъ домъ—бывшій домъ Харлама Плюснина; большія хоромы, крашеные масляною краскою помы, вѣнские стулья, прекрасное зеркало съ золоченою рамой. Новый владѣлецъ этого дома—пожилой могилевецъ въ грязно-бѣлой рубахѣ—видимо не совсѣмъ ловко себя чувствуетъ посреди всего этого непривычнаго великолѣпія, которое, впрочемъ, новые обитатели успѣли въ достаточной мѣрѣ испакостить и загадить.

— У кого купилъ домъ-то?—спрашиваемъ старика-могилевца.

— У Харлама Плюснина.

— За сколько купилъ?

— За четыре сотни, да деньги не плачены. Уходилъ Харламъ на новое мѣсто, дома некуда дѣвать, онъ мѣѣ и препоручилъ.

Скоро для меня выяснился и дѣйствительный смыслъ этого вѣскольکو запутаннаго объясненія. На другое утро мы поѣхали верхами, посмотрѣть мѣстность, окружающую займку. Съ нами поѣхалъ сынъ нашего хозяина, толковый и разговорчивый мальчѣ, отъ котораго мы и узнали, что могилевцы просто купили дома въ кредитъ у старовѣровъ.

— Чудной народъ,—разсказывалъ нашъ спутникъ:—отроду насъ въ глаза не видали, а экія деньги вѣрять, да и бумаги никакой не берутъ,—такъ, на слово. Спрашиваю я ихъ: а ежели помрѣтъ, что будетъ? Ничего, говоритъ, Богъ отдастъ... И то сказать,—продолжалъ паренъ,—много денегъ у нихъ и пропало за нашимъ братомъ, а они—ничего. Милосердные они: Могилевку да Грибовку почитай скрозъ кормили; придуть къ нимъ новоселы, они накомятъ, да всего съ собой

даютъ; бери, говорятъ, сколько хочешь,—да еще радуются: видно, говорятъ, голодны, что экую ношу несутъ...

— А зачѣмъ же они—спрашиваю,—заимку бросили?

— Да кто ихъ, ваше благородіе, знаетъ! То ли имъ по старой вѣрѣ съ мѣрскими жить не глянется, то ли отъ чего другого. Сказываютъ, тунгусы имъ хорошее мѣсто показали: ключикъ горячій, а къ ключику изюбри *) ходятъ, имъ для промысла и хорошо; промышляютъ вѣдь они все больше. А то еще сказываютъ, будто золотишко гдѣ-то нашли, Господь ихъ знаетъ.

— А много ихъ,—спрашиваю,—такихъ милосердныхъ?

— Нѣтъ, про другихъ не слыхали что-то. Покормить—это всякій покормить; а подарковъ, кажись, не даютъ другіе.

Однако, гилевскіе старовѣры далеко не единственные въ своемъ родѣ. Черезъ пару дней, пересѣкая водораздѣлъ отъ Архары къ Буреѣ, пришлось заночевать на заимкѣ нѣкоого Безрукова—старовѣра изъ деревни Домикана. Пріѣхали мы поздно, сейчасъ же залегли спать въ амбарѣ на засыпанномъ въ сусѣкѣ овсѣ, утромъ рано выѣхали, и я только мелькомъ видѣлъ хозяина заимки, угрюмаго и несимпатичнаго на видъ, рослаго, бородатаго мужика и успѣлъ перекинуться съ нимъ всего нѣсколькими словами на какія-то сельскохозяйственныя темы.

Проѣхавъ нѣсколько верстъ отъ заимки, встрѣчаемъ мѣстнаго пристава, съ которымъ и пришлось доѣхать до деревни Домикана, на Буреѣ. Разговоръ сейчасъ же зашелъ о старовѣрахъ. Услышавъ, что мы ѣдемъ съ Гилевой заимки, приставъ началъ дѣлиться со мною своими подозрѣніями относительно причинъ, побудившихъ обитателей заимки перемѣняться дальше въглубь тайги.

— Что-жъ тутъ особеннаго,—отвѣтилъ я на обращенный ко мнѣ по этому поводу вопросъ:—ведѣ вѣдь старовѣры бѣгутъ отъ «мірянъ» и вездѣ стараются скрыться отъ «міра» въ невѣдомую тайгу.

— Да, это такъ, а все-таки—зачѣмъ имъ нужно бѣжать отъ людей?.. Нѣтъ, ужъ я доберусь до нихъ,—съ жаромъ говорилъ почтенный чиновникъ;—пусть они себѣ тамъ годъ посидятъ да обживутся, а тамъ мы я посмотримъ, въ чемъ дѣло.

Однако, несмотря на нескрываемо-недружелюбное отношеніе къ старовѣрамъ, мой собесѣдникъ не отрицаетъ того, что старовѣры—лучшая часть населенія его участка, «только насъ, православныхъ, почитаютъ хуже собаки». Тѣмъ не менѣе, очень много помогаютъ, не разбирая православныхъ отъ неправославныхъ.

— Вы вотъ ночевали на заимкѣ у Безрукова,—вѣдь онъ рѣшительно всѣхъ переселенцевъ, кто къ нему ни зайди, кормить. Даю вамъ слово, если бы не онъ, за зиму бы у меня десятка полтора переселенцевъ поза-

*) Благородный олень; охотятся на него изъ-за роговъ («панты»), за которые китайцы даютъ большія деньги.

мерзло. Отъ Домикана до Архары сорокъ верстъ, идутъ все больше пѣшкомъ, морозъ лютый, ну, каждый и заходитъ къ Безрукову обогрѣться; онъ каждыаго накормитъ, да еще хлѣба дастъ съ собой на дорогу. Въ нынѣшнемъ году, знаете, онъ специально четыре десятины пшеницы посѣялъ «для гостей»; просто для счета—любопытно ему стало знать, сколько на такихъ «гостей» выходитъ хлѣба.

Разговоръ зашелъ о могилевцахъ; мой собесѣдникъ оказался радѣляющимъ всеобщее нерасположеніе къ этой группѣ новоселовъ.

— Они и на родинѣ-то,—говорилъ онъ,—хозяйства не умѣли вести, а здѣсь еще старовѣры ихъ избаловали подачками. Вѣдь до какого нахальства доходятъ!.. Есть въ Домиканѣ старикъ одинъ, уважаемый, онъ у нихъ что-то въ родѣ архіерея; пришла къ нему женщина изъ Могилевки, онъ ей подарилъ телку; а чрезъ недѣлю та опять къ нему: «телкѣ, молъ, скучно, подари бычка»; пѣтуха имъ дарятъ—не берутъ: дай курицу, она яйца будетъ нести.

Кромѣ отдѣльныхъ займокъ, частью забравшихся въ глухую тайгу, въ роли какъ бы авангарда колонизаціи, частью располагающихся на «междугранкахъ», т. е. на оставшихся свободными земляхъ въ промежуткахъ между селеніями, уже въ чертѣ заселеннаго района, старовѣры живутъ и отдѣльными селеніями, преимущественно по Бурѣ и въ ближайшемъ къ ней районѣ; въ одномъ селеніи при этомъ нерѣдко группируются раскольники различныхъ толковъ, а иногда старовѣры живутъ и вмѣстѣ съ православными.

Всѣ старовѣрскія селенія (миѣ пришлось посѣтить на Завитой деревнѣ Платову, на Бурѣ—Домиканъ, Каменку, Кулусутай, Базареву) прекрасно обстроены, хотя и не съ такимъ шикомъ, какъ селенія молоканъ. Преобладаютъ солидно сложенные бревенчатые дома, почему-то всегда съ бѣлыми ставнями, крытые иногда берестой, чаще тесомъ или цинкованнымъ желѣзомъ; дома сплошь и рядомъ въ нѣсколько покоевъ, даже двухъэтажные, а у богатыхъ—съ какими-то балкончиками или галереями; дворы широкіе, съ солидными амбарами и крѣпкими изгородями или заборами, около домовъ часто небольшіе садики или палисадники. Словомъ, все производитъ впечатлѣніе зажиточности и хозяйственности, хотя въ нѣкоторыхъ явно зажиточныхъ дворахъ непрятно поражаетъ нѣкоторая запущенность, находящая себѣ выраженіе въ полуразвалившихся амбарахъ, покосившихся заборахъ, разбитыхъ стеклахъ и т. п.

У амурскихъ старовѣровъ — репутація прекрасныхъ земледѣльцевъ, хотя, въ смыслѣ склонности къ всякимъ новшествамъ и усовершенствованіямъ, они нѣсколько и уступаютъ пользающимся репутаціею «американцевъ» раг excellence молоканамъ. Но въ противоположность позднѣйшимъ пришельцамъ, хохламъ или могилевцамъ, старовѣры рѣдко живутъ однимъ земледѣліемъ. Каждый старовѣръ, прежде всего, превосходный и страстный охотникъ, и охотничій промыселъ, которому такъ благопріятствуютъ и богатая фауна, и почти полная пустыньность

большей части пространства Амурской области, давая и отчасти сейчас еще дает старовѣрамъ крупныя заработки: промышленяютъ козулю (козуль вы еще и сейчас встрѣчаете на каждомъ шагу, проѣзжая по окраинамъ заселеннаго района), сохатаго, медвѣдя; охотятся на изюбри (иначе—мараль или благородный олень), молодые рога котораго покупаются китайцами за огромныя деньги. Ловятъ звѣря разными ловушками, но главнымъ образомъ охотятся съ ружьемъ, причѣмъ, въ противоположность западно-сибирскому охотнику съ его первобытною кремневкой, амурскій старовѣръ вооруженъ въ худшемъ случаѣ берданкой, а въ лучшемъ—дорогимъ винчестеромъ или вообще винтовкой какой-нибудь известной иностранной фирмы. Охота для амурскаго старовѣра—несомнѣнно что-то въ родѣ спорта: тратя на охоту массу времени и энергія, онъ слѣдуетъ далеко не одному только хозяйственному разсчету, но кромѣ того и своему вкусу, своей страсти къ охотѣ, потому что съ чисто-хозяйственной точки зрѣнія охотничій промыселъ, при существующей на Амурѣ высокой оцѣнкѣ труда, обусловливаемой наличностью разнообразнѣйшихъ болѣе выгодныхъ заработковъ, отнюдь не можетъ быть признанъ особенно доходнымъ занятіемъ.

Наиболѣе крупныя заработки амурскимъ старовѣрамъ даетъ золото-промышленность, и обнаружившійся въ самыя послѣдніе годы, какъ можно думать, временный упадокъ золотого дѣла въ краѣ довольно тяжело отразился на благосостояніи старовѣровъ. Не мало старовѣровъ, какъ изъ «деревенскихъ», такъ особенно изъ заимщиковъ, по-видимому, занимается такъ называемою «хищническою» добычею золота; найдутся среди нихъ и спиртоносы, и представители другихъ, частью еще менѣе благовидныхъ профессій, какія всегда складываются около присковокъ и на путяхъ выхода золотопромышленныхъ рабочихъ,—хотя, впрочемъ, не мѣшаетъ замѣтить, что рассказы о самыхъ темныхъ дѣлахъ, совершающихся «около золота», почти всегда связываются не со старовѣрскими, а съ молоканскими именами. Но главный массовый заработокъ даютъ или, вѣрнѣе, давали такія занятія, какъ перевозка въ присковыя «резиденціи» десятковъ и сотенъ тысячъ пудовъ потребляемыхъ на прискахъ продуктовъ, какъ заготовка сѣна и разные другіе виды вспомогательныхъ работъ (на работы собственно по добычѣ золота мѣстныхъ жителей воспрещается нанимать), не говоря уже о крайне выгодномъ сбытѣ, который приски открывали для разнообразнѣйшихъ продуктовъ крестьянскаго хозяйства.

На хозяйствѣ бурейскихъ старожиловъ особенно сильно отразился кризисъ Ниманской золотопромышленной компаніи, «резиденція» которой расположена всего въ тридцати верстахъ отъ послѣдняго по Бурей старовѣрскаго селенія—Бахарево. Еще недавно на Ниманскихъ прискахъ намывали въ годъ до ста шестидесяти пудовъ золота, а въ кампанію 1900 года намыли всего только семь пудовъ... «И чего тамъ только не было,—съ сокрушеніемъ рассказываютъ бахаревцы:—три тысячи лошадей по три пути дѣлали, разный товаръ возили,—было значить,

что вонять! Вся Завитинская волость въ нихъ работала, съ Томи—Томская волость работала, хорошо съ того жили!.. На Пайканскомъ складѣ (названіе Ниманской резиденціи) сѣно прессовали, зарабатывали по два да по три рубля въ день; овесъ продавали по семи до восьми гривенъ, а сейчасъ не дороже полтинника...»

Какъ «деревенскіе» старовѣры, такъ и обитатели занюкъ почти поголовно собираются уходить съ насиженныхъ мѣстъ, чѣмъ и объясняется, очевидно, вѣсколько запущенный видъ многихъ домовъ и дворовъ въ старовѣрскихъ селеніяхъ: не поправляютъ домовъ, даютъ валиться изгородямъ, потому что доживаютъ здѣсь послѣдніе годы, и каждый присматриваетъ себѣ какое-нибудь новое мѣсто для водворенія. «Только потому по-сейчасъ не ушли,—говорили мнѣ старовѣры въ деревнѣ Каменкѣ,—что домашность некуда опредѣлить; а вотъ придутъ новоселы, домашность покупать, всѣ и уйдутъ». Стремятся старовѣры, главнымъ образомъ, «во Владивостокъ»—въ Приморскую область, кто на Даубихе, кто на Уду. Одни стремятся туда исключительно на основаніи слуховъ, другіе уже ходили смотрѣть «новыя мѣста», кое-кто уже и переселился; впоследствии, путешествуя по самой глухой части Южно-Уссурийскаго края, я попалъ въ образованную выходцами изъ Каменки старовѣрскую деревню—тоже Каменку, на побережьи Улахе, причемъ приходилось только руками разводиться—какъ старовѣры могли пробраться, съ семьями и скарбомъ, въ такую глухую и удаленную отъ всякихъ проѣзжихъ дорогъ тайгу... Всѣхъ привлекаетъ туда главнымъ образомъ просторъ, приволье. «Тамъ свободно,—разсказывалъ мнѣ старовѣръ, ходившій смотрѣть мѣста на Даубихе,—для хлѣбовъ, правду сказать, мѣста не стоятъ здѣшнихъ, да большія удобства для промысла, для пчелы»; а про мѣста на Удѣ слышали, что тамъ «шибко хорошо» для скотоводства, да и на рыбѣ можно заработать.

Однако, что же гонить амурскихъ старовѣровъ съ насиженныхъ ими мѣстъ? Говорить о тѣснотѣ, о недостаткѣ земли, было бы смѣшно,—сами старовѣры соглашаются, что «пашня есть, покоса сколько угодно, хлѣсъ есть, все есть», хотя и отмѣчаютъ разные признаки надвигающагося «утѣсенія»: «прежде,—говорятъ они,—не пасли скота, вольно было; а теперь нагнали російскихъ, и уже скотину пасти доводится». Сократились, правда, и заработки на прискахъ, но все же условія оплаты труда, и особенно условія сбыта продуктовъ, и до сихъ поръ въ высшей степени благоприятны; поистоялись, правда, запасы промысловаго звѣря, но и сейчасъ козули такъ и скачутъ по лѣсамъ и по горамъ, и хорошій охотникъ и сейчасъ избиваетъ за зиму десятки головъ крупнаго звѣря. Если поэтому старовѣры говорятъ о наступившемъ «многолюдствѣ», какъ основной причинѣ, заставляющей ихъ искать «новыхъ мѣстовъ», то это, конечно, не то многолюдство, связанное съ недостаткомъ земли, съ земельною тѣснотою, которое гонитъ переселенца изъ Европейской Россіи или изъ Западной Сибири.

Амурскій старовѣръ уходитъ отъ надвигающагося на него «міра», отъ общенія съ иновѣрцами,—онъ ищетъ уединенія и возможности спокойно жить «по старинѣ». Куда онъ пойдетъ, этотъ вѣчный странникъ, куда онъ дѣнется въ томъ близкомъ будущемъ, когда «міръ» придвинется къ самому Тихому океану и проберется въ дикія нивѣ дебри Амурскихъ и Уссурійскихъ «хребтовъ»?.. Вся надежда для старовѣровъ въ томъ, что сѣверная граница возможной земледѣльческой культуры не неподвижна; что цѣною упорнаго труда и неослабной борьбы съ природой имъ удастся устроиться на такихъ окраинахъ, куда «міръ» не послѣдуетъ за ними,—окраинахъ, которыя по суровости климата и дикости природы еще долго останутся недоступными для заурядныхъ переселенцевъ.

Подѣзжая къ деревнѣ Домикану, я замѣтилъ на небольшомъ пригоркѣ какое-то необычное сооруженіе,—что-то въ видѣ сторожевой вышки, на четырехъ столбахъ, съ площадкою и крышей.

— Китайцевъ караулили,—объясняетъ мнѣ на мой вопросъ ящикъ, домиканскій старовѣръ.—Мужиковъ-то всѣхъ взяли въ казаки *); остались однѣ бабы да старики, мы и посадили караульщика: какъ китайцы покажутся, чтобы бѣжать.

— А приходили китайцы?

— Нѣтъ, не приходили. А которые у насъ на деревнѣ жили, работали, тѣхъ...—мой собесѣдникъ нѣсколько заминается...—прочъ погнали,—заканчиваетъ онъ фразу.

— А куда жъ они дѣвались,—настаиваю я?

— Да перебили всѣхъ,—отвѣчаетъ ящикъ какъ-то нерѣшительно.—Согнали въ волость, да тамъ и били. Много, сердешныхъ, перебили, которыхъ и не за что было убивать-то. Приѣжалъ какой-то, приказъ будто объявлялъ—бить всѣхъ до одинаго; бумага-то онъ не привозилъ, сказываютъ, а такъ словесно объявилъ. Потомъ бумага пришла—не бить; а ихъ уже всѣхъ перебили... Пожалуй, настояще то и приказу не было, чтобы бить, а такъ, одно недоумѣніе...»

— А капиталъ у китайцевъ куда дѣвался?—спрашиваетъ его мой товарищъ по поѣздкѣ?

— Какой у нихъ капиталъ! Все дроворубы были, рабочіе—развѣ у кого двадцать аль тридцать рублей заработанныхъ. Ну, у кого наши деньги, подѣлили промежь себя, которые били. А который китаецъ поумнѣе, тотъ прямо въ воду прыгнетъ, да и снесетъ его въ Амуръ, вмѣстѣ съ его капиталомъ.

«Китайскія событія», однако, обогатили не мало народу. Въ частности, не мало нажилося только-что прибывшихъ изъ Россіи переселенцевъ: имъ разрѣшено было снимать хлѣбъ съ оставленныхъ манчжурами полей за-Зейскаго района; отъ продажи хлѣба, а

*) Имѣется въ виду дружина, сформированная въ 1900 году для обороны границы отъ китайцевъ.

въ особенности разысканнаго по разнымъ тайникамъ манчжурскаго добра, многіе переселенцы выручили тысячныя суммы.... да и ушли съ ними: кто домой («съ такими деньгами ему и дома хорошо будетъ»), говорятъ про такихъ оставшіеся), а кто на свободныя земли западной или средней Сибири, гдѣ обзаведеніе не требуетъ такихъ затратъ, какъ на Амурѣ.

Мнѣ уже приходилось говорить о томъ, какъ тяжело «китайскія событія» отразились на интересахъ благовѣщенскихъ обывателей. Не безъ вліянія они остались и на интересахъ крестьянъ. Какъ продавцы продуктовъ своего хозяйства, крестьяне, конечно, должны были только радоваться устраненію конкуренціи за Зейскихъ манчжуръ. Всѣ продукты страшно вздорожали: яйца, которыя манчжуры продавали по 10—15 копѣекъ, лѣтомъ 1901 года продавались по 30—50 копѣекъ, а зимою передъ тѣмъ—и по рублю десятокъ; за голову рогатаго скота вѣсомъ въ 7—8 пудовъ, какая раньше стоила 40—50 рублей, теперь даже въ отдаленныхъ отъ Благовѣщенска деревняхъ можно получить не менѣе 70—80 рублей, а въ Благовѣщенскѣ и всѣ сто рублей; простое масло доходить по деревнямъ до 60—70 копѣекъ фунтъ, тогда какъ раньше оно стоило половину.

И, тѣмъ не менѣе, крестьяне не радуются отсутствію китайцевъ. Китайцы для амурскихъ крестьянъ прежде всего и болѣе всего—поставщики рабочей силы, рабочей силы дешевой и въ то же время надежной: «китаецъ онъ безоблыжный,—говорили мнѣ бурейскіе старовѣры,—до самой смерти мается; не то что россійскіе, тѣ только и работаютъ, пока на глазахъ». Исчезновеніе этого источника рабочей силы имѣло своимъ послѣдствіемъ рѣзкое вздорожаніе рабочихъ рукъ: такъ, ручная уборка хлѣба, которая обходилась при китайцахъ по 12—15 руб., въ 1900 году обошлась уже по 25 рублей съ «молоканской» десятины (4.000 кв. саж.) За вязку хлѣба при машинной уборкѣ китайцы брали по 2 р. 50 к.—3 р. съ десятины; въ 1900 году вязка обошлась уже не менѣе пяти рублей, а въ 1901 году, по расчетамъ крестьянъ, должна была обойтись не менѣе 7—8 рублей съ десятины. Между тѣмъ, амурскіе крестьяне, даже многіе изъ только что прибывшихъ, являются не продавцами, а покупателями рабочей силы,—естественно, что такое вздорожаніе рабочихъ рукъ имъ очень не по сердцу. Между прочимъ, оно рѣзко отразилось на техникѣ уборки хлѣба: вмѣсто простыхъ жней, амурскіе крестьяне, и въ особенности молokane, закупили массу жней-сноповязалокъ, такъ какъ, при почти утроившейся стоимости ручной работы, машинная вязка хлѣба сразу стала несравненно болѣе выгодною.

Александръ Кауфманъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ. 1829—1842 гг.

(Продолженіе *).

VIII.

Статья Гоголя по вопросамъ объ искусствѣ; ихъ лирической тонъ.—Гоголь какъ литературный критикъ.—Жизнь и психическій міръ художника въ повѣстахъ того времени.—Повѣсти и драмы кн. В. Ѳ. Одоевскаго, Кукольника, Полевого, Тимофѣева и Павлова.—Повѣсть Гоголя «Портретъ»; значеніе ея въ исторіи развитія взглядовъ Гоголя на искусство.—Разладъ мечты и дѣйствительности, какъ онъ изображенъ въ повѣстахъ Гоголя «Невскій Проспектъ» и «Записки сумасшедшаго».

За всѣ семь лѣтъ своей кипучей литературной дѣятельности въ Петербургѣ, среди самыхъ разнообразныхъ трудовъ, Гоголь обнаруживалъ живой, все возрастающій интересъ къ вопросамъ объ искусствѣ. Философомъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова онъ никогда не былъ и къ эстетическимъ «теоріямъ», которыми тогда уже серьезно увлекались его современники, онъ относился съ достаточнымъ хладнокровіемъ, но искусство во всѣхъ его видахъ, тайна творчества, а также и вопросъ о роли поэта въ жизни не переставали его тревожить.

Гоголь свелъ въ Петербургѣ дружбу съ художниками, занимался живописью въ Академіи, много слушалъ музыки, изучалъ исторію искусствъ и вообще упорно работалъ надъ развитіемъ своего эстетическаго вкуса. Эта работа оставила ясные слѣды на его статьяхъ и разсказахъ; но всегда, когда нашему писателю приходилось касаться вопросовъ о прекрасномъ и о его значеніи для нашей жизни, онъ обнаруживалъ большую силу чувства, чѣмъ силу мысли: искусство повышало лирическое настроеніе Гоголя, и его дума почти всегда переходила въ восторгъ и паенось. Съ нѣкоторыми изъ такихъ патетическихкихъ возгласовъ намъ нужно ознакомиться. Мы увидимъ, какого высокаго мнѣнія былъ художникъ о томъ дѣлѣ, которому начиналъ служить, и какъ при такомъ высокомъ взглядѣ на поэзію жизни ему было трудно найти ей мѣсто среди житейской прозы.

Въ 1830 году—еще въ самый первый годъ своего робкаго служенія искусству—Гоголь привѣтствовалъ поэзію восторженнымъ дионисейскимъ раббомъ по поводу выхода въ свѣтъ «Бориса Годунова» Пушкина. Онъ посвятилъ этой драмѣ нѣсколько интимныхъ страницъ, писан-

*) См. «Міръ Божій», № 4, апрѣль. 1902 г.

ныхъ не для печати. Это было его первое славословіе искусству, мысль о которомъ затѣмъ такъ и осталась въ его умѣ и сердцѣ неразрывно связанной съ именемъ Пушкина. Восторженный юноша Поллюръ, классическимъ именемъ котораго окрестилъ себя на этотъ случай нашъ романтикъ, выходя изъ книжной лавки, гдѣ продавалось новое твореніе Пушкина, впалъ въ торжественную задумчивость: какая-то священная грусть, тихое негодованіе сохранялись въ чертахъ его, какъ будто бы онъ слышалъ въ душѣ своей пророчество о вѣчности, какъ будто бы душа его терпѣла муки, невыразимыя и непостижимыя для земного. Онъ не хотѣлъ высказать своего мнѣнія о великомъ поэтѣ, потому что считалъ святотатствомъ всякое свое слово. Кому нужно знать, какъ онъ о поэтѣ судить? Толковать и говорить о поэтѣ не то же ли самое, что, упавъ на колѣни, жарко молиться на площади, гдѣ чернь кипитъ и суетится? Смиримся передъ гениемъ въ безмолвіи! «Великій!—обращается Поллюръ, или просто нашъ Николай Васильевичъ, къ Пушкину, — Великій! Когда развертываю дивное твореніе твое, когда вѣчный стихъ твой гремитъ и стремить ко мнѣ молнію огненныхъ звуковъ, священный холодъ разливается по жиламъ, и душа дрожитъ въ ужасѣ, вызвавъ Бога изъ своего безпредѣльнаго лона... что тогда? Если бы небо, лучи, море, огни, пожирающіе внутренность земли нашей, безконечный воздухъ, объемлющій міръ, ангелы, пылающія планеты превратились въ слова и буквы—и тогда бы я не выразилъ ими и десятой доли дивныхъ явленій, совершающихся въ то время въ лонѣ *невидимаго меня*». Таково чудо, творимое искусствомъ надъ душой человѣка, который способенъ его чувствовать... Всякій гений — благословеніе Божіе человѣчеству... Склоняясь передъ этимъ благословеніемъ, Гоголь говорилъ: «Великій! Надъ симъ вѣчнымъ твореніемъ твоимъ клянусь!.. Еще я чистъ, еще ни одно презрѣнное чувство корысти, раболѣпства и молкаго самолюбія не заронилось въ мою душу. Если мертвящій холодъ бездушнаго свѣта исхититъ святотатственно изъ души моей хотя часть ея достоянія; если кремь обхватитъ тихо горящее сердце; если презрѣнная, ничтожная лѣнь окуетъ меня; если дивныя мгновенія души повесу на торжище народныхъ хвалъ; если опозорю въ себѣ тобой исторгнутые звуки... О! тогда пусть обольется оно немолчнымъ ядомъ, вопьется милліонами жалъ въ невидимаго меня, неугасимымъ пламенемъ упрековъ обовьетъ душу и раздастся по мнѣ тѣмъ пронзительнымъ воплемъ, отъ котораго изныли бы всѣ суставы, и сама бы бессмертная душа застонала, возвратившись безотвѣтнымъ эхомъ въ свою пустыню... Но нѣтъ! оно какъ Творецъ, какъ благость! Ему ли пламенѣть казнью? Оно обниметъ снова моремъ свѣтлыхъ лучей и звуковъ душу и слезой примиренія задрожитъ на отуманенныхъ глазахъ обратившагося преступника!» *)

*) «Вормъ Годуновъ». Поема Пушкина.

Въ такое умиленіе повергало Гоголя созерцаніе красоты Пушкинскаго творчества. Это былъ чистый, почти бессознательный восторгъ.

Три года спустя, наканунѣ 1834 года, Гоголь, уже отъ своего лица, говорилъ приблизительно то же, обращаясь къ своему «генію». Самъ, теперь уже признанный художникъ, уже сознающій въ себѣ своего бога, становится онъ на колѣни передъ его алтаремъ и проситъ себѣ благословенія. Всѣ его думы о святости своего призванія, о миссиі, на него возложенной, о сигѣ, которую онъ въ себѣ чувствовалъ въ тѣ молодые и счастливые годы—всѣ упованія и восторги художника нашли себѣ выраженіе въ этихъ страстныхъ, порой вычурныхъ, но искреннихъ словахъ:

«Великая, торжественная минута!—писалъ, встрѣчая новый годъ, Гоголь на одномъ листѣ бумаги, который также не предназначался для читателя. — Боже! какъ слились и столпились около нея волны различныхъ чувствъ! Нѣтъ, это не мечта. Это та роковая неотразимая грань между воспоминаемъ и надеждой... Уже нѣтъ воспоминація, уже оно несется, уже пересиливаетъ его надежда. У ногъ моихъ шумитъ мое прошедшее; надо мной сквозь туманъ свѣтлѣетъ неразгаданное будущее... Молю тебя, жизнь души моей, мой геній! О, не скрывайся отъ меня! Пободруствуй надо мной въ эту минуту и не отходи отъ меня весь этотъ, такъ заманчиво наступающій для меня годъ. Какое же будешь ты, мое будущее? Блистательное ли, широкое ли, кипишь ли великими для меня подвигами, или... О, будь блистательно! Будь дѣятельно, все предано труду и спокойствію».

«Таинственный, неизъяснимый 1834 годъ! Гдѣ означу я тебя великими трудами? Среди ли этой кучи набросанныхъ одинъ на другой домовъ, гремящихъ улицъ, кипящей меркантильности,—этой безобразной кучи молъ, парадовъ, чиновниковъ, дикихъ сѣверныхъ ночей, блеску и низкой безцвѣтности? Въ моемъ ли прекрасномъ, древнемъ, обѣтованномъ Кіевѣ, увѣнчанномъ многоплодными садами, опоясанномъ моимъ южнымъ, прекраснымъ чуднымъ небомъ, упоительными ночами, гдѣ гора обсыпана кустарниками, съ своими какъ бы гармоническими обрывами, и подмывающій ее мой чистый и быстрый Днѣпръ. Тамъ ли? О!.. я не знаю, какъ назвать тебя, мой геній! Ты, отъ колыбели еще пролетавшій съ своими гармоническими пѣснями мимо моихъ ушей, такія чудныя, необъяснимыя донинѣ, зарождавшій во мнѣ думы, такія необъятныя и упоительныя, легѣвшій во мнѣ мечты! О взгляни! Прекрасный! низведи на меня свои небесныя очи. Я на колѣняхъ. Я у ногъ твоихъ! О, не разлучайся со мною! Живи на землѣ со мною хоть два часа каждый день, какъ прекрасный братъ мой! Я совершу... я совершу. Жизнь кипитъ во мнѣ. Труды мои будутъ вдохновенны. Надъ ними будетъ вѣять недоступное землѣ Божество! Я совершу... О, поцѣлуй и благослови меня! *).

*) 1834 г.

Такъ молился художникъ своему вдохновенію поэта, въ которое уже начиналъ вѣрять... И всегда, когда Гоголь встрѣчался съ этой небесной силой, воплощенной въ человѣкѣ ли или въ его твореніи, онъ ощущалъ подъемъ патетическаго чувства, который превращалъ его размышленіе въ неудержимый порывъ восторга.

Такимъ сплошнымъ восторгомъ передъ искусствомъ, передъ тайной творчества была и его статья о «скульптурѣ, живописи и музыкѣ», съ которой открывались его «Арабески». Статья любопытна и своими мыслями, и силой восхищенія. Весь романтизмъ языка и чувства, на который Гоголь былъ способенъ, проявился въ этомъ гимнѣ. «Три чудныхъ сестры посланы Звѣздителемъ мириадъ украсить и усладить міръ!—говорилъ нашъ мечтатель. Безъ нихъ онъ былъ бы пустыня и безъ пѣнія катился бы по своему пути. Первая—скульптура. Она прекрасна, мгновенна, какъ красавица, глянувшая въ зеркало, усмѣхнувшаяся, видя свое изображеніе, и уже бѣгущая, влача съ торжествомъ за собой толпу гордыхъ юношей. Она очаровательна, какъ жизнь, какъ міръ, какъ чувственная красота, которой она служитъ алтаремъ... Она обращаетъ всѣ чувства зрителя въ одно наслажденіе, въ наслажденіе спокойное, ведущее за собой нѣгу и самодовольство явческаго міра... Вторая сестра—живопись. Возвышенная, прекрасная, какъ осень въ богатомъ своемъ убранствѣ, мелькающая сквозь переплетъ окна, увитаго виноградомъ, смиренная и обширная, какъ вселенная, яркая музыка очей—она прекрасна! Все неопредѣленное, что не въ силахъ выразить мраморъ, разсѣкаемый могучимъ молотомъ скульптора, опредѣляется вдохновенною ея кистью. Она также выражаетъ страсти, понятныя всякому, но, чувственность уже не такъ властвуетъ въ нихъ: духовное невольно проникаетъ все. Она беретъ уже не одного человѣка, ея границы шире: она заключаетъ въ себѣ весь міръ; всѣ прекрасныя явленія, окружающія человѣка, въ ея власти; вся тайная гармонія и связь человѣка съ природою—въ ней одной. Она соединяетъ чувственное съ духовнымъ. Третья сестра—музыка. Она восторженнѣе, она стремительнѣе обѣихъ сестеръ своихъ. Она вся—порывъ; она вдругъ, за однимъ разомъ, отрываетъ человѣка отъ земли его, оглушаетъ его громомъ могущихъ звуковъ и разомъ погружаетъ его въ свой міръ; она обращаетъ его въ одинъ трепетъ. Онъ уже не наслаждается, онъ не страдаетъ—онъ самъ превращается въ страданіе; душа его не созерцаетъ непостижимаго явленія, но сама живетъ, живетъ, своею жизнью, живетъ порывно, сокрушительно, мятежно. Она томительна и мятежна, но могущественнѣй и восторженнѣй подъ безконечными, темными сводами катедраля, гдѣ тысячи поверженныхъ на колѣни молельщиковъ стремятъ она въ одно согласное движеніе, обнажаетъ до глубины сердечныя ихъ помышленія, кружить и несется съ ними горѣ, оставляя послѣ себя долгое безмолвіе и долго исчезающій звукъ, трепещущій въ углубленіи остроконечной башни...»

Разсужденія объ искусствѣ, написанныя такимъ языкомъ, конечно, мало убѣдительны, но внимательный читатель все-таки замѣтитъ, насколько вѣрны и ярки отдѣльныя мысли и опредѣленія, которыя такъ насыпаны цвѣтами краснорѣчія; и, дѣйствительно, гоголевская метафора способна иной разъ лучше всякой мысли передать впечатлѣніе, которое то или другое искусство производитъ на человѣка. Любопытна въ статьѣ также и ея заключительная мысль—обращеніе художника къ музыкѣ, какъ къ единственному искусству, которое способно пробудить наши меркантильныя души и дремлющія чувства. Совсѣмъ какъ нѣмецкіе романтики—Гоголь думаетъ, что музыка въ силахъ прогнать ужасный эгонизмъ, слящійся овладѣть нашимъ міромъ, и что она въ нашъ «юный и дряхлый вѣкъ» вернетъ насъ къ Богу, который послалъ ее на землю.

Этотъ дирирабль музыкѣ можетъ показаться нѣсколько страннымъ, если припомнить, что Гоголь не признавалъ себя способнымъ понимать ее и говорилъ, что у него нѣтъ «уха къ музыкѣ» *); но такое признаніе лишній разъ убѣждаетъ насъ въ томъ, какъ нашъ писатель умѣлъ восхищаться, когда дѣло касалось искусства.

Впрочемъ, онъ умѣлъ и разсуждать и иногда очень тонко. Характернымъ примѣромъ такихъ эстетическихъ разсужденій являются двѣ его статьи: одна объ «архитектурѣ нынѣшняго времени», другая о знаменитой картинѣ Брюлова «Послѣдній день Помпеи». Обѣ статьи обнаруживаютъ большую вдумчивость и пониманіе, и указываютъ на немалое количество знаній по исторіи художествъ. Статья объ архитектурѣ нашего времени есть собственно плачъ о паденіи этого искусства и краткій очеркъ развитія прежнихъ архитектурныхъ стилей—античнаго, византійскаго, романскаго, восточнаго и, преимущественно, готическаго. Авторъ видитъ источникъ паденія архитектуры въ томъ стѣсненіи, которое испытываетъ нынѣ полетъ генія. Геній удерживается отъ оригинальнаго и необыкновеннаго потому только, что предъ нимъ слишкомъ уже низки и ничтожны обыкновенные люди. Соразмѣрность въ отношеніи къ окружающимъ зданіямъ мѣшаетъ архитектору быть оригинальнымъ. Онъ стремится, чтобы всѣ дома были похожи одинъ на другой, чтобы все представляло изъ себя «гладкообразную кучу». Однообразная простота, т.-е., другими словами, проза заѣла всякую оригинальность и духовность въ зодчествѣ. А въ старину ее было много и въ особенности въ готикѣ. Гоголь уже въ эти годы (1831) является рѣшительнымъ поклонникомъ и сторонникомъ готическаго средневѣковаго стиля. «Готическая архитектура—говоритъ онъ—чисто европейская, созданіе европейскаго духа и потому болѣе всего прилична намъ. Чудное ея величіе и красота превосходятъ всѣ другія. Но готическій образъ строенія нельзя употреблять на театры, на биржи, на какіе-нибудь комитеты и вообще на зданія, называемыя для собраній веселящагося или торгующаго, или работаю-

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 348.

щаго народа. Нѣтъ величественнѣе, возвышеннѣе и приличнѣе архитектуры для зданія христіанскому Богу, какъ готическая. Но они прошли—тѣ вѣка, когда вѣра, пламенная, жаркая вѣра устремляла всѣ мысли, всѣ умы, всѣ дѣйствія къ одному, когда художникъ выше и выше стремился вознести созданіе свое къ небу, къ нему одному рвался и передъ нимъ, почти въ виду его, благоговѣнно подымалъ молящуюся свою руку. Зданіе его летѣло къ небу; узкія окна, столпы, своды тянулись нескончаемо въ вышину: прозрачный, почти кружевной шпатель, какъ дымъ, сквозилъ надъ ними, и величественный храмъ такъ бывалъ великъ передъ обыкновенными жилищами людей, какъ велики требованія души нашей передъ требованіями тѣла. Вступая въ священный мракъ этого храма, сквозь который фантастически глядитъ разноцвѣтный цвѣтъ оконъ, поднявъ глаза кверху, гдѣ теряются, пересѣкаясь, стрѣльчатые своды одинъ надъ другимъ, и имъ конца нѣтъ,—весьма естественно ощутить въ душѣ невольный ужасъ присутствія святости, которой не смѣетъ и коснуться дерзновенный умъ человѣка».

Гоголь понималъ, что возвратъ къ старинѣ невозможенъ, но онъ стремился хоть научить людей любить эту старину во всемъ ея разнообразіи и для этого проектировалъ имѣть въ городѣ одну такую улицу, которая бы вмѣщала въ себѣ архитектурную лѣтопись: на ней должны были стоять зданія построенныя во всѣхъ стиляхъ—отъ первобытнаго дикаго до самаго новаго.

Статья, какъ видимъ, опять чисто лирическая, съ очень характерными для Гоголя вкусами и мыслями: ясно проступаетъ въ ней наружу его любовь къ старинѣ и его религіозное настроеніе. Оттѣненъ въ ней также и его страхъ передъ прозой жизни, скорбь о своемъ юномъ и дряхломъ вѣкѣ.

Три года спустя, когда Гоголь писалъ свою статью о картинѣ Брюлова «Послѣдній день Помпеи» (1834), онъ къ XIX вѣку отнесся болѣе милостиво. Восхваляя Брюлова за то, что онъ въ своемъ «всемірномъ созданіи такъ сумѣлъ сочетать идеальное съ реальнымъ, что онъ не далъ въ ней перевѣса идеѣ; за то, что онъ разлилъ въ ней цѣлое море блеска, что ему удалось схватить природу «исполискими объятіями и сжать ее со страстью»—Гоголь бросилъ мимоходомъ одно замѣчаніе о направленіи искусствъ въ XIX вѣкѣ—небезынтересное, если его отнести къ творчеству самого Гоголя. «Можно сказать—писать нашъ авторъ—что XIX вѣкъ есть вѣкъ эффектовъ. Всякій, отъ перваго до послѣдняго, топорщится произвести эффектъ, начиная отъ поэта до кондитера, такъ что эти эффекты, право, уже надобѣдаютъ, и, можетъ быть, XIX вѣкъ, по странной причудѣ своей, наконецъ, обратится ко всему безъэффектному. Въ живописи съ этими эффектами можно еще помириться, но въ произведеніяхъ (словесныхъ), подверженныхъ духовному оку, они вредны, если ложны, потому что простодушная толпа кидается на блестящее. Но въ рукахъ истиннаго таланта они вѣрны

и превращаютъ человѣка въ исполнѣна. Въ общей массѣ стремленіе къ эффектамъ болѣе полезно, нежели вредно: оно болѣе двигаетъ впередъ, нежели назадъ... Желая произвести эффекты, многіе болѣе стали разсматривать предметъ свой, сильнѣе напрягать умственныя способности. И если вѣрный эффектъ оказывался болѣею частью только въ мелкомъ, то этому виною безлюдье крупныхъ геніевъ... Кто-то сказалъ, что въ XIX вѣкѣ невозможно появленіе генія всемірнаго, обнявшаго бы въ себѣ всю жизнь XIX вѣка. Это совершенно несправедливо, и такая мысль исполнена безнадежности и отзывается какимъ-то малодушіемъ. Напротивъ, никогда полетъ генія не былъ такъ яркъ, какъ въ нынѣшнія времена; никогда не были для него такъ хорошо приготовлены матеріалы, какъ въ XIX вѣкѣ. И его шаги уже, вѣрно, будутъ исполненскими и видимы всѣми, отъ мала до велика.»

Въ этихъ туманно и нѣсколько противорѣчиво высказанныхъ словахъ кроется любопытный намекъ. Если вмѣсто слова «эффектъ» поставить слово восторгъ и паеось, а подъ словомъ не-эффектъ разумѣть правдивое, реальное отношеніе человѣка къ жизни, то въ разсужденіяхъ Гоголя замѣтно нѣкоторое критическое отношеніе къ «романтическому» міросозерцанію, а также и указаніе на совершающійся переломъ въ его собственномъ творествѣ. Нашъ авторъ, не отрекаясь отъ исполненскихъ «эффектовъ» жизни, какъ будто хочетъ сказать, что въ XIX вѣкѣ приготовлено столько хорошихъ матеріаловъ, т.-е. сдѣлано надъ жизнью столько вѣрныхъ наблюденій, что истинному таланту дана возможность втѣснить всю жизнь XIX вѣка въ свою картину, безъ необходимости ослѣплять читателя мелкими эффектами личнаго субъективнаго воображенія.

Такъ думалъ Гоголь надъ сущностью, границами и приемами художественнаго творчества, не систематизируя своихъ мыслей, но обнаруживая въ нихъ при случаѣ безспорную силу теоретика.

Предметомъ такого теоретическаго интереса была для него въ тѣ годы и область чисто словеснаго творчества. Онъ одно время думалъ даже утилизировать свой талантъ для чисто литературной критики. Въ этой мысли его поддерживалъ и Пушкинъ, который совѣтовалъ своему другу написать цѣлую исторію нашей критики, и чутье въ данномъ случаѣ Пушкина не обмануло. Хотя иногда и приходится слышать, что попытки Гоголя, какъ литературнаго критика—такой же капризь съ его стороны, какъ и его ученая работа, но это далеко не вѣрно. Изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ критическихъ статей Гоголя видно, что мы въ немъ имѣли, дѣйствительно, очень тонкаго цѣнителя литературы. Несмотря на относительно слабое литературное образованіе, Гоголь въ своихъ критикахъ, а позднѣе и въ своей «Перепискѣ съ друзьями», обнаружилъ рѣдкій для поэта тактъ и вкусъ въ оцѣнкѣ сочиненій современныхъ ему писателей: и только въ оцѣнкѣ собственныхъ трудовъ онъ просчитался. Но художнику, какъ извѣстно, всего

труднѣе быть судьей своей работы даже тогда, когда онъ не предъявляетъ къ ней тѣхъ высокихъ этическихъ требованій, которыя предъявлялъ Гоголь.

Первая критическая статья Гоголя относится къ 1832 году. Это была маленькая замѣтка подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ о Пушкинѣ» — попытка болѣе спокойно поговорить о томъ, о чемъ съ такимъ пафосомъ Гоголь говорилъ въ своей лирической статьѣ о «Борисѣ Годуновѣ». Статья, при всей ея краткости, очень замѣчательная. Мы помнимъ изъ обзора русской критики 30-хъ годовъ, какъ наши судьи бились съ установленіемъ правильнаго взгляда на «народность», съ оцѣнкой творчества Пушкина и съ рѣшеніемъ вопроса о значеніи этого творчества въ исторіи развитія нашей «народности». Въ статьѣ Гоголя этотъ вопросъ рѣшенъ кратко и ясно. «Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и, можетъ быть, единственное явленіе русскаго духа, — писалъ его поклонникъ. Это — русскій человѣкъ въ конечномъ его развитіи, въ какомъ онъ, можетъ быть, явится черезъ двѣсти лѣтъ. Самая его жизнь совершенно русская. Тотъ же разгулъ и раздолье, къ которому иногда, позабывшись, стремится русскій, и которое всегда нравится свѣжей русской молодежи, отравились на его первобытныхъ годахъ вступленія въ свѣтъ. Онъ остался русскимъ всюду, куда его забрасывала судьба: и на Кавказѣ, и въ Крыму, т.-е. тамъ, гдѣ имъ написаны тѣ изъ его произведеній, въ которыхъ хотятъ видѣть всего больше подражательнаго. Онъ при самомъ началѣ своемъ уже былъ націоналенъ, потому что истинная національность состоитъ не въ описаніи сарафана, но въ самомъ духѣ народа. Поэтъ даже можетъ быть и тогда націоналенъ, когда описываетъ совершенно сторонній міръ, но глядитъ на него глазами своей національной стихіи, глазами всего народа, когда чувствуетъ и говоритъ такъ, что соотечественникамъ его кажется, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами...» Опредѣливъ истинную «народность» созданій Пушкина такъ вѣрно и понявъ ее такъ широко, Гоголь переходитъ затѣмъ къ разсмотрѣнію одного изъ любопытнѣйшихъ вопросовъ въ исторіи критическаго отношенія нашихъ читателей къ творчеству ихъ любимца. Гоголь спрашиваетъ, почему писанное Пушкинымъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ нравится публикѣ меньше, чѣмъ то, что имъ было писано въ ранніе, романтическіе годы его творчества? И Гоголь, упреждая Бѣлинскаго, видитъ причину этого недоразумѣнія въ неспособности читателя подняться до пониманія истиннаго, простаго и сильнаго реализма, а потому и настоящей народности. Защищая Пушкина отъ нападокъ читателя, который ожидалъ въ его послѣднихъ произведеніяхъ прежняго романтическаго блеска и эффектовъ, къ которымъ пріучили кавказскія и крымскія поэмы художника, Гоголь говорилъ: «Масса народа похожа на женщину, приказывающую художнику нарисовать съ себя портретъ совершенно похожій; но горе ему, если онъ не умѣлъ скрыть всѣхъ ея

недостатковъ... Никто не станетъ спорить, что дикій горецъ въ своемъ воинственномъ костюмѣ, вольный, какъ воля, гораздо ярче какого-нибудь засѣдателя и, несмотря на то, что онъ зарѣзалъ своего врага, притаясь въ ущельи, или выжегъ цѣлую деревню, однако же онъ болѣе поражаетъ, сильнѣе возбуждаетъ въ насъ участіе, нежели нашъ судья въ истертomъ фракѣ, запачканномъ табакомъ, который невиннымъ образомъ, посредствомъ справокъ и выправокъ, пустилъ по міру множество всякаго рода крѣпостныхъ и свободныхъ душъ. Но и тотъ, и другой, они оба—явленія, принадлежащія къ нашему міру: они оба должны имѣть право на наше вниманіе...» Слова необычайно вѣскія для того времени, когда наши критики, какъ мы знаемъ, не могли столковаться, какъ и въ какомъ видѣ существенность должна быть представлена въ литературѣ; и слова еще болѣе вѣскія, если вспомнить, какъ въ самомъ Гоголѣ въ тѣ годы боролись эти двѣ склонности: отыскивать въ жизни ея эффектныя красивыя стороны или брать ее таковой, какова она есть, не гнушаясь ея изнанкой. «Мнѣ пришло на память одно происшествіе изъ моего дѣтства,—писалъ Гоголь въ той же статьѣ.—Я всегда чувствовалъ въ себѣ маленькую страсть къ живописи. Меня много занималъ писанный мною пейзажъ, на первомъ планѣ котораго раскидывалось сухое дерево. Я жилъ тогда въ деревнѣ; знатоки и судьи мои были окружные сосѣди. Одинъ изъ нихъ, взглянувъ на картину, покачалъ головой и сказалъ: «Хорошій живописецъ выбираетъ дерево рослое, хорошее, на которомъ бы и листья были свѣжіе, хорошо растущіе, а не сухое». Въ дѣтствѣ мнѣ казалось досадно слышать такой судъ, но послѣ я изъ него извлекъ мудрость: знать, что нравится и что не нравится толпѣ...» Писать такъ въ самомъ началѣ собственной литературной дѣятельности (1832), въ годы, когда писатель обыкновенно гоняется за успѣхомъ—значило обнаружить не малую смѣлость и оригинальность.

Такою же смѣлостью и даже рѣзкостью въ литературныхъ сужденіяхъ проявилъ Гоголь и въ своей статьѣ «О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 гг.» (1836), которую Пушкинъ—съ большими оговорками и выпусками—помѣстилъ въ своемъ «Современникѣ».

Гоголь состоялъ сотрудникомъ «Современника» не только по белетристическому его отдѣлу, но и по отдѣлу литературной критики. Мелкія рецензіи, которыя онъ поставлялъ въ этотъ журналъ, не представляютъ интереса *), но статья «О движеніи журнальной литературы» для сво-

*) Любопытенъ только отзывъ о книгѣ «Обозрѣніе сельскаго хозяйства удѣльскихъ мѣстъ въ 1832 и 1833 годахъ». Гоголь касается въ этой рецензіи крестьянскаго вопроса, который онъ почти обошелъ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ и на которомъ остановился лишь повздѣе въ своей «Перепискѣ». Взглядъ Гоголя на крестьянскую жизнь въ 1836 году очень характеренъ: онъ показываетъ, какъ неопредѣленно нашъ писатель объ этомъ вопросѣ думалъ. Выпишемъ изъ этой рецензіи нѣсколько руководящихъ мыслей и мы увидимъ, какъ сентиментальное отношеніе Гоголя къ

его времени— явление замѣчательное. Въѣсть со статьями Бѣлинскаго тѣхъ годовъ она самое серьезное разсужденіе на тему о нуждахъ нашей критики и о причинахъ ея упадка. Недаромъ Гоголь въ этой статьѣ говорилъ съ похвалою о Бѣлинскомъ и признавалъ въ немъ «вкусъ, хотя не образовавшійся, молодой и опрочетчивый, но служащій порукою за будущее развитіе, потому что онъ основанъ на чувствѣ и душевномъ убѣжденіи» *).

Статья Гоголя—дѣлый обвинительный актъ противъ текущей русской журналистики 1834 и 1835 годовъ. Авторъ открыто утверждаетъ, что у насъ нѣтъ настоящей критики, какъ не такъ давно критики говорили, что у насъ нѣтъ настоящей литературы. Критики нѣтъ потому, что нѣтъ серьезнаго взгляда на дѣло; въ судьяхъ нѣтъ ни философскихъ принциповъ, ни эстетическаго вкуса, ни даже широкаго интереса. Люди дѣйствительно образованные и эстетически развитые въ роли критиковъ не выступаютъ и представляютъ эту важнѣйшую область словесности людямъ мало подготовленнымъ, а эти, съ своей стороны, не считаютъ свое дѣло важнымъ и принимаютъ за него безъ благоговѣнія и размышленія и не имѣютъ въ виду возвышенно-образованныхъ читателей. Расхваиваютъ они безъ всякаго разбора и ругаются также совершенно безотчетно. Наши критики отличаются кромѣ того литературнымъ безвѣріемъ и литературнымъ невѣжествомъ; они не знакомы съ исторіей нашей словесности и не имѣютъ историческаго взгляда. Имена писателей, уже упрочившихъ свою славу, и писателей, еще требующихъ ея, сдѣлались совершенною игрушкою въ рукахъ этихъ судей. У всѣхъ у нихъ

дѣйствительности искажало правильное ея пониманіе, несмотря на то, что сущность вопроса была все-таки уловлена критикомъ. «Что такое русскій крестьянинъ?—спрашиваетъ нашъ авторъ.—Онъ раскинутъ или, лучше сказать, разбѣянъ, какъ сѣмена, по обширному полю, изъ котораго будетъ густой хлѣбъ, но только не скоро. Онъ живетъ уединенно въ деревняхъ, отдѣленныхъ большими пространствами. Лишенный живого быстрого сообщенія, онъ еще довольно грубъ, мало развитъ и имѣетъ самыя бѣдныя потребности. Возьмите жизнь земледѣльца—скверна и вредна. У него пища однообразна: ржаной хлѣбъ и щи,—однѣ и тѣ же щи, которыя онъ ѣстъ каждый день. Вовалъ дома его нѣтъ даже огорода. У него нѣтъ никакой потребности наслажденія. Онъ способенъ переимѣнить свою жизнь, но только когда вокругъ его явятся улучшения, а побывавъ въ городѣ, русскій поселеникъ уже бросаетъ земледѣліе и дѣлается промышленникомъ... съ помощью живости и смѣливости онъ въ непродолжительное время дѣлается богачомъ (?). Такимъ образомъ русскій мужикъ дѣлается рѣшительно гражданиномъ (?) всей Руси, не укряпаясь ни въ какомъ мѣстѣ... Во всякомъ случаѣ правительство дѣйствуетъ, руководимое глубокою мудростью, оно обращаетъ преимущественное вниманіе на земледѣліе (?). Земледѣлецъ—добрый, крѣпкій корень государства въ политическомъ и нравственномъ отношеніи. Купецъ чловѣкъ продажный; всякій промышленникъ чловѣкъ подвижный: сегодня здѣсь, завтра тамъ; но земледѣльчество неподвижный элементъ государства. («Сочиненія Н. В. Гоголя». Изд. X. VI, 363—364).

*) Этотъ отзывъ о Бѣлинскомъ не попалъ на страницы «Современника» и сохранился въ рукописи.

отсутствует чистое эстетическое наслаждение и вкус; их суждения не носят признаков понимания и не истекают из глубины признательной, растроганной души. Слог их мертвяще-холоден; в мыслях одна мелочность и мелочное щегольство. Таковы отличительныя черты критических суждений большинства наших литературных судей. Есть, конечно, исключенія, но их очень мало.

Наша критика отнеслась невнимательно къ событіямъ западной литературной жизни, говорить Гоголь, и не сумѣла даже оцѣнить какъ слѣдуетъ наше русское національное богатство. Она просмотрѣла напр. смерть Вальтеръ Скотта и не замѣтила, что въ литературѣ всей Европы распространился безпокойный, волнующійся вкусъ. Она не замѣтила, какъ явились опрометчивыя, безсвязныя, младенческія творенія, но часто восторженныя, пламенныя—слѣдствіе политическихъ волненій той страны, гдѣ они рождались. Но если ей и простить эти недосмотры въ области чужой жизни, то трудно извинить ея невниманіе къ русскому. А оцѣнила ли она это русское? «Наши писатели—говорилъ Гоголь—отлились совершенно въ особенную форму, нежели писатели другихъ земель, и, несмотря на общую черту нашей литературы—подражанія опередившимъ насъ европейцамъ,—они заключаютъ въ себѣ чисто русскіе элементы, и подражаніе наше носить совершенно своеобразный характеръ, представляетъ явленіе замѣчательное даже для европейской литературы. Гдѣ вы найдете похожаго на нашего Державина? это не Гораций, не Пиндаръ: у него своя самородная, дикая, сверкающая поэзія, текущая, колоссально разливаясь, какъ Россія. Что такое нашъ Жуковский? Это одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій, поэтъ, явившійся оригинальнымъ въ переводахъ, возведшій всѣ сильныя и малосильныя оригиналы до себя, создавшій новый, совершенно оригинальный родъ—быть оригинальнымъ. Возьмите нашего Крылова: и въ баснѣ у него выразился чисто-русскій сгибъ ума, новый юморъ, незнакомый ни французамъ, ни нѣмцамъ, ни англичанамъ, ни итальянцамъ. Такъ широко раскинуть фундаментъ колоссальнаго зданія будущей русской литературы. Поняла-ли все это наша критика?

«Видите ли эти зарождающіеся атомы какихъ то новыхъ стихій—спрашиваетъ Гоголь?—Видите ли эту движущуюся, снующуюся кучу прозаическихъ повѣстей и романовъ, еще блѣдныхъ, неопредѣленныхъ, но уже сверкающихъ изрѣдка искрами свѣта, показывающими скорое зарожденіе чего-то оригинальнаго: колоссальное, можетъ быть, совершенно новое, неслыханное въ Европѣ явленіе, предвѣщающее будущее законодательство Россіи въ литературномъ мірѣ, что должно осуществиться непременно, потому что стихіи слишкомъ колоссальны, и рамы для картины сдѣлались слишкомъ огромны?» *).

Неумѣренный патриотизмъ, который сказывается въ послѣднихъ

*) Сочиненія Н. В. Гоголя. Изданіе X-ое, VI, 346—347.

строкахъ этой замѣчательной статьи, составляя всегда отличительную черту образа мыслей Гоголя; онъ можетъ быть названъ преждевременнымъ для своей эпохи, но въ немъ, какъ мы можемъ теперь убѣдиться, крылось пророчество: наша литература, дѣйствительно, ставъ общемировымъ явленіемъ. Оставляя, однако, въ сторонѣ надежды автора на будущее, мы должны признать, что въ его статьѣ высказана необычайно вѣрная оцѣнка настоящаго—быть можетъ, наиболѣе полная изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ... Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ тогдашнихъ критиковъ оцѣнилъ такъ вѣрно «оригинальную» сущность нашей подражательной литературы, кто такъ широко понималъ «народность» въ ея обнаруженіи въ нашей словесности, кто, наконецъ, понимая все значеніе нашихъ первоклассныхъ писателей, съумѣлъ отдать должное работѣ силъ второстепенныхъ? Мы видѣли, какъ наша критика огульно осуждала подражаніе, какъ узко она понимала значеніе «народности», какъ несправедливо подчасъ и сурово относилась къ Пушкину и Жуковскому и съ какимъ пренебреженіемъ обходила писателей менѣе даровитыхъ. Все это показываетъ, что Гоголь обладалъ настоящимъ критическимъ чутьемъ, и что Пушкинъ былъ правъ, намѣчая его въ критики своего журнала.

Всѣ перечисленные нами статьи Гоголя по вопросамъ объ искусствѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова и по вопросамъ литературнымъ показываютъ, какъ много онъ въ эти годы думалъ о томъ дѣлѣ, которому начиналъ служить. Значеніе искусства для жизни—вотъ вопросъ, къ которому онъ теперь постоянно возвращается, и который всегда возбуждаетъ въ немъ особую тревогу мысли.

Къ такимъ мыслямъ о поэзіи и ея назначеніи въ жизни предрасполагала нашего писателя и близкая ему литературская среда, въ которой онъ вращался. Что въ кабинетѣ Пушкина и Жуковскаго и ихъ друзей рѣчь неоднократно заходила о поэтѣ, о томъ, кто онъ и зачѣмъ онъ въ мірѣ,—это болѣе чѣмъ вѣроятно; Пушкина эта тема мучила всю жизнь, да и Жуковский много надъ ней думалъ. Въ творчествѣ того и другого вопросъ о призваніи поэта былъ центральнымъ, къ которому постоянно возвращалась дума художника, и въ стихотвореніяхъ того и другого поэта можно прослѣдить по годамъ, какъ нарасталъ этотъ вопросъ и какія разнообразныя получалъ рѣшенія. Вся умственная атмосфера кружка Пушкина была насыщена мыслью объ искусствѣ, понимаемомъ, и какъ откровеніе, и какъ наслажденіе, и, наконецъ, какъ «дѣло». Гоголь не могъ остаться безучастнымъ къ этимъ разговорамъ, которые въ немъ самомъ будили старыя настойчивыя думы. И если его собесѣдники, не рѣшая вопроса о призваніи поэта въ мірѣ по существу, умѣли въ сильныхъ или трогательныхъ стихахъ говорить о немъ, то онъ умѣлъ этими стихами наслаждаться и черпать въ нихъ силу безотчетнаго восторга. Поэзія Пуш-

кина в Жуковского учила Гоголя благоговѣннѣю передъ художникомъ, подымала его лирическое настроеніе на большую высоту и въ извѣстной степени разобщала его съ окружающей дѣйствительностью и съ переживаемой минутой. Онъ, призванный стать бытописателемъ этой дѣйствительности и этой минуты, страдалъ немало отъ такого пагуба сердца, какой въ немъ всегда возбуждало искусство, но въ этомъ же пагубѣ находилъ онъ и свою силу, какъ мы могли это видѣть по его восторженнымъ рѣчамъ о «Борисѣ» Пушкина, «О скульптурѣ и живописи» и по его обращенію къ своему генію. И тѣмъ величественнѣе рисовался Гоголю поэтъ и его художническая миссія, тѣмъ труднѣе ему должна была казаться его собственная задача, и тѣмъ оцутительнѣе было для него противорѣчіе поэзіи въ мечтахъ и прозы въ жизни, а также возможный контрастъ между добромъ, которое заключено въ искусствѣ, и зломъ, которое иногда изъ того же искусства можетъ родиться.

Эти мысли стали со временемъ кошмаромъ Гоголя, но въ тѣ годы, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, онѣ были для него лишь интересной проблемой.

Кромѣ ближайшихъ друзей, творчество которыхъ заставляло Гоголя такъ возвышенно думать о поэтѣ, нашъ художникъ находилъ поддержку своимъ взглядамъ и у многихъ изъ своихъ современниковъ.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ въ литературѣ неоднократно ставился вопросъ о призваніи поэзіи и о ея противорѣчьи и борьбѣ съ презрѣнной прозой жизни. Въ тотъ романтическій періодъ нашей словесности это была тема модная и не у насъ только, а также и на западѣ. Французскіе и нѣмецкіе романтики, которыхъ мы тогда такъ усердно читали, подсказывали намъ различныя рѣшенія этой эстетической задачи, и мы повторяли эти рѣшенія частью дословно, а иногда и съ русскими вариациями. Остановимся подробнѣе на нѣкоторыхъ памятникахъ, въ которыхъ говорилось тогда о поэтѣ, объ его радостяхъ и страданіяхъ, въ виду ихъ родства или совпаденія съ темою, которая тогда такъ занимала Гоголя. Мы увидимъ, какъ мысль Гоголя шла вровень съ мыслью его поколѣнія, опережая ее однако въ художественномъ своемъ воплощеніи.

Въ этихъ безчисленныхъ разсказахъ о художникахъ, ихъ вдохновеніи, ихъ жизни и почти всегда трагической смерти, преобладало нѣсколько излюбленныхъ мотивовъ. Писатель любилъ говорить объ искусствѣ и о художникѣ, какъ о благой сигѣ, которая послана на землю для счастья человѣчества. Онъ любилъ славословить поэта и украшать всевозможными эпитетами и метафорами его служеніе красотѣ, добру и истинѣ. Трагическая сторона этого служенія также привлекала его вниманіе: писатель стремился выяснить себѣ, въ чемъ заключается даръ вдохновенія и почему человѣкъ, одаренный этимъ даромъ, бываетъ такъ неудовлетворенъ въ жизни; отчего то, что радуетъ такъ другихъ, и что другіе такъ въ жизни цѣнятъ, отчего все это такъ

обезцѣнено въ глазахъ поэта. Всего чаще писатель останавливался поэтому на противорѣчіи, которое существуетъ между поэтомъ и средой его окружающей, на взаимномъ ихъ непониманіи и на страданіи непонятаго и неощущеннаго художника. Иногда—но очень рѣдко—это противорѣчіе толпы и поэта пояснялось кое-какими, весьма для того времени интересными, социальными мотивами.

Въ числѣ писателей, которые съ охотой брались за такія темы, было много людей съ талантомъ, и среди нихъ особенно выдѣлялся своимъ оригинальнымъ дарованіемъ кн. В. Ѳ. Одоевскій — добрый знакомый и Жуковского, и Пушкина, а потому и Гоголя. Гоголь былъ въ восторгѣ отъ повѣстей Одоевскаго, находя въ нихъ — и справедливо — кучу воображенія и ума, любилъ читать ихъ еще въ рукописи и даже завѣдывалъ ихъ изданіемъ въ 1833 году *).

Думать надъ эстетическими проблемами Одоевскій былъ приученъ съ дѣтства. Еще въ университетскомъ пансіонѣ, гдѣ онъ обучался въ началѣ двадцатыхъ годовъ, его воспитали въ священномъ трепетѣ передъ поэзіей и художникомъ, философій и нравственностью, т.-е. передъ красотой, добромъ и истиной, взаимное соотношеніе которыхъ осталось потомъ на всю жизнь предметомъ его размышленій. Еще въ школѣ пронесъ онъ рѣчь о томъ, что «всѣ знанія и науки тогда только доставляютъ намъ истинную пользу, когда они соединены съ чистой нравственностью и благочестіемъ» **)—рѣчь, въ которой онъ провозглашалъ философію всеобщей наукой, отъ которой всѣ другія заимствуютъ свои силы, какъ планета отъ источника свѣта—солнца. Когда, затѣмъ, въ кругу знаменитыхъ архивныхъ юношей, онъ сталъ адептомъ философіи Шеллинга, міръ искусства приобрѣлъ для него особую идейную прелесть. То, чему онъ восхищался отъ всего своего восторженнаго сердца, было теперь оправдано его разумомъ, и красота въ жизни получила для Одоевскаго особую умозрительную санкцію. Свои мысли объ этой связи красоты и истины молодой философъ излагалъ въ формѣ аллегорическихъ и фантастическихъ сказокъ, тогда излюбленной формѣ его творчества. Говорить о красотѣ и о гениі простыми языкомъ—разсуждалъ Одоевскій—было бы святотатствомъ. Только иносказательно, въ формѣ аллегоріи, въ формѣ аполога, можно дать почувствовать всю таинственность ихъ земного бытія, только словами наивной, божественной сказки можно воскресить ихъ свѣтлый образъ. Языкомъ такихъ сказокъ и стремился Одоевскій говорить о великомъ таинствѣ гения еще на самой зарѣ своей юности, когда издавъ маленькій сборникъ апологовъ ***). Среди густого мрака—разсказывалъ нашъ философъ и моралистъ—по колючимъ терніямъ, между безднами и скалами велъ одинъ деревяный

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 228, 241.

**) «Рѣчь, разговоръ и стихи, произнесенныя на публичномъ актѣ университетскаго благороднаго пансіона 1822 г. марта 25 дня». М. 1822 г.

***) «Четыре аполога». Москва. 1824 г.

несчастныхъ странниковъ; смѣлой ногой притаптывалъ онъ тернія, свѣтильникомъ освѣщалъ онъ ихъ путь—и что же? Многіе проклинали его и роптали, зачѣмъ не для нихъ очищаетъ онъ дорогу, зачѣмъ не имъ свѣтитъ. Холодный, безстрастный шелъ дервишъ и не примѣчалъ стона ниспадающихъ. Не для освѣщенія ничтожной толпы несъ онъ свѣтильникъ; для высокой цѣли, къ которой онъ стремился, онъ забывалъ все подлунное; если онъ подавалъ помощь спутникамъ, то только потому, что, идя къ цѣли, не могъ не освѣщать свѣтильникомъ дороги. Мудрый! Ужели добродѣтели простолюдина цѣль твоихъ дѣйствій? спрашивалъ Одоевскій. Толпа бессмысленная, приравнивая тебя къ себѣ, ищетъ въ тебѣ сихъ добродѣтелей. Но не твоя ли добродѣтель возвышеннѣе всѣхъ прочихъ... *совершенствованіе*—оно поглощаетъ и благотворительность, и милосердіе, и любовь къ ближнему. Но все-таки она—одна цѣль пламеннаго стремленія генія («Дервишъ»). Да! Геній—это солнце, которое пробуждаетъ, согрѣваетъ и свѣтитъ; бываетъ, что густые туманы скрываютъ его лицо, и тогда слабоумнымъ кажется, что его нѣтъ вовсе. О! сколь ничтожны въ глазахъ простолюдина возвышенныя умствованія геніевъ! Какъ солнце они гонятъ мразь и мракъ, даютъ довольство и покой, но туманы предразсудковъ иногда скрываютъ ихъ отъ людскихъ глазъ, и безпечные люди думаютъ, что они ничѣмъ имъ не обязаны («Солнце и младенецъ»); и часто невѣжество въ прахъ обращаетъ всѣ усилія мудраго! Пусть магъ, призвавшій на помощь всѣ силы искусства и природы, день и ночь погруженный въ размышленія надъ древними свитками, пожертвовавъ всѣми наслажденіями жизни, изобрѣтетъ питіе, подающее жизнь, долгую и вѣчное здравіе, найдется другой магъ, его соперникъ, который изъ зависти опрокинетъ драгоценный сосудъ («Два мага»), но не всегда отъ нечистаго прикосновенія гаснетъ божественное пламя, оно еще болѣе возгорается, клокочетъ и обращаетъ въ прахъ деракаго гасильщика невѣжду («Алогія и Епименидъ»).

Такъ философствовалъ молодой «любомудръ» на тему о великомъ призваніи генія, спасая его свободу и самостоятельность и вмѣстѣ съ тѣмъ прославляя его, какъ благодѣтеля и страдальца за ближнихъ. Геній, при всей его отчужденности и неприступномъ величіи, есть сама любовь, само милосердіе—какъ бы хотѣлъ сказать нашъ философъ и эстетикъ—только не нужно требовать отъ генія мелкой службы и повседневной будничной работы.

Такое же преклоненіе и благоговѣніе передъ геніемъ проповѣдывалъ Одоевскій и въ своемъ философскомъ альманахѣ «Мнемозина», который онъ издавалъ въ 1824 году вмѣстѣ съ другимъ великимъ поклонникомъ красоты и вдохновенія—В. К. Кюхельбекеромъ. Первая книжка этого альманаха открывалась аллегорической сказкой редактора: «Старики или островъ Панхай». Довольно злая сатира на наше свѣтское воспитаніе, на прозаическое направленіе нашего вѣка и на излишнее

увлеченіе «опытными знаніями», этотъ памфлетъ на «стариковъ-младенцевъ», какъ Одоевскій окрестилъ пошляковъ и филистеровъ своего вѣка, долженъ былъ вселить читателю великое уваженіе передъ поэтическимъ восторгомъ людей и порывомъ ихъ къ возвышенному. Есть люди, которыхъ очи пламенѣютъ небеснымъ огнемъ—говоритъ нашъ сатирикъ,—ихъ не туманило ничтожное земное; душевная дѣятельность—пылаетъ во всѣхъ ихъ чертахъ, во всѣхъ движеніяхъ, они презираютъ шумный, суетный крикъ младенцевъ—ихъ взоры быстро стремятся къ возвышенному. Кто сіи невѣдомые? можно спросить, и тайный голосъ отвѣтитъ намъ, что это бессмертные люди, которые, стремясь къ возвышенной цѣли своей, *мимоходомъ* разливаютъ съ отеческой нѣжностью свои дары на людей. Неблагодарные люди не понимаютъ ни дѣйствій, ни цѣли бессмертныхъ: одни смѣются надъ ними, другіе презираютъ, иные не обращаютъ вниманія, большая часть даже не знаетъ о существованіи сихъ юношей. Но вращаются вѣка, быстрые круговороты времени поглощаютъ въ безднѣ забвенія ничтожную толпу *Стариковъ-младенцевъ*, и живутъ бессмертные—живутъ, и нѣтъ предѣла ихъ возвышенной жизни *)

Этотъ же первый томъ «Мнемозины» Одаевскій заканчивалъ такой выпиской изъ Жанъ-Поля Рихтера: «свѣтъ исполненъ былъ болѣзней и страха, люди изъ пылающихъ селеній бѣжали въ опустошенныя: по цвѣтущей землѣ простиралось всюду горе и восходили въ голубое небо облака смерти, дымъ и стеванія; человекъ бѣшенный поборалъ человека, и кровь текла изъ ранъ его! Но посреди сего ада покоилось царство мира: жаворонокъ поднимался въ лазурь свою, соловей и другіе пѣвцы весенніе перекликались за цвѣтущими кустами и рощами или грѣли неоперенныхъ птенцовъ своихъ! О дѣти поэзіи! и вы поете: живите же, какъ пернатые, въ веселыхъ пространствахъ высокаго; не въ бѣдномъ неизменномъ мірѣ!» **) Слова нѣсколько эгоистичныя, но Одоевскій подписывался подъ ними не безъ оговорокъ. Въ его пониманіи возвышенность поэтическихъ помысловъ была лишь однимъ изъ видовъ тѣснаго общенія съ людьми, но только такого, при которомъ художникъ уберегалъ себя отъ всякой грязи и скверны, не приближаясь къ нимъ, а лишь издали очищая ихъ лучами того горняго свѣта, который онъ носилъ въ своей душѣ. Ученику Шеллинга, какимъ былъ Одоевскій, не трудно было устоять на этой высотѣ, не тревожась вопросомъ о томъ, на какое именно разстояніе къ житейской пошлости долженъ былъ приближаться художникъ или вообще человекъ съ такими высокими стремленіями, сознающій возложенную на него святую миссію.

Гдѣ только представлялся случай, въ апологахъ, сказкахъ, критическихъ статьяхъ, Одоевскій взывалъ къ этому «чувству возвышеннаго»

*) «Мнемозина» I, 8.

**) «Мнемозина» I, 184.

въ челоуѣкѣ, грошилъ пошлость жизни и издѣвался надъ ея прозаичностью. Ядовитымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тонкимъ смѣхомъ надъ всякою пошлостью жизни были, напр., насквозь пропитаны въ свое время очень извѣстныя «Пестрыя сказки» нашего автора *). Погодинъ—другъ молодости Одоевского—отказывался въ шестидесятихъ годахъ припомнить смыслъ этихъ сказокъ, хотя и признавалъ, что въ тридцатыхъ ихъ кружокъ понималъ ихъ и ими забавлялся **). Сказки, дѣйствительно, замысловатыя, съ очень частымъ злоупотребленіемъ аллегоріей и съ дидактическимъ смысломъ, который тонетъ въ полуясныхъ намекахъ на разныя пошлыя и прозаическія стороны тогдашней свѣтской и литературной жизни. Одно, впрочемъ, въ этомъ сборникѣ было выражено ясно, это—противорѣчіе между идейнымъ поэтическимъ пониманіемъ жизни у автора и тѣмъ, что онъ вокругъ себя видѣлъ. Издатель «Пестрыхъ сказокъ» говорилъ, что онъ очень боится за успѣхъ сочиненія почтеннаго магистра философіи Гомоейки. Бѣдный магистръ! Онъ былъ изъ ученыхъ, изъ пустыхъ ученыхъ,—зналъ всевозможные языки, живые, мертвые и полумертвые, зналъ всѣ науки, которыя преподаются и не преподаются на всѣхъ европейскихъ каѳедрахъ, могъ спорить о всѣхъ предметахъ, ему навѣстныхъ и неизвѣстныхъ, и пуще всего любилъ ломать себѣ голову надъ началомъ вещей и прочими тому подобными нехлѣбными предметами. Онъ былъ очень скромнъ. Обремененный многочисленнымъ семействомъ мыслей и удрученный основательностью своихъ познаній онъ не прочь былъ поблистать въ обществѣ, но всегда какой-нибудь молодецъ съ усами перебивалъ его рѣчь замѣчаніями о температурѣ въ комнатѣ, или какой-нибудь почтенный мужъ—разказомъ о тѣхъ непостижимыхъ обстоятельствахъ, которыя сопровождали проигранный имъ большой шлемъ. Магистръ молчалъ и наконецъ рѣшился заговорить въ печати, и онъ написалъ свои «Пестрыя сказки». Онъ жаловался на свой вѣкъ, трезвость этого вѣка его печалила, ему казалось, что мы обрѣзали крылья у воображенія и, боясь тратить время попустому, закрыли для себя многіе источники наслажденій и ума, и сердца... Нашъ вѣкъ—вѣкъ утилитарный, говоритъ философъ, но что пользы въ томъ, что мы составляемъ системы для общественнаго благоденствія, посредствомъ которыхъ цѣлое общество благоденствуетъ, а каждый изъ членовъ страдаетъ?.. что мы составляемъ статистическія таблицы, составляемъ рамку нравственной философіи и подгоняемъ подъ нее всѣхъ людей, что изъ этого? Мы обходимся безъ любви, безъ вѣры, безъ думанья... Отсутствіе простора въ воображеніи и мысли всюду чувствуется. Проза торжествуетъ, и ни откуда не повѣетъ на насъ поэзія. Не только людямъ,

*) «Пестрыя сказки съ краснымъ словомъ, собранныя Иринею Модестовичемъ Гомоейкою, магистромъ философіи и членомъ равныхъ ученыхъ обществъ. Изданы Бевгласнымъ» М. 1833.

**) Въ память о князѣ Владимірѣ Феодоровичѣ Одоевскомъ. М. 1869, 56.

но даже чертямъ тошно отъ нашей скуки, отъ паровыхъ машинъ, альманаховъ, атомистической химіи, отъ благоразумія нашихъ дамъ, отъ англійской философіи, французской вѣры и устава благочинія нашихъ гостинныхъ.

Въ длинномъ рядѣ фантастическихъ разсказовъ, въ которыхъ попадаются цѣлыя страницы, необычайно игривыя по юмору и сильныя своимъ реализмомъ, бичуетъ авторъ эту прозу нашей жизни, касающуюся преимущественно жизни свѣтской. Вопросъ о вырожденіи мужчины и женщины въ говорильную машину, омертвленіе мысли и главнымъ образомъ чувства, утрата естественности и интереса ко всему, что есть духъ, восторгъ или вдохновеніе—вотъ о чемъ въ шутовомъ тонѣ, но съ большою серьезностью говорилъ пріятель Гоголя, читая ему наединѣ свои «Сказки».

Своему восторгу передъ поэзіей Одоевскій давалъ полный просторъ и въ своихъ разсказахъ изъ жизни художниковъ.

Нашъ авторъ еще въ ранней юности зачитывался ихъ біографіями въ извѣстномъ сборникѣ Вакенродера. Вспоминая этого искуснаго разсказчика и восторженнаго романтика, Одоевскій написалъ и свои три повѣсти: «Послѣдній квартетъ Бетховена», «Импровизаторъ» и «Себастьянъ Бахъ», которыя потомъ вошли въ составъ его «Русскихъ ночей». Во всѣхъ этихъ разсказахъ—одно стремленіе: приблизить насъ насколько возможно къ великой тайнѣ творчества, дать намъ понять, что такое священный восторгъ поэта, и вмѣстѣ съ тѣмъ показать намъ «неизглаголанность» страданій высокой души художника. Чтобы облегчить намъ приближеніе къ этому таинству, авторъ, конечно, долженъ былъ коснуться вѣчнаго противорѣчія, которое существуетъ между прозой жизни и поэзіей, между толпой и гениемъ. «Я холоднаго восторга не понимаю—говорилъ Одоевскій устами Бетховена.—Я понимаю тотъ восторгъ, когда цѣлый міръ для меня превращается въ гармонию, всякое чувство, всякая мысль звучитъ во мнѣ, всѣ силы природы дѣлаются моими орудіями, кровь моя кипитъ въ жилахъ, дрожь проходитъ по тѣлу, и волосы на головѣ шевелятся... и все это тщетно! Да и къ чему это все? Зачѣмъ? Живешь, терзаешься, думаешь, написалъ и конецъ! Къ бумагѣ приковались сладкія муки созданія—не воротить ихъ! Унижены, въ темницу заперты мысли гордаго духавоздателя.—А люди? люди! Они придуть, слушаютъ, судятъ—какъ будто они судьи, какъ будто для нихъ создаешь! Какое имъ дѣло, что мысль, принявшая на себя понятный имъ образъ, есть звено въ безконечной цѣпи мыслей и страданій; что минута, когда художникъ исходитъ до степени челоуѣка, есть отрывокъ изъ долгой болѣзненной жизни неизмѣримаго чувства; что каждое его выраженіе, каждая черта—родилась отъ горькихъ слезъ серафима, заклепаннаго въ че-

ловѣческую одежду и часто отдающаго половину жизни, чтобы только минуту подышать свѣжимъ воздухомъ вдохновенія? *)

Одоевскій былъ хорошій музыкантъ и знатокъ музыки, почему въ своихъ разсказахъ о жизни художниковъ всего чаще и словословилъ ее. И онъ умѣлъ прославлять ее такъ возвышенно и краснорѣчиво, что читатель немужикантъ, подѣ обаяніемъ его рѣчи, приобрѣталъ самъ нѣкоторое музыкальное настроеніе. «Есть высшая степень души человѣка, которой онъ не раздѣляетъ съ природою—говорилъ Одоевскій словами органиста Албрехта, учителя Баха,—высшая степень, которая ускользаетъ изъ-подъ рѣзца ваятеля, которую не доскажутъ пламенные строки стихотворца—та степень, гдѣ душа, гордая своею побѣдой надъ природою, во всемъ блескѣ славы, смиряется предъ Вышнею силою, съ горькимъ страданіемъ жаждетъ перенести себя къ подножію ея престола и, какъ стравникъ среди роскошныхъ наслажденій чуждой земли, вздыхаетъ по отчизнѣ. Чувство, возбуждающееся на этой степени, люди называли *неотразимымъ*; единственный храмъ сего чувства—музыка: въ этой высшей сферѣ человѣческаго искусства человѣкъ забываетъ о буряхъ земного странствованія; въ ней, какъ на высотѣ Альповъ, блещетъ безоблачное солнце гармоніи; одни ея неопредѣленные, безграницные звуки обнимаютъ безпредѣльную душу человѣка: лишь они могутъ совокупить воедино стихіи грусти и радости, разрозненные паденіемъ человѣка, лишь ими младенчаютъ сердце и переноситъ насъ въ первую невинную колыбель перваго невиннаго человѣка. Не ослабѣвайте же, юноши! Молитесь, сосредоточивайте всѣ познанія ума, всѣ силы сердца на усовершенствованіе орудій сего дивнаго искусства!» **)—такъ говорилъ Альбрехтъ своему ученику Себастьяну Баху, и этотъ великій музыкантъ сохранилъ на всю жизнь завѣты своего учителя. Тихимъ огнемъ горѣло вдохновеніе въ его душѣ, и онъ вездѣ былъ вѣренъ святынѣ искусства, и никогда земная мысль, темная страсть не прорывались въ его звуки; отъ того теперь, когда музыка перестала быть молитвой, когда она сдѣлалась выраженіемъ мятежныхъ страстей, забавою праздности, приманкою тщеславія—музыка Баха кажется холодной, безжизненною; мы не понимаемъ ее, какъ не понимаемъ безстрастія мучениковъ на кострѣхъ язычества; мы ищемъ понятнаго, близкаго къ нашей лѣтви, къ удобствамъ жизни: намъ страшна глубина чувства, какъ страшна глубина мыслей; мы боимся, чтобы, погружаясь во внутренность души своей, не открыть своего безобразія: смерть оковала всѣ движенія нашего сердца—мы боимся жизни» ***).

Какъ много въ этихъ мысляхъ было дорогаго и близкаго Гоголю,

*) «Сочиненія князя В. Ѳ. Одоевскаго». Спб. 1844, I, 166—167.

**) «Сочиненія князя В. Ѳ. Одоевскаго», I, 250.

***) «Сочиненія князя В. Ѳ. Одоевскаго», I, 250.

который вмѣстѣ со своимъ пріятелемъ изыскивалъ тогда слова и обороты рѣчи, чтобы какъ-нибудь выразить «не выразимое» искусства! Достичь ясности въ такомъ выраженіи, было, конечно, очень трудно, и легче было говорить о грѣхахъ художника и его страданіи, чѣмъ объ его вдохновеніи и радости.

Среди такихъ грѣховъ и печалей вниманіе писателя останавливала тогда одна прозаическая сторона въ жизни артиста: именно его погоня за модой, успѣхомъ и деньгами. Одоевскій отмѣтилъ этотъ трагическій моментъ артистической жизни въ рассказѣ «Импровизаторъ», слегка напоминаясь своей основной идеей повѣсть Гоголя «Портретъ». Это—печальная исторія нѣкоего поэта Кипріяно, терпѣваго большую нужду съ юныхъ лѣтъ, поэта съ творческимъ даромъ, но безъ способности легко владѣть имъ. Каждая работа требовала отъ него массу труда и времени; каждый стихъ стоилъ ему нѣсколькихъ изгрызенныхъ перьевъ, нѣсколькихъ вырванныхъ волосъ и обломанныхъ ногтей. Онъ готовъ былъ обмѣнять свой даръ на какое-нибудь простое ремесло, но не могъ, такъ какъ природа дала ему всѣ причуды поэта, врожденную страсть къ независимости, непреборимое отвращеніе отъ всякаго механическаго занятія и привычку дожидаться минуты вдохновенія. Онъ не въ силахъ былъ разлюбить своего дара и рѣшился продать свою волю дьяволу, лишь бы тотъ далъ ему способность безъ труда пользоваться этимъ даромъ и на немъ основать свое житейское благополучіе. Изъ рукъ какого-то доктора Сегеліеля, одного изъ служителей дѣвольскихъ, нашъ художникъ и получаетъ способность «производить безъ труда», но при одномъ условіи, что вмѣстѣ съ этимъ даромъ онъ получитъ и другой даръ—«все видѣть, все знать и все понимать». Кипріяно радуется, что число даровъ удвоилось, но этотъ второй даръ и оказывается источникомъ его гибели. Нашъ поэтъ становится извѣстнымъ импровизаторомъ; творить, дѣйствительно, безъ труда, деньги плывутъ ему въ руки, но, все видя и все понимая, онъ ни въ чемъ не находитъ отрады и успокоенія. Высшій смыслъ жизни для него потерянъ; все въ природѣ разлагается передъ нимъ: всѣ его чувства и его умъ анализируютъ жизнь до мелочей безъ способности обнять ее въ снѣтвѣ, онъ не можетъ забыться въ высококомъ поэтическомъ произведеніи, не можетъ набрести на глубокую думу или отдохнуть умомъ въ стройномъ философскомъ зданіи: онъ видитъ всю черную работу и художника, и философа. Вся красота искусства для него гибнетъ: въ лучшей музыкѣ онъ видитъ лишь одні животныя жилы, по которымъ скользятъ конскіе волосы. Такой карой былъ наказанъ художникъ, который хотѣлъ избѣгнуть труда, неразлучнаго со всякимъ творчествомъ; и этотъ докторъ Сегеліель—близкій родственникъ гоголевскаго Петромихаи, олицетвореніе всѣхъ тѣхъ искушеній, которыя на своемъ терновомъ пути встрѣчаетъ художникъ... искушеній

блеска, успѣха и золота, мимо которыхъ столь немногіе, даже крупные люди, проходятъ въ сознаниі своего долга.

Среди писателей, особенно облюбовавшихъ такіе сюжеты, сталъ выдвигаться въ тѣ годы и товарищъ Гоголя по нѣжинскому лицей—Н. В. Кукольникъ. Онъ былъ также изъ числа петербургскихъ знакомыхъ Гоголя, хотя дружбы между ними не было: Гоголь всегда вышучивалъ его за слишкомъ восторженное и патетическое отношеніе къ жизни, называлъ его не иначе, какъ «Возвышенный», и удивлялся его способности писать нескончаемыя трагедіи и декламировать ихъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Въ срединѣ тридцатыхъ годовъ Кукольникъ—со временемъ очень популярный писатель—только начиналъ свою литературную карьеру. Дебютировалъ онъ относительно удачно драматической фантазіей въ стихахъ «Торквато Тассо»*), основную мысль которой онъ неоднократно повторялъ затѣмъ во многихъ своихъ трагедіяхъ и романахъ. Это была и основная мысль его собственной жизни: сущность ея сводилась все къ тому же противорѣчію между вдохновеніемъ и прозой жизни, между все понимающимъ художникомъ и не понимающей его толпой...

Въ драмѣ «Торквато Тассо» это противорѣчіе напряжено до крайности. Изображена печальная жизнь великаго итальянскаго поэта, рассказана его несчастная любовь къ двумъ сестрамъ своего покровителя, описано его изгнаніе, его сумасшествіе, и все это затѣмъ, чтобы въ послѣдней сценѣ вознести его до небесъ, вѣнчать его вѣнкомъ Виргилія и заставить его, итальянца, прощаться съ землей, пророчествовать о великой славѣ Россіи и привѣтствовать издали Державина, своего наслѣдника. Кромя этого неумѣстнаго патріотизма, на который Кукольникъ былъ всегда очень щедръ, драма въ общемъ производитъ впечатлѣніе цѣльное, въ виду неизмѣнно повышеннаго тона, въ какомъ она написана, и единства идеи, которая въ ея основаніе положена. Все въ драмѣ сводится къ указанію непримиримой розни, которая существуетъ между гениемъ и окружающей его средой, а также къ прославленію величія генія, которое въ глазахъ простыхъ людей есть либо дерзость, либо заносчивость, либо коварство, либо, наконецъ, безуміе. Тассъ, влюбленный въ герцогиню и изгнанный изъ Ферарры, Тассъ, бездомный странникъ, затерянный въ толпѣ нищихъ, Тассъ, въ минуту наступленія способный на убійство, геній въ бесѣдѣ съ сумасшедшими, и онъ же увѣнчанный лаврами и всѣми признанный, и со всѣми примиренный, (примиренный, однако, не для жизни, а для смерти),—все это рядъ поэтическихъ образовъ, въ которые облечена одна безотрадная мысль: излюбленная романтическая мысль о томъ, что для истиннаго генія нужна иная вселенная, чѣмъ та, въ которую его судьба забросила. Бросить свѣтъ и спрятаться отъ людей въ пустыню—

*) «Торквато Тассо». Большая драматическая фантазія. Спб. 1833.

вотъ что долженъ сдѣлать этотъ избранникъ Божій. Жить для жизни не стоять, такъ какъ сама жизнь — что она такое? Безсонница страстей! Въ нашемъ мірѣ нѣтъ гостепримства для генія, и правъ онъ, когда ненавидитъ людей, когда чувствуетъ, что весь міръ опустѣлъ для его сердца.

Зачѣмъ же призванъ этотъ геній жить среди людей, и въ чемъ его назначеніе, если встрѣча съ людьми естественно должна его натолкнуть на ненависть, вмѣсто того, чтобы исполнить его сердце любовью? На этотъ вопросъ у многихъ изъ нашихъ романтиковъ былъ отвѣтъ опредѣленный, но не вполне ясный. Они полагали, какъ и Кукольникъ въ своемъ «Тассо»*), что геній долженъ жить

*) «Торквато Тассо», актъ 3-й, явленіе III, выходъ 2-й.

высокими *неземными* страстями; какъ небо, онъ долженъ отдѣляться отъ земли, быть возлюбленникомъ Бога и не любить обманчивость земного совершенства. Пусть простой человѣкъ горитъ въ страстяхъ и желаніяхъ, но тотъ, кому Господь вливаетъ силу прославиться великими дѣлами *на благо человѣческому роду*, долженъ истребить въ себѣ всѣ чувства, о тѣлѣ, о душѣ своей забыть и поминуть о своемъ завѣтѣ, для коего онъ призванъ въ міръ. Этотъ завѣтъ—служеніе красотѣ. Она сама свое дѣло сдѣлаетъ и всю работу художника обратитъ на пользу челоуѣчества, какъ бы далеко ни стоялъ самъ поэтъ отъ всѣхъ людей и житейскихъ вопросовъ.

Въ обрисовкѣ столкленія этого отчужденнаго въ жизни поэта съ людьми, для блага которыхъ онъ существуетъ въ мірѣ, писатель договаривался иногда до большихъ странностей. Не безызвѣстный въ тѣ годы поэтъ Тимофѣевъ—одинъ изъ самыхъ восторженныхъ и неистовыхъ романтиковъ—разсуждалъ на эту тему такъ въ своей «драматической фантази» «Поэтъ» (1834): «Пусть—говорилъ онъ—жизнь безъ поэзіи—пустыня, изгѣденная червями трущъ, но и сама поэзія тотъ же трущъ подъ гальванизмомъ. Подъ этимъ сводомъ неба поэту душно: въ немъ засыпаютъ желанья, воля, душа... Гдѣ найти для него дѣятельность? Любовь и дружба—бредни, добродѣтель—чадъ, слава—дымъ; свобода? Но развѣ она есть здѣсь въ нашемъ мірѣ? на свѣтѣ? Свободенъ одинъ Богъ. Одно лишь новое, нѣчто совершенно новое, не имѣющее въ себѣ ни малѣйшаго отпечатка челоуѣчества, могло бы удовлетворить поэта, который боленъ «омерзненіемъ» къ людямъ, который признаетъ, что гдѣ челоуѣкъ—тамъ нѣтъ великаго. Предъ чѣмъ благоговѣть здѣсь, на землѣ, гдѣ идеаль—вдали звѣзда, чуть ли не солнце, а вблизи—воюющій запахъ сѣры, едва мерцающій огонь? Нѣтъ въ нашемъ мірѣ для поэта ни мѣста, ни дѣла, и если вообще существуетъ роль, его достойная, то только одна—въ состязаніи съ самимъ Творцомъ. Иной разъ поэту кажется, что онъ дѣйствительно способенъ вдохнуть начало бытія въ цѣлый необработанный хаосъ. Ему грезится, что онъ можетъ создать такой міръ, которому позавидуетъ цѣлая вселенная.

Слово «ужасъ» никогда не будетъ существовать въ этомъ вновь созданномъ мірѣ, въ немъ будетъ вѣчная весна, исчезнетъ въ немъ навсегда всякая злоба. Въ этомъ новомъ мірѣ долженъ жить и новый человѣкъ—душа вселенной. Пусть будетъ онъ безсмертенъ и вѣчно счастливъ. Трудовъ никакихъ не будетъ—человѣкъ съ минуты самаго рожденія узнаетъ все и съ бытіемъ получить даръ всепознанія; онъ будетъ имѣть одни желанія, но страстей въ его душѣ не будетъ; страсти—язвы, всепожирающій огонь, зхидны. Ихъ не надо! Такъ мечтаетъ иногда поэтъ, желая исправить ошибки Вевышняго. И эта мечта—его гибель, потому что такого міра нѣтъ, и онъ, если бы былъ созданъ, носилъ бы въ себѣ противорѣчіе. Поэтъ осужденъ жить въ нашемъ, а не въ иномъ мірѣ, и отъ всѣхъ мечтаній онъ долженъ пробудиться на площади, среди большого европейскаго города, среди шумной толпы, иной разъ и пьяной, и грубой; среди этой пошлости надлежитъ ему и умереть подъ говоръ этихъ пигмеевъ въ платьѣ эгоизма. Его предсмертныя страданія ужасны, въ особенности, если онъ сознаетъ, что даже тѣмъ малымъ счастьемъ, которое человѣку на землѣ доступно, онъ не сумѣлъ воспользоваться. Ничтожества проситъ онъ у своего генія передъ прощаніемъ съ жизнью. Онъ боится, что съ своей «живой душой» онъ даже небесный рай, куда онъ долженъ переселиться, обратитъ въ черную обитель страданія. Но геній беретъ его на небеса, и со смертію для него начинается новая жизнь. Онъ исполнилъ свое назначеніе: онъ былъ залогомъ союза Бога съ человѣкомъ, онъ былъ свѣтиломъ для этого мрачнаго, мертваго міра, лампадой во тьмѣ грѣха, недуговъ и печали, хотя онъ и ненавидѣлъ этотъ міръ. Теперь, въ моментъ смерти, святой небесный огонь долженъ быть взятъ въ свою отчизну. Душа поэта—душа земли; его величіе—величіе людей; его могила—вся вселенная. Даже его безумная мечта о новомъ мірѣ не пропадаетъ даромъ—она цѣлебный бальзамъ для души всегда больного человѣка *).

Далеко не всѣ изъ нашихъ романтиковъ ставили вопросъ о борьбѣ мечты и жизни на такую общую почву; писатель бралъ иногда столкновенія менѣе рѣзкія, и тогда его этюды выигрывали въ психологической правдѣ. Такъ, напр., поступалъ Н. А. Полевой, всегда готовый думать и говорить о поэтѣ, объ искусствѣ, о красотѣ и объ ихъ назначеніи въ жизни. Въ своихъ романахъ и повѣстяхъ, касаясь этой темы, онъ останавливался преимущественно на столкновеніи артистической природы съ разными прозаическими сторонами дѣйствительной жизни. Разочарованія, на которыя осуждена въ жизни пылкая натура, и уколы, къ которымъ она такъ чувствительна—вотъ тотъ повседневный житейскій фактъ, съ которымъ Полевой никакъ не хотѣлъ примириться. Онъ изображалъ это печальное столкновеніе мечты и дѣйстви-

*) «Опыты Т.м.ф.а». Спб. 1837. Часть I, 1—61.

тельности также не безъ романтическихъ условностей, но все-таки стремясь приблизиться къ правдѣ жизни. Въ его повѣстяхъ передъ нами люди, а не ходульные символы, и только одно можно этимъ людямъ поставить на счетъ, а именно ихъ не русское, а чисто нѣмецкое происхожденіе.

Краткая исторія жизни одной изъ такихъ артистическихъ натуръ дана намъ въ повѣсти Полевого «Живописецъ» *). Высокобродѣтельная, божественнымъ дарованіемъ отиѣченная душа Аркадія—порывистая, готовая на все наброситься и тяготящаяся усидчивой работой—не находятъ среди людей ни мѣста ни дѣла. Естественное въ такихъ условіяхъ разочарованіе готово угасить въ немъ святуя искру и, какъ всегда бываетъ, одна любовь, пылкая и всепоглощающая, кажется ему надежнымъ якоремъ спасенія. Онъ можетъ существовать только вдохновеніемъ страстей. Художникъ исчезнетъ въ немъ, если любовь имъ не овладѣетъ; она одна можетъ вознести его къ великому идеалу... Такъ думалъ онъ, но жизненная его загадка рѣшалась, однако, не такъ просто. Художника продолжало тяготить его вдохновеніе. Голова его наполнялась идеями, на воплощеніе которыхъ у него не доставало ни формъ, ни образовъ, ни выраженій. Какое-то безотчетное стремленіе владѣло имъ, и это стремленіе удовлетворенія съ собой не приносило. Онъ хотѣлъ вырубить весь Кельскій соборъ однимъ ударомъ изъ одного камня и, конечно, долженъ былъ придти къ сознанію, что на землѣ такія страсти утолить невозможно. И, наконецъ, то на что онъ въ жизни всего больше надѣялся—любовь, и она ему измѣнила, т.-е. предметъ его страсти оказался не на высотѣ его требованій. Когда ему удалось создать свое первое произведеніе, написать «Прометей», онъ на выставкѣ своей картины могъ убѣдиться въ томъ ничтожествѣ, какое представляли изъ себя всѣ его судьи. Кромѣ банальностей, онъ ничего не услышалъ отъ нихъ, и первую банальность сказала его невѣста. «Прелестно»,—отвѣтила она, глядя на этотъ шедевръ своего возлюбленнаго, на эту картину, «гдѣ Эскиль былъ переведенъ рукой Гѣте, мнѣ первобытной Эллады проникнуть огнемъ всеобъемлющаго романтизма, событіе древней исторіи описано въ трагедіи Шекспира». И, въ довершеніе всего, дѣвица вышла замужъ за другого по волѣ своего родителя. Аркадій бѣжалъ въ Италію и тамъ скоро умеръ.

Этотъ же нехитрый сюжетъ разработалъ Полевой и въ своемъ романѣ «Аббадонна» **), который однимъ уже заглавіемъ показываетъ, изъ какихъ книгъ черпалъ нашъ авторъ свое вдохновеніе. Полевой, впрочемъ, не скрывалъ происхожденія своего героя и оставилъ ему

*) «Мечты и жизнь». Были и повѣсти, сочиненныя *Н. Полевымъ*. 4 части. М. 1838. Часть II.

**) «Аббадонна». Сочиненіе *Н. Полевого*. Спб. 1840. 4 части (романъ началъ печататься съ 1835 г.).

его вѣмецкую фамилію. «Аббадонна»—романъ изъ вѣмецкой жизни, и герой его, поэтъ Рейхенбахъ—авторъ славной трагедіи «Арминій».

Содержаніе «Аббадонны»—варіація на тему извѣстнаго эпизода изъ «Мессіады» Клопштока; исторія чистой восторженной души, влюбленной въ грѣшную душу и готовой на всѣ жертвы, чтобы спасти ее. Такъ и поэтъ Рейхенбахъ, пламенный поклонникъ и родственникъ героевъ Шиллера, готовъ отдать свою жизнь, чтобы спасти великую актрису Элеонору изъ того оута свѣтской пошлости и развѣдственности, въ которомъ она погрязла. Ради этого подвига любви, любви артиста къ женщинѣ и артисткѣ, онъ забываетъ чистую, скромную любовь, которая соединяла его съ вѣжной, прелестной, но безцвѣтной Генріэттой, его первой музой и свидѣтельницей первыхъ его литературныхъ успѣховъ. Тема, какъ видимъ, сентиментальная и старая, пересказанная, однако, Полевымъ занимательно и мѣстами очень драматично. Основная идея романа заключена, впрочемъ, не въ этомъ противопоставленіи двухъ сердечныхъ склонностей—любви поэтической, страстной и грѣшной и любви чистой, тихой и невинной. Пользуясь лишь этимъ драматическимъ положеніемъ для развитія самого разсказа, авторъ при каждомъ случаѣ выдвигаетъ другое противопоставленіе съ болѣе глубокимъ смысломъ—все ту же намъ хорошо знакомую антитезу мечты и существенности. Съ одной стороны, передъ нами поэтъ и артистка съ ихъ невыраженными и, можетъ быть, невыразимыми чувствами и думами, съ другой—вся житейская проза въ видѣ филистерскихъ бюргерскихъ семей, свѣтскаго пустого круга, педантической критики присяжныхъ литературныхъ судей и т. д.

«Для чего никогда не находилъ я въ мірѣ согласія и мира между жизнью и поэзіей?—спрашиваетъ Рейхенбахъ. Ни въ дѣтствѣ, ни въ юности, ни въ мастерскихъ отца, ни въ школахъ и училищахъ, ни въ семейной жизни, ни тамъ, гдѣ люди отвели особенный участокъ искусству, въ ученыхъ обществахъ, театрахъ, галлеряхъ статуй и картинъ, не находилъ его ни въ буйномъ разгулѣ жизни, ни въ хижинѣ бѣднаго, ни въ чертогахъ богача, ни между людьми, которые называютъ себя поэтами и художниками—нигдѣ, нигдѣ! И вездѣ искусство и поэзія—ремесло, забава досуга или глупость, безразсудство. Но вѣдь есть, однако-жъ, въ человѣкѣ особенное чувство искусства и поэзіи? Но вѣдь Богъ отдѣлилъ же ему цѣлую треть души человѣческой? Но искусство свѣтлѣетъ, однако-жъ, именами Шекспира, Рафаэля, Моцарта, Микель-Анджело? Что же такое все это? Не потому ли, что безъ цѣли, безъ плана жизни, безъ отчета въ своемъ вдохновеніи, въ вѣчной борьбѣ съ самимъ собою, поэтъ, обдѣленный въ раздѣлѣ всего того, что судьба даетъ душѣ человѣка на землѣ, упалъ съ неба и бродитъ здѣсь между людьми съ неясной и недостижимой идеею неба, между тѣмъ какъ всѣмъ другимъ есть дѣло на землѣ и съ землею кончится это дѣло для всѣхъ другихъ. Юристъ судить, купецъ

торгуешь, крестьянинъ пашеть, ремесленникъ шьетъ, кроитъ, куетъ, солдатъ дерется. А что дѣлаетъ художникъ и поэтъ? Глощаютъ дышъ мечтаній или подслуживаются другимъ изъ насущнаго хлѣба...» Такъ жаловался нашъ поэтъ и иногда въ этихъ жалобахъ терялъ нить мышленія и впадалъ въ какой-то восторгъ отчаянія. «Природа! Люди!—восклициалъ онъ, протягивая руки.—О! ради Бога, душу моей душѣ, сердце моему сердцу, любовь моей любви! Нѣтъ отвѣта—все безмолвствуетъ!» «Осень жизни міра, осень бытія человѣка! Неужели ты наступила для насъ? Неужели Наполеонъ, Гёте, Байронъ, В. Скоттъ, мы всѣ, великіе, вдругъ улетѣвшіе изъ міра, какъ ласточки, улетающія осенью, предсказываютъ намъ холодную осень? И воетъ буря осенняя! И всѣ мечты, всѣ созданія оставшихся бѣдняковъ, всѣ наши мелкіе помыслы—листочки, пожелтѣлыя на грязной, холодной, застывшей почвѣ міра!...» Да, во многомъ виноваты нашъ вѣкъ, нашъ промышленный, индустриальный вѣкъ. «Нашъ вѣкъ—монета, истертая употребленіемъ, обрѣзанная, выравненная жидами и мѣновщиками.

«Мы родимся холодно, систематически; мы плачемъ въ нашей колыбели, а не производимъ звуковъ гармоническихъ. Пчелы не летаютъ нынѣ на уста младенца-поэта со своимъ медомъ: гдѣ отыскать имъ колыбель его въ нашихъ городахъ! Только любовь могла бы еще воспламенить поэта на созданія чудныя...» Но, какъ показываетъ нашъ романъ, для пылкой души кроется и въ этой любви родникъ великихъ несчастій.

Варианты этой мелодраматичной темы безконечны. Въ большинствѣ случаевъ писатель, за недостаткомъ глубокихъ мыслей и тонкихъ чувствъ, впадалъ въ шаблонную риторику и перекраивалъ на свой ладъ чужія положенія, которыя вычитывалъ у иностранныхъ романистовъ. Но эта истрепанная тема оживала, когда авторъ, вмѣсто того, чтобы обобщать типы, придавалъ имъ болѣе реальный и мѣстный характеръ, въ особенности когда онъ вводилъ въ разсказъ элементъ социальный. Въ повѣсти «Художникъ» уже знакомаго намъ Тимофѣева и въ разсказѣ «Именины» Н. Ф. Павлова передъ нами двѣ попытки разнообразить этотъ старый романтическій сюжетъ именно такимъ новымъ общественнымъ мотивомъ.

«Художникъ» Тимофѣева (1833) не свободенъ отъ того романтическаго перенапряженія чувствъ, которымъ всегда грѣшилъ этотъ искатель эффектовъ. Въ одиннадцать лѣтъ его художникъ хотѣлъ уже разгадать тайну сотворенія вселенной и считалъ себя существомъ чужимъ для людей, заброшеннымъ въ здѣшній свѣтъ изъ чужого міра. Его мечты всегда были наполнены необыкновеннымъ и чудеснымъ. То онъ предводительствовалъ отважными шайками, свершалъ геройскіе подвиги, то уносился въ какой-нибудь новосозданный міръ и населялъ его своими идеалами, то спускался въ адъ и завоевывалъ троякъ Велзевула и съ подземнымъ воинствомъ шелъ противъ вселенной; онъ ви-

дѣлъ, какъ горы таятъ, рѣки улетаютъ парачи, земля съ трескомъ разваливается на части... Дымъ и сирадъ, громъ и буря, всеобщее разрушеніе—и посреди этого хаоса—онъ!.. Наконецъ, онъ любилъ прогуливаться по карнизамъ развалившихся строеній или бѣгать по срубамъ колодезей... Онъ обнаруживалъ, какъ видимъ, самыя экцентричныя привычки и необыкновенный складъ ума и фантазіи, и все это здѣсь, среди этого міра, окруженный людьми, этими жалкими, смѣшными и, между тѣмъ, прелестными, величественными созданіями, среди нихъ, среди этого великолѣпнаго храма, возносящагося главою до небесъ и стоящаго на гусиныхъ лапкахъ! И онъ былъ осужденъ въ этомъ мірѣ искать красоты и истины, истины, которая здѣсь, на землѣ, какъ «отвертительное, покрытое грязью и въ лохмотьяхъ существо ютится, свернувшись клубкомъ въ отверстіи какого-то ирраціональнаго грота». Что ему искать у людей—онъ всѣмъ чужой, онъ гость среди нихъ. Явится, мелькнетъ кометою по ночному небу, и вѣтъ его. Горитъ комета, толпа влѣзаетъ ее, упрекаетъ, ищетъ въ ней пророчества ужаснѣйшихъ несчастій; потухла—потомство дивится глупости толпы и дѣлаетъ точно то же. А между тѣмъ, художнику болѣе, нежели кому-либо, надобно быть человѣкомъ. Рѣшительная воля, пламенные страсти, возвышенная душа, здравый разумъ и чувствительное сердце—вотъ его необходимыя принадлежности. Сердце художника—термометръ, зеркало, въ которомъ отражаются всѣ люди, весь міръ, земля и небо!»

Какъ жить съ такимъ даромъ въ нашемъ мірѣ? И несчастный «блудный сынъ», поэтъ, обреченъ на всѣ терзанія. Создалъ онъ картину, написалъ и онъ своего «Прометея», и судъ глупцовъ и толпы—его награда. Хотѣлъ онъ продать свою картину, ее стали мѣрять на аршины, и она была куплена съ условіемъ, что художникъ поправитъ небольшія погрѣшности, замѣченныя въ ней не покупщикомъ, а его французскимъ учителемъ, служившимъ два года сторожемъ при берлинской картинной галлерей! Нужда заѣдала художника. Имущество его описали, съ квартиры его выселили; у него остался одинъ комодъ, который онъ взвалилъ на извозчика и свезъ на площадь. Онъ взялъ лоскутъ бумаги, написалъ на немъ «квартира художника», привязалъ этотъ лоскутъ къ шесту, воткнулъ шестъ возлѣ комода и пошелъ бродить по улицамъ. Онъ днями не ѣлъ, за-то пилъ, сколько душѣ угодно, потому что изъ Невы вода отпускается даромъ. Вся жизнь его была рядомъ лишеній и страданій, и физическихъ и, духовныхъ, и одна только любовь могла согрѣть его изстрадавшееся сердце. Но эта любовь его окончательно погубила, не по его винѣ, даже не по винѣ того, кого полюбилъ онъ. Нашъ художникъ — и въ этомъ заключается вся оригинальность замысла Тимофѣева—былъ незаконнорожденный. Онъ не зналъ, кто его отецъ и мать, хотя, въ концѣ концовъ, нашелъ своихъ родителей. Свою мать онъ встрѣтилъ на улицѣ—нищей, развратной и преступной женщиной, а его отецъ оказался

помѣщикомъ той усадьбы, гдѣ онъ родился. Дѣтство его было ужасно. Онъ жилъ въ какой-то грязной избѣ, въ сору, вмѣстѣ съ овцами и коровами; онъ былъ предметомъ презрѣнія всей двора. Псаря травилъ его собаками, кучера заставляли прыгать черезъ палку, прихлестывая кнутомъ; повара обливали помоями. Онъ не могъ понять, почему тѣ же самые люди, которые отгоняли его отъ себя кнутомъ и травилъ собаками, ласкали ихъ и жормили разными лакомствами. Величайшимъ его удовольствіемъ сдѣлалось уединеніе. Поздно вечеромъ онъ возвращался въ деревню и, прокравшись черезъ гумна въ какую-нибудь избу, угасмивалъ кусокъ хлѣба и снова бѣжалъ въ поле. Ночь проводилъ онъ гдѣ случалось, подъ плетнемъ, въ стогѣ сѣна, въ помойной ямѣ. Первое существо, которое приняло въ немъ участіе, была собака... Наконецъ, случайно прогуливавшійся баринъ заинтересовался узнать, кто онъ, и тайна рожденія его открылась. Онъ поступилъ въ число двора и сталъ лакеемъ своего родителя. Помѣщикъ былъ любитель живописи, и вотъ, однажды взглянувъ въ грустную минуту на висѣвшую въ его комнатѣ Рафаэлеву Мадонну, лакей понялъ, въ чемъ его призваніе. Онъ сталъ жить новой жизнью, и образъ Мадонны не покидалъ его. Помѣщикъ оказался все-таки настолько добрымъ человѣкомъ, что позволилъ лакею учиться вмѣстѣ со своими дѣтьми, съ его сыномъ и дочерью; успѣхи несчастнаго мальчика обратили на себя вниманіе его отца, и когда онъ замѣтилъ въ немъ страсть къ рисованію, онъ далъ ему возможность учиться этому искусству. Двѣнадцати лѣтъ его свезли въ губернский городъ и отдали въ выучку какому-то старику академику. У него провелъ онъ восемь лѣтъ и художникомъ вернулся къ себѣ на родину. Его отецъ уже умеръ; вмѣнемъ правилъ его братъ, и къ нему онъ поступилъ въ качествѣ домашнего живописца. Жизнь была трудная, полная униженій; новый баринъ былъ вспыльчивъ и смотрѣлъ на искусство, какъ на ремесло, и за то, что художникъ понималъ свое призваніе иначе и защищалъ свои права, его братъ однажды приказалъ его высѣчь. Онъ чуть не сошелъ съ ума, но судьба на нѣкоторое время спасла его для искусства... именно—на время, такъ какъ иная, неизлечимая рана разъядала его сердце. Онъ былъ влюбленъ, безумно влюбленъ въ дочь своего отца, въ свою сестру, которую онъ полюбилъ еще тогда, когда они вмѣстѣ играли и учились.. Онъ встрѣтился съ ней потомъ, когда уже сталъ художникомъ настоящимъ, но не нашелъ въ ней не только отзыва на свои чувства, но даже пониманія своихъ стремленій, какъ художника... Сумасшедшій домъ пріютилъ эту мятежную душу.

Не будь этой социальной тенденціи, проведенной въ повѣсти очень реально и ярко, рассказъ Тимофѣева былъ бы очень обыкновеннымъ пересказомъ стараго. Общественная тенденція придаетъ этому рассказу нѣкоторое историческое значеніе, такъ какъ, за вычетомъ всѣхъ романтическихъ условностей и нелѣпостей, въ немъ остается большая доза

правды о положеніи многихъ и очень многихъ талантливыхъ натуръ, выросавшихъ въ томъ или иномъ подневольномъ состояніи *).

Съ еще бдльшей смѣлостью освѣщено подневольное положеніе талантливой природы въ повѣсти Н. Ф. Павлова «Именины» **). Эта повѣсть, вмѣстѣ съ двумя другими («Аукціонъ» и «Ятаганъ»), которыя Павловъ издалъ въ 1835 году, надѣлала много шума. Цензура обратила на сборникъ свое особое вниманіе, и онъ заслужилъ даже высочайшее неодобреніе. Дѣйствительно, изъ всѣхъ разсказовъ тѣхъ годовъ, повѣсть «Именины» была самая тенденціонная и касалась самаго большого общественнаго вопроса. Эта была исторія жизни одного крѣпостнаго музыканта, исторія по своему глубокому трагическому смыслу упредившая извѣстную повѣсть Герцена «Сорока-Воровка». Авторъ не столько описывалъ, сколько разсуждалъ или, вѣрнѣе, наводилъ читателя на разсужденіе. Началъ онъ свою повѣсть съ очень для того времени характернаго замѣчанія: «Человѣкъ вездѣ равно достоинъ вниманія,—говорилъ Павловъ,—потому что въ жизни каждаго, кто бы онъ ни былъ, какъ бы ни провелъ свой вѣкъ, мы встрѣтимъ или чувство, или слово, или происшествіе, отъ которыхъ поникнетъ голова, привыкшая къ размышленію. Приглядись къ мирному жильцу земли, къ послѣднему изъ людей,—въ немъ найдешь пищу для испытующаго духа, точно также какъ въ человѣкѣ, который при глазахъ цѣлаго міра пронсется на волнахъ жизни изъ края въ край...» Писать такъ въ годы торжества романтики—значило предчувствовать наступленіе той литературы, которая займется изображеніемъ самыхъ простыхъ и самыхъ сѣрыхъ людей,—и жизнь такого простаго, съ виду сѣраго человѣка разсказалъ авторъ и показалъ намъ, сколько смысла и чувства въ такой жизни было..

Герой разсказа—музыкантъ и пѣвецъ—былъ крѣпостной по рожденію; на мѣдныя деньги учили его грамотѣ, и санъ дьячка сдѣлался границей его честолюбія. Но въ одинъ день, съ котораго началось его второе рожденіе, ему осмотрѣли зубы и губы; по осмотру заключили, что онъ—флейта, отчего и отдали учиться на флейтѣ. Его готовили въ куклы для прихотливой скуки, для роскошной праздности, но музыка спасла своего питомца: музыкальныя способности въ немъ развернулись. Много лѣтъ прошло, какъ мало-по-малу онъ началъ знакомиться съ извѣстными артистами въ Москвѣ, бросилъ флейту, оказалъ большіе успѣхи на скрипкѣ и на фортепiano, наконецъ, пѣніе сдѣлалось его исключительнымъ занятіемъ. Любители музыки дорожили его дарованіемъ, но онъ былъ для нихъ машина, которая играетъ и поетъ, къ которой во время игры и пѣнія стоятъ лицомъ, а послѣ поворачиваются спиной. Его хвалили, но эта похвала пахла милостью. Однажды впрочемъ слу-

*) «Опыты Т. м. ф. а.», часть II, 1—184.

**) «Три повѣсти» Н. Ф. Павлова, Москва, 1835.

чай свегъ его съ пламеннымъ поклонникомъ искусствъ, который его, выброшеннаго изъ числа людей, полюбилъ какъ брата. Крѣпостному было ново, неловко, когда его другъ при гостяхъ заводилъ съ нимъ разговоръ или просилъ садиться. «Вѣрите—признавался нашъ художникъ—что не смѣть сѣсть, не знать, куда и какъ сѣсть—это самое мучительное чувство!» Этотъ благородный любитель искусствъ далъ ему средство совершенствоваться свой талантъ, заставляя его читать книги; но книги оскорбляли крѣпостного: они все говорили ему о другихъ и ничего о немъ самомъ. Онъ видѣлъ въ нихъ картину всѣхъ нравовъ, всѣхъ страстей, всѣхъ лицъ, всего, что движется и дышетъ, но нигдѣ не встрѣтилъ себя: онъ былъ естествомъ, исключеннымъ изъ книжной переписи людей, нелюбопытное, незанимательное, о которомъ нечего сказать и котораго нельзя вспомнить—онъ былъ хуже, чѣмъ убитый солдатъ, заколоченная пушка, переломанный штыкъ или порванная струна... Человѣкъ, отъ котораго онъ «зависѣлъ», долженъ былъ однако ѣхать въ свое имѣніе, и съ нимъ вмѣстѣ уѣхалъ и нашъ музыкантъ. Къ счастью, по сосѣдству съ имѣніемъ его барина находилась я усадьба его благодѣтеля. Въ качествѣ пріѣзжаго музыканта онъ сдѣлался деревенскимъ учителемъ, и въ усадьбахъ ему оказывали больше почета, чѣмъ въ столицѣ, потому что никто не зналъ тайны его происхожденія. Здѣсь, въ деревенской глуши, встрѣтился онъ съ одной пріѣзжей барышней, музыкантшей-пѣвицей, на вечерѣ, куда онъ былъ приглашенъ аккомпанировать. Александрина ему понравилась. «Впрочемъ,—признавался онъ,—я не могу сказать, что она понравилась мнѣ; съ словомъ *нравится* соединяется какая-то мысль о равенствѣ... Я смотрѣлъ на нее, какъ на картину, которая не продается, которую нечѣмъ купить; какъ на ноты, по которымъ предсказывалъ себѣ волшебное согласіе ихъ звуковъ: смотрѣлъ, не какъ человѣкъ, а какъ музыкантъ...» На эту богиню смотрѣлъ онъ однажды издалека, за обѣдомъ, сидя на унизительномъ краю стола. Сидѣвшій за столомъ худощавый человѣкъ и по виду пречувствительный, любитель музыки, разговаривалъ со своимъ сосѣдомъ. «А я сегодня обработалъ славное дѣло,—сказалъ онъ,—продать двухъ музыкантовъ по тысячѣ рублей штуку...» «Вы понимаете, чего мнѣ хотѣлось, признавался нашъ музыкантъ автору повѣсти,—но не то было время». Онъ полюбилъ Александрину, и она его: искусство ихъ сблизило, и первое время въ чадѣ увлеченія артистъ забылъ, кто онъ. Онъ очулся, когда услышалъ признаніе изъ ея устъ, и тутъ пришлось ему открыть свою тайну... Ему впрочемъ блеснулъ было лучъ спасенія; его пріятель и благодѣтель готовъ былъ купить его у помѣщика, но помѣщикъ не могъ продать его, такъ какъ проигралъ въ карты деревню, къ которой онъ былъ приписанъ, и его самого... «Я помню,—разсказывалъ артистъ, что я очутился въ спальнѣ моего барина... Лампада теплилась передъ образомъ, и первые лучи утренней зари прокрадывались сквозь закрытые ставни. У меня въ рукѣ была бритва. Я смѣло по-

дошелъ къ кровати, съ отвагой убійцы отдернулъ занавѣсъ, но.. я говорю правду—рука моя опустилась прежде, чѣмъ я увидѣлъ, что въ постели никого не было. Да, у меня не достало бы силы на такое дѣло... я долженъ благодарить Провидѣніе, что онъ не ночевалъ дома: онъ проигрывалъ послѣднее и проигралъ». На другой день музыкантъ бѣжалъ переодѣтый, съ цѣлю попасть въ солдаты или кончить жизнь самоубійствомъ. Онъ бродилъ, какъ Кайтъ, по Россіи. Голая, осенняя земля бывала часто ему постелью, а засохшій хлѣбъ—пищею... Его взяли, наконецъ, какъ безпаспортнаго, и привели къ исправнику. Исправникъ прежде допроса схватилъ его за воротъ и замахнулся; «но Богъ спасъ насъ обоихъ—разсказывалъ артистъ,—блюститель благочинія и порядка вѣрно хотѣлъ только начать, съ чего слѣдуетъ, и пострадать меня, но не ударить; а я видѣлъ уже минуту, какъ неуждѣнный судья полетитъ вверхъ ногами къ подножію зеркала». Но наступилъ таки и для него часъ искупленія. Онъ былъ приговоренъ въ солдаты и поступилъ въ арестантскія роты. «Я дышалъ свободно,—разсказывалъ онъ,—я смотрѣлъ смѣло, меня уже не пугала барская прихоть; я сдѣлался слугою не людей, но смерти»,—и онъ пошелъ на войну. Съ поэтическимъ трепетомъ увидѣлъ онъ въ первый разъ то поприще, гдѣ падаютъ люди не по выбору, а кто попадется, гдѣ презрѣніе къ жизни можетъ задушить человѣческое лицепріятіе и поставить первымъ того, кто стоялъ послѣдній... Онъ былъ украшенъ затѣмъ георгіевскимъ крестомъ и дослужился до офицерскаго чина.

Таково содержаніе самой смѣлой по замыслу повѣсти тридцатыхъ годовъ. Изъ всѣхъ разсказовъ, въ которыхъ дѣйствующими лицами являлись художники, это была единственная повѣсть, въ которой противорѣчіе мечты и дѣйствительности было понято въ самомъ непосредственномъ смыслѣ и схвачено съ его самой грубой, но вмѣстѣ съ тѣмъ самой реальной стороны. Конечно, это было противорѣчіе устранимое, тогда какъ то духовное противорѣчіе, о которомъ такъ часто говорили тогда писатели, было неизмѣннымъ и вѣчнымъ.

На этотъ интересъ писателей къ темамъ объ искусствѣ и о психическомъ мірѣ его служителя Гоголь, какъ извѣстно, также откликнулся. Помимо теоретической разработки вопроса, съ которой мы уже знакомы, нашъ писатель попытался изложить свое артистическое исповѣданіе въ формѣ повѣсти. Онъ написалъ свой знаменитый разсказъ «Портретъ» (1835), разсказъ, имѣющій двоякое значеніе, художественное и философское — какъ разработка извѣстной темы и, кромѣ того, автобіографическое, какъ личное признаніе.

Надъ этой повѣстью Гоголь трудился долго, часто ее передѣлывалъ и въ сороковыхъ годахъ написалъ ее почти-что заново, чтб указываетъ на особое значеніе, какое онъ придавалъ ей. Если въ выборѣ сюжета и въ главномъ мотивѣ повѣсти, т.-е. въ противорѣчіи истин-

наго искусства съ ремесломъ, и въ исторіи о таинственномъ портретѣ, въ которомъ заключена частица души оригинала, съ котораго онъ списанъ, нашъ писатель, по всѣмъ вѣроятіямъ, былъ связанъ известными литературными традиціями и воспоминаніями*), то въ разработкѣ темы и, главнымъ образомъ, въ развитіи двухъ основныхъ ея мыслей Гоголь былъ былъ вполне оригиналенъ и субъективенъ.

Повѣсть была лишена всякаго мѣстнаго бытового интереса, не говоря уже о социальномъ. Это былъ рассказъ общаго типа, въ которомъ можно было безъ нарушенія правдоподобности замѣнить всѣ русскія имена лицъ и мѣсть иностранными. Скажемъ больше: при такой замѣнѣ повѣсть выиграла бы въ стилѣ; она все-таки по стилю западно-романтическая и специально нѣмецкая. Не будь въ ней нѣкоторыхъ мыслей, выстраданныхъ самимъ Гоголемъ, можно было бы подумать, что онъ написалъ ее, вспоминая Гофманна или Тика.

Въ повѣсть включено два эпизода: рассказъ о гибели таланта художника Черткова и рассказъ о страшномъ ростовщикѣ. При всей занимательности этихъ двухъ эпизодовъ и мастерствѣ, съ какими они изложены, не въ нихъ смыслъ повѣсти. Легенда о ростовщикѣ и объ антихристѣ—простая сказка, а исторія гибели художника—подтвержденіе старой мало интересной истины о томъ, что нельзя служить Богу и мамонѣ, что погоня за успѣхомъ и служеніе святому, истинному призванію трудно примиримы.

«Портретъ»—славословіе искусства и болѣе полное и художественное повтореніе тѣхъ мыслей, какія Гоголь высказывалъ въ своемъ гимнѣ скульптурѣ, живописи и музыкѣ, въ своемъ воззваніи къ гению, въ статьѣ о Пушкинѣ и въ другихъ своихъ лирическихъ изліаніяхъ. Когда злой геній шепчетъ художнику: «Ты думаешь, что долгими усиліями можно постигнуть искусство, что ты выиграешь и получишь что-нибудь? Да, ты получишь завидное право кинуться съ Исаакіевского моста въ Неву или, завязавъ шею платкомъ, повѣситься на первомъ гвоздѣ; а труды твои первый маляръ, купивъ ихъ на рубль, замажетъ грунтомъ, чтобы нарисовать на немъ какую-нибудь красную рожу. Брось свою глупую мысль! Все дѣлается на свѣтѣ для пользы. Бери же скорѣе кисть и рисуй портреты со всего города! Бери все, что ни закажутъ; но не влюбляйся въ свою работу, не сиди надъ нею дни и ночи: время летитъ скоро, и жизнь не останавливается. Чѣмъ больше смастеришь ты въ день своихъ картинъ, тѣмъ больше въ карманѣ будетъ у тебя денегъ и славы»—когда злой геній шепчетъ эти слова, онъ повторяетъ то, что всегда говорилось всѣми, кто оплакивалъ гибель таланта въ сѣтяхъ моды. Немного новаго, хотя много красиваго, давали и тѣ страницы по-

*) См. *И. Шапкинъ*. «Портретъ» Гоголя и «Мельмотъ-скиталецъ» Матюрина. «Литературный Вѣстникъ» 1902, I, 66—68.

вѣсти, на которыхъ Гоголь стремился передать читателю впечатлѣнія истиннаго, высокаго вдохновенія и искусства. Припомнимъ одну страничку, и тотъ, кто имѣлъ случай читать романтическія повѣсти тридцатыхъ годовъ, найдетъ въ словахъ Гоголя много знакомаго, хотя, конечно, долженъ будетъ признать силу этой красивой и патетической рѣчи.

«Чистое, непорочное, прекрасное, какъ невѣста, стояло передъ нимъ (Чертковымъ) произведеніе художника. И хоть бы какое-нибудь видно было въ немъ желаніе блеснуть, хотя бы даже извинительное тщеславіе, хотя мысль о томъ, чтобы показаться черни,—никакой, никакихъ! Оно возносилось скромно. Оно было просто, невинно, божественно, какъ талантъ, какъ гѣній. Изумительно-прекрасныя фигуры группировались непринужденно, свободно, не касаясь полотна, и, изумленные столькими устремленными на нихъ взорами, казалось, стыдливо опустили прекрасныя рѣсницы. Въ чертахъ божественныхъ лицъ дышали тѣ тайныя явленія, которыхъ душа не умѣетъ, не знаетъ пересказать другому: невыразимо выразимое покоилось на нихъ; и все это было наброшено такъ легко, такъ скромно-свободно, что, казалось, было плодомъ минутнаго вдохновенія художника, вдругъ осѣнившей его мысли. Вся картина была мгновеніе, но то мгновеніе, къ которому вся жизнь человѣческая есть одно приготовленіе. Невольныя слезы готовы были покатиться по лицамъ посѣтителей, окружавшихъ картину. Казалось, всѣ вкусы, всѣ дерзкія, неправильныя уклоненія вкуса слились въ какой-то безмолвный гимнъ божественному произведенію».

Никогда, говоря объ искусствѣ, Гоголь не возвышался до такой красоты выраженія, и если невыразимое, дѣйствительно, поддается до извѣстной степени выраженію, то такая степень на этой страницѣ достигнута, и въ писателѣ чувствуется и творецъ изящнаго, и удивительно тонкій его дѣятель.

Но не эти страницы въ «Портретѣ» самыя цѣнныя. Есть въ этой повѣсти двѣ мысли, съ которыми не встрѣчаешься въ однородныхъ повѣстяхъ того времени, и очень важныхъ въ исторіи развитія взглядовъ самого Гоголя на искусство. Одна мысль касается вопроса о степени приближенія искусства къ жизни, т. е. о границахъ истиннаго реализма въ художественномъ воспроизведеніи дѣйствительности.

Гоголь описываетъ впечатлѣніе, произведенное портретомъ на художника: «Чертковъ,—разсказываетъ онъ,—съ жадностью ухватился за картину, но вдругъ отскочилъ отъ нея пораженный страхомъ. Темные глаза нарисованнаго старика глядѣли такъ живо и вмѣстѣ мертвенно, что нельзя было не ощутить испуга. Казалось, въ нихъ невнятною страшною силою удержана была часть жизни. Это были не нарисованныя, это были живые, это были человѣческіе глаза... Не смѣя думать о томъ, чтобы взять портретъ съ собою, Чертковъ выбѣжалъ на улицу. «Что это?» думалъ онъ самъ про себя: «искус

ство или сверхъестественное какое волшебство, выглянувшее мимо законовъ природы? Какая странная, какая непостижимая задача! Или для человѣка есть такая черта, до которой доводить высшее познаніе искусства и черезъ которую шагнувъ, онъ уже похищаетъ несоздаваемое трудомъ человѣка, онъ вырываетъ что-то живое изъ жизни, одушевляющей оригиналь. Отчего же этотъ переходъ за черту, положенную границею для воображенія, такъ ужасенъ? Или за воображеніемъ, за порывомъ слѣдуетъ, наконецъ, дѣйствительность, та ужасная дѣйствительность, на которую соскакиваетъ воображеніе съ своей оси какимъ-то постороннимъ толчкомъ, та ужасная дѣйствительность, которая представляется жаждущему ее тогда, когда онъ, желая постигнуть прекраснаго человѣка, вооружается анатомическимъ ножомъ, раскрываетъ его внутренность и видитъ отвратительнаго человѣка? Непостижимо! Такая изумительная, такая ужасная живость! Или черезчуръ близкое подражаніе природѣ, такъ же приторно, какъ блюдо, имѣющее черезчуръ сладкій вкусъ?» Но это было, во всякомъ случаѣ произведеніе искусства, «которое, хотя оно было не окончено, однако носило на себѣ рѣзкій признакъ могущественной кисти; но, при всемъ томъ, эта сверхъестественная живость глазъ возбуждала какой-то невольный упрекъ художнику. Всѣ чувствовали, что это верхъ истины, что изобразить ее въ такой степени можетъ только гений, но что этотъ гений уже слишкомъ дерзко перешагнулъ границы воли человѣка».)

Если мы вспомнимъ, что въ тѣ годы, когда «Портретъ» былъ написанъ, въ талантѣ Гоголя происходила упорная борьба его романтическихъ вкусовъ съ все болѣе и болѣе созрѣвавшей способностью реального бытописанія, то эти размышленія художника надъ границами приближенія искусства къ жизни приобрѣтають особое значеніе. Талантъ Гоголя, дѣйствительно, приближалъ художника къ той чертѣ, которая отдѣляетъ искусство отъ самой жизни. Съ каждымъ годомъ анатомическая зоркость его артистическаго взгляда возрастала. Жизнь теряла тотъ постепенный привлекательный образъ, который она имѣла, когда художникъ смотрѣлъ на нее взглядомъ романтика; грязь и грѣховность этой жизни переходила на страницы созданія поэта. У него — строгаго моралиста отъ рожденія — могла явиться мысль, не служить ли искусство самому грѣху, когда такъ правдиво его воспроизводитъ? Эту робкую, тревожную мысль онъ и высказалъ въ своемъ «Портретѣ». Предчувствовалъ ли снѣ, что со временемъ онъ въ ней укрѣпится и все созданное имъ въ реальномъ стилѣ сочтетъ грѣхомъ, передъ человѣчествомъ и въ частности передъ русской жизнью? Пока эта мысль была высказана лишь въ видѣ догадки, и, увлекимый своимъ талантомъ, Гоголь не давалъ ей власти надъ своимъ творчествомъ. Онъ, наоборотъ, старался, чтобы именно частица жизни, самой будничной, оставалась въ его созданіяхъ. Онъ не убѣгалъ грѣха жизни, а

шелъ ему смѣло навстрѣчу. Но замѣчательно все-таки, что именно въ годы этого смѣлаго творчества такая мысль остановила на себѣ его вниманіе..

Въ томъ же «Портретѣ» Гоголь высказалъ и другую мысль, которой также суждено было со временемъ восторжествовать въ его творствѣ. Это была мысль о религіозномъ призваніи искусства и поэта въ жизни—мысль старая, нѣмецкая по происхожденію. Художникъ, написавшій знаменитый портретъ ростовщика, который былъ не кто иной, какъ самъ антихристъ, долженъ былъ искупить свой грѣхъ—свой невольный грѣхъ артиста. Онъ и искупилъ его постомъ и молитвой, иноческой жизнью и своимъ же искусствомъ, которое онъ всецѣло посвятилъ Богу. Міръ дѣйствительный далеко отошелъ отъ него, и ему здѣсь на землѣ уже свѣтилъ міръ небесный. Стоя на краю могилы, раскаявшійся художникъ говорилъ своему сыну: «Дивись, мой сынъ, ужасному могуществу бѣса. Онъ во все силится проникнуть: въ наши дѣла, въ наши мысли и даже въ самое вдохновеніе художника. Безчисленны будутъ жертвы этого адскаго духа, живущаго невидимо, безъ образа, на землѣ. Это тотъ черный духъ, который врывается къ намъ даже въ минуту самыхъ чистыхъ и святыхъ помышленій. Горе, сынъ мой, бѣдному человѣчеству... Но слушай, что мнѣ открыла въ часъ святого видѣнія сама Божія Матерь. Когда я трудился надъ изображеніемъ пречистаго лика Дѣвы Маріи, лилъ слезы покаянія о моей протекшей жизни и долго пребывалъ въ постѣ и молитвѣ, чтобы быть достойнѣе изобразить божественныя черты ея, я былъ посѣщенъ вдохновеніемъ, я чувствовалъ, что высшая сила осѣнила меня, и ангелъ вознесилъ мою грѣшную руку, я чувствовалъ, какъ шевелились на мнѣ волосы мои, и душа вся трепетала. Тогда же предсталъ мнѣ во снѣ пречистый ликъ Дѣвы, и я узналъ, что въ награду моихъ трудовъ и молитвъ сверхъестественное существованіе этого демона въ портретѣ будетъ невѣчно». Случай, рассказанный въ «Портретѣ», конечно, случай исключительный, и портретъ, списанный съ антихриста, хотя бы безъ вѣдѣнія художника, могъ требовать отъ него покаянія; но, читая эту повѣсть и припоминая нѣкоторыя мысли, которыми Гоголь былъ занятъ въ послѣдніе годы своей жизни, нельзя опять не подивиться страннымъ совпаденіямъ... Гоголя, какъ извѣстно, преслѣдовали списанные имъ съ натуры портреты; онъ думалъ, что онъ совершилъ тяжкій грѣхъ, отдавшись свободно своему вдохновенію, онъ вѣрилъ, что на немъ лежитъ обязанность искупить все имъ сотворенное новой творческой работой, и онъ у Бога также просилъ вдохновенія, чтобы Онъ помогъ ему на новомъ пути уже не простого воспроизведенія дѣйствительности, а ея воссозданія въ идеальныхъ образахъ. Постомъ и молитвой замаливалъ и Гоголь свой грѣхъ реалиста-художника.

Но все это случилось значительно позже; въ серединѣ тридцатыхъ годовъ эта религіозная мысль лишь промелькнула въ «Портретѣ», не

возбудивъ пока особенно сильной тревоги въ душѣ благочестиваго художника.

Не такъ широко, но зато болѣе реально понять и разрѣшенъ тотъ же вопросъ о трагической участи непримиреннаго съ жизнью поэта въ повѣстяхъ «Невскій проспектъ» (1834) и «Записки сумасшедшаго» (1833—34).

Обѣ повѣсти выдержаны строго въ стилѣ реальномъ и имѣютъ, такимъ образомъ, также двойное значеніе въ творчествѣ Гоголя.. Онѣ любопытны, во-первыхъ, по той основной мысли о разладѣ мечты и дѣйствительности, мысли, которая составляла для Гоголя всегда предметъ самыхъ упорныхъ и печальныхъ раздумій. Во-вторыхъ, важно въ нихъ то, что эта идея, которую современники Гоголя почти всегда старались истолковать въ силѣ сентиментальномъ и романтическомъ, развита и воплощена Гоголемъ въ образахъ самыхъ реальныхъ, житейски-правдивыхъ, безъ всякаго повышенія тона и настроенія. Обѣ повѣсти—примѣръ того, какъ быстро развивался въ Гоголѣ талантъ бытописателя и жанриста. Въ нихъ этотъ талантъ проступаетъ ярче наружу, чѣмъ даже въ «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ», гдѣ спокойный идиллическій тонъ съ умысломъ такъ ровенъ и однообразенъ. Въ «Невскомъ проспектѣ» и въ «Запискахъ сумасшедшаго» тонъ постоянно мѣняется, переходя отъ патетическаго къ рѣзко комическому, всегда въ соответствіи съ изображеннымъ лицомъ и положеніемъ, т.-е. въ соответствіи съ житейской правдой. Сколько, наир., жанровыхъ картинокъ и изумительно вѣрныхъ силуэтовъ разбросано на тѣхъ страницахъ, гдѣ Гоголь описываетъ Невскій проспектъ въ различные часы дня и ночи, гдѣ онъ описываетъ бытъ ремесленниковъ, офицерскую жизнь, жизнь художниковъ и притоны разврата. Разнообразіе удивительное—при той краткости, съ какой обрисованы всѣ типы и положенія. Недаромъ Пушкинъ называлъ «Невскій проспектъ» самымъ *полнымъ* изъ сочиненій Гоголя, желая, вѣроятно, этимъ сказать, что до этой повѣсти ни въ одномъ изъ своихъ произведеній Гоголь не обнаружилъ такого богатства настроеній, тоновъ, красокъ, позъ, профилей и портретовъ. Такъ же точно и въ «Запискахъ сумасшедшаго» передъ нами на маломъ количествѣ страницъ—цѣлый романъ изъ департаментской жизни чиновъ высшихъ и низшихъ.

Основная идея обѣихъ повѣстей—все та же мысль о борьбѣ художника съ прозою жизни, борьбѣ жестокой, полной страданій, которая почти всегда кончается гибелью дерзкаго, возмущившагося противъ дѣйствительности человѣка.

Въ «Невскомъ проспектѣ» самъ авторъ неоднократно наводитъ читателя на эту основную идею своего произведенія. «О! какъ отвратительна дѣйствительность! Что она противъ мечты?» «Боже! что за жизнь наша!—вѣчный раздоръ мечты съ существенностью!»—говоритъ самъ Гоголь, задумываясь надъ судьбой своего героя; и, заканчивая свою

повѣсть, онъ повтораеъ тотъ же возгласъ, но только не въ патетическомъ, а въ полушутливомъ тонѣ: «Какъ странно, какъ непостижимо играетъ нами судьба наша! Получаемъ ли мы когда-нибудь то, чего желаемъ? Достигаемъ ли мы того, къ чему, кажется, нарочно приготовлены наши силы? Все происходитъ наоборотъ. Тому судьба дала прекраснѣйшихъ лошадей, и онъ равнодушно катаеъ на нихъ, вовсе не замѣчая ихъ красоты, тогда какъ другой, котораго все сердце горитъ лошадиною страстью, идетъ пѣшкомъ и довольствуеъ только только тѣмъ, что пощелкаеъ языкомъ, когда мимо его проведяъ рысака. Тотъ имѣеъ отличнаго повара, но, къ сожалѣнiю, такой маленькiй ротъ, что больше двухъ кусочковъ никакъ не можетъ пропустить; другой имѣеъ ротъ величиною въ арку Главнаго штаба, но, увѣ! долженъ довольствоваться какимъ-нибудь нѣмецкимъ обѣдомъ изъ картофеля. Какъ странно играетъ нами судьба наша!»

Насъ не долженъ смущаъ этотъ юмористическiй тонъ, которымъ авторъ стремится себя утѣшить и которымъ онъ прикрываеъ очень грустную мысль. Разсказъ о художникѣ Пискаревѣ, дѣйствительно, разсказъ очень печальный, и веселый анекдотъ объ его товарищѣ Пироговѣ только ярче отбѣняетъ всю трагедию несчастнаго мечтателя, который думалъ найти свой идеалъ на Невскомъ проспектѣ и, идя слѣдомъ за этимъ идеаломъ, очутился въ самомъ грязномъ притонѣ. Но и безъ этой фатальной встрѣчи нашъ нѣжный и тихiй мечтатель-художникъ—фигура трагическая. «Художникъ въ землѣ снѣговъ, художникъ въ странѣ финновъ, гдѣ все мокро, гладко, ровно, блѣдно, сѣро, туманно! Какъ часто питаеъ онъ въ себѣ истинный талантъ, и если бы только дунулъ на него свѣжiй воздухъ Италiи, онъ бы, вѣрно, развился такъ же вольно, широко и ярко, какъ растенiе, которое выносаъ, наконецъ, изъ комнаты на чистый воздухъ». У него, жителя сѣвера, мечта можетъ разыграться не хуже, чѣмъ у его южныхъ братьевъ. Отъ такой мечты, отъ такого сновидѣнiя и погибъ нашъ мечтатель, который хотѣлъ день обратитъ въ ночь, жизнь въ сонъ, чтобы не разлучаъ со своимъ идеаломъ, мечтатель, который рѣшился было облагородитъ житейскую грязь своимъ прикосновенiемъ къ ней и, наконецъ, въ самоубиствѣ нашелъ примиренiе съ жизнью.

Читая эту повѣсть, можно, конечно, задуматься надъ сравнительно ничтожнымъ мотивомъ, который избралъ авторъ, какъ предлогъ для такой душевной катастрофы. Можно удивиться, что изъ всѣхъ противорѣчiй идеала и жизни, противоположiй, такъ больно отзывающихся на душѣ поэта, Гоголь останоился именно на этомъ контрастѣ внѣшней женской красоты и душевнаго безобразiя и грязи. Контрастъ въ его изображенiи былъ, дѣйствительно, очень рѣзкiй. Женщина, паденiе которой повлекло за собой гибель художника, была съ внѣшней стороны идеаломъ красоты, на описанiе которой нашъ авторъ не поскупился. «Боже, какiя божественныя черты!—писалъ онъ въ своемъ старомъ повѣ

шенномъ стигѣ.—Ослѣпительной бѣлизны прелестнѣйшій лобъ ослѣненъ былъ прекрасными, какъ агаты, волосами. Они вились, эти чудные локоны, и часть ихъ, падая изъ-подъ шляпки, касалась щеки, тронутой тонкимъ, свѣжимъ румянцемъ, проступившимъ отъ вечерняго холода. Уста были замкнуты цѣлымъ роемъ прелестнѣйшихъ грезъ. Все, что остается отъ воспоминанія о дѣтствѣ, что даетъ мечтаніе и тихое вдохновеніе при свѣтящейся лампадѣ,—все это, казалось, совокупилось, слилось и отразилось въ ея гармоническихъ устахъ...»

Гоголь имѣлъ свои основанія, когда всю загадку жизни художника сосредоточилъ на его любви къ этой красавицѣ. Надо знать, какъ въ тѣ годы, да и вообще во всю свою жизнь, нашъ авторъ высоко ставилъ женщину и ея красоту, чтобы понять ту общую мысль, которую онъ высказалъ въ своей повѣсти *Исторія съ Пискаревымъ* была не только страницей обыденной жизни, страницей вполне согласной съ реальной правдой,—это былъ рассказъ съ затаеннымъ смысломъ. Для Гоголя женская красота и «красота» вообще были понятія почти что равнозначущія, а съ «красотой» въ жизни для него неразрывно были соединены и понятія объ истинѣ и добрѣ. Онъ въ тѣ годы неоднократно подчеркивалъ эту связь понятій, и есть основаніе думать, что онъ всю жизнь продолжалъ вѣрить въ эту связь, которая такъ затрудняла ему его отношенія къ женщинамъ, съ которыми онъ сталкивался.

Еще въ 1830 году Гоголь напечаталъ маленькое стихотвореніе въ прозѣ подъ заглавіемъ «Женщина». «Устреми на себя испытующее око,—говорилъ онъ тогда устами какого-то вдохновеннаго мудреца пылкому юношѣ Телеклесу, влюбленному въ Алкиною,—чѣмъ былъ ты прежде и чѣмъ сталъ нынѣ, съ тѣхъ поръ, какъ прочиталъ вѣчность въ божественныхъ чертахъ Алкиной! сколько новыхъ тайнъ, сколько новыхъ откровеній постигъ и разгадалъ ты своею безконечною душою и во сколько придвинулся къ верховному благу! Мы зрѣемъ и совершенствуемся; но когда? Когда глубже и совершеннѣе постигаемъ женщину! Что женщина? Языкъ боговъ! Она поэзія, она мысль, а мы только воплощеніе ея въ дѣйствительности. На насъ горятъ ея впечатлѣнія, и чѣмъ сильнѣе, и чѣмъ въ болѣшемъ объемѣ они отразились, тѣмъ выше и прекраснѣе мы становимся. Пока картина еще въ головѣ художника и безплотно округляется и создается—она женщина; когда она переходитъ въ вещество и облекается въ осязаемость—она мужчина. Отчего же художникъ съ такимъ несатымъ желаніемъ стремится превратить безсмертную идею свою въ грубое вещество, покоривъ его обыкновеннымъ нашимъ чувствамъ? Оттого, что имъ управляетъ одно высокое чувство—выразить божество въ самомъ веществѣ, сдѣлать доступною людямъ хотя часть безконечнаго міра души своей, воплотить въ мужчину женщину... Что бы были выскія добродѣтели мужа, когда бы онѣ не ослѣвались, не преобража-

лись нѣжными, кроткими добродѣтелями женщины? Твердость, мужество, гордое презрѣніе къ пороку перешли бы въ звѣрство. Отними лучи у міра—и погибнетъ яркое разнообразіе цвѣтовъ: небо и земля сольются въ мракъ, еще мрачнѣйшій береговъ Аида. Что такое любовь? Отчизна души, прекрасное стремленіе человѣка къ минувшему, гдѣ совершалось безпорочное начало его жизни, гдѣ на всемъ остался невыразимый, неизгладимый слѣдъ невиннаго младенчества, гдѣ все родина. И когда душа потонетъ въ эфирномъ ловѣ души женщины, когда отыщеть въ ней своего отца—вѣчнаго Бога, своихъ братьевъ—дотогѣ невыразимыя землею чувства и явленія, что тогда съ нею? Тогда она повторяетъ въ себѣ прежніе звуки, прежнюю райскую въ груди Бога жизнь, развивая ее до безконечности».

Земное чувство любви изображается и поясняется у Гоголя нерѣдко такими патетическими, а иной разъ и мистическими, возгласами. Нашъ поэтъ въ любви былъ большой романтикъ и рыцарь: у него былъ свой культъ красоты и ея носительницы—женщины, почему и выставленное въ «Невскомъ Проспектѣ» противорѣчіе между идеальной красотой внѣшней и внутреннимъ душевнымъ безобразіемъ являлось въ его глазахъ однимъ изъ самыхъ страшныхъ контрастовъ идеала и жизни. Контрастъ былъ и потому еще столь ужасный, что онъ не допускалъ никакого согласенія, которое до извѣстной степени могло быть достигнуто при иныхъ противорѣчіяхъ, какъ, напр., при борьбѣ художника и толпы, при спорѣ между замысломъ артиста и средствами, которыми онъ располагаетъ, при борьбѣ таланта съ житейской прозой и нуждой, т.-е. при иныхъ всевозможныхъ драматическихъ коллизіяхъ артистической жизни.

Въ одной изъ такихъ острыхъ и неразрѣшимыхъ формъ представлено противорѣчіе идеала и жизни и въ повѣсти «Записки сумасшедшаго». Въ томъ видѣ, въ какомъ повѣсть теперь передъ нами, она не вполне отражаетъ основной замыселъ художника. Она должна была быть также повѣстью изъ жизни художника. Въ записной книжкѣ, гдѣ Гоголь набросалъ перечень статей, изъ которыхъ онъ предполагалъ составить свои «Арабески», помѣчены какія-то «Записки сумасшедшаго музыканта». Гоголь, какъ думаетъ Н. С. Тихонравовъ *), увлекшись рассказами кн. В. Ф. Одоевскаго о сумасшедшихъ музыкантахъ **), первоначально предполагалъ написать (и, можетъ быть, дѣйствительно, написалъ) повѣсть на эту тему; эта повѣсть до насъ не дошла, но въ «Запискахъ сумасшедшаго» осталось то настроеніе и та главная мысль, которые Гоголь хотѣлъ развить и дать почувствовать въ своемъ не-написанномъ, но задуманномъ рассказѣ.

Передъ нами все тотъ же разладъ мечты и существенности и

*) «Сочиненія Н. В. Гоголя», X-е изданіе, V, 610.

***) Одоевскій думалъ тогда напечатать цѣлый сборникъ такихъ рассказовъ, но не напечаталъ.

опять одно изъ возможныхъ и самыхъ ужасныхъ сочиненій этого разлада — потеря разсудка, главнаго виновника всѣхъ несчастій мечтателя. У Гоголя нѣтъ болѣе трагичной повѣсти, чѣмъ эти «Записки», читая которыя нельзя, однако, удержаться отъ смѣха. Самая трагическая и романтическая мысль развита въ нихъ съ такимъ юморомъ и такъ реально, съ такимъ безпощаднымъ глумленіемъ надъ человѣческимъ разсудкомъ, что за этимъ сарказмомъ на первыхъ порахъ можно просмотрѣть весь заключенный въ этомъ разсказѣ пагосъ.

Отмѣтимъ кстати, что въ «Запискахъ сумасшедшаго» попадаютъ первые проблески общественной сатиры, которая до сихъ поръ не проскальзывала ни въ одномъ произведеніи Гоголя. Всѣ эти разсужденія титулярнаго совѣтника о департаментскомъ начальствѣ, разсказъ о томъ, какъ собачонка нюхала орденскую ленточку, разсужденія на тему—какое мѣсто въ свѣтѣ занимаютъ генералы и камеръ-юнкеры — для Гоголя, автора «Вечеровъ на хуторѣ», «Миргорода» и «Арабесокъ», нѣчто новое, новый мотивъ, съ которымъ мы пока еще не встрѣчались, но скоро встрѣтимся въ его комедіяхъ. Правда, эти смѣлыя слова высказаны отъ лица сумасшедшаго, но эта маска никого не обманула; по крайней мѣрѣ, она не обманула цензуры, которая въ первомъ изданіи всѣ эти сумасшедшія слова вычеркнула.

Но, помимо такихъ трезвыхъ рѣчей, въ «Запискахъ сумасшедшаго» было много печальнаго и глубокаго пагоса. Сколько такого пагоса въ одной той мысли, что титулярный совѣтникъ—король испанскій Фердинандъ VIII-й, и какъ часто случается, что вся трагедія нашей жизни вытекаетъ изъ нашихъ претензій на такіе престолы, которые мы считаемъ свободными. Какъ часто въ погонѣ за счастьемъ мы принимаемъ наше право на него за гарантію его осуществленія и какъ часто мы въ дѣйствительности гѣземъ на стѣну, чтобы достать луну, движимые, конечно, не тѣмъ смѣшнымъ соображеніемъ, которымъ руководится Поприщинъ, но иной разъ не менѣе безумнымъ? И, наконецъ, способность или необходимость истолковывать всѣ мученія, которымъ больной человѣкъ подвергается въ сумасшедшемъ домѣ, истолковывать ихъ въ самомъ выгодномъ для себя смыслѣ, развѣ на этой способности не зиждется для многихъ здоровыхъ людей вся ихъ жизнерадостность?

Глубоко серьезень и патетичень этотъ до нельзя смѣшной разсказъ, который, однако, авторъ заключилъ самыми грустными элегическими словами, какъ бы желая напомнить читателю о томъ, сколько бываетъ общихъ чувствъ и настроеній, которыя родяты и сближаютъ его, здравомыслящаго, съ этимъ безповоротно помѣшаннымъ. «Нѣтъ, я больше не имѣю силъ терпѣть,—говоритъ Поприщинъ или любой изъ насъ, не находящій примиренія между мечтой и дѣйствительностью. Боже! чтѣ они дѣлаютъ со мной. Они льютъ мнѣ на голову холодную

воду! Они не внемлютъ, не видятъ, не слушаютъ меня. Что я сдѣлаю имъ? За что они мучатъ меня? Чего хотятъ они отъ меня бѣднаго? Что могу дать я имъ? Я ничего не имѣю, я не въ силахъ, я не могу вывести всѣхъ мукъ ихъ, голова горитъ моя, и все кружится предо мною. Спасите меня! Возьмите меня! Дайте мнѣ тройку быстрыхъ, какъ вихорь, коней! Садись, мой ямщикъ, звени, мой колокольчикъ, взвейтеса кони и несите меня съ этого свѣта: Далѣе, далѣе, чтобы не видно было ничего, ничего. Вонъ небо клубится предо мною; звѣздочка сверкаетъ вдали; лѣсъ несетса съ темными деревьями и мѣсяцемъ; сивый туманъ стелетса подъ ногами; струна звенить въ туманѣ; съ одной стороны море, съ другой—Италія; вонъ и русскія избы виднѣются. Домъ ли то мой синѣтъ вдали? Мать ли моя сидитъ передъ окномъ? Матушка, спаси твоего бѣднаго сына! Урони слезинку на его больную головушку! Посмотри, какъ мучатъ они его! Прижми ко груди своей бѣднаго сиротку! Ему нѣтъ мѣста на свѣтѣ! Его гонять! Матушка, пожалѣй о своемъ больномъ дитяткѣ!

Разсказываютъ, что мать Гоголя заливалась слезами, читая эти строки; вѣроятно, онѣ напоминали ей строки изъ писемъ ея сына..

Итакъ, изъ всѣхъ статей Гоголя по вопросу объ искусствѣ, о художникѣ, его роли среди насъ и его этикѣ артиста, если можно такъ выразиться, равно какъ и изъ нѣкоторыхъ, только что поименованныхъ повѣстей нашего автора, мы видимъ, какъ упорно и настойчиво трудился онъ надъ выясненіемъ себѣ самому своего собственнаго призванія. Онъ то думалъ объ этомъ, то мечталъ, то образами стремился пояснить свои мысли. Нельзя сказать, что онъ додумался до чего-нибудь опредѣленнаго и яснаго. Ясно было одно: ошущеніе разлада между поэзіей и жизнью, между желаннымъ и настоящимъ. Романтическая неудовлетворенность жизнью давала себя больно чувствовать и вызывала большую тревогу чувства и мысли. Эта тревога выражалась, главнымъ образомъ, въ томъ, что художникъ никакъ не могъ опредѣлить своей роли въ этомъ спорѣ мечты и дѣйствительности. Служить ли этой мечтѣ или описывать эту дѣйствительность?—вотъ задача, надъ которой Гоголь въ эти годы такъ много думалъ, и рѣшеніе которой усложнялось для него той борьбой романтика-сентименталиста и юмориста-бытописателя, о которой мы говорили. Вопросъ о своемъ призваніи остался, въ виду этой борьбы, временно нерѣшеннымъ.

Какъ можно догадываться по разсказу «Портретъ», Гоголь осуждалъ то искусство, которое слишкомъ близко подходитъ къ жизни и переходитъ за черту, отдѣляющую творчество отъ дѣйствительности, и какъ на конечную цѣль искусства, Гоголь въ этой же повѣсти указывалъ на его религіозно-нравственную миссію. Извѣстно, что подъ конецъ своей

жизни онъ и остановился на этомъ рѣшеніи и себя самого возвалъ въ провѣдники морали и религіи. Онъ осудилъ тогда все лучшее свои созданія именно за ихъ близость къ жизни, за ихъ безошадный реализмъ и думалъ, что въ нихъ, какъ въ знаменитомъ портретѣ, заключена частица мірового зла, которое должно побороть иными, просвѣтленными картинами жизни.

Но въ тѣ годы, о которыхъ говоримъ мы, онъ былъ еще далеко отъ такого окончательно установившагося взгляда. Его талантъ реалиста, быстро разливаясь, приближалъ его все болѣе и болѣе къ дѣйствительности, къ ея злу и грязи, и романтическій взглядъ на жизнь, предпочитающій въ ней желаемое настоящему, терялъ свою власть надъ художникомъ, чтобы спустя нѣкоторое время—вмѣстѣ со взглядомъ религіознымъ—окончательно восторжествовать въ его творчествѣ.

Эту свою власть романтическій взглядъ на жизнь уступалъ, однако, не безъ борьбы, и была область духовныхъ интересовъ, въ которыхъ Гоголь—при всемъ тогдашнемъ торжествѣ реализма въ его поэзіи—оставался романтикомъ. Эта область была—старина историческая и легендарная, русская и не русская, которую Гоголь стремился воскресить, какъ поэтъ и историкъ.

Н. Котляревскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ДНЕЙ МИНУВШИХЪ.

Съ польскаго.

Повѣсть Г. Даниловскаго.

Перев. А. И. Я-я.

(Продолженіе *).

Какъ же это такъ?! Какъ же это такъ?! И ничего!.. возмущалось все его существо, потрясенное до глубины этими мыслями и не могущее, при своей дѣтской наивности, ни понять, ни примириться съ торжествомъ и безнаказанностью жи. Въ безсильномъ отчаяніи онъ чувствовалъ какъ болѣзненно отрывается его сердце отъ всѣхъ этихъ такъ недавно еще любимыхъ людей, которые допустили, чтобы *это* произошло и *такъ* еще произошло, и вмѣстѣ съ тѣмъ его охватывалъ холодъ одиночества. И такъ, невинная маленькая душа, отравленная тройнымъ ядомъ жи, оскорбленія и ненависти, медленно застывала, замыкаясь сама въ себя.

И когда Игнась услышалъ звукъ двухъ оживленныхъ голосковъ, приближающійся къ дверямъ, вмѣсто обычной радости въ немъ зашевелилось недовольство; онъ отвернулся къ стѣнѣ и представился, что спитъ.

Вошли Мечиславъ съ Апусемъ.

— Дай, я зажгу—приставалъ послѣдній.

— Да если мама сказала, чтобы я!..

— Вѣдь ты каждый день зажигаешь!..

— Ну, такъ вмѣстѣ, держи! разъ, два, три!

Затрещала зажигаемая спичка, и загорѣлась свѣча.

— А видишь, я первый!—весело воскликнулъ Апусъ.

— Игнась, ты спишь?

Игнась молчалъ.

Раздались легкіе торопливые шаги, что-то посыпалось на столъ, и послышалось щебетанье Аврели.

— Возьмите это для Игнася.

— Да онъ спитъ.

*) См. «Миръ Божій», № 5, май, 1902 г.

— Это ничего, спрячьте и не ѣшьте сами, а то я потомъ спрошу,— съ этимъ предостереженіемъ Аврэля вылетѣла изъ комнаты.

«Пирожныя!» подумалъ Игнась и почувствовалъ слезы въ горлѣ, а въ душѣ точно дуновеніе весенняго вѣтра.

— Аврэля добрая!—прошептала онъ, и что-то растаяло въ немъ въ ту же минуту.

— Апусь, не трогай!—послышался строгій голосокъ Мечислава.

— Я только уголокъ!

— Какъ тебѣ не стыдно, вѣдь онъ же совсѣмъ не ѣлъ!

— Это вѣрно, но вѣдь ты съѣлъ четыре, а я только три, и одно еще было пустое внутри, безъ варенья, а тутъ—пять, такъ если я съѣмъ одно, то будетъ какъ разъ поровну,—я вѣдь только уголокъ!—жаловался и оправдывался устыженный Апусь.

Новая волна, теплая и нѣжная, разлилась въ душѣ Игнася и объяла любовью обоихъ мальчиковъ, а послѣ этого сейчасъ же раздался его измученный голосокъ:

— Возьми себѣ, Апусь, одно!

— Такъ ты не спишь!—воскликнули оба и полураздѣтые бросились къ его кровати.

— Получай, это Аврэля тебѣ!—кладя на одѣяльце четыре поджаристыхъ пирожныхъ и хрустя пятымъ, съ полнымъ ртомъ началъ бормотать Апусь:

— А знаешь, какъ только ты вышелъ, панъ Конанскій сказалъ: «нравится мнѣ этотъ мальчикъ, я бы совершенно такъ же поступилъ!» А тетя Миля разсмѣялась такъ громко, громко... потомъ ужъ никто ничего не говорилъ, и всѣ встали... а тогда-то, вѣроятно, Аврэля и забрала въ передникъ пирожное и принесла сюда... ѣшь! отличныя!

— А, да этотъ господинъ какая-то несносная фигура! Да и тетя Миля тоже штука!—серьезно замѣтилъ Мечиславъ.

— А ты почему знаешь?!

— Я слышалъ, какъ папа говорилъ пану Конанскому...

Игнась охотно слушалъ эти рассказы, слезы навертывались на глаза, а въ груди становилось такъ сладко, точно тамъ расплывалось варенье изъ пирожнаго, которое онъ ѣлъ; въ порывѣ благодарности онъ пожертвовалъ одно пирожное Мечиславу.

— Нѣтъ, спасибо,—быстро отвѣтилъ Мечиславъ и проглотилъ слюни.

— А хочется?—протяжно удивился Апусь.

— Ну, возьми!—налегалъ Игнась.

— Опять будетъ не поровну,—замѣтилъ Апусь,—такъ какъ у меня было одно пустое...

— Ну такъ вотъ какъ: мы возьмемъ уголки, а Игнась—серединку,—рѣшилъ Мечиславъ и, раздѣливъ пирожное надлежащимъ образомъ, спросилъ:

— Скажи, какъ это было на самомъ дѣлѣ?

— А видите какъ!—началь Игнась:—онъ уже тогда на меня разозлился, когда дѣдушка сказалъ «дуракъ», а я его не люблю, онъ такой какой-то...

— Известное дѣло, несносная фигура!—подсказалъ Апусь.

— Да, и еще... тутъ Игнась запнулся, не находя подходящихъ словъ для охарактеризованія побочныхъ поводовъ своей антипатіи къ директору.

— Не люблю я его, потому что зачѣмъ онъ пріѣхалъ съ тетей Милей,—наконецъ произнесъ онъ, нахмурившись.—А потомъ въ паркѣ они хотѣли отъ меня отдѣлаться, а я нарочно не дался... Такъ онъ на злость мнѣ началъ бить Знайду, а потомъ хотѣлъ...—тутъ Игнась покраснѣлъ и быстро добавилъ:—взять меня за ухо, я его и укусилъ порядкомъ...—закончилъ онъ и замолчалъ.

— Э, да видишь ли,—послѣ продолжительной паузы сказалъ Мечиславъ,—если ужъ мама тебѣ приказала, такъ нечего дѣлать, надо было его такъ «какъ будто бы» чмокнуть по воздуху и все!

— А я такъ сейчасъ бы расплакался, а потомъ показалъ бы ему четыре фиги—вотъ такъ!—и Апусь, который обладалъ особой способностью плакать по желанію и складывать всѣ свои пальцы самымъ разнообразнымъ образомъ, показалъ свое умѣнье и просіялъ отъ удовольствія.

Игнася не удовлетворилъ ни одинъ изъ предлагаемыхъ проектовъ; онъ молчалъ, стараясь объяснить себѣ, почему онъ не можетъ ни съ однимъ изъ нихъ согласиться.

Апусь и Мечиславъ занялись въ это время тушеніемъ свѣчи.

— А что, я лучше тебя сжумѣлъ!..—сказалъ Мечиславъ, когда свѣчка потухла.

— Потому что тебѣ ближе,—отвѣтилъ Апусь.

— Какъ разъ!—запротестовалъ соннымъ голосомъ Мечиславъ, но Апусь уже не отвѣтилъ.

Было уже довольно поздно, ясная іюньская ночь съ восходящимъ мѣсяцемъ все сильнѣе и сильнѣе освѣщала комнату, а Игнась еще не спалъ, полный блуждающихъ мыслей, взволнованный отъ напыва про творѣчивыхъ чувствъ.

Одни изъ нихъ, легкія и горячія, окружали нѣжностью всѣхъ товарищей дѣтства, пана Игнатія и Конанскаго, другія, тяжелыя и холодныя, отталкивали—прежде всего директора и тетю Милю. Бѣля очутилась какъ-бы на границѣ, и на ней сталкивались эти враждебныя волны. Живое сердце ребенка, не склонное еще къ такимъ мертвымъ чувствамъ, какимъ является безразличіе, все время колебалось, что съ ней сдѣлать, какъ вдругъ она сама вошла, тихо, въ войлочныхъ туфляхъ, какъ она это часто продѣлывала, чтобы убѣдиться, потушена ли свѣчка, и все ли въ порядкѣ.

Окинувъ бдительнымъ взглядомъ всю комнату и своихъ дѣтей, Бэля приблизилась къ кровати Игнася и заботливо заглянула въ нее. Случалось это тоже нерѣдко, а чемъ Игнась даже и не подозрѣвалъ, а сегодня, поглощенный усиленной душевной работой, онъ не почувствовалъ присутствія тетки.

Мальчикъ лежалъ на боку, съ закрытыми глазками, подложивъ маленькую ручку подъ лѣвую щеку. Бэля долго всматривалась въ худенькое личико, которое въ холодномъ лунномъ освѣщеніи казалось еще болѣе бѣлымъ, чѣмъ обыкновенно.

— Какъ онъ похожъ!—пронеслось у нея въ головѣ, и заглушенное, почти незамѣтное эхо скорби отозвалось въ глубинѣ ея души.

Ей казалось, что передъ ней лежитъ въ уменьшенномъ видѣ тонкій профиль Марыни, съ выпуклымъ лбомъ, прямой линіей нахмуренныхъ бровей и впалыми глазами Виктора.

«Я его любила!» какъ короткая молнія, пронеслась въ ея головѣ едва уловимая мысль, и не по лѣтамъ сохранившееся свѣжее лицо Бэли вдругъ поблекло, въ углахъ рта и глазъ выступили тоненькія, какъ паутина, сѣточки морщинокъ, красивыя черты померкли, обращенныя внутреннею тѣнью, и приняли выраженіе утомленія. Бэля, точно отцвѣтающая роза, свернувшаяся при первомъ дыханіи осени, испытала чувства проходящаго лѣта и увяданія молодыхъ силъ, истраченныхъ не столько въ вихрѣ жизни, сколько въ постоянной работѣ и множествѣ ежедневныхъ заботъ.

Въ эту минуту слабости, грустной задумчивости и какъ бы печальнаго созерцанія отлетающей, точно птицы въ туманную даль, вереницы безвозвратныхъ дней, исчезающихъ въ прошломъ, Бэля невольно, можетъ быть желая даже дать отдохнуть утомленнымъ ногамъ, присѣла на край кровати Игнася, нагнулась внезапно въ необыкновенномъ волненіи и запечатлѣла дрожащими губами легкой поцѣлуй на нѣжномъ, покрытомъ голубыми жилками лобикѣ ребенка.

Игнась сильно вздрогнулъ; онъ зналъ уже, что это тетя, и этотъ ея поцѣлуй теплой волной обдалъ его съ головы до ногъ. У него на мгновеніе замерло дыханіе въ груди, остановилась кровь въ жилахъ, а потомъ сразу расширились всѣ кровеносные сосуды, приподнялась грудь и все его существо; изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ начали наворачиваться вызванныя наплывомъ умиленія слезы: двѣ первыя, тяжелыя и ѣдкія, точно съ ними скатился весь осадокъ яда, замутившаго свѣжую, не вѣдающую злобы людской душу, а слѣдующія легкія и такія чистыя, какимъ стало въ эту минуту возвращенное дѣтской наивности невинное сердце.

— Такъ ты не спишь еще?—прошептала Бэля.

— Нѣтъ!—прожурчалъ влажный голосокъ.

— Ты плачешь?

— Нѣтъ!.. я такъ только, тетя...

— Ну, довольно, довольно, успокойся, дитя мое! Вотъ видишь... зачѣмъ все это? Во всякомъ случаѣ, это хоть и не особенно пріятный гость... нелзяя!.. Ты, должно быть, голоденъ?..—говорила Баля звучащимъ нѣжностью голосомъ.

— Нѣтъ, тетя.

— Скажи правду!.. Я не сержусь...

— Мнѣ Авреля...

— Авреля... хорошая дѣвочка... отлично сдѣлала! Отчего только тайкомъ отъ меня...

И съ нѣкоторой печалью, точно жагуясь самой себѣ, Баля продолжала:

— Да, всѣмъ кажется, что я для собственного удовольствія ворчу съ утра до ночи... А къ вечеру у меня въ головѣ все переворачивается, и ногъ подъ собой не чувствую!.. Потому и пожалѣешь каждаго, а меня кто пожалѣетъ?.. Эги уѣзжаютъ завтра... слава Богу...

И послѣ кратковременной паузы, точно напоминая себѣ о присутствіи Игнася, Баля прибавила:

— Ну, помни другой разъ!.. Не стоило и затѣвать! Что-жъ изъ того, что онъ побилъ Знайду? Ему ничего не сдѣлается, это собака! Ну, скажи-ка самъ...

— Собака,—повторилъ Игнась,—только вѣдь она на меня работаетъ...

— Работаетъ?!..

— Дѣдушка говорилъ; да и не только Знайда,—и негръ; китаецъ собиралъ хлопокъ на эти сѣрыя панталоны и чай...

— Да, да! Дѣдушка вѣрно тебѣ рассказывалъ!.. Видишь, а ты что? Я рассматривала эти свѣтлыя панталончики: никуда не годятся теперь! Всѣ въ дыркахъ! Не знаю, можно ли будетъ починить... А что-жъ—выбросить? Вѣдь золотыхъ розсыпей у насъ нѣтъ... Зыгмусъ плохо учится!.. Аврагѣ слѣдовало бы въ институтъ... Нечего сказать, хорошая для меня сегодня была годовщина... просто голова лопается на части... А надо рано встать, проводить въ дорогу этихъ тамъ!—разсуждала сама съ собой Баля.—Только бы Игнатій былъ здоровъ, да урожай Богъ даль!..—вздыхнула она, замолчала и задумалась.

Игнась смотрѣлъ на озабоченное лицо тетки, взялъ ее вдругъ за руку и крѣпко поцѣловалъ въ середину ладони.

У Баля задрожали губы, и затуманились глаза...

— Тетя, дядя будетъ здоровъ, и урожай будетъ хорошій,—прошепталъ мальчикъ.

— Дай Богъ, дай Богъ,—разсѣянно повторяла Баля.

— И платьице само починится, золотыя розсыпи будутъ!..—таинственно добавилъ Игнась.

— Что ты мелешь?

— Увидите, тетя!—оживленно, съ разгорѣвшимися глазками увѣ-

рялъ ребенокъ: — есть одна такая вещь, свѣтлый цвѣтокъ папоротника...

— Ахъ, вотъ что!.. снисходительно улыбулась Бэля. — О чемъ только не мечтаетъ эта черная головка!.. Ну, однако спи, спи, а пока этотъ цвѣтокъ вырастетъ, береги то, что у тебя есть. Хорошо?

— Хорошо!

— Помни же!

Бэля поцѣловала Игнася въ лобъ и вышла изъ комнаты.

Скрипнула половица—разъ, другой, и снова все затихло. Игнась выскочилъ изъ кровати, поспѣшно одѣлся, открылъ осторожно свой ящикъ въ комодѣ, вынулъ изъ него драгоценное оружіе, которое онъ всегда носилъ при себѣ во всѣхъ своихъ экспедиціяхъ,—ножичекъ въ 3 копѣйки, влѣвъ на окно, отодвинуть задвижки и ловко соскочилъ на землю. Ночь была свѣтлая; по сводчатому небу плыла окруженная холоднымъ ореоломъ серебристаго тумана луна, тамъ и сямъ сверкали рѣдкія звѣздочки; гдѣ-то вдали скрипѣла запоздавшая телега... Въ тѣни крыльца послышался короткий лай.

— Знайда!—позвалъ полушопотомъ Игнась.

Собака подбѣжала къ мальчику, вертя хвостомъ, вытянула переднія лапы, выгнула спину, потянулась и съ лаемъ зѣвнула. Игнась похлопалъ ее по гладкому лбу, и оба они направились въ паркъ.

Въ темныхъ аллеяхъ, точно въ колышущихся кулисахъ, полныхъ таинственныхъ неожиданностей и тревожнаго шопота, сердце мальчика забилося боязливымъ безпокойствомъ; каждый разъ, когда изъ тѣни кустарниксъ выглядывало колеблющееся, образующееся на глазахъ, взѣрошенное чудовище, или раздавался загадочный пронизывающій шопоть, Игнась приостанавливалъ Знайду, крѣпко сжимая въ своей ручонкѣ складки шкуры собаки. Такимъ образомъ, темными лабиринтами мальчикъ выбрался на болѣе свѣтлое мѣсто къ самому плетню на краю болотистаго оврага, гдѣ росли въ изобиліи пучки папоротниковъ. Тутъ онъ пустилъ собаку. Игнась зналъ, что цвѣтокъ папоротника надо искать въ лѣсу, но все-таки свернулъ съ дороги къ оврагу съ мыслью: «а ну, какъ здѣсь!» и еще по одной причинѣ: въ лодочкѣ, въ которой онъ хотѣлъ переправиться на высокий, лѣсистый берегъ, не было скамеечки, но зато всегда стояла вода. Игнась, несмотря на строгое запрещеніе, потихоньку пускался въ водное путешествіе на старой «душегубкѣ», причемъ обыкновенно устраивалъ себѣ сидѣнье изъ сѣна, соломы или сноповъ. На этотъ разъ такая прозаичная роль должна была выпасть на долю чародѣйнаго растенія. Онъ взялся съ помощью ножичка за работу и усердно срѣзалъ сырые, зубчатые, бахромистыя листья папоротника, среди которыхъ не видно было блестящаго цвѣтка. За работой Игнась забылъ о своемъ безпокойствѣ; разъ только, когда скользкая жаба перескочила ему черезъ руку, онъ немного испугался. Скоро густой пучекъ былъ готовъ, маль-

чикъ связалъ его вѣткой хмѣля, перебросилъ черезъ плечо и, нагруженный такимъ образомъ, пробрался сквозь дыру въ плетнѣ на лугъ.

Тутъ глазамъ его представились облитыя полною луною, колеблющяя легкимъ вѣтеркомъ, обширныя пространства. Холмистыя поля волновались очаровательнымъ движеніемъ развѣвающейся ржи, какъ колыбелька, разливающая аромать.

По соннымъ водамъ огромнаго пруда мелькали мелкія полосы волнъ, за складки которыхъ цѣплялись синія туманныя полосы, какъ нитки жидкой пряди; расплывчатыя ленты бѣловатыхъ тумановъ, точно блуждающія фигуры въ развѣвающихся вуаляхъ, неслись съ дымящагося луга къ отдаленнымъ болотамъ и тамъ широкой серебристой дымкой поднимались къ небесамъ.

Было тихо, только гдѣ-то невдалекѣ заливались перепела, и два коростеля перекинулись своими хрипыми голосами. Знайда бѣжалъ впередъ Игнася и рѣзкими движеніями описывалъ зигзаги по лугу; раздалось какое-то ворчанье, собака бросилась и исчезла.

Когда она вернулась, Игнася былъ уже на берегу и вытаскивалъ спрятанную въ кустахъ жердь, которая служила ему вмѣсто весла. Надъ головою мальчика вскружился мягкимъ неувѣреннымъ полетомъ гигантскій въ темнотѣ ночи козодой; потомъ изъ-подъ самыхъ ногъ выпорхнулъ огромный куликъ, взмахнулъ крыльями надъ водой и, грустно пошвыстывая, исчезъ во мракѣ.

Игнася, волоча за собою по песку жердь, добрался до маленькаго заливчика, гдѣ темнѣлась узкая, плоская лодочка. Тутъ онъ развязалъ пучокъ папортника, выстлалъ имъ, какъ рогожей, стоявшую на днѣ воду и, разставивши ноги, началъ жердью отталкиваться отъ берега. Носъ лодки вертѣлся то въ одну, то въ другую сторону, не трогаясь съ мѣста.

Мальчикъ выскочилъ, снялъ башмачки, словомъ: стереги! вручилъ ихъ подъ опеку Знайдѣ и, войдя въ воду, толкнулъ лодку впередъ по песку и быстрымъ движеніемъ выбрался на середину.

Собака все время безпокойно вертѣлась, потомъ бросилась въ воду, но сейчасъ же поплыла обратно и, жалобно визжа, смотрѣла на стоящую на черномъ пятнѣ фигуру, которая удалялась отъ берега и вскорѣ исчезла, точно потонула въ уносящей ее тѣни. Только тогда Знайда отряхнулся отъ воды, присѣлъ, почесался задней лапой за ухомъ, попробовалъ схватить зубами докучливыхъ мелкихъ мошекъ, вылизалъ себя до чиста и, въ концѣ-концовъ, окончивъ ночной туалетъ, свернулся въ клубокъ вблизи башмачковъ и чутко задремалъ.

Въ это время его господинъ былъ уже почти на серединѣ Сниводы; жердь не доставала уже до дна, онъ усѣлся въ лодкѣ, ввѣривъ ее теченію волнъ, которыя въ этомъ мѣстѣ были менѣе лѣнны и медленно несли лодчонку въ желаемомъ направленіи къ противоположному берегу, гдѣ виднѣлся высокий, густой, мрачный лѣсъ.

Сидя безъ работы, мальчикъ началъ оглядываться по сторонамъ.

На камышевые островки опускался клубящійся, уставшій отъ безцѣльнаго блужданія, блѣдный туманъ. На матовой неподвижной поверхности пруда корчился и дрожалъ мелкой чешуею слѣдъ подымавагося къ зениту мѣсяца. Линіи береговъ исчезли. Кое-гдѣ разсыпались мелкими искрами тонувшія въ глубинѣ небесныя звѣздочки.

Подъ темносинимъ сводомъ соннымъ движеніемъ колыкала Игнася скорлупа лодки. Вдали видѣлась Кленовская усадьба; большія окна свѣтились зеленоватымъ блескомъ, какъ огромные стеклянные глаза разлагающагося трупа, и только наверху, въ самомъ маленькомъ окошечкѣ мелькалъ едва замѣтнымъ краснымъ пятнышкомъ огонекъ жизни. По водѣ доносились громкіе крики перепеловъ, хриплые звуки коростелей и нѣжныя волны аромата—единственный отголосокъ и дуновение земли. А когда и они умолкли, торжественную тишину нарушалъ только безпрестанный звонкій шумъ, какъ многомилліонный рой жужжащихъ насѣкомыхъ, который казалось надрывался лишь для того, чтобы чѣмъ-нибудь дополнить эту поразительную бездну тишины. Гдѣ-то плеснула рыба.

Игнась слышалъ, поглощенный грезами, мѣрный шумъ разговяемой сердцемъ крови и внутренно содрогался.

Это не была боязнь опасности, а скорѣе священный страхъ передъ возникающими таинственными волненіями, которыя, силою волшебныхъ очарованій ночи, высвободились изъ—подъ тончайшихъ оболочекъ какой бы то ни было формы пониманія. Ребенкомъ понемногу терялъ чувство своей обособленности отъ явленій вѣшняго міра и познавалъ ихъ не по получаемымъ впечатлѣніямъ, а какъ будто самъ, всей своей восприимчивой натурой воплощался во все то, чего коснулась хоть малѣйшая мысль: въ легкія сырыя призраки тумана, въ блески и тѣнь, въ безформенность и образы, въ тишину и звуки, находя себя во всемъ слившимся вполне и безраздѣльно и такимъ прекраснымъ и безконечно печальнымъ, какой прекрасной и безконечно печальной была эта очаровательная ночь, которая повѣряла сама себѣ всѣ свои тайны самыми нѣжными рѣчами—наивнымъ восхищеніемъ дѣтскаго сердца.

Бортъ лодки коснулся камышей. Съ внезапнымъ шумомъ поднялось надъ ними темное пятно, издавая рѣзкій крикъ и исчезло. Сердце Игнася затрепетало, онъ очнулся и пришелъ въ себя.

— Утка!—прошепталъ онъ; холодная дрожь пробѣжала у него по тѣлу, и онъ проникся тяжелымъ чувствомъ внезапнаго одиночества.

Онъ печально оглядѣлся по сторонамъ. Вокругъ шумѣли камыши. Мальчикъ вспомнилъ, зачѣмъ онъ поплылъ, и къ нему вернулась вся его энергія. Онъ всталъ и, хватаясь за осоку, сталъ подвигаться впередъ; снова уткнулся носомъ лодки въ старыи высокій тростникъ; какая-то

стая вспорхнула и стремглавъ перелетѣла на другую сторону, какъ горсть дрови.

— Скворцы, должно быть!—подумалъ Игнась и, отталкиваясь жердью, снова выбрался на чистую воду.

Когда уже нельзя было достать дна, мальчикъ сѣлъ, бросилъ листочекъ на воду и съ радостью увидѣлъ, что листокъ поплылъ въ сторону лѣса. Игнась обрадовался, принявъ это за добрый знакъ. Растерзанныя остатки миновавшаго настроенія слѣпились въ немъ въ неясное чувство чего-то торжественнаго, и это чувство, сплетаясь съ теченіемъ его мысли, вселило въ него, въ концѣ-концовъ, увѣренность, что онъ найдетъ цвѣтокъ. Игнась сейчасъ же сталъ воображать себѣ съ необыкновенной силой, доходившей до галлюцинаціи, его видъ. Онъ видѣлъ среди листьевъ папоротника маленькую, золотую, лучезарную звѣздочку и, чувствуя въ радостно дрожащей рукѣ этотъ жгучій, мягкій, какъ бархатъ, цвѣточекъ, оглянулся на усадьбу. Серебрилась черепица; въ окнахъ было темно.

— Спать и ничего не подозреваютъ!—шепталъ Игнась, охваченный приливомъ благодарности. А потомъ пришли ему въ голову его проказы.

— Пока секретъ, ни-ни!

И онъ уже предупреждаетъ втайнѣ желанія всѣхъ:

— Дядя здоровъ! У тети золотыя росыпи въ подземельѣ; плагица сами собою чинятся ночью; лошадки, телѣжки, луки, невиданныя игрушки являются сами по первому желанію, какъ изъ-подъ земли.

Дѣти, всѣ старшіе... дѣдушка... господинъ директоръ... Нѣтъ! А впрочемъ, если извинится передъ Знайдой, то и онъ... пускай его!.. Нянь, вся деревня, кто только захочетъ... и негръ, и китаецъ, само собою разумѣется... берутъ все, что кому нравится, радуются и удивляются... А онъ самъ такъ радъ, такъ радъ... что просто плакать хочется.

— Боже мой... Боже мой!—шепчутъ уста ребенка, и, какъ въ молитвѣ, возносится къ небу окрыленное умиленіемъ сердце.

Это были сладкія минуты, поразительно похожія на тѣ, которыя не разъ переживалъ его отецъ. И Викторъ часто, послѣ плодотворнаго труда, въ минуты душевнаго успокоенія, отдыха, изливалъ передъ Марыней свои мечты о будущемъ и доходилъ до такихъ странныхъ душевныхъ движеній, какія развѣ можетъ испытывать легкое высоко влетѣвшее облачко, которое насквозь пронизывается первой розовой стрѣлой утренней зари. Оно чувствуетъ на себѣ разсвѣтъ наступающаго дня и забываетъ, что его подстерегаетъ вихрь, властный сбросить его, какъ тряпку, съ лазури и слезами втиснуть въ грязь земли.

Снова мягко остановилась лодка и, оттолкнувшись немного, подалась назадъ.

Игнась очнулся.

Вблизи отъ берега онъ увидѣлъ препятствіе и всталъ, чтобы оглядѣться вокругъ.

Отъ стѣны лѣса его отдѣляла длинная, но не особенно широкая полоса, поросшая низкой осокой и рѣдкимъ камышемъ, между которыми виднѣлись тускляя, запятнанная листьями кувшинки, многочисленныя водныя прогалинки, точно мертвые глаза огромной рыбы. Въ одной изъ такихъ лужъ грустно отражалась звѣздочка.

«Обойти—далеко... Развѣ пробраться?!» рѣшилъ мальчикъ и погрузилъ жердь. Было довольно глубоко; она ушла въ иль, но все-таки достигла до дна.

Игнась оперся изо всѣхъ силъ и толкнулъ лодку; съ шуршавьемъ поднимая носъ кверху, она выдвинулась въ осоку.

Еще разъ ему удалось подвинуться на два дюйма и дальше ни съ мѣста; лодка увязла въ кочкахъ.

Черная чаща лѣса была такъ близка, что мальчикъ слышалъ шелестъ качающихся верхушекъ, чувствовалъ вдуцій оттуда холодъ и видѣлъ падавшюю отъ лѣса тѣнь.

Не долго думая, онъ загнулъ какъ можно выше штанишки и всталъ на ближайшую кочку. Она подогнулась подъ нимъ, и вода забулькала. Ноги по щиколку погрузились въ теплую воду; почувствовался запахъ гниющихъ корней осоки. Мальчикъ перескочилъ на другую кочку, за которой начиналась какъ бы поляна, поросшая осокой, такая упругая, что тряслась вокругъ подъ тяжестью мальчика.

Игнась различалъ уже темныя пещеры нѣдръ лѣса.

Сердце забилося сильнѣе, и вдругъ онъ остановился, какъ вкопанный.

Въ одномъ мѣстѣ, почти на землѣ, виднѣлась голубовато-зеленая искорка; она была неподвижна и чрезвычайно ярко блестя. Игнась почувствовалъ жаръ въ груди, точно сгорала въ ускоренномъ дыханіи заключавшаяся въ ней кровь, и теплыя волны разлились по всему его тѣлу. Въ приливѣ радости, уставившись въ призрачный уголокъ, мальчикъ почти бѣжалъ. Все вокругъ заколыхалось; прорвалась трясина, и мальчикъ ушелъ по локти въ воду, медленно погружаясь все глубже и глубже. Онъ барахтался и поймалъ обѣими руками какой-то острый камышъ. Мягкая, расплывающаяся, дрожащая масса хватала его за ноги и тянула подъ кочки.

Онъ хотѣлъ крикнуть, но голосъ замеръ у него въ горлѣ. Сжались вены, и вся кровь на мгновение остановилась въ разбухшихъ артеріяхъ; а потомъ сразу судорожно скорчились артеріи, потокъ крови устремился къ конечностямъ, и сердце опустѣло.

Держась слабѣющими ручонками за камышъ, Игнась устремилъ окаменѣвшія отъ ужаса глаза въ тихую, спящую усадьбу.

«Спасите!»—простонали проникнутыя отчаяніемъ мысли. Напрасно молили о помощи обезумѣвшіе инстинкты.

Сладкій обморокъ разжалъ маленькіе пальцы.

И вдругъ разступились безшумно стѣны стараго крова. Дитя очутилось среди своихъ; развернулся передъ его глазами послѣдній его день, за нимъ предпослѣдній.

И такъ въ обратномъ порядкѣ съ молниеносной быстротой окружали ребенка самыя существенныя событія его жизни, все болѣе и болѣе тѣснымъ кругомъ, точно кольца съ быстро уменьшающимся радіусомъ.

Всѣ вжѣстѣ они образовали что-то въ родѣ воронки, въ которую онъ погружался, различая на стѣнкахъ непрерывную картину прошлаго, такую же яркую и живую, какъ сама дѣйствительность, но болѣе тонкую, точно окутанную чарами красоты. И душевныя движенія, переживаемыя Игнасемъ, были рядомъ эстетическихъ волненій. Веселыя событія вызывали отрадныя впечатлѣнія, горестныя—подавляющую печаль.

Промелькнуло мраморное, мертвенное, скорбное лицо матери, угнетенное, исхудалое лицо отца; потомъ возстали яснѣе передъ его глазами оба дорогія лица родителей. Въ концѣ концовъ, съ аккордами звуковъ закружились цвѣтныя и свѣтящіяся пятна, затѣмъ потускнѣли цвѣта, поблѣднѣли свѣтлыя точки, звуки смѣшались въ общій шумъ.

Отверстіе воронки все суживалось и темнѣло, пока не обратилось въ точку напряженнаго, непроницаемаго мрака и глухого молчанія. Въ то же время со всѣхъ сторонъ подползали скользкія щупальцы водорослей, безглазые рѣсницы, гибкая зелень, простирались издалека темныя стебли кувшинокъ и ослетали тѣло Игнася, прежде чѣмъ онъ упалъ на дно. Въ тактъ расходящимся кругамъ по водѣ, качали его въ своихъ объятіяхъ упругія сѣти, все медленнѣе и медленнѣе...

Блѣднѣла ночь, вѣтеръ усиливался. Пронеслся шорохъ по камышамъ, шумъ въ лѣсу. Сътъ подводной зелени трудолюбиво заплеталась въ одно цѣлое, точно желая скрыть отъ золотого ока солнца украденное имъ сокровище.

VIII.

«... Г д ѣ ж е?...»

Бэля неподвижно стояла на крыльцѣ со сложенными руками, глаза ея безцѣльно блуждали. На далекомъ горизонтѣ виднѣлся подернутый сивеватой дымкой лѣсъ. По сѣровато-желтымъ пятнамъ сжатыхъ полей носились хлопья, осыпавшіеся съ увядавшихъ растеній, слетались пряди бабьяго лѣта, влекомыя за трепещущіе концы вздохами вѣтра. Пусто было и тихо. Временами только слышался крикъ тянущихся на поля галокъ, или съ высоты неба доносились внезапныя, пронзительныя звуки разсѣивающаго воздухъ клива журавлей. Глаза Бэли подымались къ небу, чтобы отвѣтить прощальнымъ взглядомъ ищущимъ весну птицамъ и долго блуждали по лазоревому простору, останавливаясь на минуту на огромномъ пламенѣющемъ щитѣ солнца, величавомъ,

какъ обликъ умирающаго божества, которое позволяло ей сквозь слезы любоваться его угасающимъ величіемъ. И снова потускнѣвшіе глаза устремлялись въ пространство, пронинались скорбью и повѣряли задумчивому сердцу свою грусть, вызванную наступающей осенью.

Вошелъ Янъ, объявляя:

— Федоръ вернулся!

— Что ты говоришь?

— Федоръ вернулся!—повторилъ старый слуга, подавая письмо на подносѣ.

— Ага, ну хорошо! Гдѣ баринъ?

— Я видѣлъ, какъ онъ шелъ въ садъ.

— Такъ отнеси, впрочемъ я сама,—поправилась Бэля.—Тоже бумага!—пожала она плечами, сходя съ гѣстницы и вертя въ рукахъ жесткій лоскутокъ обыкновенной оберточной бумагой, небрежно сложенный и запечатанный гладкой печатью.

Въ паркѣ еще зеленѣли деревья, хотя уже мѣстами пробивались въ ихъ красивую одежду истлѣвшія пятна, признаки смерти. Тамъ и сямъ гнѣвно краснѣли буки и дубы; стонали блѣдно-желтымъ плачемъ нѣжныя березки, а съ различныхъ верхушекъ одинъ за другимъ, точно птицы, окрыленные золотомъ, пурпуромъ или мѣдью, слетали, колеблясь въ воздухѣ, стряхиваемые листья и усыпали тропинки, аллеи и болѣзненную травку пожелтѣвшихъ газоновъ.

Игнатій прогуливался по парку, ощущая большій, чѣмъ когда-либо, беспорядокъ въ мысляхъ, которыя, точно чувствительныя колеса, разъ затронутыя малѣйшимъ вѣшнимъ усиленіемъ, или незначительнымъ потрясеніемъ глубоко проникающихъ волненій, крутятся потомъ самостоятельно, по инерціи, презрительно отклоняя въ сторону всякія притязанія бессильной передъ ними воли. Между деревьями показалась поверхность Сиводы, какъ второе небо.

— Такъ вотъ гдѣ произошелъ этотъ случай!

«Случай?» задумался онъ.

— Конечно, страшный случай, странный, роковой...

Его уязвили эти два послѣднихъ слова.

— Чего они такъ упорно преслѣдуютъ меня, какъ только я объ этомъ подумаю?

И тутъ же цѣлѣй рядъ воспоминаній: Викторъ, Марыня... а потомъ:

— Ихъ сынъ! Это-то и хуже всего!.. Ахъ, этотъ папоротникъ!

Передъ Игнатіемъ возстали эпизоды минувшаго дня.

Бредутъ по водѣ голыя, блестящія на солнцѣ фигуры... крики... зовъ!.. А потомъ тихо притянули къ берегу эту лодку, и кто-то вынесъ на рукахъ распухшій трупикъ... Какъ молотомъ стучить въ ухахъ!.. А тутъ Постанскій ужасающимъ голосомъ: «Папоротникъ, папоротникъ, папоротникъ!»

И потомъ усѣлся на этой скамейкѣ и сидѣлъ такъ долго, долго!

Посмотришь—точно сѣрая глыба! Нелегко было его затронуть... Никто не осмѣлился! Даже Бѣла: «Какъ же, вѣдь надо же... поди, позови! сѣдуетъ! Такъ двумя словами: докторъ, обѣдать!»

А тотъ, какъ ножомъ отрѣзалъ:

— А что, рыбы будутъ, что ли?

И этотъ смѣхъ: «Папоротникъ, видѣлъ, папоротникъ! Повимаешь»?! и этотъ взглядъ, глаза какъ потускившія окровавленные пули!.. этого никогда не забудешь!..

Хоть бы отвѣтилъ! Вѣдь долженъ былъ бы, кажется, во всякомъ случаѣ, онъ нѣкоторымъ образомъ...

Игнатій усѣлся на скамейку, измученный сценой, которую онъ вновь пережилъ.

Дѣйствительно, Постапскій навелъ его на путь догадокъ, которыя, въ концѣ концовъ, пролили свѣтъ на цѣль ночного путешествія Игнася.

Въ связи съ этой цѣлью, смерть ребенка приобрѣла особенно острые оттѣнки и срослась въ представленіи пана Игнатія съ трагическими путями родителей въ одно неразрывное цѣлое потрясающаго ужаса, точно въ замкнутый кругъ роковыхъ предзнаменованій. Вопреки всевозможнымъ доводамъ холоднаго анализа, аналогія между отцомъ и сыномъ инстинктивно напрашивалась на мысль, заставляя ее кружиться до изнеможенія въ заколдованномъ кругу около этихъ могилъ.

Поднялся притаившійся въ какомъ-то темномъ закоулкѣ души вихрь, пронизалъ ее насквозь, смелъ наслоенія болѣе свѣжихъ впечатлѣній, и обнажились давнишнія картины болѣзненныхъ воспоминаній, разгораясь ужасающимъ блескомъ, въ которомъ бросались въ глаза особенности, не замѣченныя сначала. Это минувшаго прошлаго зазвѣло такъ отчетливо, точно бездна времени сообщала имъ резонансъ.

Давнишнія слова Виктора, освященные величіемъ троекратной смерти, раздавались теперь торжественнымъ тономъ вѣтвь, произнесенныхъ передъ лицомъ жизни устами умирающихъ, передъ которыми самый смѣлый, непримиримый протестъ рѣшается единственно на краснорѣчивое молчаніе.

Игнатій почувствовалъ, что онъ подпадаетъ подъ вліяніе умершихъ.

Какая-то невѣдомая ему до сей поры сила принуждала его дѣлать уступки въ ихъ пользу въ самыхъ существенныхъ взглядахъ, въ основныхъ понятіяхъ; онъ все чаще ловилъ себя за разборомъ вопросовъ, выдѣленныхъ разъ навсегда изъ круга его мышленія, какъ предметы, по его мнѣнію, или не могущіе осуществиться, или не поддающіеся разрѣшенію. И онъ инстинктивно боялся результатовъ этого разбора, точно подозрѣвалъ, что у него не хватитъ силъ на несеніе обязанностей, возлагаемыхъ на него окончательными выводами.

И, вотъ, чѣмъ настойчивѣе помогались отвѣта мучительные вопросы, тѣмъ болѣе онъ оттягивалъ, отодвигая окончательное рѣшеніе все дальше въ будущее.

Но эта политика затягиванія, чтобы пріобрѣсти вѣншій видъ порядочности, требовала какого-нибудь объясненія. И Игнатій нашелъ его въ занятіяхъ по вопросу, стоящему въ близкой связи съ умершими: вопросу о наследствѣ, о суммѣ, оставленной Викторомъ для Марыни и Игнаси, которая теперь становилась его собственностью, и отъ которой онъ отказался.

Эта мысль внезапно зародилась въ немъ, сразу же въ формѣ безповоротнаго рѣшенія, причинъ котораго онъ не зналъ и не старался узнать, инстинктивно избѣгая въ эти минуты душевнаго хаоса какого бы то ни было погруженія въ глубины своего существа, точно боялся возстающихъ тамъ неожиданностей. Зато онъ всей душой отдался дѣлу достойнаго употребленія этихъ денегъ. Ему приходили въ голову тысячи разнородныхъ идей, но въ каждомъ изъ проектовъ онъ видѣлъ какой-нибудь недостатокъ, и, чѣмъ обильнѣе становилось ихъ число, тѣмъ труднѣе дѣлался выборъ.

Въ концѣ концовъ, по совѣту Бэли, онъ рѣшилъ ознакомиться съ мнѣніемъ Постанскаго по этому вопросу. Это было не легкимъ дѣломъ, такъ какъ со дня смерти Игнаси докторъ не только пересталъ бывать въ Кленовѣ, а даже на глазахъ Игнатія два раза ускользнулъ черезъ заднюю дверь въ поле, въ то время какъ тотъ стучалъ въ главную дверь. Однако, Игнатій не надалъ духомъ: не добившись ничего лично, онъ пошелъ на приступъ письменно и теперь именно, сидя на скамейкѣ, старался себя увѣрить, что докторъ прямо обязанъ отвѣтить ему.

Обезпокоенный сомнѣніями, онъ вынулъ изъ кармана копію своего письма, чтобы еще разъ просмотрѣть его:

«Глубокоуважаемый докторъ!

«Увы, я понялъ теперь эти роковыя слова: «папоротникъ!» И, желая быть искреннимъ, признаюсь, что предпочелъ бы забыть объ этомъ удручающемъ открытіи, которое стало для меня источникомъ болѣзненныхъ воспоминаній и мучительныхъ думъ.

«Однако, въ данномъ случаѣ дѣло не въ этомъ. Какъ вамъ извѣстно, Викторъ въ свое время оставилъ на моихъ рукахъ половину принадлежащей на его долю части имѣнія. Чувствую, что я не имѣю права воспользоваться этими деньгами. Часть этой суммы я намѣреваюсь употребить на перенесеніе останковъ Виктора, (если это будетъ возможно осуществить), и постановку скромнаго надгробнаго памятника, остальную же сумму на какую-нибудь пѣль, достойную памяти умершихъ. Изъ многихъ проектовъ ни одинъ мѣ не удавался. Не знаю почему, но у меня есть внутреннее убѣжденіе, что никто лучше васъ въ этомъ дѣлѣ мнѣ не можетъ помочь; я вѣрю въ это такъ сильно, что заранѣе общаю принять ваши указанія къ руководству. Предпочиталъ бы объ этомъ вопросѣ и многихъ другихъ поговорить лично, но...»

— Игнатій, я вездѣ тебя ищу... зову! На!.. Интересно знать, что пишешь?..— произнесла Бэля, вручая мужу лоскутокъ.

Игнатій поспѣшво сломалъ печать и началъ читать вполголоса написанныя дрожащимъ карандашомъ огромныя, разставленные вкривь и вкосъ слова:

«Копаться въ промерзлой землѣ—трудъ обманчивый и напрасный. Съ прахомъ Марыни тлѣетъ наилучшая кость отъ кости Виктора—этотъ мальчикъ. Надгробный памятникъ позволю мнѣ смастерить, такъ какъ я ужъ началъ».

— Какъ попалъ вѣдь, какъ попалъ... точь въ точь!..—прошепталъ Игнатій, и, обратившись къ Бэлѣ, съ отгѣнкомъ огорченія и упрека, пожаловался:

— Отчего это мнѣ не пришло въ голову и тогда же?.. Ну, скажи?! Вѣдь это такъ просто, а не пришло-таки!.. Почему тѣ, о чемъ грезили Игнась, не пришло въ голову ни одному изъ нашихъ дѣтей?.. Скажи, почему?..—задумался Игнатій и вздохнулъ.

— Нечего дѣлать, надо ѣхать!—добавилъ онъ рѣшительно послѣ паузы и всталъ со скамейки.

Бэля долго съ безпокойствомъ всматривалась въ мужа, вздрогнула и, преграждая ему путь, начала быстро говорить, задыхаясь отъ потока словъ:

— Слушай, Игнатій!.. Почему?—этого я не знаю! Но у насъ четверо дѣтей—это я знаю, хорошо знаю!.. Слушай!.. Я, право, не могу больше, не могу!..—Голосъ ея задрожалъ, и она поблѣднѣла.—Довольно ужъ, довольно того, что было!.. довольно!..—почти крикнула она и, точно заслонившись передъ какимъ-то видѣніемъ, закрыла глаза обѣими руками и разразилась спазматическими рыданіями.

Игнатій нахмурился и угрюмо произнесъ:

— Напрасно плачешь, совершенно напрасно... «Если хочешь ѣхать, то, значить, долженъ»—ты этого не скажешь и отлично сдѣлаешь, потому что я вовсе не хочу. Ты за меня не бойся. Я хочу только купить себѣ спокойствіе цѣною ихъ денегъ, понимаешь, купить,—повторилъ онъ съ прискорбіемъ.—И о дѣтяхъ говоришь тоже напрасно!.. Если бы я былъ даже одинъ, какъ перстъ,—никогда не послѣдовалъ бы примѣру умершихъ. Я черезчуръ разжирѣлъ, мнѣ 50 лѣтъ, 50 ничтожныхъ, бездѣятельныхъ лѣтъ, и мнѣ ужъ тяжело... Можетъ быть, и были у меня когда-нибудь силы, только куда-то израсходовались... Ужъ, вѣрно, было такое сокровище... Нищенское...—добавилъ онъ съ неприятной улыбкой.

— А если такъ,—порывисто прервала его Бэля,—если только такъ, то поѣзжай сейчасъ же, сегодня же! Я сейчасъ же тебѣ все приготовлю. Обо мнѣ не безпокойся—это глупые бабы нервы...

Игнатій изумленно взглянулъ на жену, но не замѣтилъ въ ней предполагаемаго раздраженія, которому онъ приписывалъ внезапную перемену фронта.

Ея разгорѣвшееся лицо было необыкновенно серьезно, изъ-подъ

заплаканныхъ рѣсницъ гордо смотрѣли на него строгіе и спокойные глаза.

Игнатій опустилъ глаза и тихо пробормоталъ:

— Хорошо, спасибо!..

Бѣля сдержала свое слово; все было готово въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, и она такъ усердно занялась его отъѣздомъ, что Игнатій садился въ бричку ошеломленный, съ впечатлѣніемъ чело-вѣка, котораго насильно и неожиданно выпроваживаютъ изъ дому.

Проснувшись на другой день, онъ на мгновеніе задумался и удивился, что находится въ поѣздѣ, и ему нужно было нѣсколько времени, чтобъ объяснить себѣ, куда онъ ѣдетъ и зачѣмъ?

Вагонъ былъ полонъ, и многіе пассажиры стояли въ проходѣ, а потому, какъ только Игнатій спустилъ ноги съ дивана, какой-то рыжеватый господинъ въ котелкѣ и блѣдный юноша въ зеленой шляпѣ съ перомъ заняли освободившіяся мѣста.

— Васъ можно поздравить съ такимъ сномъ,—проговорилъ первый изъ нихъ, съ улыбкой шевели подкрашенными усиками:—я бы такъ не снуялъ!.. Толкотня, суматоха, да и поздно, наконецъ!.. Могу попытствоваться, вы издалека?

— Изъ-за Бреста!

— Значить съ Литвы; послѣ жатвы, немножко провѣтриться... театрикъ... понимаю...—лукаво подмигивая глазомъ, весело продолжалъ спутникъ.—Юзя,—обратился онъ къ юношѣ,—ты посмотри въ Мрозахъ, не будетъ ли тамъ Майкжицкій?.. Помѣщикъ Сѣдлецкой губерніи, пріятель нашъ, прекрасный хозяинъ,—добавилъ онъ въ видѣ объясненія Игнатию.

— Такъ мы уже проѣхали Луковъ?—спросилъ Игнатій, обезпokoенный обѣденнымъ вопросомъ.

— И Котупъ, теперь какъ разъ будутъ Мрозы, Новомиинскъ, Милосна, а тамъ уже и «возлюбленный городокъ».

— Въ которомъ часу?

— Въ два,—отвѣтилъ сидящій на противоположномъ диванчикѣ старательно выбритый старичекъ и, точно возражая, продолжалъ:

— «Возлюбленный»—это правда, но только уже не «городокъ», а городище! Торцовыя мостовыя, автомобили. Автомобили!..—повторилъ онъ съ удареніемъ.—Дастъ Богъ бульвары вдоль Вислы и электричество—вотъ и Парижъ!..

Разговоръ завязался между большею частью пассажировъ и, перескакивая съ темы на тему, скрещивался въ воздухъ на подобіе ружейныхъ пуль, создавая изъ нѣсколькихъ вздорныхъ мыслей цвѣстистыя фразы, прикрашенные ловкимъ враньемъ и натянутымъ остроуміемъ. Прерывали его частыя остановки на станціяхъ, ослабляя уходъ кого-нибудь изъ участниковъ, подкрѣпляло появленіе новыхъ, которые съ полуслова подхватывали его теченіе.

По вагону продвигалась сплошная толпа городскихъ жителей, подвижная, легкая, какъ и ея багажъ, легко завязывающая знакомства, ловкая въ движеніяхъ и разговорѣ, шлифованная и обладающая незначительной силой тревія.

Игнатій чувствовалъ себя въ этой атмосферѣ чужимъ, неловкимъ и тяжелымъ, какъ массивныя заржавѣвшія ворота по сравненію съ полированными дверцами, открывающимися безъ труда на обѣ стороны.

Это его нѣсколько смущало.

«Засидѣлся я,—думалъ онъ,—не шутка—10 лѣтъ!..»

А когда онъ попробовалъ припомнить многочисленный нѣкогда рядъ знакомыхъ, своихъ и брата, то убѣдился къ своему величайшему удивленію, что въ томъ городѣ, гдѣ онъ чувствовалъ себя прежде, какъ дома, теперь уже нѣтъ никого знакомыхъ.

«Мнѣ предстоитъ не легкая задача!»—обеспокоился онъ и нахмурился.

«Что тутъ дѣлать, къ кому обратиться?.. Какъ въ лѣсу!..»—подумывалъ онъ, сильно поколебленный въ своихъ намѣреніяхъ.

Въ это время поѣздъ, изгибаясь на поворотахъ, приближался къ конечной цѣли своего путешествія; вскорѣ все закипѣло. Игнатій, вынесенный волною людей, слѣдя за синей блузой носильщика, схватившаго его чемоданъ, очутился въ мрачной комнатѣ, гдѣ шеренга швейцаровъ выкликала на разные лады названія гостинницъ.

Игнатій собирался остановиться въ Европейской или Брюлевской, но во время его колебаній вопросъ разрѣшилъ энергичный представитель Римской, который выхватилъ у него изъ рукъ саквояжъ и багажную квитанцію и со словами: «сію минуту»—пропалъ надолго.

Недовольный долгимъ ожиданіемъ, Игнатій, когда, наконецъ, появился швейцаръ, объявилъ ему, что больше ждать багажа не намѣренъ, и, поручивъ на его попеченіе доставку вещей въ гостинницу, сѣлъ въ пролетку съ чувствомъ раздраженія, которое испытываютъ нервы отъ давно невиданнаго движенія и шума городской жизни.

Подѣзжая къ мосту, при видѣ скопленія возовъ, извозчиковъ, лошадей, конокъ и людей, Игнатій былъ увѣренъ, что что-то случилось, и не скоро убѣдился, что ничего особеннаго не произошло.

Около колонны Сигизмунда его привѣтствовало знакомое впечатлѣніе.

Этотъ памятникъ напомнилъ ему о другомъ, неподалеку, котораго онъ еще не видѣлъ; и онъ началъ привставать на сидѣнья; а когда замелькали незнакомыя формы, затрепетало его сердце, онъ остановилъ извозчика и, сильно взволнованный, приблизился къ рѣшеткѣ.

Ступеньки на площадку, развѣвающимся пламя жертвенниковъ—«зничей», надпись, полукругъ золотыхъ листьевъ, брошенная на листья лира, бѣлая колонна, а высоко надъ ней заржавѣвшая фигура, съ рукою, прижатой къ груди, въ ниспадающемъ плащѣ, съ повернутой обнаженной головой.

Прошла минута.

И вдругъ въ глазахъ Игнатія статуя задрожала, наклонилась, точно хотѣла броситься ему на грудь. Въ туманѣ слезъ растаяла бронза, и возсталъ передъ нимъ живой великанъ, точно осужденный, прикованный въ вышинѣ, одинъ среди окружающей пустоты.

Игнатій оробѣлъ, отступилъ невольно на нѣсколько шаговъ и вдругъ гдѣ-то въ закоулкахъ души онъ почувствовалъ глухой, вызывающій какъ изъ-подъ земли голосъ, живо напомнившій ему интонацію брата:

Гдѣ смертный, который пойметъ моей пѣсни весь смыслъ затаенный
И окомъ своимъ обойметъ разлитые свѣта лучи...

А потомъ этотъ стихъ не словами, а вихремъ потрясающихъ впечатлѣній возмутилъ до дна его разбитое сердце.

Онъ отвернулся, шепча въ отчаяніи: «не я! я... нѣтъ!»

На тротуарѣ снова было множество людей, подвижная толпа куда-то спѣшила, занятая чѣмъ-то совсѣмъ другимъ.

«Куда они летятъ? Зачѣмъ? Что думаютъ всѣ эти люди? Да думаютъ ли они? Люди ли они? Автоматы, автоматы!» преслѣдовало его это выраженіе, припомнившее ему слова старика.

— Страшное злодѣяніе за двѣ копейки!— пронзалъ Игнатія насквозь оглушительный дискантъ бѣгущаго мальчика. Кто-то изъ толпы, не останавливаясь даже, скватилъ на его глазахъ ужасающій листокъ, смялъ его и засунулъ въ карманъ. И дальше двинулся весь этотъ людъ, ничѣмъ не останавливаемый, съ тѣмъ же безсмысленнымъ шумомъ.

— Послушайте, баринъ, мнѣ тутъ не полагается стоять!— отозвался извозчикъ.

Игнатій сѣлъ, покачнулся всѣмъ тѣломъ, и точно въ этомъ общемъ движеніи, среди неясныхъ мыслей возникло на мгновеніе воспоминаніе, терзающее до боли.

На поворотѣ еще разъ мелькнула высоко стоящая фигура. Игнатій вздрогнулъ, ему показалось, что среди суматохи кипящаго на просторѣ муравейника, глухого грохота экипажей, выдѣляется тихій, едва слышный, пронизывающій шопотъ, идущій отъ этой фигуры, видѣющейся на фонѣ тучъ:

— Я страдаю, съ ума схожу!

Кто-то съ галуномъ на фуражкѣ вступилъ съ нимъ въ разговоръ, отворяя стеклянные двери; и не успѣвшій еще опомниться, изнуренный Игнатій съ трудомъ началъ подыматься по ступенькамъ, стараясь поспѣть за чернымъ фраккомъ лакея, который плавно и быстро шелъ передъ нимъ...

Только въ концѣ ноября Игнатій снова очутился на своей маленькой станціи. Далеко за нимъ остались новыя волненія, пережитыя среди горсточки людей, съ которыми онъ познакомился; передъ нимъ разстился зимній пейзажъ: бѣлыя поля, синеватая лента неровной

дороги съ разѣзженными колеями; мѣховой фартукъ на ногахъ, шуба съ воротникомъ, вмѣстительный экипажъ, добрая четверка и молодой паренъ въ буркѣ съ капюшономъ.

Старательно завернувшись и поднявъ воротникъ, такъ какъ морозъ пощипывалъ, и дулъ рѣзкій вѣтеръ, Игнатій то смотрѣлъ на открытыя сухимъ снѣгомъ пространства полей, то разговаривалъ съ лучеромъ:

— А что же Федоръ?

— Ломаетъ его и въ нутрѣ болитъ.

— Давно снѣгъ выпалъ?

— Въ воскресенье, а вчера къ ночи подмерзло...

— Бѣды никакой не было?

— Нѣтъ, только быкъ вода прободалъ! Барыня велѣла прирѣзать съ людскому столу.

— А господинъ докторъ былъ?

— Были на прошедшей недѣлѣ, лошадей брали камень возить.

— Какой камень?

— А тотъ самый значить, что былъ около усадьбы ихней; здорово тяжелый, насилу ввалили, на кладбище свезли, — болталъ паренъ.

— Ага! — пробормоталъ Игнатій. — Предназначенный когда-то! — прибавилъ онъ про себя, припоминая себѣ тотъ громадный камень, на которомъ Викторъ проектировалъ въ оное время воздвигнуть маякъ... — Вѣка простоятъ! Интересно!.. Пошелъ на Самоуки! — громко сказалъ онъ.

— Оно и лучше, на Мышиницкиѣ Кустахъ дорога худа; бураки возили, — согласился паренъ. — Но, махонькія! — затянулъ онъ, прихлопывая бичомъ.

Экипажъ пошелъ быстро.

Игнатій все чаще закрывалъ глаза, такъ какъ блескъ неприятно дѣйствовалъ на него, и въ глазахъ мелькали красные огненные круги; онъ ежился въ шубѣ и понемногу впадалъ въ состояніе лѣнивой задумчивости о томъ ничто, которое такъ сонно, иѣжно и вмѣстѣ съ тѣмъ печально.

Среди бѣлой пустыни, подъ поблѣднѣвшимъ небосводомъ, колотилось маленькое сердечко заливающагося звѣнка и замирало надолго. Всеобщую монотонность нарушалъ налетавшій откуда-то бродячій вихрь, который сметалъ снѣгъ въ сугробы и канавы и силился поднять къ солнцу серебристый туманъ сверкавшей снѣжной пыли, скригали колеса, временами трещалъ разбитый подковой ледъ.

Долго такъ ѣхали.

Когда Игнатій открылъ глаза, онъ узналъ знакомый крестъ, наклонившійся надъ отодвинутымъ камнемъ, скорченную дуплистую вербу, а вскорѣ и усадьбу доктора.

Мертвымъ, чуждымъ и поразительно грустнымъ казался на фонѣ далеко простирающихся снѣжныхъ полей маленькій домикъ съ полоской

дыма изъ трубы, которая то становилась синеватымъ столбомъ, то растилалась по землѣ, черная, развѣваемая вихремъ.

«Опустился старикъ!..» подумалъ Игнатій, проходя черезъ сорваную съ петель калитку; когда же онъ вошелъ за загородку, его поразила картина разрушенія: тамъ и сямъ видѣлись пеньки свѣжесрубленныхъ деревьевъ, во многихъ мѣстахъ валялись вырванные съ корнемъ деревца, передъ домою лежали груды натасканнаго хвороста и разбитые въ дребезги ульи; сѣни были завалены снопами ржи, соломой, бумагами изодранныхъ книгъ и газетъ.

«Что такое?!» Сильно обезпокоенный Игнатій отворилъ двери и остановился на порогѣ.

Въ каминѣ пылалъ огромный, высокій огонь, поддерживаемый сухимъ и необыкновеннымъ топливомъ: внизу обугливались ножки стола, выше занимались пламенемъ доски разбитой шкатулки, чертежная доска; и въ этомъ огнѣ, тлѣя, корчился какой-то кожаный предметъ. Передъ каминомъ, на садовомъ креслѣ, опершись на ручки, сидѣлъ Постанскій. Онъ мало измѣнился; это было то же самое непреклонное лицо, испещренное морщинами, которыя скрывали дѣйствительное выраженіе. Игнатія поразила точно пожелтѣвшая сѣдая борода, безсильно опущенныя руки и сверкающій, какъ остріе, прозрачный огонекъ въ зрачкахъ блѣдныхъ выпуклыхъ глазъ.

Старикъ до того былъ поглощенъ разсматриваніемъ огня, что даже не замѣтилъ прихода Игнатія, и только когда тотъ кашлянулъ, лѣниво обернулъ голову и, устремивъ въ него рѣзкій взглядъ внезапно погасшихъ, мутныхъ глазъ, глухо произнесъ:

— Ахъ, это ты! Ну, что тамъ, сдѣлалъ, вѣроятно, свое дѣло!

— Сдѣлалъ...

— А я свое!

— Знаю, а потому и поѣхалъ нарочно на Самоуки, чтобы навѣститься вамъ, поблагодарить и заглянуть на кладбище...

— Чѣмъ благодарить, подвези-ка меня лучше, я какъ разъ туда собираюсь...

Постанскій немного привсталъ и снова улягъ на кресло.

— Что съ вами? вамъ нехорошо? — заботливо подбѣжалъ Игнатій.

— Ну, ну, ну... отстань... мнѣ все лучше и лучше. Что это тебѣ пришло въ голову?.. ноги немного затекли!.. Убирайся къ чорту, — не на шутку разсердился онъ, когда Игнатій хотѣлъ ему помочь одѣть тулупъ.

Онъ одѣлся своими силами, и, какъ только они вышли на морозъ, такъ сильно размахнулся прутомъ, что въ воздухѣ даже свистъ раздался.

— Что это значить, докторъ? — указывая кивкомъ головы на слѣды разрушенія, робко спросилъ Игнатій.

Докторъ поморщился, а когда они усѣлись въ бричку, вдругъ спросилъ:

— Моя усадьба или нѣтъ?

— Да, ваша.

— А если моя, то, понимаешь, могу ее пахать, могу ее и запахать, а захочу такъ и пушу дымкомъ на всѣ четыре вѣтра, вотъ такъ, фью!— докторъ дунулъ въ руку.

Игнатій пытливо посмотрѣлъ на Постанскаго, и въ головѣ у него пронеслась подозрительная мысль:

«Что-то онъ замышляетъ!»

Старикъ сидѣлъ угрюмо; складки и морщинки стянулись, придавая лицу выраженіе сосредоточенной мощи; послѣ долгой паузы онъ безучастно началъ:

— Что-жъ тамъ слышно на бѣдомъ свѣтѣ? шумъ, трескотня, движеніе?..

Игнатій началъ оживленно рассказывать о своихъ приключеніяхъ...

Дорога поднималась въ гору; на вершинѣ ея, казалось, лежало огромное огненное солнце; съ лѣвой стороны на стеклянномъ безоблачномъ, зящемъ пустотою небѣ виднѣлся довольно высоко мѣсяцъ, точно проломанная въ серединѣ желтоватая маска, или овальное пятнистое облачко, съ оборванными краями.

— Смотри, — воскликнулъ вдругъ хриплымъ голосомъ докторъ, — солнце стелется по землѣ, а эта рожа блестятъ надъ нею, зачѣмъ? Скажи, зачѣмъ? — настойчиво приставалъ онъ Игнатію.

— Потому что зима!—робко процѣдилъ Игнатій.

— Зима, зима, а когда же будетъ весна!—почти кричалъ докторъ.

Игнатій молчалъ.

— На святого Юзефа, какъ аисты прилетятъ...—весело отвѣтилъ парень, обернувшись на козлахъ и поворачивая свое красивое, улыбающееся лицо.

— Дубина!—пробурчалъ докторъ.

— Но, махонькія!—быстро затянулъ парень.

Лошади втащили бричку на вершину горы. Показалась струбльчатая колокольня костела и рѣзкіе контуры черныхъ деревьевъ кладбища.

— Стой!—воскликнулъ Постанскій, вылѣзая изъ брички.

— Докторъ, куда вы!—спросилъ Игнатій.

— Тутъ есть проходъ!

— А ключъ?

Докторъ ничего не отвѣтилъ и шелъ вдоль дороги по какимъ-то огромнымъ заметнымъ слѣдамъ.

Въ одномъ мѣстѣ онъ отнялъ вмѣстѣ съ гвоздями двѣ доски, а когда въ это отверстіе пролѣзъ Игнатій, заложилъ ихъ обратно.

Въ возносящихся къ небу, вытянутыхъ вѣтвяхъ тополей задвигались испуганныя вороны, и одна изъ нихъ, усѣвшись на почервѣвпій

крестъ, начала перескакивать съ ноги на ногу, издавая звукъ, похожій на лязгъ тяжелаго замка.

Игнатій двигался за Постанскимъ по ввалившимся ямамъ, топчя гнилые листья и кучки травы цвѣта сѣна. Показались плоскія гряды могилъ, поросшія измятой пожелтѣвшей травой, благодаря чему онѣ производили впечатлѣніе высокаго, увядшаго сѣнокоса. На глинистой, вѣроятно, свѣжей насыпи краснѣлъ отъ сырости ольховый крестакъ. Мѣстами лежали, какъ сгустки пролитой крови, заржавѣвшія дощечки. Тамъ и сямъ торчали заидѣвѣлыя прутья кустовъ, точно хворостъ, воткнутый въ землю; только дубки красовались завернувшейся бронзой сухихъ листьевъ, шелестя ими при порывахъ вѣтра.

Невдалекѣ отъ березы, безсильно опустившей сѣточку своихъ мелкихъ вѣтокъ и похожей на олицетворенный плачъ, застывшій въ холодѣ смерти, стоялъ огромный овальный камень, покрытый мохомъ, испещренный крапинками и лишаями.

Камень этотъ былъ поставленъ въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ онъ искони лежалъ въ Самомукахъ,—плоской стороною вверхъ.

На неполированной, шероховатой поверхности Игнатій увидѣлъ слегка замеченныя свѣгомъ буквы и цифры: между двумя числами—днемъ рожденія Виктора и смерти Игнася,—виднѣлся остатокъ какого-то неудавшагося контура, уничтоженнаго насѣчками долота.

Старикъ стоялъ сгорбившись, съ обнаженной головою, тяжело опершись обѣими руками на палку. Блѣдные глаза, точно помутнѣвшія и потрескавшіяся глыбы льда, были устремлены неподвижно въ камень. Черты его темнаго лица приняли угнетенное выраженіе усталости. Изъ сѣти морщинокъ выглядывало что-то до того грустное, что Игнатій, взволнованный до боли, подошелъ къ доктору и заговорилъ тономъ утѣшенія, поднимая палецъ къ небу:

— Докторъ, онъ тамъ, тамъ!

Сѣдая голова затряслась.

— Нѣтъ!—вырвался, какъ изъ могилы, глухой голосъ.—Му...—внезапно дрогнула губа, оборвалось какое-то слово и прозвучало, какъ трескъ разбитаго стекла.

А Игнатій, разглядѣвъ вблизи это изнуренное, истерзанное лицо, замѣтилъ что-то, чего онъ никакъ не ожидалъ.

По красновато-синему шраму, точно кровавому оврагу, прокрадывалась растянутая слезинка, тонкая, какъ острый обломокъ лезвія кинжала. Съ трудомъ протекала она внизъ и вдругъ исчезла, проникнувъ въ одну изъ самыхъ глубокихъ поперечныхъ складокъ поблеклаго лица.

Сильнѣе вдохнулъ вѣтеръ, и камень задымился серебристой пылью.

А. Я.

ПОСЛѢ ГРОЗЫ.

Душень день былъ... Лежала истома
Надъ равниной, обвѣянной сномъ...
А теперъ, послѣ молній и грома,
Посмотри, полюбуйся кругомъ!

Небо чисто, какъ думы ребенка...
Яркій вечеръ глядится въ рѣку...
Воздухъ свѣжъ, и отчетливо-звонко
Въ немъ изъ роуи струится—ву—ву.

Плавно цапля полетомъ тяжелымъ
Держить путь отъ селенья къ рѣкѣ.
Вьются ласточки съ крикомъ веселымъ...
Чья-то пѣсня звучитъ вдалекѣ.

Въ свѣтлыхъ грезахъ задумались вязы...
Пахнетъ сѣномъ съ росистыхъ долинъ...
И блестятъ, и дрожатъ, какъ алмазы,
Капли влаги на листьяхъ осинъ.

За рѣкой же и блестящимъ лугомъ,
Гордо высясь подъ ширью небесъ,
Изогнулся нѣмымъ полукругомъ
Полный мрака, задумчивый лѣсъ.

И понизло бездонное небо,
И слилось оно съ краемъ земли
Тамъ, гдѣ поле созрѣваго хлѣба
Желтой лентой сверкаетъ вдали;

Тамъ, гдѣ солнце, склоняясь къ закату,
Знойнымъ окомъ виситъ надъ горой,
Яркій блескъ свой рассыпавъ по скату
И цѣлуясь въ долинѣ съ рѣкой.

Павель Тулубъ.

ИТА ГАЙНЕ.

Повѣсть.

(Продолженіе) *)

Ита получила, наконецъ, мѣсто кормилицы въ семьѣ средняго достатка съ ежемѣсячной платой въ 12 р. Хотя Ита, условливаясь съ своей будущей госпожей, думала, что отнимая мать отъ ребенка, не слѣдуетъ торговаться изъ-за одного рубля, но такъ ужъ тяжело ей было, и такъ она наволновалась, что согласилась, махнувъ рукой. Михель задалъ ей хорошую встрепку, прикинувшись вдругъ чрезвычайно дѣловитымъ, и громко негодовалъ на этихъ живодеровъ-богачей, которые готовы отъ бѣдняка послѣднее отнять. Но онъ скоро утѣшился, когда Ита предложила ему продать оставшійся ненужный теперь сварбъ и вырученныя деньги взять себѣ. Случайное гнѣздо, въ которомъ она столько выстрадала, съ этой минуты начало распадаться, но Ита не находила въ себѣ ни одного вздоха сожалѣнія о немъ. Съ какимъ-то тупымъ чувствомъ забитости и покорности она покинула его и только въ послѣднія минуты съ испугомъ и біеніемъ сердца изрѣдка точно схватывалась и вспоминала, какъ дурно у нея сложилась жизнь, какъ она исковеркана, и какъ мало осталось у нея надеждъ на лучшее будущее... О ребенкѣ за хлопотами и бѣготней какъ-то не думалось, и она невольно уже меньше отдавалась ему, хотя тотъ плакалъ, кричалъ и по старому требовалъ къ себѣ вниманія и ласки.

Послѣдніе же два дня пробѣжали, какъ въ кошмарѣ, оставивъ послѣ себя осадокъ чего-то до дикости ужаснаго, и Ита смутно чувствовала и понимала, что ниже человѣкъ уже не можетъ упасть, какъ и не можетъ быть больше истоптанъ и оплеванъ, послѣ того, что съ ней произошло. Торгъ съ будущей госпожей, наглые и властные опросы съ безцеремонными залѣзаваніями въ душу, съ подробными и подозрительными выпытываніями о мужѣ, о любовникѣ, о болѣзняхъ, о которыхъ она не

*) «Міръ Божій», № 4, апрѣль 1902 г.

имѣла понятія; полная, до умопомрачающихъ подробностей, регламентация ея будущей жизни въ домѣ и отношеній къ собственному ребенку, — все это было точно вѣрные удары по головѣ, но она переносила ихъ въ какомъ-то состояніи сонности и покорно, не повышая тона, отвѣчала на вопросы. Даже возмущенное чувство ея, когда рѣчь зашла о мѣсячной платѣ въ такомъ тонѣ, будто она не больше, какъ корова, которую покупаютъ только за ея молоко, и что отъ такихъ коровъ отбоя нѣтъ, — даже и тогда выразилось оно въ слабomъ протестѣ, но такомъ жалкомъ, что долго ей потомъ дѣлалось досадно, когда она вспоминала о немъ. Но еще болѣе тяжело и унижительно, и страшно было, когда ей пришлось быть освидѣтельствованной врачомъ, который собственно и рѣшилъ ея участь. У этого свѣтскаго и упитаннаго человѣка среднихъ лѣтъ ее ожидало особенное испытаніе. Ихъ собралось нѣсколько женщинъ. Онѣ сидѣли въ передней и долго ждали очереди. Когда эта очередь, наконецъ, наступила, то, чтобы покончить поскорѣе съ однообразной и скучной работой, отнимавшей его драгоценное время, онъ приказалъ всѣмъ быть наготовѣ, т. е. расшнуровать юбки и разстегнуть кофты. Ита, держа въ рукѣ карточку, въ которой просилось о тщательномъ осмотрѣ, стыдась и полузакрывъ наготу верхней части своего тѣла, другой рукой поддерживая расшнурованную юбку, почти не вида дороги и дрожа всѣмъ тѣломъ, будто вмѣщала въ себя всѣ скверныя болѣзни и прятала ихъ, вошла въ кабинетъ. Докторъ, въ два-три мига безцеремонно снявъ съ нея кофту, тщательно осмотрѣлъ грудь, подавилъ ее, отчего Ита вскрикнула, отодвинувшись отъ него и стораивъ отъ стыда, и велѣлъ сбросить рубашку совсѣмъ. Потомъ опять внимательно осмотрѣлъ уже со всѣхъ сторонъ ея тѣло: не найдется-ли пятнышка или чего-нибудь, могущаго вызвать подозрѣніе. Покончивъ съ этимъ, онъ съ той же электрической быстротой посмотрѣлъ ей въ горло, осмотрѣлъ носъ, еще разъ зачѣмъ-то подавилъ грудь и привазалъ ей лечь на стулъ-креслѣ, стоявшемъ у окна. Ита покорно, но со слезами на глазахъ, легла, чувствуя себя послѣдней женщиной... Къ этимъ минутамъ, стоявшимъ въ памяти, какъ уворъ чему-то, она рѣдко возвращалась, а если вспоминала, то только молила, чтобы онѣ не повторились.

Послѣ всѣхъ этихъ мытарствъ ей еще осталось новое, важное дѣло, — пристроить своего ребенка. Не зная, какъ поступить, она повидалась съ Миндель, которая за небольшую плату указала ей нѣсколькихъ женщинъ, бравшихъ у кормилицъ дѣтей на вскармливаніе. Потомъ она забѣжала къ Розѣ, поинскать, не отыщется-ли попутчицы, и, найдя такую въ лицѣ кормилицы Ги-

тель, которой за получениемъ мѣста тоже нужно было пристроить ребенка, условилась съ ней о времени выхода изъ дому.

На слѣдующій день, рано утромъ Ита была уже у Гитель, и обѣ вышли часовъ въ 10 съ дѣтьми на рукахъ. Погода два дня подрядъ капризничала, и среди глубокой зимы внезапно наступила оттепель. Отовсюду текли воды, слышались звуки падающихъ капель, звенящихъ струекъ, и все было непривѣтливо, мокро, некрасиво. Небо стелилось низко надъ домами, и день отъ того казался несвѣтлымъ и скучнымъ. Грязный снѣгъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ превратился въ камень, въ другихъ уже оттаялъ и образовалъ вонючія черныя лужи, въ которыхъ чернымъ же отражалось небо съ мягкими, рыхлыми тучками. Деревья оттаяли и такъ блестяли отъ воды, что казались отполированными, а на вѣтвяхъ, вздрагивая крылышками, сидѣли скучные, мрачные воробьи и монотонно чиркали.

Когда онѣ миновали домъ, гдѣ жила Роза, то встрѣтили кормилицу Этель, которую всегда окружали женщины. Онѣ хотѣли пройти не останавливаясь, но Этель, замѣтивъ обѣихъ женщинъ, задержала ихъ и вмѣсто привѣтствія сказала:

— Кончили ѣсть хлѣбъ у Розы? Очень хорошо. И я тоже. Наконецъ, поступила. Теперь нужно дѣвочку этимъ разбойницамъ отдать. Вы за тѣмъ же? Очень хорошо. Все идетъ какъ нельзя лучше. Можете вы иначе сдѣлать? Скажите, какъ?

Она положила руку на грудь и впилась глазами въ Иту, точно та была виновницей ея положенія.

— Скажите вы, — засмѣялась Гитель, — спрашивать я не хуже васъ умѣю.

Этель миновала ее презрительнымъ взглядомъ и сняла руку съ груди.

— Вотъ видите, — продолжала она, — всѣ такъ отвѣчаютъ. Люди глупы, какъ бараны, какъ вошки, какъ мухи. Зачѣмъ, спрашиваю я, рожать, если нужно отдавать своихъ дѣтей этимъ разбойницамъ?

— Вы вѣдь тоже рожаете, произнесла Ита, невольно улыбнувшись ея ѣдкому тону.

— Я рожаю! — презрительно повторила она; скажите рожается, а не я рожаю. Вотъ, видите меня. Дома имѣю одного ребенка, другой на рукахъ, а мужъ мой не Богъ вѣсть какая птица — онъ сапожникъ. Но вы думаете, что если сапожникъ, то зарабатываетъ что-нибудь? Ошибаетесь, моя милая. Теперь только дѣвухи и дуры говорятъ, что хорошо имѣть мужемъ ремесленника. Что здѣсь хорошаго? Зашивать порванные галоши какого-нибудь барина, который ихъ нарочно лѣтомъ отдаетъ въ починку, чтобы дешевле стоило? Или получить 25 коп. за пару подборовъ? Не

будемъ спорить, но много ли въ день есть охотниковъ, которые желаютъ починить свои подборы? Съ голоду умираемъ, моя милая, съ голоду.

Ребенокъ заплакалъ. Она раскрылась и сунула ему, не глядя, грудь въ ротъ.

— Зачѣмъ же у васъ еще дѣти?—полюбопытствовала Гитель.

Женщины потихоньку начали идти. Этель вскипѣла отъ вопроса.

— Чортъ васъ возьми!—воскликнула она.—Спросите у моего мужа. Развѣ мнѣ-то нужны дѣти? Для какого чорта? Чтобы наслаждаться ихъ мученіями? Я вѣдь и съ первымъ не знала куда мнѣ дѣваться! Я спрашиваю васъ, что мой сапожникъ нашелъ во мнѣ? У меня вѣдь только кости и кожа, даже на салную свѣчку изъ меня жира не достанете. Но поговорите съ нимъ.

— Примите меня къ себѣ,—пошутила Гитель,—я его сейчасъ же вылечу.

— Я бы вамъ, положимъ, голову проломала,—спокойно отвѣтила Этель.

Всѣ засмѣялись и заговорили о Розѣ. Въ какомъ-то перелѣ имъ встрѣтилась Маня. Она шла скоро, но, замѣтивъ Иту, быстро перешла улицу, чтобы не столкнуться съ ней. Ита притворилась, что не замѣтила ее, и сейчасъ же забыла о ней, отдавшись своимъ думамъ. Болтовня Этель какъ бы навалила то мѣсто, которое болѣло, и теперь ея мысли вертѣлись около ребенка. Этель уже ушла отъ нихъ, остановившись возлѣ одного дома, со словами: „вотъ гдѣ я живу“, а Ита все шла съ вихремъ въ головѣ, не замѣчая, что вокругъ нее дѣлается.

— О чемъ вы такъ задумались?—произнесла Гитель, которой надоѣло молчаніе.—Во всемъ, что кругомъ дѣлается, нѣтъ ничего ужаснаго. Вы такъ мало знаете жизнь, что васъ можетъ испугать полетъ мухи. А между тѣмъ я вовсе не была такой; до свадьбы я была самая скромная, честная и добрая дѣвушка въ своемъ городѣ. Жизнь ужасна, вотъ кто. Подождите, вы еще не умерли. Знаете ли вы, что будетъ съ вами черезъ 10 лѣтъ?

Ита ничего не отвѣтила, испуганная убѣжденнымъ тономъ этой женщины. Развѣ она, Ита, теперь та самая дѣвочка, которая когда-то съ гордостью гуляла со своимъ отцомъ подъ руку въ праздничный день?

Онѣ уже входили въ ту часть города, которая называлась окраинной. Все здѣсь говорило о другой жизни. Начиная отъ фонарей и кончая низенькими домами и немощенной улицей, окраина напоминала заброшенный въ глуши городокъ, никогда не знавшій культуры.

— Вотъ оно, кладбище нашихъ дѣтей,—шутливо произнесла Гитель,—посмотрите какое огромное.

— Ахъ, не говорите такъ ради Бога!—мрачно воскликнула Ита, безпокойно и со страхомъ озираясь,—вѣдь это въ самомъ дѣлѣ похоже на кладбище.

Къ нимъ подходили двѣ женщины съ дѣтьми на рукахъ. Ита и Гитель узнали въ нихъ кормилицъ, видѣнныхъ у Розы на прошлой недѣлѣ. Обѣ были еще молоды, и въ ихъ взволнованныхъ лицахъ ясно сквозило, что онѣ только начали проходить ту тяжелую школу, которая вырабатываетъ чудовищъ-женщинъ, умѣющихъ весело и равнодушно относиться къ судьбѣ своихъ дѣтей.

— Я еще и недѣли не служу,—начала первая свои жалобы, послѣ привѣтствія, и на молодомъ лицѣ ея было загадочное выраженіе: не то досада, что нужно хлопотать, не то досада противъ ребенка,—но уже сколько имѣю неприятностей съ моей кормилицей, которой отдала дѣвочку, что у меня вся жизнь отравлена. Она потребовала за мѣсяць впередъ, я ей дала; дала 4 фунта сахару, бѣлье, чай, и послѣ всего, представьте себѣ, она вдругъ является ко мнѣ съ новостью, что за такія деньги не можетъ держать ребенка. Зачѣмъ же она взялась, я васъ спрашиваю, я вѣдь могла другую найти. Что мнѣ теперь дѣлать? Можно ли подать на нее, не знаете? Я думала подать. Притомъ, если бы вы видѣли, что сдѣлалось съ дѣвочкой у этой твари. Она почернѣла, какъ уголь, отъ грязи, похудѣла, сдѣлалась сонной какой-то. Просто сердце мое разрывается глядѣть на нее!

Она хотѣла заплакать, но удержалась и постаралась придать себѣ бодрый видъ. Шедшая съ ней толкнула ее и сказала:

— День не стоитъ; эти женщины тебѣ не помогутъ. Пойдемъ и поищемъ. Какъ-нибудь да устроится.

Всѣ пошли вмѣстѣ, разговаривая. Ита расспрашивала о подробностяхъ, чтобы не попасться, какъ дурочка.

Подлѣ одного дома онѣ разстались. Первыя двѣ пошли дальше, а Ита и Гитель остановились у воротъ большого пустыннаго двора, гдѣ по краямъ, какъ наросты, ютились отдѣльные низенькіе флигельки, грязные и покривившіеся. Въ концѣ двора стояли повозки и биндюги, и между ними, въ поискахъ за кормомъ, бродили коровы и лошади, не вышедшіе на биржу. Оволо стѣны двѣ большія черныя собаки, приподнявъ морды, дико лаяли на кошку, не сводившую съ нихъ глазъ.

У воротъ стояла дѣвушка и равнодушно смотрѣла на пришедшихъ. Ита спросила у нея квартиру Шейны, бравшей дѣтей на вскармленіе. Дѣвушка указала рукой и отвернулась. Ита и Гитель вошли во дворъ и, внимательно поискавъ, нашли квартиру. Дверь въ нее была открыта; оттуда неслись странные звуки, точно кричалъ котенокъ, котораго плохо придушили.

Ита задрожала отъ этого жалобнаго голоса. Неужели тамъ убиваютъ ребенка? Почему никто не вмѣшивается? Развѣ сосѣдямъ ничего не слышно? И ей вдругъ показалось, что она, какъ въ зеркалѣ, увидѣла будущее своего мальчика.

Мрачная, сопровождаемая Гитель, которая восхитительно чувствовала себя на этомъ дворѣ, будто онъ напоминалъ ей дворъ, въ которомъ прошло ея дѣтство, Ита зашла въ комнату и оставилась пораженная тѣмъ, что увидѣла. На полу, нечистомъ отъ занесенной грязи, въ тряпочкахъ, едва покрывавшихъ тѣлце, извиваясь, какъ червякъ, ползалъ голоногій ребенокъ и жалобно кричалъ. Въ комнатѣ не было ни души. Предоставленный себѣ и уже давно невормленный, онъ монотонно повизгивалъ и такъ посинѣлъ отъ холода, что не видно было струевъ и ранокъ на его лицѣ.

Когда Ита, движимая состраданіемъ, подошла къ нему и взяла на руки, онъ сначала испуганно пискнулъ, но, почувствовавъ теплоту тѣла, вдругъ закричалъ какимъ-то и рыдающимъ, и радостнымъ голосомъ и судорожно прижался къ Итѣ, не сводя съ ея лица своихъ измученныхъ глазъ. Онъ дрожалъ и икалъ отъ холода, и Ита въ рукахъ своихъ не чувствовала ни капли его теплоты. Ему было шесть мѣсяцевъ, хотя по росту и по вѣсу нельзя было дать болѣе двухъ... Ножки и руки были въ стручкахъ. Въ иныхъ мѣстахъ корва, готовая упасть, отдѣлилась отъ тѣла, и ребенокъ казался утыканнымъ иглами. Голова тоже была въ ранахъ, и въ нихъ кишѣли вши. Ита заплакала, глядя на маленькаго мученика со старческимъ лицомъ, который все терся о нее, всхлипывалъ и умолялъ. У нея даже не родилось вопроса. Передавъ своего мальчика Гитель, которая начала посмѣиваться надъ ней, она усѣлась на табуретѣ, разстегнулась и вынула грудь, полную соковъ и жизни. Сначала ребенокъ упирался и не хотѣлъ брать груди, совсѣмъ не приученный къ таковой пищѣ, и бился и рвался на рукахъ, разобравъ, что это не его кормилица, которую онъ считалъ матерью; но когда Ита насильно брызнула ему въ ротъ сладкаго и теплаго молока и прижала къ нему грудь, согрѣвшую его полузамерзшее лицо, онъ жадно набросился на нее и, прицѣлывая языкомъ и захлебываясь отъ жадности, меньше чѣмъ въ пять минутъ опорожнилъ ее.

— Кушай, кушай, бѣдняжка, — ободряла его Ита, радуясь его счастью, — подожди я еще дамъ, ну подожди же. Голубчикъ, какъ ты голоденъ!

Она, казалось, забыла зачѣмъ пришла и, разсѣвшись широко на табуретѣ, чтобы удобно было кормить, перемѣнила грудь. Въ комнату никто не приходилъ и не мѣшалъ. Гитель, которой на-

скутило сидѣть здѣсь и трудно было держать двухъ дѣтей, рѣшилась, наконецъ, поторопить Иту.

— Я здѣсь не оставляю своего ребенка, — рѣшительно выговорила Гайне, — лучше сразу убить его. Понцемъ другой женщины. Не можетъ быть, чтобы вездѣ было такъ, какъ здѣсь. При томъ же у этой Шейны имѣется вѣдь одинъ ребенокъ, куда же ей взять еще другого?

— Вамъ кажется, что вы барыня, — засмѣялась Гитель. — Здѣсь почти всѣ берутъ по два, по три ребенка на выкормъ, и дѣтамъ нигдѣ не лучше, чѣмъ здѣсь; я это отлично знаю. Мнѣ вѣдь не первый разъ отдавать. Сначала я такъ же разсуждала, какъ вы, но теперь, когда разузнала правду и привыкла къ ней, то молчу и не думаю объ этомъ. Ничего вѣдь не подблаетъ. Даже то, что вы видите, не самое худшее; довольно я насмотрѣлась. Правда, есть женщины другія, но и у нихъ только что-то лучше и чище.

— Никогда я къ этому не привыкну! — разстроено возразила Гайне, положивъ изъ предосторожности заснуваго ребенка на полу на подушкѣ, — и если бы люди видѣли то, что я увидѣла здѣсь, то этого зла не существовало бы больше.

— Если вѣрите, можете обманывать себя, а я людей знаю, и худшихъ собакъ — равнодушныхъ и злыхъ — я не видѣла, хотя и сама не ангелъ, и у нихъ же выучилась жить такъ, будто у меня вырѣзали сердце.

Ита одѣлась, и обѣ, притворивъ за собой дверь, вышли. Стоявшая у воротъ дѣвушка даже не перемѣнила своей позы и все глядѣла вдаль, стоя противъ широкой, длинной, какъ бы безконечной улицы. Она не повернула головы, когда обѣ женщины прошли мимо нея и оставалась неподвижной, какъ статуя задумчивости, какъ символъ, олицетворявшій собой тоску, отчаяніе, порывъ къ тому широкому и безконечному простору, гдѣ вдали небо и земля, и воздухъ слились въ то невѣдомое и таинственное, что такъ манитъ къ себѣ связаннаго человѣка.

Время двигалось, и Гитель все чаще торопила Иту. Теперь онѣ входили въ какой-то дворъ, узкій, какъ тунель, и такой же темный. Навстрѣчу, — такъ что Итѣ и Гитель пришлось посторониться, — шелъ старикъ, нахлобучивъ шапку на глаза, и подъ мышкой держалъ гробикъ. За нимъ передвигалась женщина, и двѣ старухи поддерживали ее съ боковъ. Сзади, изъ вѣжливости и любопытства, группу эту сопровождали нѣсколько женщинъ и о чемъ-то тихо бесѣдовали. За ними, въ почтительномъ разстояніи, тѣснились мальчишки и дѣвочки со двора, грязные и оборванные. Старикъ съ гробикомъ подъ мышкой, точно съ книгой, шелъ торопливо, почти не сгибая колѣнъ, а лицо его было спо-

койное и равнодушное. То же равнодушіе и спокойствіе лежало на лицахъ участниковъ, и ни откуда не раздавалось ни вздоха, ни крика. Ясно было, что совершается нужная кому-то церемонія, безъ которой нельзя было избавиться отъ мертваго ребенка, и только нехорошо въ ней было то, что она отнимала вниманіе и время отъ другихъ дѣлъ. Когда старики и женщина со старухами прошли, Гитель обратилась къ одной женщинѣ съ вопросомъ, кого хоронять.

— Мальчикъ тутъ одинъ умеръ, — равнодушно отвѣтила она, — зима тяжелая и выкормки не выдерживаютъ. До пятаго мѣсяца дотацили его. И то, слава Богу. Они вѣдь гораздо раньше умираютъ.

— Чей это ребенокъ? — спросила Ита.

— Развѣ вы не видѣли матери? Ее старухи вели. Она кормилица въ бѣдномъ домѣ и только привидывается убитой горемъ, — стыдно вѣдь ничего не показать. Сама же — вотъ какъ довольна.

Женщина быстро и краснорѣчиво провела по горлу рукой — такъ именно, по ея мнѣнію, эта кормилица была довольна смертью ребенка — и прибавила:

— Вѣроятно, теперь въ душѣ жалѣетъ, что это раньше не случилось. Не платила бы за него столько мѣсяцевъ и имѣла бы больше денегъ.

— Понимаю, — подмигнула Гитель, — это старая исторія. Теперь же и сезонъ смерти. Сколько она платила за ребенка?

— Какой сезонъ! — вмѣшалась другая женщина. — Сезонъ бываетъ весной. Весной приходите сюда, такъ у васъ волосы на головѣ станутъ. Даже воздухъ тогда портится отъ мертвыхъ дѣтей, такъ ихъ много бываетъ. Въ особенности умираютъ выкормки. И нашихъ мы съ трудомъ оберегаемъ, но тѣ падаютъ, какъ мухи. Право, здѣсь нисколько не трудно палачомъ сдѣлаться.

— Перестаньте рассказывать объ этомъ! — съ ужасомъ взмолилась Ита, — кровь стынетъ въ жилахъ. Пойдемъ, Гитель.

И она двинулась, а Гитель сказала:

— Гдѣ тутъ Мирель живетъ?

— Мирель? — переспросила первая. — Но это у нея и умеръ ребенокъ, котораго только что вынесли. Вы хотите ей отдать ребенка? Она хорошая женщина. Идите дальше — пятая дверь направо.

Указывая рукой, женщина проводила ихъ до квартиры Мирель и пошла въ себѣ. Гитель и Ита зашли въ очень низенькую комнату, въ которой нельзя было держаться прямо. Полъ въ ней былъ земляной, покрытый рогожей, и пахло отъ него дурнымъ запахомъ глины и помета. За столомъ сидѣла женщина и пила

чай. Двое дѣтей играли въ ямки, которыя тутъ же подлѣ дверей и вырыли. При видѣ двухъ незнакомыхъ женщинъ съ дѣтьми на рукахъ, пившая чай, не выпуская изъ рукъ блюдечка, вмѣсто привѣтствія, сказала:

— Видѣли вы такое несчастье? Въ первый разъ случается, чтобы у меня ребенокъ умеръ. Въ первый разъ, — какъ я чай пью. Теперь же сижу и думаю—почему онъ умеръ? Вѣдь я его лучше родного любила. Дѣтей у меня нѣтъ,—вотъ эти, что видите, сестры моей, а мужъ мой чернорабочій. Я, не какъ другія, у которыхъ есть дѣти, и которыя сами работаютъ. Я живу хозяйкой, скромно, тихо, всегда вскармливаю двухъ дѣтей и смотрю за ними, какъ за глазами.

— Отчего же все-таки онъ умеръ? — съ улыбкой спросила Гитель, зная наизусть подобнаго рода самовосхваленія.

— Почему онъ умеръ? Сядьте, вамъ трудно стоять. Почему же другой у меня не умеръ? Вы задаете странные вопросы. Какая мнѣ выгода отъ его смерти? Пусть бы жилъ. Возьму же я другого, какая тутъ для меня разница?

— Это такъ,—произнесла озадаченная Гитель, не найдясь, что отвѣтить.

— Я всегда это говорю имъ. Зачѣмъ приставать ко мнѣ, когда ребенокъ умеръ? Мнѣ еще труднѣе каждый разъ возиться съ новымъ, котораго нужно приучать къ себѣ. Мѣсяца три тому назадъ у меня умерла дѣвочка...

— Какъ умерла?—вдругъ охладѣла къ ней Ита.—Вы вѣдь сказали, что у васъ только этотъ умеръ.

— Развѣ я сказала? Не можетъ быть. Значить я ошиблась. Три мѣсяца тому назадъ у меня умерла дѣвочка. Мать ея, получавшая 12 рублей, тоже задала мнѣ этотъ вопросъ и даже не другими словами. Вѣдь я съ ней чуть не подралась. Хоть бы съ жаромъ или со слезами спросила меня. Нѣтъ, чтобы уколоть только. Ей также жалко было этой дѣвочки, какъ вотъ этимъ дѣтямъ. Наоборотъ, теперь ей можно будетъ давать больше денегъ своему любовнику на шарлатанство.

— Сколько вы берете въ мѣсяцъ?—спросила Гитель.—Покажите мнѣ другого.

— Вотъ это другое дѣло. Нужно говорить живыя слова, а не задавать глупыхъ вопросовъ. Сейчасъ покажу вамъ.

Она встала и пошла въ конецъ комнаты къ задней стѣнѣ. Тамъ она распахнула кусокъ красной матеріи, спускавшейся съ потолка до пола и скрывавшей кровать, и изъ темноты явственно вдругъ раздавалось чавканье. Когда Ита и Гитель ближе присмотрѣлись, то увидѣли въ кровати „что-то“ неподвижное, державшее въ рукѣ тряпку, которую оно, повидимому, и жевало.

— Это ребенок?—спросила Ита.—Отчего же вы его держите въ темнотѣ? Вѣдь онъ ослѣпнуть можетъ. Что это онъ ѣсть?

— Меня не нужно учить, гдѣ держать ребенка. Гдѣ держу, тамъ ему и хорошо. Повѣрьте, онъ бы не молчалъ. Кормлю же его солдатскимъ хлѣбомъ. Я всѣхъ дѣтей такъ выростила. Беру мякоть этого хлѣба, обсыпаю его толченымъ сахаромъ, связываю тряпкой и обливаю теплой водой. Ребенокъ всегда имѣетъ, что поѣсть и цѣлый день ведетъ себя, какъ голубь. Повѣрьте, если солдаты здоровѣютъ отъ этого хлѣба, то дѣтямъ онъ въ тысячу разъ полезнѣе.

— Ну, а молоко?—вмѣшалась Гитель.

— Даю понемногу и молока,—подхватила Мирель,—но, увѣрю васъ, даю противъ совѣсти, изъ глупаго предрасудка. Что такое молоко, скажите мнѣ? Я вамъ отвѣчу. Молоко—это бѣлая вода. Люди глупы, и я глупа. Хотите бѣлую воду,—пожалуйста—вотъ бѣлая вода. Но все-таки знаю, что солдатскій хлѣбъ спасеніе для дѣтей. Смотрите, какъ она сосетъ: вѣдь у нея въ губахъ ужасная сила. Она изъ вашей кожи кровь высосетъ, а вы не высосете. Хотите ее посмотрѣть?

Она живо вытащила его, пригладила, оправила, и предъ обѣими женщинами предсталъ форменный уродецъ, заморышекъ, въ которомъ едва было 7—8 фунтовъ вѣса. Дѣвочка походила лицомъ на угрюмую, печальную старушечку, а общій видъ ея напоминалъ карриватуру изъ линій; ручки—двѣ очень длинныя линіи, ножки—двѣ линіи, и тѣло—линія посрединѣ. Вѣки ея, скрыванныя засохшимъ гноемъ, не раскрывались, и видно было, какъ она ворочаетъ глазами яблоками, обезпокоенная свѣтомъ дня.

— Нравится она вамъ?—спросила Мирель.—Правда хорошенькая, хотя и худенькая. Вотъ глаза ея меня безпокоятъ. Надняхъ пойду съ ней къ одной женщинѣ, вторая хорошо глаза лечитъ. Дѣвочѣ и мать не нужна. Ей всего 6 мѣсяцевъ, а ведетъ себя, какъ взрослая. Я ее очень люблю. Подождите, я ей раскрою глаза, и вы увидите, кака я хорошенькая.

Она быстро вытерла тряпкой глаза у дѣвочки и, смочивъ языкомъ вѣки, ловко пролѣзла имъ во внутрь и раскрыла.

— Красива, правда?—произнесла Мирель, обращаясь къ Гитель.—А теперь потанцуй немножко, пусть гости увидятъ, кака ты веселенькая.

Она подбросила ее, но бѣдный заморышекъ, согнувшись вдвое, припалъ къ ея плечу и застоналъ.

— Она хочетъ спать,—объяснила Мирель,—бѣдная, какъ она меня любитъ. Не буду мучить тебя, нѣтъ, нѣтъ.

Положивъ ребенка и сунувъ ему тряпку, она вернулась, говоря:

— И меня еще спрашиваютъ почему ребенокъ умираетъ, да, осмѣливаются спрашивать, хотя за мои заботы и любовь платятъ всего 6 рублей въ мѣсяцъ. Развѣ я не ангель послѣ этого?

Гитель уже готова была согласиться, какъ вошли двѣ кормилицы, съ которыми онѣ утромъ встрѣтились. Тѣ удивились, что нашли ихъ здѣсь, и разговоръ временно перешелъ на другія темы. Мирель, почувявъ спросъ, сейчасъ же перемѣнила фронтъ и договорилась до того, что рѣшительно, безъ уступокъ, запросила 8 рублей въ мѣсяцъ.

— Зимой, — философствовала она на замѣчаніе Гитель, — другіе разговоры. Шесть рублей беру лѣтомъ. Но зимою даже у родной дочери не взяла бы меньше 8 рублей. Развѣ вы хотите, чтобы мой мужъ, который съ такимъ трудомъ зарабатываетъ, дѣлился съ вашими дѣтьми своими грошами? Нужно вѣдь быть звѣремъ, чтобы этого желать.

Торгъ сталъ, наконецъ, опредѣленнѣе. Постороннія темы были оставлены, и перешли прямо къ войнѣ; боролись изъ за каждой копѣйки, вычисляли стоимость всего, что должно быть истреблено ребенкомъ за мѣсяцъ, но Мирель держалась на своемъ. Споръ разгорался: конкурентки препирались между собой чуть не до брани, и послѣ получасовой борьбы, со своими и съ Мирель, Гитель торжествовала побѣду, предложивъ наивысшую сумму, то есть семь рублей. Ита же не торговалась и не вмѣшивалась, испуганная и устрешенная тѣмъ, что видѣла, тѣмъ, что предвидѣла, тайно мечтая найти хоть подобіе чего-нибудь, что могло бы ее удовлетворить.

Когда онѣ, наконецъ, ушли оттуда, Гитель съ сіяющимъ видомъ сказала Итѣ:

— Вы не знаете, какъ я счастлива. Это драгоценнѣйшая женщина. Если бы хотя половина изъ нихъ были, какъ Мирель, то мы могли бы совершенно спокойно отдавать своихъ дѣтей.

— Не знаю, что вы нашли хорошаго, — возразила очень холодно Ита, — черезъ 3—4 мѣсяца вашъ мальчикъ умретъ у нея.

— Можетъ быть, черезъ шесть, — подхватила Гитель, — откуда вы знаете? Но хоть шесть мѣсяцевъ я буду матерью, и за это спасибо. Я вѣдь еще не совсѣмъ озвѣрѣла, какъ вамъ кажется. Вы думаете, что мнѣ такъ ужъ непріятно быть матерью? Вы думаете, что я недостаточно счастлива, когда имѣю заботы о своемъ ребенкѣ? Ошибаетесь, Ита. Вѣдь я отчасти и кормлю чужого ребенка, чтобы заработать для своего. Я расцвѣтаю, когда приношу ему подарочки, сахаръ, платица, все, что успѣваю взять у моей хозяйки. Думаете, что мнѣ не въ радость тогда жизнь? Я, конечно, знаю, что Мирель не все ему даетъ, но что-нибудь даетъ все-таки, а платице я навѣрно на моемъ мальчикѣ увижу. И

есть у меня для чего жить нѣсколько мѣсяцевъ. Больше бы я и сама не хотѣла,—не могу вѣдь я,—куда мнѣ еще дѣтей имѣть на плечахъ? А у другой бы онъ и два-три мѣсяца не выжилъ. Я очень счастлива теперь, Ита.

— Не можетъ быть,—серьезно сказала Ита,—чтобы я сдѣлалась такой же, какъ вы.

— Я не сержусь на васъ, Ита, вы вѣдь не хотите меня обидѣть. Но и я не вицовата, увѣрю васъ. Въ этой каторжной жизни еще чѣмъ ни станешь. Только упади разъ. Что вы скажете человѣку, который не можетъ работать потому что ему отрѣзали руку? А у меня вѣдь и руки, и ноги отрѣзаны, чтобы воспитать ребенка. Вамъ это еще непонятно, потому, что вы начинаете только. Но и вы такой же станете. Если плотнику изъ дерева нужно сдѣлать столъ, то выйдетъ столъ, а не швафъ. Вспомните мое слово. Здѣсь выкрутиться нельзя.

Онъ опять, теперь уже для Иты, вошли въ какой-то дворъ, потомъ въ другой, и подъ рядъ въ нѣсколькихъ домахъ находили двери запертыми на замокъ, и изъ этихъ пустынныхъ комнатъ вырывались ужасающіе вопли одного или двоихъ дѣтей, оставленныхъ на произволь судьбы хозяйками, ушедшими по своимъ дѣламъ, и вопли эти неслись какъ бы въ пустынь, не трогая и не занимая ничего вниманія. Если же онъ находили двери открытыми, то входили въ комнаты, гдѣ дѣти находились подъ призоромъ собаки или кошки, которыя лизали ихъ струпыя и раны, а сами дѣти, уставши кричать и хрипѣть, пачкались въ отбросахъ своихъ и лизали свои руки, вонючія и грязныя. Когда же онъ находили человека при нихъ, то картина нисколько не мѣнялась и казалась еще ужаснѣе въ присутствіи надсмотрщицъ.

У Иты были-такія минуты, что она хотѣла кричать, пасть передъ кѣмънибудь на колѣни, умереть.

— Что же это такое,—воскликнула она—мы вѣдь люди, мы вѣдь тоже люди! За что же намъ это, за какія преступленія, Гитель? Мы, мы грѣшили, но дѣти чѣмъ виноваты? Зачѣмъ столько страданій? О, пусть меня поведутъ на эшафотъ, если я еще разъ забеременѣю, если я еще одинъ разъ сдѣлаюсь матерью! Если бы хоть кто-нибудь намъ показалъ, что здѣсь дѣлается, если-бы насъ, несчастныхъ глупыхъ дѣвушекъ заранѣе приводили сюда и показывали, что ожидаетъ нашихъ дѣтей!

— Привыкнете,—хладнобровно отвѣтила ей Гитель—Когда я второго ребенка должна была отдать, то тоже такъ кричала, можетъ быть, еще больше вашего кричала, но смирилась. Когда живешь тамъ, въ большомъ городѣ, вдали отъ этого кладбища, то обо всемъ забываешь и хочешь жить, и любить и рожать. Такъ оно устроено. И у васъ это выйдетъ изъ головы, какъ только вы

уйдете отсюда. Вы оставите ребенка здѣсь и хоть крѣпко заплачете въ первую ночь, но заботы развлекутъ васъ. Даромъ денегъ вамъ платить не стануть. Скажу вамъ больше. Сдѣлается такъ, что вы привяжетесь къ чужому ребенку, котораго будете кормить, а къ своему станете холоднѣе. Это такъ же вѣрно, какъ то, что теперь падаетъ снѣгъ.

— Ахъ, клянусь, клянусь вамъ, Гитель, что вотъ этого не будетъ. Не будетъ этого Гитель! Я вырву сердце свое, если оно измѣнитъ моему ребенку. Клянусь вамъ, Гитель!..

Онѣ пошли шибче и опять стали заходить въ дома. Картины мало мѣнялись. Вездѣ грозный богъ наказанія и мщенія проявлялся въ одинаковыхъ формахъ. Полусгнившія лица, искривленные тѣла, загаженные глаза, тщедушность, маловѣсность и миниатюрность младенцевъ, жалобы и вопли дѣтскихъ ртовъ, голодъ, холодъ и грязь и полнѣйшее равнодушіе людей,—всюду и вездѣ было одно и то же. А Ита все искала и искала, чему-то вѣруя, на что-то надѣясь, не допуская, что и ея ребенка постигнетъ такая же участь...

Къ вечеру она начала сдаваться. Вернуться къ прошлому уже не было возможности. Не того она боялась, что дома ее ожидали побой Михеля, можетъ быть даже смерть ея и ребенка отъ его руки или отъ голода. Не того она боялась. Но, чтобы пойти домой, надо было быть готовой пойти на улицу продавать себя, а для этой жертвы еще не было мужества. И все въ ней—и душа ея, крѣпкая и неповорная, и стыдливое, но тоже неповорное тѣло,—на это не сдавалось. Въ сердцѣ все еще мелькала надежда, что хорошей платой, лаской, мольбой она можетъ купить ту каплю обезпеченности ребенку, на которую Ита уже соглашалась. Жертва наконецъ была принесена.

Условившись съ женщиной за 8 руб. въ мѣсяцъ, она долго и много говорила съ ней, объясняла и умоляла, и чуть не цѣловала ей руки, чтобы та поберегла ея мальчика. Потомъ она еще дольше прощалась со своимъ ребенкомъ и плакала надъ нимъ, какъ надъ покойникомъ. Мысленно она жадно просила его простить ей и клялась ему, что не оставитъ его, и опять цѣловала, всхлипывала, какъ потерянная, и чуть съ ума не сошла, когда подошло время уходить. Двадцать разъ она уходила, возвращалась, опять плакала, клялась, цѣловала и была ужасно жалка со своимъ краснымъ и распухшимъ отъ слезъ лицомъ и растеряннымъ видомъ. Очень поздно она, наконецъ, ушла отсюда, унося истомлявшую, удесятеренную любовь въ сердцѣ и безконечное отчаяніе. Когда она явилась къ своимъ хозяевамъ, то получила выговоръ за опозданіе. Потомъ приняла ванну и вступила въ свои новыя обязанности.

Какъ и предсказала Гитель, первыя заботы о томъ, чтобы хорошо и удобно приспособиться къ новой жизни, которая требовала у свѣжаго, неопытнаго человѣка полной отдачи себѣ, совершенно поглотили Иту. Не зная, какъ держать себя въ новой роли, она расходовала массу силъ и энергій, чтобы ее не заподозрили въ нелюбви и небрежности къ ребенку, котораго она кормила; старалась всюду и вездѣ поспѣть, чтобы не упрекали ее въ лѣнтяйствѣ, и на первыхъ порахъ дрожала предъ своими господами такъ же, какъ предъ Михелемъ, когда онъ бывалъ въ гнѣвѣ. Съ утра до ночи она носилась по дому, помогая въ свободное время горничной, кухаркѣ, или занималась постирушкой дѣтскихъ пеленокъ или шитьемъ дѣтскихъ платьицъ вмѣстѣ съ хозяйкой и не сидѣла ни одной свободной минуты, все благодаря тому, что думала, что такъ и нужно поступать. Но въ первое время, когда она носилась и бѣгала, и работала, какая-то острая и ненавистная мысль держалась въ ней, какъ бы прилѣпилась къ мозгу, и не покидала ее ни на мигъ, хотя она не имѣла ни времени, ни даже желанія внимательно продумать ее. Что-то болѣло у нея, что-то мучило, что-то надоѣдливо требовало, а Ита не сдавалась и откладывала минуту сведенія счетовъ съ собой со дня на день. Какъ-то мимоходомъ она узнала, что Этель служить въ этомъ же домѣ, въ первомъ этажѣ, у ходатая по дѣламъ, но, погруженная въ свою новую жизнь, она не толкнулась даже подробно потолковать съ ней и тоже говорила себѣ, что все это будетъ потомъ, позже какъ-нибудь, когда все уладится. Настоящая работа, тревожная и изнурительная, начиналась у нея съ ночи, когда она оставалась съ ребенкомъ съ глаза на глазъ. Ита хотя и привыкла со своимъ ребенкомъ къ ночному бдѣнью, къ прерыванію лучшихъ минутъ сна, къ необходимости пѣть, ходить, увачивать, когда ни одинъ мускулъ не хотѣлъ подчиняться, но *то* острое и ненавистное, что не покидало ее, вмѣшивалось всюду и не давало забыться въ работѣ. Каждый шагъ былъ какъ бы хожденіе по ножамъ, ибо вспоминалось, что это для чужого, и каждый ея звукъ, улыбка, искренній поцѣлуй, нѣжное объятіе—казались рядомъ измѣнѣ своему собственному, который, навѣрное, гдѣ-то въ эту минуту страдалъ. Мученіе же заключалось не въ ясномъ сознаніи, что она отдаетъ всѣ свои силы, ласку, любовь чужому, а въ этомъ неопредѣленномъ и ненавистномъ, которое ныло въ душѣ тянущей тяжелой болью, какъ ноетъ зубъ,—не сильно, но надоѣдливо и непрестанно. И отсюда уже установились ея новыя отношенія къ Михелю, начавшіяся съ перваго дня ея службы. Онъ уже два раза приходилъ къ ней, но она никоимъ образомъ не могла убѣдить себя свидѣться съ нимъ, хотя знала, что сердить его и можетъ до-

вести до крайности. Но не могла она поступить иначе, даже зная и боясь его. Чувство острой и неопредѣленной ненависти, стоявшее въ ней, ярко разгоралось и обрушивалось вмѣстѣ съ негодованіемъ противъ него, когда онъ являлся и чрезъ посредство мальчика-лавочника давалъ знать о своемъ существованіи.

Ее не обманывали тѣ трогательныя слова, которыя, являясь въ чистомъ оголенномъ видѣ въ устахъ его посланника, только раскрывали предъ ней алчность Михеля. Она знала, что приводить его не любовь къ ней, не любовь къ ихъ ребенку, а нужда въ ея грошахъ, въ эгихъ тяжелыхъ грошахъ, святость которыхъ онъ также не пожалѣетъ, какъ не пожалѣлъ ни ее, ни ребенка, и уйдутъ они въ тѣ же трущобы, на развлеченія, бывшія для него дороже жизни. Она отказала ему въ свиданіи и въ другой разъ, хотя Михель передалъ чрезъ мальчика, что ворвется въ домъ и исколотитъ ее до смерти...

Но уже шла вторая недѣля ея службы. Душевная боль, происходившая отъ сознанія, что и силы, и здоровье, и любовь отданы ею чужому ребенку, не совершенно, но все-таки утихала подъ вліяніемъ будничной жизни, безпрестанно требовавшей вниманія.

Тѣ странныя и возвышавшія ее чувства, когда, покоренная высшей любовью и состраданіемъ, она пожалѣла чужого ребенка, тянувшася къ ней съ такой довѣрчивостью и трогательной привязанностью, точно она была ему матерью, — тѣ чувства тоже уже прошли, и долгій гнетъ своей родной боли понемногу начиналъ одолѣвать ее. Сидя подлѣ ребенка, она находила нѣкоторое облегченіе въ слезахъ, которыя нужно было проливать такъ, чтобы никто не замѣтилъ, и тихо выплакивала свое горе предъ единственнымъ свидѣтелемъ-ребенкомъ, бывшимъ, по ея мнѣнію, главнымъ виновникомъ ея несчастія. Но она, даже желая, не могла уже обвинять и проклипать его, такъ какъ нѣчто болѣе сильное въ ней вытравливало ея ненависть къ нему. И это болѣе сильное были тѣ несовершенныя еще чувства любви къ нему, которыя, помимо ея воли, зарождались въ ней и складывали и связывали интересы ея, чужой женщины, и ребенка, котораго она не родила.

Отъ этого полусознанія приходила новая боль, отъ которой она точно отмахивалась внутренно. Не злая отъ природы, скорѣе съ сердцемъ, готовымъ посочувствовать и руками, готовыми помочь она ревновала себя каждый разъ, когда позволяла сдѣлать что-нибудь лишнее, но искреннее, по отношенію къ этому чужому. Вездѣ и во всемъ ее преслѣдовалъ собственный мальчикъ и первенствовалъ въ ея мысляхъ, какъ невинная жертва, которую погубили ради счастья и довольства маленькаго барчонка, одарен-

наго всѣми благами жизни. Ея разсудокъ протестовалъ противъ чужого, но сердце становилось на его сторону, и отъ этой раздвоенности рождался страхъ одиночества, страхъ оставаться съ глазу на глазъ со всей давящей тяжестью. Постепенно она начинала жаждала сочувствія, желать души, въ которую можно было бы перелить переполнившія ея горечь и страданія. Теперь она уже не особенно возмущалась Михелемъ, и все то дурное, что казалось ей безчеловѣчнымъ въ первые дни службы, оправдывалось легко и безъ усилія, и слова и мысли прощенья приходили такъ быстро, будто вся голова ея была полна ими, и ничего другого въ ней никогда не жило. По ночамъ, урвавъ минуту, она думала только о немъ, и ей казалось, что все счастье, о которомъ она мечтала, сразу явится, когда она только положить свою голову ему на грудь и хорошо выплечется. Днемъ она не пропускала ни одной минуты изъ часа, чтобы не подумать о немъ, не отдаться сладкой надеждѣ, что онъ сейчасъ придетъ, что, если не она даже, то ея деньги, какъ магнитъ, притянутъ его, какъ далеко бы онъ ни былъ отъ нея. И такъ она подвинутила себя, что когда онъ, наконецъ, появился (это было за два дня до того, какъ должны были ей принести ея собственнаго мальчижа), она, какъ помѣшанная, едва устроивъ свою отлучку, полетѣла къ нему. Дворъ былъ занесенъ снѣгомъ, и даже въ подвѣздѣ, гдѣ ждалъ Михель, лежали сухія, какъ песокъ, кучи его. Ита издала узнала Михеля, по его привычкѣ стоять, засунувъ руки въ карманы. Она быстро пошла къ нему, борясь съ холоднымъ сквознымъ вѣтромъ, бушевавшимъ здѣсь. Уже темнѣло, и на улицѣ не видно было прохожихъ. Гайне подошла къ нему съ переполненнымъ сердцемъ, не зная отъ волненія что сказать, а онъ продолжалъ молча стоять, разставивъ ноги и спрятавъ руки.

— Присядемъ, — шепнула она, устраиваясь на дворницкой скамьѣ.

Онъ сѣлъ рядомъ съ ней, и, по тому, какъ онъ сѣлъ, она поняла, что онъ страшно золъ на нее. Но она чувствовала въ себѣ таковой запасъ хорошихъ чувствъ, что нисколько не обезпокоилась.

— Почему ты не выходила? — спросилъ онъ сурово. — Если ты вкусно и много жрешь тамъ, то вѣдь я не сытъ отъ того. Такъ долго продолжаться не будетъ — знай это.

Ита на мигъ подумала, какъ она, въ самомъ дѣлѣ, хорошо ѣсть, и, несмотря на то, что отъ его рѣзкаго тона вдругъ остыла въ нему, искренно пожалѣла его.

— Я этого не думаю, — возразила она, — и вѣрь мнѣ, Михель, что каждый кусокъ я обливаю слезами. Не потому только, —

поспѣшила она прибавить, — что ты не ѣшь, какъ я, — нѣтъ, я какъ-то разомъ оглядываю всю нашу жизнь и вижу, какъ оно северно и ужасно у насъ вышло.

— Это слишкомъ длинно и интересуетъ меня, какъ снѣтъ. Можешь ѣсть даже столько, чтобъ задохнуться, лишь бы я что-нибудь выигралъ отъ этого. Если хочешь сладко жить, надо дѣлиться.

Ита все больше охладѣвала въ нему и не понимала, какъ она могла забыть характеръ Михеля, какъ она могла свучать и жалѣть его. Вся ея радость, только что бушевавшая въ ней, стихла, и осталась пріятная мысль, что сейчасъ она не уйдетъ съ нимъ, а вернется наверхъ человѣкомъ хотя и подневольнымъ, но человѣкомъ, который имѣетъ собственную жизнь.

— Былъ ли ты у ребенка? — попробовала она перемѣнить разговоръ.

— Мнѣ незачѣмъ въ нему ходить. Если же пойду, то помни, что это не будетъ съ доброй цѣлью. Я не забываю, что онъ изъ моего рта крадетъ восемь рублей.

— Развѣ не отъ тебя я стала беременна! — съ горечью и раздраженіемъ вырвалось у Иты. — Не ты этого хотѣлъ? Чѣмъ же ребенокъ виноватъ? Подумай только, какъ онъ несчастенъ. Развѣ тамъ его могутъ пожалѣть? Развѣ та женщина пролила надъ нимъ хоть капельку крови? Вспомни, какъ онъ уже привыкъ было въ тебѣ и во мнѣ, какъ любилъ насъ. Можешь ли ты желать мотать его деньги!

— Хорошо, хорошо, но все-таки можно было найти для него женщину и за пять рублей. Но ты такая безтолковая, что тебѣ ничего нельзя довѣрить. Какъ могла ты согласиться стать за 12 рублей? Какъ ты рѣшилась платить 8 рублей за ребенка? Что ты обо мнѣ тогда думала?

— Но я вѣдь тебѣ отдала все, что было въ комнатѣ, — ты прямо, Михель, безъ совѣсти.

— Еще бы не отдала, — я давно бы уже запряталъ ножъ въ твою боку! — сердито отвѣтилъ онъ. — И еще скажу тебѣ, перестань меня раздражать. Дай мнѣ денегъ.

— Богъ съ тобой, Михель, ты съ ума сошелъ. Откуда же у меня деньги? Я вѣдь не ворую и фальшивыхъ не дѣлаю. Я отдала все, что имѣла.

— Много ты дала. Хотя бы не говорила. Два рубля, тоже деньги.

— Конечно деньги, самыя дорогія, какія только могутъ быть. Ты забываешь, какъ они мнѣ достались. Эти деньги и въ водѣ не потонутъ, а ты ихъ выбросилъ на карты.

— Это не мое дѣло — не хочу знать твоихъ дѣлъ, — мнѣ

нужны деньги. За 12 рублей служить тебѣ не позволю. Можешь у меня умирать, чѣмъ получать такіа гроши. Если же не потребуешь прибавки, распрощайся со сладкимъ житьемъ. А къ завтрашнему дню, чтобы было приготовлено три рубля.

— Миѣ негдѣ взять,—произнесла вдругъ Ита тихимъ голосомъ, чувствуя, что отъ страха у нея холодъ пробѣгаетъ по спинѣ,—я за мѣсяцъ взяла уже и расплатилась.

Она внезапно свалилась со скамьи отъ удара въ бокъ, и шаль слетѣла съ нея, когда она сдѣлала усиліе встать.

— Перестань,—шепотомъ вскрикнула она, схвативъ его за руки,—ты вѣдь не дома! Могутъ увидѣть. Зачѣмъ ты мучишь меня? Развѣ я хочу отказать тебѣ? Я бы даже душу мою отдала, лишь бы разстаться съ тобой, разбойникъ.

— Еще получишь, если будешь разговаривать. Завтра я приду за деньгами.

Ита уже стояла, готовая убѣжать при первомъ его движеніи.

— Приду,—продолжалъ онъ.—Можешь украсть, если негдѣ взять, и это будетъ лучше всего. А не достанешь, то такъ поволочу тебя, что мѣсяцъ лежать будешь. Гдѣ живетъ мальчикъ?

— Вотъ этого, Михель, я не скажу тебѣ,—я-то все вытерплю, но ребенка тебѣ не дамъ.—Она запнулась.—Я думаю, что если ты зайдешь дня черезъ 2—3, я, можетъ быть, достану деньги. Или возьму впередъ, или займу у Гитель.

— Нѣтъ завтра.

— Вотъ ты опять заупрямился, Михель. Ты такой странный человѣкъ. Вѣроятно, знаю же я, что на завтра не достану, развѣ миѣ не все равно, разъ я даю тебѣ? Приходи, Михель, черезъ три дня.

— Ну, хорошо,—смягчился онъ,—это совсѣмъ другіе разговоры. Ты всегда должна разсердить меня. Я вѣдь вспыльчивъ и загораюсь, какъ порохъ. Крѣпко тебѣ бокъ болитъ? Нѣтъ ли у тебя хоть двадцати копѣекъ, я еще съ утра не ѣлъ.

Она знала, что онъ лжетъ, и теперь особенно противны казались его заботы о ней.

— У меня есть 10 копѣекъ,—сдерживаясь, сказала она,—и я тебѣ могу ихъ дать. Вотъ возьми.—И сейчасъ же смягчилась и прибавила.—Если бы ты хотѣлъ быть человѣкомъ, Михель, то у насъ еще была бы жизнь. Только бы ты началъ работать...

— Не говори глупостей! — грубо оборвалъ онъ ее, — ненавижу я твою работу. Это дѣло дураковъ; умный же безъ работы живетъ припѣваючи. Прощай—черезъ три дня приду. Увидишь ребенка, поцѣлуй его.

При словѣ ребенокъ, она не выдержала и заплакала. Такъ близко какъ будто лежало ея счастье, и какъ невозможно было

его имѣть. Тотъ же Михель, но только съ другимъ характеромъ, — и все могло бы перемѣниться. И какъ будто былъ человѣкъ подлѣ нея, и не было его. Она плакала, отвернувшись отъ Михеля, чтобы не дать ему посмѣяться ея слезамъ, но сердце ея еще больше окаменѣвало. Не было и признака того разрѣшенія накопившейся боли, о которомъ она такъ мечтала, въ ожиданіи мужа.

Они разстались безъ словъ послѣ этого перваго сквернаго свиданія, а Ита, поднявшись къ себѣ, забыла обо всемъ, что ее волновало, долго ходила по комнатѣ и обдумывала, у кого ей призанять денегъ.

— Попробую, — проговорила она, ложась, — у Этель; если не у нея, можетъ быть Гитель займетъ или лавочница. Что за наказаніе съ нимъ, Боже мой!

На слѣдующій день, удучивъ первую свободную минутку, Ита спустилась внизъ къ Этель. Она нарочно торопилась раннимъ утромъ покончить съ этимъ дѣломъ, такъ какъ сегодня былъ день постирушки, а завтра она хотѣла на свободѣ подождать Эстеръ, которая должна была принести ей мальчика. Она забѣжала въ кухню и нашла Этель, пившую чай. Этель сидѣла, разставивъ ноги, и животъ ея сильно выдавался изъ-подъ юбки. Ита, видѣвшая ее мелькомъ раза три, все удивлялась, какъ Этель еще не отправили, когда такъ ясно бросалась въ глаза ея беременность.

— Они уже знаютъ, — тоже мелькомъ сказала ей однажды Этель. — Это совсѣмъ не мѣшаетъ имъ. Чѣмъ у беременной молоко хуже? Вѣдь теряю только я отъ того, что кормлю двоихъ, — а кому есть дѣло до моего здоровья? Лишь бы ихъ ребенку не вредило.

Теперь Этель уже не скрывалась и свободно и развязно рассказывала всѣмъ и каждому о томъ, какая это пріятная вещь кормить, будучи беременной, и такъ сталъ хорошъ ея аппетитъ и пищевареніе, что если бы она даже дерево съѣла, то оно превратилось бы въ кровь и молоко.

— Что вы такъ рано? — спросила она у Иты, будто съ ней ежедневно встрѣчалась, и прибавила: — какъ вамъ нравится мой сапожникъ?

— А что? — освѣдомилась Ита, вдругъ забывъ, кто былъ этотъ сапожникъ.

— Вѣдь онъ меня уже домой требуетъ, чтобы его черти унесли. Увѣряю васъ, въ жизни моей я еще такого грубияна не встрѣчала. Видите ли, онъ скучаетъ безъ меня, чтобы онъ подавился, подлѣ бока я ему нужна, нищему чорту!

Она расхохоталась, ужасно довольная этой глупой шуткой, которую придумалъ такой грубый человѣкъ. Ита невольно позабывала ей, изъ вѣжливости поддержала ее смѣхомъ, но сейчасъ же прибавила озабоченно.

— Я хотѣла васъ попросить о чемъ-то, Этель, не знаю только, сможете ли вы исполнить.

— Что такое?—подозрительно и со скупостью въ голосѣ переспросила Этель.—Просьба? Что же это за просьба?

Она налила себѣ чай и разбавила молокомъ.

— Вчера я видѣла своего мужа...—сконфуженно начала Ита.

— Я вамъ не завидую,—перебила Этель.

— И имѣла глупость обѣщать ему три рубля, а мѣсяць мой только черезъ полторы недѣли. Можетъ быть, вы бы мнѣ признали, если у васъ есть свободные?—окончила Ита, внезапно понявъ, что напрасно просить.

— Три рубля,—съ искреннимъ удивленіемъ отозвалась Этель,—вы не шутите? Когда я видѣла у себя три рубля? Вы просто ребенокъ. Какъ это вамъ въ голову пришло? Если бы у меня было три рубля, я съ вами даже не пожелала бы разговаривать, такъ высоко я бы стала въ своихъ глазахъ.

— Да, да, я знаю, у васъ дѣти,—разстроено поддержала ее Ита,—но черезъ недѣлю я бы все-таки вамъ вернула деньги.

— Не притворяйтесь глупенькой,—серьезно остановила ее Этель,—вѣдь я начну смотрѣть на васъ, какъ на помѣшанную, ей-Богу. Всего я получала девять рублей, а когда хозяйка моя узнала, что я беременна, то такъ этому обрадовались, что сняли рубль съ моего жалованья. Какія же у меня деньги? Пожалуй, если вамъ хочется, чтобы я посмѣялась, то ради васъ сейчасъ же начну. Перестаньте же.

— Я думала... можетъ быть...—сконфузилась Ита.—Что подѣлываетъ вашъ ребенокъ?

— А вашъ? Своего должна была-таки отдать на выкормъ. Мой дуракъ чуть не помѣшался отъ него.

— Своего я еще не видѣла,—завтра увижу. Довольны ли вы своей кормилицей?

— Еще бы, толстѣю отъ этого удовольствія. Вѣдь она, увѣряю васъ, совсѣмъ грабитъ меня. Гдѣ имѣю тряпочку, кусокъ сахара, немножко дровъ или угля, все теперь идетъ въ ней. Теперь она, какъ жена моя. Она, видите ли, кормитъ моего ребенка, ребенка богатой принцессы. Я лопну отъ нея, увѣряю васъ, когда-нибудь лопну. Скажите, пожалуйста. А я не кормлю развѣ? У меня тутъ всѣ жилы дрожать, чтобы мнѣ не отказали, а она изъ-за ничтожнаго кусочка сахара готова бросить моего ребенка. Я говорю ребенка,—но нужно вамъ посмотрѣть на него! Не думаю, чтобы онъ до весны дотянулъ. И откуда эти прыщи у него берутся? У меня нѣтъ прыщей, у дурака моего ихъ нѣтъ, ни у кого изъ нашей семьи не было, а у мальчика моего здороваго мѣста нѣтъ. Даже не знаю, что дѣлать.

— А я еще своего не видѣла; какъ мой-то смотреть? Слава Богу, завтра, наконецъ, увижу его. Скорѣй бы прошелъ этотъ день. Однако, я у васъ засидѣлась, а мальчикъ, навѣрное, проснулся.

Она ушла съ тяжелымъ сердцемъ, едва рассчитывая уже на Гитель. Откуда у той возьмутся деньги? Тоже, вѣроятно, уплатила кормилицѣ и нуждается въ копѣйкѣ. Она пришла наверхъ и занялась ребенкомъ, придумывая предлоги приступить къ барынѣ. Но такъ и не посмѣла и весь день простояла за лоханкой, думая непрерывно о томъ же, какъ бы хорошо устроилось, чтобы у нея вдругъ очутились деньги.

На слѣдующій день вопросъ о деньгахъ былъ вытолкутъ приходомъ ея кормилицы, Эстеръ. Еще когда та стояла за дверьми кухни и счищала снѣгъ съ башмаковъ, Ита съ волненіемъ узнала голосъ своего мальчика, который плакалъ съ знакомой ей ноткой нетерпѣнія. Она быстро раскрыла дверь, подбѣжала къ нему, вскользь взглянула, но не посмѣла взять его на руки, слышавъ шаги своей барыни, зашедшей въ кухню. Также галопируя и не говоря ни слова, она повернула назадъ, побѣжала въ свою комнату, схватила на руки проснувагося мальчика и поскакала въ кухню, давъ ребенку на ходу грудь. Барыня теперь стояла возлѣ Эстеръ и съ любопытствомъ разглядывала мальчика Иты. Ита оставалась сзади барыни, стыдась и не рѣшалась подойти къ своему ребенку. Она жадно оглядывала его лицо, его одежду, и совсѣмъ не интересовалась тѣмъ, который лежалъ у ея груди, хотя ему было неудобно оставаться со свѣсившимися внизъ ногами и перехваченнымъ снизу одной ея рукой.

— Какъ ты ребенка держишь! — разсердилась барыня, замѣтивъ небрежность Иты, — такъ не трудно его и сломать.

Ита спохватилась, повраснѣла и, поправивъ мальчика, съ неестественнымъ жаромъ расцѣловала его, что смягчило барыню.

— Только, пожалуйста, не давай своему груди, — произнесла она выходя, — и не притрогивайся къ нему близко. Ты еще можешь моего заразить. Посмотри, какія у него пятна на лицѣ.

Она знакомъ приказала кухаркѣ присматривать за Итой и вышла, бросивъ еще взглядъ на чужого мальчика.

Ита стояла въ оцѣпенѣніи отъ счастья и не могла двинуться съ мѣста. Всѣ члены ея окаменѣли, и она только любопытнымъ, любящимъ взглядомъ осматривала ребенка. Постепенно наплывъ радости сталъ покидать ее, и она начала разбираться въ деталяхъ. Все держа на рукахъ чужого мальчика, она подошла къ своему и молча прикоснулась къ его щецѣ долгимъ поцѣлуемъ. Слеза капнула на его голову и тихо покатилась между волосами.

— Вы его сегодня не купали, Эстеръ, — тихо произнесла она,

быстро сравнивь между собой обоихъ дѣтей.—Что это онъ такъ похудѣлъ?

Она все болѣе различала перемѣну въ немъ и боялась признаться, что онъ страшно похудѣлъ, въ то время, какъ почти на ея глазахъ, тотъ, котораго она теперь кормила, наливался и становился полнымъ и гладкимъ, какъ шолкъ.

— Нѣтъ, не купала,—отвѣтила Эстеръ своимъ густымъ и неприятнымъ голосомъ, который теперь поразилъ Иту,—развѣ можно купать ребенка, когда съ нимъ нужно выйти?

— Все-таки можно было ему обмыть лицо,—уступчиво замѣтила Ита, боясь ее рассердить.

— Развѣ я не умыла? У меня никогда ребенокъ не бываетъ грязнымъ. Я его сто разъ на день мою.

Ита ясно видѣла, что Эстеръ жметъ, но промолчала, думая только о томъ, чтобы расположить ее къ себѣ. Она предложила ей выпить чаю и попросила кухарку вскипятить воду. Та согласилась, обрадовавшись развлеченію, а Ита, передавъ Эстеръ хозяйскаго мальчика, взяла своего, наскоро распеленала его и, стараясь не возбудить въ своей кормилицѣ подозрѣній, зорко осматривала каждое мѣстечко на его тѣлѣ. Мальчикъ сильно подался за эти двѣ недѣли. Свѣтлая и лоснившаяся прежде кожа, такая пухлая и упругая, уже начинала отвисать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. На рукахъ и ногахъ видѣлись ссадины, и особенно замѣтно это было на колѣняхъ. Слѣды отъ укусовъ блохъ покрывали все тѣло, а грудная доска вверху, подлѣ шеи, уже округлялась, какъ бы разбухая отъ какой-то неизвѣстной работы въ востяхъ. Ита притихла. Досаду и отчаяніе при видѣ разрушенія этого маленькаго выхоленнаго тѣла теперь смѣнило какое то другое неприятное чувство, въ которомъ ей страшно было признаться себѣ. Страдая за ребенка, она еще болѣе страстно тосковала по томъ прекрасномъ, чистомъ и здоровомъ мальчикѣ, котораго она уже теперь больше не увидитъ. Развѣ этотъ заморышъ былъ ея ребенкомъ? Грязный, весь въ пятнахъ, похудѣвшій, съ тѣмъ старческимъ выраженіемъ на лицѣ, которое она находила у всѣхъ выкормковъ,—онъ, какъ Ита ни насиловала себя,—не возбуждалъ въ ней ничего, кромѣ скорби и отчаянія.

— Онъ страшно искусанъ,—осторожно рѣшилась она произнести,—почему вы допустили?

Кухарка уже дала Эстеръ чаю и, наливъ въ стаканъ и себѣ, присѣла на табуретъ и съ наслажденіемъ слушала.

— Не знаю, почему онъ искусанъ,—отвѣтила Эстеръ, пожавъ плечами.—Въ комнатѣ у меня чисто, какъ въ замѣ. Этимъ я уже славлюсь. Но сама не понимаю, откуда у него эти пятна? Вашъ мужъ ничѣмъ не болѣлъ?

— Нѣтъ, не болѣлъ. Положите, пожалуйста, ребенка и вытяните его, я посмотрю какой больше, — мой или хозяйскій. — Вѣдь они ровесники.

Эстеръ опять вздернула плечами — это было у нея привычкою — а Ита, несмотря на предостереженія кухарки, все-таки сравнила дѣтей и, найдя, что ея — крупнѣе, вдругъ примирилась съ нимъ, и всѣ детали — худоба, пятна, грязь исчезли, какъ по волшебству, а осталось одно дорогое сходство, по которому она такъ томилась. Оживившись, она передала кухаркѣ хозяйскаго ребенка, попросила ее поддержать и, обратившись къ Эстеръ, промолвила:

— Посмотримъ откажется ли онъ отъ этого?

Она присѣла на табуретъ и, дрожа отъ волненія, растегнулась. Эстеръ передала ей мальчика. Ита вздрогнула отъ радостнаго чувства и, полузакрывъ глаза отъ блаженства, сунула ребенку грудь и прижала его къ себѣ, боясь, чтобы онъ не отвернулъ головы.

— Вы видите, — тихо шепнула она, глупо улыбаясь, — онъ узналъ меня, дорогой мой, узналъ свою мать. Кушай, милый, по кормись у своей матери.

Женщины степенно разговорились, сообщая все нужное, чтобы стать интересной другъ для друга, а Ита, не вмѣшиваясь въ ихъ разговоръ, не обращая вниманія на то, что кругомъ нея дѣлалось, отдалась на мигъ вернувшемуся счастью. Она смотрѣла и наслаждалась каждой знакомой гримаской ребенка и нарочно оттягивала грудь, чтобы онъ причмокивалъ, и чтобы было похоже, будто онъ цѣлуетъ ее, такъ ей хотѣлось видѣть выраженіе его чувствъ къ ней, такъ ей хотѣлось понять по нему, что ему хорошо именно съ ней, а не съ той равнодушной женщиной, которая чужда ему и не жалѣетъ его. Ребенокъ жадно ѣлъ, вперивъ въ нее свои глаза, и слѣдилъ за движеніями головы Иты, которая наклоняла ее то вправо, то влѣво, чтобы лучше его разглядѣть. Время тихо шло, и Итѣ, у которой уже стояли слезы въ глазахъ отъ напряженнаго глядѣнья, начало казаться, что отъ ея молока у ребенка опять наливаются щечки, и что онъ становится снова гладкимъ, теплымъ и чистымъ, какимъ былъ тогда, когда еще возбуждалъ удивленіе у всѣхъ. Она перемѣнила грудь и съ радостнымъ чувствомъ, забывъ все тяжелое и сверное, затаявъ дыханіе, чтобы не помѣшать ему, слѣдила какъ постепенно образовывался сѣрый налетъ на его глазахъ, какъ постепенно смыкались его вѣки и машинально на мигъ раскрывались, съ цѣлью бросить прощальный взглядъ на нее. Когда онъ уснулъ, она осторожно уложила его и взяла на руки хозяйскаго ребенка. Женщины все разговаривали и какъ бы не могли оторваться отъ наслажденія узнать другъ у друга всѣ новости. Ита

отправилась въ свою комнату, достала заготовленный узелокъ и, стараясь выражать на лицѣ своемъ равнодушіе, когда проходила мимо барыни, вернулась въ кухню. При видѣ Иты съ узелкомъ въ рукахъ, Эстеръ немедленно встала и, сдѣлавъ озабоченное лицо, начала собираться. Ита попыталась удержать ее, но та не согласилась, говоря, что дома ждутъ ее дѣти и мужъ, которому нужно приготовить обѣдъ. Отказываясь, она одѣвала ребенка, связывая его туго-на-туго, и смотрѣла на Иту выразительнымъ взглядомъ. Поймавъ ея успокоительный знакъ, она какъ-то особенно молодцовато и весело закончила приготовленія и собиралась выйти. Ита крѣпко расцѣловала ребенка, прежде чѣмъ онъ исчезъ подъ шалью Эстеръ, и, передавъ хозяйскаго ребенка кухаркѣ, которую просила крикнуть, если слышитъ шаги барыни, пошла проводить кормилицу. Въ подбѣздѣ она передала Эстеръ узелокъ, въ которомъ было всего достаточно, между прочимъ даже и платице для ребенка, и долго и нѣжно умоляла ее, чтобы та сберегла ей мальчуга.

— Я, Эстеръ,—произнесла она въ волненіи,—имѣю одну только радость въ жизни. И какъ, Эстеръ, эта радость мала для васъ, такъ она велика для меня. И она, эта радость, въ вашихъ рукахъ. Вы, Эстеръ, теперь все мое, другъ мой, избавитель... Умоляю васъ, поберегите моего ребенка. Будьте вы его матерью, если я не удостоилась этого. Думайте что онъ вашъ, а я всѣми силами помогу вамъ любить его.

— Вы ребенокъ,—успокоила ее Эстеръ,—я вѣдь этимъ живу. Мой интересъ, чтобы ребенку жилось хорошо.

— Да это такъ, милая Эстеръ, но у меня,—прибавила она робко,—онъ былъ такой полненькій, чистенькій. Я понимаю, послѣшно добавила она,—что вамъ, конечно, труднѣе усмотрѣть за нимъ, чѣмъ мнѣ, но все таки я умоляю васъ, я только умоляю, Эстеръ... И у васъ, Эстеръ, дѣти есть, и у васъ сердце матери. Подождите, у меня, вахетса, завалилось пять копѣекъ, возьмите ихъ. Это не будетъ въ счетъ, Эстеръ.

— Конечно,—согласилась Эстеръ уступчиво,—трудно, чтобы мальчику было такъ же хорошо, какъ у васъ. Одинъ взглядъ матери въ десять разъ больше значить, чѣмъ вся моя работа. Но, увѣряю васъ, что я дѣлаю все, что могу.

— Вотъ, вотъ, больше мнѣ и не нужно. Когда вы придете?

— Недѣли черезъ двѣ, если погода будетъ хорошая,—на вѣрно погода будетъ хорошая.

Опять Ита стала цѣловать ребенка, но раздавшійся сигналъ заставилъ ее поторопиться. Она оборвала поцѣлуй и убѣжала крича:

— Смотрите же, Эстеръ, смотрите, я васъ умоляю.

Вернувшись въ кухню, она взяла ребенка и пошла съ нимъ въ свою комнату. Теперь ей было еще горше, чѣмъ прежде, когда мальчика не приносили, и въ первые часы послѣ ухода Эстеръ крѣпко хотѣлось опять очутиться на квартирѣ со своимъ мальчикомъ, который унесъ съ собою частичку ея сердца. И даже Михель не казался страшнымъ, и даже требованіе пойти на улицу меньше пугало, — такъ сильна была тоска по прежнему. И долго ныла и болѣла ея душа, и все мрачнѣе становились мысли, и невыносимо трудно было въ этотъ день играть роль матери передъ чужимъ ребенкомъ, который властно требовалъ своего, — пищи, заботы и любви. О Михелѣ она совсѣмъ забыла и ничего не предпринимала для его удовлетворенія. До него ли ей было? И только вторичный приходъ его, страшный скандалъ, который онъ устроилъ, и полученные побои вернули ее и вывели еще разъ изъ глубины материнскихъ чувствъ и повергли опять въ пучину заботъ, тягостнаго страха и привычныхъ мученій. Вновь поднялась палка, засвистѣла на ея плечахъ и погнала дальше по этой длинной безцѣльной дорогѣ, именуемой жизнью.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Семень Юшкевичъ.

* * *

Солнце нижетъ листья изумрудные
 Золотыми нитями лучей,
 По землѣ, какъ будго жилы рудныя,
 Расползлись извилины корней.

Руку дай, дитя, тропюю хвойною
 Забредемъ далеко мы, туда,
 Гдѣ насъ жизнь загадкой безповойною
 Не найдетъ, не встрѣтитъ никогда,

Гдѣ мгновенья стынуть, не мѣняются,
 Гдѣ не вянуть тихіе цвѣты,
 Гдѣ въ прозрачномъ небѣ поднимаются
 Стройныхъ елей тонкіе кресты.

Тамъ, забывъ стремиться въ даль неясную,
 Къ тишинѣ душою ты прильнешь
 И молитву первую, безгласную
 Ты съ моею молитвою сольешь.

Allegro.

НАЦИОНАЛИЗМЪ И ГУМАНИТАРИЗМЪ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ.

(Очеркъ изъ исторіи французской культуры).

I.

Истекшее столѣтіе остается въ гѣтописяхъ извѣстнымъ, какъ эпоха борьбы національностей. Средневѣковый міръ зналъ войны религиозныя, династическія, колоніальныя. Но только XIX столѣтію было суждено познакомиться съ національными войнами. Народы Старого и Нового міра, одинъ за другимъ, поднимались, движимые тѣмъ же идеаломъ—возстановить свое національное единство въ опредѣленныхъ историческихъ или этнографическихъ границахъ. Объединеніе Италіи и Германіи, освобожденіе Бельгіи и Балканскихъ государствъ, отдѣленіе отъ Испаніи Южно-Американскихъ республикъ въ началѣ столѣтія и острова Кубы—въ концѣ,—всѣ эти историческія событія были слѣдствіемъ всемірнаго національнаго движенія. Оно продолжается и въ наши дни въ Ирландіи, Богеміи и Венгріи, въ турецкихъ провинціяхъ, на Филиппинскомъ архипелагѣ и въ Южной Африкѣ и будетъ продолжаться еще неизвѣстно сколько времени. Въ связи съ этимъ движеніемъ появился и такъ называемый *націонализмъ*.

Націонализмъ—ничто иное, какъ превратившаяся въ глубокое фанатическое чувство національная идея. Послѣдняя осталась бы безплодной абстракціей, если бы она не плѣняла воображенія и сердца, если бы она не вызывала энтузіазмъ, отвагу и исключительную привязанность къ родинѣ. А это постигается воскрешеніемъ старины, разсказами о прошлой славѣ, о подвигахъ народныхъ героевъ, восхваленіемъ достоинствъ и добродѣтелей націи и умалчиваніемъ о ея недостаткахъ. Таковъ націонализмъ поработенныхъ народовъ; онъ по преимуществу имѣетъ характеръ обороны отъ политическаго и культурнаго гнета господствующаго народа. Но точно также какъ въ военномъ сраженіи оборонительныя дѣйствія часто переходятъ въ атаку, оборонительный націонализмъ изъ восхваленія своего народа переходитъ въ поношеніе противниковъ. Этимъ духомъ еще больше пропитанъ націонализмъ побѣдителей.

Одновременно съ націонализмомъ и въ противовѣсъ ему, появилось другое теченіе, которое мы называемъ общимъ именемъ *гуманитаризма*. Хотя эти два теченія, какъ увидимъ, могутъ имѣть одинъ и тотъ же историческій источникъ—цѣли ихъ прямо противоположны. Тогда какъ націонализмъ стремится обособить націю, кристаллизировать ее, если можно такъ выразиться, гуманитаризмъ стремится къ укрѣпленію и къ расширенію политическихъ и культурныхъ связей народовъ до ихъ окончательнаго сліянія въ одну человѣческую семью. И оба эти теченія съ особенной полнотой выразились въ исторіи Франціи. Эпохой ихъ сильнаго развитія нужно считать французскую революцію, понимая подъ этимъ весь періодъ отъ созыва генеральныхъ штатовъ до паденія Наполеона.

Въ болѣе умѣренныхъ формахъ гуманитаризмъ и націонализмъ существовали и раньше, но только въ вышеупомянутой эпохѣ они сдѣлались идеаломъ не только отдѣльныхъ группъ избранныхъ людей, но и *всего народа*. Въ слѣдующихъ главахъ мы увидимъ, какъ это произошло, какова была дальнѣйшая судьба этихъ двухъ теченій, и, главнымъ образомъ, въ какомъ соотношеніи онѣ находятся между собою во Франціи нашихъ дней.

II.

Одинъ фактъ, на которомъ всѣ историки сходятся,—это исключительное положеніе, которое занимала Франція среди европейскихъ народовъ. Впродолженіи долгихъ столѣтій, а отчасти еще и теперь, она упражняла надъ всѣми цивилизованными народами то, что Прудонъ называлъ «нравственной диктатурой» *).

Здѣсь не мѣсто пускаться въ причины этого явленія. Ограничимся только указаніемъ на особое выгодное географическое положеніе Франціи, на окраинѣ Европы, отъ которой она отдѣлена такими естественными и хорошими границами, какъ Вогезы, Альпы, Пиренеи. Онѣ не изолировали Франціи отъ остального континента, какъ, напр., море изолировало Англію, но въ то же самое время съ точки зрѣнія обороны представляли большія преимущества. Благодаря этому, Франція осуществила свое политическое единство еще въ XV столѣтіи. Съ другой стороны, послѣ упадка итальянскихъ городовъ, торговля Азіи и сѣверныхъ береговъ Африки съ Англійей и сѣверной Германіей стала совершаться черезъ Францію по рѣкѣ Ронѣ **), что было большимъ толчкомъ для экономическаго развитія страны.

Эти два обстоятельства: политическое единство и экономическое благосостояніе придали французскому государству необходимую для

*) J. P. Proudhon. «Confessions d'une révolutionnaire», ed. de 1868, p. 297.

**) Th. Rojers. «Interpretation économique de l'histoire».

великой исторической роли силу. Такъ или иначе, но когда средняя Европа истощалась отъ междоусобной борьбы многочисленныхъ владѣтелей, Франція уже стояла во главѣ политическаго и духовнаго прогресса. Избытокъ силъ толкалъ ее къ широкой экспансивной политикѣ, театромъ которой являлась не только вся Европа, но и весь міръ. Сознаніе этого факта выразилось въ вѣрѣ, раздѣляемой всѣми французами, что Франція призвана сыграть особую роль. Короли называли французскій народъ «воиномъ Бога», Наполеонъ — «великой націей» *). Эта вѣра сохранилась и послѣ пораженія французовъ въ 1813 и 1815 г. Сень-симонисты проповѣдывали въ началѣ тридцатыхъ годовъ «великую миссію Франціи быть во главѣ цивилизаціи» **). Демократы эпохи второй имперіи называли французскую націю «солдатомъ прѣва» — слова, встрѣчаемыя часто и въ воззваніяхъ современныхъ французскихъ радикаловъ.

Это политическое и духовное первенство Франціи охотно признавалось и иностранцами. Еще въ XVIII столѣтіи голландскій юристъ Гроцій называлъ Францію «самымъ блаженнымъ царствомъ, послѣ царства небеснаго». Демократы всѣхъ странъ прислушивались къ голосу гальскаго пѣтуха, а Гейне называлъ Парижъ «Меккой революціонеровъ». Короли и тѣ не могли не высказывать своего благоговѣнія передъ гонимымъ Франціи. Извѣстно, что когда союзныя войска вступили въ Парижъ въ 1813 году, Александръ I не скупился въ выраженіяхъ своихъ симпатій къ французамъ, въ чемъ, кромѣ политическихъ расчетовъ, которыми онъ могъ руководиться, нельзя не видѣть и проявленія искренняго уваженія къ французской культурѣ, распространившейся по всей просвѣщенной Европѣ.

Въ чемъ должна была проявиться эта признаваемая всѣми особая миссія Франціи?

Каждый французъ, принимавшій сознательное участіе въ политической жизни своей страны, долженъ былъ опредѣлить свои отношенія къ чужимъ народамъ, такъ какъ каждый его поступокъ въ силу особаго положенія Франціи, неизбѣжно отражался въ томъ или иномъ смыслѣ, на всемъ человѣчествѣ. Различныя группы французовъ разнорѣшали этотъ вопросъ. Начнемъ со стараго режима.

Короли и аристократія стремились къ военной славѣ, къ территориальнымъ завоеваніямъ и вообще къ матеріальной добычѣ. Высшаго развитія королевскій милитаризмъ и націонализмъ достигъ при Людовикѣ XIV, написавшемъ подъ солнцемъ своего герба гордыя слова «Nec pluribus impar». Правда, среди аристократовъ находились люди, какъ Лафайетъ, Сень-Симонъ, ѣхавшіе сражаться за освобожденіе Америки. Но ихъ туда влекло не столько увлеченіе свободой, сколько

*) Aulard. «Histoire politique de la Révolution française», P. 1901, p. 691.

***) Ив. Ивановъ. «Сень-Симонъ и сень-симонизмъ». Москва. 1901, стр. 694.

исканіе приключеній. Можно указать еще на другой фактъ, требующій однако оговорки, а именно на проєктъ Генриха IV о европейской федераціи. Говорятъ, что двѣнадцать королей изъ пятнадцати, «exserte celui de la Moscovie», которую Генрихъ выдѣлялъ изъ союза, дали уже свое согласіе, когда кинжалъ Равальяка положилъ конецъ жизни миролюбиваго короля *). Оговорка которую слѣдуетъ сдѣлать къ этому проєкту, та, что въ немъ Франція удѣлялось первое мѣсто, и Европа въ сущности становилась вассальнымъ государствомъ французскаго короля. Кромя того, это была федерація королей, а не народовъ, политическое положеніе которыхъ оставалось попрежнему.

Настоящихъ представителей гуманитарныхъ идей вужно искать среди философовъ. Изъ нихъ слѣдуетъ выдѣлить католическихъ теологовъ, Фенелона и другихъ, ожидавшихъ вѣчный миръ отъ благодати католической религіи, если она распространится на все челоѣчество. Энциклопедисты, наоборотъ, ждали его отъ просвѣщенія и взаимнаго пониманія интересовъ. Они первые начали употреблять слово «челоѣчество», какъ понятіе о коллективности, имѣющее тѣ же интересы по всѣмъ географическимъ широтамъ и долготамъ. Не отрицая королевской власти, которой наоборотъ они хотѣли пользоваться для своихъ цѣлей, философы требовали уничтоженія сословныхъ различій, создающихъ между людьми искусственныя раздѣленія. «Я думаю,—пишетъ Даламберъ Фридриху Великому,—что форма правленія имѣетъ второстепенное значеніе,—достаточно только, чтобы всѣ граждане имѣли одинаковое право на его покровительство, и чтобы они одинаково подчинялись законамъ» **). Другой энциклопедистъ Гельведій раздѣляетъ все челоѣчество на двѣ категоріи—«oppresses» и «opprimés», а Дидро кладетъ въ уста Рамо слѣдующія слова: «Отечество?—суета. Нѣтъ больше отечества. Отъ одного полюса до другого я вижу только тирановъ и рабовъ» ***). Своей поѣздкой въ Россію давать совѣты Екатеринѣ для благоустройства страны Дидро доказалъ, что его дѣйствительно одинаково интересуеть благо всѣхъ народовъ; того же мнѣнія и Руссо, швейцарецъ по рожденію, жившій во Франціи и писавшій политическую конституцію Корсики.

Философы, высказывавшіеся противъ войны и милитаризма,—Дидро, а, главное, Седэвъ, пишутъ драмы, въ которыхъ они восхваляютъ купцовъ и буржуазію, противопоставляя ея мирныя добродѣтели воинственнымъ инстинктамъ аристократіи.

Каково было настроеніе самой массы? Буржуазія была на сторонѣ философовъ, а простой народъ былъ вообще чуждъ гуманитаризма и

*) Pierre Mielie «Patriotisme et internationalisme». «Revue des Revues», 15 Juin, 1900, p. 558.

***) «Edition Preuss., XXIV, p. 49 (Ducrot. «Les Encyclopedistes».

***) «Neveu de Rameau» (Diderot. «Oeuvres», ed. de 1875, t V, p. 423).

націоналізма. Какъ извѣстно, тогдашнее французское войско состояло изъ наемныхъ солдатъ, такъ что народъ чувствовалъ непосредственно гнѣтъ милитаризма только тогда, когда военныя дѣйствія переносились на французскую территорію, или когда огромные налоги уничтожали совсѣмъ его матеріальное благосостояніе. Онъ еще не понималъ причинной связи политическихъ явленій и, главное, не думалъ, что изъ этого положенія можетъ быть выходъ.

Событія, начавшіяся въ 1789 году, кореннымъ образомъ измѣнили мировоззрѣніе народа, сдѣлали его причастнымъ къ внѣшней политикѣ страны, поставивъ его въ такое положеніе, при которомъ пришлось сдѣлать выборъ между націонализмомъ и гуманитаризмомъ.

III.

Первые годы французской революціи отличались сильной экзальтаціей патріотическаго чувства массы. Слово «патріотъ» сдѣлалось любимой кличкой конституціоналистовъ и революціонеровъ. Его употребляютъ въ своихъ воззваніяхъ: учредительное собраніе, парижская коммуна и политическіе клубы. Другое слово, появившееся тоже тогда, было слово «нація».

Однако патріотизмъ дѣятелей этой эпохи не только не приводилъ къ узкому націонализму, но являлся первой ступенью къ болѣе широкому идеалу гуманитаризма. «Патріотизмъ не долженъ имѣть другихъ границъ, кромѣ границъ міра», говорилъ Дантонъ 26-го іюня 1790 г. въ годовщину клятвы третьяго сословія *). Любовь къ націи сливалась съ любовью къ человѣчеству. Это и понятно, такъ какъ, признавая *естественное равенство людей*, національное собраніе этимъ самымъ признавало естественное равенство народовъ.

Понятія «патріотъ» и «нація» имѣли глубокой политической смыслъ. «Нація» являлась обобщающимъ началомъ, противоположаемымъ средне-вѣковому раздѣленію народа на сословія, равно какъ начало «единая и нераздѣльная республика» противопоставлялась «федерализму» — этой новой формѣ стараго раздѣленія Франціи на провинціи. Въ дореволюціонной Франціи положеніе cadaго француза опредѣлялось его принадлежностью къ тому или другому сословію, къ той или другой провинціи. Отсюда и существовавшее тогда политическое неравенство. Франція эпохи революціи стала признавать только права, равныя для всѣхъ французовъ, исходя изъ того, что они всѣ принадлежатъ къ той же націи и живутъ на одной территоріи. Такимъ образомъ, патріотизмъ означалъ не что иное, какъ равенство.

Гуманитарный идеалъ легъ въ основу революціи о внѣшней поли-

*) Какъ извѣстно, 26-го іюня 1789 года депутаты третьяго сословія, собравшіеся въ залѣ Jeu de Paume, дали торжественную клятву не расходиться, пока Франціи не будетъ дана конституція.

тикѣ Франціи, принятой по предложенію Волнея въ 1789 году. Она является настоящимъ кодексомъ международныхъ отношеній, дышавшимъ самымъ благороднымъ идеализмомъ. Кромѣ призванія «солидарности человѣческаго рода, составляющаго одно общество, цѣль котораго—миръ и счастье всѣхъ и cadaго изъ его членовъ», резолюція національнаго собранія объявляетъ неотъемлемымъ правомъ cadaго народа—жить независимо и распоряжаться самому своей судьбой и высказывается, наконецъ, рѣшительно противъ всякихъ завоевательныхъ войнъ. «Национальное собраніе установило и устанавливаетъ, какъ членъ французской конституціи, что нація съ этого момента не позволяетъ себѣ предпринять никакой войны, клонящейся къ увеличенію ея теперешней территоріи». Война допускается только въ случаѣ самозащиты страны. Таковъ былъ гуманитарный идеалъ французской націи. Быть патріотомъ значило быть привязаннымъ къ этому идеалу, быть готовымъ отдать послѣднюю каплю крови для его осуществленія. Такой идеалъ не только не противорѣчилъ прогрессивнымъ интересамъ народовъ, но вполне совпадалъ. Французскій патріотизмъ былъ всечеловѣческимъ, и интересы всего человѣчества были французскими. Передовые люди всѣхъ странъ съ восторгомъ привѣтствовали появленію зари свободы и мира и желали Франціи всякаго успѣха, даже противъ войскъ своихъ королей. Жившіе въ Парижѣ иностранцы устроили наканунѣ вышеупомянутой годовщины клятвы третьяго сословія торжественное празднество, извѣстное подъ именемъ *шестивя народностей*. Во главѣ многочисленныхъ депутатовъ шелъ Анахарсисъ Клоцъ, нѣмецкій философъ и будущій членъ конвента. Обращаясь къ національному собранію, онъ произнесъ слѣдующую коротенькую рѣчь: «Голосъ трубы, возвѣстившей воскресеніе великаго народа, раздался въ четырехъ концахъ міра, и радостныя пѣсни хора изъ двадцати пяти миліоновъ свободныхъ людей разбудили погруженныхъ въ рабство народовъ. Какой урокъ для деспотовъ, какое утѣшеніе для злосчастныхъ народовъ, когда они узнаютъ, что первая нація Европы, собравъ свои знамена, даетъ намъ сигналъ счастья Франціи и всего міра!» *).

Господство гуманитарныхъ принциповъ во внѣшней политикѣ Франціи продолжалось только первые три или четыре года революціи. Послѣ этого послѣдовала націоналистская и милитаристская реакція, крайнимъ выразителемъ которой сталъ Наполеонъ.

IV.

Национальное собраніе было самаго миролюбиваго настроенія. Какъ оно, такъ позже и законодательное собраніе, такъ и Конвентъ, по своей инициативѣ не предприняли бы ни одной войны. Дѣло измѣни-

*) Georges Goyan. «Patriotisme et Humanitarisme» (R. de deux Moudes), 15 Juillet, 1900).

лось, когда монархи Европы, чтобы задуть «стоглавую гидру» — революцію, бросились на Францію. Такъ начались тѣ кровавыя войны которыя длились двадцать пять лѣтъ, превративъ Францію въ военный лагерь, а поля Европы отъ Москвы до Парижа въ пространную гробницу. Продолжительное военное положеніе отразилось на судьбѣ гуманизма и на духѣ самого французскаго народа. Миновало старое время, когда войны велись наемными солдатами и мало касались націи. Теперь она вся, въ лицѣ своей молодежи, принимала участіе въ нихъ, и ядъ милитаризма отравлялъ самыя воспріимчивыя и свѣжія силы страны. Центръ тяжести общественной жизни Франціи изъ внутреннихъ гражданскихъ интересовъ, перешелъ къ интересамъ внѣшнимъ и военнымъ. Въмѣсто «голоса разума», французскіе граждане привыкли вслушиваться въ шумъ пушечныхъ орудій, вмѣсто чтенія деклараціи правъ человѣка — въ чтеніе капитуляціи сдавшихся непріятельскихъ крѣпостей. «Республики живутъ добродѣтелью, монархіи — честью и военной славой». Такъ говорилъ Монтескьё. Французскіе республиканцы, обмѣнявшіе свои гражданскія добродѣтели на военную славу, этимъ самымъ подготовляли возстановленіе монархіи въ ея самой худшей формѣ: военной диктатурѣ Бонапарта.

Дѣятели конвента уже предвидѣли опасныя послѣдствія постоянныхъ войнъ и предупреждали массы не увлекаться милитаризмомъ. «Воинственные народы дѣлаются рабами», говорилъ членъ конвента Біо Варенъ *).

Чтобы предохранить страну отъ военной диктатуры или «стратократіи», какъ ее называлъ тотъ же Біо Варенъ, конвентъ назначилъ среди своихъ же членовъ гражданскихъ комиссаровъ, которые должны были слѣдить за дѣйствіями генераловъ. Но логика вещей была сильнѣе предохранительныхъ совѣтовъ и мѣръ. Кромѣ того, самъ конвентъ, часто забывая гуманитарную резолюцію національнаго собранія, вдохновлялся правилами «à la guerre, comme à la guerre».

Когда Бонапартъ сдѣлался полновластнымъ хозяиномъ страны, онъ возвелъ милитаризмъ въ національный культъ. Онъ обставлялъ свои походы небывалымъ торжествомъ, чтобы поразить воображеніе солдатъ и толпы. Каждая его побѣда возвѣщалась парижанамъ колокольнымъ звономъ и канонадой изъ пушекъ во дворѣ церкви Инвалидовъ. «Бюллетени побѣдосной арміи», редактированны часто самимъ Бонапартомъ, распространяли славу французскаго оружія и подвиги французскихъ солдатъ до послѣдней горной хижины; ими Бонапартъ наводнялъ не только Францію, но и всю Европу. Нарочно составленный катехизисъ сѣялъ сѣмена національной вражды и прививалъ культъ императора въ сердцахъ мальчиковъ еще на ученическихъ скамьяхъ.

*) A. Aulard etc., p. 303.

Бонапартъ брагъ въ солдаты пятнадцатилѣтнихъ мальчиковъ, и сдѣлалъ изъ французской націи пушечное мясо. Еще больше онъ считалъ таковыми несчастныхъ иностранцевъ, которыхъ судьба опредѣлила стать его союзниками. Во время сраженія Наполеонъ ставилъ ихъ въ самыя опасныя мѣста. «Французы не могутъ на меня жаловаться, говорилъ онъ Меттерниху, послѣ похода въ Россію. Чтобы ихъ уберечь, я жертвовалъ нѣмцами и поляками. Въ войнѣ съ Россіей я потерялъ триста тысячъ человекъ, но среди нихъ врядъ ли наберется тридцать тысячъ французовъ» *). Такое отношеніе возбуждало среди другихъ народовъ, и особенно среди нѣмцевъ, ненависть къ Франціи, а у французовъ вмѣстѣ съ національнымъ тщеславіемъ развилось презрѣніе къ иностранцамъ.

Среди всеобщей горячки взаимнаго истребленія безъ милости и безъ пощады историкъ съ удовольствіемъ останавливается на фактахъ, къ сожалѣнію, очень рѣдкихъ, свидѣтельствующихъ, что гуманитарныя идеи тогда не совсѣмъ исчезли. Эти нѣсколько единичныхъ случаевъ касаются массоновъ. Какъ извѣстно, любовь къ человѣчеству входитъ въ уставъ массонскаго общества. Массоны, безъ различія вѣры и народностей, обязаны были помогать другъ другу въ случаѣ несчастья. Исторія наполеоновскихъ войнъ даетъ нѣсколько примѣровъ, когда офицеръ, бросившись ожесточенно на своего врага, опускалъ саблю, узнавъ, что онъ массонъ. Такіе случаи произошли въ сраженіяхъ при Аустерлицѣ, Москвѣ, Березинѣ, Ватерлоо. Конечно, эти единичные случаи не уменьшали ужаса тогдашнихъ войнъ и не ослабляли страшную національную ненависть, вызванную походомъ Наполеона.

V.

Этому фатальному человѣку, слава котораго стоила такъ дорого Франціи и всему человѣчеству, было суждено мучить свою страну и послѣ смерти. Онъ оставилъ ей печальное наслѣдіе: свою легенду. Историки и поэты посвящали памяти императора лирическія произведенія, а бывшіе солдаты великой арміи своими разсказами распространяли его славу по всей Франціи. Народъ забылъ страшный гнетъ наполеоновскаго режима, забылъ многочисленныя жертвы, ими принесенныя богу войны, и вспоминалъ только его побѣды и подвиги. Ореолъ славы корсиканскаго выскочки не давалъ покоя и его преемникамъ. Людовикъ XVIII предпринялъ испанскую кампанію, чтобы придать своему царствованію военный блескъ; Луи-Филиппъ искалъ въ завоеваніи Алжира того, что его предшественникъ искалъ въ Испаніи; экспансивная политика встрѣчала поддержку даже среди либераловъ. Особенно горячаго защитника она нашла въ лицѣ Тьера, прозваннаго

*) Metternich. «Mémoires» etc. t. I, p. 152.

въ шутку «штатскимъ Наполеономъ». По его инициативѣ были привезены останки императора съ острова св. Елены, и среди празднествъ и церковныхъ молебновъ его погребли въ соборѣ Инвалидовъ. Все это поддерживало въ массѣ культъ Наполеона и приготавлило почву для возстановленія имперіи.

Съ относительной политической свободой, наступившей послѣ паденія Наполеона I, возродился постепенно и гуманизмъ. Борьба грековъ за независимость встрѣтила горячее сочувствіе у французовъ, выразившееся не только въ основаніи по всей странѣ филэллинскихъ комитетовъ, но и въ военномъ вмѣшательствѣ Франціи вмѣстѣ съ Англіей и Россіей. Правительство Карла X преслѣдовало этимъ династическіе интересы, тогда какъ масса и ея передовые представители видѣли въ помощи данной, борющейся за свою независимость націи, практическое приложеніе началъ французской революціи. Не менѣе живое сочувствіе встрѣтили во Франціи народныя движенія начала тридцатыхъ годовъ въ Германіи, Италиі, Бельгіи и Польшѣ.

Кромѣ того, въ литературѣ началась борьба противъ наполеоновскаго культа. Сюда слѣдуетъ отнести стихи Барбье и книгу Альфреда де-Виньи «*Servitude et grandeur militaire*». Барбье клеймилъ могучими ямбами «старого и увялаго плѣнника Священнаго союза», могильщика французской республики. Де-Виньи, бывший офицеръ, указывалъ на развращающія послѣдствія наполеоновскаго милитаризма и на рабскіе инстинкты, которые онъ прививалъ въ народѣ.

Высшую степень развитія гуманный и антимилитарный духъ достигъ въ 1848 году, съ провозглашеніемъ второй республики. Демократамъ Франціи и всей Европы казалось, что снова наступили лучшіе моменты первой революціи. Въ конституцію 1848 года было внесено принятое еще національнымъ собраніемъ въ 1789 году постановленіе, запрещающее Франціи, какія бы то ни было завоевательныя войны. Улицы Парижа опять увидали *шествіе народовъ*, во главѣ которыхъ были нѣмцы съ развернутымъ знаменемъ. Шествіе остановилось на площади Магдалины, гдѣ Мишле отъ имени Франціи привѣтствовалъ пламенной рѣчью депутатовъ всѣхъ странъ и въ частности Германіи.

Европа была теперь больше, чѣмъ въ 1789 году, подготовлена послѣдовать примѣру Франціи. Февральское возстаніе въ Парижѣ дало сигналъ подобнымъ движеніямъ въ Германіи, Австріи, Венгріи и Италиі. Казалось, близокъ часъ осуществленія республиканскаго идеала соединенія народовъ въ одну политическую федерацію. Ораторы и писатели привѣтствовали восторженно наступленіе эры мира и братства. «Мы тоже сдѣлаемся историческими дѣятелями,—писалъ молодой республиканецъ Жанъ Массе въ своей брошюрѣ «*Les Vertus d'un Republicain*».—Вѣтеръ, поднявшійся надъ Франціей, унесетъ за горы и рѣки плодородныя сѣмена, изъ которыхъ возникнутъ республики. Мы

тоже покоримъ міръ, не покидая своихъ женъ и дѣтей, и если иностранецъ покажется подъ нашими стѣнами, онъ придетъ съ оливковой вѣткой въ рукѣ, чтобы отпраздновать вмѣстѣ спасеніе человечества». Такъ говорилъ будущій основатель лиги образованія, а на всемірномъ конгрессѣ мира, созванномъ въ Парижѣ; въ 1849 году, предсѣдатель его Викторъ Гюго привѣтствовалъ Американскіе Соединенные Штаты отъ имени «Европейскихъ Соединенныхъ Штатовъ». Но гуманитаризмъ долженъ былъ еще разъ потерпѣть крушеніе; осуществленіе европейской федераціи снова было отложено на долгій срокъ.

VI.

«Имперія—миръ», говорилъ Наполеонъ III въ Бордо; въ сущности оказалось, что имперія—война. Будучи еще президентомъ республики, онъ отправилъ французскія войска усмирить возстаніе папской области и возвратить престолъ Пію IX, хотя эта война была противна буквѣ и духу конституціи. Сдѣлавшись императоромъ, подъ покровительствомъ легенды своего дяди, Наполеонъ III тоже долженъ былъ пойти по пути милитаризма. Проявленіемъ этой политики были: участіе Франціи въ Крымской кампаніи, итальянская война, новая римская экспедиція въ интересахъ папства, колониальная экспедиція въ Китай и Мексику и, наконецъ, франко-прусская война.

Первая, какъ и вторая имперіи жили войнами: отъ войны и погибли. Тѣмъ не менѣе во внѣшней политикѣ двухъ эпохъ есть извѣстная разница. Наполеонъ I не скрывалъ своихъ честолюбивыхъ замысловъ, да и никто не рѣшался его объ этомъ спрашивать. Такая смѣлая политика была не по силамъ и способностямъ «Наполеона маленькаго», и онъ долженъ былъ прибѣгать ко всякимъ предлогамъ, не исключая и гуманитаризма. Онъ увѣрялъ французовъ, что итальянская кампанія предпринимается для объединенія Италіи. «Только одна Франція способна воевать за идею», говорилъ онъ тогда*). Въ своихъ рѣчахъ въ парламентѣ онъ объявлялъ, что Франція желаетъ независимости *національностей*. Но насколько настояція цѣли Наполеона расходились съ его словами, можно убѣдиться по секретному договору, который онъ хотѣлъ заключить съ Бисмаркомъ въ 1865 году для присоединенія Бельгіи къ Франціи.

Масса поддавалась двуличной политикѣ Наполеона III; выдающіеся же представители республиканской партіи отлично ее понимали и больше чѣмъ когда-либо боролись противъ милитаризма.

Мѣстомъ этой борьбы была литература, собранія, масонскія ложи и парламентъ, когда туда проникли республиканскіе депутаты. Наполеоновская легенда, которую эксплуатировалъ новый императоръ,

*) Emile Ollivier. «Napoleon III et la Campagne d'Italie» («R. de Deux Mondes», I, Mai, 1899).

ваша безжалостныхъ критиковъ въ историческихъ сочиненіяхъ Шараса, Ланфре, въ рѣчахъ Барни, Гамбетты и другихъ республиканскихъ дѣятелей.

Проповѣдь противъ войны и милитаризма была одной изъ задачъ массонства. По инициативѣ массона Сантаэ былъ основанъ въ 1867 году *французскій союзъ мира*, съ цѣлью выработки международного кодекса. Это общество и созвало въ Женевѣ 5-го мая того же года первый международный конгрессъ мира, подъ предсѣдательствомъ французскаго изгнанника-республиканца Барни, профессора въ Женевѣ и переводчика *трактата о международномъ мирѣ* Канта. На знамени, поставленномъ на трибунѣ, была сдѣлана слѣдующая надпись: «*Ubi libertas, ibi Patria*». Ораторы всѣхъ странъ чередовались и, между прочимъ, Гарибальди. Слѣдующій конгрессъ происходилъ въ Лозаннѣ подъ предсѣдательствомъ Виктора Гюго, а 15-го іюля 1870 года, наканунѣ самой войны, делегаты лиги мира собрались въ послѣдній разъ въ Базелѣ. Тамъ было прочитано характерное во многихъ отношеніяхъ письмо французскаго республиканца Эжена Пельтана. «Она уже объявлена, эта война, — писалъ Эженъ Пельтанъ, отецъ извѣстнаго теперешняго радикальнаго дѣятеля Камила Пельтана. Эта война не что иное, какъ кровью написанный *post-scriptum* къ плебисциту. Противъ войны нужно бороться, и наше поле битвы должно быть полемъ мира и свободы... Часть демократической прессы и парламентской оппозиціи поддалась шовинистическимъ наущеніямъ, но цѣль наша, гуманитаристовъ, какъ съ той, такъ и съ другой стороны Рейна, должна быть свобода и братство народовъ. Если бы управляли народы, они не воевали бы теперь въ выгодахъ и интересахъ однѣхъ династій».

Еще въ 1835 году де-Вивьи требовалъ замѣны постоянныхъ войскъ народной милиціей, что неизбѣжно должно было приблизить человечество къ тому времени, «когда не будетъ больше ни войска, ни войны, когда весь земной шаръ будетъ населять одна единая нація» *)! То же требованіе уничтоженія постояннаго войска и его замѣны народной милиціей входило и въ программу республиканцевъ второй имперіи. «Мы требуемъ сокращенія постояннаго войска, — говорилъ Гамбетта въ Бельвилѣ, парижскомъ квартагѣ, откуда онъ былъ выбранъ депутатомъ, — потому что оно разстраиваетъ финансы государства, экономическое благосостояніе страны и является источникомъ международной ненависти и гражданскихъ войнъ». Не разъ Жюль Симонъ, отъ имени своихъ республиканскихъ коллегъ, дѣлалъ то же предложеніе въ законодательномъ собраніи. Двадцать пять лѣтъ спустя, извѣстный клерикалъ и монархистъ де-Вогюэ писалъ о республиканцахъ второй имперіи: «Вслѣдствіе ихъ гуманизма или ихъ отпеубійственныхъ склонностей, наши риторы проповѣдывали разоруженіе, національную

*) De-Vigny etc., p. 5.

гвардію. Они убивали французскую армію, чтобы убить имперію. Исторія потребуеть у нихъ отчета» *).

Однако, во французскомъ пораженіи 1870 года повинны были не республиканцы, а милитаризмъ и его защитники. Война была объявлена для укрѣпленія династіи Наполеона III. «Мнѣ нужна эта война—это моя война», говорила императрица Евгенія. Съ другой стороны, постоянное отравленіе массы наполеоновской легендой и успѣхами французскихъ войскъ въ Крыму, Италіи, Мексикѣ и Китаѣ развило у французовъ самоувѣренность, что никто не въ состояніи побѣдить Франціи. «Прусская армія! Намъ стоитъ только дунуть на нее», говорилъ министръ Эмиль Оливье. Республиканцы тоже раздѣляли это самообольщеніе. Они протестовали противъ войны по гуманитарнымъ и политическимъ соображеніямъ, а не потому, что сомнѣвались въ ея благополучномъ для Франціи исходѣ. Когда рѣдкіе люди, какъ Тьеръ, знавшіе хорошо Пруссію, предупреждали французовъ, ихъ встрѣчали свистками. Рѣчь Тьера въ законодательномъ собраніи была прерываема бѣшенными криками: «Вы антипатріотическая труба пораженія! Отправляйтесь въ Кобленцъ! Намъ не нужно вашихъ уроковъ! Сохраните ихъ для васъ!».

Объявленіе войны поставило гуманитаристовъ, находившихся въ законодательномъ собраніи, передъ трудной дилеммой. Должны ли были они подать голосъ за кредиты, которые требовало правительство въ виду войны, или нѣтъ? Подать голосъ—это значило высказать косвенно одобреніе милитаризму, а голосованіе противъ кредитовъ могло быть истолковано, какъ выраженіе сочувствія къ чужеземному врагу. Нѣкоторые республиканцы, между ними Жюль Греви, Эженъ Пельтанъ, Жюль Фавръ, Араго, Эскироссъ и другіе, выбрали среднее и единственное достойное поведеніе—воздержаніе отъ голосованія. Какъ извѣстно, въ то же самое время точно также поступили нѣмецкіе социаль-демократы: Либкнехтъ, Бебель и ихъ товарищи въ германскомъ рейхстагѣ. Другіе республиканцы, о которыхъ упоминаетъ съ сожалѣніемъ Эженъ Пельтанъ въ вышеприведенномъ письмѣ къ базельскому конгрессу мира, увлеклись шовинистическимъ духомъ и голосовали за кредиты. Такъ поступилъ, между прочимъ, и Гамбетта. Онъ дошелъ даже до того, что предложилъ въ законодательномъ собраніи высылку всѣхъ нѣмцевъ изъ Парижа.

Послѣ паденія Наполеона III и провозглашенія республики, война приняла совсѣмъ другой характеръ: она сдѣлалась войной для защиты свободы и республики. Патріотизмъ и гуманитаризмъ опять примирились, какъ въ первые годы великой революціи. Этимъ духомъ было проникнуто все движеніе коммуны, преслѣдовавшее одновременно освобожденіе Франціи отъ иноземнаго нашествія и установленіе новаго

*) M. de-Vogué, «Souvenirs de 1870 (R. de deux Mondes» 1 sept., 1895).

общественнаго и политическаго режима. Побѣда надъ нѣмцами не являлась больше чисто французскимъ дѣломъ, а дѣломъ всего человѣчества. Этимъ и объясняется тотъ страшный подъемъ патріотическаго духа парижской массы, о которомъ свидѣтельствуютъ современники той эпохи. «Я слышалъ людей, — говорилъ Жюль Ферри предъ слѣдственной комиссіей по событіямъ коммуны, — которыхъ считаю вполне серьезными и разсудительными, — заявлявшихъ, что самое лучшее, что оставалось дѣлать, это дать убить себя, своихъ женъ и дѣтей и сжечь свои дома, чѣмъ сдаться непріятелю».

VII.

Отдача Эльзась - Лотарингіи Германіи и пораженіе коммуны вызвало во Франціи реакцію милитаризма и націонализма, продолжающуюся и въ наше время. Исключительная причина, вызвавшая этотъ новый націонализмъ, сказывается въ его особомъ характерѣ. До сихъ поръ французскій націонализмъ имѣлъ характеръ экспансивный, веселый, оптимистическій, Франція чувствовала въ себѣ избытокъ силъ, матеріальныхъ и духовныхъ, и искала широкое поле дѣятельности для ихъ приложенія. И если въ однихъ случаяхъ эта политика приводила къ печальнымъ результатамъ для всего человѣчества, то въ другихъ, — когда во главѣ Франціи находилось демократическое правительство, — она дѣйствовала въ интересахъ всего человѣчества.

Национализмъ, наступившій послѣ франко-прусской войны, имѣлъ совсѣмъ другой характеръ. Это былъ націонализмъ узкій, мрачный, пессимистическій, націонализмъ, отдѣлявшій Францію отъ остальнаго міра, націонализмъ, допускающій коренное противорѣчіе между ея интересами и интересами остальнаго человѣчества. «Довольно Франціи думать о другихъ, пора ей подумать о себѣ», такъ писалъ нѣсколько лѣтъ тому роялистскій *Gaulois*. Въ устахъ реакціонеровъ этотъ языкъ не удивителенъ, но такимъ узкимъ націонализмомъ прониклись и республиканцы. Они начали каяться въ своемъ гуманитаризмѣ и вмѣстѣ съ Сюли Прюдомомъ вспоминали съ сожалѣніемъ о прошломъ, когда они, словами Шиллера, называли себя «гражданами міра», когда они были готовы полюбить «любую страну, гдѣ царствуетъ миръ и право, гдѣ улыбаются искусство и красота».

Поль Беръ, извѣстный фізіологъ и ярый антиклерикалъ, умершій губернаторомъ Индокитая, обращается къ союзу французской молодежи съ рѣчью, въ которой онъ говоритъ своимъ слушателямъ, «чтобы они остались французами по своимъ національнымъ чувствамъ, чтобы они любили свое дорогое отечество, любовью *пламенной, исключительной, шовинистической*». Онъ же, въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія, даетъ премію шовинистическому памфлету, книгѣ солдата-ученика, гдѣ, въ лицѣ одного аптекаря, несчастный защитникъ космопо-

литизма побивается побѣдоносными аргументами второго собесѣдника—офицера. Слово «человѣчество» больше не слышно, а только—Франція. Больше рѣчь не идетъ о братствѣ народовъ, а только о національной чести. «Возстановленіе національной чести» стало высшею цѣлью каждаго француза. Ей должны уступить всѣ другія соображенія политическаго и общественнаго характера. Путемъ къ этой цѣли является «война для отомщенія» (*revanche*). Эта идея сдѣлалась навязчивой—съ такой силой она выступаетъ во всѣхъ дѣйствіяхъ французовъ. Но кто же отомститъ за поражение, кто возстановитъ честь отечества, если Франція не будетъ имѣть могучей арміи, хорошо вооруженной самыми усовершенствованными орудіями и воспитанной въ самой строгой военной дисциплинѣ? Милитаризмъ сдѣлался, такимъ образомъ, единственнымъ упованіемъ страны, а солдаты лучшимъ олицетвореніемъ ея идеала.

Такъ говорилъ Деруледъ, въ своемъ сборникѣ стихотвореній «*Les chants du soldat*», появившемся скоро послѣ войны. Эта посредственная, съ художественной точки зрѣнія, книжонка имѣла необыкновенный успѣхъ, потому что она отвѣчала настроенію французовъ. Еще теперь стихи эти декламируются и распѣваются въ кафе-шантанахъ и кабакахъ, призывая къ мщенію возбужденнаго абсентомъ и пивомъ, близостью друзей и женщинъ француза. Офицеры, которыхъ во время второй имперіи республиканцы называли презрительно «*Culottes de reau*», стали теперь идоломъ французскаго народа, готоваго пасть въ истерическомъ умиленіи при звукѣ военной трубы и топота кавалерійскихъ лошадей.

Тѣсно связанной съ націонализмомъ является лига патриотовъ, замѣнившая въ жизни Франціи бывшую лигу мира. Лига патриотовъ основана въ 1882 году *). Ея главная цѣль—«согрѣть патриотизмъ французовъ». Въ ея уставѣ на первомъ мѣстѣ находятся слѣдующія слова: «Республиканецъ, бонапартистъ, орлеанистъ, легитимистъ—это только условныя имена, а патриотъ—ихъ настоящее имя». Въ лигѣ патриотовъ занесены имена всѣхъ республиканскихъ вождей. Викторъ Гюго высказываетъ ей свое сочувствіе письмомъ. «Мы—одного семейства, мы—одного отечества». «Если стоитъ жить—это только для Эльзасъ-Лотарингіи»—говоритъ Гамбетта Деруледу. «Учите великому дѣлу, проповѣдуйте священную войну, требуйте отнятыя провинціи, и черезъ годъ увидимъ»—были другія слова того же Гамбетты, подъ высшимъ покровительствомъ котораго лига начала свою дѣятельность. И она дѣйствительно проповѣдывала «священную войну». Лига устраивала гимнастическіе кружки, общества для обученія стрѣльбѣ, собранія, распространяла сотни тысячъ брошюркъ и памфлетовъ. Однажъ

* Свѣдѣнія о лигѣ патриотовъ мы беремъ изъ націоналистскаго журнала «*Revue Hebdomadaire*» (Paula Deroulède Raconte par lui même), № 6--9, 1900 г.)

Деруледъ въ продолженіи четырехъ лѣтъ съ 1882 — 1886 г. былъ предсѣдателемъ 400 собраній и основалъ 50 комитетовъ въ провинціи.

Такъ подготовлялась почва для послѣдующихъ взрывовъ націонализма.

VIII.

Отнятіе двухъ провинцій было величайшимъ насилиемъ, и французы никакъ не могли забыть его, не потерявъ въ своихъ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ человѣчества права на уваженіе. Но средство, выбранное ими для восторжествованія справедливости, говорить больше объ ихъ болѣзненномъ самолюбіи, чѣмъ о пониманіи настоящихъ интересовъ Франціи и Эльзасъ-Лотарингіи. Ставить благополучіе эльзасцевъ въ зависимости отъ исхода будущей войны, значило основать французскую политику на чемъ-то очень неопредѣленномъ и проблематичномъ. Воинственная политика только истощала силы Франціи, приносила рѣшительный вредъ эльзасцамъ, вызывая для нихъ репрессалии со стороны нѣмецкаго правительства, а самой республикѣ сулила нескончаемыя международная замѣшательства. Проповѣдуя священную войну, французскіе націоналисты шли навстрѣчу желаніямъ Бисмарка, который не прочь былъ бы воспользоваться какии-нибудь ничтожнымъ предлогомъ, чтобы снова побить Францію и обезсилить ее еще на десятки лѣтъ. Цѣль Бисмарка была слишкомъ очевидна, чтобы ее не поняли французскіе націоналисты, но и шовинистскія страсти у нихъ были слишкомъ возбуждены, чтобы они могли ихъ ушѣрить.

Проповѣдь священной войны не замедлила обнаружить свои дурныя послѣдствія. Воинственные инстинкты массы, при легкой воспламеняемости французскаго темперамента, дошли до крайняго предѣла, а такъ какъ священная война все не начиналась, масса направила свою месть на самую республику и на парламентскія учрежденія. Такъ подготовилась почва для перваго націоналистскаго взрыва — буланжизма.

Какъ извѣстно, генералъ Буланже былъ военнымъ министромъ въ теченіе двухъ лѣтъ 1886—1887 года. Въ его правленіе произошелъ франко-нѣмецкій конфликтъ, вызванный арестомъ на нѣмецкой территоріи французскаго пограничнаго комиссара Шнебеле. Война, которая чуть не вспыхнула за этимъ инцидентомъ, была предупреждена вмѣшательствомъ европейской дипломатіи, но французскіе націоналисты приписали честь этого успѣха генералу Буланже. Можетъ быть, это отчасти было и правда. Во всякомъ случаѣ, имя Буланже стало предметомъ ожесточенныхъ полемикъ въ нѣмецкой и французской печати, что дѣлало дальнѣйшее его пребываніе въ министерствѣ опаснымъ

для мира. Кабинетъ Гобле, чтобы освободиться отъ Буланже, вышелъ въ отставку и былъ замѣненъ кабинетомъ Рувье.

Это дало поводъ первымъ буланжистскимъ манифестаціямъ. Министерство Рувье было встрѣчено криками: «Долой нѣмцкое министерство», а генералъ Буланже, предполагаемая жертва патриотизма, сталъ идоломъ націоналистовъ. Ему устраивали шумныя манифестаціи, самая знаменитая изъ которыхъ произошла въ день отъѣзда Буланже изъ Парижа на свой новый постъ корпуснаго генерала въ Клермонъ-Феррапъ. Когда карета генерала выѣхала изъ Отель-дю-Лувръ, громадная толпа, разбѣстившаяся по тротуарамъ, бросилась на нее и остановила лошадей среди неяснокончаемыхъ криковъ: «Да здравствуетъ Буланже!» Больше десяти тысячъ человекъ начали пѣть извѣстную, составленную въ честь его, патриотическую пѣсню:

Il reviendra, quand le tambour batters,
Quand l'étranger menacera notre frontière;
Il sera là et chacun le suivra;
Pour cortège il aura la France entière и т. д.

Такая встрѣча ожидала Буланже по всей дорогѣ. На Лионскомъ вокзалѣ толпа превосходила сто тысячъ человекъ. Буланже съ трудомъ добрался до своего вагона, но, чтобы уѣхать, онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ хитрости. Такъ какъ весь поѣздъ былъ окруженъ народомъ, Буланже черезъ площадки вагоновъ добрался до локомотива и поѣхалъ на немъ. О дальнѣйшей исторіи буланжизма мы не будемъ говорить, намъ было достаточно указать, какъ націоналистская пропаганда самихъ республиканцевъ чуть не привела республику къ гибели. Во всѣхъ буланжистскихъ манифестаціяхъ главную роль играла лига патриотовъ, основанная первоначально республиканскими вождями.

Какова была психологія самихъ націоналистовъ, и какъ они смотрѣли на Буланже, показываютъ слѣдующія строки изъ націоналистскаго романа «Appel du soldat» Бареса. «Появилось новое настроеніе, которое можно назвать «национальный духъ». Франція съ глазами, обращенными къ границѣ, ждала только знака изъ Парижа. Пусть оставятъ насъ въ покоѣ политическіе кружки, депутаты и вожаки партій!.. Теперь единственный нашъ врагъ—иностранецъ, единственный глава—главнокомандующій арміи, тотъ, котораго города, деревни, казармы, мастерскія и затерянные по полямъ пастухи привѣтствуютъ криками: Да здравствуетъ Буланже!»

Новый взрывъ націоналистскихъ страстей произошелъ въ 1894 г., когда судили капитана Дрейфуса. Въ то время всѣ вѣрили въ его виновность, и самый фактъ возмущенія противъ его личности былъ вполне понятенъ, но форма въ которой оно выразилось, показала, какую кровожадность успѣлъ развить націонализмъ во французской націи.

Громадная масса народа, толпившаяся по улицамъ, ведущимъ къ площади, гдѣ должно было произойти разжалованіе Дрейфуса, встрѣ-

тила появленіе послѣдняго несмолкаемыми криками «Смерть, смерти!» Когда Дрейфусъ, обращаясь къ присутствующимъ журналистамъ, сказалъ: «Сообщите, всей Франціи, что я невиненъ», на него посыпались со всѣхъ сторонъ свистки и площадная ругань. «Молчи злодѣй! Подлецъ! Іуда! Гнусный жидъ!» Въ отвѣтъ на слова Дрейфуса: «Вы не имѣете права меня ругать», изступленіе толпы превзошло всякія границы. «Комедіантъ! Гнусный жидъ. Смерть! Смерть!» *).

Съ дѣломъ Дрейфуса связанъ и послѣдній фазисъ развитія націонализма, переживаемый нами теперь. Когда началась агитація въ пользу пересмотра его процесса, Деруледъ, удалившійся на нѣкоторое время отъ политической жизни, снова пріѣхалъ въ Парижъ и воскресилъ лигу патриотовъ. Это произошло въ 1893 году. На собраніи въ залѣ Гинэ Деруледъ произнесъ длинную рѣчь, закончившуюся восклицаніемъ: «Священные штывы Франціи, вы не дадите себя побѣдить! Патриоты, подъ знамена!» Съ тѣхъ поръ лига патриотовъ стала опять активной силой въ политической жизни Франціи. По ея инициативѣ устраивался цѣлый рядъ манифестацій во время различныхъ процессовъ, происходившихъ въ Парижѣ и въ Реннѣ.

Кромѣ этой лиги, находившейся подъ абсолютной властью Деруледа, основалось еще другое націоналистское общество: лига французскаго отечества, и обѣ одинаково возводятъ въ культъ исключительную любовь къ отечеству и арміи, но различаются въ политическихъ программахъ. Въ сущности лига французскаго отечества не имѣетъ опредѣленной политической цѣли. Въ составъ ея входятъ люди всѣхъ политическихъ партій: монархистской, республиканской, бонапартистской, и главное назначеніе лиги—защитать честь арміи и бороться противъ космополитизма.

Политическая программа лиги патриотовъ болѣе опредѣленная и болѣе сложная. Деруледъ и его друзья называютъ себя республиканцами *плебисцитарами* и борются противъ теперешняго парламентскаго режима, будто бы обезсиливающаго страну и отвлекающаго ея отъ завѣтной цѣли: ищенія. Нужно создать новую, болѣе стойкую власть, которая придала бы вѣшной и внутренней политикѣ Франціи единство и постоянство. Для достиженія этой цѣли, плебисцитары предлагаютъ усилить власть президента республики, а главное достичь того, чтобы онъ былъ выбираемъ народомъ. Благоразумные республиканцы считаютъ такую систему ведущей къ диктатурѣ одного лица, какъ это было въ 1849 году, но патриоты не прочь пожертвовать частью народныхъ правъ, лишь бы была сильная власть.

Чтобы перемѣнить конституцію въ желательномъ для нихъ смыслѣ, Деруледъ и его друзья прибѣгаютъ ко всѣмъ средствамъ, включая и нелегальные.

*) Joseph Reinach. «Affaire Dreifus» 1901, p. 564.

Еще во время буланжистскаго движенія лига патриотовъ хотѣла произвести государственный переворотъ. Часъ былъ назначенъ въ ночь 27-го января 1889 г., когда выборъ генерала Буланже депутатомъ Париза доказалъ его громадную популярность. «Патріоты» съ Деруледомъ во главѣ находились въ Сентъ-Джонскомъ отелѣ по близости отъ Буланже и ждали только приказа послѣдняго, чтобы двинуться на Елисейскій дворецъ. Буланже, по причинамъ, о которыхъ мы не будемъ теперь распространяться, отказался отъ этого проекта, а когда въ сентябрѣ 1891 года онъ самъ предложилъ насильственный переворотъ, у лигеровъ не хватило силъ.

Извѣстно, что позже Деруледъ хотѣлъ воспользоваться замѣшательствомъ при похоронахъ Феликса Фора, въ январѣ 1899 года, чтобы исполнить свою мечту. По составленному заранѣ плану, онъ приблизился къ генералу Роже, который возвращался во главѣ своей бригады съ похоронъ Фора, взялъ его лошадь за узду, сказавъ ему: «Генералъ, пойдемте въ Елисейскій дворецъ. Народъ идетъ за нами!» Генералъ, очевидно, не довѣрялъ народному энтузіазму и предпочелъ взять съ собою Деруледа въ казармы.

До сихъ поръ мы касались политическихъ проявленій націонализма, но націоналисты пытаются дать своему движенію и теоретическую основу. Въ одномъ письмѣ Дюбюка, предсѣдателя націоналистской и антисемитской молодежи, выставлено нѣсколько теоретическихъ предпосылокъ, главная изъ которыхъ заключается въ утвержденіи расовой психологіи, т.-е., что каждый народъ имѣетъ извѣстныя врожденныя склонности. Однако, чтобы опредѣлить эти склонности, нужно, прежде всего, удалить изъ жизни даннаго народа всѣ чужеземныя вліянія. Въ началѣ XX столѣтія французскіе націоналисты пришли къ результату, противоположному республиканскому идеалу французской революціи. Дантонъ говорилъ, что патриотизмъ не долженъ имѣть другихъ границъ, кромѣ границъ міра,—теперешніе націоналисты твердятъ, что патриотизмъ—это возвращеніе къ тому узкому умственному кругозору, которымъ жила Франція въ первые моменты своей исторіи. Французскіе прогрессисты прошлаго любили въ своей дѣятельности то, что совпадало съ интересами человѣчества,—теперешніе націоналисты восхищаются только тѣмъ, что есть чисто французское, включая сюда и недостатки расы. Въ вышеупомянутомъ романѣ *Appel du Soldat* одинъ изъ героевъ, Ремершпахеръ, пишетъ изъ Германіи своему пріятелю: «Франція, о Франція! Я научился видѣть въ этомъ словѣ настоящую дѣйствительность, цѣлый рядъ историческихъ фактовъ, накопленныхъ силъ, извѣстное направленіе, вкладываемое на наши дѣйствія въ виду извѣстной работы, полезной жизни индивидуумовъ и продолжительности рода. Мало сказать: «Люблю Францію». Послѣ восемнадцати мѣсяцевъ, я убѣдился, что качества и недостатки французовъ, составляютъ необходимую атмосферу для моей жизни». Это настоящая апологія упадка.

Націоналисты хотятъ превратить Францію, гордившуюся раньше своей ролью руководителя цивилизаціи, въ заменное государство, въ западный Китай. Тѣ изъ нихъ, которые хотятъ быть логичными, доходятъ даже до отрицанія французской революціи. «Одинъ законъ, — пишетъ въ «*Outre-Mer*» клерикаль и націоналистъ Поль Бурже, — управляетъ жизнью народовъ и жизнью отдѣльныхъ личностей: «положенія сохраняются тѣми же условіями, которыя ихъ создали». Потому и мы должны искать все, что сохранилось отъ старой Франціи и привязаться къ нему всѣми силами нашего существа. Однимъ словомъ, мы должны систематически уничтожать убійственныя послѣдствія французской революціи».

IX.

До сихъ поръ мы касались проявленія и идеологіи французскаго націонализма. Теперь намъ остается опредѣлить, въ какой степени онъ проникаетъ въ различные слои французскаго населенія. Изъ вышеприведенныхъ фактовъ можно уже заключить, что націонализмъ во Франціи—движеніе всеобщее. Стихійнымъ характеромъ онъ въ особенности отличался непосредственно послѣ войны. «Часть мненія» казался всѣмъ близкимъ, всѣ говорили вмѣстѣ съ Гамбеттой «на будущій годъ увидимъ», всѣ готовились къ священной войнѣ. Теперь послѣ войны прошло тридцать лѣтъ, а со смерти Гамбетты двадцать, но и сегодня это чувство живетъ въ сердцахъ французозъ, хотя у всѣхъ оно не одинаково сильно. Съ теченіемъ времени въ извѣстныхъ слояхъ французскаго населенія появились новые интересы, новыя чувства, которыя если не задушили, то, во всякомъ случаѣ, ослабили націоналистскія страсти; въ другихъ слояхъ, наоборотъ, націоналистское чувство живетъ и при всякомъ удобномъ случаѣ выступаетъ наружу съ большой стремительностью.

Точныя границы между этими двумя категоріями трудно провести, тѣмъ болѣе, что существуютъ переходныя формы, гдѣ примиряется одновременно призваніе и отрицаніе націонализма.

Особенно сильно націоналистское движеніе въ расположенныхъ по близости Эльзасъ-Лотарингіи восточныхъ провинціяхъ. Парижъ тоже сильно проникнутъ націоналистическимъ духомъ. Это доказалъ выборъ Буланже въ 1889 году и успѣхи націоналистовъ въ муниципальных выборахъ 1900 года*). На первый взглядъ это должно казаться очень страннымъ явленіемъ, имѣя въ виду, что Парижъ всегда былъ во главѣ гуманитарнаго движенія. Однако, новое настроеніе Парижа легко объяснится, если примемъ въ соображеніе, что въ сраженіяхъ при коммунѣ парижское населеніе потеряло лучшія свои силы. Статистика

*) Это доказала и побѣда націоналистовъ въ Парижѣ на послѣднихъ выборахъ въ текущемъ году.

показываетъ, что населеніе самыхъ передовыхъ кварталовъ Парижа уменьшилось во время этихъ сраженій въ четыре или пять разъ. Общую потерю Парижа за время осады и коммуны нужно считать, по меньшей мѣрѣ, въ 100.000 человекъ. Только въ такъ называемой кровавой майской недѣлѣ, которой заканчивалась коммунистическая эпопея, было 35.000 убитыхъ. А сколько было сослано въ Каену, сколько эмигрировало за границу или въ провинцію! Такъ что составъ населенія Парижа очень измѣнился. Кромѣ того Парижъ потерялъ свое экономическое значеніе. Продвѣтавшая во время второй имперіи индустрія «Парижскихъ предметовъ» (les articles de Paris) значительно сократилась, такъ какъ тѣ же самые предметы стали производиться въ Германіи, и Парижъ сдѣлался скорѣе городомъ лавочниковъ и вообще мелкой буржуазіи, чѣмъ рабочимъ центромъ. Съ другой стороны, принадлежность къ рабочему классу вовсе не предполагаетъ гуманитарное стремленіе, наоборотъ, ничто легче не поддается стихійнымъ движеніямъ, какимъ было націоналистское, какъ масса бездомныхъ, всегда готовая увлекаться, если ее не удерживаетъ какой нибудь болѣе высокій общественный идеалъ. Соціальная пропаганда въ Парижѣ велась слабѣе, чѣмъ въ промышленныхъ центрахъ сѣверной и центральной Франціи, гдѣ она могла рассчитывать на болѣе скорый успѣхъ. Рабочіе слои куда еще не проникли начала соціальной науки, и теперь идутъ за націоналистами. Можно даже сказать, что только тамъ сохранился настоящий воинственный націонализмъ, что только тамъ думаютъ безъ заднихъ мыслей о «священной войнѣ». Иначе обстоитъ дѣло съ націонализмомъ буржуазіи и аристократіи. Для послѣднихъ это скорѣе демагогическій приемъ—средство пропаганды реакціонныхъ идей. Тѣ же самые монархисты, которые теперь раздуваютъ страсти шовинизма, первые требовали въ 1871 году заключеніе мира съ Германіей съ отдачей Эльзасъ-Лотарингіи, тогда какъ крайнія радикальныя фракція желали продолжать войну.

Национализмъ монархистовъ и умѣренныхъ республиканцевъ продолжаетъ и теперь имѣть тотъ же двусмысленный характеръ. Съ одной стороны они возбуждаютъ шовинизмъ массы, такъ какъ это ведетъ къ усиленію милитаризма и къ выгодной для нихъ политической реакціи, съ другой стороны, они не хотятъ войны, послѣдствія которой отразились бы плохо на ихъ матеріальныхъ интересахъ. Очень характеренъ фактъ, констатированный авторами всѣхъ направленій, что тогда какъ аристократія и буржуазія принимаютъ воинственные альянсы и кричатъ на всѣхъ перекресткахъ: «Да здравствуетъ армія!»—въ глубинѣ души они вовсе не такъ воинственны. Въ нихъ говорятъ не чувства, а условный живой языкъ. На упадокъ націоналистскаго чувства среди французской буржуазіи, указывали еще въ 1871 году. Тогда всѣ французскія газеты живо комментировали поведение Подвени и Перье, меровъ Нанси и Шалони, которые въ воззваніяхъ приглашали своихъ

согражданъ не высказывать враждебныхъ чувствъ нѣмецкимъ войскамъ. Этимъ и другимъ подобнымъ фактомъ объясняется рѣчь адвоката Лавіолета, сказавшаго во время процесса коммуны: «Французское чувство утрачивается во Франціи! Господа судьи! Прежде національная гордость была сильнѣе, чѣмъ теперь. Теперь интересуются и занимаются только вопросами матеріальными, а не вопросами чести. Когда теперь непріятель является куда-нибудь, ему говорятъ: «Войдите, войдите въ мой домъ, только не дѣлайте мнѣ зла, не берите у меня ничего!» Врагъ входитъ и ему протягиваютъ руку. А прежде говорили: «Пропадай мой домъ, пропадай все мое имущество, пропадай моя жизнь, но врагъ не войдетъ, а если войдетъ, то только перешагнувъ черезъ мой трупъ» *).

Въ глубинѣ сердца французская буржуазія и теперь также мало воинственна — обстоятельство, признаваемое, какъ мы уже сказали, писателями всѣхъ направленій. Вотъ что пишетъ, напримѣръ, монархистъ Делафоссъ: «Современное поколѣніе не только ничего не знаетъ о наполеоновской эпопее, но оно также непроходимо невѣжественно относительно самой живой современности. Вотъ, напримѣръ, фактъ, свидѣтелями котораго мы были въ прошломъ 1899 году. Въ Сорбоннѣ на экзаменѣ профессоръ спросилъ одного экзаменующагося гимназиста, что ему извѣстно изъ событій 1870 года? Кандидатъ ничего не отвѣтилъ. Причины войны? Ничего. Военныя дѣйствія? Ничего. По крайней мѣрѣ названіе нѣкоторыхъ сраженій? Ничего. Ему не было знакомо даже имя Базена! «Сударь,—сказалъ ему г. Ребаръ больше съ грустью, чѣмъ сурово,—вы должны были это знать, не только какъ кончающій, но и еще какъ французъ!» Можетъ быть это только исключительный, единичный случай? Нѣтъ, потому что дальше г. Делафоссъ продолжаетъ такъ: «Этотъ упрекъ можетъ относиться къ многимъ, потому что, какъ оказывается, этотъ недостойный мальчикъ не составлялъ исключенія» **). Тотъ же самый гимназистъ, который такъ мало интересуется славой Наполеона и измѣной Базена, выйдя на улицу, будетъ кричать: «Да здравствуетъ армія! Долой космополитовъ!» Очевидно, что эти слова совершенно условнаго характера. Национализмъ маскируетъ только извѣстные классовые и политическіе интересы. То, что говоритъ монархистъ Делафоссъ, подтверждается и либеральнымъ писателемъ Вэглеромъ, хорошо освѣдомленнымъ обозрвателемъ французской военной жизни, въ лозаннскомъ журналѣ «La Bibliothèque Universelle»: «Увы, воинственные инстинкты, какъ видно, исчезли! Потомки старыхъ бойцовъ отправляются въ казармы болѣе или менѣе

*) Plaidoirie de M. Lavolette («Le Procès de la Commune», «Compte rendu analytique», p. 90).

***) Delafosse. «Le service militaire et l'armée» («Correspondant», 10 mars 1900, pp. 893—894).

охотно, но они идутъ безъ большого энтузіазма туда, гдѣ приходится рисковать жизнью. Добровольцевъ для колониальной экспедиціи является очень мало, да и тѣ, которые берутъ на себя эту честь,—солдаты посредственные, движимые не столько желаніемъ отличиться въ бою, сколько мыслью избавиться отъ непріятной казарменной дисциплины и отъ начальниковъ, плохо расположенныхъ къ нимъ. Во время китайской экспедиціи французское военное министерство раскленло по всѣмъ городамъ Франціи большія трехцвѣтныя афиши, приглашающія добровольцевъ. И вотъ, въ Парижѣ, городѣ съ двухъ миллионнымъ населеніемъ, отозвались только 180 человекъ. Такое равнодушіе къ войнѣ существуетъ не только въ массѣ, но даже среди офицеровъ. Многие офицеры, которымъ было предложено участвовать въ экспедиціи, отказались подъ различными предлогами. Съ другой стороны, депутатъ Реберти, докладчикъ военнаго бюджета, жалуется на трудность пополнить штатъ запасныхъ офицеровъ *)).

Когда рѣчь идетъ только о китайской экспедиціи, не трудно объяснить равнодушіе массы. Парижскій рабочій и теперь съ охотой пошелъ бы драться за Эльзась и Лотарингію, но сражаться съ китайскими боксерами, которыхъ въ глубинѣ души онъ оправдываетъ, не намѣренъ. Но когда отказываются и офицеры, когда, кромѣ того, окончившіе университеты дѣти буржуазіи неохотно держатъ экзамены на запасныхъ офицеровъ, званіе лестное и почетное для патріота, въ этомъ дѣйствительно уже нужно видѣть упадокъ военнаго духа.

Чѣмъ же это объясняется? Еще въ 1867 году Эмиль Оливье, будучи республиканцемъ, сказалъ въ законодательномъ собраніи, обращаясь къ представителямъ буржуазіи, приблизительно слѣдующее: «Вамъ выгодно быть патріотами, такъ какъ это вамъ ничего не стоитъ. На войну идутъ дѣти народа, а вашихъ сыновей вы всегда можете избавить, присылая на ихъ мѣсто замѣстителей».

Дѣйствительно, во время второй имперіи практиковалась система замѣстителей, но послѣ войны она была замѣнена всеобщей воинской повинностью, обязательной для всѣхъ безъ исключенія. Въ этомъ послѣднемъ фактѣ вышеупомянутый публицистъ Делафоссъ видитъ не безъ основанія причину упадка военнаго духа. Буржуазія не рвется уже къ войнѣ, разъ она знаетъ, что ея сыновья будутъ страдать наравнѣ съ сыновьями народа. Отсюда и двойственная политика французскихъ націоналистовъ. Съ одной стороны, они дѣлаютъ шумныя манифестаціи, покрываютъ разноцвѣтными вѣнками окутанную черною вуалью статую города Страсбурга на площади Согласія, а съ другой—приходятъ въ ужасъ отъ малѣйшаго признака войны и боготворятъ Буланже, что тотъ могъ ее избѣгнуть.

*) Abel Venglaire. «La question de milice en France» (B. U. Det-Dec., 1900, pp. 516—518).

Изъ всего вышеприведеннаго должно быть ясно, насколько современный французскій націонализмъ—явленіе сложное, и какъ легко можно обмануться въ его сущности, если судить только по его внѣшнимъ проявленіямъ. Въ основѣ его есть и обиженное національное самолюбіе, а еще больше—побужденія чисто политическаго, экономическаго и при томъ реакціоннаго характера. Это подтверждается тѣми фактами, что самыми яркими націоналистами являются приверженцы прошлаго: монархисты, клерикалы, антисемиты, бонапартисты.

Республиканцы не сразу отгадали скрытый смыслъ націонализма. Послѣ войны націонализмъ обнаружился съ такой силой, противъ которой не могъ устоять болѣе или менѣе сентиментальный гуманизмъ республиканцевъ второй имперіи. Они очнулись, когда увидѣли, что націонализмъ ведетъ республику къ гибели. Кромѣ того, внѣ традиціоннаго гуманизма исторической республиканской партіи, въ странѣ появился другой, сначала не замѣченный, а потомъ больше и больше усиливающійся гуманизмъ, который можно назвать *реалистическимъ*, потому что онъ основанъ не на воспоминаніяхъ о французской революціи, а на реальныхъ фактахъ международной экономической жизни.

Х.

Однимъ изъ дѣятелей, не пользующихся любовью націоналистовъ, былъ Жюль Ферри, несмотря на то, что колониальныя экспедиціи, предпринимаемыя во время его министерства, усилили духъ милитаризма. Ему принадлежитъ заслуга первой попытки сближенія съ Германіей. Онъ понималъ, что націонализмъ истощаетъ страну и не даетъ твердой основы для серьезной политики. Деруледъ съ горестью вспоминаетъ, что въ 1882 году Ферри, ставъ министромъ народнаго просвѣщенія, распустилъ комитетъ *военнаго обученія*, основанный его предшественникомъ Полемъ Беромъ, и задача котораго заключалась подбирать шовинистическія книги для народныхъ школъ. Массонскія ложи, важный политическій факторъ въ современной Франціи, очнувшись отъ первыхъ порывовъ шовинизма, тоже постарались возобновить старыя гуманитарныя традиціи. «Настоящее средство отомстить Германіи—это дать ей республику», говорилъ въ реймской ложѣ Жанъ Массе. Другія ложи пошли дальше. Къ удивленію націоналистовъ, венсенская ложа «*любусъ*» разсматривала въ одномъ изъ своихъ засѣданій въ 1886 году вопросъ о *цѣлесообразности* войны противъ Германіи.

Гуманитарная политика находила отголоски и въ парламентѣ. Клемансо, хотя не забывалъ главную цѣль—Эльзась-Лотарингію, но заявлялъ въ 1882 году, что онъ вообще приверженецъ демократической внѣшней политики. «Эта политика болѣе дорожить,—говорилъ онъ,—нравственными, чѣмъ матеріальными побѣдами. Она считаетъ войну экономической ересью, такъ какъ побѣдитель часто страдаетъ не

меньше побѣжденнаго». Однако, какъ ложь, за исключеніемъ венсенской, такъ и Клемансо и другіе радикалы въ своихъ гуманитарныхъ идеяхъ не дошли до отрицанія необходимости «священной войны». Жажда «реванша» жила въ ихъ сердцахъ.

Большимъ ударомъ для націонализма было дѣло Дрейфуса, доказавшее, что націонализмъ ведетъ къ гибели демократіи, а милитаризмъ къ разоренію самой страны.

Послѣ войны всѣ усилія правительства и парламента были направлены на организацію войска. Многочисленная и могучая армія стала идеаломъ—«la suprême pensée», какъ говорилъ Гамбетта, всѣхъ французовъ. Для этой цѣли парламентъ вотировалъ миллиарды за миллиардами, а чтобы сохранить духъ строгой дисциплины среди солдатъ, оставилъ въ дѣйствиіи военный уставъ, самый варварскій во всей Европѣ, такъ какъ онъ былъ составленъ до революціи. Отдѣльныя попытки демократизировать французское войско не встрѣчали никакихъ одобреній, наоборотъ, національное собраніе шумно аплодировало словамъ Тьера, сказавшаго при докладѣ военнаго бюджета въ 1872 году: «Когда говорятъ объ арміи, не нужно говорить о демократіи. Законъ демократіи—равенство, а законъ арміи «пассивное послушаніе начальникамъ». Противъ послѣдняго параграфа военнаго устава возсталъ знаменитый полковникъ Данферъ-Рошро, республиканецъ до мозга костей и храбрый изъ храбрыхъ, что онъ доказалъ при геройской оборонѣ Бельфорской крѣпости. Его протестъ не нашелъ подражателей, точно также не имѣла успѣха подобная попытка сдѣланная десять лѣтъ спустя сенаторомъ и маіоромъ Лабордеромъ. Республиканцы жертвовали всѣмъ—и принципами, и деньгами. Армія считалась «la grande muette», которая ничего не говорила, и о которой ничего не позволено было говорить... кромѣ хорошаго. Когда рѣдкій депутатъ рѣшался спросить о томъ или иномъ вопросѣ военнаго министра, вся палата негодовала, а отвѣтъ министра встрѣчался бурей аплодисментовъ. Это было какое-то особое гипнотическое состояніе, подобное которому рѣдко можно встрѣтить въ исторіи. Разъ депутатъ Лакруа, бывшій министръ, обратился—это происходило въ 1894 году,—къ генералу Мерсье, тогдашнему военному министру, съ вопросомъ: «Хорошо ли укрѣплено французское побережье?» Мерсье выступилъ на трибуну, говоритъ очевидецъ-депутатъ, и среди нескончаемыхъ «браво!» произнесъ рѣчь, заканчивающуюся словами: «Если врагъ будетъ имѣть несчастную мысль ударить ногой какую бы то ни было часть нашей земли, изъ нея поднимутся безчисленные легіоны, хорошо вооруженные, съ хорошей дисциплиной, съ хорошимъ начальствомъ, снабженные всѣми необходимыми средствами, чтобы доказать чудныя военныя качества нашей расы».

Эту декларацію прервалъ депутатъ Жюль Гедъ, словами: «Поду-

маешь, что говорить маршалъ Лебёфъ» *)). Со всѣхъ сторонъ поднялись шумные протесты, и предсѣдатель палаты Дюпюи пригласилъ Геда къ порядку. Однако, пять лѣтъ послѣ этого, «инцидентъ съ Фашодой» кончился неудачно для Франціи, такъ какъ оказалось, что она не въ состояніи бороться съ Англіей, въ виду того, что берега ея были совсѣмъ неукрѣплены. «Простого англійскаго судна достаточно, чтобы уничтожить систематически, какъ во время учебной стрѣльбы, важныя французскія гавани: Гавръ, Марсель, Шербургъ, и Ницу».

Слѣбое довѣріе къ Мерсье привело и къ другому печальному результату: смерти пяти тысячъ французскихъ солдатъ во время мадагаскарской экспедиціи. Изъ этихъ пяти тысячъ пали отъ пуль непріятеля только пятьдесятъ человекъ, а остальные сдѣлались жертвой непредусмотрительности военнаго министра, не снабдившаго армію нужнымъ количествомъ хинина для борьбы съ желтой лихорадкой. Когда въ 1894 году, по поводу этой экспедиціи, газеты открыли кампанію противъ Мерсье, онъ выдвинулъ дѣло Дрейфуса, въ предательствѣ котораго не былъ увѣренъ, только чтобы создать диверсію. Всѣ эти побужденія Мерсье стали извѣстными только при второмъ просмотрѣ дѣла, и тогда многіе республиканцы начали каяться за свою слѣпую вѣру въ непогрѣшимость военныхъ. Тотъ же самый Рейнакъ, который называетъ рѣчи Мерсье «banalité redondante», находился въ 1894 году среди депутатовъ, которые аплодировали Мерсье и порицали Геда.

Таковы печальныя послѣдствія французскаго милитаризма для обороны самой страны; но онъ привелъ къ политическимъ замѣшательствамъ не менѣе печальнаго характера. Благодаря тому обстоятельству, что правительство всегда держало армію въ сторонѣ отъ политической жизни Франціи и не допускало въ ней никакихъ нововведеній, армія превратилась въ учрежденіе, враждебное по своимъ тенденціямъ демократическому строю. Офицеры, оставшіеся еще со второй имперіи, продолжали быть такими же бонапартистами, какъ и при Наполеонѣ III. Съ другой стороны, роялистская аристократія отдавала своихъ дѣтей въ офицеры, такъ какъ войско являлось нейтральнымъ учрежденіемъ, куда можно было вступать, не будучи республиканцемъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ оказалось, что все высшее офицерство состоитъ почти исключительно изъ клерикаловъ, монархистовъ и антисемитовъ. Начальникомъ генеральнаго штаба былъ Буадефръ, близкій другъ іезуита, отца дю-Лака, его помощниками были клерикалы и антисемиты, генераль Гонзъ, полковникъ Аври, майоръ Пати дю-Кламъ. Они всѣ служили республикѣ, но не любили ее и, въ случаѣ опасности для нея,

*) Маршалъ Лебёфъ—военный министръ наканунѣ франко-прусской войны, который на вопросъ «все ли готово?» «отвѣтилъ»: «Да, все готово».

оказались бы на сторонѣ ея враговъ. «Что касается арміи,—говоритъ одинъ изъ ораторовъ конвента массонскаго «великаго востока» въ 1899 году,—она не только не будетъ защищать республики, но, боюсь, она объявится противъ нея. Въ рѣшительный часъ, вмѣсто того, чтобы повиноваться своему военному министру, она, боюсь, скорѣе будетъ слушать генерала іезуитовъ». Событія изъ современной жизни Франціи вполнѣ подтверждаютъ такой пессимистическій взглядъ. Офицерство настроено противъ республики, значитъ противъ самого французскаго народа, громадное большинство котораго горячо привязано къ ея учрежденіямъ. Такимъ образомъ, французская армія лишена одного изъ самыхъ существенныхъ элементовъ, которые придаютъ войскамъ силу: она лишена *нравственнаго единства*. Между начальствомъ, которое живетъ духовными интересами реакціонныхъ партій, и солдатами, проникнутыми республиканскими чувствами, неизбежно возникаетъ взаимное недобъріе, котораго дисциплина не въ состояніи уничтожить. Пока солдаты находятся въ казармѣ, они повинуются, но на свободѣ они не стѣсняются высказывать своихъ антипатій къ начальству. Подтверженіемъ этого служатъ печальные инциденты, происшедшіе въ прошломъ году въ Сентъ-Этьенъ, когда освободившіеся послѣ маневровъ резервисты съ большимъ скандаломъ освидѣтали своего полковника, обращеніемъ котораго они не были довольны. Съ другой стороны, среди арестованныхъ манифестантовъ монархистовъ и антисемитовъ не разъ бывали переодѣтые въ штатское платье офицеры, что и заставило бывшаго военнаго министра, генерала Галифе, лишить временно офицеровъ права носить штатское платье въ неслужебные часы.

Раньше французское офицерство импонировало на массу своей исключительною ролью защитника страны. Но съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ обязательная воинская повинность, задача обороны перешла ко всѣмъ гражданамъ. Когда генералъ Пелье въ первомъ процессѣ Золя закончилъ свою рѣчь патетической фразой: «Вы нападаете на генераловъ и офицеровъ, которые будутъ проливать свою кровь за отечество»,—адвокатъ Лабори ему преспокойно отвѣтилъ: «Г. генералъ, моя кровь стоитъ вашей». Мы видѣли выше, что воинственные инстинкты начинаютъ исчезать и среди самихъ офицеровъ. Это и понятно. Боевые инстинкты развиваются и укрѣпляются въ войнѣ, а вотъ уже больше тридцати лѣтъ, какъ Франція живетъ въ мирѣ со всѣми народами. Молодое поколѣніе офицеровъ знаетъ войну только по книгамъ и по маневрамъ, въ которыхъ отсутствуетъ самое существенное качество войны: опасность для жизни. Такъ что французское офицерство напоминаетъ скорѣе чиновничью корпорацію, но корпорацію особую, замкнутую, живущую извѣстными традиціями и привычками, которыя дѣлаютъ ее почти религіозной сектой. Богъ этой замкнутой корпораціи—*честь*. Офицеры живутъ не во имя какой-либо высокой идеи, не руководствуются какими-нибудь общими правилами, а только мыслью

сохранить честь своего полка. Такова психологія каждой замкнутой корпораціи, живущей не интересами общества, а своими собственными, корпоративными. Давно уже дальнозоркіе военные специалисты указывали на печальныя послѣдствія сильно развитого чувства корпоративной чести *). Полкъ, не желая, чтобы на его имя пало какое-нибудь пятно, прикрывалъ воровъ и преступниковъ. Честь французскаго генеральнаго штаба не позволяла ему признаваться въ совершенной ошибкѣ, и генеральный штабъ поддѣлываетъ бумаги, попираетъ истину, правосудіе, подавляетъ въ себѣ чувство жалости и состраданія къ невинному чело-вѣку, лишь бы доказать, что онъ не ошибался. Генералы диктуютъ военнымъ судьямъ заранѣе приготовленное рѣшеніе, а когда со стороны защитниковъ обвиняемыхъ поднимается протестъ: «Это не правосудіе», военный слѣдователь, маоръ Раваря, отвѣчаетъ: «Да, наше правосудіе не то, что ваше!» Честь высшаго начальника не допускаетъ, чтобы онъ ошибался, и когда его подчиненные судятъ по совѣсти, онъ ихъ караетъ. Въ 1891 г., въ Бельфорѣ въ одноиъ дѣлѣ о шпіонствѣ большинство военныхъ судей выносятъ оправдательный вердиктъ. Однако, мнѣніе ихъ начальника было другое: офицеры попали въ немилость и были переведены въ другой полкъ.

Въ поведеніи капитана Дрейфуса нѣкоторые поступки не могли не поразить своей странностью. Такъ, оказывается, что когда ему сообщили, какое страшное обвиненіе тяготитъ надъ нимъ, онъ, несмотря на потрясеніе, которое охватило его душу, тутъ же въ присутствіи полицейскихъ находилъ возможнымъ посмотретьъ на себя въ зеркало. Пять лѣтъ спустя, когда Дрейфусъ, послѣ неслыханныхъ страданій на Чертовомъ островѣ, явился въ Реннскій судъ, его манеры опять-таки поражали всѣхъ. Онъ держалъ руки «по швамъ» и говорилъ сухимъ, нечеловѣческимъ голосомъ. Въ томъ, и въ другомъ случаѣ въ Дрейфусѣ сказывался *автоматъ*—типъ современнаго французскаго офицера. Онъ живетъ не разумомъ, а привычками, сдѣлавшимися у него уже органическими. Когда одинъ изъ судей, послѣ показанія полковника Анри—въ первомъ процессѣ Дрейфуса—спросилъ, откуда онъ узналъ то, что говоритъ, Анри оговорился слѣдующимъ отвѣтомъ: «То, что знаетъ голова офицера, не должна знать его фуражка». Такой духъ совѣтъ не соотвѣтствуетъ французскому характеру, и не удивительно, что послѣ долгаго подчиненія милитаризму, французы начинаютъ находить, что онъ уродуетъ націю, убиваетъ ея хорошіе задатки, ея стремленія къ независимости и свободѣ.

Дѣло Дрейфуса было сигналомъ всеобщей борьбы за и противъ милитаризма. Клерикалы и монархисты взяли сторону военныхъ: съ одной стороны, потому, что это давало имъ хорошее средство для агитаціи, съ другой же—потому, что начала милитаризма совпадаютъ съ ихъ по-

*) М. Драгомировъ. «Очерки». Кіевъ. 1898, стр. 16—18.

литическимъ и общественнымъ мировоззрѣніемъ. Они и не скрываютъ этого средства. Вышеупомянутый авторъ Делафоссъ заявляетъ прямо: «Корпорационный духъ, являющійся великимъ качествомъ для арміи, составляетъ въ то же время величайшую опасность для республики». Другой защитникъ арміи, генералъ Бурелли, говоритъ, что преобладаніе аристократіи среди офицерства есть необходимое условіе для военной дисциплины, такъ какъ солдаты охотнѣе подчиняются высшему сословію, чѣмъ людямъ одинаковаго общественнаго положенія съ ними.

Противоположныя мнѣнія раздаются сильнѣе. Среди противниковъ милитаризма есть какъ полные его отрицатели, такъ же и болѣе умѣренные—старавшіеся примирить, насколько возможно, интересы арміи съ интересами республики. Къ послѣднимъ нужно отнести теперешній кабинетъ Вальдекъ-Руссо. Извѣстно, что генералъ Андрэ предпринялъ цѣлый рядъ мѣръ: реорганизацію военного суда, измѣненіе стараго воинскаго устава и, наконецъ, открытіе болѣе широкаго доступа демократическимъ элементамъ въ высшемъ офицерствѣ. Кромѣ того, теперешнему правительству приписываютъ еще желаніе сократить срокъ военной службы до двухъ лѣтъ. Однако, все это только проекты. Чтобы идти дальше, правительство ждетъ указаній отъ ближайшихъ законодательныхъ выборовъ.

Противники милитаризма требуютъ гораздо большаго: полнаго сокращенія военныхъ судовъ въ мирное время.

Что касается срока военной службы, одни требуютъ сокращенія ея до одного года, а другіе—замѣны постоянного войска народной милиціей. Раньше на такія требованія рѣшались только социалисты, теперь же и военные люди. Такъ, бывший артиллерійскій офицеръ Гастюль Мокъ доказываетъ, что для Франціи милиціонная система самая выгодная.

«Le charme est rompu», какъ говорилъ Наполеонъ III. Теперь и въ газетахъ, и въ парламентѣ милитаризмъ подвергается строгой критикѣ. Интеллигенція, такъ называемые «intellectuels», больше не стѣсняются выражать свои гуманитарныя чувства. «Если въ прошломъ Европы,—пишетъ одинъ авторъ,—интернаціонализмъ былъ самой великой славой Франціи, признакомъ ея вліянія, пробнымъ камнемъ ея величія, тотъ же самый интернаціонализмъ будетъ въ Европѣ грядущаго, какъ онъ есть въ Европѣ настоящаго, ея спасеніемъ, ея защитой и ея единственною возможностью исполнить свое великое назначеніе». Во время процесса Дрейфуса, въ Парижѣ было основано распространенное потомъ по всей Франціи, общество «Правъ человѣка и гражданина», предсѣдателемъ котораго сдѣлался бывший министръ юстиціи Трапье.

Въ 1900 году, въ Парижѣ былъ созванъ международный конгрессъ мира, гдѣ присутствовало много замѣчательныхъ французскихъ ученыхъ и публицистовъ, среди которыхъ былъ Фредерикъ Пасси, какъ вполнѣ заслужившій нобелевскую премію мира, чего нельзя сказать о Сюлли-

Прюдомъ. Конгрессъ высказывался противъ всякихъ завоевательныхъ войнъ, включая и колоніальныя экспедиціи. Националистская пресса опять увидѣла въ этомъ поруганіе чести Франціи и съ остервенѣніемъ набросилась на участниковъ конгресса, а въ особенности на французскихъ представителей.

На всѣ эти нападки отвѣтилъ знаменитый физиологъ Шарль Рише слѣдующее: «Наша лига добилась нѣкоторыхъ успѣховъ потому, что не обращая вниманія на ругательства шовинистовъ, неустанно вела свою пропаганду, повторяя при всякомъ удобномъ случаѣ, въ противоположность доктринерамъ войны, что война—дѣло позорное, что завоеватели—люди безчестные». Наконецъ, націоналисты получили неожиданный ударъ оттуда, откуда они меньше всего его ожидали: отъ франко-русскаго союза. Онъ привелъ французовъ къ сближенію съ Германіей, проявившемуся въ первый разъ въ присутствіи французскаго флота, вмѣстѣ съ русскимъ, на торжественномъ открытіи Кильскаго канала. Кромѣ того, во время китайско-японской войны, армянскихъ безпорядковъ и китайскихъ замѣшательствъ, французская, русская и нѣмецкая дипломатія дѣйствовали совмѣстно. Это сближеніе должно ослабить антинѣмецкій шовинизмъ французскихъ націоналистовъ. Если не всѣ они,—можетъ быть, многіе изъ нихъ станутъ, наконецъ, искать другой мирный путь для разрѣшенія эльзасъ-лотарингскаго вопроса. Тѣмъ болѣе, что возвращеніе Франціи этихъ провинцій, гдѣ теперь половина населенія—нѣмцы, поставило бы Германию по отношенію къ ней въ то же положеніе, въ которомъ она теперь находится по отношенію къ Германи. Это бы стало причиной новыхъ войнъ, новыхъ замѣшательствъ и продлило бы неизвѣстно еще на какой срокъ убійственное для прогресса состояніе, которое называется «вооруженнымъ миромъ». Тяжелый гнетъ такого «мира» чувствуется всѣми. Въ заключеніе приведемъ, какъ характерный фактъ, проектъ очень умѣреннаго публициста, Анатоля Леруа-Болье, предлагавшаго въ «Revue des Revues» *) конференцію, въ которую должны войти всѣ европейскія государства. Въ этомъ вельзя не видѣть нѣкотораго знаменія времени. Можетъ быть, наше столѣтіе оправдаетъ пророчество одного французскаго гуманиста эпохи второй имперіи, сказавшаго: «Націей XX столѣтія будетъ вся Европа».

Х. Г. Инсаровъ.

*) «Les Etats unis de l'Europe», 1 juin, 1900.

СУДЬБА.

Морисъ Метерлинкъ.

(Переводъ съ французскаго *Т. Бодановича*).

I.

Жили-были два брата, говоритъ старинная сербская сказка. Одинъ былъ очень дѣятеленъ, но несчастливъ, другой лѣнивъ, но осыпанъ милостями судьбы. Разъ несчастный братъ встрѣтилъ въ полѣ прелестную дѣвушку, она пасла стадо овецъ и прядла золотую нить.

— Кому принадлежать эти овцы?—спросилъ онъ.

— Тому же, кому принадлежу я сама.

— А кому принадлежишь ты?

— Твоему брату, я—его счастье.

— А гдѣ же мое счастье?

— Далеко отъ тебя.

— Могу ли я его найти?

— Да, если ты будешь искать его.

И онъ отправился на поиски своего счастья. Разъ вечеромъ, среди темнаго лѣса онъ увидѣлъ бѣдную старушку съ сѣдыми волосами, уснувшую подъ деревомъ. Онъ разбудилъ ее и спросилъ, кто она такая.

— Развѣ ты меня не знаешь?—сказала она.— Впрочемъ, ты, правда, никогда не видалъ меня; я—твое счастье.

— Кто же далъ мнѣ такое жалкое счастье?

— Судьба.

— Могу ли я найти Судьбу?

— Да, если ты будешь искать ее.

Онъ пошелъ на поиски Судьбы. Наконецъ, послѣ долгихъ странствованій ему показали Судьбу. Она жила въ роскошномъ дворцѣ. Но съ каждымъ днемъ богатства ея убывали, и стѣны, и двери, и окна ея дворца становились все меньше. Она объяснила ему, что постоянно переходитъ отъ богатства къ бѣдности и отъ бѣдности къ богатству. И то положеніе, въ какомъ она въ данное время находится, опредѣляетъ будущность всѣхъ дѣтей, рожденныхъ въ эту минуту.

— Ты родился на свѣтъ въ тотъ часъ, когда мое богатство убывало, отсюда всѣ твои несчастья.

Чтобы заговорить или обмануть злой рокъ, она совѣтуетъ ему замѣнить свое счастье счастьемъ его племянницы Милицы, рожденной въ періодъ благоденствія. Для этой замѣны достаточно взять къ себѣ въ домъ племянницу и говорить всякому, кто спроситъ, что все, чѣмъ онъ владѣетъ, принадлежитъ Милицѣ.

Онъ послѣдовалъ этому совѣту, и всѣ дѣла его пошли иначе. Стада его растутъ, деревья гнутся подъ тяжестью плодовъ, неожиданныя наслѣдства достаются ему, поля его приносятъ неслыханные урожаи. Однажды утромъ, подавленный сознаниемъ своего безграничнаго счастья, онъ любится великогѣпнымъ ржанымъ полемъ. Въ это время къ нему подходит странникъ и спрашиваетъ, кому принадлежать эти чудные колосья, усыпанные росой; они вдвое больше и вдвое тяжелѣе, чѣмъ на сосѣднихъ поляхъ. Забывшись, онъ отвѣчаетъ:

— Они принадлежать мнѣ.

Тотчасъ же на противоположномъ концѣ поля загорается огонь и начинается свою опустошительную работу. Тутъ онъ вспоминаетъ забытый совѣтъ, бѣжитъ за странникомъ и кричитъ ему.

— Я ошибся! Я сказалъ неправду. Стой, вернись! Поле это не мое, оно принадлежитъ моей племянницѣ Милицѣ!

Точно услышавъ эти слова, огонь гаснетъ, и колосья снова вырастаютъ.

II.

Эта наивная, старинная картинка показываетъ, что загадочная тайна счастья не измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ люди стали задумываться надъ ней. Она можетъ служить хорошей иллюстраціей и къ нашему теперешнему незнанію. У насъ есть наши мысли, которыя создаютъ наше внутреннее счастье или несчастье; надъ ними внѣшнія событія могутъ имѣть большее или меньшее вліяніе. Есть люди, у которыхъ эти мысли достигли такой живости и такого могущества, что безъ ихъ желанія ничто не можетъ проникнуть въ тотъ воздушный хрустальный замокъ, который они сумѣли воздвигнуть на холмѣ, господствующемъ надъ путемъ обычныхъ житейскихъ событій. У насъ есть воля, вскормленная нашими мыслями и опирающаяся на нихъ, которая имѣетъ силу устранять значительную часть бесполезныхъ или вредныхъ событій. Но вокругъ этихъ болѣе или менѣе прочныхъ, болѣе или менѣе неприступныхъ островковъ простирается такая же непокорная и такая же обширная область, какъ океанъ, гдѣ, повидимому, царитъ всеисильный случай, какъ вѣтеръ на волнахъ. Ни мысль, ни воля не могутъ помѣшать такой волнѣ неожиданно подняться, настичь насъ, оглушить, поразить. Ихъ благотворное дѣйствіе начинается вновь лишь послѣ того, какъ волна схлынула. Тогда онѣ помогаютъ намъ подняться, залечиваютъ наши раны, оживляютъ насъ и заботятся о томъ, чтобъ нанесенный намъ ударъ не проникъ до глубочай-

шихъ источниковъ нашей жизни. Этимъ ограничивается ихъ роль. Съ перваго взгляда она очень незначительна, но въ дѣйствительности, если только случай не облачается въ форму жестокой болѣзни или смерти,— она дѣлаетъ этотъ случай почти безсильнымъ и сохраняетъ то, что есть самаго лучшаго и самаго достойнаго человѣка въ человѣческомъ счастьи.

III.

Среди дѣйствій, которыя мы предвидѣли, среди событій, которыя мы вызвали, и которыя едва-едва намѣчаютъ основную линію нашего существованія, тѣснится и кружится грозное множество подстерегающихъ насъ случайностей.

Воздухъ, который мы вдыхаемъ, пространство, гдѣ мы движемся, время, которое мы проживаемъ, населены случайностями, которыя поджидаютъ насъ и выбираютъ изъ толпы. Если изучать ихъ привычки, то приходится придти къ убѣжденію, что эти удивительныя дѣянія судьбы, которыя должны бы быть такъ же слѣпы и глухи, какъ ихъ мать, дѣйствуетъ далеко не случайно. Онѣ знаютъ, чего хотятъ, и рѣдко ошибаются. Съ необъяснимой увѣренностью онѣ отличаютъ среди прохожихъ того, передъ кѣмъ онѣ должны встать. Пускай двое въ одинъ и тотъ же часъ слѣдуютъ по одному и тому же пути въ средѣ обоихъ незримыхъ войскъ судьбы, это не вызоветъ ни колебанія, ни смущенія. Навстрѣчу одному выходятъ бѣлыя дѣвы съ пальмами и амфорами и рассыпаютъ на его пути тысячи непредвидѣнныхъ удачъ. При приближеніи другого, изъ кустовъ бросаются «злые дѣвы», которыхъ обрисовалъ намъ Эсхилъ, точно онѣ хотятъ выместить на своей невинной жертвѣ какое-то неизгладимое оскорбленіе, нанесенное имъ еще до ея рожденія.

Каждому изъ насъ, вѣроятно, случалось наблюдать за судьбой людей, на которыхъ сыпались удачи или неудачи, совершенно не вытекавшія изъ ихъ поступковъ. Точно они вдругъ, на глазахъ у всѣхъ, вырастали изъ земли или падали съ неба. Все совершалось съ ними даромъ, незаслуженно и неизбѣжно. Тотъ и не надѣялся занять мѣсто, котораго добивался соперникъ, гораздо лучше его вооруженный, и вдругъ въ рѣшительную минуту этотъ соперникъ неожиданно сходитъ съ дороги. Другой съ полнымъ правомъ рассчитывалъ на поддержку преданнаго друга, и вотъ другъ этотъ умираетъ въ тотъ самый моментъ, когда уже протягивалъ несчастному руку помощи.

Этотъ, не одаренный ни красотой, ни талантами, не умѣющий ничего предвидѣть, каждое утро является къ волшебному замку богатства, славы и любви, въ тотъ краткій мигъ, когда всѣ двери его открыты; а тотъ, полный достоинствъ, долго обдумывавшій свой вполнѣ правильный шагъ, приходитъ туда въ тотъ самый моментъ, когда несчастье захлопываетъ всѣ двери на цѣлые полгода. Одинъ двадцать

разъ рискуетъ жизнью съ безумно дерзкой отвагой и остается цѣль и невредимъ, другой—одинъ только разъ со всевозможной остротой подвергаетъ себя опасности ради благородной цѣли,—и погибаетъ безвозвратно. Тысячи неизвѣстныхъ рукъ безсознательно помогаютъ первому, не зная его; другія невѣдомыя тысячи разрушаютъ дѣло второго, не подозрѣвая о его существованіи. И тѣ, и другія не сознаютъ, что дѣлаютъ; раздѣленные другъ отъ друга морями, онѣ повинуются тѣмъ же самымъ многообразнымъ и дробнымъ приказаніямъ. Потомъ въ опредѣленную часть раздробленныя части таинственной машины соединяются и срастаются. И такимъ образомъ время создаетъ двѣ различныя и опредѣленныя судьбы.

IV.

Докторъ Фуассакъ въ своей любопытной книгѣ «О счастье и судьбѣ» перечисляетъ безчисленныя и удивительныя примѣры глубокой, упорной, необъяснимой и неистребимой несправедливости, которую испытываютъ на себѣ нѣкоторыя существованія. Слѣдуя за нимъ, точно проникаешь въ какую-то лабораторію иного міра, гдѣ для взвѣшивания и распредѣленія счастья и несчастья нѣтъ ничего напоминающаго приемы, основанныя на человѣческой справедливости и человѣческомъ разумѣ. Среди многихъ другихъ онъ описываетъ жизнь Во-венарга *), самаго несчастнаго изъ великихъ ученыхъ. Несмотря на его гений, на его нравственную красоту, на его мужество, всѣ его стремленія были искажены и разбиты въ рѣшительный моментъ подъ натискомъ страшныхъ болѣзней. Каждый день онъ переходилъ отъ незаслуженнаго пораженія къ неожиданной несправедливости и умеръ тридцати двухъ лѣтъ, въ тотъ моментъ, когда дѣло его жизни было наканунѣ всеобщаго признанія. Онъ приводитъ ужасную исторію Лезюрка **), въ которой тысячи случайностей, точно посылаемыхъ са-

*) Знаменитый французскій моралистъ восемнадцатаго вѣка.

**) Вотъ эта исторія въ передачѣ доктора Фуассака: «8-го флореала IV года курьеръ и почтальонъ, сопровождавшіе почту изъ Парижа въ Лионъ, были убиты и ограблены въ 9-вечера въ Сенарскомъ дѣсу. Убийцами были Куріаль, занявшій мѣсто въ экипажѣ рядомъ съ курьеромъ, Дюрошаль, Россю, Видоль и Дюбокъ, выѣхавшіе ему навстрѣчу на нанятыхъ лошадяхъ, и Бернаръ, доставившій лошадей и принявшій участіе въ дѣлежѣ добычи. За это преступленіе, въ которомъ участвовали пять убійцъ и одинъ пособникъ, въ теченіе четырехъ лѣтъ было казнено семь человѣкъ. Слѣдовательно, правосудіе наказало одного лишняго человѣка, казнило невиннаго. Это не могъ быть ни одинъ изъ шести преступниковъ, признавшихъ свою вину. Этимъ невиннымъ былъ Лезюркъ, заявлявшій до конца, что онъ не виновенъ, и не признанный ни однимъ изъ своихъ предполагаемыхъ сообщниковъ. Какимъ образомъ этотъ несчастный запутался въ дѣло, давшее его имени такую печальную извѣстность? Судьба пожелала, чтобы за четыре дня до совершенія преступленія Лезюркъ, только что получившій 18.000 фунтовъ ренты и переехавшій изъ Дуэ въ Парижъ для воспитанія дѣтей, былъ приглашенъ завтракать

нимъ адомя, стекаются, чтобы погубить невиннаго, между тѣмъ какъ истина, закованная судьбой, беззвучно стонетъ подъ тысячью оши-

къ своему земляку Гесно. Во время завтрака случайно зашелъ Куріоль и тоже позавтракалъ съ ними. Куріоль былъ заподозренъ очень скоро, объ этомъ завтракъ стало извѣстно, и Гесно былъ тоже арестованъ по подозрѣнію. Но онъ тотчасъ же доказать свое alibi, и судья немедленно выпустилъ его. Но по причинѣ поздняго времени, судья попросилъ его на другой день зайти за своими бумагами.

12-го флореала утромъ Гесно, отправляясь въ префектуру, встрѣтилъ по дорогѣ Лезюрка и предложилъ ему проводить его, чтобы прогуляться вмѣстѣ. Лезюркъ не былъ ничѣмъ занятъ и согласился. Пока они ожидали въ приемной прихода судьи, туда ввели двухъ женщинъ, привлеченныхъ въ качествѣ свидѣтельницъ. Онѣ, обманутыя нѣкоторымъ сходствомъ между бѣжавшимъ Дюбоккомъ и Лезюркомъ, заявили, что этотъ послѣдній тоже изъ числа убійцъ и упорно настаивали на этомъ. Прошлое говорило въ пользу Лезюрка, и, кромѣ того, онъ утверждалъ, что 8-го флореала не покидалъ Парижа и въ доказательство сослался на то, что онъ присутствовалъ при сдѣлкѣ между ювелиромъ Легранъ и Альденовъ. Эта сдѣлка дѣйствительно была заключена 8-го флореала. У Леграна потребовали, чтобы онъ представилъ свои книги, но тотъ, пересматривая ихъ, замѣтилъ, что по ошибкѣ помѣтилъ сдѣлку 9-мъ числомъ. Онъ думалъ, что поступить вполнѣ хорошо, подскобливъ цифру 9 и поставивъ вмѣсто нея 8. Онъ хотѣлъ помочь своему земляку, въ невинности котораго былъ увѣренъ. Этимъ самымъ онъ окончательно погубилъ его. Поддѣлка была очень легко установлена; съ этой минуты судья и присяжные не придавали никакой вѣры свидѣтелямъ защиты, вызваннымъ обвиняемымъ. Онъ былъ приговоренъ къ казни, и имущество его конфисковано. Между приговоромъ и его исполненіемъ протекло 187 дней, срокъ необыкновенный для той эпохи. Въ его виновности возникли большія сомнѣнія.

«Директорія не имѣла права помилованія, она доложила объ этомъ дѣлѣ совѣту пятисотъ, спрашивая «долженъ ли Лезюркъ погибнуть за сходство съ виновнымъ». Совѣтъ, по предложенію Симеона, перешелъ къ очереднымъ дѣламъ, и Лезюркъ былъ казненъ, простивъ своимъ судьямъ. Въ моментъ произнесенія приговора Куріоль твердымъ голосомъ произнесъ «Лезюркъ невиненъ!» То же самое онъ повторялъ по дорогѣ до самаго эшафота. Всѣ остальные обвиненные, признавъ свою вину, заявляли, что Лезюркъ невиновенъ. Только въ IX году былъ арестованъ и приговоренъ къ казни его двойникъ Дюбокъ.

«Рокъ, преслѣдовавшій Лезюрка, не пощадилъ и его семьи. Мать его умерла отъ горя, жена сошла съ ума, трое дѣтей владели жалкое существованіе, заброшенные, нищіе. Наконецъ, тронутое такимъ ужаснымъ несчастьемъ, правительство вернуло дѣтямъ пятьсотъ или шестьсотъ тысячъ франковъ, отнятыя у нихъ. Но большая часть этого состоянія погибла жертвой мошеннической продѣлки. Прошло 60 лѣтъ; изъ трехъ дѣтей Лезюрка двое умерло. Осталась въ живыхъ одна Виргинія Лезюркъ. Общественное мнѣніе давно уже признало невинность ея несчастнаго отца. Но она желала большаго, и какъ только 29-го іюня 1867 года былъ изданъ законъ, допускающій пересмотръ уголовныхъ дѣлъ, она потребовала, чтобы невинность его была признана судомъ. Но послѣдняя роковая случайность сдѣлала такъ, что какія-то формальности не были соблюдены, и судъ 17-го дек. 1868 г. отказалъ войти въ рассмотрѣніе дѣла по существу.

«Кажется, что мы видимъ передъ собой несчастнаго, отданнаго во власть эменидамъ. Со времени рокового завтрака у Гесно онъ кружится вокругъ пропасти, стремящейся поглотить его, а судьба, какъ коршунъ, носится надъ его головою, затѣвая свѣтъ отъ тѣхъ, кто приближается къ нему.

«Стеченіе роковыхъ обстоятельствъ въ этомъ дѣлѣ кажется положительно сверхъ-

бокъ, завалившихъ ее,—какъ беззвучно стонетъ иногда человѣкъ подъ гнетомъ кошмара и не можетъ сдѣлать ни одного движенія, чтобы разогнать окружающій вракъ.

Далѣе онъ передаетъ случай съ Эмаромъ Ранконе, президентомъ парижскаго парламента. Честнѣйшій человѣкъ, онъ былъ несправедливо лишень своего званія, видѣлъ, какъ дочь его умирала въ нищетѣ, какъ сынъ погибъ на эшафотѣ, какъ жену убило молніей; самъ же онъ былъ обвиненъ въ ереси, брошенъ въ Бастилію и умеръ тамъ отъ горя, не дождавшися суда.

Намъ кажутся легендарными и невѣроятными несчастья Атридовъ или Эдипа, а между тѣмъ въ современной исторіи несчастье также упорно преслѣдуетъ нѣкоторыя семьи, какъ, на примѣръ, Стюартовъ или Колины, или съ ненавистью терзаетъ отдѣльныя личности, не покидая ихъ до могилы, какъ, на примѣръ, Генріетту Англійскую, дочь Генриха IV, Луизу Бурбонскую, Иосифа II и Марію-Антуанету.

А что сказать о слѣпой, но какъ будто сознательной, какъ будто систематической несправедливости случая въ разныхъ дуэляхъ, битвахъ, грозахъ, кораблекрушеніяхъ и пожарахъ? Что сказать о невѣроятномъ счастьи какого-нибудь Шастенэ де-Пуасегюръ, прослужившаго 40 лѣтъ, принимавшаго участіе въ тридцати битвахъ, всегда въ первыхъ рядахъ, отличавшагося баснословною храбростію и ни разу не получившаго ни одной раны, въ то время какъ маршалъ Удино былъ раненъ тридцать пять разъ, а генералъ Трезель не выходилъ невредимымъ ни изъ одного столкновенія съ непріятелемъ? Что сказать также объ удивительномъ счастьи Ловена, Шамильера, Казановы, Честерфильда, о постоянныхъ удачахъ Суллы, Маріа, Діонисія Старшаго, прожившаго до глубокой старости, несмотря на свои преступленія, и умершаго отъ радости при извѣстїи, что афиняне увѣнчали одну изъ его трагедій? Что сказать, наконецъ, о судьбѣ Ирода, прозваннаго Великимъ или Аскалонитскимъ, который всю жизнь плавалъ въ крови, умертвилъ свою жену, пятерыхъ дѣтей, всѣхъ благородныхъ людей, мѣшавшихъ ему, и всегда во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ встрѣчавшаго неизмѣнную удачу.

V.

Эти знаменитые случаи, (число которыхъ можно было бы увеличить до безконечности), вырастаютъ до необычайныхъ размѣровъ благодаря исторической перспективѣ. Въ дѣйствительности, на плохо освѣщенной сценѣ обыденной жизни разыгрываются каждый день въ бо-

естественнымъ, и случай этотъ представляется типичнымъ, страшнымъ и символическимъ, какъ мнѣ. Но несомнѣнно, что въ меньшемъ видѣ подобныя сдѣленія обстоятельствъ происходятъ каждый день въ тысячахъ досадныхъ или комичныхъ случаевъ обыденныхъ живней, протекающихъ подъ несчастной звѣздой».

лѣ скромныхъ разгѣрахъ не менѣе поразительные примѣры десятковъ тысячъ капризовъ счастливой или несчастной судьбы.

Конечно, присматриваясь къ этимъ случаямъ дерзкаго счастья и неизмѣннаго несчастья, мы должны отвести львиную долю на счетъ физическихъ и нравственныхъ причинъ, объясняющихъ ихъ. Быть можетъ, если бы мы знали Вовенарга, мы нашли бы въ его характерѣ боязливость и нерѣшительность или непримиримую гордость, которыя мѣшали ему съ необходимой рѣшительностью пользоваться случаемъ. Возможно, что Лезюркъ не обладалъ достаточною ловкостью или былъ лишенъ той чудесной внутренней силы, которую мы ожидаемъ встрѣтить у невинно осужденной добродѣтели. Несомнѣнно, что Стюарты, Іосифъ II и Марія-Антуанета совершили рядъ громадныхъ ошибокъ, повлекшихъ за собой несчастья, что Лозенъ, Казанова, лордъ Честерфильдъ освободили себя отъ нравственной щепетливости, которая связываетъ руки честнымъ людямъ. Несомнѣнно также, что хотя судьба Суллы, Марія, Діонисія и Ирода Аскалонитскаго была внѣшнимъ образомъ счастлива до невѣроятности, никто изъ насъ, я думаю, не удовлетворился бы этимъ страннымъ призракомъ счастья, безпкойнаго, кроваваго, почти лишеннаго мыслей и чувства, какимъ должно было быть это счастье (если только можно примѣнять тутъ это слово), основанное на непрерывныхъ преступленіяхъ. Но когда мы сдѣлаемъ со всей необходимой широтой, со всѣмъ благоразуміемъ эти исключенія (и чѣмъ больше наблюдаютъ и изучаютъ жизнь, чѣмъ больше проникаютъ въ тайну малыхъ причинъ и великихъ слѣдствій, тѣмъ шире они будутъ дѣлаться), то среди этихъ упорно повторяющихся совпаденій, среди этихъ неразрушимыхъ рядовъ удачъ и неудачъ,—ибо счастье и несчастье, какъ уже давно замѣчено, всегда приходятъ непрерывными рядами,—передъ нами останется еще значительное количество важныхъ и знаменательныхъ случаевъ, которые можно объяснить только неразгаданной, но безспорной властью какой-то невѣдомой, но реальной силы. Ее называютъ случаемъ, рокомъ, судьбой, счастьемъ и несчастьемъ, крыломъ бѣлаго и крыломъ чернаго ангела и еще множествомъ другихъ названій, смотря по большей или меньшей поэтичности, по большей или меньшей склонности къ фантазіи народа и эпохи. Это одна изъ самыхъ тревожныхъ, одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ для человѣка изъ всѣхъ, какія ему нужно разрѣшить, чтобы почувствовать себя главнымъ, законнымъ, независимымъ и неизмѣннымъ обитателемъ нашей земли.

VI.

Прежде всего поставимъ передъ собой этотъ вопросъ въ самой простой формѣ и посмотримъ, касается ли онъ только человѣка и никого болѣе. У насъ есть на землѣ молчаливые и вѣрные спутники жизни, о которыхъ не бесполезно вспомнить, когда голова начинаетъ

слегка кружиться на тѣхъ, быть можетъ, воображаемыхъ высотахъ, гдѣ намъ представляется, что и свѣтила, и боги или иные представители высшихъ законовъ вселенной заняты только нами. Спокойные и доверчивые въ своей покорности судьбѣ, эти бѣдные братья нашей животной жизни имѣютъ такой видъ, точно они знаютъ многое, чего мы уже не знаемъ. Но они невозмутимо хранятъ тайну, въ которую мы съ такой тревогой стараемся проникнуть! Нѣтъ сомнѣнiя, что животныя, особенно домашнiя животныя также подчинены извѣстнаго рода судьбѣ. Они пользуются также незаслуженнымъ и продолжительнымъ счастьемъ или терпятъ неожиданное и упорное несчастье; они могли бы, какъ и мы, говорить о счастливой звѣздѣ, объ удачѣ и неудачѣ, о счастьи и несчастьи. Судьба извозчицѣй лошади, которая кончаетъ жизнь на живодернѣ, побывавъ въ рукахъ сотни неизвѣстныхъ палачей, также необъяснима въ сравненiи съ судьбой чистокровнаго скакуна, умирающаго отъ старости въ конюшнѣ сострадательнаго хозяина, какъ и судьба хозяина-человѣка, случайно обѣднѣвшаго, въ сравненiи съ судьбой незаслуженно разбогатѣвшаго, если только не стоять на точкѣ зрѣнiя буддiйской доктрины, по которой настоящая жизнь представляетъ собой награду или наказанiе за предшествовавшее существованiе. Въ Голландiи есть порода упряжныхъ собакъ, которыхъ судьба попережнѣнно то осыпаетъ своими милостями, то преслѣдуютъ своей ненавистью. Если ихъ купить мясникъ, онѣ ведутъ завидную жизнь. Работы крайне мало. Утромъ, запряженные четверкой, онѣ везутъ на бойню легкую телѣжку, а вечеромъ веселымъ галопомъ возвращаются оттуда по узкимъ кривымъ улицамъ, мимо привѣтливо освѣщенныхъ домиковъ съ телѣжкой, доверху наполненной мясомъ. Въ промежуткѣ онѣ пользуются полной свободой, и какой свободой!— среди крысъ и отбросовъ бойни. Онѣ наѣдаются до отвала, толстѣютъ, лоснятся, [какъ тюлени, и пьютъ полной чашей все то счастье, о которомъ только можетъ мечтать наивная и хищная душа доброй собаки. А въ то же время ихъ несчастные братья той же породы, купленные тряпичникомъ или продавцомъ песку, почти всегда хромымъ, или бѣднымъ крестьяниномъ въ тяжелыхъ деревянныхъ сапогахъ, весь вѣкъ таскаются прикованные къ тяжелымъ телѣжкамъ или уродливымъ тачкамъ. Плѣшивые, грязные, худые, голодные и избитые, они до смерти не могутъ вырваться изъ этого ада, куда ихъ ввергла какая-нибудь мелкая монета, сунутая въ мозолистую руку. И среди мiра болѣе удаленнаго отъ „человѣка, мы также встрѣчаемъ куропатокъ или фазановъ, оленей [и зайцевъ, которымъ положительно нѣтъ счастья, ни одна встрѣча съ охотникомъ не обходится имъ даромъ, между тѣмъ какъ другiе, неизвѣстно какимъ образомъ и вслѣдствiе какой привилегiи, избѣгаютъ всѣхъ опасностей.

Они, слѣдовательно, также какъ и мы, претерпѣваютъ всевозможныя несправедливости. Мы не думаемъ, конечно, по поводу этихъ не-

справедливостей тревожить всѣхъ боговъ и обращаться съ запросами къ таинственнымъ силамъ. А между тѣмъ, то, что съ ними происходитъ, представляетъ, быть можетъ, только наивную упрощенную картину того, что переживаемъ и мы. Конечно, для нихъ мы играемъ роль тѣхъ самыхъ таинственныхъ силъ, которыхъ мы ищемъ для себя. Но имѣемъ ли мы въ такомъ случаѣ право ожидать отъ этихъ послѣднихъ больше сознательности и разумной справедливости, чѣмъ мы сами проявляемъ въ отношеніи животныхъ? Во всякомъ случаѣ, если бы этотъ примѣръ послужилъ только къ тому, чтобы отнять у этихъ силъ нѣкоторую часть безплоднаго престижа, окружающаго ихъ, и настолько же усилить въ насъ духъ предпримчивости и борьбы, то это былъ бы самъ по себѣ немаловажный выигрышъ.

VII.

Принимая это новое исключеніе, мы все-таки не можемъ отрицать, что, по крайней мѣрѣ, для болѣе сложной жизни человѣка приходится часто искать невѣдомыхъ еще намъ причинъ счастья и несчастья тамъ, гдѣ начинается видимое господство случайности, этой развѣнной монеты судьбы. Мы знаемъ, что есть люди съ «счастливой» и съ «несчастной» рукой, и это знаніе составляетъ часть тѣхъ безформенныхъ, но глубокихъ представленій о законахъ жизни, которыя тысячелѣтній опытъ превратилъ въ своего рода инстинктъ. Мнѣ пришлось быть близкимъ свидѣтелемъ судьбы одного моего товарища, котораго упорно преслѣдовало несчастье. Я не хочу этимъ сказать, что его жизнь была несчастной. Замѣчательно даже, что несчастныя случайности всегда обходили основную линію его дѣйствительнаго счастья, быть можетъ, потому, что она была хорошо защищена. Его внутренняя жизнь была очень интенсивна,—мысли, надежды, убѣжденія, глубокія чувства владѣли имъ. Онъ зналъ, что всѣ эти блага защищены отъ ударовъ судьбы, и что, помимо его воли, ничто не можетъ разрушить ихъ. Судьба совсѣмъ не непобѣдима; иначе сказать, основное направленіе нашей жизни, главный внутренній каналъ, можетъ быть направляемъ къ счастью или къ несчастью, хотя его развѣтвленія, простирающіяся на каждый день, и тысячи притоковъ, которые вливаетъ въ него случай, ускользаютъ отъ нашей воли.

Такъ прекрасная рѣка, спускающаяся съ высотъ и сверкающая благородной чистотой ледниковъ, протекаетъ черезъ равнины и города, гдѣ въ нее вливается отравленная вода. На мгновеніе она замутится, и намъ кажется, что она навсегда потеряла образъ чистыхъ небесъ, который она унесла съ собой изъ своего источника, и который казался ея душой, глубокимъ и чистымъ выраженіемъ ея силы. Но посмотрите на нее тамъ, подъ тѣми высокими деревьями; тамъ она забываетъ уже оскорбленія ручьевъ. Снова въ ея прозрачныхъ волнахъ отражается

лазурь небесъ, и она несетъ ее въ море, чистая, какъ въ тотъ моментъ, когда она со смѣхомъ разставалась съ горными источниками.

И тотъ человѣкъ, о которомъ я рассказываю, плакалъ много разъ, но никогда не плакалъ тѣми слезами, какими оплакиваютъ потерю самого себя, и которыя никогда не изглаживаются изъ памяти. Поэтому каждая неудача, послѣ неизбежнаго нервнаго расстройства, только приближала его къ тайному источнику его счастья, только сильнѣе подчеркивала его только дѣлала его болѣе дорогимъ, болѣе жгучимъ и болѣе прочнымъ. Но, какъ только онъ покидалъ это волшебное убѣжище, на него обрушивался рядъ враждебныхъ случайностей. Онъ, напримѣръ, очень недурно владѣлъ саблей, три раза онъ выходилъ на дуэль и три раза былъ раненъ болѣе слабыми соперниками. Если онъ ѣхалъ куда-нибудь, путешествіе почти никогда не проходило благополучно. Если онъ вкладывалъ деньги въ какое-нибудь предпріятіе, оно сейчасъ же получало дурной оборотъ. Одна судебная ошибка, которая произошла благодаря рѣдкому сцѣпленію несчастныхъ случайностей, причинила ему рядъ серьезныхъ непріятностей. Наружность у него была пріятная, взглядъ открытый и полный доброты, и, тѣмъ не менѣе, онъ не считался «симпатичнымъ». Онъ не вызывалъ того безпричиннаго расположенія, которое мы часто даримъ неизвѣстно почему первому встрѣчному, быть можетъ, врагу. И сердечная жизнь слагалась у него не болѣе удачно. Любящій и гораздо болѣе достойный любви, чѣмъ тѣ, ради кого жертвовало имъ непостоянное женское сердце, онъ встрѣчалъ на своемъ пути только измѣны, горе и разочарованія. Такъ шелъ онъ впередъ, стараясь насколько возможно избѣгать тѣхъ ловушекъ, какія ставила ему неблагоприятная судьба, не приходя въ отчаяніе и даже не огорчаясь черезчуръ глубоко, только удивляясь нѣсколько такой ярости нападокъ. И, наконецъ, онъ все-таки встрѣтилъ единственное великое счастье своей жизни, — любовь исключительную, страстную и неизмѣнную, такую же, какая жила въ немъ. Съ этого момента, точно подѣ благотворнымъ вліяніемъ иной звѣзды, смѣшавшей свои лучи съ лучами его звѣзды, онъ сталъ замѣчать, что несчастныя случайности стали медлить, запаздывать, приходять все рѣже и, наконецъ, совсѣмъ исчезли съ его пути. Точно онъ неохотно оставляли привычку слѣдовать за нимъ по пятамъ. Онъ въ дѣйствительности долженъ былъ признать, что счастье повернулось къ нему лицомъ. Теперь, попавъ такъ сказать въ нейтральную атмосферу, гдѣ господствуютъ обычныя случайности, общія большинству, онъ съ улыбкой вспоминаетъ то время, когда каждое его движеніе подстерегалось невидимымъ врагомъ и порождало какую нибудь опасность.

VIII.

Не будемъ тревожить боговъ, чтобъ объяснить эти явленія. Они только тогда будутъ въ состояніи объяснять намъ что-нибудь, когда

сами будутъ достаточно объяснены. И судьба, самая невѣдомая въ всего сонма боговъ, имѣетъ меньше всѣхъ права вторгаться сюда и взывать изъ глубины окружающаго ее непрогляднаго мрака:—«это мое дѣло, я такъ рѣшила!» Не будемъ обращаться также къ вѣчнымъ законамъ вселенной, къ судьбамъ истории, къ мировой волѣ, къ небесной справедливости. Эти силы существуютъ, и мы ощущаемъ на себѣ ихъ могущество, также какъ мы ощущаемъ могущество солнца. Но, также какъ и это послѣднее, онѣ дѣйствуютъ, не имѣя насъ въ виду. Въ безграничной сферѣ ихъ дѣйствія мы пользуемся все же громадной свободой, и ужъ, конечно, онѣ заняты не тѣмъ, чтобы наблюдать за нами, подсовывать соломенки или снимать соринки съ тропинокъ нашего муравейника. Разъ дѣло идетъ о насъ, о нашей маленькой жизни, въ насъ, я думаю, и надо искать ключа къ этой тайнѣ; всего вѣроятнѣе, что каждое существо въ себѣ самомъ носитъ наилучшее разрѣшеніе той задачи, какую оно само себѣ ставитъ.

Внутри насъ самихъ, подъ нашимъ сознательнымъ существованіемъ, подчиненнымъ разуму и волѣ, есть другое, болѣе глубоко лежащее существованіе. Съ одной стороны оно уходитъ въ безконечное прошлое, недоступное никакой исторіи, съ другой—простирается въ будущее, которое не изжить ни въ какія тысячелѣтія. Не рискуя быть слишкомъ смѣлыми, мы можемъ предполагать, что именно тамъ прячутся всѣ боги. Тѣ изъ нихъ, которыми мы населили землю и планеты, постепенно выходили оттуда, чтобы получить имя и облечься въ форму болѣе доступную нашему воображенію. По мѣрѣ того, какъ человекъ начинаетъ видѣть болѣе отчетливо, менѣе нуждается въ символахъ и образахъ, онъ уменьшаетъ количество этихъ именъ, количество этихъ формъ. Въ концѣ концовъ, онъ произноситъ только одно имя, удерживаетъ только одну форму и мало-по-малу онъ начинаетъ подозрѣвать, что и эта послѣдняя форма, и это послѣднее имя представляютъ не болѣе, какъ образъ той силы, которая всегда обитала въ насъ самихъ. Тогда боги снова возвращаются въ насъ, и уже здѣсь мы обращаемся къ нимъ съ запросами.

IX.

И я допускаю, что объясненія причинъ счастливыхъ и несчастныхъ случайностей, управляющихъ нами, надо искать въ нашей бессознательной жизни, обширной, неистощимой, неисчерпаемой и божественной. Въ насъ живетъ нѣчто, составляющее наше истинное я, общая, безграничная и, вѣроятно, бессмертная сущность. Нашъ разумъ,—родъ фосфорическаго свѣта на поверхности этого океана,—ослѣпляетъ ее далеко не полно. Но съ каждымъ днемъ онъ все больше убѣждается, что въ ней надо искать разгадокъ всѣхъ тайнъ человѣческой жизни, до сихъ поръ еще не объясненныхъ. Эта бессознательная сущность живетъ въ иномъ мірѣ, въ иной атмосферѣ, чѣмъ нашъ разумъ. Она

не хочет ничего знать о времени и пространствѣ, объ этихъ двухъ прочныхъ, хотя и созданныхъ воображеніемъ стѣнахъ, изъ предѣловъ которыхъ не можетъ выходить нашъ разумъ, не рискуя заблудиться. Для нея не существуетъ ни близкаго, ни далекаго, ни прошлаго, ни будущаго, ни противодѣйствія матеріи. Она все знаетъ и все можетъ. Въ той или другой степени существованіе этой силы всегда признавалось. Проявленіямъ ея давались разные названія: инстинктъ, душа, бессознательное, «подсознательное», рефлекторныя движенія, интуиція, предчувствіе и т. п. Ей приписывалась неопредѣленная и подчасъ чудесная дѣятельность тѣхъ нашихъ нервовъ, которые не участвуютъ непосредственно въ работѣ нашего ума и нашей воли и составляютъ, повидимому, самую жизненную энергію. По всей вѣроятности, она приблизительно одной природы у всѣхъ людей вообще. Но она очень различными способами сообщается съ разумомъ. У однихъ эта невѣдомая сущность лежитъ на такой глубинѣ, что можетъ заниматься лишь физическими функціями и продолженіемъ рода. У другихъ она, наоборотъ всегда бодрствуетъ и часто поднимается такъ высоко, что волшебнымъ образомъ достигаетъ поверхности вѣшней сознательной жизни. Она вторгается въ нее, предвидитъ, предсказываетъ, рѣшаетъ и вообще проявляетъ свое вмѣшательство въ разныхъ серьезныхъ случаяхъ жизни. Откуда берется эта сила? Это неизвѣстно. Определенныхъ и точныхъ законовъ она не имѣетъ. Нельзя установить никакого постоянного отношенія между дѣятельностью бессознательнаго и развитіемъ ума. Эта дѣятельность подчиняется неизвѣстнымъ намъ правиламъ. Теперь, при настоящемъ состояніи нашихъ званій, она кажется совершенно случайной. Мы встрѣчаемъ ее у того, а не у другого, и ни одинъ признакъ не указываетъ намъ причины этого различія.

X.

Идетъ ли дѣло о счастливой или о несчастной случайности, вотъ что происходитъ по всей вѣроятности: какой-нибудь случай, благоприятный или неблагоприятный для насъ, возникшій изъ великихъ и вѣчныхъ законовъ, встаетъ на нашемъ пути и преграждаетъ его. И вотъ онъ стоитъ передъ нами, неподвижный, роковой, неистребимый. Ему нѣтъ дѣла до насъ, онъ возникъ не ради насъ. Смыслъ его существованія только въ немъ и для него. Онъ насъ не зваетъ. Не онъ къ намъ, а мы къ нему приближаемся, и мы, войдя въ сферу его вліянія, должны рѣшить, бѣжать ли отъ него или идти къ нему навстрѣчу, обойти его или воспользоваться имъ. Предположимъ, что это случай несчастный, кораблекрушеніе, пожаръ, ударъ молніи, или смерть, болѣзнь, какое-нибудь особенно горе. Онъ ждетъ невидимый и слѣпой, равнодушный, неистребимый и могущественный. Онъ существуетъ уже во всей своей полнотѣ, но еще въ будущемъ. А наши чувства устроены такъ, что мы воспринимаемъ вещи лишь послѣдовательно во времени, и для насъ

поэтому онъ еще какъ бы не существуетъ. Чтобы мысль наша стала еще болѣе отчетливой, допустимъ, что дѣло идетъ о кораблекрушеніи. Корабль, который долженъ погибнуть, еще не вышелъ изъ гавани, скала или рифъ, о который онъ разобьется, спокойно дремлетъ подъ водой, и буря, которая разразится въ концѣ мѣсяца, таится въ небесахъ, недоступная для взоровъ. При обычномъ ходѣ вещей, если бы ничего не было приуготовлено, если бы въ будущемъ не таилась катастрофа, изъ пяти или шести разныхъ странъ пріѣхали пятьдесятъ пассажировъ и заняли мѣста на пароходѣ. Но корабль отмѣченъ судьбой. Ему предстоитъ неминуемо погибнуть. И вотъ, въ продолженіи мѣсяцевъ, быть можетъ, даже лѣтъ, среди пассажировъ, которые должны были бы отплыть въ этотъ день, совершался таинственный отборъ. Возможно, что изъ пятидесяти первоначальныхъ пассажировъ, только двадцать оказались на кораблѣ въ моментъ отплытія *).

Возможно даже, что изъ первоначальныхъ пятидесяти ни одинъ не подчинится обстоятельствамъ, которыя, не будь опасности, заставили бы ихъ ѣхать, и вмѣсто нихъ поѣдутъ 20 или 30 другихъ, для кого голосъ случая не звучитъ такъ отчетливо.

Здѣсь, гдѣ мы заглядываемъ въ самую глубину самой глубокой изъ загадокъ человѣческаго существованія, область предположеній волей-

*) Замѣчательно, что всегда во время великихъ катастрофъ число жертвъ оказывается значительно меньше, чѣмъ можно было бы опасаться по самымъ разумнымъ расчетамъ вѣроятностей. Въ послѣдній моментъ какое-нибудь исключительное и неожиданное обстоятельство всегда устраняетъ половину или даже двѣ трети тѣхъ людей, которымъ грозила невидимая опасность. На столкнувшихся пароходахъ на курьерскомъ поѣздѣ, свалившемся въ пропасть, ѣдетъ меньше пассажировъ, чѣмъ въ тѣ дни, когда съ ними ничего не случается. Мостъ проваливается, противъ всѣхъ ожиданій именно тогда, когда толпа покидаетъ его. Къ несчастью, нельзя сказать того же о пожарахъ въ театрахъ и другихъ общественныхъ мѣстахъ. Но тамъ, какъ извѣстно, главную опасность представляетъ не огонь, а сама толпа, обезумѣвшая и разъяренная. Съ другой стороны, взрывы газовъ въ шахтахъ случаются обыкновенно въ то время, когда тамъ гораздо меньше рабочихъ, чѣмъ могло бы быть, пороховой заводъ взлетаетъ на воздухъ также въ то время, когда большинство тѣхъ рабочихъ, которые неминуемо погибли бы, по какой-нибудь случайной причинѣ вышли оттуда. Это настолько твердо установлено, что превратилось уже во всѣмъ извѣстную ходячую форму выраженія: «Катастрофа эта могла бы имѣть ужасныя послѣдствія, но, благодаря такому-то обстоятельству, число ея жертвъ ограничилось...» Или: «Содрагаешься при мысли, что вдругъ это несчастье произошло бы минутой раньше, когда всѣ рабочіе или всѣ пассажиры...» и т. д.

Можно ли это считать милосердіемъ случая? Мы все менѣе и менѣе вѣримъ въ личный характеръ, въ разумность и намѣренія случая. Гораздо болѣе естественно предположить, что что-нибудь въ самомъ человѣкѣ предчувствовало несчастье, и что смутный, но вѣрный у многихъ инстинктъ удалялъ ихъ отъ опасности въ тотъ моментъ, когда она вдругъ, выростая, приняла грозную форму неизбѣжнаго. Въ нихъ проявляется тогда смутный и скрытый страхъ неизвѣстнаго, принимающій иногда форму каприза, или передъ ними возникаетъ какая-нибудь случайная иногда глупая, но неустранимая и спасительная помѣха.

неволей должна кончаться. Но развѣ не правильнѣе, разбирая этотъ случай, изображающій въ богѣ отчетливомъ видѣ то, что въ скромныхъ размѣрахъ происходитъ постоянно въ ежедневной жизни, предположить, что тутъ дѣйствуетъ наше безсознательное я, вмѣсто того, чтобы тревожить далекихъ и сомнительныхъ боговъ? Оно знаетъ, оно должно знать, оно должно видѣть катастрофу, такъ какъ для него не существуетъ ни времени, ни пространства, и передъ его глазами катастрофа уже совершается также, какъ она совершается передъ лицомъ вѣчныхъ силъ. Та форма, въ какой оно предупреждаетъ могущее совершиться зло, не имѣетъ значенія. Изъ тридцати предупрежденныхъ пассажировъ, только двое или трое имѣли дѣйствительное предчувствіе грозящей опасности. У этихъ безсознательное я всего свободнѣе и легче достигаетъ первыхъ неясныхъ областей разума. Другіе не будутъ ни о чемъ подозрѣвать и, проклиная необъяснимыя задержки и помѣхи, сдѣлаютъ все, чтобы попасть во-время, но все-таки опоздаютъ. Иные захвораютъ, заблудятся, измѣнятъ намѣренія, встрѣтятъ какое-нибудь случайное обстоятельство, которое ихъ задержитъ,—ссору, любовь, минуту лѣности, нѣги, забывчивости, и опять-таки помимо воли они не пойдутъ. Наконецъ, послѣднимъ вовсе не придетъ въ голову сѣсть на этотъ корабль, хотя логически они должны были бы остановить свой выборъ именно на немъ и ни на какомъ другомъ. У большинства работа безсознательнаго я совершается на такой глубинѣ, что у нихъ и мысли не является о томъ, что они обязаны жизнью своей счастливой судьбѣ; они искренно думаютъ, что и намѣренія не имѣли сѣсть на корабль, отданный во власть морскихъ силъ.

ХІ.

А тѣ, кто во время является на мѣсто рокового свиданія, тѣ принадлежатъ къ несчастливому племени. Внутри нашей человѣческой расы они составляютъ особую несчастную расу. Когда всѣ бѣгутъ, они одни остаются на мѣстѣ. Когда другіе устраниются, они доврчиво приближаются. Они роковымъ образомъ садятся на поѣздъ, который сойдетъ съ рельсъ, въ опредѣленный часъ они проходятъ мимо башни, которая обваливается, входятъ въ домъ, гдѣ уже свирѣпствуетъ огонь, проходятъ черезъ лѣсъ, куда упадетъ молнія, относятъ свои сбереженія банкиру, который собирается бѣжать; дѣлаютъ именно тотъ шагъ, котораго не слѣдовало дѣлать, влюбляются именно въ ту женщину, которую имъ слѣдовало избѣгать. Наоборотъ, если дѣло идетъ о счастьи, и другіе спѣшатъ, привлеченные голосомъ благопріятныхъ силъ, они проходятъ мимо, не слыша зова. Никогда не предупреждаемые, предоставленные исключительно совѣтамъ своего разума, этого стараго, мудраго, но полуслѣпного проводника, знающаго только тропинки у подошвы горы, они теряются среди міра, еще не изученнаго человѣческимъ разумомъ. Конечно, они имѣютъ право обвинять судьбу,

но не въ томъ, въ чемъ они думаютъ. Они имѣютъ право спрашивать, почему она не дала имъ того бдительнаго сторожа, который охраняетъ ихъ братьевъ. Но кромѣ этого упрека, упрека въ несправивой несправедливости, они не могутъ предъявлять никакихъ жалобъ. Міръ вовсе не враждебенъ имъ. Несчастныя случайности не преслѣдуютъ ихъ. Они сами идутъ имъ навстрѣчу. Предметы внѣшняго міра не желаютъ имъ никакого зла, — они сами навлекаютъ на себя зло. Несчастье, которое постигло ихъ, вовсе ихъ не подстерегало, они его сами избрали. На протяженіи ихъ вѣка, также какъ на протяженіи вѣка всѣхъ людей, ихъ ожидаютъ всевозможныя случайности, также какъ на базарѣ всевозможныя товары ожидаютъ своего покупателя. Никто ихъ не обманываетъ, они сами обманываются. Никто ихъ не преслѣдуетъ, но ихъ бессознательная душа не исполняетъ своего назначенія. Отчего это происходитъ, оттого ли, что она болѣе неумѣла, или оттого, что менѣе внимательна? Или она безпробудно спитъ на двѣ темницы, болѣе тщательно залертой, чѣмъ у другихъ, и ничья воля не можетъ пробудить ее отъ этого рокового сна, не можетъ выломать двери, ведущія изъ жизни всезнающей, но бессознательной, къ жизни разумной, но ничего не знающей.

ХІІ.

Одинъ мой другъ, передъ которымъ я развивалъ эти темы, сказалъ мнѣ:

— Жизнь, которая задаетъ намъ иногда болѣе интересныя задачи, чѣмъ философы, побуждаетъ меня прибавить еще одинъ своеобразный вопросъ къ вашимъ вопросамъ. Что происходитъ, если на одномъ дѣлѣ соединяются, нѣкоторымъ образомъ сливаются два счастья, двѣ бессознательныя сущности, одна счастливая и умѣлая, другая несчастная и неловкая? Которая изъ нихъ одержитъ верхъ? Скоро я буду это знать. Сегодня вечеромъ я долженъ сдѣлать шагъ, отъ котораго всецѣло зависитъ будущее, возможность жить сообразно своей природѣ, богатство и счастье существа, которое мнѣ дороже всего въ мірѣ. Оглядываясь на мое прошлое, вполне благополучное, гдѣ случай всегда былъ мнѣ вѣрнымъ и предусмотрительнымъ другомъ, присматриваясь къ тѣмъ пяти, шести моментамъ, какіе есть въ каждой жизни, — нѣчто въ родѣ золотыхъ веретень, на которыхъ намотано счастье, — я проникаюсь вѣрой въ мою звѣзду и я внутренне убѣжденъ, что если бы дѣло шло только обо мнѣ, моя попытка удалась бы, такъ какъ у меня «счастливая рука». Но та женщина, ради которой я рѣшаюсь на нее, никогда не была счастлива. Одаренная умомъ тонкимъ и широкимъ и волей гораздо болѣе осторожной и твердой, чѣмъ моя, она, надо думать, обладаетъ неумѣлымъ и неловкимъ бессознательнымъ я, которое заставляетъ ее идти суровымъ путемъ несправедливостей, не минуя ни одной станціи, сталкиваясь со всѣми несчастными случайностями, со всѣми неудачами и разочарованіями. Будьте увѣрены,

что она попала бы на тотъ корабль, о которомъ вы говорили. И во тѣ я спрашиваю себя, какимъ образомъ будетъ вести себя мое благожелательное и ловкое бессознательное я въ отношеніи этого брата, гнѣвиваго и несчастнаго, отъ имени котораго оно должно будетъ дѣйствовать, до нѣкоторой степени замѣняя его.

Гдѣ и какъ слагается сейчасъ это важное рѣшеніе, которое скоро станетъ мнѣ извѣстнымъ? Какая сила, пока я говорю съ вами, взвѣшиваетъ всѣ за и противъ, т.-е. счастье и несчастье той, ради которой я буду дѣйствовать? Изъ какой сферы, отъ какого скрытаго духа, съ какой невидимой звѣзды упадетъ та гиря, которая склонитъ вѣсы въ сторону свѣта или въ сторону тѣни? Повидимому, рѣшаетъ разумъ, воля, интересы участвующихъ сторонъ, но при болѣе глубокомъ взглядѣ дѣло часто стоитъ иначе. Когда стоишь передъ лицомъ такой задачи, и когда любовь къ тому, кого она касается, нѣсколько открываетъ глаза, дѣло уже не кажется такимъ простымъ и невольно кидаешь робкій и недоумѣвающий взглядъ на то бессознательное, которое насъ ведетъ и которому мы повинемся.

И я примусь за это дѣло съ большимъ волненіемъ, съ большей энергіей и жаромъ, чѣмъ если бы моя собственная жизнь и мое счастье подвергались опасности. Та, для кого я рѣшаюсь на это, для меня «болѣе я, чѣмъ я самъ», и уже давно ея счастье служить источникомъ моего. Мой разумъ и мое сердце глубоко убѣждены въ этомъ, но знаетъ ли это моя бессознательная сущность? Мой разумъ и мое сердце едва достигли тридцати лѣтъ, но моя бессознательная душа, знающая предвѣчныя тайны, считаетъ свой возрастъ вѣками. Она развивается не спѣша.

Она медлительна, какъ мѣръ, вращающійся въ безконечномъ времени. Поэтому она, вѣроятно, не подозреваетъ, что мое существованіе слилось съ другимъ, всецѣло поглотившимъ его. Сколько лѣтъ пройдетъ, прежде чѣмъ эта великая новость проникнетъ въ ея убѣжище? И въ этомъ она разнообразна и измѣнчива. У одного она тотчасъ же узнаетъ обо всемъ, что происходитъ въ сердцѣ, у другого она принимаетъ очень запоздалое участіе въ дѣятельности разума. Есть такіе виды любви, въ которыхъ она идетъ впереди сердца и разума, напримеръ, въ материнской любви. Бессознательная душа матери съ трудомъ отрывается отъ дѣтей и охраняетъ ихъ болѣе бдительно и упорно, чѣмъ самую мать. Но въ такой любви, какъ моя, невозможно сказать, знаетъ она или нѣтъ, что эта любовь для меня дороже жизни. По моему убѣжденію, она продолжаетъ считать, что тотъ шагъ, который я собираюсь сдѣлать, меня совершенно не касается. И она остается скрытой и ни въ чемъ не проявитъ своего участія. Въ тотъ моментъ, съ которымъ связаны всѣ мои надежды больше, чѣмъ если бы дѣло шло о моемъ собственномъ спасеніи, она поглощена таинственной работой въ своемъ скрытомъ убѣжищѣ. Если бы я требовалъ

справедливости для себя самого, она бы бодрствовала. Она, быть можетъ, знала бы, что данный шагъ слѣдуетъ сдѣлать не сегодня. Я бы и не подозревалъ объ ея участіи, но она воздвигла бы передо мной какія-нибудь непредвидѣнные препятствія. Я бы захворалъ, упалъ, былъ бы задержанъ второстепеннымъ дѣломъ и не успѣлъ къ неудачно выбранному часу. Потомъ, когда я находился бы передъ лицомъ того, въ чьихъ рукахъ находится моя судьба, мой неуспынный стражъ покрылъ бы меня своими крыльями, вдохнулъ въ меня свою силу, просвѣтилъ меня своимъ свѣтомъ. Онъ продиктовалъ бы мнѣ тѣ слова, какія надо говорить, и которыя отвѣчали бы на невысказанныя возраженія господина моей судьбы. Она внушила бы мнѣ тѣ жесты, движенія и умолчанія, дала бы мнѣ увѣренность, однимъ словомъ вооружила бы меня тѣмъ неуловимымъ влияніемъ, которое чаще опредѣляетъ рѣшеніе человѣка, чѣмъ доводы разума и убѣдительность выгоды. И я боюсь, что теперь она не сдѣлаетъ всего этого. Она не тронется и съ мѣста. Не станетъ на порогѣ сознанія. Упрямая, недоступная идеѣ, что моя жизнь заключается теперь не во мнѣ одномъ, она будетъ поступать сообразно своимъ многовѣковымъ убѣжденіямъ. Воображая, что она служитъ мнѣ, допуская погибнуть дѣлу, не касающемуся, по ея мнѣнію, меня, она причинитъ мнѣ большее зло, болѣе глубокое горе, чѣмъ если бы она измѣнила мнѣ передъ лицомъ смерти. И такимъ образомъ я внесу въ это дѣло только слабый отблескъ, призракъ моего счастья, и я со страхомъ спрашиваю себя, окажется ли его достаточно, чтобы перевѣсить злую волю того несчастья, котораго я буду служить представителемъ.

XIII.

Черезъ нѣсколько дней мой другъ сообщилъ мнѣ, что его попытка не удалась. Возможно, что эта неудача зависѣла просто отъ случая или отъ недостатка вѣры въ немъ. Вѣра, предвидя успѣхъ, со всѣмъ пыломъ стремится къ нему, пуская въ ходъ такія средства, которыя недоступны колебанію и сомнѣнію, не выдавая тѣхъ невольныхъ слабостей, которыми умѣетъ пользоваться инстинктъ противника. Возможно также, что есть доля правды въ той роли, которую онъ отводилъ бессознательному. Тѣмъ болѣе, что на извѣстной глубинѣ бессознательное и вѣра сливаются, и было бы очень трудно сказать, гдѣ начинается первое и гдѣ кончается второе.

Не углубляясь въ эту область неуловимыхъ догадокъ, прислушаемся лучше къ другимъ болѣе опредѣленнымъ вопросамъ, какіе ставятъ намъ жизнь по поводу счастья, этого величайшаго вопроса жизни. Онъ имѣетъ, можно сказать, повседневное значеніе. Она спрашиваетъ насъ, какъ вести себя по отношенію къ людямъ, безспорно неудачливымъ. Иногда ихъ несчастная звѣзда настолько сильна, что она неизбежно губитъ все, что рискуетъ подойти слишкомъ близко къ очень обшир-

ной порой сферѣ ея вредоноснаго вліянія? Должны ли мы безъ всякихъ стѣсненій бѣжать отъ нихъ, какъ совѣтуетъ докторъ Фуассакъ? Да, конечно, если ихъ несчастья зависятъ отъ безпечнаго, неосторожнаго, невнимательнаго, легкомысленнаго и вздорнаго характера. Несчастье—заразительная болѣзнь, которая часто передается отъ одного безсознательнаго къ другому. Но если дѣло идетъ о незаслуженныхъ несчастьяхъ, постигающихъ тѣхъ, кого мы любимъ, бѣгство тогда несправедливо и позорно. Здѣсь разумная, часть нашего существа,—не имѣющая понятія о многихъ вещахъ, но сознающая истины иного порядка, которыя являются первыми цвѣтами новаго, еще возникающаго міра,—здѣсь она должна бороться съ міровой мудростью безсознательнаго, отвергать его предупрежденія и влечь его къ гибели, являющейся побѣдой при свѣтѣ идеала, до повиманія котораго, быть можетъ, достигнетъ когда-нибудь и безсознательное.

XIV.

Тутъ мы подходимъ къ вопросу о томъ, представляетъ ли наша безсознательная сущность, которой мы приписываемъ наше счастье и несчастье, вѣчто дѣйствительно неподвижное и неразвивающееся. Кто изъ насъ не наблюдаетъ за странными прихотями счастья? Когда слѣдишь за жизнью какого-нибудь маленькаго города или группы людей, не теряя ихъ изъ вида, то ихъ судьба представляется чѣмъ-то вродѣ богини упорной и прихотливой, какъ слѣпень. Она мѣняетъ свой обликъ каждый разъ, когда касается новаго лица или новаго дѣла, она тотчасъ же пріобрѣтаетъ совершенно своеобразный характеръ. Пріемы у нея самые разнообразныя, но въ каждомъ изъ своихъ воплощеній, если можно такъ выразиться, она остается послѣдовательной и вѣрной себѣ. Смотри по тому, уловили ли мы ея первое или второе движеніе, мы можемъ безъ труда или совсѣмъ не можемъ предугадать ея дальнѣйшія дѣйствія. Измѣнчивая богиня, которую не можетъ уловить никакое изображеніе, здѣсь она вырывается изъ земли точно источникъ живой воды среди пустыни и исчезаетъ, создавъ изъ ничего непрочный оазисъ. Тамъ она возвращается черезъ правильные промежутки, то собираясь, то разсѣиваясь, какъ перелетныя птицы, подчиняющіяся смѣнѣ времени года. Направо отъ насъ она опрокидываетъ человѣка и не занимается имъ больше, налѣво—она сбиваетъ съ ногъ другого и безпощадно издѣвается надъ своей жертвой. Но почти всегда, идетъ ли дѣло о счастья или о несчастьи, она остается удивительно вѣрной тому характеру, который она, какъ кажется, принимаетъ разъ на всегда въ каждомъ данномъ случаѣ. Этотъ, на примѣръ, потерпѣвшій неудачу на войнѣ, будетъ всегда терпѣть тамъ неудачи, тотъ будетъ всегда выигрывать или проигрывать въ карты. Иного будутъ всегда

обманывать, съ этимъ всегда будутъ случаться несчастья отъ воды, огня и уличныхъ столкновеній, наконецъ, тотъ будетъ всегда счастливъ или несчастливъ въ любви, въ денежныхъ дѣлахъ и т. п. Неужели все это нельзя считать, если не доказательствомъ, то хоть указаниемъ, что ключа надо искать не внѣ насъ, а въ насъ самихъ, и что наше счастье или несчастье зависитъ отъ тайной силы, которая имѣетъ своимъ источникомъ только насъ и никого болѣе?

Порой странные повороты, капризы, порожденные ея капризами, нарушаютъ вдругъ ея привычки, противорѣчатъ ея характеру и придаютъ ей иной видъ. Тогда говорятъ, что «счастье повернулось»,—не правильнѣе ли было бы сказать, что бессознательное я само измѣнилось? Быть можетъ, вниманіе его, его ловкость, наконецъ, пробудились? Или оно замѣтило въ концѣ концовъ, что во внѣшнемъ мірѣ происходятъ важныя событія? Быть можетъ, оно приобрѣло нѣкоторую опытность? Въ его убѣжище ворвался, можетъ быть, лучъ сознанія, искра воли и предупредили его объ опасности? Или послѣ долгихъ лѣтъ, послѣ жестокихъ испытаній, оно поняла, наконецъ, что пора выйти изъ своей чересчуръ довѣрчивой апатіи? Или внѣшнія несчастья нарушили его опасный сонъ? Или, если оно всегда знало, что происходитъ надъ его тюрьмой, оно наконецъ, послѣ многихъ тщетныхъ усилій, въ нужный моментъ пробило брешь вѣковыхъ наслоеній, отдѣляющихъ его отъ невѣдомыхъ сестеръ, и такимъ образомъ получило возможность принять участіе въ скоротечной жизни, отъ которой отчасти зависитъ и его жизнь?

XV.

Конечно, мы должны признать, что и эта гипотеза бессознательнаго не объясняетъ всѣхъ несправедливостей судьбы. Три величайшія несчастья, которыя могутъ постигнуть человѣка, обыкновенно ждуть его еще до рожденія: я говорю объ абсолютной бѣдности, о болѣзни, (въ самыхъ ужасныхъ ея формахъ: уродствахъ, отталкивающимъ безобразіи, неизлѣчимыхъ страданіяхъ), и слабоуміи. Вотъ три главныхъ жрицы несправедливости, поджидающія невинность у порога жизни. Но хотя выборъ ихъ и кажется таинственнымъ, источникъ, изъ котораго они черпаютъ три неизлечимыхъ вида несчастья, оказывается въ сущности не настолько таинственнымъ. Нѣтъ необходимости искать его въ царствѣ предвѣчной воли, въ вѣчныхъ, роковыхъ и враждебныхъ чловѣку законахъ. Первый источникъ и начинается, и кончается въ царствѣ чловѣка. Если нельзя сказать, почему одинъ родится богатымъ, а другой бѣднымъ, то зато прекрасно извѣстно, въ силу какихъ чистотъ чловѣческихъ несправедливостей въ этомъ мірѣ съ одной стороны царить безграничная бѣдность, а съ другой—избытокъ богатства. Въ

этой несправедливости боги и звѣзды не играютъ никакой роли. Что касается двухъ другихъ несчастій, то когда исключить изъ нихъ все то, въ чемъ они зависятъ отъ бѣдности, и откинуть послѣдствія ошибокъ родителей, не имѣвшихъ въ себѣ ничего неизбежнаго, то въ остаткѣ окажется еще нѣкоторая доля жестокой и необъяснимой несправедливости; но этотъ кусочекъ тайны умѣстится, пожалуй, на ладони философа будущаго, который изучить его на свободѣ. А пока гораздо разумнѣе не окружать нашу жизнь воображаемыми врагами и проклятіями и не омрачать ее безъ необходимости.

Когда же дѣло идетъ о повседневныхъ удачахъ и неудачахъ, условимся, въ ожиданіи лучшаго, что исторія нашего счастья (не въ смыслѣ истиннаго счастья, которое можно создать въ недоступной для случая области, а въ смыслѣ удачи) совпадаетъ съ исторіей нашей безсознательной сущности. Это, во всякомъ случаѣ, болѣе допустимо, чѣмъ привлеченіе къ маленькимъ событіямъ нашей жизни вѣчности, звѣздъ и всевышняго духа. Быть можетъ, измѣнить характеръ нашего безсознательнаго я также трудно, какъ измѣнить движеніе Марса или Венеры, но, по крайней мѣрѣ, это представляется менѣе отдаленнымъ и менѣе химеричнымъ, а когда намъ приходится выбирать между двумя вѣроятностями, мы обязаны остановиться на той, которая менѣе противорѣчитъ нашимъ надеждамъ. И если бы даже зло оказалось дѣйствительно неизлѣчимымъ, мы могли бы найти нѣкоторое утѣшеніе въ гордой мысли, что оно исходитъ изъ насъ самихъ, что мы не являемся жертвами чьей-то злой воли, игрушками слѣпотаго случая; быть можетъ, переживая больше несчастій, чѣмъ наши братья, мы тѣмъ самымъ начертываемъ во времени и пространствѣ необходимую форму нашей личности. Пока несчастье не надламываетъ внутренней гордости человѣка, онъ сохраняетъ еще силу бороться и исполнять свое вѣчное назначеніе—жить всѣми своими силами, какъ будто бы его жизнь была важнѣе всѣхъ другихъ для судебъ человѣчества.

Эта форма всего болѣе отвѣчаетъ тому закону, который постепенно возвращаетъ въ насъ самихъ боговъ, которыми мы населили міръ. Большая часть этихъ боговъ оказалась лишь слѣдствіями, причины которыхъ заключались въ насъ. Идя все далѣе впередъ, мы открываемъ, что большая часть силъ, управлявшихъ нами и восхищавшихъ насъ, представляютъ не болѣе какъ мало изученныя части нашихъ собственныхъ силъ, и, по всей вѣроятности, это будетъ съ каждымъ днемъ все болѣе подтверждаться.

Конечно, приблизить къ намъ, водворить въ насъ какую-нибудь неизвѣстную силу еще не значить овладѣть ею, но, во всякомъ случаѣ, важно хотя бы знать, гдѣ ее найти. Мы окружены невѣдомыми силами, но та, съ которой мы имѣемъ больше всего дѣла, заключена въ самомъ центрѣ нашего существа. Всѣ остальные исходятъ изъ нея,

*

соприкасаются съ ней, возвращаются въ нее и интересуютъ насъ только по своимъ отношеніямъ къ ней.

Эту послѣднюю силу, чтобы отличить ее отъ массы другихъ, мы назвали нашей бессознательной силой. Когда мы ближе изучимъ это бессознательное, его приемы, его вкусы и отвращенія, его необъяснимыя ошибки, мы сильно притупимъ зубы и когти того чудовища, которое преслѣдовало насъ подъ именемъ судьбы, счастья, рока. Теперь мы еще только кормимъ его, какъ слѣпой кормить льва, который въослѣдствіи сожретъ его. Скоро, быть можетъ, мы увидимъ этого льва въ истинномъ свѣтѣ и научимся укротать его.

Итакъ, будемъ безъ усталости изслѣдовать дороги, ведущія отъ нашего сознанія къ нашему бессознательному я. Такимъ образомъ мы проложимъ, быть можетъ, тропинку вдоль непроходимыхъ еще путей, ведущихъ отъ видимаго къ невидимому — отъ человѣка къ Богу, отъ индивидуума къ вселенной. Въ концѣ этого пути сокрыта великая тайна жизни. А пока примемъ ту гипотезу, которая придаетъ нашей жизни наибольшее значеніе въ жизни вселенной, нуждающейся въ насъ, чтобы бы проникнуть въ свои собственные тайны: вопросы, которые она ставитъ, всего скорѣй и всего чище кристаллизуются въ насъ.

СКОРЬБЬ.

Советъ.

По шумнымъ улицамъ она, какъ призракъ, шла,
 Вся въ траурѣ, беззвучно и устало,
 И тѣнью черною недвижнаго крыла
 Съ ея лица струилось покрывало.

Надъ городомъ сгущалась полумгла.
 Сіянье заревое догорало.
 Въ ея чертахъ и въ блѣдности чела,
 Базалось, также солнце умирало.

И поравнялась эта тѣнь со мной.
 Тревожный вѣтеръ, первый вздохъ ночной,
 Вдругъ всколыхнулъ воздушный вѣпецъ вуаля,

И онъ воснулъ сердца моего,
 И въ немъ съ тѣхъ поръ все холодно, мертво...
 А тѣнь живетъ, весь міръ собой печала.

А. М. Бедоровъ.

ВЗАИМНАЯ СВЯЗЬ МЕЖДУ ОРГАНИЗМАМИ.

Въ народныхъ преданіяхъ, а также въ древней и новой литературѣ, мы повсюду встрѣчаемъ указанія на существованіе такъ называемыхъ загадочныхъ или таинственныхъ явленій: появленіе призраковъ и привидѣній, движеніе предметовъ подъ дѣйствіемъ какихъ-то невѣдомыхъ силъ, возможность для человѣка знать будущее и воздѣйствовать на міръ органической и неорганической какими-то особыми путями.

Литература, посвященная этимъ вопросамъ, чрезвычайно обширна, и въ ней борятся два совершенно противоположныя теченія. Нѣкоторые серьезные ученые, извѣстные, какъ талантливые изслѣдователи, категорически отрицаютъ наличность этихъ загадочныхъ явленій, объясняя ихъ то произвольными дрожаніями, то ошибками наблюденій, то просто болѣзненной фантазій экспериментаторовъ. Другіе, не менѣе ученые и столь же талантливые изслѣдователи, напротивъ, горячо отстаиваютъ наличность подобныхъ явленій и даютъ даже готовые теоріи для ихъ объясненія: спириты допускаютъ возможность вмѣшательства душъ умершихъ людей въ жизнь живыхъ, а окултисты считаютъ человѣка центромъ «магическихъ силъ». Происходитъ это, повидимому, оттого, что обѣ партіи нѣсколько торопливы въ своихъ заключеніяхъ.

Такъ, напримѣръ, едва ли правъ д-ръ Леманъ, категорически утверждающій въ своей «Иллюстрированной исторіи суевѣрій и волшебства», что до сихъ поръ не существуетъ ни одного факта, котораго нельзя было бы объяснить извѣстными намъ силами. Въ дѣйствительности многія объясненія, приводимыя имъ, слишкомъ торопливы. И самъ авторъ грѣшитъ въ томъ, отъ чего иногда предостерегаетъ своихъ читателей, а именно, онъ часто приступаетъ къ изслѣдованію уже съ готовой предвзятой идеей, отвергая факты, которые не поддаются его объясненію.

Но, конечно, не правы также спириты и окултисты, выступая съ готовыми объясненіями наблюдаемыхъ ими фактовъ. Если трудно произвести правильно наблюденіе, то неизмѣримо труднѣе вывести изъ него правильное заключеніе. Исторія любой науки указываетъ намъ,

какъ часто изъ однихъ и тѣхъ же фактовъ въ различное время выводились различныя заключенія, и строились самыя разнообразныя гипотезы. Нѣчто подобное мы встрѣчаемъ и въ литературѣ, посвященной загадочнымъ явленіямъ. Очевидно, нужно затратить еще огромный трудъ, чтобы всѣ эти вопросы получили болѣе или менѣе удовлетворительное объясненіе. Мы далеки отъ мысли дать въ этой статьѣ описаніе всѣхъ загадочныхъ явленій и критическій обзоръ теорій и гипотезъ, предложенныхъ для ихъ объясненія. Цѣль настоящей статьи рассмотреть ту группу фактовъ, которые, повидимому, указываютъ на существованіе какой-то особой связи между живыми организмами. Факты, разборомъ которыхъ мы займемся, можно раздѣлить на двѣ группы: къ первой группѣ отнесемъ всѣ случайныя наблюденія, ко второй—опыты, произведенныя для изслѣдованія этихъ явленій.

Случайныя наблюденія.

Приступая къ обзору случайныхъ наблюденій, мы прежде всего должны замѣтить, что придавать всѣмъ этимъ наблюденіямъ рѣшающее значеніе едва ли возможно. Всякому извѣстно, какъ трудно зарегистрировать ходъ какого-нибудь явленія, даже заранѣе приготовившись къ наблюденію его. Понятно само собой, что неопытный и неподготовленный, случайный наблюдатель можетъ упустить чрезвычайно важныя элементы даннаго явленія. Но все же и изъ этихъ случайныхъ наблюденій можно вывести нѣкоторыя заключенія, не безполезныя для опытныхъ изслѣдованій. Нашъ обзоръ мы начнемъ со случаевъ такъ называемаго ясновидѣнія.

Ясновидѣніе. Ясновидѣніемъ въ пространствѣ называютъ способность человѣка получать какими-то особыми путями свѣдѣнія о томъ, что происходитъ вдали отъ него. Этой способностью владѣютъ только нѣкоторыя исключительныя субъекты.

Однимъ изъ болѣе знаменитыхъ ясновидцевъ былъ Сведенборгъ—членъ академіи наукъ и многихъ ученыхъ обществъ, извѣстный также своими работами по физикѣ и минералогіи. Случаевъ ясновидѣнія у Сведенборга было очень много. «Относительно этого имѣются многочисленные извѣстія,—пишетъ докторъ Леманъ,—и такъ какъ большинство ихъ записано людьми, способными къ критикѣ и отнюдь не легкоувѣрными, людьми, которые употребляли всевозможныя усилія, чтобы выяснить сущность явленій, то эти исторіи не могутъ быть отвергнуты безъ дальнѣйшихъ разсужденій, какъ вымышленныя. Такъ знаменитый современникъ Сведенборга—Эммануилъ Кантъ во многихъ своихъ сочиненіяхъ сообщаетъ результаты изслѣдованій относительно его ясновидѣній». Кантъ, какъ извѣстно, въ концѣ концовъ, призналъ наличность этихъ явленій и, описывая одинъ изъ этихъ случаевъ, прибавляетъ: «Вотъ явленіе, которое требуетъ отъ насъ объясненія».

Мы опишем со словъ д-ра Лемана одинъ случай, сообщенный Кавтомъ.

«Самымъ замѣчательнымъ примѣромъ сведенборгова ясновидѣнія является, конечно, его извѣстное указаніе на стокгольмскій пожаръ. 1-го сентября 1759 г. Сведенборгъ возвратился въ Швецію и въ четыре часа пополудни сошелъ на берегъ въ Готенбургъ. Одинъ изъ его друзей тутъ же пригласилъ его въ гости. Около 6-ти часовъ Сведенборгъ оставилъ общество, но чрезъ минуту снова возвратился блѣдный и испуганный. Онъ разсказалъ, что въ Стокгольмѣ свирѣпствуетъ большой пожаръ; онъ чувствовалъ себя неспокойно и часто выходилъ на свѣжій воздухъ. Около восьми часовъ онъ сказалъ, что пожаръ потушенъ какъ разъ за три дома до его собственнаго жилища въ Стокгольмѣ. Эти указанія Сведенборга, конечно, немедленно стали извѣстны въ городѣ и дошли до слуха губернатора. Послѣдній отправилъ на слѣдующее утро къ Сведенборгу своего посланнаго, которому тотъ описалъ подробности пожара. Только въ понедѣльникъ вечеромъ изъ Стокгольма въ Готенбургъ прибыла эстафета, а во вторникъ утромъ—королевскій курьеръ. Привезенныя сообщенія вполне согласовались съ описаніями Сведенборга».

Не менѣе любопытны разсказы д-ра Юстина Вернера о Фридерикѣ Гауфе, знаменитой префортской ясновидящей. Этотъ извѣстный врачъ посвящаетъ цѣлый большой томъ описанію своихъ сеансовъ съ Фридерикой Гауфе; число сеансовъ простиралось до двухъ тысячъ. Во время сеансовъ она часто обладала даромъ ясновидѣнія. Такъ, наприѣмъ, она однажды стала описывать экипажъ, сидящихъ въ немъ людей, лошадей и т. д., а спустя полчаса подобный экипажъ дѣйствительно проѣхалъ мимо дома.

Случаевъ ясновидѣнія, которые бывали не только съ Сведенборгомъ и префортской ясновидящей, но и съ другими ясновидцами, зарегистрировано весьма много. Изъ этихъ описаній видно, что тѣ моменты, въ которые данное лицо обладаетъ даромъ ясновидѣнія, наступаютъ очень рѣдко. Еще рѣже, конечно, случается, что именно въ эти моменты производятся точныя наблюденія надъ ними. Поэтому не только не изучены условія, при которыхъ происходили эти явленія, но даже самые факты ясновидѣнія нельзя считать вполне установленными, и д-ръ Леманъ весьма справедливо замѣчаетъ по поводу ясновидѣній Сведенборга, что истина здѣсь такъ перепутана съ ложью, что отдѣлать ихъ другъ отъ друга невозможно. Невозможно поэтому и вывести, на основаніи имѣющихся свѣдѣній, какихъ-либо положительныхъ заключеній.

Замѣтимъ, что если мы а priori не будемъ отрицать возможности ясновидѣнія и допустимъ, что въ дѣйствительности бывали подобные случаи, то для объясненія всѣхъ болѣе или менѣе достовѣрныхъ случаевъ ясновидѣнія достаточно допустить только, что ясновидецъ воспринимаетъ тѣ зрительныя ощущенія (а иногда и слуховыя), которыя испытываютъ люди, находящіеся вдали отъ него. Крайне любопытно было бы изслѣдовать, чѣмъ ясновидецъ отличается отъ нормальнаго человѣка. Къ сожалѣнію, изъ біографіи Сведенборга, префортской

ясновидящей и другихъ извѣстныхъ намъ ясновидцевъ можно вывести только заключеніе, что всѣ эти лица были чрезвычайно нервны, впечатлительны и истощены, но, впрочемъ, они не жаловались на какіе-либо болѣзненные припадки.

Привидѣнія и призраки. Многіе рассказываютъ, что они узнавали о какомъ-либо несчастіи, чаще всего о моментѣ смерти близкихъ имъ лицъ, вслѣдствіе появленія призраковъ или привидѣній.

Камилль Фламмаріонъ въ своей статьѣ «Психическія загадки и область невѣдомаго» даетъ богатый матеріалъ, относящійся къ интересующему насъ вопросу. Мы ограничимся описаніемъ слѣдующаго случая.

«В. Киргофъ, пишетъ Фламмаріонъ, сообщилъ мнѣ въ февралѣ 1889 г. слѣдующее.

«25 августа 1874 года, находясь въ Техасѣ, я сидѣлъ послѣ обѣда, въ ожиданіи заката солнца, покуривая свою трубку, въ низенькой залѣ занятаго мною дома. Передо мною была стѣна, въ которой по правую отъ меня руку находилась дверь въ сѣверо-западной сторонѣ. Вдругъ въ амбразурѣ этой двери я совершенно ясно вижу моего стараго дѣдушку. Я былъ въ это время въ полусознательномъ состояніи пріятнаго бездѣйствія, въ блаженномъ покоѣ чловѣка, обладающаго хорошимъ пищевареніемъ и недурно пообѣдававшего. Я не почувствовалъ ни малѣйшаго шумленія при появленіи дѣда. Въ самомъ дѣлѣ, въ этотъ моментъ я жилъ растительной жизнью и ни о чемъ не думалъ. Тѣмъ не менѣе я все-таки подумалъ про себя:

«Забавно, право, какъ эти лучи заходящаго солнца облекаютъ все золотомъ и багрянцемъ, даже малѣйшія складки на одеждѣ и на лицѣ дѣдушки».

«Дѣйствительно заходившее въ это мгновеніе солнце было совершенно багроваго цвѣта и черезъ дверь пронизывало наискось своими послѣдними горизонтальными лучами. Лицо дѣдушки сіяло благодушіемъ; онъ улыбался и казался совершенно счастливымъ. Но вдругъ онъ исчезъ вмѣстѣ съ закатившимся солнцемъ, и я очутился, какъ будто отъ сна, съ ясной мыслью, что видѣлъ призракъ. А черезъ шесть недѣль я узналъ изъ письма, что дѣдушка скончался, въ ночь съ 25-го на 26-е августа, во второмъ часу ночи. Между Бельгіей, гдѣ умеръ мой дѣдъ, и меридіаномъ Техаса, гдѣ я находился, разница во времени равняется $5\frac{1}{2}$ часамъ, а закатъ солнца начинался приблизительно въ 7 час.»

Такимъ образомъ, моментъ появленія призрака довольно точно совпадаетъ съ моментомъ смерти дѣда.

Если мы допустимъ нѣкоторую связь между организмами, состоящую только въ передачѣ ощущеній одного организма другому, то возникновеніе подобныхъ галлюцинаторныхъ образовъ легко объяснить себѣ, принявъ во вниманіе слѣдующее: 1) если рядъ какихъ-либо предметовъ запечатлѣнъ въ нашей памяти, то мы невольно вспоминаемъ ихъ въ извѣстномъ привычномъ намъ порядкѣ, когда, вслѣдствіе какой-либо причины, мы вспомнимъ объ одномъ изъ нихъ.

2) Способность чловѣка въ предметахъ мало знакомыхъ или совсѣмъ незнакомыхъ находить сходство съ предметами хорошо знакомыми ему. Такъ напр., въ приведенномъ примѣрѣ достаточно допустить, что дѣдъ, умирая, возбудилъ у внука только воспоминаніе о себѣ; это воспоминаніе, вслѣдствіе бессознательной работы памяти, воскресало все ярче и ярче, и, наконецъ, благодаря причудливымъ очертаніямъ свѣта и тѣни,

ему представилась въ нишѣ фигура дѣда. Дѣдъ, понятно, явился ему такимъ, какимъ онъ чаще всего видѣлъ его, т.-е. покойнымъ, веселымъ.

Въ разсказахъ о привидѣніяхъ встрѣчаются такіе, для объясненія которыхъ нельзя ограничиться допущеніемъ одного только напояннана о себѣ со стороны умирающаго, а приходится допустить, какъ и при изученіи ясновидѣнія, передачу оцущеній.

Такъ, Фламмаріонъ, со словъ генерала Пармантье, разсказываетъ слѣдующій случай:

«Нѣсколько знакомыхъ собралось однажды къ завтраку въ Андиану, въ Эльзасѣ. Всѣ ждали хозяина дома, находившагося на охотѣ, но, не дождавшись, сѣли, наконецъ, за столъ безъ него. Хозяйка объявила, что онъ не замедлитъ прийти. Уже начали завтракать, отпуская веселыя шутки, въ ежеминутномъ ожиданіи запоздаващаго и черезчуръ уже рынаго поклонника святаго Губерта.

«Но время шло, и многіе уже начали удивляться продолжительности запозданія, какъ вдругъ—при самой спокойной погодѣ и совершенно ясномъ небѣ, настѣжь открытое окно въ столовой вахлопнулось со страшнымъ трескомъ и въ то же мгновеніе распахнулось опять. Гости были поражены этимъ, тѣмъ болѣе, что такое движеніе окна не могло произойти, не опрокинувъ графина съ водою, стоявшаго тутъ-же, передъ окномъ на столѣ, а, между тѣмъ, графинъ остался въ прежнемъ положеніи. Всѣ видѣвшіе и слышавшіе стужъ окна не понимали рѣшительно ничего.

«Навѣрное, сейчасъ случилось несчастье!», воскликнула, вскакивая, испуганная хозяйка дома.

«Завтракъ окончился, а три четверти часа спустя на носилкахъ было доставлено тѣло охотника, въ грудь которому попалъ ружейный зарядъ».

Замѣтимъ, что въ дѣйствительности окно не двигалось; въ этомъ убѣдились тогда же всѣ присутствующіе, такъ какъ передъ окномъ стоялъ графинъ, который въ противномъ случаѣ былъ бы неминуемо разбитъ. Закачивая описанія этого случая, Фламмаріонъ прибавляетъ: «Мы сами не можемъ не замѣтить, насколько это хлопанье окна грубо матеріально, даже тривіально и какъ мало оно соотвѣтствуетъ важности знаменуемаго событія. Какое соотношеніе можетъ быть между такого рода дѣйствіемъ и причиной?»

Съ точки зрѣнія передачи психической, разумной силы, дѣйствительно, такое соотношеніе кажется довольно несообразно, но съ точки зрѣнія передачи оцущеній мы находимъ полное соотвѣтствіе между звукомъ выстрѣла и шумомъ, услышаннымъ женой убитаго и его гостями.

Всѣ подобныя случаи указываютъ намъ на то, что передача эта облегчается, когда передающій, ярко воспринимая какое-либо впечатлѣніе, думаетъ о томъ, кому онъ желалъ бы его передать. Воспринимающіе чаще всего бываютъ лица, хорошо знакомыя передающему.

Сновидѣнія. Гораздо большее число людей получаетъ различныя, какъ говорятъ, «откровенія» не въ бодрствующемъ состояніи, а во время сна, вѣрнѣе въ моменты засыпанія или просыпанія.

Такъ, напримѣръ, редакторъ «Вѣстника Опыт. Физ. и Элем. Мат.» Э. К. Шпачинскій, (жившій въ это время въ Одессѣ), разсказываетъ,

что однажды во снѣ онъ явственно услышалъ слова: «Бець умеръ». Въ тотъ же день въ газетахъ онъ прочелъ извѣстіе, что въ Кіевѣ умеръ проф. анатоміи Бець. Замѣтимъ, что Э. К. Шпачинскій раньше жилъ въ Кіевѣ, немного былъ знакомъ съ проф. Бецомъ, но не состоялъ съ нимъ ни въ родственныхъ, ни даже въ дружескихъ отношеніяхъ. Трудно допустить, что проф. Бець, умирая, думалъ о случайномъ знакомствѣ, но возможно, что у кого-либо изъ знакомыхъ Э. К. Шпачинскаго, жившихъ въ Одессѣ и прочитавшихъ о смерти проф. Беца, мелькнула мысль подѣлиться этимъ извѣстіемъ съ Э. К. Шпачинскимъ, который тоже былъ изъ Кіева, и котораго это извѣстіе могло интересовать. Быть можетъ, были даже произнесены слова «Бець умеръ», которыя и были воспріяты Шпачинскимъ во снѣ. Къ сожалѣнію, рассказчикъ не произвелъ детальнаго разслѣдованія этого случая. Мы не будемъ приводить описаній различныхъ сновидѣній, указывающихъ на передачу ощущеній. Почти каждый читатель можетъ вспомнить одно или нѣсколько подобныхъ сновидѣній, видѣнныхъ или имъ самимъ или слышанныхъ отъ другихъ.

Повидимому, моменты засыпанія и просыпанія чрезвычайно благоприятны для подобныхъ воспріятій. Какъ извѣстно, въ эти моменты слухъ чрезвычайно обостряется. Быть можетъ, обостряется также и органъ зрѣнія, хотя внѣшнимъ путемъ сѣтчатая оболочка и не раздражается, но, повидимому, органъ зрѣнія дѣлается способнымъ къ воспріятію индуктивныхъ впечатлѣній.

Гаданіе въ зеркалахъ. Существуетъ чрезвычайно много искусственныхъ приемовъ, которыми данный субъектъ приводится въ состояніе близкое къ полусонному, когда онъ теряетъ уже сознаніе объ окружающей его обстановкѣ, но зато слухъ и зрѣніе его обостряются. Въ нашемъ бѣгломъ очеркѣ мы не можемъ останавливаться на обзорѣ всѣхъ этихъ приемовъ, изъ которыхъ многіе были извѣстны уже въ древности.

Какъ извѣстно, многіе, пристально всматриваясь въ зеркала, въ кристаллы, въ кольца, брошенные въ воду, приходятъ въ особое полугипнотическое состояніе и испытываютъ цѣлый рядъ зрительныхъ галлюцинацій. У насъ въ Россіи чаще всего это дѣлается съ цѣлью гаданія о будущемъ; въ западной Европѣ, особенно въ Англіи, это считается простой забавой. Гаданіе въ зеркалахъ и кристаллахъ имѣетъ свою обширную литературу. Можно считать вполне установленнымъ, что въ этихъ галлюцинаторныхъ образахъ не только восстанавливаются въ памяти давно забытыя представленія, но при этомъ возможны случаи вторженія, какъ выражаются, «бессознательнаго въ область сознательнаго». Такъ, напримѣръ, г-жа Х. рассказываетъ, что однажды въ зеркало она увидѣла совершенно незнакомый ей пейзажъ. На слѣдующій день она въ дѣйствительности увидѣла этотъ пейзажъ, и оказалось, что она и раньше была въ этой мѣстности и видѣла этотъ пейзажъ.

зажь, но не обратила на него вниманія. Многие утверждаютъ, что лица способныя видѣть въ зеркалахъ видѣнія обладаютъ въ эти моменты даромъ ясновидѣнія. Къ сожалѣнію точныхъ, научно обставленныхъ опытовъ въ данной области никто не производилъ.

Факты обыденной жизни. Помимо вышеописанныхъ, довольно исключительныхъ случаевъ, мы встрѣчаемъ часто въ обыденной жизни такіе факты, которые говорятъ намъ о взаимной связи между организмами. Къ такимъ фактамъ относится поведеніе влюбленныхъ, безпричинныя грустныя и радостныя настроенія, различныя предчувствія и т. п.

Вотъ, напримѣръ, случай, рассказанный намъ препараторомъ при физическомъ кабинетѣ университета св. Владимира А. Шереметьевымъ. Послѣ похоронъ жены онъ отправилъ дѣтей въ деревню къ своей матери, а самъ остался въ Кіевѣ. Два раза въ недѣлю онъ получалъ письма; хотя въ этихъ письмахъ сообщалось о полномъ здоровьѣ дѣтей, но однажды имъ овладѣла сильная тревога за нихъ. Утромъ онъ послалъ письмо съ вопросомъ о здоровьѣ дѣтей, а затѣмъ къ вечеру и телеграмму, прося сообщить ему всю правду. Отвѣтъ былъ вполне успокоительный; но черезъ два дня онъ получилъ письмо, въ которомъ сообщалось, что дѣти его вполне здоровы, но что въ домѣ были болѣзненные дифтеритомъ, а потому мать его, безпоявляясь за дѣтей, сдѣлала имъ предохранительныя прививки. Возможно, что вполне понятная тревога бабушки передалась отцу и вызвала у него безпричинное безпокойство.

Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести тысячи. Но какъ ни обширна группа этихъ явленій, изъ нея нельзя вывести какихъ-либо опредѣленныхъ заключеній. Всѣ эти настроенія, всѣ эти предчувствія настолько неясны, настолько неопредѣленны, настолько, наконецъ, зависятъ отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ, что ставить ихъ въ связь съ событіями, случившимися съ другими лицами, весьма затруднительно.

Такимъ образомъ, всѣ разсмотрѣнныя нами *случайныя наблюденія* не могутъ, очевидно, убѣдить безпристрастнаго читателя въ существованіи загадочныхъ явленій, но они могутъ послужить косвенными уликами, указывающими на вѣроятность ихъ существованія и побудить безпристрастнаго наблюдателя къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Къ сожалѣнію, опытныхъ изслѣдованій надъ многими изъ этихъ загадочныхъ явленій нельзя даже и произвести, а приходится ограничиться одними только наблюденіями. Понятенъ поэтому тотъ интересъ, съ какимъ отнеслось все интеллигентное общество къ вопросу о чтеніи и передачѣ мысли. При изслѣдованіяхъ этого вопроса представлялась широкая возможность различныхъ опытныхъ изслѣдованій, а слѣдовательно и возможность не только разрѣшить вопросъ о взаимной связи между организмами, но и выяснитъ условія, необходимыя для проявленія этой связи, если таковая дѣйствительно существуетъ. Такимъ обра-

зомъ, въ вопросѣ о чтеніи и передачѣ мыслей мы встрѣчаемся уже не съ случайными наблюденіями, а съ опытными изслѣдованіями, къ обзору которыхъ мы теперь и переходимъ.

Опытныя изслѣдованія.

Чтеніе и передача мыслей. Американецъ Броунъ впервые обратилъ вниманіе на возможность угадыванія или, какъ онъ выражается, чтенія мыслей. Когда идеи Бруна распространились въ Европѣ, то Прейеръ въ Германіи и Карпентеръ въ Англіи одновременно дали весьма правдоподобное объясненіе этому отгадыванію. Они объяснили это произвольными движеніями, которыя совершаетъ внушающій, желая направить отгадывающаго въ ту или другую сторону. Хотя это объясненіе вполне примѣнимо ко многимъ случаямъ такъ называемой передачи мыслей, но во время нѣкоторыхъ опытовъ обнаружались такіе факты переноса мыслей, которыхъ никакъ нельзя было объяснить произвольными движеніями. Поэтому когда учредилось общество Soc. for. Physical Research, то оно поставило на первую очередь изслѣдованіе вопроса о чтеніи мыслей. Была образована особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ проф. физики Баррета, и этой коммиссіей были произведены многочисленныя изслѣдованія; къ сожалѣнію, опыты производились безъ надлежащихъ предосторожностей, а потому многіе не могли согласиться съ заключеніями коммиссіи о несомнѣнномъ существованіи передачи мыслей.

Среди многочисленныхъ изслѣдованій, посвященныхъ этому вопросу, мы встрѣчаемъ прекрасно обставленные опыты проф. Рише надъ отгадываніемъ чиселъ и словъ лицами, загипнотизированными до сонambuлическаго состоянія, и проф. Сиджвика надъ отгадываніемъ двухзначныхъ чиселъ (2.000 опытовъ). У обоихъ этихъ изслѣдователей процентъ правильнаго переноса настолько великъ, что явленіе это не можетъ быть объяснено случайностью. Но д-ръ Леманъ объясняетъ это произвольнымъ шептаніемъ лицъ, задумавшихъ какое-либо слово или число. Онъ совмѣстно съ д-ромъ Ганзеномъ произвелъ рядъ опытовъ надъ отгадываніемъ чиселъ (1.000 опытовъ). Экспериментаторы помѣщали свои головы въ фокусахъ вогнутыхъ зеркалъ, установленныхъ такимъ образомъ, что звуки, издаваемые въ фокусахъ одного зеркала, собирались въ фокусѣ другого. Процентъ правильнаго переноса при этомъ значительно повысился сравнительно съ опытомъ проф. Рише и Сиджвика. Но д-ръ Леманъ утверждаетъ, что онъ часто слышалъ произвольный шопоть лица, задумавшаго какое-либо слово. Какъ основное доказательство правильности даннаго имъ объясненія, д-ръ Леманъ приводитъ изслѣдованіе ошибокъ отгадывающаго. Большинство ошибокъ такого рода, какъ если бы отгадывающій неотчетливо слышалъ рѣчь задумавшаго. Такъ, напр., вмѣсто датскаго to (2) слышалось tre (3), вмѣсто fiere (4)—fem и т. д.

Объясненіе д-ра Лемана, быть можетъ, справедливо по отношенію къ отгадыванію чиселъ и словъ; но имѣется рядъ опытовъ, къ которымъ подобное объясненіе совершенно неприимѣнимо. Такъ, Рише и многіе другіе дѣлали опыты надъ передачей рисунковъ, и во многихъ отвѣтныхъ рисункахъ можно было найти замѣтное сходство съ оригиналомъ. Проф. Рише видитъ въ этихъ опытахъ полное доказательство переноса идеи рисунка, но д-ръ Леманъ и многіе другіе считаютъ это сходство только иллюзорнымъ и абсолютно отрицаютъ факты передачи рисунка.

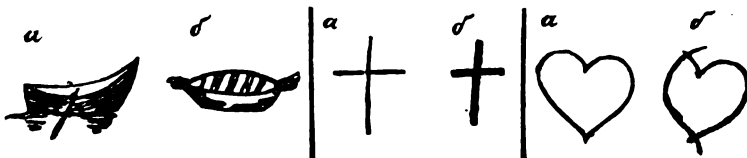
Желая окончателно убѣдиться, можетъ ли данный субъектъ нарисовать тотъ рисунокъ, котораго онъ не видитъ, но на который смотреть другое лицо, я предпринялъ рядъ опытовъ.

Обстановка опыта. Опыты производились по слѣдующей схемѣ. Одинъ изъ участвующихъ бралъ какой-либо рисунокъ и внимательно всматривался въ него; второй, не видя заданнаго рисунка, старался воспроизвести его на листѣ чистой бумаги, лежащей передъ нимъ. Въ большинствѣ случаевъ рисунки заготавливались третьимъ лицомъ, которое выбирало ихъ изъ дѣтскихъ альбомовъ. Рисунки бывали двухъ типовъ: одни—болѣе простые, какъ, напр., ножъ, бутылка, грабли и пр., другіе—болѣе сложные, какъ, напр., сани, какой-либо пейзажъ, фигура и пр. Заготовленные рисунки хранились въ особомъ конвертѣ. Вушающій (такъ будемъ называть то лицо, которое во время опытовъ смотреть на рисунокъ) только передъ самымъ опытомъ вынималъ одинъ изъ рисунковъ.

Совмѣстно съ нѣсколькими лицами мною былъ произведенъ рядъ опытовъ при различныхъ условіяхъ. О тѣхъ условіяхъ, которыя наиболѣе способствовали успѣху опытовъ, мы скажемъ ниже; теперь же рассмотримъ главнѣйшіе типы отвѣтныхъ рисунковъ.

Отвѣтные рисунки *). Отвѣтные рисунки, по сходству ихъ съ заданными, можно раздѣлить на слѣдующія пять группъ.

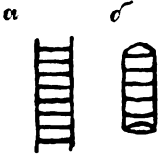
Къ 1-й группѣ отнесемъ удачные отвѣтные рисунки. Сходство контуровъ заданныхъ и отвѣтныхъ рисунковъ настолько велико, что кажется, будто отвѣтные рисунки прямо срисованы съ заданныхъ, какъ это видно, напр., на слѣдующихъ рисункахъ, гдѣ буквой *a* означены заданные рисунки, а буквой *b*—отвѣтные.

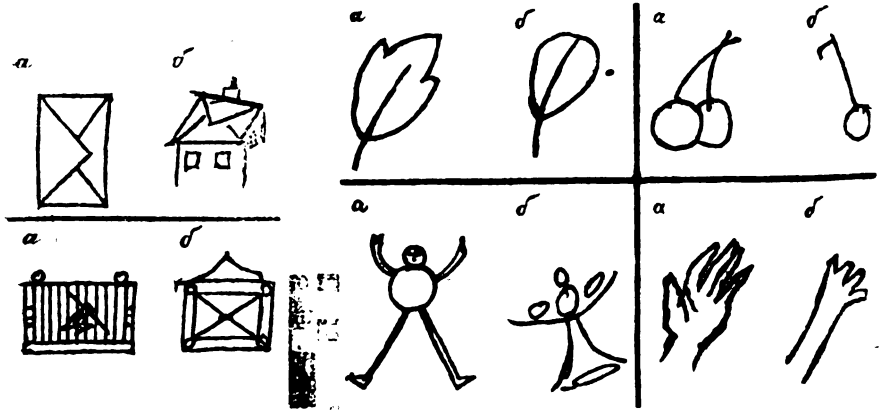
Часто случается, что контуры схвачены болѣе или менѣе вѣрно,

*) На всѣхъ рисункахъ заданные рисунки обозначены буквой *a*, отвѣтные же буквой *b*.

но идея рисунка все же не была воспринята. Такъ, напр., на заданный рисунокъ лѣстницы рисующій сказалъ, что онъ нарисовалъ бочонокъ, хотя въ дѣйствительности этотъ бочонокъ похожъ на лѣстницу.

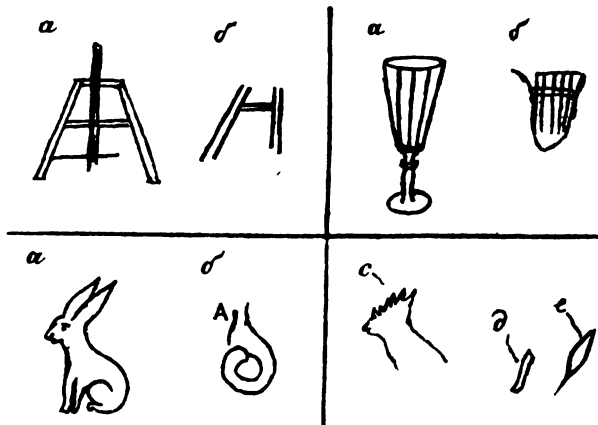

Ко второй группѣ отнесемъ тѣ отвѣтные рисунки, въ которыхъ замѣтно только нѣкоторое сходство съ контурами заданныхъ рисунковъ. Напр., на заданія въ видѣ прямоугольниковъ слѣдовали отвѣты тоже въ видѣ прямоугольниковъ, какъ это видно на прилагаемыхъ здѣсь рисункахъ.

На заданія въ родѣ листьевъ и плодовъ слѣдовали подобные же отвѣты. Съ измѣненіемъ типовъ заданія соответственно мѣняются и типы отвѣтныхъ рисунковъ.

Къ третьей группѣ отнесемъ тѣ отвѣтные рисунки, которые представляютъ только части заданнаго рисунка. Такъ, напр., на рисунокѣ

мольберта нарисована только лѣвая часть его, на рисунокѣ рюмки—верхняя часть ея, а на заданнаго зайца а отвѣчено было четырьмя рисунками б, с, d и e. Лицо, нарисовавшее ихъ, не могло объяснить, что

именно оно рисовало. Ему представлялись какіе-то контуры, которые и были имъ послѣдовательно нарисованы. Не трудно видѣть, что каждый изъ нихъ представляетъ часть заданнаго рисунка зайца.

Къ четвертой группѣ отнесены тѣ рисунки, въ которыхъ можно усмотрѣть передачу идеи рисунка безъ видимой передачи контуровъ. Такъ, напр., на заданный рисунокъ свѣчи отвѣчено было рисункомъ лампы. Но вѣроятіе всего это была простая случайность.

Къ пятой группѣ отнесемъ всѣ неудачные рисунки.

Всего мною было произведено 169 опытовъ. Передачу идеи безъ видимой передачи контуровъ можно усмотрѣть въ 5-ти случаяхъ (3⁰/о). Вплоть удачныхъ отвѣтныхъ рисунковъ, т. е. такихъ, когда отвѣтные рисунки были почти тождественны съ заданными, оказалось 15 (9⁰/о). Полуудачныхъ отвѣтовъ, т. е. такихъ, когда схвачены были только части контуровъ, или когда была нарисована фигура, весьма напоминающая заданную, имѣется 66 (39⁰/о). Совсѣмъ неудачныхъ оказалось 83 (49⁰/о). Такимъ образомъ, мы видимъ, что процентъ неудачныхъ опытовъ очень высокъ. Иногда можно было указать обстоятельства, мѣшавшія ходу опытовъ: неопытность, нездоровье или озабоченность лицъ, принимавшихъ участіе въ опытахъ. Очень вредно отзывается также стремленіе лица, рисующаго подъ внушеніемъ къ отгадыванію заданнаго рисунка. Но случалось, что при наличности всѣхъ условій, благопріятствующихъ опытамъ, все-таки отвѣтные рисунки были неудачны. Иногда казалось при этомъ, что они какъ будто были нарисованы лицомъ, мелькомъ взглянувшимъ на заданный рисунокъ. Поэтому я предпринялъ цѣлый рядъ опытовъ, чтобы убѣдиться, насколько зрительныя впечатлѣнія будутъ соответствовать внутреннимъ.

Рисунки, исполненные на цилиндрически-изогнутыхъ бумажкахъ. Нѣсколько разъ случилось, что рисующій подъ внушеніемъ рисовалъ на бумажкѣ, лежащей на мягкой записной книжкѣ, которую онъ держалъ въ рукахъ; книжка и бумажка изгибались при этомъ, принимая цилиндрическую форму.

Характеръ отвѣтныхъ рисунковъ, исполненныхъ на такихъ цилиндрически-изогнутыхъ бумажкахъ совершенно отличенъ отъ рисунковъ, исполненныхъ на плоскихъ бумажкахъ. Нѣтъ ни одного рисунка не только тождественнаго съ оригиналомъ, но и похожаго на него; нельзя было найти даже иллюзорнаго сходства съ оригиналомъ. Рисунки эти чаще всего представляли странные контуры и трудно было объяснить, чѣмъ они были вызваны, такъ какъ они не выражали даже никакой самостоятельной идеи рисующаго, что часто наблюдалось при рисованіи на плоскихъ бумажкахъ. Но при изслѣдованіи рисунковъ вогнутымъ цилиндрическимъ зеркаломъ, радіусъ кривизны котораго приблизительно равнялся радіусу кривизны бумажки, на которой рисовался отвѣтный рисунокъ, оказалось слѣдующее: въ числѣ изображеній заданнаго рисунка, получаемыхъ въ цилиндрическомъ зеркалѣ, часто можно было

найти фигуру, весьма напоминающую внутренній отвѣтъ на заданный рисунокъ.

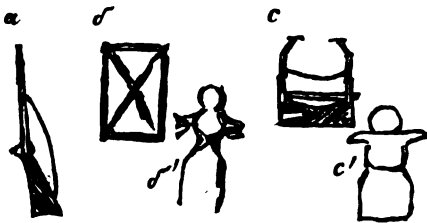
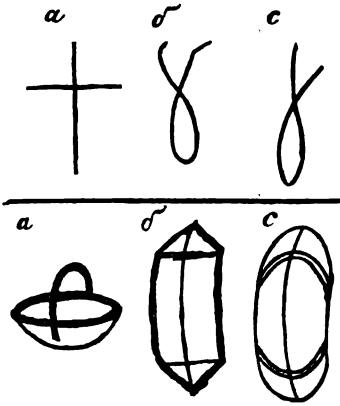
Исслѣдованія эти производились слѣдующимъ образомъ: передъ цилиндрическимъ зеркаломъ помѣщался заданный рисунокъ, на который ииѣлся уже отвѣтъ, нарисованный подъ внушеніемъ. Въ зеркалѣ получалось искаженное изображеніе заданнаго рисунка. Это изображеніе, вообще говоря, измѣнялось въ зависимости отъ измѣненія положенія наблюдателя относительно зеркала — съ одной стороны и измѣненія относительно положенія рисунка и зеркала — съ другой. Въ числѣ этихъ изображеній весьма часто попадались такіа, которыя вполне были похожи на отвѣтные рисунки, нарисованные подъ внушеніемъ. Такъ, напр., на заданный рисунокъ креста *a* послѣдовалъ отвѣтный рисунокъ въ видѣ какой-то петли *b*; подобную же петлю *c* находимъ въ числѣ изображеній того же креста въ цилиндрическомъ зеркалѣ.

Точно также на заданный рисунокъ корзинки *a* послѣдовалъ странный отвѣтный, нарисованный подъ внушеніемъ, рисунокъ *b*; въ числѣ изображеній этой же корзинки *a* въ цилиндрическомъ зеркалѣ находимъ фигуру *c*, которая, какъ видно изъ чертежа, весьма походитъ на отвѣтный рисунокъ *b*, только съ болѣе закругленными линіями.

Замѣтимъ, что хотя въ цилиндрическомъ зеркалѣ мы можемъ получить нѣсколько отличныхъ другъ отъ друга, искаженныхъ изображеній даннаго рисунка, но отсюда отнюдь еще не слѣдуетъ, что, помѣщая какой-либо рисунокъ передъ зеркаломъ, мы въ числѣ изображеній его въ цилиндрическомъ зеркалѣ можемъ найти такое, которое походило бы на другой какой-либо рисунокъ, взятый нами произвольно. Такъ, наприм., рассматривая въ цилиндрическомъ зеркалѣ изображеніе креста, о которомъ мы говорили выше, мы не найдемъ фигуры, подобной внутреннему отвѣту на заданную корзинку.

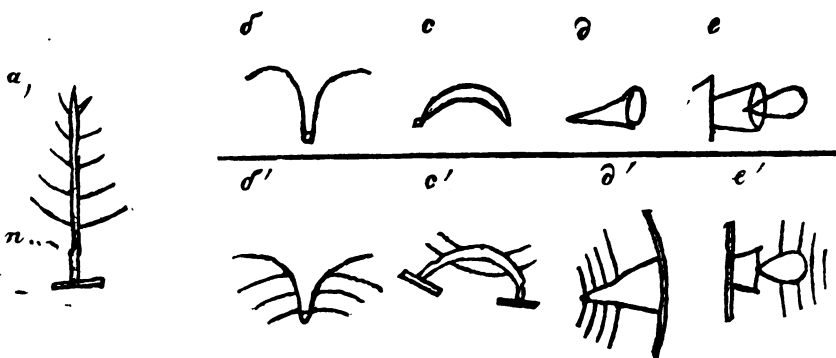
Подмѣтивъ эту особенность рисунковъ, исполненныхъ на цилиндрическихъ бумажкахъ, мы произвели серію опытовъ, преднамѣренно заставляя рисовать на изогнутыхъ бумажкахъ.

Случалось иногда, что рисующій давалъ по два и болѣе отвѣтовъ, совершенно отличныхъ одинъ отъ другого; такъ, наприм., на рисунокъ ружья *a* отвѣчено подъ внушеніемъ слѣдующими двумя *b* и *b'*. Замѣ

тимъ, что въ цилиндрическомъ зеркалѣ при разсматриваніи того же рисунка получаютъ подобныя же фигуры c и c' , при чемъ одна фигура переходитъ въ другую при относительно небольшомъ поворотѣ зеркала.

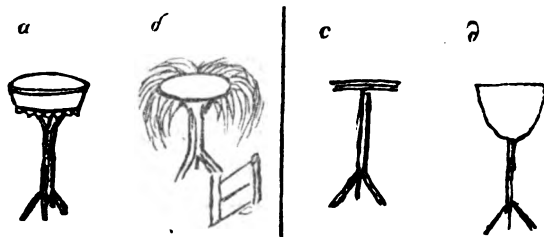
Любопытны отвѣты на заданный рисунокъ елки. Рисующій подѣлушеніемъ далъ четыре отвѣтныхъ рисунка при различныхъ своихъ положеніяхъ относительно внушаемаго. «Странно,—сказалъ онъ, вставая,—я знаю, что все время внушался мнѣ одинъ и тотъ же рисунокъ, а между тѣмъ при смѣнѣ положеній мнѣ представлялись совершенно различныя фигуры». Впослѣдствіи, при изслѣдованіи отраженій рисунковъ елки въ цилиндрическомъ зеркалѣ оказалось, что при четырехъ различныхъ положеніяхъ рисунка относительно зеркала, легко получить четыре изображенія, совпадающія съ отвѣтными рисунками. Рисунокъ a изображаетъ заданную елку b , c , d и e —внушенные отвѣты на нее, а b' , c' , d' и e' —изображенія той же елки въ цилиндрическомъ зеркалѣ.

Итакъ, мы видимъ, что лицо, рисующее подѣлушеніемъ на цилиндрически-изогнутой бумажкѣ, рисуетъ такъ, какъ если бы оно видѣло отраженіе заданнаго рисунка въ цилиндрическомъ зеркалѣ; при чемъ, очевидно, роль зеркала играетъ бумажка. Слѣдовательно, мы встрѣчаемся съ нѣкоторымъ лучистымъ явленіемъ, отражающимся отъ такихъ шероховатыхъ поверхностей, какъ бумага; при чемъ могутъ получаться удовлетворительныя изображенія отъ бумажекъ, величиною, приблизительно, въ 50 квад. сантиметровъ.

Изслѣдованіе зрительныхъ впечатлѣній. Эти изслѣдованія производились мною двоякимъ образомъ. Во-первыхъ, лицу, которое не участвовало въ вышеописанныхъ опытахъ, я мелькомъ, издали показывалъ какую-либо картинку изъ числа тѣхъ, на которыя у меня имѣлись внушенные полуудачные и неудачные отвѣты. Это лицо рисовало то, что ему въ данный моментъ представилось. Постепенно приближая рисунокъ къ рисующему, я получилъ рядъ зрительныхъ отвѣтовъ на данную картинку. Во-вторыхъ, издали въ полутемной комнатѣ я показывалъ картинку на различныхъ разстояніяхъ и каждый разъ позволялъ подолгу всматриваться въ нее. Мы не будемъ останавливаться

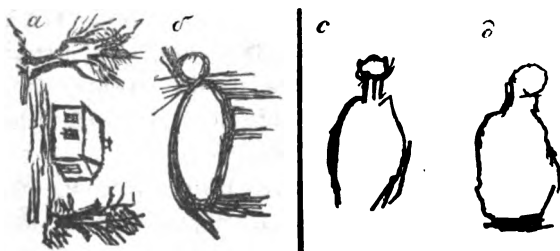
на разницѣ, обнаружившейся при изслѣдованіяхъ по этимъ двумъ методамъ, а сравнимъ только внушенные и зрительные отвѣты. На прилагаемыхъ здѣсь рисункахъ буквой *a* означены заданные рисунки, буквой *b*—отвѣтные, внушенные, а буквой *c* и *d*—последовательные зрительные отвѣты, данные академикомъ Н. Д. Лосевымъ.

Вобщемъ, ошибки въ отвѣтахъ, дѣлаемыхъ подъ внушеніемъ, почти совпадаютъ съ ошибками, полученными при зрительныхъ отвѣтахъ. То же самое оказалось и при изслѣдованіи многихъ совершенно неудачныхъ отвѣтныхъ рисунковъ. Такъ, напр., на заданныя ворота *a* подъ внушеніемъ отвѣчено домикомъ *b*; зрительный отвѣтъ былъ тоже домикъ *c*.

Точно также на заданный пейзажъ *a* отвѣчено "подъ внушеніемъ" страннымъ рисункомъ *b*. Но не менѣе странны также зрительные отвѣты *c* и *d* на тотъ же самый пейзажъ, данные двумя различными лицами, въ различное время.

Контрольные опыты безъ внушенія. Чтобы убѣдиться, встрѣчаемся ли мы въ вышеописанныхъ отвѣтахъ дѣйствительно съ передачей зрительныхъ ощущений одного лица другому, и не можетъ ли данное лицо нарисовать правильный отвѣтъ на картинку, на которую никто не смотритъ, мы произвели рядъ слѣдующихъ опытовъ. Заблаговременно было заготовлено около 25-ти рисунковъ, которые хранились въ особомъ пакетѣ. По очереди я вынималъ одинъ изъ этихъ рисунковъ и,

не глядя на него, всталъ сзади себя на столъ; затѣмъ начиналъ такъ рисовать, какъ я обыкновенно рисовалъ подѣ внушеніемъ. Сравнивая отвѣтные рисунки съ заданными, я не нашелъ между ними никакого, даже иллюзорнаго, сходства.

Выводы. На основаніи всѣхъ вышележащихъ опытовъ слѣдуетъ, что лицо, рисующее подѣ внушеніемъ, воспринимаетъ не идею рисунка, а только контуры его; идея же улавливается только тогда, когда контуры восприняты правильно. Для объясненія же воспріятія контуровъ намъ нѣтъ необходимости вводить какую-либо особую психическую, разумную силу.

Въ самомъ дѣлѣ, пусть, напр., субъектъ *A* смотритъ на какой-либо предметъ; на сѣтчатой оболочкѣ его глаза рисуется изображеніе этой картинки; сѣтчатая оболочка раздражается и вызываетъ токъ въ зрительномъ нервѣ и въ зрительномъ центрѣ. Если этотъ токъ можетъ индуцировать такіе же токи въ подобныхъ ему проводникахъ, то естественно ожидать, особенно въ случаѣ образованія стоячей волны, что въ другомъ проводникѣ, зрительномъ нервѣ и центрѣ другого субъекта *B*, настроенномъ въ резонансъ съ первымъ, образуется вслѣдствіе индукціи подобная же стоячая волна; слѣдовательно, субъектъ *B* будетъ испытывать зрительныя ощущенія, подобныя тѣмъ, какія испытываетъ субъектъ *A*. Естественно ожидать, что эти наведенныя ощущенія будутъ менѣе ярки и отчетливы, чѣмъ воспріятыя непосредственно. Повидимому, подобныя явленія и наблюдаются въ опытахъ по передачѣ рисунковъ.

Несомнѣнно, что процессъ передачи въ дѣйствительности гораздо сложнѣе, чѣмъ это представлено въ нашей схемѣ. Къ сожалѣнію, у насъ еще мало данныхъ для полнаго выясненія механизма, но самый фактъ передачи зрительныхъ ощущеній, по нашему мнѣнію, имѣетъ много шансовъ къ тому, чтобы считать его установленнымъ.

Опыты надъ загипнотизированными. Мы встрѣчаемъ чрезвычайно любопытныя данныя по интересующему насъ вопросу въ опытахъ, произведенныхъ надъ субъектами, загипнотизированными до сомнамбулическаго состоянія. Какъ извѣстно, Жиберъ и Пьеръ Жане въ Гаврѣ, а затѣмъ Ш. Рише въ Парижѣ произвели рядъ опытовъ надъ Леони В., примѣняя методъ такъ называемаго умственнаго внушенія. Изъ 35-ти опытовъ неудачныхъ было 19, а удачныхъ 16, т.-е. 16 разъ Леони В. засыпала, повинаясь внушеніямъ гипнотизера, находившагося отъ $\frac{3}{4}$ до $1\frac{1}{2}$ версты отъ нея. Рише утверждаетъ, что онъ предпринималъ всевозможныя предосторожности, чтобы избѣжать какого бы то ни было обмана. Даже часть, въ который онъ долженъ былъ усыплять Леони, Рише выбиралъ по жребію. Такъ какъ число удачныхъ случаевъ сравнительно очень велико, то Рише и нѣкоторые другіе признаютъ возможность умственнаго внушенія на разстояніи, а слѣдовательно признаютъ возможность возникновенія связи между гипнотизеромъ и гипно-

тизируемыѣ, которая можетъ обнаруживаться на довольно большихъ разстояніяхъ. Къ сожалѣнію, очень многіе экспериментаторы, повторявшіе эти опыты, отвергаютъ существованіе такого вліянія на разстояніи.

Извѣстный знатокъ гипноза, д-ръ Марренъ, говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Ученіе объ умственномъ внушеніи не можетъ еще получить въ наукѣ полного права гражданства; граница съ сверхъестественнымъ, необъяснимое въ настоящее время, оно можетъ быть допущено окончательно только тогда, когда будетъ подтверждено многочисленными новыми опытами». Но едва ли справедлива боязнь д-ра Маррена сверхъестественности умственнаго внушенія, которое, быть можетъ, объясняется такъ же просто, какъ и передача зрительныхъ ощущеній.

Итакъ, на основаніи всѣхъ рассмотрѣнныхъ нами, какъ случайныхъ наблюденій, такъ и опытныхъ изслѣдованій, можно вывести слѣдующее заключеніе: ощущенія одного организма могутъ быть восприняты какими-то особыми путями другимъ организмомъ въ богѣ или менѣе отчетливой формѣ. Слѣдовательно, между живыми организмами существуетъ нѣкоторая связь. Но для объясненія этой связи не требуется ни признанія вмѣшательства духовъ, ни допущенія излученія какой-то психической разумной силы. Вѣроятно же всего, эта связь обусловлена силами, если можно такъ выразиться, низшаго порядка; какими именно—это покажутъ будущія изслѣдованія, если, съ одной стороны, перестанемъ глумиться надъ тѣмъ, что намъ кажется непонятнымъ съ перваго взгляда, а съ другой—не будемъ искать торопливыхъ объясненій для фактовъ, недостаточно изученныхъ нами.

Прив.-доп. Я. Жукъ.

ДОЧЬ ЛЕДИ РОЗЫ.

Романъ и-рса Гѣмпфри Уордъ.

Перев. съ англійскаго Э. Журавскою.

ГЛАВА I.

— Галло! Нѣтъ? Ну да! Клянусь душой, это Джэкобъ! Делафилдъ, голубчикъ, какъ вы поживаете?

Съ этими словами—дѣло было въ февральскій вечеръ, много лѣтъ тому назадъ—пожилой господинъ во фракѣ выскочилъ изъ экипажа, только что остановившагося передъ однимъ изъ домовъ въ Брутонъ-стритъ, и поспѣшно пошелъ навстрѣчу молодому челвѣку, въ это самое мгновеніе выгѣзшему изъ кабриолета, остановившагося нѣсколько подале.

Въ голосѣ пожилого господина звучало нескрываемое удовольствіе. Молодой челвѣкъ встрѣтилъ его съ той же сердечностью, хотя у него она проявлялась не такъ ярко, и обращеніе его было сдержаннѣе.

— Такъ вы, наконецъ, вернулись домой, сэръ Уильфридъ? Объ этомъ давно поговаривали, но я думалъ, что вы задержитесь немного въ Парижѣ.

— Я? Въ Парижѣ? Ну, вотъ еще! Изъ моихъ тамошнихъ знакомыхъ половина перемерла, а остальные—невѣжи. Ну-съ, а вы здѣсь что подѣлываете? Наживаете себѣ состояніе, э?

И, взявъ подъ руку молодого челвѣка, говорившій пошелъ съ нимъ назадъ по тротуару, вдоль линіи экипажей, къ дому, у растворенныхъ настежъ дверей котораго стояла кучка ливрейныхъ лакеевъ. Джэкобъ Делафилдъ улыбнулся.

— Насколько я могу судить по опыту, дѣло управляющаго имѣніемъ—скорѣе помогать наживаться другимъ.

— Управляющаго имѣніемъ? Я думалъ, вы адвокатъ!

— Я былъ имъ, но практика заставила себя ждать. А тутъ мой кузенъ предложилъ мнѣ взять на себя управленіе его помѣстьями въ Эссексѣ. Я люблю деревню—всегда любилъ. Ну, я и рѣшилъ принять предложеніе.

— Какъ—герцогъ? Вотъ кому хорошо жить на свѣтѣ! Получаетъ себѣ доходы и въ усъ не дуетъ. Надѣюсь, онъ вамъ хорошо платитъ?

— О, мнѣ платятъ недурно! Вы, конечно, идете къ леди Генри?

— Само собой. Мы ужъ пришли.

Не доходя шеренги лакеевъ, ожидавшихъ у дверей, старшій изъ собесѣдниковъ остановился и, понизивъ голосъ, спросилъ:

— Ну, что она? Какъ? Плоха?

Джэкобъ Делафилдъ отвѣтилъ не сразу.

— Она стала плохо видѣть, ну, и вообще подалась. Но тѣмъ не менѣе принимаетъ, какъ всегда, каждый вечеръ немногихъ, и многихъ по пятницамъ.

— Она попрежнему одва, или при ней кто-нибудь изъ родныхъ? Вѣдь за ней же нуженъ уходъ?

— Изъ родныхъ? Нѣтъ. Она ихъ всѣхъ презираетъ.

— За исключеніемъ васъ?

Делафилдъ пожалъ плечами, но не улыбнулся въ отвѣтъ.

— Да, она такъ добра, что дѣлаетъ исключеніе для меня. Вы вѣдь, кажется, одинъ изъ ея повѣренныхъ?

— Въ настоящій моментъ единственный. Но во время моего пребывания въ Персіи здѣсь всѣмъ орудовали стряпчіе. Леди Генри не охотница писать письма. Вотъ уже больше года, какъ я почти ничего не знаю о ней. Я только сегодня утромъ пріѣхалъ изъ Парижа, послалъ узнать, будетъ ли она вечеромъ дома, и вотъ я здѣсь.

— А!—сдѣлалъ Делафилдъ, не подымая глазъ.—Видите ли, съ ней живетъ теперь—вотъ уже больше двухъ лѣтъ—одна дама...

— Ахъ, да, да, помню. Мнѣ говорила въ прошломъ году старая леди Сизветъ. Mademoiselle Ле-Бретонъ—такъ, кажется? Что-жъ она ей читаетъ, пишетъ за нее письма—въ этомъ родѣ?

— Д-да, въ этомъ родѣ.—Отвѣтъ послѣдовалъ не сразу. Кажется, началъ накрапывать дождикъ. Не пора ли намъ атаковать эту дружину?

И онъ сталъ пролагать себѣ путь сквозь толпу выѣздныхъ и ливрѣйныхъ лакеевъ, не такую, однако-жъ, густую, какъ это обыкновенно бываетъ въ Мэйферѣ, ибо и въ комнатахъ не было «давки». Леди Генри держалась того взгляда, что главная задача хозяйки дома не заманивать къ себѣ «толпу», а, напротивъ, умѣть набавиться отъ нея.

Новоприбывшіе вмѣстѣ поднялись.

— Какой прелестный домъ!—говорилъ старшій изъ нихъ, озираясь вокругъ.—Я еще помню, какъ вашъ дядя перестраивалъ его. А до того я помню его мать, старую герцогиню, вѣчно съ цѣлой святой священниковъ. Честное слово, въ Лондонѣ приятно побывать послѣ Террана!

И говорившій откинулъ назадъ свою красную сѣдую голову, разглядывая электрическое освѣщеніе, убранство комнатъ, гостей, съ видомъ гончей, почуявшей знакомый запахъ.

Делафильдъ засмѣялся.

Сразу видно, что вы давно не бывали дома. Но мы попробуемъ удержать васъ здѣсь.

— Милый другъ, кто это тамъ, на верхней площадкѣ?

Старый дипломатъ остановился. Впереди ихъ поднимались на лестницу человекъ пять-шесть гостей и столько же спускались. На верхней площадкѣ стояла высокая дама въ черномъ, принимая новыхъ посѣтителей и напутствуя уходящихъ.

Делафильдъ посмотрѣлъ вверхъ и спокойно отвѣтилъ:

— Это mademoiselle Ле-Бретонъ.

— Она принимаетъ гостей?

— Распредѣляетъ. Леди Генри обыкновенно усаживается въ задней гостиной. Ей неудобно видѣть слишкомъ много народу заразъ. Вотъ mademoiselle и устраиваетъ такъ, чтобы къ ней входили по очереди.

— Должно быть, леди Генри, дѣйствительно, стала очень безпощадной за то время, какъ я не видалъ ея,—не безъ удивленія пробормotalъ сэръ Уильфридъ.

— Физически—да, несомнѣнно. Въ другихъ отношеніяхъ вы не найдете въ ней большой переменны. Можно васъ представить?

Высокая стройная фигура женщины, стоявшей на площадкѣ, и ея замѣчательное лицо сразу привлекли вниманіе стараго дипломата. Первой мыслью его было: она не красива. Скулы слишкомъ выдаются наружу; очертанія подбородка и рта слишкомъ рѣзки. И однако же, эта изящная блѣдность, эти нѣжные черные и бѣлые тона, въ которыхъ, такъ сказать, написана голова и лицо, жизнь, оживленіе въ каждой чертѣ—развѣ все это не красота, не лучше красоты! А глаза, посадка головы, роскошь волосъ, уложенныхъ въ изысканную прическу во вкусъ восемнадцатаго столѣтія, какіе быть можетъ носила госпожа Виже Лебрёнъ—все это со второго взгляда производило такое сильное впечатлѣніе, что сэръ Уильфридъ уже не могъ оторвать глазъ отъ ихъ обладательницы. Она казалась ему чѣмъ-то чрезвычайъ живымъ, слишкомъ блестящимъ, существомъ, въ которомъ жизнь бьетъ черезъ край съ такой интенсивностью, что, при первомъ знакомствѣ, посторонній наблюдатель даже не могъ опредѣлить, нравится это ему или нѣтъ.

— Mademoiselle Ле-Бретонъ—сэръ Уильфридъ Бѣри,—познакомилъ ихъ Джэкобъ Делафильдъ.

«Точно ли она французенка?» спрашивалъ себя старый дипломатъ. «И я какъ будто видѣлъ ее гдѣ-то».

— Леди Генри такъ обрадуется!—сказать низкій пріятный голосъ.—Вы одинъ изъ ея старыхъ друзей, не правда ли? Я много слышала отъ нея о васъ.

— Вы очень добры. Конечно, я старый другъ и родственникъ

также.—Тонъ сэръ Уильфрида былъ суховатый, чего онъ, впрочемъ, тотчасъ же устыдился.—Мнѣ очень грустно слышать, что здоровье леди Генри такъ пошатнулось съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ Англїю.

— Ей нельзя утомляться. Ее навѣщаютъ не болѣе двухъ-трехъ человѣкъ заразъ. Это даетъ ей возможность полнѣе насладиться ихъ обществомъ.

— По моему,—вставилъ Делафильдъ,—это со стороны миледи маленькая хитрость, съ цѣлью получить именно то, что ей нужно.

Веселый тонъ молодого человѣка, это замѣчаніе вполголоса, взглядъ, которымъ онъ обмѣнялся съ mademoiselle Ле-Бретонъ, еще усилили смутное чувство изумленія, нараставшее въ сэръ Уильфридѣ. Онъ круто повернулся къ своему спутнику.

— Вы ей скажете, Джэкобъ, что я здѣсь?

— Конечно, если mademoiselle мнѣ позволитъ. А, вотъ и герцогиня!—это было сказано уже совсѣмъ другимъ тономъ.

Mademoiselle Ле-Бретонъ, отошедшая отъ края площадки, разговаривая съ сэръ Уильфридомъ Бѣри, быстро обернулась. По глѣстницѣ подымалась, одна, маленькая худенькая женщина, нѣжная блондинка, вся залитая брилліантами.

— Милочка! — воскликнула герцогиня, радостно протягивая обѣ руки mademoiselle Ле-Бретонъ,—я не могла утерпѣть, чтобы не забыть на минутку взглянуть на васъ. Но Берти говоритъ, что будетъ ждать меня въ этомъ скучномъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Такъ что я могу побыть здѣсь всего десять минутъ. Ну, какъ вы, дорогая? измучились до смерти?

Послѣднія слова были сказаны тихо, почти шопотомъ, но сэръ Уильфридъ разслышалъ ихъ.

Mademoiselle Ле-Бретонъ подняла брови и слегка пожала плечами, потомъ улыбнулась и приложила палецъ къ губамъ.

— Вы будете у меня завтра днемъ?—тѣмъ же полушопотомъ спросила герцогиня.

— Не думаю, чтобы мнѣ удалось вырваться.

— Вздоръ. Душа моя, нуженъ же вамъ воздухъ и моціонъ. Джэкобъ, позаботьтесь о томъ, чтобы она пришла.

— О! Я тутъ ничего не могу подѣлать.—Молодой человѣкъ обернулся.—Герцогиня, вы помните сэръ Уильфрида Бѣри?

— Она была бы плохую крестницей, еслибъ не помнила крестнаго,—усмѣхнулся пожилой джентльменъ.—Хоть она и кузина ваша, я зналъ ее раньше васъ.

Молоденькая герцогиня быстро обернулась.

— Сэръ Уильфридъ! Откуда вы? Когда вы вернулись?

И она протянула ему обѣ свои крошечныя ручки, сопровождая это потокомъ милыхъ словъ и привѣтствій. Она встрѣтила его именно такъ, какъ подобало встрѣтить лучшаго и старѣйшаго друга ея отца. Ге-

лось, жесты, слова—все было свѣтски учтиво, любезно и небрежно: сэръ Уильфридъ хорошо это замѣтилъ. У него были красивые соломеннаго цвѣта усы и длинныя рѣсницы того же цвѣта. Усы и рѣсницы были экраномъ, изъ-за котораго ихъ владѣлецъ, какъ всѣмъ было хорошо извѣстно, умѣлъ удивительно зорко наблюдать свѣтъ. Онъ сразу почувствовалъ разницу въ тонѣ, когда герцогиня, выполнивъ свой долгъ передъ обществомъ и семьей, оставила его и снова обратилась къ mademoiselle Ле-Бретонъ.

— Такая досада, что вы не могли придти сегодня! Мнѣ хотѣлось вамъ показать, какъ беби танцуетъ—она *такая* дуса! Потому пѣла эта барышня изъ Канады. Голосъ чудесный, но сама она все фокусничаетъ—это утомительно, и я положительно не знала, о чемъ съ ней говорить. Что касается другого музыкальнаго утра, 16-го... неужели для насъ не найдется свободнаго уголка?

И герцогиня съ недовольнымъ видомъ обвела взглядомъ роскошную гостиную, куда онѣ обѣ только что вошли.

— Леди Генри, какъ вамъ извѣстно, не любитъ уголковъ,—сказала, улыбаясь, mademoiselle Ле-Бретонъ.

И этотъ слегка фамиллярный тонъ, и намекъ, прозвучавшій въ ея словахъ, заставили сэръ Уильфрида еще разъ съ любопытствомъ взглянуть на нее, причемъ онъ поймалъ также нетерпѣливое движеніе герцогини, вызванное этимъ замѣчаніемъ.

— Ага! Вотъ и отлично!—неожиданно обратилась къ нему mademoiselle Ле-Бретонъ.—Это м-ръ Монтрезоръ, онъ должно быть тоже направляется въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Теперь, пожалуй, будетъ возможность добраться до леди Генри.

Знаменитый военный министръ медленно шелъ черезъ комнату, тамъ и сямъ останавливаясь, чтобы поздороваться или проститься, причемъ его, повидимому, очень затрудняла явная и безобразная его близорукость. Это былъ челоувѣкъ выше средняго роста и крѣпкаго сложенія. Его иссѣра сѣдые волосы, рѣзкія, словно изваянныя черты лица и глубоко сидящіе черные глаза придавали ему властный видъ, отвѣчавшій его репутаціи. Съ другой стороны, это впечатлѣніе умѣрялось нѣкоторой робостью въ движеніяхъ, происходящей отъ близорукости, и согбенностью стана—результатомъ переутомленія, это была сила въ оковахъ, Самсонъ въ плѣну у филистимлянъ.

— Доброй ночи, милая барышня. Я долженъ идти сражаться съ дикими звѣрями въ Уайтголлѣ. Не везетъ мнѣ. А! герцогиня! Ничего не подѣлаешь. Уклониться нельзя.

Говоря это, м-ръ Монтрезоръ пожималъ руки mademoiselle Ле-Бретонъ и улыбался герцогинѣ съ одиноквой пріязнью и шутливой фамиллярностью.

— Какъ вы нашли леди Генри?—понявъ голосъ, спросила mademoiselle Ле-Бретонъ.

— Очень бодрa, но страшно сердита. Она постоянно бранить меня. У меня не осталось ни одного цѣлаго мѣстечка по кожѣ. А! сэръ Уильфридъ! Очень, очень радъ васъ видѣть. Когда вы пріѣхали? Я думалъ встрѣтиться съ вами въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

— Я сейчасъ ѣду туда.

— А! Ну да тамъ все равно не разговоришься. Пріѣзжайте ко мнѣ завтра обѣдать, вы свободны? Отлично. Такъ я васъ жду. А пока сведите его туда, mademoiselle, сведите, пусть и ему достанется; онъ свѣжій человекъ—ему ничего.

И министръ, усмѣхаясь, кивнулъ головой черезъ плечо на внутреннюю гостиную, гдѣ смутно видѣлся въ большомъ креслѣ на колесахъ силуэтъ старой леди между двумя фигурами.

— Какъ только епископъ уйдетъ, — сказала mademoiselle и съ улыбкой кивнула головой.—Но я просила его не засиживаться.

— Не бойтесь, не засидится. Леди Генри оказываетъ не больше снисхожденія его рясу, чѣмъ моимъ сѣдинамъ. Какъ она меня отдѣлала за мою вчерашнюю рѣчь! Ну, прощайте, милая барышня, спокойной ночи. Вѣдь теперь вы лучше себя чувствуете, не правда ли?

М-ръ Монтрезоръ устремился на свою собесѣдницу дружески-испытующій взглядъ, и тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ сэръ Уильфридъ, захваченный нахлынувшей толпою гостей, разслышалъ слѣдующія, шепотомъ сказанныя слова:

— Зовите меня на совѣтъ, какъ только я вамъ понадобится—когда угодно!

Mademoiselle Ле Бретонъ съ безмолвной признательностью подняла на него свои прекрасные глаза.

— А пять минутъ тому назадъ я нашелъ еѣ некрасивой!—говорилъ себѣ, отходя, сэръ Уильфридъ.—Однако, для компаньонки эта молодая особа держится очень непринуждено. Но гдѣ же я, чортъ побери, видѣлъ еѣ или ея двойника?

Прежде чѣмъ вступить съ кѣмъ-либо въ разговоръ, онъ остановился и обвелъ взглядомъ гостиную. Это была высокая большая комната съ панелями во вкусѣ прошлаго столѣтія, обставленная съ тѣмъ умѣньемъ соединить комфортъ съ красотой, какимъ всегда отличалось незначительное меньшинство англійскихъ богачей. По обѣ стороны квадратной двери, ведущей въ сосѣднюю гостиную, висѣли два дивныхъ портрета кисти Гжеборо, блистающіе жемчужной бѣлизной и небесной лазурью. Съ панели надъ каминомъ смотрѣла внизъ, изъ облака газа, прелестная головка дѣвушки, работы Ромнея. Середину противоположной стѣны занималъ Вандейковскій аббатъ въ рясу. Все это знаменитыя картины, ужъ много поколѣній принадлежавшія роду Делафилдовъ. Комната была вся въ коврахъ и уставлена красивой мебелью восемнадцатаго столѣтія, съ цвѣтистой обивкой итальянскаго типа, выцвѣтшей отъ времени и употребленія, но отъ этого только ставшей еще

вящѣе. Мебель была искусно расположена такъ, чтобы гости могли разбиться на группы; стульевъ было много и притомъ удобныхъ; цвѣты прикрывали уголки для tête-à-tête или же обрамляли раикой красивыя лица; лампы разливали мягкій свѣтъ; воздухъ былъ теплый и легкій. Въ комнатѣ стоялъ веселый говоръ; вся картина производила впечатлѣніе непринужденности, веселья и непритворнаго наслажденія общественной жизнью, сообщавшееся каждому новому гостю.

Пока ближайшая группа знакомыхъ не завладѣла сэръ Уильфридомъ, онъ не сводилъ глазъ съ mademoiselle Ле-Бретонъ, за которой по пятамъ ходила молоденькая герцогиня. Куда бы она ни направилась, всюду еѣ встрѣчали улыбками, окружали почтительнымъ и любезнымъ вниманіемъ. Тамъ и сямъ она знакомила незнакомыхъ, распредѣляла иначе группы, передвигала стулья. Видно было, что она за всѣмъ зорко слѣдила, всѣхъ знала, и всѣ охотно признавали ея власть. Какъ только она приняла предложенный ей стулъ, она сдѣлалась центромъ самой оживленной группы во всей гостиной. Герцогиня, положивъ тонкую ручку на спинку кресла mademoiselle Ле-Бретонъ, смѣялась и болтала безъ умолку; у ногъ ея, на золоченыхъ табуретахъ усѣлись двѣ молоденкихъ дѣвушки въ дѣвственно бѣлыхъ-нарядахъ; къ этой группѣ одивъ за другимъ присоединялись мужчины; и въ центрѣ ея, на фонѣ розовой парчи, рѣзко выдѣлялась черная головка и тонкій до худобы станъ mademoiselle; и это странное лицо было такъ полно выраженія, столько жизни было въ каждой чертѣ, голосъ ея звучалъ такой музыкой, что всѣ глаза и уши были прикованы къ «компаньонкѣ» леди Геври.

Въ дальней гостиной обозначилось движеніе. Оттуда вышелъ мужчина въ короткихъ до колѣвъ штанахъ и башмакахъ съ серебряными пряжками. Mademoiselle Ле-Бретонъ тотчасъ же встала и пошла ему навстрѣчу.

— Чередъ епископа длился долго,—сказалъ старый генералъ сэру Уильфриду Бѣри.—Теперь mademoiselle Жюли идетъ за вами.

Сэръ Уильфридъ всталъ, повинувшись знаку улыбающейся mademoiselle и послѣдовалъ за ея темной фигурой въ развѣвающимся платьѣ въ сосѣднюю комнату.

— Кто это тамъ сидитъ съ леди Генри?—спросилъ онъ свою спутницу, когда они приблизились къ penetralia, гдѣ царил хозяйка дома.—Ага! вижу! Одинъ изъ нихъ докторъ Мередитъ, а другой?

— Другой—капитанъ Уорквортъ. Вы его знаете?

— Уорквортъ? Уорквортъ? Ну, да, конечно! Тотъ самый, что отличился въ послѣднемъ походѣ. Но почему же онъ такъ скоро вернулся домой?

Mademoiselle Ле-Бретонъ нерѣшительно улыбулась.

— Его, кажется, вернули за негодностью къ службѣ,—сказала она, и опять сэръ Уильфридъ обратилъ вниманіе на ея манеру говорить—

сдержанную и милую манеру человѣка, съ мѣнѣемъ котораго считаются, и который, несмотря на внѣшнюю скромность, знаетъ это.

— Ага! ему что-нибудь нужно въ министерствѣ! Я знаю этого человѣка, подумала сэръ Уильфридъ.

Они вошли въ гостиную. леди Генри оглянулась. Ея изрытое морщинами лицо, изжелто-бѣлое, какъ пергаментъ, внезапно озарилось лучемъ радости, неудержимой и непритворной.

— Сэръ Уильфридъ!

Она сдѣлала движеніе, какъ будто хотѣла подняться ему навстрѣчу, но его потестующій жестъ и собственная безпомощность заставили её опуститься въ кресло.

— Вотъ это такъ радости!—сказала она, подавая ему обѣ руки.— Сегодня утромъ, когда я одѣвалась, у меня было предчувствіе, что меня ждетъ что-то пріятное наконецъ то! и вотъ получила ваше письмо. Садитесь же. Вы знаете д-ра Мередита. Онъ такой же задира, какъ и былъ. Капитанъ Уорквортъ—сэръ Уильфридъ Бѣри.

Журналистъ съ квадратной головой и въ очкахъ, названный д-ромъ Мередитомъ, поздоровался съ новоприбывшимъ съ спокойной привѣтливостью человѣка, у котораго нормальный день такъ полонъ событіями, что ему невозможно удѣлять много вниманія каждому изъ нихъ въ отдѣльности. Мужчина, сидѣвшій по другую руку леди Генри, всталъ и поклонился. Онъ былъ красивъ и строенъ. Нѣкоторая стремительность въ движеніяхъ и безпечная непринужденность, съ которой онъ закидывалъ назадъ свою кудрявую голову, нѣсколько удивили сэра Уильфрида. Онъ ожидалъ увидѣть передъ собой иного рода типъ.

— Уступаю вамъ свое мѣсто,—любезно сказалъ капитанъ.—Я и то просидѣлъ дольше, чѣмъ полагается.

— Можно мнѣ ввести герцогиню?—спросила mademoiselle Ле-Бретонъ, понизивъ голосъ и наклонившись сзади надъ кресломъ леди Генри.

Старуха круто повернулась къ ней.

— Пусть дѣлаетъ, какъ ей заблагоразсудится,—рѣзко прозвучалъ отвѣтъ, тихій, но властный, какъ взмахъ меча.—Если я ей нужна, она знаетъ, гдѣ найти меня.

— Она будетъ такъ жалѣть...

— Ne jouez pas la comédie, ma chère! Гдѣ Джэкобъ?

— Въ той комнатѣ. Сказать ему, что вы хотите его видѣть?

— Когда я захочу его видѣть, я пошлю за нимъ. Вѣдь я васъ просила дать мнѣ знать, когда онъ придетъ.

— Онъ пришелъ всего минутъ двадцать тому назадъ,—прошептала Жюли Ле-Бретонъ.—Я думала, что вамъ не надо мѣшать, пока здѣсь былъ епископъ.

— Вы думали!—Старая леди гнѣвно пожала плечами. Comme toujours, vous êtes trop bien amusée, pour vous souvenir de mes instruc

tions—voilà la vérité! Д-ръ Мередитъ!—она всёиъ своимъ грузнымъ тѣломъ разомъ повернулась къ журналисту,—если вы не запретите мнѣ, я скажу сэръ Уильфриду, кто писалъ для васъ рецензію объ его книгѣ.

— О Боже! Я запрещаю это вамъ со всей энергіей, на какую я только способенъ!—воскликнулъ пораженный журналистъ, съ мольбой подымая руки. А леди Генри очень довольная эффектомъ своего неожиданнаго нападенія, откинулась на спинку кресла и злобно усмѣхнулась.

Вниманіе сэръ Уильфрида Бѣри было попрежнему поглощено mademoiselle Ле Бретонъ. Во время разговора между ею и леди Генри онъ замѣтилъ въ обращеніи младшей изъ нихъ рѣзкую перемѣну. Ея любезность, непринужденность исчезли безъ слѣда. Тонъ ея былъ смиренный, въ каждомъ движеніи сквозила нервная тревога. Когда она стала за стуломъ леди Генри, придерживая одной рукой другую, чтобы не видно было, какъ та дрожитъ, сэръ Уильфридъ подмѣтилъ еще и другое. Леди Генри третировала свою «компаньонку» презрительно и свысока, не стѣснялась выказывать ей раздраженіе. Лицомъ къ лицу съ своей хозяйкой mademoiselle Ле-Бретонъ выносила это смиренно, почти униженно. Но теперь, когда она молча стояла за кресломъ слѣпой старухи, только что издѣвавшейся надъ нею, ея на рѣдкость выразительное лицо и нѣжный, весь трепетавшій станъ говорили такъ краснорѣчиво, что ошибиться было нельзя. Черные глаза ея сверкали. Она вся пылала гнѣвомъ за перенесенное униженіе.

— Опасная женщина! И положеніе необычайное, думалъ про себя сэръ Уильфридъ, вслухъ обсуждая англійскую политику въ Средней Азіи и послѣднія событія въ Сибирѣ.

Капитанъ Уорквортъ и mademoiselle Ле-Бретонъ вмѣстѣ вернулись въ большую гостиную, скоро ушелъ и д-ръ Мередитъ. Леди Генри съ своимъ старымъ другомъ остались одни.

— Мнѣ грустно слышать, что ваше зрѣніе огорчаетъ васъ больше прежняго,—сказалъ сэръ Уильфридъ, придвигаясь къ ней ближе.

Леди Генри нетерпѣливо задвигалась въ креслѣ и вздохнула.

— Все огорчаетъ меня больше прежняго. У меня одна болѣзнь, отъ которой не выздоравливаютъ, милый мой Уильфридъ, и эта болѣзнь прицѣпилась ко мнѣ ужъ давно.

— Вы говорите о старости? О! въ этомъ смыслѣ вы вовсе ужъ не такъ достойны сожалѣнія,—улыбнулся сэръ Уильфридъ—Многіе охотно промѣняли бы свою молодость на вашу старость.

— Даже я бы не повѣрила, что на свѣтѣ есть такіе дураки!—энергично возмутилась леди Генри. Напили съ кѣмъ мѣняться!—бѣдная слѣпая старуха, въ подагрѣ, не имѣющая возлѣ себя ни ребенка, ни дыпленка, которому было бы не все равно, жива она или умерла!

— Ахъ, это конечно, печально; я не отрицаю этого,—мягко ска-

залъ сэръ Уильфридъ. Но вотъ я вернулся на родину послѣ трехлѣтняго отсутствія и нахожу вашу домъ по старому полнымъ. Въ вашей гостиной собралась половина самыхъ выдающихся людей въ Лондонѣ. Грустно, конечно, что вы не можете принимать ихъ попрежнему, но вѣдь вы сидите здѣсь, какъ царица, и гости наперерывъ добиваются очереди быть допущенными къ вамъ!

Леди Генри не улыбнулась. Она положила на его рукавъ свою сморщенную старую руку и съ живостью, шопотомъ выговаривала, безпомощно озираясь вокругъ.

— Никто не услышитъ.

Сэръ Уильфридъ былъ тронутъ этой безпомощностью.

— Никто—мы совсѣмъ одни.

— Всѣ эти люди здѣсь не для меня!—прошептала она, вся дрожа и махнувъ рукой по направленію къ большой гостиной.

— Дорогой другъ! Что вы такое говорите?

— Они здѣсь—придвиньтесь ближе! Я не желаю, чтобъ насъ подслушали,—они всѣ здѣсь для женщины, которую я взяла къ себѣ въ домъ—въ минуту безумія!—и которая теперь отнимаетъ у меня моихъ лучшихъ друзей — вытѣсняетъ меня изъ моего собственнаго дома.

Старческое лицо было блѣдно, но уже не прежней восковой величавой блѣдностью; морщинистыя руки тряслись, пониженный голосъ шипѣлъ на ухо сэръ Уильфриду. Тотъ, неприятно удивленный, медлитъ отвѣтомъ. Леди Генри не могла разглядѣть перемены въ выраженіи его лица, но, повидимому, угадала ее.

— О! вы, вѣроятно, думаете, что я помѣшалась или стала чудить на старости лѣтъ!—воскликнула она съ нетерпѣніемъ.—Смотрите же сами! Судите сами! Знаете, я не то, что ждала — жаждала вашего возвращенія. Вы не разъ помогали мнѣ въ затруднительныхъ случаяхъ. А теперь я поставлена въ такое положеніе, что никому не довѣряю—ни съ кѣмъ не говорю ни о чемъ, кромѣ банальностей. Но я буду чрезвычайно вамъ обязана, если вы когда-нибудь придете выслушать меня и больше того—дадите мнѣ совѣтъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, — смущенно отвѣтилъ сэръ Уильфридъ и немного погодя спросилъ:

— Кто это дама, которая здѣсь водворилась у васъ?

Леди Генри колебалась. Ей хотѣлось излиться, но она устояла противъ искушенія.

— Я вамъ скажу, но только не сегодня; это слишкомъ волнуетъ меня. Но когда вы въ первый разъ увидели ее—скажите, какое она на васъ произвела впечатлѣніе?

Сэръ Уильфридъ помолчалъ.

— Я сразу понялъ, что имѣю дѣло съ установившейся личностью.

— Личностью! — Леди Генри отрывисто, сердито засмѣялась.—

Конечно, можно и такъ назвать. А физически—она вамъ никого не напоминаетъ?

Сэръ Уильфридъ подумалъ минутку.

— Да. Ея лицо показалось мнѣ знакомымъ въ первый моментъ. Но нѣтъ! нѣтъ! я не могу придумать, на кого она похожа.

Леди Генри отвернулась разочарованная.

— Подумайте. Припомните. Вы знали ея мать—отлично знали. Ея дѣда вы знаете съ дѣтства. Если вы поѣдете сегодня въ министерство иностранныхъ дѣлъ—вы вѣдь, кажется, собираетесь,—вы, по всей вѣроятности, сегодня же увидите его. Она его вылитый портретъ. Что касается ея отца, не знаю,—онъ былъ такое перекати поле; вы, пожалуй, сталкивались и съ нимъ.

— Вы говорите, я зналъ ея отца и мать?—въ раздумьи удивленно спрашивалъ сэръ Уильфридъ.

— Они не имѣли права назвать себя ея отцомъ и матерью,—сурово пояснила леди Генри.

— А! Такъ что, если я угадаю...

— Придержите вашъ языкъ.

— Но сейчасъ, какъ въ лѣсу—ничего не могу сообразить.

— Можетъ быть, послѣ догадаетесь. У васъ вообще хорошая память на такія вещи. Какъ бы тамъ ни было, [сейчасъ я ничего не могу вамъ сказать. Когда же вы придете! Завтра? Къ лѣнчу? Право же, вы мнѣ нужны.

— Вы будете одна?

— Конечно! Это право я, по крайней мѣрѣ, еще сохранила за собой! — завтракать, когда мнѣ угодно и съ кѣмъ угодно! Кто это вошелъ? А! вы можете не говорить, я и такъ знаю.

Старуха повернулась къ вошедшей и вся разомъ какъ-то подтянулась, и столько достоинства выразилось вдругъ въ ея лицѣ и осанкѣ, что ея собесѣдникъ невольно преклонился къ ней уваженіемъ.

Маленькая герцогиня подошла, шелестя атласомъ и кружевамъ и разливая вокругъ себя аромат парижскихъ фіалокъ, въ изобиліи украшавшихъ ея лифъ. Ея глаза тревожно поблескивали; она подходила граціозно и робко, словно идя по подкопу.

— Тетя Флора! я на одну минуту!

— Я не имѣю ничего и противъ десяти, если тебѣ это желательно,—сказала леди Генри, подавая три пальца гостѣ. — Ты обѣщала вчера придти и рассказать мнѣ все подробно о Девонширскомъ багѣ. Но это неважно и ты забыла...

Герцогиня смутилась.

— Нѣтъ! Право, нѣтъ! я не забыла. Но вы сегодня были такъ заняты другими. А теперь...

— А теперь ты уходишь,—подсказала леди Генри съ язвительной кротостью.

— Берти говоритъ, что это необходимо, — возразила герцогиня тономъ протестующаго ребенка.

— Alors!—Леди Генри подняла руку.—Мы всё знаемъ, какая ты послушная жена. Спокойной ночи.

Герцогиня вспыхнула до ушей. Она едва дотронулась до руки тетки и, повернувъ негодующее лицо къ сэръ Уильфриду, простилась съ нимъ съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣла выместить на третьемъ ни въ чемъ неповинномъ человѣкѣ обиду, за которую не могъ отплатить тѣмъ же леди Генри даже такой баловень счастья, какъ она.

Двадцать минутъ спустя, сэръ Уильфридъ входилъ въ первую приемную залу министерства иностранныхъ дѣлъ. Онъ осматрѣлся вокругъ, и ему опять стало весело, какъ давеча на лѣстницѣ у леди Генри. Послѣ пяти лѣтъ, проведенныхъ въ Тегеранѣ, послѣ долгаго путешествія домой по морю и пустынѣ, его радовало все, даже обычные тривіальныя подробности многолюднаго раута—огни, позолота, блескъ драгоценныхъ камней, красные мундиры, говоръ и движеніе этой парадной толпы. Послѣ перваго чисто физическаго пріятнаго ощущенія, радость его вступила въ новую фазу—встрѣчь съ друзьями послѣ долгаго отсутствія, привѣтствій, показывающихъ человѣку, какое мѣсто онъ занимаетъ среди большого свѣта, суммирующихъ его прошлое и набрасывающихъ картину будущаго. Сэръ Уильфридъ не имѣлъ основанія жаловаться. Министры и знатныя дамы, члены парламента и безсмѣнные саяовники, которые правятъ, но не управляютъ; военные журналисты, адвокаты—всѣ, казалось, были счастливы позать его руку. Его возвращенію предшествовала слава блестяще выполненной трудной административной задачи, и англійскій свѣтъ награждалъ его обычнымъ путемъ.

Уже около часа ночи его захватила и увлекла за собою толпа, хлынувшая къ лѣстницѣ, провожая кого-то изъ членовъ королевской семьи. Стоявшій впереди его высокій мужчина оглянулся, отыскивая глазами своихъ дамъ, разлученныхъ съ нимъ толпой, и сэръ Уильфридъ узналъ его. То былъ старый лордъ Лэкинтонъ, ветеранъ съ душой юноши, художникъ, поэтъ и морякъ; молоденькимъ, веселымъ лейтенантомъ онъ забавлялъ Байрона въ Эгейскомъ морѣ; теперь всѣ газеты пѣли ему хвалы, какъ рьяному борцу за реформы во флотѣ; въ семьдесятъ пять лѣтъ онъ все еще очаровывалъ женщинъ и возбуждалъ зависть въ мужчинахъ.

Старикъ обернулся, улыбаясь, какъ бы въ отвѣтъ на только что услышанныя имъ слова, и черные глаза его изъ-подъ снѣжно-бѣлыхъ волосъ пытливо озирали толпу, живые, какъ у двадцатилѣтняго юноши. Въ энергичномъ лицѣ еще горѣлъ огонь жизни, какъ вечернее солнце на ясномъ небѣ. Въ этомъ лицѣ были недочеты, но оно поражало. Ротъ былъ непріятный, подбородокъ вульгарный, но въ общемъ получалась все еще чрезвычайно эффектная внѣшность.

Сэръ Уильфридъ даже вздрогнулъ. Онъ вспомнилъ гостиную въ Брутовъ-Стритъ, лицо и фигуру mademoiselle Ле-Бретонъ; намеки, которыя дѣлала леди Генри съ цѣлью навести его на слѣдъ. Онъ перенесся мыслію за много лѣтъ назадъ, припомнилъ давно забытый скандалъ.—Ну конечно! конечно,—твердилъ онъ себѣ не безъ волненія.—Она не похожа на свою мать, но въ ней всё типическія черты рода ея матери.

ГЛАВА II.

Было холодное ясное февральское утро; блѣдное солнце свѣтило сквозь оголенные вѣтви деревьевъ парка. Сэръ Уильфридъ шелъ завтракать къ леди Генри и радовался, что на немъ теплое пальто на мѣху, хотя это не мѣшало ему завидовать, время отъ времени попадавшимся ему навстрѣчу безпечнымъ юношамъ безъ пальто и съ разруганными отъ холода лицами.

Только онъ хотѣлъ свернуть въ Маунтъ-стритъ, какъ замѣтилъ мужчину и даму, шедшихъ въ одномъ съ нимъ направленіи, но только по другую сторону улицы. Въ стройномъ офицерѣ онъ скоро узналъ капитана Уоркворта. А дама? При помощи очковъ онъ узналъ и ее. Черная шляпа и черный суконный костюмъ для гулянья очень шли къ ней и отличались изящной простотой. И на улицѣ, и въ утреннемъ костюмѣ каждое ея движеніе было такъ же граціозно и непринужденно, какъ давеча въ гостиной леди Генри.

Онъ спрашивалъ себя, не подойти ли ему къ mademoiselle Ле-Бретонъ и не предложить ли проводить ее домой. Ему было дано понять, что онъ и Леди Генри будутъ завтракать вдвоемъ. У mademoiselle Жюли, безъ сомнѣнія, свои комнаты и свои слуги. Но она, видимо, шла домой. Онъ былъ не прочь побесѣдовать съ ней и, можетъ быть, почерпнуть изъ этой бесѣды кой-какія разъясненія до разговора съ Леди Генри.

Но онъ тотчасъ же отказался отъ этой мысли. Mademoiselle Ле-Бретонъ и капитанъ Уорквортъ остановились, безъ сомнѣнія, для того чтобы проститься, но медлили прощаньемъ. У нихъ видимо шелъ серьезный разговоръ. Капитанъ говорилъ съ большимъ жаромъ, mademoiselle Жюли слушала его, потупивъ глазки и улыбаясь.

— Что онъ ей объясняется въ любви, что ли?—не безъ удивленія думалъ старикъ, заворачивая за уголъ.—Кажись, тутъ бы не мѣсто!

У него смутно мелькнула мысль, что не худо бы позвонить на этотъ счетъ леди Генри и вмѣстѣ съ тѣмъ предостеречь ее. Предостеречь—насчетъ того? По пути домой онъ познакомился съ двумя офицерами, которые возвращались изъ Индіи и которые лично были не особенно высокаго мнѣнія о Гарри Уорквортѣ, несмотря на то, что онъ блестяще отличился въ послѣдней компаніи противъ афри-

дѣвъ. Но какъ преподнести такую вещь леди Генри? И потому только, что онъ случайно видѣлъ Гарри Уоркворта вмѣстѣ съ ея компаньонкой? Безъ сомнѣнія mademoiselle Жюли ходила исполнять какое-нибудь порученіе леди Генри.

Тѣмъ не менѣ эта случайная встрѣча еще больше разожгла его любопытство относительно компаньонки леди Генри. Благодаря замѣчательному физическому сходству, онъ былъ убѣжденъ, что угадалъ тайну происхожденія mademoiselle Ле-Бретонъ. Какъ бы то ни было, мысли его упорно возвращались къ первоначальной догадкѣ и передъ нимъ вставали воспоминанія.

Лѣтъ тридцать тому назадъ онъ часто встрѣчался и въ Лондонѣ, и въ Итали съ нѣкимъ полковникомъ Деланеємъ и его женой, урожденной леди Розой Чавтрей, любимой дочерью лорда Лэкинтона. Бракъ этотъ былъ не изъ счастливыхъ. Она была женщина выдающагося ума, но неуравновѣшенная, чувствительная, всегда готовая бросить вызовъ жизни,—одна изъ тѣхъ натуръ, которыя дарятъ своимъ избранникамъ и яркія радости, но въ концѣ-концовъ эти радости врядъ ли перевѣшиваютъ конечный итогъ страданія. Мужъ ея, человѣкъ ограниченный, молчаливый, поглощенный своею службой и живущій по указкѣ англиканской церкви, съ безконечными: «ты долженъ и «ты не долженъ», нестерпимой для всякаго непосредственнаго человѣка, скоро нашелъ ея общество утомительнымъ и непріятнымъ. Она требовала отъ него того, чего онъ не могъ дать; поднимала вопросы, которые онъ считалъ нечестивымъ обсуждать; люди, съ которыми она дружилась, были ему противны; онъ никому не жаловался, но скоро началъ находить возмутительнымъ, что женщина, вышедшая замужъ за военнаго, остается такъ чужда его профессиональнымъ интересамъ и честолюбивымъ стремленіямъ? А когда она дѣлала видъ, будто интересуется всѣмъ этимъ, она изводила его еще больше, если это возможно.

Что касается леди Розы, она прошла всю гамму обычныхъ эмоцій femme incomprise и съ обычнымъ же результатомъ. Въ домѣ появился человѣкъ изъ хорошей семьи, лѣтъ тридцати пяти, путешественникъ, художникъ и мечтатель, съ лицомъ, загорѣвшимъ до бронзоваго оттѣнка подъ солнцемъ востока, съ репутаціей заговорщика и бойца за многія «погибшія дѣла» нашего вѣка, включая и такія, которыя привели его къ столкновенію съ британскими властями и британскими чиновниками. Въ глазахъ полковника Деланея онъ былъ «агитаторъ», если не бунтовщикъ, а безпечная вольность и язвительность его рѣчей вдобавокъ заставили его прослыть атеистомъ. А леди Роза?—Свободная и благодная душа этого человѣка, его равнодушіе къ деньгамъ и условностямъ, презрѣніе къ модѣ, все равно, въ одеждѣ или въ политикѣ, страсть ко всему, что входитъ въ область духа, его постоянные уклоны въ стороны отъ битой колеи—словно отъ такого бродяги и нельзя было ожидать, чтобъ онъ шелъ обычнымъ путемъ—все это

скоро преобразило страдающую женщину въ женщину возмутившуюся. Она влюбилась въ него съ пылкостью, присущей ея истинному темпераменту, и упорствомъ, свидѣтельствовавшимъ о томъ, какимъ печальнымъ недоразумѣніемъ было ея замужество. Мариоттъ Дальримпль отвѣчалъ ей тѣмъ же, и его убѣжденія отнюдь не препятствовали ему отбросить то, что, по всей вѣроятности, казалось ему пустой формальностью, въ сравненіи съ счастьемъ двухъ человѣкъ, созданныхъ другъ для друга. Дѣтей у Деланей не было и, по мнѣнію его соперника, онъ и такъ слишкомъ долго наслаждался близостью женщины, которой онъ, въ сущности, никогда не былъ достоинъ.

Леди Роза, не побоявшись мужа, сказала ему всю правду и ушла отъ него. Поселились они съ Дальримплемъ въ Бельгіи, въ маленькомъ деревенскомъ домикѣ, миляхъ въ тридцати отъ Брюсселя. Они совершенно отрѣшились отъ Англій и не старались узнавать, что творится на родинѣ. Леди Роза страдала отъ разрыва съ отцомъ, ибо лордъ Лэкинтонъ никогда больше не видалъ ее, и часто вспоминала о своей младшей сестрѣ, которая выросла на ея рукахъ, причемъ эти воспоминанія вызывали въ ней иногда горькое чувство утраты, выражавшееся молчаніемъ и слезами. Но въ сущности она никогда не раскаивалась въ томъ, что сдѣлала, хотя полковникъ Деланей и приложилъ всѣ старанія къ тому, чтобы расплата оказалась тяжелой. Подобно мужу Карениной, онъ отказался дать разводъ и приблизительно по тѣмъ же причинамъ. Разводъ самъ по себѣ дѣло нечестивое; при томъ же грѣху не слѣдуетъ сглаживать путь. Онъ былъ готовъ въ каждый данный моментъ принять обратно, подъ свой кровъ и защиту измѣннику, если она раскается и вернется къ нему.

Такимъ образомъ, ребенка, родившагося у леди Розы, нельзя было узаконить.

Сэръ Уильфридъ, не доходя конца парка, вдругъ остановился, что-то припомнивъ.

— Да вѣдь я ее видѣлъ разъ! Ну-да! Я отлично помню!

И онъ припомнилъ, какъ однажды, въ Брюссельской галереѣ, его неожиданно фамиллярно окликнулъ какой-то худой, бѣдно одѣтый мужчина, и, взглянувъ въ его благородное, смуглое лицо, еще богѣе одухотворенное теперь, когда на него наложили печать истощеніе и недугъ, сэръ Уильфридъ узналъ Мариотта Дальримпля.

Онъ припоминалъ обрывки ихъ разговора о картинахъ, отзывы Дальримпля, то рѣзкіе, то поэтическіе, видъ небрежнаго превосходства, съ которымъ Дальримпль показывалъ ему галерею, какъ владѣлецъ и знатокъ, у котораго знанія только давали пищу фантазіи, только служили фономъ для богатыхъ узоровъ, вышитыхъ воображеніемъ и мечтой.

И потомъ—свой неожиданный вопросъ: «А леди Роза?» И спокойный отвѣтъ Дальримпля:

— Она здорова и, вѣроятно, захочетъ васъ видѣть, если вы пожелаете навѣстить насъ. Она вотъ уже три года не видѣла ни одного англичанина.

И, какъ темный уголокъ ландшафта, внезапно озаренный лучомъ, передъ нимъ всталъ его визитъ къ этой парочкѣ. Онъ вспомнилъ маленькую усадьбу во вкусѣ восемнадцатаго столѣтія, деревенскій «замокъ» французскаго типа съ высокой крышей-мансардой; убогую роскошь постройки, представлявшую такой жалкій контрастъ съ прилегавшимъ къ замку полемъ свекловицы, разросшейся вплоть до самыхъ стѣнъ; вокругъ ровныя колосащіяся поля, окаймленныя тонкой ливіей тополей; медленно текущіе ручьи, превращенные въ каналы; непривѣтливыя фермы и коттеджи; грязь переулковъ и, какъ сава-номъ, окутывающій все это жаркій осенній туманъ, медленно ползущій надъ сырими лугами, туманъ, сквозь который и солнце свѣтитъ тускло, перадостно. И въ рамкѣ этого блѣднаго ландшафта, такого непривлекательнаго на взглядъ англичанина, англійская чета, съ ея книгами, съ ребенкомъ и парой слугъ фламандцевъ.

Для гостя сразу стало очевиднымъ, что живутъ они бѣдно. Небольшое состояніе леди Розы почти все ушло на разныя «дѣла» въ разныхъ странахъ. Она и Дальримплъ сидѣли почти сплошь на растительной пищѣ, а вино появлялось въ домѣ только для слугъ, повидимому, искренно привязанныхъ къ своимъ господамъ, хотя и относившихся къ нимъ нѣсколько презрительно. Онъ помнилъ скудный и плохо приготовленный завтракъ, помнилъ, съ какимъ трудомъ удалось раздобыть нѣсколько лишнихъ ножей и вилокъ и какъ долго пришлось воевать съ экономкой, прежде чѣмъ на столѣ появились сафетки.

Потомъ онъ вспомнилъ бібліотеку, съ сосновыми некрашенными полками по стѣнамъ, отъ пола до потолка, работы самого Дальримпла, голый полъ безъ ковровъ, по одну сторону печки столъ и кресло Дальримпла, по другую такой же столъ и кресло леди Розы; на его столѣ листки перевода въ стихахъ изъ Эсхила и Эврипида—его любимцевъ; на ея—книжки по соціологіи и политической экономіи, которую они вмѣстѣ изучали, творенія англійскихъ и французскихъ поэтовъ, любимыхъ обоими. На стѣнахъ, обитыхъ дорогою старинной камкой, красовалась странная коллекція картинъ, небрежно приколотыхъ къ шелку булавками—фотографіи или вырѣзанные изъ газетъ портреты современниковъ, мужчинъ и женщинъ, представителей всякаго вида протеста противъ авторитетовъ, политическихъ, религіозныхъ, даже научныхъ—вѣчнаго «нѣтъ», неутомимаго и повсемѣстнаго раскола.

И въ заключеніе, по срединѣ комнаты, на гладко натертомъ полу, странный ребенокъ, принесенный послѣ завтрака леди Розой, съ густой гривой черныхъ волосъ, съ большими ревнивыми глазами и прозрачными ручками, и, послѣ получаса молчанія и явнаго пренебреженія, нежданная улыбка, награда усилій сэръ Уильфрида завоевать его симпатіи. Этотъ ребенокъ прямо околдовалъ его.

Бѣдная леди Роза! Онъ вспомнилъ, какъ они простились у калитки заброшеннаго сада, съ какой тоской она слѣдила взоромъ за согнутой фигурой Дальримпла, неспяго дѣвочку обратно къ дому.

— Если вы встрѣтите кого-либо изъ его прежнихъ друзей, не говорите, не говорите ничего! Мы отложили немного денегъ—какъ разъ достаточно для того, чтобы провести зиму въ Сициліи; тамъ онъ поправится.

Меньше чѣмъ черезъ годъ онъ, живя въ Мадридѣ, прочелъ въ одной изъ лондонскихъ газетъ о смерти Мариотта Дальримпла, человѣка, нѣкогда стоявшаго на порогѣ къ славѣ, но давно скрывшагося съ горизонта и погибшаго для практической дѣятельности. Леди Роза тоже умерла, много лѣтъ спустя. Но какъ и гдѣ? А дѣвочка?

Такъ это она теперь «mademoiselle Ле-Бретонъ» — украшеніе и, по-видимому, главный магнитъ нѣкогда славившагося салона леди Генри? «Да вѣдь если это такъ, она должна постоянно сталкиваться съ своими родными и со стороны матери, и со стороны отца. Знаютъ ли они?.. знаетъ ли она?»

Старикъ прибавилъ шагу, подгоняемый любопытствомъ, и скоро очутился у подъѣзда леди Генри.

— Ея сіятельство въ столовой,—доложилъ дворецкій, и сэръ Уильфридъ прошелъ прямо туда.

При входѣ его старая леди встала, опираясь на двѣ палки съ серебряными набалдашниками.

— Съ добрымъ утромъ, Уильфридъ. Я предпочитаю спускаться съ лѣстницы сама. Чѣмъ безпомощнѣе я себя чувствую, тѣмъ это мнѣ обиднѣе, и когда мнѣ помогаютъ, это меня прямо бѣситъ. Садитесь. Завтракъ поданъ, и вамъ разрѣшается приступить.

— А вы?—спросилъ сэръ Уильфридъ, когда они усѣлись почти рядомъ за большой круглый столъ въ большой мрачной столовой.

Старая леди покачала головой.

— Теперь всѣ ѣдятъ слишкомъ много. Я выросла среди людей, завтракавшихъ бисквитомъ и рюжкой хереса.

— Лордъ Руссель? лордъ Пальмерстонъ?—подсказалъ сэръ Уильфридъ, въ то же время усердно принимаясь за ѣду.

— Въ этомъ родѣ. Желала бы я, чтобъ теперь были подобные имъ.

— Ихъ преемники вамъ не нравятся?

Леди Генри покачала головой.

— Тори убрались ко всѣмъ чертямъ, а вигамъ осталось такъ мало, что они даже этого не могутъ сдѣлать. Еслибъ можно было, я бы со всѣмъ перестала читать газеты. Но это невозможно.

— Насколько я понялъ, вы сообщили это вчера вечеромъ Мон-трезору.

Леди Генри презрительно отмахнулась.

— Монтрезору! Вотъ *poseur*! Армія гибнетъ, а онъ себя засмѣдаетъ въ разныхъ обществахъ, въ память Данта.

Сэръ Уильфридъ повелъ бровями.

— На вашемъ мѣстѣ, я бы съѣлъ кусочекъ чего-нибудь, — сказалъ онъ, придвигая къ своей пріятельницѣ великолѣпное рагу изъ дичи, поставленное передъ нимъ дворецкимъ.

Леди Генри засмѣялась.

— О, мое настроеніе скоро улучшится, какъ только они уйдутъ, — она кивнула головой на лакея и дворецкаго, стоявшихъ поодаль, — и мнѣ дадутъ высказаться.

Сэръ Уильфридъ заторопился, насколько это позволяла леди Генри, увѣрявшая, что она вовсе не желаетъ морить его голодомъ. Она между тѣмъ занимала его попрежнему остроумной и язвительной болтовней о политикѣ и свѣтскихъ новостяхъ, похрустывая сухарикомъ и запивая его кофе. Ея властное характерное лицо выдѣлялось еще рѣзче на фонѣ ея собственнаго портрета, висѣвшаго позади нея на стѣнѣ. Портретъ изображалъ очень молоденькую женщину съ густыми темными волосами, собранными на макушкѣ, въ платьѣ съ короткой таліей, опоясанной голубой лентой, и буфами на рукавахъ. Красивое надменное лицо, съ опущенными внизъ углами рта, съ прямымъ и смѣлымъ взглядомъ — такова была леди Генри на портретѣ девятнадцатилѣтней дѣвухой-невѣстой, уже и тогда внушавшей къ себѣ почтеніе. Еще болѣе внушительный видъ имѣла старуха, сидѣвшая въ креслѣ подъ портретомъ, съ пышными сѣдыми волосами, которые и теперь едва сдерживали широкій чепецъ; идущія книзу черты по угламъ рта врѣзывались теперь еще глубже, носъ какъ будто больше выдвигался впередъ, подбородокъ сталъ двойнымъ, блескъ глазъ потухъ; каждая черта этого до сихъ поръ красиваго лица дышала волей и гордостью, — гордостью родовой, гордостью, вытекающей изъ сознанія своего умственнаго превосходства, и еще многими-многими, болѣе тонкими и мелкими видами гордости, которые могъ замѣтить только тотъ, кто близко зналъ ее. Лобъ и глаза, такіе прекрасные на портретѣ, до сихъ поръ сохранили привлекательность; если было въ ея лицѣ великодушіе, такъ это именно въ выраженіи глазъ.

Едва затворилась дверь за лакеями, какъ она нагнулась къ сосѣду.

— Ну что — отгадали?

Сэръ Уильфридъ задумчиво посмотрѣлъ на нее, кладя себѣ сахару въ кофе.

— Кажется. Она дочь леди Розы Деланей.

Леди Генри неожиданно засмѣялась.

— Не думала я, что вы угадаете! Что васъ навело на эту мысль?

— Прежде всего ваши собственные намеки. Затѣмъ странное чувство, какъ будто я уже видѣлъ гдѣ-то это лицо или другое, похожее на него. И, наконецъ, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ мнѣ бросилось въ глаза лицо лорда Лэкинтона. Это довершило дѣло.

— А! вотъ что!—Леди Генри кивнула головой.—Да, сходство въ самомъ дѣлѣ поразительное. Не странно ли, что этотъ старый дуракъ не замѣчаетъ его?

— Онъ ничего не знаетъ?

— О, ничего! И никто не знаетъ. Пока оно и лучше... Но лордъ Лэкинтонъ бываетъ здѣсь, хлопочетъ о своей музыкѣ и аквареляхъ, и флиртахъ—въ семьдесятъ четыре года, не угодно ли! Безъ конца говоритъ о себѣ со мной или съ Жюли—кто подъ руку подвернется, и никогда ни одной мысли, ни тѣни подозрѣнія!..

— А она?

— О, она знаетъ! Еще бы ей не знать! — Леди Генри свирѣпо отодвинула отъ себя чашку. Повидимому, каждое упоминаніе о ея компаньонкѣ вызывало въ ней плохо сдерживаемое раздраженіе.—Ну-съ, я полагаю, вамъ теперь желательно было бы выслушать мой рассказъ?

— Погодите минутку. Я васъ удивлю. Представьте себѣ, что я не только зналъ мать и отца этой леди, но и ее самое видѣлъ ребенкомъ.

— Вы?—Леди Генри посмотрѣла на него недовѣрчиво.

— Я никогда не рассказывалъ вамъ о моемъ визитѣ къ этому *ménage* двадцать четыре года тому назадъ?

— Помнится, никогда. А можетъ и рассказывали, да я забыла. Что мнѣ было до нихъ? Сама я видѣла леди Розу только одинъ разъ до того, какъ она скомпрометтировала себя. А потомъ — развѣ думаешь о погибшихъ женщинахъ?

Что-то блеснуло за соломенными рѣсницами сэръ Уильфрида. Онъ нагнулся надъ своей чашкой и осторожно, мизинцемъ, на которомъ блестялъ перстень, стряхнулъ пепель съ кончика сигаретки.

— О женщинахъ, погибшихъ, потому что онѣ не могли выплыть противъ теченія?

Леди Генри не сразу отвѣтила.

— Если хотите,—сказала она, наконецъ. Сэръ Уильфридъ не поднялъ глазъ. Леди Генри взяла со стола самые сильные очки и надѣла ихъ, но видно было, что и въ этихъ очкахъ она видитъ очень плохо, и что ея сильная натура постоянно возмущается противъ скользящаго ее физическаго убожества: на нее жалко было смотрѣть. Тѣмъ не менѣе они безъ словъ обмѣнялись мыслями, и сэръ Уильфридъ понялъ, что его слова, сказанныя въ защиту леди Розы, не пропали даромъ.

— Дайте, сначала я расскажу,—началъ онъ и полностью подѣлился съ нею своими воспоминаніями. Когда онъ говорилъ о ребенкѣ, леди Генри слухала съ жадностью.

— Гм...—сказала она, когда онъ кончилъ,—вы говорите, она ревновала къ вамъ свою мать, слѣдила за вами и, въ концѣ концовъ, завладѣла вами? Это похоже на нее! Она и тогда была такой же, какъ теперь.

— Пожалуйста, безъ морали, пока разсказъ не конченъ, — улыбнулся сэръ Уильфридъ.—Теперь вашъ чередъ!

Лицо старухи омрачилось.

— Вамъ хорошо говорить! Что для васъ эти люди? А мнѣ...

Ея разсказъ заключалъ въ себѣ слѣдующее, въ хронологическомъ порядкѣ.

Послѣ смерти Дальримпля леди Роза прожила еще около десяти лѣтъ. Жила она въ большой бѣдности, въ какихъ-то мебелированныхъ комнатахъ, въ Брюгге, съ своей маленькой дочкой и старой madame Ле-Бретонъ, ея бывшей экономкой, горничной и фактотумомъ, вывезенной изъ деревни. Живущая эта, хоть и отличалась несноснымъ ворчливымъ характеромъ, но была не безъ образованія и всей душой предана своей госпожѣ. Еще больше любила она маленькую Жюли, которую и нянчила въ дѣтствѣ. Естественно, что леди Роза оставила дѣвочку на ея попеченіе. При томъ же у нея не было выбора. Кромѣ экономки, единственными ея друзьями были старая монахиня урсулинка и добрый священникъ, навѣщавшій ее иногда по просьбѣ монахини, въ надеждѣ на ея обращеніе. Однако, незадолго до смерти, она написала отцу, прощаясь съ нимъ и прося его сдѣлать что-нибудь для ребенка. «Она удивительно похожа на васъ,—говорилась въ письмѣ.— Я знаю, что вы никогда не назовете ее своей внучкой. Этого не допустить вашъ кодексъ. Такъ позаботьтесь же, по крайней мѣрѣ, о томъ, чтобы она не нуждалась, пока она не будетъ въ состояніи зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба. Она остается на рукахъ своей старой няньки. До сихъ поръ я сама учила ее. Она уже и теперь очень умна. Когда меня не станетъ, она будетъ посѣщать одну изъ здѣшнихъ монастырскихъ школъ. И я нашла честнаго стряпчаго, которому можно посылать, и который будетъ выдавать ей деньги.

На это письмо лордъ Лэкинтонъ отвѣтилъ, обѣщаясь пріѣхать по-видать дочь. Но приступъ подагры заставилъ его отложить поѣздку, а, прежде чѣмъ онъ отправился, леди Роза умерла. Послѣ этого онъ уже не заикался объ отъѣздѣ; все устроили его повѣренные. Madame Ле-Бретонъ ежегодно выдавалось черезъ посредство «честнаго адвоката» сто фунтовъ на воспитаніе «Жюли Дальримплъ», проценты съ капитала, который предполагалось вручить самой дѣвушкѣ по достиженіи ею восемнадцатилѣтняго возраста, подъ условіемъ, что ни она, и никто другой отъ ея имени не будетъ предъявлять никакихъ дальнѣйшихъ требованій къ семейству Лэкинтоновъ, позабудетъ о родствѣ съ ними, и что такимъ образомъ исторія ея матери будетъ предана забвенію.

Дѣвочка выросла въ Брюгге. По совѣту стряпчаго, послѣ смерти матери, она стала носить фамилію своей старой гувернантки и съ тѣхъ поръ была извѣстна подъ именемъ Жюли Ле-Бретонъ. Урсулинскія монахини, у которыхъ она училась въ школѣ, послѣ смерти ея матери, успѣли окрестить ее по обряду католической церкви, и она конфирмовалась, какъ католичка. Въ нѣсколько лѣтъ она сдѣлалась

замѣчательной дѣвушкой, доставлявшей монахинямъ не мало хлопотъ. Она не только была скептикъ по природѣ и слишкомъ умна для того, чтобы слушать ихъ наставленія, но обладала еще и другими неудобными свойствами; всюду, гдѣ она ни появлялась, образовывались партіи и разгорались партійныя страсти. И хотя, съ лѣтами, она выучилась очень ловко справляться съ тѣми, кто относился къ ней враждебно, у нея всегда были враги, и интриги преслѣдовали ее.

— Это могло бы послужить мнѣ предостереженіемъ, — замѣтила леди Генри, увядшія щеки которой покрылись яркимъ лихорадочнымъ румянцемъ, когда она дошла до своего собственнаго знакомства съ mademoiselle Ле-Бретонъ. — Двѣ-три изъ монахинь, видѣнныхъ мною въ Брюгге, еще до того, какъ мы окончательно сговорились, были достаточно откровенны! Какъ бы тамъ ни было, теперь я расскажу вамъ, какъ я въ первый разъ встрѣтилась съ нею. Вы знаете мое маленькое помѣстье въ Суррей? Въ милѣ отъ моей усадьбы есть замокъ, принадлежащій одному католическому семейству; всѣ въ немъ страшно набожны и бѣдны, какъ церковныя крысы. Дѣвочки учатся въ пансіонѣ въ Брюгге. Какъ-то лѣтомъ они привезли съ собой Жюли Дальримпль, не то погостить, не то въ качествѣ гувернантки. Это было три года назадъ. Какъ разъ передъ тѣмъ я была у Либрейха. Онъ мнѣ сказалъ, что я скоро ослѣпну, разумѣется, это было для меня тяжкимъ ударомъ...

Сэръ Уильфридъ что-то сочувственно пробормоталъ.

— О, не жалѣйте меня! Я вѣдь не жалѣю другихъ. Такъ ужъ мы устроены, что наше гадкое тѣло изнашивается не сразу—что съ этимъ подѣлаешь. Но въ то время я чувствовала себя очень скверно. Я только двѣ вещи и люблю: разговаривать, когда собесѣдникъ интересный и читать французскія книги. Я не видѣла иного способа удержать возлѣ себя своихъ знакомыхъ и поддерживать свой собственный умъ въ сколько-нибудь приличномъ состояніи, какъ найдя кого-нибудь, кто бы замѣнилъ мнѣ глаза и читалъ бы мнѣ вслухъ. А такъ какъ я представляю изъ себя пучекъ нервовъ и, кромѣ того, не выношу неинтеллигентныхъ людей, и они меня тоже, это оказывалось неизбѣжнымъ. И вотъ однажды эти барышни съ матерью пришли ко мнѣ чай пить и, какъ вы догадываетесь, конечно, привели съ собой mademoiselle Ле-Бретонъ. Я сама позвала ихъ, но когда онѣ пришли, мнѣ стало скучно, и я была груба, какъ больная собака въ будкѣ. И тогда—вы вѣдь ее видѣли—вы, конечно, догадываетесь, что случилось?

— Вы открыли исключительную личность?

Леди Генри засмѣялась.

— Меня поймали сразу, даромъ, что я старый воробей! Меня прежде всего поразила наружность этой дѣвушки, une belle laide, и каждое движеніе именно таково, какимъ оно должно быть: для меня это несравненно привлекательнѣе бѣло-розовыхъ херувимовъ. Оказалось, что она съ одной изъ своихъ товарокъ по школѣ недавно только проехала

мѣсяцъ въ Парижѣ. Говорили о новой пьесѣ; одно ея замѣчаніе было такъ оригинально, что заставило меня взглянуть на нее. «Venez vous asseoir ici, mademoiselle, s'il vous plait près de moi», сказала я ей; я, какъ сейчасъ, слышу свой собственный голосъ—бѣдная я старая дура! И вижу, какъ она вспыхнула. Ахъ!—Леди Генри такъ свирѣпо вдохнула, что сэръ Уильфридъ лишь съ трудомъ сохранилъ серьезность, но сдержался, и старуха продолжала.—Я отправила другихъ въ садъ. Она осталась со мной. Мы говорили безъ умолку; два часа пролетѣли, какъ десять минутъ. Новыя французскія книги, театръ, стихи, пьесы, романы, мемуары, даже политика,—она могла говорить обо всемъ, или, вѣрнѣе, замѣтьте, это у нея особый даръ!—умѣла заставить меня говорить. Мнѣ казалось, что я уже давно-давно не блистала такъ остроуміемъ. Въ сущности, я была такая же, какъ и всегда. Все дѣло въ томъ, что въ Англии трудно найти порядочнаго партнера для игры словами. А она это умѣетъ въ совершенствѣ. Она не стремится взять верхъ—никогда! Но предоставляетъ вамъ всѣ шансы выигрыша. Вы сдѣлали блестящій ударъ; она аплодируетъ и черезъ минуту уже дастъ вамъ возможность блеснуть снова. О, у нея удивительный даръ вести разговоръ!

Наступила пауза. Леди Генри сердито барабанила пальцами по столу, повидимому, перебирая въ умѣ воспоминанія о своемъ первомъ знакомствѣ со своей компаньонкой.

— Послѣ того,—выговорилъ, наконецъ, сэръ Уильфридъ,—вы пригласили ее къ себѣ лектрисой и находили, что вамъ очень повезло?

— О! не думайте, что я была совсѣмъ ужъ идиоткой. Я все-таки навела справки, я скучала до смерти, но все-таки заставляла себя быть любезной съ глупой семьей, гдѣ она гостила, потому пригласила ее погостить къ себѣ. И, разумѣется, скоро поняла, что тутъ дѣло не чисто. У нея были кружева, золотыя вещи, разныя бездѣлушки—это требовало разтѣсненія. Я начала разставлять ей ловушки, дала понять, куда клонятся мои собственныя намѣренія. Она не стала дожидаться, пока я къ ней пристану съ разспросами. Въ одинъ прекрасный день я нашла будто забытый на столѣ въ гостиной томикъ Сень-Симона въ роскошномъ переплетѣ стариннаго французскаго сафьяна. Между листками было что то заложено. Я раскрыла книгу. На заглавномъ листкѣ было написано имя Маріотта Дальримпля, а книга раскрылась на карточкѣ леди Розы Деланей. Такимъ образомъ...

— Повидимому, въ ловушку-то попались вы, а не она,—улыбнулся сэръ Уильфридъ. Леди Генри тоже улыбнулась неохотно, какъ бы не желая сознаваться въ собственной глупости.

— Не знаю, была ли это ловушка. Намъ обѣимъ хотѣлось сблизиться. Какъ бы то ни было, она скоро показала мнѣ книги, письма отъ леди Розы, отъ Дальримпля, отъ лорда Лэкинтонна—сомнѣваться было невозможно...

— Что же, — сказала я, — это не ваша вина! Если вы хороши,

происхожденія, тѣмъ лучше — я женщина безъ предразсудковъ. Но поймемъ другъ друга. Если вы поступите ко мнѣ, вы не должны докучать своимъ родственникамъ,—объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Ихъ множество въ Лондонѣ. Я всѣхъ ихъ знаю или почти всѣхъ. Но если вы не умѣете держать языкъ за зубами, лучше и не поступайте ко мнѣ. Жюли Дальримплъ исчезла, и я не хочу способствовать ея воскресенію. Если Жюли Ле-Бретонъ поселится у меня въ домѣ, я не стану подымать скандала, будя то, что давно похоронено и чему лучше лежать въ могилѣ. Если у васъ вѣтъ приличной, подобающей случаю, родословной, мы ее изобрѣтемъ...

— Надѣюсь, мнѣ когда-нибудь сообщать ее,—сказалъ сэръ Уильфридъ. Леди Генри засмѣялась, но ей, видимо, было неловко.

— О, мнѣ пришлось лгать—и много.

— Какъ! вы лгали?

У леди Генри блеснули глаза.

— Открыто и безъ зазрѣнія совѣсти, — сказала она вызывающе.

— Пожалуй, это было необходимо. Итакъ, она переѣхала къ вамъ. Давно это было?

— Три года назадъ. Первые полтора года я только и дѣлала, что поздравляла себя съ такой удачей. Я говорила себѣ, что, обыщи я всю Европу, я не могла бы выбрать лучше. Строй моей жизни, мои друзья, мои привычки—ко всему этому она подошла въ совершенствѣ. Я сказала, что мнѣ ее рекомендовали одни знакомые въ Бельгій. Всѣ дивились ея манерамъ — ея уму. Она была удивительно скромна, держала себя безукоризненно. Старый герцогъ—онъ умеръ полгода спустя послѣ того, какъ она переѣхала ко мнѣ — былъ отъ нея въ восторгѣ. Монтрезоръ, Мередитъ, лордъ Робертъ — всѣ мои habitués поздравляли меня. «Такая образованная, такая очаровательная, съ такимъ savoir faire! Гдѣ вы откопали такое сокровище? Кто она? Откуда?» и т. д., и т. д. Такъ что мнѣ, само собой, пришлось...

— Надѣюсь, не больше, чѣмъ это было необходимо,—нерѣшительно освѣдомился сэръ Уильфридъ.

— Надо все, что дѣлаешь, дѣлать какъ слѣдуетъ, и я была добросовѣстна, — съ твердостью пояснила леди Генри. — Такое положеніе вещей длилось года полтора. А теперь — какъ вы думаете, къ чему все это привело?

— Вы вчера намекали...

Леди Генри отодвинула свое кресло отъ стола; руки ея, опиравшіяся на палку, дрожали.

— Намекала! Какіе ужъ тутъ намеки! Я прямо вамъ сказала — и повторяю—эта женщина отняла у меня всѣхъ моихъ друзей! Она своими интригами всѣхъ ихъ поочереды возстановила противъ меня. Даже слугъ она возстановила. Я никому изъ нихъ не могу довѣриться, когда дѣло идетъ о ней. Я одна въ своемъ собственномъ домѣ. Моя слѣпота дѣлаетъ меня ея орудіемъ, ея игрушкой! Что касается моего

салона, какъ вы его называете, это теперь ея салонъ. Я въ немъ фигурирую только для виду, какъ ея *dame charapon*. Я даю помѣщеніе, прислугу, шампанское—гости приходятъ къ ней. И этого она добилась постоянными интригами, обманомъ и ложью!.

Леди Генри тяжело дышала. Старческое лицо ея побагровѣло.

— Милый другъ, — съ живостью сказалъ сэръ Уильфридъ, ласково дотрогиваясь до ея руки, чтобы успокоить ее.—Зачѣмъ же такъ разстраивать себя? Отпустите ее.

— И живите на старости лѣтъ одна-одинешенька, словно въ тюрьмѣ. На это у меня не хватаетъ мужества. Вы не знаете, какъ я была одинока и какъ обманывалась въ людяхъ!.. Я вамъ еще не сказала самаго худшаго. Слушайте: знаете, кого она залучила въ свои сѣти?—Старуха смолкла и чопорно выпрямилась. Сэръ Уильфридъ посмотрѣлъ на нее, вспомнилъ сценку въ паркѣ и ждагъ.— Не довелось ли вамъ вчера видѣть ее вмѣстѣ съ Джэкобомъ Делафильдомъ?—медленно выговорила леди Генри. Она энергично подчеркивала каждое слово; нахмуренныя брови ея почти сошлись надъ бѣдными глазами, которые старались видѣть и не видѣли. Но ожидаемаго эффекта не получилось. Сэръ Уильфридъ слегка отодвинулся.

— Джэкобъ Делафильдъ? Джэкобъ Делафильдъ? Вы въ этомъ увѣрены?

— Увѣрена ли!—гнѣвно воскликнула леди Генри и, не удостоивъ представить доказательства, продолжала. — Онъ колеблется. Но она скоро положитъ конецъ его нерѣшительности. А вы понимаете, что это значить, какія перспективы открываются передъ Джэкобомъ? Вспомните, пожалуйста, что у Чѣдлея одинъ только сынъ—хилый, чахоточный, который можетъ умереть не сегодня — завтра. Да и самъ Чѣдлей недалговѣченъ. У Джэкоба не то что пансы, а девяносто шансовъ изъ ста на то, что онъ наслѣдуетъ герцогскій титулъ.

— Господи помилуй! — сказалъ сэръ Уильфридъ и даже отбросилъ прочь сигаретку. Леди Генри торжествовала.

— Вотъ вамъ!—врачно сказала она.—Теперь вы понимаете, что я внесла въ семью бѣднаго Генри...—Въ дверь тихонько постучали.

— Войдите!—нетерпѣливо крикнула леди Генри.

Дверь отворилась; на порогѣ стояла *mademoiselle* Ле - Бретонъ, держа въ каждой рукѣ подъ мышкой по маленькому сѣрому террьеру.

— Я думала, что лучше вамъ сказать, — смиренно начала она, — что я веду гулять собачекъ. Не надо ли вамъ прикупить шерсти для вязанья?

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Литературное дѣло», сборникъ.—Значеніе такихъ сборниковъ.—Беллетристическія произведенія гг. Чирикова, Тана, Вересаева, Дмитріевой и др.—Параллели г. Вулажкова.—Его неблагодарность по отношенію европейской науки.—«Къ философіи трагедіи» Ник. Бердяева.—Художникъ-дѣятель «Вильямъ Моррисъ», Евг. Анничкова.

Оригинальное литературное явленіе представляетъ недавно вышедшій сборникъ «Литературное дѣло», составленный изъ беллетристическихъ и публицистическихъ статей различныхъ авторовъ. За послѣдніе годы такіе сборники появляются время отъ времени по поводу и безъ повода, служа какъ бы дополненіемъ къ громоздкимъ повременнымъ изданіямъ, именно журналамъ, на которые они отчасти сильно похожи. Говоримъ отчасти, такъ какъ въ нихъ не достаетъ той опредѣленности и выдержанности, безъ которыхъ не мыслимо существованіе того, что мы зовемъ ежемѣсячнымъ журналомъ. Такіе журналы составляютъ особенность исключительно русской литературы, и мы не могли бы подыскать имъ параллели на западѣ. Въ нашихъ журналахъ, иногда больше, иногда меньше, смотря по условіямъ времени, сосредоточивается жизнь русской литературы, отражается ея движеніе, ея цѣли и стремленія, разбиваясь по вполне опредѣленнымъ группамъ. Иногда это проявляется настолько ярко, что по журналамъ можно съ болѣею или меншею точностью распределить всю текущую литературу. Но подчасъ бываетъ и такъ, что наличная журналистика не вмѣщаетъ всего литературнаго матеріала. По причинамъ, болѣею частью отъ нея не зависящимъ, журналистикѣ приходится сокращать свои предѣлы, и вотъ тогда-то сборники выступаютъ на сцену, какъ ея вполне естественное дополненіе.

Именно съ этой точки зрѣнія и заслуживаетъ вниманія новый сборникъ «Литературное дѣло», въ которомъ мы встрѣчаемъ почти все старыя имена, ставшія нашими хорошими знакомыми въ журналахъ опредѣленнаго направленія. И если ихъ произведенія не появились тамъ, то вовсе не потому, чтобы они не были того достойны, а по вышеуказанной причинѣ, заставляющей въ послѣднее время нашу журналистику сжиматься все больше и больше. Въ самомъ дѣлѣ, драматическія сцены г. Чирикова, рассказы гг. Вересаева, Тана и Дмитріевой или Скитальца—развѣ они уступаютъ тѣмъ беллетристическимъ произведеніямъ, которыя нашъ читатель привыкъ встрѣчать въ лучшихъ журналахъ? Конечно, нѣтъ, но нѣтъ и такого количества журналовъ, которое необходимо. Ихъ кругъ все суживается, и на сцену появляются сборники.

Можетъ быть, въ томъ есть и своя хорошая сторона. Сборники предоставляютъ авторамъ большую свободу, которая въ журналѣ естественно ограничивается его направленіемъ, традиціями, подборомъ сотрудниковъ и проч. Хотя все жамъ не заполнить прорѣхъ въ журвалистикѣ, что становится все чувствительнѣе.

Неудовлетворенный въ этомъ отношеніи спросъ начинаетъ соблазнять разныхъ «молодцовъ отъ литературы», которые отсутствіе убѣжденій и взглядовъ пытаются подмѣнить коммерческой сметкой, не заботясь объ уваженіи къ печатному слову и ревнуя только о рублѣ. Порча литературныхъ нравовъ, привычки которой еще слишкомъ свѣжи, чтобы стоило ихъ приводить, явилась, такимъ образомъ, какъ одинъ изъ первыхъ результатовъ стѣснительныхъ обстоятельствъ современной литературы. То, что еще недавно вызвало бы бурю негодованія въ средѣ литературной братіи, теперь не возбуждаетъ ничего, кромѣ развѣ недоумѣннаго вопроса, да сожалѣнія о неловкости афериста, пустившагося на тернистый путь журналистики съ огромнымъ аппетитомъ и съ ничтожнымъ нравственнымъ багажомъ. Сплошь и рядомъ приходится удивляться, какъ могутъ люди съ почтеннымъ и чистымъ именемъ связывать это имя съ такими дѣльцами, которымъ до литературы, до убѣжденій и общественныхъ задачъ столько же дѣла, сколько до судьбы прошлогодняго снѣга. Уже не первый разъ наша журналистика переживаетъ такіа смутныя времена. Успенскій, рассказывая о началѣ своей литературной работы, упоминаетъ о второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ, когда «Современникъ» сталъ тускѣть, а потомъ былъ закрытъ, «Русское слово» тоже закрыто, и всѣ видные дѣятели разбрелись, а на ихъ мѣсто стали появляться какія-то темныя изданія съ темными издателями. Къ счастью, все это оказалось не такъ уже страшно, и съ новыми вѣяніями разомъ исчезли и темныя издатели, какъ исчезаетъ плѣсень въ прѣвѣтrenomъ помѣщеніи. Вѣроятно, тоже будетъ и теперь.

А пока остаются сборники, которые мы отъ души рекомендуемъ писателямъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ не нашедшимъ себѣ мѣста въ хорошихъ журналахъ. Это во всѣхъ отношеніяхъ для нихъ лучше, выгоднѣе, главное—чище, чѣмъ ютиться въ сомнительныхъ изданіяхъ, отдающихъ гостинымъ дворомъ со всѣми его «свычаями и обычаями»—до прямого надувательства включительно. Своими почтенными именами они, по крайней мѣрѣ, не будутъ прикрывать литературныхъ лавочекъ, хозяева которыхъ пусть торгуютъ любымъ товаромъ «распивочно и на выносъ», только бы не литературой. И только отъ писателей зависитъ не дать хода этой заразѣ, въ корень подрывающей значеніе литературы. Сплошь и рядомъ мы видимъ теперь, какъ тому или иному литературному предпринимателю говорятъ печатно, прямо въ лицо, чуть не мошенника, а «Васька слушаетъ да ѣстъ», твердо уповавъ, что литературная братья, получающая у него кормъ, его не выдастъ, и она его дѣйствительно не выдастъ, продолжая участвовать въ органахъ, во главѣ которыхъ стоятъ подобные «дѣятели слова». Но наступитъ время,—и мы твердо убѣждены въ этомъ,—когда многимъ придется красѣть за себя при одномъ воспоминаніи о своемъ участіи въ подобныхъ литературныхъ «лавочкахъ». «Паче всего люби литературу», завѣщала Салтыковъ сыну. Любить же литературу значитъ—прежде всего не де-

пускать въ нее ничего нечистаго и бороться съ тѣми, кто на великое дѣло служенія литературѣ смотритъ какъ на средство личной наживы и не брезгуетъ ничѣмъ. Въ смутныя времена больше, чѣмъ когда-либо, должно намъ, писателямъ, дорожить литературной честью и порядочностью, тщательно сторонясь отъ всего, что возбуждаетъ естественное чувство общественной брезгливости. И если бы, что невѣроятно, но возможно, наступилъ моментъ, когда намъ не нашлось бы никакого родного пріюта, — лучше сломать свое перо, чѣмъ работать въ органѣ, къ которому не можешь относиться съ уваженіемъ...

«Литературное дѣло», какъ сборникъ, составлено очень живо и интересно. На всемъ лежитъ печать любовнаго отношенія къ литературѣ, какъ къ важному общественному дѣлу. Беллетристика составлена изъ произведеній преимущественно молодыхъ авторовъ, выдвинувшихся за послѣдніе годы. Очень живыя сцены г. Чирикова даютъ яркую картину изъ быта нашего злосчастнаго провинціального чиновничества, которое авторъ такъ превосходно живописуетъ въ своихъ провинціальныхъ очеркахъ и картинкахъ. Читатели наши, навѣрное, помнятъ прекрасный рассказъ г. Чирикова «Калигула», года три тому назадъ напечатанный у насъ. Въ драматическихъ сценахъ «На дворѣ во флигелѣ» раскрывается глубокая обыденная драма, на каждомъ шагѣ разыгрывающаяся въ нашихъ глухихъ и не глухихъ углахъ, гдѣ бѣдность жизни перепутана съ тысячами униженій, не дающихъ расцвѣсти молодой душѣ и на зарѣ жизни убивающихъ ее безъ остатка. Глубокая жалость, охватывающая читателя въ концѣ послѣдней сцены, когда измученная дѣвушка бросается въ объятія мелкаго актера, чтобы хотя на мигъ почувствовать иллюзію счастья, котораго такъ жадно ищетъ ея молодое существо, — вотъ великая награда писателю, сумѣвшему вызвать такое чувство въ насъ. Повѣсть г. Тана «На красномъ камнѣ» рисуетъ тяжелую жизнь призрачнаго города Пропадинска, которую этотъ талантливый и вдумчивый наблюдатель уже не разъ изображалъ, напр., въ рассказахъ «На каникулахъ» и «На растительной пищѣ», помѣщенныхъ въ нашемъ журналѣ. Тема повѣсти, какъ и упомянутыхъ рассказовъ, — это странная на первый взглядъ жизнь интеллигентныхъ «колонистовъ», заброшенныхъ судьбою за полярный кругъ, на берега миченеской рѣки Пропады, въ ту сказочную область, гдѣ «солнце молчитъ и звуки не грѣютъ». Въ яркихъ и тяжелыхъ, какъ глыбы полярнаго льда, образахъ встаетъ предъ читателемъ страшная правда жизни, въ которой на первомъ планѣ выступаетъ удовлетвореніе грубыхъ матеріальныхъ потребностей при невыносимо тягостныхъ условіяхъ.

Своеобразная «экзотическая» культура заполярной жизни не разъ служила объектомъ чудныхъ рассказовъ нашихъ первоклассныхъ писателей, вспомните только лучшія произведенія г.г. Короленко, Сѣрошевскаго, Сосновскаго, но у этихъ писателей скорѣе поэзія этой культуры, расцвѣченная чудными красками полярнаго сіянія, обвѣваемая дыханіемъ мороза, полная легендарныхъ подвиговъ и поэтическихъ картинъ. Тамъ съ грубостью правдиваго лѣтописнаго сказанія срывается этотъ покровъ таинственной чудесности и обнажаетъ страшную бытовую сторону этихъ странъ, гдѣ человѣкъ борется за жалкую жизнь съ напряженіемъ всѣхъ силъ, оставляя тотъ предѣльный минимумъ существованія, за

которымъ ждетъ человѣка голодная смерть. Въ началѣ этой замѣчательной повѣсти о гиблой жизни на берегахъ затерянной Пропады мы видимъ рассказчика вмѣстѣ съ его товарищами, занятыми ловлей рыбы и заготовкой ея на зиму, въ самыхъ примитивныхъ условіяхъ, напоминающихъ бытъ эскимосовъ и чукчей. «Мы, разумеется, знали,—говоритъ авторъ,—что, въ концѣ концовъ почти вся рыба протухнетъ, и получится продуктъ немногимъ лучше якутской мундушки (мелкая рыба, квашеная въ ямахъ), но это не имѣло особаго значенія въ нашихъ глазахъ. Въ городѣ было пятьдесятъ голодныхъ желудковъ, которые обѣщали зимою подобрать какую угодно тухлятину, лишь бы артельный староста отпускалъ ее въ изобиліи и не рѣзалъ порціи къ завтраку маленькими кусочками, какъ въ пансіонѣ для благородныхъ дѣвицъ». Но не самая работа удручаетъ читателя и составляетъ центръ повѣсти. Какъ бы ни были тяжелы условія работы, сама по себѣ она вноситъ смыслъ въ жизнь и служитъ извѣстнымъ возмѣщеніемъ болѣе высокихъ и человѣчныхъ интересовъ. Самое тяжкое—беспомощность человѣка въ этомъ мѣстѣ, куда дѣйствительно «хоть три года скачи—не доскачешь». Жертвой этой беспомощности становится одинъ изъ ловцовъ, внезапно захватывающій одну изъ тѣхъ мучительныхъ болѣзней, которыя и въ условіяхъ нашего культурнаго существованія способны отравить жизнь. Пока человѣкъ бодръ и здоровъ, онъ не испытываетъ и тысячной доли того ужаса, какой охватываетъ его всецѣло, когда болѣзнь сразу ставитъ человѣка лицомъ къ лицу со смертью безъ всякой защиты, безъ всякихъ средствъ борьбы, цѣлкомъ отданнаго на жертву тысячъ случайностей. «Помню, нервы мои были еще свѣжи, и я ужаснулся этой первобытной беспомощности, которая равняетъ больного человѣка со звѣремъ, издыхающимъ отъ заразы». Нельзя читать описанія этой болѣзни безъ содроганія, и нервному читателю мы советуемъ перевернуть, не читая, эти нѣсколько страницъ, но намъ нельзя не остановиться на нихъ, такъ какъ вопросъ здѣсь не въ художественности изображенія, а гораздо глубже. Охотно признавая, что авторъ переходитъ здѣсь предѣлы допустимаго въ художественной литературѣ реализма, мы не можемъ не отмѣтить, что этотъ реализмъ углубляетъ основную мысль произведенія о «звѣриной беспомощности» человѣка, обреченнаго судьбою жить и умирать, полагаясь только на крѣпость своего организма безъ надежды на общественное содѣйствіе. «Нужны были инструменты, которыхъ не было, операція, о которой мы не имѣли никакого понятія. Обиднѣе всего было то, что мы никакъ не могли достать подходящей нищи для Хрептовскаго (такъ звали больного). Свѣжаго мяса не было въ городѣ, достали мы, правда, стегно коровьяго мяса, но оно было такое лежалое и затхлое, что мы даже не пробовали готовить изъ него бульонъ больному». Повѣсть, къ счастью, заканчивается благополучно, свѣжей и молодой организмъ выдерживаетъ борьбу и одолеваетъ смерть, что вноситъ мажорный тонъ въ эту ужасную жизнь. «Я не унываю,—говоритъ авторъ,—и знаю, что каждый опредѣленный срокъ имѣетъ свой конецъ, и въ утѣшеніе себѣ еще повторяю свою новую пословицу о человѣческой живучести: всѣ люди безъ смерти, Кай человѣкъ, слѣдовательно, онъ безсмертенъ». Эта примиряющая

нота дѣйствуетъ успокоительно, но въ душѣ, тѣмъ не менѣе, чувствуется жгучая боль стыда за безсиліе человечества внести оздоровляющую струю общности и въ эти гиблыя страны, какъ бы далеко онѣ ни были. Ибо не всегда <Бай безсмертенъ>...

Разсказъ этотъ мучителенъ и жестокъ, и г. Вересаевъ, который въ сильно написанномъ очеркѣ «На эстрадѣ» возстаетъ противъ «чарующей силы искусства», долженъ былъ бы признать, что роль свою г. Таня выполнялъ, возбуждивъ сильную страсть негодованія въ читателей путемъ рѣзкаго, мужественно описаннаго образа муки. Небольшой очеркъ г. Вересаева заслуживаетъ вниманія во всѣхъ отношеніяхъ. Это—старый вопросъ объ общественной роли искусства. Молодой, талантливый авторъ выступаетъ на эстрадѣ, въ качествѣ чтеца своего произведенія. Публика, главнымъ образомъ, молодежь встрѣчаетъ и провожаетъ автора громомъ рукоплесканій. Въ теченіе всего вечера онъ чувствуетъ себя героемъ, на него указываютъ, съ нимъ стараются познакомиться, наконецъ, при выходѣ ему устраиваютъ настоящую овацію. Сначала всѣ эти знаки вниманія возбуждаютъ въ авторѣ гордость, но постепенно онъ начинаетъ испытывать неловкость, въ немъ какъ бы раздвигается его «я». Онъ не узнаетъ самого себя. «Осокинь разговаривалъ, чувствуя устремленные на себя со всѣхъ сторонъ внимательные взгляды. Эти взгляды совершенно парализовали всѣ его обычные, естественныя движенія, тѣло его стало какимъ-то пружиннымъ, какъ у автоматомъ; Осокинь съ отвращеніемъ наблюдалъ за собой и прислушивался къ счастливому довольному смѣху, дрожавшему въ глубинѣ его груди». Странное настроеніе все болѣе и болѣе охватываетъ его, и вотъ ему представляется, что на всѣхъ лицахъ онъ видитъ ярко отпечатанный холодъ и беспросвѣтное довольство собою. Что тянетъ этихъ людей къ нему, спрашиваетъ онъ, и кто это самъ онъ, «этотъ мелкій, тщеславный человѣчекъ, гордящійся красотой и увлекательностью своего положеннаго на бумагу чувства?.. Осокинь все сильнѣе чувствовалъ, что между нимъ и окружающими есть какая-то крѣпкая, тайная связь, есть безмолвное соглашеніе, которое каждый держалъ про себя и ни за что не высказалъ бы другому».

Овація при выходѣ окончательно возбуждаетъ его, и Осокинь страстно выказываетъ мучающія его въ эту минуту мысли о взаимной фальши и обманѣ. За что его чествуютъ? «Вы благодарите меня, конечно, за тѣ «чувства добрыя», которыя я пробудилъ въ васъ силою искусства. Да, сила искусства велика, но сила его—вовсе не въ способности пробуждать «добрыя чувства». Проклятая и развращающая сила искусства состоитъ въ томъ, что оно самымъ невѣроятнымъ образомъ перерождаетъ и уродуетъ всякое чувство, всякое душевное движеніе, вызываемое дѣйствительностью. Художникъ замахивается на жизнь бичами и скорпіонами, но въ моментъ удара его бичи и скорпіоны превращаются въ мягкія гирлянды душистыхъ ландышей; онъ подноситъ къ людскимъ сердцамъ огонь, способный зажечь и двинуть камень,—а людскія сердца въ отвѣтъ начинаютъ тлѣть чуть теплымъ огонькомъ мягкой и бездѣятельной душевной напряженности. Подобно буферу вагоновъ, искусство даетъ человѣку возможность легко и пріятно пе-

реживать всё самые тяжелые душевные толчки. И вотъ за это-то буферное дѣйствіе искусства вы въ дѣйствительности такъ горячо и благодарите насъ... Господа, будемъ говорить на чистоту! Конечно, васъ привлекаетъ въ насъ не красота. Что красота! Мы вамъ даемъ возможность переживать чувства, по-сильнѣе и попріятнѣе чисто эстетическихъ. Вы переживаете съ ними два самыхъ великихъ счастья, какія только знаетъ жизнь, счастье борьбы и счастье всезахватывающей любви къ человѣку. И какъ дешево могли отъ насъ получить это счастье,—для этого не нужно ни бороться, ни любить! При томъ счастье это, обработанное нашими руками, такъ гладко, тепло и комфортабельно! Въ жизни оно гораздо болѣе шероховато и болѣе жгуче. Раненый боецъ, увѣряя васъ, совершенно не замѣчаетъ своей красивой позы, а только ощущаетъ ужасно неприятную боль въ ранѣ; когда человѣкъ гибнетъ въ правой борьбѣ, онъ вовсе не окруженъ тѣмъ всеобщимъ сочувствіемъ, которое возбуждается къ нему въ чителяхъ нашихъ изображеніемъ этой борьбы. О, счастье ихъ велико, счастье побѣжденныхъ и измученныхъ, но горячо вѣрящихъ въ грядущую побѣду!.. Но это счастье отличается отъ вашего счастья больше, чѣмъ лѣсной пожаръ отъ потрескивающаго въ каминѣ мирнаго огонька. Есть они, есть эти люди, суровые и бодрые, но неужели это случайность?—Какъ разъ для нихъ-то мы совершенно ненужны и въ лучшемъ случаѣ представляемъ лишь пріятный десертъ. А за десертъ кто же станетъ такъ восторженно благодарить? Такъ благодарятъ лишь за хлѣбъ, дающій жизнь. И вы благодарите насъ именно за даваемую вамъ жизнь, которой нѣтъ въ вашихъ собственныхъ душахъ, за ту сытость, которую вы испытываете, благодаря намъ. Но вѣдь эта сытость—язва, на смерть убивающая душу, и получать за нее благодарность—самое тяжелое оскорбленіе!.. Что можете вы еще пережить въ жизни? Художники—начиная съ Толстого, Гюго, Достоевскаго и кончая нами, малыи,—дали вамъ легко и пріятно пережить всё самые тяжелыя душевныя катастрофы. И вы ими пресытились. Вы устали бороться не боровшись, вы устали любить не любящи. Вы все пережили бездѣятельнымъ чувствомъ... «Все это жестоко и несправедливо», скажете вы, «ны чувствуемъ свѣтлыя искры, зароненныя вами въ наши сердца, и за эти-то искры и благодаримъ»... Но въ чемъ же проявились эти возженныя искры? Чѣмъ заслужили вы право благодарить за нихъ и... и чѣмъ заслужилъ я право принимать ваши благодарности? Это-то послѣднее, можетъ быть, самое важное изъ всего,—самое важное то, что здѣсь мы съ вами тѣсные союзники. Жизнь вызываетъ въ насъ порывъ броситься въ битву, а мы этотъ порывъ претворяемъ въ красивый крикъ, и этотъ крикъ несемъ къ вамъ... Давно сказано: «Слово писателя есть его дѣло». Можетъ быть! Но суть-то въ томъ, что дѣло это все-таки остается лишь словомъ, и въ душѣ мы съ вами прекрасно понимаемъ всю чудовищную неестественность этого дѣла слова. Понимаемъ и молчимъ, потому что такъ выгоднѣе и пріятнѣе... Тамъ вину дико бурлитъ и грохочетъ громадная жизнь; наши арфы отзываются на этотъ грохотъ слабымъ меланхолическимъ стономъ и будятъ гармоническій откликъ въ струнахъ вашихъ душъ; получается вѣжная, прекрасная музыка, и на душѣ

становится тепло и уютно... Но неужели же вы не чувствуете, сколько душевного разврата въ этой музыкѣ, неужели не чувствуете, что принимать за нее благодарность стыдно?..»

Страстный тонъ этой рѣчи обнаруживаетъ, что для автора это—наболѣвшій вопросъ о роли художника въ общественной борьбѣ. Мы думаемъ, что авторъ и правъ, и не правъ. Онъ вѣрно отмѣтилъ успокаивающее въ извѣстные моменты вліяніе искусства, которое для многихъ замѣняетъ тогда подлинную жизнь со всѣми ея мучительными терзаніями. Но онъ забылъ, что то же искусство, еще со временъ Тиртея, возбуждавшего своею пѣсней спартанскихъ воиновъ, служило и служить огромнымъ возбудителемъ борьбы. Все зависяетъ отъ того, въ какой моментъ проявляетъ себя искусство. Когда жизнь подавлена, и болото затягиваетъ общественную арену, заглушая стоны жизни, тогда и искусство является только «буферомъ», помогающимъ приятно и удобно выносить толчки. Въ такія глухія времена, когда «ликуетъ врагъ, молчитъ въ недоумѣніа вчерашній другъ, качая головой», и искусство часто (хотя не всегда) обречено на бессиліе, и въ лучшемъ случаѣ не даетъ погаснуть «возженнымъ искрамъ». Но это бессиліе не лежитъ въ существѣ искусства, а распространяется на него извнѣ, какъ и на другія проявленія общественной жизни. Уже одно то, что и въ эти мрачныя моменты искусство служить приближаемъ для всего возвышеннаго и благороднаго, какъ было, напр., въ тридцатые и сороковые годы,—выдѣляетъ искусство и возноситъ его на высоту. Вотъ почему упрекъ, брошенный молодымъ авторомъ своимъ увлеченнымъ слушателямъ, несправедливъ и попадаетъ не по адресу. Живая, вѣковѣчная связь между искусствомъ и жизнью такъ сильна, что трудно раздѣлить ихъ взаимное вліяніе; нельзя сказать, что искусство замѣняетъ «порывъ броситься въ битву», когда силою и рядомъ оно усиливаетъ именно этотъ порывъ; нельзя назвать «душевымъ развратомъ» влеченіе къ «гнѣшной музыкѣ»—искусство, которое, между прочимъ могло создать и «Марсельезу».

Конечно, этими замѣчаніями не исчерпывается затронутый г. Вересаевымъ вопросъ. Съ обычной прямою г. Вересаевъ ставитъ ребромъ вопросъ чрезвычайно сложный и, самъ себя противорѣча, выполняетъ, какъ художникъ, важнѣйшую общественную функцію: будить мысль и въ образахъ заставляетъ переживать читателя свои мучительныя и плодотворныя сомнѣнія. Мы невольно вспоминаемъ и другое произведеніе того же автора—«На поворотѣ», возбудившее столько разговоровъ, споровъ, нападокъ и похвалъ. На этомъ примѣрѣ авторъ еще яснѣе могъ бы увидѣть, какую огромную возбуждательную силу скрываетъ въ себѣ искусство, что и влечетъ насъ такъ сильно къ представителямъ его. Подчасъ это увлеченіе выражается и въ нелѣпныхъ формахъ, достойныхъ осмѣянія, но не въ этомъ сила...

Чтобы покончить съ отдѣломъ беллетристики «Литературнаго дѣла», укажемъ еще прекрасный рассказъ «Волки» г-жи Дмитріевой, по нашему мнѣнію, лучшей въ сборникѣ. Картина зимней мятели и бодро пробивающаго себя дорогу сквозь нее крестьянскаго мальчика такъ хороша и содержательна, что значеніе этого очерка далеко выходитъ за предѣлы обычныхъ рассказовъ изъ крестьянской жизни,

«Мнѣ чудились свѣжныя поля, надъ которыми пляшетъ вьюга и гдѣ во мракѣ одиноко бродятъ голодные волки; мнѣ слышались стоны вѣтра, гулъ лѣса, волчьей вой и волчьи разговоры... Какія-то мрачныя тѣни, скалы длинные острые зубы и приныкая въ земли, скользили среди мертваго безмолвія свѣжныхъ пустынь и исчезали во тьмѣ, которой, казалось, не будетъ конца... И я думала о Митрошкѣ, который въ чистомъ полѣ храбро борется съ злою вьюгой и шагъ за шагомъ прокладываетъ себѣ путь среди волчьей тьмы и волчьаго воя. Доберется ли онъ и найдетъ ли дорогу въ темномъ лѣсу жизни? Или и его тоже слопаютъ волки и задушитъ глухой лѣсъ, какъ онъ уже задушилъ его маленькую сестренку?» Такъ заканчиваетъ авторъ свой очеркъ, и вопросъ его не возбуждаетъ тревоги въ сердцахъ читателя: слишкомъ свѣжъ и бодръ его Митрошка, чтобы за него мы могли опасаться. И не такія мятели застигали пути ему, и не такія волчьи стаи преграждали путь, а все по-легоньку Митрошка выбивался на дорогу, не теряя вѣрнаго направленія къ свѣту и свободѣ...

Въ научно-публицистическомъ отдѣлѣ сборника затронуты самые разнообразныя вопросы, но одно объединяетъ ихъ—современность настроенія, молодого и свѣжаго. Мы коснемся только немногаго, чтобы показать, насколько сборникъ отвѣчаетъ интересамъ нашего времени. Три статьи въ этомъ отношеніи особенно характерны: г. Булгакова «Васнецовъ, Достоевскій, Вл. Соловьевъ и Толстой», Николая Бердяева «Въ фалософіи трагедіи» и г. Аничкова «Вильямъ Моррисъ и его утопическій романъ».

Въ своихъ четырехъ «параллеляхъ» г. Булгаковъ возбуждаетъ одинъ изъ основныхъ вопросовъ современности—о національности, какъ она проявляется въ творествѣ народа. По его мнѣнію, «самымъ заманчивымъ является тотъ источникъ національнаго самопознанія, который открывается въ созданіяхъ великихъ дѣятелей духа, принадлежащихъ къ изучаемой народности и стипійно отразившихъ въ себѣ ея черты. Мысль невольно обращается къ выдѣленію сходнаго и основнаго, что свойственно созданіямъ національныхъ героевъ, и въ этомъ видитъ квинтъ-эссенцію народности». Объединяющимъ творчество названныхъ четырехъ художниковъ и мыслителей началомъ авторъ считаетъ религиозное стремленіе, исканіе Бога. «Религиозная идея и религиозная страсть опредѣляютъ собой творчество Васнецова, совмѣщающаго въ себѣ идеалиста и реалиста въ самомъ лучшемъ смыслѣ этихъ словъ». «Достоевскому принадлежитъ въ раскрытіи религиозной жизни и психологіи русскаго народа такое же значеніе, какъ Васнецову въ живописи». Тоже чувство и тѣ же идеи «являются опредѣляющими и для философской дѣятельности Вл. Соловьевъ». Относительно Толстого и говорить нечего: «для читателя очевидно, сколь безмѣрно значеніе Толстого въ религиозно-нравственной жизни нашего и всего европейскаго общества». Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Булгакова, національное отличіе, національный признакъ русской народности заключается въ религиозной идее.

Странное впечатлѣніе производятъ выводы автора этой талантливой и живой статьи. Не говоря уже объ искусственности его сопоставленій, о чрезмѣрности оцѣнки, напр., Васнецова, весьма и весьма манернаго и неискренняго художника,—г. Булгаковъ хватается черезъ край, доходя чуть не до отри-

панія западно-европейской науки. Такъ, говоря о Соловьевѣ, г. Булгаковъ совершенно неожиданно раздражается тирадой, удивившей насъ именно въ его устахъ: «Идеалъ свободной теократіи и пересмотръ, критика и переоцѣнка при свѣтѣ этого христіанскаго идеала нашей теперешней соціальной науки, соціальныхъ идеаловъ и общественной жизни, вотъ самое дорогое завѣщаніе, которое оставлено намъ Вл. Соловьевымъ, и которое намъ надлежитъ благочестиво исполнить. Вотъ тема для русскихъ соціологовъ, юристовъ и экономистовъ; этимъ, а не ученическимъ переписываніемъ и повтореніемъ книжекъ западной науки во всей ея историческою ограниченностью можно создать самостоятельную научную мысль въ Россіи». Странно слышать такія рѣчи отъ профессора политико-эконома, столько обязаннаго именно западно-европейскому научному духу и западной наукѣ. Мы думаемъ, что видѣть главное отличіе русской національности въ религіозности такъ же односторонне, какъ односторонне увлеченіе покойнаго славянофильства «самобытностью» русскаго духа, призваннаго открыть невѣдомыя истины Запада. А «переоцѣнка» западной науки съ точки знанія особой русской религіозности—это уже сугубая странность, для которой мы не подыщемъ имени. Для всякой науки есть одинъ только критерій—истина, а двухъ истинъ не бываетъ, и то, что истинно по ту сторону западной границы, не можетъ, быть ложью по сю, и обратно. Фальшью отдавали въ свое время всѣ славянофильскія исканія своей русской правды, отличной отъ общечеловѣческой,—не звучитъ истиной и этотъ призывъ къ переоцѣнкѣ «при свѣтѣ христіанскаго идеала теперешней соціальной науки». И почему именно русскимъ ученымъ должна принадлежать эта странная честь? Самостоятельную русскую науку они едва-ли создадутъ этимъ путемъ, такъ какъ опытъ прошлаго достаточно убѣдилъ всѣхъ, что націонализмъ, въ какую-бы форму онъ ни облекался, никогда не даетъ національной науки. Что сдѣлали славянофилы въ научной области? Ничего. Все, чѣмъ русскій народъ можетъ гордиться въ наукѣ, сдѣлано людьми, возвышавшимися надъ партійной рознью славянофильства и западничества. И это очень понятно. Всякая исключительность, нарочитое суженіе умственнаго кругозора неминуемо влечетъ къ узости, однобокости, мелочности, словомъ къ началамъ, съ которыми не мирится свободное научное изслѣдованіе, считающееся только съ правдой. Вообще г. Булгаковъ «зарвался», что называется. Мѣстами тонъ его статьи до того небрежно-вызывающій, что за автора становится неловко. «Философская мысль Германіи въ теченіи XIX в. служила», по увѣренію его, «на побѣгушкахъ у естествознанія»; «дешевый естественно-научный позитивизмъ»,—что это за языкъ?! Профессору «не къ лицу и не пристало» выражаться языкомъ дешевой уличной прессы о предметахъ первостепенной научной важности.

Впрочемъ, мы увѣрены, что какъ человекъ науки, и самъ г. Булгаковъ не пойдетъ въ предлагаемомъ направленіи, а просто увлекся имъ построенной схемой. Несомнѣнно въ его статьѣ одно, это—отмѣчаемое имъ, оживленіе религіознаго чувства за послѣднюю четверть прошлаго вѣка и въ русскомъ обществѣ, что давно уже принято, какъ фактъ, по отношенію къ Западу, гдѣ религіозное настроеніе объявило смертную борьбу мѣщанству. Какъ на

одинъ изъ такихъ признаковъ религіознаго воодушевленія, указываетъ г. Бердяевъ въ своей статьѣ «Къ философіи трагедіи», на драмы Метерлинка, въ которыхъ изображается въ самомъ чистомъ видѣ вѣчный трагизмъ человѣческой жизни. Метерлинкъ, по мнѣнію, Бердяева, «понимаетъ самую внутреннюю сущность человѣческой жизни, какъ трагедію. Для изображенія трагизма человѣческой жизни не нужно чисто внѣшняго сдѣянія событій, не нужно катастрофъ, не нужно шума и крови. Вѣчная внутренняя трагедія совершается до этого, совершается въ тишинѣ, она можетъ свалиться на человѣка ежесекундно, когда онъ менѣе всего ждетъ, такъ какъ въ самой сущности жизни скрывается безысходныя трагическія противорѣчія». Показавъ на главнѣйшихъ драмахъ Метерлинка эту трагическую сущность жизни, авторъ дѣлаетъ рядъ глубокихъ выводовъ современномъ настроеніи. «Въ современной жизни,—говоритъ онъ,—существуетъ цѣлое теченіе,—теченіе очень интересное, указывающее на какой-то духовный переломъ, на исканіе новыхъ путей и новыхъ идеаловъ. Оно слѣдуютъ изъ людей, всей душой протестующихъ противъ пошлости жизни, противъ мѣщанства, противъ угашенія духа и буржуазнаго увлеченія внѣшними матеріальными интересами. Эти новые люди протестуютъ противъ разсудочной культуры во имя культуры трагической красоты; но они слишкомъ часто стоятъ въ сторонѣ отъ великаго освободительнаго движенія человѣчества и оторваны отъ историческихъ традицій человѣческаго разума». «Они ищутъ выводовъ хода въ мистицизмъ, который долженъ вознаградить ихъ за всѣ утраты, понесенныя отъ вторженія позитивизма и матеріализма въ ихъ идеалистическую душу. Но мистицизмъ самъ по себѣ есть признакъ безсмія и указываетъ на необходимость какого-то новаго поворота. Мистицизмъ всегда бываетъ симптомомъ потребности въ новомъ міросозерцаніи». Авторъ, указывая на заслугу Метерлинка и людей его настроенія, возставшихъ противъ мѣщанства и пошлости, вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и на отрицательное ихъ значеніе, выразившееся, «въ невѣрїи въ человѣческую мысль и въ прогрессъ и въ отсутствіи активности». «Новое искусство,—заканчиваетъ онъ,—и новые люди должны соединиться съ борцами за свободу и справедливость на землѣ, и тогда, можетъ быть, исчезнетъ дряблость однихъ и грубость другихъ. И обѣ стороны должны, прежде всего, проникнуться безусловнымъ уваженіемъ къ человѣческому разуму и къ тѣмъ людямъ теоретической мысли, которые ищутъ свѣта и жизни. Пора уже поставить во главѣ угла всего нашего міросозерцанія и нашего эпіческаго отношенія къ жизни идею *личности*, которая заключаетъ въ себѣ наибольшее духовное содержаніе. Но только на почвѣ религіи возможно окончательное объединеніе истины, добра и красоты и признаніе ихъ одной правды, многообразной лишь въ эмпирической видности. Такая религія нужна человѣку, такъ какъ безъ нея онъ не можетъ справиться съ трагическими проблемами, поставленными загадками бытія».

Типичнымъ представителемъ «новыхъ людей», осуществляющихъ единеніе борьбы за новую красоту съ борьбою за правду и справедливость на землѣ, является знаменитый художникъ, писатель и общественный боецъ Вильямъ Моррисъ, которому посвящена одна изъ интересныхъ статей сборника. Проф. Евг.

Аничковъ знакомить читателя въ блестящей характеристикѣ съ этимъ оригинальнѣйшимъ человѣкомъ, который въ удивительной гармоніи сочеталъ лучшія силы человѣка конца XIX в. Мечтатель и въ то же время энергичный дѣятель на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ, писатель, живописецъ, фабрикантъ и политическій агитаторъ, Моррисъ всюду проводилъ одну идею, положившую особый отпечатокъ на послѣднюю четверть истекшаго вѣка,—это идея о «неразрывной связи, соединяющей каждый эстетическій вопросъ съ вопросами экономическими и общественными». Когда появился (въ началѣ 80-хъ годовъ) извѣстный романъ Беллами, Моррисъ сильно протестовалъ противъ казарменнаго типа жизни, выведенной въ романѣ, какъ идеаль будущаго. «Я полагаю, писалъ онъ тогда,—что идеаль будущаго не въ сокращеніи человеческой энергии, не въ сведеніи труда до минимума, идеаль заключается въ сведеніи лишь до минимума *тягости* труда и при томъ настолько, чтобы тягость эта перестала быть тягостью; въ этомъ и состоитъ главное приобрѣтеніе человѣчества, но о немъ можно будетъ мечтать лишь тогда, когда люди станутъ гораздо болѣе равными между собою, чѣмъ это допускаетъ утопія Беллами». Надъ «уравненіемъ» человѣческимъ онъ и работалъ всю жизнь, стараясь высшіе классы сблизить съ низшими на общедоступномъ для нихъ полѣ искусства. На лекціяхъ и митингахъ, въ романѣ «Ни откуда», на выставкахъ и путемъ художественныхъ издѣлій онъ тѣмъ и другимъ доказывалъ, что не трудъ самъ по себѣ тяжелъ и изнурителенъ, а условія его и главное его форма. Нужно такъ поставить трудъ, чтобы онъ доставлялъ не только грубую пользу, но и прежде всего—наслажденіе. Сдѣлать это можетъ только искусство. «Искусство есть не только придача къ жизни, безъ которой не можетъ обойтись ни одинъ свободный и счастливый человѣкъ, оно—необходимое и неизбѣжное выраженіе человѣческаго счастья». Искусство тоже трудъ, но трудъ доставляющій наслажденіе. Только въ единеніи съ искусствомъ трудъ теряетъ современный *рабій* стимулъ къ энергіи. Въ романѣ «Извѣстія ни откуда» Моррисъ рисуетъ утопическую картину жизни, въ которой каждый шагъ, каждая работа соединены съ искусствомъ и обставлены художественно. Это искусство будущаго не только то наше искусство, представителями котораго выступаютъ великіе писатели, живописцы и музыканты. Будущіе люди не забудутъ ихъ и не перестанутъ восторгаться ими, даже, пожалуй, больше насъ, потому что лучше насъ будутъ понимать ихъ. Но, кромѣ того, эти люди будущаго культивируютъ особое всемирное искусство, которое и придаетъ ихъ жизни своеобразный отпечатокъ. Это искусство декоративное. «Дома, мебель, домашняя утварь, платье—все это неизбѣжно носить у будущихъ людей характеръ артистическій. Всѣ вещи, которыми они пользуются,—произведенія искусства. Люди будущаго вновь открыли, что истинная тайна счастья заключается въ непосредственномъ интересѣ къ подробностямъ каждодневной жизни и въ поднятіи ихъ на высоту искусства». Эту оригинальную для практическаго вѣка идею Моррисъ началъ широко осуществлять, основавъ фабрику художественнаго производства, которая брала на себя убранство частныхъ и общественныхъ домовъ. Фабрика поставляла фрески и обои для стѣнъ, мебель, утварь, ковры, цвѣтныя стекла, посуду и проч.

Самъ Моррисъ и дѣлая школа первоклассныхъ художниковъ поставляла образцы, рисунки, модели, по которымъ искусно обученные рабочіе изготовляли «художественный товаръ».

Но это увлеченіе искусствомъ не только не обособило Морриса отъ реальной текущей жизни,—оно связало его съ нею еще тѣснѣе. Его всегда ужасала жизнь современнаго англійскаго рабочаго въ чаду и дыму громадныхъ фабрикъ, въ грязныхъ и тѣсныхъ конурахъ, замѣняющихъ жилище. Чѣмъ выше былъ его идеалъ эстетической жизни, тѣмъ страшнѣе представлялась ему духовная и матеріальная нищета рабочаго класса. «Когда я сижу за работой дома у самаго окна, я часто вижу, какъ мимо меня проходитъ толпа рабочихъ, о грубости ихъ такъ много было писано недавно въ газетахъ и отъ времени до времени писалось и раньше. И дѣйствительно, когда я слышу ихъ ругательства, ихъ крики и все это нравственное извращеніе, унижающее славный языкъ Шекспира и Мильтона; когда я вижу заглубленое оуптѣніе и на лицахъ, и въ движеніяхъ проходящихъ мимо людей, во мнѣ встаетъ также оуптѣніе и грубость, и меня охватываетъ какая-то злоба до тѣхъ поръ, пока я не вспомню и,—я надѣюсь,—я чаще всего буду вспоминать, что только счастливый случай, заставившій меня родиться въ почтенномъ семействѣ и въ довольствѣ, доставилъ мнѣ возможность находиться по сю сторону окна, среди воспитательныхъ книгъ и очаровательныхъ произведеній искусства, а не тамъ за окномъ, въ пустынной улицѣ, въ вонючихъ кабакахъ, въ гадкихъ разоренныхъ квартирахъ». И мысль объ обездоленныхъ никогда не покидала его, двигая итъ на общественной и политической аренѣ, въ мастерскихъ, гдѣ онъ являлся старшимъ и опытнымъ товарищемъ, а не хозяиномъ, въ литературѣ и поэзіи, гдѣ онъ пробуждалъ въ другихъ живой интересъ къ этимъ же товарищамъ по труду и мечталъ о лучшемъ будущемъ.

Мы обозрѣли далеко не все содержаніе «Литературнаго дѣла», остановившись только на тѣхъ произведеніяхъ, которыя намъ кажутся боже характерными и выпуклыми для обрисовки общей фізіономіи новаго сборника, на томъ, въ чемъ ярче и сильнѣе чувствуется вліяніе современнаго настроенія. Но еще остается въ немъ интересный матеріалъ, вполне достойный вниманія, въ статьяхъ гг. Тарле, Богучарскаго, Стравника, въ беллетристическихъ произведеніяхъ Скитальца, Мурянова, Брусаянина и другихъ. Какъ новый опытъ такого рода изданія, «Литературное дѣло» очень удачно и, насколько читатели могутъ судить по нашему отрывочному отзыву, сборникъ самъ по себѣ не уступаетъ никому изъ нашихъ серьезныхъ журналовъ какъ по литературности, такъ и по содержательности.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

Н а р о д и н ѣ.

Нъ біографіи Н. А. Добролюбова. Въ «Нижегородскомъ Листѣ» находитъ отчетъ объ одномъ изъ недавнихъ засѣданій нижегородской архивной комиссіи, посвященномъ памяти Н. А. Добролюбова. Предсѣдатель комиссіи доложилъ о полученномъ имъ отъ В. И. Глоріантова свѣдѣніяхъ о Добролюбовѣ. Г. Глоріантовъ—товарищъ знаменитаго писателя по семинаріи—находитъ, что свѣдѣнія, имѣющіяся о Добролюбовѣ, еще не полны. Напримѣръ, нѣтъ объясненія, почему онъ не поступилъ въ духовную академію, куда собирался поступить цѣлый годъ и объ его поступленіи куда есть прошеніе его отца къ епископу Іереміи—благословить его сына на это поступленіе. Хотя г. Глоріантовъ не видѣлъ Добролюбова въ послѣдніе семинарскіе его годы (былъ вынужденъ поступить на службу раньше окончанія курса), но воспоминаніе о немъ сохранилось у него чрезвычайно живо; если бы онъ былъ художникъ, онъ могъ бы нарисовать на память его портретъ. «Это была единственная личность среди товарищей,—пишетъ онъ,—привлекавшая къ себѣ вниманіе, прежде всего своимъ исключительнымъ свѣтскимъ лоскомъ», а потомъ разными обстоятельствами «его аристократическаго домашняго образованія». Онъ не походилъ на бурсака и по той причинѣ, что не испыталъ всѣхъ горестей жизни, которыми мы всѣ съ самаго дѣтства до самыхъ костей были провинуты. Явился Н. А. въ семинарію не изъ глуши сельской, какъ почти всѣ его товарищи, и не отъ бѣднаго священно-церковно-служителя, а отъ городского благовоспитаннаго образованнаго родителя, съ хорошими средствами, хорошимъ общественнымъ положеніемъ. У него всего было много для воспитанія сына: учебныхъ пособій, учителей руководителей, онъ поступилъ прямо въ семинарію, а не въ уѣздное духовное училище. А знаете ли, что тогда были эти училища? Тамъ былъ полный педагогическій деспотизмъ, грубое обращеніе учителей, учениковъ сильно истязали, способности ихъ не развивали, а заглушали. Къ этому надо прибавить бѣдность учениковъ, постоянную нужду во всемъ, житье въ скученныхъ, грязныхъ квартирахъ, часто настоящую крѣпостную зависимость отъ хозяевъ, которые помыкали ими, заставляли выполнять грязную работу, а въ праздники награждали за это кусочкомъ пирога или приваркомъ.

«Жизнь эта была горькая, безотрадная. Естественно, что люди выходили изъ нея запуганные, робкіе, не способные находиться въ порядочномъ обществѣ. Всѣхъ этихъ прелестей Н. А. не испыталъ. И въ семинаріи, правда, были дерзкіе, грубые субъекты, говорившіе ученикамъ: осель, скотина, дуракъ. Но отъ этихъ оскорбленій Н. А. былъ гарантированъ влияніемъ своего родителя, по милости котораго и въ научныхъ занятіяхъ ему давалось преимущество противъ другихъ болѣе его достойныхъ учениковъ. Но по справедливости нужно отвести къ его преимуществамъ и блестящее свѣтское образованіе, полученное благодаря тому, что въ домѣ отца Н. А. имѣлъ квартиру князь Трубецкой. Въ семьѣ князя онъ росъ, какъ родной сынъ. Тамъ были и гувернеры, и гувернантки: онъ приобрѣлъ тамъ и изящныя свѣтскія манеры, и возвышенные идеалы, которые оказали ему впоследствии въ его литературной дѣятельности великую услугу, въ совершенствѣ научилъ щеголеватый французскій языкъ, принятый въ аристократическомъ обществѣ, и не аттестованный ему въ семинаріи въ числѣ пройденныхъ наукъ. Этимъ объясняется, что изъ обязательныхъ предметовъ семинаріи онъ предпочелъ модному французскому языку нѣмецкій. Не удивительно, что такъ взлелѣанный, при полномъ довольствѣ и спокойствіи, онъ вопшелъ еще юношей по окончаніи семинаріи, не стѣсняясь и смѣло, въ среду благородныхъ и образованныхъ лицъ и сдѣлался такимъ исключительнымъ и прославленнымъ литераторомъ».

А. И. Тиховъ сообщилъ нѣсколько эпизодовъ изъ школьной жизни Н. А. Добролюбова по воспоминаніямъ одного изъ современниковъ послѣдняго по семинаріи. Самъ авторъ воспоминаній былъ старше Добролюбова однимъ двухгодичнымъ курсомъ: онъ былъ въ богословскомъ классѣ, когда Добролюбовъ учился въ философіи (въ 1848—50 гг.). Авторъ воспоминаній, теперь престарѣлый старецъ-священникъ, на школьной скамьѣ, въ семинаріи, пописывалъ стихи и слылъ поэтомъ не только на своемъ курсѣ, но и по всей семинаріи. Въ то же время и Н. А. Добролюбовъ, который еще мальчикомъ, въ нижнемъ отдѣленіи семинаріи, удивлялъ всѣхъ своею развитостью и начитанностью и также пописывалъ стихи, сталъ уже, оказывается, на школьной скамьѣ проявлять свои критическія способности, и въ этомъ отношеніи пользовался даже особымъ авторитетомъ среди семинаристовъ.

Этимъ только можно объяснить то обстоятельство, что нѣкоторыя изъ стихотвореній автора воспоминаній, тогда ученика богословія, переданы были братомъ его на судъ никому другому, а именно Н. А. Добролюбову ученику философіи.

Н. А. разсмотрѣлъ доставленные ему стихи богослова, призналъ въ авторѣ поэтическій талантъ, но и недостаточную отдѣлку въ стихахъ. «Алмазъ, — выразился по этому поводу со свойственной ему силой критикъ, — дорогой камень, но безъ полировки и приличной оправы не привлекаетъ взора». Для примѣра, какъ нужно писать стихи, Добролюбовъ прислалъ автору нѣсколько своихъ стихотвореній, отзываясь о нихъ, какъ о рубленой хорошо провъ безъ поэтического огня.

О послѣдующихъ годахъ Добролюбова, по уходѣ изъ семинаріи, авторъ

воспоминаній замѣчаютъ, что Н. А. прїѣзжалъ изъ Петербурга въ Нижній погостить у сестеръ, но оставался почти безвыходно дома—«все писалъ и писалъ,—хмурый, неразговорчивый». Другой фактъ изъ школьной жизни Добролюбова относится къ послѣднему году пребыванія его въ философскомъ классѣ и также можетъ служить къ характеристикѣ Добролюбова, какъ ученика. Въ июлѣ 1850 г. учитель естественныхъ наукъ въ семинаріи Леонидъ Сахаровъ пожертвовалъ въ правленіе семинаріи зоологическую коллекцію, состоящую изъ 300 №№ насѣкомыхъ и 13 №№ пауковидныхъ, собранную и приведенную имъ въ систематическій порядокъ. При этомъ учитель Сахаровъ считъ своею обязанностью свидѣтельствовать предъ правленіемъ семинаріи благодарность четверымъ ученикамъ философскаго класса и въ числѣ ихъ Николаю Добролюбову—«за усердное ихъ содѣйствіе въ трудахъ собранія насѣкомыхъ». Этотъ учитель (Леонидъ Сахаровъ), піонеръ своего предмета въ семинаріи и большой любитель своего дѣла, украшенный медалью отъ Императорскаго вольнаго экономическаго общества, долженъ былъ пробудить большую любовь и уваженіе въ своемъ воспріимчивомъ и умномъ ученикѣ къ естествознанію, тѣмъ болѣе, что, какъ это видно изъ приведеннаго факта, Добролюбовъ въ этомъ отношеніи находился подъ непосредственнымъ и ближайшимъ руководствомъ Сахарова.

На окраинахъ Москвы. Московскій санитарный врачъ г. Ставровскій, завѣдывавшій во время минувшей переписи г. Москвы переписнымъ участкомъ на одной изъ восточныхъ окраинъ города, былъ пораженъ «удивительными и маловѣроятными» фактами, характеризующими жилищныя условія окраиннаго населенія. «Никогда—пишетъ онъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»—никому и въ голову не пришло бы, что въ ХХ столѣтіи на окраинѣ города могутъ люди жить круглый годъ въ землянкѣ». Сказано это очень сильно—проживаніе городскаго пролетаріата въ землянкахъ, также какъ и въ иной, еще менѣе вѣроятной обстановкѣ, ни для кого не секретъ. Но во всякомъ случаѣ факты, сообщаемые г. Ставровскимъ настолько характерны для ознакомленія съ условіями жизни городской бѣдноты, что съ ними не мѣшаетъ познакомиться. Вотъ что рассказываетъ онъ на основаніи личныхъ впечатлѣній и данныхъ добытыхъ переписью.

«Семья изъ четырехъ человѣкъ, мною переписанная, помѣщается въ землянкѣ на берегу ямы, изъ которой выбирается глина. Жилище это занимаетъ площадь въ квадратную сажень, высота его 2½ арш. Освѣщается оно небольшимъ двернымъ оконцемъ, площадь немного болѣе четверти аршина, отопливается небольшою желѣзною печью, въ которой готовится и незавидный обѣдъ. Для сна устроены двухъэтажныя нары въ противоположной отъ двери сторонѣ. Мать съ сыномъ трехъ лѣтъ проводятъ здѣсь цѣлый день, а хозяинъ съ шуриномъ уходятъ днемъ на работу. На ночлегъ собирается сюда вся семья. Въ ночное время воздуха на человѣка приходится 0,2 кубической сажени. Вмѣсто платы за это жилище утилизируется человѣческій трудъ. Хозяинъ земли, на которой выстроена землянка, заставляетъ обитателя ея отработывать слѣдующую плату у него по двору его дома (домъ находится довольно далеко отсюда) и въ

другихъ мѣстностяхъ Москвы, куда пошлетъ. Отапливается землянка на счетъ землевладѣльца-арендатора. Рядомъ есть еще такое же жилище (землянка), но оно пустоуетъ, такъ какъ арендаторъ земли не даетъ зимой дровъ для отопленія. Если бы давалось отопленіе, то и эта землянка была бы занята. «Очень большой спросъ былъ на землянку въ эту зиму», говорилъ хозяинъ первой землянки.

Посмотримъ теперь, какъ разрѣшается жилищный вопросъ у безсѣйныхъ, безпріютныхъ, называемыхъ на обиходномъ языкѣ волоторцами, босяками и т. п. Одинъ изъ счетчиковъ моего переписного отдѣла переписалъ ночью въ день переписи болѣе 20-ти человекъ, ночующихъ въ пустыхъ товарныхъ жельзнодорожныхъ вагонахъ. Эти бѣдняки рѣшаютъ жилищный вопросъ въ силу жестокой житейской необходимости очень легко и просто. Они отдыхаютъ тамъ, гдѣ застанетъ ихъ ночь.

«Счетчикъ мнѣ рассказывалъ: «Вотъ подхожу я къ одному вагону. Лежатъ тамъ двое, прижавшись одинъ къ другому, потому что такъ теплѣе,—одинъ другого согрѣваютъ. Спрашиваю: «Хозяинъ, а хозяинъ! Вставай-ка!»—«Чего тебѣ?» «Я—переписчикъ. Какъ тебя зовутъ?» «Ну, ладно!.. Незачѣмъ тебѣ знать ни моего имени, ни фамиліи!.. Я самъ грамотный!.. Пиши: слесарь съ большой дороги Гадачскаго уѣзда Полтавской губерніи, 23-хъ лѣтъ!»

«Счетчикъ далъ ему папироску, наполнилъ блянь другого, очевидно, его товарища, и хотѣлъ уходить. Слесарь говоритъ: «Пошарь въ другихъ-то вагонахъ еще!.. Насъ тутъ такихъ человекъ съ двадцать будетъ».

Мой переписной отдѣлъ можно раздѣлить на три части. Въ первую входитъ территория, всецѣло состоящая въ составѣ города, во вторую—территорія, имѣющая отношеніе къ городу только со стороны санитарной и административно-полицейской, и, наконецъ, третья всецѣло относится къ уѣзду.

По даннымъ переписи, населеніе всего переписнаго отдѣла исчисляется въ 27.206 человекъ обоого пола, — мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Занимаетъ это населеніе 2.886 квартиръ, размѣщенныхъ въ 602-хъ жилыхъ строеніяхъ, а присоединяя сюда еще 15 общежитій въ учрежденіяхъ, всего получится 617 жилыхъ владѣній. Безъ жилья владѣній по отдѣлу 36. Судя по приведеннымъ цифровымъ даннымъ, вѣдь это цѣлый уѣздъ нѣкоторыхъ губерній Россійской имперіи. Изъ этого общаго количества населенія на одну первую часть отдѣла приходится 10.134 человекъ. Изъ общаго количества квартиръ на эту только часть приходится 1.293 квартиры, причемъ получается до девяти человекъ на каждую квартиру (8,62). Такъ рѣзко бросается въ глаза плотность квартирнаго населенія! Владѣній съ жильемъ здѣсь 275, что на каждое владѣніе дается не менѣе 4—5-ти квартиръ (4,3). Безъ жилья владѣній—10.

«И этотъ городокъ въ большомъ городѣ,—прежде бывшая деревня,—занимаетъ площадь въ видѣ треугольника не болѣе 2—1½ десятинъ, перерѣзанныхъ 15-ю переулками, шириною не болѣе, а нерѣдко и менѣе вышины домовъ. Огромное большинство этихъ переулковъ не мощено, мощены всего три—четыре. Постройки, за исключеніемъ двухъ-трехъ каменныхъ, всѣ деревянные, такъ близко примыкаютъ другъ къ другу, что цѣлый переулокъ пред-

ставляется одною сплошною казармою, до того рѣзко бросается здѣсь въ глаза тѣснота и скученность построекъ. Дворы также всё почти не мощены. Помойники, мусорники, ретирады примитивнаго устройства. Осенью и весною тутъ стоитъ непролазная грязь. Такое состояніе улицъ и дворовъ не можетъ не отражаться и на опрятности самыхъ квартиръ, особенно нижнихъ и подвальныхъ этажей. Квартиры въ большинствѣ случаевъ здѣсь коечно-каморочныя, всё биткомъ набиты бѣднымъ рабочимъ людемъ, такъ какъ съемщики и съемщицы квартиръ эксплуатируютъ каждую буквально половицу.

«Во второй территоріи переписнаго отдѣла, за камеру-коллежскимъ валомъ, въ минувшую перепись зарегистрировано 8.249 человекъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Занимаютъ они 888 квартиръ, размѣщенныхъ въ 228-ми жилыхъ владѣніяхъ. При этомъ на каждую квартиру около 10-ти жильцовъ (9,3) и на каждое жилое владѣніе—до 4-хъ квартиръ (3,9). Владѣній безъ жилья на этой территоріи—14. Всё жилища носятъ тотъ же характеръ, какой былъ только что описанъ. Заощена только одна улица, потому что это—шоссейная дорога, между тѣмъ какъ тѣ улицы и переулки, гдѣ замѣчается скученность людей и построекъ, вовсе не заощены, такъ что весною и зимою бываетъ буквально невозможно ни пройти, ни проѣхать. Въ довершеніе картины вѣшняго вида этой части отдѣла, домовладѣльцы въ большинствѣ держатъ на своихъ немощенныхъ дворахъ свиней и другихъ домашнихъ животныхъ, отъ чего загрязненіе мѣстности со всѣми дворами и квартирами еще усиливается.

«На описанныхъ территоріяхъ живутъ рабочіе съ завода Гужона съ семьями, башмачники, сапожники, разные мелкіе ремесленники, разнаго рода мастеровые изъ мастерскихъ желѣзныхъ дорогъ (Курской и Нижегородской), мусорщики, старьевщики, встрѣчаются и нищіе. Недостатокъ воды довершаетъ картину непригляднаго санитарнаго состоянія мѣстности и построенныхъ тутъ жилищъ. Воды не достаетъ не только для цѣлей чистоты и опрятности,—ея не хватаетъ въ большинствѣ даже для пищи и питья».

Совершенно аналогичное санитарное состояніе можно по свидѣтельству г. Ставровскаго, наблюдать и въ сосѣднихъ съ описанной мѣстностяхъ и вообще на окраинахъ Москвы.

Коновалы и ихъ промыселъ. Что такое коноваль? Это—отвѣчаетъ «Новое Дѣло»—крупный деревенскій хищникъ. Онъ не только портитъ и калѣчитъ крестьянскій скотъ, онъ обманываетъ довѣрчивыхъ и невѣжественныхъ крестьянъ всевозможными способами: выдаетъ себя за сборщика пожертвованій на Афонъ, въ Іерусалимъ, продаетъ разныя чудодѣйственныя травы, дѣлаетъ нашептыванія и наговоры и т. д.

Путь легкой наживы всегда привлекателенъ для людей, и коноваловъ въ деревнѣ появляется съ каждымъ годомъ все больше. Теперь этимъ воровскимъ промысломъ занимаются почти поголовно большія села Шемарино, Скрипино, Сарбаево, Киртемань, деревни Княжуха, Ратманово и др. с. (Симбирской губерніи, Ардатовскаго уѣзда).

Промыселъ начинается ранней весной. На лошади или пѣшкомъ коновалы

отправляются въ путь. У однихъ въ кибиткѣ, а у другихъ въ кошелькѣ за плечами сложены разнаго рода травы и снадобья, ромашка, кора ясеня, одескія литографированныя на шелкѣ и полотнѣ изображенія Аѳонской горы, находящихся на ней монастырей и разныхъ иконъ Богоматери и проч. У нѣкоторыхъ за поясомъ болтаются на показъ полиціи нѣсколько желѣзныхъ инструментовъ, дающихъ имъ возможность выдавать себя за конскихъ лѣкарей, «коноваловъ».

Промыселъ продолжается всю весну. Къ полевымъ работамъ большинство коноваловъ возвращается, но послѣ этого они снова уходятъ уже на всю зиму до конца января. Коновалы направляются, прежде всего, въ «хохлацкія» губерніи: Воронежскую, Харьковскую, Екатеринославскую, области Донского и Уральскаго войскъ. Многіе уходятъ также въ западныя окраины Сибири и губерніи горнозаводскаго промысла.

Богатые коновалы ѣздятъ обыкновенно вдвоемъ—одинъ играетъ роль хозяина, другой работника. Подѣзжая къ селу, они останавливаютъ встрѣчающихся и расспрашиваютъ, какъ зовутъ у нихъ священника, представителей сельской власти, узнаютъ о болѣе состоятельныхъ жителяхъ и главнѣйшихъ событіяхъ изъ ихъ жизни, о падежахъ скота и т. п. Затѣмъ коноваль сѣло ѣдетъ въ село, выбираетъ дома болѣе богатыхъ поселенцевъ и въ одномъ изъ нихъ останавливается. Здѣсь онъ выдаетъ себя за купца. Потомъ самъ коноваль куда-нибудь уходитъ, а работникъ его рассказываетъ крестьянамъ всякія басни о своемъ хозяинѣ: о чудесныхъ исцѣленіяхъ людей и скота, объ изгнаніи домового и другой нечистой силы и т. д. Крестьяне охаютъ и изумляются. А работникъ продолжаетъ врать, какъ его хозяинъ съ 10 лѣтъ отданъ былъ въ Англію, обучался тамъ разнымъ языкамъ, что онъ знаетъ Бога, Божьи законы, ученіе евангельское, «хронологическія науки», старинныя цвѣтники, лѣчитъ всякую болѣзнь. Затѣмъ является самъ коноваль и разыгрывается, примѣрно, такая сценка.

— Давненько вы, хозяйва, проживаніе здѣсь имѣете?

— Да какъ тебѣ сказать, не навратъ; хозяйка, чай, поди ужъ лѣтъ десятокъ будетъ?—отвѣчаетъ хозяинъ.

— Коли не быть; пожалуй, и побольше, отвѣчаетъ старуха.

— Добре, добре, хозяйва! А что, столько лѣтъ вы на своемъ мѣстѣ живете, никакого замѣчанія не замѣчаете у себя?

— Нѣтъ, родимый, нѣтъ! А что, развѣ ты чего-нибудь замѣтилъ?

— Замѣтилъ, не замѣтилъ, а вотъ вышелъ я до своего коня, взглянулъ я тутъ по вашему хозяйству, по старанію вашему, по житію. Старанье ваше, вижу я, доброе, и всѣмъ вы отъ Бога довольны. Но я замѣтилъ, есть тутъ у васъ поганая земля изъ подъ дохлаго скота, взята она съ хитрыми словами, да съ негодными дѣлами и рассыпана, растружена по всему вашему хозяйству, чтобъ ни въ чемъ вамъ счастья и добра не было. Такъ я вотъ хочу дать вамъ наставленіе, какъ жить поживать. Вы старанье приложите, хорошаго человѣка пріимите. Не тѣ люди хорошіе и свѣдущіе (басни коновала записаны дословно), что въ вашихъ краяхъ есть бабки да ворожейки, въ кулакъ шепчуть,

да въ воду смотреть,—тѣхъ людей не призывайте, а такого человѣка поищите, кто знаетъ Бога и божьи законы, хронологическія науки, старинные цвѣтники. Есть въ тѣхъ росписаніяхъ 360 травъ, а изъ 360—77 Спаситель сотворилъ для насъ, грѣшныхъ рабовъ. Въ 77 есть въ первомъ десяткѣ первая трава Адамова голова, христіанскій плодъ отъ нея пошелъ, вторая трава—плакунъ, для женскихъ дѣлъ спонадобляется, третья трава—ливеръ, четвертая—Петровъ крестъ. А вы не забудьте, достаньте пятую траву—Ерусалимскій цвѣтъ, трава отъ Почаева монастыря. Надъ той травой служить обѣдни и молебны. Слѣдуетъ вамъ этой травы достать да по Божію закону на три части раздѣлить; первую часть скоту употребить, вторую часть съ ладономъ сообщить, да на свѣтлое Христово воскресенье все свое хозяйство окурить, а третью часть для своего хозяйства сохранить. Часть эту смѣшать да по хозяйству—по житію разбросать, а какъ будетъ къ концу подходить, еще на Пасху соли туда подложить.

— Гей ты, парень, собирайся, поѣдемъ. А вы, хозяева, наставленье исправьте, чего не забудьте.

— Сдѣлай ты Божеску милость, Христовъ человѣкъ, начинаютъ просить коновала хозяева. Гдѣ намъ окромя тебя такого человѣка сыскать, ужъ исправ самъ, чему насъ тумаконъ училъ,—мы твоей заслуги не забудемъ...

— Некогда, хозяева, тороплюсь, потому въ Зарайскѣ давно ждутъ, письмами такъ и закидали. Гаѣда, парень, поѣдемъ.

— Ужъ, сжался ты надъ ними, Сисой Григоричъ, потому знаешь—люди темные, не знаютъ, куда отъ лихого человѣка дѣться, говорить работникъ.—Люди хорошіе, доброе дѣло помянутъ.

— Помянемъ, помянемъ, родимый, только ты добро намъ скажи, вѣкъ за тебя станемъ Бога молить.

— Ну, что дѣлать, соглашается наконецъ коноваль,—часокъ постою, добро сотворю. Пойду въ чемоданъ слазаю.

Коноваль скоро возвращается съ «Ерусалимскимъ цвѣтомъ», т.-е. истолченной корой ясеня, въ которую для запаха положено двѣ-три капли или мятнago, или регальнаго масла. Хозяева совершенно побѣждены запахомъ «Ерусалимскимъ», такъ какъ рѣдкій паломникъ, возвращаясь со святой земли, не приноситъ съ собой пузырька съ регальнымъ, сильно пахучимъ масломъ. Коноваль велитъ зажечь предъ иконами свѣчу, положить на столъ хлѣбъ и солоницу, а самимъ хозяевамъ встать на колѣни и молиться. Потомъ, пройдя впередъ, онъ начинаетъ вслухъ читать заклятье:

«Благослови меня, Господи, раба Божія, на добрыя дѣла. Стану я добро творить, Слово Божье говорить, чтобъ на хлѣбъ наговорить. На то дерево ходяче отсылаю—откливаю я Іуду въ порожнія земли, чтобъ тебѣ здѣсь не бывать, у скота кормовъ не отнимать, ни во дни, ни въ полуночи. Я у негоднаго человѣка умъ-разумъ помрачаю, его глаза тьмой закрываю. Избави насъ, Господи, со всѣхъ сторонъ, отъ сѣвера, отъ полденъ, съ востока и съ запада. Взыла на небесахъ туча грозная, туча грозная, туча страшная. Душу тѣломъ не измѣришь, тучѣ мѣры не найдешь. Вотъ упалъ изъ тучи камень,

огнемъ пламень. Никто къ этому камню не подходилъ, только подходилъ отцы-патріархи, тотъ камень кропили, а въ этомъ камнѣ Ерусалимскій списокъ. Не царь, не король его писалъ, а самъ Богъ написалъ: почитте брать брата, отецъ сына, сынъ отца. Ежели не почитете, соплеть на васъ Господь птицу; носъ у нея желѣзный, когти булатные. Ваши тѣлеса станеть тервати, за ваши прегрѣшенія, за ваши безчестья» и т. д.

Въ концѣ своего заклинанья коновальъ поворачивается, выходитъ на дворъ, оканчиваетъ свою кощунственную молитву отсылкой «нечистаго духа» на западъ и востокъ, на сѣверъ и на югъ. Затѣмъ коновальъ даетъ для употребленія «Ерусалимскій цвѣтъ» и требуетъ вознагражденія.

Столкновеніе г. Сухотина съ г. Карповымъ и рѣшеніе сената. По словамъ «Смоленскаго Вѣстника», г. Сухотинъ, чераскій предводитель дворянства, въ одномъ изъ засѣданій административнаго присутствія Чернскаго уѣзда, обратился къ волостнымъ старшинамъ съ рѣчью, которую затѣмъ отпечаталъ на гектографѣ и разослалъ по волостнымъ правленіямъ. Въ рѣчи этой г. Сухотинъ высказалъ между, прочимъ, слѣдующее:

«Старшины, вы есть ближайшіе сотрудники земскихъ начальниковъ и ближайшіе наблюдатели во всемъ, что происходитъ въ жизни вѣреннаго вамъ населенія, почему я нахожу, что ваша священная обязанность заключается не въ одномъ изученіи только одной формальной стороны вашихъ обязанностей, но и въ изученіи внутренней жизни каждаго домохозяина вѣреннаго вамъ населенія. И изучивъ только такимъ образомъ вѣренное вамъ населеніе, вы можете быть дѣйствительно полезными сотрудниками и помощниками вашихъ земскихъ начальниковъ. Я позволилъ бы себѣ посоветовать вамъ, старшинамъ: 1) почаще просматривать тѣ законоположенія, которыми вы должны руководствоваться для достиженія этой цѣли, 2) обратить ваше особенное вниманіе на слѣдующіе главные пункты, отъ которыхъ зависить, по моему мнѣнію, упорядоченіе вѣреннаго вамъ населенія въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ: 1) самое важное—это вселеніе въ населеніе сознанія, что нѣтъ въ мірѣ равноправныхъ, а потому каждый изъ насъ долженъ оказывать должное уваженіе старшему себѣ по лѣтамъ, по положенію извѣстному и т. п. начинамъ. Кому изъ насъ неизвѣстно, что гдѣ если верхъ беретъ не происхожденіе, то беретъ верхъ капиталъ, образованіе и т. п., а потому всѣ эти лжеученія, что передъ Богомъ мы всѣ равные, а потому другъ съ другомъ мы должны быть равны и быть за панибрата, есть не что иное, какъ одинъ пустой разговоръ, что на каждомъ шагу вы можете видѣть у себя, даже между своими сословіемъ: такъ, напримѣръ, крестьянинъ нѣсколько зажиточный пользуется между своими односельчанами извѣстнымъ уваженіемъ и привилегіей, почему же послѣ этого происхожденіе, либо извѣстное общественное положеніе не можетъ требовать со стороны младшихъ себя и не пользующихся положеніемъ этимъ извѣстнаго уваженія?»

Далѣе ораторъ въ весьма лестныхъ выраженіяхъ отозвался о своей прошлой дѣятельности на службѣ земскаго начальника, выразивъ твердую увѣренность,

что его полюбилъ народъ за его начальническую строгость, и въ заключеніе еще разъ настойчиво «рекомендовалъ» старшинамъ строго блюсти данныя имъ, г. Сухотинимъ, заповѣди, которыя старшины должны были прочесть къ точному исполненію на всѣхъ волостныхъ и сельскихъ сходахъ.

Нѣкоторымъ диссонансомъ, среди общаго ревностнаго исполненія въ уѣздѣ предводительской программы, явилось критическое отношеніе къ ней со стороны земскаго начальника г. Карпова. И когда вслѣдъ за этимъ г. Карповъ не вышелъ торжественно вмѣстѣ съ священникомъ на подъѣздъ встрѣчать предводителя при посѣщеніи этимъ послѣднимъ одной изъ школъ (сукмановской), г. Сухотинъ не стерпѣлъ и обратился къ г. Карпову съ официальнымъ письмомъ, въ которомъ поведеніе г. Карпова г. Сухотинъ объясняетъ нежеланіемъ земскаго начальника подчиниться требованіямъ, предъявленнымъ начальствомъ. «Находя такія ваши дѣйствія несоотвѣтствующими задачамъ, указаннымъ въ указѣ 1889 г. іюля 12 дня,—заканчиваетъ г. Сухотинъ,—считаю своимъ долгомъ, какъ представитель дворянъ, которые меня избрали большинствомъ болѣе двухъ третей голосовъ для водворенія порядка въ уѣздѣ, соотвѣтствующаго правительственнымъ взглядамъ, но нѣсколько поколебленнаго до меня, и какъ представитель власти въ уѣздѣ, на котораго закономъ 12-го іюля 1889 г. возложена обязанность наблюденія за приведеніемъ въ исполненіе реформы, а также и наблюденіе за правильнымъ нравственнымъ воспитаніемъ народа и юношества, указать на всѣ вышеприведенныя неправильныя ваши дѣйствія и предупредить васъ, что если вы будете и впредь продолжать дѣйствовать по своему, а не по требованію начальства и несогласно съ общими дѣйствіями остальныхъ земскихъ начальниковъ, то я буду вынужденъ просить его превосходительство тульского губернатора и губернскаго предводителя объ удаленіи васъ отъ должности земскаго начальника, какъ дѣйствующаго въ разрѣзъ съ требованіями, предъявляемыми правительствомъ. Зная же вашу взгляды на должность свою и ваше несочувствіе этой службѣ, который вы публично высказывали въ комиссіи по рабочему вопросу, вмѣстѣ съ С. Д. Толстымъ, я увѣренъ въ томъ, что вы не послѣдуете моимъ указаніямъ, а потому я просилъ бы васъ не доводить меня до предполагаемаго моего рѣшенія».

По полученіи этого письма, земскій начальникъ г. Карповъ обратился съ жалобой въ сенатъ, приобщивъ къ дѣлу текстъ отлиграфированной рѣчи г. Сухотина и подлинное письмо его къ жалобщику.

Правительствующій сенатъ, разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, пришелъ къ слѣдующему заключенію.

«Признавъ, что письмо Сухотина къ Карпову имѣетъ и по содержанію, и по формѣ служебный и официальный характеръ, сенатъ нашелъ, что письмо заключаетъ въ себѣ рядъ указаній на неправильныя, по мнѣнію Сухотина, дѣйствія земскаго начальника Карпова и при томъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя представляются неумѣстными даже въ сношеніяхъ начальника съ подчиненными, за симъ изъ сопоставленія предупрежденія Сухотина о томъ, что онъ вынужденъ будетъ, при неподчиненіи Карпова требованіямъ начальства, просить объ увольненіи его отъ должности, съ заключительной частью: «я

увѣренъ въ томъ, что вы не послѣдуете моимъ указаніямъ, а потому я просилъ бы васъ не доводить меня до предполагаемаго моего рѣшенія», можетъ быть сдѣланъ тотъ единственный выводъ, къ коему пришелъ и жалобщикъ, т.-е., что ему, Карпову, Сухотинъ предлагаетъ выйти въ отставку. Между тѣмъ, на основаніи 66 ст. полож. зем. нач., земскіе начальники подчиняются надзору и руководству мѣстныхъ губернаторовъ и губернскаго присутствія и подвергаются удаленію отъ должности въ порядкѣ, указанномъ статьями 132—142 того же положенія, уѣзднымъ же предводителямъ дворянства, по силѣ ст. 101 того же положенія, предоставляется лишь ревизировать дѣлопроизводство земскихъ начальниковъ и подвѣдомственныхъ послѣднимъ волостныхъ и сельскихъ управленій, съ представленіемъ въ подлежащихъ случаяхъ своего заключенія по такимъ ревизіямъ на усмотрѣніе губернскаго присутствія. За симъ ни въ Высочайшемъ указѣ 1889 года, іюля 13-го (собр. узак. 1889 года, ст. 690), ни въ положеніи о земскихъ начальникахъ, ни въ другихъ частяхъ свода законовъ не установлено подчиненности земскихъ начальникъ уѣздному предводителю дворянства, какъ начальнику, имѣющему право поставлять на видъ своимъ подчиненнымъ упущенія въ исполненіи ими своихъ обязанностей и предупреждать о возможности удаленія отъ должности. По всѣмъ симъ соображеніямъ слѣдуетъ признать, что предводитель дворянства Сухотинъ, обращаясь къ земскому начальнику Карпову съ вышеуказаннымъ письмомъ, тѣмъ самымъ вышелъ изъ предѣловъ возложенныхъ на него по закону обязанностей. Равнымъ образомъ представляются неумѣстными какъ тѣ разъясненія и наставленія, касающіяся ученія православной церкви, съ коими Сухотинъ обращался къ волостнымъ старшинамъ, ибо подобнаго рода поученія относятся къ обязанностямъ представителей духовнаго вѣдомства, но отнюдь не предводителей дворянства, такъ и разсылка волостнымъ старшинамъ литографированныхъ экземпляровъ его рѣчи для прочтенія на волостныхъ и сельскихъ сходахъ, какъ программы его дѣйствій по должности предводителя дворянства, въ виду того, что основаніемъ дѣятельности всѣхъ состоящихъ на службѣ государственной или общественной должностныхъ лицъ должны служить должностныя узаконенія, а также законныя распоряженія высшей власти и ближайшаго начальства, посему, не усматривая въ дѣйствіяхъ Сухотина состава преступленія по должности, наказуемаго въ судебномъ порядкѣ, — правительствующій сенатъ опредѣлилъ: поставить чернскому уѣздному предводителю дворянства статскому совѣтнику Сухотину на видъ его неумѣстныя и неприличныя дѣйствія по отношенію къ земскому начальнику Карпову».

Грамофонъ въ деревнѣ. Въ декабрѣ однимъ изъ попечителей сельской школы аткарскаго уѣзда былъ показанъ грамофонъ въ школѣ. Для этого — рассказываетъ «Саратовскій Дневникъ» — попечитель въ трехъ урокахъ далъ дѣтямъ понятіе сперва о матеріальности газообразной среды воздуха, а затѣмъ коснулся его движенія, производимаго имъ звука и перевода звука на запись и обратно. Въ совершенно простыхъ выраженіяхъ оказалось вполне возможнымъ сдѣлать доступными юной аудиторіи эти понятія. Въ этомъ

легко было убедиться из письменных ответов, которые дали ученики. Видимы следствия материальности воздуха в этих ответах мальчики и девочки изобразили так (ответы придуманы ими по собственной инициативе): Воздух поднимает пыль, перья, дымъ, бумажный змѣй, гонитъ облака, вертитъ вертушки, крылья мельницы, колышетъ рѣку, волнуетъ ниву, качаетъ траву, хлѣбъ колышетъ, осыпаетъ спѣлую рожь, качаетъ деревья, ломаетъ деревья, осыпаетъ листья, носить солому, сносить ометья, крышу срываетъ съ избы, надуваетъ паруса, гоняетъ корабль, волнуетъ рѣчку, волнуетъ море. После этих повѣрочныхъ ответовъ оказалось возможнымъ идти впередъ. Въ слѣдующій разъ было объяснено, что движеніе воздуха (въ просторѣчии «вѣтеръ») способно переходить въ звукъ (вѣтеръ свиститъ, воетъ) и коснуться тѣхъ записей вѣтра на сыпучихъ матеріалахъ (отпечатки), какія всѣмъ намъ знакомы на пескѣ и снѣгу. Труднѣе всего далось понятіе объ индивидуальности записей и связи ихъ съ характеромъ духновенія. Далѣе въ третій урокъ слѣдовала аналогія тѣхъ же явленій звука: запись на пластическомъ матеріалѣ (воскъ). Всякій особый звукъ даетъ свою особую бороздку; если пѣть или говорить передъ барабанной перепонкой, къ которой приклеена шпилька, перепонка дрожитъ, качаетъ шпильку, а эта виляетъ по вощаной дощечкѣ, которую мы тихонько будемъ двигать подъ шпилькою по столу. Отъ звука «а» получимъ особую бороздочку, отъ «б» особую и т. д. Теперь обратный ходъ шпильки по пороздкамъ—обратная передача (въ то время, какъ мы молчимъ и слушаемъ). Шпилька качаетъ перепонку такъ, какъ велитъ ей бороздка, и эти перепонки въ воздухѣ сдѣлаются совсѣмъ такіе толчки, которые ее толкали и могли сдѣлать такіа, а не другія бороздки. Ответы дѣтей не оставляли сомнѣній, что все понято—и въ этотъ же разъ показанъ былъ тотъ инструментъ, на которомъ записано, что передъ нимъ пѣли и говорили и который послѣ того самъ можетъ пѣть и говорить. Какъ ни понимали дѣти эту возможность, какъ ни были къ ней подготовлены, но когда это произошло, когда первые звуки человѣческой рѣчи громко и явственно понеслись изъ машины въ пространство—дѣтскія лица всѣ расцвѣли и маленькіе слушатели разомъ встали, точно по мановенію волшебнаго побужденія... Да и нельзя не сознаваться, что импульсъ былъ дѣйствительно волшебный!

Машинка пѣла «Тройку» (дуетъ мужского и женскаго голоса), народную пѣсню «По ельничку» (хоръ), дуэты и solo, «Отче нашъ»—хоръ пѣвчихъ Знаменской церкви и т. п. Учитель, любитель пѣнія, и мѣстный священникъ не менѣе были довольны.

Надо сказать, что вводныя уроки и самая демонстрація граммофона были проведены безъ всякихъ предварительныхъ общаній. Никто не зналъ, къ чему это клонится и что будетъ показано. Иначе, вѣроятно, не было бы отбою отъ взрослыхъ въ школѣ. И нельзя было бы съ достаточнымъ толкомъ посвятить маленькій народъ въ нужныя объясненія, и показываніе граммофона сводилось бы къ показыванію фокуса. Граммофонъ былъ привезенъ въ корзинѣ и распакованъ въ школѣ въ послѣдній моментъ. Такимъ образомъ, никто не зналъ что въ деревню привезли граммофонъ. Показанный въ школѣ, онъ былъ немед-

ленно увезенъ въ домъ, а школа оставалась еще не распущенной. И все-таки полное incognito граммофона, казалось, успѣло еще сохраниться; едва его первые звуки раздавались въ домѣ, по направленію отъ всѣхъ службъ и ближайшихъ избъ, точно по электрическому сигналу, съ необыкновенной поспѣшностью повеселись бабы и мужики. Эти взрослые люди буквально летѣли огромными, смѣшными шагами къ дому. Въ комнату явилась депутація изъ нѣсколькихъ человѣкъ и просила «дозволить послушать диковинную машинку»: «Мы ужъ вамъ отработаемъ, только позвольте...»

Депутаціямъ этимъ не было конца въ теченіе нѣсколькихъ дней. Это было рѣшительно событіе. Не только любопытство «послушать» было для всѣхъ удовлетворяемо, но граммофонъ былъ не разъ разбираемъ совсѣмъ и показана была та слюдяная пластинка, кружочекъ, которая является единственной и неоспоримой виновницей всего крика и разнообразія звуковъ, какими инструментъ наводняетъ окружающій воздухъ. Теорія граммофона легко въ немногихъ словахъ поддавалась простому истолкованію. Восторгъ былъ искренній, здоровый и заражалъ цѣльностью и непосредственностью проявленій. «Умный человѣкъ простую штуку придумалъ», слышалось замѣчаніе. «Теперь штука простая—а ты бы выдумалъ! Теперь и намъ слесарь Иванъ сдѣлаетъ...» говорилъ еще кто-то. «Да ты слышалъ, баринъ сказывалъ, какъ этотъ (Эдиссонъ) ходилъ по берегу и видѣлъ, какъ волны морскія на песокъ борозды понадѣлали, а мы эти бороздки каждый день видѣли на снѣгу у плетней». — «Ты видѣлъ, что-жъ не придумалъ?» — «Не придумалъ. А ты не видѣлъ? выдумалъ?» — «На то и наука», вздыхаетъ кто-то и, конечно, слѣдуетъ естественная сентенція, формула народной мудрости извѣстно, «ученье свѣтъ, неученье тьма»...

Типиченъ былъ старикъ, который не удовлетворился ролью слушателя издалека—онъ вплоть подошелъ къ рупору и какъ-то бокомъ, наклонивъ голову, зло поглядывалъ искоса въ нутро весело кричавшей трубы—казалось, онъ не прочь размахнуться... Угадывая его подозрѣніе, «что тутъ все-таки не можетъ быть безъ нечестяго» хозяинъ граммофона поставилъ молитву. Когда стройные звуки «Отче нашъ» полились съ такой же отчетливостью и очевидностью онъ встрепенулся. Зло выраженіе съ лица сгладилось, но лицо осталось строго-серьезное. «Н-да! Такъ, стало голосъ и человѣкъ можетъ сдѣлать!» сказалъ побѣжденный старикъ и удалился въ толпу. Онъ ушелъ совсѣмъ. Было какъ-то его жаль: точно онъ уступалъ мѣсто чему-то новому, чуждому, но очевидному.

За мѣсяць. 11-го апрѣля Высочайшимъ рескриптомъ генераль-адъютантъ П. С. Ванновскій уволенъ, по болѣзни, отъ должности министра народнаго просвѣщенія, причемъ ему изъявлена монаршая благодарность за преданность, побудившую его, не взирая на преклонные года, принять на себя столь трудную дѣятельность. Того же числа уволенъ, согласно прошенію, отъ должности товарища министра народнаго просвѣщенія тайный совѣтникъ Мѣшаниновъ, а товарищу министра д. с. с. Зенгеру повелѣно быть управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Именнымъ Высочайшимъ указомъ 27-го апрѣля

товарищемъ министра народнаго просвѣщенія назначенъ директоръ института экспериментальной медицины С. М. Лукьяновъ.

— Новый управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія Г. Э. Зенгеръ, прошедшій по учебному вѣдомству почти всѣ ступени, начиная отъ преподавателя древнихъ языковъ, извѣстенъ какъ знатокъ классической литературы и рѣдкій въ наше время латинистъ. Ему принадлежатъ, между прочимъ, переводы стихами классической латыни нѣкоторыхъ произведеній Пушкина, Лермонтова и др. 24-го апрѣля, принимая чиновъ центральнаго управления министерства, Г. Э. Зенгеръ обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой сдѣланы нѣкоторыя указанія на дальнѣйшую судьбу средней школы. Въ министерствѣ сосредоточены въ настоящее время обширные матеріалы по вопросу о преобразованіи средней школы. Съ одной стороны, ихъ составляютъ труды комиссіи, которую руководилъ лично т. с. Н. П. Боголѣповъ. Труды эти легли въ основаніе проектовъ преобразованія гимназій и реальныхъ училищъ, разработанныхъ уже другою комиссіею подъ предѣдательствомъ д. т. с. Б. П. Яновскаго. Съ другой стороны не менѣе обильный матеріалъ даютъ и труды комиссій, работавшихъ въ управленіе вѣдомствомъ генерала Ванновскаго. По всеподданнѣйшему докладу Г. Э. Зенгера послѣдовало Высочайшее соизволеніе на то, чтобы и тѣ и другіе проекты преобразованія средней школы, т.-е. и выработанные подъ руководствомъ тайнаго совѣтника Боголѣпова, и подготовленные генераль-адъютантомъ Ванновскимъ, поступили на обсужденіе тѣхъ совѣщательныхъ органовъ, коимъ по закону предоставлено разсмотрѣніе дѣлъ, относящихся до внутренняго устройства учебныхъ заведеній. Въ слѣдствіе того предстоитъ въ ближайшемъ будущемъ вполне разсмотрѣніе означенныхъ проектовъ въ ученкомъ комитетѣ министерства и затѣмъ въ совѣтѣ министра народнаго просвѣщенія. Работа, возлагаемая такимъ образомъ на оба учрежденія, увеличится еще оттого, что имъ же будутъ переданы на заключеніе отзывы педагогическихъ Совѣтовъ среднихъ учебныхъ заведеній и попечительскихъ совѣтовъ о результатахъ произведеннаго въ истекающемъ учебномъ году опыта примѣненія предположеній, выработанныхъ къ половинѣ іюня 1901 года въ министерствѣ.

«Если, сообщилъ далѣе управляющій министерствомъ—принять наконецъ во вниманіе, что съ окончаніемъ нынѣшняго учебнаго года истекаетъ срокъ дѣйствія Высочайшаго повелѣнія 11-го іюня 1901 года о различныхъ измѣненіяхъ въ учебныхъ планахъ младшихъ классовъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ, то нельзя не признать настоятельной необходимости безотлагательно озаботиться правильной постановкой вопроса объ устройствѣ учебной части среднихъ общеобразовательныхъ заведеній на предстоящій школьный годъ. Строго говоря, долженъ бы снова вступить въ силу тотъ порядокъ вещей, который указанъ въ законѣ. Но по соображеніи фактическихъ обстоятельствъ, создавшихся въ школѣ, представляется неизбѣжнымъ установленіе въ ней и на будущій годъ временнаго устройства. Это временное устройство должно быть осуществлено съ наименьшими для нея потрясеніями, съ возможнымъ соблюденіемъ педагогическихъ требованій, и притомъ такъ, чтобы не предрѣшались конечные результаты реформы средней школы. Въ виду того, что министерство

не въ правѣ допускать собственной властью отступленій отъ закона, а также въ виду разнообразныхъ техническихъ затрудненій, возникающихъ при разрѣшеніи указанного вопроса, я всеподданнѣйше испросилъ Высочайшее Государя Императора соизволеніе на образованіе комиссіи при участіи отъ каждаго учебнаго округа директора гимназій и директора реального училища для обсужденія наиболѣе цѣлесообразныхъ по сему поводу мѣропріятій. Предположенія комиссіи поступать также на разсмотрѣніе ученаго комитета и совѣта министра, а затѣмъ, при невозможности внести ихъ на уваженіе Государственного Совѣта съ такимъ расчетомъ времени, чтобы они, по одобреніи ихъ въ законодательномъ порядкѣ, могли быть осуществлены въ подлежащихъ учебныхъ заведеніяхъ съ начала будущаго школьнаго года, предположенія эти будутъ непосредственно повергнуты мною на Высочайшее Его Императорскаго Величества благоволеніе».

По вопросу о реорганизаціи высшихъ учебныхъ заведеній Г. Э. Зенгеръ, обращаясь къ профессорамъ московскаго университета, сказалъ, что предстоитъ обсужденіе работы, начатой при генералѣ Ванновскомъ, въ полномъ объемѣ, съ участіемъ представителей университетовъ и высшихъ техническихъ заведеній, а также другихъ вѣдомствъ. Учрежденіе комиссіи съ этою цѣлью представляется желательнымъ къ самому началу будущаго учебнаго года.

— Бывшій товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ сенаторъ т. с. кн. Оболенскій и директоръ департамента государственнаго казначейства т. с. Дмитриевъ назначены товарищами министра финансовъ, такъ что теперь будетъ уже четыре товарища министра финансовъ.

— Начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати кн. Шаховской уволенъ отъ занимавшейся имъ должности, и на его мѣсто назначенъ бывшій товарищъ министра народнаго просвѣщенія сенаторъ т. с. Звѣревъ.

— Исправляющимъ должность директора департамента государственной полиціи на мѣсто уволеннаго отъ должности д. с. с. Зволянскаго, назначенъ исправляющій должность прокурора харьковской судебной палаты коллежск. сов. Лопухинъ, съ производствомъ въ статскіе совѣтники.

— 26-го минувшаго апрѣля въ с.-петербургскомъ военно-окружномъ судѣ разсмотрѣно дѣло о Степанѣ Валеріановѣ Балмашевѣ, преданномъ суду за предумышленное убійство покойнаго министра внутреннихъ дѣлъ егермейстера Сипягина. Военно-окружной судъ, признавъ Балмашева виновнымъ, приговорилъ его, на основаніи ст. 279 кн. XII, воинск. уст. о наказ., по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, къ смертной казни чрезъ повѣшеніе. Поданная осужденнымъ кассационная жалоба разсмотрѣна главнымъ военнымъ судомъ въ засѣданіи 29-го апрѣля и оставлена безъ послѣдствій. 3-го сего мая приговоръ приведенъ въ исполненіе, въ порядкѣ ст. 963 и 964 уст. уг. суд.

«Правительств. Вѣсти.» сообщаетъ, что 5 го сего мая, въ гор. Вильнѣ, въ 12-мъ часу вечера, на мѣстнаго губернатора, генералъ-лейтенанта фонъ-Валя произведено нападеніе изъ побужденій свойства, очевидно, политическаго. Генералъ легко раненъ двумя выстрѣлами изъ револьвера въ руку и въ ногу. Злоумышленникъ задержанъ на мѣстѣ преступленія и предается военному суду.

Стрѣлявшій въ фонъ-Валя, по доставленіи въ арестантскую, назвалъ себя мѣщаниномъ м-ка Онишишки, Ново-Александровскаго уѣзда, Ковешской губерніи, Гиршемъ Давидовымъ Декертомъ.

— Въ «Правительств. Вѣстникѣ» напечатано слѣдующее сообщеніе:

«Въ послѣднее время въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ произошли серьезныя нарушенія общественнаго порядка. Сущность происшедшаго заключается въ слѣдующемъ. Около половины минувшаго марта въ смежной съ Полтавскимъ уѣздомъ части Константиноградскаго уѣзда, Полтавской губерніи, въ помѣщичьихъ экономіяхъ стали являться скопомъ сосѣдніе крестьяне и, ссылаясь на недостатокъ продовольствія, просить о даровой выдачѣ имъ хлѣба и корма для скота. вмѣстѣ съ тѣмъ въ той же мѣстности замѣтно возросло количество ночныхъ кражъ хлѣба, картофеля и сѣна. Вскорѣ отъ просьбъ крестьяне перешли къ требованіямъ, сопровождавшимся нерѣдко возгласами: «Все равно, скоро все наше будетъ», а затѣмъ и къ угрозамъ, что въ случаѣ отказа возьмутъ все силою. Всѣ эти явленія наблюдались на сравнительно небольшомъ пространствѣ въ районѣ крупныхъ усадебъ, близъ селеній Константиноградскаго уѣзда—Максимовка, Варваровка, Федоровка и Лисичье, изъ коихъ послѣднее, какъ оказывается, было мѣстомъ пребыванія нѣкоторыхъ лицъ изъ числа занимавшихся преступною пропагандою. Возбужденіе среди населенія постепенно усиливалось, и наконецъ 28-го марта большая толпа крестьянъ деревни Максимовки и отчасти жителей сосѣднихъ деревень прибыла на подводахъ въ одинъ изъ хуторовъ имѣнія его высочества герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго, Карловку, съ угрозами отняла у управляющаго ключи амбаровъ и вывезла нѣсколько тысячъ пудовъ картофеля. Этимъ въ Полтавскомъ и Константиноградскомъ уѣздахъ начались явныя безчинства. Крестьяне открыто, цѣлыми обозами, иногда до трехсотъ—четырехсотъ подводъ, нападали на усадьбы помѣщиковъ и богатыхъ казаковъ, отбивали замки у амбаровъ, сараевъ и кладовыхъ и увозили хлѣбъ, кормъ для скота, сельскохозяйственныя орудія, а иногда угоняли скоть. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ при этомъ въ толпѣ грабителей слышались крики: «Берите, вы должны слѣзать, какъ въ книжкѣ написано, это все наше». 30-го марта полтавскій губернаторъ, признавъ необходимымъ для водворенія спокойствія принять чрезвычайныя мѣры, отправился съ тремя батальонами пѣхоты на мѣсто безпорядковъ и 1-го приступилъ къ ихъ прекращенію, идя по слѣдамъ грабителей. Появленіе войска, производя должное впечатлѣніе въ тѣхъ селеніяхъ, которыя оно занимало, не могло сразу восстановить порядокъ въ прочихъ мѣстностяхъ. Въ обоихъ уѣздахъ Полтавской губерніи грабежи продолжались, и 31-го марта была въ числѣ другихъ въ Константиноградскомъ уѣздѣ разграблена крупная экономія купца Волика, откуда увезено около 20.000 пудовъ хлѣба. Затѣмъ волненіе стало приближаться къ Полтавѣ. 1-го апрѣля толпа крестьянъ произвела нападеніе на отстоящую верстахъ въ 10-ти отъ города мельницу владѣльца Трепке, при селѣ Ковалевкѣ. Командированныя туда полтавскимъ вице-губернаторомъ двѣ роты пѣхоты прибыли на мѣсто уже въ то время, когда крестьяне возвращались изъ имѣнія Трепке послѣ произведеннаго грабежа. Земскій начальникъ

сопровождавшійся воинскую команду, арестовать 20 человекъ и приступилъ къ производству дознанія. Тѣмъ временемъ вооруженная колами и вилами толпа стала наступать на команду и на предупрежденіе командовавшаго штаб-офицера о томъ, что онъ будетъ вынужденъ стрѣлять, отвѣтила камнями и глумленіемъ. Послѣ этого по толпѣ былъ данъ залпъ, коимъ двое грабителей убиты и семь ранены (одинъ изъ раненыхъ умеръ, раны прочихъ не опасны). 2-го апрѣля безпорядки въ Константиноградскомъ уѣздѣ, благодаря передвиженіямъ войскъ, усиленныхъ еще четвертымъ батальономъ, высланнымъ изъ Полтавы, стали стихать, хотя нѣсколько усадебъ подъ самой Полтавой были еще разграблены. 3-го апрѣля произошла новая вспышка волненій въ Константиноградскомъ уѣздѣ, не имѣвшая особаго значенія, и затѣмъ безпорядки въ Полтавской губерніи были окончательно прекращены. Всего въ этой губерніи разграблено 54 усадьбы. 31-го марта волненія перешли въ Харьковскую губернію, охвативъ въ ней Валковскій уѣздъ и незначительную часть Богдучовскаго. Послѣ трехдневнаго развитія въ Полтавской губерніи, перейдя въ Харьковскую, безпорядки здѣсь проявились въ еще болѣе разнузданной формѣ: крестьяне, уже не ограничиваясь расхищеніемъ хлѣба, картофеля и сѣна, грабили инвентарь, угоняли скоть, иногда уносили домашнюю утварь, опустошили нѣсколько усадебъ и двѣ изъ нихъ сожгли.

«Донесенія о появленіи грабителей въ Валковскомъ уѣздѣ были получены харьковскимъ губернаторомъ княземъ Оболенскимъ, незадолго передъ тѣмъ вступившимъ въ управленіе губерніею, вечеромъ 31-го марта. Въ ту же ночь онъ выѣхалъ на мѣсто безпорядковъ, взявъ батальонъ пѣхоты и сотню казаковъ. Утромъ 1-го апрѣля войска застали грабителей въ имѣніи генерала-от-инфантеріи Перлика, отбили у нихъ награбленное имущество, наказали виновныхъ и арестовали около 50 человекъ. Захвативъ затѣмъ крестьянъ на грабежахъ въ двухъ сосѣднихъ усадьбахъ Полтавской губерніи, князь Оболенскій узналъ о разграбленіи большого свекло-сахарнаго завода купца Молдавскаго въ селѣ Ново-Ивановскомъ, Валковскаго уѣзда, но успѣлъ прійти съ воинскою командою лишь по окончаніи нападенія. Съ завода этого было расхищено 30.000 пудовъ сахара и всевозможная утварь, а также разобраны по частямъ и увезены машины и уведено сто пятьдесятъ паръ воловъ. Толпа дошла здѣсь до такого неистовства, что кинулась на заводскую больницу, похитила всѣ медикаменты изъ аптеки, вырывала и уносила тюфики изъ-подъ больныхъ. Въ это время прибылъ губернаторъ съ небольшою горстью казаковъ, задержавъ значительное количество грабителей и, подвергнувъ ихъ наказанію, водворилъ порядокъ. Хотя 1-го и 2-го апрѣля въ разныхъ мѣстахъ Валковскаго уѣзда безпорядки и продолжались, но благодаря высланнымъ изъ Харькова подкрѣпленіямъ большая часть нападеній была войсками своевременно застигнута и остановлена. Тѣмъ не менѣе предупредить случаи разграбленія вездѣ не удалось. 1-го числа толпа разграбила усадьбу помѣщицы Гаевской и подожгла ея строенія; въ тотъ же день подверглась нападенію богатая помѣщичья усадьба Кантакузовка. Въ ней разграблены амбары, уведены скоть, расхищена вся дорогая движимость дома и библіотека. Въ имѣніи землевладѣльца Духовскаго,

Осиновѣ, крестьяне, расхитивъ всю движимость, разобрали по бревнамъ домъ и увезли ихъ съ собою. Къ вечеру 1-го апрѣля толпа грабителей приблизилась къ городу Валкамъ. 2-го апрѣля на улицахъ этого города появились передовыя группы крестьянъ, шедшихъ на грабежъ, но по прибытіи губернатора вечеромъ 2-го числа порядокъ былъ восстановленъ и безчинствующіе наказаны. На этомъ закончились беспорядки въ Валковскомъ уѣздѣ. Всего въ этомъ уѣздѣ разграблено 25 землевладѣльческихъ усадебъ и экономій; приблизительно въ такомъ же количествѣ случаевъ грабежи были предупреждены. Кромѣ того, въ прилегающей къ Валковскому уѣзду мѣстности Богодуховскаго уѣзда были разграблены двѣ усадьбы при селѣ Рябовкѣ и хуторѣ Благодатномъ; хуторъ же Мирный подвергся нападенію, но былъ во-время спасенъ. Энергичный образъ дѣйствій харьковскаго губернатора и объявленіе имъ народу, что участь добровольно возвратившихъ награвленное будетъ смягчена, заставили участвовавшихъ въ грабежахъ крестьянъ одуматься и въ послѣдовавшіе за прекращеніемъ беспорядковъ дни крестьяне стали представлять въ волостныя правленія, для возвращенія потерпѣвшимъ, похищенное имущество и приносить повинныя, составляя по этому предмету общественныя приговоры. Немедленно по возникновеніи грабежей какъ въ Полтавской, такъ равно и въ Харьковской губерніяхъ на мѣсто беспорядковъ прибыли представители судебной власти и приступлено было къ производству предварительныхъ слѣдствій. Одновременно съ тѣмъ были возбуждены дознанія черезъ офицеровъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ. Этими разслѣдованіями выяснено, что въ смежныхъ между собою частяхъ Полтавскаго и Константиноградскаго уѣздовъ, гдѣ хозяйственное положеніе крестьянъ, пережившихъ за послѣдніе годы нѣсколько недородовъ, не вполне удовлетворительно, свила себѣ гнѣздо противоправительственная пропаганда, выразившаяся усиленнымъ распространеніемъ среди крестьянъ преступныхъ брошюръ и изданій на малороссійскомъ языкѣ. Въ этихъ изданіяхъ сельское населеніе призывалось къ возстанію противъ властей и къ завладѣнію имуществомъ помѣщиковъ.

«Къ изложенному необходимо добавить, что распространившіеся въ обществѣ слухи о лицахъ, подвергшихся будто бы насилию со стороны крестьянъ, такъ же, какъ и о крестьянахъ, засѣченныхъ по распоряженіямъ властей, невѣрны. Основаніемъ къ возникновенію послѣдняго рода толковъ послужило, очевидно, то обстоятельство, что для прекращенія грабежей власти были вынуждены примѣнить тѣлесное наказаніе къ вожакамъ возстанія о болѣе упорнымъ его участникамъ. Наказанія эти, должное воздѣйствіе на крестьянъ, устранили необходимость въ принятіи болѣе крутыхъ мѣръ, подобныхъ тѣмъ, къ которымъ пришлось прибѣгнуть въ селѣ Ковалевкѣ. При подавленіи беспорядковъ лица, руководившія отдѣльными толпами грабителей, и болѣе виновные изъ среды послѣднихъ были задержаны; равнымъ образомъ заключены подъ стражу и нѣкоторые лица изъ числа участвовавшихъ въ преступной среди крестьянъ пропагандѣ.

«Въ настоящее время общественное спокойствіе въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ восстановлено; слѣдуетъ полагать, что принятые мѣры къ

усиленію въ этихъ мѣстностяхъ полицейской охраны обезпечать сохраненіе тамъ порядка и въпредъ».

— Харьковскій губернаторъ штабмейстеръ кн. И. Оболенскій за отлично-усердную и ревностную службу и примѣрную распорядительность по прекращенію беспорядковъ въ Валковскомъ уѣздѣ награжденъ орденомъ св. Владимира 2-й степени. Полтавскій губернаторъ камергеръ д. с. с. Бельгардъ уволенъ отъ занимаемой имъ должности, съ причисленіемъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ и съ оставленіемъ въ придворномъ званіи.

— Пять уѣздовъ Полтавской губерніи: Полтавскій, Константиноградскій, Перяславскій, Лубенскій и Кременчугскій объявлены министромъ внутреннихъ дѣлъ въ положеніи усиленной охраны.

— 11-го мая правительствующему сенату данъ нижеслѣдующій именной Высочайшій указъ: «Происходившіе въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Полтавской и Харьковской губерній беспорядки сопровождались рядомъ нападений крестьянъ на сосѣднія усадьбы причинившихъ владѣльцамъ значительные убытки.

«Возлагая отвѣтственность за эти убытки не только на лицъ, непосредственно виновныхъ въ означенныхъ преступныхъ дѣйствіяхъ, но и на тѣ сельскія общества, кои своимъ преступнымъ попустительствомъ способствовали развитію беспорядковъ, мы повелѣваемъ:

«1) Отпустить изъ государственнаго казначейства, съсверхмѣтнымъ кредитомъ по отдѣлу чрезвычайныхъ расходовъ сего 1902 года, 800.000 рублей на вознагражденіе потерпѣвшихъ землевладѣльцевъ Константиноградскаго, Полтавскаго, Валковскаго и Богодуховскаго уѣздовъ, за убытки, непосредственно причиненные имъ означенными беспорядками;

«2) возложить исчисленіе таковыхъ убытковъ и назначеніе лицамъ, заявившимъ о томъ ходатайство, соразмѣрнаго по соображеніи съ указанною суммою вознагражденія на особия временныя комиссіи, образуемая, подъ предсѣдательствомъ полтавскаго и харьковскаго губернаторовъ, при участіи губернскихъ предводителей дворянства и другихъ должностныхъ лицъ мѣстнаго финансоваго и по крестьянскимъ дѣламъ управленія;

«3) предоставить министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, по взаимному соглашенію, опредѣлить составъ и порядокъ дѣйствій означенныхъ комиссій и свои по сему предмету предложенія внести на наше утвержденіе чрезъ комитетъ министровъ, и

«4) для возмѣщенія государственному казначейству указанной въ п. 1 суммы, установить съ сельскихъ обществъ и селеній, крестьяне коихъ принимали участіе въ беспорядкахъ, дополнительный къ существующимъ окладной сборъ, съ тѣмъ, чтобы ежегодный размѣръ онаго, и срокъ его взысканія были опредѣлены, для отдѣльныхъ обществъ и селеній, порядкомъ, указаннымъ выше, въ п. 2 и чтобы вниманіе этого сбора, на обществъ съ прочими окладными платежами основаніи, было начато не позднѣе второй половины текущаго года.

«Правительствующій сенатъ не оставитъ учинить, въ исполненію сего, надлежащее распоряженіе.

«На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано
«НИКОЛАЙ».

— На основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV, изд. 1890 г. министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ приостановить изданіе газеты «Саратовскій Дневникъ» на два мѣсяца.

— Почти было возстановившееся здоровье гр. Л. Н. Толстого опять пошатнулось: у Льва Николаевича открылся брюшной тифъ.

— До 20-го мая поступило пожертвованій въ пользу школы имени В. П. Острогорскаго въ Вадаѣ.

1.	Отъ редакціи «Миръ Божій» ежегодный взносъ.....	300 р.
2.	» г-жи О. Ю. В.....	10 »
3.	» » Чюминой.....	5 »
4.	» » Благодравовой.....	1 »
5.	» г-на Бернашевскаго.....	3 »
6.	» ред. Энцикл. Слов. Гранатъ и К ^о	25 »
7.	» г-на Первухина.....	1 »
8.	» Учительницы.....	1 »
9.	» Студента.....	1 »
10.	» г-жи Бозловой.....	3 »
11.	» г-на Султанъ-Брымъ Гирея.....	5 »
12.	» » М. А. Стаховича ежегодный взносъ.....	25 »

Всего.....380 р.

Деньги переданы комитету, завѣдующему школой.

Изъ русскихъ журналовъ.

«Журналъ Мин. Нар. Просв.», май.—«Рус. Старина», май.—«Истор. Вѣстникъ», май.—«Рус. Мысль», мартъ, апрѣль.—«Вѣстн. Европы», май.—«Рус. Богатство», мартъ.

Въ бумагахъ Жуковскаго сохранился набросокъ комической оперы—«Богатырь Алеша Поповичъ, или страшныя развалины», помѣченный 1804 годомъ и до сихъ поръ не появившійся въ печати. Разбирая содержаніе этого произведенія, которое представляется чѣмъ-то въ родѣ либретто, написанномъ отчасти въ прозѣ, отчасти въ стихахъ, съ романсами и дуэтами для пѣнія и съ подробными сценическими указаніями, Акад. Алдръ Н. Веселовскій отмѣчаетъ на стран. «Журн. Мин. Нар. Просв.» (май) его значеніе главнымъ образомъ, какъ показателя стремленій Жуковскаго найти въ русской старинѣ матеріалъ для поэтическаго творчества. При этомъ, однако, «судя по тому, что въ трехъ мѣстахъ рукописи вмѣсто Любинеры (героини) стоитъ зачеркнутое имя Матильды, мы вправѣ предположить,—пишетъ авторъ, что, какъ и для «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ», Жуковскій могъ заимствовать канву либретто изъ какого-нибудь нѣмецкаго источника. Сама Матильда напоминаетъ героиню романа Новалиса—

«Heinrich von Oesterdingen». Освѣщеніе русской жизни средневѣковое рыцарское; кромѣ Алеши, богатыри (участвующіе въ пьесѣ)—Добрыня Никитичъ, Чурило Пленковичъ, Василій Богуславичъ, Брусланъ Лазаревичъ, Илья Муромецъ—являются исключительно въ качествѣ хора: ихъ застава гостинница Салюва, къ которой дѣйствіе постоянно возвращается; они пьютъ подъ пѣсню и бала-лажку Соловья-пѣвца, либо куда то ѣдутъ и снова въ гостинницѣ». Содержаніе либретто Жуковского сводится къ тому, что богатырь Алеша Поповичъ, въ бытность въ Кіевѣ «на играхъ богатырскихъ», влюбился въ дочь боярина Громобоя Любимиру, которую скупой отецъ не хотѣлъ выдать за бѣднаго богатыря. Алеша путемъ разныхъ приключеній забываетъ свою возлюбленную, при чемъ ему помогаетъ духъ Милолики, убитой мужемъ, разбойникомъ Горнономъ, и являющейся теперь въ видѣ старца, живущаго въ «страшныхъ развалинахъ», гдѣ хранится кладъ. Другой покровительницей Алеши выступаетъ волшебница Доброда. У Алеши слуга оруженосецъ Барма—«кудрявая голова», трусъ, хвастунъ и объѣдало, напоминающій, по замѣчанію А. Н. Веселовскаго, своею рѣчью Лепорелло: «въ сущности одна его партія и дастъ право на названіе оперы комической». Любимира просватана отцомъ за богатаго жениха Калиту, но она любитъ Алешу и противится браку, на которомъ настаиваетъ Громобой. Калита представляется «злodeмъ» пьесы, убившимъ дочь стараго Добрыни за то, что она отвергла его любовь. Духъ умершей является Калитѣ среди «страшныхъ развалинъ», при чемъ Калита восклицаетъ, падая на землю: «О, Перунъ, я погибъ!»—но ему предстоитъ совершить еще семь убійствъ въ 34 года своей жизни, и, наконецъ, въ отомщеніе умереть отъ руки своей матери. Все либретто составлено изъ ряда фантастическихъ приключеній, съ появленіемъ различныхъ духовъ, привидѣній, съ провалами и превращеніями, и, оставшись «въ черновикѣ», любопытно только какъ матеріалъ изъ котораго, по замѣчанію А. Н. Веселовскаго, «вышли Громобой и Вадимъ». Кромѣ «Алеши», тотъ же исследователь называетъ другое задуманное Жуковскимъ произведеніе изъ древне-русской жизни,—а именно поему о «Владимирѣ» (Мономахѣ), для которой онъ тщательно собиралъ матеріалы, изучалъ лѣтописи и въ тоже время вдохновлялся образцами западно-европейскаго искусственнаго эпоса. Но замыселъ остался невыполненнымъ (сохранилось лишь два плана помы), и, въ концѣ концовъ Жуковский пришелъ въ грустному сознанію, что «древняя исторія Россіи слишкомъ для насъ далека и трудно угадать и живо представить сія времена отдаленныя: слишкомъ будетъ ощутителенъ вымыселъ поэтический». Единственно доступный матеріалъ—это лѣтописи, «но надобно быть великимъ творцомъ, чтобы воздвигнуть стройное зданіе изъ щепя лѣтописи», надобно быть «такимъ гигантомъ, какъ Вальтеръ Скоттъ и Шекспиръ». Авторъ статьи присоединяетъ къ указаннымъ Жуковскимъ затрудненіямъ особенности его поэтического дарованія: «Жуковский не эпикъ, онъ лирикъ даже тогда, когда становится разсказчикомъ, прислушиваясь къ сказкамъ и къ мѣрному паденію греческаго гекзаметра».

Мы говорили уже въ нашихъ предыдущихъ двухъ журнальныхъ обзорѣняхъ о печатавшихся въ «Русской Старинѣ» въ высшей степени интересныхъ сообщеніяхъ И. А. Бычкова, касающихся темныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ паденіе и ссылку М. М. Сперанскаго. Мы убѣждены, что читатели не побѣтуютъ на насъ, если и въ этомъ обзорѣни мы коснемся еще разъ судьбы того же Сперанскаго, ибо и въ майской книжкѣ «Русской Старины» снова имѣется объ этомъ предметѣ чрезвычайно интересное сообщеніе И. А. Бычкова, подъ заглавіемъ: «Пребываніе Сперанскаго въ Нижнемъ Новгородѣ и Пермѣ».

Сперанскій высланъ былъ изъ Петербурга въ сопровожденіи пристава Шипулинскаго въ ночь съ 17-го на 18-е марта 1812 года и уже 23-го марта прибылъ въ Нижній-Новгородъ. Оттуда Сперанскій послалъ съ Шипулинскимъ къ министру полиціи Балашову письмо, къ которому приложено было также письмо изгнанника къ императору Александру. «Въ чемъ состояло это послѣднее письмо, намъ неизвѣстно», было сказано въ книгѣ Корфа «Жизнь графа Сперанскаго». «Такъ, дѣйствительно, и было во время составленія нашей книги,—писалъ баронъ Корфъ вполсѣдствіи,—но по смерти государственнаго канцлера графа Нессельроде, послѣдовавшей въ 1862 году, это письмо было найдено между его бумагами въ подлинникѣ, писанномъ по французски отъ начала до конца рукою Сперанскаго». Въ 1867 году баронъ Корфъ напечаталъ въ «Русскомъ Архивѣ» нѣсколько дополненій къ «Жизни графа Сперанскаго»; въ томъ числѣ онъ предполагалъ помѣстить и это нижегородское письмо Сперанскаго къ императору Александру, но затѣмъ перемѣнилъ свое намѣреніе. По смерти графа Нессельроде письмо Сперанскаго поступило въ государственный архивъ, откуда было извлечено и напечатано недавно скончавшимся Н. К. Шильдеромъ въ его извѣстномъ трудѣ по исторіи царствованія Александра Перваго.

«Письмо это,—говорится въ замѣткѣ барона Корфа, особенно замѣчательно тѣмъ, что открываетъ, въ чемъ Сперанскій видѣлъ *главную и единственную* причину своего паденія: именно въ составленномъ имъ *проектѣ конституціи* (фраза о томъ подчеркнута въ самомъ подлинникѣ). Этимъ же отчасти выясняются и загадочныя слова пермскаго письма Сперанскаго: «вашею (обращаясь къ государю), а не своею тайною я связанъ». Вся опала произошла вслѣдствіе дѣятельнаго соучастія Александра въ реформаторскихъ идеяхъ его любимца; когда пора послѣднихъ прошла для государя или была оттѣснена силою обстоятельствъ, тогда онъ рѣшился пожертвовать и Сперанскимъ, съ цѣлью убѣдить общественное мнѣніе, что такого соучастія не существовало и что все это были одни *личныя* замыслы государственнаго секретаря, *другіе* будто бы подмѣченные и открытые. Придворныя интриганы явились тутъ только желанными пособниками собственныхъ плановъ государя».

Балашовъ предписалъ нижегородскому губернатору тщательно слѣдить за сношеніями и перепиской Сперанскаго, что, разумѣется, доставляло послѣднему не мало огорченій. Къ этому же времени относится и одинъ въ высшей степени замѣчательный эпизодъ изъ жизни Сперанскаго. Эпизодъ этотъ былъ сооб-

щень барону Корфу княземъ Георгіемъ Александровичемъ Грузинскимъ (бывшимъ въ 1812 году нижегородскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства), но не былъ включенъ въ «Жизнь графа Сперанскаго», «какъ не подтвержденный (въ то время),—замѣчаетъ Корфъ,—никакими другими доказательствами, которыя непременно требовались бы для факта такой первостепенной важности».

Эпизодъ этотъ состоялъ въ слѣдующемъ:

«По званію предводителя дворянства,—пишетъ князь Грузинскій,—я состоялъ въ то время подъ главнымъ начальствомъ графа Петра Александровича Толстого (начальствовавшего въ Нижнемъ 3-мъ округомъ военнаго еполченія и имѣвшего особыя уполномочія и по гражданской части), а ему, по обязанности сформировать запасныя войска и по разнымъ другимъ порученіямъ, часто приходилось отлучаться изъ Нижняго. При такихъ отлучкахъ всѣ приходившія на его имя бумаги онъ довѣрялъ вскрывать мнѣ, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ экстренности, дѣлать по нимъ и исполненіе. Разъ я вскрылъ, такимъ образомъ, отношеніе къ Толстому графа Растопчина, который требовалъ немедленной присылки Сперанскаго въ Москву, безъ объясненія, однако, для чего именно. Я отвѣчалъ, что Сперанскій находится въ Нижнемъ по особому высочайшему повелѣнію, и потому я не въ правѣ исполнить это требованіе, а представляю о немъ графу Толстому. Но пока шла переписка, французы вошли въ Москву, и Сперанскій вскорѣ затѣмъ былъ отправленъ въ Пермь, къ великой радости губернатора Руновскаго, освободившагося, наконецъ, отъ плѣнника, котораго каждый шагъ тяготилъ его».

«Но здѣсь,—замѣчаетъ Корфъ,—рождается вопросъ—и въ этомъ мы полагаемъ *важность* факта—съ какою же цѣлью, Растопчинъ отважился на такой самовластный поступокъ? Безъ сомнѣнія, съ одною только,—по крайней мѣрѣ, какъ думали въ то время Грузинскій и съ нимъ нѣкоторые другіе—чтобъ ненавидимаго народомъ (?) предать на жертву возбужденнымъ страстямъ, подобно несчастному Верещагину. Къ всегдашней административной нелицезнѣ Растопчина не присоединялась ли тутъ еще, можетъ статься,—какъ ни страшно выговорить,—жажда удовлетворенія личной злобѣ?...»

Въ сентябрѣ 1812 года Сперанскій былъ, по высочайшему повелѣнію, увезенъ съ фельдъегеремъ изъ Нижняго въ Пермь, гдѣ, конечно, продолжали циркулировать среди чиновниковъ слухи о мнимой измѣнѣ Сперанскаго. Досушія кумушки прибавляли при этомъ, что Сперанскій продалъ отечество не за деньги, а за польскую корону.

— Слава Богу!—сказалъ онъ, когда такая версія дошла до его свѣдѣнія,—начинають лучше обо мнѣ думать: за корону все-таки извинительнѣе соблазниться...

Въ той же книжкѣ «Русской Старины» напечатано нѣсколько писемъ, которыми обмѣнялись между собою въ 1837 году императоръ Николай I и проживавшій въ то время въ Римѣ великій князь Михаилъ Павловичъ. Письма эти напечатаны съ Высочайшаго разрѣшенія Государя Императора. Изъ писемъ

императора Николая I мы приведемъ одно мѣсто, которое касается смерти Пушкина.

«Съ послѣдняго моего письма здѣсь ничего важнаго не произошло, кромѣ смерти извѣстнаго Пушкина отъ послѣдствій раны на дуэли съ Дантесомъ. Хотя давно ожидать было должно, что дуэлью кончится ихъ неловкое положеніе, но съ тѣхъ поръ, какъ Дантесъ женился на сестрѣ жены Пушкина, а сей послѣдній тогда же письменно отрезся отъ требованной сатисфакціи, надо было надѣяться, что дѣло заглушено. Дотоль Пушкинъ себя велъ, какъ каждый бы на его мѣстѣ сдѣлалъ; и хотя никто не могъ обвинять жену Пушкина, столь же мало оправдывали поведеніе Дантеса, и въ особенности гнуснаго его отца, Гекерна. Но послѣдній поводъ къ дуэли, котораго никто не постигаетъ и заключавшійся въ самомъ дерзкомъ письмѣ Пушкина къ Гекерну, сдѣлалъ Дантеса правымъ въ семъ дѣлѣ. C'est le cas de dire, chassez le naturel, il revient au galop. (Вотъ когда по истинѣ можно сказать: «гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно»). Пушкинъ погибъ, и слава Богу умеръ христіаниномъ. Это происшествіе возбудило тьму толковъ, наибольшую частью самыхъ глупыхъ, изъ коихъ одно порицаніе поведенія Гекерна справедливо и заслуженно; онъ точно велъ себя какъ гнусная каналья. Самъ сводничалъ Дантесу въ отсутствіе Пушкина, уговаривая жену его отдаться Дантесу, который будто бы къ ней умиралъ любовью, и все это тогда открылось, когда послѣ перваго вызова на дуэль Дантеса Пушкинымъ, Дантесъ вдругъ посватался на сестрѣ Пушкиной; тогда жена Пушкина открыла мужу всю гнусность поведенія обидѣвшихъ, бывъ во всѣхъ отношеніяхъ невинна. Такъ какъ сестра ея точно любила Дантеса, то Пушкинъ тогда же отказался отъ дуэли. Но должно ему было при томъ и оставаться, чего не вытерпѣлъ. Дантесъ подъ судомъ, равно какъ Данзасъ, секундантъ Пушкина; и кончится по законамъ; и, кажется, каналья Гекернъ отсюда выбудеть».

Переходимъ къ «Историческому Вѣстнику».

Не подлежитъ сомнѣнію, что столь часто повторяющіеся у насъ, а въ первой половинѣ восьмидесятихъ годовъ истекшаго столѣтія принявшіе положительно эпидемическій характеръ, «антиеврейскіе беспорядки» уходятъ своими жорнями, какъ и всякое крупное соціальное явленіе, глубоко въ историческую почву русской жизни, но несомнѣненъ также и тотъ фактъ, что въ этихъ, печальной памяти, «погромахъ» много виновата наша пошлая, челоѣконенавистническая, quasi-патріотическая, юдофобская пресса. Разжигать самые низменные истинныя толпы, играть на звѣриныхъ чувствахъ массы, сбить рознь и вражду, восхвалять все русское (теперь, въ виду франко-русскаго альянса, дозволительно хвалить также и «французское») и поносить все чужеземное, значить, по мнѣнію печальныхъ рыцарей нашей «самобытности», дѣлать національное дѣло. Сколько недѣльных басенъ распространяется до сихъ поръ этого рода прессой, хотя бы объ одномъ только употребленіи евреями крови христіанскихъ дѣтей! И темные невѣжественные слои нашего народа воспринимаютъ на вѣру слова частью столь же невѣжественныхъ, частью бесовѣстныхъ га-

*

зетчиковъ и въ результатѣ получаютъ такія явленія, за которыя жестоко приходится расплачиваться, какъ жертвамъ этой недостойной травли и породець, такъ и самимъ «громиламъ», и отъ которыхъ остаются въ барышахъ лишь тѣ же газетчики - «самобытники», наполняющіе въ такихъ случаяхъ страницы своихъ изданій «интересными» описаніями событій отъ собственныхъ и несобственныхъ корреспондентовъ и собирающихъ этимъ способомъ обильную жатву изъ кармановъ любителей сильныхъ ощущеній...

Объ одномъ изъ такихъ, имѣвшихъ мѣсто въ 1884 году въ Нижнемъ-Новгородѣ, «еврейскихъ погромовъ» напечатана въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» поучительная статья г. Юдина. Поводомъ къ погрому послужили «цѣркулировавшіе въ то время повсюду слухи, будто евреи воруютъ христіанскихъ дѣтей и убиваютъ ихъ, чтобы имѣть кровь младенца для какихъ-то своихъ священнодѣйствій». Дѣло было такъ.

«Вечеромъ 7-го іюня у дома Трунова, на Пирожниковской улицѣ, въ Буявинѣ, полуторагодовая дочь крестьянки Рогожиной Анна, оставленная безъ присмотра, упала въ грязь и не могла выбраться изъ лужи, плакала и кричала: «мама, мама!» Въ это время по улицѣ проходили двѣ еврейскія дѣвочки Сара Пейсахъ 7-ми лѣтъ и Розалія Блохъ 10 лѣтъ. Увидя безпомощно барахтавшагося ребенка, онѣ подбѣжали къ нему, подняли его и понесли, чтобы передать матери. Дѣвочка не переставала кричать. Крикъ ея услышала Рогожина и выбѣжала на улицу.

«— Ахъ, вы, жидовское отродье!—не узнавъ въ чемъ дѣло, вдругъ, изъ того, ни съ сего, напустилась она на дѣвочекъ: зарѣзать хотите мою дочь?—И пошла «сыпать». — Сейчасъ въ полицію заявлю!—рѣшительно сказала она и бросилась съ дочерью къ управленію макарьевской части.

«Дѣвочки перетрусили и послѣднью скрылись къ себѣ, въ домъ Бабушкина на 4 линіи, гдѣ помѣщалась еврейская синагога.

«Въ злобѣ пущенное слово вхомя отдалось по улицѣ. На ту пору мимо проходила толпа полупьяныхъ рабочихъ, слышавшая весь этотъ шумъ. Слыша нитъ показалось, что дѣвочку уже зарѣзали евреи и унесли въ свою молельню. Съ крикомъ и бранью бросились они и мигомъ окружили послѣднюю, требуя выдачи ребенка. На шумъ сталъ собираться еще народъ. Толпа мѣщанъ, рабочихъ и мастеровыхъ росла все больше и больше, неистовствуя на разные лады...»

Отсюда и начался «погромъ». Было убито четверо мужчинъ, одна женщина и одинъ мальчикъ 13-ти лѣтъ; сильно ранено пять евреевъ; двое изъ нихъ умерли по дорогѣ въ земскую больницу, третій—купецъ Дайцельманъ—скопчался въ больницѣ къ вечеру на другой день.

Само собою разумѣется, что нашлись и «очевидцы» того, какъ евреи зарѣзали дѣвочку.

— Сама видѣла, собственными своими глазами, — рассказывала толпѣ крестьянка Косырева:—схватили жида-то нашу русскую дѣвочку маконькую, зарѣзали ее, потомъ за ноги повѣсили, а наослѣдокъ взяли да и вытащили на улицу. На-те, моля!..

Любопытно, что бывшій тутъ же полицейскій надзиратель Соколовскій

только не остановилъ разсказчицу, но даже удалился съ пристани, оставивъ ее продолжать свои разсказы...

Въ то время на воеводство въ Нижнемъ-Новгородѣ былъ извѣстный русскій Гарунъ-аль-Рашидъ Н. М. Барановъ. Онъ прибылъ на мѣсто происшествія въ сопровожденіи полицеймейстера Каргера, который тутъ же арестовалъ нѣсколькихъ «зачинщиковъ». Но въ это время въ другомъ мѣстѣ улицы усилились крики. «Народъ всей массой ринулся туда, полиція была смята, захваченные зачинщики отбиты. Четверо мастеровыхъ набросили на голову Баранова рогоженный кулъ и вмигъ его скрутили. «А, защитникъ жидовскій! Бей его!» Но тутъ опять раздались крики: «Ура! Помогите!..» Это громили третій еврейскій домъ. Мастеровые бросили свою жертву и поспѣшили на зовъ. Проходившіе мимо городовые узнали губернатора по краснымъ лампасамъ и освободили его».

Когда, наконецъ, при содѣйствіи войскъ безпорядки были затушены, то «Барановъ издалъ строжайшій запретъ писать о томъ что-либо въ газетахъ, хотя это было далеко не въ его власти. Послѣдствія скоро сказались и имѣли обратное дѣйствіе. Извѣстія достигали редакцій не прямо отъ собственныхъ корреспондентовъ по почтѣ или телеграфу, а контрабанднымъ путемъ изъ частныхъ писемъ и чрезъ проѣзжающихъ. Вслѣдствіе этого являлись преувеличенія противъ дѣйствительности». Столичныя и провинціальныя юдофобскія газеты старались изъ всѣхъ силъ свалить вину на самихъ же евреевъ. Самъ Барановъ писалъ 18 июня министру внутреннихъ дѣлъ такія строки: «большая часть общества весьма сочувственно и близоручко смотрѣла на случившееся, и подъ влияніемъ такихъ статей, какъ, напримѣръ, помѣщенная въ № 2.980 «Новаго Времени» и умышенно ложныхъ корреспонденцій «Базанскаго Листка» склонна къ оправданію неизбѣжности еврейскихъ безпорядковъ».

Почему же виноваты въ погромахъ сами евреи? Отвѣтъ на это всегда одинъ: потому что евреи эксплуатируютъ русскихъ, грабятъ ихъ, высасываютъ изъ нихъ всё соки. Насколько малоосновательно подобное мнѣніе относительно нижегородской земли можно судить по словамъ покойнаго предсѣдателя нижегородской ученой архивной комиссіи А. С. Гацискаго, который, тщательно изучивъ многолѣтнюю исторію этой земли, пришелъ къ заключенію, что исторію эту и безъ влияния на нее еврейскаго элемента можно выразить такими словами: «Караулъ!... Грабятъ!.. Шестъ вѣковъ къ ряду почти неумолчно раздавался на нижегородской землѣ этотъ отчаянный крикъ... То грабила мордва, то русскіе колонизаторы, то новгородскіе ушкуйники, то татары; то давали себя знать усобицы нижегородскихъ князей, то накладывала свою руку Москва, то бушевали вольныя вольницы смутнаго времени, то Разинъ гулялъ съ своими молодцами по матушкѣ Волгѣ, то Пугачовъ наводилъ страхъ на всякаго мирнаго жителя, то Москва освѣщала своимъ пожаромъ 1812 года все, что связывало съ нею нижегородскую землю». Перечень историческихъ событій, изъ которыхъ составилось далекое и недалекое прошлое нижегородской земли, можно было бы, конечно, продолжать и гораздо дальше, но и приведеннаго достаточно для опроверженія нелѣпаго взваливанія всѣхъ золъ общественной жизни на «однихъ евреевъ».

Самъ «защитникъ евреевъ» Барановъ, бросающійся отъ одной сумасбродной мѣры къ другой, вскорѣ учредилъ подъ предсѣдательствомъ вице-губернатора Неклюдова комиссію для провѣрки правъ на жительство проживавшихъ въ Нижнемъ евреевъ. Начались высылки не имѣвшихъ такого права евреевъ, но, по свидѣтельству автора цитируемой нами статьи, «эта тяжелая мѣра коснулась только бѣднѣйшей части населенія (еврейскаго), и отнюдь не богачей, какъ болѣе вреднаго и опаснаго для общества элемента». Четверо гражданъ Нижняго г. Шутягинъ, Балдинъ, Муратовъ и Зотовъ тогда же писали по этому поводу полицеймейстеру Баргеру такіа строки:

«Высылаются еврей, не имѣющіе права жительства. Результатъ онаго, безъ сомнѣнія, отзовется на самобѣднѣйшихъ, не вредящихъ ни обществу, ни правительству, а кулака эксплуататора, вѣроятно, не придется выкурить, ибо онъ всегда съ законными правами. Почему не выключена отсюда г-жа Яковсонъ? Фамилія эта всякимъ христіаниномъ вспоминается съ содроганіемъ. Мужъ ея многихъ нашихъ православныхъ обдѣлалъ до нищеты. Онъ, правда, за это провѣлъ часть времени въ тюрьмѣ и арестантскихъ ротахъ и, благодаримъ Создателя, его отсюда выжили. Теперь спрашивается: зачѣмъ проживаетъ здѣсь его жена? Она «шуруетъ» лучше и почище мужа, занимается аппетитно всѣмъ чѣмъ угодно, особенно «процентами»: у нея открыты кругомъ всѣ карманы. Вотъ на кого не грѣхъ распространить въ буквальный и исполнительный смыслъ законъ! Вѣрнѣе всего, что ее въ спискахъ высланныхъ евреевъ не помѣстили: вѣдь она богачиха и родню по мужу богатую имѣетъ».

Заявленіе это не повлекло за собою никакихъ практическихъ результатовъ.

Для разбора дѣла о бывшихъ въ Нижнемъ-Новгородѣ безпорядкахъ прибылъ изъ Москвы военно-окружной судъ, который и приговорилъ 6 обвиняемыхъ къ каторжнымъ работамъ на двадцать лѣтъ, троихъ на восемнадцать лѣтъ, одного на двѣнадцать, одного на семь и одного на четыре года: остальные обвиняемые были приговорены къ ссылкѣ въ Сибирь, къ тюремному заключенію на разные сроки и т. д.

Таковъ былъ эпилогъ одного изъ «погромовъ»...

Самъ Барановъ не прочь былъ признать, что «радикальнымъ средствомъ къ полному обезпеченію мирной тишины въ будущемъ» онъ считаетъ «поднятіе въ народѣ уровня какъ экономическаго такъ и образовательнаго», но эти-де «задачи, осуществленіе которыхъ требуетъ много времени должны, быть обсуждаемы въ связи со многими общими вопросами». Въ виду же того, что «общихъ вопросовъ» поднимать тоже не предполагалось, «радикальное средство» для исполненія болѣзненіи откладывалось на неопредѣленно долгое время...

Не говоря объ важнѣннн экономическихъ условій, въ которыхъ живетъ масса нашего народа, поднятіе его «образовательнаго уровня» сослужило бы, конечно, громадную службу на пути предотвращенія возможности такихъ явленій, какъ антиеврейскіе и многіе другіе «погромы». Школа и школьное образованіе—вотъ тѣ двѣ сферы, наполненіе которыхъ надлежащимъ содер-

ніемъ должно было бы давно уже принести у насъ очень хорошіе плоды. Но именно положеніе этихъ-то двухъ сферъ и особенно послѣдней оставляетъ желать очень и очень многого. Въ этомъ смыслѣ весьма поучительна напечатанная въ мартовской и апрѣльской книжкахъ «Русской Мысли» статья г. Тулупова подъ заглавіемъ «Народныя чтенія въ городахъ и селахъ». Въ статьѣ этой авторъ задался цѣлью прослѣдить, какъ стояло у насъ дѣло народныхъ чтеній на рубежѣ двухъ столѣтій; матеріаломъ же для такой работы послужили ему, главнымъ образомъ «свѣдѣнія, собранныя однимъ изъ просвѣтительныхъ обществъ Москвы, нынѣ почти прекратившемъ свою дѣятельность».

Все болѣе и болѣе просыпающееся въ нашемъ народѣ стремленіе къ свѣту и знанію влечетъ за собою всегдашнюю готовность русской интеллигенціи идти навстрѣчу народившейся духовной потребности народа. Значительная часть такихъ интеллигентныхъ силъ поглощена устройствомъ и организаціей учреждений для вышешкольнаго образованія народа и въ частности учрежденіемъ народныхъ чтеній. Работа интеллигенціи въ этомъ направленіи имѣетъ за собою уже болѣе, чѣмъ двадцатипятилѣтній опытъ и потому весьма интересно бросить общій взглядъ на пройденный путь, проанализировать причины встрѣчавшихся на этомъ пути препятствій и оцѣнить достигнутые результаты. Для всего этого статья г. Тулупова даетъ цѣнные данныя.

Народныя чтенія возникли первоначально въ 1874 году въ Москвѣ при обществѣ распространенія полезныхъ книгъ, организовавшемъ для этого особую комиссію, но услугами этой комиссіи долго не могъ пользоваться даже Московскій уѣздъ такъ какъ по обнародованному 24-го декабря 1876 года закону, народныя чтенія разрѣшалось устраивать лишь въ столицахъ и губернскихъ городахъ. Все многомилліонное населеніе деревень и уѣздныхъ городовъ было совершенно лишено права на этотъ способъ вышешкольнаго образованія. Такъ дѣло существовать, конечно, не могло вѣчно, но извѣстенъ, съ другой стороны, принципъ нашей жизни «поспѣшать съ медлительностью» и потому лишь въ 1888 году вопросъ о народныхъ чтеніяхъ чуть-чуть подвигается впередъ. Изданными въ этомъ году правилами объ уѣздныхъ отдѣленіяхъ епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ послѣднимъ предоставлялось между прочимъ «соудѣйствовать устройству чтеній для народа подъ руководствомъ приходскихъ священниковъ въ школьныхъ помѣщеніяхъ». Съ этого момента явилась возможность устройства чтеній и въ деревняхъ, но на практикѣ дѣло это чаще всего ограничивалось лишь духовно-нравственными бесѣдами священниковъ съ крестьянами, чтеніемъ житій святыхъ и троицкихъ листовъ. Въ виду всего этого многія земства ходатайствовали о распространеніи правилъ 1876 года на всю имперію, но до 1893 года ходатайства эти не имѣли никакихъ практическихъ послѣдствій. Въ этомъ году петербургской комиссіи народныхъ чтеній было дано разрѣшеніе на устройство народныхъ чтеній по всему району петербургскаго учебнаго округа, а въ октябрѣ 1894 года право устраивать чтенія въ уѣздныхъ городахъ и селахъ получила и вся Россія. Правительственное распоряженіе по этому поводу гласило слѣдующее:

«Во мнѣть министровъ, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго про-

свѣщенія, по ходатайству тверскаго губернскаго земскаго собранія относительно устройства народныхъ чтеній въ губернскихъ городахъ, полагаетъ: 1) представить министру народнаго просвѣщенія объявить тверскому губернскому земству, что ходатайство объ устройствѣ народныхъ чтеній можетъ быть удовлетворено не иначе, какъ при точномъ каждый разъ указаніи, примѣнительно къ установленнымъ правиламъ, кто именно предполагаетъ устроить чтенія, и при одобреніи означенныхъ лицъ мѣстнымъ общедминистративнымъ, духовнымъ и учебнымъ начальствомъ и 2) на будущее время предоставить министру народнаго просвѣщенія, по предварительному каждый разъ соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода, разрѣшать народныя чтенія въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ, съ тѣмъ, чтобы таковыя чтенія производились подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и отвѣтственностью ближайшихъ представителей духовнаго или учебнаго вѣдомства, и чтобы нравственная и политическая благонадежность лицъ, занимающихся устройствомъ народныхъ чтеній, была надлежащимъ образомъ удостовѣрена.

Эти правила поставляли такимъ образомъ каждый *частнымъ случаемъ* устройства народныхъ чтеній въ зависимость отъ полученія на то согласія со стороны трехъ министровъ. «Насколько такой порядокъ вещей не соответствовалъ запросамъ жизни и времени,—справедливо говорить г. Тулузовъ, извѣстно всякому, кто такъ или иначе соприкасался съ дѣломъ вѣткласснаго образованія. Уходили долгіе годы (нерѣдко 5—6 лѣтъ) на процедуру и переписку по вопросу объ устройствѣ чтеній въ той или другой мѣстности; лица, возбуждавшія ходатайства, иногда успѣвали уже уѣхать изъ той мѣстности, для которой они хлопотали, а иногда даже умереть, прежде чѣмъ приходило, наконецъ, давножданное разрѣшеніе читать народу брошюры, прошедшія цензуру и особое одобреніе; уходила масса силъ и энергій на переписку, всевозможнаго рода справки и хлопоты, и нужно было обладать своего рода геройствомъ, чтобы не опустить преждевременно руку и добиться благопріятныхъ результатовъ. Мы не говоримъ уже о частныхъ лицахъ,—но въ такомъ же положеніи часто находились цѣлыя общественныя организаціи.»

Приведемъ много иллюстрацій къ только что сказанному, г. Тулузовъ воспроизводитъ далѣе опубликованный въ свое время «Циркуляръ по харьковскому учебному округу» касательно устройства народныхъ чтеній.

«Предоставляя вѣдомству народнаго просвѣщенія,—гласитъ этотъ циркуляръ, право разрѣшенія, а равно и выборъ предметовъ и способовъ чтеній, новыя правила (о народныхъ чтеніяхъ), выработанныя комитетомъ министровъ, возлагаютъ на губернаторовъ высшій надзоръ за направленіемъ этого дѣла, сообразно цѣлямъ правительства, и въ этихъ видахъ никто не можетъ быть допущенъ къ производству чтеній безъ предварительнаго одобренія губернатора, потому что, поясняется далѣе «неправильное и несогласное съ видами правительства отношеніе къ этому важному вопросу съ самаго начала можетъ облегчить переходъ народныхъ ученій въ руки людей неблагонамѣренныхъ и способствовать обращенію чтеній въ орудіе противоправительственной пропаганды. И губернаторы должны съ особою тщательностью удостовѣриться въ качествахъ и на-

правленіи какъ лицъ читающихъ, такъ въ равной мѣрѣ и тѣхъ, которыя являются устроителями чтеній, конечно, отнюдь не упуская изъ вида намѣреніе правительства облегчить народу способы пользоваться, черезъ посредство чтеній, общепользовными свѣдѣніями. При выдачѣ одобрительныхъ разрѣшеній необходимо помнить, что народное чтеніе лишь тогда полезно, когда читающій проникнуть исключительно одною цѣлью содѣйствія народному развитію и принимаетъ на себя этотъ трудъ безъ всякихъ тенденцій, чуждыхъ основнымъ началамъ нашего государственнаго устройства. Поэтому всѣ распоряженія губернатора относительно народныхъ чтеній должны исходить изъ того основнаго положенія, что безъ полной увѣренности въ томъ, что лица, читающія и устраивающія чтенія, заслуживаютъ одобренія правительства, нельзя ожидать отъ народныхъ чтеній той пользы, которая оправдала бы самое ихъ разрѣшеніе. Справки объ означенныхъ лицахъ, независимо данныхъ, имѣющихся у мѣстнаго жандармскаго управленія и у полиціи, могутъ быть, между прочимъ получаемы и отъ предводителей дворянства, земскихъ начальниковъ и пользующихся авторитетнымъ положеніемъ въ уѣздахъ землевладѣльцевъ.

Можно подумать, что при такихъ условіяхъ контроля, надзора и всякаго рода предупредительныхъ мѣръ противъ возможности обращенія народныхъ чтеній въ нѣчто, съ видами правительсто несогласное, дается, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе полный просторъ лекторамъ избирать книги для чтенія въ зависимости отъ состава аудиторій, уровня умственнаго развитія слушателей и т. д. На практикѣ же ничего подобнаго нѣтъ: до 1896 года и прошедшимъ всѣ вышеуказанныя испытанія лекторамъ разрѣшено было для чтенія лишь 200—250 тощенькихъ брошюрочекъ, специально для того составленныхъ. Лишь съ этого года, послѣ дѣлаго ряда ходатайствъ о расширеніи каталога чтеній со стороны различныхъ общественныхъ учреждений, было разрѣшено читать въ народныхъ аудиторіяхъ всѣ книги, допущенныя въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній; но и такое расширеніе оказалось на практикѣ, крайне недостаточнымъ, и въ школьное образованіе при помощи народныхъ чтеній оставляетъ желать еще очень и очень многого.

Подводя итоги своей статьи, г. Тулузовъ излагаетъ желательныя улучшенія въ дѣлѣ организаціи народныхъ чтеній въ видѣ слѣдующихъ положеній:

1) Народныя чтенія, при слабомъ развитіи у насъ грамотности, являются въ настоящее время наиболѣе удобнымъ средствомъ для распространенія знаній въ народъ вмѣстѣ съ тѣмъ за ними слѣдуетъ признать первенствующее значеніе въ дѣлѣ предоставленія народу разумныхъ развлеченій и отвлеченія его отъ пьянства.

2) Устройство народныхъ чтеній должно лежать на обязанности прежде всего нашихъ общественныхъ учреждений, каковы земства и городскія управленія, что не исключаетъ, конечно, широкаго участія въ этомъ дѣлѣ со стороны просвѣтительныхъ обществъ и кружковъ, а также частныхъ лицъ. Желательно также, чтобы и возникшія почти повсюду попечительства о народной трезвости въ дѣлѣ устройства народныхъ чтеній проявили свое участіе въ той мѣрѣ, которая соотвѣтствовала бы ихъ средствамъ и положенію.

3) Желательно, чтобы народные чтения в городах, а также и селах были обеспечены удобными, специально приспособленными, помещеніями, каковыми являются такъ называемые народные дома.

4) Материалъ для чтеній необходимо расширить, хотя бы до размѣровъ, опредѣляемыхъ каталогомъ для бесплатныхъ библиотекъ — читаленъ. Въ чтеніяхъ популярно-научныхъ желательна систематичность.

5) Для дѣтей желательно устройство особыхъ чтеній.

6) Желательно удешевленіе фонарей и картинъ, чему можетъ способствовать между прочимъ беспошлинный ввозъ изъ заграницы (ходатайства объ этомъ между прочимъ, были предприняты Курскимъ и Саратовскимъ земствами).

7) Необходимо, чтобы волшебный фонарь былъ принадлежностью каждой сельской школы, служа не только для чтеній, но и для нагляднаго преподаванія.

8) Необходимо, чтобы при каждой земской управѣ былъ достаточный запасъ картинъ къ волшебному фонарю, и чтобы школы, гдѣ устраиваются чтенія, снабжались ими по извѣстному плану. Въ настоящее время такой складъ картинъ существуетъ при елецкой земской управѣ, гдѣ на учительскихъ совѣщаніяхъ выработаны, между прочимъ, и планы пользованія ими.

9) Взиманіе платы съ посѣтителей народныхъ аудиторій нежелательно.

10) Желательно, чтобы чтенія, смотря по мѣстнымъ условіямъ, сопровождались музыкальными или вокальными исполненіями.

11) Чтобы обезпечить чтенія достаточнымъ контингентомъ лекторовъ, необходимо ходатайствовать о томъ, чтобы лекторы допускались безъ особаго на то разрѣшенія съ возложеніемъ отвѣтственности на руководителей чтеній.

12) На окраинахъ желательны чтенія на мѣстномъ языкѣ.

13) Желательно введеніе народныхъ чтеній въ обиходъ тюремной жизни.

14) Для изученія вкусовъ и потребностей слушателей, необходимо собраніе свѣдѣній объ отношеніи аудиторіи къ читаемому. Позволимъ здѣсь указать на способъ опроса слушателей, принятый въ с. Смоленскомъ, Петербургской губерніи. Въ аудиторіи вывѣшена кружка, въ которую предлагается опускать записки съ обозначеніемъ, что желательно было бы прослушать, какія чтенія понравились больше и почему.

15) Тамъ, гдѣ чтенія ведутся уже продолжительное время, желательно дальнѣйшее развитіе ихъ въ формѣ публичныхъ лекцій и систематическихъ курсовъ по тѣмъ или другимъ отраслямъ знанія.»

Таковы безусловно желательныя къ осуществленію ихъ въ жизни положенія г. Тулунова касательно народныхъ чтеній. Мы прибавимъ отъ себя пожеланіе, чтобы положенія эти сдѣлались, такъ сказать, программами и лозунгами, около которыхъ должна настойчиво сказываться общественная инициатива и энергія въ столь настоятельномъ дѣлѣ, какъ правильная постановка одного изъ важнѣйшихъ видовъ внѣшкольнаго образованія народа.

Въ тѣсной связи съ вопросами о поднятіи уровня умственнаго развитія населенія Россіи находятся также и вопросы объ организаціи управленія сельскихъ жителей. О неудовлетворительности этой организаціи и въ частности въ

высшей степени неудовлетворительномъ составѣ волостныхъ писарей въ нашей литературѣ говорилось и говорится очень много. Сильное впечатлѣніе произвели въ свое время полубеллетристическіе очерки покойнаго Астырева. «Въ волостныхъ писаряхъ», а истекшій со времени появленія этого произведенія десятокъ лѣтъ нисколько не подвинулъ къ рѣшенію такъ живо и талантливо затронутые авторомъ вопросы. Предлагались, правда, равныя мѣры, направленныя къ улучшенію личнаго состава волостныхъ писарей, въ родѣ увеличенія имъ содержанія, созданія кассы взаимопомощи для волостныхъ писарей и ихъ помощниковъ и т. д., но всѣ эти мѣры во-первыхъ, не осуществились на дѣлѣ и во-вторыхъ, носятъ слишкомъ паллиативный характеръ, чтобы привести къ сколько-нибудь хорошимъ результатамъ. Вопросу о волостныхъ писаряхъ посвящена въ майской книжкѣ «Вѣстника Европы» составленная «по личнымъ воспоминаніямъ и наблюденіямъ» статья г. Маричева подъ заглавіемъ «Волостной писарь и волость». Не предлагая никакого опредѣленнаго рѣшенія по вопросу о волостныхъ писаряхъ и волостномъ управленіи, г. Маричевъ посвящаетъ свою статью изложенію современнаго состоянія этого дѣла и иллюстрируетъ многочисленными, взятыми прямо изъ жизни, примѣрами, то въ высшей степени плачевное положеніе, въ которомъ находится наше сельское управленіе. Авторъ говоритъ, что изъ его статьи читатель увидитъ «къ лучшему или къ худшему измѣнилось положеніе дѣлъ въ волостныхъ правленіяхъ со введеніемъ въ дѣйствіе закона 12-го іюня 1889 года, т.-е. труднѣе ли стало волостнымъ писарямъ совершать свои подвиги при земскихъ начальникахъ, или же, подъ спасительной защитой «сильной власти» и при полной независимости отъ волостного общества, имъ стало еще свободнѣе примѣнять къ дѣлу свое искусство». За полученіемъ отвѣта на этотъ вопросъ отсылаемъ читателя къ статьѣ г. Маричева.

Намъ кажется, что никакія мѣропріятія въ этой области не дадутъ желательныхъ плодовъ, если во главѣ дѣла не будетъ поставлено твердое намѣреніе провести въ жизнь тѣ принципы, которыя формулировалъ происходившій недавно въ Петербургѣ съѣздъ дѣятелей по кустарной промышленности. Какъ извѣстно, съѣздъ остановился на развитіи самодѣтельности населенія, какъ на главномъ условіи для поднятія его промышленнаго и общественнаго духа, и призналъ для этого необходимымъ «а) широкое развитіе просвѣщенія на основѣ всеобщаго обученія и надлежащаго простора для взаимодѣйствія образованныхъ слоевъ и трудящихся массъ населенія. б) обезпеченный правопорядокъ и в) свободное устройство образовательныхъ, техническихъ и промышленныхъ союзовъ».

Когда на этомъ фундаментѣ будетъ покоиться жизнь сельскаго населенія и вообще всей Россіи, то—мы глубоко убѣждены въ этомъ—получать наилучшее разрѣшеніе и никакъ не двигающіеся теперь впередъ вопросы о волости и волостныхъ писаряхъ.

Въ мартовской книжкѣ «Русскаго Богатства» помѣщена коротенькая, но очень интересная статистическая замѣтка г. М. К., озаглавленная «Образова-

тельный цenzъ уѣдныхъ властей въ земскихъ губерніяхъ». На основаніи собранныхъ по этому вопросу и воспроизводимыхъ въ названной статьѣ точныхъ цифръ, авторъ показываетъ, что уровень образованія нашихъ предводителей дворянства, предсѣдателей земскихъ управъ и въ особенности исправниковъ оставляетъ еще желать очень многого. Вотъ что гласитъ составленная авторомъ татя табличка.

	Высшее.	Въ процентахъ.		
		Среднее.	Низшее.	Военное.
Предводители	40,79	41,44	17,76	26,64
Предсѣдатели	29,41	43,03	27,52	23,22
Исправники	1,96	29,49	67,93	25,66

Кажется, до «перепроизводства» въ Россіи образованныхъ людей. тѣмъ постоянно волнуется наша охранительная пресса, намъ еще далеко.

За границей.

Американскіе тресты; Пирпонтъ Морганъ. Пропаганда трезвости. Образованіе трестовъ (trust) составляетъ одно изъ характерныхъ явленій въ современной экономической жизни Соединенныхъ Штатовъ и встрѣчается даже среди американцевъ многочисленныхъ противниковъ, видящихъ въ такихъ союзахъ предвѣстниковъ финансоваго феодализма и опасующихся, что могущество государства растворится въ могущество всѣхъ этихъ промышленныхъ ассоціацій. Начало этого движенія совпало съ концомъ испано-американской войны, но оно все еще продолжаетъ развиваться, и теперь уже не найдется ни одной области промышленности въ Соединенныхъ Штатахъ, въ которой бы рѣшительное слово не принадлежало какому-нибудь тресту.

Европа и въ особенности Англія сильно заинтересованы этимъ движеніемъ въ Америкѣ и, главнымъ образомъ, организаціей грандіознаго океанскаго треста подъ руководствомъ Пирпонта Моргана. Этотъ трестъ уже поглотилъ четыре важнѣйшихъ пароходныхъ общества въ Англіи и поставилъ часть англійскаго торговаго флота подъ контроль американскихъ финансистовъ. Англійская печать забила теперь тревогу и предостерегаетъ Англію, что старинная поговорка «Британія царитъ на морѣ» превратится скоро въ пустой звукъ. «Пока еще до этого далеко, — утѣшаютъ нѣкоторыя газеты, — но надо во-время принять мѣры». А между тѣмъ, пока эти мѣры будутъ приняты, океанскій трестъ разрастется и мало-по-малу окончательно окружитъ своею сѣтью Англію и Европу.

Имя Пирпонта Моргана, организатора знаменитаго океанскаго треста, сдѣлалось очень популярнымъ въ Европѣ, и газеты печатаютъ его биографію и статьи о немъ. Моргана называютъ «Self made man», но это не вполнѣ правильно, такъ какъ онъ былъ сыномъ банкира и имѣлъ все-таки нѣкоторое состояніе. Прадѣдъ его эмигрировалъ изъ Англіи въ Массачусетъ и тамъ положилъ основаніе благосостоянію фамиліи Моргана. Пирпонтъ Морганъ прошелъ курсъ бостонской гимназій и затѣмъ три года пробылъ въ Германіи въ гер-

тингенскомъ университетѣ. 21 года онъ занялъ уже самостоятельное мѣсто въ американскомъ финансовомъ мірѣ и сдѣлалъ своею спеціальностью возстановленіе погибающихъ желѣзнодорожныхъ обществъ, которыя, подъ его руководствомъ, начинали новое существованіе, путемъ организаціи союзовъ или трестовъ. Въ самое короткое время ему удалось подчинить, такимъ образомъ, своему влиянію большую часть восточной и южной желѣзнодорожной сѣти Соединенныхъ Штатовъ. Даже въ Соединенныхъ Штатахъ такой быстрый успѣхъ финансовыхъ предпріятій считается безпримѣрнымъ. Въ первый разъ со времени существованія американскаго союза былъ заключенъ въ Америкѣ, въ 1899 г., европейскій заемъ при посредствѣ фирмы Моргана и затѣмъ въ 1901 г. Морганъ организовалъ свой пресловутый стальной синдикатъ—огромное акціонерное общество, дѣятельность котораго внушаетъ серьезныя опасенія. Во всякомъ случаѣ, такія грандіозныя финансовыя предпріятія, какія возникаютъ теперь благодаря Моргану составляютъ даже въ Америкѣ исключительное явленіе. Морганъ пріѣхалъ въ Лондонъ на нѣсколько дней и въ этотъ короткій промежутокъ времени успѣлъ приобрести цѣлое общество пароходства, съ 38-ю большими и маленькими судами, и совершилъ это такъ просто и такъ скоро, какъ будто дѣло шло о покупке дома. Вслѣдъ затѣмъ онъ организовалъ гигантское предпріятіе — океанскій синдикатъ, поглощающій теперь вниманіе всего дѣлового міра и возбудившій серьезную тревогу въ Англии вслѣдствіе присоединенія къ этому синдикату трехъ главнѣйшихъ обществъ трансатлантическаго пароходства. Вообще еще никогда ни одинъ изъ финансовыхъ предпринимателей не заставлялъ такъ много говорить о себѣ и не держалъ весь дѣловой міръ въ такомъ напряженномъ состояніи, какъ Морганъ. Его считаютъ однимъ изъ величайшихъ современныхъ финансовыхъ гениевъ и указываютъ на то, что въ 1895, 1896 и въ декабрѣ 1899 г. онъ спасъ Соединенные Штаты отъ банкротства и предупредилъ всеобщую дѣловую панику. Но для характеристики Моргана интересно то, что этотъ финансистъ, находящійся во главѣ предпріятій, дающихъ занятія 250.000 человекъ и доходы и расходы которыхъ равняются доходамъ и расходамъ цѣлаго германскаго государства, самъ ведетъ необыкновенно скромную жизнь, не гонится ни за пышностью, ни за титулами. Единственнымъ его развлеченіемъ служатъ поѣздки на яхтѣ. Во время этихъ поѣздокъ онъ придумываетъ свои грандіозныя финансовыя комбинаціи, которыя и приводитъ въ исполненіе немедленно по своемъ возвращеніи. Но такъ какъ онъ очень несообщителенъ и никому не повѣдаетъ своихъ плановъ, пока они окончательно не созрѣютъ у него въ головѣ, то никогда никто не знаетъ, когда онъ уѣзжаетъ на своей яхтѣ, какимъ предпріятіемъ онъ намѣренъ удивить міръ.

Въ Нью-Йоркѣ начался настоящій крестовый походъ противъ воскреснаго пьянства. Изъ 7.000 городскихъ трактировъ, только 1.500 открыты теперь по воскресеньямъ, да и то они не имѣютъ права отпускать спиртные напитки иначе, какъ вмѣстѣ съ обѣдомъ. Недавно даже возникъ по этому поводу любопытный вопросъ, можно ли считать бутербродъ обѣдомъ, такъ какъ въ одномъ изъ трактировъ кліентъ потребовалъ бутербродъ и затѣмъ вина, которое и

было отпущено ему. Вопросъ этотъ былъ переданъ на разсмотрѣніе судѣ, который и рѣшилъ его въ положительномъ смыслѣ, т.-е., что по закону бутербродъ можно считать обѣдомъ. «Очень часто въ моей молодости, — сказалъ судья, — бутербродъ, даже безъ масла, служилъ для меня обѣдомъ, и я не вижу, почему теперь должно быть иначе. Поэтому я по совѣсти долженъ сказать, что считаю бутербродъ обѣдомъ». Такое рѣшеніе судьи облегчило положеніе трактирщиковъ, которые съ спокойною совѣстью отпускаютъ теперь вино, вмѣстѣ съ бутербродами. Другой законъ, разрѣшающій отпускать напитки путникамъ, также даетъ возможность трактирщикамъ угощать виномъ своихъ кліентовъ, являющихся къ нимъ подъ видомъ путниковъ. Тѣмъ не менѣе дѣло трезвости въ Америкѣ все-таки подвигается впередъ. Почти весь желѣзнодорожный персоналъ принадлежитъ теперь къ обществу трезвости. Крупныя желѣзнодорожныя линіи принимаютъ на службу только такъ называемыхъ «total abstainers», которые могутъ засвидѣтельствовать, что они абсолютно не употребляютъ никакихъ спиртныхъ напитковъ. Между прочимъ въ Соединенныхъ Штатахъ наблюдается любопытное явленіе: по мѣрѣ того, какъ пьянство начинаетъ все болѣе и болѣе распространяться среди зажиточныхъ классовъ, рабочіе становятся приверженцами трезвости. Масса рабочихъ газетъ проповѣдуетъ идеи трезвости и во многихъ мѣстахъ уже продажа вина и пива запрещена окончательно. Напр., въ штатѣ Висконсинъ насчитываютъ уже триста городовъ и деревень, гдѣ нельзя получить никакихъ спиртныхъ напитковъ. Въ штатѣ Нью-Йоркъ, въ 700 мѣстахъ воспрещена продажа спиртныхъ напитковъ; то же самое въ Мэнѣ, Канзасѣ, Вермонтѣ и Iowa. Въ штатѣ Георгія продажа спиртныхъ напитковъ допущена только въ нѣкоторыхъ городахъ. Въ Южной Каролинѣ, Массачусетсѣ и Кентуки пропаганда трезвости дѣлаетъ большіе успѣхи. Почти во всѣхъ штатахъ отдѣльнымъ округамъ дано право рѣшать самостоятельно вопросъ о продажѣ спиртныхъ напитковъ и запрещать эту продажу, если населеніе округа найдетъ это нужнымъ. Мѣстное управленіе сельскихъ округовъ пользуется этимъ правомъ въ широкихъ размѣрахъ и помогаетъ распространенію трезвости среди населенія.

Картины французскихъ выборовъ. Выборы въ французскую палату депутатовъ только что закончились полною побѣдою прогрессивныхъ элементовъ, но борьба была жаркая. Какія средства пускались въ ходъ противниками, къ какимъ союзникамъ они прибѣгали, объ этомъ можно судить по разнымъ бурнымъ инцидентамъ, происходившимъ въ разгаръ избирательной агитаціи. «Figaro», напр., описываетъ слѣдующія сцены: «Къ аптекѣ подъѣзжаетъ элегантнѣйшій экипажъ, изъ котораго выходитъ столь же элегантно одѣтая дама и обращается къ аптекарю: «Могу я говорить съ вами конфиденціально?» — «Къ вашимъ услугамъ, сударыня». — «Нѣтъ, здѣсь я не могу, тутъ насъ могутъ всё услышать. Нѣтъ ли у васъ такого мѣстечка, гдѣ бы мы были гарантированы отъ несверомныхъ ушей?» Изумленный аптекаръ нѣсколько подозрительно смотритъ на свою посетительницу, то тѣмъ не менѣе отводитъ ее въ заднюю комнату. — «Я жена X, — говоритъ она, — мой мужъ, какъ вамъ извѣстно, выступастъ кан-

дидатомъ въ вашемъ округѣ, но такъ какъ онъ очень занятъ, то я являюсь его представительницей...» Разговоръ продолжается съ полчаса и затѣмъ та же самая исторія повторяется въ лавкѣ бакалейщика, булочника и другихъ торговцевъ. Женщины на этихъ выборахъ, какъ увѣряютъ всѣ французскія газеты, принимали гораздо большее участіе, чѣмъ прежде и агитировали самымъ усерднымъ образомъ. Въ особенности много энергіи обнаружили въ данномъ случаѣ разныя свѣтскія дамы, защитницы клерикализма, монархизма и націонализма во Франціи. Онѣ набирали кліентовъ среди своихъ поставщиковъ, дѣйствуя на нихъ соблазнительными обѣщаніями и угрозами, разными воззваніями и заставляя ихъ такимъ образомъ поддерживать своихъ кандидатовъ. Очень знаменательно, что несмотря на всѣ эти махинаціи реакція все-таки понесла поражение на парламентскихъ выборахъ. Кассаньякъ напечаталъ въ «Aurore» любопытное письмо, полученное имъ изъ Боньеръ де-Бигоръ. Авторъ письма спрашиваетъ его, нельзя ли найти для этого округа консервативнаго кандидата «молодого и дѣятельнаго и могущаго истратитъ отъ 60 до 80.000 фр. на свое избраніе». «При такихъ условіяхъ онъ смѣло могъ бы рассчитывать на большинство въ 1.500—2.000 голосовъ. Округъ бѣденъ—прибавляетъ авторъ письма—и обитатели его избалованы добротою и щедростію своего прежняго депутата, Эдмона Блана, сына арендатора игорнаго дома въ Монако. Бланъ слагаетъ съ себя свои полномочія и вмѣстѣ съ этимъ намѣренъ, повидимому, прекратить и свои полномочія и вмѣстѣ съ этимъ намѣренъ прекратить и свои щедрыя подачи округу. Надо найти на его мѣсто человѣка, который бы могъ проявить такую же щедрость по отношенію къ округу». Кассаньякъ приходитъ въ ужасъ отъ этого письма и отъ сумбура понятій, происходящаго въ головѣ почтенныхъ обитателей Пиренейскаго округа, воображающихъ, что выборы служатъ лишь для того, чтобы снабжать ихъ деньгами. Личность Эдмона Блана, бывшаго представителя этого округа, пользующагося извѣстностію на скачкахъ, къ сожалѣнію, могла только содѣйствовать укрѣпленію этого убѣжденія,—«Крестьяне этого округа, прибавляетъ Кассаньякъ, въ нравственномъ отношеніи гораздо болѣе испорчены, нежели городскіе рабочіе, которымъ заработокъ доставляетъ благосостояніе и независимость и которые не рассчитываютъ на случайныя подачи пріѣзжихъ гостей, наводняющихъ въ извѣстные мѣсяцы пиренейскіе курорты». И развѣ такое явленіе составляетъ исключеніе? Для многихъ округовъ выборы являются манной небесной и притязанія избирателей постоянно возрастаютъ. Кандидатъ, истратившій 80—100.000 фр., чтобы удовлетворить ненасытныхъ избирателей Баньеръ де-Бигоръ, долженъ быть готовъ къ возобновленію такихъ же расходовъ черезъ четыре года. И такъ безъ конца, пока не произойдетъ какая-нибудь серьезная нравственная перемѣна, которая создастъ совершенно иныя условія выборовъ.

Далеко не всѣ кандидаты сами поддерживаютъ свою кандидатуру и принимаютъ непосредственное участіе въ избирательной агитаціи. Вслѣдствіе неопытности, а иногда просто изъ любви къ спокойствію, они предпочитаютъ поручать свое дѣло третьему лицу, а именно избирательному агенту. Такіе избирательные агенты бываютъ разнаго рода. Одни изъ нихъ состоятъ чле-

нами комитета партій и дѣйствуютъ изъ убѣжденія и изъ честолюбія. Но есть избирательные агенты, которыхъ можно назвать «антрепренеромъ выборовъ». Какой-нибудь кандидатъ является къ такому господину и говоритъ ему: «Я хочу быть депутатомъ. Вотъ 50.000 фр. Полагаюсь на васъ». Антрепренеръ тогда принимается за дѣло и выборы устраиваются безъ всякихъ хлопотъ со стороны кандидата. Одинъ французскій журналистъ, сотрудникъ газеты «Temps», посѣтилъ теперь, послѣ выборовъ, одного изъ самыхъ популярныхъ антрепренеровъ желающихъ разумѣется сохранить свое инкогнито. Антрепренеръ пожаловался журналисту на плохія времена. «Ахъ — сказалъ онъ, — мы не увидимъ возрожденія буланжизма! Два раза не бываетъ такой эпохи, то было хорошее время! Теперь кандидаты обращаются къ лигамъ. Лига убила наше ремесло». — «Да, но вѣдь лига должна же обращаться къ избирательнымъ агентамъ, — замѣтилъ журналистъ. — Почему же она не обращается къ вамъ?» — «Нѣтъ, эти господа предпочитаютъ комитетскихъ избирательныхъ агентовъ, — замѣтилъ меланхолически антрепренеръ, — хотя эти люди неопытны и совсѣмъ не знаютъ ремесла, не умѣютъ какъ мы вести избирательной компаніи, ослѣплять и соблазнять избирателей и заставлять ихъ признать нашего кандидата. Въ результатѣ получается, что кандидатъ, обращающійся къ лигѣ, тратитъ большія деньги и часто безъ всякаго толку».

Журналистъ попросилъ антрепренера разъяснить ему свой способъ дѣйствія. «Я не могу конечно разоблачить вамъ всѣ тайны нашего ремесла, — сказалъ антрепренеръ; но въ общихъ чертахъ объясню вамъ нашу стратегию. Когда мнѣ укажутъ избирательный округъ, въ которомъ я долженъ дѣйствовать, то я собираю свой парижскій персоналъ — 50 камло, которыхъ я раздѣляю на два отряда: одни будутъ буржуа, другіе пролетаріи.

«Я покупаю за 25 фр. полный костюмъ для первыхъ, такъ какъ у этихъ бѣднягъ ничего нѣтъ, наряжаю ихъ въ цилиндры или котелки и поручаю имъ разыгрывать роль комми-воажеровъ, представителей торговыхъ фирмъ и т. д. Они должны заводить знакомство съ избирателями и расхваливать имъ достоинство моего кандидата. Камло-пролетаріи занимаются такою же пропагандою въ кабачкахъ и др. мѣстахъ. Затѣмъ, если устраиваются публичные собранія, то мои агенты слѣдятъ за тѣмъ, какъ обстоитъ дѣло. Если собраніе принимаетъ оборотъ, невыгодный для моего кандидата, то мои камло прерываютъ рѣчи ораторовъ, свистятъ, лаютъ и производятъ шумъ, какъ только на трибунѣ показывается конкурентъ. Нашимъ же ораторамъ они вѣнчаютъ аплодируютъ. Въ случаѣ, если бы намъ грозило полное поражение на митингѣ, наши камло устраиваютъ свалку и заставляютъ прервать митингъ, не допустивъ вотировать резолюцію въ пользу противника. Ну, а на другой день мы, въ своихъ газетахъ, обвиняемъ его друзей въ томъ, что они помѣшали собранію.

— У васъ есть спеціальныя газеты? — спросилъ журналистъ.

— Ну, конечно. Въ одномъ изъ значительныхъ округовъ я основалъ нѣсколько періодическихъ изданій, которыя служатъ представителями каждаго направленія. Такъ, напримѣръ, вооружившись клерикальною газетою, я от-

правляюсь къ духовенству и, искусно заведя разговоръ объ избирательной борьбѣ, начинаю хвалить своего кандидата, подвергающагося нападкамъ ультра-клерикальнаго и монархическаго органа въ этомъ округѣ. Добрякъ кюре, конечно, останавливаетъ мой панегирикъ словами: «Какъ? вѣдь, это атеистъ, франмассонъ!..» — «Какое заблужденіе! — восклицаю я. — Посмотрите-ка, что онъ пишетъ въ своей газетѣ». И я показываю кюре свою клерикальную газету. Къ вліятельнымъ же избирателямъ противоположнаго образа мыслей я посылаю одного изъ своихъ сотрудниковъ: «Да, вѣдь, это клерикалъ, іезуитъ и т. д.», возражаютъ тамъ на похвалы моего сотоварища. Въ отвѣтъ онъ развертываетъ другой, основанный мною органъ, антиклерикальный и демократическій, и старательно доказываетъ, что мой кандидатъ долженъ быть кандидатомъ свободомыслящей партіи...»

— Ну, а вашъ кандидатъ, какого онъ былъ образа мыслей? Кѣмъ онъ былъ?

— Онъ былъ миллионеромъ...

Что касается стоимости выборовъ, то, по словамъ антрепренера, она далеко не одинакова во всѣхъ округахъ. Въ Парижѣ выборы, какъ оказывается, обходятся дешевле, нежели въ провинціи. «Въ нашемъ почтенномъ городѣ можно быть избраннымъ за 85.000 франковъ», — заявляетъ антрепренеръ, — ну, а въ другихъ округахъ все будетъ зависеть отъ обстоятельствъ и... избирателей».

Передавая свою бесѣду съ антрепренеромъ, журналистъ съ грустью замѣчаетъ, что и система всеобщаго голосованія не избѣгла вліянія испорченности нравовъ. Но принципъ остается великимъ и долженъ восторжествовать въ концѣ-концовъ. «А теперь намъ остается утѣшать себя мыслью, — прибавляетъ журналистъ, — что есть счастливыя исключенія!»

Англійская жизнь. Жизнь консервативнаго женскаго союза «Primrose League» побудила женщинъ либеральнаго образа мыслей тоже организовать союзъ подъ именемъ «Женской либераль-унионистской ассоціаціи», къ которой принадлежатъ многія изъ выдающихся женщинъ Соединеннаго королевства. Оба союза пользуются большою популярностью въ англійскомъ обществѣ и оспариваютъ другъ у друга вліяніе. Недавно происходило годовое собраніе «Primrose League», на которомъ предсѣдательствовала лордъ Салисбюри, а вслѣдъ затѣмъ состоялось такое же собраніе женской либераль-унионистской ассоціаціи, на которой сказалъ замѣчательную рѣчь другой министръ, лордъ Сельборнъ. Онъ также, какъ и лордъ Салисбюри, занимался преимущественно южно-африканскимъ вопросомъ, и оба министра оказались вполне солидарны во взглядахъ на рѣшеніе этого вопроса. И тотъ, и другой высказались въ пользу примирительной политики. Но лордъ Сельборнъ воздалъ при этомъ должное бурямъ и ихъ достоинствамъ и мужеству и прибавилъ слѣдующее: «Въ исторіи этой войны буры будутъ казаться гораздо болѣе великими, нежели мы, и великими не только своими военными качествами, но и своимъ характеромъ». По мнѣнію почтеннаго лорда, причиною того, что буры оказались такими замѣчательными воинами и гражданами, лежитъ именно въ томъ, что они «плохо образованы!» Лордъ Сельборнъ поторопился пояснить свою мысль, которая многимъ показала-
«миръ вождй», № 6, июнь. отд. II.

хась странной. «Знавіе мало значить, — сказавъ онъ, — а характеръ все! Мы обязаны геройскимъ бурямъ тѣмъ, что поняли эту истину и поэтому мы должны главное значеніе въ нашихъ народныхъ школахъ придавать не такъ называемому образованію, а воспитанію характера».

Въ этихъ словахъ Сельборна заключается явный намекъ на школьную реформу и на взгляды правительства на это дѣло, поэтому-то школьный проектъ и возбуждаетъ особенное вниманіе. Онъ еще не прошелъ въ парламентъ и пока еще служить предметомъ горячихъ толковъ и полемики въ газетахъ. Но то, что лордъ Сельборнъ счелъ нужнымъ въ своей рѣчи наметнуть на школьную реформу, доказываетъ, конечно, какъ сильно заинтересовано въ ней правительство.

Почти одновременно съ этими двумя собраніями происходило и засѣданіе совѣта женской либеральной федераціи, которую называютъ въ Англіи «женскимъ парламентомъ», такъ какъ число членовъ совѣта достигаетъ уже 550. Газеты посвящаютъ цѣлыя статьи засѣданіямъ этого «женскаго парламента», такъ какъ въ немъ разсматриваются обыкновенно самые жгучіе современные вопросы. Последнее засѣданіе занималось преимущественно различными сторонами рабочаго вопроса, причемъ отведено было также много вниманія въ-фабричной работѣ, которую признано нужнымъ регулировать, потому что очень часто работа дома, а не въ мастерской, совершается при еще худшихъ гигиеническихъ условіяхъ. Слѣдующимъ важнымъ вопросомъ былъ вопросъ о помѣщеніи — «Housing Prob'lem», какъ называютъ это англійскія газеты. По официальнымъ даннымъ въ Лондонѣ 900.000 человекъ страдаютъ отъ тѣсноты и недостатка помѣщеній; при томъ именно терпятъ больше всего трудолюбивая часть населенія, тѣ, кто создалъ богатство страны. «Крупные промышленники должны перенести свою дѣятельность изъ городовъ въ деревни, — сказала докладчица по этому вопросу, мистриссъ Батсонъ. — Образцомъ для нихъ можетъ служить фабрика мистера Кэдбюри въ Бурнвиллѣ!» «Если бы всѣ фабриканты — хозяева мастерскихъ, послѣдовали примѣру мистера Кэдбюри, то рабочий вопросъ, если и не пересталъ бы существовать, то все же потерялъ бы свой острый характеръ», прибавила она въ заключеніе своей рѣчи, покрытой апплодисментами. Послѣ того собраніе вотировало резолюцію о внесеніи въ парламентъ предложеній, касающихся устройства жилищъ для рабочихъ и расширенія дѣятельности женскихъ инспекторовъ, число которыхъ должно быть увеличено.

То, что серьезныя англійскія газеты, какъ «Daily News», «Times» и др., со вниманіемъ слѣдятъ за преніями, происходящими на митингахъ женской федераціи, указываетъ, что этой федераціи придается немаловажное общественное значеніе. «Это маленькій парламентъ (small parliament), — говоритъ «Daily News», — представляющій собраніе серьезныхъ женщинъ, отдающихъ свое время и свое сердечное вниманіе общественнымъ нуждамъ и отыскивающихъ способы облегчить страданія человечества и исправить социальную несправедливость».

Положеніе фабричныхъ работницъ также составляетъ предметъ особеннаго вниманія женскихъ ассоціацій въ Англіи. Въ Лондонѣ уже съ 1888 года ст-

ществуетъ союзъ для организаціи отдыха фабричнымъ работницамъ (Factory Girls Lountry Holiday Fund), устроенный миссъ Мери Банней, которая сначала въ видѣ опыта помѣстила въ деревни трехъ больныхъ работницъ для того, чтобы онѣ поправились. Опытъ увѣнчался такимъ успѣхомъ, что на слѣдующій годъ оказалось возможнымъ устроить такой отдыхъ уже 38 работницамъ, и союзъ съ каждымъ годомъ расширялъ свою дѣятельность, такъ что въ 1895 г., какъ видно изъ отчета, 874 работницы пользовались сельскимъ отдыхомъ. Правда, онѣ могли оставаться безъ работы лишь короткое время, отъ 8-ми до 14-ти дней, но даже и такой короткій срокъ пребыванія въ деревнѣ, на свѣжемъ воздухѣ, приносилъ имъ огромную пользу и восстанавливалъ ихъ силы.

Организація союза отличается простотой. Онъ не имѣетъ собственнаго помѣщенія за городомъ и распределяетъ своихъ клиентокъ по фермамъ, уплачивая за нихъ известную сумму. Въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ находятся клиентки союза, о нихъ заботятся мѣстный священникъ и какая-нибудь проживающая въ этомъ же округѣ дама; и тотъ, и другая образуютъ наблюдательный комитетъ союза, вѣдающій нужды своихъ клиентокъ. Вообще союзъ не имѣлъ до сихъ поръ недостатка въ добровольныхъ помощникахъ вслѣдствіе и поэтому спокойно разсылаетъ своихъ клиентокъ по разнымъ мѣстамъ. Но, разумѣется, союзъ стремится все-таки къ тому, чтобы организовать собственную «колонію отдохновенія» для работницъ. Энергія его членовъ ручается за то, что цѣль будетъ достигнута.

Ранніе браки въ Англии. Въ лондонскихъ газетахъ, въ отдѣлѣ судебной хроники, часто можно встрѣтить отчеты о разбирательствѣ въ полицейскомъ судѣ супружескихъ жалобъ, причемъ приглашенные въ судъ супруги, на которыхъ приносится жалоба за отсутствіе заботливости о семьѣ, оказываются порою необыкновенно молоды, это 17-ти 18-ти-лѣтніе мальчики, успѣвшіе, однако, обзавестись женой и дѣтьми. Недавно въ одинъ изъ полицейскихъ судовъ въ Лондонѣ явилась 16-ти-лѣтняя женщина съ ребенкомъ на рукахъ, жаловавшаяся на то, что мужъ не хочетъ содержать ее и ребенка. Мужъ ея 17-ти-лѣтній юноша служитъ посыльнымъ и зарабатываетъ 16 шиллинговъ въ недѣлю, что, разумѣется, мало для содержанія семьи въ Лондонѣ. Мужъ, въ свою очередь, жаловался на свою жену, что она ничего не умѣетъ дѣлать, долго шить и не заботится о хозяйствѣ.

Такого рода факты въ Лондонѣ далеко не составляютъ исключенія. Какъ оказывается по статистикѣ, въ Лондонѣ находятся 1.300 брачныхъ паръ, не достигшихъ 20-ти-лѣтняго возраста, и даже бывають случаи, что выходятъ замужъ 13-ти-лѣтніи дѣвочки. По послѣднимъ статистическимъ отчетамъ въ Лондонѣ проживаютъ 10 замужнихъ женщинъ; едва достигшихъ 15-ти-лѣтняго возраста; 23—16 лѣтъ; 164—17 лѣтъ, 971—18 лѣтъ; 2.712—19 и 6.632—20 лѣтъ. Мужчинъ женатыхъ въ возрастѣ отъ 16 до 19 лѣтъ—787 и 20 лѣтъ—2.022.

Статистика указываетъ также, что наибольшее число раннихъ браковъ падаетъ на бѣднѣйшіе кварталы; простыя подѣнщики, едва зарабатывающіе на

кусокъ хлѣба, женятся гораздо чаще и раньше обезпеченныхъ ремесленниковъ и вообще зажиточныхъ людей. Разница въ этомъ отношеніи между бѣдными и богатыми кварталами Лондона очень велика. Въ Баттерсеа, напримѣръ, въ одномъ изъ лучшихъ западныхъ кварталовъ Лондона насчитывается всего 134 женатыхъ въ возрастѣ 19 лѣтъ; 308—20 лѣтъ и 3.677—21 года, тогда какъ въ Стинпей, бѣднѣйшемъ изъ восточныхъ кварталовъ, получены слѣдующія цифры: 371, 898 и 8.884. Разумѣется, большинство этихъ раннихъ браковъ несчастны, и такая семья страшно бѣдствуетъ. Большею частью юныя жены не умѣютъ ничего дѣлать, ни стирать, ни шить, и не привыкли ни къ какой домашней работѣ, что вполне понятно, такъ какъ онѣ выросли въ такой же бѣдной семьѣ, въ тѣсномъ и грязномъ помѣщеніи и, за исключеніемъ обязательныхъ часовъ которые онѣ должны были проводить въ школѣ, все остальное время онѣ проводили на улицѣ. Ихъ мужья получили точно такое же уличное воспитаніе. Обыкновенно эти юноши, выбирая себѣ подругу жизни изъ своей среды, рассчитываютъ, прежде всего, имѣть въ ней даровую прислугу, прачку и кухарку, но ихъ скоро постигаетъ разочарованіе, такъ какъ эти дѣвочки, выросшія на улицѣ, не умѣтъ ни стирать, ни стварать. Большая часть этихъ браковъ кончается тѣмъ, что супруги добровольно расходятся. Но иногда къ этому вынуждаетъ бѣдность или преступленіе одного изъ супруговъ, приводящее въ тюрьму. Въ лондонскихъ рабочихъ домахъ содержится много женатыхъ мужчинъ и замужнихъ женщинъ, вдовцовъ и вдовъ, въ возрастѣ отъ 15 до 16 лѣтъ. Статистика лондонскихъ тюремъ указываетъ, что изъ 850 заключенныхъ несовершеннолѣтнихъ—болѣе 200 женаты. По даннымъ послѣдней переписи въ Англіи и Уэльсѣ 56.398 женатыхъ мужчинъ и женщинъ не достигли еще совершеннолѣтія. За послѣднія 50 лѣтъ число раннихъ браковъ, особенно въ Лондонѣ, значительно увеличилось, несмотря на ухудшеніе соціальныхъ условій. Нѣкоторыя изъ ассоціацій, поставившихъ себѣ дѣлю борьбу съ соціальнымъ зломъ, обратили на это вниманіе и занимаются въ настоящее время розыскиваніемъ въ лондонскихъ бѣднѣйшихъ кварталахъ такихъ дѣтскихъ супружествъ и улаженіемъ ихъ затрудненій. Въ то же время эти ассоціаціи ведутъ пропаганду противъ подобныхъ раннихъ необдуманныхъ браковъ. Большія лондонскія газеты также заговорили объ этомъ. По ихъ мнѣнію, при существующихъ условіяхъ, ранніе браки приходится считать зломъ, съ которымъ надо бороться. Однако среди соціальныхъ проповѣдниковъ далеко не всѣ раздѣляютъ такіе взгляды на ранніе браки и только находятъ, что нужно установить закономъ извѣстный возрастъ для вступленія въ бракъ и нельзя допускать браковъ между тринадцатилѣтними дѣвочками и шестнадцатилѣтними мальчиками, а затѣмъ надо позаботиться о томъ, чтобы дѣвочки въ бѣднѣйшихъ кварталахъ не только обучались грамотѣ въ школѣ, но и приобретали другія знанія, которыя могутъ имъ впоследствии пригодиться въ домашней жизни.

Вмѣстѣ съ послѣднею народною переписью въ Лондонѣ была въ первый разъ подведена въ лондонскомъ графствѣ статистика женскаго труда, причемъ работницы подраздѣлены на незамужнихъ, замужнихъ и вдовъ. Оказывается,

что общее число работниц въ Лондонѣ, старше десятилѣтняго возраста, достигаетъ 1.924.368, причеиъ незамужнихъ—933.754. «Эта цифра незамужнихъ работницъ, которыя должны фабричнымъ или инымъ трудомъ зарабатывать для себя кусокъ хлѣба,—говорить «Daily News»,—служить самымъ краснорѣчивымъ аргументомъ противъ стереотипной фразы о томъ, что призваніемъ женщины должна быть семья и домашній очагъ и по этому незачѣиъ открывать имъ доступъ въ различныя профессіи. Но число замужнихъ работницъ также съ достаточною ясностью указываетъ, что семья и домашній очагъ въ огромномъ числѣ случаевъ не могутъ обойтись безъ женскаго труда».

Итальянскій бандитъ XX вѣка. Въ Италіи, въ городѣ Мокка, разбирается въ данный моментъ очень любопытный процессъ, бросающій яркій свѣтъ на характеръ и взгляды населенія южной Италіи, въ особенности Балабрии. Это процессъ Музолино, представляющій настоящую «cause célèbre» и поглощающій общественное вниманіе Италіи настолько, что Музолино превратился въ настоящаго «героя дня». Несмотря на то, что онъ сдѣлалъ 13 покушеній на убійство, публика, наполняющая залу суда, относится къ нему скорѣе симпатично, и это очень характерно для образа мыслей калабрійцевъ. Музолино бѣжалъ изъ тюрьмы, потому что считалъ себя невинно осужденнымъ (его судили за покушеніе на убійство) и рѣшилъ отомстить всѣмъ тѣмъ, кого считалъ виновниками своего осужденія, свидѣтелямъ, судьямъ и т. д. Какъ и всѣ его соотечественники, онъ находилъ, что, мстя врагамъ, онъ исполняетъ лишь священный долгъ и никто не имѣетъ права въ это вмѣшиваться. Такой взглядъ раздѣляетъ, повидимому, значительная часть публики, смотрящая на обычай «vendetta», какъ на частное дѣло, котораго судъ даже не долженъ касаться. Само собою разумѣется, что при господствѣ такихъ взглядовъ, Музолино не могъ считать себя виноватымъ и не считаетъ таковымъ и теперь. «Я не былъ никогда бандитомъ!» объявилъ онъ судѣ высокѣрннымъ тономъ. Дѣйствительно, онъ никогда не убивалъ ради грабежа и съ гордостью заявляетъ объ этомъ. Цѣлыхъ два года онъ скрывался въ горахъ и 800 человекъ солдатъ и полицейскихъ неустанно розыскивали его, но ему удавалось скрываться отъ нихъ и спасаться отъ ихъ преслѣдованій, благодаря сочувствію населенія. Разумѣется, это сочувствіе онъ приобрѣлъ только потому, что онъ былъ «мститель», а не разбойникъ. Всѣ усилія доказать на судѣ, что онъ выманивалъ или грабилъ деньги, оказались безуспѣшны.

Музолино ни за что не хотѣлъ предстать въ судѣ въ одеждѣ каторжника и требовалъ, чтобы ему разрѣшили надѣть гражданское платье, хотя это и противозаконно, «иначе меня присяжные примутъ за разбойника,—замѣтилъ онъ предсѣдателю суда,—если они увидятъ меня въ тюремной одеждѣ. Пока мнѣ не дадутъ другой одежды и не позволятъ одѣться, какъ порядочному человѣку, я низачто не покажусь въ судѣ. Пускай судятъ меня безъ меня!» Предсѣдатель, думая склонить его, сказалъ ему, что вовсе не въ одеждѣ дѣло, а въ его собственныхъ оправданіяхъ, которыя могутъ убѣдить присяжныхъ въ томъ, что онъ не бандитъ. Но на это Музолино довольно ловко возразилъ

предсѣдателю: «Точно такъ, *signor presidente*, но вѣдь если бы вы были одѣты, какъ фермеръ, то никто бы не принялъ васъ за сую». Въ концѣ концовъ, судъ уступилъ настояніямъ Музолино, и ему было позволено снять арестантское одѣяніе на время судебного разбирательства, затѣмъ онъ объявлялъ, что будетъ говорить на судѣ, но подъ условіемъ, чтобы его не прерывали. Когда судья остановилъ его какимъ-то замѣчаніемъ, то онъ довольно строго замѣтилъ ему: «Не прерывайте меня!» Онъ рассказалъ свою жизнь въ горахъ Аспромонте, гдѣ онъ скрывался въ теченіе многихъ мѣсяцевъ. «Я никогда не нападалъ ни на кого, кромѣ своихъ враговъ и измѣнниковъ,—сказалъ онъ.— Часто я видѣлъ проходящихъ мимо моего тайнаго убѣжища карабинеровъ, но я ихъ не трогалъ, и единственный карабинеръ, котораго я ранилъ, былъ тотъ, который выстрѣлилъ въ меня два раза». Этотъ карабинеръ, обременный семейю, старался выслѣдить Музолино, для того, чтобы получить назначенную за него премію. Однажды онъ прошелъ мимо Музолино, притаившагося въ кустахъ. Музолино крикнулъ ему, чтобы онъ остановился, иначе онъ, Музолино, будетъ стрѣлять. Испуганный карабинеръ исполнилъ приказаніе. Тогда Музолино выхватилъ у него ружье, разрядилъ его и затѣмъ, зарядивъ его дробью, приказалъ карабинеру убираться, когда же тотъ пустился бѣжать, то онъ выстрѣлилъ ему въ ногу, «чтобы проучить его». «Я не хотѣлъ убивать его,—прибавилъ Музолино,—потому что онъ—отецъ семейства».

Музолино внушалъ священный страхъ калабрійской стражѣ и въ этомъ можно было убѣдиться на судѣ, такъ какъ стражники, вызванные въ судъ свидѣтелями, проходя мимо рѣшетки, за которою сидѣлъ Музолино, крестились и явно испытывали трепеть, какъ будто Музолино находился на свободѣ.

Замѣчательно, что всего лишь одинъ человекъ, сынъ котораго, карабинеръ, былъ убитъ Музолино, явился въ судъ въ качествѣ истца. Остальные калабрійцы, родственники убитыхъ, не явились въ судъ, отчасти потому что они считаютъ мечь семейнымъ дѣломъ и одинъ изъ нихъ откровенно заявилъ, что если Музолино снова очутится на свободѣ, то онъ или его дѣти постараются убить его, чтобы отомстить за пролитую кровь, но онъ не станетъ унижать себя, выступая противъ него свидѣтелемъ на судѣ. Калабрійская честь не дозволяетъ этого и при такихъ возрѣніяхъ на честь, господствующихъ среди всего населенія Калабріи, не только самъ Музолино не считаетъ себя преступникомъ, но и всѣ калабрійскіе крестьяне раздѣляютъ ея взгляды на убійство. «Мечь—священное дѣло», говорятъ они, и, вслѣдствіе этого, судъ оказывается въ крайне трудномъ положеніи, такъ что все судебное разбирательство приобретаетъ довольно своеобразный характеръ, въ особенности интересный для этнографовъ и психологовъ.

Свидѣтели, вызванные обвинительною стороною, зачастую своими безискусственными рассказами выставляли Музолино совершенно въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ то было бы желательное обвѣщеніе. Музолино, напримѣръ, постоянно настаиваетъ на томъ, что онъ былъ невинно осужденъ и что онъ преслѣдовалъ только тѣхъ людей, которые хотѣли захватить его, чтобы послать на каторжные работы, и если ему случалось иной разъ нечаянно ранивъ безвин-

ныхъ людей, то его мучила совѣсть и онъ всячески старался загладить сдѣланное зло. И вотъ, вызванный обвиненіемъ бригадиръ Анджелоки, который былъ равенъ Музолино, рассказалъ, что Музолино ухаживалъ за нимъ, перевязывалъ ему рану и бѣгалъ для него за льдомъ къ сосѣднимъ пастухамъ. Вообще, этотъ человѣкъ, хладнокровно убивавшій тѣхъ, кого онъ считалъ своими врагами, выказалъ въ этомъ отношеніи необычайную чувствительность и трогательную заботливость о человѣкѣ, котораго онъ считалъ невинно пострадавшимъ.

Конечно, это показаніе свидѣтеля произвело такую сенсацію въ залѣ суда, что даже Музолино замѣтилъ это и обратившись къ адвокату противой стороны, который вызвалъ этого свидѣтеля, сказалъ насмѣшливо: «Grazzia, signor avvocato!» (Благодарю васъ г. адвокатъ). Адвокатъ послѣ этого, желая сгладить благоприятное впечатлѣніе, сталъ говорить, что Музолино писалъ письма, посредствомъ которыхъ онъ выманивалъ деньги. Музолино вскипѣлъ. «Музолино честный человѣкъ!—вскричалъ онъ, говоря о себѣ въ третьемъ лицѣ.—Никогда онъ не писалъ такихъ писемъ. Другіе пользовались его именемъ и писали ихъ!» Дѣйствительно, одинъ бригадный капитанъ подтвердилъ это и рассказалъ, что въ то время, когда Музолино находился въ бѣгахъ, разные лица назывались его именемъ и являлись къ зажиточнымъ гражданамъ Калабріи, выманивая у нихъ деньги.

Судъ надъ Музолино затягивается вызовомъ свидѣтелей и разными побочными инцидентами и, главнымъ образомъ, распрей между адвокатами. Было даже нѣсколько дуелей. Все это заставляетъ предполагать, что участь Музолино еще не скоро рѣшится.

Общественные вопросы въ Германіи. Вопросъ о допущеніи женщинъ въ политическія собранія не сходить со сцены въ Германіи. Въ прусской палатѣ депутатовъ недавно происходили по этому поводу весьма горячія пренія, вызванныя петиціей фрейна прусскихъ народныхъ учительницъ, требующихъ допущенія женщинъ къ участию въ политическихъ союзахъ. Депутатъ Бригеръ, свободомыслящій, обратился къ палатѣ съ просьбой отнестись къ этой петиціи доброжелательно. «Женщина играетъ все болѣе и болѣе выдающуюся роль въ общественной жизни, и содержаніе порядка въ домѣ мужчины не составляетъ уже ея единственной обязанности, какъ прежде,—сказалъ онъ.—Мы видимъ, что женщина занимаетъ различныя общественныя должности и поэтому ей нельзя отказывать въ правѣ участвовать въ политическихъ фрейнахъ, посѣщать ихъ собранія и т. д. Министръ внутреннихъ дѣлъ заявилъ, что онъ допуститъ женщинъ въ политическія собранія, лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы онѣ занимали тамъ отдѣльныя опредѣленные мѣста. Но такое распоряженіе носило бы не германскій, а восточный характеръ».

Министръ внутреннихъ дѣлъ фонъ-Гаммерштейнъ призналъ въ своей рѣчи, что дѣятельность женщинъ дѣйствительно очень расширилась въ послѣднія времена. «Разумѣется, этотъ фактъ слѣдуетъ пріятствовать съ радостью вслѣдствіе многихъ социальныхъ соображеній,—прибавилъ онъ,—и для жен-

щины это, несомнѣнно, имѣло благодѣтельные результаты. Но какъ далеко слѣдуетъ допускать участіе женщинъ въ общественной жизни—на этотъ счетъ мнѣнія расходятся въ цѣломъ мірѣ. Конечно, мы все согласны съ тѣмъ, что въ области благотворительности дѣятельность женщины для всехъ насъ незаменима. Но можетъ ли быть полезна ея дѣятельность въ политическомъ отношеніи, хотя бы въ отдаленномъ будущемъ?—на этотъ счетъ могутъ существовать сомнѣнія. Условія не измѣнились въ этомъ отношеніи съ тѣхъ поръ, какъ 50 лѣтъ тому назадъ былъ изданъ указъ, устанавливающій права собраній и ферейновъ, и мы стоимъ и теперь на той же самой точкѣ зрѣнія, на какой мы стояли 50 лѣтъ назадъ, и, по моему мнѣнію, это вполне правильно, что въ чисто политическихъ ферейнахъ женщинамъ дѣлать нечего. Я не желаю допускать женщинъ къ участію въ политическихъ преніяхъ и дать имъ возможность вмѣшиваться въ политическія дѣла. Для насъ было бы печально, если бы женщины, со своею легкою возбудимостью, стали дѣйствовать на народъ! Мы должны остерегаться этого, поэтому за полиціей должно быть сохранено право вмѣшаться, если она найдетъ нужнымъ, но иначе обстоитъ дѣло, если женщины будутъ только зрительницами и слушательницами въ политическихъ собраніяхъ. Тогда онѣ должны занимать мѣста, совершенно отдѣленные отъ участниковъ собранія, и, такимъ образомъ, ихъ положеніе, какъ простыхъ слушательницъ и зрительницъ, будетъ удостовѣрено. Если женщины будутъ являться лишь какъ зрительницы и если это будетъ подчеркнуто внѣшнимъ образомъ тѣмъ, что онѣ будутъ занимать отдѣльныя мѣста, то въ такомъ случаѣ онѣ могутъ вполне рассчитывать на нашу любезность и предупредительность. Пусть же онѣ поостерегутся нарушить эти правила, такъ какъ въ такомъ случаѣ легко можетъ быть, что мы будемъ вынуждены прибѣгнуть къ строгому исполненію закона».

Разумѣется, эта рѣчь Гаммерштейна, вызвавшая демонстративное сочувствіе правой въ прусской палатѣ и одобрительные отзывы консервативной печати, возбудила снова горячую полемику въ германскихъ газетахъ. Либеральная печать иронически поздравляетъ германское правительство, Гаммерштейна и консерваторовъ, что они оказываются такими стойкими. «Въ самомъ дѣлѣ, извольте-ка устоять на одномъ мѣстѣ въ теченіе 50 лѣтъ, когда кругомъ все движется и устремляется впередъ!—воскликаетъ одна изъ либеральныхъ газетъ.—Но консерваторы и правительство съ Гаммерштейномъ во главѣ сумѣли выполнить этотъ фокусъ. Для нихъ то, что мы все именуемъ женскимъ вопросомъ, не существуетъ вовсе. Какіе же могутъ быть разговоры по этому поводу съ фонъ-Гаммерштейномъ? Вѣдь не всякій способенъ простоять 50 лѣтъ на одномъ мѣстѣ, какъ онъ, или настолько же лѣтъ вернуться назадъ!»

Тѣмъ не менѣе уже то, что прусскій министръ допускаетъ присутствіе женщинъ, хотя бы въ качествѣ зрительницъ и слушательницъ, на политическихъ собраніяхъ составляетъ нѣкоторый шагъ впередъ. Такъ поняли это и передовыя женщины Германіи, опубликовавшія воззваніе, въ которомъ приглашаютъ женщинъ посѣщать все-таки политическія ферейны и собранія, для того, чтобы ознакомиться съ главными политическими вопросами, имѣющими для

женщинъ такое же важное значеніе, какъ и для мужчинъ. «Присутствуя пока только въ качествѣ слушательницъ и зрительницъ на политическихъ собраніяхъ,—говорится въ этомъ воззваніи,—мы можемъ получить недостающее намъ политическое воспитаніе».

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Большая Англія.—Женщины писательницы въ Германіи.—Императоръ Вильгельмъ и Сесиль Родсъ.—Культура турецкихъ женщинъ.

Въ статьѣ о болѣзняхъ, подтачивающихъ нѣкогда здоровый организмъ Англіи, напечатанной въ «*Revue des Revues*», Жакъ Фино говоритъ, что въ числѣ причинъ, вызвавшихъ ослабленіе Англіи, главное мѣсто принадлежитъ причинамъ нравственного свойства. Въ своей страстной погонѣ за богатствомъ Англія потеряла многія изъ своихъ прежнихъ душевныхъ качествъ, которыя могли обеспечить ей счастье и довольство. По мѣрѣ того, какъ увеличивалось число ея колоній и накопились ея національныя богатства, ея международныя соціальныя отношенія падали. Цивилизаторская миссія англійскаго народа постепенно отошла на второй планъ и на первый планъ выступили «аппетиты» завоевательнаго народа. Мало-по-малу Англія почувствовала себя изолированной и ненавидимой всѣми. Священнымъ алтаремъ для Англіи сдѣлалась торговая контора, и на этотъ алтарь она приноситъ въ жертву всѣ свои прежнія честолюбивыя стремленія и мечты. Въ настоящее время существуетъ странное противорѣчіе между честностью англичанъ въ частныхъ сношеніяхъ и ихъ полнымъ презрѣніемъ въ принципамъ справедливости въ международныхъ отношеніяхъ. Это противорѣчіе, по мнѣнію Жака Фино, особенно рѣзко выразилось во время гаагской конференціи, гдѣ, благодаря Англіи, потерпѣли неудачу нѣсколько важныхъ для будущаго человѣчества проектовъ. Слишкомъ усиленно занимаясь торговлей, англичане, мало-по-малу, приобрѣли недостатки, свойственные этого рода занятію—они совершенно потеряли способность увлекаться абстрактными идеями, напр., идеей равенства, братства и т. п., какъ это случалось съ другими народами. Англичанинъ обыкновенно не замѣчаетъ ничего, кромѣ своей матеріальной и непосредственной выгоды, и, вслѣдствіе этого, англійское правительство вынуждено, если только оно не желаетъ сдѣлаться непопулярнымъ, главное свое вниманіе удѣлять торговлѣ страны и заботиться о грубой силѣ, не обращая вниманія ни на какія нравственные принципы, которые могутъ мѣшать примѣненію этой грубой силы. Англійскій геній воплощался въ лордѣ Пальмерстонѣ, а теперь въ Чемберленѣ, но благородный Гладстонъ былъ уклоненіемъ. Что касается Чемберлена, то англичане охотно прощаютъ ему и его безтактность въ общественной жизни, и его министерскую недобросовѣстность, именно потому, что онъ понялъ и открыто проводить въ своей дѣятельности девизъ англійскаго народа: «Самолюбіе и интересы англичанъ выше всего!» Сравните политическія рѣчи французскихъ и англійскихъ ораторовъ и вы увидите, какъ много высказывается альтруистическихъ воззрѣній

въ однихъ и какъ мало въ другихъ! Англійскіе политическіе дѣятели и государственные люди, прежде всего, имѣютъ въ виду интересы метрополіи и и передъ этими интересами должны отодвигаться на задній планъ страданія 290 милліоновъ индусовъ. То же относятся и къ бурямъ. Жалобы этого маленькаго и несчастнаго народа почти не встрѣчаютъ отвѣта въ Англии. Но серія несчастій, которыя обрушились на Англию въ настоящее время, должна имѣть благопріятное вліяніе на ея судьбу и косвеннымъ образомъ на судьбу Европы. Уже теперь Англии пришлось отказаться отъ своего прежняго принципа «splendid isolation», который служилъ лишь выраженіемъ эгоизма, сознающаго свою силу. Союзъ съ Японіей, можетъ быть, представляетъ первый шагъ къ другимъ союзамъ. Потерявъ престижъ своей силы, Англія теперь должна постараться возстановить свои связи съ остальнымъ цивилизованнымъ міромъ и на могилѣ ея финансоваго и коммерческаго господства, можетъ быть, возродится международная солидарность. Англія возстанетъ въ будущемъ лучшей, чѣмъ она была до сихъ поръ; душа народа не можетъ сохранять неподвижную форму. Историческія условія дѣйствуютъ на нее и постепенно измѣняютъ ея форму, иногда совершенно передѣлывая ее по новому. Пока народъ представляетъ изъ себя скалу, о которую разбиваются человѣческія волны, онъ можетъ сохранять въ своемъ олимпийскомъ величіи свой эгоизмъ и свою жестокость. Но если скала пошатнется, то народъ долженъ спуститься волей-неволей къ простымъ смертнымъ, стоящимъ у подножія скалы, раздѣлить ихъ радости и горести и привыкнуть къ солидарности, благодаря которой сдѣлается возможнымъ осуществленіе мечты о всеобщемъ разрушеніи и всеобщемъ мірѣ. «И вотъ, благодаря этому, — говоритъ Жакъ Фино, — Англія XX вѣка, хотя и будетъ болѣе слабой, чѣмъ Англія XIX вѣка, но въ то же время она станетъ болѣе гуманной, болѣе любящей и, вслѣдствіе этого, болѣе любимой».

Шарль Оммонъ въ «Revue des Revues» посвящаетъ свой очеркъ женщинамъ писательницамъ въ Германіи. Уже въ X вѣкѣ, при Оттонѣ I, женскіе монастыри въ Германіи были очагами германской литературы. Монахини изучали латинскихъ авторовъ и старались имъ подражать. Но въ XVIII вѣкѣ женская германская литература приобрѣла особенный блескъ и затѣмъ постепенно развивалась, участвуя во всѣхъ эволюціяхъ германскаго общества въ теченіе XVIII и XIX вѣка. Въ 1870 г. Берлинъ сдѣлался центромъ политической, общественной и частной жизни германской націи и послѣ франкфуртскаго трактата къ Берлину устремились люди изъ разныхъ концовъ Германіи, такъ какъ въ этомъ городѣ сосредоточивались всѣ надежды и мечты о славіи. Тамъ появились новые пророки, съ презрѣніемъ относившіеся къ старому литературному поколѣнію до войны. Послѣднимъ убѣжищемъ старой литературы начала XIX вѣка былъ салонъ писательницы Элизы Гогенштауфенъ. Тамъ собиравались приверженцы стараго литературнаго теченія; принцъ Георгъ Прусскій читалъ тамъ свои стихи, за которыя онъ подписывалъ «Солгадъ», и тамъ велись споры о Шиллерѣ и Гётѣ. Но молодые, между тѣмъ, одерживали побѣду за побѣдой. Натуралисты приобрѣтали все больше сторонниковъ, и женщины,

вступивъ въ общества, основанныя съ цѣлью положить конецъ тираніи прошлаго, поставили себѣ главною цѣлью раскрытіе новыхъ соціальныхъ явленій, до тѣхъ поръ не прослѣдованныхъ, и одно изъ первыхъ мѣстъ занялъ феминизмъ. Женская душа подверглась въ литературныхъ произведеніяхъ самому тонкому и тщательному анализу и конечно это изслѣдованіе женской души лучше всего могли сдѣлать женщины писательницы. Передъ женскою литературой въ Германіи открывалось въ этомъ отношеніи широкое и неизвѣданное поле, которое она могла культивировать съ большою пользою для себя, выполняя, такимъ образомъ, соціальную миссію, заключающуюся въ своей собственной эмансипаціи.

Современная германская критика съ большою похвалою отзывается о писательницѣ Маріи Эбнеръ фонъ-Эшенбахъ. Но публика повидимому не раздѣляетъ мнѣнія критики, на что указываетъ статистика книжной торговли въ Германіи. Изъ документовъ, доставленныхъ наиболѣе значительными германскими библиотеками, видно, что произведенія Маріи Эшенбахъ читаются очень мало. Германская публика не хочетъ идти по тому пути, на который ей указываютъ ея руководители; она выбираетъ другую дорогу. Выразительницей новыхъ тенденцій въ современной литературѣ являются Габріель Рейтеръ. Она раскрываетъ женскую душу и описываетъ то, что можетъ только чувствовать и испытывать женщина, и поэтому ея первый романъ заставилъ встрепенуться всѣхъ женщинъ, показывая имъ то, что происходитъ въ женской душѣ. Но во главѣ всей литературы и современнаго германскаго романа стоитъ Клара Вибигъ. Она родилась въ 1860 г. въ Трестѣ, а въ 1897 г. напечатала собраніе повѣстей: «Die Kinder der Kiffer», въ которомъ она изображаетъ съ удивительнымъ художествомъ и соблюденіемъ мѣстнаго колорита свою родную страну. Но теперь она вступила въ область соціального романа и отъ этого яркость красокъ у нея поблекла. Ей слѣдовало постоянно дышать живительнымъ воздухомъ своихъ родныхъ полей, но она предпочла ему зараженную атмосферу столицы и это вліяніе отразилось на ея послѣднихъ литературныхъ произведеніяхъ, которыя представляютъ карриатуру на берлинское общество, но карриатуру мертвую, а не живую. Во всякомъ случаѣ теперь Клара Вибигъ героиня дня, ея романъ «Das tägliche Brod» поглощается всѣми классами и читателями Германіи. Новый ея романъ, только что вышедшій «Wacht am Rhein» уже ради только одного названія долженъ имѣть такой же успѣхъ. Но развѣ это не указываетъ, прибавляетъ авторъ статьи—что литературные вкусы германской публики въ 1902 году еще далеко нельзя назвать вполне здоровыми и установившимися?

Мистриссъ Мери Мильсъ Патрикъ, состоящая президентомъ женской американской колоніи въ Константинополѣ, помѣщаетъ въ «New Liberal Review» статью о культурѣ среди турецкихъ женщинъ. По ея словамъ, за послѣдніе годы произошли замѣчательныя перемены въ этомъ отношеніи. Интеллектуальное развитіе турецкихъ женщинъ сдѣлало огромные успѣхи и очень многія изъ турецкихъ дамъ, скромно закрывающія свои лица покрывалами

въ уваженіе къ турецкимъ обычаямъ, въ то же время состоятъ сотрудницами журналовъ и пишутъ статьи о какихъ-нибудь научныхъ вопросахъ для ежедневныхъ газетъ или обсуждаютъ проблемы англо-бурской войны. Нѣкоторыя изъ турецкихъ женщинъ, имѣя какія-нибудь судебныя дѣла, сами защищаютъ ихъ на судѣ, не прибѣгая къ адвокатамъ, многія женщины самостоятельно занимаются торговлей въ разныхъ частяхъ турецкой имперіи и вообще выказываютъ стремленія къ независимости. Но таланты турецкихъ женщинъ въ настоящее время всего сильнѣе проявляются въ литературѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ основанъ въ Константинополѣ журналъ, въ которомъ участвовали преимущественно турецкія женщины, хотя издавалъ его мужчина. Литература представляла излюбленную профессію женщинъ и число женщинъ писательницъ въ Турціи съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Очень много беллетристокъ, но есть также писательницы публицистики и такія, которыя пишутъ популярныя научныя статьи. Одна изъ такихъ женщинъ писательницъ состоитъ постоянною сотрудницей большой константинопольской газеты, другая издала цѣлую книгу по педагогикѣ, а третья готовится комментарій къ Корану. Многія женщины начинаютъ серьезно учиться по выходѣ замужъ и, по словамъ мистриссъ Патрикъ, обнаруживаютъ большія способности, въ особенности къ языкамъ. Въ Турціи въ лучшихъ классахъ общества встрѣчаются очень образованныя женщины, прекрасно владѣющія двумя или тремя европейскими языками.

Берлинская рабочая школа.

(Письмо изъ Берлина).

Знаніе—великая сила. Въ борьбѣ за существованіе, за лучшее социальное положеніе, знаніе является однимъ изъ самыхъ могучихъ и цѣнныхъ орудіи. Не только спеціальное, техническое знаніе, безъ котораго, понятно, ни одинъ спеціалистъ обойтись не можетъ, но и знаніе общее, знаніе, помогающее осмысливать окружающую дѣйствительность, дающее возможность понять и оцѣнить дѣйствующія въ обществѣ силы и уразумѣть роль свою и значеніе въ дѣлѣ созиданія новыхъ, высшихъ формъ общественнаго бытія. Эта простая и, кажется, безспорная, но далеко еще не общепризнанная идея прокладываетъ себѣ все болѣе широкій путь, проникаетъ все болѣе широкіе народныя слои, захватываетъ все большее число общественныхъ дѣятелей. Она же, вѣроятно, руководитъ и тѣми сотнями рабочей молодежи, которыя аккуратно три раза въ недѣлю наполняютъ по вечерамъ скромную залу берлинской рабочей школы. Это своеобразное и во многихъ отношеніяхъ любопытное учрежденіе пріютилось послѣ долгихъ скитаній въ зданіи профессиональных рабочихъ союзовъ, въ Gewerkschaftshaus'ѣ. Небольшое сравнительно помѣщеніе убрано чрезвычайно просто. Вѣнскія стулья вокругъ небольшихъ деревянныхъ столиковъ, небольшая кафедра, черная классная доска на мольбертѣ—вотъ вся школьная мебель. Со стѣны, противъ двери, глядитъ серьезное вдумчивое лицо любимаго

нѣмецкихъ рабочихъ, основателя школы—покойнаго Вильгельма Либкнехта. По правую руку видѣется нарисованная бѣлой краской маска Робеспьера. Эти два портрета составляютъ все украшеніе залы. Никакихъ учебныхъ пособій, никакихъ картъ, рисунковъ—только нѣсколько табличекъ съ характерною для нѣмцевъ надписью: «Во время занятій пиво разносить не дозволяется». Въ общемъ видѣ школы ничѣмъ не отличается отъ внутренности средней руки ресторана,—только черная доска напоминаетъ вамъ, что вы имѣете дѣло не съ привычнымъ пріютомъ берлинскаго бургера.

Но если простая скромная обстановка не обращаетъ на себя особаго вниманія наблюдателя, то съ тѣмъ большимъ интересомъ слѣдитъ онъ за составомъ школьной аудиторіи. Большинство ея составляютъ молодые люди лѣтъ 18—25. Встрѣчаются лица и моложе этого возраста, есть сѣдые и лысые старики. Женщинъ сравнительно мало—человѣкъ 8—10 не больше. По внѣшнему облику ихъ трудно узнать, что имѣешь дѣло съ рабочими. На всѣхъ лицахъ лежитъ печать такой интеллигентности, выразительности и сознанія собственного достоинства, что по нимъ не прочтешь, что всѣ эти юноши и старики пришли сюда прямо отъ станка или верстака, гдѣ цѣлый день проработали подъ командой требовательнаго хозяина. Платьемъ нѣмецкій рабочий мало отличается отъ представителей другихъ слоевъ общества. Въ этомъ отношеніи онъ не похожъ на своего русскаго собрата. Безъ воротничка, галстука и манжеть онъ не позволитъ себѣ выйти на-люди. Только руки—мозолистые, иногда не совсѣмъ освободившіяся отъ разныхъ лаковъ и красокъ—выдаютъ ихъ обладателей. Только по нимъ можно узнать, что имѣешь дѣло съ представителями рабочихъ элементовъ. Работницы не отстаютъ отъ своихъ коллегъ-мужчинъ и являются въ изящныхъ шляпкахъ и платьяхъ. Берлинскую работницу не отличишь по костюму отъ какой-нибудь петербургской чиновницы—и, пожалуй, она щеголеватѣе ея.

Учителя еще нѣтъ, и аудиторія уже полна. Въ ожиданіи лекціи всѣ потягиваютъ пиво, безъ котораго не можетъ обойтись ни одинъ порядочный нѣмецъ. Пиво въ жизни нѣмца играетъ довольно значительную роль. И его спокойствіе и выдержка на публичныхъ собраніяхъ въ большой степени находятся въ зависимости отъ отвлекающаго и развлекающаго вліянія стакана добраго мюнхенскаго или «свѣтлаго». Пиво развлекаетъ нѣмца, и онъ не сучаетъ отъ привычнаго молчанія. Только изрѣдка онъ перебросится парой фразъ съ своимъ сосѣдомъ и опять умолкаетъ, сосредоточенно попивая изъ своей кружки. Женщины ничуть не уступаютъ мужчинамъ и почти передъ каждою красуется солидная посуда съ утѣшительнымъ напиткомъ.

Часовая стрѣлка показываетъ девять. Къ каюдрѣ пробирается молодой нѣмецъ съ бритыми бородой и усами, медленнымъ взглядомъ обводитъ аудиторію и звонитъ. Начинается лекція. Сегодня онъ говоритъ о литературѣ новаго времени. Не поддаваясь къ своей аудиторіи, не выискивая «популярныхъ» выраженій и оборотовъ, просто, точно передъ группою студентовъ, рисуетъ онъ тѣ особенности новой культурной эпохи, которыя отличаютъ ее отъ среднихъ вѣковъ и древности. Онъ говоритъ о широкомъ и быстромъ ростѣ техники, о

печатномъ станкѣ, о томъ, что онъ сдѣлалъ доступнымъ низшему народному слову сокровища европейской литературы, давъ возможность книгѣ проникнуть въ самыя далекія и темныя закоулки. Затѣмъ онъ рассказываетъ о желѣзныхъ дорогахъ, ихъ оживляющемъ вліяніи на народныя сношенія, на общія націи своими культурными пріобрѣтеніями и т. д., и т. д. Давъ общій очеркъ эпохи, онъ переходитъ къ характеристикѣ выдающихся писателей первыхъ десятилѣтій новаго періода. Передъ слушателями проходятъ довольно ярко и выпукло обрисованными фигуры Аріосто, Лопе-де-Вега, Тассо, Лютера, Ганса Сакса и другихъ. Лекція приходитъ къ концу, и утомленный лекторъ награждается оживленнымъ « bravo! » Наступаетъ перерывъ, послѣ котораго слѣдуетъ самая интересная часть вечера—дискуссія. Лекторъ проситъ слушателей обращаться къ нему съ возраженіями или вопросами. Нѣсколько минутъ никто не рѣшается. Наконецъ, высккивается смѣльчакъ, и дебаты начинаются. Молодой парень, « волнуетъ и спѣша », старается пояснить, какъ онъ понималъ нѣкоторыя мѣста прочитанной лекціи. Его заинтересовало замѣчаніе лектора о писателяхъ, для которыхъ искусство является самоцѣлью, находящихъ удовлетвореніе въ самомъ процессѣ художественнаго творчества, и писателяхъ для которыхъ искусство служитъ средствомъ, орудіемъ, посредствомъ котораго они стремятся провести въ жизнь, въ человѣческія головы извѣстныя идеи. Онъ говоритъ не особенно складно, отрывисто, угловато, но за этой нескладной, спотыкающейся рѣчью чувствуется порядочное знакомство съ новѣйшей литературой и не поверхностное ея пониманіе... За нимъ молодой безусый рабочій спрашиваетъ о томъ, какое мѣсто занимаетъ въ исторіи того времени нѣмецкій поэтъ Мартинъ Опицъ. Объ Опицѣ лекторъ не говорилъ совсѣмъ, и этотъ вопросъ обнаруживаетъ, что аудиторіи не чуждо нѣкоторое знаніе литературы. Вообще всѣ вопросы и разсужденія, которыя мнѣ пришлось здѣсь выслушать, пронавели на меня впечатлѣніе, что аудиторія понимаетъ своего лектора и со вниманіемъ прослушала его лекцію.

Вопросы литературы да еще вдобавокъ литературы прошлыхъ столѣтій лежатъ довольно далеко отъ повседневныхъ заботъ и интересовъ нашей аудиторіи. И если, несмотря на это, она и здѣсь проявляетъ довольно большій интересъ и пониманіе, то этого тѣмъ болѣе можно ожидать на лекціяхъ по политической экономіи, по дисциплинѣ, которая тѣснѣйшимъ образомъ подходитъ къ самымъ насущнымъ и животрепещущимъ проблемамъ современности. Въ теченіе текущей четверти года по этому отдѣлу читается и дебатруется вопросъ о биржѣ и банкахъ. Банкъ и биржа—два важныхъ и интересныхъ вопроса для современнаго нѣмца. Промышленный кризисъ, охватившій за послѣдніе годы многія области индустріи, привелъ къ крушенію довольно значительное количество банковъ и сильно повліялъ на биржевыя дѣла. Въ печати и на собраніяхъ очень много говорилось по этому поводу, и естественно, что у многихъ рабочихъ является желаніе поближе познакомиться съ организаціей, функціями и социальнымъ значеніемъ этихъ институтовъ. Но и не будь даже кризиса, очень вѣроятно, что и тогда объявленный курсъ привлекъ бы не меньшее количество слушателей. Дѣло въ томъ, что за послѣдніе годы

среди нѣмецкихъ рабочихъ наблюдается широкое и интенсивное развитіе профессиональныхъ союзовъ. Отъ сознательнаго и дѣятельнаго члена такой корпораціи требуется подчасъ довольно порядочное знакомство со всякими финансовыми операціями, умѣнье вести и понимать бухгалтерскую отчетность и знаніе функций различныхъ банковъ, а иногда и биржи. Вотъ почему на курсахъ политической экономіи можно встрѣтить большее число стариковъ, очевидно, сильно интересующихся и участвующихъ въ профессиональномъ движеніи. Этотъ интересъ связывается и въ дебатахъ.

Однако, такая сухая и скучная матерія, какъ вопросы банковской и биржевой организаціи, не надолго приковываетъ вниманіе молодежи. Достаточно малѣйшаго повода, чтобы банкъ и биржа отступили на задній планъ, а ихъ мѣсто заняли вопросы болѣе общаго и захватывающаго свойства. Лекторы говорятъ, напримѣръ, объ акціяхъ и акціонерныхъ обществахъ. Незамѣтно въ дебаты вкрадывается чье-нибудь замѣчаніе объ отношеніи Бернштейна къ этому институту. Этого достаточно. Акціи и акціонерныя общества забываются и весь вечеръ проходитъ въ разговорахъ о Бернштейнѣ, бернштейнствѣ, о движеніи и конечной цѣли и т. д. Безъ бернштейнства, безъ дебатовъ за и противъ новаго теченія не обходится, кажется, ни одна лекція. По крайней мѣрѣ, въ тѣ вечера, когда мнѣ приходилось посѣщать школу, этотъ вопросъ ни разу не отсутствовалъ. И нужно слышать, съ какимъ знаніемъ дѣла ведутся эти разговоры, какое знаніе и пониманіе соответствующей литературы обнаруживаетъ эта рабочая аудиторія! Я слышалъ въ разное время 8 или 10 ораторовъ и только одинъ изъ нихъ выказалъ непониманіе того, о чемъ говорилъ. Остальные же прямо поражали своимъ развитіемъ. Какъ бы ни показалось это удивительнымъ, нужно сказать, что дебаты рабочей школы ничуть не уступаютъ по своему интересу дебатамъ нѣмецкихъ и русскихъ студенческихъ фереяновъ. Въ одномъ же отношеніи, въ умѣнн ясно, толково выразить свою мысль, русскій студентъ даже уступить нѣмецкому рабочему. Русскій человекъ вообще не умѣетъ говорить публично, ибо гдѣ же ему и учиться подобнымъ вещамъ? Да и зачѣмъ ему умѣнье говорить? Въ его жизни оно является лишнимъ орудіемъ. Нѣмцу же нельзя не умѣть говорить. Общественная жизнь нѣмца волей-неволей заставляетъ его высказываться и, благодаря долгой практикѣ, средній нѣмецъ говорить довольно недурно. Рабочіе отстаютъ въ этомъ отношеніи отъ своихъ согражданъ изъ другихъ слоевъ общества, вотъ почему руководители школы ввели въ курсъ преподаваемыхъ предметовъ ораторское искусство.

Для развитія способности свободно и умѣло владѣть рѣчью въ школѣ устраиваются подъ руководствомъ учителя примѣрныя собранія съ примѣрными дебатами. Темы рефератовъ выбираются самими учащимися. При этомъ наблюдается чрезвычайное разнообразіе интересовъ, хотя въ общемъ преобладаетъ, конечно, наиболѣе близкій рабочему рабочій вопросъ. При мнѣ предлагались, напр., темы: «О значеніи логики для рабочихъ», «О фальсификаціи пищевыхъ продуктовъ», «О развитіи капитализма и рабочемъ классѣ», «О профессиональныхъ союзахъ» и т. п. Очень многіе интересуются вопросами воспитанія, одинъ предложилъ даже рефератъ на тему по... стенографіи.

Предожившій тему составляет рефератъ и произноситъ его передъ всеѣ школой. Онъ не долженъ при этомъ читать по бумажѣ и пользуется только краткимъ конспектомъ. Затѣмъ слѣдуютъ обычные дебаты.

Кто же устроилъ и кто руководитъ этой своеобразной школой? Устроили ее сами рабочіе и сами же ею руководятъ. Начало ей было положено дѣтъ десять тому назадъ на многотысячномъ собраніи, передъ которымъ покойный Либкнехтъ въ страстной рѣчи разъяснялъ необходимость и важность такой школы. Либкнехтъ писалъ потомъ объ этомъ собраніи и говорилъ, что никогда еще такъ хорошо не чувствовалъ себя, какъ среди этихъ тысячъ собравшихся. Въ ихъ глазахъ онъ читалъ о стремленіи къ знанію, къ свѣту, къ истинѣ и ему страстно хотѣлось утолить эту святую жажду. Будущность его дѣтища рисовалась ему въ самыхъ розовыхъ краскахъ.

Было положено въ тотъ же вечеръ начать приѣмъ учащихся и тогда же записалось нѣсколько сотъ желающихъ. Въ различныхъ частяхъ обширной германской столицы было основано около шести школъ, и работа закинула. Скоро, однако, радостное и полное надеждъ настроеніе руководителей стало принимать все болѣе мрачный характеръ. Школы работали себѣ въ убытокъ. Каждый годъ приносилъ значительные дефициты и всѣ ожидали близкаго краха. Тогда была сдѣлана послѣдняя попытка: изъ шести школъ образовали одну. Реформа оказалась удачной, и школа приняла прочную организацію. Теперь всѣ друзья этого симпатичнаго учрежденія спокойно смотрятъ на его будущее.

Школа имѣетъ въ настоящее время слѣдующее устройство. Всѣ учащіеся образуютъ собою ферейнъ школы. Для вступленія въ этотъ ферейнъ уплачивается членскій взносъ въ размѣрѣ двадцати пяти пфениговъ (12 коп.) въ мѣсяцъ. Кромѣ учащихся, въ этомъ обществѣ могутъ принимать участіе и постороннія лица. Учителя также являются членами общества, но не могутъ быть избираемы въ составъ правленія. Правленіе имѣетъ съ учительской коллегіей вырабатываетъ программу занятій, причѣмъ финансовая сторона вопроса вполне зависитъ отъ перваго. Учебный годъ дѣлится на четыре триместра, въ теченіе каждаго прочитывается законченный курсъ. Въ общемъ каждый курсъ состоитъ изъ десяти лекцій по каждому изъ трехъ предметовъ, послѣ которыхъ слѣдуютъ дебаты. За каждый курсъ уплачивается, помимо членскаго взноса, одна марка (50 коп.) учебной платы.

Главными предметами является исторія и политическая экономія. Въ области послѣдней главное вниманіе обращается не на теоретическую, абстрактную часть ея, а на практическую. За послѣднія пять дѣтъ только два триместра были посвящены «основнымъ понятіямъ». Всѣ остальные были заняты вопросами въ родѣ «современнаго рабочаго движенія», «защиты рабочихъ», «кооперативнаго движенія» и т. д. Было нѣсколько курсовъ по праву и по естественной исторіи. Послѣдняя пользуется наименьшимъ вниманіемъ, что объясняется отчасти неудовлетворительностью преподаванія. Это станетъ понятнымъ, если сказать, что школа не обладаетъ пока никакими аппаратами или коллекціями, и занятія не могутъ сопровождаться соответствующими демонстраціями.

Среди учебнаго персонала встрѣчается много крупныхъ именъ. Въ раз-

личное время занятіями руководили такія лица, какъ извѣстный Конрадъ Шмидтъ, Вольфгангъ Гейне, Рихардъ Кальверъ, Кампфмейеръ, Шиппель и т. д. Въ спискѣ членовъ больше всего рабочихъ столярнаго мастерства. Это первенствующее мѣсто они занимаютъ уже въ теченіе пяти или шести послѣднихъ лѣтъ. Остальныя профессіи представлены въ различные годы различно. Общее число различныхъ профессій доходитъ ежегодно до 200. Кромѣ рабочихъ и ремесленниковъ, встрѣчается еще и прислуга, извозчики, приказчики и т. д. Среди членовъ-неучащихся можно найти двухъ-трехъ студентовъ, врачей, архитекторовъ и другихъ лицъ вольныхъ профессій.

При школѣ имѣется солидная бібліотека въ 1.200 томовъ, среди которыхъ можно найти много капитальныхъ сочиненій. Больше всего читается, конечно, беллетристика, за которой слѣдуютъ книги по социальнымъ вопросамъ, естественной исторіи, исторіи народовъ и философіи.

Для развитія болѣе тѣсныхъ личныхъ отношеній между членами школы каждыя двѣ-три недѣли устраиваются увеселительныя собранія. Но и здѣсь руководители школы не упускаютъ случая дать своимъ сочленамъ матеріалъ для умственнаго развитія. Программа вечера обыкновенно такая, что до начала собственно увеселительной части прочитывается рефератъ, послѣ котораго слѣдуетъ иногда очень оживленная дискуссія. Темы рефератовъ самыя разнообразныя, какъ, напр., «О зубныхъ болѣзняхъ», «Спиноза и Гёте», «Драма»; «Душевные болѣзни». Рефераты эти читаются выдающимися писателями и общественными дѣятелями и посѣщаются многочисленной, доходящей до пяти и шести тысячъ человекъ, публикой. Въ спискѣ референтовъ встрѣчаются такія имена, какъ Августъ Бебель, профессоръ Ястровъ, Бернштейнъ. Увеселительная часть всегда состоитъ обыкновенно изъ танцевъ, привлекающихъ массу такихъ элементовъ, которые еще не доросли до пониманія извѣстныхъ интересовъ. На этихъ вечерахъ они имѣютъ случай познакомиться съ ними и это увеличиваетъ кругъ школы и число ея учениковъ. Кромѣ танцевъ, въ увеселительной части программы фигурируютъ время отъ времени декламація и концертные номера. Посѣщеніе этихъ вечеровъ оставляетъ всегда самое отрадное впечатлѣніе. На этихъ скромныхъ собраніяхъ видишь людей, въ которыхъ долгіи физическій трудъ не убилъ естественной и священной жажды знанія, а послѣдняя не умертвила способности наслаждаться простыми и здоровыми радостями жизни. Кто умѣетъ цѣнить эти радости, у кого не погнбло еще стремленіе къ высшему и лучшему, тотъ не отстанетъ также въ борьбѣ за дальнѣйшее развитіе культурнаго прогресса.

S.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Металлическіе сплавы.

Металлы и их сплавы играют громадную роль въ матеріальной сторонѣ жизни современнаго человѣчества. Милліоны человѣческихъ жизней проходятъ въ трудѣ, посвященномъ добыванію металловъ и ихъ обработкѣ. Желѣзныя дороги, все болѣе и болѣе густой сѣтью обтягивающія материкъ, паровой флотъ желѣзныхъ судовъ, бороздящій океаны, безчисленные фабрики и заводы, работающіе машинами, грозныя арміи — все и вся требуетъ металловъ, и больше всего — желѣза. При этомъ замѣчательно то обстоятельство, что металлы идутъ въ дѣло не въ чистомъ видѣ, а въ видѣ сплавовъ. Металловъ, употребляемыхъ въ чистомъ видѣ, очень немного: платина, мѣдь, ртуть, свинецъ, серебро.

Изъ чистой платины, сплавляемой пламенемъ гремучаго (кислородо-водороднаго) газа, приготовляются для химическихъ заводовъ, мерзѣдѣемые кислотами сосуды, служащія, главнымъ образомъ для выпариванія слабыхъ растворовъ сѣрной кислоты и полученія крѣпкой сѣрной кислоты.

Чистая мѣдь идетъ въ большихъ количествахъ на проводники электрическихъ токовъ; чѣмъ она чище, тѣмъ лучше она проводитъ электрическую энергію и тѣмъ, слѣдовательно, выгоднѣе ее употреблять въ невозможномъ чистомъ видѣ. Ртуть идетъ для приготовленія термометровъ, барометровъ и другихъ физическихъ приборовъ, неизбѣжныхъ орудій физика и химика въ числѣ научныхъ и техническихъ лабораторій.

Остальные металлы употребляются въ дѣло техники только въ видѣ сплавовъ.

Въ теченіе многихъ тысячелѣтій люди довольствовались небольшимъ числомъ сплавовъ, въ составъ которыхъ, какъ главные составныя части, входили мѣдь и олово. Это были такъ называемая до-историческая и античная бронзы. Желѣзо, замѣнившее бронзу, ковко, ему удобно придавать какому угодно форму, но въ чистомъ видѣ оно было слишкомъ мягко. И не маловажнымъ успѣхомъ въ дѣлѣ пользованія металлами, явилось наблюденіе надъ измѣненіемъ твердости желѣза послѣ того, какъ его процементуютъ, проинтаютъ углемъ и получаютъ крѣпкую сталь, подобную знаменитой дамск-

ской стали арабовъ. Развѣтїе опытныхъ наукъ, принесшее съ собою химическія знанія, отразилось могучимъ образомъ на искусствѣ получать металлическіе сплавы желаемыхъ свойствъ—на металлургіи. Новые металлы, открываемые химіей, находятъ все чаще и чаще примѣненіе также въ видѣ сплавовъ. Но дѣло изготовленія металлическихъ сплавовъ самыхъ разнообразныхъ свойствъ еще долгое время остается покорнымъ преданіямъ, навикамъ, необобщенныхъ наблюденіямъ.

Почему та или другая примѣсь къ чистому металлу сообщаетъ ему новыя, иногда полезныя въ техническомъ смыслѣ, иногда вредныя свойства? Что такое, собственно говоря, представляютъ собою въ химическомъ отношеніи металлические сплавы? Сами химики, отъ которыхъ металлурги естественно ожидали отвѣта на эти вопросы, еще такъ недавно были совершенно не въ состояніи отвѣтить на это. Химія относилъ металлические сплавы къ классу «неопредѣленныхъ соединеній», прикрывая этимъ словомъ свое полное незнаніе истинной природы сплавовъ.

Между тѣмъ техника, накопляя запасы наблюденій и заводскихъ опытовъ достигла блестящихъ результатовъ. Богатое углеродомъ желѣзо—чугунъ, будучи легкоплавкимъ, выплавляется въ громадныхъ количествахъ изъ грандіозныхъ, непрерывно дѣйствующихъ доменныхъ печей и вагранокъ. Какъ лава изъ дѣйствующаго вулкана, чугунъ льется непрерывной струей изъ доменной печи, куда засыпаютъ желѣзную руду (окислы желѣза) и уголь, а снизу дуютъ нагрѣтый воздухъ. Наливая расплавленный чугунъ въ грушевидные громадные сосуды (конверторы), въ дно которыхъ продувается сильной струей воздухъ, Бессемеръ далъ способъ выжигать изъ чугуна углеродъ, фосфоръ, сѣру, марганецъ и другія примѣси и получать, опять-таки непрерывнымъ путемъ,—сталь. По желанію, такимъ образомъ можно получать сталь, содержащую большее или меньшее количество углерода, а слѣдовательно и дающую, при остываніи, металлъ большей или меньшей твердости и ковкости. Другой металлургъ Мартэнъ придумалъ иначе обезуглероживать чугунъ для полученія стали. Онъ плавилъ чугунъ въ особой печи, нагрѣваемой газомъ, и прибавлялъ туда желѣзной руды. Кислородъ руды соединяется съ углеродомъ чугуна, сжигаетъ углеродъ въ углекислоту, вся масса металла кипитъ въ печи, а металлургу только остается слѣдить за тѣмъ, чтобы въ нужное время выпустить изъ печи сталь. Благодаря такимъ способамъ сдѣлались возможны отливка гигантскихъ пароходныхъ валовъ, громадныхъ переднихъ и заднихъ стальныхъ рамъ для гигантовъ броненосцевъ (форштевней и ахтерштевней), колоссальныхъ молотовъ, приводимыхъ вполнѣ дѣйствіи въ дѣйствіе парами, громадныхъ стальныхъ балокъ для мостовъ и т. п.

И война, этотъ бичъ человѣчества, какъ и раньше въ погонѣ за острыми мечомъ, такъ и теперь, требуя все новыхъ и все болѣе совершенныхъ орудіи вѣстребленія людей, повліяла на успѣхи металлургіи. Военныя суда одѣлись желѣзной и стальной броней, а грозящія имъ съ берега пушки увеличились въ размѣрахъ и увеличили силу зарядовъ и вѣсъ ядеръ; и тѣ, и другія, и защита и нападеніе потребовали стали особыхъ, высшихъ свойствъ. Появились непробиваемыя хромоникелевыя судовыя брони, покрытыя слоемъ сильно

углеродистой стали (цементованная броня); появились сложенные изъ трубъ и надѣтыхъ на нихъ оболочекъ и колець стальныхъ пушки, выдерживающія громадные давленія пороховыхъ газовъ и бьющія за 15—20 верстъ ядрами изъ хромовой стали съ твердыми и острыми, какъ ножъ или сверло, концами. Но и потребности мирнаго времени вызывали у металлургіи появленія на свѣтъ сплавовъ съ не менѣе поразительными свойствами. Для астрономическихъ цѣлей и для мореплаванія весьма важно имѣть хронометры, идущіе вѣрно, несмотря на рѣзкія перемѣны въ температурахъ, независимые отъ времени года, или отъ перемѣны мѣста при переходѣ корабля изъ-подъ сѣверныхъ широтъ въ тропическія. Поэтому было весьма желательно имѣть такой металлъ, который не отзывается бы расширеніемъ или сжатіемъ на тепло или холодъ; такой металлъ былъ найденъ въ видѣ сплава желѣза съ 15% никеля, съ весьма незначительнымъ коэффициентомъ расширенія. Желательно было имѣть взаимно золота и серебра желтый и бѣлый металлы, хорошо полирующіеся и не окисляющіеся, и техника дала алюминіевую бронзу, трудно отличимую отъ золота, и мельхиоръ, замѣнившій серебро. Для цѣлей воздухоплаванія легкій алюминій оказался еще недостаточно легкимъ, и вотъ техника, сплавляя алюминій съ магніемъ, даетъ еще болѣе легкій, но такой же ковкій и гибкій—магналій. Кажется, нѣтъ требованія, котораго не могла бы выполнить техника, пользуясь тѣмъ или другимъ сплавомъ, комбинируя въ разныхъ пропорціяхъ металлы, изготовляя двойные, тройные и четверные сплавы. И можно надѣяться на еще большее, если природа сплавовъ будетъ освѣщена всесторонне научнымъ образомъ.

Это время, наконецъ, почти настало. У исторіи открытій техники и научныхъ вопросовъ существуетъ своя логика, внутренне управляющая появленіемъ и разъясненіемъ той или другой технической или научной задачи. Объяснить природу сплавовъ стало возможнымъ только тогда, когда накопились извѣстный рядъ научныхъ приѣмовъ, извѣстный запасъ научныхъ работъ и изслѣдованій, направленныхъ къ этой цѣли, наконецъ, извѣстный уровень физическихъ и химическихъ знаній. На вопросъ о сплавахъ особенно ясно видно вліяніе извѣстной степени совершенства орудій изслѣдованія на судьбу научныхъ вопросовъ. Безъ пирометра Лешателье, позволяющаго мѣрить температуры до 1.600° , и безъ современныхъ сильныхъ и усовершенствованныхъ микроскоповъ вопросъ о томъ, что такое сплавы, оставался бы и до сихъ поръ за семью печатами. Вспомнимъ, какъ образуются сплавы. Остановимся для простоты на случаѣ сплава двухъ металловъ. Мы расплавляемъ или одинъ, или оба металла и соединяемъ ихъ, сливая въ одинъ общій сосудъ или растворя твердый металлъ въ жидкомъ или расплавленномъ, затѣмъ оставляемъ охлаждаться и получаемъ твердый сплавъ съ новыми свойствами, болѣе или менѣе отличающимися его отъ взятыхъ вначалѣ металловъ. Каждый изъ металловъ характеризуется своими физическими свойствами, ему одному принадлежащими: опредѣленной температурой перехода изъ твердаго состоянія въ жидкое (точкой плавленія или затвердѣванія), температурой кипѣнія, твердостью, удѣльнымъ вѣсомъ, электропроводностью, способностью разрываться при опредѣлен-

ной нагрузкѣ, при опредѣленномъ усилии (коэффициентъ сопротивленія, предѣлъ упругости и т. д.). Научное изученіе сплавовъ начинается тогда, когда стремятся изучить взаименіе физическихъ свойствъ сплава въ зависимости отъ его состава. Большинство современныхъ изслѣдователей такъ и поступаетъ. Выбравъ какое-нибудь одно физическое свойство, напр., свойство плавиться при опредѣленной температурѣ, къ чистому металлу начинаютъ прибавлять все большія и большія количества другого и замѣчаютъ измѣненія температуры плавленія или другого изслѣдуемаго физическаго свойства. Получаютъ рядъ сплавовъ двухъ металловъ, представляющій по своему % составу переходъ отъ 100% одного металла къ 100% другого. Отложимъ на двухъ параллельныхъ отвѣсныхъ линіяхъ величины, пропорціональныя величинамъ даннаго свойства металловъ, напр., температуры плавленія, плотности и т. п., а разстояніе между этими вертикальными линіями раздѣлимъ на сто частей. Предположимъ, что мы приготовили рядъ сплавовъ, отличающихся другъ отъ друга на десять процентовъ, и опредѣлили для каждаго изъ сплавовъ данное свойство (напр., t° плавленія), отложили на вертикаляхъ, идущихъ изъ каждаго десятаго дѣленія нашей горизонтальной линіи, раздѣленной на сто, величину, пропорціональную измѣренному свойству; соединимъ вершины вертикалей одной сплошной кривой, и мы увидимъ ходъ измѣненія даннаго свойства сплавовъ въ зависимости отъ ихъ состава. За послѣднее время набралось довольно много изслѣдованій подобнаго рода, и вотъ сопоставленіе результатовъ наученія *различныхъ* физическихъ свойствъ дѣлаго ряда сплавовъ *одной пары* металловъ и дало возможность заглянуть глубже въ природу сплавовъ.

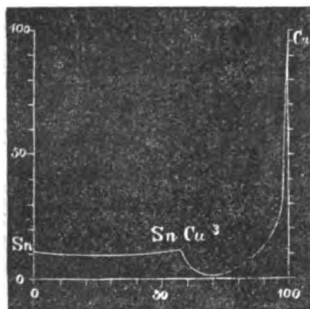
Выше было уже сказано, что дѣтъ 15 тому назадъ химія относила сплавы къ области «неопредѣленныхъ химическихъ соединеній», куда относили также и растворы солей и другихъ веществъ въ водѣ и другихъ растворителяхъ.

Неопредѣленными соединеніями называли такіа, къ которымъ можно было прибавлять все большія и большія количества одной изъ составныхъ частей, не мѣняя существеннымъ образомъ, такъ сказать, рѣзкими скачками свойствъ соединенія. Такъ, на примѣръ, растворъ поваренной соли или напр. спирта въ водѣ являются наиболѣе подходящимъ примѣромъ неопредѣленнаго химическаго соединенія. Прибавляя къ водѣ все новыя и новыя количества соли (до 36% по вѣсу) мы получаемъ рядъ жидкостей все болѣе и болѣе соленыхъ, удѣльный вѣсъ ихъ *постепенно* возрастаетъ, капиллярные свойства, на примѣръ способность подниматься въ узкой волосной стеклянной трубкѣ, *постепенно* уменьшается. Однимъ словомъ, мы *постепенно* мѣняемъ свойства растворителя (воды или другого вещества). При поверхностномъ и неполномъ наблюденіи казалось, что тоже можно было сказать и про растворы одного металла въ другомъ (про сплавы). Но это на самомъ дѣлѣ происходитъ не такъ. Возьмемъ для примѣра сплавы олова и мѣди.

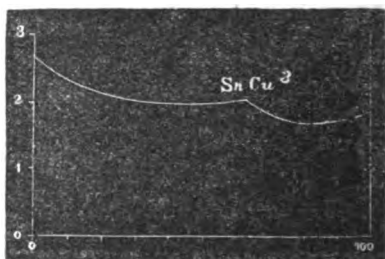
Фиг. 1, 2 и 3 изображаютъ ходъ измѣненія 1) электропроводности, 2) способности расширяться отъ теплоты и 3) плотности оловяномѣдныхъ растворовъ. Мы видимъ, что кривыя обнаруживаютъ своеобразные изломы. Если мы обратимъ вниманіе на процентный составъ сплава, которому отвѣчаетъ такой пере-

ломъ или переходъ въ физическихъ свойствахъ, то окажется, что этотъ процентный составъ отвѣчаетъ опредѣленнымъ кратнымъ отношеніямъ между количествами олова и мѣди, этотъ составъ можно изобразить простой точной химической формулой SnCu_3 *).

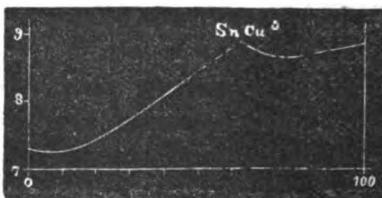
Что же скрывается подъ этой ученой символичкой? Для того чтобы отвѣтить на это, припомнимъ еще разъ, что такое сплавъ и какъ онъ получается. Расплавленный оловяно-мѣдный сплавъ представляетъ собою жидкость, составленную изъ частицъ мѣди и олова, это смѣсь жидкой мѣди и жидкаго олова. При застываніи, при затвердѣваніи этихъ жидкостей, если онѣ не вступаютъ между собой въ опредѣленное химическое соединеніе, будетъ происходить слѣдующее. Подобно жидкой водѣ при застываніи обращающейся въ кристаллы льда, жидкія олово и мѣдь соберутся въ отдѣльные кристаллы и застывшій сплавъ будетъ предста-

Фиг. 1. Электропроводность мѣдно-оловянныхъ сплавовъ.

Фиг. 2. Измѣненіе коэфф. расширенія мѣдно-оловянныхъ сплавовъ.

Фиг. 3. Плотность мѣдно-оловянныхъ растворовъ.

влять неоднородное твердое тѣло, составленное изъ перепутавшихся между собой кристалликовъ мѣди и олова. Но если при некоторомъ опредѣленномъ % составѣ сплава въ немъ образуется химическое соединеніе между мѣдью и оловомъ и если количества мѣди и олова точно отвѣчаютъ отношеніямъ, требуемымъ химической формулой, то жидкій сплавъ будетъ состоять не изъ отдѣльныхъ частичекъ мѣди и олова, но изъ сложныхъ частицъ мѣдно-оловяннаго соединенія. Такой застывшій сплавъ будетъ вполне однороднымъ, состоящимъ изъ кристалловъ опредѣленнаго соединенія мѣди и олова. Видъ этихъ кристалловъ отличается отъ кристалловъ не соединившихся мѣдныхъ и оловянныхъ кристалловъ. Мы получили новый химическій индивидъ, какъ бы новый металлъ, во всей его массѣ физически однородный. Вотъ почему и явился въ

*) По ошибкѣ гравера на рис. № 3 вмѣсто SnCu , поставлено SnCu_3 . *Ред.*

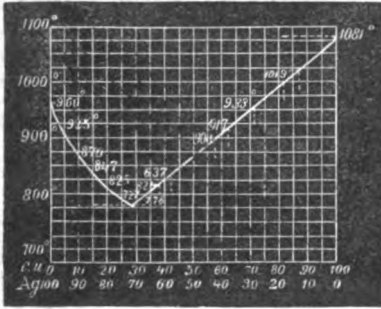
этомъ мѣстѣ наломъ на кривыхъ, характеризующихъ измѣненія различныхъ свойствъ мѣдно-оловянныхъ сплавовъ.

Здѣсь же и сказалась нужда въ микроскопѣ, при помощи котораго можно было бы вообщѣ убѣдиться въ однородности кристаллическаго строенія микро-структуры сплавовъ. Приложить микроскопъ къ изученію природы металличе-скихъ сплавовъ было дѣломъ не легкимъ: металлы прозрачны для свѣ-товыхъ лучей только въ видѣ необычайно тонкихъ пластинокъ. Трудно отшли-фовать изъ металлическихъ сплавовъ такія прозрачныя пластинки, какія петро-графы готовятъ для изученія подъ микроскопомъ структуры различныхъ горныхъ породъ и минераловъ. Стали шлифовать поверхность металлическихъ сплавовъ, протравлять различными химическими реактивами эти шлифованныя поверхности, изобрѣли способы сильно освѣщать сбоку такіе шлифы, заставляя отражаться лучи сильного свѣта отъ этихъ шлифованныхъ поверхностей и направляя отраженный свѣтъ въ микроскопъ. И вотъ передъ глазами металлографовъ, т.-е. изслѣдователей, занятыхъ изученіемъ микроструктуры металловъ и ихъ сплавовъ, появились полныя своеобразной прелести картины таинственной до тѣхъ поръ области микроструктуры металлическихъ сплавовъ. Еще одной неразгаданной тайной въ науку стало меньше, еще одна падь изъ области неизвѣстнаго была завоевана человѣческимъ умомъ, ненасытнымъ въ своей пылкости и любознательности.

При разсмотрѣніи шлифа нѣкоторыхъ сплавовъ, кромѣ ясно очерченныхъ опредѣленныхъ кристалловъ чистыхъ металловъ и ихъ химическихъ соедине-ній, бросается въ глаза наблюдателей еще одна особенность микроструктуры: твердые составляющія сплава, будь то кристаллы чистыхъ металловъ или кристаллы ихъ химическихъ соединеній другъ съ другомъ, не всегда являются ясно и рѣзко выраженными; иногда все поле зрѣнія занято какими-то струй-ками, полосками или точками, окруженными концентрическими кругами или овалами; иногда эти струйки окружаютъ ясные кристаллы. Что такое пред-ставляетъ изъ себя эта струйчатая, полосатая составная часть сплавовъ? Для того, чтобы рѣшить этотъ вопросъ, надо разсмотрѣть явленіе затвердѣ-ванія сплавовъ. Всякій металлъ (назовемъ его А) обладаетъ своей опредѣлен-ной температурой плавленія или перехода жидкаго состоянія въ твердое и обратно. Прибавленіе другого какого-нибудь металла В понижаетъ эту точку плавленія. Точно также и прибавленіе металла А къ металлу В понижаетъ точку плавленія В. Употребляя описанный выше приѣмъ графическаго изображенія этого явленія, мы получимъ двѣ идущія внизъ и пересѣкающіяся кривыя.

Будемъ говорить о мѣдно серебряныхъ сплавахъ. Какъ изъ охлаждаемыхъ слабыхъ соляныхъ растворовъ при ихъ замерзаніи выпадаютъ кристаллы воды (ледь), такъ изъ бѣдныхъ серебромъ мѣдносеребряныхъ сплавовъ выдѣляется при застываніи сначала мѣдь и лишь подъ конецъ смѣсь мѣди и серебра. То же справедливо и для правой части нашей кривой (фиг. 4), т.-е. для бѣдныхъ мѣдью сплавовъ. Чѣмъ ближе будетъ подходить составъ сплава къ тому, который плавится при самой низкой температурѣ, т.-е. чѣмъ меньше будетъ избытокъ серебра или мѣди сравнительно съ составомъ этого наиболѣе

легко плаваго изъ мѣдносеребряныхъ сплавовъ, тѣмъ менѣе будетъ промежутокъ времени между началомъ затвердѣванія (выдѣленія кристалловъ металла, находящагося въ избыткѣ) и концомъ,—т.-е. полнымъ затвердѣваніемъ сплава. Разныя въ началѣ температуры затвердѣванія (или плавленія) чистыхъ металловъ (мѣдь— 1081° , серебро 960°) отъ прибавленія мѣди къ серебру и серебра къ мѣди будутъ все понижаться и понижаться, пока не сдѣлаются равными.

Фиг. 4. Кривыя пониженія температуры плавленія мѣдно-серебряныхъ сплавовъ.

Сплавъ такого состава и будетъ наиболѣе низко плавящимся изъ мѣдно-серебряныхъ сплавовъ, именно, при 778° . При затвердѣваніи такого сплава ни серебро, ни мѣдь не имѣютъ никакого преимущества, вълѣдствіе котораго бы сначала выдѣлился бы одинъ металлъ, а потомъ другой. Оба металла будутъ выдѣляться въ твердомъ видѣ изъ сплава одновременно, и затвердѣшій сплавъ получитъ полосатое, струйчатое строеніе, равномерно распределенное по всей массѣ. Итакъ, такой сплавъ, который имѣетъ самую низкую температуру застыванія, отлагаетъ при затвердѣваніи одновременно оба металла, обѣ составныя его части заразъ и при томъ въ тѣхъ же самыхъ относительныхъ количествахъ, въ которыхъ они находились въ жидкомъ сплавѣ. Такимъ образомъ, несмотря на кристаллизацію заразъ обоихъ металловъ, составъ жидкаго сплава не мѣняется и потому онъ застываетъ весь сплошь при постоянной температурѣ. Это дѣлаетъ такой сплавъ, получившій названіе *эвтектическаго* (т.-е. хорошо составленнаго), отчасти похожимъ на определенное химическое соединеніе, такъ какъ всякій химическій индивидъ застываетъ, затвердѣваетъ при одной определенной и постоянной температурѣ. Преніе эвтектическіе сплавы за определенныя соединенія, но это было ошибочно. Микроскопическое изслѣдованіе ясно обнаруживаетъ неоднородное, полосатое, струйчатое строеніе эвтектическихъ сплавовъ.

Эти сплавы съ самой низкой точкой плавленія среди нихъ подобныхъ сплавовъ, т.-е. составленныхъ изъ тѣхъ же металловъ, замѣчательны еще слѣдующимъ. Ихъ образованіемъ, появленіемъ эвтектики оканчивается затвердѣваніе большинства сплавовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если охлаждать сплавъ какаго-нибудь другого состава, а не эвтектическаго, то онъ выдѣляетъ кристаллы того изъ двухъ тѣлъ (металловъ, или металла и определенного двуметаллическаго соединенія), которое находится въ избыткѣ по отношенію къ составу эвтектической смѣси, и вотъ мало-по-малу составъ жидкой части приближается къ эвтектическому составу. Такимъ образомъ затвердѣваніе сплавовъ любого состава оканчивается всегда при одной и той же температурѣ, отвѣчающей точкѣ застыванія эвтектической смѣси. Вотъ почему кристаллы металловъ или ихъ соединеній въ сплавѣ бывають окружены слоистой, струйчатой массой, которая и есть не что иное, какъ послѣдняя застывшая эвтектическая часть затвердѣваемаго сплава.

Когда металлы способны вступить между собой въ соединеніе, какъ, напр., олово и мѣдь, о которыхъ говорилось выше, то кривая, изображающая ходъ измѣненія температуръ плавленія сплавовъ въ зависимости отъ ихъ состава, разбивается эвтектическими точками на нѣсколько участковъ. Каждое опредѣленное междуметаллическое соединеніе можно считать за особый металлъ, который можетъ давать эвтектическіе сплавы съ другимъ ближайшимъ по составу соединеніемъ или съ металломъ, къ которому онъ приближается по своему составу. Такія отношенія были найдены на кривыхъ температуръ плавленія и обнаружены микроскопическимъ послѣдованіемъ строенія многихъ сплавовъ, напр., олова—мѣдь, олова—сурьма, сурьма—платина, алюминій—мѣдь и мн. др.; у этихъ сплавовъ двѣ эвтектическихъ точки.

Но вотъ при изученіи сплавовъ нѣкоторыхъ металловъ были найдены новыя отношенія металловъ другъ къ другу, отличающіяся отъ описанныхъ выше. Нѣкоторыя вещества, при охлажденіи ихъ расплавленной смѣси, обладаютъ свойствомъ давать однородные кристаллы, причѣмъ въ составъ этихъ кристалловъ входятъ оба вещества и къ тому же въ количествахъ, мѣняющихся въ очень широкихъ предѣлахъ.

Такія смѣси называются *изоморфными*. Опредѣленіе температуръ плавленія подобныхъ изоморфныхъ смѣсей, сдѣланныя надъ органическими соединеніями и минеральными солями, показали, что въ такомъ случаѣ кривая, изображающая ходъ измѣненія температуры плавленія въ зависимости отъ измѣненія состава смѣси, не имѣетъ изломовъ, особыхъ выдающихся точекъ и часто приближается по своему виду къ прямой, соединяющей точки плавленія обоихъ составныхъ частей смѣси. Такія отношенія наблюдаются на сплавахъ никкеля съ желѣзомъ, серебра съ золотомъ, висмута съ сурьмой.

Подводя итогъ сказанному о затвердваніи сплавовъ, можно произвести классификацію извѣстныхъ понинѣ двойныхъ сплавовъ и раздѣлять ихъ на нѣсколько группъ.

I. Сплавы, образованные механическимъ соположеніемъ кристалловъ чистыхъ металловъ.

Олово—цинкъ.	Вадмій—цинкъ.
Олово—висмутъ.	Цинкъ—алюминій.
Олово—свинець.	Мѣдь—висмутъ.
Свинець—сурьма.	Мѣдь—свинець.
Висмутъ—цинкъ.	

II. Сплавы, заключающіе опредѣленные химическія соединенія.

Олово—мѣдь.	Олово—никкель.
Сурьма—мѣдь.	Мѣдь—никкель.
Алюминій—мѣдь.	Цинкъ—сурьма.
Висмутъ—мѣдь.	Алюминій—серебро.
Олово—алюминій.	Сурьма—алюминій.
Ртуть—калій.	Талій—свинець.
Ртуть—натрій.	Олово—магній.
Ртуть—свинець.	

III. Сплавы, даюціе изоморфную смѣсь.

Висмутъ—сурьма.

Золото—серебро.

Желѣзо—никкель.

IV. Сплавы, содержащіе опредѣленное химическое соединеніе, изоморфное съ однимъ изъ металловъ:

Цинкъ—мѣдь.

Кадмій—серебро.

Цинкъ—серебро.

Олово—сурьма.

Олово—серебро.

Серебро—сурьма.

Разсмотрѣнные до сихъ поръ намъ сплавы имѣли то свойство, что ихъ металлы въ жидкомъ состояніи сполна во всѣхъ отношеніяхъ смѣшиваются другъ съ другомъ, подобно спирту и водѣ. Но есть и такіе металлы которые относятся другъ-другу какъ масло и вода или почти также: они не смѣшиваются другъ съ другомъ, ихъ взаимная растворимость ограничена, они образуютъ при сливаніи въ жидкомъ видѣ два слоя разнаго состава, которые застывая и даютъ два разные сплавы. Таковы висмутъ и цинкъ, мѣдь и свинецъ. Такое явленіе ограниченной растворимости наблюдается и для другихъ жидкостей. Такъ обыкновенный сѣрный эфиръ (составная часть общеизвестныхъ гофманскихъ капель), будучи налитъ на воду, не смѣшивается вполне съ ней. Снизу образуется водный слой содержащій небольшое количество эфира, сверху плаваетъ эфирноводный слой. Къ такимъ не смѣшивающимся другъ съ другомъ металлами относили мѣдь и желѣзо, но недавніе опыты указали, что совершенно чистые жидкіе мѣдь и желѣзо вполне смѣшиваются другъ съ другомъ и образуютъ однородные сплавы, мѣняющіе составъ отъ 100% мѣди до 100% желѣза. Но стоитъ только вмѣсто чистаго желѣза взять углеродистое желѣзо—сталь или чугунокъ, и мѣдь нельзя сполна сплавить съ такимъ желѣзомъ въ однородный сплавъ, при остываніи она отклоняется; такимъ образомъ углерод или его соединеніе съ желѣзомъ (карбидъ желѣза), содержащееся во всякой стали, вытѣсняетъ мѣдь изъ ея сплавомъ съ желѣзомъ. Это научное наблюденіе надъ сплавами мѣди объяснило давно замѣченный техниками фактъ дурного вліянія примѣси сколько-нибудь значительныхъ количествъ мѣди на вѣрность и другія свойства стали.

Мы не будемъ касаться здѣсь сплавовъ металловъ съ неметаллическими элементами или съ соединеніями послѣднихъ съ металлами, каковы, напримѣръ, соединенія желѣза съ углеродомъ (карбиды желѣза), желѣза съ фосфоромъ (фосфиды), съ кремніемъ (силициды), хотя эти полуметаллическія вещества ведутъ себя въ сплавахъ съ желѣзомъ совершенно также, какъ и металлы: образуютъ эвтектики, даютъ соединенія, изоморфныя смѣси. Громадное техническое значеніе этихъ соединеній металловъ съ неметаллическими элементами, въ особенности карбида желѣза, какъ веществъ, вліяющихъ своими превращеніями на микроструктуру стали, не позволяетъ касаться этого предмета вкратцѣ.

В. Яковлевъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Опыты г. Бахметьева надъ насѣкомыми.—Физиологическое дѣйствіе магнита.—Лучи радія для слѣпыхъ.—Пушки противъ града.—Средняя продолжительность жизни и пониженіе рождаемости во Франціи.

Опыты г. Бахметьева надъ насѣкомыми. Приводимъ вкратцѣ содержаніе четырехъ работъ Бахметьева, связанныхъ между собой содержаніемъ и являющихся продолженіемъ ранѣе вышедшей работы его о температурѣ тѣла болгарскихъ насѣкомыхъ въ зависимости отъ движенія животнаго и температуры воздуха. Для точныхъ опредѣленій температуры тѣла насѣкомыхъ Бахметьевъ употреблялъ термоэлектрической аппаратъ и очень чувствительный гальванометръ. Его наблюденія и опыты показали, что при искусственномъ охлажденіи воздуха ранѣе, чѣмъ насѣкомое замерзнетъ, охлаждается его лимфа. Замерзаютъ же насѣкомыя только послѣ того, какъ, смотря по виду, полу, индивидууму и состоянію питанія, перейдена для каждаго такъ наз. «критическая точка». Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря выдѣленію свободной теплоты, образующейся при окочештіи, температура тѣла поднимается на много градусовъ. Четыре вышедшія недавно работы г. Бахметьева затрогиваютъ совершенно новые вопросы біологів и по содержанію распадаются на три части. Въ первой изъ нихъ рассматривается зависимость температуры насѣкомыхъ отъ теплоты воздуха, влажности, отъ движеній, питанія и дыханія. При обыкновенной влажности воздуха (Бахметьевъ дѣлалъ опыты, главнымъ образомъ, надъ бабочками) и при искусственно нагрѣтомъ воздухѣ, температура тѣла насѣкомаго всегда ниже температуры воздуха. При болѣе влажномъ воздухѣ, чѣмъ это бываетъ нормально, происходятъ обратныя явленія. Изъ этого Бахметьевъ дѣлаетъ выводъ, что болѣе низкая температура въ первомъ случаѣ является слѣдствіемъ испаренія. Движеніе крыльевъ поднимаетъ температуру тѣла, покой понижаетъ; послѣ продолжительнаго покоя, температура тѣла насѣкомаго сравнивалась съ температурой воздуха или была, во всякомъ случаѣ, очень близка къ ней. Наиболѣе высокая температура тѣла, достигнутая бабочками, благодаря движеніямъ, въ среднемъ не превышала 36° Ц.; но, если и послѣ этого искусственнымъ раздраженіемъ заставить бабочку дѣлать движенія крыльями, то температура тѣла поднималась иногда и до 40° Ц. Если покой и движеніе часто сѣняются другъ друга, то температура тѣла въ каждый послѣдующій періодъ движенія опускается ниже, чѣмъ въ предыдущій. Внезапное, часто наблюдаемое прекращеніе движенія крыльевъ бабочки происходитъ не вслѣдствіе усталости; такъ, напримѣръ, одна бабочка въ подобномъ случаѣ продолжала еще дѣлать слабыя движенія крыльевъ почти въ теченіе часа. Многочисленныя наблюденія надъ бабочками (длиныя путешествія впродолженіи нѣсколькихъ дней) доказываютъ, что бабочки далеко не такъ скоро устаютъ. Также невѣрно мнѣніе, что вѣрообразныя движенія крыльевъ дѣйствуютъ

охлаждающимъ образомъ и тѣмъ ослабляютъ увеличеніе температуры, происходящее отъ движенія. Ложность этого мнѣнія доказывается тѣмъ, что при обрѣзываніи крыльевъ, температура тѣла бабочки повышается очень мало. По Бахметьеву вышеупомянутая остановка движеній крыльевъ происходитъ отъ паралича мускуловъ вслѣдствіе повышенія температуры. Если температура подымается до 50° Ц., то параличъ становится общимъ и полный, за параличемъ слѣдуетъ смерть. Опыты съ искусственно повышенной температурой воздуха показали также, что этотъ проходящій и частичный параличъ наступаетъ только при высокой температурѣ тѣла. При пониженіи температуры воздуха также наступаетъ параличъ; въ одномъ случаѣ это наблюдалось уже при 27° Ц. Голодь понижаетъ температуру тѣла насѣкомыхъ, дыханіе повышаетъ ее.

Вторая часть изслѣдованій г. Бахметьева распадается на два отдѣла. Въ первомъ разсматривается прижизненный максимумъ температуры. Температура, смертельная для насѣкомаго колеблется между 46° и 53° Ц., въ зависимости отъ частоты дыханія, обіѣна веществъ, отъ испаренія, величины насѣкомаго и, наконецъ, отъ отношенія между бѣлковыми веществами и водой, находящихся въ тѣлѣ животнаго.

Большой биологическій интересъ представляетъ опредѣленіе вліянія низкой температуры на насѣкомое и выясненіе обстоятельствъ, при которыхъ совершается противодѣйствіе ей, а также и опредѣленіе температуры, при которой на ступаетъ смерть (прижизненный минимумъ температуры). На «критическую температуру», послѣ которой наступаетъ смерть, имѣетъ большое значеніе быстрота охлажденія; подъ этимъ Бахметьевъ понимаетъ число градусовъ, при которыхъ температура насѣкомаго въ теченіе *одной минуты* быстро падаетъ, начиная отъ произвольно взятой температуры (Бахметьевъ за такую беретъ— 4° С). Изъ опытовъ выяснилось, что не только «критическая температура» для одного и того же вида при различной скорости охлажденія имѣетъ различна, но также и разниця между критической температурой и нормальной температурой замерзанія въ различныхъ опытахъ была очень большая.

Бахметьевъ ставилъ опыты также и надъ личинками, куколками, и сравнивалъ результаты, полученные при этихъ опытахъ, съ результатами опытовъ надъ взрослыми насѣкомыми. И здѣсь максимумъ и минимумъ температуры, при которой умираетъ насѣкомое, различны, смотря по виду, полу и стadiи развитія, въ какомъ находится насѣкомое.

Физиологическое дѣйствіе магнита. III. Фере сдѣлалъ недавно интересное сообщеніе о физиологическомъ дѣйствіи магнита. Еще въ XVIII столѣтіи Андри и Тура указывали, что магнитъ можетъ облегчить нѣкоторыя нервныя расстройства. Въ XIX столѣтіи Маггіочани вернулись къ опытамъ Тура и Андри. Его изслѣдованія показали, что магнитъ возвращаетъ потерянную чувствительность у истеричныхъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и при органическихъ пораженіяхъ. При этомъ дѣйствіе магнита обнаруживается скорѣе при прибли-

женіи его къ той части тѣла, гдѣ потеряна чувствительность. Но магнитъ восстанавливаетъ не только чувствительность, но и движенія у истеричныхъ, что и было изучено Фере съ помощью динамометра и динамографа. По Фере оказывается, что если поднести магнитъ къ здоровой сторонѣ истеричной больной, то двигательная энергія ея сразу повышается; съ другой стороны опытами Петерсона и Кевелли сдѣланными въ эдисоновской лабораторіи, установлено, что даже самые сильные магниты не оказываютъ никакого дѣйствія на здоровыхъ людей.

Фере утверждаетъ, что дѣйствіе магнита тѣмъ яснѣе и энергичнѣе, чѣмъ конечность, на которую его направляютъ, больше утомлена. Если послѣ полнаго отдыха дѣйствовать магнитомъ въ началѣ работы на сторону, которая начала работать, то прежде всего замѣчается пониженіе работы. При тѣхъ же условіяхъ магнитъ со стороны не работающей вызываетъ небольшое увеличеніе работы. Въ обоихъ случаяхъ увеличеніе и уменьшеніе продолжаются втеченіе одинаковаго промежутка времени. Затѣмъ картина мѣняется; за первоначальнымъ уменьшеніемъ работы слѣдуетъ увеличеніе ея, за увеличеніемъ—уменьшеніе. Послѣ идутъ послѣдовательныя колебанія: то уменьшенія, то увеличенія; это же замѣчается также и при примѣненіи магнита къ уставшей конечности, гдѣ вначалѣ обнаруживается увеличеніе работы. Если приблизить магнитъ къ средней линіи тѣла, то первичныя или вторичныя увеличенія даятся дольше, послѣдовательныя же колебанія слабѣе. Оба магнитные полюса дѣйствуютъ одинаково; направленіе магнита не оказывало замѣтнаго дѣйствія.

«Магнитъ, слѣдовательно,—говоритъ Фере,—дѣйствуетъ какъ сильный возбуждатель, который уменьшаетъ работу, если человекъ отдохнулъ, и увеличиваетъ её у уставшаго».

Если приблизить магнитъ къ испытуемому субъекту во время работы такъ, чтобы онъ этого не замѣтилъ, то регистрирующіе приборы отмѣчаютъ все же явленія, описанныя нами выше. Слѣдовательно нельзя думать, что здѣсь играетъ роль внушеніе.

Г. Броунъ нашелъ, что при дѣйствіи магнита происходятъ также измѣненія кожной чувствительности, соотвѣтствующія измѣненіямъ двигательнымъ.

Лучи радія для слѣпыхъ. Гизель нашелъ, что одна изъ флуоресцирующихъ солей радія продолжаетъ возбуждать свѣтовое впечатлѣніе даже тогда, когда между нею и глазомъ находится какое нибудь непрозрачное тѣло, напр., желѣзо. Присутствіе радія обнаруживается сіяніемъ, который наполняетъ все поле зрѣнія. То же самое сіяніе замѣчается, если къ виску приложить стеклянную трубочку, въ которой находится нѣсколько сантиграммовъ хлористаго радія. Жазоль вмѣстѣ съ Кюри поставили нѣсколько опытовъ съ цѣлью узнать, какое дѣйствіе оказываетъ радій на слѣпыхъ. Опыты эти констатировали зависимость ощущенія свѣта, испускаемаго радіемъ, отъ состоянія сѣтчатой оболочки даннаго субъекта. Если оболочка эта осталась здоровой, то свѣтовое ощущеніе отъ лучей радія воспринимается слѣпыми такъ же, какъ и зрячими. Поэтому, если было бы возможно сдѣлать прозрачными роговыя оболочки въ тѣхъ случаяхъ,

когда слѣпота происходитъ вслѣдствіе непрозрачности послѣднихъ, то такіе слѣпые, могли бы видѣть, при помощи лучей радія.

Пушки противъ града. Гутеро въ «Annaire de la société météorologique de France» разбираетъ результаты стрѣльбы изъ пушекъ противъ града, полученные въ сѣверной Италіи, въ 1900 г., въ Виндишъ-Фрейштрицъ, въ 1900 и 1901 г., и въ Пруссіи. Гутеро предпринялъ эту работу съ цѣлью выяснитъ вліяніе пушечныхъ выстрѣловъ на грозовыя тучи.

Пушки, употребляемая для стрѣльбы противъ града, состоятъ изъ mortarы и воронкообразной трубы. Наиболѣе полные опыты были произведены Пернтеромъ и Трабартомъ около Граца. Дымъ и горячіе газы, происходящіе отъ взрыва пороха, выходятъ изъ mortarы въ видѣ крутящагося кольца. Это кольцо, аналогичное кольцу, получаемому при куреніи табака, бываетъ видимо наблюдателю, смотря по состоянію погоды и неба; лучше всего можно наблюдать за кольцомъ при сырой погодѣ и небѣ, сплошь покрытомъ тучами. Сначала діаметръ кольца равенъ діаметру жерла, но на нѣкоторомъ разстояніи отъ него діаметръ увеличивается и можетъ дойти до одного метра. При выходѣ газовъ и дыма изъ жерла слышатся очень характерный свистъ, продолжающійся 10 и даже 20 секундъ *).

Пернтеръ и Трабартъ вычислили скорость газовъ по выходѣ изъ такой пушки, а также и дальнѣйшее уменьшеніе этой скорости, при помощи хронографа, измѣряя время, употребляемое газами для прохожденія извѣстнаго пространства; опыты производились съ зарядами различной силы. Градобойная mortarа была цилиндрической формы и имѣла 30 сант. въ діаметръ и 30 въ длину; воронка-резонаторъ—2 метра 50 сант., а діаметръ ея раструба 52 сантиметра. Стрѣльба производилась въ вертикальномъ и горизонтальномъ направленіяхъ. Опыты этихъ двухъ австрійскихъ ученыхъ показали, что средняя скорость сначала увеличивается съ увеличеніемъ количества пороха, пока зарядъ не достигнетъ вѣса въ 180 граммовъ. При большихъ зарядахъ скорость уменьшается, такъ что для полученія наилучшаго результата зарядъ долженъ быть равенъ 180 грам.

Средняя скорость немного больше, если стрѣлять въ вертикальномъ направленіи, чѣмъ въ горизонтальномъ. Вначалѣ скорость въ вертикальномъ направленіи равна приблизительно $1\frac{1}{4}$ скорости въ горизонтальномъ. Можно вычислить, на какомъ разстояніи скорость должна быть равной нулю, и получить такимъ образомъ представленіе о разстояніи, на которое можетъ битъ такой газовый «снарядъ». При горизонтальной стрѣльбѣ и зарядъ въ 180 граммовъ, разстояніе это будетъ равняться приблизительно 200 метр., при стрѣльбѣ въ вертикальной 300 метр. Въ исключительныхъ случаяхъ, при обстоятельствахъ особенно благоприятныхъ, оба эти разстоянія могутъ достигнуть—первое 300, другое 400 метровъ. Скорость, какъ было сказано, постепенно уменьшается, въ особенности же въ первую секунду и въ началѣ второй, при зарядахъ въ 180 гр.

*) I. M. Pernter und Trabert. «Untersuchungen über das Wetterschleusen» (Météorologische Zeitschrift, 1900, p. 385).

При меньших же зарядахъ, наоборотъ, замедленіе скорости вначалѣ слабое, затѣмъ сильно увеличивается.

Такимъ образомъ, опыты показали, что, если приписывать благопріятное вліяніе на грозовую тучу кольцу изъ газа и дыма, то для того, чтобы получить такое кольцо, нужно употреблять большіе снаряды и заряды. Результаты, полученные въ 2-хъ различныхъ областяхъ, какъ бы подтверждаютъ этотъ выводъ.

Лѣтомъ 1900 г. метеорологическая станція въ Римѣ послала двухъ ученыхъ слѣдить за результатомъ стрѣльбы противъ града въ сѣверной Италиі. Одинъ изъ нихъ, Риццо, поселился съ этой цѣлью въ Casale, въ мѣстности, гдѣ находится 93 синдиката, владѣющіе 2.400 градобойными мортирами; другой же ученый Покеттино—въ Канельяно, гдѣ слѣдилъ за стрѣльбой 300 синдикатовъ, имѣющихъ 7.000 мортиръ.

Оба наблюдателя сомнѣваются, чтобы грозовое облако могло бы быть разорвано подъ вліяніемъ газовъ выстрѣла или же молекулярнаго сотрясенія; лично они ни разу этого не наблюдали. Конечно, это не можетъ еще служить аргументомъ противъ градобойной стрѣльбы. Гораздо интереснѣе статистика, веденная г. Покеттино. Эта статистика обнимаетъ собой всѣ случаи когда, выпадалъ градъ, съ указаніемъ мѣста, дня и часа. Всѣ результаты сгруппированы въ слѣдующія пять категорій.

1) Градъ выпадаетъ, несмотря на правильную стрѣльбу, и въ 10 случаяхъ на 100 причиняетъ вредъ. Такихъ случаевъ 46.

2) Градъ при неправильной стрѣльбѣ—18 случаевъ.

3) Правильная стрѣльба; града выпадаетъ мало какъ внѣ, такъ внутри области стрѣльбы; 67 случаевъ.

4) Въ области, гдѣ стрѣляютъ, градъ не выпадаетъ, тогда какъ внѣ ея выпадаетъ очень большое количество; 50 случаевъ.

5) Неправильная стрѣльба; вредъ, принесенный градомъ, меньше тамъ, гдѣ стрѣльба производилась, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; 10 случаевъ.

Результаты эти указываютъ, что случаи сгруппированные въ-1-ой и во 2-ой неблагопріятны, тогда какъ 2-хъ послѣднихъ—благопріятны. Результаты 2-ой группы сомнительны, такъ какъ неизвѣстно слѣдуетъ ли приписать выпаденіе града неправильности стрѣльбы, или же вообще ея неэффективности. Не принимая во вниманіе 18 случаевъ этой категоріи, имѣемъ 60 случаевъ благопріятныхъ и 113 неблагопріятныхъ. Первая и четвертая категорія представляютъ противоположные результаты и обнимаютъ собой почти одно и то же количество случаевъ. Итакъ результаты 1900 г. кажутся совершенно благопріятными въ мѣстности, находившейся подъ наблюденіемъ Покеттино. Нужно при этомъ замѣтить, что итальянскія станціи снабжены небольшими градобойными снарядами, зарядъ которыхъ равняется отъ 40 до 80 грам. пороха, и потому интересно познакомиться со станціями, которыя употребляютъ большіе снаряды, напр., Виндигъ Фрейштрицъ. Синдикатъ здѣсь владѣетъ 40 мортирами на пространствѣ въ 40 квадратныхъ километровъ, такъ что каждая мортара оберегаетъ отъ града приблизительно 1 километръ, но это разстояніе иногда измѣняется немного, въ зависимости отъ расположенія мѣстности вино-

градниковъ, въ обереганіи которыхъ и заключается главная цѣль данныхъ градобойныхъ станцій.

Снаряды, употребляемые здѣсь состоятъ изъ мортиры, калибромъ 30 линн., къ которой приделана труба—резонаторъ въ 4 метра вышины. Зарядъ равняется 180 грам. пороха и все устройство приспособлено такъ, чтобы въ часъ можно сдѣлать отъ 40 до 50 выстрѣловъ.

Въ 1900 г. насчитали 29 грозовыхъ дней и 37 грозъ. Въ 1901 г.— 30 грозовыхъ дней и 37 грозъ. Градъ выпалъ 13 разъ въ вышеупомянутой мѣстности. Распределеніе по мѣсяцамъ было слѣдующее:

1900 май	1 день	1901 май	3 дня.
> июнь	5 >	> июнь	2 >
> июль	1 >	> августъ	1 >

Въ оба эти года града выпало мало и градины были бѣлыя и большею частью мягкія. Градины величиной въ мансовое зерно или же въ лѣсной орѣхъ выпали только 6 разъ.

При первомъ взглядѣ на карты, приложенныя къ отчету этихъ станцій, бросается въ глаза, что ни въ 1900 г., ни въ 1901 г. градъ не выпадалъ внутри центрального оберегаемаго участка, но только на периферіи его. Такъ на территоріи, занимаемой десятью станціями ни разу не было града въ продолженіи всѣхъ 2-хъ лѣтъ.

Результаты довольно благопріятны, но все же необходима статистика за болѣе продолжительный періодъ, чтобы судить о томъ, зависятъ ли благопріятные результаты отъ стрѣльбы въ облака или нѣтъ.

Съ 1898 года прусскимъ метеорологическимъ институтомъ были начаты опыты съ цѣлью опредѣлить вліяніе пушечныхъ выстрѣловъ на частоту грозъ и выпаденія града. Результаты трехлѣтнихъ наблюденій опубликованы Дакманномъ *).

Наблюденія были сдѣланы на 12 поляхъ, разбѣянныхъ по всей Пруссіи; вокругъ cadaго изъ нихъ производились сравнительныя наблюденія на многихъ станціяхъ (отъ 3 до 5), расположенныхъ на сколько возможно на одинаковыхъ разстояніяхъ отъ опытныхъ полей. Конечно, не всегда было возможно выполнить это послѣднее условіе, и въ дѣйствительности разстоянія станцій, гдѣ производились сравненія отъ полей, гдѣ происходила стрѣльба, разнились отъ 13 до 21 километра и даже для одной станціи до 26 километровъ. Поэтому нельзя сравнивать между собой результаты, полученные на этихъ различныхъ группахъ станцій. Затѣмъ, стрѣльба не продолжалась для всѣхъ группъ одинъ и тотъ же промежутокъ времени. Такъ, для большей части изъ нихъ она производилась въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ (іюнь, іюль); на 3-хъ поляхъ она продолжалась цѣлый годъ, и 6 мѣсяцевъ на всѣхъ остальныхъ. Орудія и снаряды были также различны: полевые орудія со снарядомъ въ 0,6 килогр., крѣпостныя пушки со снарядомъ въ 100 килогр., большія морскія пушки со снарядомъ болѣе, чѣмъ въ 100 кило. Но все же

*) Meteorologische Zeitschrift, стран. 559.

результаты наблюдений очень интересны, они сведены в следующей таблицѣ. Подъ буквою А обозначена число грозовыхъ дней, число грозъ и выпаденія града на станціяхъ, служащихъ для сравненія; подъ В—соотвѣтственные числа для полей, гдѣ производилась стрѣльба.

СТАНЦИИ.	Годовое среднее число:								
	Грозовыхъ дней.			Грозъ.			Града.		
	А	В	А—В	А	В	А—В	А	В	А—В
Арисъ	23,6	19,0	—4,6	35,0	29,7	— 5,3	1,5	1,7	—0,2
Торнь	17,8	14,3	—3,5	20,8	16,0	— 4,8	0,7	1,3	+0,6
Гаммерштейнъ . . .	17,0	10,7	—6,3	21,5	12,7	— 8,8	1,1	0,7	—0,4
Ламздорфъ	21,5	12,3	—9,2	26,6	13,3	—13,3	0,5	0,7	+0,2
Ютербогъ	16,7	15,7	—1,0	21,1	19,7	— 1,4	0,8	1,3	+0,5
Буммерсдорфъ	21,3	14,3	—7,0	31,2	19,7	—11,5	1,1	0,7	+0,4
Локштедтъ	19,3	10,3	—9,0	23,8	11,0	—12,8	2,6	1,3	—1,3
Меппень	22,2	27,7	—5,5	36,2	35,0	— 1,2	2,1	1,3	—0,8
Везель	20,2	17,7	—2,5	26,2	23,0	— 3,2	1,4	1,7	+0,3
Ванъ	26,2	26,0	—0,2	40,7	35,0	— 5,7	2,3	3,3	+1,0
Кйзенборнъ	15,8	13,5	—2,3	17,2	15,0	— 2,2	2,2	0,5	—1,7
Дармштадтъ	25,2	21,3	—3,9	34,1	24,3	— 9,8	2,2	2,7	+0,5

Нѣкоторыя отклоненія довольно большія (напр., Ламздорфъ и Меппень), должно быть, произошли вслѣдствіе ошибочныхъ наблюдений. Во всѣхъ случаяхъ, исключая одного, видно, что грозовые дни рѣже на опытныхъ поляхъ, чѣмъ въ окрестностяхъ; въ среднемъ разница равняется немного меньше 4-хъ дней. Единственное исключеніе составляетъ Меппень, гдѣ стрѣльба производилась морскими и береговыми орудіями. Число грозъ также рѣже на опытныхъ поляхъ, чѣмъ на провѣрочныхъ поляхъ. Что касается града, онъ выпадалъ такъ рѣдко, что трудно вывести болѣе или менѣе вѣрное заключеніе. Лахманнъ приходитъ къ выводу, что, если считать всѣ наблюденія вѣрными, то числа показываютъ, что пушечная стрѣльба уменьшаетъ количество грозъ.

Слѣдовательно, наблюденія, сдѣланныя въ Виндишъ-Фрейштрицъ и въ Прус-сін, говорятъ за благопріятное дѣйствіе стрѣльбы изъ пушекъ противъ града. Но все же вопросъ остается подъ сомнѣніемъ; онъ можетъ быть рѣшенъ благодаря только наблюденіямъ, тщательно произведеннымъ и веденнымъ въ теченіе многихъ лѣтъ *).

Средняя продолжительность жизни и пониженіе рождаемости во Франціи. Въ французскомъ статистическомъ сборникѣ о движеніи населенія приведены интересныя цифры о средней продолжительности жизни во Франціи за истекшее столѣтіе. Оказывается, что эта средняя была въ періодъ 1806—1810 г. — 30

*) Французскія работы по этому вопросу слѣдующія: «Les orages à grêle et le tir au canon. par F. Houdaille, Paris, 1901. «La défense des vignes contre la grêle» par J. de Chabannes La Palice, Lyon, 1901 г. На нѣмецкомъ брошюра G. Suschning. «Das Wetterschiessen», Graz, 1901.

лѣтъ и 5 мѣсяцевъ для мужчинъ и 32 г. 6 м.—для женщинъ, за періодъ же 1896—1900 г. для мужчинъ—43 г. 8 м., для женщинъ—46 л. 1 м.

Такимъ образомъ, меньше чѣмъ за столѣтіе средняя продолжительность жизни во Франціи повысилась на 14 лѣтъ. Особенно сильно это повышение было въ концѣ столѣтія; такъ, общая (и мужчинъ, и женщинъ) средняя съ 40 лѣтъ въ 1885 г. достигла въ 1900 почти 45 лѣтъ. Такой громадный прогрессъ объясняется, конечно, прежде всего, могучимъ ростомъ культуры и благосостоянія страны. Но имѣется причина и другого порядка — это прогрессивное уменьшеніе рождаемости. Такъ, въ періодъ 1806—1828 г. на 10.000 челов. населенія во Франціи рождалось въ годъ 315 чел., въ періодъ 1859—1868 г.—266 чел., въ періодъ 1879—1883 г.—248 челов., а въ 1899 и 1900 г.—всего по 219 чел. Мы видимъ, что меньше чѣмъ въ столѣтіе рождаемость уменьшилась почти на 100 на 10.000 и въ настоящее время число рожденій только въ нѣкоторые года превышаетъ, и то весьма незначительно, число смертей, въ иные же годы (1890, 1891, 1892, 1895, 1900) даже ниже послѣдняго.

Извѣстно, что наибольшій процентъ смертности приходится на первый годъ жизни человѣка, и если рождаемость въ данной странѣ крайне незначительна, то одинъ уже этотъ фактъ долженъ сильно повысить среднюю продолжительность жизни. Поэтому высокую продолжительность жизни во Франціи нельзя приписать только однимъ благопріятнымъ условіямъ культурной жизни этого народа, нѣкоторый, и, вѣроятно, весьма значительный, процентъ нужно снять со счетовъ, какъ обязанный своимъ происхожденіемъ совершенно другимъ причинамъ.

В. А.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Іюнь

1902 г.

Содержаніе:—Критика и исторія литературы.—Исторія всеобщая.—Социологія и политическая экономія.—Философія—Естествознаніе и географія.—Народное образованіе.—Новыя книги, поступившія въ редакцію для отзыва.—Новости иностранной литературы.

КРИТИКА И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Тарасенковъ. «Послѣдніе дни жизни Гоголя».—«Гоголевскій сборникъ».—*Н. Этельгардтъ.* «Исторія русской литературы».

Послѣдніе дни жизни Н. В. Гоголя. Записки его современника доктора Тарасенкова. Изданіе второе, дополненное по рукописи. М. 1902. Стр. 33. Ц. 30 к. Брошюра доктора Тарасенкова, одного изъ врачей, лечившихъ Гоголя, написана въ апрѣлѣ 1852 года. Впервые она была напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ концѣ 1856 г., но съ пропускомъ нѣкоторыхъ фактовъ и именъ. Эти пропуски явились въ печати только въ концѣ девяностыхъ годовъ, въ IV томѣ «Матеріаловъ для біографіи Гоголя», составленныхъ Шенрокомъ. Воспоминанія Тарасенкова, напечатанныя теперь въ полномъ видѣ, содержатъ много крайне интересныхъ фактовъ и представляютъ документъ перво-степенной важности для ознакомленія съ послѣдними днями жизни великаго писателя. И тѣ объясненія, которыя даетъ Тарасенковъ относительно истинныхъ причинъ смерти Гоголя, заслуживаютъ серьезнаго вниманія, хотя эти объясненія и высказаны очень осторожно. «Духовный элементъ—говоритъ докторъ Тарасенковъ,—кажется, былъ преобладающею причиною его безпокойства, потрясеній и могъ вызвать тѣлесныя страданія... Кромѣ безденежья, разныхъ неудачъ, разочарованій... самое его творчество потрясло его здоровье: въ описаніяхъ житейской пошлости онъ весь переселялся въ описываемое и глубоко страдалъ, какъ бы живя на время жизнью своихъ героевъ. Изучая все встрѣчающееся въ жизни, онъ ясно понималъ пошлое даже тамъ, гдѣ другіе его не видали, и скорбѣлъ о немъ... Въ послѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ онъ надѣялся разрѣшить глубокую задачу совершенствованія; представить лучшей порядокъ вещей, лучшихъ людей, лучшую жизнь. Окруженный религіозными людьми и самъ всегда искренно преданный религіи, въ послѣднее время онъ подвергся исключительному ея влиянію и окончательно убѣдился, что она одна разрѣшитъ и для другихъ, и для него всѣ возможные задачи. Совершенствованіе, кажется, онъ началъ съ себя самого и предложилъ себѣ вопросъ: какъ ему жить и дѣйствовать, чтобъ не упустить ничего, предписываемаго православіемъ?.. Вѣроятно, ему казалось, что онъ не исполнилъ одного изъ подвиговъ христіанскихъ—изможденія плоти, о которомъ такъ высоко отзываются подвигоположники, отшельники міра; онъ возненавидѣлъ плоть свою, пересталъ ее питать, рѣшился быть отшельникомъ въ мірѣ». Но все-таки, по мнѣнію доктора Тарасенкова, «никакъ нельзя утверждать, что Гоголь умеръ отъ голода». Ближайшей причиною смерти былъ рѣзкій переходъ «съ французской кухни на пустынный столъ», переходъ, вызвавшій катарръ желудка и кишечъ. Что касается медицинской помощи, то грубые и невѣжественные эскулапы,

по мнѣнію доктора Тарасенкова, только усилили страданія послѣднихъ дней Гоголя и ускорили приближеніе его смерти. Такъ какъ Гоголь отказывался отъ всякой медицинской помощи, а въ послѣдніе дни своей жизни даже и отъ пищи, то врачи рѣшили лѣчать больного насильно, какъ человѣка, не владѣющаго разсудкомъ. «Обращеніе ихъ (докторовъ),—говоритъ Тарасенковъ,—было неумолимое; они распоряжались (съ Гоголемъ), какъ съ сумасшедшимъ, кричали передъ нимъ, какъ передъ трупомъ. Клименковъ приставалъ къ нему, мать, вочорчалъ, поливалъ на голову какой-то ѣдкій спиртъ» и т. д. И никакія просьбы Гоголя оставить его въ покоѣ не останавливали этого «медика-палача».

Слѣдуетъ отмѣтить также, что докторъ Тарасенковъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергаетъ широко распространенное и принимаемое даже Ломброзо мнѣніе, будто бы Гоголь страдалъ извѣстнымъ тайнымъ порокомъ (см. стр. 20).

С. Аиескій.

Гоголевскій сборникъ. Подъ редакціей проф. М. Сперанскаго. Киевъ. 1902. Стр. 445 Цѣна 2 р. Гоголевская коммиссія, образованная при нѣжинскомъ историко-филологическомъ институтѣ, между прочимъ, ознаменовала пятидесятилѣтнюю годовщину смерти Гоголя изданіемъ особаго сборника, который занятъ почти исключительно обзоромъ литературы о великомъ юмористѣ, описаніемъ гоголевской выставки, устроенной въ Нѣжинѣ, и документами, извлеченными изъ архива бывшей «Гимназіи высшихъ наукъ».

Библиографическій обзоръ, составленный г. Заболотскимъ, занимаетъ болѣе ста страницъ и охватываетъ литературу о Гоголѣ съ 1829 года до августа 1901 года. Литература до 1880 года обозрѣвается въ связанномъ очеркѣ съ указаніемъ главнѣйшихъ трудовъ о Гоголѣ и главнѣйшихъ точекъ зрѣнія на его литературную дѣятельность. Позднѣйшая литература представлена въ систематическомъ перечнѣ книгъ, статей и замѣтокъ о Гоголѣ, а также его писемъ, посвященныхъ ему стихотвореній и т. д. Отъ подобнаго же обзора, даннаго г. Венгеровымъ въ «Источникахъ словаря русскихъ писателей», вторая половина труда г. Заболотскаго отличается болѣею полнотою и систематичностью, а главнымъ образомъ, тѣмъ, что о содержаніи отдѣльныхъ произведеній даются краткія указанія.

Описанію выставки предпосланы двѣ статьи проф. Сперанскаго: «Портреты Гоголя» (здѣсь же приведены отзывы современниковъ Гоголя о его наружности) и «Гоголь въ народной книжкѣ и картинкѣ». Изъ послѣдней статьи видно, что дубочная литература воспользовалась для передѣлокъ только четырьмя произведеніями Гоголя, а именно: «Віемъ», «Страшной местию», «Ночью подъ Рождество» и «Тарасомъ Бульбой». Передѣлки эти произведены съ такими искаженіями фабулы, не говоря уже о стилѣ, что «въ результатѣ получается не Гоголь, а фантазія на гоголевскую тему».

Самый каталогъ выставки занимаетъ болѣе ста страницъ и содержитъ перечень портретовъ Гоголя, рисунковъ и видовъ, имѣющихъ отношеніе къ его жизни и творчеству, бумагъ, автографовъ, рисунковъ и сочиненій Гоголя, журналовъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, переводовъ, переложеній и передѣлокъ его сочиненій, музыкальныхъ произведеній на гоголевскія темы и т. д. Особенный интересъ могъ бы имѣть перечень портретовъ родныхъ, друзей, знакомыхъ и современниковъ Гоголя, а также позднѣйшихъ писателей, артистовъ, музыкантовъ и художниковъ, дѣятельность которыхъ имѣла то или иное отношеніе къ Гоголю; къ сожалѣнію, въ этомъ отдѣлѣ даются нерѣдко неточныя и неполныя свѣдѣнія. Такъ, напримѣръ, Анненковъ названъ беллетристомъ, Станкевичъ—«крупнымъ писателемъ», кн. В. Ѳ. Одоевскій—«бывшимъ арзамасцемъ», Н. Павловъ—издателемъ «Московскихъ Вѣдомостей» и т. д. Невѣрно, неточно или неполно также указаны и отношенія Гоголя къ нѣкоторымъ изъ его современниковъ. На стр. 235-ой говорится, что Гоголь надѣялся получить отъ цесаревича матеріальную поддержку, но не упомянуто, что онъ получалъ

черезъ Жуковского 4 т. рублей. Объ отношеніяхъ Плетнева къ Гоголю сказано только, что онъ много помогаль Гоголю въ его хлопотахъ о «Мертвыхъ душахъ». О министрѣ Уваровѣ сообщается, что «съ нимъ Гоголь состоялъ въ перепискѣ». Объ И. Аксаковѣ говорится, что онъ вмѣстѣ съ Гоголемъ бываль у Смирновой въ Калугѣ въ 1851 году, тогда какъ на самомъ дѣлѣ Аксаковъ познакомился со Смирновой еще въ 1845 году. Лучше было бы вовсе не говорить о взаимныхъ отношеніяхъ Гоголя и его современниковъ, чѣмъ говорить такъ неполно и невѣрно, какъ это сдѣлано въ каталогѣ нѣжинской выставки.

Наиболѣе цѣнную часть «Гоголевскаго сборника» представляетъ отдѣлъ документовъ, имѣющихъ отношеніе или къ самому Гоголю, или къ тому учебному заведенію, въ которомъ онъ учился. Тутъ мы находимъ списки воспитанниковъ гимназій, ихъ отмітки, росписаніе учебныхъ предметовъ и учебнаго времени, учебныя программы, списокъ экзаменаціонныхъ вопросовъ по отдѣльнымъ предметамъ, списокъ темъ для сочиненій по русскому языку и т. д. Особенно интересны журналы педагогическихъ конференцій, переносящіе насъ въ доброе старое время. Вотъ, напримѣръ, выдержки изъ «Протоколовъ конференціи за мартъ 1825 года», гдѣ говорится о храмовомъ праздникѣ гимназій. «При говореніи слова отецъ архимандритъ и при восклицаніи многолѣтія всѣ предстоящіе обращали взоры на портреты ихъ сіятельствъ, основателей (гимназій), *нарочито въ храмъ* на приличномъ мѣстѣ поставленные, къ вѣщшему оживотворенію благодарныхъ чувствованій». Далѣе говорится, что во время обѣда и пансіонеры, и «чиновники» гимназій «изъ пламенной любви и привязанности мысленными взорами, казалось, искали присутствія его сіятельства (графа Безбородко), истиннаго своего покровителя, и душами въ тѣхъ мѣстахъ съ нимъ были, кои его высокую особу скрываютъ для вѣщшихъ будущихъ радостей, съ благодушнымъ терпѣніемъ ожидаемыхъ» (стр. 344—345).

Кое-гдѣ въ протоколахъ конференцій встрѣчается и имя Гоголя. Такъ, напримѣръ, въ февралѣ 1824 года воспитанникъ Яновскій (т.-е. Гоголь) получилъ по поведенію *единицу* «за неопрятность, шутство, упрямство и неповиновеніе». Но послѣ угрозы исключить его изъ гимназій Гоголь исправился и въ мартѣ «велъ себя отлично хорошо». Въ 1827 году проф. Вилевичъ представилъ конференціи рапортъ, въ которомъ, между прочимъ, жаловался на дерзость и нахальство Яновскаго. По своей крайней безграмотности представляеть также интересъ прошеніе Гоголя и его письменный отвѣтъ на экзаменѣ по русской исторіи.

Въ общемъ, «Гоголевскій сборникъ» представляетъ цѣнный вкладъ въ литературу о Гоголѣ.

С. Ашевскій.

Николай Энгельгардтъ. Исторія русской литературы XIX столѣтія. Т. I (1800—1850). Спб. 1902. Г. Энгельгардтъ взялся написать весьма нужную и полезную для русскаго читателя книгу, но выполнилъ свою задачу крайне своеобразно. Прежде всего надо отмѣтить, что онъ расположилъ историко-литературный матеріалъ по десятилѣтіямъ, такъ какъ, по его мнѣнію, «въ общемъ ритмъ десятилѣтій положительно наблюдается въ литературной эволюціи». Но достаточно сопоставить это дѣленіе съ тѣмъ дѣленіемъ исторіи русской литературы на двадцатипятилѣтія, которое было предложено г. Бороздинымъ въ его книжкѣ «Сто лѣтъ литературнаго развитія», чтобы видѣть, какъ искусственны установленныя г. Энгельгардтомъ рубрики. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ второе десятилѣтіе XIX вѣка не раскололо Отечественною войной и войнами за освобожденіе Европы на двѣ различныя половины? Развѣ первая половина третьяго десятилѣтія походитъ на вторую? Развѣ сороковые годы нисколько не измѣнились послѣ февральской революціи? Наконецъ, развѣ такъ называемые «шестидесятыя годы» укладываются въ рамки седьмого десятилѣтія? Но творецъ этого искусственнаго дѣленія идетъ гораздо дальше: самую дѣятельность русскихъ писателей онъ подчиняеть «ритму десятилѣтій», хотя уже приведенный имъ

примѣръ Пушкина какъ разъ и не подходить подъ этотъ измышленный ритмъ. Только забывъ, что «Борисъ Годуновъ» написанъ въ половинѣ двадцатыхъ годовъ, можно утверждать, какъ это дѣлаетъ г. Энгельгардтъ, что «на тридцатые годы упадаетъ расцвѣтъ (у Пушкина) высоко самобытнаго драматическаго творчества».

Какъ ни искусственно такое расположеніе матеріала, при которомъ литературная дѣятельность Жуковскаго, напримѣръ, рассматривается чуть не въ десяти мѣстахъ книги, можно было бы примириться съ неудачнымъ планомъ ради цѣннаго содержанія, тѣмъ болѣе, что и при иномъ расположеніи историко-литературнаго матеріала, напримѣръ, по авторамъ или по «главнымъ теченіямъ», нельзя избѣжать нѣкоторыхъ неудобствъ. Но и содержаніе «Исторіи русской литературы XIX вѣка» не можетъ удовлетворить даже очень скромнымъ требованіямъ, особенно послѣ того «широковѣщательнаго и многошумачаго» предисловія, которое предпослано книгѣ. Въ этомъ предисловіи общано дать относительно каждаго десятилѣтія «исторію критики, исторію романа и всѣхъ остальныхъ формъ повѣствовательной прозы, исторію стихотворной формы, исторію драматургіи и исторію литературныхъ кружковъ». Всѣ эти отрасли литературы должны быть рассмотрѣны во «взаимоотношеніи», причемъ откидывается само собой раздѣленіе писателей на непрізнанныхъ и признанныхъ, забытыхъ и безсмертныхъ, взящныхъ и безвкусныхъ, великихъ и малыхъ, литературно-беснравственныхъ и либерально-благонравныхъ, овецъ и воллицъ». Составитель книги задается самыми широкими цѣлями: онъ хочетъ дать, съ одной стороны, «наглядное представленіе о литературной эволюціи и преемствѣ писателей нашего столѣтія», съ другой—«справочную книгу для всѣхъ интересующихся литературой». Не умолчалъ авторъ и о той «долгой и тяжелой работѣ», которая выпала на его долю при составленіи «Исторіи русской литературы». «Намъ приходилось,—говорится въ предисловіи,—по многимъ отрывочнымъ и недостаточнымъ трудамъ нашихъ библиографовъ составлять библиографическіе указатели по десятилѣтіямъ произведеній критики, прозы, поэзіи и драмы... Исторія литературныхъ кружковъ требовала просмотра многихъ мемуаровъ, записокъ, сборниковъ писемъ... приходилось употреблять не мало времени на утомительный просмотръ множества старыхъ журналовъ» и т. д. Авторъ не обольщенъ, конечно, своимъ трудомъ настолько, чтобы не допускать въ немъ «частныхъ недосмотровъ и мелкихъ неточностей», но зато онъ чуждъ и той ложной скромности, которая побѣждала бы ему заявить, что его трудъ «дастъ возможность *едва ли не впервые* наглядно обозрѣть литературную эволюцію XIX вѣка».

Перейдя отъ предисловія къ самой книгѣ, читатель не замедлитъ убѣдиться, что приведенныя обѣщанія удовлетворены въ весьма слабой степени. Въ книгѣ говорится и объ общественномъ движеніи, и о критикѣ, и о журналистикѣ, и объ взящной литературѣ, но говорится обо всемъ этомъ такъ бѣгло и отрывочно, что «нагляднаго представленія о литературной эволюціи и преемствѣ писателей» не получается, хотя авторъ и не останавливается ни передъ какими, даже самыми рискованными сближеніями. Онъ никогда не упускаетъ случая сблизить отдѣльные стихи двухъ поэтовъ, хотя бы въ сближаемыхъ стихахъ общаго было одно-два слова. Самаго незначительнаго сходства отдѣльныхъ произведеній по формѣ или по содержанію для автора «Исторіи русской литературы» вполне достаточно, чтобы упомянуть о «преемствѣ писателей». «Можно сказать,—читаемъ мы, напримѣръ, на стр. 65,—что какъ «Марьяна роца»—«Бѣдная Лиза», въ которой сентиментализмъ замѣненъ романтизмомъ, такъ «Бояринъ Оршъ» не что иное, какъ «Марьяна роца», въ которомъ неопредѣленный романтизмъ замѣненъ столь же неопредѣленнымъ байронизмомъ». Точно такъ же сближаетъ г. Энгельгардтъ «Гимнъ глупцамъ» Барамзина съ комедіей Грибоѣдова, а «Свѣтлану» Жуковскаго со сномъ Татьяны въ «Евгеніи

Овѣгнѣ». Настолько же удачно и производимое имъ сближеніе отдѣльных литературныхъ типовъ.

Еще менѣе достигнута вторая цѣль—сдѣлать «Исторію русской литературы» справочной книгой. Обиліе фактическихъ ошибокъ и опечатокъ, своеобразный планъ книги, отсутствіе алфавитнаго указателя и даже общаго оглавленія—все это мѣшаетъ книгѣ г. Энгельгардта быть справочнымъ изданіемъ, Библиографическій отдѣлъ «Исторіи» также страдаетъ существенными недостатками. «Отдѣльные параграфы,—говорится въ предисловіи,—сопровождаются необходимыми и достаточными библиографическими указаніями»; но для кого эти указанія необходимы и достаточны, трудно понять. Для библиографа и специалиста въ области исторіи русской литературы эти указанія излишни и недостаточны. Что же касается образованнаго читателя или журналиста, которые захотѣли бы ближе познакомиться съ тѣмъ или другимъ литературнымъ дѣятелемъ, то они найдутъ въ библиографическихъ указаніяхъ г. Энгельгардта много крайне маловажнаго, въ родѣ замѣтокъ о портретахъ, могилахъ или письмахъ, и не найдутъ часто новѣйшихъ изслѣдованій и такихъ книгъ и статей, которыя необходимо было бы рекомендовать для первоначальнаго ознакомленія съ тѣмъ или другимъ писателемъ. Такъ, напримѣръ, въ библиографіи о Радищевѣ не указаны статья г. Якушкина въ «Энциклопедическомъ словарѣ», статья г. Мякотина въ сборникѣ «На славномъ посту», и статья г. Боброва «Радищевъ, какъ философъ». О журналистикѣ перваго десятилѣтія г. Энгельгардтъ счелъ нужнымъ указать только одинъ «Указатель къ «Вѣстнику Европы» Полуденскаго. Въ библиографію о Карамзинѣ не попала книга г. Сидовскаго о «Письмахъ русскаго путешественника». Въ библиографіи о Жуковскомъ не указаны статья Тихонравова и переписка поэта со своими племянницами, напечатанная въ «Русской Старинѣ» 1883 года. О Герценѣ не указана книжка г. Смирнова и статья г-жи Некрасовой. Въ число десяти важнѣйшихъ книгъ о Пушкинѣ попала и книга г. Щеглова (!) «Новое о Пушкинѣ». О Хомяковѣ и Бирѣвскихъ не указаны книжки г. Лясковаго, а о Е. Аксаковѣ—статья г. Венгерова въ «Критико-библиографическомъ словарѣ». О Баратынскомъ не указаны статьи гг. Андреевскаго, Саводника, Стороженки, «Татевскій сборникъ» г. Рачинскаго и т. д. О нѣкоторыхъ же писателяхъ, напримѣръ, о Далѣ, о гр. Радоупчиной, не указано ни одной критической и біографической статьи, а сочиненія Даля, если повѣрить г. Энгельгардту, послѣ 1846 года не выходили отдѣльнымъ изданіемъ.

Объщаніе не дѣлать различія между первоклассными писателями и меньшей литературной братіей также не соблюдено въ достаточной степени. Нѣкоторымъ второстепеннымъ дѣятелямъ удѣлено даже черезчуръ много мѣста, напримѣръ, А. Измайлову, Нарѣжнову, Булгарину, отчасти Загоскину. Зато о многихъ второстепенныхъ писателяхъ только упомянуто, хотя сочиненія ихъ въ свое время играли видную роль. Такъ, напримѣръ, повѣствовательной прозѣ втораго десятилѣтія удѣлено 22 страницы, но изъ нихъ 20 страницъ посвящены «Исторіи» Карамзина. Тридцатые годы г. Энгельгардтъ считаетъ «расцвѣтомъ русской прозы» и даетъ довольно подробный обзоръ прозаическихъ произведеній Пушкина и Гоголя, остальнымъ же беллетристамъ посвящается всего полторы страницы.

Изъ всѣхъ общаній, данныхъ въ предисловіи, исполнено только одно. «Мы воздерживались,—говоритъ г. Энгельгардтъ,—отъ напрасныхъ разглагольствованій и изложеній «своими словами». Мы старались характеризовать писателей яркими цитатами и приводили оцѣнки ихъ изъ нашихъ выдающихся критиковъ». Цитаты, особенно изъ малодоступныхъ или забытыхъ сочиненій,— вещь хорошая и необходимая, когда онѣ служатъ для подкрѣпленія собственныхъ мыслей автора статьи или книги. Но когда цитатами *возмущается* или *замаскировывается* недостатокъ собственныхъ сужденій, тогда книга полу-

часть характеръ журнальныхъ или газетныхъ обзоровъ текущей печати, при составленіи которыхъ дѣйствуютъ не столько перомъ, сколько ножницами. При такомъ почти механическомъ наборѣ цитатъ не трудно впасть въ противорѣчія и сбить читателя съ толку, а также наполнить книгу устарѣлыми взглядами и невѣрными фактами. Книга г. Энгельгардта, можно сказать, переполнена цитатами, при выборѣ которыхъ авторъ новой «Исторіи русской литературы» не брезгалъ даже такими источниками, какъ книга Гербеля о русскихъ поэтахъ. Кромѣ того, цитаты не всегда заимствованы изъ первыхъ рукъ, не всегда идутъ къ дѣлу и не всегда стоятъ на своемъ мѣстѣ. Такой небрежный подборъ цитатъ и вообще крайне небрежное отношеніе автора къ своему труду обусловили невѣроятное обиліе всякаго рода противорѣчій, ошибокъ и странностей. Такъ, напримѣръ, на стр. 41 Шишковъ названъ «тонкимъ, логическимъ и глубокимъ критическимъ умомъ», а на стр. 565 безъ всякихъ возраженій приведено мнѣніе кн. Вяземскаго: «Шишковъ былъ не умный человекъ». Подобныя противорѣчія встрѣчаются на одной и той же страницѣ. Такъ, на стр. 421 сначала приводится заявленіе Тургенева, что «въ жилахъ Бѣлинскаго текла непримѣсная кровь—принадлежность нашего великорусскаго духовенства», а вслѣдъ за этими словами г. Энгельгардтъ уже отъ себя говоритъ, что отецъ знаменитаго критика былъ лѣкарь, женатый на дочери флотскаго офицера. На стр. 596 г. Энгельгардтъ сначала сообщаетъ, что Островскій первымъ своимъ произведеніемъ «Картина семейнаго счастья» сразу обратилъ на себя «вниманіе всей Москвы». А нѣсколькими строками ниже приводится показаніе Ап. Григорьева, что первое произведеніе Островскаго прошло «почти что» незамѣченнымъ.

Еще больше въ книгѣ г. Энгельгардта всякаго рода фактическихъ ошибокъ и недосмотровъ. О Жуковскомъ, напримѣръ, говорится, что онъ «насаждалъ романтизмъ своими балладами», которыя печатались въ журналѣ Мерзлякова «Амфіонъ» (стр. 178), хотя этотъ журналъ издавался только въ 1815 году, а баллады Жуковскаго начали появляться съ 1808 года. Знаменитое заявленіе Кирѣевскаго: «у насъ еще нѣтъ литературы», по заявленію г. Энгельгардта, было напечатано въ «Европейцѣ» (стр. 249), тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно было напечатано въ альманахѣ Максимовича «Денница». О кн. В. Одоевскомъ говорится, что онъ выступилъ на литературное поприще въ «Мнемозинѣ» 1824 г. (стр. 258), а не въ «Вѣстникѣ Европы» 1822 года, какъ это было на самомъ дѣлѣ. Романъ Герцена «Кто виноватъ?», по увѣренію г. Энгельгардта, появился въ полномъ видѣ въ «Современникѣ» (стр. 574). Знаменитое письмо Бѣлинскаго къ Гоголю изъ Замцбрунна, по заявленію г. Энгельгардта, «напечатано цѣликомъ» въ книгѣ Пыпина о Бѣлинскомъ и въ книгѣ Барсукова о Погодинѣ (стр. 547). На самомъ же дѣлѣ въ обоихъ сочиненіяхъ письмо Бѣлинскаго напечатано съ пропусками. Сомнительно также и заявленіе г. Энгельгардта, будто бы «подлинникъ письма Бѣлинскаго хранится въ отдѣленіи рукописей Императорской публичной бібліотеки». Если бы тамъ былъ подлинникъ, незачѣмъ было-бы г. Барсукову перепечатывать письмо съ копій, хранящейся въ бумагахъ Краевскаго.

Приведенныхъ данныхъ достаточно, чтобы судить о бібліографической сторонѣ новаго труда по исторіи русской литературы. Біографическая его часть изобилуетъ не меньшими ошибками. Кромѣ того, необходимо отмѣтить, что объ однихъ писателяхъ сообщаются біографическіе факты, о другихъ же подобныхъ фактовъ не дается, чѣмъ затрудняется пониманіе творчества такихъ поэтовъ, какъ Батюшковъ и Жуковский.

Такимъ образомъ, авторъ «Исторіи русской литературы» не могъ справиться въ должной мѣрѣ ни съ цитатами, ни съ біографическими и бібліографическими данными. Если мы обратимся къ собственнымъ сужденіямъ г. Энгельгардта, то встрѣтимся съ не меньшими странностями и противорѣчіями. Такъ, въ одномъ мѣстѣ насъ увѣряютъ, что Пушкинъ вдохновлялся «Исторіей» Карамзина и

писалъ по ней «Бориса Годунова» (стр. 174), а въ другомъ—оказывается, что Пушкинъ далъ Бориса не карамзинскаго, а народнаго, лѣтописнаго (стр. 506). На стр. 379 Баратынскій названъ «буддистомъ въ русской лирикѣ», а на стр. 588 «вѣнцомъ» его поэзіи признается «Молитва», гдѣ поэтъ проситъ Творца:

И на строгій Твой рай
Силы сердцу подай.

Но буддійская нирвана и христіанскій рай вѣдь не одно то же. Иногда г. Энгельгардтъ рѣшается «смиѣть свое сужденіе имѣть», но результатомъ такой смѣлости получились заявленія въ родѣ нижеслѣдующихъ: «Озеровъ незаслуженно забытъ» (стр. 113), «Жуковскій болѣе, чѣмъ кто-либо изъ его современниковъ, одаренъ былъ драматическимъ талантомъ при свѣтломъ умѣ и прекрасномъ образованіи» (стр. 500), Печоринъ—«очень дурного тона Онѣгинъ» (стр. 555), Одиссей—«Фаустъ древности» (стр. 582) и т. д.

Языкъ «Исторіи русской литературы» крайне отрывоченъ и небреженъ, а мѣстами отличается крайней вычурностью и невразумительностью. Вотъ, на примѣръ, сужденіе Энгельгардта о поэзіи Пушкина: «Единое начало проникаетъ все творчество Пушкина. Единный элементъ наполняетъ его духъ. Пушкинъ—это свобода. И вездѣ, гдѣ только есть свобода—тамъ и Пушкинъ. Муза Пушкина чуднымъ образомъ умѣла все претворять въ свободу. Доктринеръ, для котораго свобода находится въ либеральной прописи, не пойметъ широты Пушкина. Но Пушкинъ—это свобода русскаго народа. Это та всеобъемлемость свободы, которую нельзя заточить, такъ какъ она остается собою и въ казематѣ, и на плахѣ, всюду и всегда. Поэзія Пушкина—сплошной гимнъ свободы. Это—великая хартія вольности, освободившая геній русскаго народа отъ ига подражательности. Поэзія эта—показатель той свободы, которую можетъ выѣстить русскій духъ, которой онъ можетъ удовлетвориться» (стр. 344—5). А вотъ, на примѣръ, сужденіе г. Энгельгардта о неблагоприятныхъ условіяхъ для развитія русской литературы: «Цвѣтеніе духовной нивы нашей происходило въ условіяхъ неблагоприятныхъ въ высшей степени. Слово въ глубинѣ сознающаго духа зрѣло, и младенецъ долженъ былъ родиться богатыремъ. Но при разрѣшеніи отъ литературнаго бремени стояли акушеры, которые платонически вздыхали о невозможности затворить чрево рождающее и, во всякомъ случаѣ, мѣшали, сколько могли, правильному рожденію. Увы, сколько первородящихъ нашей литературы сгнбло отъ этой опеки! Сколько плодовъ беременѣющаго духа явились на свѣтъ Божій искальченными, недоразвитыми! Писатели умирали, дѣлали мало. И это понятно. Въ трудномъ, болѣзненномъ дѣлѣ своемъ они не встрѣчали помощи. Окружающее сдѣлало все, чтобы отравить ихъ существованіе. И едва ли не треть нашего умственнаго урожая осыпалась на корню» (248). Иногда же авторъ прямо говоритъ библейскимъ языкомъ. О реакціи, вызванной февральской революціей, говорится такъ: «Одлѣтили силы тьмы, и змій невѣжественнаго ханжества, изувѣрства и чловѣконенавистничества сжалъ въ своихъ кольцахъ русскую литературу» (579).

Въ заключеніе можно только пожалѣть о томъ, что «долгая и тяжелая работа» автора не принесла желаннаго плода и не возмѣстила того пробѣла въ русской литературѣ, для устраненія котораго предназначалась разобранная книга. И относительно обѣщаннаго втораго тома «Исторіи русской литературы» можно опасаться что и онъ будетъ составленъ такъ же неумѣло, поспѣшно и небрежно, какъ и первый.

С. Ашевскій.

ИСТОРИЯ ВСЕОБЩАЯ.

Фюстель де-Куланжъ. «Исторія общественнаго строя древней Франціи».—Ог. Тьерри.
«Городскія коммуны въ средніе вѣка.

Фюстель де-Куланжъ. Исторія общественнаго строя древней Франціи.
Переводъ подъ редакціей И. М. Гревса. Томъ I. Римская Галлія. Ц. 3 р.

Въ развитіи исторической науки во вторую половину прошлаго вѣка Фюстель де-Буланжъ занимаетъ одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ. Его работы смѣло могутъ быть сопоставляемы съ работами крупныхъ нѣмецкихъ изслѣдователей—Вайца, Зибеля, Гизебрехта и др. Но въ ихъ положеніи въ историографіи есть большая разница. Значеніе трудовъ нѣмецкихъ историковъ легко поддается учету, ибо ихъ выводы сдѣланы по болѣе части прочнымъ достояніемъ исторической науки, между тѣмъ, результаты огромной работы Буланжа далеко не всегда представляются бесспорными, и нѣкоторые наиболѣе важныя изъ его заключеній нуждаются въ болѣе убѣдительной аргументаціи. Это обстоятельство до сихъ поръ вызывало и, вѣроятно, долго еще будетъ вызывать скептическое отношеніе къ Буланжу. Главари нѣмецкой исторической науки, которымъ приходилось заниматься тѣми же вопросами, что и Буланжу, напр., Вайцъ, Брукнеръ, даютъ его книгѣ рѣзкую, почти пренебрежительную оцѣнку. Только въ самое послѣднее время такое отношеніе начинаетъ смѣняться инымъ, менѣе высокоумѣреннымъ. Недавно умершій Гешль въ своей послѣдней работѣ называетъ «Histoire des institutions politiques»—Schöne Werk, хотя и не согласенъ съ главными его положеніями. Въ Англіи къ Буланжу относились болѣе справедливо, чѣмъ у нѣмцевъ, но внѣ Франціи, какъ кажется, только въ Россіи Буланжъ нашелъ истинную оцѣнку своихъ трудовъ. Въ семинаріи проф. П. Г. Виноградова въ Москвѣ на «Cité antique» и «Histoire des institutions» воспиталось все молодое поколѣніе историковъ, въ Петербургѣ И. М. Гревсъ дѣлалъ то же, что въ Москвѣ проф. Виноградовъ.

Чѣмъ же объясняется такая странная судьба работъ французскаго историка? Несомнѣнно, пріемами его изслѣдованія. Ихъ можно охарактеризовать въ двухъ словахъ: Буланжъ хочетъ изгнать изъ историческаго изслѣдованія логикъ. Онъ не придаетъ никакой цѣны выводу, полученному не на основаніи текста, а добытому путемъ какого бы то ни было умозаключенія. Это—основа его критическаго метода, этимъ, какъ намъ кажется, объясняется и парадоксальность большинства его построеній. И въ «Исторіи учреждений», и въ отдѣльныхъ этюдахъ— всюду онъ полемизируетъ съ нѣмецкой школой, обвиняетъ ея представителей—Зома и др., въ томъ, что они насилуютъ тексты и прибѣгаютъ къ произвольнымъ логическимъ заключеніямъ тамъ, гдѣ для этого нѣтъ никакихъ основаній. Такой взглядъ естественно долженъ былъ создавать для изслѣдователя социальныя отношенія такой отдаленной эпохи, какою занимался Буланжъ въ своей главной работѣ, серьезныя затрудненія. Такихъ памятниковъ, въ которыхъ факты прагматическаго порядка вскрывались бы непосредственно, и вообще немного, а для исторіи Франціи до IX в. ихъ совсѣмъ мало. Такъ что Буланжу приходилось одолевать тутъ цѣлый рядъ препятствій. Онъ всячески старался помочь горю и въ этомъ отношеніи сдѣлалъ очень много. Онъ, напр., доказалъ, что въ лѣтописяхъ заключаются болѣе обильный матеріалъ для исторіи социально-политическихъ отношеній, чѣмъ это принято думать; онъ умѣлъ выжимать изъ самаго ординарнаго свидѣтельства, мимо котораго не разъ съ пренебреженіемъ проходилъ историкъ, новое, порою цѣнное освѣщеніе того или иного явленія; путемъ филологическихъ конъектуръ и этюдовъ о словоупотребленіи въ различныя эпохи, онъ давалъ новое толкованіе заѣженнымъ свидѣтельствамъ. Словомъ, тутъ его работа необыкновенно плодотворна; какъ аналитикъ, Буланжъ показалъ себя мастеромъ первой величины. Но даже его мастерство не всегда помогало заполнить тѣ огромныя пробѣлы, которые находились въ источникахъ, и нечувствительно для себя Буланжъ вступалъ на путь той самой логической работы, которую онъ такъ рѣзко осуждалъ. Но его логика—иная, чѣмъ логика въ изслѣдованіяхъ пѣвецъ. Буланжъ все-таки пришить къ тексту, онъ не отходитъ отъ него ни на шагъ, и логическая манипуляція производитъ надъ текстомъ; отсюда происходятъ натяжки, которыя можно было бы назвать перекладками, если бы

заранѣе не падало всякое подозрѣніе въ научной добросовѣстности автора. Это, несомнѣнно, отражается на результатахъ изслѣдованія, но общій принципъ ни мало отъ этого не страдаетъ. Остается во всей силѣ протестъ противъ внесенія въ анализъ предвзятой точки зрѣнія, противъ подчиненія изслѣдованія чуждой ему идеѣ. Въ этомъ заключается одна важная заслуга Куланжа. Другая болѣе общаго характера; она вытекаетъ изъ историко-философской концепціи автора. Куланжъ — яркій представитель эволюціоннаго направленія въ историографіи; онъ смотритъ на историческій процессъ, какъ на непрерывную цѣль развитія, гдѣ ничто не возникаетъ изъ ничего и ничто не пропадаетъ безслѣдно, гдѣ крупныя явленія подготавливаются исподволь, а не появляются сразу. Если таковъ его взглядъ на процессъ исторіи, то ясно, каковы должны быть взгляды на науку, его изучающую. «Исторія, — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, — есть наука о ростѣ (*dévenir*); она не столько занимается фактами, какъ таковыми, сколько образованіемъ и измѣненіемъ фактовъ; это — наука о происхожденіяхъ, сдѣленіяхъ, развитіяхъ, превращеніяхъ». Такому представленію а priori должны были быть чужды какіе бы то ни было «принципы» къ которымъ такъ охотно обращалась господствовавшая традиціонная школа, раздѣлявшаяся научно-національнымъ споромъ на два лагеря — романистовъ и германистовъ. Выводить крупное историческое явленіе изъ расовой психологіи, изъ свойствъ полуметафизическаго «народнаго духа» значило, съ точки зрѣнія Куланжа, заранѣе обречь себя на цѣлый рядъ недоразумѣній и ошибокъ. Самъ онъ, какъ совершенно справедливо указываетъ И. М. Гревсъ въ своемъ предисловіи къ русскому переводу «*Institutions*», можетъ быть причисляемъ къ романистамъ съ очень крупными оговорками. Куланжъ протестовалъ противъ такой клички, и весь его трудъ краснорѣчиво говоритъ за то, что этотъ протестъ не былъ пустымъ звукомъ. Онъ далекъ отъ того, чтобы сводить все средневѣковое развитіе къ *однимъ* римскимъ зародышамъ. Его представленіе заключается въ томъ, что древніе зародыши пытались и развивались въ новой средѣ, въ которой, по его мнѣнію, было мало специфически-германскихъ элементовъ. Съ этимъ представленіемъ соединяется другое — о живучести древней культуры и о торжествѣ античнаго культурнаго преданія надъ варварствомъ. Ясно, въ чемъ заключается разница между этой общей точкой зрѣнія и точкой зрѣнія представителей традиціоннаго направленія. Тезисъ Куланжа — выводъ, полученный аналитическимъ путемъ; тезисъ традиціоналистовъ — идея, управляющая анализомъ.

Какъ извѣстно, Куланжъ думалъ довести свое изслѣдованіе до революціи 1789 года, но смерть застигла его на каролинскомъ періодѣ. То, что онъ успѣлъ сдѣлать, никогда не утратитъ своего значенія въ исторической наукѣ. Куланжъ освѣтилъ ея приемы, и уже одно это составляетъ крупную заслугу.

Первый томъ, переведенный подъ редакціей Гревса, заключаетъ въ себѣ характеристику до-римской Галліи, римскаго завоеванія и первую половину характеристики римской имперіи. Здѣсь, какъ и въ остальныхъ пяти томахъ необыкновенно вѣрна и глубокая замѣчанія встрѣчаются рядомъ съ парадоксальными. Самый крупный парадоксъ заключается во взглядѣ на римскую имперію IV вѣка какъ на здоровый, жизнеспособный организмъ. Это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, въ которыхъ Куланжъ рѣзко разошелся съ господствующими воззрѣніями и разошелся совершенно напрасно. Чтобы выдержать до конца свою точку зрѣнія, Куланжъ принужденъ былъ дать невѣрную оцѣнку ряду общественныхъ явленій — декуріонату и проч. Къ сожалѣнію, мы не можемъ вдаваться въ подробную оцѣнку книги, ибо для этого пришлось бы писать цѣлую статью.

Переводъ очень хорошій. Редакторъ предназначилъ его для учащейся молодежи и дѣлаетъ это вполне правильно. Воспитательное значеніе де-Куланжа огромно. Онъ будитъ мысль, учитъ разрушать авторитеты и пропагандируетъ

скептическую точку зрѣнія. Въ исторической наукѣ все это необыкновенно цѣнно.

А. Дживелеговъ.

Огюстенъ Тьерри. Городскія коммуны во Франціи въ средніе вѣка. Переводъ Г. А. Лучинскаго съ предисловіемъ проф. Н. И. Карѣева. Цѣна 75 коп. Настоящая книжка представляетъ переводъ XIII—XXIV писемъ изъ книги Тьерри «Lettres sur l'histoire de France», появившейся въ 1827 году и сохраняющей до сихъ поръ значеніе классической работы по исторіи коммунальнаго движенія во Франціи. Исторія французскихъ коммунъ, несомнѣнно, одна изъ любопытнѣйшихъ страницъ средневѣковой исторіи какъ по драматизму событий, такъ и по тому огромному значенію, которое пріобрѣла коммуна, какъ политическая форма. Въ настоящее время, благодаря изслѣдованіямъ Люшера, Жири Флака и другихъ историковъ, мы знаемъ хорошо, что представляли изъ себя коммуны, при какихъ условіяхъ онѣ возникли, какъ было организовано въ нихъ управленіе, какъ онѣ погибали. Но въ то время, когда Тьерри принимался за составленіе исторіи коммунъ, не было сдѣлано почти ничего. Ему чуть не съ самаго начала пришлось продѣлывать всю работу. Въ этомъ главное значеніе его книги.

Почему же Тьерри обратилъ вниманіе на эту почти забытую серію фактовъ исторіи Франціи. Быть можетъ, ни на чемъ не выясняется такъ ярко связь исторической науки съ жизнью, какъ на этомъ фактѣ. Современные событія были главной причиной того, что Тьерри сдѣлался историкомъ буржуазіи. Въ ту пору—это была эпоха реставраціи—происходила упорная борьба между реакціонной землевладѣльческой аристократіей и либеральной капиталистической буржуазіей. Реставраціонное правительство стояло, конечно, на сторонѣ аристократіи и не хотѣло считаться съ притязаніями буржуазіи. Буржуазія доказывала, что ея притязанія справедливы, что они идутъ гораздо дальше ненавистнаго и правительству и аристократіи 1789 года и выставила изъ своей среды нѣсколько ученыхъ которые взялись доказать это положеніе научной работой. Тьерри былъ изъ ихъ числа. Въ XIII письмѣ, которое служитъ какъ бы общимъ введеніемъ къ исторіи важнѣйшихъ коммунъ (1-я глава перевода) онъ съ первыхъ же страницъ вступаетъ въ полемику съ конституціонной хартіей 1814 года, въ предисловіи къ которой утверждается, что коммуны обязаны своимъ освобожденіемъ Людовику VI, а подтвержденіемъ и расширеніемъ своихъ правъ Людовику IX и Филиппу IV. Тьерри справедливо замѣчаетъ, что авторитетъ хартіи въ историческихъ вопросахъ совершенно ничтоженъ, и ему ничего не стоитъ опровергнуть эту странную теорію. Онъ указывалъ на то, что королю въ эпоху возникновенія коммунъ принадлежала незначительная территория Франціи, что на ней-то какъ разъ не возникло ни одной коммуны, а если короли вмѣшивались въ дѣла своихъ вассаловъ, то тутъ ихъ политика была обусловлена исключительно ихъ выгодой. Въ настоящее время, послѣ изслѣдованія Люшера, мы знаемъ очень хорошо, каково было отношеніе королевской власти къ коммунальному движенію, и факты не всегда подтверждаютъ взгляды Тьерри. До Филиппа II короли колеблются; они не знаютъ, какъ относиться къ новоизобретеннымъ городскимъ организаціямъ; для безопасности они становятся чаще на сторону сеньоровъ и лишь деньгамъ удается иногда измѣнить ихъ отношеніе въ пользу коммунъ. Филиппъ - Августъ уже сознательно поддерживаетъ послѣднихъ, видя въ нихъ союзниковъ противъ враждебныхъ королевской власти сеньоровъ. Съ Людовика IX начинается періодъ пеработненія коммунъ королевской властью.

Отвергая активную роль королевской власти въ созданіи коммунъ, Тьерри выставляетъ другую гипотезу. Это—знаменитая гипотеза вооруженнаго захвата вольностей коммунами. «Они,—говоритъ онъ о прежнихъ исторіяхъ,—приписываютъ политикѣ королей результаты, въ дѣйствительности достигнутые народнымъ возстаніемъ, и одно изъ наиболѣе энергичныхъ движеній демократіи превращаютъ въ простую административную реформу».

рика такова. Въ эпохѣ освобожденія коммунъ французское общество дѣлилось на два класса: галло-римское населеніе и германскій слой; первое поработено, второе господствуетъ. Коммунальная революція была возстаніемъ противъ германскихъ завоевателей. Поздѣе, въ «*Considérations sur l'histoire de France*» (1840), Тьерри, опираясь на Вильду, указать и способъ при помощи котораго создавалась присяжная коммуна на сѣверѣ Франціи; это германская гильдія, которая теперь нашла приложеніе къ муниципальному устройству. На югѣ же муниципальный режимъ пошелъ отъ римскаго.

И въ этомъ пунктѣ наука отказалась слѣдовать за Тьерри. Люшеръ доказалъ, что борьба была не только не единственнымъ, но даже не преобладающимъ способомъ завоеванія коммунальныхъ вольностей. На ряду съ нею существовало и соглашеніе между сеньоромъ и горожанами; горожане обязывались уплачивать ежегодно извѣстный оброкъ, а сеньоръ признавалъ за ними право избирать своихъ должностныхъ лицъ и вершать судъ. Гипотезы о связи гильдіи и римскаго муниципального строя съ коммуной также отвергнуты; зато въ настоящее время выставляется на первый планъ другой фактъ, о которомъ Тьерри почти ничего не говоритъ—возрожденіе торговли. Безъ измѣненія экономическихъ условій эмансипація была бы совершенно невозможна.

Что касается до изложенія исторіи отдѣльныхъ коммунъ (Манса, Камбре, Нуайона, Бове, Сень-Кантена, Лана, Амьена, Суассона, Савса, Реймса, Везле), то тутъ въ упрекъ ему можетъ быть поставлено только одно: Тьерри спуталъ хронологію. Зато взаимодѣйствіе между коммунами, вліяніе одной на другую коммунальныхъ конституцій выяснено хорошо. Но лучшее, что есть въ книгѣ Тьерри—это, несомнѣнно, увлекательный, захватывающій рассказъ. Это одинъ изъ лучшихъ образцовъ художественнаго прагматическаго повѣствованія. Тьерри прямо осуществляетъ завѣтъ Вольтера: *fait armer Clío du roignard, comme Melropepe*. Если Тьерри до сихъ поръ читается съ интересомъ, и будетъ читаться съ интересомъ всегда, то этимъ книга его обязана, главнымъ образомъ, вѣщимъ даннымъ.

Переводъ сдѣланъ старательно, но собственныя имена коверкаются безжалостно: встрѣчаются такія формы, какъ Гіенна (вмѣсто Гіень), Фландра (во Фландрѣ, стр. 24). Сравнительно съ 10-мъ французскимъ изданіемъ 1856 года, съ которымъ мы свѣряли переводъ, есть отклоненія, меньше примѣчаній. Переводчикъ пользовался, вѣроятно, другимъ изданіемъ. Въ книгѣ приложено предисловіе проф. Н. И. Карѣва, въ которомъ онъ вкратцѣ выясняетъ значеніе книги.

А. Дзиселеловъ.

СОЦИОЛОГІЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

В. Тотоміанцъ. «Потребительныя общества на Западѣ».—*Альфредъ Носсиъ.* «Современный аграрный вопросъ».—*В. Зомбартъ.* «Соціализмъ и соціальное движеніе въ XIX в.».

В. Ө. Тотоміанцъ. Потребительныя Общества на Западѣ. Изданіе Б. Н. Звонарева. О книгѣ г. Тотоміанца въ нашемъ журналѣ не появлялось до сихъ поръ отзыва вовсе не потому, чтобы книга того не заслуживала. Напротивъ, трудъ г. Тотоміанца представляетъ собою значительный вкладъ въ литературу предмета о потребительныхъ обществахъ, и въ настоящее время, когда вышедшая изъ застоя, русская жизнь проявляется многообразными группировками общественныхъ элементовъ, трудъ этотъ имѣетъ не только теоретическую цѣнность, но и практическое значеніе. Г. Тотоміанцъ даетъ очерки исторіи и современнаго положенія потребительныхъ обществъ въ Бельгіи, Швейцаріи, Даніи, Франціи, Германіи, Италіи, Австро-Венгріи, Голландіи, Швеціи, Норвегіи, Испаніи и Португаліи. Нѣкоторые очерки кооперативнаго движенія на Западѣ

авторъ помѣщалъ и въ нашемъ журналѣ, другіе печатали онъ въ «Народномъ Хозяйствѣ», «Научномъ Обзорѣнн» и др., но, выпуская свою книгу, онъ не только включилъ въ нее рядъ очерковъ, въ печати раньше не бывшихъ, но и переработалъ и значительно дополнилъ новыми данными прежде имъ напечатанные въ разныхъ журналахъ. Съ предметомъ, которому г. Тотоміанецъ, видимо, отдалъ много труда и энергіи, онъ хорошо знакомъ, и книгъ этого автора можно вполне искренно пожелать всякаго успѣха. В. Б.

Альфредъ Носсигъ. Современный аграрный вопросъ. (Alfred Nossig. Die moderne Agrarfrage. Berlin — Bern, 1902). Изящно написанный трудъ Носсига посвященъ одному изъ наиболее гругчихъ вопросовъ современности. Интенсивный ростъ капитализма, его широкое реформирующее вліяніе заставили выдающихся теоретиковъ минувшаго вѣка заняться изученіемъ эволюціи по преимуществу промышленной; земледѣліе, положеніе его въ настоящемъ, роль его въ будущемъ въ значительно меньшей мѣрѣ занимало экономистовъ XIX ст. Передовыя политическія партіи также свое главное вниманіе обращали на городъ съ его живымъ промышленнымъ населеніемъ, почти забывая неподвижную и косную деревню. Время шло, политическія партіи разрастались, и въ городѣ имъ становилось тѣсно. Игнорируемое прежде крестьянство, его экономическая и политическая малоподвижность сильно отражались на ходѣ дѣлъ въ городѣ. Вскорѣ пришлось признать, что «отъ Ирландіи до Сициліи и отъ Андалузіи до Россіи и Болгаріи крестьянство представляетъ собою довольно значительный факторъ населенія, производства и политической власти» (Энгельсъ). Практическіе дѣятели рѣшили поэтому расширить область своей дѣятельности и пойти въ деревню. Но очутившись тамъ, они наткнулись на цѣлый рядъ неожиданностей. Конструируя, по аналогіи съ промышленной эволюціей, эволюцію аграрную, помянутыя партіи и ихъ идеологи жестоко обманулись. Придя въ деревню они увидали, что «сельское хозяйство развивается не по тому шаблону, по которому развивается промышленность, что оно подчиняется собственнымъ законамъ» (Каутскій). Тогда теоретики принялись за самостоятельное изученіе сельскаго хозяйства, стараясь отыскать и опредѣлить эти законы. Вскорѣ читающая публика была завалена цѣлымъ рядомъ книгъ и статей, трактующихъ о земледѣліи. Вопросъ еще пока далеко не исчерпанъ, и трудъ Носсига нельзя считать лишнимъ или запоздавшимъ.

Работа нашего автора еще не вполне закончена. Лежащая передъ нами книга занимается по преимуществу описаніемъ фактическаго положенія земледѣлія, выясняетъ роль различныхъ вліявшихъ и вліяющихъ на него факторовъ, оставляя вопросы аграрной политики до слѣдующаго тома. Обладая солидной эрудиціей, авторъ, кромѣ того, постарался дополнить свое знакомство съ предметомъ личными наблюденіями. Центральнымъ пунктомъ своего изложенія Носсигъ дѣлаетъ вопросъ о жизнеспособности мелкаго крестьянскаго земледѣлія. рисуя для этого крестьянское хозяйство Франціи и Германіи. Съ Россіей авторъ повидимому совсѣмъ незнакомъ, объ Америкѣ, Бельгіи, Даніи и т. д., говоритъ лишь мимоходомъ. Съ особымъ интересомъ слѣдитъ онъ за вліяніемъ историческихъ пережитковъ на ходъ современнаго земледѣлія, тщательно отмѣчая положительные и отрицательные моменты различныхъ правовыхъ институтовъ, аграрной техники и методовъ аграрной политики общества и государства. Горячій защитникъ мелкаго землевладѣнія, Носсигъ старается доказать, что если въ данный моментъ крестьянское хозяйство и отстаётъ отъ крупнаго, то въ этомъ виновато не оно само, а помянутыя выше правовыя и другія вліянія.

Наиболѣе интересными страницами книги нужно считать отдѣлъ, посвященный сельскому кооперативному движенію въ Германіи. Еще одному фактору авторъ посвящаетъ цѣлую четверть своего труда (140 стр. изъ 587).—Носсигъ большой сторонникъ сельскохозяйственной коопераціи и не жалѣетъ красокъ въ изображеніи благотворнаго вліянія и ея реформирующаго значенія. Онъ

такъ увлекается своей привязанностью, что незамѣтно для себя выходитъ изъ добровольно принятой роли простого изобразителя и предвосхищаетъ заключенія, которыя должны быть сдѣланы лишь во второмъ томѣ. Признаться, мы ожидаемъ послѣдняго безъ нетерпѣнія. Судя по нѣкоторымъ мѣстамъ разбираемой книги, по разбросаннымъ тутъ и тамъ теоретическимъ разсужденіямъ, приходишь къ заключенію, что особаго интереса вторая часть имѣть не будетъ. Какъ теоретикъ Носсигъ слабъ. Сила его въ изображеніи, въ обрисовкѣ дѣйствительности, что очень возможно находится въ связи съ его художественнымъ талантомъ. Въ берлинскихъ кружкахъ Носсигъ извѣстенъ какъ скульпторъ, музыкантъ, драматургъ и художественный критикъ. Не видя и не слыша его художественныхъ твореній, мы и не судимъ о нихъ. Возможно, что увидавъ, мы бы нашли его глубочайшимъ мыслителемъ среди художниковъ. Но среди мыслителей онъ, безусловно, выдающийся мастеръ изложенія.

Для образчика его теоретической силы укажемъ на главу «о конечныхъ цѣляхъ товариществъ». По мнѣнію автора, развитіе сельской коопераціи приводитъ къ устройству коммунальнаго товарищества, вѣдающаго всѣ рѣшительно вопросы общественнаго бытія коммуны. Быть можетъ, это и такъ. Быть можетъ, и наблюдается такая тенденція и можно указать на тѣ моменты, которые въ своемъ развитіи должны привести къ такому результату. Задача теоретика и заключается въ томъ, чтобы показать намъ эти движущія силы и указать ихъ проявленія. Что же дѣлаетъ Носсигъ? Онъ ограничивается цитатами изъ сочиненій вожаковъ кооперативнаго движенія, гдѣ говорится, что эти послѣдніе намѣреваются вести товарищества по такому то пути. Добрая намѣренія вещь, конечно, очень прекрасная, но въ качествѣ аргумента они, къ сожалѣнію, никакой цѣнности имѣть не могутъ.

Непріятно, а иногда комично дѣйствуютъ наскоки автора на извѣстную книгу Каутскаго объ аграрномъ вопросѣ. Какъ и Гертцъ, онъ часто стучится въ открытую дверь, навязываетъ Каутскому свои собственные тезисы и затѣмъ побѣдоносно опровергаетъ ихъ. Несмотря на всѣ эти недочеты, мы все-таки повторяемъ, что книга Носсига далеко не лишняя и чтеніе ея не бесполезно.

Р. Оллингъ.

В. Замбартъ. I. Соціализмъ и соціальное движеніе въ XIX ст. Перев. съ нѣм. подъ ред. В. Богучарскаго. II. «А все таки!» Пер. съ нѣм. Спб. 1902 г. Изд. Звонарева. Стр. 328. Ц. 1 руб. Въ первой статьѣ бреславскій профессоръ знакомитъ насъ съ сущностью и исторіей «соціального движенія XIX ст.», т. е. эмансипационныхъ стремленій рабочаго класса, параллельно съ исторіей соціализма, какъ идеальнаго отраженія этихъ стремленій. Въ изложеніи обѣихъ сторонъ предмета авторъ является убѣжденнымъ «эволюционистомъ», въ противоположность революционнымъ взглядамъ другихъ теоретиковъ и практиковъ, примыкая въ этомъ случаѣ къ Э. Бернштейну и др. «критическимъ марксистамъ». Понимая исторію вообще и исторію «соціального движенія», въ частности, какъ «исторію борьбы классовъ» (стр. 1), онъ, однако же настоятельно подчеркиваетъ, что наибольшими своими завоеваніями рабочій классъ обязанъ не насильственнымъ переворотамъ, а медленному, упорному, мирному натиску въ сферѣ экономической и политической какъ въ профессиональныхъ союзахъ (англійскіе trade unions), такъ и на парламентскихъ скамьяхъ и путемъ законной политической агитаціи (въ особенности въ Германіи). Съ другой стороны, критически разбирая различныя соціалистическія теоріи XIX ст. отъ «утопистовъ» (Р. Оуэнъ, С. Симонъ, Фурье и др.), вѣрившихъ, что соціализмъ придетъ на землю, «яко тать въ нощи», и оставшихся неизвѣстными широкимъ массамъ, до К. Маркса, отца всего современнаго движенія, онъ преклоняется передъ «историческимъ реализмомъ» послѣдняго, такъ какъ благодаря ему уничтожены въ корнѣ наивная вѣра въ «дѣланіе революцій» и воцарился здравый «эволюционизмъ». Революционные элементъ

взглядомъ Маркса и Энгельса В. Зомбартъ считаетъ чисто субъективными придатками, порожденіемъ побочныхъ историческихъ обстоятельствъ, «богѣ же глубокой смыслъ марксизма», по его мнѣнію, заключается именно въ пониманіи исторіи, какъ медленнаго, вѣкового процесса, идущаго исподволь; практически это пониманіе должно отразиться медленной, постепенно реформаторской работой, путемъ которой «люди и явленія должны быть раньше созданы, чтобы сдѣлать возможнымъ новый общественный строй» (29 стр.). Поэтому, признавая необходимость политической дѣятельности для рабочаго класса, авторъ главными свои симпатіи отдаетъ той сторонѣ движенія, которая уже въ современную среду вноситъ черты социализма, а именно профессиональнымъ союзамъ, общественному хозяйству современныхъ городовъ и проч. Въ заключеніе статьи онъ, съ возвышенной точки зрѣнія «теоретика, держащаго въ рукахъ не факель страстей, а свѣтильникъ просвѣщенія» (129 стр.), совѣтуетъ пролетариату и впредь держаться спокойно эволюціонной тактики и, «вѣря, что двери новаго зданія... удалены отъ насъ на далекое, быть можетъ, очень далекое разстояніе, стараться по возможности уютнѣе устроить жизнь въ старомъ зданіи» (137 стр.).

Вторая статья—«А все таки!» (по нѣм. «Dennoch!»), примыкаетъ къ послѣднему выводу автора. Она излагаетъ сущность такъ называемаго «профессиональнаго» движенія и его исторію, преимущественно въ Англіи (по трудамъ С. и Б. Уэббовъ). Авторъ съ глубокимъ уваженіемъ относится къ работѣ, исполненной англійскими trade unions'ами въ теченіе 2-ой половины XIX в., въ результатъ которой, по его словамъ, получается постепенная замѣна «промышленнаго феодализма» «промышленнымъ конституціонализмомъ». Съ меньшей симпатіей относится онъ къ германскимъ Gewerkschaften, образованнымъ самими политическими партіями въ пылу борьбы и въ видѣ ея орудій, а не выросшимъ естественно, подобно англійскимъ союзамъ. Для всѣхъ странъ ему кажется образцомъ профессиональнаго движенія именно англійскій его типъ.

Какъ извѣстно, авторъ принадлежитъ къ многочисленнымъ за послѣднее время «критикамъ» Маркса изъ среды самихъ марксистовъ. Нельзя сказать, чтобы ихъ критика была всегда удачна и съ методологической стороны правильна.

Можно, конечно, согласиться, что марксизмъ—доктрина эволюціонная, поскольку онъ построенъ на принципѣ развитія; но за послѣднее время слову «эволюція» стали придавать (подобно нашему автору) не этотъ широкій, философскій, а болѣе специфическій смыслъ: слово «эволюція» становится изъ научнаго, объективнаго термина скорѣе терминомъ правтическимъ, указывающимъ на антипатію даннаго лица къ широкимъ политическимъ дѣйствіямъ и предпочтеніе мелкой экономической борьбы. Нашъ авторъ тоже сторонникъ такого «экономизма»; правъ или неправъ онъ въ этомъ случаѣ, мы не имѣемъ возможности разбирать, но мы уважемъ, какими приемами авторъ «углубляетъ» смыслъ марксизма, а читатель пусть судить, законны ли съ философской точки зрѣнія такіе приемы. «Методъ» его общій всѣмъ эклектикамъ. Эклектикъ рѣшилъ, что данная теорія «ошибочна въ существенныхъ пунктахъ и не можетъ быть поддерживаема въ ея цѣломъ» (86 стр.), не позволяеть себѣ, однако ниспровергнуть ее цѣликомъ, а принимается «исправлять» ее, здѣсь прибавить, тамъ убавить, затѣмъ округлить, и получится «болѣе глубокой смыслъ». Такъ поступаетъ, напр., Зомбартъ съ «борьбой классовъ»: у Маркса это единственный факторъ исторіи, Зомбартъ же добавляетъ сюда еще «борьбу національностей». Марксъ обосновываетъ будущее «обобществленіе производства» на чисто матеріальномъ процессѣ развитія производительныхъ силъ внутри капиталистическаго общества, а Зомбартъ «требуетъ психологическаго обоснованія социальныхъ явленій» (92 стр.), почему и добавляетъ еще рядъ двигателей исторіи: «ненависть, зависть (sic), возмущеніе» пролетариата противъ буржуазіи, «контрасты», «небезпечность существованія» и проч. Характерно, что такого

увеличеннаго состава двигателей все же не хватает профессору для полной увѣренности въ достиженіи идеала, и онъ беретса доказать лишь необходимость его «существованія», а отнюдь не «осуществленія» — сколько здѣсь отвято отъ Маркса!

Но ужъ настоящую брешь наносить Марксу, на взглядъ автора, аграрный вопросъ: «исправленіе» здѣсь заходить такъ далеко, что авторъ заговорившись о «пожертвованіи коллективистическими идеалами» (!) въ пользу какого-то туманнаго «демократизма» (142 стр.). Еще одна двѣ легкихъ поправки относительно религіи и націонализма, и старый Марксъ предстоить передъ нами въ такомъ безобидномъ профессорскомъ колпакѣ, что, пожалуй, пришлось бы ему повторить, глядя на такой «марксизмъ», свою знаменитую фразу: «Moi, je ne suis pas marxiste»...

Округленіе своей элетики нашъ критикъ находитъ въ плоскомъ философскомъ тезисѣ «безчисленнаго множества дѣйствующихъ причинъ» (стр. 128 и др.), на самомъ же дѣлѣ ея основой служитъ обыкновенный буржуазный оппортунизмъ, стремящійся и мировымъ процессамъ навязать сытое филистерское расположеніе къ миру и спокойствію. За это, однако, же онъ и наказывается неизлечимымъ порокомъ внутреннихъ противорѣчій. Этотъ порокъ ярко отражается и на нашемъ авторѣ, когда онъ выступаетъ въ непримиримой маскѣ «борьбы классовъ» въ началѣ 1-й статьи, чтобы въ концѣ ея запѣть весьма сладкую пѣсню о «корректности борьбы» (158—160 стр.). Какъ будто корректность мыслима тамъ, гдѣ одни гибнутъ, а другіе устраиваются на ихъ костяхъ! Нѣтъ для насъ ничего страннаго и въ томъ, что авторъ то называетъ себя «мы, буржуазные критики» (88 стр.), то говоритъ о «нашемъ пролетарскомъ движеніи» (142 стр.). Эклетику обязательно запутается въ собственныхъ мысляхъ!

Впрочемъ, за отсутствіемъ у насъ неэклетическихъ сочиненій по этому вопросу, слѣдуетъ рекомендовать книжку, какъ сравнительно дѣльную и, съ фактической стороны, добросовѣстную. Переводъ, помимо нѣкоторыхъ погрѣшностей, вполне толковый, читается легко, дѣна недорогая. А. Д.

ФИЛОСОФІЯ.

Иерусалемъ. «Введеніе въ философію».

Иерусалемъ. Введеніе въ философію. Пер. съ нѣм. П. Ф. Некрасовъ. Спб. 1902. Что въ настоящее время въ публикѣ существуетъ интересъ къ философіи, показываетъ, между прочимъ, то обстоятельство, что на русскій языкъ переведены многія сочиненія, имѣющія цѣлью ознакомить читателей въ доступной формѣ съ тѣмъ, что такое философія, какія она поставляетъ задачи и какъ она ихъ приблизительно рѣшаетъ. Таково, напр., сочиненіе Паульсена «Введеніе въ философію»; Кюльпе. «Введеніе въ философію»; Виндельбандъ. «Исторія философіи». Такую же задачу преслѣдуетъ и книга Иерусалема съ тою, впрочемъ, разницей, что въ то время, какъ первыя требуютъ нѣкотораго навыка въ отвлеченномъ мышленіи, послѣдняя излагаетъ тѣ же вопросы въ такой элементарной формѣ, что они доступны пониманію читателя съ небольшою подготовкой. Правда, она изложена очень кратко. Краткость мѣстами доходитъ до того, что объясненіе того или другого философскаго понятія принимаетъ такой же характеръ, какой оно имѣетъ въ небольшихъ словаряхъ. Несмотря на это, противъ книги Иерусалема едва ли можно было бы что-нибудь сказать. Ее нельзя считать излишней въ нашей небогатой философской литературѣ. Она, безъ всякаго сомнѣнія, могла бы найти свой кругъ читателей, для которыхъ она была бы полезной. Въ сожалѣнію, говоря о переводѣ книги Иерусалема, нельзя не отмѣтить того печальнаго факта, что въ послѣд-

нее время, съ возрастаніемъ распространенія книгъ, съ увеличеніемъ переводной литературы достоинство переводовъ ухудшается; переводы книгъ часто берутъ на себя такія лица, которыя не знакомы не только съ переводимымъ предметомъ, но часто даже престо съ языкомъ. И то, и другое мы должны отмѣтить въ настоящемъ случаѣ. Переводчикъ не только совершенно не знакомъ съ философіей, но не знакомъ даже съ нѣмецкимъ языкомъ. Чтобы наше утвержденіе не показалось голословнымъ, приведемъ примѣры тѣхъ промаховъ, которые допустилъ переводчикъ. На стр. 50 перевода мы читаемъ: «Предметъ окажется въ дѣйствительности другимъ или иначе *созданнымъ*», вмѣсто «или съ иными свойствами». Очевидно, переводчикъ смѣшиваетъ значеніе словъ: *beschaffen* и *geschaffen*. На стр. 54: «Бантъ первый опровергъ этотъ послѣдній взглядъ, исследовавъ формы разума, при помощи которыхъ только и *сблался* возможнымъ опытъ», вм. *оплаается* возможнымъ опытъ. Очевидно, переводчикъ не отличаетъ *werde* отъ *wurde*. На той же стр. *Sinnlichkeit* переводится посредствомъ «способность къ чувственному воспріятію» (!) вм. «чувственность». Переводчикъ во всей книгѣ не отличаетъ *Verstand* отъ *Vergnuff* и вмѣсто «разсудокъ» пишетъ или «разумъ», или «умъ». Вслѣдствіе незнакомства съ терминами, переводчикъ совершенно извращаетъ мысли переводимаго автора. На той же стр. 54-й мы читаемъ: «Такимъ образомъ, все доступное нашему познанію опредѣляется въ нашемъ представленіи о мірѣ, прежде всего, врожденными формами способности къ чувственнымъ воспріятіямъ, *затѣмъ*, пространствомъ и временемъ и, наконецъ, категориями *разума*». Въ такой передачѣ совершенно нельзя узнать теоріи Канта, которая у Иерусалма выражена слѣдующимъ образомъ: «Все доступное нашему познанію опредѣляется прежде всего, врожденными формами чувственности: пространствомъ и временемъ, а затѣмъ категориями разсудка». На стр. 56: «Имѣются основныя формы чувственныхъ воспріятій и ума, которые не происходятъ вслѣдствіе опыта, а существуютъ до него и лишь *формой* дѣйствующей на него (!) вещи въ себѣ дѣлаютъ его возможнымъ». Эту мысль, если бы переводчикъ ее понялъ, слѣдовало бы перевести слѣдующимъ образомъ: «Существуютъ формы разсудка, которыя возникаютъ не благодаря опыту, но которыя существуютъ до всякаго опыта и которыя дѣлаютъ возможнымъ опытъ посредствомъ формированія (*Gestaltung*) вещи въ себѣ дѣйствующей на нихъ». Пусть читатель пойметъ смыслъ слѣдующей фразы, который и для переводчика остался непонятнымъ (стр. 69): «Критическій реализмъ не говоритъ, какъ наивный: вещи суть *таковы*, какими онѣ намъ кажутся, но говоритъ: онѣ *также* таковы». На стр. 67 *begriffliches Denken* переводится пер. «размышленіе надъ понятіями» вм. «мышленіе въ понятіяхъ». На стр. 75 мы находимъ фразу, которая показываетъ, что переводчикъ не вникалъ въ смыслъ переводимаго. «Если, какъ хотятъ Кирхгофъ и *Махъ*, наука имѣетъ своей задачей только описаніе фактовъ, а по формулировкѣ *Макса* является ничѣмъ инымъ, какъ экономически обуславленнымъ опытомъ» и т. д. Переводчикъ не понялъ, что здѣсь дѣло идетъ объ одномъ авторѣ *Mach*'ѣ, и нѣм. родит. падежъ *Mach's* принявъ за особаго писателя *Макса*. На стр. 78: «Легко происходить, что такія понятія, какъ *обладаніе разумомъ* разсматриваются въ качествѣ врожденных». Вмѣсто этой бессмысленной фразы должно было бы стоять: «Легко происходить то, что такія понятія считаются первоначальнымъ достояніемъ разсудка и признаются врожденными». Стр. 86. Декартовское: «Ясное и *отчетливое* представленіе» у переводчика превращается въ «ясное и *понятное* представленіе». Терминъ *das behagende* «преобладающее», переводчикъ повсюду переводитъ посредствомъ «косный», что въ понятіи субстанціи не имѣетъ никакого смысла. Терминъ *Ereigniss* перев. посредствомъ «происшествія» вм. процессъ, событіе. Затѣмъ встрѣчаемъ рядъ извращеній именъ. Напр. (стр. 71), «Сирианды» вм. Биренаики, (стр. 106), «Йеленъ» вм. Гейлинсъ, «нео-кантианцы» вм. неокантианцы.

Въ книгѣ переводчикъ приложилъ словарь философскихъ терминовъ, но этотъ словарь, составленный по Kislser'у, изобилуетъ чрезвычайно грубыми промахами, показывающими незнакомство автора съ элементарной философской терминологіей. Напр.: «Ассерторическимъ называется сужденіе, въ которомъ *показывается* или отрицается связь двухъ понятій», вм. «показывается» слѣдовало сказать *утверждается*. Въ «Таблицѣ Категорій»: (стр. 225) сказано «Общность (взаимодѣйствіе) между дѣйствительнымъ и страдательнымъ видомъ» (?). Ни о какихъ «видахъ» Кантъ не говорилъ: дѣло идетъ просто о предметахъ, оказывающихъ дѣйствіе и подвергающихся дѣйствію. «Координація—логическое сочетаніе понятій», по мнѣнію переводчика. Въ школьныхъ учебникахъ логики говорится, что координація есть *соподчиненіе* (Beigrdnung) понятій, а не сочетаніе. При объясненіи термина «мотивизмъ» переводчикъ вмѣсто того, чтобы сказать: «возрѣнія, которыя противостоятъ другъ другу по *отношенію* къ происхожденію представленія пространства» и т. д. перевелъ: «Возрѣнія, которыя относятся *отрицательно* (?) къ психологическому происхожденію» и т. д. и, вслѣдствіе такой грубой ошибки, совершенно извратилъ опредѣленіе. Ошибокъ, подобныхъ только что указаннымъ, въ книгѣ чрезвычайное множество.

Весьма неудачно составленъ и указатель литературы. Переводчикъ, видимо, не имѣлъ никакого представленія о рекомендуемой литературѣ. Такъ, напр., по психологін онъ рекомендуетъ «начинающимъ» *Вундта* «Физиологическую психологію» (книга эта на самомъ дѣлѣ доступна только специалистамъ), а для «болѣе подробнаго изученія» онъ рекомендуетъ *Лоддъ* «Очеркъ элементарной психологін» (краткій конспектъ психологін). Въ IV отд. рекомендуются книги, которымъ отнюдь не мѣсто въ элементарной книжкѣ. Здѣсь рекомендуются статьи, помѣщенные въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1859 года, въ «Современникѣ» 1860 года и т. п., между тѣмъ какъ выдающіеся, новѣйшія монографіи по тѣмъ же вопросамъ совершенно не упоминаются. Это, конечно, происходитъ отъ того, что переводчикъ въ «сильной степени», какъ онъ самъ сознается, пользовался указателемъ русскихъ книгъ, приложенномъ къ «Введенію въ философію» Кьюлье. Въ отдѣлѣ VI указывается книга Бельтова, «Монастическій взглядъ на исторію», между тѣмъ какъ Вольтманнъ, Массаригъ, Штаммеръ совершенно не упоминаются.

Если принять въ соображеніе указанные нами промахи перевода книги Иерузалема, то весьма сомнительной окажется та польза, которую онъ можетъ принести читателю.

Проф. Г. Челпановъ.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ, КОСМОГРАФІЯ И ГЕОГРАФІЯ.

М. Фостеръ и Л. Шоръ. Физиологія для начинающихъ.—Проф. В. М. Шимкевичъ. Биологическія основы зоологін.—С. Щербаковъ. Курсъ космографіи для среднихъ учебныхъ заведеній.—Кобельтъ. Географическое распредѣленіе животныхъ въ холодномъ и умѣренномъ полюсахъ сѣвернаго полушарія.

М. Фостеръ и Л. Шоръ. Физиологія для начинающихъ. Переводъ Д. Д. Бенарюкова. Съ 111 рис. въ текстѣ. Москва. 1902. Читатель, не знакомый съ физиологіей, найдетъ въ книжкѣ М. Фостера и Л. Шора кратко и толково изложенныя основы этой интересной и важной отрасли біологін. Въ виду того, что физиологія тѣсно связана съ химіей, физикой, описательной анатоміей и гистологіей (микроскопической анатоміей), авторы сначала излагаютъ, конечно, въ самой краткой и элементарной формѣ, главнѣйшія основы означенныхъ наукъ. Въ главѣ I-й даются свѣдѣнія по химіи и физикѣ, въ гл. II-й указываются существенныя различія между живымъ и мертвымъ организмами, а равно между животными и растениями. Въ гл. III-й описывается

общее строеніе животнаго тѣла, гл. IV-я посвящается изложенію строенія крови, а затѣмъ, въ гл. V, VI и VII авторы излагаютъ макро- и микроскопическое строеніе костной системы, хрящей и соединительной ткани вообще. Описаніемъ строенія мышцъ и мышечныхъ движеній оканчивается общая часть физиологій, и съ гл. IX начинается уже частная физиологія, т.-е. описываются функціи различныхъ системъ (кровообращенія, дыханія, пищеваженія и др.), причемъ предварительно сообщается вкратцѣ анатомическое строеніе каждаго отдѣльнаго органа, входящаго въ составъ данной системы. Книжка читается легко и слажена многими, довольно хорошо исполненными рисунками, облегчающими пониманіе текста.

Недостатокъ физиологій Фостера и Шора заключается въ томъ, что въ ней общая часть изложена не совсѣмъ дидактично и, помимо того, авторы, вообще не приняли во вниманіе новѣйшихъ научныхъ данныхъ, касающихся различныхъ отдѣловъ физиологій. Такъ, сначала авторы описываютъ строеніе и свойства крови, костную систему, строеніе хрящевой и соединительной ткани и, наконецъ, изложивъ строеніе мышцъ и мышечныя движенія, переходятъ къ частному отдѣлу физиологій—въ кровообращенію. О нервной ткани въ общемъ отдѣлѣ не говорится ни слова, и съ этой важной и интересной тканью читатель впервые знакомится лишь въ гл. XVII, въ которой описывается нервная система. Было бы гораздо плѣсобразнѣе, если бы авторы сначала познакомили читателя съ основами описательной и микроскопической анатоміи въ систематическомъ порядкѣ, а затѣмъ, касаясь физиологій различныхъ системъ, постепенно знакомили бы его съ анатоміей отдѣльныхъ органовъ.

Бромъ указанныхъ, въ книжкѣ имѣются еще и другіе недостатки чисто научнаго характера. Такъ, напр., на стр. 39 говорится, что красныя кровныя кѣлѣтки «имѣютъ одинаковую величину», что фактически невѣрно. Хрящи и фибриллярная соединительная ткань называются «промежуточной тканью» (стр. 75), терминъ этотъ неудачно придуманъ авторами, такъ какъ соединительную ткань въ настоящее время принято называть «опорною» или «поддерживающей» тканью. Неправильно излагается строеніе основного вещества хряща; послѣднее авторы считаютъ безструктурнымъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности оно состоитъ изъ соединительнотканыхъ фибриллей. Многорядный плоскій эпителий называется неправильно «чешуйчатымъ» (стр. 187). Печеночныя дольки авторы обозначаютъ названіемъ «комочки», а описаніе желчныхъ капилляровъ и протоковъ изложено столь неясно, что изъ него читатель не въ состояніи составить себѣ вѣрнаго представленія о томъ, гдѣ начинаются желчныя капилляры и какая разниа между ними и болѣе крупными протоками. Пульпа (мякоть) селезенки описывается невѣрно. Въ главѣ о кожѣ почти ничего не упоминается о нервныхъ аппаратахъ, которыми оканчиваются чувствующее нервы. Въ описаніи строенія нервной системы авторы придерживаются прежнихъ, въ настоящее время уже устарѣвшихъ взглядовъ и не принимаютъ во вниманіе тѣхъ новыхъ наблюденій, которыя за послѣдніе годы во многомъ существенно измѣнили наше представленіе о строеніи нервной системы. Органы чувствъ изложены такъ же неудовлетворительно и несогласно съ новѣйшими научными данными, какъ и строеніе нервной системы.

Указанные и имъ подобныя недостатки, конечно, не желательны видѣть въ научной книжкѣ, предназначаемой даже для начинающихъ изученіе физиологій. Переводъ книжки сдѣланъ вполнѣ удовлетворительно, и она, безспорно, принесетъ извѣстную долю пользы читателю, интересующемуся физиологіей.

Проф. А. Доевъ.

Проф. В. М. Шимкевичъ. Биологическія основы зоологій. Съ 260 рис. въ текстѣ. Второе пересмотрѣнное и дополненное изданіе. С.-Петербургъ. 1902 г. Книжка проф. В. М. Шимкевича появилась недавно въ печати уже вторымъ изданіемъ. Первоначально биологическія основы зоологій были напе-

чтаны въ «Семейномъ университетѣ» г-на Комарскаго и вполне справедливо заслужили себѣ лестный отзывъ въ различныхъ періодическихъ популярныхъ и научныхъ изданіяхъ. Дѣйствительно, авторъ съумѣлъ, со свойственнымъ ему талантомъ, въ весьма ясной и доступной формѣ изложить тѣ основные вопросы биологіи, знаніе которыхъ необходимо для всякаго, кто только желаетъ познаться съ зоологіей. Въ первой главѣ книги проф. Шимкевичъ знакомитъ читателя съ различными гипотезами возникновенія жизни на землѣ, а равно и съ тѣми условіями, безъ которыхъ немислима жизнь. Тутъ же онъ указываетъ на отличіе и сходство въ строеніи растений и животныхъ и касается вопроса о механическомъ и виталистическомъ пониманіи жизненныхъ явленій. Вопросъ этотъ въ послѣднее время особенно интересуетъ какъ публику, такъ и ученыхъ, среди которыхъ у насъ имѣется не мало поклонниковъ виталистическаго ученія, утверждающихъ, что знаніе лишь однихъ законовъ физики и химіи еще не раскроетъ передъ нами тайны сложныхъ жизненныхъ явленій, что послѣднія, вѣроятно, подчиняются особой силѣ, присущей только живой матеріи. Самъ авторъ, будучи убѣжденнымъ антивиталистомъ, приводитъ въ своей книгѣ не мало данныхъ, говорящихъ если не противъ виталистическаго ученія, то, во всякомъ случаѣ, указывающихъ, что пока еще преждевременно говорить о существованіи особой силы, управляющей жизненными явленіями. Во второй главѣ подробно описывается строеніе и жизненные свойства клѣтокъ и одноклѣточныхъ организмовъ и отводится довольно много мѣста процессамъ прямого и непрямого (кариокинетическаго) дѣленія клѣтокъ, при чемъ приводятся гипотезы, высказываемыя для объясненія каріокинеза. Глава третья посвящена описанію многоклѣточныхъ животныхъ а равно вопросамъ о происхожденіи простыхъ тканей и ихъ строенія, о самостоятельности отдѣльныхъ частей организма и происхожденіи многоклѣточныхъ организмовъ. Затѣмъ въ гл. IV авторъ говоритъ о дѣленіи животныхъ на типы и подтипы, о происхожденіи двурядной симметріи, вторичной полости тѣла и метамеріи. Что касается пяти остальныхъ главъ, то онѣ читаются съ особеннымъ интересомъ, такъ какъ въ нихъ авторъ вводитъ читателя въ ту, недавно еще столь туманную и мало изученную область биологіи, которая касается сложныхъ процессовъ оплодотворенія яйцовой клѣтки и образованія зародышевыхъ пластовъ, различныхъ анамалій въ развитіи, а также вопросовъ о вліяніи на развитіе искусственныхъ условій, безполонъ размноженіи и, наконецъ, о трансформизмѣ и наследственности. Послѣднія двѣ главы авторъ дополнилъ, сравнительно съ первымъ изданіемъ книги, новыми данными по регенерации, по вопросамъ объ инстинктѣ, свѣченіи и экспериментальными изслѣдованіями о наследственности. Приведены главы, какъ и вся книга, указываютъ на основательное знакомство автора съ обширной литературой затрагиваемыхъ вопросовъ, написаны живо, увлекательно и доступны даже читателю очень мало знакомому съ биологіей. Въ этомъ, между прочимъ, и лежитъ большая заслуга автора, что онъ сдѣлалъ свою книгу доступной большому кругу читателей и въ то же время удержалъ за ней строго научный характеръ. Книга снабжена многочисленными, довольно хорошо исполненными рисунками и страдаетъ, можно сказать, лишь однимъ недостаткомъ—она напечатана слишкомъ мелкимъ шрифтомъ.

Въ заключеніе остается лишь пожелать, чтобы въ русской научной литературѣ, съ легкой руки проф. Шимкевича, появлялись чаще подобныя же очерки и по другимъ отраслямъ биологіи.

Проф. А. Догель.

С. Щербаковъ. Курсъ космографіи для среднихъ учебныхъ заведеній. VII+184 стр. Ц. 1руб. 1902. Наконецъ то мы дождались удовлетворительнаго руководства по космографіи. Курсъ г. Щербакова рѣзко отличается въ выгодную сторону отъ всѣхъ обращавшихся въ нашихъ школахъ до сихъ поръ. Въ немъ нѣтъ трудностей, непосильныхъ гимназисту, нѣтъ излишнихъ подробностей, выдуманыхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ дѣйствительностью «облагодіи».

нѣтъ и сухихъ догматическихъ формулировокъ жирнымъ шрифтомъ, но есть все существенное, много новаго, важнаго и все въ удобопонятной, доступной формѣ. И не мудрено, конечно. Г. Щербаконъ, какъ практикантъ московской обсерваторіи, какъ предсѣдатель живого дѣятельнаго общества—нижегородскаго кружка любителей физики и астрономіи, стоитъ близко къ настоящему дѣлу. Онъ вноситъ въ свою книжку то, что дѣйствительно полезно, что можетъ имѣть цѣну и значеніе. Многолѣтняя педагогическая дѣятельность автора съ другой стороны способствуетъ болѣе выгодному распредѣленію матеріала. Авторъ не только обдумывалъ свой курсъ, но онъ и провѣрялъ его въ преподаваніи дѣлѣмъ рядъ лѣтъ. Отсюда такая опредѣленность и законченность въ планѣ. По числу возможныхъ въ году уроковъ, все содержаніе раздѣлено на главы — по одной *въ среднемъ* на урокъ, всего 22. Это курсъ нашихъ гимназій съ однимъ недѣльнымъ урокомъ. Въ каждой главѣ есть и дополненія мелкимъ шрифтомъ для тѣхъ школъ, гдѣ космографіи можетъ быть удѣлено по два часа въ недѣлю.

При разсмотрѣніи частныхъ вопросовъ, авторъ избѣгаетъ по возможности математическихъ выкладокъ. Практика ему показала, что при «щедрой систематизаціи курса ученикъ сплошь и рядомъ усваиваетъ только символы и ственченія, которые въ его сознаніи остаются совершенно разобращенными отъ соотвѣтствующихъ конкретнейшій представлений и такимъ образомъ сообщаемыя знанія приобрѣтаютъ то формальное значеніе, которое совершенно чуждо основнымъ задачамъ и духу предмета». Авторъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что при умѣренномъ пользованіи математикой въ мелочахъ, рѣзче выступаетъ значеніе этого могучаго орудія въ болѣе важныхъ и интересныхъ вопросахъ. Конечно, и въ книгѣ г. Щербакова тѣ или другія мѣста могутъ сказаться нѣсколькими трудными для самостоятельнаго изученія, но помощь учителя въ классѣ устраняетъ затрудненія. Важно, чтобы разбирать и усваивать приходилось то, что дѣйствительно стоитъ этого. Нельзя не отмѣтить краткой, но весьма важной главы въ разсматриваемомъ руководствѣ, подобной которой, къ сожалѣнію, мы не находимъ въ нѣкоторыхъ изъ прежнихъ курсовъ—это именно глава IV-я, «Звѣздное время и его измѣреніе», являющейся необходимой для всякаго, кто хочетъ разбраться въ самыхъ элементарныхъ явленіяхъ суточного движенія небснаго свода. Въ книгѣ найдемъ нѣсколько практическихъ таблицъ, указавъ главѣйшія достопримѣчательности неба, доступныя невооруженному глазу и въ бинокль, приемы первоначальной ориентировки на небѣ. Въ описаніи физическаго строенія небсныхъ тѣлъ приведено весьма много новѣйшихъ данныхъ. Особенно интересно сжатое изложеніе теоріи развитія кометныхъ формъ, принадлежащей нашему знаменитому ученому проф. О. А. Бредихину.

г. Щербаконъ предусматрѣлъ и случай введенія учебника въ женскія учебныя заведенія, въ которыхъ не преподается тригонометрія. Онъ даетъ указанія, какія измѣненія въ изложеніи должны быть сдѣланы при такихъ обстоятельствахъ. Надо надѣяться, что трудъ г. Щербакова будетъ оцененъ по достоинству. Желаемъ ему полнаго успѣха. *К. Покровскій.*

Кобельтъ. Географическое распредѣленіе животныхъ въ холодномъ и умѣренномъ поясахъ сѣвернаго полушарія. Переводъ съ нѣмецкаго З. Л. Біанки. Изд. А. Ф. Девриена, вып. I, стр. 112. Книга Кобельта предназначается не для ученыхъ, которые имѣютъ полную возможность разбраться въ положеніяхъ автора и оценитъ ихъ по достоинству, а для аудиторіи, съ полнымъ довѣріемъ относящейся къ каждой строчкѣ, выходящей изъ-подъ пера челоуѣка науки, особенно, если эти строчки подкрѣпляются самонадѣяннымъ—«я доказалъ». И нѣтъ кажется, что на обязанности З. Л. Біанки лежало ослабить впечатлѣніе, производимое этимъ «я доказалъ», и объяснить, что выводы Кобельта далеко не безспорны, а нѣкоторые даже весьма и весьма сомнительны. Возьмемъ хотя бы его положеніе, что «родной животнаго, въ которой оно развилось первоначально, слѣдуетъ считать въ оасти, гдѣ оно

остаётся неизмѣннымъ на большомъ пространствѣ». Это положеніе не только не можетъ быть принято за аксіому, но оно даже ошибочно, если признать вліяніе среды на измѣняемость типа, такъ какъ условія существованія на родинѣ рѣдко остаются безъ существенныхъ измѣненій сколько-нибудь продолжительное время, съ другой же стороны, типъ можетъ найти подходящія къ первоначальнымъ условія далеко за предѣлами родины, гдѣ-нибудь на периферіи своего географическаго распространенія. Среди бабочекъ примѣровъ того, что видъ даже на мѣстѣ своей первоначальной родины способенъ давать множество разновидностей—сколько угодно (*Colias wiskotti*, группа *Satyrus hünerei*—*abra-movi* и т. д.); но и среди другихъ порядковъ животныхъ такихъ примѣровъ не мало. Самъ же Кобельтъ утверждаетъ, что родиной соболя является Сибирь; между тѣмъ, именно въ Сибири соболю имѣется множество разновидностей. Наконецъ, даже приводимый Кобельтомъ въ подтвержденіе своего положенія примѣръ—распространеніе благороднаго оленя въ его прошломъ и настоящемъ доказываетъ вовсе не то, что мнится почтенному зоогеографу, а нѣчто совершенно обратное, такъ какъ, если считать доказаннымъ, что родиной благороднаго оленя является Европа (а именно это и стремится доказать Кобельтъ), то, принимая во вниманіе, что изъ современныхъ формъ благороднаго оленя наиболее близкими къ мосбахскому (ископаемому) являются американскій ваптити (*Cervus canadensis*) и сибирскій мараль, приходится заключить, что на родинѣ видъ этотъ потерпѣлъ измѣненія болѣе существенныя, чѣмъ на периферіи своего распространенія—въ Сѣверной Америкѣ и даже болѣе къ ней близкой Сибири.

Слѣдовало бы также переводчику остановиться и на нѣкоторыхъ явныхъ противорѣчіяхъ, въ которыя иногда впадаетъ Кобельтъ, и такъ или иначе помирить ихъ, а то на страницѣ 8 мы читаемъ, что «центрально-азиатское нагорье составляетъ отдѣльную провинцію палеобореальнаго царства; что оно особенно богато характерными формами млекопитающихъ, приспособившихся къ суровому климату и разреженному воздуху этихъ негостеприимныхъ высотъ»; а на 20 стр., что «распространенію на западъ центрально-азиатскимъ типамъ помѣшали холодныя зимы сѣверныхъ склоновъ Кавказа!» Удивительно также, какъ небрежно обращался Кобельтъ съ географической картой, когда выразивъ свои зоогеографическія провинціи и подцарства; такъ, напримѣръ, какъ прикажете провести намѣченную имъ границу обширѣйшей лѣсной котловины, «сибирской тайги», которая должна пройти «отъ Бульджи (sic!), у подошвы Тянь-шаня приблизительно по гребню Кентя (хорошо это «приблизительно»!) и Яблонова(го) хребта черезъ Витимское нагорье и по (?) среднему теченію Вилюя» да при томъ еще такъ, «чтобы она включила въ себя почти (не дурно и это «почти») весь бассейнъ Лены!» Жаль, что В. А. Біанки, перевода такой вздоръ, не далъ себѣ труда проложить эту границу на картѣ, а предоставилъ разрѣшеніе этой непосильной задачи недоумѣвающему читателю, никакъ не предполагавшему, что границей сибирской тайги можетъ служить линія, «идущая отъ Бульджи».

Для такой книги, какъ «Географическое распредѣленіе животныхъ», нѣкоторыя, вкравшіяся у Кобельта, ошибки довольно существенны и въ русскомъ переводѣ могли бы быть легко устранены. Такъ, напримѣръ, говоря о соболяхъ, Кобельтъ пишетъ, что «онъ свойственъ исключительно сибирской тайгѣ». Между тѣмъ, еще Георгіи считалъ западной границей его распространенія Колу, что подтверждается и свидѣтельствомъ Вейнгольда, утверждавшаго, что мѣховая податъ лапландцевъ сѣверной Скандинавіи состояла изъ соболяхъ мѣховъ; имѣются и другія свидѣтельства, указывающія на сѣверъ, въ особенности же на сѣверо-востокъ Россіи, какъ на родину соболя; во времена Палласа его встрѣчали даже подъ Уфой, а въ восточныхъ частяхъ Уфимской губерніи и много позднѣе, причемъ послѣдній экземпляръ этого звѣрька былъ убитъ здѣсь въ 1849 г. На югъ соболю идетъ также довольно далеко; въ Тянь-шань»

скихъ горахъ водится порода его (такъ называемый «кашгарскій соболь»), которая хотя и напоминаетъ длиннымъ хвостомъ кунницу, но по остальнымъ признакамъ ближе стоитъ къ соболю, чѣмъ къ кунницѣ (Сѣверцовъ). Все это указываетъ на то, что было бы осторожнѣе написать, что соболь свойственъ не «исключительно», а главнымъ образомъ, сибирской тайгѣ.

Не точно также у Кобельта и указаніе на географическое распредѣленіе кабарги: это животное появляется впервые не въ Амурскомъ краѣ, а западнѣе оз. Байкала, кажется, даже еще въ Алтайскихъ горахъ. Едва ли также не требуютъ исправленія замѣчаніе Кобельта, что къ востоку отъ Каспійскаго моря лисицу замѣняетъ корсакъ, такъ какъ лисица въ Закаспійской области и Бухарскомъ и Хивинскомъ ханствахъ вовсе не рѣдкость, корсака же М. Н. Богдановъ, изслѣдовавшій Хивинской оазисъ, тамъ вовсе не встрѣтилъ (см. «Очерки природы Хивинскаго оазиса и пустыни Бзыль-кумъ»). Странно также встрѣтить въ книгѣ, трактующей о географическомъ распредѣленіи животныхъ такія строки: «Переселеніе рыси въ Новый Свѣтъ не могло, однако, произойти черезъ Восточную Сибирь, такъ какъ ея нѣтъ ни тутъ, ни въ западной части Сѣверной Америки». Это утвержденіе совершенно невѣрно, потому что рысь въ Становыхъ горахъ не только весьма многочисленна, но и держится здѣсь во всѣхъ своихъ сибирскихъ разновидностяхъ, расцѣпываемыхъ мѣстными инородцами весьма различно—свѣтлыя шкурки дороже, красноватыя—дешевле.

Не останавливаясь на другихъ болѣе или менѣе крупныхъ упущеніяхъ разбираемой книги, съ кони въ русскомъ переводѣ предпочтительнѣе было бы не встрѣчаться, и переходя къ вѣдшей сторонѣ этого новаго изданія фирмы А. Ф. Девриенъ, я, прежде всего, спѣшу отмѣтить одну странность въ выборѣ рисунковъ: иллюстраціи книги даютъ намъ изображенія глетчерной блохи въ маломъ масштабѣ, дятла, волка, сѣверныхъ оленей, бурыхъ медвѣдей, длиной кошки, бѣлыхъ куропатокъ, роговъ марала, т.-е. изображенія или излішнія въ такой книгѣ, какой является книга Кобельта, или малопоучительныя, такъ какъ едва ли кто изъ читателей ея не знакомъ въ натурѣ или въ болѣе отчетливыхъ изображеніяхъ со всѣми этими животными; съ другой же стороны, въ ней не имѣется изображеній такихъ животныхъ, какъ мускусный быкъ, напимѣръ, или морская выдра. Жаль также, что для изображенія сиватерія воспользовались не превосходнымъ рисункомъ англійскаго ученаго Мюри, помѣщенномъ въ октябрьской книжкѣ 1871 года «Geological Magazine», а рисункомъ Шпехта, который, во-первыхъ не вѣренъ, а во-вторыхъ не даетъ должнаго понятія объ этомъ колоссальномъ млекопитающемъ.

Переводъ книги сдѣланъ удовлетворительно. Напрасно только В. Л. Біанки употребляетъ такія малозвѣстныя слова, какъ, напимѣръ, «подсѣдъ» вмѣсто подлѣска, тѣмъ болѣе, что понятія, выражаемыя этими словами далеко не тождественны, ибо подсѣдомъ называется лишь молодая поросль, идущая на просѣкъ, а не та поросль, преимущественно изъ кустарныхъ породъ, которая частью окружаетъ, частью выдвѣрется въ нетронутые лѣса. Равнымъ образомъ не совсѣмъ ясно употребленіе слова «оттокъ» въ фразѣ: сѣверо-восточный вѣтеръ оттокъ максимальнаго давленія воздуха. Въ «Толковомъ словарѣ живого великорусскаго языка». В. Дала имѣется слово «оттокъ», но оно означаетъ: желобъ, труба, стокъ. Я полагаю также, что слово «экваторіальный» не эквивалентно слову «широтный» и что слово «интерглюціальный» съ успѣхомъ можно было бы замѣнить словомъ «междуледниковый».

Несмотря, однако, на указанные недочеты, которые легко могутъ быть исправлены въ послѣдующихъ выпускахъ, книга Кобельта заслуживаетъ полнаго вниманія, и мы желаемъ ей самаго широкаго распространенія. Трактующая о фактахъ захватывающаго интереса, она способна возбудить даже въ мало подготовленномъ читателѣ цѣлый рядъ вопросовъ, а стало быть, и стремленіе къ ихъ разрѣшенію; въ этомъ ея большое воспитательное значеніе.

Съ вѣншней стороны книжка издана прекрасно и можетъ служить украшеніемъ любой библіотеки.
Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

Ю. Н. Лавриновичъ. «Образованіе рабочихъ въ Россіи».—П. Г. Мижуевъ. «Школа и общество въ Америкѣ».—«Пятирублевая общественныя библіотеки».

Ю. Н. Лавриновичъ. Образованіе рабочихъ въ Россіи. Спб. 1902. Настоящая брошюра представляетъ собою докладъ, читанный сначала г. Лавриновичемъ въ «Собраніи экономистовъ», а потомъ напечатанный въ журналѣ «Техническое Образование». Авторъ скомбинировалъ всѣ данныя интересующаго его вопроса и подвергъ детальной критикѣ всѣ существующія въ настоящее время мѣропріятія въ дѣлахъ образованія рабочихъ. Выводы автора далеко неутѣшительны. Для образованія какъ взрослыхъ, такъ и малолѣтнихъ фабричныхъ и ремесленныхъ рабочихъ,—въ Россіи сдѣлано, по свидѣтельству г. Лавриновича, очень мало. Попытка мн. нар. пр. насадить вечерніе и воскресные курсы для рабочихъ, вызванная извѣстнымъ циркуляромъ гр. Делянова, должна быть признана неудачною, такъ какъ при организаціи курсовъ не были приняты во вниманіе тѣ социальныя-бытовыя условія, въ которыхъ находятся русскіе рабочіе. Попытка правительства распространить образованіе въ рабочемъ классѣ при посредствѣ законовъ 1882 и 1884 гг. объ обученіи малолѣтнихъ рабочихъ также не увѣчалась успѣхомъ, такъ какъ этими законами «хотѣли примирить совершенно противоположные интересы хозяевъ и рабочихъ, а авторитетность законовъ дискредитировали недостаточною категоричностью ихъ положительныхъ постановленій». Что же касается образованія ремесленныхъ малолѣтнихъ и взрослыхъ рабочихъ, то всѣ попытки въ этой области свелись къ пожеланіямъ и ходатайствамъ, выраженнымъ съѣздами по техническому и профессиональному образованію и 1-мъ Всероссийскимъ съѣздомъ по ремесленной промышленности 1900 г. Далѣе авторъ совершенно справедливо указываетъ, какъ на сильнѣйшій тормазъ въ дѣлѣ распространенія образованія среди рабочихъ всѣхъ категорій, на ихъ малограмотность, а также на слишкомъ большую продолжительность рабочаго дня на фабрикахъ и въ ремесленныхъ мастерскихъ. Указавъ затѣмъ на тѣ препятствія, какія встрѣчаетъ общественная попытка, желая придти на помощь правительству въ дѣлѣ образованія народной массы, авторъ переходитъ къ изложенію мѣропріятій, необходимыхъ, по его мнѣнію, для окончательнаго разрѣшенія этого наиболѣваго вопроса.

Въ заключеніе авторъ брошюры, признавая за русской интеллигенціей инициативу всѣхъ просвѣтительныхъ начинаній, высказываетъ пожеланіе, чтобы образованіе рабочихъ, какъ дѣло національное, было ввѣрено ей въ лицѣ представителей городского и земскаго самоуправления, общественныхъ учрежденій и отдѣльныхъ дѣятелей, извѣстныхъ своими просвѣтительными трудами.

Подъ этими пожеланіями, мы увѣрены, подпишутся всѣ истинные друзья народнаго образованія, для которыхъ это послѣднее справедливо является однимъ изъ главныхъ условій для поднятія умственнаго уровня народной массы.

Конст. Диксонъ.

П. Г. Мижуевъ Школа и общество въ Америкѣ. Спб. 1902 г. ц. 75 коп. Изданіе редакціи журнала «Техническое Образование. Новый трудъ г. Мижуева даетъ бѣглый очеркъ американской школы и общества, причѣмъ авторъ задался цѣлью связать характеристику американской школы съ наиболѣе крупными фактами, характеризующими американскую жизнь вообще. Книг

представляет несомнѣнный интересъ и, надо надѣяться, встрѣтитъ сочувствіе нашей читающей публики.

Указавъ въ первой главѣ на всеобщій интересъ, возбуждаемый американскою школою, авторъ переходитъ къ характеристикѣ главныхъ особенностей американской школьной организаціи, наиболее существенной чертой которой является, какъ извѣстно, полная децентрализація. Область народнаго образованія въ Соед. Штатахъ не входитъ въ сферу компетенціи федеральныхъ властей, а находится всецѣло въ рукахъ отдѣльныхъ штатовъ, причемъ частныя учебныя заведенія всѣхъ родовъ и всѣхъ разрядовъ находятся внѣ всякаго контроля общественныхъ властей. «Въ Америкѣ, пишетъ г. Мижуевъ, всякій волею открываетъ какое угодно учебное заведеніе и учитъ тамъ кого угодно и чему угодно, находясь лишь подъ контролемъ общественнаго мнѣнія». Контроль же общественныхъ властей начинается лишь тогда, когда учебное заведеніе пользуется какими-либо субсидіями отъ правительствъ, что, по свидѣтельству г. Мижуева, возможно лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Власть надъ американскими школами раздроблена между массой учреждений, стоящихъ въ самой полной близости къ народу и подчиненныхъ непрерывному и дѣйствительному его контролю. Вслѣдствіе этого «въ Америкѣ больше, чѣмъ гдѣ бытъ ни было, наблюдается самое полное соотвѣтствіе между тѣми идеалами, тѣми требованіями, которые ставитъ народъ своимъ школамъ, и тою дѣйствительностью, которую тамъ находятъ подрастающія поколѣнія». Въ дальнѣйшемъ изложеніи дается бѣглый очеркъ постановки образованія какъ въ высшихъ и среднихъ американскихъ школахъ, такъ и въ высшихъ, причемъ особая глава отведена образованію техническому. Интересныя свѣдѣнія даетъ настоящая книга о женскомъ образованіи въ Америкѣ, а также объ организаціи вѣншкольнаго образованія, которое, какъ извѣстно, пользуется здѣсь громадною популярностью. Любопытныя данныя приводитъ г. Мижуевъ также и относительно учебныхъ заведеній для индѣйцевъ, негровъ, глухонѣмыхъ и слѣпыхъ.

Конст. Диксонъ.

Пятирублевая общественная бібліотека (Статистическій Ежегодникъ Вятской губерніи за 1899 г., Вятка. 1901). Въ вышеуказанномъ «Ежегодникѣ» Вятской губерніи помѣщено интересное изслѣдованіе о сельскихъ, такъ называемыхъ, *пятирублевыхъ* бібліотекахъ, возникшихъ въ 1894 г. по инициативѣ покойнаго предсѣдателя вятской губернской земской управы А. П. Батцева.

Въ 1899 году, согласно постановленію губернскаго земскаго собранія, было произведено изслѣдованіе этихъ оригинальныхъ бібліотекъ, любопытныя данныя котораго сгруппированы въ вышеуказанномъ «Статистическомъ Сборникѣ». Составъ этихъ общественныхъ бібліотекъ опредѣлялся къ концу 1899 годъ спискомъ книгъ, разосланныхъ въ 1896 г., и тремя дополнительными списками книгъ, которыя высылались губернской управой въ существующія уже бібліотеки въ томъ же 1897 г., а также 1898 и 1899 годахъ. Основной списокъ содержитъ всего 90 книгъ (82 названія); 1-е дополненіе—6; 2-е въ дополненіе—24 и 3-е—20 книгъ. Расходъ на первый подборъ книгъ опредѣлился первоначальной ассигновкой 15.000 руб., на каждое изъ дополненій—по 3.000 р., ежегодно ассигновавшихся губерн. земск. собраніемъ. Слѣдовательно, весь номинальный составъ бібліотекъ достигалъ 140 книгъ и стоилъ 24.000 руб. Весь составъ бібліотекъ распадается на 7 отдѣловъ: 1) духовно-нравственный, 2) историко-географическій, 3) медицинскій, 4) естественно-научный, 5) общественно-юридическій, 6) сельскохозяйственный и 7) беллетристическій. Подавляющее большинство требованій читателей падаетъ на книги религіознаго характера, что объясняется, по мнѣнію автора цитируемой статьи, ограниченностью умственнаго кругозора крестьянина и его непривычкой къ книгѣ.

Вромѣ того, чтеніе книгъ, особенно научнаго характера, для нашего мало-

грамотнаго крестьянина трудно и подчасъ прямо невозможно, тогда какъ чтеніе религиозныхъ книгъ считается религиознымъ подвигомъ и во что бы то ни стало преодолѣвается.

Изъ повѣстей и разсказовъ читались больше всего только маленькіе разсказы. Изъ газетъ и журналовъ въ эти библіотеки посылалась только «Вятская Газета», которая, какъ извѣстно, представляетъ первый опытъ настоящей народной газеты и издается вятскимъ губернскимъ земствомъ. Изъ массы отвѣтовъ, полученныхъ управою и напечатанныхъ въ настоящемъ изслѣдованіи, видно, что «Вятская Газета» читается очень охотно. Кромѣ этой газеты, въ нѣкоторыхъ библіотекахъ выписываются обществомъ (въ 47 биб.) или библіотекарями (въ 99 биб.) на спеціальныя или личныя средства и другіе газеты и журналы. Больше всего выписываются: «Сельскій Вѣстникъ» (въ 133 биб.), «Крестьянское хозяйство» (въ 5 биб.), «Журналъ для всѣхъ» (въ 3 биб.), «Вокругъ Свѣта» (въ 2 биб.), «Сельско-хозяйственная газета» (въ 2 биб.), «Нива» (въ 2), «Пчеловодный Листокъ» (3), «Аеонскіе листки» (2). Кромѣ того, въ отвѣтахъ, присланныхъ въ управу, встрѣчаются еще названіе слѣдующихъ журналовъ: «Родина», «Русскій Паломникъ», «Вѣстникъ трезвости», «Вѣстникъ Краснаго Креста» (?), «Воскресенье», «Садъ и огородъ», «Природа и Люди», «Вѣстникъ Иностранной Литературы», «Записки Мин. Зем. и Госуд. Имуществъ», газета «Свѣтъ». Больше всего выписываются журналы въ тѣхъ библіотекахъ, гдѣ библіотекаръ имѣетъ повышенное образованіе. Библіотекари, выписывающіе журналы или газеты для себя, въ большинствѣ охотно даютъ читать и абонентамъ своей библіотеки; другіе же и желали бы давать да сомнѣваются, имѣютъ ли они на это право. Библіотеками интересуются даже инородцы и просятъ книгъ на инородческихъ языкахъ. Вообще, эти пятирублевыя библіотеки внесли массу новыхъ запросовъ въ крестьянскую массу Вятской губерніи и явились прочнымъ базисомъ, на которомъ можно будетъ поставить дальнѣйшее приученіе сельскаго жителя къ книгѣ. Вятское губернское земство будетъ постепенно увеличивать въ нихъ запасъ книгъ и, можетъ быть, не далеко то время, когда при содѣйствіи самихъ сельскихъ обществъ, земствъ и частныхъ лицъ эти библіотеки обратятся въ обыкновенныя читальни. Во всякомъ случаѣ, опытъ вятскаго губернскаго земства крайне интересенъ, а полученные изслѣдованіемъ данныя и отвѣты весьма цѣнны для сужденія о пользѣ библіотечнаго дѣла въ деревнѣ, хотя бы оно было и такъ, повидимому, микроскопично, какъ въ данномъ случаѣ. Большинство отвѣтовъ констатируетъ, между прочимъ, большой спросъ среди крестьянъ на газеты. Изъ перечисленныхъ выше газетъ и журналовъ, мы видимъ, какимъ образомъ удовлетворяется эта законная потребность сельскаго жителя знать не только то, что творится въ волостномъ правленіи и камерѣ земскаго начальника, но и вообще все, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ.

Кромѣ «Вятской Газеты», у насъ нѣтъ ни одной, строго говоря, народной газеты. Нельзя же признать таковой, напр., «Сельскій Вѣстникъ» или же «Русское Чтеніе», о которомъ мы какъ-то уже разъ давали отзывъ на страницахъ нашего журнала. Всѣ подобныя изданія могутъ служить только суррогатомъ настоящаго живого періодическаго органа и то только при тѣхъ условіяхъ, какія существуютъ въ настоящее время относительно существованія народной литературы вообще и народныхъ газетъ и журналовъ въ частности. Условія эти крайне ненормальны, какъ и вообще всѣ тѣ ограниченія и преграды, какія встрѣчаются на своемъ пути вѣтшкольное образованіе народа.

Конст. Диксонъ

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШИЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го апрѣля по 15-ое мая 1902 г.).

- П. Гнѣдичъ. Антиподъ и др. разск. Изд. Суворина. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ст. Руданскій. Творы. Ц. 50 к.
- А. М. Крымскій. Изъ повнстожъ и экквировъ. Ц. 50 к.
- З. Гиллиусъ. Третья книга разсказовъ. Спб. 1902 г. Ц. 2 р.
- Островъ Сахалинъ. А. Чехова. Собр. соч. Т. X. На разныя темы (1893—1901 г.). Петра Струве. Спб. 1902 г. Ц. 3 р.
- Викторъ Гюго. Несчастные. Спб. 1901 г. Изд. Поповой. Ц. 3 р.
- В. О. Тотоміанецъ. Муниципализація промышленныхъ предпріятій. Изд. «Княж-ное Дѣло» Мск. Ц. 1 р. 20 к.
- В. В. Битнеръ. Народный университетъ. Подъ ред. «Страна чудесъ Новаго Свѣта». Изд. Сойкина. Ц. 50 к.
- Его же. На рубежѣ столѣтій. Изд. Сойкина.
- А. Н. Филиповъ. Гигіена дѣтей. Прив.-доц. московск. универс. Мск. 1902 г. Ц. 2 р.
- Обзоръ сельск. хоз. въ Полтавской губ. Полтава. 1901 г.
- Статистич. ежегодникъ полтавск. губ. земства. 1901 г.
- В. А. Мякотинъ. Изъ истор. русск. об-ва. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. 1902 г. Ц. 2 р.
- Вил. Вундтъ. Система философіи. Перев. съ нѣм. д-ра Нѣманскаго. Спб. 1901 г. Ц. 40 к.
- В. Э. Денъ. Населеніе Россіи по пятой ревизіи. Т. I и II. Ч. 3-я. Мск. 1902 г. Ц. 4 р. 50 к.
- Отчетъ государ. сберег. кассъ за 1900 г. Спб. К. М. Лусскаго. Въ благоприятной средѣ. Ром. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.
- Е. д'Эйхталъ. Алексисъ Токвиль и либеральн. демократія. Перев. Васильевскаго. Изд. XX вѣкъ. Подъ ред. Н. Карѣва. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.
- Людв. Кривницкій. Психическія расы. Перев. съ польск. Р. В. Кривницкой. Изд. XX вѣкъ. Спб. 1902 г. Ц. 50 к.
- Проф. П. П. Мигулинъ. Реформа денежнаго обращенія въ Россіи и промышл. кризисъ. Харьковъ. 1902 г. Ц. 2 р.
- Деревенскіе лѣтніе ясли-пріюты въ Воронежск. губ. 1901 г. Изд. воронежск. губ. земства.
- И. Зангвиль. Трагедія Гетто. Изд. ред. «Всходъ». Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.
- У. А. Порчянскій. Зерновая моль и простѣйшій способъ ея уничтоженія. Изд. Мск. землед. и госуд. имущ. Спб. 1902 г. Ц. 3 к.
- Я. О. Шрейнеръ. Крогъ и важнѣйшіе способы борьбы съ нимъ. Изд. то же. Ц. 5 к.
- К. Н. Россиковъ. О мѣрахъ борьбы съ хрущами. Изд. то же. Ц. 3 к.
- В. Н. Майковъ. Собраніе сочиненій въ 2-хъ томахъ. Изд. В. К. Фукса. Кіевъ. Ц. 2 р.
- Л. С. Лячковъ. Къ вопросу о реформѣ оф-фиціальной статистики. Кіевъ. 1902 г.
- И. Бродовскій. Еврейская нищета въ Одессѣ. Одесса. 1902 г. Ц. 30 к.
- Лѣтнія колоніи московск. городск. начальн. училищъ. Отчетъ 1901 г. Мск. 1902 г.
- Сборникъ статей по вопросамъ городского жнзни въ Россіи и за границей. Вып. II и III. Изд. моск. город. общ. управ. Мск. 1901 г.
- Ип. Антоновичъ. Настроенія, очерки и рассказы. Мск. 1902 г. Ц. 1 р.
- Н. В. Тепловъ. Что такое культура и что такое гениальность съ точки зрѣнія развитія культуры. Мск. 1902 г.
- Начальное народное образованіе въ Россіи. Изд. Импер. вольно-эконом. об-ва. Т. IV.
- Е. Ефимова. Царь - освободитель Александръ II. Мск. 1902 г. Ц. 6 к.
- В. А. Весновскій. Спутникъ туриста въ Уралу. Екатеринбургъ. 1902 г.
- Врачъ Малаярская. Отсталыя дѣти. 1902 г.
- Ф. П. Тарановскій. Феодализмъ въ Россіи. Варшава. 1902 г.
- Скопальско-владичанско питање. 1897—1902 г. Београд. 1902 г.
- Погледъ върху дѣятельности на Българската Екзархія (1877—1902 г.).
- Сказки изъ сибирской дѣйствительности. Изд. вн. магаз. Макушина. Ц. 40 к.
- И. Н. Канадѣевъ. Очерки закавказской жнзни. Т. I. Спб. 1902 г. Ц. 2 р.
- Н. Н. Лендеръ. Рассказы пугнича. Изд. А. Суворина. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.
- Н. Г. Молоствовъ. Борьдъ за идеализмъ (Слово правды о А. Волынскомъ). Рилъ. 1902 г. Ц. 1 р.
- Н. П. Коропчевскій. Рѣчи. Изд. 2-е дополненное. 1882—1902 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Ф. В. Тарановскій. Сравнительн. правѣденіе въ концѣ XX вѣка. Варшава. 1902 г. Ц. 25 к.
- Владиміръ Вагнеръ, л-ръ зоологіи. Психологія животныхъ. Изд. 2-е. Мск. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Сост. Д. Ю. Бехли. Мѣропріятія нижегор. губ. земства по воспособленію кустарной промышленности. 1895—1902 г. Изд. нижегор. губ. земства. Спб. 1902 г. Ц. 40 к.
- Aventino. По слѣдамъ Гоголя въ Римѣ. Мск. 1902 г. Ц. 30 к.
- О. Э. Шмидтъ. Павловскій сталелесарн. районъ Нижег. губ. Вып. I. Н.-Новгородъ. 1902 г.
- И. С. Чехъ. Рассказы изъ староканавск. жнзни. Т. I и II. Спб. 1902 г. Ц. кажд. тома 1 р. 25 к.
- Влад. Шуфъ. Гибель Шемахи (поэма). Изд. въ пользу пострад. отъ землетрясенія въ г. Шемахѣ. Ц. 40 к.
- А. А. Бычихинъ. Результаты опытовъ удобренія виноградииковъ Бессарабіи минеральными туками въ 1901 г. Одесса. 1902 г.

Сельскохоз. обзоръ Смоленск. губ. въ 1902 г. Изд. смоленск. губ. земской управы. Смоленскъ. 1902 г.

Томасъ Карлейль. Рѣчь лорда ректора единбургск. университет. Перев. съ англ. Н. Горбова. Мск. 1902 г. Ц. 25 к.

Ш. Сеньбобосъ. Историческій методъ въ примѣненіи къ социальнымъ наукамъ. Перев. съ франц. подъ ред. П. С. Кюгана. Мск. 1902 г. Ц. 1 р.

Н. И. Прохоровъ. Техникъ тонкоруннаго овцеводства въ предгорьяхъ Сѣверн. Кавказа. Спб. 1902 г.

Дю-Плантис. Тетушка Пижо. Рассказъ для дѣтей. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

К. Л. Хриновъ. Поэты изъ народа. Мск. 1902 г. Ц. 60 к.

Отчетъ о состояніи городскихъ начальн. училищъ, учрежден. московск. городск. думой за 1900 1901 уч. годъ.

Андрей Бѣлый. Симфонія. Книгоизд. «Скорпионъ». Ц. 1 р.

А. К. Джигелеговъ. Средневѣковые города въ Западной Европѣ. Изд. ак. об-ва Брокгаузъ-Ефрона. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

Д-ръ В. Кобельтъ. Географическое распределение животныхъ. Перев. съ нѣм. В. Л. Бланки. Вып. I. Спб. Изд. Девриена. 1902 г. Ц. всего сочин. въ 5-ти вып. 8 р. 50 к.

Отчетъ о состояніи начальныхъ училищъ въ Н.-Новгородѣ за 1900 г. Н.-Новгородъ. 1902 г.

Д-ръ М. Рудольфи. Общая физическая химія. Перев. съ нѣмец. Марголина подъ ред. прив.-доц. Я. И. Михайленко. Изд. студ. Тацвенко. Киевъ. 1902 г. Ц. 60 к.

А. Марлинскій (Бестужевъ). Замокъ Нейгаузенъ—Кровь за кровь. Изд. Суворина. Ц. 15 к.

Труды педагогич. об-ва при Императорск. московск. университет. Вопросы воспитанія и обученія. 1-е изд. Тихомирова. Мск. 1901 г. Ц. 1 р. 25 к.

Липскій. Цѣны на рабочія руки при за-блговремен. наймѣ на сельск.-хов. работы. Изд. Новикова. Спб. 1902 г. Ц. 80 к.

И. Я. Амнифевъ. Опредѣлитель семействъ дѣтковыхъ растений Европ. Россіи. Екатеринбургъ. 1902 г. Ц. 40 к.

Отчетъ об-ва для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ за 1900—1901 г. Спб. 1902 г.

Материалы по оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ Смолен. губ. (Вяземск. уездъ) 1901 г. Смоленскъ. 1902 г.

В. И. Василенко. Очерки кустарныхъ промысловъ Полт. губ. Вып. I. Пряденіе и ткачество. Изд. губ. земства. Полтава. 1900 г.

Кустари и ремесленн. полтавск. губ. Труды статистич. бюро Полт. губ. земства. Полтава. 1901 г.

О. Н. Бутеневой. Рассказы о звѣряхъ. Пе-

рев. съ англ. Изд. Н. Березина. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

Морисъ Метерлинькъ Жизнь пчелъ. Перев. съ франц. К. Зяновъевой и Э. Яковле-вой. Спб. Изд. Колпинскаго. Ц. 80 к.

Отчетъ комисс. по устр. публ. лекціи при Русск. лит. кружкѣ въ г. Ригѣ (1900—1901 г.). Рига. 1901 г.

D-g K-van der Borcht. Торговля и торговая политика. Перев. съ нѣм. подъ ред. Е. И. Рагозина. Спб. 1902 г. Ц. 3 р.

И. В. Чолобакинъ. Въ какомъ направленіи долженъ быть сдѣланъ шагъ въ дѣлѣ организаціи приватна душевно-больныхъ. Мск. 1902 г.

А. Рождествина. Н. И. Пироговъ, какъ педагогъ. Казань. 1902 г. Ц. 30 к.

Н. И. Кузнецовъ. Систематическій сводъ указовъ правит. сената по земскимъ дѣламъ 1866—1900 г. Спб. 1902 г. Ц. 4 р.

Отчетъ Воронежск. библ. им. А. В. Кольцова за 1901 г.

К. Э. Линдеманъ. Общія основы энтомологіи Изд. Спб. д. Маркса. Ц. 4 р.

Томасъ Карлейль. Sartor Resartus. Жизнь и мысли Герръ Тейфельсдрекъ. Перев. съ англ. Н. Горбова. Мск. 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.

Анны Инноземцевой. Внѣ почвы. Драма въ 5-ти дѣйств. Н.-Новгородъ. 1902 г.

П. Г. Мижуревъ. Школа и общество въ Америкѣ. Спб. 1902 г. Ц. 75 к.

Влад. Львовъ. Первое знакомство съ географіей Россіи. Мск. 1902 г. Ц. 1 р.

Труды комитета винограводства Имп. об-ва сельскохоз. южн. Россіи. Одесса. 1901 г.

Г. Дорофеевъ. Характеристика творчества Н. В. Гоголя. Тифлисъ. 1902 г. Ц. 60 к.

Отчетъ о состояніи и дѣятельн. об-ва взаимн. вспомош. учащимъ и учившимъ Томск. губ. за 1901 г. Томскъ. 1902 г.

Очерки домашнихъ промысловъ и ремесель Полт. губ. Вып. 2-й. Изд. полт. губ. земства. Одесса. 1900 г.

Переселенія изъ Полтавск. губ. съ 1861 по 1900 г. Вып. 1-й. Полтава. 1900 г.

А. Федоровъ-Давыдовъ. Зори-весенни. Изд. ред. журнала «Свѣтлочь» Ц. 40 к.

А. Г. Грабина. Прежде погибшіе. Рассказы. Спб. 1902 г. Ц. 50 к.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Рассказы и сказки. Т. II. Изд. «Дѣтское Чтеніе». Мск. 1902 г. Ц. 1 р.

П. Головачевъ. Сибирь. Природа, люди, жизнь. Изд. Ю. И. Вазановой. Мск. 1902 г.

К. Головинъ (К. Орловскій). Собраніе сочиненій. Т. I—III. Спб. 1902 г. Ц. кажд. тома по 1 р. 25 к.

Раффи. Хелтъ. Истор. ром. Перев. съ арм. Карамурза. Тифлисъ. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Проф. Іерусалемъ. Введеніе въ философію. Перев. съ нѣм. П. Некрасова. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*The Social Evil*». With special Reference to conditions existing in the City of New-York. (Potnam's Sons). (Социальное зло). Въ этомъ томѣ заключается подробное исследование условий социального положенія главнѣйшихъ городовъ Европы. Далѣе авторъ разсматриваетъ положеніе Нью-Йорка и говоритъ о средствахъ борьбы съ социальнымъ зломъ, отъ котораго страдаетъ американскій городъ. Всѣ, интересующіеся научными социальными проблемами, найдутъ въ этой книгѣ очень много важныхъ свѣдѣній, касающихся этого вопроса. (Athenaeum).

«*A book of Secrets*». With studies in the Art of self control, by Horatio W. Dresser. (Potnam's Sons). (Книга секретовъ). 3 в. 6 д. Въ книгѣ заключается много нравственныхъ истинъ, имѣющихъ практическое значеніе въ жизни. Каждый очеркъ представляетъ отдѣльное посланіе, описывающее на конкретный опытъ и указывающее способы приспособленія къ современнымъ потребностямъ. Книга вполне удовлетворяетъ требованію, чтобы идеи, которыя еще находятъ въ періодѣ кристаллизаціи, были выражены ясно и определенно. (Athenaeum).

«*Herder's pädagogische Schriften und Aeusserungen*». Mit Einleitung und Anmerkungen von D. Horst Keferstein (Bibliothek pädagogischer Klassiker). (Педагогическія статьи Гердера). Въ предисловіи къ статьямъ Гердера издатель говоритъ о его высокихъ заслугахъ въ области литературы, такъ какъ онъ указалъ новые пути, новыя точки зрѣнія и новые способы творчества. Но, главнымъ образомъ, издатель имѣетъ въ виду познакомить читателей съ Гердеромъ, какъ съ педагогомъ. Препрежее заблужденіе, что классическіе языки хороши для всего, встрѣчаетъ въ Гердерѣ самаго энергичнаго противника и въ то же время Гердеръ является горячимъ защитникомъ теорій удовлетворенія запросамъ времени. (Frankfurt. Zeit.).

«*The Empire of Business*» by Andrew Carnegie (Harper and Brothers) 10 s. 6 d. (Дѣловое царство). Это сборникъ статей, написанныхъ въ разное время знаменитымъ американскимъ милліардеромъ и рѣчей, сказанныхъ имъ при равныхъ обстоятельствахъ. Онъ обращается къ молодымъ людямъ и говоритъ имъ, какъ добывать деньги, а затѣмъ обращается къ богатымъ и учитъ ихъ, какъ эти деньги расходовать. Но наиболѣе современный интересъ имѣетъ то, что касается трѣстовъ, въ которыхъ онъ не видитъ большого вреда для дѣловыхъ сношеній. «Только тѣ,—го-

ворить онъ,—имѣютъ основаніе опасаться трѣстовъ, кто настолько безуменъ, что вступаетъ въ нихъ». Взгляды Карнеджи на богатство и обязанности богатыхъ людей достаточно извѣстны.

(Daily News).

«*Au pays des Barotzi, Haut Zambèze. Voyage d'exploration en Afrique par Alfred Bertrand. Avec 105 Illustrations et deux cartes. Paris (Hachette et Co). De strapam Barotzi, et Верхнемъ Zambèze*». Прекрасно иллюстрированное описаніе путешествія, совершеннаго авторомъ въ качествѣ туриста въ область Верхняго Замбезе, гдѣ обитаетъ племя Баротси, описанное африканскимъ путешественникомъ Голубомъ, но самое интересное—это описаніе Джемсовскаго набѣга, очевидцемъ котораго былъ авторъ, такъ какъ онъ совершилъ свой обратный путь отъ водоемовъ Замбезе черезъ страну намабеловъ, Трансвааль, Наталь, Капскую колонію, какъ разъ во время набѣга находился въ Трансваалѣ. (Journal des Débats).

«*Une femme avocat. Episodes de la Révolution. Mémoires de la comtesse de la Villirouet (1767—1813)*. (Just Poirson). 5 fr. (Женщина адвокатъ. Эпизоды французской революціи). Это мемуары, написанные женщиной, которая была посажена въ Ламбалль, въ тюрьму, въ 1793 году и добилась не только свободы для себя, но и для 130 своихъ товарищей по заключенію, представляютъ очень любопытный историческій документъ, сообщающій много интересныхъ и мало извѣстныхъ подробностей изъ повседневной жизни во времена революціи.

(Journal des Débats).

«*Studies in history and jurisprudence* by James Bryce, two vols. Oxford. (Clarendon Press). (Очерки исторіи и юриспруденціи). Въ этихъ двухъ томѣхъ авторъ излагаетъ сущность своего курса въ оксфордскомъ университетѣ, гдѣ онъ читалъ прежде гражданское право. Авторъ въ общихъ чертахъ излагаетъ исторію и законы Англии и сравниваетъ ихъ съ исторіей и законами Рима. Но самая интересная глава въ книгѣ та, въ которой авторъ рассказываетъ первобытную исторію Исландіи и подвергаетъ подробному анализу особенную конституцію первой исландской республики. Книга такъ написана, что ее прочтутъ съ интересомъ не одни только профессиональные юристы. (Daily News).

«*The Basis of Social Relations*» a study in Ethnic Psychology by Daniel G. Briston. London 8 s. (Lohn Murray). (Основы социальныхъ отношеній). Хотя этническая

психологии давно уже обращает на себя внимание, этнологи и психологи, тѣмъ не менѣе до сихъ поръ еще она не служила предметомъ систематическаго изученія. Въ этомъ отношеніи названная книга представляетъ цѣнный вкладъ и, благодаря ясности и простотѣ изложенія доступна широкому кругу читателей. Авторъ подвергаетъ серьезному изслѣдованію очень важныя соціальныя вопросы. Трудъ автора раздѣляется на двѣ части, посвященныя изученію культурной и естественной исторіи этнической души. Очень интересны главы, въ которыхъ авторъ изслѣдуетъ болѣзнь народной души и причины упадка націй, вымирания и вырожденія. (Morning Post).

«Social Control: a Sérocy of the Foundations of Order» by Edward Alsworth Ross (Macmillan and Co). (Соціальныя контроли). Авторъ касается очень интереснаго вопроса и, повидимому, изучилъ всю существующую литературу по этому предмету. Но постоянныя ссылки на разныхъ авторовъ затрудняютъ чтеніе и сообщаютъ тяжеловѣсность книгѣ, такъ что врядъ ли она можетъ быть доступна большому кругу читателей, несмотря на весь свой интересъ. (Daily News).

«L'évolution de la vie» par le Dr Lalo. Paris. 2 fr. 50 (Schleicher). (Эволюція жизни). Авторъ преслѣдуетъ двойную цѣль: дать возможность лицамъ, не имѣющимъ спеціальнаго образованія, познакомиться съ новѣйшими успѣхами биологическихъ наукъ и составить, на основаніи послѣднихъ открытій ученыхъ и разсужденій философовъ, теорію жизни и ея эволюціи, которая могла бы служить выраженіемъ нашихъ знаній въ началѣ этого вѣка. Авторъ старается обсудить и разрѣшить цѣлую массу крайне важныхъ и интересныхъ вопросовъ, касающихся проблемы жизни. (Polybibléon).

«Weltall und Menschheit» Berlin. (Deutsches Verlagshaus Lang und Co). (Вселенная и человечество). Цѣлый рядъ нѣмецкихъ ученыхъ предприняли изданіе подъ этимъ названіемъ статей, указывающихъ на связь, существующую между исторіей развитія человечества и силами природы, начиная съ самой отдаленной древности до современной эпохи. Въ первой части этого сборника говорится объ изслѣдованіи земной коры, моря, атмосферы и небесныхъ тѣлъ, а вторая посвящается появленію и развитію земного населенія. Въ послѣдней части изслѣдуется многообразное примѣненіе силъ природы въ наукѣ и технику и вліяніе великихъ открытій и подчиненія силъ природы человѣку на живыхъ и мысленіе народовъ. Особенно хорошо составлена въ книгѣ исторія изслѣдованія силъ природы. (Neue Freie Presse)

«Madagascar au début du vingtième siècle» Un vol. avec figures et une grande carte en couleurs. Prix 20 fr. (De Rudeval et Co éditeurs). (Мадагаскаръ въ началѣ XX вѣка). Профессоръ парижскаго медицинскаго факультета Вланшаръ организовалъ курсъ, исключительно посвященный изученію колоній. Первый годъ существованія этого курса былъ посвященъ Мадагаскару. Въ книгѣ собраны лекціи, которыя были прочтены объ этомъ островѣ и заключаютъ въ себѣ самыя точныя и полныя свѣдѣнія географіи, геологіи, минералогіи, зоологіи, ботаники и этнографіи Мадагаскара. Одна глава спеціально посвящена европейской колонизаціи. (Journal des Débats).

«Question d'histoire et d'enseignement» par Ch. V. Langlois. (Вопросы исторіи и образованія). Всѣ очерки, помѣщенные въ этой книгѣ, посвящены исторіи высшаго образованія, преподаванію исторіи, историческому методу и библиографіи. Особеннаго вниманія заслуживаетъ глава о средневѣковыхъ университетѣхъ и международнои ассоціаціи академій. (Revue de Paris).

«How to succeed as a Journalist» by John Pendleton. London (Grant Richards). 3 s. 6 d. (Какъ обрѣтается журналистомъ). Занимательная книга, такъ какъ она изображаетъ карьеру журналиста съ разныхъ сторонъ, но врядъ ли она можетъ служить руководствомъ для того, кто захочетъ сдѣлаться журналистомъ. Въ сущности авторъ не даетъ никакихъ совѣтовъ начинающему журналисту, а только разсказываетъ разные эпизоды изъ области журнализма и анекдоты обрисовывающіе взаимныя отношенія издателей, журналистовъ и публки. (Daily News).

«Der Beruf und die Stellung der Frau» von Johannes Möller (Verlag des Grünen Blätter) Leipzig (Наставленіе и положеніе женщины). Эта книга служитъ доказательствомъ, какое глубокое значеніе для современной культурной жизни человечества имѣетъ женскій вопросъ. Авторъ разсматриваетъ этотъ вопросъ преимущественно съ этической точки зрѣнія. Онъ не принадлежитъ къ числу слѣпыхъ и фанатическихъ противниковъ эмансипаціи женщины и признаетъ необходимость полной индивидуализаціи и самостоятельности незамужней женщины. Но тѣмъ не менѣе онъ видитъ въ бракѣ высшее назначеніе женщины, къ которому она должна стремиться. Авторъ отрицаетъ способность женщины къ продуктивной работѣ и слышкомъ мало вниманія посвящаетъ современнымъ экономическимъ условіямъ, которыя играютъ немаловажную роль въ исторіи женскаго движенія. (Berliner Tageblatt).

«*L'hygiène sociale*» par E. Duclaux. Paris (Alcan) 6 fr. (Соціальная гигиена). Директоръ Пастеровскаго института Дюкло собралъ въ этой книгѣ лекціи, читанныя имъ въ «l'École des hautes études sociales». Онъ указываетъ въ этихъ лекціяхъ на опасность, которую представляетъ всякій больной для общества, и на необходимость борьбы съ заразыми болѣзней. Общество, говоритъ авторъ, должно смотрѣть на больного, какъ на постоянную угрозу, противъ которой оно плохо вооружено, и поэтому оно должно стараться помѣшать больному быть вреднымъ. Авторъ говоритъ о новыхъ открытіяхъ, которыя даютъ возможность установить принципы соціальной гигиены.

(Polybiblîon).

«*Les femmes docteurs en médecine*» par Harget Fontanges Paris (Alliance coopérative du livre) 3 fr. 50. (Женщины докторы медицины). Авторъ этой книги говоритъ объ успѣхахъ феминизма въ области медицины и знакомитъ съ положеніемъ женскаго медицинскаго образованія во Франціи и за границей. Въ заключеніе авторъ приводитъ списокъ женщинъ докторовъ медицины во Франціи съ 1870 по 1900 годъ и перечисляетъ ихъ работы.

(Polybiblîon).

«*La distinction de classes dans la société allemande actuelle*» par Eugène Regnier. Paris (Rousseau). 10 fr. (Различіе классовъ въ современномъ германскомъ обществѣ). Въ довольно пространномъ предисловіи авторъ излагаетъ исторію классовыхъ различій съ начала ихъ происхожденія до нашихъ дней. Но не исторія составляетъ главный предметъ изслѣдованія автора, а законодательство, которое обязано своимъ происхожденіемъ классовому различію и до сихъ поръ находится въ силѣ. Вообще эта книга представляетъ очень серьезное изслѣ-

дованіе предмета, до сихъ поръ недостаточно изученнаго. (Polybiblîon).

«*Philosophie des sciences sociales*» par Antonin Roudelet. Paris (Roudelet) 3 fr. 50. (Философія социальнаго наукъ). Отыскивая, какой методъ наиболее подходитъ для соціальнаго наукъ, авторъ не только представляетъ новую классификацію, но и резюмируетъ соціальныя науки. Онъ обсуждаетъ съ совершенно своеобразной точки зрѣнія науки экономическія, педагогическія, административныя, политическія и финансовыя, и хотя придаетъ имъ большое значеніе, но ставитъ на первое мѣсто все-таки принципы. Онъ одинаково предостерегаетъ и отъ утопіи, и отъ излишняго эмпиризма. (Polybiblîon).

«*Japan, our new Ally*» by Alfred Stead Illustrated (Fisher Unwin). (Японія, наша новая союзница). Авторъ говоритъ, что во время своего послѣдняго пребыванія въ Японіи онъ встрѣчался со многими выдающимися японскими политическими и общественными дѣятелями, и это дало ему возможность «лучше понимать удивительную исторію Японіи». Онъ сообщаетъ очень интересныя данныя относительно современнаго состоянія Японіи въ различныхъ отношеніяхъ, приводитъ цифры и другія подробности, касающіяся хронологическаго, финансоваго и т. п. положенія страны. Что касается литературы и философіи, то японцы, разумеется, не могутъ спорить съ древнимъ Китаемъ, такъ какъ они не могутъ указать философовъ, которые могли бы быть поставлены на ряду съ китайскими философами. Но по мнѣнію автора, это было счастьемъ для Японіи, такъ какъ это спасло ее отъ китайскаго консерватизма и помогло ей вернуться въ Новую Японію, представляющую политическое чудо нашего вѣка. (Athaeneum).

послѣдніе были очень изящные молодые люди и пріѣхавшіе Питера крайне любезно, но ему не понравились. Онъ готовъ былъ даже возненавидѣть ихъ, когда миссисъ Д'Аллуа пригласила его сѣсть между нею и мадамъ Меллери.

Питеръ пришелъ вовсе не затѣмъ, чтобы бесѣдовать съ мадамъ Меллери, но дѣлать было нечего, и онъ былъ слишкомъ вѣжливъ, чтобы показать свое недовольство французевѣй. Около полубы часа ему пришлось бесѣдовать съ нею, когда уходъ м-ра Максвелла нарушилъ на время порядокъ. Не успѣлъ гость скрыться за дверью, какъ миссисъ Д'Аллуа захотѣла снова возстановить его, но встрѣтила неожиданную преграду своимъ намѣреніямъ. Питеръ вывелъ свои заключенія изъ того, что миссисъ Д'Аллуа усидела его съ французевкой, а особенно изъ того, что все время старалась стать между нимъ и Леонорой и помѣшать ему говорить съ нею. По этому Питеръ воспользовался переѣщеніемъ, произошедшимъ во время ухода Максвелла, и, подойдя къ Леонорѣ, оживленно заговорилъ съ нею. Миссисъ Д'Аллуа нахмурилась, увидя это, но ничего не могла подѣлать. Когда Питеръ подошелъ къ Леонорѣ, она пріотворилась къ гостемъ и, казалось, не замѣтила его. Но не успѣлъ гость отойти, какъ она быстро обернулась къ нему и сказала:

— Я все время спрашивала себя, неужели вы уйдете, не поговоривъ со мною? Я боялась, что вы изъ тѣхъ людей, которые говорятъ «здравствуйте» и «прощайте» и считаютъ, что въ этомъ состоитъ весь визитъ.

— Я пришелъ только, чтобы видѣть васъ, и, конечно, не ушелъ бы, не поговоривъ съ вами. Въ вѣкоторыхъ случаяхъ я могу быть очень настойчивымъ.

— О да,—сказала Леонора, съ видомъ глубокаго убѣжденія покачивая головой,—миссъ Де-Во мнѣ говорила.

— М-ръ Стерлингъ,—позвала его миссисъ Д'Аллуа.—Не можете ли вы разъяснить мнѣ смыслъ латинскаго девиза на этой печати?

Миссисъ Д'Аллуа протянула ему письмо, не вставая съ мѣста. Питеръ разгадалъ

ея уловку: миссисъ Д'Аллуа опять хотѣла усидеть его рядомъ съ собой, не затѣмъ, чтобы наслаждаться его обществомъ, но чтобы помѣшать его разговору съ Леонорой. Но Питеръ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія позволить ей распорядиться собой. Поэтому онъ сказалъ:

— Мадамъ Меллери мнѣ говорила, что миссъ Д'Аллуа прекрасно знаетъ латинскій языкъ. Я вовсе не хочу сражаться передъ ней и предлагаю ей первой перевести девизъ.

Онъ взялъ конвертъ, передалъ его Леонорѣ, подвинулъ ей стулъ, и самъ сѣлъ рядомъ съ нею.

Миссисъ Д'Аллуа была крайне недовольна, особенно при видѣ, какъ Питеръ и Леонора нагнулись вмѣстѣ надъ конвертомъ.

— In bonam partem, прочла Леонора.— Это совсѣмъ легко, мама! Это... да она меня не слушаетъ!

— Вы ей послѣ скажете. А теперь мнѣ надо съ вами обсудить нѣчто.

— А что именно?

— Программу обѣда у меня. Кого вы хотите пригласить?

— Вы въ самомъ дѣлѣ дадите обѣдъ для меня?

— Конечно.

— И позвольте мнѣ позвать, кого я хочу?

— Неурѣбно.

— Вотъ-то прелесть! Дайте подумать. Маму и папу, конечно.

— Это четверо. Еще двухъ можно.

— Питеръ, если вамъ все равно...

— Леонора колебалась одно мгновеніе и сказала просительнымъ голосомъ:—вы не хотите позвать мадамъ? Я ей рассказывала про вашу квартиру, и ей это доставило бы такое удовольствіе!

— Это пять,—сказалъ Питеръ.

— Шикарно!—воскликнула Леонора, но тотчасъ спохватилась:—я хотѣла сказать, что вы очень добры.

— А кто же будетъ шестымъ?

— Конечно, мужчина,—отвѣтила Леонора и наморщила лобъ отъ напряженія мысли.—Я почти никого не знаю!

Она посмотрѣла въ пространство, и Питеръ испугался при мысли, что она

можетъ вспомнить о маркизѣ и пригласить его.

— У васъ есть одинъ пріятель, съ которымъ мнѣ страшно хочется познакомиться. Только я не знаю, согласитесь ли вы позвать его?

— Кто же это?

— М-ръ Моріерти.

— Нѣтъ, я не могу позвать его. Я не хочу выставлять его на показъ, какъ рѣдкаго звѣря.

— О, я вовсе не такъ смотрю на него.

— Я думаю, вы поймете и оцѣните его хорошія стороны, но другіе?

Питеръ не называлъ именъ, но Леонора поняла его.

— Да,—сказала она,—вы совершенно правы.

— Вы когда-нибудь узнаете его,—утѣшалъ ее Питеръ,—если вамъ этого такъ хочется; но тогда мы не позволимъ никому, кто бы могъ сконфузить его или посмѣяться надъ нимъ.

— Право, я не знаю, кого бы еще позвать?

— Не хотите ли познакомиться съ Ле-Гравъ?

— Очень хочу. Вотъ и шестой!

— Значить, дѣло сдѣлано. Вы свободны девятаго?

— Да, я еще не буду выѣзжать этой весной, а мама съ папой еще не начинала, теперь сезонъ уже кончается, и я увѣрена, что мы не заняты.

— Спросимъ маму, и если она согласна, назначимъ девятаго.

— Питеръ, я хотѣла спросить васъ еще въ тотъ разъ. У васъ въ кладовой столько вина, а я думала, что вы не пьете.

— Да, я и не пью, но угощаю моихъ друзей, когда они навѣщаютъ меня. Я живу такъ, какъ мнѣ нравится, но поэтому-то и хочу, чтобы и другіе могли жить такъ, какъ имъ нравится. Стараться изъ любезности къ другимъ поступать такъ же, какъ они, слишкомъ обоюдоострая вещь.

Въ эту минуту къ нимъ подошла миссисъ Д'Аллуа.

— Что же, могли перевести?—спросила она, усаживаясь между ними.

— Конечно,—отвѣтила Леонора.— Это значить: «на лучшей сторонѣ», а, какъ девицъ, можно перевести: «за правое дѣло».

Миссисъ Д'Аллуа явилась, очевидно, съ тѣмъ, чтобы, по народному выраженію, «пустить корню». Питеръ завелъ разговоръ объ обѣдѣ, и когда она колебалась, Леонора позвала на помощь отца. Его голосъ оказался рѣшающимъ, и день былъ назначенъ. Питера пригласили на празднованіе дня рожденія Леоноры, разговоръ перешелъ на другіе предметы. Питеръ всталъ.

Прежде чѣмъ уйти, онъ сказалъ Леонорѣ:

— Я сегодня изучалъ вопросъ о національности и нашелъ, что я былъ правъ. Я написалъ вамъ удостовѣреніе самымъ лучшимъ моимъ почеркомъ и вручу вамъ его тогда, когда получу отъ васъ гонораръ.

— Сколько же вы хотите?—дѣловым тономъ спросила Леонора.

— Только, чтобы вы сами пришли за документомъ.

ГЛАВА XIII.

Разныя встрѣчи.

На слѣдующее утро Питеръ только что принялся за работу, какъ доложили, что его жаждетъ видѣть «достопочтенный Теренцій Дентонъ».

— Просите,—сказалъ Питеръ и «достопочтенный» вошелъ.

— Добраго утра, Дентонъ. Очень радъ васъ видѣть. Я собирался сегодня самъ зайти въ ратушу на пару словъ, а вы избавили меня отъ труда.

— Знаю, что собирались, потому я предупредилъ васъ,—огрызнулся Дентонъ.

— Сядьте,—сказалъ Питеръ.

Питеръ изъ своего долголѣтняго опыта зналъ, что ничто не охлаждаетъ гнѣва извѣстнаго сорта людей, какъ во время предложенный стулъ на извѣстномъ разстояніи.

— Вы говорили противъ меня въ участкѣ и науськивали ихъ на меня.

— Нѣтъ, я не науськивалъ ихъ. Я

просто говорилъ кое съ кѣмъ о томъ, какъ вы собираетесь подавать голосъ за концессию.

— Ну, не знаю. Самъ я не слыжалъ, а одинъ мой пріятель слышалъ, какъ меня раздѣлывали вчера вечеромъ Деннисъ съ Бленкерсомъ. Вѣдь это дѣло вашихъ рукъ.

— Можетъ быть... Но вѣдь, кажется, вы достаточно хорошо знаете меня и могли понять, что я не успокоюсь на нашемъ вчерашнемъ разговорѣ.

— Поэтому-то вы и натравили всю шайку на меня?

— Нѣтъ, я только хотѣлъ знать, что думаютъ мои избиратели о намѣреніяхъ своего альдермена.

— Послушайте, почему вамъ такъ полюблился этотъ Гуммель съ братіей.

— Миѣ до него лично дѣла нѣтъ.

— Можетъ, потому, что Гуммель— крупный подрядчикъ, и вы наживаетесь на его дѣлахъ?

— Нѣтъ, — улыбнулся Питеръ. — Да и вы сами не думаете этого.

— Можетъ, оъ предложилъ вамъ свои акціи за полцѣны?

— Полно, Дентонъ. Вы отлично знаете, что всѣ ваши «tu quoque» — неумѣстны.

Дентонъ завозился на стулѣ. Эти два непонятныхъ ему латинскихъ словечка привели его въ смущеніе. Онъ не зналъ, заключается ли въ нихъ намекъ, угроза или оскорбленіе, и не рѣшался выказать своего невѣдѣнія, боясь показаться смѣшнымъ. Чтобы выйти изъ этого неприятнаго положенія, онъ рѣшился перемѣнить тему.

— Я не желаю быть ничьей собачонкой, — сказалъ онъ.

— Конечно, — согласился Питеръ, съ трудомъ подавляя улыбку, — вы не такой человекъ.

— И я не позволю никому миѣ приказывать!

— Дентонъ, да никто не можетъ приказывать вамъ, какъ подавать голосъ. Мы выбрали васъ альдерменомъ, чтобы вы дѣлали то, что, по вашему миѣнію, будетъ на пользу вашего участка и всего города. Вы отвѣчаете за свои дѣйствія только передъ своими избирателями и больше ни передъ кѣмъ. Миѣ

все равно, кто вамъ приказываетъ или совѣтуетъ; въ концѣ концовъ, вотируете вы, но потребуютъ отчета избиратели.

— Понимаю. Но если я вотирую не по вашему, вы натравляете на меня ребятъ.

— Я только говорю имъ, что думаю. Вы можете сдѣлать то-же. Наши шансы равны.

— Нѣтъ, не равны. Вы богаты и умѣете красно говорить.

— Вы знаете, что мои деньги тутъ не причемъ. И вы знаете также, что, говоря съ людьми, я никогда не ввожу ихъ въ заблужденіе. Если они вѣрятъ моимъ словамъ, то потому, что находятъ ихъ благоразумными, и потому, что я никогда никого не обманывалъ.

— Что же? вы хотите выжить меня?

— Надѣюсь, что нѣтъ. Я думаю, что вы будете хорошимъ альдерменомъ и тогда вспомните, что я это сказалъ вамъ.

— А теперь?

— Если вы подадите голосъ за ту, другую, концессию, я скажу избирателямъ, что, по моему миѣнію, вы поступили дурно, и они сдѣлаютъ то, что найдутъ нужнымъ.

— Т.-е. чего вы захотите?

— Нѣтъ. Вы уже давно занимаетесь политикой и не можете не знать, что я ничего не могъ бы сдѣлать, если бы не счумѣлъ заставить моихъ избирателей думать такъ же, какъ я. Да и вы сами развѣ стали бы считаться съ моимъ миѣніемъ, если бы не чувствовали, что за мной стоитъ весь участокъ?

Въ эту минуту дверь открылась, и вошелъ Деннисъ.

— Тимъ миѣ сказалъ, что вы одинъ съ Дентономъ, поэтому я и вошелъ прямо. Съ добрымъ утромъ, сэръ. Какъ поживаешь, Теренцій?

— Васъ только и нужно, Деннисъ. Скажите Дентону миѣніе участка о концессіяхъ.

— Что же, миѣніе у всѣхъ одно. А если Дентонъ заглянетъ ко миѣ сегодня вечеромъ, такъ самъ узнаетъ, что всѣ думаютъ.

— Ничего бы они не думали, если бы мистеръ Стерлингъ не говорилъ съ

вним. Между ними нѣтъ одного на двадцать, который хотя бы зналъ, въ чемъ дѣло.

— Это потому, что большинство изъ нихъ люди рабочіе, некогда имъ за всѣмъ слѣдить. Послушайте, Дентонъ; я не хочу учить васъ, какъ вамъ подавать голосъ, я только говорю вамъ мое собственное мнѣніе. Обойдите участокъ да потолкуйте съ людьми. Тогда сами увидите, нужно ли вамъ опасаться меня въ будущемъ. Я не хочу спориться съ вами; мы были прежде друзьями, и намъ гораздо легче дружно вести нашу повозку, чѣмъ лягаться. Мнѣ бы не хотѣлось видѣть другого на нашемъ мѣстѣ въ городскомъ совѣтѣ.—Питеръ протянулъ ему руку, и Дентонъ пожалъ ее.

— Хорошо, м-ръ Стерлингъ. Постараюсь не спориться съ вами.—сказалъ онъ и вышелъ.

Питеръ обратился къ Деннису и улыбнулся ему.

— Никакъ они не могутъ понять, что дѣло въ избирателяхъ, а не во мнѣ. Каждый разъ, какъ что нибудь не ладится, они нападаютъ на меня, и мнѣ бываешь не легко ладить съ ними. Я ненавижу споры и недовольства.

— Только вы и можете усмирять ихъ. Право, Дентонъ былъ сегодня утромъ въ ужасно воинственномъ настроеніи, говорили мнѣ, а теперь тиге воды, ниже травы, и не будь я Деннисъ Моріерти, если онъ не подасть голосъ по совѣсти. Да, онъ самъ не подозрѣваетъ этого, но во вторникъ онъ будетъ возгноровать честно.

Въ эту минуту маленькій Тамъ подалъ карточки Уаттса и Леоноры, и Питеръ велѣлъ просить ихъ. Когда они вошли и поздоровались, Питеръ сказалъ Леонорѣ:

— Миссъ Д'Аллуа, вотъ мой вѣрный другъ Деннисъ Моріерти. Деннисъ, миссъ Д'Аллуа желала познакомиться съ вами, потому что слышала, какіе вы съ вами друзья.

— Ей-Богу,—сказалъ Деннисъ, осторожно пожимая маленькую ручку, которая такъ охотно протянулась ему.— Намъ съ вами обонимъ везеть, если такая милая барышня нами занимается.

— О, м-ръ Моріерти, какой вы лстець!

— Помилуйте барышня,—возразилъ Деннисъ.—Это истинная правда, сама за себя говорить.

— Питеръ, гдѣ же удостовѣреніе?

— Вотъ оно.

Питеръ подалъ ей прекрасно написанный, оформленный документъ, чрезвычайно внушительный, благодаря многочисленнымъ ссылкамъ на разные авторитеты, имена которыхъ были написаны красивыми чернилами, и скрѣпленный его официальной подписью. Подпись Питера на удостовѣреніяхъ и чекахъ цѣпилась очень высоко.

— Посмотрите, м-ръ Моріерти! — вскричала Леонора. Она была въ такомъ восторгѣ, что желала подняться съ кѣмъ-нибудь своей радостью.— Я всегда думала, что я французка, хотя мнѣ это было очень обидно, а теперь м-ръ Стерлингъ сдѣлалъ меня американкой, и я такъ счастлива! Я ненавижу иностранцевъ!

Уаттсъ разсмѣялся.

— Потихе, Брошка. Не говори этого м ру Моріерти. Онъ вѣдь самъ иностранецъ.

— О, я совсѣмъ забыла... Я не думала...—Бѣдная Леонора замолчала, въ ужасѣ отъ того, что сказала.

— Да нѣтъ,—вышлася Питеръ,—Деннисъ вовсе не иностранецъ. Онъ самый пламенный американецъ, какого я только знаю. Изъ моего собственнаго опыта я знаю, что у насъ самые горячіе патриоты—ирландцы, хотя это и звучитъ противорѣчно.

— Полно.—сказалъ Уаттсъ.—Вѣдь ты самъ знаешь, что каждый ирландецъ клянется «старой родной».

— Понятно,—возразилъ Деннисъ.— Такъ что-жъ изъ этого? Случается, что человѣкъ встрѣтитъ дѣвушку, красавицу, сильную, здоровую и полюбитъ ее отъ души. Что же вы скажете: ему нужно забыть свою старушку мать, потому что лицо ея въ морщинахъ, и силъ прежнихъ у нея нѣтъ, оттого что она прежде работала на него? Да развѣ онъ можетъ быть добрымъ мужемъ, если забудетъ мать?

Я не смѣю говорить, что я хорошій американецъ, въ присутствіи мистера Стерлинга, потому что я ничто въ сравненіи съ нимъ. Но я люблю Америку, и если ей понадобятся руки, кровь или жизнь Денниса Моріерти—пусть только скажутъ!

— Прекрасно,—сказалъ Уаттсъ.— Крайне поучительно, какъ убѣжденіе и какъ рѣчь; но дѣло не въ этомъ. Питеръ, мы явились сюда, чтобы сдѣлать все необходимое для ввода Крошки во владѣніе бабушкинымъ наслѣдствомъ, надъ которымъ я до сихъ поръ былъ опекуномъ. Вотъ тебѣ цѣлая куча бумагъ. Кажется, онѣ все относятся къ этому.

— Папа думаетъ, что благоразумнѣе всего проситъ васъ, чтобы вы управляли моимъ капиталомъ и давали мнѣ только проценты. Я сама не могу имъ распоряжаться, пока мнѣ не минуло 25 лѣтъ.

— Ты долженъ вложить деньги въ какое-нибудь дѣло, Питеръ, а то Крошка будетъ изъ нихъ дѣлать пѣтушковъ и лодочки. Когда мы жили во Флоренціи, она кормила всѣхъ городскихъ попрошайекъ.

Питеръ до этихъ поръ отказывался вести чьи бы то ни было денежные дѣла. Но теперь онъ рѣшилъ отступить отъ своихъ правилъ, находя, что это ему крайне выгодно. Не въ матеріальномъ отношеніи, конечно: денегъ было всего 92 тысячи, его гонораръ не превышалъ 400 долларовъ, но у него являлся законный предлогъ во всякое время видѣть Леонору, не говоря уже о письмахъ. Вотъ почему Питеръ весьма охотно выразилъ свое согласіе.

— Все это крайне просто, и если вы согласны подождать полчаса, я сейчасъ же велю написать довѣренность.

Питеръ сказалъ это, чтобы удержать ихъ у себя подольше, но тотчасъ же спохватился, что если бы онъ оставилъ у себя бумаги, Леонора должна была бы еще разъ пріѣхать подписать ихъ.

Питеръ горько раскаивался въ своемъ промахѣ, но исправить его уже было поздно. Онъ пригласилъ посѣтителей явиться въ кабинетъ, велѣлъ позвать стар-

шаго писца и объяснилъ ему, въ чемъ дѣло.

«Не понимаю, чего онъ такъ торопится?» думалъ писецъ, уходя съ бумагами.

Когда Питеръ вошелъ въ кабинетъ, онъ увидѣлъ, что Уаттсъ и Леонора сидятъ въ креслахъ, а Деннисъ стоитъ передъ ними и съ жаромъ повѣствуетъ имъ что-то.

Вотъ что услышалъ Питеръ:

— «Шевелись, ребята, и найдите мнѣ сани!» Мы рѣшили, что онъ съ ума сошелъ, но онъ былъ нашимъ командиромъ, а приказъ всегда останется приказомъ.

Дулей нашелъ салазки, капитанъ взялъ ихъ, да какъ двинетъ полозьями вдоль рельсовъ по болтамъ! Такъ головки и отскочили! Потомъ онъ ударилъ по рельсамъ сбоку, чтобы сдвинуть ихъ съ мѣста. А потомъ говоритъ: «Снимайте, молодцы, пояса, да связывайте ими рельсы».

Ничего мы не поняли, однако послушались. А въ это время стачники такъ и падаютъ, пули такъ горохомъ и сыплются. «Бросай ружья, — говоритъ капитанъ, — бери рельсы, бѣглымъ шагомъ маршъ къ сараю!» Точно на парадѣ командуетъ. Поняли мы, что онъ надумалъ, со всѣхъ ногъ побѣжали. Ей-Богу, пробили дверь, какъ листикъ бумаги! Онъ первый кинулся въ сарай. «Назадъ! кричитъ. Прежде самъ погляжу, что надо дѣлать!» Видѣли бы вы: вошелъ онъ въ сарай, тамъ пламя такъ и бушуетъ, мы и снаружи то лица закрываемъ, чтобы не опалило, а онъ остановился и думаетъ. Потомъ закричалъ: «Берите ружья!» Пошли мы за ними, а Майкъ говоритъ мнѣ: «Плохо дѣло! Къ вагонамъ и не подступиться!» Вышелъ изъ сарая и говоритъ: «Ребята, жарковато тамъ, да коли не боитесь обжечься, мы все-таки этихъ бѣдняковъ вызволимъ. Хотите попробовать?»— «Хотимъ!» закричали мы всѣ. Ну, онъ и объяснилъ, какъ намъ выкатить вагоны, не трогая ихъ руками. «Стройся! — закричалъ.— Штыки вонъ. Первая шеренга заходи къ вагонамъ справа, вторая слѣва. Впередъ маршъ!» Мы и

пошли въ этотъ адъ, да выкатили вагоны, точно шла съ парада на Бродвей съ музыкой и знаменами.

— Развѣ васъ не обожгло?

— Да еще какъ, барышня! Посмотрѣли бы вы на насъ! Были чернѣе самого дьявола. У всѣхъ насъ волосы, гдѣ не были закрыты шапками, всѣ обгорѣли, не говоря ужъ объ усахъ, бородахъ и рѣсницахъ, ихъ ни у кого на другой день не было. Ей-Богу, всему отряду пришлось отлеживаться въ постеляхъ, кромѣ тѣхъ, что и лежать даже не могли.

— А м-ръ Стерлингъ?

— Да развѣ вы сами не знаете?

— Нѣтъ, не знаю.

— Онъ былъ совершенно обожженъ, докторъ даже боялся, что онъ ослѣпнетъ. Онъ побѣхалъ въ Парижъ, и уже тамъ его какъ-то вылечили. Охъ, барышня, ребята просто съ ума сошли отъ страха потерять его. Лучше бы полковой котъ пропалъ!

Питеру нѣсколько разъ хотѣлось прервать Денниса, но ему было такъ интересно наблюдать за смѣной выраженія на лицѣ Леоноры, которая не замѣтила его прихода, что онъ не рѣшился на это. Но вдругъ Уаттсъ сказалъ:

— Слышишь, Питеръ, тебя дороже цѣнить, дороже кота!

Всѣ засмѣялись, очарованіе было нарушено, и разговоръ сдѣлался общимъ, пока Деннисъ не ушелъ.

Послѣ его ухода принесли довѣренность, Питеръ прочелъ ее, а Леонора подписала.

— Посмотрите, какой клаякъ я посадила на вашу чистую пропускную бумагу,—сказала она, указывая на него перомъ.—Мнѣ очень стыдно.—Она написала на пропускной бумагѣ. «Слѣды неряшества Леоноры Д'Аллау».

— Мадамъ Меллеръ всегда заставляла меня писать это въ моихъ тетрадахъ, когда я ихъ пачкала.

Потомъ они простояли.

— Мнѣ страшно нравится вашъ Деннисъ, — сказала Леонора.—Онъ такой славный!

Питеръ вполне согласился съ нею.

Глава XIII.

День рожденія.

Въ понедѣльникъ Питеръ вошелъ въ комнату Рея.

— Мнѣ нуженъ твой совѣтъ,—сказалъ онъ.—Завтра я приглашенъ въ обѣдъ по поводу дня рожденія одной барышни, дѣлами которой я управляю. Какой подарокъ могу я ей послать?

— А ты хорошо ее знаешь?

— Мы съ ней друзья.

— Все, что хочешь, если ты хорошо ее знаешь, и она хорошо платитъ тебѣ?

— Значить можно и золотую вещь?

— Можно.

— Спасибо.—Питеръ хотѣлъ идти.

— Кто она, Питеръ? Я думалъ, что ты никогда не занимаешься такими пустяками. Ничего или четырехзначное число было твоимъ правиломъ?

— Такія ужъ случились обстоятельства,—улыбнулся Питеръ.

Когда Питеръ на слѣдующій вечеръ здоровался съ одной очень нарядной дѣвицей, стоявшей у дверей залы радомъ съ матерью, она сказала ему:

— Какая прелесть! — И маленькая ручка съ дорогимъ браслетомъ пролинулась къ нему.—Цвѣты просто великолепны. Я не могла надѣть и десятую часть изъ нихъ, поэтому рѣшила надѣть только папины. Я поставила ваши въ мою комнату и оставлю ихъ тамъ.

Питеру пришлось уступить свое мѣсто другому гостю въ ту минуту, какъ онъ хотѣлъ попросить у нея цвѣтокъ изъ ея букета. Питеръ отошелъ немножко въ сторону и остановился, не замѣчая никого; онъ видѣлъ только нязящую фигурку въ вышитомъ вечернемъ платьѣ.

«Не думалъ, я что она можетъ быть прелестнѣе, чѣмъ въ амазонкѣ, но теперь вижу, что она создана для бальныхъ платьевъ», думалъ онъ.

Онъ чувствовалъ, что такое восторженное наблюденіе неумѣстно, и, посмотрѣвъ кругомъ, подошелъ къ двумъ лампамъ, стоявшимъ на другомъ концѣ зала.

— Я только что говорила м-ру Бекману, что загнипотиширую васъ, и хотя вы стоите ко мнѣ спиной, сейчасъ же подойдете ко мнѣ.

— Право, это просто чудесно!—сказалъ м-ръ Бекманъ.—Положительно я буду бояться остаться съ вами вдвоемъ, миссъ Де-Во.

— О, не бойтесь, у меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія гипнотизировать васъ. Какъ я рада,—миссъ Де-Во обратилась къ Питеру, — что вы подошли именно ко мнѣ.

Питеръ улыбнулся.

— Я такъ рѣдко бываю въ обществѣ, что становлюсь эгоистомъ. Я не хочу никого занимать и предоставляю друзьямъ занимать меня. Расскажите мнѣ, что вы подблъываете?

Она не успѣла отвѣтить, какъ всѣ задвигались; Питеръ, быстро извинившись, перешелъ черезъ всю комнату и поклонился пожилой дамѣ:

— Миссисъ Гринелль, я буду имѣть честь...—и подавъ ей руку, повелъ къ столу. Миссъ Де-Во спокойно оперлась на руку м-ра Бекмана, но глаза ея слѣдили за Питеромъ.

Гостей было много, и обѣдали въ большой залѣ. Всѣ шестьдесятъ приглашенныхъ раздѣлились на небольшіе кружки по шести и восьми человѣкъ и размѣстились за маленькими столиками. Питеръ былъ знакомъ со всѣми, сидящими съ нимъ за однимъ столомъ. Это все были свѣтскіе люди, между которыми тотчасъ завязался обычный общій разговоръ на литературно-музыкально-артистическія темы. Питеръ спокойно былъ свой обѣдъ, принимая участіе въ разговорѣ только тогда, когда къ нему лично обращались. Впрочемъ, обращались къ нему часто. Питеръ, какъ и многіе молчаливые люди, имѣлъ репутацію «человѣка съ мозгами». Кромѣ того, онъ вращался въ лучшемъ обществѣ, имѣлъ хорошее состояніе, считался завиднымъ женихомъ и былъ «интересный чудакъ». Поэтому колесница свѣтскаго «Джагернаута» не катилась уже черезъ него, не обращая на него вниманія, какъ прежде. Нельзя игнорировать человѣка, который дружить съ «избранными изъ избранныхъ», только за то, что онъ любитъ молчать. Свѣтскіе люди поступали въ этомъ случаѣ такъ же, какъ ребяташки изъ «треуголь-

ника», только вмѣсто «онъ дружить съ полисменомъ», говорили: «Онъ очень близокъ съ миссъ Де-Во, Отденами и Пеллами».

Питеръ смутно надѣялся, что будетъ сидѣть за однимъ столомъ съ Леонорой—онъ былъ слишкомъ скромнень, чтобы мечтать вести ее къ столу, но за ея столикомъ собралась только молодежь, и онъ ничего не имѣлъ противъ этого, если бы тамъ не сидѣлъ маркизъ.

Питеръ начиналъ ненавидѣть иностранцевъ; но онъ вспомнилъ, что Леонора тоже ихъ ненавидитъ, а когда Леонора улыбнулась ему и подняла руку, на которой блестялъ его жемчужный браслетъ, — Питеръ совершенно успокоился.

Обѣдъ приближался къ концу, когда лакей подаль ему карточку отъ Уаттса. «Меня просятъ сказать нѣсколько пріветственныхъ словъ и представить Леонору. Хочешь ты отвѣчать мнѣ?» Питеръ прочелъ и приписалъ внизу: «Дорогая миссъ Д'Аллау; прочтите это. Могу я сказать вамъ комплиментъ? Только одинъ? Или это васъ смутитъ?» Отвѣтъ сейчасъ же пришелъ: «Милый Питеръ, я не боюсь вашего комплимента и очень хочу его слышать». Питеръ спряталъ карточку въ карманъ, она не должна была пропасть. Бокалы наполнились, даже Питеръ позволилъ налить свой, и Уаттсъ поднялся. Онъ любезно привѣтствовалъ дорогихъ друзей, извинялся за свое долгое отсутствіе и закончилъ такими словами:

— Мы можемъ сказать вамъ, какъ дѣти, играя въ фанты: «Мы привезли вамъ подарокъ», потому что мы вернулись съ новымъ членомъ общества и представляемъ вамъ ее сегодня.

Питеръ всталъ, въ свою очередь, и отвѣчалъ хозяину.

— Ваши друзья оплакивали ваше отсутствіе, и по нашимъ счастливымъ лицамъ вы можете судить, какъ мы всѣ рады вновь привѣтствовать васъ. Мы боялись, что очарованіе европейскаго искусства, его красота и совершенство возьмутъ перевѣсъ надъ вашей любовью къ американской природѣ, несмотря на ея жизненность, свѣжесть и силу. Но

сегодня мы не можемъ больше жаловаться на ваше долгое отсутствіе, если ему мы обязаны такимъ счастливымъ и очаровательнымъ соединеніемъ американской природы съ европейскимъ искусствомъ, какъ миссъ Д'Аллуа.

Его рѣчь была принята громкими аплодисментами, всѣ пили за здоровье Леоноры. Скоро обѣдъ кончился, и дамы перешли въ гостиную.

Питеръ, казалось, былъ очень занятъ своей сигарой, но не успѣлъ Уаттсъ подняться изъ-за стола, какъ Питеръ вскочилъ и первымъ очутился въ гостиной. Онъ бросилъ быстрый взглядъ кругомъ и прямо направился къ дивану, на которомъ сидѣла Дороти и съ ней еще кто-то.

— Вамъ бы только объ ангелахъ говорить, — сказала Дороти.

— Я о васъ не говорилъ, а думалъ про себя, — отвѣтилъ Питеръ.

— Вотъ, — сказала Леонора, — жаль, что миссисъ Гринелль не слышала этого.

Питеръ посмотрѣлъ вопросительно, и Леонора продолжала.

— Мы говорили о васъ. Я васъ совсемъ не понимаю, вы вовсе не тотъ, какимъ васъ описывали. Всѣ говорили, что вы молчаливы и нелюбезны, что вы никогда не шутите; по моему, это неправда, и я думала, что вы перемѣнились. Но миссисъ Гринелль говоритъ, что никогда въ жизни еще не слыхала отъ васъ шутки или комплимента, и что въ клубѣ всѣ зовутъ васъ «Питеръ молчаливикъ». Вы для меня просто загадка.

Дороти засмѣялась.

— Насъ здѣсь было четверо: миссисъ Гринелль, миссисъ Уинтропъ, Леонора и я; мы всѣ ссорились изъ-за васъ и всѣ говорили разное. Я утверждаю, что вы вовсе не такъ тверды и непоколебимы, какъ о васъ говорятъ. Вы — настоящій хамелеонъ. мѣняющій свою окраску сообразно съ деревомъ, на которомъ онъ сидитъ. А Леонора еще лучше придумала: она увѣряетъ, что вы много болтаете и шутите! Мы всего могли ожидать, только не этого!

— Мнѣ очень жаль, что мои разговоры и мое остроуміе цѣнятся такъ низко.

— Слышите? — сказала Леонора. — Развѣ я не говорила вамъ, что онъ умѣетъ шутить? Питеръ, вы не любите женщинъ?

— Безъ всякаго сомнѣнія, — отвѣтилъ Питеръ.

— Пожалуйста, скажите серьезно. Я имъ передала, что вы недавно сказали про солнышко, а миссисъ Уинтропъ увѣряетъ, что вы этого вовсе не думали, когда говорили, что вы женоненавистникъ, презираете женщинъ и хотите иногда просто отвязаться.

— Поэтому-то я и сижу теперь съ вами и Дороти, — отвѣтилъ Питеръ.

— Вы серьезно ненавидите женщинъ? — настаивала Леонора.

— Человѣкъ не обязанъ доносить самъ на себя, — улыбулся Питеръ.

— Такъ вотъ почему вы не любите общества и избѣгаете говорить съ женщинами! Но теперь я хочу знать, за что вы насъ не любите?

— Представьте себѣ, — сказалъ Питеръ, — что васъ просятъ съѣсть играть въ вистъ, о которомъ вы понятія не имѣете. Вамъ будетъ весело?

— Конечно, нѣтъ.

— Ну, такъ я въ такомъ же положеніи по отношенію къ женскому обществу. Женщинамъ я никогда не нравился, и онѣ никогда не обращались со мной такъ, какъ съ другими мужчинами. Поэтому, когда мнѣ приходится занимать женщину, я теряюсь и какъ ни стараюсь, не могу ей понравиться. Меня никогда не встрѣчаютъ такъ пріятливо, какъ другихъ.

— Что за вздоръ! — сказала Дороти. — Виноваты вы сами, а не мы. Вы смотрите на насъ такими серьезными глазами, у васъ такое суровое лицо, что мы сейчасъ же чувствуемъ себя передъ вами просто дурочками и ведемъ себя какъ тавовыя. Я перестала васъ бояться только тогда, когда замѣтила, что вы самомъ дѣлѣ вы боитесь меня. Не оправдывайтесь, вы боитесь всѣхъ женщинъ!

— Онъ нисколько не боится женщинъ, — утверждала Леонора. Въ эту минуту къ нимъ подошелъ м-ръ Беманъ.

— Миссисъ Ривингтонъ, здѣсь се-

годня такъ называемое новоселье, и мнѣ сказали, что мы, если пожелаемъ, можемъ осматривать весь домъ. Не сдѣлаете ли вы мнѣ честь быть моею проводной?

Дороги сдѣлала ему эту честь. Питеръ посмотрѣлъ на Леонору; глаза его искрились отъ сдержаннаго смѣха.

— Миссъ д'Аллау, — началъ онъ слегка въ носъ, необыкновенно похоже кохнура м-ра Бекмана, — здѣсь сегодня такъ называемое новоселье... Онъ оставился, и они оба расхохотались. Леонора вскочила съ мѣста.

— Съ удовольствіемъ. Жаль только, что миссисъ Гринелль не слышала васъ. Я и не подозрѣвала, что вы можете такъ отлично передразнивать.

— Это мальчишество, и мнѣ не къ лицу. Но я сегодня такъ счастлива, что не могъ удержаться отъ искушенія.

Леонора спросила:

— Что же васъ сдѣлало такимъ счастливымъ.

— Мой новый другъ, — отвѣтилъ Питеръ.

Леонора ничего не отвѣчала, и они молча поднялись по лѣстницѣ. На верхней площадкѣ она остановилась.

— Съ какой же комнаты мы начнемъ?

— Съ вашей, — сказалъ Питеръ.

Они вошли въ ея спальню и будуаръ. Здѣсь все интересовало Питера; ея картины, большей частью купленныя въ Европѣ, по ея собственному выбору; ея любимыя книги, и что она объ нихъ думала; тысячи разныхъ бездѣлушекъ, въ которыхъ высказывались ея вкусы и наклонности.

— Это все фотографіи моихъ лучшихъ друзей, — рассказывала Леонора. — А вашей у меня нѣтъ. Вы должны мнѣ се дать.

— Я не снимался уже восемь лѣтъ, и у меня не осталось ни одной карточки.

— Снимитесь теперь.

— Хорошо, но вы должны дать мнѣ ванну фотографію. Питеръ самъ испугался своей дерзости и ждалъ отказа.

— А вамъ очень хочется?

— Очень.

— У меня ихъ масса, — сказала Леонора, выдвигая ящикъ своего письменнаго стола. — Я обожаю сниматься. Вотъ, выбирайте!

— Это очень трудно, — замѣтилъ Питеръ, перебирая фотографіи. — Въ каждой изъ нихъ есть что-нибудь такое, чего не хватаетъ въ другихъ. Будьте добренькой и дайте мнѣ эти четыре.

— Какой вы жадный, — засмѣялась Леонора. — Богъ съ вами, берите, только за это вы должны исполнить одну мою просьбу.

Питеръ спряталъ фотографіи въ свой бумажникъ.

— Въ чемъ дѣло, — спросилъ онъ.

— Миссъ де-Во давно уже рассказывала мнѣ о вашемъ «запасномъ капиталѣ» для помощи бѣднымъ. Теперь, когда у меня есть свои собственные деньги, я хочу дѣлать то же, что она дѣлаетъ. Я буду давать вамъ по тысячѣ долларовъ въ годъ, а вы будете мнѣ рассказывать, что вы на нихъ сдѣлали.

— Конечно, я долженъ взять деньги, если вы будете настаивать. Но добра отъ этого не будетъ. Даже миссъ де-Во перестала давать мнѣ, да и я самъ вотъ уже пять лѣтъ не прибавилъ къ прежнему ни гроша.

— Почему же?

— Видите ли, сначала я давалъ въ долгъ людямъ, которые или попали въ бѣду, или нуждались въ маленькой поддержкѣ, чтобы не запутаться, и года три-четыре деньги быстро исчезали. Но потомъ мнѣ стали отдавать долги, часто даже съ процентами, и никто не обманулъ меня, такъ что теперь у меня на рукахъ больше, чѣмъ нужно. Около восьми тысячъ долларовъ роздано въ долгъ, и все-таки въ банкѣ еще больше пяти тысячъ.

— Какъ мнѣ жаль! — замѣтила Леонора. — Развѣ вы не хотите раздать денегъ такъ, безвозвратно?

— Нѣтъ, это принесло бы больше вреда, чѣмъ пользы, какъ если бы вы стали давать больному опиѣ, для уменьшенія боли. Онъ на мгновеніе останавливаетъ боль, но ослабляетъ организмъ,

такъ что больной въ будущемъ не въ состояніи переносить страданія. Все горе нашей благотворительности въ томъ, что она столько же вредитъ, сколько помогаетъ.

— Я пять лѣтъ мечтала объ этомъ. Какъ это жалко!—Леонора повѣсила голову. Питеръ не могъ видѣть ее печальной.

— Такъ какъ мой запасный капиталъ лежитъ теперь безъ употребленія, я хотѣлъ послать тысячу долларовъ на устройство дѣтвихъ колоній и въ общество яслей. Если хотите, я пошлю двѣ тысячи и возьму ваши деньги. Можетъ быть, мнѣ удастся употребить ихъ съ пользой.

— Какъ я рада! Но я думала, что вы не считаете, что бы благотворительныя общества были полезны?

— Нѣкоторые бесполезны, но только не тѣ, что заботятся о дѣтяхъ. Дѣти не чувствуютъ униженія, и даровая помощь не сдѣлаетъ ихъ лѣтями. Мы должны дѣлать для дѣтей все, что въ нашихъ силахъ—въ ихъ рукахъ будущее страны. Если мы хотимъ, чтобы они служили родинѣ, какъ слѣдуетъ, мы должны спасти ихъ отъ болѣзней, невѣжества и порока, и первый шагъ въ этомъ направленіи—дать имъ здоровую пищу и здоровый воздухъ, чтобы они выросли тѣлесно-здоровыми людьми. Физически здоровый человѣкъ можетъ легче вести борьбу за существованіе.

— Ахъ, какъ интересно!—воскликнула Леонора. — Расскажите мнѣ еще про бѣдныхъ.

— Что же вы хотите знать?

— Какъ имъ помогать.

— Я расскажу вамъ, что уже давно задумалъ, но не могъ выполнить. Мнѣ кажется, лучший видъ истинной благотворительности — образовать общество, которое бы давало бѣднымъ деньги въ долгъ, какъ я дѣлалъ въ моемъ участіи. Видите ли, есть тысячи честныхъ бѣдняковъ, живущихъ на поденный заработокъ и не имѣющихъ возможности отложить ни гроша. Является болѣзнь, потеря мѣста, пожаръ, въ которомъ погибла обстановка и одежда, — или другое какое-нибудь несчастье, и они вы-

нуждены закабалить-ся ростовщикамъ и закладчикамъ или обращаться къ унижительной для нихъ благотворительности. Есть сотни людей, которые могутъ легко справиться, если своевременно получить въ долгъ ничтожную сумму: одинъ мальчикъ получить мѣсто, если у него будетъ приличное платье; другой — если выучится ремеслу, но ему нечѣмъ жить во время ученія. Дѣвушка можетъ заработать себѣ хлѣбъ, если у ней будетъ швейная машина, но у нея нѣтъ денегъ, чтобы купить ее; другая могла бы поступить на мѣсто, но у нея требуютъ залогъ, котораго она не можетъ дать. И вотъ, если бы все эти люди могли обратиться въ общество, о которомъ я мечтаю, рассказать свою исторію и, получивъ въ долгъ необходимую имъ сумму, уплачивать ничтожный процентъ,—вы сами видите, сколько было бы спасенныхъ.

— Сколько нужно для этого денегъ, Питеръ?

— Пока еще трудно сказать определенно, но, мнѣ кажется, можно было бы начать со ста тысячами долларовъ.

— Такъ значитъ достаточно, чтобы сто человѣкъ дали по тысячѣ!—закрѣчала Леонора. — Питеръ, я дамъ тысячу и заставлю папу и маму дать, и скажу друзьямъ...

— Деньги—не самое главное,—пербилъ ее Питеръ, которому страстно хотѣлось обнять и расцѣловать ее.— Если бы нужны были только деньги, я бы сдѣлалъ это самъ, а если бы у меня не хватало, мнѣ помогли бы мистеръ Де-Во и Пелль.

— Такъ въ чемъ же тутъ дѣло?

— Главное—найти человѣка, который могъ бы завѣдывать предпріятіемъ; я не могу отдать ему все мое время, я и въ другихъ направленіяхъ приношу извѣстную пользу. Человѣкъ этотъ долженъ быть дѣловой и обладать еще многими качествами, которые обыкновенно плохо вяжутся съ дѣловитостью; онъ долженъ понимать бѣдняковъ, потому что ему придется судить, сколько довѣрія заслуживаетъ каждый изъ нихъ. Представьте себѣ теперь, что вы—дѣлушка, одинъ изъ лучшихъ

банкировъ, отправится въ участокъ и начнетъ собирать справки о комъ-нибудь изъ его обитателей;—онъ ровно ничего не узнаетъ. А мнѣ каждый скажетъ свое мнѣніе даже прежде, чѣмъ я успѣю спросить. Человѣкъ, поставленный во главѣ такого учрежденія, долженъ умѣть отличать истину отъ лжи, иначе оно обанкротится черезъ мѣсяцъ и все-таки не удовлетворитъ и четверти нуждающихся. Хотя я изъ личнаго опыта знаю, что бѣднякамъ смѣло можно довѣрять деньги, и что минимальный процентъ съ избыткомъ покроетъ неизбѣжныя потери.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось еще поговорить съ вами, — вздохнула Леонора.— Но я слышу, что го-ти начинаютъ разтѣзаться. Мнѣ надо идти прощаться. А какъ бы мнѣ хотѣлось помочъ вамъ!

— Вы уже помогли мнѣ.

— Я? Чѣмъ же?

— Вы открыли мнѣ ваше теплое, любящее сердечко,—сказалъ Питеръ,— а это самая драгоценная благотворительность.

Сходя съ лѣстницы, они встрѣтили Лиспенарда.

— Я только что простился съ вашей матерью,—сказалъ онъ.— Я хотѣлъ поговорить съ вами въ вашей комнатѣ, но вы были такъ увлечены разговоромъ, что миссъ Уинтропъ и я, мы оба не рѣшились прерывать васъ.

— Я васъ не видала,—сказала Леонора.

— Неужели?—удивился Лиспенардъ.

— Я вамъ не вѣрю, вы просто дразнили насъ.

Онъ обратился къ Питеру.

— Ахъ, старый хитрецъ!—шепнулъ онъ.— Какъ онъ умѣетъ притворяться!

— Я два раза посылала за тобой, Леонора, — упрекнула дочку миссисъ Д'Аллауа. Гости стали прощаться, а тебя не было.

— Мнѣ очень жаль, мама. Я показывала домъ Питеру.

— Спокойной ночи,—сказалъ этотъ послѣдній.— Я обыкновенно ужасно боюсь парадныхъ обѣдовъ, но сегодняшній

день былъ самымъ пріятнымъ днемъ въ моей жизни.

— Я очень рада. Благодарю васъ, Питеръ, и за браслетъ, и за цвѣты, и за рѣчь, за все, за все. Хотите розу?

Еще бы не хотѣть! Питеръ ничего не сказалъ, но такъ посмотрѣлъ, что роза моментально очутилась въ его петлицѣ.

— Не могу ли я васъ подвести?—спросилъ его кто-то.— Намъ по дорогѣ.

— Благодарю васъ,—отвѣтилъ Питеръ,— у меня есть экипажъ.

Онъ отпустилъ извозчика и рѣшилъ идти пѣшкомъ, хотя путь предстоялъ не близкій. Ему хотѣлось на открытомъ воздухѣ одному наслаждаться своимъ счастьемъ.

«Она не только сама красота и грація», разсуждалъ онъ, «но и сама откровенность и правдивость! Она не думаетъ о деньгахъ, въ ней нѣтъ честолюбія, она еще не тронута свѣтомъ. Какъ она естественна и въ то же время сдержанна съ другими мужчинами! Она не станетъ ловить жениховъ, какъ большинство дѣвушекъ. Боже! какъ она прелестна!»

Отъ 57-й улицы до квартиры Питера было около четырехъ миль, но онъ не кончилъ еще своего размышленія, когда дошелъ до дому. Онъ еще долго сидѣлъ въ креслѣ, продолжая развивать ту же тему. Наконецъ, онъ всталъ и заботливо спряталъ записочку, фотографіи и розу.

Глава XLIV.

Счастливыи день.

На слѣдующій день шелъ проливной дождь, но, несмотря на это, совершенно пренебрегая своими дѣлами, Питеръ сейчасъ же послѣ завтрака отправился на 57-ю улицу. Онъ спросилъ Уатса и ждалъ, пока слуга пошелъ докладывать; вдругъ Питеръ услышалъ легкіе шаги и, обернувшись, увидѣлъ Леонору, которая возилась съ цвѣтами. Въ то же время и она замѣтила его.

— Добрый день,—сказалъ Питеръ.

— Совѣтъ не добрый, отвѣтила

Леонора жалобнымъ голосомъ, протягивая ему руку.

— Почему же?

— Дождь идетъ, и мнѣ досталось сегодня.

— За что?

— За то, что я вчера дурно вела себя. И мама, и мадамъ нашли, что мое поведение было неприлично. Не думала я, что мнѣ запретасть считать васъ моимъ настоящимъ другомъ.—Губки ея замѣтно задрожали.

Питеру страшно захотѣлось выбраться «Почему эти бабы не могутъ оставить ребенка въ покое?» думалъ онъ. Онъ спросилъ громко.

— Значитъ я виноватъ, что васъ обидѣлъ? Не могу ли поправить дѣло?

— Врядъ ли,—сказала Леонора твердымъ голосомъ.—Онѣ говорятъ, что каждый мужчина старается завладѣть исключительнымъ вниманіемъ дѣвушекъ, но ни одна хорошо воспитанная дѣвушка не допуститъ этого.

Питеру страстно захотѣлось взять ее на руки и положить на свое плечо эту прелестную, грустно опущенную головку, но онъ ограничился тѣмъ, что только сказалъ: «Я въ отчаяніи, что васъ бранили. Если бы я могъ предотвратить это!»

Должно быть въ голосѣ его было что нибудь очень утѣшительное, потому что опущенная головка поднялась.

— Видите-ли,—объяснила Леонора,— я всегда была очень сдержана съ мужчинами, но вы совсемъ другое дѣло. А онѣ все-таки говорятъ, что я слишкомъ долго была съ вами на верху, и очень разсердилась за фотографіи. Онѣ говорятъ, что я должна обращаться съ вами, какъ со всѣми. Но вѣдь вы—другое дѣло?

— О да! Питеръ былъ согласенъ, что онъ другое дѣло.

— М-ръ Д'Аллау проситъ васъ въ бібліотеку,—доложилъ въ это время лакей. Питеръ повернулся, чтобы уйти, но остановился и сказалъ:—Не могу ли я сослужить вамъ какую-нибудь службу или доставить вамъ какое-нибудь удовольствие за то, что вамъ досталось назъ-за меня?

Леонора склонила голову на бокъ и искоса взглянула на него.

— Можно сохранить про запасъ?—спросила она.

— Конечно.

Черезъ минуту Питеръ здоровался съ Уаттсомъ.

— Какъ это мило съ твоей стороны! Точно бывшія времена вернулись! Хочешь курить?

— Нѣтъ, не хочу, но ты не стѣсняйся. Мнѣ нужно переговорить съ тобой.

— Ну, выкладывай.

— Уаттсъ, я хочу добиться любви твоей маленькой дѣвочки.

— Старый дружище! — закричалъ Уаттсъ.—На всемі Божьемъ свѣтѣ нѣтъ другого человѣка, которому бы я охотнѣе отдалъ ее!

— Спасибо, Уаттсъ,—сказалъ Питеръ съ волненіемъ. «Уаттсъ слабый человекъ, но добрый малый», подумалъ онъ. Питеръ уже забылъ, что онъ думалъ о немъ двѣ недѣли назадъ.

— Только, если я отдамъ тебѣ мою крешку, ты долженъ обѣщать мнѣ одну вещь.

— Что именно?

— Что ты никогда не скажешь ей... Ахъ, Питеръ, если бы ты зналъ, какъ я люблю мою дѣвочку, и какъ она меня любитъ! Пусть она никогда не узнаетъ ничего такого, что могло-бы измѣнить эту любовь. Не заставь насъ обоихъ страдать!

— Даю тебѣ слово, Уаттсъ, что отъ меня она ничего не узнаетъ.

— Да благословитъ тебя Богъ, Питеръ! Вѣрнѣе, какъ всегда! Значитъ, все рѣшено. Предоставляю тебѣ полную свободу и желаю успѣха!

— Не будемъ пока говорить объ успѣхѣ. Но вотъ въ чемъ дѣло: миссисъ Д'Аллау никогда не проститъ мнѣ того инцидента, и я понимаю ее. Я не могу навязываться противъ ея желанія. Это было бы слишкомъ жестоко, даже если бы я и рѣшился обойтись безъ ея согласія. Я хочу повидать ее сегодня. Тебѣ лучше судить—тебѣ ли сначала переговорить съ ней или мнѣ самому.

— Гм... Вотъ въ этомъ-то вся штука!

А не лучше-ли предоставить дѣло естественному теченію?

— Нѣтъ. Я не стану ухаживать за дѣвушкой и добиваться ея любви за спиной ея матери. Помни, Уаттсъ, мать единственное лицо, которому дѣвушка можетъ открыть свое сердце.

— Хорошо, я переговорю съ ней и приложу всѣ мои старанія. А потомъ пришлю ея къ тебѣ. Займись ситарой, чтобы тебѣ не наскучило ждать.

Уаттсъ поднялся наверхъ и поступчался. «Войдите», отозвался голосъ. Уаттсъ просунулъ голову въ дверь.

— Мой цвѣточекъ не слишкомъ занятъ и можетъ подарить нѣсколько минутъ своему покорному слугѣ?

— Уаттсъ, вѣдь ты знаешь, что я живу только для тебя.

Уаттсъ бросился на кушетку.

— Иди же сюда, женушка, и слушай меня.

Миссисъ Д'Аллау присѣла на кушетку и прижалась къ мужу. Уаттсъ поцѣловалъ ея въ щеку.

— Дорогая, — сказала онъ, — мнѣ нужно серьезно поговорить съ тобой. Какъ ты думаешь кто сидитъ внизу?

— Не знаю.

— Милый, старый Питеръ. И знаешь зачѣмъ онъ пришелъ?

— Зачѣмъ?

— За Крошкой.

— Что это значитъ?

— Онъ проситъ, чтобы мы позволили ухаживать за нею.

— О, Уаттсъ! — Миссисъ Д'Аллау выпрямилась, и въ глазахъ ея выразился ужасъ.

— Мнѣ казалось, что она ему нравится, но онъ такой холодной безстрастный парень, что я не была увѣрена.

— Вотъ этого именно я и боялась!

— Ахъ ты, дурочка! Чего же тутъ бояться?

— Уаттсъ, неужели ты согласишься?

— Да, понятно! Чего же тебѣ еще нужно? Богатство, репутація, умъ, здоровье (въ этомъ порядкѣ достоинства Питера располагались въ головѣ Уаттса) у него все есть; я не понимаю, чего ты еще можешь желать? Титула? Но титулованные гоняются только за при-

даннымъ; они недостаточно порядочны, чтобы быть достойными войти въ гугенотскую семью, живущую въ Нью-Йоркѣ 250 лѣтъ. Однако, какая ты ненасытная, чуть дѣло коснулось двоихъ дочек!

— О, Уаттсъ! Подумай только!

— Не легко это сдѣлать, когда я не знаю о чемъ?

— Уаттсъ, неужели ты уже забылъ? О, нѣтъ! Ты не могъ забыть этого ужаснаго дня!

— Ахъ ты, моя безплодная пуританка! Такъ ты хочешь отказать Питеру за то, что-онъ... ха, ха, ха! не католическій монахъ?

— Помилуй, цвѣточекъ, если ты будешь предъявлять подобныя требованія всѣмъ поклонникомъ Крошки, такъ лучше прямо повѣсить на дверяхъ: «Требуются женихи. Мужчинамъ являться бесполезно!»

— Уаттсъ, не говори такъ!

— Женушка ты моя! Я только хочу тебѣ доказать, что ты не найдешь болѣе достойнаго человѣка, чѣмъ Питеръ, которому мы могли бы довѣрять свою малютку.

— Ему, съ такимъ пятномъ! О Уаттсъ, отдать ему наше милое, невинное, непорочное дитя!

— Ну, если ты хочешь для нея непорочнаго брака, отдай ее въ монастырь. Другого ты не найдешь, дитя мое.

— Уаттсъ! И ты это говоришь? А ты самъ? О, дорогой, я хочу чтобы наша дочь, наше единственное дитя, вышла за такого же благороднаго и честнаго человѣка, какъ ея отецъ. Вѣдь есть же такіе люди, какъ ты?

— Да, я думаю, есть много людей похожихъ на меня, цвѣточекъ? Но и я не лучше другихъ, только твоя любовь заставляетъ тебя утверждать противное!

— Не смѣй клеветать на себя! Ты самъ знаешь, что ты самый лучший и самый чистый человѣкъ на свѣтѣ. Я въ этомъ увѣрена.

— Если во мнѣ есть что-нибудь хорошее, то этимъ я обязанъ тебѣ.

— Уаттсъ, ты не могъ бы быть дурнымъ, если бы даже старался.

Миссисъ Уаттсъ обняла мужа и крѣпко поцѣловала его.

Уаттсъ молча ласкалъ ея, потомъ сказалъ:

— Дорогая моя, чистая женщина никогда не пойметъ, что такое жизнь. Я люблю Крошку не меньше чѣмъ ты, и никогда не отдалъ бы ее челоѣву, въ которомъ бы не былъ увѣренъ, что онъ составитъ ея счастье и будетъ ей вѣренъ. Я знаю до мельчайшихъ подробностей отношеніе Питера къ этой женщинѣ и клянусь тебѣ, что его не въ чемъ упрекнуть. Все, что было, уже покончено много лѣтъ тому назадъ и никогда больше не вернется. Онъ челоѣвъ твердый и будетъ вѣренъ Крошкѣ. Она можетъ достаться челоѣву, который обратитъ жизнь ея въ пытку; она можетъ увлечься негодяемъ, которому нужны только ея деньги и который не дастъ ей даже илазюи любви. Питеръ же любитъ ея и пережилъ уже всѣ ошибки молодости. Не забывай, кромѣ того, что мы обязаны ему жизнью нашей дорогой малютки. Дорогая моя, я люблю Крошку въ двадцать разъ сильнѣе, чѣмъ Питера. Ради нея и ради тебѣ я стараюсь устроить все къ лучшему.

Миссисъ Д'Аллауа тотчасъ же пошла въ бібліотеку, гдѣ все еще сидѣлъ Питеръ. Она протянула ему руку, но Питеръ не взялъ ея.

— Мнѣ нужно прежде поговорить съ вами,—сказалъ онъ.—Миссисъ Д'Аллауа, та тяжелая сцена никогда не разыгралась бы въ вашемъ домѣ и въ вашемъ присутствіи, если бы я имѣлъ возможность предупредить ея. Она огорчила меня сильнѣе, чѣмъ вы можете думать. Я не негодяй. Несмотря на то, что очевидность противъ меня, я вѣдь чистую жизнь и также буду жить и впредь. Я... я люблю Леонору.

Люблю ея всей душой. И если вы отдадите ея мнѣ, если я добьюсь ея расположенія, я дамъ вамъ слово, что окружу ея всей любовью, всей нѣжностью и вѣрностью, какой она заслуживаетъ.

Согласны вы теперь дать мнѣ вашу руку?

«Онъ говоритъ правду»,—думала миссисъ Д'Аллауа, слушая Питера. Она протянула ему руку:

— Я отдамъ ея вамъ, если она полюбитъ васъ.

Черезъ полчаса Питеръ вернулся въ гостиную къ Леонорѣ. Леонора лежала передъ каминомъ на полу, на тигровой шкурѣ и гладила большую персидскую кошку, которая мурлыкала отъ восторга и выпускала когти въ тигровый мѣхъ. Питеръ остановился и любовался этой прелестной картиной, жалѣя, что онъ не кошка.

— Да, Дымка,—говорила Леонора ласковымъ голосомъ,—сегодня отвратительный день.

— Неправда, я буду есориться съ вами,—сказалъ Питеръ,—сегодня чудесный день.

Леонора вскочила съ ковра.

— Мы съ Дымкой не вѣримъ этому.

— Повѣрте. Во первыхъ, я объяснилъ съ вашей мамой по поводу фотографій, а она сказала, что никто не виноватъ.

Во вторыхъ, она оставила меня обѣдать, и до обѣда велѣла вамъ занимать меня. Въ третьихъ, она сказала, что мы можемъ быть какими угодно друзьями. И наконецъ, въ четвертыхъ, она пригласила меня на недѣлю въ Грейкортъ, какъ только вы туда порѣдете. Ну, такъ какой сегодня день?

— Просто чудесный! Правда, Дымка? И Леонора, забывъ что она уже взрослая дѣвица, бросилась на коверъ, спрятавъ личико въ пушистую шкуру кошки и, украдкой глядя на Питера, сказала:

— Вы такъ хорошо умѣете утѣшать! Какъ я рада, что вы родились на свѣтъ.

Глава XIV.

Боссъ.

Высказавъ это пріятное для обоня мнѣніе, Леонора встала съ пола со словами:

— А теперь я хочу наградить васъ за то, что вы такой милый. Что вы ходите дѣлать?

— То, что вамъ будетъ пріятно.

— Нѣтъ, я хочу, чтобы вамъ было весело.

— Мнѣ только тогда и будетъ весело.

Часы пробили четыре.

—Знаю, знаю,—сказала Леонора.—

Будемъ вмѣстѣ пить чай.

— Я говорилъ вамъ, что сегодня очаровательный день.

— О да, славный денекъ, хотя все-таки темно, холодно и дождь льетъ.

— Такъ тѣмъ лучше, по крайней мѣрѣ, никто не придетъ мѣшать намъ.

— Знаете,—сказала Леонора,— что миссъ Де-Во разъ говорила про васъ? что вы во всемъ находите хорошее, и теперь я ее поняла.

— Ну, въ этомъ отношеніи мнѣ далеко до Денниса. Когда онъ говоритъ «славный денекъ», вы чувствуете, что оно такъ и есть.

Я ни разу не встрѣчалъ его что бы онъ не сказалъ: «славный денекъ».

Я всегда говорю, что онъ носитъ солнечный свѣтъ въ душѣ.

— Какъ вы не похожи на того Питера, о которомъ мнѣ говорили, замѣтила Леонора.—Я никого не слышала, кто бы умѣлъ говорить такіе милые комплименты.

— Вы знаете, я—политикъ и хочу быть популярнымъ.

— О, Питеръ, можно вамъ сдѣлать одинъ вопросъ?

— Тысячу!—быстро отвѣтилъ Питеръ. Онъ былъ въ такомъ настроеніи, что готовъ былъ позволить все, что угодно. Что на него такъ дѣйствовало? Горячій чай, пылающій каминъ, лампа, бросающая на окружающіе предметы мягкій, розоватый свѣтъ, удобное покойное кресло или прелестное, улыбающееся ему личико?

Это намъ неизвѣстно.

— Видите ли,—начала Леонора, съ недоумѣніемъ покачивая головкой,— я начала читать газеты, т.-е. тѣ, что занимаются политикой, и я такъ много не понимаю, что хотѣла спросить у васъ объясненія.

— Я очень радъ—сказалъ Питеръ, есть такъ много вещей, о которыхъ я хотѣлъ бы рассказать вамъ.

— Ладно!—воскликнула Леонора, снова забывая, что рѣшила вести себя, какъ подобаетъ взрослой свѣтской дѣвицѣ:—а вы не будете смѣяться, если я стану предлагать глупые вопросы?

— Никогда!

— Что хотятъ сказать газеты, когда называютъ васъ «боссомъ»?

— Что у меня такое политическое вліяніе, что я могу до извѣстной степени повелѣвать.

— Кажется, на ихъ языкѣ «боссъ» что то нехорошее?—спросила Леонора довольно робко, точно боясь оскорбить Питера.

— Обыкновенно этимъ словомъ клеймятъ человѣка,—улыбнулся Питеръ,—по крайней мѣрѣ въ тѣхъ газетахъ, которыя вы читали.

— Развѣ вы дурной «боссъ»?—спросила Леонора совершенно серьезно.

— Нѣкоторые газеты утверждаютъ это.

— Это меня удивляетъ. Конечно, я знаю, что онъ не правъ, но развѣ такъ дурно быть «боссомъ», и развѣ вы дѣйствительно «боссъ»?

— Вы задаете мнѣ одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ всей американской политики. Врядъ ли мнѣ удастся разрѣшить его, но попробую объяснить вамъ какъ съумѣю. Есть у васъ друзья, совѣты или желанія которыхъ имѣютъ на васъ вліяніе?

— Да, на примѣръ, вы,—сказала Леонора, бросивъ на него быстрый взглядъ.

— Прекрасно, тоже самое бываетъ и съ другими людьми, и вотъ это то обстоятельство и создаетъ тѣхъ называемыхъ «боссовъ».

Въ каждомъ обществѣ есть нѣсколько человѣкъ, болѣе или менѣе вліяющихъ на остальныхъ. Случается, что одному человѣку подчиняются не болѣе шести другихъ, другому пятьдесятъ, третьему—тысяча. Одинъ достигаетъ власти, благодаря чисто физическому превосходству; другой дружескимъ обращеніемъ; третій—своими знаніями; четвертый—обманомъ или подкупомъ; пятый—честностью. Каждый изъ нихъ обладаетъ тѣмъ нибудь такимъ, что выдѣляетъ его изъ среды окружающихъ его заурядныхъ людей. Возьмемъ на примѣръ мой участокъ:

Буртонъ—призовой атлетъ, отличается физической силой. У него свой маленькій дворъ. Дрисколль—юмористъ и умѣетъ говорить, у него тоже свои поклонники. Слофткн популяренъ среди евреевъ, потому что онъ самъ изъ ихъ племени.

Берроусъ—полисменъ, и его всѣ любятъ за доброту и веселый нравъ. И такъ я могъ бы назвать вамъ многихъ людей, изъ которыхъ каждый чѣмъ нибудь выделяется надъ другими, мнѣніе которыхъ принимается другими во вниманіе, и, благодаря этому, они могутъ имѣть вліяніе при выборахъ. Это — первая ступенька лѣстницы.

— Что же, м-ръ Моріерти изъ нихъ?

— Нѣтъ, онъ чиномъ выше. Каждый изъ тѣхъ, о которыхъ я говорилъ вамъ, имѣетъ въ своемъ распоряженіи круглымъ числомъ 25 голосовъ. Но теперь мы переходимъ въ слѣдующей ступени лѣстницы. На ней стоятъ Деннисъ, Бленкерсъ, Дентонъ, Кеннеди, Шлергеръ и другіе. У нихъ не только есть свои собственные приверженцы, но каждый изъ нихъ имѣетъ еще вліяніе на нѣсколькихъ мелкихъ «боссовъ», о которыхъ я вамъ говорилъ. Взять наприимѣръ Денниса: у него пятьдесятъ приверженцевъ, которые преданы ему безусловно, 250 такнихъ, которые слушаютъ его съ интересомъ, и съ дюжину мелкихъ боссовъ, которые передаютъ его взгляды своимъ собственнымъ послѣдователямъ. Поэтому Деннисъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи около 500 голосовъ. Конечно, для этого нужно имѣть большую силу и популярность, а потому подобные «боссы» принадлежатъ къ лучшимъ, способнѣйшимъ людямъ.

— Да, мнѣ нравится м-ръ Моріерти, и я понимаю, что и другіе его одобряютъ. Онъ такой безобразный, честный и веселый; просто прелесть!

— Затѣмъ идетъ слѣдующая степень: обыкновенно очень умные люди, хотя не всегда достаточно образованные. Ихъ превосходство надъ другими выражается въ томъ, что они лучше освѣдомлены и болѣе дальновидны. Наприимѣръ, Галлагеръ и Деммеръ. Эти люди обыкновенно избираютъ политическую дѣятельность своимъ ремесломъ, поэтому могутъ отдавать ей несравненно больше времени, чѣмъ тѣ, которые должны работать для поддержанія существованія. Они не такъ нуждаются въ личной популярности, чѣмъ предыдущіе, но имъ необходимо имѣть незначительно больше ума и опытно-

ности. Теперь вы сами поймете, что этимъ послѣднимъ, для собственной выгоды, чтобы провести свои намѣренія, необходимо вступаться и работать вмѣстѣ, иначе имъ ничего не удастся сдѣлать. Понятно, что между этими 12—20 людьми есть тоже известныя степени, и очень часто одинъ человекъ вліяетъ на нихъ всѣхъ, такъ точно, какъ каждый мелкій «боссъ» имѣетъ вліяніе на свой кружокъ. Вотъ такогото человека газеты и зовутъ «боссомъ участка». Когда всѣми этими участковымъ «боссамъ» удастся соединиться для общаго дѣла, и между ними выдѣлится одинъ самый вліятельный, то онъ является уже «боссомъ» города.

— И это—вы?

— Да, т.-е. это значить, что въ городѣ и участкахъ ничего не предпринимаютъ, не посоветовавшись со мной. Впрочемъ я гораздо больше завишу отъ избирателей, чѣмъ они отъ меня, потому что если они рѣшатъ поступить не по моему совѣту, а безслѣдно помѣшать, такъ какъ власть на ихъ сторонѣ.

— Вы говорите о мелкихъ «боссахъ»?

— Не столько о нихъ, какъ о дѣйствительныхъ избирателяхъ. Нѣсколько разъ мнѣ случалось обращаться къ этимъ послѣднимъ, помимо «боссовъ».

— Значить вы все-таки можете заставить ихъ поступить такъ какъ имъ хочется.

— Въ известныхъ предѣлахъ — да. Какъ я вамъ говорилъ, я въ абсолютной зависимости отъ избирателей. Если они трижды отвергнутъ то, что я имъ предложу, меня поднимутъ на смѣхъ, и я лишусь вліянія. Изъ этого вы видите, что «боссъ» остается «боссомъ» только до тѣхъ поръ, пока онъ имѣетъ вліяніе на выборахъ.

— Они вамъ еще не измѣняли?

— До сихъ поръ—нѣтъ.

— Но если избиратели руководствуются также мнѣніями другихъ «боссовъ», какъ же вамъ удавалось достигнуть чего-нибудь?

— Это уже вопросъ практической политики, т.-е. вопросъ, кто сумѣетъ лучше убѣдить избирателей. Возможно нашъ участокъ. Предполагаю, что имѣ-

необходимо добиться чего-нибудь, и я настаиваю. Представьте себѣ, что другіе лидеры также твердо рѣшили, что этого не будетъ. Избиратели раздѣляются одна за, другіе противъ, и каждая партія старается представить большинство на предварительномъ голосованіи. Я вмѣшиваюсь въ дѣло, иду въ толпу избирателей и говорю имъ, чего я добиваюсь и почему. Мои противники поступаютъ совершенно также, и избиратели рѣшаютъ между нами. Вопросъ теперь въ томъ, на какой сторонѣ будетъ большинство голосовъ. Такъ какъ я всегда имѣлъ успѣхъ въ этомъ, я—такъ называемый «боссъ», т.-е. я могу всегда заставить избирателей признать, что я—правъ.

— Какъ?

— Разными способами. Во-первыхъ, я всегда старался говорить избирателямъ правду и никогда не боялся сознаться, что я былъ неправъ, когда мнѣ случилось сдѣлать промахъ—поэтому вѣрять тому, что я говорю. Затѣмъ, въ противоположность другимъ политическимъ лидерамъ, я не стараюсь о своей выгодѣ, и люди чувствуютъ, что я дѣйствую безкорыстно. Наконецъ я стараюсь быть въ дружбѣ со всѣмъ участкомъ, поэтому когда мнѣ нужно добиться того, что имъ не нравится, личное расположеніе ко мнѣ дѣлаетъ то, чего бы я не могъ достигнуть никакими доводами. Гораздо легче вліять на этотъ простой, сильно чувствующій, но не разсуждающій народъ ласковымъ словомъ и дружескимъ рукопожатіемъ, чѣмъ логической аргументаціей. Мы такъ привыкли вѣрить тому, что мы прочли, если оно показало намъ разумнымъ, что намъ трудно понять, какъ люди, читающіе газеты по саладамъ и не привыкшіе дѣлать выводы изъ фактовъ, не убѣждаются сразу тѣмъ, что намъ кажется самымъ убѣдительнымъ доводомъ. Напротивъ, если человѣкъ, которому они довѣряютъ, изложитъ имъ тоже самое простымъ, понятнымъ языкомъ, они тотчасъ же согласятся. Я могу написать самую убѣдительную передовую статью и дать прочесть ее своему участку, и если они не будутъ знать, что именно я написалъ ее, она ихъ ни мало не убѣдаетъ. Но дайте мнѣ войти въ «са-

лонъ» и сказать посѣтителемъ его тоже самое—и не найдется ни одного, кто бы не принялъ къ свѣдѣнію моихъ словъ.

— Вы такъ популярны въ своемъ участкѣ?—спросила Леонора.

— Мнѣ кажется, что да. Меня вездѣ встрѣчаютъ привѣтливо и дружески. Но вѣдь я очень старался приобрести популярность. Я старался приобрести расположеніе каждаго человѣка въ участкѣ, потому что я хотѣлъ стать сильнымъ, такимъ сильнымъ, чтобы всѣ честные люди были на моей сторонѣ, если я захочу уничтожить то, что считаю зломъ.

— Вы говорите своимъ избирателямъ, какъ они должны подавать голоса?

— Я говорю имъ, какъ бы я поступилъ, но не какъ они должны вотировать. Однажды только я чуть не сдѣлалъ этого.

— Какимъ образомъ?

— Мнѣ пришлось около восьми мѣсяцевъ провозиться съ моими глазами, и большую часть этого времени я провелъ въ Парижѣ. А какъ разъ въ это время предварительное голосованіе выставило кандидатомъ на одну должность совершенно непріятнаго человѣка, который былъ осужденъ за убійство и помилованъ изъ политическихъ соображеній. Какъ только я былъ въ состояніи, я рѣшилъ вмѣшаться и, чтобы помѣшать этому позорному назначенію, началъ поддерживать республиканскаго кандидата, дѣйствительно превосходнаго человѣка. Я старался встрѣтиться и переговорить съ каждымъ избирателемъ своего участка и въ день выборовъ просилъ многихъ, какъ личнаго одолженія, подать голосъ за республиканца, а мои друзья просили другихъ. Даже Деннисъ Моріерти старался и вотировалъ въ пользу того, кого называлъ «грязнымъ республиканцемъ», хотя увѣрялъ, что никогда «не испачкаетъ рукъ такимъ грязнымъ дѣломъ». Это былъ единственный разъ, когда я дѣйствительно почти приказалъ, за кого подавать голосъ.

— И они сдѣлали по вашему?

— Единственный республиканецъ, котораго участокъ допустилъ послѣ 1862 г. былъ избранъ именно тогда. Для всѣхъ,

и даже для меня, его избрание было большим сюрпризомъ, такъ какъ въ моемъ участіи демократы обладаютъ большинствомъ въ 4.000 голосовъ. Но я не смѣю повторять подобные опыты, потому что меня могутъ и не послушать.

Другими словами, я могу дѣлать то, что хочу, только въ томъ случаѣ, если прежде буду дѣлать то, чего хотятъ избиратели. Т.-е. чѣмъ больше я стараюсь удовлетворить избирателей, тѣмъ вѣрнѣе я могу рассчитывать, что они всегда будутъ готовы присоединить свои мнѣнія къ моему.

— Значитъ «боссы» на самомъ дѣлѣ не могутъ поступать такъ, какъ хотятъ?

— Нѣтъ, во всякомъ случаѣ если и могутъ, то не долго. Это одна изъ газетныхъ выдумокъ, отголосокъ прежнихъ идей, что великія дѣла совершаются властью одного человѣка. Если вы переберете всѣхъ людей, про которыхъ говорятъ, что они держатъ въ рукахъ весь городъ, и которыхъ называютъ «боссами», вы найдете, что они очень медленно достигали вліянія, но зато много лѣтъ оставались въ силѣ, хотя ихъ легко было бы разбить въ первой же борьбѣ. Но они сохраняютъ свою силу только благодаря желанію большинства, потому что въ тотъ день, когда они потеряютъ поддержку большинства избирателей, ихъ власти придетъ конецъ.

Мы на дѣлѣ въ гораздо большей зависимости, чѣмъ представители, потому что ихъ выбираютъ на известное количество лѣтъ, а мы каждую минуту можемъ потерять значеніе.

Почему я такъ силенъ въ моемъ участіи? Потому, что представляю собою известное число голосовъ, которые подчиняются моимъ взглядамъ. Не имѣть никакого значенія для меня, чѣмъ я подчиняю ихъ, пока я могу контролировать ихъ. Но пока они принадлежатъ мнѣ, другіе лидеры не смѣютъ бороться со мной, и я, до известной степени, дѣлаю, такъ, какъ хочу.

А такъ какъ я могу контролировать весь мой участокъ я сдѣлалъ его крупной силой въ городской политикѣ.

— Какъ вы этого достигли?

— Подавляя личную рознь. Видите ли

число людей, которые борются изъ за власти или должности, всегда больше чѣмъ число могущихъ получить желаемое поэтому возникаетъ масса неудовольствій. Напримѣръ, когда я только что началъ заниматься политикой, Моріерти и Блекерсъ такъ же именно стремились раздвинуть другъ друга, какъ и республиканцевъ. Теперь они закадычные друзья, а соединила ихъ личная симпатія ко мнѣ. Такимъ же способомъ мнѣ удалось помирить многихъ. Другихъ я заставляю покоряться вышнимъ способами. Каждый человѣкъ приходилось изучить и понять и въ каждомъ случаѣ дѣйствовать разными средствами. Но мнѣ удалось помирить даже такихъ, которые сначала, казалось, были злѣйшими врагами, и изъ самого буйнаго и невѣрнаго участка шестой сталъ теперь, по мнѣнію властей, самымъ надежнымъ, такъ какъ послѣдніи пять лѣтъ онъ управляется огромнымъ большинствомъ. Поэтому и меня звать въ «главную квартирѣ» и совѣтуются со мной.

Теперь вы понимаете что такое «боссы» и отъуда онъ берется?

— Да, Питеръ, я все поняла, крѣпко того, почему «боссы» — зло?

— Развѣ вы не понимаете, что все дѣло въ томъ, какіе люди они сами, и что за избиратели стоятъ за ними? Честный человѣкъ, располагающій голосами честныхъ избирателей, — хороший «боссъ», и наоборотъ.

— Питеръ, я знаю, что вы хороший «боссъ». Не правда ли, какъ жаль, что не всѣ «боссы» хороши?

— Я не нахожу, чтобы они были очень плохи. Они также честны и себялюбивы и добры, какъ и большинство людей. Конечно, и между «боссами» иногда попадаются дурные люди, какъ они есть вездѣ.

Но во время всей моей политической дѣятельности я ни разу не встрѣчалъ человѣка, способнаго вліять на тысячи людей впродолженіи пяти лѣтъ, который бы не былъ все таки лучшимъ человѣкомъ, чѣмъ тѣ избиратели, которые ему подчиняются. Большаго и требовать нельзя. Простой народъ не особенно быстро соображаетъ, но всегда сумѣетъ

отличить раба отъ демагога, если только вы дадите ему время.

— Какъ говорить старая пословица: «Ты можешь надуть всѣхъ—иногда, нѣкоторыхъ—всегда, но тебѣ не удастся надуть всѣхъ всегда,—привнеси чай то смѣшующійся голосъ.

Питеръ отвелъ глаза отъ лица Леоноры, съ которой онъ не сводилъ взгляда во все время разговора. Въ комнату вошелъ Уаттсъ.

— Пожалуйста, продолжай,—сказалъ Уаттсъ,—я не буду прерывать вашихъ политическихъ дебатовъ, я пришелъ только за чашкой чая.

— Мы съ миссъ Д'Аллауа разсуждали о «боссахъ»,—объяснилъ Питеръ. Миссъ Д'Аллауа, когда женщины получать права голоса, какъ я надѣюсь,—я думаю, что вы будете великолѣпнымъ «боссомъ». Я увѣренъ, вы будете имѣть большое вліяніе на избирателей.

— О!—разсмѣялась Леонора.—Я никогда не буду «боссомъ». Я думаю, вы будете моимъ «боссомъ», и я всегда стану вотировать за васъ.

Питеръ подумалъ, что день еще лучше, чѣмъ онъ считалъ его.

Глава XVI.

Лучшіе элементы.

На слѣдующій день, вернувшись съ прогулки, вмѣсто того, чтобы идти прямо въ кабинетъ, Питеръ зашелъ въ кухню.

— Все въ порядкѣ, Джениферъ?—освѣдомился онъ.

— Да, баринъ.

— Принесли цвѣты отъ Торлея?

— Да, баринъ.

— А конфеты и мороженое отъ Майллара?

— Да, баринъ.

— Вы заморозили шампанское?

— Да, баринъ.

— Джениферъ, не кладите сегодня такъ много луку въ соусъ «Изабелла», дамамъ это меньше нравится, чѣмъ мужчинамъ.

— Слушаю, баринъ.

— А вы не забыли поставить бургунское на солнце?

— Нѣтъ, баринъ. Почему вы думаете, что я все забылъ сегодня?

Джениферъ былъ занятъ такимъ важнымъ дѣломъ, какъ приготовленіе фарша изъ хлѣбныхъ крошекъ, жареныхъ устрицъ и луку, а такое явное сомнѣніе въ его способностяхъ раздражало его.

Питеръ не удовлетворился его отвѣтами и имѣлъ крайне озабоченный видъ. Онъ осматривалъ внимательнымъ взоромъ всю маленькую кухню—не найдетъ ли какихъ упущеній, но ихъ не было.

Все, что онъ намелъ сказать, было:

— Супъ очень вкусно пахнетъ, Джениферъ.

— Еще бы, сударь. Вѣдь въ немъ кварта самыхъ густыхъ сливокъ и сотня протертыхъ устрицъ. Такой супъ заставитъ души праведниковъ пожалѣть, что они уже умерли.

— Про себя Джениферъ думалъ:

«Кого это онъ ждетъ сегодня? Онъ никогда не волновался такъ, какъ сегодня, даже когда у насъ обѣдали президентъ и губернаторъ Портеръ».

Питеръ нѣсколько успокоился, вернулся въ свою комнату и тщательно переодѣлся. Справедливость заставляетъ насъ сказать, что онъ довольно долго смотрѣлся въ зеркало, однако, повидимому, безъ особаго удовольствія: озабоченное выраженіе не сходило съ его лица, и онъ даже вслухъ сказалъ: «я не выгляжу слишкомъ старымъ, но Уаттсъ какъ-то сказалъ, что я никогда не получу призъ за мою наружность, и онъ исполнъ правъ. Хотѣлось бы мнѣ знать, нравятся ли ей красивые мужчины?»

Питеръ забылъ о своемъ недоумѣніи, занявшись разборкой корзины съ цвѣтами въ столовой. Размѣщая букеты около приборовъ, онъ поднесъ одинъ букетикъ фіалокъ къ своимъ губамъ, прежде чѣмъ поставитъ его на мѣсто. Срѣзанными цвѣтами Питеръ усыпалъ всю скатерть. Когда все было готово, онъ снова поцѣловалъ букетикъ фіалокъ. Питеръ, должно быть очень любилъ цвѣты!

— Питеръ!—позвалъ его кто-то.

— Это вы, Ле-Гранъ? Идите прямо въ кабинетъ.

— Да, я такъ и сдѣлалъ. Чувствую себя у васъ, какъ дома. Какъ пожа-

васе?—продолжалъ онъ,—когда Питеръ присоединился къ нему.

— Какъ всегда.

— Я нарочно пришелъ пораньше, чтобы поговорить съ вами, пока ваши гости не собрались. Питеръ, вотъ письмо отъ Моллера. Ему удалось достать первый оттискъ «Снятія съ Креста». Советую вамъ купить его и выкинуть тотъ, что у васъ. Ужъ очень плохо онъ выглядитъ рядомъ съ другими.

— Очень радъ. Согласны вы этимъ заняться?

Въ эту минуту въ передней послышались голоса и шелестъ женскихъ платьевъ.

— Вотъ какъ? У васъ дамы?—удивился Ле-Гранъ.

— Боюсь, что мы слишкомъ рано,— сказала, входя, миссъ Д'Аллау.

— О нѣтъ, старые друзья никогда не могутъ быть слишкомъ рано.

— Что касается меня, то я положительно умираю отъ голода,— сказала Леонора, такъ крѣпко пожимая руку Питера, точно не видала его годъ, а не рассталась съ нимъ только два часа тому назадъ.

— Просто удивительно, какой аппетитъ является всегда послѣ верховой ѣзды! Особенно, если послѣ нея приходится ѣхать на край свѣта!

Питеръ велѣлъ скорѣе подавать обѣдъ.

— Что значить вся эта газетная болтовня сегодня?—спросилъ Уаттсъ, какъ только они сѣли за столъ.

— Слишкомъ долго было бы рассказывать!

— Говорятъ, что въ демократической партіи расколъ по поводу выборовъ новаго губернатора?

— Газеты кажутся освѣдомлены лучше, чѣмъ я,—спокойно сказалъ Питеръ. Ле-Гранъ засмѣялся.

— Миссъ Де-Во, Огденъ, Ривингтонъ, я—мы всё старались, въ первый и послѣдній разъ, заставить Питера говорить о политикѣ, и всё одинаково безуспѣшно. Говорятъ, что Костелль возлюбилъ его именно за умѣніе держать языкъ за зубами, и за это же драгоценное качество онъ былъ призванъ замѣнить Костелля.

— Я не могу замѣнить его,—сказалъ Питеръ,—да и никто не можетъ. Я только наследовалъ ему. А миссъ Д'Аллау можетъ засвидѣтельствовать, что мое газетное прозвище «Молчаливикъ младшій»—просто пасквиль. Развѣ я не болтунъ, миссъ Д'Аллау?

— Право, я ничего не могу понять,—въ недоумѣніи отвѣтила Леонора,—говорятъ, что нѣтъ.

— Не думалъ я, что вы мнѣ извините такъ скоро.

— О!—сказала мадамъ.—Всѣ великіе люди молчаливы. Посмотрите на французовъ.

— О, мадамъ!—воскликнула Леонора.

— Вотъ это восхитительно!—хотѣла Уаттсъ.

— Чего вы всё смѣетесь? М-ръ Стерлингъ, развѣ я не права?—мадамъ обратилась къ Питеру, какъ единственному человѣку, на лицѣ котораго не было скептическаго и насмѣшливаго выраженія.

— Мнѣ кажется, довольно рискованно приписывать какую-нибудь черту исключительно одной національности. Но большинство людей, которые много думаютъ, говорятъ мало, а среди французовъ много мыслителей.

— Мнѣ всегда ужасно нравился Мольеръ именно за то, что онъ, какъ говорили про него, умѣлъ молчать на семи языкахъ,—замѣтилъ Ле-Гранъ.

— О да,—сказала Леонора,—это такъ успокоительно. Мы возвращались изъ Европы на пароходѣ съ французскимъ маркизомъ, который говорить на шести языкахъ, и ни на одномъ изъ нихъ не можетъ сказать чего-нибудь такого, чтобы стоило слушать.

Питеръ почувствовалъ огромное облегченіе.

— Питеръ,—обратилась къ нему Леонора,—м-ръ Ле-Гранъ увѣряетъ, что вы ни съ кѣмъ не говорите о политикѣ. Вѣдь это не относится ко мнѣ?

— О нѣтъ! быстро отвѣтилъ Питеръ.

— Я такъ и думала!—Глаза Леоноры заблестѣли отъ удовольствія.

— М-ръ Пелль завтракалъ у насъ сегодня; и я говорила съ нимъ о томъ, что вы мнѣ рассказывали про «боссовъ».

и онъ мнѣ сказалъ, что дѣйствительно хорошихъ «боссовъ» не будетъ до тѣхъ поръ, пока подають голоса одни грубианы и кабатчики, а не лучшіе элементы общества. Я сразу увидѣла, что онъ правъ.

— Съ своей точки зрѣнія, пожалуй. Или, вѣрнѣе, съ точки зрѣнія общества.

— А вы другого мнѣнія?

— Безусловно.

— Почему же?

— Собственно говоря, всѣ здравые люди обязаны сами выбирать тѣхъ людей и тѣ законы, которые правятъ ими. Каждый золотникъ здраваго смысла принесть въ этомъ дѣлѣ свою пользу. Предположимъ, что половина всего народа слишкомъ невѣжественна, чтобы сознательно принимать участіе въ выборахъ. Въ такомъ случаѣ, вы сами видите, есть столько же шансовъ за то, что они будутъ вотировать правильно, какъ и противъ этого, а если результаты выборовъ получаются отрицательные, то только потому, что болѣе интеллигентная часть общества вотировала неправильно, не вотировала вовсе или не потрудилась разъяснить дѣло прочимъ, но покинула ихъ на произволъ демагоговъ. Если мы допускаемъ, что въ каждомъ порядочномъ человѣкѣ есть капля здраваго смысла и опыта, его голосъ не можетъ быть бесполезнымъ. Предположимъ, что у насъ есть долларъ и тысяча пени. Будемъ ли мы въ выигрышѣ, если выбросимъ пени за то, что они чересчуръ малы, и оставимъ только долларъ? Вотъ почему я всегда поддерживалъ проектъ, чтобы женщинамъ дали избирательныя права. Если мы прибавимъ къ прежнимъ избирателямъ десять милліоновъ новыхъ голосовъ, у насъ будетъ столько же шансовъ за правильность выборовъ и противъ вліянія подкупа на результаты ихъ.

— Ты, должно быть, сторонникъ того, что «всѣ вмѣстѣ знаютъ больше, чѣмъ каждый въ отдѣльности?» — спросилъ Уаттотъ.

Питеръ, казалось, совсѣмъ забылъ объ остальныхъ своихъ гостяхъ.

Вопросъ Уаттеса заставилъ его вздрогнуть отъ неожиданности.

— Да, — сказала Ле-Гранъ, — мы всѣ слушали и горѣли желаніемъ сдѣлать нѣсколько вопросовъ. Когда мы видимъ подобный припадокъ откровенности, мы всѣ спѣшимъ воспользоваться имъ.

— Извините, — сказала Леонора, — я сама еще не кончила спрашивать. Скажите мнѣ, можете вы заставить людей сдѣлать то, что вы хотите, и выбирать только лучшихъ?

— Если бы я имѣлъ подобную власть, я не пользовался бы ею, — отвѣтилъ Питеръ.

— Почему?

— Потому что я не рѣшился бы взять на себя такую отвѣтственность и потому, что правительство изъ «лучшихъ» людей не годится для Америки.

— Отчего?

— Это олигархія. Заставлять толпу поступать хорошо, хочетъ она или нѣтъ, это то же самое, что заставить ребенка вести себя такъ, какъ онъ не хочетъ. Но со взрослыми людьми результатомъ подобной системы будетъ еще большее удаленіе общества отъ народа, еще болѣшая зависимость и умственная беспомощность послѣдняго. Тогда какъ, если мы заставимъ каждого человѣка вотировать самостоятельно, ему придется много думать, потому что разные люди будутъ давать ему противорѣчивые совѣты, — и это приблизитъ его къ болѣе образованнымъ классамъ.

Его существенныя ошибки будутъ воспитывать его, такъ какъ если при его содѣйствіи будетъ избранъ дурной человѣкъ или пройдетъ дурной законъ, онъ первый будетъ страдать отъ нихъ и долженъ винить только самого себя. Конечно, у насъ нѣтъ такого хорошаго управленія и такихъ законовъ, какіе могли бы назваться идеальными, но зато мы обладаемъ другими преимуществами

— Какими?

— Мы добиваемся людей и законовъ, желательныхъ для большинства. Они сами за себя говорятъ и сами себя поддерживаютъ. Не соединеніе словъ, типографской краски и бумаги дѣлаютъ законы, ихъ создаютъ потребности народа; если законъ не явится результатомъ желанія большинства того народа, ко-

торымъ ему предстоитъ управлять, онъ или останется мертвой буквой, или, навязанный искусственной политической системой, потребуетъ, для своего осуществленія, внимательства вооруженной силы. Да и въ этомъ послѣднемъ случаѣ трудно ждать успѣха, если народъ будетъ упорствовать. Посмотрите, что вышло изъ попытокъ управлять Ирландіей вопреки общему настроенію.

Кромѣ того, мы достигли устойчивости нашей политики, почти незнакомой тѣмъ правительствамъ, которыя не желаютъ сообразоваться съ потребностями народа. Наша страна гораздо меньше измѣняла систему своего правленія, чѣмъ всѣ остальные, за послѣднія сто лѣтъ; у насъ меньше социалистическихъ организацій и пропаганды, чѣмъ гдѣ бы то ни было, т.-е. меньше неудовольствія.

— Но, Питеръ, если американскій народъ настолько сознательнѣе, какъ вы думаете, чѣмъ вы объясните появленіе известнаго сорта людей, которые имѣютъ такое большое вліяніе.

— Тѣмъ, что лучшіе люди не стараются добиться его.

— Однако, у насъ постоянно возникаютъ новыя реформаціонныя движенія, руководимыя лучшими людьми; почему же ихъ не выбираютъ?

— Потому, что эти лучшіе люди слѣпы и неспособны и не умѣютъ приобрести вліяніе. Взгляните безпристрастно на дѣло, оставляя въ сторонѣ личныя достоинства людей. Съ одной стороны мы видимъ «боссовъ», которые знаютъ и понимаютъ людей своего участка, которые сумѣли приобрести популярность, которые сдѣлали политику своимъ ремесломъ, насквозь пропитались ею и горькимъ опытомъ убѣдились, что имъ часто приходится поступаться своимъ мнѣніемъ, чтобы добиться единодушія и солиднаго большинства. Напротивъ того, реформаторъ—это обыкновенно чловѣкъ, имѣющій и другія занятія и, если осмѣлюсь такъ выразиться, достигшій въ нихъ только частнаго успѣха. Я хочу сказать этимъ, что дѣйствительно дѣловому банкиру, коммерсанту или ремесленнику нѣкогда заниматься политикой, и пускаются въ

нее люди, потерпѣвшіе въ дѣлахъ нѣкоторую неудачу.

Кромѣ того, каждый реформаторъ увѣренъ, что только онъ одинъ правъ, поэтому онъ вслѣдствіе ссорится со своими собратьями, и они рѣдко въ состояніи дѣйствовать соединенными силами.

Многія попытки реформъ въ Нью-Йоркѣ были просто смѣшны. Что вы скажете, если сотня занятыхъ людей соберется завтра и объявитъ, что они открываютъ новый банкъ, чтобы бороться со всеми остальными банками Нью-Йорка?

А, между тѣмъ, наши реформаторы продѣлываютъ часто подобные фокусы въ политикѣ. Они говорятъ людямъ, волею народа стоящимъ у власти виро-долженіи многихъ лѣтъ: «Вы негоди, а народъ, избравшій васъ—невѣжда. Мы лучше васъ знаемъ, что нужно дѣлать, а теперь мы васъ выгоняемъ». Бороче сказать, они обыываютъ избирателей дураками, но требуютъ ихъ поддержки. Реформаторы послѣдней эпохи вполне пропитались теоріей, что «каждый новый чловѣкъ не хуже стараго и даже чутьеку лучше», и каждый изъ нихъ считаетъ, что онъ лучше всѣхъ. Народъ не выносить этого. Мнѣніе чловѣка: «я лучше тебя», гораздо скорѣе можетъ уронить его въ глазахъ ему подобныхъ, чѣмъ какое угодно мошенничество, сдѣланное имъ.

— Развѣ вы не думаете, что реформаторъ въ принципѣ правъ?

— Въ девяти случаяхъ изъ десяти—да. Но въ политикѣ важно не то, чтобы вы были правы, а то, чтобы вы могли другихъ заставить повѣрять этому. Люди не любятъ, чтобы имъ говорили, что они невѣжественны и неправы, а именно это всегда лежитъ въ основаніи всѣхъ такъ называемыхъ реформаціонныхъ кампаній. Чтобы поднять новое движеніе, нужна громадная опытность, ловкость, тактъ и много другихъ качествъ. Люди въ большинствѣ случаевъ обструкціонисты, т.-е. консерваторы, и нужно много времени, чтобы подвинуть ихъ на что-нибудь.

— Если только ты не скажешь мнѣ, что дѣлать,—разсмѣялся Уаттсъ.—Тогда они живо поймутъ.

— Однако, имъ понадобилось пятнал-

цать лѣтъ, чтобы понять меня. Неужели вы не видите, какъ нелѣпо думать, что народъ такъ сейчасъ и ухватится за мнѣніе лучшихъ элементовъ общества. И это послѣ трехмѣсячной кампаніи! Люди являлись въ мой участокъ и ораторствовали въ пустыхъ залахъ; они наводняли насъ своими брошюрами, которыми служили только на растопку печей; они издавали газеты, которыхъ никто не читалъ. Но меня участокъ знаетъ, они испытали меня, большинство изъ нихъ любятъ меня. Я жилъ среди нихъ многіе годы; я ѣздилъ съ ними въ лѣтнія экскурсіи; я говорилъ съ ними объ ихъ дѣлахъ; я помогалъ имъ въ нуждѣ; я добрымъ словомъ поминалъ ихъ покойниковъ. Я крестилъ дѣтей у многихъ изъ нихъ. Съ другими я стоялъ плечо съ плечомъ, когда пули летѣли намъ навстрѣчу. Вѣдь многіе изъ теперешнихъ избирателей были дѣтьми, когда я появлялся среди нихъ и игралъ съ ними въ «треугольнички»; неужели ихъ слишкомъ мало, чтобы провести выборы такъ, какъ я совѣтую? Неужели вы думаете, что они отвернутся отъ меня только потому, что неизвѣстные имъ ораторы скажутъ, что я неправъ? Что меня ругаютъ копѣчные листки, которыхъ они не читаютъ? Вотъ въ чемъ истинная причина всѣхъ неудачъ нашихъ реформаторовъ. Логическіе аргументы умѣстны въ апелляціонномъ судѣ, но если нужно сорвать выборы большинствомъ въ пять тысячъ голосовъ, я предпочту пять тысячъ любящихъ сердцець столѣтнимъ же логическимъ выводамъ.

— Но вѣдь вы сами проводили реформы?

— Да, я пробовалъ, но всегда практическимъ путемъ. Т.-е., не вступая въ борьбу съ популярными политическими дѣятелями, но соединяясь съ ними такъ, чтобы они могли помочь мнѣ. Я приобрѣлъ политическую силу только тогда, когда понималъ, что могу дѣлать только то, что не противорѣчитъ нуждамъ моихъ избирателей. Есть много способовъ дѣлать это. И тотъ «боссъ», который старается какъ можно больше удовлетворить потребностями народа, можетъ легче всего заставить его сдѣлать то, чего онъ вовсе не хочетъ.

Каждый разъ, какъ я поступалъ своими собственными желаніями и дѣломъ такъ, какъ хотѣлъ народъ, я приобреталъ новую силу и бывалъ въ состояніи добиться того, что шло въ разрѣзъ съ мнѣніями народа и политиковъ.

— А въ результатѣ тебя ругаютъ.

— Конечно. Газеты зовутъ меня «боссомъ». Если бы избиратели были недовольны мною, они бы прозвали меня «реформаторомъ».

— Однако, Питеръ,—замѣтилъ Гранъ,—развѣ вы не хотѣли бы видѣть во главѣ правленія такого человѣка, какъ Джорджъ Уилльямъ Куртисъ?

— У м-ра Куртиса, вѣроятно, были самыя благородныя политическія взгляды, но онъ былъ кабинетный человѣкъ, а кабинетные люди въ нашей странѣ никогда не будутъ имѣть успѣха на выборахъ. Въ Америкѣ никогда не можетъ быть лучшаго правительства, оно всегда будетъ среднимъ. М-ръ Куртисъ былъ только лидеромъ въ своей партіи, также какъ Тимъ Скулливанъ—лидеръ въ своей. М-ръ Куртисъ въ своихъ передовыхъ статьяхъ высказывалъ чувства одного изъ элементовъ Америки, Скулливанъ въ залѣ «Германія» пропагандировалъ настроеніе другого. Каждый изъ нихъ являлся представителемъ—одинъ пяти, а другой девятисто пяти процентовъ населенія Нью-Йорка. Если американцы въ чемъ-нибудь твердо увѣрены, такъ это въ томъ, что не позволяютъ держать себя на помочахъ и руководить собою «лучшему элементу», т.-е. меньшинству.

— Но вѣдь вы согласитесь, что Куртисъ способенъ управлять, чѣмъ Скулливанъ?

— Нѣтъ, до тѣхъ поръ, пока у насъ представительное управленіе. Мнѣ не нужно говорить, какъ бы я желалъ, чтобы всѣ представители были похожи на м-ра Куртиса.

— Я думаю, ему бы не удалось сдѣлаться «боссомъ», если бы онъ даже старался?

— Вѣроятно. Чтобы быть «боссомъ» нужны исключительныя способности, такъ же, какъ и для того, чтобы быть хорошимъ банкиромъ и купцомъ. Самъ я не знаю, изъ какихъ элементовъ скла-

дывается характеръ «босса», но думаю, что онъ долженъ симпатизировать тѣмъ людямъ, которыхъ онъ направляетъ, и вращаться среди нихъ. У м-ра Куртиса широкая, любящая натура, и, если бы народъ убѣдился въ этомъ, его бы полюбили. Но сдержанность, являющаяся слѣдствіемъ культуры, заставляетъ людей скрывать свои чувства, и надо много любви и самопожертвованія, чтобы заставить полюбить себя. Очень трудно заставить «мужика», какъ называютъ ихъ Уаттсъ, и такого человѣка, какъ Куртисъ, понять и оцѣнить другъ друга.

— Развѣ вы не считаете людей нашего круга самыми благородными и лучшими?—спросила миссисъ Д'Аллау.

— Вѣдь даже выраженіе «noblesse oblige» прямо указываетъ на это,—подхватила мадамъ.

— Опытъ заставляетъ меня думать иначе, — отвѣтилъ Питеръ. — Конечно, есть громадная разница въ убѣжденіяхъ, идеалахъ и воспитаніи людей, и, какъ слѣдствіе этого, разница въ поступкахъ. Что же касается понятій добра и зла, то я не думаю, чтобы лучшіе классы или, вѣрнѣе, болѣе достаточные держали знамя справедливости выше чѣмъ бѣдняки.

— Пошади, милый, — закричалъ Уаттсъ, — хоть для преступныхъ классовъ сдѣлай исключеніе!

— Всѣ мы это знаемъ, да признаться не хотимъ. Еще не такъ давно мнѣ пришлось плыть на большомъ океанскомъ пароходѣ. Насъ, пассажировъ перваго класса, было человѣкъ пятьсотъ. Все это были люди интеллигентные и достаточные. Однако больше половины изъ нихъ только и думала о томъ, какъ бы вадуть правительство и не заплатить пошлины, т.-е. украсть у государства слѣдующія ему деньги.

Такимъ образомъ они не только собирались нарушить наши законы, но еще гнали весьма развязно. Нѣкоторые кроме того, во избѣжаніе неприятностей, собирались дать взятку таможеннымъ чиновникамъ, т.-е. не только сами готовы были стать ворами, но еще и другихъ хотѣли вовлечь въ преступленіе.

Я могу вамъ показать въ городѣ много такихъ домовъ, которые такъ

густо населены, что каждый изъ нихъ представляетъ почти цѣлый избирательный участокъ. Въ этихъ домахъ, гдѣ двадцать человѣкъ годами живутъ и спятъ въ одной комнатѣ появленіе новаго маленькаго существа означаетъ, что остальные члены семьи будутъ имѣть меньше пищи и тепла. Но ни въ одномъ изъ этихъ домовъ процентъ лжецовъ, воровъ и совратителей не будетъ столь великъ, какъ среди пассажировъ перваго класса упомянутого мною плавучаго дворца.

— Послушать Питера, такъ всѣхъ насъ надо упрятать въ тюрьму на всю жизнь,—хоталъ Уаттсъ.

— Мнѣ кажется, съ его стороны это попытка расширить адвокатскую практику.

— Вы въ самомъ дѣлѣ думаете, Питеръ, что люди такъ дурны?—грустно спросила Леонора.

— Нѣтъ. Мнѣ въ жизни не случалось еще встрѣчать человѣка, котораго я бы назвалъ безусловно дурнымъ. Я встрѣчался съ людьми, которые казались мнѣ дурными, но, когда я ближе узнавалъ ихъ, я убѣждался, что въ нихъ хорошее перевѣшиваетъ дурное. Мы заблуждаемся, думая, что людей можно раздѣлить на хорошихъ и дурныхъ и провести между ними черту. На самомъ дѣлѣ въ каждомъ человѣкѣ есть своя доля добра и зла, и только въ рѣдкихъ случаяхъ зло перетягиваетъ добро. Я удивляюсь, сколько въ человѣчествѣ хорошаго, когда думаю, какъ много некушений и случаевъ дѣлать зло.

— Однако, есть много людей очень развращенныхъ, — замѣтила миссисъ Д'Аллау.

— О да, — подтвердила мадамъ. — вспомните о стачникахъ.

Чувство удовольствія наполнило душу Питера, но онъ старался не показывать его.

— Позвольте рассказать вамъ одинъ случай, имѣющій отношеніе къ стачкамъ. Была сдѣлана попытка привлечь нѣсколько стачниковъ къ отвѣтственности, но этого не удалось сдѣлать за недостаткомъ доказательствъ. Однако нравственные улики протавъ одного субъекта по имени Конелли, были настояще

также служаще для привлеченія насѣкомыхъ. Приспособленіе къ опыленію вѣтромъ обусловило то обстоятельство, что даже и гѣтомъ растительность Кергуэльскихъ острововъ лишена яркихъ цвѣтовъ и производитъ довольно меланхолическое впечатлѣніе.

Гавань Газели, также какъ и всѣ другіе фіорды, врѣзающіеся въ островъ, покрыта всюду, гдѣ скалистыя стѣны подходятъ къ волѣ, обломками базальтовыхъ скалъ, которые затянута разнообразно окрашенными видами лишаяевъ. Разрушеніе каменныхъ породъ должно здѣсь особенно энергично сказываться, такъ какъ температура часто колеблется то въ ту, то въ другую сторону около 0°, и вода, просачивающаяся въ трещинахъ, замерзая, производитъ своимъ расширеніемъ

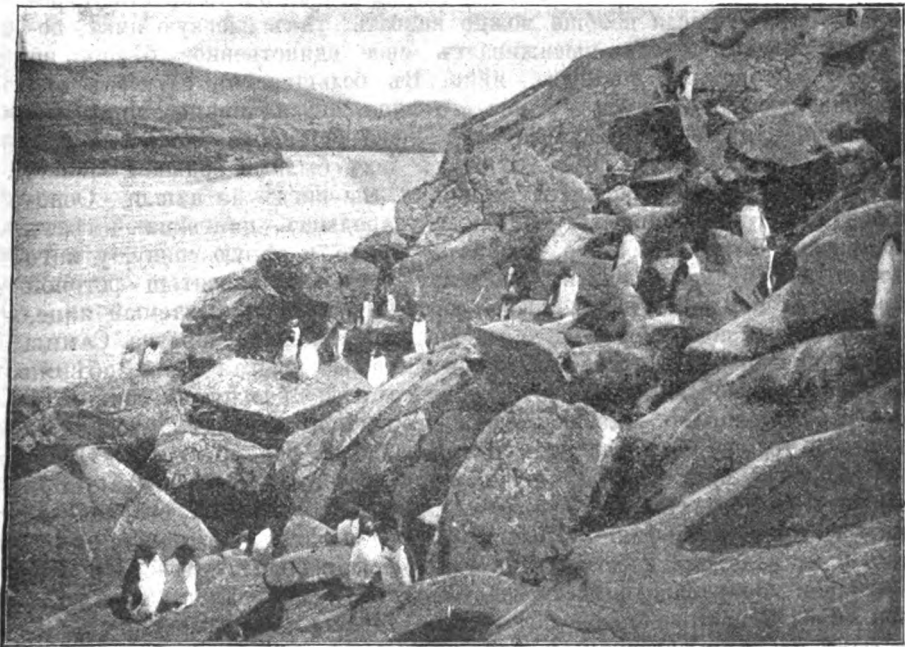

Рис. 47. Колонія пингвиновъ у входа въ гавань Хорошей Погоды.

и скаливаніе камней. Эти мѣста, усыяныя обломками, являются наиболѣе излюбленнымъ мѣстообитаніемъ одного вида пингвиновъ, который не мало оживляетъ природу острова. Это—превосходно окрашенный хохлатый пингвинъ (*Eudyptes chrysocome*), у котораго брюхо снѣжно-бѣло, спина и плавники стального сѣраго цвѣта, клювъ ярко-красный, такіе же глаза и пучокъ золотистыхъ перьевъ съ каждой стороны головы. Когда приближаешься къ поселенію пингвиновъ, то, прежде всего, они встрѣчаютъ посѣтителя страшѣйшимъ крикомъ, напоминающимъ крикъ огромнаго стада гусей. Между птицами этими царятъ постоянныя ссоры и раздоры; комическій видъ пингвиновъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того обстоятельства, что они держатся на своихъ двухъ ногахъ, отставленныхъ далеко назадъ, совершенно какъ маленькіе гномы и съ самой забавной безпомощностью подпираются постоянно своими крыльями-плавниками. Всюду по груп-

памъ камней видѣются самцы, стоящіе кучками и ревниво хватающе клювомъ cadaго другого самца, который приблизится къ нимъ или даже нечаянно скатится откуда-нибудь сверху (рис. 47). Точно такъ же набрасываются они и на человѣка, если онъ изъ любопытства, привлеченный этимъ диковиннымъ зрѣлищемъ, вздумаетъ пододаться къ нимъ ближе. Лазанье по обломкамъ скалъ уже само по себѣ довольно затруднительно, тѣмъ болѣе, что всюду мога попадается въ скользкій и вонкшій пометь птицъ. Когда затѣмъ удается подойти ближе къ кучкѣ пингвиновъ, то поднимается, прежде всего, всеобщій крикъ и птицы, двигаясь бокомъ и собравшись вмѣстѣ, стараются нанести потревожившему ихъ удары клювомъ и плавниками. Не только на камняхъ, но и между ними начинается недовольный и тревожный крикъ: тамъ сидитъ обыкновенно самка на своемъ очень просто устроенномъ гнѣздѣ—если вообще можно назвать такъ плоскую ямку, покрытую пометомъ;—она высиживаетъ свое единственное бѣлое, но сильно запачканное пометомъ яйцо. Въ большинствѣ случаевъ она спокойно позволяетъ отнять у нея это яйцо, ограничиваясь лишь нѣсколькими ударами клюва. Мы собрали довольно много этихъ птицъ, и вскорѣ выяснилось, что почти во всѣхъ нихъ были зародыши близкіе къ вылупленію—вылупившихся птенцовъ мы нигдѣ не нашли. Освобожденный отъ яичевыхъ оболочекъ зародышъ пингвина имѣетъ уже вполнѣ форму взрослога, бѣловатое брюхо и сѣрую спину, у него нѣтъ только пучковъ перьевъ на головѣ. Сильно развитый роговой наростъ на верхнемъ ребрѣ клюва образуетъ такъ называемый яичевой зубъ, при помощи котораго разбивается яичевая скорлупа. Самцы дѣятельно заняты снабженіемъ самокъ пищею: прыгая сразу обѣими ногами внизъ по скалѣ съ вытянутою головою, изогнутой спиной и косо разставленными плавниками они спускаются къ водѣ, бросаются въ нее и только тамъ уже чувствуютъ себя въ родной стихіи. Плавники служатъ имъ веслами, при помощи которыхъ они плаваютъ и ныряютъ съ поразительной быстротою и выскакиваютъ на поверхность, какъ настоящіе дельфины. Можно часами сидѣть у колоніи пингвиновъ и не надобѣсть наблюдать за этими оригинальными птицами! Нерѣдко они собирались вокругъ насъ, чистая и приводя въ порядокъ свои перья и постоянно ворочая во всѣ стороны свою голову съ золотистыми пучками перьевъ,—между собою они обмѣнивались то нѣжными взглядами, то гнѣвными ударами клюва и плавниковъ, а при нашемъ приближеніи поднимали отчаянный крикъ. Я не понимаю, правда, языка пингвиновъ, но думаю, что то, что они кричали по нашему адресу, блистая своими красными глазами и перекашивая свою голову, было, должно быть, очень нежелательнаго свойства.

Постоянно встрѣчаются также между скалами футляроносы, поведение которыхъ, однако, несмотря на ихъ невинный видъ, далеко не заслуживаетъ одобренія: какъ только оставитъ самка пингвина свое гнѣздо, они ужъ тутъ какъ туть: ударомъ клюва разбиваютъ яйцо и съ жадностью поглощаютъ содержимое. Штудеръ, зоологъ экспедиціи «Газели», совершенно справедливо замѣтилъ, что футлярообразный придатокъ на клювѣ ихъ имѣетъ, главнымъ образомъ, то назначеніе, чтобы предохранять ноздри отъ заглѣпленія бѣлкомъ яйца.

Если принять во вниманіе, сколько сотъ тысячъ находится пингвиновъ всюду, гдѣ имѣются по краямъ бухтъ скалы, и какое огромное количество другихъ плавающихъ птицъ присоединяется къ нимъ еще, то невольнo придетъ въ голову вопросъ, откуда же беретъ все-

это пернатое население необходимый для его существования огромный запасъ пищи. Уже безконечное количество раковинокъ моллюсковъ, находимыхъ всюду около гнѣздовій птицъ, убѣждаетъ насъ въ томъ, что антарктический пернатый мѣръ питается преимущественно продуктами моря. Дѣйствительно, береговая фауна моря у Кергуэльскихъ острововъ необычайно богата. Достаточно приподнять камень у берега, чтобы оттуда выскочили десятки мокрицъ, разбѣгающихся во всѣ стороны, чтобы найти себѣ защиту подъ другими камнями, — изъ которыхъ изъ нихъ, на примѣръ, *Serolis latifrons*, удивительно напоминаютъ ископаемыхъ трилобитовъ. Въмѣстѣ съ ними встрѣчаются во множествѣ и щетинковые черви и огромное количество другихъ низшихъ животныхъ, — они особенно изобилуютъ между кустами всѣхъ отбѣнниковъ краснаго цвѣта водорослей, которыми зарастаетъ дно моря въ изобилии. Извѣстно не менѣе 71 вида низшихъ морскихъ водорослей у Кергуэльскихъ острововъ; между ними ползаютъ красновато окрашенные морскія звѣзды, офиуры и крабы, на нихъ сидятъ прикрѣпленные асциди, мшанки, актинии и гидроды. Тамъ, гдѣ вѣтъ кустиковъ мелкихъ красныхъ водорослей, встрѣчаются въ береговой полосѣ огромныя ленты *Durvillea*, своеобразно расщепленные на лопасти, или произрастаетъ гигантскій фукусъ — *Macrocystis pyrifera*, держащійся на нѣсколько большей глубинѣ, чѣмъ *Durvillea*, на зеленовато-сѣромъ иловомъ грунтѣ дна; въ этомъ иду онъ развиваетъ цѣлое гнѣздо корней, срастающихся между собой какъ вѣтви коралла. Отъ корней этихъ отходитъ стебель съ лавцетовидными листьями, несущими бутычататыя воздушныя камеры. Попадались растенія длиною болѣе 200 метровъ. Водоросль эта держится на скалахъ, лежащихъ не болѣе какъ на 20 метрахъ глубины, и, благодаря своимъ плавательнымъ приспособленіямъ, видна на поверхности, обнаруживая такимъ образомъ для моряка тѣ мѣста, которыхъ должно избѣгать при заходѣнн въ бухты. Въ то же время на этой водоросли поселяются чрезвычайно разнообразныя организмы, которые составляютъ излюбленную пищу птицъ: прежде всего на ней сидитъ огромное количество моллюсковъ блюдечекъ (*Patella*), которые своей ногой, имѣющей видъ жакъ бы присоски, крѣпко держатся за гладкіе листья; болѣе старыя листья нѣрѣдко совершенно покрыты мшанками и колоніями гидродовъ, между которыми сидятъ свѣтло-розовыя небольшія голотурии (*Pentactella laevigata*), вытягивающія свои развѣтвленные щупальцы. Защищенные мѣста бухтъ часто бываютъ покрыты сплошь на большое разстояніе мидіями (*Mytilus*); которыя по своей вѣшности чрезвычайно похожи на европейскія. Такимъ образомъ, и на поверхности моря, и на водоросляхъ, и на берегу для морскихъ птицъ постоянно готова обильная трапеца. Лишь въ одномъ отношеніи воды Кергуэльскихъ острововъ не могутъ быть названы богатыми, — именно фауна рыбъ въ нихъ развита чрезвычайно скудно: она ограничивается 4 видами костистыхъ рыбъ, которыя всѣ незначительной величины и принадлежатъ отчасти къ типичному для антарктической области роду *Notothenia*. Въ болѣе глубокихъ частяхъ бухтъ, не глубже 20 метровъ, находятся также множество своеобразныхъ придонныхъ обитателей, къ которымъ въ окрестностяхъ Кергуэльскихъ острововъ, на плоской впадинѣ, соединяющей ихъ съ островомъ Хэрда, присоединяются формы, составляющія уже переходъ къ глубоководной фаунѣ.

Пользуясь нашимъ паровымъ катеромъ, мы два дня подъ радъ драгировали въ гаваняхъ Газели и Хорошей Погоды и добывали въ

этихъ защищенныхъ мѣстахъ чрезвычайно обилный матеріалъ. Изъ сообщеній прежнихъ экспедицій вытекаетъ, что нерѣдко отдѣльныя бухты даютъ приближище своеобразнымъ, исключительно имъ свойственнымъ формамъ, которыя на другихъ мѣстахъ рѣдки или отсутствуютъ. Въ виду того, быть можетъ, что морская фауна избранныхъ нами бухтъ была ранѣе не изслѣдована, намъ и удалось получить довольно значительное количество новыхъ для Кергузльскихъ острововъ береговыхъ формъ. Такъ, нами была открыта на упомянутомъ гигантскомъ фукусѣ оригинальная медуза, которая не ведетъ свободно-плавающего образа жизни, а ползаетъ по водорослямъ при помощи своихъ развѣтвленныхъ щупалець. Въ нашихъ сѣверныхъ моряхъ медузы эти представлены родомъ *Elcutheria*, у котораго 8 дихотомически дѣлящихся щупалець, новая же кергузльская форма обладаетъ цѣлымъ лѣсомъ краевыхъ щупалець и достигаетъ относительно значительныхъ размѣровъ. Между островками, раздѣляющими гавань Газели отъ гавани Хорошей Погоды, придонная фауна была развита особенно обильно, и здѣсь намъ удалось добыть огромнаго краснубу-

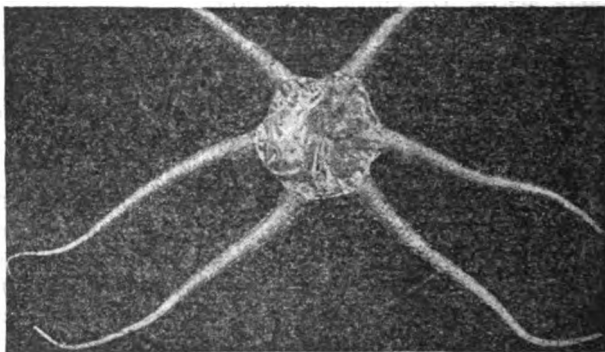

Рис. 48. Офіюра *Ophioglyphia hexactis* съ зародышами во вскрытой сумкѣ.

раго головоногаго съ 8 щупальцами, присутствіе котораго на Кергузльскихъ островахъ еще не было съ увѣренностью констатировано.

Уже прежнимъ наблюдателямъ бросалось въ глаза, что почти всѣ изъ извѣстныхъ здѣсь морскихъ организмовъ проявляютъ особая заботы о потомствѣ: личинокъ, живущихъ свободно, у нихъ не существуетъ, а развивающіеся дѣтеныши ихъ заключаются обыкновенно въ особыхъ защищенныхъ карманахъ матери до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаются настолько самостоятельными, что могутъ сами добывать себѣ пищу. Въ отчетахъ экспедиціи «Челленжера» приведены и изображены чрезвычайно интересные примѣры такихъ заботъ о потомствѣ у морскихъ ежей (*Hemiaster*), морскихъ звѣздъ и у голотурій. Всѣ эти виды, описанные съ Кергузльскихъ острововъ, были найдены нами снова; примѣромъ можетъ послужить прилагаемое изображеніе офіюры (рис. 48), во вскрытой капсулѣ которой заключаются молодые зародыши. Намъ удалось найти и такія формы, у которыхъ не было еще извѣстна существованія заботы матери о потомствѣ,—такъ одна изъ активнѣй Кергузльскихъ острововъ, оказалось, также выводитъ дѣтенышей между своими внутренними перегородками. Довольно трудно найти объясненіе этому явленію, получающему здѣсь такое широкое распро-

странение, тѣмъ болѣе, что то же самое наблюдается и въ арктическихъ водахъ. По всей вѣроятности, то обстоятельство, что молодыя животныя проходятъ свои первыя стадіи развитія болѣе гарантированными отъ тѣхъ опасностей, которыя представляются въ арктическихъ и антарктическихъ водахъ у поверхности, обуславливаетъ болѣе надежное размноженіе вида. Почему, однако, такая забота о потомствѣ отсутствуетъ или, во всякомъ случаѣ, отходитъ на задній планъ у формъ, водящихся въ умѣренномъ тропическомъ климатѣ, мы совершенно пока не можемъ сказать. Можно было бы заподозрить, что это обуславливается физико-химическими свойствами поверхности воды, но какъ разъ противъ этого говоритъ то обстоятельство, что именно у Кергуэльскихъ острововъ наиболѣе нѣжные поверхностные организмы рстрѣчаются въ поразительномъ количествѣ. Поверхность моря

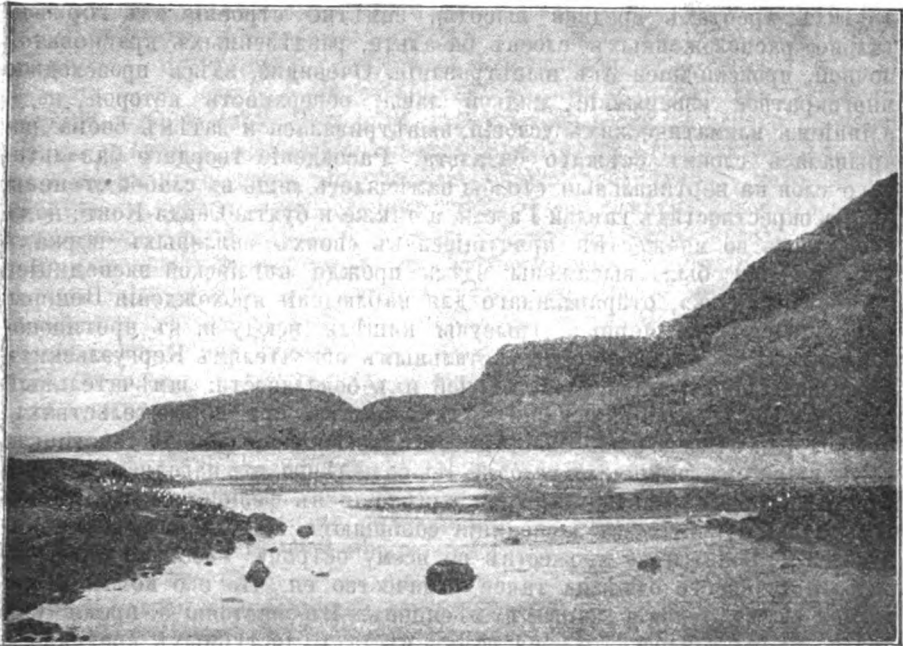

Рис. 49. Ландшафтъ въ бухтѣ Сонди-Ковъ.

оживляется прозрачными медузами, изящными гребневиками изъ родовъ *Bolina* и *Callianira* и колоніями сифонофоръ (*Agalma*). Наконецъ, въ области Кергуэльскихъ острововъ особенно обильно развитъ тотъ пелагическій міръ мельчайшихъ существъ, который является первоисточникомъ пищи, изъ коего черпаютъ ее существа, обитающія и на днѣ, и на поверхности, и даже на берегу. Къ антарктическимъ діатомовымъ водорослямъ присоединяются здѣсь еще зеленеватыя слизистыя массы шаровидныхъ водорослей, благодаря которымъ поверхность воды нерѣдко окрашена на далекое разстояніе.

Было вполнѣ естественно, что вскорѣ по приходѣ всѣ члены нашей экспедиціи разсѣялись въ разныя стороны, чтобы изучить, согласно со своими наклонностямъ, высшій и низшій животный міръ, растительность и геологію окрестностей. Офицеры наши вмѣстѣ съ капитаномъ

отправились на слѣдующее утро въ бухту, называемую Сенди-Ковъ и находящуюся направо отъ узкаго входа въ гавань Газели. Тамъ вниманіе ихъ было привлечено стадомъ морскихъ слоновъ, которые лежали около берега въ углубленіяхъ съ цѣлью переждать здѣсь періодъ ливки. Они убили 18 штукъ, съ которыхъ на слѣдующій день наша команда сняла шкуру и отчасти приготовила скелеты.

Попастъ къ бухтѣ Сенди-Ковъ очень легко пѣшкомъ,—надо переѣхать хребты холмовъ у входа въ гавань Газели и перебраться черезъ нѣсколько скопленій прѣсной воды, изъ которыхъ устремляются многочисленные потоки, вливающіеся въ бухту. Увлекаемая ими масса гальки и песку образуютъ наносныя банки въ бухтѣ, которая окаймлена полого падающими откосами, покрытыми густымъ дерномъ изъ *Асаена*. Съ восточной стороны эта бухта ограничивается горю приблизительно въ 500 метровъ высоты, на которой, какъ и на всѣхъ другихъ хребтахъ средней высоты, замѣтно строеніе изъ горизонтально расположенныхъ слоевъ базальта, раздѣленныхъ красноватою почвой, происшедшей отъ вывѣтриванія. Очевидно, здѣсь происходило многократное изверженіе жидкой лавы, поверхность которой, подвліяніемъ климатическихъ условій, вывѣтривалась и затѣмъ снова покрывалась слоемъ свѣжаго базальта. Распаденіе твердаго базальтового слоя на вертикальные столбы замѣчалось лишь въ слабой степени.

Въ окрестностяхъ гавани Газели, а также и бухты Сенди-Ковъ, намъ попадались во множествѣ прячущіеся въ своихъ земляныхъ норкахъ кролики; они были высажены здѣсь прежде англійской экспедиціей судна «Волеждъ», отправленнаго для наблюденія прохожденія Венеры. Эти сѣрые, рѣже черные, грызуны кишѣли всюду и, въ противоположность не боящимся никого остальныхъ обитателямъ Кергуальскихъ острововъ, не утратили свойственной имъ боязливости: замѣчательный примѣръ наслѣдованія психическихъ свойствъ при обстоятельствахъ, при которыхъ можно было бы предполагать пониженіе даннаго инстинкта подвліяніемъ вѣшнихъ условій. Къ сожалѣнію, это наводненіе острововъ кроликами вызвало также и измѣненіе въ фізіономіи его растительности. Всѣ прежнія экспедиціи сообщаютъ, что кергуальская капуста встрѣчается во множествѣ по всему острову; Россъ собралъ незадолго до своего отъѣзда такое количество ея, что его команда питалась ею въ теченіе многихъ мѣсяцевъ. Въ настоящее время уже врядъ ли бы удалось это,—на всѣхъ мѣстахъ, доступныхъ кроликамъ, капуста истреблена совершенно и встрѣчается лишь на отвѣсныхъ скалистыхъ стѣнахъ или же на островкахъ, разбросанныхъ по бухтамъ.

Несмотря на то, что морскіе слоны были убиты только утромъ, вокругъ нихъ собрались уже тысячи птицъ и усердно работали вокругъ труповъ, выклевывая мясо и стараясь добраться до внутренностей. Это удавалось лишь гигантскимъ буревѣстникамъ (*Ossifraga gigantea*), вооруженнымъ огромными клювами и напоминавшимъ своимъ поведеніемъ грифовъ болѣе теплыхъ странъ. Они окружали трупы сотнями и набѣдали до того, что не были въ состояніи летѣть. Хашныя и доминиканскія чайки также носились густыми тучами около тѣхъ мѣстъ, гдѣ наши матросы были заняты сдираніемъ шкуръ. Между морскими слонами находился лишь одинъ молодой самецъ, еще не имѣвшій характерныхъ признаковъ старыхъ самцовъ, именно хоботообразнаго удлиненія носовой области. Періодъ размноженія морскихъ слоновъ приходится на сентябрь. По сообщенію наблюдателей, около сотни самокъ находится подвкрывительствомъ одного самца, который

по величинѣ, по крайней мѣрѣ, вдвое болѣе самки и достигаетъ въ длину 9—10 метровъ; при помощи своихъ могучихъ бивней онъ отражаетъ нападеніе другихъ соперниковъ. Во время такой борьбы эти огромныя животныя со страшнымъ ревомъ приподнимаются, выпускаютъ со свистомъ воздухъ черезъ свой хоботъ и своими бивнями наносятъ другъ другу сильныя раны. Послѣ періода спариванія все стадо разсѣивается, и самки лишь въ сентябрѣ собираются снова на сушу и рождать здѣсь по одному дѣтенышу, который становится половозрѣлымъ лишь черезъ 6—8 лѣтъ. Въ декабрѣ онѣ появляются снова и въ это время чрезвычайно неподвижны, совершенно не принимаютъ никакой пищи и, забравшись въ свое логовище, претерпѣваютъ линьку. Дѣйствительно, желудки убитыхъ экземпляровъ были совершенно пусты. Въ прежнія времена описанія Россѣ были привлечены на Кергуэльскіе острова многочисленныя китоловы и тюленебой, которыми были здѣсь произведены между морскими слонами сильнѣйшія опустошенія— во время боя этихъ беззащитныхъ животныхъ не падали и молодыхъ тюленей. Къ счастью, бой тюленей сдѣлался мало-по-малу невыгоднымъ, и посѣщенія Кергуэльскихъ острововъ прекратились. Командиръ судна «Эвра» сообщаетъ, что онъ встрѣтилъ лишь одного единственнаго капитана, который отправлялся на Кергуэльскіе острова для охоты за морскими слонами. За послѣднее время, повидимому, тамъ не было опять ни одного промысловаго судна, и, по всей вѣроятности, исключительно благодаря этому обстоятельству, мы снова нашли всѣ бухты наполненными тюленями, и за короткое время нашего пребыванія видѣли больше морскихъ слоновъ, чѣмъ прежнія экспедиціи въ теченіе многихъ мѣсяцевъ. Они находились не только тамъ, гдѣ наши офицеры встрѣтили стадо около 30 головъ, но и всюду, гдѣ въ бухтѣ Сенди-Нувъ имѣлись мѣста достаточно пологія, чтобы животныя могли выбраться на берегъ. Очень скоро мы перестали употреблять противъ этихъ беззащитныхъ тварей огнестрѣльное оружіе и убивали ихъ палками. Нерѣдко мы сидѣли около самыхъ морскихъ слоновъ, и они обращались въ бѣгство лишь въ томъ случаѣ, если матросы пугали ихъ, иначе же они со своими дѣтенышами оставались совершенно спокойными и, не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ, позѣвывали и спали.

Когда они были не въ сонливомъ настроеніи, то лежали на боку и лишь слегка приподнимали голову, осматривая окрестности своими замѣчательно красивыми и полными выраженія глазами, или же съ такою граціею, на какую способенъ лишь морской слонъ, почесывали свою спину и бока переднимъ ластомъ.

Вечеромъ 28-го декабря работы по очисткѣ нашихъ котловъ были закончены, и на слѣдующій день въ 5 часовъ утра мы снялись съ якоря. Барометръ упалъ съ 760 мм. (ночью съ 27-го на 28-е декабря) на 741 мм.—это предвѣщало пережѣну погоды, которая и сказалась, прежде всего, легкимъ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ. Пока судно спокойно скользило по привѣтливимъ водамъ гавани Газели и проходило заливъ Фоундери, постепенно поднимался туманъ, который спустился на море ночью, и мы могли послать послѣднее прощанье съ живымъ вершинамъ полуострова Обсерваціи. Въ то же время впервые открылся видъ на блестящую вдали снѣгами гору Россѣ вышиною въ 1.860 метровъ,—это самая высокая вершина Кергуэльскихъ острововъ.

Погода была совершенно спокойная, и мы безъ помѣхи подняли съ глубины 88 метровъ два трала, которые дали намъ множество интересныхъ представителей знаменитой кергуэльской фауны. Въ ячеяхъ сѣти.

видѣлись кроваво-красные гигантскіе пикногоны, тогда какъ кошель сѣти былъ совершенно наполненъ активіями, морскими звѣздами, ежами, офіурами, красивыми червями, ракообразными и крупными скатами.

Описавъ широкую дугу, мы обошли полуостровъ Бисмарка и, выходя на острова Гове и Свентъ, дошли въ три часа дня до бухты Рождества. Входъ въ нее видѣтъ уже издали, такъ какъ передъ нѣмъ видѣются ворота изъ скалъ, къ которымъ примыкаютъ сперва сравнительно низкія, затѣмъ круто поднимающіяся вверхъ стѣны, ограничивающія передній широкій бассейнъ и задній служенный отдѣлъ его. Мрачно поднимается на южной сторонѣ бухты гора Хаверъ-Галь очень неправильныхъ очертаній, тогда какъ сѣверная сторона замыкается столообразной горой, поднимающейся террасами. Красотою пейзажа бухта Рождества значительно превосходитъ Гавань Газели и всѣ другія бухты Кэргуэльскихъ острововъ, но зато она представляетъ судамъ сравнительно лишь плохую защиту, и всѣ командиры судовъ, стоявшихъ тамъ на якорѣ, жалуются на внезапно врывающіеся западные вѣтры, которые способны сорвать судно съ якорей. При нашемъ приходѣ бухта была спокойна, и я рѣшился съ докторомъ Фангофеномъ съѣхать на берегъ, чтобы познакомиться съ выходами каменнаго угля на крутыхъ стѣнахъ, отходящихъ отъ скалистыхъ воротъ. Во время этой прогулки вдоль отвѣсныхъ обрывовъ скалъ мы любовались чрезвычайно живописными видами. Не менѣе 4 ручья нисвергаются съ обрывовъ, превращаясь въ пыль; у подножія нагромождены обломки скалъ, оживляемые тысячами пингвиновъ. Нигдѣ намъ не приходилось видѣть ихъ въ такомъ невѣроятномъ множествѣ, притомъ шумъ они поднимали такой, какъ будто въ засѣданіи вѣскаго парламента обсуждался вопросъ о государственномъ языкѣ! Къ сожалѣнію, намъ не удалось пристать къ берегу, вследствие слишкомъ сильнаго прибоя, но мы ясно видѣли темныя жилы угля, выходящія на отвѣсныхъ обрывахъ. Уголь этотъ, однако, плохого качества и мало пригоденъ для топлива; по сообщеніямъ китолововъ, въ прилежащихъ гаваняхъ выходятъ слои угля нѣсколько лучшаго качества. На обратномъ пути къ нашему пароходу, стоявшему на якорѣ въ глубинѣ бухты, мы имѣли возможность познакомиться съ неудобствами бухты Рождества: неоднократно поднимался порывистый вѣтеръ, который производилъ такую волну, что пѣна ея обдавала насъ съ головы до ногъ. Лишь послѣ двухчасовой усиленной гребли удалось намъ добраться до судна.

Между тѣмъ, другіе члены экспедиціи совершили экскурсію на плоскій берегъ во внутренней части бухты и, какъ только пристали къ берегу, натолкнулись на крупнаго самца морского леопарда (*Ogmorhinus leptonyx*), который, будучи гораздо болѣе подвижнымъ и пугливымъ, чѣмъ морскіе слоны, тотчасъ же обратился въ послѣднее бѣгство къ водѣ, но былъ настигнутъ по дорогѣ пулемъ. Морскихъ слоновъ, которые цѣлыми стадами лежали около лужъ съ прѣсною водою, оставили въ покоѣ, если не считать того, что одинъ изъ офицеровъ попробовалъ, не годятся ли они для верховой ѣзды. Компанія наша натолкнулась также и на королевскихъ пингвиновъ и убила нѣсколько штукъ. Узнавъ объ этомъ, мы еще разъ съѣхали на берегъ, чтобы снять шкуру съ морского леопарда и доставить на судно пингвиновъ.

На берегу намъ представилось зрѣлище полное жизни. Несмотря на то, что морской леопардъ былъ только что убитъ, вокругъ него собралось уже цѣлая стада огромныхъ буревѣстниковъ и корчаковъ.

хищныхъ чаекъ. Отъ этихъ голодныхъ, нахальныхъ птицъ не было положительно никакого покоя; одна изъ чаекъ вырвала у меня изъ рукъ вырѣзанное сердце морского леопарда, другія старались разорвать двухъ изъ убитыхъ пингвиновъ, несмотря на то, что тѣ выказывали еще признаки жизни. Между тѣмъ морскіе слоны совершенно не обращали вниманія на все происходившее вокругъ нихъ и спокойно лежали въ своихъ логовищахъ, окруженные пингвинами-осликами (*Pygoscelis taeniata*) и цѣлой стаей королевскихъ пингвиновъ (*Aptenodytes longirostris*), достигающихъ 1 метра въ высоту. Пингвины эти—красивѣйшія между всѣми птицами антарктической области,—бѣлоснѣжное брюхо ихъ окаймлено ниже шеи ожерельемъ золотисто-желтыхъ перьевъ, тогда какъ спина, плавники и голова, снабженная длиннымъ и сильнымъ клювомъ,—сѣры. Они какъ будто чувствуютъ превосходство своей породы, и всѣ движенія ихъ исполнены сознанія своего достоинства. Тогда какъ хохлатые пингвины постоянно прыгаютъ и суетятся, королевскіе двигаются медленно и величественно, переставляя одну ногу за другой; съ самодовольнымъ видомъ расправляютъ они перышки на спинѣ или на оттопченномъ брюшкѣ и отъ времени до времени поднимаютъ свой клювъ кверху и испускаютъ по направленію къ небу хриплое карканье. Чаще всего, однако, они стоятъ со втянутой шеей и направленной косо вверхъ головою, какъ философы разсуждающіе о Nirvanѣ,—отъ жиру они повидимому задыхаются и терпѣливо ожидаютъ когда переменяются у нихъ перья—это было какъ разъ время линьки. Я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи погнать все стадо къ берегу. Когда они припили въ движеніе, казалось, что кучка почтенныхъ пасторовъ направляется въ залу своего собранія, или ректоры духовныхъ школъ, въ полномъ облаченіи и проникнутые собственнымъ достоинствомъ, идутъ на совѣщаніе. Когда я пробовалъ ихъ гнать поскорѣе, они старались доказать мнѣ ударами клювовъ и лапъ, что такъ не полагается обращаться съ королевскими птицами; если же я останавливался, то вся компанія, очевидно въ полномъ изнеможеніи, останавливалась также и затѣмъ приводилась въ движеніе лишь съ большимъ трудомъ. Когда же мнѣ вздумалось запѣть «аллилуйя», они всѣ вытянули шеи и, подтягивая мнѣ своими хриплыми «кре-кре-кре-кре», снова отправились въ путь. Подъ такой веселый аккомпаниментъ мы прибыли, наконецъ, черезъ полчаса къ лодкѣ. Матросы, которые выказали мало уваженія къ королевскому достоинству и схватили 4 самыхъ крупныхъ птицъ, чтобы доставить ихъ вмѣстѣ съ двумя пингвинами-осликами живыми на судно, подверглись такимъ отчаяннымъ ударамъ клювомъ и лапами, что врядъ ли они рѣшатся второй разъ на подобное покушеніе!

Въ 8 часовъ вечера мы подняли якорь и, кинувъ прощальный взоръ на живописныя стѣны бухты Рождества, усѣяныя футлярносами и сотнями тысячъ крикливыхъ пингвиновъ, направили нашъ путь на съверь къ острову св. Павла.

Мы покинули своеобразную группу острововъ, которая навсегда останется у меня въ памяти, какъ настоящая страна обѣтованная для натуралиста. Когда возникли эти острова и какимъ способомъ получили они свою оригинальную фауну и флору?—вотъ вопросы, надъ которыми работали натуралисты съ самаго времени открытія Кергуэльскихъ острововъ.

Первоначально существовало предположеніе, что ранѣе въ антарк-

тической области находился огромный материкъ, который позднѣе погружился въ море и оставилъ послѣ себя лишь немного слѣдовъ своего существованія въ видѣ сильно разбросанныхъ группъ острововъ. Это предположеніе являлось и причиною того, что до нашей экспедиціи антарктической океанъ считался относительно мелководнымъ. Добытые нами факты присутствія большихъ глубинъ въ антарктическомъ морѣ отняли всякую почву у этой теоріи, по которой между Южной Америкой, Фалькландскими островами и болѣе южными группами антарктическихъ острововъ, съ одной стороны, и Кергуэльскими островами, съ другой, существовала ранѣе прямая связь, въ видѣ соединявшаго ихъ материка.

Итакъ, изъ очень глубокаго моря выдаются лишь отдѣльные вулканическіе острова, какими являются островъ Бувэ, острова Маріонскіе и Крозэ, Кергуэльскіе острова и островъ Хэрдъ. Доказано лишь, что обѣ послѣднія группы образуютъ одно цѣлое, такъ какъ онѣ соединяются сравнительно мелководнымъ плато, гдѣ глубина въ среднемъ около 200—300 метровъ. Какъ показали наши промѣры, по направленію къ западу глубины быстро падаютъ, и начинается настоящее глубокое море. Повидимому, и Маріонскіе острова, и острова Крозэ связаны съ Кергуэльскими подводнымъ хребтомъ, существованіе котораго, впрочемъ, не доказано пока достаточно точно промѣрами. Существовало ли, однако, соединеніе съ Южной Африкой—очень сомнительно, такъ какъ между названными группами острововъ и континентомъ снова встрѣчаются значительныя глубины. Лишь точное геологическое изслѣдованіе Кергуэльскихъ острововъ, которое обѣщаетъ массу интересныхъ открытій, могло бы рѣшить вопросъ—въ какой геологическій періодъ поднялись эти острова надъ уровнемъ моря. За исключеніемъ пропитанныхъ кремнеземомъ кусковъ дерева, мы не имѣемъ съ нихъ пока никакихъ окаменѣlostей, но, судя по сообщеніямъ китолововъ, таковыя могутъ быть найдены тамъ. Штудеръ предполагаетъ, что эти острова, какъ и многія другія группы базальтовыхъ острововъ, поднялись въ началѣ третичной эпохи, и мы дагѣе будемъ еще имѣть случай обратить вниманіе читателей на одно обстоятельство, которое, повидимому, подтверждаетъ это предположеніе.

Если мы обратимся теперь къ флорѣ и фаунѣ острововъ, то должны еще предварительно замѣтить, что послѣ поднятія острововъ надъ уровнемъ моря они, вѣроятно, претерпѣли опять нѣкоторое опусканіе. Отдѣльные хребты ихъ выдаются надъ водою и образуютъ теперь лабиринтъ мелкихъ и крупныхъ острововъ и отчасти полуострововъ, связанныхъ узкими косами съ главнымъ островомъ, что мы замѣчаемъ на восточномъ берегу послѣдняго. Въ прежнія долины ворвалось море и образовало тѣ глубоко врызывающіеся фіорды, которые придаютъ островамъ такую характерную фізіономію. Гипотеза такого опусканія подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что до сихъ поръ не было еще доказано нахожденія на островахъ береговыхъ линій, указывающихъ на поднятіе ихъ. Что касается до отступанія глетчеровъ, то оно врядъ ли можетъ служить доказательствомъ въ пользу опусканія острововъ,—болѣе вѣроятно, что оно обуславливалось наступленіемъ со времени ледниковаго періода болѣе теплаго климата. Такое измѣненіе климата, какъ было уже нами выше указано, подтверждается нахожденіемъ типичныхъ антарктическихъ организмовъ на Агуласской банкѣ, омываемой теплыми теченіемъ. Далѣе мы должны принять въ соображеніе, что Кергуэльскіе острова были ранѣе покрыты лѣсами, какъ это наблю-

дается теперь, напримеръ, въ южной Патагоніи и на Фалькландскихъ островахъ, гдѣ произрастаютъ превосходные буквые лѣса. Средняя годовая температура здѣсь 4° С. и, какъ на всѣхъ океаническихъ островахъ, колеблется въ незначительныхъ границахъ, такъ что, надо думать, вѣтъ никакихъ препятствій къ произрастанію лѣсовъ на склонахъ, защищенныхъ отъ бурныхъ западныхъ вѣтровъ. Въ настоящее время, однако, деревья и кустарники отсутствуютъ на Кергуэльскихъ островахъ совершенно.

Что касается высшихъ растений, то они отчасти выказываютъ близкое родство съ растительностью Огненной Земли. Въ особенности это можно сказать относительно видовъ лютиковъ, одной изъ гвоздикъ (*Colobanthus*), розоцвѣтнаго Асаза и обоня видовъ злаковъ. Пять видовъ растений даже тождественны съ растениями Огненной Земли, и къ нимъ относятся и придающая столь характерный видъ островамъ *Azogella selago*. Одинъ изъ родовъ растений, свойственный исключительно Кергуэльскимъ островамъ, выказываетъ, однако, связь съ далекимъ западомъ—это *Lyallia Kerguelensis*, ближайшіе родственники которой известны съ Андовъ. Съ другой стороны, встрѣчаются виды, которые появляются снова на далекомъ востокъ,—между ними особенно замѣчательно сложноцвѣтное *Cotula*, которое неизвѣстно на Огненной Землѣ, но было найдено на Ауклендскихъ островахъ, лежащихъ на югъ отъ Новой Зеландіи. Всѣ эти виды имѣютъ отношенія, съ одной стороны, къ западу, съ другой—къ востоку; существуетъ, однако, и такое растение, которое свойственно исключительно Кергуэльскимъ островамъ, острову Хэрда и островамъ Маріонскимъ и Крозъ—это кергуэльская капуста (*Pringlea*). Существованіе явнотрачяго растенія, къ тому же столь своеобразнаго, позволяетъ намъ съ полною справедливостію заключить, что группа Кергуэльскихъ острововъ съ начала третичнаго періода, когда началось образованіе цвѣтковыхъ растений, занимала изолированное положеніе. Не будемъ разбирать далѣе выводовъ, къ которымъ приводитъ разсмотрѣніе тайнотрачяныхъ,—большинство ихъ выказываетъ опять таки связь съ южной оконечностію Америки. Неволяю, уже при самомъ поверхностномъ разсмотрѣніи флористическихъ особенностей Кергуэльскихъ острововъ, приходится заключить, что немногочисленные формы высшихъ растений были получены островами при содѣйствіи господствующихъ западныхъ вѣтровъ, преимущественно съ Огненной Земли. Они пробыли, однако, такъ долго въ изолированномъ состояніи, что образовали новые своеобразные мѣстные роды, изъ которыхъ одинъ, именно *Cotula*, опять-таки подъ влияніемъ западныхъ вѣтровъ, распространился далѣе, до Ауклендскихъ острововъ.

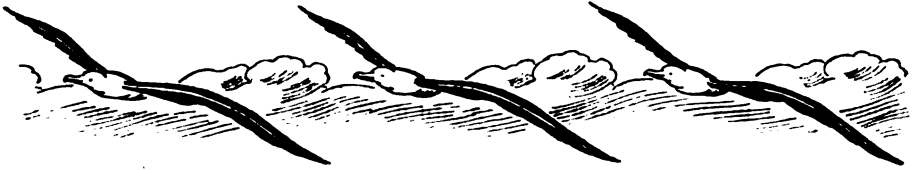
Такимъ же точно образомъ и зоологи не могутъ уже въ настоящее время прибѣгать для объясненія особенностей фауны Кергуэльскихъ острововъ къ гипотезѣ существованія антарктическаго материка,—имъ также приходится выяснять способы, какими, подъ влияніемъ западныхъ вѣтровъ, эти острова были заселены характерными для нихъ формами. Что касается до плавающихъ птицъ, то, конечно не можетъ явиться никакихъ затрудненій въ объясненіи ихъ появленія. Кому приходилось собственными глазами видѣть, какъ неспособные къ полету пингвины избираютъ для своего передвиженія ледяныя горы, и какъ альбатросы, буревѣстники и буревыя ласточки сопровождаютъ судно чуть не черезъ все антарктическое море,—того не удивитъ широкое распространеніе этихъ формъ по всей антаркти-

ческой области. Изъ наземныхъ птицъ на островахъ нѣтъ лишь футляроносъ, котораго ближайшіе родственники находятся опять на антарктическихъ островахъ южно-американской области.

Что Кергуэльскіе острова заселены также насѣкомыми,—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, но безкрылость ихъ указываетъ, во всякомъ случаѣ, на продолжительный процессъ естественной эволюціи. Въ данномъ случаѣ вырожденіе крыльевъ является приспособленіемъ къ существованію въ мѣстности, посѣщаемой сильнѣйшими бурями; интересно, что на Фальклендскихъ островахъ виды мухъ еще снабжены хорошо развитыми крыльями. Нахожденіе жуковъ слониковъ было поставлено еще Штудеромъ совершенно справедливо въ связь съ существованіемъ прежде лѣсного покрова. Труднѣе выяснитъ какими способами переселенія пользовалась единственная наземная улитка (*Helix Hookeri*) и дождевой червь Кергуэльскихъ острововъ. Однако и въ этомъ случаѣ надо принять во вниманіе, что родъ *Acanthodrilus*, къ которому относится дождевой червь, свойственъ южной области, и что ближайшіе родственники улитки нѣются въ Южной Африкѣ и на Огненной Землѣ.

Королевскіе пингвины (*Aptenodytes longirostris*).

Г Л А В А XII.

Новый годъ.—О. св. Павла.—О. Новый Амстердамъ.—Смерть д-ра Вахманна.—Работы у Кокосовыхъ острововъ.

Послѣ того, какъ мы вечеромъ 29-го декабря покинули бухту Рождества и потеряли изъ вида Кергуэльскіе острова, поднялась бурная погода, и побѣжали высокія волны отъ запада и сѣверо-запада. Судно наше претерпѣвало сильнѣйшую качку, вѣтеръ постепенно крѣпчалъ и достигъ къ полудню 30-го декабря 10 балловъ. Во время этой бури съ запада, барометръ поднимался и въ теченіе 12-ти часовъ поднялся болѣе чѣмъ на 20 мм., достигнувъ вечеромъ 30-го декабря 760 мм., тогда какъ въ бухтѣ Рождества онъ стоялъ на 735 мм. При этомъ замѣчалось повышеніе температуры воздуха, несмотря на то, что солнце лишь время отъ времени прорывало облака и освѣщало зеленое море и огромныя волны.

Тучи черныхъ буревѣстниковъ (*Myiarchus*) вмѣстѣ съ многочисленными альбатросами (*Diomedea melanophrys* и *D. exulans*) сопровождали насъ. Наши королевскіе пингвины были посажены въ клетку около штурбота, и, наблюдая за ними, мы прежде всего были поражены тою ловкостью, съ какою они балансировали при сильной качкѣ судна. Между собою они такъ несносно ссорились, что толстую самку, которая была вся истерзана сильными ударами клювовъ самцовъ мы заллороформировали и отдали препаратору съвѣтъ съ нея шкурку; при этомъ оказалось, что она какъ разъ начинала линять. Трехъ остальныхъ пингвиновъ мы должны были раздѣлить перегородками, такъ какъ они постоянно надѣляли другъ друга сильнѣйшими ударами клюва и притомъ кричали, какъ гуси. Отъ клювовъ ихъ попадало и посѣтителѣмъ, если они подходили слишкомъ близко, но мало-по-малу цыпы все же привыкали къ людямъ и чувствовали себя особенно хорошо, когда ихъ отъ времени до времени обливали водою. Прѣсную воду они глотали съ явнымъ удовольствіемъ, отъ другой же пиши отказывались. Положимъ, они были настолько жирны, что, очевидно, могли перенести періодъ линьки, не принимая пиши. Весь день они занимались тѣмъ, что приводили въ порядокъ свое опереніе, особенно много имъ было дѣла, когда ихъ поливали водою,—они вытягивали тогда шею, обтряхивали свое тѣло, поколачивали лапами и тщательно расправляли перья на спинѣ и брюхѣ своимъ длиннымъ клювомъ, которымъ они могутъ добратъся всюду.

31-го декабря западный вѣтеръ развелъ такое сильное волненіе,

что около 10-ти часовъ утра мы были принуждены повернуть носомъ противъ вѣтра и держаться противъ волны. О какихъ-либо работахъ нечего было и думать, но все же наши измѣренія температуры поверхности показали, что, подобно тому, какъ ранѣе при приближеніи къ острову Бувъ, такъ и теперь при вступленіи въ болѣе теплыя области, подѣ 45° юж. шир. наблюдались тѣ же замѣчательные скачки температуры, о которыхъ было уже говорено выше. Грязновато-зеленая вода, имѣвшая температуру въ 4—4,5°, чередовалась временами съ чисто голубыми полосами теплой воды въ 7, 6—9,4° С. Одновременно оказалось, когда мы подняли съ большимъ трудомъ пробу поверхностнаго планктона, что составъ микроскопическихъ организмовъ совершенно измѣнился: діатомовыя водоросли, преобладающія въ холодной водѣ, казались отмершими или разложившимися, тогда какъ, съ другой стороны, типичныя для теплой воды цератія получили перевѣсъ. Характерныя холодноводныя формы, именно виды *Chaetoceras* и *Fragilaria* совершенно отсутствовали, и видѣствъ съ ними исчезли и встрѣчавшіяся въ области Кергуальскихъ острововъ въ такомъ огромномъ количествѣ шарообразныя водоросли.

Наступающій Новый Годъ намъ пришлось опять встрѣчать въ бурѣ. Судно наше съ большимъ трудомъ боролось съ волнами, когда ровно въ 12 часовъ разнесся по безконечной шири водной стихіи звукъ нашего парового свистка, возвѣщавшій наступленіе Нового Года.

1-го января 1899 года мы приблизились къ области максимальнаго атмосфернаго давленія, которое характеризуетъ эту часть Индійскаго океана между 38° и 34° юж. шир. Барометръ стоялъ высоко и около наступленія Нового Года показывалъ давленіе въ 768 мм. Затѣмъ онъ понемногу опять началъ падать и, въ соответствіи съ тѣмъ, въ теченіе сутокъ вѣтеръ сталъ поворачивать обратно движенію часовой стрѣлки, — онъ перешелъ съ западнаго на южный и сѣверный и, наконецъ, снова на западный, который принесъ съ собою пасмурную погоду, дождь и на ночь 2-го января густой туманъ. Тѣмъ не менѣе, намъ удалось какъ 1-го января, такъ и на слѣдующій день, благодаря умѣлому управленію судномъ, произвести два промѣра, которые указали глубины въ 3.436 и 3.296 метровъ. Пробы грунта показывали, что здѣсь уже нѣтъ характернаго для антарктической области бѣлаго діатомоваго ила, а имѣется желтоватый глобигериновый илъ. Температура дна на этихъ глубинахъ достигала 1,4°, тогда какъ на поверхности вода была уже нагрѣта до 12,5°—13,5°. Такъ какъ температура воздуха почти вполне соответствовала температурѣ поверхности, то намъ вскорѣ пришлось облачиться въ болѣе легкія платья.

Во время прозведенія промѣровъ показалось стадо изъ 20 китовъ гриндвалей, — это также доказывало, что мы вступили въ болѣе теплую область моря — уже въ теченіе многихъ недѣль намъ не приходилось видѣть фонтановъ, испускаемыхъ китами.

Вечеромъ 2-го января, послѣ нѣсколькихъ сильныхъ порывовъ, сѣверный вѣтеръ перемѣнился на западо-юго-западный и значительно ослабѣлъ; уменьшилось и волненіе.

Мы перешли уже за 40-ую параллель и, благодаря затянутаго въ теченіе трехъ дней небу, не могли произвести астрономическаго наблюденія, такъ что находились въ сомнѣніи, правильно ли держимъ взятое направленіе на островъ св. Павла, тѣмъ болѣе, что два раза мѣняли курсъ, поворачивая противъ волны. Тѣмъ не менѣе, уже раннимъ утромъ 3-го января зоркій глазъ нашего капитана замѣтилъ на го-

ризонть этотъ уединенно лежащій вулканическій островъ. Съ разсвѣтомъ небо прояснилось, и волненіе улеглось. Около 8-ми часовъ загремѣли ваши якорныя цѣпи около входа во внутреннюю лагуну кратера, и мы отправились на берегъ, чтобы познакомиться съ этимъ островомъ, лежащимъ посреди Индійскаго океана въ 3.150. морскихъ миль отъ мыса Доброй Надежды и отъ береговъ Австраліи. Островъ св. Павла былъ такъ наименованъ знаменитымъ Ванъ-Дименомъ, который прошелъ между нимъ и островомъ Новымъ Амстердамомъ 17-го іюля 1633 г.; съ того времени островъ этотъ посѣщался многочисленными судами и многими научными экспедиціями; особенно долгое время была здѣсь австрійская экспедиція «Навара», которая провела въ астрономическихъ, магнетическихъ и геологическихъ наблюденіяхъ время съ 19-го ноября по 6-е декабря 1857 г. Исторія открытія и природа этого острова была сдѣлана доступной болѣе широкому кругу читателей привлекательнымъ описаніемъ вышедшимъ изъ-подъ пера К. Фонъ-Шерцера. Мы провели здѣсь лишь нѣсколько часовъ, и потому описаніе наше будетъ коротко.

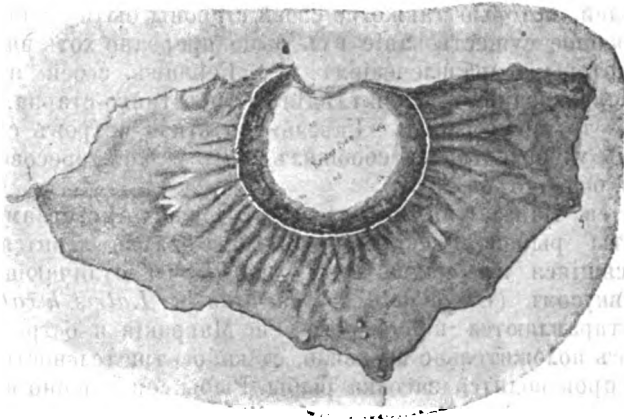

Рис. 50. Планъ острова св. Павла.

Островъ св. Павла походитъ по формѣ на подкову, отверстие которой обращено къ сѣверо-востоку. Онъ образуется вулканомъ, около одной трети конуса котораго погрузилась на восточной сторонѣ въ море, за исключеніемъ небольшого остатка извѣстнаго подъ названіемъ Нинепинъ-Рокъ. Здѣсь открывается доступъ въ обширный кратеръ, сообщающійся съ моремъ.

Если смотрѣть съ восточной стороны, островъ кажется обширнымъ амфитеатромъ, въ который ведетъ лишь узкій проходъ. Мелководный барьеръ преграждаетъ доступъ въ глубокій бассейнъ, который со всѣхъ сторонъ окруженъ круто падающими и достигающими 271 метра въ вышину стѣнами. Виллемъ-де-Фламингъ напелъ этотъ барьеръ, при своемъ посѣщеніи въ 1697 г., еще выступающимъ надъ водою, — лишь позднѣе напоръ волнъ прорвалъ его середину и образовалъ проходъ, къ сожалѣнію не достаточно глубокій, чтобы могли входить большія суда. Надежда, что когда-нибудь здѣсь будетъ устроена гавань, которая доставитъ возможность судамъ, идущимъ въ Остъ-Индію и Австралію, спастись отъ свирѣпствующихъ въ этой части моря

бурь, врядъ ли когда-нибудь осуществится,—тому препятствуютъ не только значительность издержекъ, связанныхъ съ устройствомъ канала въ этомъ барьерѣ, но и то обстоятельство, что бассейнъ кратера защищаетъ далеко не отъ всякаго вѣтра. Именно, какъ сообщаетъ «Эвра»,—судно, присоединившее этотъ островъ къ французскимъ владѣніямъ и устроившее здѣсь провіантскій складъ,—югозападные вѣтры развиваютъ такой вихрь въ этомъ воронкообразномъ кратерѣ, что отъ выбрасыванія на берегъ могутъ предохранить лишь самые сильные якоря и цѣпи. Когда мы приблизились къ острову, мы замѣтили, что на сѣверномъ концѣ барьера кто-то машетъ французскимъ флагомъ. Вскорѣ мы разглядѣли нѣсколько человѣкъ, которые встрѣтили насъ, когда мы высадились, со свойственною французамъ любезностью и предупредительностью. Это былъ рыбопромышленникъ Германъ съ острововъ Товарищества, который вмѣстѣ со своимъ сыномъ и командой изъ 20 негровъ и малайцевъ занимается здѣсь рыболовствомъ. Рыболовная двухмачтовая шхуна стояла внутри кратера, недалеко отъ очень просто устроенныхъ каменныхъ домиковъ, въ которыхъ жили рыболовы. Впервые послѣ двухъ мѣсяцевъ мы встрѣтили опять постороннихъ людей, которые также со своей стороны были очень довольны, что однообразное существованіе ихъ было прервано хоть на нѣсколько часовъ нѣкоторымъ развлеченіемъ. Г. Германъ, своей вѣжностью совсѣмъ не производившій впечатлѣнія 70-ти-лѣтняго старца, прекрасно помнилъ еще то время, когда «Газель» посѣтила островъ св. Павла, и съ большимъ удовольствіемъ сообщилъ намъ всѣ интересовавшія насъ подробности объ островѣ.

Островъ св. Павла, также какъ и о. Новый Амстердамъ, чрезвычайно богаты рыбой. Главнымъ образомъ здѣсь ловятся крупныя рыбы, относящіяся къ семейству *Cirrithidae* и отличающіяся очень хорошимъ вкусомъ (*Chilodactylus fasciatus* и *Latris hecataria*); онѣ солятся и отправляются на островъ св. Маврікія и острова Товарищества. Намъ положительно поразило, съ какою тщательностью и чистоплотностью производится засолка рыбы. Рыбы совершенно не обладали запахомъ, что зависѣло, главнымъ образомъ, отъ того, что черезъ два дня послѣ засаливанія онѣ подвергались прессованію, чтобы извлечь весь жиръ. Хотя, по сообщенію г. Германа, какъ разъ во время нашего посѣщенія наступило время, несмотря на хорошую погоду, неблагоприятное для рыбной ловли, командѣ нашей все же удалось въ короткое время добыть съ борта корабля на крючокъ большое количество очень вкусныхъ рыбъ. Внутри бассейна кратера наши рыбаки добыли множество превосходныхъ лангустовъ, которые понравились рѣшительно всѣмъ изъ нашей каютъ-компаніи. Колонисты острова св. Павла также снабдили насъ большимъ количествомъ свѣжей рыбы и лангустовъ (*Palinurus Lalandei*) и, въ свою очередь, приняли съ большою благодарностью отъ насъ сигары, табакъ и красное вино. Можно было подумать, что мы перенеслись въ отдаленныя времена мѣнливой торговли, когда продаваемый товаръ въ глазахъ продавца не имѣлъ никакой цѣны, но зато тѣмъ болѣе цѣненъ для него былъ товаръ вымѣниваемый.

У берега моря, какъ на сѣверномъ концѣ барьера, такъ и въ пяти милютахъ ходьбы оттуда, на берегу кратера встрѣчаются въ качествѣ свидѣтелей неисчезнувшей еще вулканической дѣятельности теплые ключи, въ которыхъ обитатели острова варятъ свою рыбу и раковъ. Намъ поразило, что, несмотря на высокую температуру, камни

водосемовъ, заключавшихъ горячую воду, были покрыты зелеными водорослями. Въ береговой полосѣ обильно разрастались красныя водоросли, тогда какъ передъ входомъ въ кратеръ видѣлась широкая полоса фукусовъ.

Довольно грустное настроеніе навѣваетъ цѣлый рядъ могилъ, находящихся за барьеромъ,—надписи на нихъ уже большею частью стерты. Въ одной изъ нихъ похороненъ матросъ французской экспедиціи, посланной для наблюденія прохожденія Венеры. Рядъ могилъ англійскаго брига, потерпѣвшаго крушеніе около барьера, свидѣтельствуетъ о томъ, что приближаться къ острову въ бурную погоду не безопасно.

Растительность острова св. Павла въ общемъ мало характерна: кустарниковъ и деревьевъ нѣтъ совершенно, но зато стѣны амфитеатра покрыты высокими кустами травы (*Poa Novarae* и *Scirpius nodosus*), за которые легко держаться, когда забираешься наверхъ. Между этими злаками разстилается коверъ изъ мховъ и печеночницъ, и между ними бросается въ глаза распространенная по всему свѣту старая знакомая *Marchantia polymorpha*. Ближе къ краю кратера встрѣчаются папоротники, именно *Blechnum boreale*, одинъ изъ плауновъ (*Lycopodium serotinum*) и водящаяся также на Кергуэльскихъ островахъ, *Lotaria alpina*, а между ними попадаются и цвѣтковые растенія.

Съ вершины кратера открывается видъ, поражающій своимъ величьемъ и врядъ ли имѣющій гдѣ-либо себѣ равный. Отвѣсно спускаются стѣны амфитеатра къ гладкому, какъ зеркало, и спокойному бассейну внутри его. Стѣны эти зеленоваты, благодаря присутствію высокихъ пучковъ травы, и лишь кое-гдѣ проглядываютъ сѣрые или красноватые слои золы, базальта и лавы. Обрывъ такъ крутъ, что, кажется, можно докинуть камнемъ до стоящей въ кратерѣ шкуны или до крышъ четырехъ домиковъ, пріютившихся у бухты. Несмотря на то, что море спокойно, длинныя волны прибоя все же не-

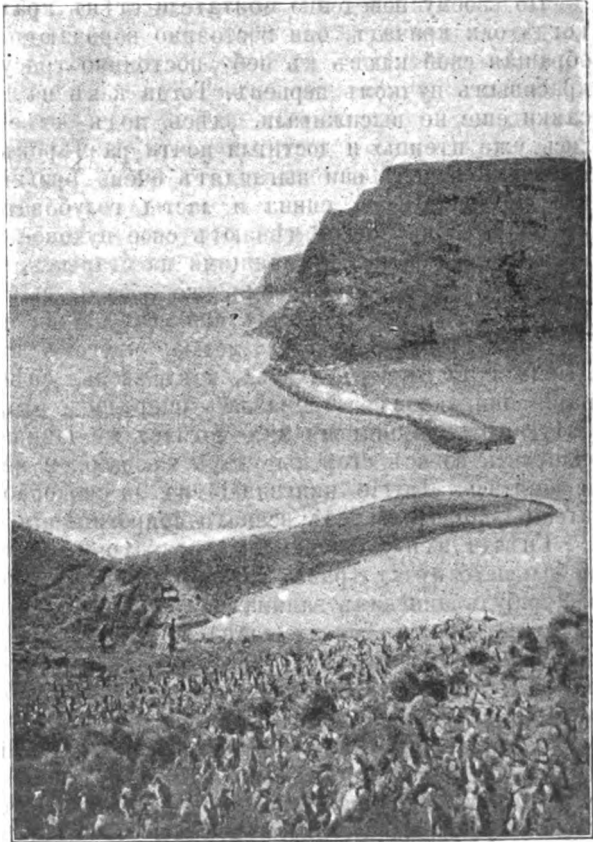

Рис. 51. Видъ на входъ въ внутреннюю лагуну о. Св. Павла.

смиръ вождя», № 6, июнь. отд. III.

прерывно разбиваются о барьеръ, и вулканическія скалы опоясываютъ островъ каймою бѣлой пѣны. Подъ ногами разстигается безконечное пространство Индійскаго океана, и взоръ находитъ себѣ точку опоры лишь въ нашемъ красивомъ суднѣ, стоящемъ на якорѣ (рис. 51).

Когда поднимаешься на стѣны кратера, цѣпляясь за траву, и доберешься примѣрно до середины, то не мало поражаетъ поднимающійся многоголосый крикъ. Взобравшись выше, встрѣчаешь огромное, пестрое общество пингвиновъ. Своей окраской и величиною они походятъ на хохлатыхъ пингвиновъ Кергуэльскихъ острововъ, но отличаются отъ нихъ болѣе длинными золотисто-желтыми пучками перьевъ на головѣ; при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи замѣчаются и другія отличія, изъ которыхъ укажемъ лишь на одинъ,—именно у *Eudyptes chryzocome* Кергуэльскихъ острововъ уголь рта и край нижней части клюва не покрыты перьями и представляетъ изъ себя мясо-красную полосу, тогда какъ у *Eud. chryzobrychus*, какъ былъ названъ видъ, встрѣчаемый на островѣ св. Павла, эти части оперены.

По своему поведенію обитатели стѣнъ кратера также отличаются—когда они кричать, они постоянно ворочаютъ шею во всѣ стороны и, обращая свой клювъ къ небу, постоянно трясутъ головою, украшенною красивымъ пучкомъ перьевъ. Тогда какъ на Кергуэльскихъ островахъ самки еще не высиживали, здѣсь, подъ болѣе теплымъ небомъ, вывелись уже птенцы и достигли почти размѣровъ взрослыхъ. Въ своемъ пуховомъ нарядѣ они выглядятъ очень оригинально и красиво; брюхо ихъ сѣжно-бѣлое, спина и лапы голубовато-сѣрые. Еще забавнѣе выглядятъ они, когда мѣняютъ свое пуховое опереніе: вырастающія новыя перья кажутся сидящими на старыхъ, какъ на толстой пушистой шубѣ, которая мѣстами уже обвалилась. Тысячи птенцовъ находились какъ разъ въ этомъ періодѣ линьки и производили впечатлѣніе какъ бы выдѣнныхъ молью, кругомъ нихъ летали въ воздухѣ пѣлыя тучи перьевъ и пуха, какъ хлопья снѣга. Нерѣдко пѣлая компанія пингвиновъ устремлялась впередъ и вторгалась въ область, занятую другими пингвинами,—тотчасъ же начинался неопуемый крикъ, сыпались во всѣ стороны удары клювами, и непрощенные гости снова изгонялись. Другіе пингвины сидѣли спокойно по своимъ мѣстамъ, и птенцы позволяли безъ всякаго сопротивленія брать себя въ руки.

Гнѣзда ихъ устроены безъ всякаго искусства,—они состоятъ изъ небольшого пучка травы, служащаго подстилкой. Нерѣдко одинъ какой-нибудь пингвинъ занималъ чужое гнѣздо и вызывалъ тамъ дѣлать бурю негодованія среди сосѣдей,—птицы энергично трясли пучками перьевъ на головѣ и, поймавъ свой клювъ вверхъ, посылали жалобы небу. Въ общемъ, должно замѣтить, что пребываніе среди обширной колоніи пингвиновъ, гдѣ вся почва покрыта пометомъ и выплюнутыми изъ клювовъ остатками головоногихъ и другой пищи, далеко не особенно приятно, и органамъ обонянія приходится сильно страдать.

Удивительно, какъ много труда затрачиваютъ пингвины при постоянныхъ спускахъ и подъемахъ по скаламъ. Явственно замѣтны тропинки, протоптанныя ими въ теченіе столѣтій,—по нимъ они спускаются съ высоты къ морскому берегу протявъ скалы Ниненивъ-Рокъ и затѣмъ опять поднимаются наверхъ, съ большимъ трудомъ неся добычу въ зобу. Птенцы были чрезвычайно жирны, такъ что мы невольно прониклись уваженіемъ къ заботамъ старшихъ пингвиновъ, которые все время то спускаются съ горы, то поднимаются и приносятъ своимъ птенцамъ пащу. При кормленіи птенцовъ они держатся

далеко одинъ отъ другого и всегда соблюдаютъ, чтобы не толклись около чужіе птенцы.

Рыбаки не ѣдятъ ни яецъ пингвиновъ, ни ихъ мяса, тѣмъ болѣе, что имъ доставляютъ достаточно мясныхъ продуктовъ выпущенные на островъ и одичавшіе кролики. Съ другой стороны, козы, которыхъ выпустила экспедиція «Новара», не развелись здѣсь, а различные виды овецъ были истреблены кроликами.

Какъ ни живописенъ видъ съ вулкана острова св. Павла, все же нельзя особенно позавидовать постояннымъ обитателямъ этого островка, имѣющаго лишь 3 морскія мили въ діаметрѣ. Здѣсь нѣтъ ни одного деревца, дающаго тѣнь, ни одного журчащаго ручья,—въ теченіе южной зимы здѣсь завываютъ бури, образуютъ вихрь внутри вулканической воронки и разводятъ страшную волну въ бассейнѣ кратера. По цѣлымъ днямъ приходится сидѣть обитателямъ въ своихъ каменныхъ лачугахъ, у которыхъ вѣтеръ нерѣдко срываетъ крыши, и ничто не нарушаетъ однообразія ихъ существованія: Бассейнъ кратера не доступенъ для крупныхъ судовъ, добываніе прѣсной воды здѣсь затруднительно, и потому суда, направляющіяся въ Австралію или въ Остъ-Индію, не заходятъ на островъ св. Павла. Единственное развлеченіе для постоянныхъ жителей острова—это, когда вдали покажется парусъ или дымокъ парохода, и, какъ свѣтлыя точки, сохраняются въ ихъ памяти среди однообразнаго фона повседневной жизни посѣщенія судовъ научныхъ экспедицій.

Въ 2 часа пополудни мы подняли якорь, прошли нѣсколько морскихъ миль въ восточномъ направленіи, и когда затѣмъ лотъ показалъ глубину 672 метра, попыталась спустить траль. Что мы находились надъ опаснымъ грунтомъ, показывало уже отсутствіе грунта въ лотовой трубкѣ, которая, очевидно, ударилась о скалу. Вскорѣ динамометръ указалъ значительное давленіе, свидѣтельствовавшее о томъ, что траль наша застряла. Мы имѣли все-таки возможность поднять его, но наверхъ онъ пришелъ въ очень грустномъ состояніи: не хватало половины желѣзной рамы, были потеряны оба желѣзныхъ груза, привязанныхъ къ концу сѣти, и мѣшокъ висѣлъ весь въ ключьяхъ. Несмотря на то, мы получили все же довольно обильную добычу. Повидимому, дно у острова св. Павла покрыто цѣлымъ гѣсомъ коралловъ, къ которымъ присоединяются роговые кораллы и морскія перья изъ рода *Anthoptilum*. Синеватый стержень ихъ покрытъ бѣлыми полипами, глотка и выросты желудка которыхъ просвѣчиваютъ въ видѣ мясо-красныхъ пятенъ. Кромѣ этихъ животныхъ, въ разорванномъ мѣшкѣ нашлись еще гидроидные полипы, кремневая губка, плеченогія, черви и сидяція на кораллахъ мясо-красныя актиніи.

Ночь была ясная и звѣздная, при совершенно спокойной погодѣ, и мы остановились въ виду острова Новаго Амстердама, такъ какъ предполагали слѣдующимъ утромъ произвести около него вѣкторыя работы. Когда мы подошли съ разсвѣтомъ къ острову, мы имѣли рѣдкій случай видѣть его совершенно свободнымъ отъ облаковъ, тогда какъ море въ то же время было гладко, какъ зеркало.

Надъ островомъ выдается постепенно поднимающіися вулканическій конусъ въ 920 метровъ вышины, на которомъ замѣтно лишь небольшое отверстіе кратера. Кромѣ того, уже издали замѣтны многочисленные второстепенные конусы, которыхъ при приближеніи къ острову съ сѣверо-востока насчитывается не менѣе 8; за исключеніемъ самой высокой вершины, выдѣляется лишь еще одна гора на западной

части острова. Уже всё предыдущіе посѣтителі острова убѣдились въ томъ, что онъ чрезвычайно трудно доступенъ. Вся южная и западная сторона его спускается крутымъ обрывомъ, около 80 метровъ высоты, прямо въ море, на востокъ и сѣверо-востокъ островъ ниже, но на берегу громоздятся такіе обломки лавы, что высадка невозможна. Лишь на сѣверо-востокъ берегъ плоскій, и при спосойной погодѣ является возможность высадиться на пляжкѣ. Здѣсь командиръ «Эвры» поставилъ въ январѣ 1898 г. флагштокъ и устроилъ складъ провіанта. Подойдя на 4 мили къ острову и оставивъ здѣсь тралъ на глубину 1.463 метр., не давшій большихъ результатовъ, мы направились прямо къ острову, чтобы попытаться высадиться. Мѣсто, удобное для якорной стоянки, было найдено нами вблизи отъ сѣверо-восточнаго берега. Какъ сообщали намъ рыбаки на островѣ св. Павла, у береговъ Новаго Амстердама находятся чрезвычайно вкусныя рыбы и лангусты, и, вѣроятно, благодаря этому обстоятельству, здѣсь особенно часто встрѣчаются киты. Мы видѣли нѣсколькихъ на небольшомъ разстояніи отъ судна.

Уже издали мы замѣтили на обрывахъ множество черныхъ и красноватыхъ точекъ, разсыянныхъ по склонамъ и двигавшихся. Мы терзались въ догадкахъ: что они изъ себя представляютъ, тѣмъ болѣе, что ни въ одномъ изъ путешествій не упоминалось о существованіи здѣсь крупныхъ наземныхъ животныхъ. Наше мнѣніе было велико, когда, подойдя ближе, мы замѣтили, что это стада быковъ, пасшихся какъ вблизи береговъ, такъ и выше по склонамъ.

Одинъ коричневый быкъ занялъ позицію около флагштока, съ изумленіемъ глядя на парходъ и билъ себя хвостомъ по бокамъ. Къ встрѣчѣ съ такимъ внушающимъ уваженіе защитникомъ трехцвѣтнаго флага противъ германскихъ пришельцевъ мы совершенно не были подготовлены! Оба нашихъ лучшихъ стрѣлка, первый помощникъ и штурманъ горѣли желаніемъ поохотиться. Никто не оспаривалъ ихъ права перваго выстрѣла, мы спустили лодку и удачно пристали къ острову. Прячась за обломки скалъ, старшій помощникъ началъ подкрадываться къ быку, находившемуся въ 100 метрахъ отъ берега, и выстрѣлилъ. Надо думать, что вслѣдствіе волненія, охватившаго стрѣлка, также какъ и зрителей на парходѣ, пуля его, миновавъ быка, ударила въ скалу вулканическаго туфа и точно такъ же пролетѣла мимо и вторая. Тогда, однако, положеніе сдѣлалось критическимъ,—быкъ вагнувъ голову впередъ и направился къ своему противнику, лишь послѣ третьяго выстрѣла онъ остановился и затѣмъ медленно, съ сознаниемъ одержанной побѣды, возвратился не торопясь къ коровамъ и телятамъ, которые уже давно убѣжали внутрь острова.

Лавры товарища не давали покоя нашему штурману. Онъ началъ подкрадываться ко второму огромному черному быку, котораго мы наблюдали уже болѣе часа. Ему удалось подъ прикрытіемъ обломковъ скалъ подкрасться къ животному и удачнымъ выстрѣломъ подъ лопатку повалить его на землю. Раздалось громкое «ура», но въ этотъ же самый моментъ быкъ опять поднялся на ноги, подбросилъ рогами нѣсколько обломковъ лавы въ вышину и напалъ на одного изъ матросовъ, который преждевременно подскочилъ къ нему слишкомъ близко. Счастье еще, что во-время раздался второй выстрѣлъ, повалившій въ спинной мозгъ и окончательно убившій животное.

Команда принялась сдирать шкуру по всѣмъ правиламъ искусства и перетаскивать пудовые куски мяса на берегъ. Всеобщее изумленіе

возбуждать нажежный покровъ животного—длинная мохнатая шерсть и длинная кисть на концѣ хвоста, а также и черепъ съ огромными рогами. На слѣдующій день мы имѣли удовольствіе, какого давно уже были лишены, именно ѣли свѣжія котлеты; надо, впрочемъ, сознаться, что врадѣ ли кому приходилось дѣлать котлеты изъ такого жесткаго мяса.

Не было возможности добыться, какимъ способомъ попали быки на островъ Новой Амстердамы. Командиръ «Эвры», высадившійся на островъ въ 1898 г. и упоминающій въ своемъ отчетѣ все, что можетъ быть полезно для потерпѣвшихъ у острова кораблекрушеніе, совершенно не говоритъ ничего о быкахъ, равно какъ и прежніе посѣтители острова. Если ихъ высадили съ тою цѣлью, чтобы дать возможность судамъ получать свѣжее мясо, то цѣль эта плохо достигнута. Коровы и быки бѣгаютъ по обрывамъ съ такою быстротою, что человекъ за ними не можетъ поспѣть. Для потерпѣвшихъ же кораблекрушеніе, не обладающихъ огнестрѣльными оружіемъ, охота на быковъ слишкомъ опасна, — въ этомъ отношеніи было бы полезнѣе высадить кроликовъ и козъ. Можно было бы также порекомендовать упоминать въ руководствѣ къ мореплаванію, что здѣсь можно добыть въ огромномъ количествѣ лагустовъ, которые легко могутъ быть выловлены при помощи вентерей, сплетенныхъ изъ матеріала, находящагося на островѣ.

Послѣ описаннаго боя быковъ, путь былъ очищенъ для болѣе подробнаго ознакомленія съ островомъ. Вся поверхность его покрыта огромными вулканическими бомбами, которыя дѣлаютъ хожденіе по острову чрезвычайно затруднительнымъ и нерѣдко небезопаснымъ. Насколько трудно передвигаться по острову, можно судить по слѣдующему примѣру: 24-го августа 1853 г. около Новаго Амстердама разбилось англійское судно «Меридіанъ». Случайно проходившій мимо китобой замѣтилъ сигнальный огонь, разложенный на островѣ потерпѣвшими крушеніе, но благодаря сильному прибою не могъ ихъ взять. Сигналами дали имъ понять, чтобы они съ южнаго берега перешли на северо-восточную сторону острова, гдѣ ихъ возьмутъ шлюпки. Несмотря на то, что островъ имѣетъ всего лишь 5 морскихъ миль въ ширину, несчастнымъ повнадобилось не менѣе пяти дней, чтобы добраться до того мѣста, гдѣ и мы устроили нашу высадку.

Всюду виднотъ черныя отверстія, въ которыя легко проваливается нога; приходится радоваться, когда отъ вращенія до времени попадетъ подъ ноги гладкая базальтовая поверхность, дающая твердую опору. Нерѣдко края базальтовыхъ покрововъ свѣшиваются и образуютъ глубокіе гроты, въ которыхъ можно найти защиту отъ непогоды. Вулканическая природа острова сказывается уже издали присутствіемъ черноватыхъ вулканическихъ конусовъ, которые встрѣчаются всюду, какъ вблизи берега, такъ и по бокамъ главнаго конуса. Два ближайшихъ конуса, расположенныхъ выше флагштока, недалеко отъ мѣста высадки, составляютъ цѣль нашей прогулки. Они оказались сложными изъ черныхъ бомбъ и шлаковъ чрезвычайно правильной формы и настолько мало разложившимися, что это указываетъ, несомнѣнно, на недавность изверженія.

Природа носила отпечатокъ мрачной пустыни, скрашиваемой лишь богатой травяной растительностью, настоящимъ ковромъ травы. Болѣе всего бросаются въ глаза встрѣчающіеся и на островѣ св. Павла кусты *Poa Novarae* и *Scirpus nodosus*, достигающіе половины человѣ-

ческаго роста, ближе къ берегу они замѣщаются другими красивѣе-злакомъ *Spartina arundinacea*. Между травами произрастають папоротники изъ родовъ *Nephrodium* и *Aspidium* и встрѣчающаяся на Кергуальскихъ островахъ *Lomuria alpina*. Особенно во впадинахъ, хорошо защищенныхъ со всѣхъ сторонъ обломками вулканическихъ породъ, мы находили прямо великолѣпные экземпляры папоротника *Nephrodium*, листья котораго достигали въ вышину полутора метра. Съ большою радостью встрѣтили мы здѣсь опять сверхне низкое дерево *Phylica nitida*, которое, какъ это ни странно, встрѣчается опять вмѣстѣ съ *Spartina arundinacea* на островѣ Триставъ-д'Акунья, однако лежащемъ въ южномъ Атлантическомъ океанѣ. Деревца эти то стоятъ въ одиночку, то собраны въ небольшія рощицы.

Хотя ландшафтъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и напоминалъ область травянистыхъ луговъ Камерунскаго Пика, но все же бросалось въ глаза, что растенія, покрытыя яркими цвѣтами, совершенно отсутствовали,—признакъ приспособленія растеній къ опыленію цвѣтовъ вѣтромъ, общій всѣмъ этимъ мѣстностямъ, обвѣваемымъ столь сильными вѣтрами.

Нигдѣ въ окрестностяхъ мы не замѣчали текущей воды. Препіе посѣтители острова сообщаютъ, правда, что она имѣется на южной сторонѣ острова, и, разумѣется, существованіе быковъ было бы совершенно необъяснимо, если бы лѣтомъ прѣсная вода здѣсь совершенно не всякала.

На обломкахъ базальта, нагроможденныхъ по берегу, во множествѣ гнѣздятся хохлатые пингвины, птенцовъ которыхъ мы замѣтили ввнутри острова въ области травы. Они находятъ себѣ обильную пищу въ обитающихъ здѣсь во множествѣ морскихъ организамахъ. Въ лужахъ морской воды, остающихся между скадами, растутъ изящные кусты красныхъ и известковыхъ водорослей, и между ними двигаются многочисленныя мелкія ракообразныя и морскіе ежи. Приспособленіе къ сильному прибою, замѣчаемому тамъ, сказывалось въ особенности наглядно у морскихъ звѣздъ, пятиугольное тѣло которыхъ прикрѣплялось къ поверхности скалъ точно присоскою и могло быть отдѣлено нерѣдко лишь съ большимъ трудомъ.

Между тѣмъ, нашъ океанографъ освидѣтельствовалъ складъ, устроенный «Эврою», который легко было найти по флагштоку и надписи. Оказалось, что за это время островъ былъ посѣщенъ людьми, такъ какъ изъ 13 бочекъ, оставленныхъ «Эврою», полными и нетронутыми остались лишь 8.

Пробывъ на островѣ 4 часа, мы подняли въ 3 часа дня якорь. Кто-то изъ бывшихъ на островѣ, очевидно, неосторожно обращался съ огнемъ, и мы замѣтили, что сухіе кусты травы выше мѣста нашей высадки загорѣлись. Этотъ степной пожаръ, подхваченный вѣтромъ, сталъ распространяться, и мы съ судна наблюдали такое же зрѣлище, какъ нѣкогда экспедиція «Новары»: на островѣ поднимались густыя облака дыма, и издали можно было подумать, что происходитъ вулканическое изверженіе.

Недалеко отъ берега, на 500 метрахъ глубины, мы попробовали опять спустить драгу. Она принесла намъ почти исключительно одні вулканическія лапилли, на которыхъ находилось лишь очень немногое животныхъ. Область распространенія извергаемыхъ вулканами Нового Амстердама камней, вѣроятно, необыкновенно обширна, такъ какъ на

еще на слѣдующій день, въ разстояніи уже 114 миль и на глубинѣ 2.414 метровъ, подняли тралъ, биткомъ набитый тяжелыми базальтовыми бомбами.

Покинувъ Новый Амстердакъ, мы взяли нашъ курсъ нѣсколько на сѣверо-востокъ, чтобы попасть возможно ближе къ линіи промѣровъ, произведенныхъ судномъ «Энтерпризъ». Мы вступили въ область максимумовъ атмосфернаго давленія, что и сказалось положеніемъ барометра на 775 мм. Послѣ тѣхъ бурныхъ дней, которые мы провели до прихода къ островамъ св. Павла и къ Новому Амстердаму, мы съ необыкновеннымъ удовольствіемъ видѣли, что солнце не сходитъ съ постоянно голубого неба. Правда, одновременно повысилась чрезвычайно быстро и температура, такъ что мы 9-го января имѣли уже 21,5°, а черезъ недѣлю и настоящую тропическую жару въ 28°. Вскорѣ на палубѣ опять начали устраивать души, не было больше никакого влеченія къ согрѣвающему грогу, пришлось извлечь тентъ, и вечера проводились на палубѣ, причемъ приходилось любоваться неопишуемой роскошью южнаго звѣзднаго неба. Облака Магеллановаго созвѣздія явственно выдѣлялись направо отъ Млечнаго Пути, точно такъ же рѣзко обрисовывалось лишенное звѣздъ поле между Южнымъ Крестомъ и Млечнымъ Путемъ,—такъ называемый «Мѣшокъ съ углями», и съ особымъ великолѣпіемъ блистагъ Орионъ. Я никогда не могъ себѣ объяснить, почему это оказываютъ такое особое вниманіе Южному Кресту и считаютъ его самымъ выдающимся изъ всѣхъ южныхъ созвѣздій—онъ совершенно не заслуживаетъ такого предпочтенія и теряется среди другихъ великолѣпныхъ созвѣздій.

Поверхность моря была гладка, какъ зеркало, и покрылась 5-го января животными, которыя въ субъантарктическихъ водахъ совершенно отсутствовали. Мелкія и крупныя физаліи колыхались на поверхности моря, перемежанныя съ синими парусниками (*Veella*); къ нимъ присоединялись колоніальные радиоляріи, сифонофоры, сальпы и небесно голубые крабы изъ рода *Halicarcinus*, которые тщательно обыскивали борта нашего судна. Чрезвычайно интересное зрѣлище наблюдали мы 6-го и 7-го января: гдѣле длиннѣйшіе ряды альбатросовъ сидѣли на поверхности моря и поднимались съ нея лишь когда нашъ пароходъ подходилъ къ нимъ слишкомъ близко. Мнѣ удалось подстрѣлить 4 изъ нихъ съ лодки, и они оказались представителями желтоклюваго альбатроса (*Diomedea chlororhynchus*); это были великолѣпныя птицы съ черными крыльями, которыя рѣзко выдѣлялись на сѣжно-бѣломъ тѣлѣ, темный клювъ ихъ на верхней сторонѣ имѣлъ красновато-желтую полосу. Очевидно, птицы эти собирались въ такія огромныя стаи, чтобы отправляться на свои гнѣздовья. Шаундландъ припомнилъ изъ своего пребыванія на одиноко расположенномъ въ Тихомъ океанѣ островѣ Лейзанъ, что альбатросы появлялись тамъ въ точно опредѣленный день огромными стаями и принимались за кладку и высиживание яицъ. Несомнѣнно, и эти желтоклювые альбатросы избираютъ такую спокойную область моря для того, чтобы затѣмъ отправиться вмѣстѣ въ дальнѣйшее путешествіе.

Покинувъ эту компанію альбатросовъ, мы замѣтили поздне, что жизнь пернатого царства вокругъ нашего судна чрезвычайно быстро стала убывать. Послѣднихъ сѣрыхъ альбатросовъ мы встрѣтили у

острова св. Павла, послѣдняго *Majaquens* мы застрѣлили 7-го января, и съ тѣхъ поръ наши постоянные пернатые проволочные стали походить все рѣже и рѣже. ☐

Послѣ того, какъ мы покинули Новый Амстердамъ, наши прогѣры не показывали постепеннаго увеличенія глубины, а обнаруживали сильно складчатый рельефъ дна; лишь 11-го января подъ 28° юж. шир. и 92° вост. долг. мы вступили въ область, гдѣ была найдена глубина въ 4.000, а затѣмъ и болѣе 5.000 метровъ. Одновременно оказалось, что грунтъ дна состоитъ изъ характерной, такъ называемой красной глины (*red clay*), которая обыкновенно встрѣчается на большахъ глубинахъ въ тропическихъ моряхъ. Лотъ нерѣдко погружался глубоко въ нее и приносилъ на поверхность шеколадно-коричневую вязкую массу, которая, будучи высушена, дѣлалась очень твердой и принимала нѣсколько болѣе свѣтлую окраску. Въ виду того, что нахождение этого грунта въ данной области Индійскаго океана до тѣхъ поръ не было доказано, должно замѣтить, что красная глина была прослѣжена нами на протяженіи около 10 градусовъ широты до окрестности Кокосовыхъ острововъ.

Подъ 27° шир. мы встрѣтили индійскій юго-восточный пассатъ, первоначально слабый, затѣмъ разыгравшійся въ бурю и въ теченіе нѣсколькихъ дней мѣшавшій намъ производить болѣе сложныя работы.

Быстрый переходъ изъ холодной области въ болѣе теплую былъ перенесенъ большинствомъ сочленовъ экспедиціи безо всякихъ дурныхъ послѣдствій, но оказался, однако, гибельнымъ для одного изъ нашихъ товарищей по путешествію, заслужившаго всеобщую любовь и уваженіе. Нашъ врачъ, д-ръ Бахманнъ, чувствовавшій себя еще прекрасно на островѣ св. Павла и на Новомъ Амстердамѣ, при вступленіи въ теплую область, заболѣлъ давнишнимъ тяжелымъ недугомъ, связаннымъ съ сильными мигренями. Мы видѣли его послѣдній разъ мелькомъ вечеромъ 13-го января, когда же утромъ 14-го отворили его каюту, онъ оказался мертвымъ на койкѣ.

Въ немъ мы потеряли необыкновенно способнаго врача, прекрасно освѣдомленнаго въ медицинской наукѣ. Изъ чисто научнаго интереса оставилъ онъ свою, для молодого врача блестящую практику и принялъ участіе въ экспедиціи. Передъ отправленіемъ, онъ специально подготовился по бактериологіи и, руководствуясь совѣтами профессоровъ Флюгге, Коха и Фишера, устроилъ превосходную бактериологическую лабораторію на борту «Вальдивія». О способностяхъ его проф. Фишеръ говоритъ слѣдующее: «Въ докторѣ Бахманнѣ, участвовавшемъ въ экспедиціи въ качествѣ врача и бактериолога, мы имѣли талантливаго и ревностнаго изслѣдователя, получившаго прекрасную подготовку въ институтѣ Флюгге. Насколько хорошо онъ подготовился къ своей задачѣ бактериологическаго изслѣдованія, въ этомъ я лично могъ убѣдиться, когда онъ за нѣсколько недѣль до начала экспедиціи посѣтилъ меня въ Килъ, чтобы посоветоваться о программѣ работъ и снаряженіи. Главною задачею своею онъ поставилъ изслѣдованіе морскаго дна и глубокихъ слоевъ воды, но имѣлъ также въ виду, насколько позволятъ обстоятельства, изучить и распределеніе бактерий на морской поверхности, въ особенности въ тѣхъ областяхъ Атлантическаго и Индійскаго океановъ, которыя не были еще въ этомъ отношеніи изслѣдованы. Безжалостная судьба не позволила ему довершить то дѣло, которому онъ посвятилъ всѣ свои силы».

Мы обязаны доктору Бахманну тѣмъ важнымъ выводомъ, что, какъ въ глубокихъ слояхъ воды, такъ и въ пробахъ грунта даже съ наиболѣе значительныхъ глубинъ находятся бактеріи. Когда позднѣе частые припадки маляріи у многихъ членовъ экспедиціи отрывали его отъ научныхъ занятій, онъ поставилъ себѣ задачей изучить измѣненія, которыя производятся паразитами маляріи въ красныхъ кровяныхъ тѣлцахъ. Это являлось тѣмъ болѣе интереснымъ, что послѣ нашего отхода изъ Камеруна дальнѣйшая возможность зараженія маляріей была предотвращена. Самоотверженія, съ которыми онъ улаживалъ за своими пациентами, больными маляріей, причѣмъ нерѣдко ему приходилось нечъ превращать въ день, никто изъ насъ не забудетъ. Для насъ было тяжелымъ ударомъ, когда мы лишились этого талантливаго и преданнаго душою дѣлу соотаварища, и ударъ этотъ отягчался еще сознаниемъ, что теперь при заболѣваніяхъ и несчастныхъ случаяхъ мы будемъ лишены совершенно компетентной медицинскои помощи. Потрясенные до глубины души, предали мы его тѣло 15-го января волнамъ Индійскаго океана, передъ собранной на палубѣ командой, послѣ нѣсколькихъ словъ сказанныхъ начальникомъ экспедиціи и капитаномъ. Случаю угодно было, чтобы какъ разъ въ этотъ день промѣръ нашъ показалъ наиболѣе значительную изъ всѣхъ найденныхъ нами глубину въ 5911 метровъ. Прахъ нашего товарища покоится теперь на морскихъ глубинахъ, тишина которыхъ никогда не будетъ нарушена, и изученіе которыхъ ставило задачу его жизни.

Юго-восточный пассатъ, въ который мы вступили 11-го января, значительно усилился и заставилъ насъ отказаться отъ работы глубоководными сѣтями. Лишь 17-го января вблизи Кокосовыхъ острововъ рѣшились мы произвести драгировку вблизи коралловыхъ рифовъ. Повидимому, рифы эти очень круто спускаются на глубину, такъ какъ всего лишь въ двухъ миляхъ отъ самаго большаго изъ острововъ мы нашли огромную глубину въ 2.154 метра. Во время работъ драгою мы имѣли возможность любоваться своеобразнымъ зрѣлищемъ коралловаго острова, едва поднимающагося надъ водной поверхностью и окаймленнаго пальмами. Этотъ островъ, называемый о. Росса, былъ интересенъ еще и въ историческомъ отношеніи, — именно на немъ провела два мѣсяца Дарвинъ, и изученіе его послужило фундаментомъ къ его классическому изслѣдованію коралловыхъ рифовъ. Мы ясно видѣли домъ Росса, на которомъ было поднятъ англійскій флагъ, не могли, однако, рѣшиться провести здѣсь болѣе продолжительное время, въ особенности, когда наша драга дала очень скудные результаты. Мы имѣли къ тому же въ виду, что позднѣе, на Маледивскихъ островахъ и въ архипелагѣ Хагосъ будемъ имѣть достаточно случаевъ познакомиться съ коралловыми атоллами.

Когда мы покинули Кокосовые острова, погода вскорѣ переменилась. Температура еще утромъ поднялась до 28°, небо было покрыто облаками, и временами на наше судно лихавались кѣлые потоки тропическаго дождя. Мы были въ области сѣверо-западнаго муссона, который и разыгрался 19-го января. У Кокосовыхъ острововъ проба грунта показала, что дно покрыто глобигериевымъ иломъ и коралловымъ пескомъ. Когда же мы попали снова на болѣе значительныя глубины, составъ грунта дна быстро измѣнялся. 19-го января мы нашли на 5248 метровъ глубины чистый радіоляріевый илъ, который послѣ промки далъ безконечное количество изящнѣйшихъ кремневыхъ скелетовъ радіолярій. На одномъ единственномъ микроскопическомъ препа-

ратѣ приходилось встрѣчать такое обиліе и разнообразіе формъ, что наблюдателю понадобился бы цѣлый годъ для того, чтобы зарисовать всѣ эти различные скелеты и изучить ихъ. Въ виду того, что на красной глинѣ по предыдущимъ опытамъ водится очень мало организмовъ, мы рѣшили спустить тралъ на болѣе подходящемъ радіоляріевомъ грунтѣ, — этотъ тралъ былъ самымъ глубокимъ изъ поднятыхъ экспедиціею. Намъ было выпущено 7.000 метровъ стального троса и черезъ 9 часовъ, въ 5 часовъ дня тралъ оказался снова на палубѣ. Богатаго сбора уже заранѣе нельзя было ожидать, но зато организмы, поднятые съ такой огромной глубины, гдѣ они живутъ подѣ давленіемъ болѣе чѣмъ 500 атмосферъ, всегда представляютъ особый интересъ. Въ сѣти трала находилась морская звѣзда, относящаяся къ роду *Styracaster* (рис. 52), множество фіолетовыхъ обломковъ поломавшагося морского ежа и, кромѣ того, 5 активній изъ рода *Ceranthus*, сидѣвшихъ въ кожаныхъ

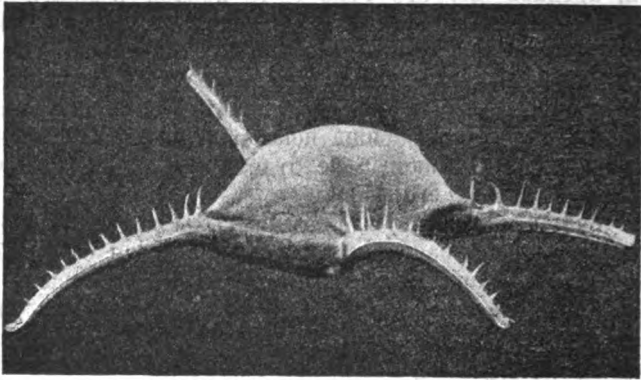

Рис. 52. Морская звѣзда *Styracaster sp.*

трубкахъ, длиною около фута; къ нимъ присоединялась небольшая глубоководная губка и обломки голотурій. Въ общемъ добыча эта показывала, что и на такой значительной глубинѣ находятъ еще возможнымъ существовать цѣлый рядъ организмовъ.

Давленіе водяного столба было такъ сильно, что нашъ глубоководный термометръ былъ имъ раздавленъ. Лишь на слѣдующій день могли мы убѣдиться въ томъ, что на глубинѣ 4.883 метровъ наблюдается температура въ 1,1°. Такая низкая температура была бы совершенно необъяснимой, если бы холодная антарктическая вода не распространялась постепенно вплоть до окрестностей Зондскаго архипелага.

Нашъ взумило обиліе свободно плавающихъ глубоководныхъ организмовъ, добытыхъ въ этой области. Вертикальная сѣть, спущенная 18-го января до 2.500 метровъ глубины, принесла намъ массу рѣдчайшихъ глубоководныхъ формъ, между которыми находилось не менѣе 4 новыхъ видовъ ярко-красныхъ раковъ изъ рода *Notostomus*, кроваво-красная *Gnathophausia*, 5 представителей удивительно прозрачныхъ амфиподъ *Thaumatops*, 3 новыхъ головоногихъ, у одного изъ которыхъ находились стебельчатые глаза и, наконецъ, бѣловатая рыба, съ глазами, направленными вверхъ и также имѣющими видъ телескоповъ. Кромѣ

того, въ этомъ сборѣ имѣлось огромное количество интереснѣйшихъ червей, садьгъ, крылоногихъ моллюсковъ, медузъ и мелкихъ ракообразныхъ—трудно представить себѣ, сколько времени и труда потребуется для того, чтобы разобратъся впоследствии въ этихъ цѣнныхъ и по большей части новыхъ формахъ и сколько времени займетъ ихъ описаніе!

Желтоклювый альбатросъ (*Diomedea chlororhynchus*).

ГЛАВА XIII.

Суматра.—Бухта Эммы.—Падаангъ.—Поѣздка въ Падаангъ-Пандянгъ.—Бовенландъ.

Когда мы вечеромъ 20-го января впервые послѣ двухъ мѣсяцевъ увидѣли огни встрѣчнаго парохода, мы убѣдились въ томъ, что попали теперь уже въ болѣе часто посѣщаемыя области. Быстрое уменьшеніе морской глубины указывало на приближеніе къ Суматрѣ, которая и дѣйствительно показалась вдали утромъ 21-го января. Какъ нѣкогда при приближеніи къ Викторіи, такъ и теперь небо было затянуто густыми дождевыми облаками, низвергавшими на насъ потоки ливня. Но вскорѣ небо расчистилось, и, проходя мимо одного изъ самыхъ южныхъ острововъ, которые располагаются впереди западнаго берега Суматры, именно острова Триесте, мы замѣтили вырисовывающіеся на голубомъ фонѣ неба высокіе конусы хребта Баризанъ. Волны улеглись, и мы вступили въ область моря, ограничиваемую Суматрой и расположеннымъ передъ нею рядомъ острововъ,—область эта позднѣе поразила насъ не только богатствомъ своихъ подводныхъ сокровищъ, но и въ высшей степени своеобразнымъ распредѣленіемъ температурныхъ условій. Ночью на 22-ое января дождь былъ такъ силенъ, что вода проникла чрезъ всѣ люки и попала даже въ нашу каютъ-компанію. Одно-временно, благодаря бурному сѣверо-западному муссону, воздухъ сдѣлался настолько туманнымъ, что ночью пришлось подавать сигналы паровымъ свисткомъ. Съ наступленіемъ утра туманъ, однако, разсѣялся, и передъ нами открылась картина, отъ которой трудно было оторваться. Горы Суматры поднимаются въ видѣ трехъ или четырехъ этажей, и надъ ними парятъ затянутые прозрачною голубоватою дымкою конусы вулкановъ. Долины были скрыты отъ взоровъ завѣсою облаковъ, которыя поддерживаютъ постоянную сырость въ дремучихъ дѣвственныхъ лѣсахъ, спускающихся по склонамъ. Въ море выдвигается цѣлый рядъ коралловыхъ острововъ и рифовъ, дѣлающихъ судоходство вблизи берега очень затруднительнымъ. Всѣ они, какъ и самый берегъ, покрыты густымъ лѣсомъ и по краю окаймлены пальмами, верхушки которыхъ склоняются надъ волнами моря. Взоръ не можетъ пресытиться зрѣлищемъ этихъ то низкихъ, то поднимающихся въ видѣ огромныхъ куполовъ зеленыхъ островковъ, — они положительно напоминаютъ плавающія корзины съ цвѣтами. Вдоль южнаго склона хребта Баризанъ страна населена, по-видимому, не густо, и, лишь приближаясь къ Падаангу, мы замѣтили болѣе явственныя слѣды дѣятельности человѣка.

Въ воскресенье въ 5 часовъ дня 22-го января мы встали на якорь въ красивой бухтѣ Эммы, составляющей часть залива Королевы. Устройство здѣсь гавани было закончено лишь въ 1892 г.; она защищена

гораздо лучше открытаго рейда Паданга далеко выдающемся въ море горю Обезьянь и представляетъ изъ себя прекрасное убѣжище для разгрузки судовъ. Съ Падангомъ и съ угольными копями въ горахъ гавань Эммы соединена желѣзной дорогой и представляетъ изъ себя естественный исходный пунктъ для тѣхъ богатствъ острова, которыя иначе не могли бы быть вывезены по морю. Съ начала лѣта 1900 года пароходы германско-австралийской компаніи заходятъ на обратномъ пути изъ Австраліи разъ въ мѣсяць въ Падангъ и конкурируютъ съ голландскими пароходными обществами, которыя до тѣхъ поръ одни только доставляли товары съ западной Суматры.

Мы пробыли 8 дней въ этой тихой и идиллической гавани на якорѣ и успѣли, положительно, полюбить ее и ея красивыя окрестности, несмотря на то, что при защищенномъ положеніи бухты температура здѣсь иногда становилась невыносимо высокою.

Заливъ Королевы, сѣверо-западный уголъ котораго обращенъ въ гавань, окруженъ широкимъ полукругомъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ до самаго моря. Горы эти напоминаютъ по формѣ древній кратеръ и защищаютъ отъ восточныхъ и сѣверо-западныхъ вѣтровъ. Отъ сѣверо-западнаго берега залива тянется возведенный недавно молъ, который защищаетъ отъ волнъ съ юго-запада и юга. При возведеніи фундамента для стѣнъ набережной, построекъ станціи и огромныхъ сараевъ, служащихъ для угля, натолкнулись на затрудненіе, состоявшее въ томъ, что противъ всѣхъ ожиданій коралловая банка оказалась очень значительной толщины, всего лишь въ 4—8 метровъ и располагалась на иловатой почвѣ. Потому пришлось сдѣлать постройки насколько возможно легкими и при помощи остроумныхъ приспособленій постараться придать имъ возможно большую устойчивость.

Живыя колоніи коралловъ, между которыми снуетъ множество темныхъ морскихъ ежей, морскихъ звѣздъ и голотурій, покрываютъ дно бухты и въ хорошо защищенныхъ мѣстахъ образуютъ иногда настоящіе подводные сады и гроты, великолѣпные красокъ которыхъ нельзя вообразить, обладая даже самой пылкой фантазіей.

Послѣ того, какъ были окончены обычныя формальности, и судно наше поставлено на якоря, я отправился уже вечеромъ въ Падангъ, чтобы получить столь долго ожидаемая всѣми вѣсти съ родины отъ нашего консульства и телеграфировать о возвращеніи «Вальдивіи» изъ антарктическаго моря.

Въ Падангѣ, находящемся въ 7 километрахъ отъ гавани Эммы, мы встрѣтили нашего консула г. Шильда, которому было уже сообщено о приходѣ «Вальдивіи»; отъ него мы получили три тяжелыхъ тюка корреспонденціи и воспользовались затѣмъ любезнымъ приглашеніемъ его къ ужину. Наступила уже ночь, и намъ казалось, что мы перенесли въ какую-то сказочную страну, въ особенности, когда мы возвращались домой въ экипажѣ, управляемомъ малайцемъ: мы ѣхали чрезъ густыя заросли пальмъ и бамбука при ослѣпительномъ свѣтѣ луны, мимо скрытыхъ въ кустарникахъ бамбуковыхъ хижинъ туземцевъ, въ воздухѣ мелькали мириады свѣтящихся жуковъ—все это такъ вліяло на насъ послѣ нашего утомительнаго путешествія, что намъ, дѣйствительно, казалось, будто это не дѣйствительность, а одна изъ сказокъ 1.001 ночи! Хотя мы и вернулись уже довольно поздно, всѣ наши со товарищи еще не спали и съ ликованіемъ встрѣтили долго жданныя вѣсти изъ дому.

На слѣдующій день намъ пришлось сдѣлать визиты голландскимъ

властямъ, которымъ было поручено генералъ-губернаторомъ Батавіи оказывать намъ всякое содѣйствіе. Въ такомъ приказаніи, однако, не ощущалось особой надобности, такъ какъ и безъ того мы были встрѣчены настолько любезно, насколько вообще было возможно. Прежде всего намъ пришлось позаботиться о томъ, чтобы постараться добыть врача, который согласился бы сопровождать насъ во время дальнѣйшаго путешествія. Я былъ очень обрадованъ, когда встрѣтилъ въ началникѣ голландскаго медицинскаго управленія Суматры соотечественника, а именно полковника Куверта изъ Шлеаи. Онъ телеграфировалъ въ Батавію, предлагая участіе въ экспедиціи одному голландскому военному врачу, но, къ сожалѣнію, тотъ за день передъ тѣмъ уѣхалъ съ острова. Намъ пришлось волей-неволей отказаться отъ нашего намѣренія, и оставалась лишь надежда, что, быть можетъ, удастся заимѣнить безвременно скончавшагося доктора Бахманна на Цейлонѣ.

Падангъ представляетъ изъ себя типичный тропическій городъ, растянувшійся до безконечности: онъ пересѣченъ широкими и содержимыми въ превосходномъ порядкѣ улицами по всѣмъ направленіямъ. Ориентироваться въ городѣ тѣмъ не менѣе довольно легко, такъ какъ каждая часть его носитъ особый характеръ.

Жителей въ Падангѣ, какъ мнѣ сообщалъ консулъ, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, около 3.300; изъ нихъ 1.900 европейцевъ (въ томъ числѣ войска и индоевропейцы), 26.000 туземцевъ малайцевъ, 4.000—китайцевъ, 1.000—арабовъ и индусовъ. Остатокъ приходится на долю туземцевъ острова Нiasъ, которымъ европейцы, какъ привлекшимъ рабочимъ, плотникамъ и садовникамъ, оказываютъ предпочтеніе передъ малайцами. Центръ торговли находится на правомъ берегу рѣки Паданга, —здѣсь расположены всѣ конторы и склады большихъ торговыхъ домовъ, а также консульства, различныя административныя учрежденія и обширныя правительственныя склады кофе. Естественный путь сообщенія въ дѣловой части города доставляетъ рѣка Падангъ, которая отъ устья приблизительно на полтора километра вверхъ по теченію доступна для плаванія малайскихъ джонокъ. Вокругъ этия послѣднихъ, стоящихъ по обѣ стороны рѣки на якоряхъ, постоянно кипитъ жизнь полная движенія: съ нихъ непрерывно выгружаются различныя продукты береговой полосы и расположенныхъ около Суматры островковъ, —такими продуктами является дерево, тростникъ, различныя смолы, копра, кокосовыя орѣхи, рисъ, различныя плоды и домашняя птица.

Къ торговому кварталу примыкаетъ китайскій кварталъ, который здѣсь, какъ и вездѣ, получаетъ своеобразный національный отпечатокъ, сообщаемый сынами Поднебесной имперіи каждому населенному ими мѣсту. Передъ своими домиками, построенными изъ камня и выведенными вслѣдствіе постоянныхъ землетрясеній лишь въ одинъ этажъ, торговцы-китайцы раскладываютъ со вкусомъ и умѣньемъ мѣстные и европейскіе товары. Могу лишь засвидѣтельствовать, что всюду, гдѣ намъ приходилось дѣлать закупки у китайскихъ торговцевъ, товары отпускались намъ очень добросовѣстно и съ изысканною любезностью. Какъ мнѣ говорили, китайцевъ вообще не считаютъ здѣсь нежелательными пришельцами, и въ рукахъ ихъ сконцентрировалась значительная часть наиболѣе важныхъ торговыхъ предпріятій. Въ сопровожденіи консула я сдѣлалъ какъ-то вечеромъ визитъ одному изъ наиболѣе почтенныхъ представителей китайской колоніи. Это былъ самый красивый и самый развитой китаецъ, какого мнѣ когда-либо прихо-

дилось видѣть. Съ чисто рыцарской вѣжливостью принималъ онъ насъ въ своемъ домѣ, былъ очень польщенъ тѣмъ, что мы нашли его золоченую мебель красивою, и съ олобой гордостью показывалъ намъ свою, дѣйствительно превосходную рѣзную кровать подъ балдахинномъ. Точно такъ же богато украшены китайскіе храмы, гдѣ чужеземца встрѣчаютъ съ большою предупредительностью, и бонза угощаетъ даже чашкою ароматнаго чая. На алтарѣ храма были изображены самыя убѣдительныя картины,—съ одной стороны, мукъ въ аду, съ другой—радостей въ раю: первыя мало отличались отъ тѣхъ ужасныхъ христіанскихъ изображеній, которые рисовали нѣмецкіе художники времяемъ Крааха, послѣднія же привлекаютъ вниманіе своею оригинальностью,—на одной изъ нихъ, напримѣръ, была изображена прехорошенькая молодая китаячка, которая доставляла китайцу въ раю высшее блаженство тѣмъ ... что отгоняла комаровъ отъ него своимъ вѣеромъ.

На ряду съ пріятными впечатлѣніями, не мало сохраняется у посѣтителя китайскаго квартала и менѣе пріятныхъ. Пыль и отвратительный запахъ, послѣдній въ особенности на рыбномъ и овощномъ рынкѣ, дѣлаютъ пребываніе тамъ мало завиднымъ, а лавочки для продажи опиума, около которыхъ сидятъ и курильщики этого зелья, позволяютъ познакомиться съ однимъ изъ ужаснѣйшихъ пороковъ человѣчества. Изъ моей памяти никогда не изгладится ужасное впечатлѣніе, полученное при посѣщеніи одного такого притона курильщиковъ опиума, въ которомъ я побывалъ какъ-то вечеромъ изъ любопытства.

Отъ китайскаго квартала широкая улица ведетъ мимо мастерскихъ китайскихъ мебельщиковъ, мимо европейскихъ типографій и комиссионныхъ конторъ въ европейскій кварталъ. Онъ носитъ характеръ огромнаго и благоустроеннаго парка. Широкія улицы его окаймлены по обѣ стороны кокосовыми пальмами и группами тропическихъ деревьевъ. Практичность голландцевъ сказывается уже въ постройкѣ ихъ домовъ, вполне приспособленной къ тропическому климату. Дома эти почти исключительно построены изъ дерева, располагаются на метръ отъ почвы, опираясь на столбы, и покрыты крышами изъ листьевъ пальмы «атапъ». Воздухъ можетъ свободно циркулировать подъ этими свайными постройками и потому жилия комнаты, несмотря на влажный береговой климатъ и частые тропическіе дожди, остаются сухими и относительно прохладными. Передній и задній фасадъ дома окруженъ широкою верандою, причѣмъ передняя веранда служитъ въ то же время пріемною, гдѣ послѣ захода солнца, съ 7 до 8 вечера, принимаются визиты; задняя веранда служитъ обыкновенно столовою. Позади дома рядомъ съ обширнымъ тѣнистымъ садомъ располагаются постройки для прислуги, кухня и имѣющаяся здѣсь всегда ванная. Въ цистернѣ постоянно содержится холодная вода, которою утромъ и вечеромъ обливаются. Въ жилыхъ комнатахъ царитъ окруженная, пожалуй, даже слишкомъ многочисленною прислугою хозяйка дома, «нонья», одѣвающая обыкновенно въ мѣстный, приспособленный къ климату, малайскій нарядъ: поверхъ складчатаго саронга накидывается тонко вышитая бѣлая кофта, и на босыя ноги надѣваются лишь деревянные туфельки. Только выходя изъ дому, дамы мѣняютъ этотъ мѣстный костюмъ на европейскій. ¶

Въ центрѣ европейскаго квартала оставлено нѣсколько обширныхъ площадей, покрытыхъ дерномъ и производящихъ, благодаря красивому виду на горы и городскіе сады, чрезвычайно симпатичное и уютное

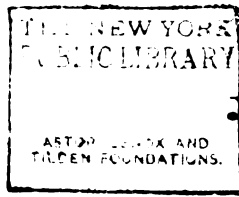
впечатлѣніе. Вокругъ нихъ располагаются клубы, превосходные отели, правительственные учреждения, судъ и огромный военный госпиталь. На одной изъ такихъ площадей—Михіельсъ-пленѣ возвышается готическій монументъ, воздвигнутый въ память пользующагося здѣсь большою славой генерала Михіельса, завоевателя Бовенланда и острова Бали.

Кто желаетъ быть подальше отъ городской суеты, тотъ найдетъ себѣ превосходное мѣсто для прогулокъ на Апенбергѣ и прилегающихъ высотахъ, гдѣ онъ можетъ наслаждаться зрѣлищемъ окружающихъ здѣсь и даже подкармливаемыхъ бананами обезьянъ и превосходными раскрывающимися передъ нимъ видами. Для любителя охоты представляется возможность поохотиться недалеко отъ города въ болотистыхъ мѣстностяхъ, заросшихъ бамбукомъ, пальмами вида и панданусами, на безчисленныхъ птицъ и на дикихъ свиней.

Кого интересуетъ живописное смѣшеніе различныхъ племенъ, обитающихъ въ Падангѣ, тотъ не долженъ упустить случая побывать въ базарный день на базарѣ. Эта огромная площадь покрыта безчисленными лавочками, расположенными правильными рядами; по краямъ ея расположился цехъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Ихъ филигранные работы изумительно тонки. Съ ранняго утра приходятъ со всѣхъ сторонъ повозки, запряженные буйволами Суматры, которые называются здѣсь «карбау», повозки образуютъ длиннѣйшій непрерывный рядъ, и всѣ руки заняты выгрузкою изъ нихъ привезенныхъ товаровъ, которые раскладываются прямо на землѣ или въ лавочкахъ.

Длинными рядами лежатъ на землѣ различные сорта овощей и превосходнѣйшіе тропическіе фрукты, производимые долиной Паданга. Бананы, ананасы, лимоны, апельсины, желтые плоды манго (*Mangifera indica*) и дынные деревьевъ (*Carica papaya*), лежатъ здѣсь вмѣстѣ съ мангустанами (*Sarcinia mangostana*) водящимися исключительно на Зондскихъ островахъ. Нѣжный вкусъ, ароматъ и окраска одинаково выдѣляютъ изъ всѣхъ остальныхъ тропическихъ плодовъ мангустанъ съ его темно-красной корой, въ которой находятся отъ 6 до 8 снѣжно-бѣлыхъ плодиковъ, заключающихъ вкусную мякоть и расположенныхъ розеткою. Тутъ же лежатъ огромныя кучи дуріановъ (*Durio zibethinus*), величиною съ голову; относительно этого плода мнѣнія сильно расходятся: тогда какъ одни, напримѣръ, Уоллесъ, считаютъ его превосходнѣйшимъ произведеніемъ архипелага и содержащее его твердыхъ зеленовато сѣрыхъ плодовъ, покрытыхъ острыми бугорками, наиболѣе вкуснымъ изъ всѣхъ растительныхъ продуктовъ, другіе не могутъ преодолѣть своего отвращенія передъ его запахомъ, напоминающимъ запахъ тухлыхъ яицъ. Запахъ этотъ, къ тому же, настолько прилипчивъ, что всѣ, кто ѣстъ дуріанъ, положительно пропитываются имъ, и какъ станціи, такъ и вагоны, употребляемые малайцами, наполнены этимъ ароматомъ. Самъ я не могу имѣть въ данномъ случаѣ собственнаго мнѣнія, такъ какъ слишкомъ проникся убѣжденіемъ, что запахъ и вкусъ плода неразрывно связаны между собою, и не могъ рѣшиться попробовать его. Здѣсь же приходится видѣть испанскій перецъ, вытянутые въ длину клубни бататовъ и служащіе для жеванія бетеля орѣхи пальмы пинаангъ (*Areca Catechu*). Все малайское населеніе питаетъ чрезмѣрную страсть къ жеванію бетеля или «сири»,—малайцы завертываютъ кусочекъ орѣха и женой извести въ листь перечнаго бетеля (*Piper betel*) и жуютъ все это, при чемъ слюна ихъ окрашивается въ красный цвѣтъ, а зубы становятся черными.

Годъ XI-й.

№ 5-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

М А Й

1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1902.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	стр.
1. ГОГОЛЬ И БѢЛИНСКІЙ. В. Шенрона.	1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. НА ВЕСЕННЕЙ ЗАРЬ. А. М. Ѳедорова. .	14
3. ДРУГЪ ДѢТСТВА. Повѣсть. (Продолженіе). Ольги Шапирь .	16
4. КАКЪ Я СДѢЛАЛСЯ СКУЛЬПТОРОМЪ. (Изъ моихъ вос- поминаній). (Окончаніе). Ильи Гинцбурга.	46
5. МУРАВЬИ И ТЛИ ВЪ ИХЪ ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІ- ЯХЪ (СИМБИОЗЪ). Біологическій очеркъ. А. Мордвилки . .	73
6. ИЗЪ ДНЕЙ МИНУВШИХЪ. (Съ польскаго). Повѣсть Г. Даниловскаго. Пер. А. И. Я—ъ. (Продолженіе).	91
7. СТИХОТВОРЕНІЕ. ПОБѢЖДЕННЫЕ. (Изъ А. Негри). С. Свиридовой.	114
8. ПО АМУРУ И ПРИАМУРЬЮ. (Изъ путевыхъ замѣтокъ 1901 года). Александра Кауфмана.	116
9. ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ. (Окончаніе). С. Ашев- скаго.	133
10. ИТА ГАЙНЕ. Повѣсть. Семена Юшневича.	156
11. ГОРОДЪ И ДЕРЕВНЯ ВЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ. (Краткій очеркъ экономической исторіи Россіи). (Продолженіе). Приватъ- доц. Н. Рожкова	182
12. ПЕТЕРПѢНІЕ ТОЛПЫ. Графа Виллье-де-Лиль-Аданъ. Пер. съ франц. И. А.	219
13. ИДЕАЛИЗМЪ И МАРКСИЗМЪ. Г. Маркелова.	225
14. СТИХОТВОРЕНІЕ. ВЪ НОЧИ БЕЗСОННЫЯ А. Калин—скаго. .	242

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

15. ВИКТОРЪ ПЕТРОВИЧЪ ОСТРОГОРСКІЙ. (Некрологъ). . .	1
16. ПАМЯТИ ВИКТОРА ПЕТРОВИЧА ОСТРОГОРСКАГО. М. Зуб- новой.	7
17. ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ В. П. ОСТРОГОРСКАГО 1856—1902 гг. Д. П. Сильчевскаго.	10
18. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Мѣщане» М. Горькаго.—Старые и молодые представители мѣщанства.—Въ чемъ сущность послѣдняго.—Отцы и дѣти мѣщанства.—Противники мѣщан- ства.—Постановка пьесы въ Художественномъ театрѣ.— Памяти Виктора Петровича Острогорскаго.—Его значеніе,	10

	скою науки. — «Къ философіи трагедіи» Ник. Бердяева. — Художникъ-дѣятель «Вильямъ Моррисъ», Евг. Анничкова. А. Б.	1
16.	РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Къ біографіи Н. А. Добролюбова. — На окраинахъ Москвы. — Коновалы и ихъ промыселъ. — Столкновение г. Сухотина съ г. Карповымъ и рѣшеніе сената. — Граммофонъ въ деревнѣ. — За мѣсяць.	13
17.	Изъ русскихъ журналовъ. «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», май. — «Русская Старина», май. — «Историческій Вѣстникъ», май. — «Русская Мысль», мартъ, апрѣль. — «Вѣстникъ Европы», май. — «Русское Богатство», мартъ.	31
18.	За границей. Американскіе трѣсты; Пирпонтъ Морганъ. — Пропаганда трезвости. — Картины французскихъ выборовъ. — Англійская жизнь. — Ранніе браки въ Англии. — Итальянскій бандитъ XX вѣка. — Общественные вопросы въ Германіи.	44
19.	Изъ иностранныхъ журналовъ. Большая Англія. — Женщины писательницы въ Германіи. — Императоръ Вильгельмъ и Сесиль Родсъ. — Культура турецкихъ женщинъ.	57
20.	БЕРЛИНСКАЯ РАБОЧАЯ ШКОЛА. (Письмо изъ Берлина). S.	60
21.	НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. Металлическіе сплавы. В. Яковлева.	66
22.	НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Опыты г. Бахметьева надъ насѣкомыми. — Физиологическое дѣйствіе магнита. — Лучи радія для слѣпыхъ. — Пушки противъ града. — Средняя продолжительность жизни и пониженіе рождаемости во Франціи. В. А.	75
23.	БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Критика и исторія литературы. — Исторія всеобщая. — Соціологія и политическая экономія. — Философія. — Естествознаніе и географія. — Народное образованіе. — Новыя книги, поступившія въ редакцію для отзыва.	83
24.	НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.	110

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

25.	ДОСТОПОЧТЕННЫЙ ПИТЕРЪ СТЕРЛИНГЪ. Романъ П. Л. Форда. (Продолженіе). Переводъ съ англійскаго Л. Я. Сердечной.	137
26.	ИЗЪ ГЛУБИНЪ ОКЕАНА. Описаніе путешествія первой германской глубоководной экспедиціи Карла Куна. (Продолженіе). Переводъ съ нѣмецкаго П. Ю. Шмидта. Съ многочисл. рисунками.	143

„МІРЪ ВОЖІЙ“

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

(28 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ — въ главной конторѣ и редакціи: Развъзжая, 7 и во всѣхъ вѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы — въ конторѣ *Печковской*, Петровскія линіи и книжномъ магазинѣ *Карбасникова*, Кузнечій мостъ, д. Коха.

1) Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть *чисто перемисаны*, снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначаетъ самой редакціей.

2) Непринятые мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какихъ объясненія не вступаетъ.

3) Принятые статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, не-принятые же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица*, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣчную марку.

5) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений.

6) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины — съ своими жалобамъ на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса близлежатъ обращаться непосредственно въ контору редакціи.

7) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

8) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по расрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

9) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 25 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

10) При переходѣ петербургскихъ подписчиковъ въ иногородніе доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногороднихъ въ петербургскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того же разряда 14 копѣекъ.

11) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія съ редакторомъ по *торникамъ*, отъ 2 до 4 час. кромѣ праздничныхъ дней.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи 8 руб., безъ доставки 7 руб., за границу 10 руб.

Адресъ: С.-Петербургъ, Развъзжая, 7.

За издательницу М. К. Куприна-Давыдова.

За редактора Ѡ. Д. Ватюшковъ.

какъ одного изъ основателей нашего журнала и редактора его. А. Богдановича	14
ГЛЪБЪ УСПЕНСКІЙ. Вл. Кранихфельда.	26
РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Изъ провинціальныхъ мотивовъ.—Изъ старыхъ провинціальныхъ мотивовъ.—Обывательская цензура.—Женщина въ дальней тайгѣ.—Въ Финляндіи.—	
За мѣсяцъ	52
Изъ русскихъ журналовъ. («Русская Старина»—апрѣль. «Образованіе»—мартъ)..	65
За границей. Настроеніе въ Англіи.—Германскіе общественные вопросы.—Бельгійскій общественный дѣятель.—Величайшее въ мирѣ акціонерное общество.—Театръ для дѣтей въ Америкѣ.—Китайскія тайныя общества.	72
Изъ иностранныхъ журналовъ. Дѣтскій трудъ и дѣтская преступность.—Богѣзны въ литературныхъ произведеніяхъ.—Очерки вашингтонскаго общества.—Большая Англія.	84
СОСЛОВНАЯ ЧЕСТЬ. (Письмо изъ Берлина). П. Ш—ва.	88
НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. Электрохимическія производства. В. А.	93
НАУЧНАЯ ХРОНИКА. О вѣковыхъ колебаніяхъ земного магнетизма.—Микроскопическія наблюденія надъ ростомъ кристалловъ.—Электричество въ растеніяхъ. В. А.	106
БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика.—Исторія литературы и критика —Исторія всеобщая и русская.—Политическая экономія и социологія.—Медицина и гигиена.—Публицистика.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.	110
НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.	142

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ДОСТОПОЧТЕННЫЙ ПИТЕРЪ СТЕРЛИНГЪ. Романъ П. Л. Форда. (Продолженіе). Переводъ съ англійскаго Л. Я. Сердечной.	113
ИЗЪ ГЛУБИНЪ ОКЕАНА. Описаніе путешествія первой германской глубоководной экспедиціи Карла Муна. (Продолженіе). Переводъ съ нѣмецкаго П. Ю. Шмидта. Съ многочисл. рисунками.	111
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

